

КНИГА ПЕРВАЯ

НЕПОТЕРЯННЫЙ ВЕК?!

Слободзея... Родное мое село. С чем ты пришло к концу второго тысячелетия и что ждет тебя в двадцать первом веке? Не оказался ли для тебя потерянным прошедший, двадцатый век, большая часть которого прошла на моих глазах? Не отбросил ли тебя всплеск цивилизации далеко назад, в прошлое?

Наше село старше Одессы и Тирасполя. В начале двадцатого века в Слободзее проживало около 10 тысяч человек! Еще росла тайга на месте полуторамиллионного Новосибирска, не было даже в проектах многих ныне крупных городов, а Слободзея уже раскинулась на много километров по высокому левому берегу Днестра и жила своей жизнью. Третью сотню лет пишется история нашего села, но всего лишь какие-то 45—50 лет назад начал резко меняться уклад его жизни, сложившийся за все прошлые годы.

Так что те, кому сегодня под шестьдесят и более, еще застали переходный период, который начался в конце двадцатых годов, то есть до коллективизации, и продолжался до середины пятидесятых. А к середине века начался своеобразный «мутационный» период, характеризующийся вначале резким развитием и затем катастрофическим нынешним развалом всего, в том числе и более-менее налаженной сельской жизни.

Что же представляла собой эта самая жизнь в нашем селе еще совсем недавно? И какое вообще место у нашего села в окружающем мире?

Уникальное по размерам село состояло из двух частей (русской и молдавской) под одним названием — единственное в бывших России и Союзе имело два сельсовета и два почтовых индекса, две церкви, два рынка, две средних школы. Причем, до советской власти более цивилизованной и привлекательной была русская часть села с ее обширным рынком, известной церковью и общим уровнем жизни. А при установлении новой власти и образовании в Слободзее райцентра в составе Молдавской АССР, затем ССР, больше внимания стало уделяться молдавской части села. Поэтому так называемая западная часть в тот период развивалась гораздо слабее во всех отношениях.

Место для села выбрано довольно удачно. Никаких свержающих катаклизмов (оползней, наводнений) за все время его существования не происходило. Старики еще помнили те времена, когда не было обвалочных дамб, вода заходила рукавом от нынешнего парома, далее по улице Пушкина через то место, где сегодня стоит контора колхоза «XX партсъезд». Затем через «лиманчик» (плавни между Слободзеей и Чобручами) она выходила в Днестр.

Русская часть села, расположенная ниже, практически не имела проблем с питьевой водой, поэтому застраивалась в прежние времена интенсивнее; молдавская же часть с трудом доставала воду из многометровых колодцев и начала интенсивно обустраиваться уже в последние 30—40 лет, с появлением водопровода. Развитие различных районных структур привлекало новых людей, — это тоже способствовало более интенсивному росту именно молдавской половины села.

Несмотря на то, что обе части в последние 70—80 лет развивались неодинаково, это никогда не служило причиной каких-либо недовольств или разногласий. Мы всегда считали себя односельчанами и одинаково любили свое село, независимо от национально-

ста. Перенимали друг у друга все, что было хорошее, вместе работали, вместе гуляли, вместе воевали, если было надо, и вместе молились, если прижимало.

Село жило определенным, сложившимся за сотни лет укладом. Именно своим, при традиционном однообразии сельской жизни вообще и в Поднестрове, в частности.

Мне довелось побывать в очень многих местах на нашей земле. Но только в Слободзее стены домов трамбовали из чистой земли. Собирали на субботники или «клаки» родственников, соседей, знакомых и за один день выгоняли стены любого дома, утрамбовывая в них землю из ямы, которую сразу копали под погреб.

Разные есть способы выкладки стен — саманные, заливные, набивные, бетонные, но чтоб просто трамбовали землю, без какого-либо смачивания, такого нет больше нигде.

А какие стены получались! Крепкие, теплые. Уже почти двести лет стоит дом прадеда моего прадеда, а если оштукатурить его, он еще столько простоит. Это в Слободзее двести с лишним лет назад образовало свой кош (штаб) Войско Верных казаков, которые вместе с А.В. Суворовым покончили с османским игом на молдавской земле.

И хотя Войско в 1792 году переехало на Кубань, потомки казаков, оставшихся в Слободзее, рассеяли семена вольности, мужества, любви к своей Родине по слободзейской земле.

Отсюда такая отвага и бесшабашность, добрый юмор и человеческое отношение к людям. Причем, это часто на грани фола, то есть на грани предела.

Только в Слободзее могло быть, к примеру, такое, что новобранец присылал фото из армии домой уже в форме, а там все еще продолжали отмечать его проводы. Только в Слободзее, исполняя на второй-третий день свадьбы обряд «катания» родственников, могли опустить на канате головой вниз в колодец или с обрыва в Днестр жадного крестного отца или другого близкого родственника, который, пожалев для общества ведро-два вина, был вынужден отдавать в пять раз больше.

Только в Слободзее... Я на этом сделаю паузу, так как надеюсь, что мы еще не раз остановимся на различных аспектах слободзейской жизни.

Пока скажу только, что первые двести лет Слободзея жила в определенном, установившемся ритме жизни, где все было определено. Не

зная телевизоров, телефонов, радио и даже электричества, село жило своим местом и своими людьми.

Главное — люди любили свою Родину, пропуская эту любовь через свое село. И ни к чему им были заморские красоты и богатство. Может, это было и плохо, но это было так.

С какой стороны не подойди — все было продумано и соотносилось с потребной идеологией жизни.

Не бедным было село Слободзея и до коллективизации. Но даже с образованием колхозов люди по инерции продолжали трудиться так, как трудились на земле их отцы и деды. 11 колхозов было в селе — 5 на русской и 6 на молдавской части. Даже в этом был определенный оптимум, так как небольшие хозяйства, удачно охватывающие по секторам все население села, — хорошо управлялись и оперативно организовывались. Люди друг друга знали, так как часто это были соседи или близкие родственники. Мы еще застали время, когда, начиная с 3—4 утра, село приходило в движение. По холодку выезжали в поле арбы, повозки, различные сельхозорудия. Многие сотни лошадей участвовали в производстве и довольно-таки успешно. Во много раз проще и дешевле было использовать конную тягу, чем технику, особенно в плодовоовощеводстве. Это сейчас люди попадают в поле в 8—9 часов, когда солнце уже вовсю припекает, а в 2—3 часа дня на поле рке никого нет. Да еще с 17 часов и до утра идет «вторая» смена, когда принимаются за «работу» воры и близкие к руководству любого уровня люди, то есть воры уже в законе.

Это в наше время ликвидировали лошадей, и миску борща в поле стали возить на тракторе или на грузовой машине. Это мы стали такими богатыми, что работали по 3—4 часа, а горячее выливали в канавы, чтобы узаконить приписанные тонно-километры и гектары. Это мы, не работая, начали требовать начисленную правдами и неправдами гарантированную зарплату и таки довели село до развала. А раньше люди трудились во много раз больше, практически не получая оплаты, но твердо зная, что они строят лучшую жизнь. И они ее почти построили, да не удержали.

Три дня в неделю на русской части работал рынок. О, что это был за рынок! Ряды бочек вина, отдельно — подсолнечного масла, молочные, с неповторимой, покрытой коричневой коркой ряженкой из русской печи, ряды различных изделий — плетеных, вязаных, швейных и т. п. На площади между рынком и церковной оградой (там, где се-

годня Дом культуры), были специальные привязи, где продавали животных всех видов. На рынок съезжались со всех окрестных сел, как с левой, так и с правой стороны Днестра. Рынок был местом общения, в первую очередь, а потом уже — местом торговли.

В эти дни люди одевались получше, зная, что встретят кого-то из родных или друзей, узнают новости, да просто пообщаются, может, даже ничего не купив. По воскресеньям многие обязательно шли в церковь — и помолиться, и тоже пообщаться. Далее с появлением клуба и при определенном давлении люди все равно ходили в церковь — и старые, и молодые.

А что было в выходные дни возле сельских клубов?! После обеда — бесконечные волейбольные матчи на вылет. Попасть на площадку молено было в лучшем случае один раз, и то, если прилично играешь. А как стемнеет, — духовые оркестры, танцы, массовые гулянья. И без поножовщины, наркоты и всей-всей сегодняшней грязи.

Люди трудно работали, красиво отдыхали, берегли себя и свое село. Все, что улучшало жизнь, — готовилось и появилось именно в те годы.

Одиннадцать колхозных футбольных команд, команды двух школ, МТС, войсковой части вели постоянную борьбу за первенство села. Мало было выходных дней, когда бы на районном стадионе не проводилось по два или более матчей. А с учетом игр на первенство района и республики — это был нескончаемый летний турнир. Различные олимпиады и спартакиады, конкурсы и смотры, какими бы смешными они не показались сегодня отдельным людям, — вносили разнообразие, поднимали настроение и укрепляли физически. Это сегодня все село не может собрать здоровых новобранцев на один полнокровный взвод, а раньше Слободзея и Чобручи были основными поставщиками ребят-моряков для всех флотов России и СССР. И каких ребят! И в каком количестве! А сейчас мы деградируем по всем направлениям.

Многое сделано для Слободзеи в XX веке хорошего. И хотя нет у нас гор, ущелий, лесов и рощ, место наше, образно говоря, было красиво какой-то неповторимой производственной красотой — красными от томатов огромными плантациями, буйными садами, золотом подсолнечника. Так что, если дальше не остановим развал в производстве и в людских душах, — погубим себя и село.

За 100 лет население Слободзеи почти не выросло. Это говорит о том, что в какой-то период начался и в течение последних 60 лет

продолжался отток людей, в первую очередь, молодежи и притом лучшей ее части. Слободзейцы, начиная с 30-х годов, расселялись по всей бывшей стране. Сегодня половина села — приезжие или потомки приезжих. Часть приехала, часть осталась после службы в армии. Многие побывавшие у нас отдыхающие (раньше их были тысячи) тоже сделали хорошую рекламу и способствовали переезду людей из других краев. Особенно больно миграция ударила по русской части села, откуда отток людей начался гораздо раньше, что вполне естественно — даже по языковому признаку.

Вроде бы и благодатный наш край, а покинули его многие. Отправлялись не только на учебу, уезжали от не особо привлекательной сельской жизни — туда, где и больше платили, и больше уделяли внимания. Что было, то было.

Сейчас такого оттока людей не будет — некуда ехать, да и не нужны мы нигде. Так что надо всерьез задуматься, как жить дальше. Здесь нам жить, и хорошо жить. Может быть, ушедший век и не потерял для нашего села и чему-то нас научит.

ПРЕДКИ

Счастливы люди, заставшие своих дедов-прадедов на этом свете, но не менее счастливы и те, кто дождался своих внуков-правнуков и пообщался с ними. Интересно все-таки, кто пришел тебе на смену, ради кого и чего ты прожил жизнь.

Мне в какой-то мере повезло в этом отношении — застал в живых троих из четырех прадедов, одного из двух дедов и обеих бабушек, при наличии матери и отца.

Повезло потому, что очень многие мои сверстники не знали не только дедушек, но и отцов, унесенных войной. Повезло потому, что не только их видел — я с ними общался, они меня нянчили и воспитывали. И только теперь, когда у самого есть внуки, совсем по другому оцениваешь память о родных тебе людях, для которых ты был внуком, которые тебя любили и старались что-то передать, чему-то научить, от чего-то уберечь.

Раньше я уже писал, что мое поколение пришло как раз тогда, когда прежняя жизнь, которой жили и наше, и другие села, была как бы «на излете». Уже при нас началась трансформация села в другую жизнь, которая, к сожалению, недолго продержалась и рухнула. Видно не на той основе держалась.

Жизнь в селе, которую мы еще застали, была почти такой, как сто и более лет назад. За 150—200 лет устоялась определенная система отношений по основным параметрам — неизменная до появления нас на этой земле. Поэтому, рассказывая о том, что застали мы, можно с уверенностью говорить, что примерно так жили несколько поколений слободзейцев до нас.

Итак, о наших предках, дедах-прадедах. Если говорить об общих чертах людей этих поколений, пришедших к нам из прошлого века, то это были (в абсолютном большинстве своем) люди степенные, трудолюбивые и обязательные. Крепкие хозяева, умело использовавшие благоприятные почвенно-климатические условия нашего края, люди, сохранившие нам красивое огромное село и заложившие любовь к нему в нас, своих потомках.

Отличительная черта наших предков и в том, что это были вольные люди, никогда не знавшие унижительной доли крепостного рабства, не знавшие помещиков, бояр и всего, что с этим было связано. Над всеми сельскими процессами, как бы крышей от любых неприятностей, витали — здоровый дух, здоровое тело, здоровые отношения, здоровый юмор с подковыркой и здоровая семейственность. Отцы и дети, братья и сестры, другие родственники заселялись так, что больше половины улицы была родней. Это определяло все дальнейшие внутриуличные взаимоотношения и защищало от любых внешних посягательств.

Я не зря сказал, что люди тех поколений отличались своей степенью, какой-то сельской чопорностью, причем не показной, а как бы приобретенной по наследству.

Их поведение в любых условиях — на работе, в быту, было чаще ритуальным, но не показной заученной ритуальностью, а отшлифованно-необходимой и красивой.

Взять любое действие, даже элементарное курение. Как сейчас делаем? Небрежно, не глядя, разорвал пачку сигарет, щелкнул зажигалкой, 15—20 секунд — и закурил. А в то время? Надо сначала достать кисет с табаком-самосадам. Естественно, у каждого свой кисет, иногда расшитый. Его надо широким жестом достать, медленно развязать и расслабить, вынуть оттуда или из другого кармана аккуратно сложенную в платочке или тряпице стопку чешуйчатых тонких листов из обертки кукурузных початков. Затем опять же ритуальным жестом взять крупную щепоть табака (а он тоже у каждого свой — и по сорту, и по технологии приготовления), рассыпать его по расправленному листку, свернуть «цыгарку» с большой палец, заклеить ее несколькими облизываниями и, осмотрев, вложить в уголок рта.

Далее доставалось кресало — по-русски огниво. В «зажигательный блок» входили: камень-кремь, кусок напильника или что-то похожее и трут — из ваты или мякоти папоротника либо кукурузы. Трут прикладывался снизу под кремь. Затем ударом куска напильника из кремня выбивались искры, попадали на трут или жгут. Он начинал тлеть, затем его раздували. И когда он уже набирался жаром или «светился», от него зажигали то, что хотели зажечь, — цыгарку, свечу, лампу, огонь в печке.

Этот непростой процесс замены спичек и извлечения огня был тоже своеобразным ритуалом у наших дедов, и исполняли его мно-

гае просто блестяще и привлекательно. Но главное — это была работа, работа по добыче огня и, естественно, по важности одна из главных в жизни человека того времени.

Вообще, наши предки умели показать товар лицом, делали не спеша и очень качественно любую работу. Возможно, где-то что-то делалось и на публику, но оно именно делалось.

Будучи занятыми, в общем-то, на простых сельских работах, наши деды подавали их красиво, и именно красивым и качественным сторонам дела отдавали предпочтение.

Казалось бы, ну что такое конная повозка? Да на нее сегодня никто и не глянет, хоть она и стала экзотикой. А раньше каждая повозка имела свой «голос» — свой колесный перезвон, по которому ездовые узнавали их издалека, хоть днем, хоть ночью.

«Чуешь? — говорил мой дед Гавря, за целый квартал услышав «ход» кумовой повозки, — «Талан-талан?» Цэ наш кум Максим йдэ». И никогда не ошибался.

Шесть дней в неделю работали, а в воскресенье отдыхали. В выходной брились, мылись, играли на улицах в карты, пили по стакану вина. И все это опять же по давно установленным ритуалам или правилам

В жизни — как в церкви. Если, к примеру, регистрация в ЗАГСе брака или рождения ребенка идет везде по-разному, так как все зависит от людей, исполняющих какой-либо светский ритуал, то в церкви один и тот же обряд, что в Слободзее, что в Магадане, исполняется одинаково, и люди-прихожане верят, что таге и должно быть. А так как в ЗАГСах везде творят по-своему, то этому никто и не верит, по крайней мере, не признают. Нет единства — нет и веры. Поэтому наши старики и соблюдали и шлифовали все то, что им досталось в наследство. И тем жили.

Из трех моих прадедов (Григория Брусенского, Логвина Гурковского и Еремея Корфуненко) больше всех мне запомнился последний — в силу того, что он жил рядом с нами, и я постоянно был при нем. Классический потомок украинских казаков, среднего роста, с округлым лицом, голубыми глазами и округлой бородой, крепчайшего телосложения и с абсолютно невозмутимым видом, прадед прожил очень долгую жизнь. Начиная век одним из самых богатых людей села, он закончил жизнь без ничего, но с доброй памятью о себе.

До 1929 года он имел довольно приличную усадьбу, с большим 30-метровым домом, подвалами, конюшнями, огромными наливными бассейнами и хозяйственными постройками. Держал и обрабатывал значительные земельные площади за селом.

С образованием колхоза имени Молотова, все хозяйство и земля были реквизированы, сослать деда никуда не смогли по причине преклонного возраста. Так он и жил еще 17 лет при бывшем своем хозяйстве. Выделили ему маленькую клетушку возле колхозной «молочарни». Там он спал, а днем приходил к нам, через четыре дома, кушал. С моим появлением на свет — занимался моим воспитанием.

Повторяю, прадед Еремей был типичным представителем наших слободзейских предков-первопоселенцев. Я только много лет спустя понял и физически почувствовал связь нас, нынешних, с нашим прошлым. Представьте себе, меня ведет по Слободзее прадед. А его за эту самую руку, почти век назад, по этой самой улице, тоже водил прадед, рассказывая о своих соратниках — казаках-запорожцах еще XVIII века. А мне прадед рассказывает о своих предках и о том, как брали они какой-то город в Болгарии, рке в XIX веке. Рассказывает много просто житейских историй, а за всю жизнь много кое-чего прошло перед его глазами.

И вот с его слов, рассказов родственников и соседей помоложе, я представляю жизнь прадеда более прикладно и понятно. Приведу только несколько примеров из его жизни.

Сам он был не особо разговорчив и абсолютно категоричен, без полутонов. Сказал — сделал. Да — да, нет — нет.

Если он предупредил соседей, чтобы не пускали ему в огород коз или кошек, иначе они (козы) будут «висеть на абрикосе», то соседи не пускали. Но не потому, что он этих самых коз действительно вешал, а потому, что знали: на самом деле, если поймает, точно повесит, так как зря не скажет.

Если подойдет, к примеру, на базаре одесситка и, переминая пальцами крупную, красивую вишню, скажет: «Сколько такая смородина?», прадед спокойно отвечает: «Цэ вишня, шпанка, по три рубля кило». «Такая мелочь, и по три рубля?!» На это следовал ответ: «Пишла к такой мать». И все, без дополнительных комментариев.

В Одессу ездили торговать на волах. Сутки — туда, сутки — обратно. Пару дней на базаре.

Так вот, в голодном 21 году, рассказывали старики, поехало под-вод пять-шесть соседей на базар. Расторговались и по холодку, часа в три ночи, тронулись домой. Прадед в то время по-старшинству ехал первым. На бугру возле Дальника вылетает банда, сабель десять, все при оружии, останавливают. Их старший, сидя верхом, говорит: «Давай гроши». Прадед показывает кнутом на повозку, где лежат два полных мешка денег, каких угодно, от царских до керенок. Бандит, ковырнув саблей мешок, понял, что там, и говорит: «Цэ гимно, давай настоящи гроши». Затем подымает саблю. У прадеда на шее висит кожаный гаманец (кошелек) на кожаном очкуре (шнуре), там золотые царские пятерки и десятки.

Неторопливо вынимая кошелек из-за пазухи, он спрашивает: «А сколько вам?» Бандит хватает кошелек, саблей подрезает шнур и сильно дергает, обрывая его. «Так можно и голову одирвать», — замечает прадед. Спокойно стегает кнутом волов, кричит: «Цоб», — и двигает дальше.

Сам прадед мне рассказывал со стыдом историю, которую никак не мог себе простить. Перескажу ее своими словами, чтобы было понятней.

В конце позапрошлого века в Одессе открывали цирк. Его помещение было рядом с так называемым Новым рынком. На нем часто торговали, да и сейчас торгуют, слободзейцы.

В тот день, о котором прадед рассказывал, на рынке было несколько наших земляков. К ним подошел какой-то франт в шляпке-канотье, при бабочке, и спросил:

— Вы, мужики, откуда будете?

— Слободзейские.

— А я из Тирасполя, земляки, значит. Не хотите пойти в цирк?

— Мы не против.

— Приходите вечером — цирк через дорогу. Только одно прошу, когда спросят, кто такие, скажете, что вы сапожники.

«Який я тоди був дурак;», — сокрушался прадед, вспоминая тот случай. — А вжэ здоровый був пацан» (ему тогда было около пятидесяти).

В цирк их пустили, посадили на первый ряд. В перерыве между номерами к ним подошел тот самый франт, только уже размалеванный. Оказывается, это был клоун. Он спросил: «Вы, хлопцы из Слободзеи?» «Да». «Встаньте, прошу вас». Встали. «А кто вы такие?» Они хором ответили: «Мы сапожники».

Одесситам эта клоунская реприза понравилась. Зал взорвался хохотом. Если семь босых сельских мужиков, с задубевшими, заскорузлыми ногами, стоят у арены и заявляют, что они сапожники — это, конечно, было зрелище.

«Я був крайним на скамейки, — говорил прадед, — и тихэнько втик, а ти дурни остались».

Этот прокол мучил его всю жизнь. Такой уж был у этих людей менталитет. Внешне неприветливый и неразговорчивый, прадед был исключительно добрым и приветливым и мог выдать любую жизненную классику.

Впервые от него я услышал рассказ о том, как наш сосед через дом, дед Сергей Гордиенец (кличка), приехав из Одессы без ничего, заявил своей жене: «От наш кум дурак, тильки приихав на базар — у нього зразу волы вкралы, а в мэнэ аж пид вэчир».

Наблюдая уже после за жизнью пожилых людей, окружавших меня в молодые годы, при всем различии их характеров, я все больше и больше проникался к ним глубочайшим уважением, независимо от того, кто это был, — сосед, родственник или просто человек с любого конца села. Их, повторяю, объединяла любовь, великая и одновременно незаметная любовь к нашему селу и его людям. То есть, любовь людей к людям, включая и нас, потомков.

За нас, живущих, две войны ложился за пулемет мой дед, Гавриил Гурковский, истерзанный газами и немецкими минами, так и не доживший до пенсии.

За нас, живущих, от финской до японской, шесть лет воевал мой отец, Андрей Гаврилович Гурковский, пришедший домой весь израненный и переконтуженный.

За нас, живущих, не вернулась с войны половина мужчин Слободзеи всех возрастов. Для нас, днями и ночами, полуголодные люди восстанавливали все разрушенное, подвели к домам свет, радио, воду, телефоны, газ, построили дороги, сделали систему орошения и многое другое, подняли уровень производства на фантастический по нынешним меркам уровень и сказали: «Берите, живите, улучшайте». Они сохранили то, что им передали их предки. А мы...

Дальше вы знаете.

ГОЛУБОЙ ОГОНЕК

Открыл дверь в дом или квартиру, нащупал выключатель — щелк, и лампочка загорелась. Еще несколько щелчков — и загорелся экран телевизора, из магнитофона или репродуктора полилась музыка...

Прошел на кухню, легкий поворот ручки — готова к работе плитка или газовый котел. Все сегодня просто и привычно.

А до начала пятидесятых годов прошлого века в Слободзее электричества не было. И всего сопутствующего тоже. Не стояли по улицам столбы, не горели фонари. В безлунные ночи можно было столкнуться с идущим навстречу человеком, не заметив его в двух-трех шагах. Естественно, ни о каком покрытии улиц (черном или белом) и понятия не было.

Желтыми пятнышками по ночам светились окна домов. В конце сороковых уже во всех домах имелись керосиновые лампы. А во время войны и несколько лет после нее, люди пользовались, в основном, коптилками. Это разнообразные сосуды (бутылки, банки, гильзы и т. д.), закрытые сверху жестяными крышками, в середине которых монтировалось гнездо для фитиля из одеяла или шинельного сукна. В сосуд заливали подсолнечное масло или (что очень редко!) керосин. Под свет такой «коптилки» варили и кушали, стирали, читали, делали уроки.

У нас дома была одна лампа. И когда родители уходили в свою комнату и забирали ее, я переходил на «автономное питание» и зажигал свою любимую «коптилу». Это была гильза от снаряда противотанковой пушки-сорокопятаки со сплюсненной горловиной, куда был вложен кусок шинели, а с другой стороны оставлено отверстие для заливки горючего. «Коптилка» была моей гордостью, попала она ко мне в порядке обмена, будучи пеналом с самодельной деревянной пробкой. Отдал я за этот блестящий пенал настоящий пистолет браунинг, который нашел за селом в окопе. Красивый маленький черный пистолет имел один недостаток — в патроннике застрял позеленевший патрон, и я боялся из него выстрелить.

Тот, кто заставил меня меняться, был гораздо старше. Он тут лее заложил руку за дерево, нажал на спуск и остался без двух пальцев и без пистолета. Но дело не в этом.

Я несколько лет пользовался этим источником света и до сих пор вспоминаю его с благодарностью. Были, конечно, и неудобства. Если считаешь или попишешь при таком освещении час или два, то столько же времени надо было прочищать уши, ноздри и другие части тела от сажи.

Ко всему человек приспосабливается. Сколько десятков книг я прочитал при таком свете! Какая все-таки несправедливость. Сегодня у нас дома несколько тысяч книг, да никто не читает. А в мои школьные годы, когда не было еще автобусов, машины ходили по одной в час, а на повозках, выезжающих в город на базар, букетом сидели десятки сельчан с мешками и корзинами, я раз в месяц ходил пешком в Тирасполь за тетрадями и другими канцтоварами, а каждое воскресенье отправлялся за 5 км на молдавскую часть, в детскую библиотеку, где брал на неделю по 2—3 книги, так как дома ни одной книги не было.

Не помню когда, но появилось электричество в школе. С шести утра до двенадцати ночи. Поставили двигатель в МТС и давали свет по отдельным учреждениям (больница, школа и т. п.) Пришлось и тут приспособиться. Начал вставать в пять часов, к половине седьмого приходил в школу и, пока уборщицы убирали, до начала занятий успевал сделать уроки. Как говорится, кто раньше встает, тому и Бог дает. Конечно, рано, конечно, темень, конечно, часто грязь и всегда страшно для школьника младших классов, но... Что было делать? Надо!

Где-то с пятьдесят первого-второго годов появилось радио. Один большой колокол-репродуктор повесили на нашей улице, возле конторы колхоза. Второй висел в центре села, у клуба Стало лучше. Выходишь из дома — по радио гимн играют. Пока идешь, полдороги слышишь радио с нашей улицы, передают последние известия на молдавском языке. Подходишь к школе — слышишь радио из центра, те же известия рке на русском. Я их почти не слушаю, все уже услышал по-молдавски, а уроки делать надо. И так каждый день, пока не появился свет у нас в доме.

Но это уже было позже...

А двести лет до этого все было так, как я написал вначале, только еще проблемнее. Не было ламп и керосина, а были свечи у тех, кто

побогаче, да лучины, лампы и «коптилки» у всех остальных. Топили соломой, кукурузными и подсолнечными стеблями, кизяками, сухими ветками.

Купались в кадушках, опуская в воду нагретые камни. Гладили жаровыми утюгами или «рублями» (рубчатое поленце с ручкой), брились опасными бритвами, стирали самодельной щелочью, пропуская воду через золу. И все-таки жили. Мы, сегодняшние, цивилизованные, тому подтверждение.

И все-таки я бы хотел остановиться только на одном моменте той, прежней, слободзейской жизни. Все остальное мы постепенно увидим в других рассказах. А один штришок все-таки осветим сегодня.

Это песни. Раньше очень много пели и мало пили. Сегодня много пьют и почти не поют. Для пения чаще кого-то нанимают, так как сами, в большинстве случаев, ни играть, ни петь рке не способны.

А раньше пели всегда и везде. Шли или ехали на работу или с работы — почти всегда пели. Причем пели всегда «по сезону» и к месту. Пели на самой работе. Коллективность в работе определяла и коллективные песни. Ни один народ в мире, кроме славян, не умеет и не может по своему менталитету петь хоровые песни. Петь по-настоящему, с душой. В хоровой песне отражается душа народа. Здесь нет ярко выраженных солистов, каждый добровольно поет свою партию, так как из одних солистов хора не бывает. Песня как бы строится из элементов.

Часто длинными осенне-зимними вечерами на колхозном дворе или по домам собирались бригадами или звеньями, теребили кукурузные початки, выделяли семена фасоли или подсолнечника и обязательно пели. Всегда в таких случаях находился заводила, он или она, и запевали песню. За вечер их перепевали многие десятки. Разного плана — от старинных до самых современных (по тем временам, естественно).

Незабываемым было зрелище, которое, к сожалению, никогда больше не увижу, когда на какой-нибудь семейной гулянке запевали песню трое Гурковских — отец мой и два его меньших брата — Василий и Николай. Это надо было видеть, когда висящие под потолком керосиновые лампы при высоких нотах начинали мигать и одна за другой гаснуть из-за сильнейших колебаний звуковых волн. Это были не сегодняшние микрофонные хрипуны. Это было натурально, красиво и бесподобно.

Но особое место во всех этих песенных событиях занимали осенне-зимние уличные концерты. Не все улицы в Слободзее одинаковы. Были среди них и более примечательные, и не только по достатку или благоустройству. Примечательные людьми, а если правду сказать, то своими девушками.

Мне в свое время здорово повезло. Девчат на нашей улице хватало, но самое главное — самые видные и голосистые жили прямо напротив нашего дома. И окно, где была моя резиденция (обычная русская печь), выходило прямо на место вечернего игрища. Туда после работы сходились почти все девушки нашей улицы. К сожалению, так уж мы устроены, что чужое всегда лучше — и к нашим девушкам ходили ребята с других улиц, а наши парни искали себе подруг вне нашей улицы. Свои видимо с детства уже «приедались».

Компания собиралась солидная. Девчата танцевали, репетировали новые песни, готовились к различным обрядовым событиям (свадьбам, новосельям, крестинам, проводам в армию и т. п.). Три-четыре часа, по два-три раза в неделю, я наслаждался этими концертами. По форме это чем-то смахивало на телевизионную передачу. Когда компания рке собиралась, я прекращал читать и писать, тушил свою «коптилу», подкладывал к окошку ватное одеяло и замирал, стараясь не пропустить ничего из происходящего. Окошко с печки было без переплетов, по размерам со средний телевизионный экран, за войну на улице большинство деревьев вырубili, так что ничто не мешало мне в этом голубом окне видеть все происходящее через дорогу.

«На городи вэрба ря-а-сна-а», — начинала Люба Димитренко, наша соседка. «На городи вэрба ря-а-сна-а», — подхватывала вторым голосом Катя Димитренко, ее двоюродная сестра. «Там стояла дивка кра-а-а-сна», — включались остальные девушки и ребята.

Поверьте, я никогда больше ничего подобного не слышал и не видел. Это действительно было естественным и красивым. Украинские и русские песни, частушки, игры, хороводы, шуточные рассказы...

После трудной ежедневной физической работы люди тянулись друг к другу, не распознаясь по своим щелям, и находили-таки время для общения. В этом всегда была наша сила. Эта общность всегда спасала нас от всех бед. Взаимопомощь, поддержка и бескорыстие были у нас в крови. На этом стояло, стоит и должно стоять наше село, да и земля наша!

Мы еще живы, и жить будем! Довели нас наши же поводыри до тупика и бросили. Ну что ж, давайте в очередной раз вспомним, кто мы, чьи мы, и начнем очищаться от всех этих струпьев и грязи последних лет. Умоем, накормим и научим детей наших! Они не будут последними на Слободзейской земле. И не должны вернуться к лучине, сохе и к моим детским «голубым огонькам».

ОККУПАЦИЯ

В последние десятилетия стало часто употребляться подзабытое уже слово-выражение «оккупация». Причем диапазон этого понятия сегодня настолько расширен, что очень трудно определить, где совершались (или совершаются) и какие действительно оккупационные действия, а где присутствует откровенная пропаганда или амбициозная защита своей или чьей-то ничтожности.

Одни говорят об оккупации с чужих слов, многие просто не знают, что это такое, так как не прочувствовали ее (оккупацию) на себе. А иные даже не понимают, что не может быть оккупантом тот, кто сам, живя впроголодь, отдает свой кусок хлеба или снимает последнюю рубашку, часто рискуя жизнью, защищает тот край, куда он пришел волею судьбы или по чьей-то воле.

Оккупант — это тот, для кого люди, живущие там, куда он пришел с оружием, не существуют, как люди. Их жизни и заботы для него ничего не стоят. Он — хозяин. Причем это культивируется на всех уровнях. Сознание (убежденное!) и у командующих, и у солдат-исполнителей в этом случае одинаково и односторонне. И это самое страшное в истинном понятии оккупации.

Расскажу о случае, произошедшем со мной в период именно такой оккупации, во время той далекой теперь рке Войны.

В конце сорок третьего года, когда после ряда жестоких сражений (под Курском, Белгородом, Харьковом) вектор войны повернулся в обратном направлении, и немецкие войска стали все «увереннее» откатываться на Запад, какое-то их подразделение разместилось в Слободзее. К нам привели трех постояльцев-немцев. Думаю, их внимание привлек не наш обычный крестьянский дом, а большой погреб под сараем во дворе, так как сразу после вселения они его чем-то заняли, повесили огромный замок и поставили часового.

Мы тогда жили вчетвером: бабушка, два подростка, — мои дядя, и я. «Гости» оперативно заняли обе большие комнаты; отапливаемую — под жильё, другую — под какие-то вещи. Нам «предоставили» право жить на кухне. На ломаном русско-украинском языке (сказались

два с лишним года войны на нашей земле!) объяснили, что вход нам в их комнаты запрещен, обращаться к ним тоже нельзя, если что им будет нужно — они сами скажут.

Они прожили у нас несколько месяцев. Постепенно, с их же слов, мы узнали, кто они и что собой представляют. Обычные тыловики, в небольших чинах, унтер-офицеры. Самый старший заведовал полевой пекарней, звали его Людвиг. По внешнему виду он был типичным немцем, образ которого популярен в наших фильмах о войне: высокий, худой, рыжий и в очках. Средним по возрасту был некто Карл, заправлявший какими-то складами. Самый молодой из них — Пауль, в его функции входила охрана объектов, которыми заведовали старшие товарищи. Повторяю, это были не фронтовики, а обычные тыловики, тем более уже давно понявшие, что война Германией проиграна, и дни их пребывания на нашей земле сочтены. Да, они не стреляли ежедневно в наших солдат; да, они не пытали партизан и подпольщиков; да, внешне они выглядели ухоженно и прилично. Но они были оккупантами — и по сути, и по содержанию. Они за тем к нам пришли. В соответствии с этим они к нам и обращались — как к братьям меньшим, то есть как к животным. Как люди мы для них не существовали. «Цивилизованные» унтер-офицеры ходили по дому и заходили к нам в «чулан» абсолютно нагими, при нас же справляли свои естественные надобности, так как с вечера боялись выходить во двор.

Предчувствие краха и неопределенность будущего, возможно, и опыт российской жизни за годы оккупации, заставляли их искать способ забыться. Пили они ежедневно. Откуда-то приносили домашнее вино, обязательно кипятили его, добавляли сахар и пили. Горячее вино с сахаром через два-три часа превращало их поистине в животных. Для нас это было ежедневной пыткой. Напиваясь, они начинали стрелять. Стреляли в мух и пауков в углах комнаты, развешивали за рукава на два гвоздя рубашки и с криками «Рус партизан!» стреляли вшей, которых было полно и у них, и у нас — никакой «дуст» их в войну не брал.

Чаще всего стреляли в потолок выше стенки в половинку кирпича, которая отделяла лежанку на русской печи, где мы всегда вчетвером спали, от их комнаты. Они прекрасно знали, как действовали на нас эти ночные перестрелки, но не прекращали их до конца своего пребывания.

Как люди с традициями, они каждую субботу ходили на охоту. Плавневое, заливаемое раньше место, так называемый «лиманчик» между Слободзеей и Чобручами, было их любимым местом Бурьян за время войны поднялся в рост человека. Там водились зайцы, да волки и лисы в тот период частенько появлялись. Так как собак в селе не было, то роль «гончих» у наших квартирантов исполняли мои дяди. Они с раннего утра по субботам заходили со стороны Чобруч и своим шумом и «лаем» выгоняли дичь к тому месту, где по договоренности сидели в засаде трое немцев. Часто они приносили домой убитых зайцев или лис, но никогда мясо не ели, боялись инфекций. Им нужна была разрядка, возможность отвлечься от того, что их уже скоро ожидало. Какому риску подвергались при этом «загонщики» дичи, их не интересовало.

Запомнился случай, связанный с охотой и заботой о «собаках». Моего старшего дядю звали Федей. Он был сыном бабушкиного брата, которого в качестве сына кулака на 16 лет сослали на лесоповал в Архангельск — вернулся он домой после войны, уже в 46-ом. Так вот, Феде шел уже 18-й год, и он дррился с соседской девушкой, на которую имел виды сын слободзейского старосты-предателя. На этой почве сын старосты с друзьями избил дядю и разбил ему голову. Дело было в пятницу.

В субботу, в день охоты оказалось, что одна из «собак» не может пойти в загон и лежит с перевязанной головой. Самый старший и самый агрессивный из немцев, Людвиг, заставил дядю встать с постели и показать, кто испортил охоту.

Как рассказывал дядя Федя, они зашли домой к старосте и попали на завтрак. Староста жил неплохо. На столе, вокруг которого собралась вся семья, включая откормленного сына-обидчика, были и рыба, и курица, и бутылек вина

Староста вскочил при входе немца, начал приглашать к столу. Людвиг оттолкнул его и яростно спросил у дяди: «Вер (кто)?» Дядя показал на сына. Немец без всяких объяснений вытащил пистолет, рукояткой раскроил отпрыску старосты голову, вытер пистолет о скатерть, повернулся и ушел. Ярость от потерянной охоты была погашена

Я бы мог рассказывать о наших незваных постояльцах бесконечно долго, но цель данной были не в этом. Из всех случаев и событий выберу только то, что касается меня лично, именно то, что оставило зарубки на моей судьбе, оставило на всю жизнь. Чтобы читатели по-

няли, что такое оккупация и оккупанты, даже не во фронтовой обстановке. И как вроде бы цивилизованные внешне люди, становясь оккупантами, одновременно становятся хуже самых лютых зверей.

Не знаю почему, но старший из немцев, тот самый Людвиг, был равнодушен ко мне. Может быть, у него самого были дома дети, возможно, по каким-то другим причинам, но он был равнодушен, причем не с положительной стороны, а с издевательски-садистской. Он на меня кричал, обзывал всякими немецкими и русско-украинскими нехорошими словами, часто просто так шлепал, а главное, очень часто пугал. Он был для меня вроде черта без грима. Худой, рыжий, в очках, он специально делал из своих торчащих в разные стороны волос рога и лез ко мне на печку, особенно когда был пьяным. Я его дико боялся, он это знал и на этом всегда играл. Начинал он обычно, вроде шутя. Пока был трезвый, спросит, перед уходом на службу: «Василь, сачем красный?» Я потом оторопело спрашивал у бабушки: «Баб, шо я красный?» Бабушка отвечала: «Та який ты красный, ты грязный, як той пацюк (поросенок)».

Молодой Пауль, довольно сносно говоривший по-русски, всегда смеялся: «Надо сказать не красный, а грязный!»

У Пауля была губная гармошка. Часто, напившись, он играл на ней какие-то непонятные мне грустные мелодии. С печки в большую комнату можно было заглянуть в небольшое, размером с кирпич, окошко-отверстие. Оно было заткнуто подушкой, но когда немцев не было, я часто через него разглядывал комнату и особенно любовался перламутровой губной гармоникой, которая всегда лежала на тумбочке возле кровати Пауля. Так как стена, отделявшая печку от большой комнаты, была всего в полкирпича, то я, наклонив голову, просовывал ее в окошко и находился в таком «раздвоенном» положении — туловище на печке, а голова в комнате, — столько, сколько мне было нужно на осмотр.

Именно в таком положении меня и застал вернувшийся раньше обычного Людвиг. Я настолько боялся его, что не сообразил, как надо наклонить голову и быстро «вынырнуть» из окошка. Вместо этого я дергался, пытаюсь вырваться из этого своеобразного «хомута», а немец, стоявший на своей кровати, прекрасно понимая мое положение, кусал, щелкал, щипал, кривлялся, орал до тех пор, пока я буквально не выдернул из окошка голову, сняв с подбородка все то, что его покрывало. Бабушка заставила меня выпить набежавший стакан

моей же крови, промыла чем-то рану и подвязала все на место. Но, как оказалось, на этом дело не кончилось.

За пару месяцев до прихода наших Людвиг таки «достал» меня окончательно. По ночам и в выходные дни у нас во дворе стояла машина, фургон для перевозки хлеба, типа сегодняшнего «Москвича»-пирожковоза. Фургон был под каким-то гофрированным покрытием, отчего я думал, что он покрыт черепицей.

Как-то раз, в субботу, когда все были на охоте, я вышел во двор погулять. Машина стояла во дворе, часового днем не было и кто-то, видно из наших пацанов, разбил обе фары. Цоколь от одной лампочки валялся рядом. Я, не видевший, сколько себя помнил, ни одной игрушки, естественно, подобрал этот желтый блестящий цоколь с проводками и, вернувшись в дом, стал играть с ним на печке.

Машина была от пекарни. Людвиг первым увидел разбитые фары и вбежал в дом. Бабушка была где-то во дворе. Пьяный после охоты немец, увидев, что я играю с разбитой лампочкой, что-то страшно заорал по-немецки и сделал то, что делают истинные оккупанты, — выхватил пистолет и выстрелил в меня трижды.

Я до сих пор вижу ствол пистолета, изрыгающий смерть. Немец, конечно, достал бы меня, забившегося в угол между грубой от плиты и вытяжной широкой трубой от печки. Но ему было лень подниматься по ступенькам на печь, и он просто стрелял, с каждым выстрелом забирая правее. Спасла меня вбежавшая бабушка. Не зная, в чем дело, увидела одно — немец в меня стреляет. Она обхватила его за ноги, начала что-то кричать, просить. Он ее свирепо отталкивал. Вбежавший Пауль выбил пистолет и вытолкнул его из кухни. Более трех месяцев меня водили потом по разным бабкам, восстанавливая потерянные речь и слух.

И что мне было из того, что немец перестал меня пугать, пытаюсь задобрить поджаристыми, посыпанными сахаром булочками из своей пекарни? Что мне из того, что он оправдывал свою стрельбу тем, что подумал, будто я разбил те фары? Он стал для меня настоящим врагом, изломавшим всю мою жизнь.

До сих пор при сильном волнении у меня пересыхает в горле и перехватывает речь. Многого в жизни лишил меня тот немец. А сколько было таких немцев и таких ребят! Я благодарю Бога, что так обошлось. Но память осталась. И о войне, и об оккупантах.

Поэтому, когда сегодня кто-то пытается моего отца или меня назвать «оккупантом», то я воспринимаю это по-своему и желаю тому, кто так говорит, чтоб он когда-нибудь почувствовал, кто такие настоящие оккупанты, иначе он не поймет, что это такое вообще. Я не жестокий, но в жизни так: пока не почувствуешь на себе — не поймешь.

В заключение этой чисто личной были скажу, что судьба жестоко, но справедливо распорядилась вражескими постояльцами. Перед приходом наших войск, уже в апреле, всю ночь продолжалась артиллерийская канонада. Через наши головы шел обстрел позиций немцев на правой стороне Днестра. В окошке на печке, где мы лежали, прижавшись с испуга друг к другу, беспрерывно сверкали отблески летящих ракет от «Катюш» и снарядов.

Утром наших постояльцев не оказалось — исчезли. Из вещей они оставили лишь рюкзак с большим количеством оккупационных немецких марок (за ненужностью). Через время бабушка обклеила ими стены в большой комнате вместо обоев. Потом кто-то донес в НКВД, бабушку несколько месяцев «таскали» по разным инстанциям, заставив соскоблить приклеенные к стене фашистские дензнаки. Но это было потом.

А тогда, через пару дней после канонады, когда все стихло, к нам зашел один из бывших постояльцев, молодой Пауль, без погон и рассказал, как они втроем где-то возле Незавертайловки хотели переправиться на ту сторону Днестра. Ехали на мотоцикле. За рулем — Людвиг, Карл — в коляске, а сам Пауль — на заднем сидении. Выскочивший из сада советский танк, как утюгом, накрыл мотоцикл. Пауль спрыгнул с сиденья и убежал, а те двое, включая моего «пугала» — не успели. Значит — не судьба или, наоборот, судьба. По жизни — все можно простить, но память никогда никому и ничего не прощает, потому что изменить рке содеянное — невозможно.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ежегодно, в мае, мы отмечаем очередную годовщину Победы нашего народа в Великой Отечественной войне. И как бы ни отдалялась по времени война и наша в ней Победа, как бы ни извивались некоторые нынешние критики-ревизионисты и не пытались принизить значение великого подвига народа и вымыть его из нашей памяти, все, что связано с этим историческим периодом, из памяти не вычеркнешь.

В связи с этим, я постараюсь напомнить отдельные моменты, связанные с той войной, опять же с точки зрения моей личной причастности к тем событиям

Победа для слободзейцев, по большому счету, складывалась как бы из отдельных, значительно растянутых по времени частей:

1. Апрель сорок четвертого. Пришли наши, закрепились на левом берегу Днестра и Кицканском плацдарме;

2. Август сорок четвертого. Завершение Ясско-Кишиневской операции, освобождение города Бендеры и прилегающих к нему правобережных сел;

3. Май сорок пятого. Окончание войны с Германией;

4. Август сорок пятого. Разгром японской армии.

Еще год ушел на возвращение домой тех, кто остался в живых. Так что радостно-горькое понятие «Победа» не олицетворяет собой какое-то разовое событие, а ассоциируется у слободзейцев со всем этим двухлетьем.

Возвратилось с войны в село из тех, кто ушел на фронт, очень мало. Большинство из них призывалось или до войны, или в первые ее дни. Отшагав с боями от западных границ до Москвы и Волги, набрались опыта и закалились. Затем обратно — до Германии и Манчжурии. Вернулся, примерно, каждый третий. Те же, кого призывали летом сорок четвертого, после освобождения (в основном это были 18—19-летние ребята, выросшие в голодной оккупации, наспех обученные и брошенные на прорыв как с Кицканского плацдарма, так и на более северных направлениях боевых действий), в большинстве

своем не вернулись вовсе или в первые лее дни наступления стали ка-
леками — как физическими, так и моральными.

Война еще шла, а в Слободзее уже восстанавливалась мирная жизнь. Надо отдать должное бывшему великому государству: в то супертяжелейшее время, когда завершение войны требовало колоссальных материальных, денежных и трудовых затрат, когда все, что можно было разрушить, — было разрушено, а что можно было украсть и увезти, — было увезено, страна нашла возможность уделить внимание детям

Уже с сорок четвертого года в Слободзее, на территории колхоза «Серп и молот» (ныне район автогаража колхоза им. XX партсъез-да) — был открыт первый на русской части детский сад. Затем он дважды менял место по нынешней улице Советской Армии. Я ходил в детский сад с первого дня и «выпускным» для меня стало время, когда садик находился в центре села, там, где сегодня хозяйственный магазин.

Детсад и там квартировал недолго. Это место довольно широко известно слободзейцам — как «буфет», и далеко не все помнят, что там был детсад.

Это место запомнилось мне на всю жизнь благодаря тому, что именно там я встретил первый самый радостный день в моей жизни.

Не буду подробно останавливаться на том, как мы тогда жили, в чем ходили дети, о чем говорили, во что играли и чем мы играли.

У меня вместо пальто был перешитый немецкий френч, довоенные сапожки на вырост, трескучая шапка-шарф из выменьянной матерью в Одессе лисьей шкурки дореволюционной выделки. Такими экзотическими вариантами отличалась одежда всех моих сверстников. Мы этого не замечали, так как плохо было всем, и завидовать было некому, да и не до этого было.

Игрушки были самодельными, из местного материала, игры, как правило, были в «войну», и все детские разговоры и рассказы вращались вокруг военной темы. Дети были истощены, подавлены, но настроены на жизнь — несмотря ни на что.

Начиная с осени сорок пятого года, стали приходить с войны демобилизованные солдаты. Редко, очень редко, но дети, приходя в садик, радостно сообщали, что кто-то к ним приехал — отец, дядя, дедушка или какой-то родственник или знакомый.

Если с осени возвращались с войны более интенсивно, то к зиме, а уж тем более к весне, этот процесс практически прекратился.

Дети как; бы разделились — одни, счастливые, приходили и уходили с отцами, другие ждали — а вдруг? Ждали и те, кто знал, что отец погиб и не вернется никогда.

Мы не получили похоронку на отца. Не было, вообще не было никаких о нем известий целых шесть лет. Поэтому — ждали. Ждал и я. А как завидовал тем, у кого отцы вернулись! Сколько детских слез от обиды, зависти, пусть даже хорошей и несбывшейся надежды, я пролил в ту зиму и весну сорок шестого года!

И вот подошел праздник 1 Мая. Был чудесный, по-летнему теплый день. Во дворе садика шло построение, готовились на сельскую демонстрацию. Мы построились в колонну по два и уже собирались выходить со двора, как там появился смуглый подтянутый военный, со многими наградами на груди. Он подошел к заведующей и что-то у нее спросил.

И тогда случилось то, что случилось, и я это запомнил навсегда.

Какая-то неведомая сила заставила меня, именно меня и никого другого, пригнуться. Я не знаю, почему это случилось, но это факт.

Заведующая показывает военному на меня и говорит: «А вот он, пригнулся». Военным был мой отец. Ни я его, ни он меня не помнил, но, видимо, что-то есть в нас то, что выше нас самих.

Я помню, как он меня обнял, поцеловал и поднял на руки. Больше об этом дне в памяти не осталось ничего.

ГОЛОД

К сожалению, а может, и к счастью, мы не всегда вдумываемся или вникаем в суть произносимых нами в обычном обиходе слов. Начинаем их понимать чаще всего только тогда, когда действие или что-то другое, вещное, которое они обозначают, каким-то образом коснется лично нас.

Прочувствуйте слова-понятия голод и холод. Проникнитесь трагическим величием этих славянских понятий, от которых так и тянет чем-то угрожающе-нежизненным, эдаким могильным холодком.

Какие-то прозрачно-леденящие и в то же время необратимо неприятные чувства вызывает у людей само произношение этих слов, даже просто так, без увязки с конкретными событиями. И, конечно, совсем по-другому понимаешь их значение в трудные времена, когда эта органическая связка холод-голод работает вместе.

Из прошлого мы знаем, что если голодно, то, как правило, всегда и холодно. Беда одна не бывает.

В Слободзее, да и других местах Приднестровья еще живут люди, которые хорошо помнят «всеобщую» голодовку 1921 года, локальную (украинскую) 1933 года и «юго-западную» — 1946 года. Основными причинами возникновения продовольственных кризисов в течение всех указанных периодов, были жесточайшие засухи, следовавшие за ними неурожай и усугублявшие ситуацию политические и экономические просчеты на всех уровнях власти.

Каждый регион страны переживал эти удары судьбы по-своему, с учетом своих возможностей и умения что-то разумное противопоставить или предпринять.

Сытый действительно голодному не товарищ. И что такое голод, нельзя объяснить тому, кто с ним не сталкивался. Можно сколько угодно расписывать, как «костлявая рука голода» сжималась на чьей-то там шее — страны, отдельного региона или конкретного человека. Можно рисовать самые мрачные картины ныне живущим и жующим, можно пугать их голодным будущим — все будет бесполезным. Это надо ощутить на себе, чтобы сразу все понять, без разъяснений.

Но лучше пусть Бог нас милует от этого.

А из истории нашего села и нашего края эти страшные времена не вычеркнешь. Что было, то было.

С особой жестокостью по нашим местам пронесся голодный сорок шестой год, унесший тысячи жизней, в первую очередь стариков и детей. Вся великая страна и наш регион лежали в послевоенных руинах. Много рабочих рук, особенно специалистов и работников сельхозпроизводства (трактористов, комбайнеров) ушло на фронт и не вернулось. Технику или вывезли или уничтожили. Мало-мальски строевых лошадей забрала война, все продовольственные запасы выгребли двигавшиеся туда-сюда огромные армии. Ко всему этому добавились жесточайшие засухи сорок пятого-шестого годов. В зиму сорок шестого юго-запад СССР и особенно левобережное Приднестровье вошли без запаса продовольствия и кормов. Начался голод. Голод — это когда у государства практически ничего нет в запасе из продуктов, когда людей кормят «с колес», то есть то, что завезли — тут же съели, а хватает того, что завезли, едва на треть населения.

Голод — когда в доме нет ни крошки хлеба, нет ничего, что можно было употребить в пищу. И нигде ничего свободно не купишь.

Про воровство в то время и говорить не стоит. Во-первых, красть было нечего, да и наказания за воровство были настолько серьезные, что редко кто шел на такое рискованное дело.

Ситуацию того времени довольно емко и точно определил наш десятилетний сосед через улицу — ныне покойный Гриша Димитренко. На вопрос моей матери «Почему такой худой?», он ответил: «Та тож ныззя исты — нэма хлиба».

Первыми начали страдать те, которые всегда страдают — многодетные семьи, особенно те, у которых мужики не вернулись с фронта. Работающие все-таки получали «хлебные» карточки, какие-то пайки и т. п. Пусть это были продукты низкого качества, пусть хлеб был из комбикорма, но хоть что-то было.

А тем, у кого на руках были старики и дети, было совсем трудно. Какими словами можно описать чувства и отчаяние матери, когда на нее устремлены несколько пар голодных умирающих детских глаз, которые просят лишь одного — кушать, чего-нибудь. А мать рвет на себе волосы по ночам, а весь день мечется по улицам, чтобы что-то достать поесть детям. Она готова отдать все и саму себя за кусок хлеба. Один за другим умирают старики и дети. Уходят из жизни и не-

старые, которые послабее здоровьем или волей. Сперва худеют, а потом перед смертью опухают. Мертвых можно увидеть сидящими на скамейках, у заборов, просто не выдержавшими ходьбы и упавшими посреди улицы. Люди уходили из жизни тихо, и в этом было, наверное, самое страшное. Те, кто жил одиноко, могли лежать покойниками в своем доме неделями, пока кто-то их не обнаруживал. В гости никто не ходил, поэтому или случайно узнавали об ушедших из жизни, или после специальных обходов по домам представителей власти.

Сперва много плакали, а затем и плакать перестали, сил не было.

Люди лихорадочно искали пищу. По влажным поймам выкапывали папоротники, их корни высушивали и перемалывали на муку. Выловили и съели все ракушки-перловицы со дна Днестра, черные, с крупными шипами, водяные орехи в старом русле реки, измельчали ветки и стебли, охотились за домашними и дикими животными. Все это делалось в усиленном темпе, совершенствовались орудия лова и переработки, расширялся ассортимент используемого сырья.

Все заботы, мысли, действия были подчинены одной цели — найти еду. Болезни были временно забыты. Болеть было некогда, да и нельзя. Человек или жил или умирал, времени на болезни у него не оставалось. Как всегда в такие периоды наживались те, кто «сидел на харчах». Люди за кусок хлеба отдавали все, не считаясь, — золото, антиквариат и т. п. Кому, как говорится, война, а кому — мать родна.

Во второй половине зимы сознание у людей начало притупляться. Уже не было первоначальной реакции на смерть соседей или родственников, а такие известия приходили в дома ежедневно. Уже и не так хотелось кушать. Многие люди ждали или смерти или чуда.

И тут по-настоящему очнулось большое государство, которое вначале оказалось неготовым к таким событиям — не поверило данным о том, что в таком благодатном краю не оказалось даже минимального запаса продовольствия. Из других регионов начала оперативно поступать помощь продовольствием, семенами, кормами, лошадьми, техникой. Начали более интенсивно подкармливать детей в школах, увеличили отпуск продуктов по карточкам, организовали пункты питания, дали возможность получать зарплату и купить продукты в магазине. Как раз с начала года ввели новые деньги, увеличив их номинал в десять раз, прижали спекулянтов. К весне-лету люди ожили, точнее почувствовали, что начинают жить. Но для очень многих слободзейцев, да и не только слободзейцев, та зима стала последней.

Я специально привел эту черную быль, чтобы помнили, что такое уже у нас было и может повториться, если будем продолжать так хозяйствовать на земле. А помогать сегодня так, как раньше помогали, уже будет некому, так что доводить дело до голода нам нельзя ни в коем случае.

Чтобы как-то смягчить тяжелый осадок от этой небольшой зарисовки, приведу несколько моментов из своей жизни в период голодовки — с налетом грустного, но все лее юмора.

Как уже было сказано, мы питались тем, что сумели достать. Кушали, как правило, один раз в день, в каждом доме по-разному. У нас, например, кушали вечером. Почему не утром? Если поесть утром, то можно день протянуть, но вечером не заснешь, особенно, если будешь знать, что что-то приготовлено на утро.

А так, поели вечером, и все знают, что в доме больше ничего съестного нет, можно спать спокойно, не мучаясь желанием встать и чего-то поискать.

Под старый Новый год (сорок седьмой) моя мама где-то выменяла поллитровую баночку пшена и столько же козьего молока. По поводу праздника бабушка сварила тыквенную (кабаковую) кашу с молоком. Каша получилась отменная, но с одним очень существенным недостатком — ее было очень мало, с учетом количества едоков. Мне за столом места не досталось, и я устроился на высокой самодельной кровати. На дно огромной деревянной миски мне положили ложку той драгоценной каши (больше не досталось!) и дали тоже огромную, по моим параметрам, деревянную ложку.

И тут я совершил свою первую в жизни продовольственную ошибку. Вместо того чтобы побыстрее съесть свою порцию, начал растягивать удовольствие — поглаживал ложкой горку каши и затем облизывал ложку. Так продолжалось несколько минут. И тут наш отощавший на нет кот, кстати, тоже Васька, не выдержал моих издевательств над кашей и выпрыгнул с пола на койку, в район предполагаемого им расположения миски с кашей. Надо сказать, он угадал направление правильно и упал точно в миску. Когда же я его вытряхнул из нее, Васька ушел вместе с кашей, которую «промокнул» своей шерстью. Затем спрятался от меня в русской печи, облизал кашу со своего живота и спокойно заснул.

Я тоже облизлся, правда, впустую, так как кашу давно съели, и тоже попытался лечь спать... С тех пор я не то чтобы не люблю ко-

тек, я их как-то непроизвольно внутренне ненавижу. И ничего не могу с собой поделать.

Вторую подобную ошибку я допустил уже попозже, где-то в конце мая. Мать с дядей повезли первую черешню в Одессу, оттуда привезли примитивных гостинцев. Мне досталось пирожное в форме небольшого пористого яйца.

Нет, чтобы сразу его съесть, так я его часа два облизывал. Одну сторону чуть ли не на палец слизал. Остаток положил на трехъярусную полку на кухне («мысник»), чтобы завтра закончить. Однако утром пирожного на месте не оказалось. На мой отчаянный рев и крики никто не мог ничего вразумительного ответить, пока не проснулся дядя. Он сказал, что, скорее всего, пирожное «миша съела», и не надо его зря искать. Кстати, дядю тоже звали Мишей... Когда в 18 лет приходишь домой с улицы голодный и, шаря в потемках по полкам, ищешь, что бы перекусить, то можно и не заметить, как проглотишь маленькое пирожное...

Дяди давно нет в живых, и случай с пирожным так пока на нем и висит — как нераскрытое преступление.

И еще одно. Когда поезда проходят мимо села Ново-Котовск и опускаются в долину к станции Кучурган, и наоборот — поднимаются от Кучургана на Тирасполь, вагоны как бы утопают в разрезе горы. С обеих сторон железной дороги холмы, а внизу между ними катятся вагоны. Довелось мне именно в те далекие голодные годы видеть одну из диких картин борьбы за жизнь.

У нас был голод, а на западе Украины, так называемом «Подоле», было получше с продовольствием. И вот на поезде, который ходил примерно по тому же маршруту, как сегодня ходит состав «Одесса-Ивано-Франковск», люди ездили «на Подол» за продовольствием. Меняли что-то на что-то или продавали-покупали — не суть важно, но все вагоны и их крыши были забиты так называемыми «мешочниками». Их часто грабили различные организованные и неорганизованные преступники. И ночью, и среди бела дня.

Однажды мы, в районе Ново-Котовска, с дядей Колей пасли коров. Идет поезд, весь увешанный людьми, корзинами и мешками. Лето, ясный день. Когда поезд опустилсЯ во впадину, и вагоны пошли ниже нас, стоящих на холме со стороны села Ново-Котовск, вдруг с противоположной стороны на головы ехавших на крышах людей посыпались крючки-кошки (те, которыми из колодца ведра вылав-

ливают)! Эти кошки крепкими канатами крепились к телеграфным столбам, тянувшимся вдоль железной дороги. Их забрасывали бандиты, иначе не назовешь, стараясь зацепить мешок или корзину. Если удачно, — то поезд себе шел, а закрепленный «объект» падал на землю и подбирался.

Я видел, как две кошки стащили по мешку, а одна попала на молодую женщину и зацепилась за голенище ее сапога... Раньше их шили не так плохо, как сейчас, и это для той женщины обернулось бедой. Поезд идет, непреодолимая сила стаскивает женщину с крыши вагона. Соседи пытаются ее удержать, но и им грозит падение. Все в ркасе кричат, особенно та, которую зацепила кошка Секунды — и «счастливая» развязка, кошка все-таки разрывает голенище сапога, чертит глубокую рану в ноге и падает, пустая, на землю. Все это длилось несколько секунд, но врезалось в память навсегда. Ради еды люди шли на все, даже на убийство другого человека

Конечно, в нашем благоприятном крае стыдно быть голодным. И не должно повториться то черное прошлое.

Но... Надо помнить, что если за годы Великой Отечественной войны мы снизили производство продовольствия в 2,5 раза, то за годы реформ — почти в 5 раз. Это просто обязывает серьезно задуматься о нашем будущем.

История не только повествует, она и предупреждает. Подумаем о себе, люди.

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПРАЗДНИКИ

Вообще-то праздники — дело хорошее. Давным-давно люди поняли, что наиболее яркие судьбоносные события надо выделить из повседневной монотонной жизни с тем, чтобы они, постоянно напоминая о своей значимости, освещали, воспитывали и мобилизовали. Ожидание и участие человека в любых празднествах очищало и внутренне возвышало его над серостью будней и единообразием бытия.

Праздники постепенно оформились в три основных причинно-обязательных направления: религиозные, светские (государственные) и региональные (дни городов, сел и т. п.).

Сегодня у нас много праздников, мы с удовольствием празднуем весь их спектр и даже более, что вполне объяснимо для переходного периода. Да дело даже не в количестве праздников, а в наличии объективных причин-поводов для празднования. И хотим мы того или нет — чем больше праздников, тем более размывается их праздничное восприятие.

Раньше праздников было меньше, но даже и среди них были наиболее всенародно любимые. Взрослые и особенно дети, всегда с благоговением относились к Рождественским праздникам. Их была целая череда — от Нового года до Дня Крещения Господня.

Особое место в этом ряду занимает день Рождества Христова. В прежние времена официальный день начала Нового года, по крайней мере, у жителей сел, особенной популярностью не пользовался. Да, отмечали, да, елки и празднества были. Но проходил этот праздник, как и все светские, «установленные» праздники. Его на бытовом уровне не ждали, просто фиксировано отмечали. А вот Рождественские праздники ждали все. Повторяю, особенно дети.

Расскажу, как мы ждали, готовились и проводили эти праздники каких-нибудь полвека тому назад. Но прежде хочу обратить внимание нас, нынешних, на то, что такое святое дело, как праздник тем более выдающийся, — надо впитать, ощутить разумом, душой и сердцем. Выходной день можно установить, неосознанный праздник — нельзя.

В подавляющем большинстве сельских семей, да и не только сельских, с самого раннего возраста, в души и сознание вкладывались идеи гуманизма, терпеливого и доброго отношения друг к другу, уважительного и исполнительного отношения к установленным нормам и правилам человеческого общежития, включая моральные каноны православия. Нас с детства учили, что можно, а что нельзя делать в этом мире, всегда предупреждая, что за определенные плохие деяния обязательно рано или поздно наступит возмездие или наказание и, наоборот, все хорошее хорошим и возвернется. Нас не путали Богом, а просто внушали, что каждому воздастся по делам его. И, поверьте, по жизни почти всегда таге и получалось.

Это не было каким-то семейным диктатом, это как воздух и пища. Десятками веков человечество селективно шлифовало самое себя. И то, что мы еще живем и развиваемся, — положительный итог. Посмотрите, как стремительно идет разрушение моральных основ общества сегодня. Почему? Да потому, что вместо гуманной человеческой морали все больше и больше в души и разум людей внедряется идея насилия, национального или материального неравенства, бесстыдства и бессовестности — как основ современного выживания.

Для тех, кто считает, что у него вся жизнь — праздник, праздников не надо никаких. Они им не нужны, у них никогда не будет праздников в душе, и они их не ждут. А мы ждали...

Рождественские праздники — это особая годовая эпопея. То, что я расскажу про себя, — было раньше почти в каждом доме, где имелись дети, да и не только там-Возможно, это сегодня покажется примитивным и смешным, но это таки было, и из жизни нашей это не вычеркнешь, тем более что так было не одну сотню лет! Хорошо, что мы еще застали те добрые времена.

Итак, Рождественские праздники. Не буду приводить какие-либо каноны и правила, просто расскажу, как это было. 6 января — святой вечер, 7 января — день Рождества Христова И к этим двум великим добавлялся праздник Нового года (старого) — 14 января. Рождественская неделя на этом завершалась.

Задолго до января (за 4—5 недель!) мы с бабушкой Маней начинали готовиться. 6 января разносили так называемую вечерю. Дети носили после обеда до сумерек — к родственникам и близким знакомым. Взрослые, особенно женщины, до вечера всегда были дома,

так как надо было принимать приходящих «вечерников», а вечером взрослые тоже несли вечерю, обычно к старшим — к родителям, к нанашулам, кумовьям, старшим родственникам и т. п. Ездили даже в другие села, как правило, на лошадях, а если был снег, то с санями. В прежние годы день «святого вечера» почти всегда был красочным. Темно-синее небо, снег хлопьями, по улицам снуют маленькие челночки-вечерники, вечером на саночках детей развозят.

Для меня, как ребенка, все это было не так просто. Ко всем ритуальным сторонам дела добавлялись чисто технические проблемы.

Поэтому мы с бабушкой очень тщательно уточняли перечень родственников, куда я понесу вечерю, а также намечали самые оптимальные «маршруты» моих передвижений по селу в ограниченное время (4—5 часов), то есть до сумерек.

Расчет делался таким образом, чтобы обеспечить наиболее полный «охват» родственников, чтобы никого не обидеть. Я должен был сделать несколько «рейсов» и два-три раза зайти домой для «разгрузки» подарков — не мог же я носить с собой все то, чем меня одаривали.

Определялись, где я буду ночевать, так как одна бабушка (Настя) жила у Днестра, а другая (Саня) — у старой аптеки. Это два с половиной километра пути. И если идти к одной из них, то у второй надо ночевать. Оттуда уже направляться в школу, так как раньше День Рождества Христова не был выходным днем.

Что такое вечеря, то есть, что я нес с собой? В платок завязывалась тарелка с кутьей (сладкая вареная проросшая пшеница), пара пирожков, яблоко, пара орехов, пара конфет. Это стандартная (хорошая) вечеря тех лет.

Стучишь, просишь разрешения войти. Зашел, снял шапку, поздоровался и произнес «Добрый вечер, в святой вечер, папа и мама прислали вам вечерю». После этого тебя посадят за стол на пару минут. Обычно предложат кутью и какую-то еду. Пока сидишь, хозяйка меняет вечерю, что-то оставляет себе из принесенного мной, а гораздо больше положит и (не всегда) даст немного мелких денег. Вот и все. Благодаришь и прощаешься. Времени мало. Впереди еще много посещений, и надо как можно больше успеть.

Конечно, здесь немаловажную роль играет материальная сторона дела — подарки и т. п. Но гораздо важнее здесь была ритуальная часть, момент встреч и общения. Это никакими словами не передашь и подарками не закроешь.

Вечером, независимо от того, шли куда-то родители «вечерять» или нет, ночевали дома или в гостях, подводились итоги моих «походов».

Вечерю я носил где-то лет до 10—11. Дальше уже ходить «вечерять» нам, пацанам, было не принято. Мы переходили в более солидную возрастную категорию, и уже после полуночи ходили «христославить». Тоже заранее организовывались в небольшие группы, обычно по три человека, готовились, репетировали, определяли маршруты. Как правило, ходили по соседним улицам, по своей было неудобно, а у нас ходили ребята с других улиц. В эту ночь двери в домах, образно говоря, не закрывались. Можно было попроситься «христославить» в любой дом.

Стандартная ситуация. Стучим, открывается дверь, спрашиваем: «Дозвольте христославить?». Затем входим в комнату и в сторону иконы или в ту сторону, где должна быть икона, начинаем: «Рождество твое, Христе Боже наш...» Затем шло хозяйское благодарение, небольшое — кто чем богат, тем и рад был отблагодарить. В ход шло все — яблоки, пироги, орехи, конфеты, карандаши, тетради, монеты, а где-то и рубли, в зависимости от того, какой был хозяин.

Помню, пару лет ходили мы «троицей» — я и два Николая, уже известный нам Димитренко и Куличенко. На нынешней улице Полярко стучали-стучали в один дом, сами расстроились и, видимо, хозяйина расстроили. Выскакивает какой-то подполковник (оказалось, это был командир нашей Слободзейской войсковой части) с пистолетом в руке, сонный, а тут темно (света тогда еще не было), да и пять лет как война закончилась. Он не поймет, в чем дело и чего мы хотим. Мы уже забыли, зачем пришли — под лучом фонарика и под пистолетом. Хорошо, у нас Колька, был невозмутимым в любой ситуации. Он и говорит: «Дозвольте христославить»? «Что-что?» — не понял приезжий военный. Мы с ходу запели песню прямо на улице. Он с вечера устал, сел на крыльцо, внимательно выслушал, заставил спеть еще раз и спросил: «А что, вам дают что-то?» Колька снова заявил: «А что Бог послал». Военный пошел в дом, после выяснилось, что он снимал там комнату, вынес нам по 5 рублей. И это «новых» денег! Естественно, этот случай вошел в историю и стал достоянием не только нашей «вокальной» группы. Жаль только, что когда мы постучали в этот дом на следующий год, этот военный там уже не жил.

«Христославили» до утра, это действие плавно переходило в обряд колядования. Мы «отрабатывали» ночь, шли на отдых, а малыши,

отдохнувшие после вчерашней вечера, отправлялись колядовать, дошкольники шли с утра, а школьники — после школы.

Подарки и здесь были небольшие, но весь этот суточный процесс проходил как-то ритуально возвышенно, как одно цельное действо и очень памятное, потому что в этом общем праздничном процессе участвовало практически все село. Действительно чувствовался праздник Рождества Христова, и этим он и остался во всех нас, людях того времени. А сколько «чудесных» историй случалось в эту ночь! Можно рассказывать об этом бесконечно.

Завершало Рождественскую неделю празднование «старого» Нового года. С полуночи шли «посевать». Так же ходили по дворам, поздравляли с наступившим Новым годом, желали здоровья. Опять же шло возрастное деление — старшие «посевали», а малыши уже с утра четырнадцатого января — «щедровали».

Все это вновь сопровождалось пением специальных ритуальных песен и подарками.

Радость, открытость, добродушие, семейное и внесемейное простое человеческое общение, взаимность, юмор, масса комических случаев, любовь к ближнему, вера в себя, в людей и в Рождество Христово — все это и определяло Рождественские праздники. Радость приобщения к возвышенному, доброму и прекрасному наполняла и заряжала чем-то хорошим — как наши маленькие сердца и души, так и измученные войнами и их последствиями сердца, души и тела взрослых. Вот это и есть праздник, не навязываемый, а исходящий из самой жизни, из нас самих.

Давайте собирать камни, хватит нам все наше доброе разбрасывать. Нас сегодня расслаивают, «разделявают» или по живому разрезают.

Цель проста — вытравить из памяти все наше, веками проверенное. То, что я напомнил, — вроде бы мелочь, но ведь мы и живем этими мелочами, а не одним космосом или макропроблемами.

Не теряйте, люди, эти мелочи! Потеряв их одну за другой, — мы можем потерять себя целиком.

«ТАХИР И ЗУХРА»

Зеленый горошек собирать было хорошо. За каждый килограмм стручков платили по 10 копеек. Ежедневно в конце работы — расчет. Собрал 100 килограммов — вечером получил 10 рублей, и свободен.

По тем временам, тем более для мальчишек, это уже кое-что значило. Три года как прошла денежная реформа, деньги были еще «новые», пачка «школьных» папирос «Бокс» или «Ракета» стоила 50 копеек, «Спорт» — 75 копеек, стакан морса — 30 копеек, билет в кино — 1 рубль.

Мы с Мишкой никогда не собирали до 100 кг стручков, иногда подбирались к 70—80, но редко. Потому, что много ели. Один стручок — в ведро, два — в рот. Что было делать, только-только отошли от голодных годов. Так что горошек со всех сторон собирать было приятно, тем более в таком месте, как урочище Плоское, в излучине Днестра, между Слободзеей и Чобручами.

Ко всему прочему — горошек высевался в междурядьях сада или на окруженных деревьями прохладных участках. В обед — купались в Днестре.

Но горошек закончился. Основная масса школьников разошлась по домам, в бригаде остались только те, кто был нужен до уборки.

Хотя наличные деньги платили только на уборке горошка, а за остальные работы начисляли трудодни, многие дети все равно искали в колхозе работу — в основном из-за того, что там кормили. Пусть только в обед, пусть одним борщом, но кормили, и это уже был стимул для нас в период каникул.

Своим особым усердием Мишка Любченко и я добились должностей «погонычей», попросту — водили лошадей при различных конно-ручных работах.

Это занятие пенилось, конечно, выше, чем какие-то там прорывки овощных, прополки, когда тебя гоняют, кто угодно и куда угодно. Погоныч — это уже было более определенно: ты при лошади, знаешь одного хозяина — ездового и все. Ездовой получает задания от бригадира, а ты выполняешь его указания.

В работе погоньча веселого тоже было мало. Представьте себе картинку — тебе десять лет, утром не завтракал, по причине отсутствия этого самого завтрака, а весь световой длинный-предлинный, жаркий-прежаркий день водишь за уздечку лошадь, которая непрерывно пытается выдернуть твою тощую руку и нет-нет, да и наступит копытом на твою босую ногу. Уже к обеду залитые потом и слезами глаза разомкнуть можно только с помощью пальцев или кнута ездового, который, управляя плугом или культиватором, быстро приводит тебя в чувство, если вдруг задремлешь или что-то не так делаешь. Но мы не обижались и старались доказать свою пригодность, так как конкуренция в бригаде была жесткой. Да и обед надо было отрабатывать.

Мы с Мишкой были в погоньчах у двух братьев, которые почти всегда работали вместе.

В тот день, о котором пойдет рассказ, мы обрабатывали междурядья на винограднике, расположенном в конце нынешней улицы Кирова поселка Слободзея.

Один день мы культивировали междурядья двумя «агрегатами», на второй день осталось на полдня работы. Мы уже предвкушали небольшой отдых, но утром бригадир решил иначе. «Сможете закончить эту клетку вдвоем, одной лошадей? — утвердительно спросил он нас с Мишкой и тут же заключил, — а мужики ваши поедут на станцию Ново-Савицкая лес выгружать». Мы, естественно, согласились. Я взялся за культиватор, Мишка остался в своей должности «погоньча».

Уже с первого прохода я начал жалеть о том, что согласился работать без взрослых. Трехлапый кованый культиватор был довольно тяжелым, учитывая наш возраст, особенно трудно было заносить его на поворотах. Но делать было нечего и мы с трудом, но продвигались к концу участка. Одной стороной он выходил к высокому в этом месте песчаному берегу Днестра, и мы, пользуясь самостоятельностью, пару раз, конечно, окунулись. Иначе не выдержали бы, так как июльское солнце било по голове не только сверху, но и превращало землю в подобие сковородки на хорошем огне. Хотя наши ступни, с десятками разносортных колючек и разновеликих сбоев, порезов, могли выдержать любые температурные перепады, все равно земля буквально обжигала.

И вот тогда, где-то в районе обеда, со стороны села из жаркого марева выплыл «агрегат» Кольки Димитренко, с обычной слободзей-

ской кличкой «Чабан». Пара старых круторогих волов, позеленевшая бочка на повозке, ведро на гвозде и долговязый худой Колька. Он вошел в бригаду питьевую воду.

Поравнявшись с нами, он закричал «Вы, плебеи (он не знал, кто такие плебеи, потому что не имел ни желания, ни возможности ходить регулярно в школу), — сегодня в клуб привезли кино, «Тахир и Зухра» называется», — и поехал дальше.

Мы с Мишкой не были в кино больше месяца, с тех пор, как каникулы начались, поэтому быстро постирали в Днестре брюки и рубашки, развесили их на виноградных кустах, с полчаса поработали нагишом, так как никакого понятия летом о трусах и майках у нас не было, и к походу в кино были готовы.

Но, пока закончили работу, пока отвели коня в бригаду, пока умылись и дошли до клуба в центре русской части Слободзеи (а шагать пришлось несколько километров), то к началу фильма опоздали. Ритуал пропуска зрителей закончился. Об этом трудно рассказать. Это надо было видеть, когда киномеханик стоит в дверях, сам продает билеты и пропускает в зал Толпа потных людей, оторванные пуговицы, крики придавленных и придушенных, споры, ругань и т. п.

Конечно, ни у меня, ни у Мишки не было того заветного пропускающего рубля, но даже его наличие в нашей ситуации было бесполезно. Все рке было заблокировано, двери задраены на огромные кованые крючки, а стучать и кого-то звать нам не было дано.

Проникнуть вовнутрь без билета, когда много людей на улице, — это не проблема. Но как попасть в зал, когда кино уже начинается?

Проще всего, конечно, было заглушить работающий на улице небольшой двухцилиндровый двигатель, который снабжал сеанс электроэнергией. Закрыть ему чем-то выхлопную трубу и все. Механик, естественно, откроет дверь, выбежит, а мы в это время — в зал.

Нам этот вариант, неоднократно опробованный раньше, не подходил — на улице светло, и ни души. Иметь неприятности с механиком и разъяренными зрителями — опасно.

Проникнуть через окна также бесполезно, так как на каждом окне, как кильки в банке, сидело по 3—4 человека, их не сковырнешь. Что было делать? Я вспомнил, что еще весной пару раз, мы с Колькой «Чабаном» проникали в зал через дымоход, затем через печь-грубу, которая стояла справа, у сцены. Духовка у нее давно прогорела, колод-

цы постепенно очистились от сажи, таге что беспокоиться за наши костюмы не стоило.

Что ж, полезли на крышу к дымоходу. Я послал Мишку в разведку. Самое неприятное было ползти по довольно длинному лежаку вдоль потолка Мишка вперед — я за ним. И тут случилось неожиданное. Оказалось, что за то время, пока мы не были в клубе, грубу справа разобрали и собрали почему-то уже с левой стороны. То место, где был выход на дымоход — забили фанерой. На эту фанеру и выполз Мишка и тут же рухнул в зал, на головы сидящих на полу...

Дело в том, что на двух десятках скамеек сидели уважаемые люди, которые могли себе это позволить. А все остальные сидели везде — в проходах, перед сценой и на самой сцене до самой дальней стены, которая слркила экраном

Я упал на Мишку сверху и по головам пополз в сторону экрана.

Кино еще не начиналось, механик никак не мог навести резкость. В темноте, ориентируясь на луч проектора, я добрался до стены-экрана и втиснулся между сидящими вплотную к ней мальчишками.

Мишка приполз за мной, но места ему уже не нашлось, и он прилип к экрану, выставив под луч свою длинную худую шею.

И в этот момент начался фильм Какой-то мулла или поэт, весь в белом, начал что-то рассказывать. Мишка заслонил его наполовину. Через минуту, ступая по головам и ногам, изрыгая какие-то непереводимые ругательства, до сцены добрался киномеханик. Одним ударом он очистил от Мишки экран, вышиб ногой крючок на запасной двери, выбросил Мишку на улицу и вернулся к аппарату.

Тогда, в первый раз, я не запомнил подробности этого фильма. Через два часа, выйдя со сцены через ту же дверь, я увидел сидевшего на завалинке, заплаканного сонного Мишку, который после такого трудного дня, в течение одной минуты провалился с трехметровой высоты в зал, получил оплеуху и вылетел на улицу. «Ты знаешь, — всхлипывал он по дороге домой, — этот белый поэт с экрана так шарахнул меня белой рукой по шее, что я аж на улицу вылетел». Он еще долго рассказывал об этом в школе. А я запомнил этот и фильм, и тот полувековой давности случай на всю жизнь.

Через много лет, работая на Востоке, мне довелось в Бухаре встретиться с артистом, который в том фильме сыграл роль отца Зухры — Бобо-хана. Когда я рассказал ему про наш с Мишкой культпоход в кино, он просил повторять этот рассказ несколько раз, каждый раз

зазывая кого-нибудь из знакомых, интерпретируя все нюансы этого случая и падая со смеху.

Так я впервые познакомился с великим восточным эпосом. Так мы и приобщались к культурам братских народов — где с грустью, где с юмором, но все-таки приобщались к общечеловеческим духовным ценностям. Без телевизоров и видеомагнитофонов, без компьютеров и спутников, через самый верный способ связи — разум, душу и сердце, уважение, взаимопонимание и без всякой корысти.

Наверное, это было правильно.

КАК Я НЕ СТАЛ АКРОБАТОМ...

Толпа всегда любила зрелища не меньше, чем хлеб. Как говорится, хлебом не корми, но покажи что-нибудь интересное, необычное или просто дай посмотреть что-то... Сегодняшние компьютерно-телевизионные зрелища, заполонившие наши экраны, всевозможные трюкачества каскадеров стараются вытравить из нас саму идею естественного и постоянного физического состязательства. Машины — платные, артисты — платные, спортсмены — платные, личные услуги тоже. Сегодня можно петь, не имея голоса, играть бицепсами, не имея истинной силы и т. д.

Где раньше в селе можно было показать силу, ловкость? На работе — не та аудитория, секций спортивных единоборств не было, поэтому желающие проявить себя со стороны чисто физической искали малейшую возможность отличиться в этом направлении.

В будние дни потасовок и драк в селе в принципе не было. Так, бытовые сцены. А по выходным, часто возникали мелкие драки в разных концах села. Это не были классические «выяснительные» драки или что-то похожее на «разборки». Это, скорее всего, были разновидности определенной «демонстрации силы».

Причем, как правило, в таких драках принимали участие одни и те же лица. И если взять их образно всех вместе, то в каждом конкретном случае участвовали все, за исключением кого-то.

Большинство таких драк тоже было ритуальными. На каждого «дерущегося» было по несколько человек «разбороняющих», которых шлейфом буквально волочили за собой основные действующие лица. Было много шума, крика, угроз и обещаний. В худшем случае разбивались носы, появлялись синяки, и на том дело заканчивалось. Такие «спектакли» стихийно возникали и так же заканчивались. Никто никого не арестовывал и не изолировал. Когда зрителям надоедало, они или сами прекращали действие или приглашали кого-то, более бескомпромиссного.

В Слободзее никогда не ходили улица на улицу или «стенка на стенку». В этом плане все было благополучно во все времена.

Начиная с тридцатых-сороковых годов, начали культивироваться массовые спортивные игры — футбол, волейбол, городки, акробатика, в том числе групповая.

Стали модными и далее обязательными акробатические «пирамиды» разных конструкций из 5—7—15 и более человек. Туда подбирали крепких, гибких, ловких ребят и девчат. Ни один концерт не обходился без таких пирамид. Я имел неплохие данные для такого занятия, но так и не стал акробатом И вот почему.

Осенью сорок седьмого года вся большая страна и Слободзея, готовились к 30-летию Октября. Школа готовилась к юбилейной олимпиаде. Проверялась и шлифовалась художественная самодеятельность, отдельно готовились гимнасты-акробаты.

Было тепло, поэтому пирамиду репетировали в углу школьного двора, в прирезанном к школе участке сада.

Я ходил в первый класс, всеми видами зависти завидовал ребятам, участвующим в пирамиде, а там были и десятиклассники (цент-ровые) и даже один второклассник, завершавший пирамидную композицию.

Мне хотелось привлечь внимание, и на тренировках-репетициях я наравне со всеми, как бы на «общественных началах» делал мостик, всякие стойки, ходил на руках и т. п. Просто так. Но случилось непредвиденное. Именно самый младший из акробатов, тот самый второклассник, на одной из репетиций упал и сломал руку, чем поверг в шок всех участников и особенно физрука, Андрея Ивановича. Он с горя, увидев мои старания и узнав, чей я сын, сказал: «Готовься, через три дня будешь выступать в пирамиде, не забудь взять форму».

На следующий день на репетиции выяснилось, что я мягче и эффективнее взлетаю над пирамидой, и меня сразу признали, причем все.

Мало я в жизни видел счастья, но в тот день, когда меня взяли, я был по-настоящему счастлив. Но радость оказалась преждевременной.

В день выступления родители того мальчика, моего предшественника, не захотели дать мне форму (трусы и майку) даже на день. Утром я обратился к своему дяде Мише (ему было 19 лет) с просьбой найти или сделать мне форму для выступления. Он сказал, что это не есть проблема, и принялся за работу.

Из своей старой шелковой рубашки он вырезал по контуру для меня майку, зашил руками с одной стороны, и все было готово. Май-

ка вышла классная. Белая, блестящая (шелк натуральный!) и как раз по размеру.

Сложнее оказалось изготовить трусы. Дядя взял кусок солдатской плащ-палатки, вырезал по размеру прямоугольник, сложил его вдвое, прошил руками посередине и сбоку, вырезал внизу треугольник. Обшил сверху и вставил веревку вместо резинки. Я все примерил — нормально. Сложил в портфель и пошел на молдавскую часть выступать. Наша школа, в числе других, участвовала в юбилейной олимпиаде. Примерно на том месте, где сегодня в Слободзее летний кино-театр (возле микрорайона), специально к юбилею, сделали деревянную эстраду, поставили скамейки и т. п.

Рядом находился районный стадион, где после дождя в разных местах образовывались промоины, таге как поле было разбито на месте старого кладбища.

В тот день, рядом с эстрадой, стоял стол для многочисленного жюри, все скамьи были забиты людьми, на всех окрркающих это место деревьях, висели десятки пацанов и взрослых.

Мы выступали не первые. Я переоделся в свою новую «форму» и с волнением ждал выхода на сцену. Занавеса не было, просто команды собирались сзади сцены и по очереди на нее поднимались.

Настала и наша очередь. В первой пирамиде на счет «пять» меня забрасывали наверх. Я должен просто там стоять, отдавая рукой пионерский салют. Затем мы делали проходку по сцене и по команде строили вторую пирамиду. Все шло нормально. Стали, образовав мост, центровые или «коренники», на остальные три счета пирамида сформировалась, и наверх выбросили меня. На счет «пять» я должен был сделать «ласточку». Просто «ласточку», и все.

Когда Андрей Иванович сказал: «Делай пять», — я попробовал поднять левую ногу, но оказалось, что это сделать невозможно. Я мог делать, что угодно, но ноги двигать мне не давала уникальная конструкция моих трусов. И когда физрук в третий раз свистящим шепотом столетней кобры произнес: «Бога мать, делай пять», — я резко рванул ногу. Внизу что-то затрещало, пирамида вдруг рухнула, а я упал на судейский стол. Все жюри рыдало от хохота. Мои коллеги-акробаты не могли сразу распутать бесформенную массу из голов, туловищ и конечностей, что осталась от пирамиды, но все-таки постепенно уползали со сцены. Я из-под стола жюри благополучно пролез в дыру под сценой, отдышался и уже оттуда слушал заключение судей. Нам таки

присудили первое место, но пока все не закончилось, я сидел под сценой, благо Мишка охранял мою одежду.

После праздников я еще с месяц ходил в школу другой дорогой, боялся встретиться с кем-то из коллег-акробатов.

Все меня понимали, но Андрей Иванович сказал прямо: «Понимаешь Василь, ты хороший пацан, и акробат из тебя выйдет хороший, но не в нашей пирамиде. Наши тебя не смогут выдержать».

Десятиклассница, соседка Дуся, мощная была девочка, она с парнем — тоже десятиклассником, держала «центр», говорила моему дяде-«портному»: «Мы держали на себе всю пирамиду, смотрели вверх. И когда Вася сделал рывок ногой — трусы разошлись. Тут мы не выдержали и все завалили. Только мы все видели. Этого оказалось достаточно».

С той поры я надолго подружился со спортом, имел первые разряды по пяти видам, выигрывал первенство флота по боксу, дважды — первенство военного округа по волейболу, был победителем и призером на разных районных и областных первенствах по различным видам спорта, а вот акробатом не стал. Таге получилось. А жаль...

ПАРОМНЫЕ ИСТОРИИ

Что такое в принципе паром? Вроде как плавучее сооружение для преодоления водных преград, перевозки транспортных средств и пассажиров от одного прибрежного объекта к другому. Все понятно и просто.

Паром в Слободзее, особенно в прежние времена, был далеко не плавучим средством. Это был великий труженик и не только...

Удачно расположенная в середине села переправа, с удобным выездом на районную трассу, была важным узлом не только транспортным, но и общественно-экономическим. Рядом с паромом возвышалась так называемая «поповская» мельница, где и муку мололи, и масло из подсолнечника выделяли. В полукилометре вверх по Днестру стояла еще одна такая же мельница, т.н. «курячья» или куриная.

Мостов по Днестру от Бендер и до юга Молдавии — не было, паромы — в Чобручах, Раскайцах, Олонештах и даже в Тирасполе не составляли конкуренцию Слободзейскому парому. Этот перевоз диффузорно впитывал в себя целый ряд направлений Украины и Молдавии. Отсюда двумя веерами расходились транспортные потоки. Паром нес основную нагрузку на перевалке продукции совхоза «Кременчуг» во время его расцвета, колхоза им. Ленина из села Копанка и др.

Перемещалось большое количество людей, имеющих огороды в плавнях или работающих на правой стороне Днестра. Много людей имело дела в райцентре и т. д.

Паром, как рынок и другие важные общественные объекты, был еще и местом общения людей. Простаивая в ожидании парома и вместе переезжая, люди общались, по ходу решая массу возникающих дел. Не знаю, но, скорее всего, именно возможность общения, возникающие различные ситуации в районе парома, привлекали к нему внимание нас, пацанов. Иначе, чего вдруг мы, жившие за 2—3 километра от парома, ходили купаться именно туда, мимо высокого обрывистого берега, где можно было демонстрировать любые прыжки в воду, мимо пляжа, где всегда были сотни людей, мимо выступающего в воду дзота, с которого тоже неплохо было прыгать в воду. А

ходили именно потому, что там было интересно. Купались и наблюдали. Сколько различных историй могли бы рассказать и сам паром, и работавшие на нем люди за все эти годы!

Помню, как раньше тянули паром за трос руками и специальными деревянными тягачами. Потом придумали очень удачную схему самоходного парома, и какое-то время ходили рядом даже два парома. Сегодня остался опять один. Раньше перевоз машины стоил 50 копеек, за человека брали 5 копеек, и все были довольны.

Случались разные казусы. Много было, вплоть до аварий. Бывало, срывался трос, и паром уходил в свободное плавание по Днестру. Врезались в трос «нетрезвые» катера и теплоходы, паром по ночам использовали заинтересованные люди и т. п. Жизнь есть жизнь, и всякое в этой жизни бывало.

Возможность появления чего-то интересного, необычного и притягивала нас, пацанов тех лет, к этому месту. Много было всякого разного, но расскажу о двух запомнившихся случаях.

Лето. Жара. Мы прыгаем с парома в воду, все как обычно. Подъезжает со стороны села машина, приехало человек семь ребят из колхозного духового оркестра, сгружают инструменты, раскладывают их вдоль берега, раздеваются и купаются рядом с нами. Как выяснилось, кто-то из слободзейских, живших в Кременчуге, ушел из жизни, хоронить его должны в Слободзее. Поэтому договорились, что до парома его понесут без музыки, а от парома до кладбища — с оркестром. Прошло с час, никто не появляется. Жара, музыканты волнуются и охлаждают себя водой, что очень им не свойственно.

Подъезжает на моторной лодке бакенщик. Дом бакенщика — на правой стороне Днестра, метров 300 ниже парома. Он увидел блестящие трубы на берегу, подъехал, выяснил ситуацию и спрашивает: «Ребята, вы сколько берете за ритуал?» Называют цену. Бакенщик говорит: «Я живу один, уже старый, не дай Бог чего — кто меня будет хоронить. У меня все готово: костюм, гроб и т. д. Давайте сделаем таге Пока вам нет работы, я перевезу вас к себе, надену костюм, лягу в гроб, а вы сыграете пару мелодий. Я вам заплачу и привезу назад. Сделайте доброе дело, я же никого не имею и никому не нужен. Так хоть сам буду присутствовать при всем этом и почувствую, как все это будет происходить».

Музыканты, подумав, согласились. Переехали на ту сторону и сделали все, как просил бакенщик. Он, полежав несколько минут в гро-

бу — рассчитался с ребятами, поставил им ведро вина и говорит: «Ну, я-то живой еще. Поэтому даю вам еще полцены и ведро вина, сыграйте что-нибудь веселое».

Возбужденные первым ведром музыканты дали настоящий танцевальный концерт, который было слышно и в Слободзее, и в Кременчуге, и в Кицканах.

Люди пронесли покойника от Кременчуга до Днестра, переправились паромом, ждали-ждали и под «краковяки» и «польки» с другого берега понесли на кладбище.

Второй случай. В нашем колхозе было несколько старых советских и трофейных автомобилей. На одном из них работал известный в Слободзее в то время матрос Рудик, он же футболист, который славился своими финтами на футбольном поле, для понта иногда перевязывавший правую бутсу белой повязкой, что означало — «удар смертельный».

«Полуторка», на которой ездил Рудик, имела по конструкции механические тормоза. Чтобы ее остановить, надо было нажимать на них за полкилометра до того места, где требовалось остановиться.

Спуск к парому раньше был круче, чем сегодня, поэтому Рудик на скорости съехал, поздно затормозил, пролетел паром, сшиб ограничительную доску (раньше, когда было много лошадей, на пароме с обеих сторон ставили специальные ограничительные доски на крючках) и нырнул с машиной в воду.

Завхоз, ехавший с ним, дядя Илюша, успел вывалиться на паром, а Рудик не успел открыть левую дверь, завязанную на веревку или на телефонный кабель.

Мы с ужасом чего-то ждали. Апрель месяц, вода еще была довольно холодной. И тут вынырнул посиневший Рудик. Матрос все-таки. Выслушав целый клубок матов от завхоза, он попросил лодку у паромщика, переплыл на ту сторону и пошел в Кременчуг, где в то время было отделение совхоза от Кицкан.

Паром стоял недвижимым, куда плыть, когда машина упала в воду. Часа через два приехал Рудик с совхозным трактором С-80. Сняли паромный трос, прицепили к нему огромный крюк, и несчастный Рудик начал нырять в апрельскую воду. Однако безрезультатно — тяжеленный крюк вместе с тросом мгновенно отправлялся на дно.

Кто-то «уломал» завхоза послать за банкой вина, какой-то велосипедист оперативно ее привез. Рудик принял в порядке «допинга» пол-

банки и так зацепил трос за автомобиль. Трактор начал тянуть. С обеих сторон реки скопилась масса подвод, машин, людей. Все ждали развязки. И она наступила...

На ту сторону, вопреки ожиданиям, вытянули только раму с двигателем. Все остальное или осталось на дне, или было унесено рекой. Завхоза чуть не хватил удар, он тут же принял свою дозу «допинга», реквизирует у кого-то подводу и поехал докладывать начальству о случившемся.

Машину восстановили — мы же не в какой-то там Германии живем, чтоб машины выбрасывать, и на этом данный инцидент был закончен. А у паромов жизнь продолжалась.

Похожих эпизодов было не счесть. Жаль, мы сегодня совсем по-другому относимся к нему и ко всему, что с ним связано. И нынешние мальчишки с наших улиц уже не ходят к парому купаться. И паром не тот, и обстановка не та. Могут быть только неприятности. А паром все-таки нам нужен, и еще долго будет служить людям. И тот мост, который почти уже назревал в Слободзее, наверняка не скоро будет построен, слишком малые интересы движут сегодня этой идеей. Хотя и на той стороне живут наши люди, и сохранились наши слободзейские интересы...

«БРАКОНЬЕРЫ»

Браконьерами называют тех людей, которые ловят рыбу, отлавливают или убивают различных животных и птицу в неположенном месте, в неустановленное время, запрещенными способами и орудиями и неразрешенных к промыслу видов. Все это прекрасно знают, но каждый из нас, подчиняясь каким-то необъяснимым инстинктам или вполне объяснимым причинам, по доброй воле или вопреки ей, иной раз тоже становится браконьером В разной степени, конечно.

Браконьеры бывают всякие: одни — по нужде, другие — по образу жизни для роскоши, третьи — в законе. Это самая опасная разновидность браконьерства. Это те, кто имеет возможность доставать всевозможные разрешения-лицензии или просто носит в кармане вполне легитимное удостоверение какого-нибудь уполномоченного или инспектора по надзору, охране или еще чему-то. Такие никого не боятся, прут везде напрямую, стреляют и бьют все подряд, а если кто-то им попадается на пути, охотник или браконьер не их круга, они тут лее «принимают меры», конфискуют (себе, конечно), изымают, штрафуют и т. д. Они всегда, естественно, правы. И, как правило, с ними работают в коррумпированной связке браконьеры-промысловики. Это главная убойная сила всего браконьерства.

Мне довелось видеть ужасающие по своей жестокости и бесчеловечности следы деятельности такой разновидности браконьеров, которым наплевать, извините, на все и на всех, ради сиюминутной выгоды или просто снобистского понта.

Разлагающиеся двухсоткилограммовые туши белуг и осетров по берегам Урала, у которых взята только икра, лосиные туши без рогов и самых лакомых кусков мяса, ошкуренные трупы медведей в Башкирии, десятки и сотни несобранных туш сайгаков в Казахстане, которых стреляют с воздуха, а потом не удосуживаются найти и т. п. Чего только не увидишь после таких «охотников» в законе.

Трудно понять в такой ситуации, кто звери, а кто люди, но все это, к сожалению, имело место. Да и еще имеет...

Не буду судить о том, чего не знаю. В одном абсолютно уверен: ни одной головы живности (дикой) за все годы жизни сам не уничтожил. Не хваюсь этим, просто констатирую. Но был и у меня в жизни случай, который, хотя и с натяжкой, но можно отнести к браконьерству. Я его привожу даже не в этой связи, а как небольшую записку из нашего сельского детства.

Босые с апреля по октябрь, почти всегда полуголодные, живущие в основном на «подножном» корме, абсолютно безденежные, в заплатанных десятки раз одеждах, мы, дети военных лет, вырастали на зло всему. Без лекарств, без всяких подкормок и без какого-то прожиточного минимума.

Просто с середины мая переходили на зелень и тем жили. Черешня, шелковина, вишня, абрикосы, сливы, орехи до самой осени держали нас в форме. Естественно, ежедневно — на Днестр. Основной критерий или проходной «ценз» для пацана, желающего выйти на улицу гулять, был таким: переплывать Днестр, уметь кататься на велосипеде и... курить. Освоил все три направления, ты — полноправный участник «улицы» и можешь посещать место уличного сбора. Такие места были на каждой слободзейской улице. Возрастной разброс участников — 6—7 лет. Все обязательно собирались, конечно, не кололись или что-то нюхали, как сегодня, но время проводили весело. Младшие учились у старших тому, что знали те. Одни уходили в армию, уезжали куда-то, подрастали — выходили на улицу другие, и традиции поддерживались, совершенствовались. Условия жизни были близкими к естественным, поэтому из полуголодных мальцов вырастали крепкие, закаленные ребята. Плохому их своя же улица не учила. Вроде бы мелочь, а многие сегодня второклассники, да и ребята гораздо старше, рискнут переплыть Днестр? Да и кто им позволит это сделать? Тем более, кто подстрахует из сверстников, ведь многие сами по-настоящему плавать не умеют?

Как я рке сказал, улица многому учила. На ней мы впервые узнали о свойствах того же карбида. И что с его помощью можно чернила превращать в воду (что мы часто и делали в школе) и устраивать небольшие взрывы.

В магазине карбид тогда не продавали, мы «заимствовали» его в мастерских МТС и колхозов, делились и устраивали «ракетные» соревнования. Каждый искал себе консервную банку, затем накрывал этой банкой небольшую ямку, предварительно налив туда воды и бро-

сив кусочек карбида. Далее вокруг дна банки утрамбовывалась земля, и через время, когда карбид начинал шипеть, то есть работать, к специально пробитому отверстию в верхней части банки подносилась зажженная спичка. Смесь взрывалась — банка ракетой летела вверх. Как всегда, среди ребят были разные мастера этого дела, которые рассчитывали и подбирали и высоту банки, и уровень отверстия, и количество смеси, и т. п. У них банки с оглушительным грохотом летели на многие метры вверх. Затем все повторялось сначала: вода, карбид, банка, поджег, пока не надоест.

И вот тогда кому-то из старших ребят пришла в голову мысль использовать карбид в качестве взрывчатки для «глушения» рыбы. Идея понравилась, каждый начал искать подходящую посуду — кто флаконы от одеколона, кто какие-то банки. Выбор посуды был тогда ограничен, тем более с жестко прикрепленными пробками. Принесли, кто что нашел. Мне повезло. Я отыскал на чердаке довольно объемную, литра на два с половиной, оставшуюся от немцев бутылку — с резиновой пробкой и проволоочной защелкой. Собралось нас, «браконьеров», человек семь. «Достали» карбид в колхозе и пошли на Днестр. Решили «глушить» под высокой песчаной кручей, что начинается с левой стороны реки, ниже пляжа на русской части Слободзеи. Весь технологический процесс предполагал следующие действия. Мы растягиваемся в цепочку на тропинке у самой воды, двое старших ребят с торбами через плечо под рыбу стоят ниже всех по течению, там, где тропинка обрывается. Их функция — быстро собирать оглушенную рыбу. Остальные с интервалом метров по 5—7, располагаются выше по течению. Причем, меня с моей «бомбой» поставили выше всех, так как возлагали на нее большие надежды.

Перед началом действия провели совещание. Вспомнили трагический случай, произошедший несколько лет назад в голодный год, именно, напротив места, где мы сейчас готовились «браконьерничать». Тогда на наших глазах погибла группа взрослых ребят-слободзейцев. Они работали по-крупному. Один парень должен был от взорванного дзота, что выше пляжа, вытолкнуть на течение под противоположную сторону Днестра старую лодку с ящиком мин от немецкого многоствольного миномета типа «Ванюша», взрывателем и бикфордовым шнуром. Выведя лодку в нужном направлении, он должен был поджечь шнур и быстро сойти на берег. Где-то на уровне пляжа с той стороны реки заряд должен был сработать. Основная группа

рыбаков готовилась выйти навстречу рыбе, которую течением вынесло бы на них. Все было исполнено, как и задумывалось. Тот парень запустил лодку, поджег шнур и вылез на берег. Лодку со взрывчаткой подхватило течением и стремительно понесло. Сборщики рыбы должны были оперативно переплыть на слободзейскую сторону, быстро рассредоточиться и двумя бреднями собрать всплывшую рыбу.

Но случилось непредвиденное. Лодку «рыбаков» вынесло на мель. Пока они там возились, перетаскивая ее по гравию, подлетела лодка с ящиком мин — и метрах в двадцати от мели эта адская машина грохнула. После этого — ни лодки, ни ребят рке на поверхности воды не было. Взрыв был ужасной силы, весь удар взрывной волны приняла на себя местами осунувшаяся песчаная круча. Хорошо, что мы наблюдали всю эту дикуую сцену из окопа, в метрах пяти-семи от обрыва

Так вот, вспомнив те трагические события, мы не очень охотно, но все-таки начали готовить свои «бомбы» к работе. Поджигать ничего не надо было, расчет был сделан «на разрыв»: насыпать в емкость карбид, долить в пропорции воды, закрутить пробку, выдержать какую-то паузу, бросить в воду и ждать пока она (емкость) взорвется. Все просто. Но если у ребят были небольшие флаконы и баночки, как уже было сказано, то у меня — целый «гусак» с полкило карбида.

Набрав воды, я закрыл бурлящую смесь, затем по команде старшего бросил бутылку подальше в воду. Вскоре от брошенных раньше мелких «зарядов» раздалось несколько слабых хлопков, так себе — «пляк-пляк». Мы все стояли у воды и ждали, естественно, оглушенную рыбу. «Ловцы» с торбами были наготове. И тут явление — всплывает мой «гусак», прямо в метре от берега, течением прибило. Внутри — бело-серая смесь. Вот-вот...

Несколько секунд оцепенения, я резко поворачиваюсь направо и с высочайшей скоростью — вверх по течению по-над кручей. Ну, я то крайний был, мне проще. Те, голые «ловцы» рыбы, поняв, в чем дело, прыгнули в воду и уплыли вниз по течению. А у остальной группы выбор был невелик, да и время сильно ограничено. Мой «гусак», прибившись к берегу, медленно передвигался в их сторону.

Вниз по течению берег заканчивается вертикальным обрывом, место там очень глубокое, десятиметровая круча — не зацепишься. Остается только тропинка, но... мимо «бомбы». Делать нечего — они, один за другим, зажмурив глаза, начали проскакивать «аварийный» участок. А «бомба» молчала, рке думали, что брак какой-то! Но она

оказалась безбрачная, просто выдержанная. И когда, последний из ребят, наш вечно невезучий Колька Димитренко, проскочил «гусак» метра на три — тот и грохнул. Да так, что мы все, хоть и были довольно далеко, попадали от страха. Бедный же Колька принял удар на себя — ну, никак не могла обойти его та «бомба», влепив оторвавшимся в палец толщиной дном от «гусака» точно по заднему месту. Месяца два Колька носил и с гордостью показывал круглый, по размерам того дна, лилово-черный синяк.

Я описал первую и последнюю нашу браконьерскую выходку. К сожалению, мы не могли тогда снять видеоролик о вреде браконьерства, с показом всех технологических действий и их последствий, но и наших рассказов оказалось достаточно, чтобы больше никто из слободзейских ребят не «рыбачил» подобным способом И, поверьте, никто из тех наших уличных ребят не стал браконьером по жизни, ни любителем, ни в законе.

«МЕСТЬ»

Если посмотреть на все наше хозяйство (и прежнее, и нынешнее) со стороны, не трудно убедиться, что у нас слишком много тех, кто охраняет. Сторожа, охранники, хранители и телохранители, вахтеры и еще много им подобных. Создается впечатление, что будто бы в стране одна половина — ворует, а вторая — охраняет. Ну, есть там еще небольшая прослойка счетных работников и аналитиков, чтобы было, кому посчитать, сколько и чего украдено.

Конечно, и охранники бывают разные. Одни, бездейные, просто отбывают время, сутки через трое или еще как, другие идут в охрану, чтобы иметь возможность самим что-то украсть или сделать наводку и помочь другому вору. Третьи считают свою работу важнее работы руководителя и упиваются какой-то должностной, пусть мелкой, но властью, по отношению к другим людям. Такие стараются показушно качать права, привлекая внимание к своей персоне. Им выгодны скандалы и, вообще, шум и аплодисменты.

Худшей разновидностью этих, третьих, являются те охранники, которые своим ехидством доводят до белого каления всех. Такие не боятся жалоб на их хамство, так как, как правило, пользуются авторитетом у своего начальства.

Расскажу один случай из нашего послевоенного детства, когда впервые столкнулся с охранником такого, если можно так выразиться, высокомерно-садистского типа.

Жил недалеко от нас один старик. Не знаю, сколько ему было лет, но был он довольно подвижный и жизнеактивный. Работал много лет подряд сторожем в одной из колхозных бригад, расположенных на так называемом «лиманчике», между Слободзей и Чобруча-ми. В прежние годы, когда обваловочные дамбы по берегам Днестра или отсутствовали вовсе, или были недостаточными для защиты плавневых зон от затопления, вода довольно часто заливала значительные площади прибрежных угодий. В основном это происходило летом, во время таяния снегов в Карпатах, и на короткое время — 7—10 дней. В такие периоды вода в Днестре резко поднималась, заливая все, что

ей было под силу, а затем так же быстро возвращалась на обычный уровень, в свое русло. С залитых площадей вода сходила, оставляя после себя толстый слой плодородного ила и массу мелких озер в естественных углублениях, которые через некоторое время высыхали, и все становилось на свои места. Оставалась вода в более крупных впадинах, и такие водосборы использовались как для полива, так и для разведения рыбы. Часть ее оставалась после паводка, к ней добавлялся сеголеток, и эта рыба использовалась для хозяйственных нужд. Как правило, возле таких озер сажали влаголюбивые культуры, часто рядом располагались бригадные станы. И те хозяева, которые уделяли внимание таким водоемам, ухаживали за ними, получали значительную выгоду во всех отношениях, вплоть до улучшения микроклимата и оздоровления работавших там людей.

Обязательным атрибутом любой бригады в те времена, особенно в приозерных зонах, была бахча. Весь сезон в бригадах не выводились арбузы и дыни. Я не знаю, каких они были сортов и чьей селекции, но по вкусовым качествам — бесподобны, а по количеству — неисчерпаемы. С небольших прибригадных бахчевых участков питались не только члены бригады, но и все село, в том числе и мы, пацаны тех суровых и одновременно прекрасных лет.

С мая по ноябрь, от первой черешни и шелковицы до поздних груш и яблок, мы питались «подножным кормом». Все лето ходили босыми, никогда перед употреблением не мыли ни фрукты, ни овощи: когда берешь все с дерева или с куста — воды рядом нет. И (ну, что тут говорить!) не знали, где находится больница. Практически никто. Я лично получил свой первый укол при призыве в армию, какую-то там прививку сделали, и все.

Да, мы питались с поля. Больше по ночам, так как днем нас кнутами отгоняли те же охранники-объездчики, не понимая, что если бы нам дали накушаться днем, то мы бы не делали это ночью, многое ломая и вытаптывая. У нас просто не было дома еды. Добывание пищи во все времена было сложным процессом; и когда восьмилетние дети вместо того, чтобы в десять часов вечера вымытыми и накормленными засыпать под вечернюю сказку, выходят с сумкой или без нее в поле или в сад за добычей — это не нормально. Но так было и, к сожалению, повторяется в наше время.

Только сегодня производство продукции стремительно уменьшается, а количество тех, кто ее думает взять или украсть, если хотите, еще

более стремительно растет. Эти социально-экономические ножницы, если ситуацию не изменять, обязательно перережут саму нашу жизнь.

Ну а в те давние времена у нас были совсем другие проблемы. Идем, к примеру, на бахчу. Хочется выбрать арбуз получше. А он весит килограммов 15—20! Как донести такой десятилетнему пацану? И мы делали так. Во-первых, наедались «доотвала» на месте, при бахче. Затем выбирали по 3—4 арбуза и просто катили их ногами по дорожке. Каждый свои. Прокатишь один метров пять-шесть, за остальными возвращаешься. Бывает, случайно стукнешь арбуз об арбуз, свой или чужой, он лопнет — тут же всей компанией его съедали и катили остальные дальше, до дома.

Если с проблемами веса мы еще как-то справлялись, то с охраной, вернее с охранниками, было сложнее.

Так вот, сторож, о котором идет речь, был у нас одной из таких проблем целых несколько лет. Он работал, во-первых, в ближней к нам бригаде, во-вторых, там всегда были хорошая бахча и виноград, в-третьих, зарыбленное озеро, а в-четвертых, он, сторож, был как бы наш, сосед. Он знал нас всех по голосу, знал наших родных, а один из наших уличных ребят вообще был его родственником. И мы на все это здорово рассчитывали. В какой-то мере, конечно, купились на «заливания» того пацана, родственника сторожа, что в бригадном озере кишит рыба. Голодная, мол, она клюет даже на насаженную на крючок бумажку в любое время дня и ночи.

Постепенно мы начали заводить «дружбу» с дедом Гришкой (так звали сторожа). Помогали ему поливать небольшой овощной участок. Поочередно носили ведрами воду из озера за 50 метров, собирали и носили ему дрова из соседнего сада. И все это — за получение права на рыбалку. Так продолжалось с месяц. Наконец, родственник деда заявил, что можно приходить и ловить рыбу. Луна сейчас полная, видно хорошо, рыба пойдет. А днем нельзя, увидит начальство, беды не оберешься.

Мы, ребята с нашей улицы, обрадовались и начали интенсивно готовиться к рыбалке. У каждого по две-три удочки, запасные крючки, черви, сумки под рыбу.

Когда поднялась луна, отправились на бригадное озеро. Шли спокойно, дед дал разрешение, значит, будем ловить легально.

Озеро окружало плотное кольцо длинноколючных акаций, в одном месте был проход, шириной метра в три. Мы прошли через него к

озеру, рассыпались по берегу, поставили удочки и стали ждать клева. Но рыба, наверное, ночью тоже спать хотела, и за те два или три часа, что мы простояли с удочками, напряженно всматриваясь в поплавки, так ни у кого ни разу и не клюнула. Делать нечего, собираем удочки — и на выход. Так как выйти из акациевого кольца можно было только в одном месте, то все потянулись туда. Настроение, конечно, было испорчено, но, как оказалось, это были лишь цветики.

Когда первые ребята вошли в проход на красивую при полной луне песчаную дорожку, из кустов выскочили три огромные собаки и с бешеным лаем бросились к ним. Естественной реакцией был наш рывок на выход. Первым шел тот самый родственник сторожа, я за ним, остальные ребята чуть сзади. Смотрю, он рванул с места, а потом заорал, упал на бок и начал с ужасным криком кувыркаться на месте. Я бежал за ним и рке не мог остановиться; решив перепрыгнуть через него, метра три пролетел в воздухе, упал, вскочил и побежал дальше, не понимая, что происходит, и ожидая нападения собак. Отбежав метров сто, остановился и сел. Никто за мной не гнался, зато со стороны озера доносилось что-то невообразимое — лай разъяренных собак, отчаянные крики пацанов, смех и многоэтажный мат деда Гришки.

Пока я отходил от всего происшедшего, постепенно подковыляли избитые и исколотые мои коллеги-рыбаки.

Как позже выяснилось, причиной всему стал садистский характер деда Гришки. Вроде бы разрешив нам ночную рыбалку, он тщательно готовил нам изуверский сюрприз. Впустив на территорию озера, он, зная, что мы все босые, насыпал в конце прохода колючек, полосой метра в три.

Я до сих пор не знаю, как называется растение, круглым плотным кольцом покрывающее землю, на котором вырастает множество мелких, жестких, многоигольных плодов-колючек. Мы их в детстве называли «кавунчиками». Ох, неприятно, скажу вам, когда наступишь даже на один такой «кавунчик». Дед лее не поленился набрать их много, усеял часть прохода и ждал, пока мы будем возвращаться с рыбалки. Он знал, что мы все равно ничего не поймаем — ночью.

Когда мы начали стягиваться к проходу, он пустил на нас своих собак, но не дал им свободу, они бы нас просто порвали, а держал их на веревках. Таким образом, он хотел заставить нас бежать... на колючки. А когда ребята стали падать и крутиться, прокалывая различ-

ные части тела, дед стоял рядом и длинной, специально подобранной лозиною стегал этот ребячий клубок вдоль и поперек, с диким смехом и всеми, что он знал, многоэтажными матюками.

Так он отплатил нам за помощь и так подтвердил свое разрешение на рыбалку. Насладившись сделанным, он забрал собак и ушел к полевому стану, а бедные «рыбаки» еще часа два выковыривали колючки из разных частей тела и отходили от побоев.

Естественно, тут лее по горячим следам возник план мести. Ничего сверхъестественного мы выдумывать не стали. Просто насобирали два ведра тех же колючек, выбрали время, когда дед Гришка был не на смене, и где-то после полуночи насыпали ему во дворе колючек от крыльца дома до самой калитки. Затем к раскрытому окну дедовой спальни приспособили в форме отвеса картофелину на веревке, а к ней привязали длинную нитку, перебросив ее через дорогу. Дернешь за нитку, картофелина бьет в стекло. И так раз, два, десять... Наконец, разъяренный крик деда: «Ох, выйду, я вам покажу, мать-перемать». После десяти или больше таких обещаний, дед не выдерживает и выскакивает в кальсонах на крыльцо с рркъем в руках. Тапочек в те времена в селе не знали, и он сразу попадает босыми ногами на., колючки. Падает назад, одновременно непроизвольно стреляя из ружья в воздух, затем опрокидывается на спину. Он буквально ревет: «Манька, твою мать, давай лампу!» Электричества тогда в Слободзее еще не было. Выбегает баба Маша с зажженной лампой, тоже падает. Лампа покатилась по двору. Керосин. Огонь. В разные стороны покатались с дикими воплями сторож с женой. Дед все-таки не забывал посылать нам угрозы типа: «Я знаю, хто цэ, я вас усих пэрэстриляю, мать-перемать».

Нас эти угрозы рке не трогали. Мы были отомщены, пусть даже таким варварским способом. Думали, дед поймет, но горбатый характер ничем не исправишь. Не знаю, как ребята, а я для себя сделал вывод на всю жизнь — «свои» охранники бывают только для «своих» воров, и снял навсегда этот вопрос.

И все-таки повторяю то, что сказал вначале. Таким, как у нас, наличием охранников и «хранителей» мы заставляем весь окружающий нас мир думать о нашем обществе с самой плохой стороны. И, наверное, что-то в этом есть. Уже вроде бы и красть нечего, а индекс охранности только растет. Может быть, когда уворуем что-то последнее, так поймем, что жили неправильно. Дай-то Бог.

ШКОЛА

Учение — действительно свет. Во всем цивилизованном мире образованию, особенно первой (школьной) его ступени, придается особое значение.

Возьмите ту же Японию. Страна с ограниченной территорией, высочайшей плотностью населения, не располагающая запасами полезных ископаемых, а занимает ведущее место в мировой экономике. Каждый японец стремится определить своего ребенка в престижный детский сад, престижную школу, престижный вуз на престижную специальность, зная, что именно хорошее образование и добросовестное его применение — залог будущей обеспеченной жизни.

В России образование тоже всегда было престижным. Именно как учеба, получение знаний, а не что-то приобретенное, в буквальном смысле — купленное.

Село всегда с большим интересом относилось к познанию и учебе. Это понятно, так как определенная информационная недостаточность сельской жизни больше требовала каких-то разъяснений — как общего, так; и частного характера. Сельские дети тянулись к знаниям более естественно, городские — больше по необходимости.

Сельский учитель в прежние времена был не просто проводником знаний, а больше воспитателем, идеологом-законником, пропагандистом, законодателем моды в лучшем понимании этих слов. Он пользовался всеобщим уважением. Его знали в селе все, от мала до велика, и его слово часто было решающим.

Учитель получал регулярно, пусть и небольшую, но приличную, соответствующую времени, зарплату. С ним считалась любая местная власть. Учитель был примером во всем и везде, как в школе, так и вонне ее.

Этим, общим для всех педагогов ценностям, отвечало большинство слободзейских педагогов, которые работали в наше школьное, да и поздние времена.

Когда я был школьником, в Слободзее работали на молдавской части две начальных школы — молдавская и русская и молдавская сред-

няя №1. На русской части — одна начальная, так называемая «украинская» и средняя русская №2.

До середины шестидесятых дети, заканчивающие 4 класса начальной русской школы на молдавской части, продолжали обучение в школе №2 на русской части. Это было довольно неудобно со всех точек зрения и сдерживало желание детей учиться на русском языке. Поэтому уже в начале шестидесятых в Слободзее появилась новая русская школа №3, куда ходят сегодня дети с обеих частей села. В конце семидесятых появилось и новое здание школы №1.

Расскажу о том, как работали школы села в наше время, кто и как нас учил (по моему, возможно, субъективному мнению) и как мы учились.

Время было послевоенное, особое и тяжелое. Так как во время войны школы не работали, то после нее вместе учились дети разных возрастов. К примеру, я ходил в первый класс, а мой дядя Николай, ходил в четвертый. Мне было семь, ему семнадцать. В то время еще было обязательное четырехклассное образование, без такого уровня не брали даже в армию.

Мы жили на 9-ом участке, ныне ул. Горького. Рядом была «украинская» школа. В начале века это была двухклассная церковно-приходская школа. Многие годы ею заведовал легендарный у наших предков Савва Герасимович. Он был в единственном лице, сам учил, сам воспитывал и наказывал, часто знания просто «вколачивал». Последним он больше всего и запомнился многим своим ученикам.

Моя бабушка Маня рассказывала, как отвечали уроки ее одноклассники. Савва Герасимович спрашивает, к примеру, одного мальчика: «Скільки будэ дважды два?» А в руке держит метровую самодельную буковую линейку, толщиной в палец. Ученик косится на линейку и неуверенно отвечает: «Пять». А когда получает удар линейкой по ладони, говорит: «Шість». И после каждого следующего удара добавляет: «сімь, висімь, дэв'ять, дэсятъ...» На счете «тринадцать» учитель не выдерживает, лупит его рке ладонью по шее и выбрасывает из класса.

Жестко было, но, как показала жизнь, довольно эффективно. Не зря бабушка помнила все школьные стихи и правила до конца своей жизни.

Все ребята нашей улицы учились в этой школе, я один ходил во 2-ю школу, это подальше, но так уж сложилось. В первые послевоен-

ные годы «украинская» школа была на самом деле украинской, единственной, по крайней мере, в Слободзейском районе. Как бы это ни было смешно или грустно, но в этой школе культивировались четыре (!) языка. Учились на украинском, русский учили — как общегосударственный, молдавский — как республиканский и немецкий — как иностранный.

В итоге выпускники этой школы после 4-х классов толком не знали ни одного языка, и основная их масса сразу шла на пополнение колхозных кадров. Небольшая часть продолжала учебу в школе №2.

Какой бы примитивной ни казалась нам эта начальная школа с высоты сегодняшнего дня, но в течение послевоенных 15—20 лет коллектив преподавателей, возглавляемый энергичным, толковым директором — Сорочинским Григорием Марковичем, не терялся в общей школьной массе села и района. На площади возле школы был хороший стадион, различные спортивные сооружения, качели, карусели и т. п. Сегодня на той площади — ни души, а в те годы целыми днями все вращалось, крутилось, короче говоря, работало. Дети занимались и были при деле.

Застрельщиком в оборудовании и использовании всего того, что было при школе построено, был, конечно, директор. Помню, как Григорий Маркович с Иваном Арсентьевичем, учителем географии, однажды крутили «солнце» на качелях, крутили до тех пор, пока не выдернули несущие опоры. Пролетев метров 20 через дорогу, они упали в огород дяди Вани Будяка.

И наша 2-я школа выглядела довольно солидно не только в Слободзее, но и за ее пределами. Школе повезло, в первую очередь, на директора. Многие десятки лет, с труднейших послевоенных и до более щедрых восьмидесятых, Евгений Иванович Дидковский успешно руководил коллективом нашей школы. Через многое прошла школа — сидели на чурбаках за длинными, сколоченными из горбылей столами, писали на обрывках газет и чистых листах, вырванных из довоенных тетрадей, слюнявыми «химическими» карандашами.

Не было учебников, художественной и специальной литературы, не было света, топлива для печек и много-много другого, а мы учились. И, как показала жизнь, неплохо учились. По уровню знаний, а я сейчас могу это заявить с абсолютной ответственностью, выпускники нашей школы, разбросанные сегодня по всей бывшей великой стране, не только не уступали и не уступают, а многие далеко опережают своих сверстников и коллег из других регионов, включая зарубежных.

Выпускники слободзейских школ, какие бы посты ни занимали и где бы ни проживали, всегда благоговеют, посещая свою родную школу или проходя мимо нее.

Хорошая школа — это как хорошее производство, где, с учетом каких-то общих технологических правил, обязательно есть что-то свое, особенное.

Особенным в нашей школе были люди. Именно люди — преподаватели.

Когда дают определение «люди» — значит, это хорошие, значит, люди. Это те, вся жизнь которых связана со школой и другой жизни у них не было. Не всех учителей помнят. Одни приходят и уходят, другие — никогда не уходят, всегда присутствуют и в сердце, и в памяти.

Я действительно благоговею даже перед именами моих учителей, без всяких характеристик. Это не просто школьные «долгожители», такие, к сожалению, тоже бывают (пусть простят они меня за такое сравнение). Нет, они были для школы ежедневной необходимостью — как хлеб, вода, воздух. Они как бы были и есть всегда, вечно.

Трое Дидковских — Евгений Иванович, Анна Ивановна и Галина Ивановна, Копайгора Василий Федорович, Швыдкий Михаил Иванович, Калошин Иван Андреевич, Задорожная Анастасия Григорьевна, Гуртовой Николай Тимофеевич, Мартыненко Иван Арсентьевич и многие другие. Без них не было бы 2-й школы, как и без школы не было бы их.

Благодаря замечательной Анне Ивановне я люблю литературу, и сам много пишу. Благодаря Ивану Арсентьевичу, известному учителю и прекрасному вратарю сборной Слободзеи по футболу, на всю жизнь влюбился в географию, в познание новых мест и всего, что с этим связано.

Но для меня, конечно, над всеми этими фамилиями постоянно выисется образ моей первой учительницы, несравненной Александры Филаретовны Дидковской. Прошло более полувека, как я впервые увидел ее в первом классе, но до сих пор помню ее красивые длинные локоны и жесткую, но очень полезную манеру ведения уроков. Это она научила меня писать, и в каждом моем произведении есть частичка ее души. За это я благодарен ей всегда.

Оставшийся уже самым старшим в семейной иерархии, я считаю ее своей второй матерью. Благодарен Господу, что и сегодня имею счастье ее видеть, как только появляется возможность. Она вместе с

Евгением Ивановичем всегда радовалась каким-либо моим удачам и поддерживала в неприятные минуты.

Вот это и есть по большому счету — ШКОЛА. Школа жизни.

Хотел бы обратиться ко всем нынешним слободзейцам. Оглянитесь вокруг, посмотрите, кто остался из ваших первых или не первых учителей. Ведь те же Дидковские учили не только меня. Обратите на своих бывших и нынешних учителей внимание. Иногда можно и позвонить, проведать или поздравить, в чем-то помочь или поддержать. Сейчас им это особенно необходимо. Родители дали нам жизнь, научили ходить-говорить, учителя научили нас жить, научили мыслить, а это тоже немало. Давайте не забывать об этом И никогда не забывайте свою школу.

ЭХО ВОЙНЫ

С каждым годом все дальше уходит от нас тот страшный период жизни нашей страны, который мы называем — Великая Отечественная война. Но сколько бы не прошло лет, десятилетий, да и, наверное, веков, память о той войне навсегда останется в истории человечества. Человеческая память о войне, действительно великой и по масштабам, и по силе духа принимавших в ней участие людей, будет жить до тех пор, пока живы как сами ее участники (хотя бы один), так и их родственники, жены, сестры и братья, дети. Память о войне будет сохраняться до тех пор, пока не сравняются с землей могилы павших и пока лежат где-нибудь в земле неизвестные солдаты, а также неразорвавшиеся в свое время мины, снаряды или бомбы, которые, нет-нет, да и напоминают о себе, как правило, трагичными неприятностями. Мы называем такие случаи «эхом войны». Неизвестно, сколько времени еще это «эхо» будет грохотать над нашей землей! И кто знает, где и когда это случится.

Расскажу один случай из жизни, связанный с этим самым печально-коварным эхом. Расскажу, в первую очередь, потому, что она, та война, прокатившись по деду, отцу и мне, эхом прошла и по моему сыну.

Многие знают, а кто-то слышал об одном из величайших сражений времен той войны — Курской битве. На своеобразной географической дуге (Орел—Курск—Белгород) сошлись танковые армады воюющих сторон. В ходе страшных боев, как в гигантской мясорубке, перемалывались в огромных количествах танки, пушки, машины, люди. На головы участников битвы было сброшено бомб, мин, снарядов и других боеприпасов столько, что можно было уничтожить каждого солдата по несколько тысяч раз. И не вся эта масса боеприпасов взорвалась, да и не вся была использована. Земля в тех местах буквально напигована взрывоопасным металлом.

На окраине областного центра, города Курска, был двухсотгектарный массив, который после войны так и назывался — «мертвое поле». Его нельзя было использовать ни под посев, ни как пастбище. За 45 лет город, расстраиваясь, огибал это поле, и оно постепен-

но оказалось в его черте. Практически ежегодно там подрывались люди и животные. Посылали на его разминирование в разные годы несколько групп саперов, но так ничего толком и не вышло. Группы или погибали, или прекращали работу из-за невозможности ее осуществления по разным причинам. Городские власти уже не могли контролировать ситуацию, и когда в 1987 году на том поле подрывались до десятка школьников, областное начальство вышло на Москву с просьбой-требованием освободить город от этого очага беды, так как почти за полвека счет пострадавших на этом поле горожан пошел уже на сотни.

Москва отреагировала жестко и конкретно. В итоге было принято решение о сплошном (по сантиметру) разминировании. Оставалось только найти смельчаков-добровольцев, так как штатные саперы, зная историю предыдущих групп, не особенно стремились попасть в это гиблое место.

Агитационные поиски шли по всему Московскому военному округу. Особенно по военным училищам с родственными ситуации специальностями и войсковым частям аналогичного профиля. Через некоторое время спецгруппа была организована. Возглавил ее опытный сапер — майор Мазур. Подразделение из разных родов войск, разных национальностей, разных характеров и возможностей, было прикомандировано к Курской дивизии. Им предстояло или сделать то, что не смогли сделать коллеги-саперы за последние 45 лет, или не сделать ничего. Они знали на что шли. Они знали, что сплошное ручное разминирование — это работа плотной группой, где одной, даже не ошибки, а просто нелепого случая, хватит на всех сразу.

Главной опасностью предстоящего фронта работ была полная неизвестность и неопределенность. Это не было какое-то упорядоченное минное поле, с какими угодно секретами, это было просто сплошное и невидимое нагромождение металла и взрывчатки любых систем, видов, положений, сроков годности и в любом состоянии взрывготовности.

Собранная и наспех подготовленная группа за саперный сезон 1988 года практически без потерь «оживила» бывшее мертвое курское поле. Земля отдала более четырех с половиной тысяч только крупных взрывоопасных предметов (бомб, мин и снарядов), не забрав ни одного смельчака. Благодарные куряне готовы были на руках носить ребят за все, что они сделали для города и не только на «мертвом поле».

Почему вдруг я об этом рассказываю? Дело в том, что мой сын, Василий Гурковский, учился в то время в Московском высшем командном училище дорожно-инженерных войск на факультете «Гражданская оборона» и тоже стал одним из участников той добровольческой группы саперов. Мы с женой узнали об этом только тогда, когда он уже был в Курске. Я сразу же выехал туда, увидел все своими глазами, побеседовал с их начальником, понял, что предъявлять какие-то претензии сыну за то, что он добровольно оставил училище ради такого рискованного дела, нет смысла, и уехал домой.

С тех пор полтора года подряд жизнь нашей семьи продолжалась в совершенно ином режиме. Мы боялись писем и официальных сообщений. Просто надеялись и молили Бога, чтобы все обошлось. И спасибо ему, что так и вышло. По окончании выполнения основной «курской задачи» группа была отмечена министром обороны СССР именными часами, а трое ребят награждены боевыми наградами в мирное время. Орден «Красной звезды» в июне 1989 года получил майор Мазур, высшей солдатской медали «За отвагу» удостоился и наш сын Василий.

Примечательно, что в числе многих боевых наград медаль «За отвагу» имели и мой отец — Андрей Гурковский, прошедший через три войны, от финской до японской, и мой дед — Гавриил Гурковский, пулеметчик в первую и во вторую мировые войны. Такая вот преемственность получилась. А если учесть, что мой прадед помогал братьям-болгарам в составе русской армии в XIX веке, а его прадед, запорожский казак, один из первых слободзейских поселенцев, ходил с русскими войсками на Измаил еще в XVIII веке, то можно сказать, что все правильно, так оно и должно быть. Каждое поколение, помня свои корни, оставляло что-то хорошее, свое, на этой земле.

И это не только в наших семейных традициях. Это наша славянская, православная основа. Только наши люди могут закрыть собой амбразуру дзота, идти с саблями на танки верхом на лошадях в тридцатиградусный мороз, воевать с одной винтовкой на троих, погибать на морском дне и не сдаваться. И это не какой-то писательский пафос. Это просто правда.

В подтверждение сказанного еще немного добавлю. Когда я был в Курске, майор Мазур рассказал мне об одном эпизоде из жизни тех саперов-добровольцев.

«В то время как мы очищали поле в Курске, — рассказывал майор, — поступил срочный вызов в Белгород. Там в густонаселенном новом микрорайоне начали закладывать фундамент жилого дома. Грунт болотистый, поэтому сперва его укрепляли, забивая сваи. В одном месте свая не пошла, стали бить левее, потом правее — не идет. Раскопали экскаватором — увидели авиационную неразорвавшуюся бомбу. Экскаватор слегка поцарапал ее стабилизатор. Глубина — метров пять. Бомба — 250 кг. Оцепили стройплощадку. Взрывать на месте нельзя, кругом многоэтажки. Вызвали нас Ребята расковыряли вокруг бомбы огромную яму. На дне ямы по пояс не вода, а глиняный раствор. Места мало. Работали по двое, стоя почти по пояс в грязи. А бомба — чем больше подкапываем, тем больше тонет под собственным весом. Я сел за рычаги экскаватора, начал использовать стрелу как кран».

Тут майор закурил. Помолчал и продолжил: «Веришь, я много кое-чего подобного видел и в Союзе, и за рубежом, но такое простое и ужасное зрелище наблюдать пришлось впервые. И, не дай Бог, еще когда увижу. Лето, солнце, жизнь кругом, а я сижу мокрый в кабине экскаватора и смотрю, как внизу на дне огромной ямы стоит твой Василий с азербайджанцем Акперовым, почти по пояс в желтой грязи, обвязывают стропами, как дорогую живую вещь, утопающую бомбу и кричат: «Вира». Потихоньку поднимаю, напряжение до предела, и вдруг... бомба выскальзывает из строп и падает к ребятам в яму, обдав их волной грязи и уйдя почти по стабилизатор снова в грязь. Ну и отчаянный пацан, твой сын! Вынырнул из грязи, не обращая внимания на находящуюся в метре от него бомбу, показывает — давай «майнай» стропы. И снова с бомбой в обнимку, снова обматывание ее «туловища» тряпками, так как она на ладонь в налипшей глине, и снова: «Вира!».

Когда бомба выскользнула второй раз, у меня потемнело в глазах, я чуть не вывалился из кабины и несколько секунд был в страшном оцепенении в ожидании чего-то ркасного, боясь глянуть вниз. А внизу — эти живые два клубка грязи — снова обвязывают стропы! Скажи, где, в какой стране можно найти таких ребят?! Мы твоего сына к медали «За отвагу» представили, больше ведь курсанту не дадут, а я так думаю, что таким и героя не жалко. Он у нас здесь стержень группы. И рассказать что-то веселое может, и спеть под гитару, да и вообще ребята его уважают.

Тот раз с третьего захода бомбу-таки вытащили. Пока грузили ее на машину, какого-то старика привезли — старожила. Он нас еще «обрадовал». Рассказал, что во время войны они жили на этом месте в своем доме. При одном из налетов авиации, пока семья пряталась у соседа в погребе, на его участок упали две бомбы и обе не разорвались. Бывает же такое! «Богатый» дед, да и счастливый! Одна упала в сенцы его дома, прошив крышу, потолок, и ушла глубоко в топкую почву. Вторая бомба упала в огороде, метрах в десяти от дома. Старик говорит, что заявил об этом кому-то еще во время войны, потом кто-то приходил, но так как бомбы глубоко «утонули», а всем было не до этого, то так все и осталось. Крышу и потолок заделали, и семья еще лет двадцать жила «на бомбе». Потом дом снесли под новостройку, а им дали квартиру неподалеку, в новом доме.

В общем, дед задал нам еще одну задачу — начали вместе с ним, по памяти, искать вторую бомбу, упавшую в огород. К счастью, она попала на более сухое место, мы ее оперативно откопали, без проблем подняли и увезли. Спасибо тебе за сына, отец. Знаешь, наверное, хорошо, что он ушел из училища, от той гражданской обороны. Он всегда лезет на рожон, а ведь бомбы не всегда падают по два раза на голову, не взрываясь. Спасибо еще раз».

Вот такая простая жизненная история. А сколько еще таких бомб и других взрывоопасных предметов ждут своего часа! И кто знает, какого часа?

Эхо войны не прекращается. Стареют люди, стареет металл. И пусть над землей грохочут лишь мирные взрывы. Люди это заслужили. И те, кто воевал, и кто не знал той войны.

ПРИМАРЬ

Мудрая мораль баснописца-классика «Там слов не надо тратить попустому, где нужно власть употребить», — еще более актуальна сегодня, чем в то время, когда была написана.

Если говорить об «употреблении» власти, то в голову приходят такие понятия-сочетания, как «властное руководство», «властное управление или регулирование» и т. п. Естественно, в первую очередь, имеется в виду, что власть должны «употребить» те, кому это доверено и поручено — государственно-политическая власть, хозяйственно-управленческая и т. д.

Сила власти — в разумном и наиболее полном использовании ею (властью) своих прав и обязанностей. Если власть инертна, беззуба и податлива, а тем более дискредитирована, то лучше вообще быть без власти, чем иметь таковую. А наш народ очень чутко и тонко чувствует состояние власти. И любую слабину или промах не пропустит и не простит. И в то же время этот же наш родной народ очень быстро соглашается с властью, как только поймет, что сила на ее стороне. Даже не правда, а сила. Для народа этого достаточно. К сожалению, такой у нас менталитет.

Во время Великой Отечественной войны, на оккупированной захватчиками территории, функционировали определенные формы административной власти. Приднестровье, как и многие другие причерноморские регионы, входило в зону управления румынской оккупационной администрации. В селах и городах функционировали «примарии», что-то вроде нынешней администрации. Примарь, стоявший во главе примарии, осуществлял всю полноту вверенной ему власти. Нет необходимости давать сегодня оценку деятельности примарии военных лет на нашей территории. Кто постарше, тот хорошо помнит все «прелести» оккупационной жизни. И дело вовсе не в нации, какой бы она там ни была, а в самой оккупационной политике, которую пришедшая власть тогда исполняла, добавляя от себя еще что-то усугубляющее ее.

И все же эта была не о политике. А о нашем менталитете и отношении к власти. В Слободзее раньше было две части — русская и молдавская. Каждая часть имела свою административную власть (сельсовет), почту и другие необходимые атрибуты. С приходом оккупантов на русской части села тоже сделали примарию. Штатными работниками были примарь (глава) и пара жандармов. У нас сегодня в Слободзее на два порядка больше представителей власти, а тогда, подчеркиваю, было по три на обеих частях села. И, наверное, было достаточно.

Нам, на часть русскую, достался некто Петрика, сухой такой, жилистый и молодой еще румынский унтер-офицер. Основными его достоинствами были величайшее высокомерие, дикая, какая-то патологическая злость и упоение властью. Власть для него была всем — и наградой, и высшим смыслом существования. Надо признать, что он умел и показать это, и пользоваться властью, имея за спиной королевское государство и военное время.

По утрам он выходил на улицу «разминаться». Не мог без разминки ни завтракать, ни идти на работу. Он выходил только с одной целью — кого-то избить. Плеть такая у него была многожильная, с вплетенным на конце свинцовым шариком, он никогда с ней не расставался. Плеть у него была главным аргументом в обращении с нашими людьми. Не важно, кто это был, старик или ребенок, заслужил или нет, Петрика первым делом пускал в ход плетку, а потом уже говорил что-то, хотя это было бесполезно, так как никто у нас не понимал по-румынски, а примарь не понимал по-русски и за все время оккупации принципиально не выучил ни одного русского слова. Может, и выучил, да не признавался в этом.

Вообще, об этом примаре и говорить не стоило бы, но он здорово запал в души людей, имевших несчастье проживать в Слободзее в тот период.

Много было за эти 60 лет в Слободзее председателей сельсоветов и глав администраций, да кто их теперь помнит, а вот Петрику запомнили на всю жизнь. И вот почему.

В первые дни своего пребывания на посту примаря как-то вызывает он к себе одного нашего мужика. Обычный мужик, возраст — за пятьдесят, потому с фронтом не ушел. Приходит к нему посыльный из примарии, полицей из наших «шестерок», были такие во все времена, и говорит, мол, пошли, тебя примарь вызывает. А мужик при-

вык еще до войны равнодушно относиться к власти. К своей власти! А тут какой-то там румын вызывает! Послал соответствующим образом и посыльного, и примаря, пошел в дом, считая инцидент исчерпанным. Посыльный возвращается в примарию и докладывает о том, что тот, за кем его посылали, идти не хочет.

И вот здесь примарь Петрика делает (на мой взгляд) самый правильный ход, как представитель власти. Он сам идет к тому мужику, вызывает его из дома на улицу и, не говоря ни слова, за что про что, начинает обрабатывать его своей плеткой. Когда рубашка полопалась на плечах, и брюки стали мокрыми, Петрика перетянул скрючившегося на земле мужика в последний раз и ушел, не сказав ни слова. Случай мгновенно стал известен всему селу, и когда через время в примарию вызвали другого мркика, то посыльный не прошел обратно еще и половину пути, а мркик рке бежал в примарию, потому что знал — не пойдешь или опоздаешь, обязательно будешь битым.

И в селе сразу появился порядок, пусть ненавистный и неприемлемый, но порядок. Вот такие мы, непонятные люди. Мгновенно меняемся, если почувствуем, что обязательно «бить» будут.

Бывая за рубежом, мы умиляемся чистоте и порядку, отсутствию замков на дверях домов, незакрытым, с ключами зажигания в замках, автомобилям и т. п. А ведь, чтобы этого добиться, им понадобилась не одна сотня лет на воспитание, причем жесточайшее воспитание.

Рубили руки вора и головы разбойникам, учили под плетью надсмотрщиков, как пахать, сеять, выращивать, убирать, торговать и вообще вести себя в обществе. Научили. Это вошло в плоть и кровь, в сознание людей. Оказалось, что при порядке жить лучше, интереснее, полезнее и красивее.

А нас так и не научили ни работать, ни жить. Да и сейчас не учат. Учить некому. Чтобы организовать кого-то или что-то, надо самому быть организованным. У нас этого, к сожалению, нет. Да и бить уже бесполезно, не поймут так быстро, да и власть не та, не пойдет на такие акции. Значит, надо самим людям, своими руками наводить на земле порядок. Нельзя допустить, чтобы ныне живущие стали последними на нашей территории. И не надо ожидать еще какого-то примаря Петрику. Тот был врагом нашим, и новый будет не лучше. Надо подниматься с колен самим и подниматься во весь рост. Мы это тоже умеем!

ГАРМОНИСТ

Светлой памяти Геннадия
ЗАВОЛОКИНА

Гармонь—гармонист. Эта связка совсем не то, что пианино—пианист и даже не то, что гитара—гитарист. Гармонист — это не музыкант-исполнитель. Гармонь для него — как бы часть души и тела, нечто неразделимое, неотделимое друг от друга. Гармонист (настоящий) может «сходу», без нот и подготовки выдать любую доступную для его инструмента мелодию, в то же время используя гармонь не как инструмент, а как средство выражения чувств своей души. И только если они были созвучны ощущениям окружающих людей, только тогда его признавали за гармониста. В песнях и особенно частушках гармонисты несли людям неприкрытую правду, причем повсеместно и практически бесконтрольно. Поэтому в последние 50—60 лет советская власть боролась с явлением «гармонизации» как могла, не брезгуя ничем, стараясь предавать забвению и саму гармонь в том числе.

А гармонь не сдавалась. И если уж пела, то прямо в точку и никогда в унисон с властью. Особенно госаппарат донимали частушки.

Что такое частушка? На первый взгляд — легкое пустое четверостишие. А на самом деле — это истина, положенная на музыку и выданная в массы. В массы людей, где ее поймут, переварят и передадут дальше. В этом и была ее главная сила. В искренности, массовости и неотразимости.

Вспомним для примера слободзейские частушки предвоенных и послевоенных лет:

...Хорошо в колхозе жить
Один робыть, семь лежить...

...Трудодень который день
Получай, кому не лень.

Тот бесплатный трудовень,
Куды хочешь, туды день...

Или из современных гармонистов-частушечников, допустим Володи Егошина из Пермской области:

..Жириновский журналистам Как-
то бросил невзначай: «У меня моча
такая — Молено пить как «майский
чай».

Вот образец частушки. Сказал, как приварил. Здесь ни добавить, ни убавить.

Сила частушки, повторяю, в правде, какой бы она ни была. Ее-то, правды, и боялись наши идеологи.

Наконец, пришло время перестроек и гласности. Казалось, запреты все сняты, выйдет из полуподполья гармонь, как воплощение русской идеи. Но выяснилось, что истина не нужна и перестроечной власти. И носители ее (истины), гармонисты-проповедники, не были приняты новой властью с распростертыми объятиями, а были втянуты во всеобщую борьбу за умы и души людей, то есть за влияние.

Борьбу далеко не равную, так как те, кто прогнозировал разрушительные и чуждые нашему народу «упрощенные» идеи, были гораздо лучше подготовлены, технически и материально вооружены, да и, как правило, имели поддержку отдельных представителей власти.

А русская гармонь и основной ее продукт — частушка — не сдавались. Именно на этой основе возшла в начале перестроечных времен звезда Геннадия Дмитриевича Заволокина, народного артиста России, замечательного поэта, композитора, исполнителя и организатора, «сибирского Гомера». Вот одна из его первых частушек:

...Говорят, частушки, вроде, В наши
дни давно не в моде. Только разве
дело в моде, Если любят их в
народе?

«Ведь через частушку, — говорил Геннадий, — русский этнос читал книгу мироздания». И добавлял: «За частушечниками-песенниками встают вечные ценности, потому что они поют правдиво».

Родился Геннадий Дмитриевич в таежном селе Парабель, Томской области, расположенном в том месте, где речка Парабель впадает в могучую Обь. В семье Заволокиных пели и играли практически все. Гармонь, баян, балалайка были атрибутами домашнего оркестра. Геннадий окончил Новосибирское музыкальное училище, Московский институт культуры. Был музыкальным руководителем одного из сельских хоров. Много выступал на сцене самостоятельно и вместе с братом Александром.

И, наконец, в 1986 году, при непосредственном его и брата Александра участии на центральном телевидении появился цикл передач «Играй, гармонь».

В 1987 году Заволокиным был организован ансамбль «Частушка». Примечательно и ценно то, что основу ансамбля составляли сами Заволокины — братья Геннадий и Александр, жена Геннадия Светлана, дочь Анастасия и сын Захар. Эта удивительная творческая «семейственность» стала определяющей для ансамбля по духу, стилю и качеству.

Все, кто приходил в ансамбль извне, уже принимали сложившуюся ситуацию и лишь качественно разнообразили стиль выступлений. За годы существования ансамбль «Частушка», как составная часть передачи «Играй, гармонь», побывал практически во всех регионах России и дважды (в 1998 и 2001 г.), у нас в Приднестровье.

В поисках героев своих передач Заволокины объездили многие села и города, это десятки тысяч километров, и везде их принимали как родных, везде их концерты-съемки выливались в яркие массовые гуляния и смотры лучшего, что есть в народе России.

В 1998 году Геннадий Заволокин создал и возглавил российский центр «Играй, гармонь», который совместно с издательским домом «Сибирская горница» выпускает и журнал «Играй, гармонь».

В 1986 году братья Заволокины, Геннадий и Александр стали заслуженными артистами РСФСР. В 1990 г. за концертные программы Г.Д. Заволокин удостоен Государственной премии России. 1995 год принес ему звание «Народный артист России». В 1998 году он повторно удостоен Государственной премии России, за цикл телевизионных программ «Играй, гармонь». Он же — лауреат награды «Ангел Трубящий» и звания «Ангельский глас России» — в 1998 году.

Величайшей заслугой Геннадия Заволокина является то, что благодаря его подвижничеству и нечеловеческим усилиям был впервые вскрыт целый пласт народных талантов. В разных районах великого

государства Российского он буквально «выковыривал» сверкающие драгоценные «камни» народных талантов и являл их миру. Всеми своими возможностями и своим широким добрым сердцем как бы давал понять, что жива еще Россия и способна на многое.

Я благодарен судьбе за то, что мне посчастливилось быть знакомым с Геннадием. Даже за один день общения я понял, какой это титанический труд — делать такие передачи, как «Играй, гармонь». Во-первых, надо выбрать место, оснастить его технически и организационно, затем из сотен желающих отобрать лучшее, а из лучшего — наилучшее и потом снять и записать. И все это в обстановке массового празднества, неуправляемости, непредсказуемости, неподвижности, а также беспрерывно мешающих случайностей. А еще параллельно выступать, петь, играть и общаться.

Он это умел делать как никто другой. Добрый и веселый, мягкий и жесткий, когда необходимо, весь работал на передачу, до секунды рационально растрчивая время, свое и участников. И это у него здорово получалось. Когда я представил на просмотр свою песню «Приднестровская земля», он сразу учуял в ней изюминку и сказал, что песня хорошая, ни к музыке, ни к словам, ни к исполнению замечаний нет, но есть одно условие — надо сменить баян, под немецкий записывать не буду. И тут же — брату Александру — найди ему баян, пусть минут двадцать порепетирует, и будем песню снимать».

Александр тут же реквизировал баян у Володи Гайдукова, музыкального руководителя ансамбля «Частушка», и дал мне, напомнив, что времени всего 20 минут. И ушел. Не я же один у них был в тот день.

Таких стрессов я давно не испытывал. Это если б с «Запорожца» сразу пересест на 40-тонный «БелАЗ» и ехать. И то, и то вроде бы машина, и принципы движения одни, но попробуй, смени их на ходу. Я взял огромный с шестирядными басами и пятирядными голосами баян, который мне сразу показался гардеробом с мехами, и с минуту растерянно держал его в руках. Но, что делать? Надо. И песню, и себя жалко, да и марку нашу тоже. Ведь в первый же приезд к нам группы Заволокина от Приднестровья была предложена для записи и показа по ОРТ моя авторская песня.

Геннадий дал мне в помощь для аккомпанемента весь музыкальный арсенал ансамбля «Частушка». Все, что смог, выжал из баяна, хотя и чужого, я, вложили в исполнение душу ребята из «Частушки» и наши девочки из слободзейского ансамбля «Лучия» — и песня получилась. С тех пор ее поют во всех селах и городах нашей республики.

Геннадию понравилось наше Приднестровье — и местом своим, и особенно людьми и нашими казаками. Мне он тогда говорил, что у них в студии лежат около 1000 видеопленок, которые еще не видели экрана, но, несмотря на это, передача «Это звенящее Приднестровье» увидела свет буквально через месяц после съемок и неоднократно повторялась.

Так что я могу гордиться тем, что первую мою песню, написанную специально к приезду Заволокина в Приднестровье, благословил и выпустил в большой свет именно он, Заволокин. Я могу с уверенностью сказать, что именно благодаря любимой моей передаче «Играй, гармонь» и определенному преклонению перед ним, как главным гармонистом России, я (в мои-то годы!) начал писать песни. За пять лет, прошедшие после его приезда, рке написано около 30 песен различного плана — патриотических, военных, лирических, детских. Вот такой добрый след оставил в моей жизни этот замечательный человек.

Есть еще один момент, связанный с памятью Г.Д. Заволокина, который я так до сих пор и не могу объяснить. Когда я узнал о его трагической гибели, то пообещал в память о нем и в благодарность ему написать песню. Хотя бы к 40-дневным поминкам. Проходит день, неделя, месяц — ничего не выходит, даже не знаю, с чего и о чем писать — о гармошке, о Геннадии, о передаче. И вот на 40-й день в девять часов вечера я взял баян и стал что-то играть из своих мелодий, как-то беспокойно на душе было. Сижу, играю, а у меня в голове звучит совсем другое и не прекращается. Я остановился и, записав неожиданную тему на диктофон, снова начал что-то играть. Когда закончил, включил запись и понял, что это и есть основа новой песни. За два часа я написал под нее слова, и получилась «Осиротевшая гармонь». Замечательный слободзейский ансамбль «Лучия» ее разучил, и когда ансамбль «Частушка» приехал снова, уже возглавляемый дочерью Геннадия — Анастасией, эта песня, как и несколько других моих работ, были записаны для очередной передачи. Я рассказал Насте, как рождалась «Осиротевшая гармонь», и мы решили, что в данном случае что-то вмешалось другое, то, что выше и сильнее нас. Я ей пожелал выдержки и мужества, чтобы в жесточайших условиях не столько творческой конкуренции, сколько навязывания чуждых нам духовных интересов — не теряться и не терять лицо передачи, ставшей, особенно для нас, русских за рубежом, настоящим окошком в сердце России.

А вот слова тех песен, которые я посвятил Геннадию Заволокину.

РУССКАЯ ГАРМОНЬ

Ее, гармонь, придумали
Под русского Ивана.
Теперь она, который год,
Россию веселит.
Она в любой компании
Всегда как гость желанный,
Гармонь и душу русскую
Вовек не разделить!

Припев:
Эх, русская гармонь,
Все планки золотые,
По клавишам пройдуся,
И сердце застучит:
«Пока гармонь поет —
И будет жить Россия,
Пока Россия есть —
Гармонь не замолчит!»

Все было: годы славные
И времена лихие,
И песни про печаль и грусть,
И танцы как огонь.
Да что по существу-то ведь
Осталось от России?
Лишь вера православная,
Казачья да гармонь!
Припев.

Гармонь переживет опять
И этот век жестокий,
И будет веселить народ
Назло врагам своим
И встанет не один еще
Геннадий Заволокин,
Мы нашу, русскую гармонь,
В обиду не дадим!

Припев:

Эх, русская гармонь,
Все планки золотые,
По клавишам пройдусь,
И сердце застучит:
«Пока гармонь поет — И
будет жить Россия.
Пока Россия есть —
Гармонь не замолчит!»

ОСИРОТЕВШАЯ ГАРМОНЬ

На тумбочке высокой у окошка
Стоит осиротевшая гармошка.
Не верит, что хозяин не вернется
И к клавишам ее не прикоснется.
Не верит, что хозя-хозяин не вернется
И к клавишам ее не прикоснется.

Гармошку эту знала вся Россия
От Приднестровья и до Сахалина.
В Сибири у Оби — реки широкой
Играл на ней Геннадий Заволокин.
В Сибири у Оби-Оби-реки широкой
Играл на ней Геннадий Заволокин.

Гармошка и смеялась, и страдала,
В его руках ей места было мало.
Хозяина судьба не пожалела.
Теперь гармонь совсем осиротела.
Хозяина судьба-судьба не пожалела,
Теперь гармонь совсем осиротела.

Друзей не сломит случай тот жестокий,
Придет на смену новый Заволокин.
Возьмет осиротевшую гармошку,
Не зарастет отцовская дорожка.

Возьмет осиротев-осиротевшую гармошку,
Не зарастет отцовская дорожка.

На тумбочке высокой у окошка
Стоит осиротевшая гармошка.
Не верит, что хозяин не вернется
И к клавишам ее не прикоснется.
Не верит, что хозя-хозяин не вернется
И к клавишам ее не прикоснется.

ГОРОД РОДНОЙ

Есть города большие и прекрасные
С манящими огнями в сизой мгле,
А мы вот третий век живем в Тирасполе.
Для нас он лучший город на земле.

Тирасполю уже за двести. Для города, в принципе, подростковый возраст. И все-таки все это время он был и остается именно городом, так как изначально строился как город. Дело в том, что когда города вырастают из сел-деревень, то часто, по большому счету, они и остаются деревнями, хотя и большими.

Тирасполь давно вошел в историю как город боевой и трудовой славы. О нем много написано хвалебных слов, что вполне понятно и объяснимо. Город наш достоин добрых слов со всех точек зрения.

Хочу рассказать тираспольчанам не о том, что написали историки, это может прочитать каждый, а том, какие мнения высказывали о нашем городе посторонние люди, которые хоть раз побывали в Тирасполе в разные времена.

Мне это сделать проще, так как, несмотря на то, что довольно продолжительное время живу в Тирасполе, по рождению своему я слободзейский, а для слободзейца, да всей Слободзейщины, во чреве которой родился и развивается этот прекрасный город, он всегда был и будет родным

Для большинства из нас, жителей сел, окружающих Тирасполь, это был первый в жизни увиденный город. Лично я его осмысленно увидел в сорок девятом году. До этого бывал с отцом или матерью, но это мало запоминалось.

А по-настоящему увидел его в составе группы ребят с нашей улицы. В те времена автобусы в город не ходили. Легковых машин практически не было, кроме нескольких трофейных у высшего районного начальства. В выходные дни, если и ехала какая машина или подвода на базар, так нам, пацанам, на ней места не доставалось, так как в кузовах, верхом на корзинах и мешках букетами сидели и сто-

яли люди. Мы ходили пешком, примерно, раз в месяц, из Слободзеи в Тирасполь за школьными принадлежностями. Собирались по несколько человек со своей улицы, пораньше выходили, так как от русской части Слободзеи до центра города было километров восемнадцать, и к вечеру возвращались домой.

В тот первый мой поход, когда прошли пустырь между лечгородком и пединститутом и подошли к величественному зданию театра, одиноко стоявшему на краю, мой сосед Гриша, он был старше и не раз уже ходил в город, похлопал меня по плечу и сказал: «Дывысь, Вася, цэ город!» Он так как-то возвышенно сказал «город», что я сразу почувствовал, да, передо мной именно город. И пусть здание театра было взорвано, и посреди зала возвышалась огромная куча мусора, пусть за театром до нынешней улицы Чапаева было поле, чувство присутствия города во мне осталось на всю жизнь.

За все последующие более чем полвека после первого знакомства с Тирасполем наши пути с этим городом пересекались часто, и поэтому расскажу об отдельных моментах, без всякой хронологии, напомним, что говорили в разные времена о нашем городе вроде бы посторонние люди.

Как гласит восточная мудрость: «Возвышая степь — не принизить горы». В противовес этому можно сказать, что как бы там ни было, Приднестровье, да и вся прежняя Молдавия, в принципе — аграрные республики. И знаменит наш край всегда был не металлом, тканью или обувью, такую продукцию можно выпускать где угодно, а именно сельскохозяйственной продукцией, то есть тем, что есть у нас, а у других нет. Поэтому основное внимание у нас было приковано к аграрному сектору. Это сегодня АПК разрушен до основания, и на фоне этого развала вроде бы приоритет перешел к промышленникам. А раньше всем гостям старались показать наши сады, виноградники, овощные плантации, да и просто села, так как наши города не особенно смотрелись на фоне других, более цивилизованных мест.

Подавляющее большинство делегаций пропускали через наш, Слободзейский район. Бывало, по несколько в неделю, в очередь стояли на смотровую вышку в Первомайском межколхозсаде. Все они, естественно, проезжали через Тирасполь и по-разному оценивали город.

Как-то летом восемьдесят второго года к нам приехал из Москвы начальник «Политиздата» при ЦК КПСС. Сопровождал его помощник первого секретаря ЦК КПМ С.К. Гроссу. Раньше наши партий-

ные руководители часто печатались в «Политиздате», ну и, скорее в познавательном плане, повезли этого уважаемого человека, члена ЦК КПСС по Молдавии. Естественно, миновать Слободзею не могли.

Принимать гостей поручили мне. После демонстрации отдельных мест в районе, хорошего приема и обеда в межколхозсаде, неизбежных при таком уровне, официальные грани значительно сгладились. Мы говорили на разные темы и когда проезжали через Тирасполь в обратном порядке, то есть в сторону Кишинева, этот умный и опытный политработник вдруг произнес: «Знаете, Василий, я вот никогда не был в этом городе, просто проехал через него туда и обратно, но вижу и чувствую, что это город красивых и веселых людей. Мне даже не надо было с ними общаться. У них все написано на лицах и светится в глазах!»

Я запомнил эти слова еще и потому, что тогда же немного снахальничал и сказал: «Видите, на лобовых стеклах многих машин и особенно автобусов наклеены портреты Сталина. Не Брежнева, который у нас сегодня правит, а Сталина, Раз человек клеит такие портреты, значит, он хочет выразить, возможно, какое-то недовольство, что ли. Люди что-то хотят выразить, и сколько бы ни пытались запретить такие действия, — не получается. Надо какое-то ответное идеологическое действие. Какая-то легализация, что ли. Три года назад, в честь столетия Сталина, можно было бы без лишнего шума выпустить, может быть, пару его книг, какие-то открытки, памятные медали и т. п. И снять все недоговоренное. У нас же ведь так: если запрещают, буду делать, а если разрешают, — зачем мне это надо?» Начальник «Политиздата» замолчал и, только выехав из Тирасполя, после второй или третьей рюмки в ресторане «Фоишор» при заключительной встрече, негромко сказал: «Да, ты прав, хотели мы кое-что сделать к 100-летию Сталина, да Михаил Андреевич (Суслов) не разрешил. Думали, загонят проблему вовнутрь, да не получается, как видишь».

Кстати, построив дорожный ресторан «Фоишор» между Тирасполем и Парканами, слободзейские районные власти еще в те времена думали о новом миллионном объединенном городе, о чем-то вроде Нью-Тирасполя. Ресторан поставили там, где по замыслу планировался центр объединенных городов.

Справедливости ради надо сказать, что это была не утопия. И если бы в последние 20—25 лет Бендеры строились не в сторону Кишинева, а в сторону Тирасполя, а сам Тирасполь — не в сторону

Одессы, а в сторону Бендер, то два города уже бы соединила большая красивая улица с троллейбусным движением.

Так что, и в этом плане у нас еще все впереди. Подтверждением прежних прогнозов можно считать и следующий факт. Где-то шесть лет тому назад, будучи депутатом Верховного Совета, я направил письма нашему Президенту и председателю Верховного Совета с предложением отдать в аренду или даже продать кому-то территорию, ограниченную Тирасполем, Терновкой, Парканами и железной дорогой. На этих землях никогда ничего путем не росло, а если что-то и вырастало, то разворовывалось. Возможно, найдется инвестор, писал я, который поймет, насколько удобно это место, где рядом железная дорога, аэродром, автотрасса и река Днестр. Где можно построить стадионы, корты, ипподром и т. п. Задействовать неиспользуемые трудовые ресурсы сел и городов, да и саму землю.

Я думал, что над моими проектами посмеялись, но через несколько лет именно на этом месте начались строительные работы и теперь вырастает прекрасный спортивный комплекс, который уже принес определенную известность Тирасполю, как спортивному городу, и наверняка еще больше принесет пользы в будущем. Так что мечтать и исполнять хорошие мечты тоже возможно.

Но вернемся к людям и их мнениям о Тирасполе. Вот слова одного человека, просто моего попутчика по вагонному купе, в поезде Одесса—Москва. Узнав, что я из Тирасполя, попутчик очень обрадовался и всю дорогу повторял примерно следующее: «Я почти всю жизнь прожил в Тирасполе, теперь вот дети к себе в Одессу забрали. Это действительно наш город! Первая черешня — моя, первая помидорка — тоже. И зачем, глупые, в Тель-Авив едут! Что там искать? Они еще вспомнят, где находится Тирасполь — и не раз!»

Уверяю, за все годы моих общений с людьми, как в самом Тирасполе, так и вне его, я всегда слышал только хорошее и о городе, и о его жителях. Всегда, кроме одного раза.

Было это еще в далекие теперь послевоенные годы. К нам в дом из села Чобручи зашел молодой парень, он с моим дядей Мишей вместе учился в Тирасполе на курсах шоферов. Жили мы тогда бедно, наверное, потому дядя и получил водительские права с первого захода. А с чобручским парнем госавтоинспекция не расставалась почти полгода, и очень своеобразно.

Когда он первый раз сдавал экзамены по материальной части, председатель комиссии, уже по внешнему виду парня поняв, что тот из зажиточной семьи, естественно, поставил ему двойку. Через десять дней ситуация повторилась, еще через десять — тоже. Вызубривший наизусть всю материальную часть автомобиля курсант не мог понять, почему никак не удается сдать экзамены, пока добрые люди не подсказали. Ему намекнули на то, что если дома есть вино, а может, и мясо, то неплохо было бы поделиться с членами комиссии. Парень намек понял, как раз отец корову зарезал, да и бочка вина в запасе еще оставалась. Когда принес первую передачу и пошел на пересдачу экзамена по матчасти, в комиссии сказали, что уже лучше, но пока слабо, и опять поставили двойку. После шестого или седьмого приношения, когда уже и мясо дома закончилось, и бочка вина почти опустела, этот курсант, отвечая на дополнительный вопрос председателя комиссии о конденсаторе, прекрасно зная, что он служит для поглощения блуждающих токов, ответил: «Мэй, я же все знаю, конденсатор служит для поглощения бочки вина и коровы!» Председатель комиссии был понимающим, поэтому сразу заявил: «Выдайте ему права, даже без сдачи правил уличного движения». И на этом инцидент был исчерпан.

Рассказывая об этом у нас в доме, чобручанин возмущался и говорил: «Ох, эти тираспольские, они мясо любят даже больше, чем вино!»

Вот это и все, что я смог вспомнить негативного в адрес нашего города и его людей за всю мою жизнь.

Да простится нам то, что мы любим мясо, да еще что-то к мясу. Да пусть оно и многое другое всегда будет на столах тираспольчан! Да пусть всегда будет мирным, молодым и радостным наш город!

И в следующие двести лет, и на многие лета! Наш город заслужил это всей своей историей, и наши люди имеют полное право на счастливую жизнь!

ТУНЕЯДЦЫ

В жизни всегда так. Одних с рождения и до конца жизни воспитывают, как правило, безрезультатно. Другие всю жизнь сами кого-то воспитывают на всех уровнях. Для одних работа — неотъемлемая часть жизни, другие бегут от работы, как черт от ладана. Вот такие мы, люди.

В обществе всегда была и есть прослойка людей, которые паразитируют или, образно говоря, «сидят на шее» у общества. И это не какие-то там рантье, стригущие купоны, они хоть чем-то обладают и что-то вкладывают. Это просто паразиты-бездельники, которые ничего не вкладывают, ничего не делают, но все равно претендуют на что-то. У нас их называют тунеядцами. Это слово-понятие как бы синтезирует целый ряд «качеств» таких людей — бездельников, дармоедов и тому подобной «пены», инертной людской массы.

В нашей стране появлению и интенсивному размножению этой категории общества способствовала порочная гуманитарно-гарантированная политика, при которой создавалось видимое благополучие для «всех масс» и которой умело пользовались паразитирующие на этом люди.

Помните, как заявил, заглывая шашлык, один пятнадцатисуточник в известном комедийном фильме: «Кто не работает, — тот ест! Учись, студент!» И это был очень характерный пример нашей «гуманной» жизни. Возможность получать незаработанное — это главное зло, порожденное уравниловкой и прикрытое видимостью всеобщего благоденствия.

Принцип социализма «От каждого — по способностям, каждому — по труду» был предельно укорочен: «Каждому — по способностям», а все остальное было вымыто, чтобы не поднимать шума. Появилась возможность жить, не работая, и, естественно, не зарабатывая. Этот уникальный способ жизни мог возникнуть только в нашей стране. За это мы заплатились и жизнью самой великой страны, и многих людей.

И даже сегодня эта тема далеко не закрыта, так; как; у нас действуют пока многие законы прежних времен; и они связывают, к сожалению, руки и государству, и людям И именно эта наша нижайшая правовая потенция остается препятствием на пути наведения порядка в государстве и искоренения такого опасного для общества явления, как тунеядство. За столько лет мы так и не научили и не заставили себя работать.

Умиляемся, бывая в западных странах, как там все красиво, чисто и ухожено. Как там люди, уходя из дома, не запирают двери, а ключи от зажигания из замков автомобилей не вынимают. Но никогда не задумываемся о том, каким образом и какой ценой это благополучие достигнуто. Не задумываемся о том, что основу богатства ведущих ныне самых богатых стран составляет добро (в любом виде), награбленное (читай — отнятое) у других народов. А чтобы все было так аккуратно, примерно и красиво, там сотни и тысячи лет «учили» этому. К примеру, сажали какое-то растение, ну тот же лук. Хозяин говорил рабу или наемному рабочему — сажать надо под линейку или под шнур, чтобы были ровные рядки, на расстоянии 8—10 см луковицу от луковицы, на такую-то глубину и в такие-то сроки. Хозяин уходил, а надсмотрщик с палкой оставался и следил за всеми процессами. То есть при помощи палки или плетки оперативно «выравнивал» технологические погрешности. И так сотню-две и более лет «учили», пока к работникам-потомкам пришла убежденность, что именно так, исправно и аккуратно, лучше работать и жить. И тогда ненужным стал надсмотрщик. И если они раньше не мусорили, не воровали и исправно работали из-за боязни, что будут наказаны, то за много веков им привилась осознанная необходимость все делать хорошо, сразу. Так лучше. Это вошло и в кровь, и плоть, стало повседневной потребностью.

А главное, они из всех этих «учебных» веков вынесли, что никто ничего даром не дает, а брать чужое нельзя, категорически. Если ты можешь работать, то ты должен работать, а не надеяться на какие-то социальные послабления.

Возможно, это было и жестоко, но, как выяснилось, по-другому не получается. Мы — тому пример. Работать — не научились, а прав государственно-социальных столько понапридумывали, что сами себя и уничтожили, как государство. Баланс не сумели обеспечить между правами и обязанностями. На весах жизни тарелка с грузом прав

так перетянула на себя ситуацию, что тарелка с обязанностями просто вылетела. Поэтому, повторяю, мы и породили эту препротивнейшую прослойку — тунеядство. А затем начали с этим злом бороться. Апогей этой «борьбы» пришелся на начало восьмидесятых годов, особенно во времена Андропова. Конечно, все делалось кампанейски, наскоками, но попытки что-то сделать были.

Я в те времена возглавлял экономическую службу в родном Слободзейском районе, был ответственным и за социальную сферу в АПК. Тогда стали модными рейды по «отлову» тунеядцев и выводу их на работу. Все это было напрасно, так как не устранялась основная сохраняющая это зло сила — возможность иметь незаработанное. А без устранения ее — любые наши действия, повторяю, были напрасны.

Технология «отлова» была до примитива проста. Обычно с началом уборки овощей, когда нужны люди, группа «захвата», в состав которой входили представители местной власти и правоохранительных органов, ходила по дворам, чаще по заранее известным адресам, находила бездельников, вручала им ведра, сажала по машинам и отправляла к месту работы. Как правило, большинство сбегало с поля уже через два-три часа, причем, вместе с ведрами, которые потом отдавались за вино. Когда счет унесенных ведер пошел на тысячи, их (ведра) начали продырявливать, чтобы они теряли «товарный» вид. Однако эти бесполезные рейды (естественно, по приказу сверху) все повторялись и повторялись, и вреда от них, наверное, было больше, даже в плане ненужных материальных затрат — на транспорт, ведра, еду.

Наиболее хитроумные бездельники делали так: слободзейские, к примеру, ехали в Карагаш, в кафе-подвал, и спокойно там пили пиво целыми днями. Местные «облавы» и рейды их не касались, так как их считали приезжими. А карагашские в это время сидели по слободзейским кафе, их тоже никто не «отлавливал». Так и выходили из положения те, кто похитрее.

А по неработающим бытовым пьяницам облавы проходили более успешно. Помню, выезжаем в «рейд»: прокурор, начальник милиции, куча общественников-любителей, участковый, работник поссовета, машины три-четыре легковых и одна грузовая для «клиентов». Заходим по указанному адресу, время — часов десять утра. Лежит на кровати девица, лет 18—19, абсолютно раздетая, видно, после хорошей гулянки. Будим. Она просит нас выйти, чтобы одеться. Выходим, через пять минут заходим, а ее и след простыл, в окно выскочила.

Заходим к другим — уже двое лежат, нежатся, молодые. Тоже просят выйти. «Нет, — гудит прокурор, — одевайтесь при нас». Грузим их в машину и едем дальше. Где-то в обед заходим еще по одному адресу. Хозяина нет дома. Стоим во дворе, в это время через огород сосед заходит (я его знал, зовут Иваном, но кличку не скажу). Так он сразу понес на нас: «Какое вы имеете право без санкции заходить в чужой двор, когда хозяина нет дома?!» А сам еле стоит перед нами в огромных трусах и мокрый от пота

Прокурор говорит: «А вы дома? Тогда пойдем к вам. А если надо санкцию, так я ее сейчас организую». Ваня понял свою оплошность, но было уже поздно — прямо через огород вся «делегация» пошла к нему во двор. А там! В летней кухне стоял работающий аппарат, гнал самогон, и уже бутылка полная в десять литров рядом

В подвале нашли около тонны летних яблок, хотя в саду не было ни одного такого дерева. Как выяснилось, ему носили и возили яблоки отовсюду в обмен на самогонку.

Иван начал возмущаться, кого-то из милиционеров толкнул, в итоге получил 300 рублей за самогон с конфискацией «орудия» и готовой продукции, отдал в казну яблоки и получил 15 суток за оскорбление представителя власти. Уже позже я узнал от родственников, что когда он отбыл срок, то пришел к соседу (которого в описанном выше случае не было дома) с претензиями, мол, из-за тебя я понес большие потери. Когда же сосед неправильно (по мнению Ивана) отреагировал на его слова, то тут же был побит. За это Иван отсидел уже 30 суток.

Эту тему можно продолжать бесконечно, и все это могло бы быть смешным. Но это далеко не смешно. Ибо причина тунеядства у нас пока не ликвидирована. В корне. До тех пор, повторяю, пока сохраняется возможность получать незаработанное, в самом широком смысле этого слова, до тех пор у нас эта плесень не высохнет. Неважно чем, руками или головой, но человек должен работать, иначе он не может жить.

И главное лекарство от этой болезни в нас в самих. Нам не надо привозить кого-то наводить в нашем доме порядок, надо наводить его самим. И быстро.

Кто постарше, помнят расхожую быль, как летом сорок первого года, когда пришли немцы, в одном колхозе они увидели на бахче сторожа с ружьем. Ружье отобрали и сказали: «Иди домой». «Так по-

воруют бахчу», — забеспокоился сторож. «Не поворуют», — сказали немцы. Тут же в лесополосе они спилили верхушку дерева, обрубili ветки, сделали перекладину, повесили петлю из каната и написали на фанерке: «Кто будет пойман — будет повешен». И, как говорят старики, — никто не взял ни одного арбуза или дыни. А почему? Потому что знали: если поймают, точно повесят. И все проблемы с воровством в один день снялись. Неотвратимость наказания — самое лучшее отрезвляющее средство. И в наше время тоже.

Дело не в издании «жестоких» законов, дело в их исполнении и неотвратимости наказания за любые противоправные действия. Искоренять зло, как следствие, надо с устранения его причин. Тогда и тунеядство наше станет достоянием истории и материалом для комедийных рассказов.

ХЛЕБ

Человек за много тысячелетий в определенной мере научился управлять хозяйственными процессами, происходящими на земле. И все-таки вроде бы до мельчайших подробностей изученный и освоенный процесс целенаправленного живого природного воспроизводства до сих пор привлекает нас своим непостижимым таинством. Действительно, трудно понять, как из еле заметного макового семени вырастает целая коробочка таких же семян, а из того же пшеничного зернышка — крупный зерновой колос с десятками зерен. Немногие из нас, не только городских, но и сельских жителей, когда берут в руки булку хлеба в магазине, представляют себе весь тот процесс, который она (булка) прошла по пути к прилавку.

Если представить себе булку хлеба в виде определенной компьютерной дискеты, где синтезированы все действия — от вспашки зяби до уборки урожая и выпечки хлеба, потом «прокрутить» ее в обратном порядке и показать в замедленном темпе, наверное, очень многие потребители хлеба стали бы совсем по-другому относиться к этому бесценному продукту.

К сожалению, мы и до сих пор не знаем истинную цену хлеба. Даже сегодня. Как-то я уже говорил, что наша экономическая политика последние 80 лет держалась на неизменных, но необоснованных ценах на основные продовольственные товары. Мы привыкли к тому, что хлеб десятками лет стоил 16 копеек, мясо — 1,5—2 рубля, водка — 3 рубля с копейками и т. п. Завуалированность продовольственного благополучия, конечно, компенсировалась теми же потребителями, через недоплачиваемую зарплату, практическое отсутствие нормальных социальных условий для жизни.

Давайте познакомимся с перечнем далеко не всех технологических действий, предшествующих появлению хлеба на прилавках магазинов. Просто вчитайтесь в него, даже не вникая в саму суть этих действий.

Надо подготовить площади под посев зерновых (убрать солому, внести органические удобрения, вспахать зябь, дважды продисковать, забороновать, подготовить семена, посеять, подкормить, весной про-

рыхлить, снова подкормить, несколько раз полить, обработать против вредителей и болезней, защитить от других возможных неприятностей (пожары, затопление и т. п.), потом скосить, обмолотить, несколько раз очистить зерно от различных примесей, если надо — подсушить, перевезти, сохранить, что тоже непросто, перемолоть на муку, приготовить тесто, добавить специи, сделать выпечку и завезти в магазин.

Это упрощенный набор действий, которые необходимо произвести, чтобы на нашем столе появился обыкновенный знакомый нам хлеб. Но это все в нормальных условиях, при обеспечении горючим, удобрениями, техникой, поливом, всеми видами энергии и т. п. А у нас все это надо где-то найти. Приобрести, если есть за что.

Поэтому, прежде чем взять в руки кусок хлеба, или еще, не дай Бог, выбросить его, надо очень хорошо подумать и прочувствовать, какую ценность берешь в руки. От куска хлеба пахнет не только потом земледельцев, но иногда и кровью, так как всякое бывает на хлебном пути.

И все-таки из всего длиннейшего технологического перечня по эволюции хлебного зернышка до пышного каравая, если не самое главное, то особое место, занимает уборка урожая. Имеется в виду урожай зерновых культур.

Все работы важны, и каждая ценна по-своему. Но уборка венчает весь цикл, и от нее зависит, минимум, половина дела. Можно все хорошо сделать: и вспахать, и посеять, и провести уход за посевами, а если не вовремя или некачественно убрать, то все годовые усилия многих людей пропадут даром.

Вообще, уборка по большому счету — это гораздо весомее, чем технологическое действие. Здесь — напряжение и битва, спектакль и игра, освобождение и радость завершения, самоотдача и благодарение и еще очень много действий не технологического, а больше человеческого плана. Во всем этом возбужденном энергетическом уборочном клубке главную скрипку играют люди, вооруженные неважно чем — комбайном, очистительной машиной, погрузчиком или лопатой. Главное, что они в едином организационно-технологическом и моральном порыве решают единую задачу — убрать хлеб.

Конечно, главной фигурой, главным действующим лицом на уборке является механизатор-комбайнер. Прежде чем рассказать об уборке и комбайнерах, необходимо познакомиться с этой удивительной комбинированной машиной. Комбайн — сравнительно молодой участник

уборки урожая, он появился на наших полях каких-нибудь 60—70 лет назад. А до этого были ручные косы и ручные молотильные цепы. Косили зерновые косами, скошенные стебли вязали в снопы, аккуратно складывали в копны, а уж потом свозили на гумно и молотили цепами (это две разновеликие, увесистые круглые деревянные палки, соединенные цепью).

Перед войной, да и некоторое время после нее, уже при колхозах, для скашивания хлебной массы и укладки ее в валки начали применять жатки-лобогрейки, которые прицепляли к тракторам. После них опять же вязали скошенную массу в снопы, делали отстойные копны, затем свозили снопы на зернотока, обмолачивали на стационарных молотилках, приводимых в действие от нефтяных двигателей. Параллельно молотили хлебную массу лошадьми. С завязанными глазами они ходили по кругу, протягивая за собой укрепленные на колесе бревна, за которые, в свою очередь, были прицеплены крупнорифленные каменные или бетонные катки для молотбы.

Очищали обмолоченное зерно ручными веялками. Электричества на токах не было, поэтому перелопачивание, погрузка зерна, его сушка или проветривание производились вручную, по принципу «Бери больше — бросай дальше». Все эти работы были малопроизводительными и требовали массы ручного труда и, естественно, массы рабочих рук.

Наконец, уже в предвоенные годы в селах стали появляться зерновые комбайны. Первым советским комбайном был С-1 («Сталинец-1!» или «Коммунар»). После войны вышел уже более модернизированный — «С-6». Эти комбайны были прицепными, имели свой двигатель, то есть, все действия они обеспечивали сами, кроме передвижения. Их по одному или в паре (сцепом) тянули трактора. С-6 выпускался до 1957 года, а с 1958-го появился более усовершенствованный комбайн РСМ-8 («Ростсельмаш-8»). Кстати, довольно неудачной модификации — на нем эра прицепных зерновых комбайнов закончилась.

На поля вышли более мобильные, насыщенные гидравликой и более совершенные в плане обмолота и очистки, самоходные комбайны. С 1949 года уже выпускался самоходный комбайн С-4 с прицепным копнителем, отделяющим солому от половы. Конечно, он был довольно примитивным, и никто его всерьез не принимал. Чаще всего такие комбайны использовались для прокосов и уборки дальних участков с низкой урожайностью. Двигатель на С-4 стоял с известно-

го довоенного автомобиля ЗИС-5 и был бензиновым. В 1955 году его слегка модернизировали, поставили двигатель от ЗИС-120, но он тоже был бензиновый, пожароопасный, а главное — быстро перегревался.

Наконец, в 1957 году появился новый самоходный комбайн СК-3, с дизельным двигателем, навесным копнителем, принципиально новой гидравлической системой. В семидесятых пошли его модификации и усовершенствования — СК-4, СК-5 («Нива»), СК-6 («Колос»), СКД-5 («Сибиряк») и, наконец, семейство под названием «Дон».

Техника совершенствовалась в разных направлениях — размере захвата жатки в увязке с возможностями молотилки и ее производительностью, то есть ее способностью «проглотить» хлебную массу, обмолотить и очистить с минимальными потерями зерна. Параллельно делались попытки улучшения условий работы и для комбайнеров — появились кабины, герметизация, очистка воздуха, автоматический контроль над отдельными процессами, сигнализация.

С точки зрения профессионального комбайнера, на мой взгляд, комбайновые новшества так называемого «социального» плана на нашей уборочной технике за все годы комбайновой эволюции можно было бы охарактеризовать бытующим ранее украинским афоризмом: «Оцэ автоматика — нажимає кнопку, и спина мокра!» Это действительно так. К сожалению, основные мысли наших конструкторов были направлены на технические решения, а о людях, которые должны на этой технике работать, чаще всего вообще не вспоминали.

На прицепных комбайнах за 20 с лишним лет их выпуска не додумались даже какой-то козырек сделать от солнца. По 16—18 часов стоял комбайнер на мостике под палящим июльско-августовским солнцем, на ветру и в пыли. Не в какой-то там пыли от гусениц трактора, что тоже имело место, а в молотильной — из мельчайших частиц стеблей, колосьев и их остей, которые своеобразным движущимся «колпаком» накрывали и «окутывали» комбайн при работе. Особенно в пыли ячменной, проникающей всюду и, как наждаком, разъедающей все, где есть влага..

Мало радовали комбайнеров и появившиеся уже попозже кабины на «Нивах» и «Колосах». Они дребезжали, скрипели, сквозняком продувались, зачастую даже мешали все слышать и видеть, так как достойно работающей оперативной сигнализацией ни одна из модификаций не могла похвастаться.

За свою «комбайнерскую» жизнь я выходил в поле десять сезонов, а так как это было в разные годы, то пришлось работать практически на всех марках советских комбайнов, за исключением последней конструкции — «Дон-1500». Хотя, по рассказам практиков, и он еще далек от совершенства — как в технологическом, так и в «социальном» плане.

Обидно, конечно, что мы, запускающие в космос ракеты и спутники, могли, но не захотели сделать хорошую технику для земли, для себя. Поэтому и теряем до трети урожая, пережигаем массу горючего, растягиваем сроки уборки и т. д. Мало того, уборочную технику из-за ее несовершенства боятся сами механизаторы. Вроде бы у нас готовят механизаторов широкого профиля, то есть, умеющих работать на всех видах сельскохозяйственной техники, в том числе и на комбайнах. Однако очень немногие механизаторы имели желание садиться за штурвал комбайна.

По аналогии, буквально единицы экономистов соглашались работать бухгалтерами — по родственной вроде бы специальности. С карандашом экономисту легче иметь дело, чем с чернильной бухгалтерией, не имеющей права на «вытирание».

Так и с комбайном. Повторяю, очень немногие соглашались взять на себя ответственность за управление этой довольно сложной машиной, какой является зерновой комбайн.

Наверное, я утомил читателя рассуждениями о комбайнах, но без этого трудно было бы рассказывать о людях, работающих на этой технике, о комбайнерах.

До шестидесятых годов они почти тридцать лет считались определенной профессиональной кастой на селе. Собственно, возле комбайна они находились 3—4 месяца, в зависимости от региона. Месяц готовили комбайн, месяц-два или больше (с уборкой подсолнечника, кукурузы) работали на комбайне, затем ставили его на консервацию. Остальное время работали на «прорывных» целевых работах, как правило, наиболее сложных.

Комбайнер, без всякого преувеличения, — и водитель, и слесарь, и организатор-технолог, и руководитель производства, и учетчик, и правщик, и регулировщик, и кладовщик зерна или семян, и врач, и охранник, и вообще ответчик за весь процесс, связанный с комбайновой уборкой.

Работающий комбайн — это когда многое вращается, колеблется, скользит по горизонтали, то есть косит, подбирает, подает, молотит, веет, собирает зерно, формирует солому в копны, выгружает зерно в транспортное средства и все время передвигается. Здесь не просто включил — и поехал. Ежедневно ситуация может измениться.

Для того чтобы качественно скосить хлебную массу, необходимо оптимальное сочетание скорости вращения лопастей мотовила, пригибающего травостой к косе, и скорости движения комбайна, высоты нахождения мотовила по отношению к режущему аппарату, регулировки движения косы на полный срез, скорости вращения молотильного барабана, установления оптимальных зазоров между бичами барабана и подбарабанья, чтобы не было недовымолота или, наоборот, дробления зерна, оптимальной вентиляции, выдувающей полосу, вплоть до копнения соломы и укладки копен в ряды, чтобы потом можно было легко собрать ее (солому) волокушей. Ремни и цепи, транспортеры, шнеки, нории-элеваторы, сложная и пока еще далекая от совершенства гидравлическая система, и все это должно работать и обеспечивать весь уборочный процесс.

О какой автоматике может идти речь, когда основная масса наших комбайнов сегодня давно перешагнула «пенсионный» возраст! Когда нет элементарных запчастей, ремней, подшипников, пальцев и сегментов для режущего аппарата и т. д.

Тяжело было убирать и раньше, когда практически для комбайнов все было — и у каждого комбайнера в запасе, и на складах. И горючее было, и транспорт, и все остальное. А что говорить сегодня? Когда даже если и есть где-то что-то, то взять не за что. Поэтому и приходится идти на поклон к «дяде» и отдавать ему пятую часть урожая только за уборку. И приходится отдавать, так как зерновые на корню месяцами стоять не могут, и каждый просроченный с уборкой день — это потери урожая в соответствующей прогрессии. То есть, теряем рке готовое, выращенное.

А вообще-то, прежде, в принципе более-менее обеспеченное «коммунистическое» время нас здорово расслабило. Особенно организационно, и особенно у нас, в наших краях.

Когда я вернулся домой, то поразился тому, как была организована в большинстве колхозов уборка хлебов. Современный самоходный комбайн предполагал работу одного комбайнера без дополнительных работников. Конечно, очень трудно на несовершенной тех-

нике одному работать, но так по технологии предполагалось. А у нас экипажи доходили до четырех человек — комбайнер, стажер и два штурвальных. Один косит, один спит, один за чем-то поехал и т. п. Тут же агитвагон, тут же бочка с квасом А к 10 часам вечера комбайн уже стоит. Прямо, как на заводе, все по часам,

В прежние времена, если комбайнеры выходили на уборку, то пока не заканчивали ее, — были при комбайне. Косили до появления росы, спали в копнителях, а с четырех-пяти утра готовили комбайн, и только сходила роса — начинали косить. 16—18 часов комбайн был в работе! Ночью шли техуходы, регулировки, замена узлов, даже крупные ремонты.

Люди тяжело работали, но уборка того стоит, она венчает год и работает на интерес, в том числе интерес комбайнера. Вот тут уже было широкое поле для состязательности, каждый искал способы сделать больше и лучше. Простыми людьми придумывались и оперативно внедрялись различные новшества в уборочном процессе, затем отдельные из них переносились в новые модификации комбайнов.

Помню 1955 год. Казахстан. Пыльные бури. С мая по август ни капли дождя. Урожайность пшеницы — от 1,5 до 5 центнеров. Травостой высотой всего от 15 до 20 см. Мне — пятнадцать лет, но на МТС пришла большая партия самоходных комбайнов к началу уборки, пришлось сажать всех, кто что-то в этом деле понимал. Я уже отработал сезон помощником, зимой окончил курсы комбайнеров. Отдел кадров, пользуясь тем, что паспорта я не имел, дописал два года возраста в трудовую книжку, чтобы профсоюз не донимал, и перевели меня на комбайн, на самостоятельную работу. Сейчас пятнадцатилетние еще в детях ходят, а в наше время и подходы были другие, и потребности тоже.

А в том моем первом самостоятельном выходе в поле, когда урожай практически не было, когда коса комбайна перерезала колосья на низком до предела травостое, я не поленился перевернуть наоборот брус жатки, где крепятся режущие пальцы, внутри которых ходит коса, укрепил на них накладки из жести, и мой комбайн буквально «брил» хлебную массу, так что потери стали минимальными. Со всей МТС приезжали ко мне за «опытом». А какой опыт в 15 лет? Жизнь заставила искать выход.

А вообще, уборка хлеба — это здорово! Я на всю жизнь полюбил эту нелегкую работу. И хотя не остался на всю жизнь профессиональ-

ным комбайнером, все равно считаю комбайновую уборку одной из самых лучших и главных в жизни работ.

При всей невероятной трудности и в этой работе человек находит и удовлетворение, и рабочую радость, и даже что-то веселое и смешное. Жизнь есть жизнь. Но запах скошенного хлеба, зерно, вываливающееся из бункера в машину как из рога изобилия, фантастический вид, когда по огромному полю ползет маленькая красная под «божью коровку» букашка-комбайн, оставляя за собой скошенный след. Жатка, как; машинка для стрижки, ходит взад-вперед, «выстригая» аккуратные полосы. Внешне это очень красиво, со стороны. Иногда, когда все хорошо, ведешь комбайн и любишься всей этой идиллией. Одновременно вслушиваешься в сводный комбайновый «оркестр» — шуршат ремни и цепи, грохочет молотилка, урчат нории-элеваторы. Слух различает малейшую «фальшь» в каком-нибудь звене — появился какой-то новый звук, писк, скрип и т. п. Сознание мгновенно реагирует на любые изменения, ведь они чреваты нарушениями уборочной технологии — что-то забилося, что-то остановилось и т. д. Куда там любой электронике до человеческого слуха и осязания! Мгновенно реагируешь и вмешиваешься. Что надо — поправляешь. Косишь, к примеру, на свал десятиметровой жаткой ЖВН-10. Идет комбайн тихо, молотилка стоит, а ты на приличной скорости за один проход укладываешь 4 валка и делаешь прокос в 20 метров. Здорово! Идиллия! А поле неровное, камни, потерянные тросы, обрывки проволоки, сошники от сеялок — да что угодно можно «подхватить» на поле, в том числе какой-нибудь прут или лом, стоящий вертикально. Тут сразу вся идиллия заканчивается. «Зачерпнешь» жаткой каменную россыпь, смотришь — штук пять-десять пальцев на жатке нет, да и коса выщерблена на несколько сегментов. Хорошо, если не оборвана. А ты один — и днем, и ночью. Быстро снял сломанные пальцы, наклепал новые сегменты на косу, причем сверху бьешь по заклепке, а снизу вместо наковальни другой рукой полуось держишь. Так и клепаешь. Спешишь, где по заклепке, где по руке... Но сделал — и вперед, время не ждет. И никакого подгонялы не надо, да и контроля тоже.

Настоящий комбайнер — сам себе и командир, и начальник штаба, и всенародный контроль. Он знает, что делать, чтобы и «хвостиков» нескошенных не осталось, и чтобы зерно не вылетало вместе с соломой. Это его честь, его хлеб, хлеб для людей.

Вообще, комбайнеры из тех прежних времен, не «серийные», как в нынешние времена, были действительно определенной кастой достойных профессионалов, фанатов своего дела. Таких на каждое село или МТС приходились буквально единицы, но они стоили десятков.

В Слободзее через многие годы прошли такие мастера жатвы, как мой отец — Андрей Гаврилович, более тридцати лет отдавший комбайнам, Андрей Андреевич Калошин, Гаврил Васильевич Чебан, Лаврентий Ескин, Иван Бешляга, уже позже братья Николай и Василий Звягинцевы и другие асы уборочного дела. С началом уборки их как будто подменяли, они становились другими людьми, все мысли и действия подчинялись одной цели — уборке, уборке.

Таковыми же мастерами славились и другие села, но их, повторяю, были единицы. И если на поля района в уборку выходило около сотни комбайнов, то из них супер-мастеров было, хорошо, если человек двадцать-тридцать. Но они были и всегда делали погоду в уборочном процессе. Причем, как правило, десятки лет подряд.

Если в моем Слободзейском районе в целом в прежние времена на уборку выходило около сотни комбайнов, то в Казахстане, только в одном колхозе, где я проработал много лет, комбайнов было еще больше. Естественно, концентрация уборочных сил в одном месте была довольно солидной. А сроки уборки там не такие, как в Приднестровье. Убирали пшеницу с августа и до октября, а когда и весь октябрь. И в дожди, и в мороз. Очень неприятно, скажу вам, стоять на мостике комбайна, когда мороз градусов десять, и снежок, нет-нет, да и пролетает. И металл к рукам весь день липнет.

Всякое приходилось и приходится делать комбайнерам для того, чтобы убрать хлеб, и желательно вовремя. Как сказал один из них: «Якшо в фуражки нэ заробыв, то в шапки вже нэ заробыш».

Конечно, теперь тяжело убирать без достаточного количества горючего и смазочных, на стареньких, слеппенных из старых узлов и запчастей комбайнах. Новые комбайны есть, но их мало, и большинство — чужие. И все равно хлеб будет убран, потому что, какая бы ни была техника, какие бы ни возникали проблемы, люди наши остались. Они и сегодня продолжают решать все. И голода у нас не будет. Но. Есть предел всему. Далее терпению человеческому. Надо повернуться лицом к полю, лицом к хлебу. Он у нас нетоварный, он просто нам необходим. Как хлеб.

ЗМИЙ ЗЕЛЕНЬЙ

Как поется в известной песне: «Вино — на радость нам дано». Скорее всего, так оно и есть. И очень неправильно, когда не само слово, а «вино» как понятие, ставится в один ряд с такими понятиями как пьянство и алкоголизм.

Виноградная продукция, этот божественный синтез энергии Земли, Воды и Солнца, абсолютно не виновата во всех негативных последствиях при ее употреблении. Конечно, вино — это лекарство и здоровье при разумном умеренном потреблении, и то лее вино губительно при чрезмерном к нему пристрастии. Не виним же мы Солнце, когда загораем летом Хороший загар и красит, и заряжает бодростью, а чрезмерный может привести к самым тяжелым последствиям. Но ни Солнце, ни то же вино ни в чем не виноваты. Повторяю, это мы сами виноваты в несоблюдении оптимальных жизненных режимов. От этого страдаем и ищем причины, чаще всего опять лее не там, где надо.

Много раз в разных странах вводили так называемые «сухие законы». И что? Где те «сухореформаторы»? Одних, как говорится, «уж нет», другие не у дел, а вино есть и будет, пока живет на Земле человек.

И благословенна та женщина (наверное, было так!), которая забыла помыть сосуд после виноградного сока или оставила часть сока в сосуде, и он перебродил, а мужчина попробовал и понял, что так пить лучше. Как бы то ни было, но за многие тысячи лет люди разобрались, что к чему, научились приготавливать как вино, так и более концентрированные, более «крепкие» напитки, как производные от вина, так и выработанные из других компонентов, с применением отличительных от виноделия технологий.

Нет ни одного уголка на Земле, где бы ни употребляли алкоголизированные напитки. И не важно, что где-то в глухой тайге пьют какую-нибудь клюквенную настойку, а на каком-нибудь затерянном в океане острове — бамбуковую или кокосовую водку или что-то в этом роде. Все равно люди пьют, и будут пить, пока жить будут. Одни будут пить с горя, другие с радости, богатые — от богатства, бедные

— от нищеты. Будут пить, так как знают, что с помощью вина или чего-то подобного можно хоть на время быстро изменить свое отношение к каким-либо событиям или поступкам, забыться или вообще отключиться на какое-то время от всего.

И чтобы добиться такой возможности, мы, люди, как правило, «за ценой не постоим».

Любой рост цен и налогов не сможет стать препятствием на пути к алкоголю. В этом плане он (алкоголь) сродни роскоши. Сколько бы ни повышали налоги на роскошь (недвижимость, машины, слуг-лакеев, рестораны, модные вещи), человек, раз вкусивший ее (роскошь), никогда от нее не откажется и будет платить все, что ему скажут или установят, лишь бы не потерять свой имидж в глазах окружающих.

Сколько раз повышали цены на спиртное, а что, пить стали меньше? Наоборот, при внедрении антиалкогольных, ограничительных, как правило, бредовых, доходящих до государственного идиотизма идей, общество получало в ответ резкое повышение интереса к алкогольной теме и появление новых, гораздо более опасных явлений, таких как наркомания, токсикомания и т. п.

Антиалкогольные пропагандисты-идеологи, как правило, могли быть или абсолютными глупцами (если вели антиалкогольную кампанию искренне), или платными врагами, работающими в чьих-то интересах. Третьего не дано. На памяти у взрослого населения совсем недавняя, более чем бредовая антиалкогольная реформа (которая по общим параметрам материальных, моральных и физических потерь могла бы сравниться со средней отечественной войной или десятком Чернобылей).

Если бы тот бывший перестройщик-идеолог просто лепетал об этом на всех уровнях, выжимая слезы у жен алкоголиков и вызывая восхищение своих сподвижников, то это было бы ладно. Но наш плебейско-угоднический «менталитет» всегда предполагал «инициативу» снизу и скорейшее развитие любой, даже самой чудовищной идеи, лишь бы отпаротовать и выслужиться.

На скольких тысячах гектаров были вырублены и молодые, и плодоносящие виноградники? Сколько выдернуто, уничтожено или за бесценок реализовано шпалерных столбиков? Сколько загублено виноградных питомников, свернуто научных разработок, ликвидировано цехов первичной и товарной переработки и распущено специализированных виноградарских коллективов?

Только в кошмарном сне мог кому-то присниться в то время приказ о переброске 40 тысяч тонн натурального вина из Молдавии в Башкирию, чтобы там использовать его в виде добавки при производстве комбикормов! Причем была установлена «сверху» цена — 2 копейки за литр. Цистерна с вином в 60 тонн оценивалась всего в 1200 рублей, а сама перевозка ее до Башкирии стоила 1500 рублей за цистерну!

И это еще не все. Практически ни одна цистерна не «довозила» вино до места назначения, так как на всем пути следования по томящейся от «сухого закона» стране, при остановках, над каждым «винным» составом, куда бы он ни следовал, — совершались специфические действия под кодовым названием «подойти корову». Хорошо проинформированные о содержимом цистерн местные жители, в кооперации с железнодорожниками, «выдаивали» вино из цистерн, разливая в любую посуду, а затем перепродавали этот супердефицитный продукт в другие районы. Образовались целые «пьяные» линии, где и появлялись первые криминальные групповые коммерческие структуры.

Но там хоть пили вино. А что начали пить, глотать, сосать, жевать, нюхать, прикладывать, вдыхать в других регионах, особенно молодежь? Запретив одно и не дав взамен ничего другого, мы получили такую страшную отдачу от той преступной реформы, что вряд ли теперь сможем вообще ликвидировать ее последствия.

И никакие наказания, пусть это будут далее сотни и тысячи лет тюрьмы для идеологов, причем довольно пьющих, не смогут стать эквивалентными их вине.

Особенно пострадали те регионы, где нет своего «подножного» корма, где не из чего сделать спиртное. Это в основном весь денежный в то время, да еще и сегодня, север России. Сколько сейчас там наркоманов, больных СПИДом и т. п.? А это все тянется оттуда, их тех «реформ». Мы еще помним те блефовые «безалкогольные» свадьбы, которые снимались телевидением, широко рекламировались, хотя никто не признавался, что в закатанных бутылках с этикеткой «Березовый сок» были или водка, или самогон и т. д. Местные власти, «набирая очки», старались выслужиться и рапортовали об «успехах» в таком благородном «антиалкогольном» деле, а высшие «идеологи» суммировали всю такую ложь и козыряли этим.

Я был в то время свидетелем в принципе уникального действия, по всей вероятности достойного книги рекордов Гиннеса, если там

есть раздел идиотизма. В 1986 году, будучи летом на курсах повышения квалификации в Харькове, довелось мне жить в одном номере с коллегой из Белгородской области. Перед одним из выходных сосед говорит: «Давай съездим к нам в район. В субботу мой брат дочь замуж выдает, будет шикарная свадьба, отдохнем, посмотришь, как у нас свадьбы играют».

Я заколебался — как раз начался чемпионат мира по футболу, и хотелось в выходные посмотреть несколько матчей. Но желание увидеть что-то новое пересилило, и мы в субботу после занятий выехали электричкой на Белгород. Езды около двух часов, так что мы прибыли как раз к началу свадьбы. И я не пожалел о том, что поехал, так как увидел такое, что вряд ли больше увижу. На весь сельский переулок, метров на 50—60, растянулся высокий брезентовый навес, посередине которого стояли в один ряд столы с закусками. А против каждого места с обеих сторон стояли... двухсотграммовые флаконы тройного одеколona. «Видишь, — восхищенно шептал мой коллега по комнате, — какое богатство!» Эти два длинейших ряда флаконов врезались мне в память навсегда. Одного взгляда на них было достаточно, чтобы представить всю последующую картину «овеселения», и уже кусок не лез в рот. Но увидеть все это стоило.

Вообще, если в организме человека главное движущее звено — кровеносная система, то в нашем российском, если хотите — советском, да и в постсоветском обществе, главным энергетическим или связующим звеном, к сожалению, является спиртное. Оно пронизывает всю нашу жизнь — от политики и бизнеса до любых видов услуг. Спиртное стало и разменной монетой, и видом платежа, и даже средством накопления. А мы еще с большой головы (у нас!) пытались вводить сухие или полусухие законы.

Да у нас если не будут пить, то и вспомнить-то будет нечего.

Вы думаете, почему у нас всегда в принципе были дешевая водка, хлеб и коммунальные услуги? Политика была такая. Те, кто все эти последние 80 лет был у власти, этот бетонный слой, который пережил и Ленина, и Сталина, и Хрущева, и Брежнева, и Горбачева, очень хорошо знал российскую политэкономия и наш менталитет. Знал сущность простого россиянина, которому надо дать гарантированные 100 или 200 рублей зарплаты, затем 50 лет не менять тарифы за коммунальные услуги, цену на хлеб и водку. Сделать так, чтобы хватало с «подсосом» денег от зарплаты до зарплаты, чтобы человек во-

шел в систему: «напился-забылся, напился-забылся и т. д.». Тогда никто не будет думать и возмущаться, почему он так плохо живет. Из системы уже не вырвется и не пойдет искать правду. А кто рискнет искать, — для него найдутся нары в другом месте...

Но оставим политику и вернемся к вину и спиртному вообще.

В наших краях издавна вино — это и повседневность, и обрядность, и лечение, и многое другое. Ни один уважающий себя человек не запретит себе принятие стакана хорошего вина на десерт. Особенно в жару, из холодного подвала.

Все мои предки, до глубокой старости, перед едой два-три раза в день пили по стакану вина и жили по 90—100 и более лет.

Если во дворе не было своего вина, то считалось, что в том доме не было хозяина. Люди научились делать домашнее вино и использовали его только при необходимости. При этом вина обязательно отличались индивидуальностью, что было предметом гордости их производителей.

Все было хорошо до тех пор, пока вино не стало товаром в широком смысле слова. Потребности и неограниченность внешнего (союзного) рынка, где шла любая продукция, лишь бы «сшибала» с ног, заставили Молдавию ускоренными темпами увеличивать производство вина на промышленной основе. Была организована система заготовок вина у населения. Тут и началось...

Натурального виноградного сока в требуемых объемах не хватало, да натуральные вина в России не особо и ценились, значит пошло упрощение — немного сока для окраски и какого-то вкуса, вода и спирт. В шестидесятые-семидесятые годы «эпидемия» винозаготовок достигла апогея. Лихорадочно возводились многокубовые домашние бассейны для выработки так называемого «вина». Технология до смешного проста — несколько мешков виноградного жомы, несколько мешков сахара, остальное — водопроводная вода. Переиграло — и готово. Сдал по 60—70 копеек за литр, и делай снова. И так — цикл за циклом.

Особенно этим увлекались авторитетные люди, которые могли сами или через кого-то заставить приемщиков-заготовителей принимать это, извините, пойло. Конечно, сдавали люди и хорошее вино, но то был мизер, причем абсолютно невыгодный, так как себестоимость бурды на жоме была в несколько раз ниже, да и делать ее можно было сколько угодно раз в году.

На винзаводах, куда свозилось все это «сырье», в него добавляли спирт. В результате подкрашенное и довольно дешевое вино «разливалось» по всему Союзу. Бедные те люди, которые его пили.

Короче говоря, довели винопроизводство до полного абсурда. Слава Богу, до кого-то еще в 1977 году дошло, и приемка вина от населения была прекращена.

Вообще, этот баланс между индивидуализмом и массовостью даже в таком, казалось бы, второстепенном деле, как производство вина, вреден и неуместен. Если у крепких напитков, особенно в настоящее время, тех же водок, технология в принципе шаблонная, только названия разные, то вина, как и сорта винограда для их приготовления, во многом различны и требуют именно индивидуального, особого подхода. Здесь лучше меньше, да лучше. Ценится и натуральность, и сроки выдержки, и многое другое, но именно индивидуальное. И в этот процесс не надо вмешивать ни политику, ни экономику, ни еще что-то в виде запретов, монополий и т. п.

По-моему мнению, государству в нашем крае никогда не надо вмешиваться в индивидуальное производство того же домашнего вина, да и напитков покрепче «для себя». Запрет должен быть только на продажу, здесь должна быть полная монополия государства и лицензирование права для частной торговли. А в то, что производится для себя, не надо вмешиваться. Если мы беспокоимся за здоровье человека, так человек для себя плохой напиток не сделает. Если думаем, что потеряем в выручке, так тот, кто делал для себя вино, так и будет делать, он не ходил в магазин и не будет ходить за вином.

Да пусть делает какие-то наливки, настойки из фруктов, даже перегоняет их на спирт, чтобы не пропадали. Все это не опасно и не антиобщественно. Опасно, когда аэрозоли нюхают и т. п.

Какими мы выглядим смешными для самих же себя (другие ведь этого не знают) в этих вопросах.

К примеру, собираем дома абрикосы, переспелые они осыпаются и пропадают. Дней десять постоят в кадушке, косточки оседают на дно, масса перебродит и без всего (дрожжей, сахара и т. п.) готова к производству уникального абрикосового спирта — в простонародье «абрикосина». Тот, кому довелось попробовать этот обжигающий натуральный продукт с приятным запахом абрикоса, никогда не променяет его на десятизвездочный коньяк, если таковой в природе имеется.

Так вот, в старые времена «нюхающих» милиционеров, в величайшей тайне, у кого-то из «имущих» мы с отцом занимаем на день «аппарат», устанавливаем его среди деревьев на середине огорода и запускаем в работу. Картина для кисти хорошего художника: лето, жара, естественно зелень, а в кустах идет перегонка абрикосовой жижи на спирт. Куб металлический (емкость), змеевик в бочке с холодной водой — вот и все «оборудование». И все в тайне...

Тоненькой ниточкой стекает в баночку спиртное. А вокруг сидят человек пять-шесть кумовьев или родственников-мужиков и поочередно «снимают пробу». Снимают так, что жидкость не успевает капать, и трудно дожидаться очереди.

Вообще, в связи с такими событиями можно привести массу курьезных случаев. Расскажу всего один.

В селе Копанка, это когда оно еще было Копанкой с большой буквы, где-то с сорок шестого года работал председателем колхоза Герой Социалистического Труда, известный многим человек, Георгий Трофимович Болфа. В начале пятидесятых годов первым секретарем ЦК компартии Молдавии был Л.И. Брежнев. Так вот, приезжает секретарь в Копанку, как обычно, знакомится с колхозом, селом, полями. Болфа был человек не только хозяйственный, но и обладал достаточным запасом юмора. Где-то к обеду, объезжая плавни, они подъехали к огромному дереву, растущему посреди поля. Сели отдохнуть в тени. Тут же появились помидоры, огурцы, брынза, то есть обычная молдавская закуска. Хитрец Болфа повесил заранее на дереве бочоночек абрикосовой водки, шланг от него вниз опустил, сзади ствола, чтобы не было заметно, кран на шланге от кислородной подушки, все как надо. Ну и так незаметно наливает в кружку граммов 150 «абрикосина» и подает Брежневу. Тот понюхал, выпил, крикнул и говорит: «Слушай, замечательная вещь, никогда такого не пил. А где ты его берешь»? Выпил еще столько же и уехал. Недели через две снова приехал и сразу к тому дереву направился...

Лет через двадцать, уже будучи Генеральным секретарем, Брежнев проездом, сделал остановку в Кишиневе. Естественно, торжественная встреча на высшем уровне на перроне. А он вышел из вагона, увидел Болфу среди встречающих, направился прямо к нему и, улыбаясь, спросил: «Ну, как там, есть еще у тебя тот благородный напиток?»

Рассказывая мне об этом случае уже в восьмидесятом, через шесть лет после приезда в Кишинев Генсека, Болфа смаковал его с разных

сторон, а потом сказал: «Ты знаешь, у меня еще есть из тех запасов одна бочка, лет двадцать пять уже стоит, правда не абрикосовая, а сливовая, но все равно поедем — попробуем, что такое сливовая водка в дубовой бочке после 25 лет выдержки».

Раньше во всех колхозах были пункты по выработке спирта-сырца из фруктов. Все, что не было товарным, — шло на спирт. Производство было сезонным, работало там немного людей, но оно таки работало, и что-то потихоньку «капало» в колхозную кассу, а продукция не пропадала и не растаскивалась.

Конечно, работа в этом «цехе» была сродни каторге. Так как непьющих трудоспособных в колхозе практически не было, то работать на спиртопроизводстве посылали по графику — больше, чем по две недели, мужики там не выдерживали, спивались и потом долго отходили от такого почетного поручения-наказания.

Раньше в колхозах всегда были вино и спирт своего производства Их и реализовали, и сдавали государству, да и выдавали в счет зарплаты.

Процесс этот тоже был своеобразным: в кладовой — по выписке, а «своим» — по записи. Как; выдавали? Заходит, к примеру, бригадир в кладовую или кто-то еще из руководства, пьет литр вина, а кладовщик ему галочку ставит в разделе «вино». И так постепенно количество накапливалось. В конце года, когда на трудовни что-то начисляли, делались перерасчет и удержания.

Помню, на одном из отчетных собраний в пятидесятых годах председатель колхоза объявляет, кто и сколько выпил в кладовой за год. Называет бригадира Соколова Андрея, он как раз наш сосед по огороду, и говорит: «Соколов выбрал в кладовой 29 ведер вина». А сидящая с ним рядом жена как зашумит: «Ты что ж, гад, не мог дома пить, у тебя в подвале вина нет?» «Так ты же не даешь, вот и пришлось брать в счет зарплаты».

А сколько курьезов случалось с нашими гостями-приезжими, особенно с отдыхающими? Москвичи, ленинградцы, мурманчане и другие многими тысячами заполняли летом Приднестровье. Тепло, вода, дешевые овощи и фрукты, дешевое жилье и... вино. По 20 копеек стакан, пей не хочу.

Так вот, они подойдут к бочке и с ухмылкой, глядя, как на квас, по нескольку стаканов пьют залпом, а потом тут же и лежат несчастные, не понимая, что с ними происходит. Не разбирались они, особенно с первого раза, в особенностях и коварстве нашего вина. Хотя не все.

Как-то я приехал в отпуск, кажется, в 69-ом. Шла уборка хлебов. Отец получил новый комбайн прямо в ее разгар, и я помогал ему в наладке и комплектации. В бригаде □ 1 колхоза «ХХ Партсъезд», что в Слободзее, раньше действовал большой студенческий лагерь, там были студенты из разных стран, в том числе и советские.

В тот год работал большой отряд из ленинградского педагогического института им. Герцена. Группа была «интеллигентная», с работой у них не очень ладилось, зато во всем остальном они здорово преуспели. Так вот, иду я от комбайна в кузницу, что-то там согнуть надо было. Слышу, кто-то кричит: «Ты мне, старик, не заливай, уж в чем-чем, а в вине я разбираюсь!» Захожу — молодая девушка выскакивает мне навстречу в мини-купальнике и с явно злым видом. Спрашиваю у кузнеца, ныне покойного дяди Лени Вихрова, в чем дело. «Да, — говорит, — возил я им вино, их же в село не пускают, в основном, «штапельное». Вчера деньги взял, набрал банку, а бочка закончилась. Ну, не буду же я деньги возвращать. Набрал банку чистого вина, для себя ведро хранил, и привез студентам. Они «штапельную» бурду пили — крепкая, бьет по всему телу, тем более по мозгам. А чистое вино им не понравилось — слабое, мол. Вот и послали ко мне командира на разборку. Она, видите ли, в вине разбирается. Здорово разбирается, если за такое вино скандал подняла».

Ну, это, так сказать, пример, когда пьют за деньги, а на «халяву» могут пить, что угодно.

Помню, случай был у нас в доме. Выходной день. Я лежу на печке, читаю книгу. Внизу на кухне мама стирает отцову спецовку. За столом сидят двое: спиной ко мне — отец, напротив него — дядя Федя. Завтракают, запивая вином, которое отец разливает из чайника. Заходит сосед, Максим Димитренко, прижимистый такой был старик, и очень, прямо очень любил надурняк выпить. Зашел и сел рядом с дядей Федей. Мама вышла развесить постиранное. Корыто с черной мазутной мыльной водой стояло на скамейке у печи.

Отец с левой руки наливает кружку вина и подает деду Максиму. Тот быстро пьет, кряхтит и спрашивает: «У кого брали вино? Добрэ!»

В очередной раз отец наливает себе, дяде Феде и... черпает незаметно кружку мыльной воды из корыта. Подает ее деду. Тот опять быстро пьет и опять хвалит вино. Мне сверху все было видно. Я удержался от смеха дважды, но когда отец в третий раз подал деду мыльную воду, уже не выдержал и взорвался, одновременно грохнув обеи-

ми ногами в трубу так, что два кирпича упали вовнутрь. Отец, конечно, позже со мной разобрался — и за неожиданный смех, и за трубу, но больше из корыта не черпал. Скорее всего, потому, что вино в чайнике закончилось, и завтрак тоже.

Из-за вина случались всякие курьезы, особенно в семьях, где жена считала себя главной. Как-то брат жены решил тихонько проверить, готово или нет молодое вино. Надо было без шума войти в подвал, но выключатель находился наверху, в летней кухне. А жена как раз там стирала. Решил пойти в темную, знал же, где бочка стоит.

В темноте не нашел винный шланг и решил сточить в литровую банку через отверстие внизу бочки. Но когда ослабил чоп, он под давлением полутонны вина вылетел, струя вина ударила в стену подвала. Пришлось брату вставить вместо чопа палец... Около получаса он полулежал, полусидел, закрывая пальцем отверстие. Палец онемел от холода. Свободной рукой он лихорадочно шарил вокруг себя и не находил тот чертов чоп. Когда стало невмоготу, пришлось «раскрываться» и звать на помощь жену. И каково же было его разочарование, когда жена включила свет и зашла: оказалось, что чоп находится в банке, которую он подставлял. То есть был прямо перед носом, а он этого не знал и принимал такие муки.

Вообще, тема вина и всего, что с ним связано у нас, — бесконечна. Вывод общий может быть только один — не вино к нам плохо относится, а мы к нему. Причем, так: плохо, что потом и самим плохо становится.

Я не винодел и не рассказываю о вине, я говорю о людях во взаимодействии с вином. Пить можно, надо только знать, когда, с кем и сколько. «Надо не от случая к случаю напиваться вином, надо уметь пить его каждый день и при этом не стать пьяницей». Такой вот афоризм. Лучше не скажешь.

ВЫСОХШАЯ ПАМЯТЬ

Эта очень грустная для меня, да и для многих людей была имеет давнее начало и продолжается в наше время. Где-то в начале семьдесят первого года в областном центре, городе Актюбинске, проходил обычный для тех времен партийно-хозяйственный актив. Подводились итоги года, было много выступающих — и своих, и из числа гостей. Присутствовало и какое-то аграрно-экономическое светило из Алма-Аты — академик отраслевого НИИ Казахской Академии наук.

Он говорил с пафосом просветителя и буквально ошарашил зал сообщением о недавней поездке группы казахских ученых-аграрников в Молдавию. Помимо общих слов восхищения, он рассказал, что были они в Слободзеевском (так он выразился) районе, а там есть сад. Самый большой садовый массив в мире или Европе, он точно не помнил. Но рассказал, что при том огромном саде есть аэропорт, оттуда самые лучшие фрукты отправляют в Москву, Ленинград, на Север и в Сибирь. Есть железнодорожная станция, откуда такие же фрукты отправляют также по всей стране.

Кроме того, имеется автобаза с пятью сотнями машин-рефрижераторов. Для переработки фруктов похуже качеством, имеются соковый цех и консервный завод. Работники проживают в благоустроенных квартирах со всеми удобствами, а в городке, где они живут, созданы все условия для жизни, учебы и отдыха.

Так уж получилось, что из всех присутствовавших тогда в зале и пораженных его информацией людей лишь один человек знал истинное положение дел, в обратном смысле, разумеется. Как раз за пару месяцев до того партхозактива я был в Москве на сессии и на несколько дней сделал крюк в Слободзею, чтобы провести отца и родственников. Тогда и узнал от них, что весной началась закладка большого межколхозного сада в нашем районе. Вдоль трассы Одесса—Кишинев все прилегающие к ней колхозы выделили земли под будущий сад. Есть рке название, «Память Ильичу», так как закладка шла в год 100-летия со дня рождения В.И. Ленина. Пока все только начинает-

ся. Контора сада находится в вагончике на станции Новосавицкая. Туда же начали поступать грузы для него.

Часть молодых деревьев уже была посажена, и посадка продолжится до тех пор, пока не будут освоены все запланированные площади.

Вот что было на самом деле. Поэтому я сидел в зале и с достаточной долей иронии слушал всю эту «лапшу» столичного академика. В перерыве подошел к нему. Наш председатель Каструбин у него когда-то студентом был, ну и представил меня, сказав, что я родом из того самого района, где находится межколхозсад. На мой вопрос, видел ли он все это хозяйство, академик ответил честно: «Нет, нам кино про него показывали». Да, действительно, такой фильм был, как рекламная расшифровка к проекту организации сада. Позже я его тоже видел и в Кишиневе, и в Слободзее.

Не знал я тогда, что всего через пять-шесть лет судьба заставит вплотную заниматься тем межколхозсадом, помогать решать многие его проблемы, а позже с болью в сердце воспринимать катастрофу этого в принципе замечательного проекта.

Задумка была действительно грандиозная. Не зря авторы проекта и иже с ними, причастные и непричастные лица, были удостоены званий лауреатов Государственной премии.

Проектная площадь сада определилась в 6000 га, валовой сбор фруктов должен был достичь 240000 тонн в год, рентабельность хозяйства в целом намечалась на уровне 200%. Достижению общих производственно-экономических показателей должны были способствовать все те хозяйства, о которых говорил наш академик, — автобаза, железнодорожная станция, цеха по переработке и даже сельхозтехникум. Естественно, планировалось обеспечение работников жильем и объектами соцкультбыта.

Надо сказать, что в проекте ничего сверхъестественного не было. Он был реален и вполне осуществим. Но. Его осуществление шло в обычном планово-советском варианте. Это было порождение эпохи обещаний. В те времена главное было пообещать, притом публично. У нас посты давали в основном за обещания, а не за дела. Это чисто советская классика.

Действительно, классикой можно назвать регулярные выступления на всех районных форумах председателя одного из наших колхозов, Рамазана Кушербаева. Перед очередной полевой кампанией, будь то посевная или вспашка зяби, он обязательно выходил на три-

буну и говорил: «Ми к посевной (уборке, вспашке и т. п.) полностью готовы. Ест там мелочи. Кател ест — каша нету, сеялка ест — колеса нету, будка ест — люди нету». И его, никогда ничего не выполняющего, держали многие годы всего лишь как обещающего — за умение угодить и организовать охоту или рыбалку, благо колхоз его находился в горной зоне. А с таких, как наш председатель, пытались снять по несколько шкур.

Нечто подобное получилось и с нашим межколхозсадом. Напустили пузырей, расхвалились на весь мир, а когда скачали с него определенные политические дивиденды, — потеряли интерес, переключившись на другие объекты, где молено было заработать новый политический или экономический капитал.

Сад как бы в миниатюре повторил судьбу великих по замыслу и отвратительнейших по исполнению проектов, таких как целина, Байкало-Амурская магистраль и т. п. И дело вовсе не в соленой воде Кучурганского лимана, не в особенности почвы, не в неправильном сочетании привоев-подвоев и сортов, а в определенной организационной пустоте голов и корысти тех, кто выдавал идеи и организовывал их исполнение.

В цивилизованном мире любое строительство начинается с обеспечения, создания условий, как для самого строительства, так и для поэтапного ввода объекта в эксплуатацию. Амбициозность тех лет требовала от данного проекта в первую очередь площадей и масштабов. Иначе козырять было бы нечем. И если настоящий хозяин начинает строить дом с подъездной дороги, забора, воды и, простите, туалета, то плохой — строит дом, а потом не может в нем жить.

Вместо того чтобы синхронно расширять площади и необходимое обеспечение, мы ускоренными темпами сажали сад, растягивая, а затем и разрывая единую технологическую цепь. В итоге — площади перевалили за четыре тысячи гектаров, а обеспечение отставало почти на порядок. Оприходованные площади сада, естественно, начали облагаться планами производства и закупок. И никого уже не интересовало, что нет даже половины необходимого по технологии количества тары, тракторов, погрузчиков, транспорта, людей и сотен других составляющих.

Пошли проблемы обрезки и удаления с плантаций веток, доставки людей, обеспечения их жильем и всем необходимым. Несоответствие площадей, объемов и уровня обеспечения накатывалось с ро-

стом сада, то есть усугублялось с каждым годом. Но никого в верхах это уже не интересовало — появились другие проекты, и надо было там набирать очки.

Пока сад рос, и объемы производства фруктов были небольшими, в сад возили делегации со всего света. На специальную смотровую площадку в очереди иногда стояли то немцы, то японцы, то бесконечные наши. Наверняка подавляющая масса, если не все, делегаций, посещавших Молдавию, обязательно проходила через межколхозсад. Со всеми вытекающими последствиями. Это была гордость и беда Слободзейского района. Почти тридцать километров непрерывных садовых плантаций при въезде в Молдавскую ССР, конечно, впечатляли, а какие за этими деревьями проблемы, никого не интересовало. Ни чужих, ни своих. Главное — отпартовали и свое получили, а все остальное — забота самого сада.

Лет десять держали марку на проектных обещаниях, затем появилось предчувствие определенного страха перед будущим. Специалисты сада и районное руководство понимали, что с такими подходами сад может постигнуть катастрофа.

Я тогда уже возглавлял экономическую службу района, и вместе с руководством мы стали заострять внимание на том, что проектная программа по саду не выполняется, это закончится плохо и очень скоро. Но все было напрасно.

Вместо доведения до ума всей системы обеспечения высшее республиканское руководство приняло план строительства грандиозного въезда в МССР со стороны Украины, именно в селе Первомайск — в то время базовом селе мезколхозсада. Проектом, стоимостью в 24 миллиона рублей, предполагалось строительство различных въездных арок и атрибутов, кемпинга, гостиницы и т. п. Причем, финансировать его предполагалось довольно оригинальным образом: половину из бюджета, половину из средств колхозов-пайщиков межколхозсада. Районное руководство делало все, чтобы до поры не осуществлять этот проект, а направлять выделяемые средства на совершенствование технологического и социального обеспечения яблоневого хозяйства.

А сад все рос. И на четвертый год выдал первые 3000 тонн фруктов, на шестой — уже 22000 тонн, на девятый — 40000 тонн, а в восьмидесятые годы валовые сборы перевалили за 50000 тонн. Даже страшно подумать, что бы мы делали, если бы достигли проектного уровня производства фруктов в 240000 тонн, если не знали, что де-

лать с тем, что уже достигнуто. Сад давал 30% прибыли всего Слободзейского района.

К перестроечным годам межколхозсад имел свою железнодорожную станцию, холодильники на 12600 тонн, соковый цех, мощный автотракторный парк и практически не имел проблем с жильем для работников. Да, повторяю, обеспечение было недостаточным, но оно таки было.

После ухода Л.И. Брежнева, конечно, не в прямой связи с этим фактом, а как бы между прочим, поменяли название сада: «Память Ильичу» — на «Памяти Ильича». Но это не отразилось на положении дел. Внимание к саду с каждым годом становилось все более слабым и потребительским, а при ослаблении внимания ослабевают и контроль, и ответственность и многое другое. Ситуация на несколько лет была брошена на самотек. С началом развала Союза и приходом уже «приднестровских» времен, сад был предоставлен, образно говоря, самому себе. Скорее, даже не себе (саду), а на растерзание другим. У центральной нашей власти в первые годы была масса проблем политического и военного характера; беспрерывно меняющаяся районная власть не знала, какой флаг поднимать на своем здании, и всем им было не до сада, да и не до села в целом. Усугублялась, на мой взгляд, ситуация по АПК еще и из-за того, что с первых дней была определена неверная кадровая политика.

К руководству отраслью привлекались люди, как показало время, далекие от интересов АПК и села. Отсутствие должного внимания породило безнаказанность и безответственность.

Только общее пренебрежение к плодовоовощному комплексу могло способствовать тому, что десятки тысяч тонн прекрасных фруктов много лет подряд транзитом провозились мимо пяти наших консервных заводов. Именно мимо, мимо ворот! Они шли на переработку в Оргеев, за 100 километров. Можно было понять руководство межколхозсада тех лет. Фрукты не сдавались на месте, потому что наши заводы делали все, чтобы с ними не рассчитаться, а если и рассчитывались, то яблочным соком по высочайшей стоимости. А Оргеев платил живыми конвертируемыми леями или чем-то другим

Другое дело, во что обходилась доставка, куда, кому и как шли деньги. Машины с яблоками проезжали не только мимо наших заводов, но и мимо наших властных структур, которым до этого не было дела, ибо никто из них в этот процесс не вмешивался с целью так называемого упорядочения.

Сад откровенно начали грабить с начала девяностых. Переданные в аренду площади стали вотчиной арендаторов, которые просто стригли купоны за всех: и за тех, кто выделил землю, внес денежные пай и ждал распределения живой, а не бумажной прибыли, и за тех, кто сажал, поливал, обрезал и обрабатывал. Поставив кордоны вокруг своих арендных участков, привлекая на поденщину массу людей, «арендаторы», а точнее договорные грабители, делали с урожаем все, что хотели. Естественно, не без ведома кого-то.

Именно в те годы, когда можно было без проблем вывозить фрукты в Россию, Белоруссию и другие государства, когда у нас несколько лет ходили российско-советские рубли, когда можно было подешевле купить все необходимое для сада — средства защиты, саженцы, технику, все делалось наоборот — шло бесконтрольное разграбление и уничтожение. И не только фруктов, а всего, что можно перемещать. Все, кто мог, тот и тащил.

Сегодня многие участки сада представляют собой мертвый инопланетный пейзаж. Скрюченные сухие деревья, рядом заросшие травой пни, а в междурядьях живого еще сада — необрунные с зимы ветки. Такая вот негативная фотография.

Из некогда почти трехсотмашинного автопарка осталось десяток машин. На ходу еще около 10% бывшего тракторного парка. Из 4000 работающих осталось триста человек, из них 180 — охранники. Ситуация просто вывернулась наизнанку. Раньше был сад — не хватало жилья, объектов соцкультбыта и различных подсобных и обслуживающих производств. Сегодня — жилье и т. д. есть, зато нет сада — главного источника их содержания. Из шести с половиной тысяч жителей — в наличии едва половина, остальные разбросаны по многим странам ближнего и дальнего зарубежья. Кто остался, в большинстве своем мыкается в поисках работы, приторговывает в Кучургане, непонятно, как и на что живет.

Прекрасный поселок Первомайск и его жители стали заложниками бестолковой ситуации. В свое время их собирали по всему Союзу, а теперь им ни работать, ни жить, ни уехать нельзя, да и некуда многим ехать. Пока еще не старое жилье через 3—5 лет без должного ухода начнет разрушаться. Уже сегодня внешние сантехнические сети, которым за двадцать пять, начинают сыпаться, а без них поселок просто пропадет. Передача ЖКХ и объектов соцкультбыта в ведение администрации поселка опоздала на те же четверть века. Это

надо было делать сразу, еще при вводе первого жилого дома или объекта соцкультбыта.

В настоящее время такие действия лишь ускорят крах поселка в самом худшем понимании этого слова. Передача жилья в собственность, такая же неразумная, как и любая наша постсоветская приватизация, сделала заложником уже саму власть. Приватизированные на 90 процентов квартиры сегодня на половину пустуют, ибо хозяева в отъезде. Как правило, они никем не оплачиваются, отнять их нельзя, а выселить из них некого и т. д. Между тем, топить надо, ремонт делать тоже. Так что в ближайшее время этот поселок может всплыть на республиканскую поверхность, как самый опасный социальный, экологический и антисанитарный очаг, который надо будет спасать гораздо большей ценой, чем это можно сделать сегодня.

Уже сейчас этот поселок похож на лагерь для перемещенных лиц, которые, повторяю, не могут ни жить, ни уехать. Главное — поселок практически безработный. На месте занято всего 5% населения. Чтобы содержать то же ЖКХ и семьи, надо иметь работу. Здесь усилий руководства поселка и сада недостаточно. Видимо, надо срочно принимать какие-то меры на республиканском уровне — и по поселку, и по саду.

Печальная картина щедрой осени: стоят усыпанные фруктами деревья. Но кто их будет собирать, если приемщики ставят дикие условия обмена: 1 литр дизтоплива — 12 килограммов яблок! Это даже не грабеж, а убийство при полном попустительстве власти!

Смотришь на яблоки на деревьях и на мерзлой земле и с горечью думаешь: «Ну, почему мы такие бестолковые? Почему не привезти, к примеру, из всех школ по одному классу ребят, на один день — пусть соберут себе машину-две яблок, куда-то заложат на зиму, да будут давать детям хоть по яблоку ежедневно! Ведь все равно пропадут!»

Не понимаю, как молено нашим министрам и иже с ними раскатывать на «Волгах» туда-сюда по республике, сжигая тонны бензина, в то время, когда фрукты в мороз висят на деревьях, а их собрать невозможно — нет горючего, чтобы вывезти в сад людей и отвезти продукцию, да еще при узурпации приемщиков-переработчиков.

Абсолютно уверен, что средств, затраченных на облагораживание и перестройку зданий наших министерств и ведомств в последние годы, многократно хватило бы для завершения уже на 90% готовой сулейской оросительной сети — ведь межколхозсад нуждается-

ся именно в днестровской воде! Куда там! Даже многомиллионную по стоимости плавучую насосную станцию практически утопили. Несколько последних километров трассы так и не довели до ума, значит, — и до полива.

Сколько средств туда было вложено! Новая система смогла бы оживить тысячи гектаров, а так — ржавеет металл, разворачиваются комплектующие. Вода практически пришла к саду, да не идет на полив. Один шаг остался, но кто его пробьет? Не умеем или не хотим решать серьезные, жизненно важные вопросы. Только когда припечет, начинаем искать. Кстати, находим у себя же. Но для этого надо довести ситуацию до беды. Потом исправим, но какой ценой?

И что еще нужно отметить: пока управление садом осуществлялось из вагончика, работы шли день и ночь. А как начальство переместилось в мраморный дворец, все пошло по-другому. Расслабились, что ли. Нечто похожее происходит и с отдельными государственными ведомствами. Просто такие мы есть.

И все же, если сегодня оставить без внимания и решения ситуацию в Первомайске, то, перефразируя поэта, можно будет сказать: «И города не будет, и саду там не цвести, пока такие люди у руководства есть». Имеется в виду — отраслевого.

Вот такая грустная история получилась. Причем, ситуация продолжает ухудшаться. И тот фильм, который тридцать лет назад выдавал нам за правду столичный академик, сегодня воспринимается как мультфильм-сказка.

Страшно, когда высыхает сад. Еще страшнее, когда высыхает память...

НАЧАЛО

Дык, говоришь, и тракторист, и комбайнер? — язвительно допрашивает меня бригадир. — Наверное, и дипломы у тебе есть? — продолжает он, переминая пальцами направление из отдела кадров МТС.

«Есть, свидетельства», — мрачно отвечаю я и протягиваю ему две сереньких книжечки. Издевательский тон и ироническая ухмылка на лице бригадира выводили меня из себя, но я всеми силами старался сдержаться и, что называется, показаться. Так хотелось работать самостоятельно, не бегать в помощниках-подносчиках. Именно для этого всю зиму проучился. Прошлый сезон был на уборке помощником комбайнера, потом всю осень пахал в прицепщиках, а когда узнал, что открываются курсы трактористов и комбайнеров при МТС, то записался сразу в обе группы. Мало того, пошел на зиму кочегаром в общежитие, где проходили занятия, чтобы все было при месте. Занимался и работал практически сутками. Закончил с отличием оба курса, получил свидетельства и, наконец, направление в бригаду №2 колхоза им. Буденного — «на должность тракториста». Так было сказано в направлении. Я с трудом добрался на попутном тракторе за 18 километров в с Джусалы, где размещался указанный колхоз, нашел в мастерской бригадира — и вот теперь он надо мной издевается.

«Ды кто он такой, этот Голубь? — продолжает выступать бригадир, рассматривая подпись начальника отдела кадров на направлении. — Для mine ен сват — Тимошкин шурин, с поля — ветер, с заду — дым И чиго ен как раз тебе прислал?»

«Не знаю, — отвечаю я, — он сказал, что от вас была заявка на трех трактористов, вот меня и направили».

«Дык я ж давал заявку на трактористов, а ни на тебе, — бросает в сердцах Иван Рубцов, так звали бригадира. — Ну куды я тебе дену? Да, было три места. Одного человека на новый ДТ я нашел, осталось два этих самых места, да не про тебе. Колесник — СТЗ, ще довоенный, уже зиму стоит, да Ахмед на С-60, тоже довоенном, уже почти год сам отдувается. Ты знаешь, что такое ЧТЗ С-60?» «Видел». «Вот то-то

и оно, што «видел», — опять в сердцах говорит Рубцов. — Ну, да ладно, пойдешь пока на ремонт, а там поглядим, куды тебе опридилим».

Бригадир не знал, что мне в августе будет только пятнадцать, что в отделе кадров, в связи с катастрофической нехваткой механизаторов, значительным поступлением новой техники и очень серьезными задачами по освоению новых земель по зоне нашей МТС уже в текущем году, мне просто приписали в личный листок два года. Благо, паспортов на селе в то время не выдавали, метрического свидетельства у меня не было, а большую массу архивных документов, в том числе и по году моего рождения, унесла война. Так что сверять данные было не с чем, да и никто в этом заинтересован не был. Пацан на вид крепенький, трактор и комбайн знает, курсы прошел, сезон отработал, что еще надо. Дописали пару лет в трудовую книжку, чтобы с профкомом не было проблем — и за работу, молодой механизатор.

Сегодня иногда смотришь на 16—17-летних ребят — и своих, и чужих — и видишь, насколько они инфантильны или не подготовлены к самостоятельной жизни. Никому и в голову не придет верить кому-то из них трактор, тем более комбайн. Вспоминаю, как встретил свое пятнадцатилетие за штурвалом комбайна, и никак не могу даже представить себе кого-то из нынешних сверстников в этой роли. Настолько изменилось время, и изменились люди. Не могу делать какие-либо выводы, лучше стало или хуже, просто фиксирую ситуацию, было — стало.

Так вот, ничего этого, тем более будущего, бригадир тогда не знал, а то не посмотрел бы ни на направления, ни на мои «дипломы» и просто не стал бы со мной разговаривать.

Ну и, слава Богу, что не знал.

Через колхозного бригадира полевой бригады Рубцов нашел мне в селе угол. Напротив колхозного двора жила семья немцев — выселенцев с Украины. Муж с женой лет за тридцать и мальчик-дошкольник.

Полевой бригадир в моем присутствии довел до сведения хозяйки условия моего постояльства. Я буду у них ночевать, они мне будут варить еду и стирать постель. За это хозяйке станут начислять по полтора трудодня в день. Продукты можно брать за мой счет в колхозной кладовой. Время проживания — сколько будет надо.

С этого момента, собственно, и началась моя самостоятельная жизнь. Днем я вместе с другими механизаторами нашей бригады готовил к посевной технику, а ночевать приходил на квартиру. Дом у

Байеров (такой была фамилия моих хозяев) был, как и большинство сельских домов того времени, обычной глинобитной мазанкой без крыши, имел стандартную для степных буранных мест форму буквы «Г», где стойку представлял сам дом, а перекладину — сарай для животных и птицы. Сарай в тех местах обязательно соединялись внутренней дверью с домом, чтобы во время снежных заносов не было проблем по уходу за скотом. Временами, в снежные зимы, такие мазанки заносило полностью, и не раз, блуждая в буран, въезжали на крыши-потолки и проваливались внутрь как трактора, так и конные сани.

До пятидесятых годов большинство домов в старых степных селах были однообразными и небольшими — в две, максимум, три комнаты. Отапливались одной печью, хорошо утеплялись, так как морозы за сорок градусов, да еще с ветром, там были не в диковинку. Строились в селах (в каждом по-разному) и несколько домов под крышами, как правило, жестяными. В таких домах в прежние времена жили наиболее богатые из сельчан. Еще до войны они были реквизированы, и в них разместились конторы да учреждения. А если какие и использовались под жилье, то, как казенные квартиры.

В доме моих хозяев было всего две комнаты. Одна, поменьше, служила кухней-столовой-гостиной. В другой, побольше, собственно и жили хозяева. Мне выделили деревянный топчан на кухне. Днем он использовался как скамейка, а после ужина и мытья посуды на него стелили постель. Хозяева уходили к себе, а я оставался на ночь один. Словами этого не объяснить. Человеку надо сперва сделать очень плохо, а потом чуть-чуть улучшить ситуацию, и он будет доволен. Так и у меня. После общежития, где в одной комнате с тобой живут еще десять храпящих и гремящих по ночам разновозрастных мужиков, где воздух насыщен парами пота, перегара, запахами хрустящих портянок и взвешенных неароматизированных частиц до такой степени, что хоть нарежь его пластами, где по ночам на голову падает невысохшая с осени штукатурка и ни один вечер, тем более в выходной, не обходится без драк, скандалов-выяснений, где по утрам в коридоре очередь к однососковому умывальнику, замерзшему наполовину, а без очереди можно умыться только снегом, где ни за что ни про что можно получить по голове пустой бутылкой или еще чем-то в полумраке длинного коридора, освещаемого одной тридцативаттной лампочкой и то лишь до двенадцати ночи, тихая кухня казалась мне райской обителью.

После обычных общежитейских «прелестей» тишина и спокойствие в «моей» комнате несколько первых дней даже не давали мне спать. Потом привык, зато появилось другое.

В первый же день хозяйка пошла в колхозную кладовую получить для меня продукты. Как оказалось, кроме муки и соли, из съестного больше ничего. Столовой в колхозе не было, из приезжих — один я, люди в поле не работали, значит, и скот на мясо для хозяйственных нужд зимой почти не забивали.

Рядом с нашим домом находился небольшой магазин, там можно было купить какие-нибудь мерзлые консервы, но я зиму проучился, да еще проработал три месяца кочегаром, где зарплата еще ниже, чем на ремонте, так что денег у меня даже на курево не хватало, что уж там говорить о дополнительном питании. Поэтому уже со второго дня пришлось перейти на супержестокую для моего растущего организма диету: хозяйка с утра варила мне трехлитровый казан постных бесформенных галушек. Вода, соль — в этом растворе галушки, без жарки. Варила один раз. Втапливал в себя эти галушки утром, продолжал есть в обед и доедал вечером. И так каждый день.

Я не хочу обидеть всех немцев. Многие из тех, с кем пришлось жить, работать и дружить, не были «жмотами». Но мои хозяева, к сожалению, заслужили такое определение.

Через неделю я стал почти членом семьи — утром чистил печь, вывозил навоз из сарая, убирал снег, если заметало, за километр ходил по воду, рубил дрова, то есть, делал все то, что мог бы делать один из членов семьи, к примеру, старший сын. Но ни разу, подчеркиваю, ни разу они не пригласили меня за стол. Кушали они тоже не так уж шикарно, но борщ, часто с мясом, соленья, молоко, сметана были у них всегда.

Самым непонятным и обидным для меня было то, что когда они рассаживались за столом, я тоже находился в кухне и сидел рядом на топчане. Они ели, не замечая меня. Потом муж с сыном уходили, и тогда хозяйка накладывала мне мои галушки. Так продолжалось все время, пока я у них квартировал. Мою помощь по хозяйству они принимали как должное, не требующее какой-либо благодарности. Хозяин даже контролировал мою работу, правда, не делая никаких замечаний.

Позже появилась еще одна проблема. Был уже март, стало теплеть, поухли бураны, и мои хозяева по воскресеньям начали ходить за 12

километров в бывшую свою резервацию, на рудник Батамшинский, молиться. Организовалась там какая-то секта, появился молельный дом. Да пусть бы ходили хоть в три секты, какое мне дело. Но. Не знаю, какие там у них ценности были, и не знаю, за кого они меня принимали, но, уходя с утра молиться, они запирали дверь на замок, оставляя меня на улице.

В первый раз ушли часов в десять. Я взял гармонь, пришли несколько ребят и девчат, поиграли, поговорили. Все хорошо. К обеду начало подтаивать, но после двух-трех часов потянуло холодом. Молодежь разошлась по домам обедать и греться, а мне-то идти некуда. Какая там гармонь — пальцы и на руках, и на ногах сводит! Даже ненавистных галушек не похлебаешь — замок. Хозяева пришли часов в пять, когда уже стемнело.

На следующий выходной — опять то же, и на следующий — так же. И хотя я стал брать с собой на улицу хлеб, это не улучшало ситуацию — по выходным я оставался голодным и промерзал насквозь. Не хотелось говорить бригадиру — думал, скоро уже выйдем в поле, буду жить в бригаде, и все эти «концерты» закончатся. Однако весна затягивалась, уже было начало апреля, а холод не родил. И меня, наконец, прорвало.

После четвертого молитвенного похода, я решил пожалеть себя и прекратить эти издевательства над собой.

Жил я в квартирантах уже больше месяца, знал, где и что находится. По утрам, управляясь со скотом, набирал в закроме зерно и видел запасы сельских «деликатесов» моих хозяев. Над зерном вдоль стены висело восемь копченых окороков, задрапированных в марлю, а снизу на полке стояли десятка полтора кувшинов и банок со сметаной. Лампочки в закроме не было, свет едва проникал через вмазанное в стену стекло размером с ладонь, так что там и в самый светлый день царил полумрак. После месячной «галушкиной» диеты и пыток холодом по выходным я стал все внимательнее поглядывать и на окорока, и на кувшины.

В один из очередных выходных, когда все мое существо буквально застыло, я решился. Дверь дома — на замке, а дверь сарая — на крючке изнутри. Ножом открыл крючок, закрывающий изнутри дверь сарая, зашел в дом, немного отошел от холода и направился в закром. Выбрал в дальнем углу окорок, отрезал приличный кусок, налил кружку сметаны из кувшина, долил туда молока из неполной

банки, очень оперативно все это оприходовал, полежал на топчане, а примерно за полчаса до обычного возвращения хозяев таким же путем вышел с гармошкой на улицу. И сразу показалось, что и жизнь хороша, и жить хорошо. Пришла к вечеру молодежь, даже потанцевали. Я и не заметил, когда появились хозяева, играл, пока меня не позвали на те самые злополучные галушки. Кстати, с тех пор, я галушки, а также клепки и прочая не кушаю — я их видеть не могу. Так они меня достали.

Ну, а тогда, после моей первой вылазки в заком, в монотонной жизни появилось разнообразие. Каждое утро, ухаживая за скотом, я попутно отрезал кусок окорока, брал с собой хлеб и на обед не приходил. И зачем мне были те клейкие галушки, когда я имел кое-что получше.

К счастью, подходило к концу мое квартирование. Вот-вот бригада должна выйти в поле, и на вопросы хозяйки, почему не хожу на обед, я каждый раз находил какие-то отговорки. Так продолжалось еще некоторое время, но за две недели окорок закончился. Остались от него только темно-коричневая шкура, чистая белая кость и марля.

Для придания окороку видимой формы пришлось приладить несколько деревянных палочек-распорок. Обернутый марлей муляж внешне был очень похож на то, что раньше значилось окороком. По моим расчетам, очередь для его использования должна была подойти примерно к осени. Значит, время еще оставалось...

Хотя я заработал в этой семье не на один окорок, но этот случай преследовал и смущал меня долгие годы, пока, наконец, благополучно не завершился. Мы к этому еще вернемся в конце этой были.

А в тот год, в середине апреля, мы, наконец-то, вышли в поле. Слава Богу, закончились унижения, переохлаждения и «галушкины» диеты. Настала пора определиться и с моим местом работы.

Как-то утром бригадир подозвал меня и повел на смотрины. «Вот они стоят, как раз рядом, наши гвардийцы: один колесник — СТЗ, другой — ЧТЗ, С-60, — показал рукой бригадир. — Мы их тут подлатали немного за зиму, будут робить». Возле гусеничного С-60 кружился чеченец Ахмед, парень лет тридцати, под два метра ростом, с иссиня-черной щетиной на лице и разбойничьим внешним видом. Мы с ним уже познакомились во время ремонта сельхозмашин. Ахмед, увидев меня с бригадиром, приветливо закричал: «Слушай, Василь, давай ко мне напарником, машина звер, еще на фронте тащила

большой пушка. А как поворачивает на месте! Пилотку земли в люк, где фрикцион, высыпешь, так он, как молодой крутится!»

«Ды ладно, ладно, Ахмед, — осадил его Рубцов, — не пойдешь ен к тебе, и ты знаешь почему. А ну, заведи свой тягач, пусть пацан посмотрит, как это делается» — добавил он.

Ахмед проверил, выключена ли коробка передач, взял с площадки довольно приличный лом и пошел с левой стороны заводить свой трактор.

Чтобы читатель представил себе эту технику, дам небольшую характеристику. Трактор Челябинского завода «С-60» был первым из серии тяжелых тракторов класса пятитонников. Имел четырехцилиндровый двигатель, работающий на лигроине — это горючее между керосином и бензином. Без кабины. Прямо возле тракториста, с левой стороны, крепилась двухсотлитровая бак-бочка с тем самым лигроином. Ходовая часть у этого трактора и система управления были удачными и практически неизменными переходили потом в другие модификации — уже дизельный С-65, затем С-80, С-100, и даже Т-130.

Но была у этого трактора одна (кроме прочих) очень неприятная особенность — он заводился ломом. Да, обыкновенным металлическим ломом. Прямо в метре от сиденья тракториста находился открытый огромный маховик с отверстиями под лом. Тракторист вкладывал его и резким движением проворачивал маховик. Новых таких тракторов я не видел, а те, которые пришлось, никогда с первого рывка не заводились. Иногда приходилось десятки раз рвать руки и сбивать пальцы, пока двигатель, наконец, начинал реветь. Нередко, в силу различных причин, двигатель «бил назад», тогда лом, вырываясь из рук, летел смертоносным оружием в противоположную сторону, и горе было тому, кто вдруг мог оказаться на его пути. Как ни старался Ахмед показать мне класс при заводке, именно в этот раз лом у него из рук вырвало. Минут десять стоял он, сцепив руки и корчась от боли. При таком рывке руки сильно «сушит», это трудно объяснить, и пока сам не почувствуешь, — не поймешь.

Бригадир посмотрел на меня и понял, что больше ничего объяснять не надо. Помолчав, сказал; «Иди, принимай колесник, заправь его, цепляй конную повозку и езжай в бригаду».

Так я стал трактористом, полноправным членом тракторной бригады. «Стальной конь» мне достался уникальный даже по тем временам. В стране их выпускали два завода — Сталинградский (СТЗ) и

Харьковский (ХТЗ). Первый работал, как правило, на Восток, второй — на западную часть СССР. Трактора обоих заводов были идентичны — из сплошного металла. Все узлы, колеса, рулевое управление и даже сидение для тракториста на жесткой прогибающейся стальной пластине — все было металлическое. Узлы и агрегаты были простыми, грубо связанными между собой, довольно крепкими и надежными. Двигатель был керосиновый и имел очень существенный недостаток — его шатунные и коренные подшипники были заливными, баббитовыми. Если снова это не было особо заметно, то на моем тракторе, который был на 5 лет старше меня, независимо от вида выполненных работ, приходилось через два дня на третий обязательно делать «перетяжку». То есть, слить масло, снять поддон картера (чугунный на 32-х болтах), затем головки шатунов и убрать специальные латунные прокладки — одну, две и более, где сколько надо, на ощупь, при визуально-ручной проверке плотности посадки шатуна на шейку коленчатого вала. Если поленишься или прозеваешь, хоть на один день или на один стук двигателя — все, работа заканчивалась: в шатуне набивался эллипс, появлялся стук, и двигатель выходил из строя. Надо было или двигатель вести в МТС, или буксировать туда трактор — для заливки, шлифовки и подгонки шатунов. Это уже была целая история, и потеря массы времени. Процедура «перетяжки» была несложная, но препротивная своей частой периодичностью, грязью и необходимостью.

Сколько бы по времени не сливал масло из двигателя, все равно, когда снимешь тяжелый поддон, а затем головки шатунов, противное горячее черное, как нефть, масло игольчатыми струйками затекает тебе то в глаза, то в уши, то в волосы и т. д. Пока сделаешь перетяжку — весь в масле. Летом еще ничего — можно раздеться, тело легче помыть, а в другие времена года это была хоть и не главная, но проблема. Кабины трактор не имел, а мой «пенсионер» вообще ничего не имел — ни генератора, ни фар освещения, просто более менее оформленная груда металла.

Заводился, естественно, рукояткой. Конечно, это не лом, как на С-60, но приятного тоже было мало. Я, к примеру, делал это так. Для облегчения запуска двигателя каждый из четырех цилиндров имел специальные заливные краники, туда из бутылки заливался бензин, чтобы ускорить и усилить возгорание горючей смеси. Проворачиваю заводную рукоятку под «сжатие», где-то на положение под 45°, за-

тем на свои сапоги одеваю обрезанные по передок сапоги Ахмеда (они были размера 45—46, я их подобрал в мастерской при выезде в поле), потом обеими ногами становлюсь на заводную рукоятку и делаю резкий толчок вниз. Если повезет, — двигатель зачихает, выпустит серию черных колец и заведется. Если не повезет, — получу при отдаче по ногам, или по чему-нибудь выше, или, что еще более неприятно, — отлечу метра на три. Тогда стараюсь быстро подняться, тихонько всплакнуть, чтобы никто не видел, и снова — бензин в краники, ручку на «сжатие», и все по новой, пока не заведу. А что делать — ты тракторист, хозяин трактора, не будешь же каждый раз звать кого-то. Бывало, Ахмед подойдет, чем-то я ему приглянусь, рванет ручкой снизу два-три раза, заведет и молча уйдет. Но это было редко. А так я старался не глушить двигатель целый день, да и некогда было его глушить.

Первая моя работа была примитивно проста, это если со стороны, конечно, смотреть. На одном из бригадных участков из нескольких полей, так называемых «кутов», работали три посевных агрегата, это три гусеничных трактора и девять сеялок. Бригадир поставил передо мной простую задачу — обеспечить подвоз семенного зерна к двум агрегатам, а третий агрегат обеспечивали на паре волов с такой же как у меня повозкой двое чеченцев среднего возраста — Аслан и Махмуд. Технология у них и у меня была примерно одинакова. Машина привозила семенное зерно из склада на полевой стан, ссыпалось оно на утрамбованную площадку по видам культур и сортам. Я должен был загрузить ведром повозку с наращенными бортами, чтоб хватило на дозаправку трех сеялок одного агрегата, подвезти семена за 2—3 километра и помочь сеяльщикам быстро пересыпать их в сеялки, потом так же быстро уехать назад, опять же засыпать, привезти уже ко второму агрегату и начать все сначала.

Рабочий день и у меня, и у моих коллег-чеченцев продолжался 24 часа в сутки. Задачи вроде бы одинаковы, но разница между нами была большая. И не только в том, что они вдвоем в два раза меньше меня грузили и выгружали зерна, а в том, что у меня был еще трактор. Они нагрузят зерно, ложатся в повозку и спят, пока волы не привезут к месту работы. Трактор с сеялками подъедет, их разбудят, и все нормально. Мой же конь сам не ездил, этой грудой металла надо было управлять, делать ему технический уход при пересменах (агрегаты, работали по 12 часов и менялись утром и вечером в

семь часов), на которые отпускалось по часу времени, каждый третий день делать перетяжку, о чем я уже говорил, и так далее. Темными ночами, мои коллеги-семеновозы, полагаясь на интуицию своих волов, так же спали при переездах туда-сюда, как и белым днем, а мне, без света, в крошечной тьме, по буграм и балкам надо было довести неустойчивую повозку с зерном и, не дай Бог, его просыпать. Вначале я заикнулся бригадиру, когда же, мол, спать буду. Он, не раздумывая, выдал: «Ишо молодой, спать будешь на пенсии, подумаешь какой-то месяц помотаешься, ничего с тобой не сделается. А спать будешь, пока агрегаты будешь ждать».

Ко всему привыкает человек. За время моей первой посевной я научился спать по 5—15 минут, мгновенно засыпая и мгновенно просыпаясь. Сперва тело гудело от круглосуточной беготни с полными зерном ведрами, но постепенно втянулся в это однообразие. Иногда в обед, когда не надо было делать перетяжку, даже играл на гармошке по несколько минут, ублажая своих коллег-чеченцев, страстно почему-то любивших русские песни, бригадную повариху и сторожа, старого оренбургского казака — деда Ивана Синицу.

За месяц мы отселились, без особых неприятностей. Был, правда, случай, когда я чуть не рассорился с Асланом и Махмудом, но все обошлось. В принципе мы мирно сосуществовали, но, честно говоря, был один момент, который меня раздражал. Дело в том, что уже после пересмены, перед заходом солнца, они стелили на одном и том же месте, у старого сурчиного холма, одеяло и молились, довольно долго. Я ничего не имел против, но в связи с этим нарушался общий ритм работы в поле, и мне приходилось делать лишний рейс в повышенном скоростном режиме. Пока они молились, «их» агрегат приходилось обслуживать мне. Посевная ждать не могла. Чеченцы относились ко мне, как к пацану, и считали мое старание в порядке вещей. Я тоже старался не придавать этим вечерним издержкам особое значение, но однажды они молились очень уж долго. Не знаю почему, но я уже сделал два рейса, весь, как говорится был в «мысле», а они все еще стояли на коленях. Проезжая мимо, я несколько раз специально «прогазовал» двигателем, чтобы хоть чем-то им досадить, и поехал дальше.

Ответ последовал уже ночью. Они выбрали момент, когда я ждал агрегат и, естественно, спал на зерне в повозке (тогда еще зерно не протравливали перед высевом). Собрали целую кучу сухого ку-

рая (перекати-поле), сложили его у повозки, рядом с моей головой, подожгли и поехали дальше. Курай горит как порох. Столб огня поднялся в два раза выше повозки. Я очнулся — огонь, с испугу прыгнул прямо в костер, загорелись мазутные брюки. Хотя быстро все потушил, но было очень неприятно. Сидел на пашне и слышал удаляющийся прямо-таки животный смех «воловоиков».

В принципе, «долг платежом красен». Где-то перед утром, часа в четыре, когда от бессонницы голова раскалывается, смотрю, спят мои «коллеги». Один вол лежит, другой стоит, а братья (а они таки были братьями) спят в повозке на зерне. Я остановился, с помощью монтировки с трудом поднял лежащего вола и заставил их идти вперед. Метров через пятьсот дорога, огибая поле, выходила прямо к степной плотине, с помощью которой сберегалась до осени талая вода. Обычно возле плотин делались стоянки для скота. Вола на плотину не повернули, они просто вошли вместе с повозкой и зерном в воду, остановились, попили и остались так стоять до утра.

Утром один из чеченцев очнулся, сонный сполз с повозки и, очутившись по одно место в воде, с перепугу заорал не своим голосом. Второй от этого рева вскочил и вывалился на другую сторону. Упал плашмя в воду и начал орать, что, мол, тонет, так как не умеет плавать. Ну и так далее. Все это выяснилось гораздо позже из их же рассказов. А в то утро и до самого обеда я был не рад, что это сделал, так как мне пришлось отдуваться за все и обеспечить работу всех трех агрегатов. Хорошо, трактористы выделили по одному сеяльщику, чтобы быстрее грузить зерно, и мы вышли из этого положения.

Никто не знал, куда подевалась повозка с братьями. А часов в восемь, мы как раз заканчивали пересменку, в приятных апрельских лучах восходящего солнца можно было наблюдать если не идиллическую, то уж очень милую для моего сердца картину: из-за бугра выбежала пара огромных волов в ярме, без повозки, а за ними бежали и лупили их, чем попало, братья-семеновозы. Они гнали их еще километров семь до колхозного двора и часа через два вернулись, но уже с другими волами. Всю вину за нарушение рабочего цикла они возложили на волов и рассказали, что и как получилось (по их версии). Я тоже выразил сожаление по поводу случившегося, а они поблагодарили меня за то, что выручил их с подвозкой зерна. На этом данный инцидент был исчерпан.

Но жизнь в бригаде продолжалась. После окончания основной полевой кампании по ночам уже не работали. Вечером все уезжали домой, оставались только мы с дедом Иваном. В бригаде мне нравилось. Это тебе не квартира у Байеров. Постоянно свежие газеты, батарейное радио, приличное питание, которое для нас с дедом было усиленным, так как лучшее из того, что оставалось за день, кухарка, племянница деда, оставляла нам на ночь. После первого месяца изнурительной работы, с переходом на выполнение отдельных поручений бригадира, я чувствовал себя прекрасно. Не омрачало мое состояние и косвенное напоминание об уничтоженном окороке — в бригаде появился новый водовоз, и им оказался небезызвестный дядя Вася (так звали по-русски моего прежнего хозяина Байера). «Раз он молчит, — думал я, — значит до «моего» окорока очередь не дошла. Ну и хорошо».

Сторож, дед Синица, потомственный оренбургский казак, принимал участие еще в русско-японской войне 1904 года, затем в — первой мировой и гражданской войнах. Перед глазами у него прошло очень многое. Конечно, он, рядовой казак, воспринимал и передавал все события с точки зрения своего уровня, но мне было интересно его слушать по вечерам, когда мы оставались одни. Иногда он повторялся, но я его не перебивал, а старался слушать, даже думая о своем. С ним мы ставили и проверяли капканы на сурков и лисиц, дискутировали по поводу отдельных газетных статей, которые я ему читал. В общем, весь май жили, как дед с внуком. Даже первую в своей жизни оплеуху я получил именно от деда Ивана.

Проверяли мы как-то капканы. Хитрые сурки не попадались, а в одном оказался еще живой хорек. Ему прижало задние лапы, и когда дед попытался разжать капкан, зверек ухватил его за средний палец. Дед взвыл от боли и закричал: «Робы шо-ныбудь, бо вже сылы нэма тэрпить». Я, долго не думая, достал перочинный нож и резанул по челюсти хорька с обеих сторон, снял его с пальца и тут же получил от деда оплеуху за то, что испортил шкурку. Я и не мог по-другому, хорь извивался, как змея, ну и напоролся боком на нож.

В общем, жизнь у меня вроде бы начала налаживаться. Конечно, в бригаде было скучновато, но я с удовольствием работал, много читал — всю поступающую к нам прессу до последней строчки, слушал радио, радовался за наш кишиневский «Буревестник», который уверенно играл в классе «Б» и даже в тот год стал там победителем. Все

вроде было нормально, но однажды, где-то к середине мая, бригадир говорит: «Цепляй сегодня плуг двухкорпусной и пойдешь в распоряжение полевого бригадира, ен хоча картошку коло бригады посадить, для нас же».

Картошку для нужд бригады решили посадить на пяти гектарах рядом с полевым станом. Привезли целую бригаду женщин-чеченок разных возрастов и машину картофеля на посадку. Женщины перебирали картофель, который был прямо из подвала, да еще гнилой наполовину. Крупные картофелины по приказу полевого бригадира разрезали на несколько частей — «на глазок», а клубни помельче сажали после каждого моего прохода двухкорпусным плугом. Середина мая, тепло, рядом с пашней по целине море разноцветных тюльпанов, работа несложная, что егце надо молодому трактористу! Но смотрю, что-то с некоторыми женщинами странное происходит — сажают, сажают, а потом подбирают ведро самого крупного картофеля, высыпают в борозду и втыкают какую-то палочку. Странная технология посадки, ну, бригадир-то рядом, может, так и положено, по наивности думал я. На том и остановились мои размышления. К концу дня посадка была закончена.

Вечером того же дня я остался в бригаде один, дед Иван что-то занемог и уехал в село, а больше никто и никогда не оставался на ночь в бригаде. Тишина, техника стоит, тепло, при свете керосинового фонаря лежу в будке — читаю.

Только стемнело, слышу — мотоцикл где-то гудит рядом. Полевой стан был довольно далеко от автомобильной трассы, поэтому в бригаду мог заехать или заблудившийся, или кто-то специально. Вышел из будки. Мотоцикл подъехал к картофельному полю, недалеко от полевого стана и остановился. По звуку это был ИЖ-49, один из первых послевоенных советских мотоциклов, довольно простой, но мощный и удобный для пользования. Звук его двигателя с другим не перепутаешь. На таком мотоцикле ездил на работу наш Ахмед, вызывая у меня хорошую зависть. С мотоцикла слезли двое мужчин и направились к картофельному полю. Я не мог сперва понять, что они хотят делать, но через несколько минут все стало ясно. Стало ясно, зачем женщины днем высыпали в борозду картошку и ставили палочки, как бы отмечая место.

Два мотоциклиста, видимо хорошо зная, где, что и как, с помощью электрических фонариков быстро находили палочки-знаки, вы-

гребали картофель и буквально минут за десять, набрав пару мешков, отъехали. При развороте луч света от мотоциклетной фары осветил меня, стоящего у входа в будку, на мгновение на мне остановился, и мотоцикл двинулся дальше. Через время «сборщики» подъехали еще раз, а потом еще, но уже с другой стороны поля. Я не спал, потому что обещал деду Ивану подменить его и охранять бригадное имущество, ведь на полевом стане много чего находилось. Охрана полей в мою «компетенцию» не входила. Да и какой я был охранник! Такой же как и семидесятилетний дед Иван. Раньше охранников ставили не для охраны, а чтобы было в случае чего, на кого вину свалить.

Прошло недели две. На картофельном поле появились всходы. Так как поле было рядом с полевым станом, то все, в том числе и бригады, колхозный и от МТС, Рубцов, поняли, что картофеля нам не видать. Огромные черные проплешины зияли по всему полю, а там, где картофель взошел, торчали хилые листочки.

Рубцов подождал еще дня два, а потом на очередной утренней летучке с матом напустился на меня: «Ты, профессор, твою мать, что ты тут насажал?» Он понимал, что я тут ни при чем, но на ком-то надо было пар выпустить, и он добавил: «Цепляй плуг, быстренько перепаша этот кусок, а потом возьмишь Ахмедову сеялку, и с Асланом засеете пшеницей. А ты на завтра семян привези, там ешо с полмашины осталось на складе», — обратился он уже к полемому бригадиру. «Та я казав агроному, шо ця картопля нэ зийдэ, а вин — ничего, мол, пойдет. Вот и пишла!» — сокрушался полевой бригадир.

Весь этот разговор слышали члены бригады. Я выполнил приказ Рубцова, и на второй день поле было засеяно пшеницей. На том, как говорится, официальная часть была закончена. Я не знал, кто приезжал за картофелем ночью, только догадывался. Но дня через два, к вечеру, в бригаду на мотоцикле приехал Ахмед. «Садысь», — показал он мне на заднее сидение. «Куда?» «Садысь, тебе говорят!» В бригаде больше никого не было, спорить с Ахмедом, зная кое-какие горские обычаи, было бесполезно, и я поехал с ним в село. Как правило, выселенные с Кавказа чеченцы, в большинстве мест их проживания, в Казахстане и Сибири, жили обособленно. В том же селе Джусалы, о котором идет речь, за пересыхающей речкой была целая чеченская улица с двумя рядами бескрышных мазанок. Там жили только чеченцы. Ахмед привез меня к себе домой, усадил на расстеленную на

полу кошму и вышел. В его отсутствие я рассматривал довольно большую светлую комнату. Меня поразило в ней обилие часов. Двое, разных, видимо старинных, висели на стенах, одни, настольные, стояли на окне, другие — на столе. Я сидел на кошке возле спинки большой кровати с панцирной сеткой. На спинке этой кровати, прямо у меня за спиной, висели на желтой цепочке красивые карманные часы. Я взялся за них, чтобы повернуть к свету и лучше рассмотреть. В это время в комнату вошел с деревянным подносом Ахмед. На подносе были вареное мясо, хлеб, соль и бутылка водки с одной рюмкой. «Что, нравятся?» — спросил Ахмед, показывая на часы. «Я просто хотел посмотреть», — смутился я. «Раз нравятся — бэри», — прогремел Ахмед, снимая часы с кровати. «Да не надо, зачем?» — пытался протестовать я. «Бэри, тебе говорят» — опять пробасил хозяин и положил их рядом со мной. Налил мне рюмку водки, сам не стал ни пить, ни есть и предложил покушать, как он выразился, «очень хорошее мясо». Мясо было конское, холодное, но кушать было можно. Я выпил рюмку, немного поел и поблагодарил. «Еще пить будэшь?» — спросил Ахмед. Я сказал, что нет, и кушать тоже больше не хочу. «Тогда раздевайся и ложись на кровать, здесь спать будэшь» — приказал Ахмед и унес поднос.

Ну, думаю, только этого мне не хватало. Никто не знает, где я и как меня искать. Да и кому я в принципе нужен. Зашел Ахмед: «Ты чего не раздеваешься?» «Мне надо в бригаду, — сказал я, ни на что не надеясь, — я деду Ивану слово дал, в бригаде же никого нет». Ахмед был из понятливых. «Тогда поехали», — бросил он мне. Пока доехали к полемому стану, совсем стемнело. Ахмед высадил меня и уехал, ни слова не сказав больше, а я обошел полевой стан, зашел в будку и до утра читал книжку, так как заснуть не мог — в голову лезли всякие мысли. Немного жалко было подаренных Ахмедом часов, которые так на кошке и остались. Забыл я их просто.

Через несколько дней, вечером Ахмед приехал опять, рке вдвоем с братом. «Василь, — медленно проговорил Ахмед, — дай мне свой трактор, хотим съездить на нем на 305-й разъезд, дэло есть». «Да вон он стоит вместе с повозкой — я как раз сегодня перетяжку сделал, заводи и езжай», — говорю.

Они уехали, а я влез на крышу будки, забросил туда постель и устроился на ночлег. Там одному безопасней, и сверху все видно. Рядом со мной огромный гаечный тракторный ключ, как оружие обороны, так

что молено быть спокойным. ДОЛГО не спал, уже не от беспокойства, а от интереса: дело в том, что назавтра вызывали в МТС. По рации передали, что пришла партия самоходных комбайнов, сажать на них особо некого, с людьми в то время было и так не густо вообще, а с комбайнерами тем более. Диспетчер МТС сказал по рации, что приказом я перевожусь во 2-ю бригаду колхоза «Красное поле», вместе со мной туда направляют новый самоходный комбайн, так как там ни одного такого нет и даже прокосы делают сенокосилками. А так как до уборки осталось меньше двух месяцев, то я буду пока работать на гусеничном тракторе и одновременно готовить к уборке комбайн. Он хоть и с завода, но работы с ним еще много. Лежу и думаю: «Вот три с лишним месяца прожил в этом колхозе, уже привык... Даже к этой груде черного металла, моему мучительно-трактору и то привык. А дед Иван, как же он без меня теперь будет? Мы с ним, как родные, дед с внуком стали». Он напоминал мне чем-то моего деда Гаврю, оставшегося в Слободзее. Такой же степенный, неторопливый, ответственный и вообще хороший.

Слегка попереживал за то, что отдал трактор Ахмеду на ночь, ведь я еще не сдал его по акту. Ну, Ахмед парень серьезный, — подумал я, засыпая. Проснулся от выпавшей перед восходом солнца росы. Первым делом — где трактор? Стоит он, миленький, на своем месте, вместе с повозкой, значит, все нормально.

Утром я передал помощнику бригадира трактор, поблагодарил всех за помощь, так как каждый из трактористов, да и бригадир, никогда от меня не отворачивались, кто крутнет, кто толкнет, кто покажет, кто подскажет, кто пошутит или в чем-то поддержит. Плакала, глядя на мой узелок с вещами (а все мое было при мне) пожилая повариха Слава Богу, что не было деда Ивана, я не знаю, как бы мы с ним расставались. Перед самым моим уходом на трассу подошел помощник бригадира. Там, говорит, в повозке книга лежала, наверное, твоя, заberi. Книга была библиотечная, из МТС, толстая такая, «Фрегат «Паллада». Я ее понемногу читал месяца три. Сунул книгу в сумку, а сам думаю: «Как же книга в повозке оказалась, ведь Ахмед брал трактор вместе с повозкой, а книга была в будке?».

Еще больше я удивился, когда уже в общежитии МТС, сдавая книгу в библиотеку, чтобы не тащить с собой в другое село, машинально полистал ее (нет ли там старых писем) и обнаружил в середине аккуратно сложенную большую еще 50-х годов сторублевку...

Года через два, когда чеченцам разрешили выезд на Кавказ, я встретил на вокзале в Орске младшего брата Ахмеда, он с семьей уезжал в Чечню. Разговорились, Ахмед, оказывается, со стариками уехал раньше, все чеченцы до единого из Джусалы выехали. И брат разоткровенничался. Когда брали у меня трактор, вчетвером действительно ездили на 305-й разъезд. Из Орска на Кандагач шла одна колея, и поезда разъезжались только на таких специальных «разъездах». Так вот, за 20 минут, пока поезд стоял в ожидании встречного, они успели снять с нового комбайна «С-6» двигатель (хороший был двигатель, с приводным шкивом, хоть воду качай, хоть пилораму включай или еще что-то подсоединяй и работай). До утра эта четверка успела продать двигатель одному из колхозов соседнего района за 2000 рублей, а к утру трактор вернулся на место. Скорее всего, вложенная в книгу сторублевка была моей «долей».

Во всей этой обычной жизненной истории было еще и продолжение.

В 1967 году райцентр нашего Ленинского тогда района перенесли в поселок Батамшинский. В силу необходимости, я, уже главный экономист и парторг колхоза, был вынужден ездить туда очень часто. И каждый раз мой путь пролегал через село Джусалы. Оно как раз стояло между селом, где я жил, и райцентром. И всякий раз я проезжал мимо дома тех Байеров, где квартировал много лет назад, в период моих первых самостоятельных рабочих шагов. И каждый раз меня мучила мысль о злосчастном окороке, уничтоженном по нужде в то далекое время.

Как-то я все-таки решился к ним заехать. Хозяина не было дома. Поседевшей хозяйке я почти полчаса объяснял, кто я такой, пока она с трудом меня вспомнила, как будто у них были сотни квартирантов. Я понял, что заводить разговор с такой «памятливой» хозяйкой о случае многолетней давности — бесполезно. Она не пригласила меня в дом, и я не стал больше задерживаться. Правда, через некоторое время, в случайной беседе с племянником моих Байеров, Вильгельмом, который работал агрономом в одном из колхозов нашего района, мы заговорили о его родне из села Джусалы. Я спросил, не слышал ли он что-либо о пропавшем окороке, может, какой-то разговор был. Вильгельм сказал, что слышал о чем-то подобном много лет назад. У дяди крысы или хорьки полностью съели один окорок. Только шкура и кость остались. (Наверное, мои палочки-распорки к осе-

ни выпали при сжатию кожи). У меня отлегло от сердца. Значит, на мне обвинение не висит. Ну, и ладно. Может, это и было справедливым завершением того мелкого случая.

СТРИЖКА ОВЕЦ

Наверное, все знают, что такое шерсть, не только с биологической стороны, но и с товарной, то есть материальной. Хотя в наше синтетическое время трудно определить, что есть что, но люди, несмотря на блеск и «несминаемость» синтетики, хорошо понимают, что лучше натурального продукта никакая химия ничего не произведет. И опять возвращаются в повседневный обиход такие понятия, как «чистый хлопок», «чистая шерсть».

Совсем недавно не престижные «крестьянские» ткани из хлопка, льноволокна и шерсти стали вдруг супермодными, а изделия из них супердорогими. Ничего удивительного в этом нет. Природное тянется к природному. Основным источником сырья для производства шерстяных тканей является овечья шерсть.

Раньше вряд ли можно было найти село или хутор, вокруг которого не паслись бы овцы. А сегодня это животное во многих селах стало экзотическим.

Не будет овец — не будет и шерсти. При возрастающем спросе шерсть придется закупать. А ведь еще шесть-семь лет назад шерсть некуда было девать, некому было ее сдать на обработку. Умышленно сделали шерсть никому вроде бы не нужной. Загубили овцеводство как отрасль, обеспечив работой и рынком сбыта фермеров Австралии, Германии, Польши и других стран. Кое-кто на этом, как всегда, нажился, а попробуй теперь восстанови целую отрасль!

Овцеводство — одно из самых неприхотливых направлений, и в наших краях овец можно содержать почти круглый год на подножном корме. Отрасль многопланового использования, от которой можно получить шерсть, молоко, мясо, овчину и даже материалы для сувенирного производства.

Хорошие овцы — достаток в доме или хозяйстве. Если на костюме уходит до трех килограммов шерсти, то есть такие овцы, руно которых может обеспечить выработку ткани для 4—5 и даже более костюмов. Конечно, если кто-то думает, что шерсть растет на овце сама по себе и можно ее стричь как купоны и набивать карманы, то он здорово ошибается.

У людей, которые собственно и выращивают шерсть, то есть у чабанов, очень нелегкая жизнь. Круглый год, в любую погоду, чабан один на один с ситуацией и почти всегда вне дома, часто без горячей пищи. А вокруг отар постоянно крутятся и обычные, и двуногие волки, а еще холода, болезни, а зимой окот надо принимать, следить за каждым ягненком и маткой, кормить-поить целый год, пока вырастет шерсть, затем суметь ее аккуратно и максимально полно снять и сдать на реализацию. И нельзя чабану «зевать» ни на одной из стадий, будь то окот или сдача шерсти. Во всем годичном цикле очень много желающих его обойти, обмануть и за его счет нажиться.

В общем, прежде чем трансформироваться в костюм или вязаную кофту, шерсти необходимо пройти очень длинный и трудный — как эволюционный, так и материализованный путь. В овцеводстве, как и во всех сельскохозяйственных отраслях, связанных с выращиванием продукции, важнейшим технологическим звеном является уборка урожая, то бишь снятие (стрижка) шерсти. Это очень важное звено, и от его качественного исполнения зависят результаты деятельности целого года, а иногда и всего хозяйства, если оно специализируется на выращивании овец

Сегодня не так много людей знает, откуда и как появляется шерсть и сколько труда надо вложить, чтобы на прилавке появилось шерстяное изделие.

Мне в своей жизни приходилось не раз участвовать в стрижке овец в разных ипостасях, но расскажу только об участии в самой первой стрижке. Она была своего рода классической для тех мест, где я работал, и по ней можно судить обо всех подобных мероприятиях в этой отрасли.

Если в наших краях, где в хозяйствах в лучшие годы было максимум до тысячи голов овец, и снятие шерсти не привлекало всеобщее внимание на фоне других, основных забот, то чтобы остричь многомиллионное казахстанское овцепоголовье, надо было организовывать серьезную кампанию. Эта работа курировалась на правительственном уровне. Организовывались специальные звенья-агрегаты, укомплектовывались необходимой техникой и оборудованием, тарой, транспортом, запасными частями и многим другим. По каждой зоне МТС стригальные агрегаты комплектовались в таком количестве, чтобы в течение трех, максимум четырех недель остричь все имеющееся у обслуживаемых колхозов овцепоголовье.

Стандартный типовой стригальный агрегат состоял из двенадцати специальных машинок с электромоторами и гибкими валами привода, небольшой передвижной электростанции с двухцилиндровым двигателем, одного-двух специальных дисков-точил для заточки ножей машинок. В комплект входили также брезентовый навес и разборные столы для стрижки. Но обычно агрегат разворачивали в помещении овцефермы, сбивали временные столы и развешивали в два ряда машинки.

МТС укомплектовывал только основной обслуживающий состав агрегата. В него входили четверо — начальник, моторист, точильщик и наладчик. Каждый имел свои обязанности, но практически все делал то, что надо было в определенный момент делать.

Непосредственно «стригальей», то есть овечьих парикмахеров, выделяло хозяйство. Практически работала целая бригада — двенадцать стригальей, минимум двое подавальщиков овец, учетчик шерсти, двое упаковщиков, да чабаны той отары, которую остригают, а еще ветсанитары, заведующий фермой или бригадир и т. д.

Дело в том, что овцу не спрашивают, как ее постричь и какую сделать прическу. Не приглашают в кресло. Куда там! Ее надо поймать, силой подтащить к столу, поднять, положить, специально связать три ноги и только потом начать стричь. А она не желает этого делать с самого начала. Дергается, кувыркается, ревет, как будто ее режут, и бьет ногами. А есть овцы и по 60—70 килограммов, так может двинуть, что надолго запомнится. Овцы, как и люди, все разные, бывают и очень беспокойные, отсюда бесчисленное количество порезов, даже отрезаний, особенно ног. 25 голов — норма на одного стригалья в смену. Хорошие мастера стригут по 50 и больше, а новички, тем более с эмоциями, больше режут, чем стригут, только успевают ветработники обрабатывать раны или дорезать раненых животных.

Как правило, агрегаты от МТС укомплектовывались из комбайнеров. Эта своеобразная рабочая каста в межсезонье всегда была на подхвате. Где прорыв или какое-то разовое мероприятие, — их туда и направляли.

В первую мою стрижку я попал в агрегат земляков. Все четверо были из Молдавии. И хотя среди нас были два белоруса, один украинец и я — русский, нас все равно называли молдаванами, и мы это принимали как должное.

Возглавлял агрегат Николай Воронежский, как раз тот украинец. Он был хороший комбайнер, весельчак и мастер на все руки. Но, как и у большинства мастеров, был у него один серьезный изъян. Как выпьет, а было это хоть редко, но метко, то становится неуправляемым Глаза у него стекленели, и горе было тому, кто вставал у него на пути. Боялись его и чужие, и свои, «земляки-молдаване». Трезвый — лучше не бывает, а как выпьет — все. Для него норма выпить — это когда больше нечего пить, в радиусе километра Конечно, сказались и фронт, и плен, и лагерь в Сибири после возвращения из плена, ранения и контузии. Таких, как он, в те времена хватало. Он знал хорошо моего отца и относился ко мне, как к сыну. Если он поднимал бучу в общезитии, то всегда звали меня для успокоения, конечно, не силой, а самим присутствием и часто гармошкой. Какой бы он ни был пьяный, как меня увидит, начинает плакать и обычно: «Заграй, Васыль, шось таке наше, хохляцкэ». От него не отделаешься, пока не уснет под музыку.

Так вот, в первый раз на стрижку я попал в его команду. Сперва нас послали в один из колхозов своей зоны. Через реку Урал напротив этого колхоза — город Орск Оренбургской области. Председатель ежегодно нанимал стригалей из города — были у него постоянные люди, и они за десять дней остригли до 4—5 тысяч овец. Одно удовольствие было смотреть, как работают мастера. Неважно, что они стригут овец, а не людей, овцы выходят из-под их рук, как из парикмахерской — ровно постриженные, без порезов, и лежат смирно, чувствуют уверенную руку мастера

И вот в последний день председатель хотел нас отблагодарить. Но начал это делать еще с утра, считая, что дело уже сделано. Николай не пил две недели, а тут сорвался. Пока мы ходили на Урал купаться после демонтажа и погрузки оборудования, он добавил еще и разогнал всех жителей маленького аула, включая и самого председателя. Естественно, тот по рации пожаловался в МТС. Санкции последовали мгновенно.

Нас, как первыми закончивших стрижку, хотели поощрить и заменить, оставив в МТС для подготовки новых комбайнов, но вместо этого направили на «помощь» в самый южный, полупустынный район нашей области, под Аральское море, где совхозы занимали площади, равные или превышающие всю Молдавию. Где, кроме верблюжьей колючки и саксаула по балкам, ничего не растет. Где в июле +50°C, а песок +70°C. Где воду привозят раз в неделю и пьют только кипяченой.

Как раз пришел приказ из области послать от нашей МТС один агрегат. Руководство МТС, жалея людей, тянуло время, а тут мы повернулись...

Николая освободили от должности начальника, а он настоял, чтобы поставили меня, хотя я им всем троим годился в сыновья. «Команда» согласилась с ним, в первую очередь потому, что на начальнике «висело» не столько руководство, сколько ответственность и канитель. Надо вести учет, отчетность, пусть даже примитивную, ходить добиваться, договариваться и т. д.

Дали нам машину — «Техпомощь». Я как раз права получил, да еще у двоих они были, так что дополнительный водитель не понадобился. От нас до того района — около пятисот километров. Два дня по пескам добирались. Ехали только ночью, хорошо, что хоть в городе проводника дали, а то мы бы и в Каракалпакию заехали.

Приехали на место на третью ночь. Правду говорят, что лучше один раз увидеть... То, что мы увидели утром, было впечатляющим, даже для бывшего военнопленного-лагерника Николая.

С десяток бескрышных мазанок, с осыпающимися стенами из дерна, да столько же высоких юрт — вот и весь поселок. Контора совхоза — в большом полевом вагоне. Это обычный двадцатитонный вагон на полозьях. Такие вагоны были почти во всех целинных бригадах тех времен.

Ночью было довольно прохладно, а часам к девяти утра уже дышать было нечем. Директор совхоза и районный зоотехник встретили нас приветливо, показали подготовленное место в довольно неплохой по сравнению с жилыми домами, саманной овечьей кошаре. Я еще подумал: «Откуда они саман возили?»

В общем, начало было хорошее. Мы до вечера обустроились. Развесили и подсоединили машинки, опробовали двигатель, проверили напряжение, работу машинок, с таким расчетом, чтобы завтра часов с 4-х начать. С вечера подогнали первую отару поближе, короче, все сделали, как надо.

Утром привели десяток женщин-казашек. Все в основном среднего возраста. Когда включили машинки, завибрировали гибкие валы, — половина из них в страхе разбежалась. Встали за машинки мы четверо, директор и зоотехники, районный и совхозный. Начали показывать, успокаивать, уговаривать. С трудом до одиннадцати дня остригли первую сотню. Дальше работать было нельзя. Воздух — как возле

доменной печи. Вдохнул, и все пересыхает во рту. И вода теплая в деревянной многолетней бочке. Голов двадцать овец серьезно поранили. Большого курдючного барана так «постригли», что пришлось дорезать. Его нам на обед сварили.

И вот начались местные особенности. Оказалось, что в совхозе не только нет хлеба, но и ни грамма муки. Обещали подвезти, но почему-то не успели. Когда в 50-градусную жару тебе предлагают горячее мясо курдючного барана, без теста и картофеля, тем более без лука и специй, то это уже не еда, а наказание.

Николай тут же озвучил старую украинскую пословицу: «Дурнэ сало быз хлиба», — и ушел спать в кошару. Первые два дня мы доедали продукты, что взяли из дому. А затем, что хочешь, то и делай, — мяса полно, а в горло не лезет. Ночью пробовали остужать, а утром кушать — еще хуже.

Директор, понимая наше состояние, поселил нас к главному зоотехнику, молодому еще, лет тридцати, парню. Они жили с женой в большой юрте. Нам поставили юрту рядом

На один день даже крупу какую-то нашли. Но хлеба так и не было. Где-то на четвертый день, когда мы уже начали пропитываться бараньим салом, жена зоотехника на ужин подала нам сухие просынные лепешки. Она, оказывается, целый день толкла в деревянной ступе просо, чтобы доставить нам хоть какое-то удовольствие. Мы воспрянули духом, но следующий день принес полнейшее разочарование. Мы вставали в половине четвертого. Я проснулся от каких-то хлопков, как будто кто-то в ладошки хлопает. Слышу шепот Николая: «Васыль, а ну подывысь сюда!» Я откинул полог юрты, взглянул туда, куда он показывал, и обомлел. Полог соседней юрты был широко откинут. Там на камнях, над горящими саксаульными ветками, стоял довольно большой керамический сосуд. Рядом с ним, тоже на камне, сидела жена зоотехника. Перед ней в миске — желто-серая масса подобия теста из толченого проса. Она набирала в пригоршни это «тесто», придавала ему округлую форму, а затем на внутренней стороне своего бедра, натренированными шлепками «раскатывала» то тесто в лепешку. Потом одну за другой как бы «приклеивала» к внутренней стенке сосуда, прогретого на огне. Как только лепешка подсыхала — она отваливалась и падала на дно, то есть была готова к употреблению.

Лучше бы я этого не видел. Когда мы сели пить чай, двое наших коллег с удовольствием поедали лепешки, а нам с Николаем они как-то не шли... Правда, через неделю подвезли муку и даже мешок хлеба. Так что жизнь наша пошла на улучшение.

Запомнилось и еще одно событие. Казалось бы, в таких условиях ничто живое жить не может, но в этой полупустыне, особенно по ночам, чего только не выползало. И змеи, и черепахи, и всякие паукообразные существа. Николай как-то пристроился спать на крыше совхозной конторы, то есть того самого полевого вагона. Обычно он раньше всех поднимался и будил нас, а его будила холодная утренняя роса. Но однажды я проснулся раньше. Лежу, жду его пробудку. Нет и нет. Уже половина пятого — нет. Что-то не то, чувствую. Пошел к вагону. Поднялся по лестнице, уже так красиво солнце поднимается, и вижу не менее красивую картину. Николай лежит на спине, по грудь укрытый одеялом. Лежит и смотрит прямо перед собой. А недалеко от его носа, прямо на груди, застыла неподвижно (наверное, пригелась и заснула) многоногая, довольно крупная... фаланга. Николай, не дыша, лежит и на нее смотрит, боясь пошевелиться.

Я быстро слез, взял в юрте веник, поднялся опять и смахнул эту гадость на землю. Говорят, что фаланга не ядовита, только кусает больно, но кто его знает...

«Знаеш, Васыль, я як видкрыв глаза, так и забув за всє. Дєсь ще с пивчитвєртого лыжу и боюсь дыхнуть. Ще як ты додумався пиднятыся до мєнє? Ни, хай будє духота, що хочеш, тильки нє та зараза».

Наша командировка в тот совхоз продолжалась двадцать пять дней. Хорошо, что район стригалей подкинул, а то мы десять тысяч овец, наверное, до осени не остригли бы. Я молчал, а наши коллеги еще не раз вспоминали Николаю его дебош в колхозе, из-за которого мы из лучших стали худшими и прожили месяц в пустыне. На что Николай беззлобно философски отвечал: «Цє вам на мисяць — и то важко, а як же там людє викамє живуть и ничого».

А ведь так оно и есть. Сколько только в Казахстане, да и республиках Средней Азии, таких мест? И везде живут люди, что-то делают, что-то выращивают, а мы, в большинстве своем, и не знаем, какой ценой добывается тот же килограмм шерсти, стараемся любым путем уничтожить свое, вековое, в угоду чьим-то конъюнктурным интересам. И разве только о шерсти идет речь? Уже нет кроликов и нет пчел, нет рыбы и коконов, нет лошадей, овец и птицы. Что на очереди?

Так что, надевая что-то шерстяное, знайте, что шерсть на фабрике не производится... Ее растить надо!

В ВОЛЧЬЕЙ ОСАДЕ

Осень пятьдесят седьмого года начиналась для меня неплохо, даже можно сказать — хорошо. Числа десятого сентября закончили уборку, несколько дней ушло на сдачу и постановку комбайна (мы их ставили на центральный машинный двор МТС), и я снова вернулся в свою бригаду, где почти три месяца мой напарник работал на тракторе один. Две-три смены ушло на акклиматизацию, и началась монотонная вспашка зяби.

Трактор ДТ-54 хорошо тянул четырехкорпусный плуг, но что такое четыре корпуса — это всего 1,4 метра захвата за один проход. И вот бороздишь такой полоской бесконечное (длиной в 2, 3 или 4 километра) поле, глотаешь понемножку пыль, вокруг все гремит, ты один, иногда несколько тракторов пашут в соседних загонках — и вот так туда-сюда ходишь и днем, и ночью. Вроде и скучновато, но если не вспашем, то и урожая не будет. В этом движущая сила и оправдание такой довольно-таки нудноватой работы, как пахота.

Хорошо, хоть голова свободна — думай, мечтай, вспоминай, только не теряй контроль за всем происходящим. Здесь все профессионально до автоматизма — руки-ноги держат управление, боковым зрением контролируются приборы, а голова работает совсем в другом направлении: хочешь — пой (в уме, конечно), хочешь — мечтай, о чем угодно, или вспоминай хорошее.

В конце сентября меня вдруг вызвали в контору МТС, где сказали, что я, оказывается, занял первое место среди молодых механизаторов области и поеду на областной слет. Вручили медаль, а на слете — грамоту обкома комсомола и путевку на выставку в Москву. В начале октября мы большой группой выехали в столицу. Путевка была на 10 дней. Я четыре дня побыл на выставке, потом отпросился у нашего руководителя, чтобы съездить домой, в Слободзею. Он разрешил, но с условием, чтобы к отъезду делегации домой я был в гостинице, так как билеты уже заказаны, и ехать будем все вместе.

Так я попал на три дня в Слободзею, увидел родных. Причем успел на провода Коли Димитренко в армию (я не раз вспоминал его в сво-

их рассказах). Как раз я ехал в автобусе с вокзала, а он возвращался из города с продуктами для торжественных проводов. Колька тут же в автобусе по простоте души своей ляпнул, как бы, между прочим, новость, что, мол, один знакомый мне человек выходит замуж. Он не знал, конечно, что этот знакомый регулярно писал мне три года письма, что, собственно, я из-за него и домой из Москвы вырвался. Я промолчал, ехать в Слободзею мне расхотелось. Но три дня отбыл, Кольку проводил и уехал.

Была середина октября, когда я снова появился в бригаде, полный впечатлений — и хороших, и не очень. Бригадир, Константин Исаакович Пономаренко, встретил меня довольно радостно: «Слухай, Василь, мы як раз собираемся пэрэизжать, далэко, аж пид Шандашу. Получили тут, понимаеш, новый трактор, «Белорус», МТЗ-2 называться, уже днив дэсять стоить, ныхто нэ хоче на нього сидать. Ма-буть бояться. Вин бигает дуже швыдко. Пока твий Генка його гнав зо станции, ледве доихав, боявсь пэрэвэрнуться. От ждалы тэбэ. Ты в нас комбайнэр-самоходчик, так можэ попробуеш?»

Я пошел, посмотрел на новый красный трактор, без кабины, завел его пускатем и сразу согласился, еще не зная, что я буду на нем делать. Мне понравилась работа двигателя, после моего трактора это был звук легковой машины. Проехался, познакомился с инструкцией и принял трактор по акту.

Но любая для меня новость чаще всего оказывалась пакостью. Так оказалось и на этот раз. Меня послали для обкатки попахать огороды людям. И где-то с неделю я жил неплохо. Октябрь пошел на убыль. Скоро зима. Погода вот-вот испортится, а мой «конь» без кабины, так что надо было спешить закончить все огороды для желающих колхозников и ехать в МТС. Зимой я жил на центральной усадьбе и работал на ремонте техники.

Но хорошее не бывает долгим. Как-то утром приезжает на мотоцикле бригадир и зовет ехать за ним. Приезжаем на полевой стан, туда, где я принимал трактор, где-то километрах в трех-четырех от урочища Майстренко. Стоит там одна небольшая деревянная будка на колесах, и никого нет.

«Слухай сюда, — начал бригадир, — бачиш, яки хмари, вот-вот щось будэ, можэ и сниг пидэ. А нам той восточный кут трэба допахать. Хлопци тут спишылы, та пооставлялы таки «балалайки», що мэнэ за них до самой вэсны дергать будуть. Я нэ став вжэ их гонять, бо

воны на тих огрихах потирають багато часу, а там ще тры поля таких стоять! Тоби на цьому лисопэти лэгче крутиться. Два-тры дни, и всё раскрутыш. А потим зачипиш будку, вкинэш бочку и до нас прийдэш. Там в будки мы оставылы видро картошкы, мясо, та пару буханок хлеба. Хватэ тоби. Ты проидь вси поля цго кута, продывысь, дэ, шо и як, а потим начинай».

Пономаренко уехал. Я уныло осмотрелся. Будка стояла на бугре. Черные тучи почти касались ее крыши. Было темно, сыро, зябко и пустынно. Зашел в будку. Она была небольшая, обитая толстой фанерой.

Две булки домашнего хлеба, большая эмалированная миска, миска алюминиевая, ложка, целая баранья туша, ведро с картошкой в бумажном ящике килограммов на 10—12, радиоприемник батарейный, два матраца, одеяло, подушка. И все. На улице котел, установленный на камнях, с крышкой и бочка литров на 200 с водой. Вот и все мое хозяйство.

До села — 18 км, до железнодорожной станции — 16, до урочища Майстренко около 4-х. Там есть 2—3 избушки-мазанки. Живут две семьи казахов. Была раньше небольшая овцеферма — сейчас нету. Такое у меня местоположение. До обеда я объехал все поля, огрехов, так называемых «балалаек» мне оставили массу, особенно в дальних концах полей. Чувствую, придется мне здесь вертеться не два дня, как обещал бригадир. Ну что делать? Теперь все зависит от меня самого. Солярки мне тоже оставили с полбочки. Все есть. Только пахать надо.

Решил начинать с еды. Перечистил сразу всю картошку, разобрал половину туши бараньей и сварил в котле сразу все. Выложил в эмалированную миску, вымыл котел и сварил в нем чай. Дело в том, что котел у меня был один, так что основную еду я сварил сразу на весь срок пребывания, а чай буду варить по три раза в день, так что котел должен быть всегда чистым, под кипятик.

Проделав все подготовительные работы, я плотно поел и поехал разделять те неприятные «балалайки». Вернулся поздно. Подогрел в котле воду до кипения (топливо — земля, политая соляркой), добавил в миске застывшую картошку, поел, попил чай, посидел у огня. Жутковато. Кругом степь, абсолютная темень. Сажу у котла, подливаю горячее. Греюсь. На улице — около нуля, ночью еще холоднее. Пошел в будку. Света нет, надо будет коптилку сделать. Укрылся одеялом и матрацем и заснул.

Так я жил и работал пять дней. В последний день, как ни старался, закончил работу только к вечеру. Пока поел — стало темно. Куда ехать с будкой? Ее и днем надо везти только первой скоростью.

Решил все перенести на утро. Зашел в будку и приготовился спать. Что-то беспокоило, непонятно что. Как будто кто-то рядом присутствует. Засветил коптилку (фитиль из одеяла, солярка и старый поршень) — никого нет, а спать не могу. Посмотрел на часы. «Кама», купил в Москве, красивые со светящимся циферблатом — десять вечера. Казалось бы, устал, замерз — согревайся и спи, но не могу, что-то мешает. Проверил крючок на дверях — все в норме. Опять пытался заснуть, но, увы.

Что-то было рядом, невидимое и очень плохое. Что? Я лежал и терялся в догадках, отгоняя дурные мысли. Из самых неприятных событий я мог предполагать наихудшее: кто-то угонит трактор, а будку обольет соляркой и подожжет. Что-то будет, я всем своим существом чувствовал это. Не стал зажигать коптилку, чтобы не показывать себя в окно. Окно, правда, было небольшое, наполовину, где не было стекол, забитое толью, но все же.

И тогда началось... Где-то рядом. Сперва мне показалось, что прямо в будке раздался раздражающий тишину вой. Высокий, надрывный и убийственный какой-то своей отчаянной жестокостью. Мне он показался непрерывным. Волк был не один, снаружи затаилась своеобразная группа «захвата» из нескольких зверей. Ошеломленный, я только несколько минут спустя вспомнил, что половину бараньей туши еще в первый день поднял в мешке на крышу будки — там холоднее, накрыл какой-то жестью и прижал гусеничным траком.

Их привлекло мясо. Я еще не слышал, чтоб где-то волки нападали на полевые станы. До этого несколько раз встречался с ними и в степи, и в селе, но пока Бог миловал.

Да, их привлекло мясо, не я же их интересую и не трактор. Успокаивая себя, начал вспоминать «волчьи» истории — свои и чужие, но в голову ничего не шло. Ночной «концерт», если можно было так назвать волчий вой, продолжался до утра, жаль, что не на чем было записать его. Это стоило послушать. И лучше, конечно, в записи. На смену абсолютно чернильной ночи с трудом пришел холодный, пасмурный и неизвестный день.

«Дурак, — думал я, — не мог вчера уехать. И почему эти «гости» не могли прийти завтра?». Под утро меня затрясла другая мысль: «А

ведь когда я грел чай у котла, волки были где-то совсем рядом! И когда я потушил огонь и шел эти 10 метров к будке, они меня видели! А я их уже тогда почувствовал, но не понял, в чем дело. А ведь могло быть...». И тут понеслось. Картины, одна мрачнее другой, мелькали в голове». «Ну, — говорю себе, — успокойся, придет скоро день, и они уйдут».

В окно полился серый свет, вой прекратился и я, незаметно для себя, все-таки заснул, скорее, просто забылся. Часа через два в голове как будто что-то взорвалось — вскочил, не пойму, где я и что со мной. Через минуту освоился, подошел к окну, не зная, на что надеяться. И сразу отпрянул. Метрах в десяти от будки осталась небольшая кучка соломы, а на ней — две серо-бурые морды. Лежат, головы на лапах, лениво смотрят в мою сторону. Вряд ли меня в окно увидели, но сюда смотрят.

Подошел к двери, там щели между досками миллиметров в пять, — хорошо видно, как два волка «играют» с крышкой от котла. Та крышка за сезон впитала в себя запах не одной тонны мяса, пропитана им и соком насквозь, вот они и забавляются ею, всю погрызли на щепки. Четырех увидел, а сколько их всего? В ответ на этот немой вопрос, прямо под будкой началась какая-то драка, за что, не знаю, и сколько было дерущихся — тоже. Как собаки дрались, только более озверело, что ли, безжалостно.

Я понял, что звери уходить не собираются. А у меня в будке ничего — ни пищи, ни воды, ни курева (я тогда курил). Одно радио на больших батареях, которые «сели» еще в июле и гармонь, которая всегда со мной. Но играть мне как-то не хотелось, натошак и при такой публике.

Волки не уходят, так как чувствуют себя в безопасности. А если они не уйдут вообще? И когда кто-нибудь вспомнит обо мне? Сегодня пятница, до понедельника вряд ли кому в голову придет меня искать. А до понедельника дожить надо — и без еды, и без воды, да еще в фанерной будке.

Черт его знает, что у этих зверей в голове. Весь день волки меняли позиции, но не уходили. К вечеру они оживились или забеспокоились и начали царапать стены и пол будки. Они поднимались на задние лапы, и так как будка была от земли где-то в пределах метра, то доставали до фанерных стен и когтями обдирали их. То же самое проделывали и с досками пола, что меня беспокоило больше всего. Что там тех досок — 25 миллиметров!

Но днем не были — и то хорошо. Дрались клубками, рычали, но не были.

Самой страшной была вторая ночь. Прямо с вечера, часов с семи, начался штурм. Здесь было все: и лязганье зубами, и обдирание стен, и вой, и драки. Все это шло беспрерывно. Психическая атака. Я сам стал, как зверь, за эти сутки, и только разум удерживал меня, чтобы не выскочить с топором в эту темень. Меня охватило отчаяние, и я не знал, что делать. Особенно донимали вой и царапанье по металлическим частям будки, колесам, раме.

И тут, как бы не показалось это сегодня глупым, я вспомнил о гармошке. Нашел ее в темноте, сел на нары и запел. И, что вы думаете, я начал? «Наверх вы, товарищи, все по местам». Не зря меня потом во флот призвали. Да, это был именно «Варяг». Потом я еще много песен спел — и современных, и народных на русском и украинском языках. Дошло до того, что пропел гимн Молдавской ССР — естественно, на молдавском, он по-другому и не пелся, и пионерскую песню «Пэшим войос пе каля ынсорите».

Наверное, я пел в каком-то экстазе, потому что вдруг остановился... от тишины за окном. Ни воя, ни раздражающего царапанья не было. Я сидел в абсолютной темноте на нарах, держал в руках гармонь, а в ушах звенела тишина. Абсолютная. «Ага, — думаю, — не понравилось! Или наоборот, понравилось! Так нате вам еще!»

Я снова начал, сперва лихорадочно, а потом все более спокойно играть и петь. Спел зверям несколько, наверное, сотен частушек, причем в натуре, не стесняясь выражений. Если бы волки понимали наш язык, они бы падали со смеху, а женские особи от стыда, конечно, поуходили. Я не знаю, сколько времени играл. Сперва мне было жарко, затем начал бить озноб. Наконец, я лег в «постель», не раздеваясь, укрылся матрацем и в этой дикой тишине заснул. Снились мне Москва, Слободзея и что-то еще приятное. Но в конце привиделось нечто ужасное: огромный красный волк лупит какой-то медвежьей лапой по фанере и кричит: «Бала (пацан, мальчик — по-казахски) открой, бала, открой...»

Я размежил глаза, был уже день. Кто-то бил по двери и кричал: «Бала, оперой». Не сразу понял, что к чему, потом отошел немного, снял крючок. Открываю дверь — слава Богу!

Прямо перед дверью, верхом на черном жеребце сам Утеген, хозяин аула на урочище Майстренко. Легендарный Утеген, который в

прошлом году убил 50 волков и получил машину «Победа» за сданные шкуры. За одну шкуру волка тогда платили 500 рублей. Утеген брал волков без рркья. Его бешеный, обученный с детства жеребец, если видел волка, обязательно догонял его и забивал передними ногами. Утеген помогал ему толстенной камчой (плетью) с вплетенным на конце свинцовым шаром.

И вот эта легендарная личность рядом со мной! «Я тут тебе малахай (лисья шапка-треух) привез, был в Анастасьевка, там сказали — ты здесь был, долго нет. Холодно в картуз. Бери малахай. Тут еще маржа (жена) шужук (конская колбаса) и кумыс тебе передал, бери, — важно выдавил из себя Утеген и добавил, — давай, цепляй этот будка, все грузим и поедем к нам, шайку попьем. А у тебя, вижу, гости были», — и он показал камчой на подранные стены будки и щепки от крышки котла «Так это от тебя они гуляли, я одного взял», поперек седла позади седока был перекинут крупный волк, забитый, видимо, конем и хозяином.

«Какой у него голос, — не к месту подумал я про волка, — возможно, это он был запевалой среди моих незваных гостей?»

Мы подцепили к трактору будку, погрузили котел, бочки, и я поехал сзади Утегена к нему домой, хотя мне было нужно в обратную сторону.

На Майстренко меня радушно встретили жены Утегена, старая и молодая (под видом племянницы у него тогда жила), напоили, накормили, дали на дорогу мяса и крута (сыра) и выпроводили. И все благодарили, благодарили.

Чтобы у читателя не возник вопрос, почему они меня так благодарили, в том числе и Утеген, когда вроде бы должен я их (его) благодарить за спасение. Это была давняя история. За пару лет до этих «волчьих» событий, я, как обычно, до уборки работал на тракторе. Как-то летом приехал в понедельник, после Троицы, в бригаду. Весь разбитый — мы в районе в волейбол играли, потом обмывали победу, потом я на своем уникальном однопедальном велосипеде 18 километров добирался до бригады. Ночь не спал. Думал: «Договорюсь со сменщиком, пусть до обеда поработает». А он оказался вообще не способным ни к чему. Что делать, пошел к трактору. Подходит Пономаренко (бригадир): «Я бачу шо тоби важко, так е така добра робота сьогодни. Там хлопци залеж хотили пахать, ще з вийны нэ пахана, а на ней курай такый за стильки рокив сбывся, шо нэ можуть

ничого зробіть. Плугы забываються враз, хоч зубамы выгрызай з них той бур'ян. Быры сцэпку своих борон, чипляй их на трос от волокуши и изжай туда, будэш стягувать и зразу палыть. Мы так ужэ робылы. Чисто як у хати получается. Там у тэбэ, правда, Генка трубку потирав от бензобачка до пускача. Цэ чипуха, хай тэбэ Клим Питько товкнэ на С-80, завыдэш и до вэчира нэ глушы! Давай с Богом. А щоб вэсэлишэ тоби було, дам прыцэпщика-практыканта».

Так; я и сделал. Завели меня буксиром, подцепил на трос сцепку борон в одну плашку (один ряд), и поехали поджигать. Конечно, зрелище! Идет трактор, метров 30 трос, затем сцепки с боронами, и гора курая (перекати-поля) горит! Как подует ветер в сторону трактора, так не надо на сковородку сажать. Сложности особой нет, только жарко и очень опасно.

Смотрю я на практиканта из училища, это как раз был сын «племянницы» Утегена — Уразбай. Такой юркий парнишка, почти мой ровесник. Я ему говорю: «Ты на тракторе ездить умеешь»? «Конечно, — отвечает, — уже год проучился, скоро экзамены и все». «Тогда, — говорю, — езжай до конца загона. А я несколько минут посплю, не могу, жарко, не спал, тяжело. А на краю — разбуди, я развернусь, и снова поедешь». Он с удовольствием поменялся со мной местами и запел какую-то песню по-казахски. Я осмотрелся кругом, вроде все нормально, и мгновенно заснул. Не знаю, сколько минут я проспал, но что-то подбросило меня. Очнулся — трактор стоит заглушённый, Уразбая нет, кругом огонь. Язык пламени выбивается из-под радиатора.

Первая мысль была мгновенной: «У меня же нет трубки, не заведу!» Прыгаю из кабины. «Бежать! Куда? А трактор?» В голове одно, а руки делают все сами: в стеклянном отстойнике есть бензин, снял отстойник, в кармане сложенная под табак газета, из нее — кулек, и в штуцер карбюратора. Туда же залил бензин. Выключил скорость, трактор заглох на скорости. Бендекс пускача вниз, выключил муфту. Шнура — нет. Ремень с брюк, резкий рывок — взревел пускач, через секунду завелся горячий и уже горящий двигатель.

В кабину. Надо сдать назад, ослабить трос. Не выходит палец прицепной серьги, там вместо обычного стоит палец гусеничный. Выбил его. Трос в руку толщиной, резко сжимается, бьет по ногам. Падаю. Горю. Нет сил встать. Доползаю до кабины. Не знаю, как влез. Включаю пятую скорость — и с места влево, на уже чистое поле.

Вышел на чистое, трактор горит, бегу рядом, на ходу монтировками, чем попало, сбиваю с него бурьян. Через несколько минут потушил, успокоился и тогда вспомнил про Уразбая. А он стоит на другой стороне балки, я туда не могу перебраться, догнал бы, точно задушил. Оказалось, что когда он подцеплял трос, потерял заводской палец от прицепной серьги и вставил, что попало под руку. Новый палец нагребал под себя курай до тех пор, пока не забился весь низ под трактором Бурьяном выжало рычаг муфты сцепления, и трактор сам остановился.

Уразбай есть Уразбай. Вместо того чтобы меня разбудить, он заглушил трактор и убежал. Ветром огонь подогнало к трактору, еще минута-другая, и я бы эти строки не писал. Но есть Бог на свете, не допустил

Я никому об этом не сказал, а Уразбай больше в бригаде не появился. Я уже и забывать стал об этом, но гора с горой не сходятся, а люди...

На следующий год МТС отправила меня в другую бригаду, в другом колхозе. В середине марта я еще с одним трактористом (это будет специальная тема) выехал к новому месту работы. МТС могла направлять механизаторов в любую бригаду своей зоны. Конечно, живущих в селах семейных трактористов и комбайнеров никто не посылал на постоянную работу в другие села, а нас «незамужних» — посылали.

Выехали мы с попутным трактором С-80, вез он цистерну с горючим. Все было нормально. Снег таял, наст проваливался, по дорогам — снежная каша.

Нам не повезло. Сразу за селом трактор провалился с обрыва, уперся носом вертикально в дно и заглох. Левее, метров через двести, другой трактор поменьше (ДТ-54) пытался переехать эту же балку в более пологом месте. Сзади у него были прицеплены большие пароконные сани, лежали какие-то ящики, колеса, стояло человек 5—6 людей. Трактор готовился к переезду, тракторист снимал ремень вентилятора, так как глубина воды или вернее снежной каши была приличной.

Мы закричали, чтобы нас подождали, они услышали. Каково же было мое удивление, когда за рычагами трактора я увидел... Уразбая! Он тоже меня узнал, но как выяснилось, не сразу. Мы прыгнули в сани. Надо было переехать две протоки. В первой сани вошли в воду (кашу) и мы стояли в ней почти по пояс. Затем трактор поднялся на твердое место и начал медленно опускаться во вто-

рую протоку. Судя по тому, как он вертикально «клевал» носом вниз, там было глубоко. Сани, прикрепленные к трактору, вздыбились, все, кто в них находился, разом вывалились на твердое место. Я же стоял, вцепившись в прут, стягивающий полозья саней. Трактор начал подъем и меня утопило вместе с санями. И в этот момент увидел, как что-то темное выпало из кабины.

Я судорожно ждал развязки. Трактор почти вертикально потихоньку поднимался вверх, вот-вот собираясь опрокинуться назад, на кабину, на сани, значит, и на меня. Я уже не мог отпустить руки и с ркасом ждал, не зная, чего. «Та-та-та», — захлебывался двигатель, но все-таки преодолел обрыв. Там под низом был камень — это спасло и меня, и трактор. Он упал на гусеницы, со страшной силой подбросив сани со мной вместе вверх, но я все равно удержался.

Трактор пошел вперед по снежному насту, но... в кабине никого не было. Оказалось, что Уразбай, когда начал подниматься на обрыв, испугался и выпрыгнул из кабины. А так как глубина там была по шею, то он нырнул в это месиво и там остался.

Что делать? Трактор едет сам, а Уразбай под водой. Бросаю сани. Снимаю полупальто и прыгаю за Уразбаем. Достая его, с трудом вытаскиваю к людям на перемышку. Они там с ним занимаются, а я опять прыгаю в воду, перебираюсь через глубокую ямищу, выбираюсь на обрыв и бегу за трактором..

Я много раз по молодости бегал по разным причинам, но тот бег по проваливающемуся насту я запомнил навсегда. Я бежал и плакал, от бессилия. А трактор, потихоньку, на первой скорости шел себе, да шел. Догнал я его на середине поля. Упал в сани, а еще надо попасть в кабину, по насту это не так просто.

Чтобы не утомлять читателя, скажу — развернулся я, снова нырял в ту яму, забрал людей и снова чуть ниже переехал ту чертову, так называемую «широкую» балку. Доехал до соседнего села. Взяли водки, растерли Уразбая и меня, а утром наши пути разошлись.

Вот так Уразбай чуть не спалил меня, а я ему не дал утонуть. Поэтому долгое время и благодарили меня его родственники. Поэтому судьба, наверное, и послала Утегена мне на выручку.

Долг всегда платежом красен, далее если ты не всегда понимаешь это.

ПРИЦЕПЩИКИ

Прицепщик — не профессия, это человек, работающий на каком-либо прицепном орудии — плуге, сеялке, косилке, копнителе и т. п. Можно сказать даже «работавший», так как с каждым годом все меньше и меньше выходят в поле агрегаты с прицепными орудиями, а все больше с гидравлическими и электронными приспособлениями, объединяющими и контролирующими многие рабочие процессы. То есть, работа прицепщика постепенно растворяется и за ненужностью исчезает. Но при нашей, отечественной «автоматизации», при которой, как говорят украинцы, — «нажимаешь кнопку и спына мокра», и сегодня на ряде механизированных работ прицепщики используются, как раньше. А в былые времена они использовались на большинстве работ, не сложных по содержанию, но почти всегда пыльных, грязных и малооплачиваемых.

И трактористам было не сладко, так как вся наша техника вплоть до сегодняшнего дня, далека от совершенства, но попробуйте посидеть на плуге сзади работающего трактора хотя бы день! Из-под гусениц беспрерывно, тем более при движении против ветра, выбрасываются не просто клубы пыли, а целые комья земли, обогащенные остатками прошлогодней растительности. Короче говоря, сзади трактора, что бы он за собой не тянул — плуг, сеялку, сенокосилку и т. п., всегда образовывался своеобразный «микрорoad», внутри которого, за три трудодня в день, находился прицепщик. Но это, когда агрегат работает. А когда стоит — прицепщик должен смазывать, подтягивать, приносить, относить, ставить сигнальные вешки, чистить, мыть, регулировать, подменять и делать еще десятки разных дел, поручаемых ему трактористом. Он был и прислугой, и мальчиком для битья.

Прицепщиками работали или молодые люди, которые впоследствии учились и становились трактористами, или люди среднего возраста, не имевшие элементарного образования, да и не желавшие его иметь.

Пик востребованности этой категории работников пришелся на период, предшествующий появлению гидравлических приспособлений и навесных сельхозорудий. Тракторов стали выпускать много, при-

цепной техники тоже, и прицепщик стал дефицитом. Гораздо легче было найти тракториста, чем прицепщика. Уровень образованности в селе повысился, никто уже не желал глотать пыль и быть прислугой за полставки. Постепенно появилась проблема с заполнением прицепных мест, туда начали посылать проштрафившихся трактористов, но это качественно снижало статус настоящего прицепщика и порождало массу ненужных конфликтов между действующими трактористами и штрафниками-прицепщиками.

Особенно эта проблема стала острой в тех местах, куда большим потоком поступала новая техника, а людей было мало.

Я начинал работать в Казахстане, в период освоения новых земель. Техника туда в первые годы поступала прямо с заводов в больших количествах. Там в те годы постоянно не хватало трактористов, комбайнеров, водителей и т. п. Что же говорить о прицепщиках!

Конечно, мы пытались как-то выходить из такой ситуации, что-то конструировали и приспособливали, но таким образом решалась только часть проблем. В бригадах прицепщиков не хватало, они были тогда в большой цене, и каждый тракторист пытался их как-то заполучить.

Мне практически никогда не улыбалось счастье иметь помощника-прицепщика. Молодым обычно их не выделяли, а те несколько человек, что числились в наличии — были местные и работали со своими родителями, родственниками или просто знакомыми односельчанами. Нам, приезжим, их уже не доставалось. А если и доставалось, то тоже из числа заезжих студентов, наемных рабочих и т. п. Но это было очень редко и, как будет показано ниже, — не всегда хорошо.

Если честно сказать, то прицепщик нужен был трактористу не столько для того, чтобы быть на прицепе, а для того, чтобы хоть час-два в сутки подмениться. Тяжело одному работать сутками, какую бы работу не выполнял. А мы работали, и давали хлеб. Много хлеба.

Мне никогда не везло с прицепщиками, в одной из былей я рассказывал, как меня чуть не сжег в тракторе один практикант, но после очередной серии неприятностей с этой публикой, зарекся вообще иметь с ними дело.

Приведу случай, происшедший со мной в одном колхозе. Наверное, я первым в истории рассказываю просто о прицепщиках. Шел пятьдесят шестой год, работал я в одной из бригад колхоза им. Чапаева Отдел кадров нами, приезжими, ежегодно закрывал кадровые проблемы по хозяйствам зоны МТС. Местные механизаторы жили и

работали в своих селах, молодежь училась и заполняла возникающие вакансии, при получении новой техники или увольнении по каким-либо причинам. В селах шла внутренняя кадровая ротация, а значительное количество приезжих жило на центральной усадьбе МТС. Ежегодно их перебрасывали в те бригады, по разным колхозам, где возникали кадровые проблемы.

Я в предыдущий год начинал трактористом в колхозе Буденного, затем был переведен одновременно на комбайн и трактор в колхоз «Красное поле». Зимой мы занимались ремонтом, доставкой техники и запасных частей, а летом шли туда, куда было надо. Колхозы зоны нашей МТС располагались веером с лучами по 18—20 км вокруг центральной усадьбы, так что практически не было разницы, куда пошлют.

В колхоз Чапаева я прибыл уже с определенным опытом работы, и, как в предыдущем колхозе, был одним из самых «энерговооруженных». Трактор и самоходный комбайн. Начало моей механизаторской деятельности совпало с периодом расцвета прицепных зерновых комбайнов. Самоходный С-4, в то время советский первенец, был далеко не совершенным и использовался в основном для обкосов полей и прокосов загонок, для прохода прицепных комбайнов.

В уборку я комбайном прокашивал на весь колхоз загонок, затем садился на трактор и буксировал прицепной комбайн. Когда комбайн стоял по разным причинам и по ночам, приходилось прицеплять плуг и пахать зябь. Сменщика мне не дали, так как комбайн работал по 18—19 часов, и не было смысла делать замену на 3—4 часа, тем более что еще техход занимал до часа времени.

Должен признаться, что, несмотря на врожденную патристичность, очень не хотелось после жаркого и пыльного дня идти в ночь пахать зябь. Утром с 6-ти опять же под комбайн. А дремать за рычагами, когда комбайн сзади косит, — нельзя.

Бригадир тоже понимал это, а все равно просил, если есть малейшая возможность — пахать ночью. Зябь-то поднимать надо, сроки уходят. В такие моменты я всегда в ответ просил на ночь прицепщика, но, как правило, не получал.

В пятьдесят шестом году в Казахстане был неплохой урожай зерновых. За обещание выложить на союзный стол миллиард пудов зерна Брежнев взяли из Алма-Аты в Москву, не дождавшись итогов уборки.

Под тот же миллиард начала поступать дополнительно сельхоз-

техника, эшелонами шли укомплектованные водителями автомобилями из воинских частей, впервые на целине появились студенты. К нам в бригаду попала группа будущих культработников из украинского города Проскурова (ныне Ивано-Франковск). Они работали на зернотоке, разгружали-погружали машины, очищали зерно веялками и т. п. Что интересно, все будущие культработники были девчатами. Парень — всего один. Будущий вокалист, довольно высокого роста, он очень неуютно чувствовал себя с веником на току среди девчат и постоянно просил нашего бригадира дать ему какую-нибудь другую работу, хоть прицепщика, но только не «подметалы».

Бригадир никак не решался, но однажды после дождя, когда и косить было нельзя, да и на току было мокро, он дал мне этого «артиста» в прицепщики, наказав мне при этом воспользоваться случаем и до вечера разбить освобожденное от соломы большое поле на загонки, так как в ночь выйдут пахать все трактора бригады.

Мы с Павлом (так звали студента) очень оперативно разбили поле на загонки. Высокий сам по себе, да еще с палкой-вехой в руках, Павло смотрелся идеальным ориентиром для меня при разбивке загонок. Его было видно с одного конца поля на другой.

В одном месте борозда попала прямо на старинный колодец, вырытый в балке еще на заре освоения этих степей. Колодец выделялся вросшим в землю бетонным кольцом, вокруг которого было выложено что-то вроде отмостки из крупных камней.

Я запомнил эту загонку и, чтобы не иметь лишних проблем ночью, занял для себя загонку, где-то третью от той, где находился колодец. Пахота — дело хоть и необходимое, но довольно нудное и пыльное, не говоря уже о том, что шумное. В принципе, к реву тракторного двигателя привыкаешь и просто не замечаешь его, а вот однообразие и пыль — донимают. Часов до трех ночи все шло хорошо. Тепло, двери кабины сложены, двигатель ночью лучше тянет, Павло беспрерывно поет украинские песни, стараясь перекричать рев двигателя. Иногда это ему удается. В общем, все хорошо. Но так как он ночью и днем спал, а я работал, то часам к четырем мне стало трудно осознавать, что вокруг происходит. Начал приходить сон, и я все чаще «клевал» носом по рычагам. А Павло все пел

«Слушай, Павло, — говорю ему, — ты когда-нибудь на тракторе ездил?» «А як же, — отвечает, — я ж из сзла, а батько мэнэ вжэ ро-

кив пять бэрэ з собою у полэ, на трактор». «Ты видишь, я не могу больше, уже месяц скоро без нормального сна. Давай поспим хотя бы с час, а потом продолжим». «Та ни, давайтэ я пройду до краю, та вас разбуджу, там развэрнэтэсь и опяць я пойду. Я цэ вмию». Ну, думаю, давай посмотрим.

Мы поменялись местами, он положил свои длинные руки на оба рычага поворотов, тронулся с места и опять запел. Я несколько минут наблюдал за ним, как он орудует рычагами, как будто хором дирижирует, слушал его песни и незаметно... отключился.

Проснулся от непривычной и явно неуместной тишины. Темень, прохладно, недалеко слева и справа мирно поблескивая фарами, гудят трактора в загонках, где-то рядом подают сигналы сверчки. И никого...

«Павло», — закричал я в темноту, не понимая, что происходит. «А-а-а», — откуда-то издали послышался стон-голос. Я передвинулся вправо, на место тракториста, так как голос слышался с той стороны, достал спички, сложил вместе несколько штук, чиркнул о коробку и от неожиданности отпрянул назад.

Прямо передо мной (сантиметров восемьдесят от правой гусеницы) серело бетонное кольцо, и зияла дыра колодца. И именно из его глубины исходил тот стон. «А-а-а, рятуйтэ!» «Павло, — промелькнуло в голове, — как он туда попал? Живой?»

Посветил спичками — ничего не видно. Кричу «Павло, ты там?» «Тут, я, тут, рятуйтэ мэнэ, бо по голове якись жабы та жуки лазють!»

Я сделал из тряпки факел, намочил его в солярке, зажег, стало виднее. Картина впечатляющая — на дне заброшенного колодца, по шею в воде, весь увешанный чем-то непонятным, перепуганный насмерть, стоял несчастный прицепщик-студент, опираясь локтями о заплесневелые камни ствола колодца, и беспрерывно кричал: «Рятуйтэ, рятуйтэ!»

Быстро снял проволоку, с помощью которой опускали-поднимали плуг, и подал ему. Павло ухватился одной рукой за проволоку с таким отчаяньем, что чуть и меня не стащил к себе. Что делать? До его головы от меня где-то три метра, да сам он около двух, да еще мокрый. Мне эту пятиметровую «гирлянду» на проволоке не поднять, тем более что в данном случае на его перепуганное тело не действовала никакая выталкивающая сила, скорее наоборот, действовала за-тягивающая.

«Подожди, — говорю, — я ребят позову» «Ни, ны кидайтэ мэнэ, бо я помру», — вопил он, царапая камни. Я все-таки пошел к бли-

жайшему трактору. Сняли еще одну проволоку и вдвоем еле-еле вытащили моего прицепщика, кладающего зубами от страха и холода, обвешанного всем тем, что накопилось за многие годы в заброшенном колодце. Я завез его на полевой стан. Собрал у ребят кое-какую одежду, помог умыться и устроил спать в нашей будке. Слава Богу, что его сокурники уже спали, а то им было бы, что рассказывать по приезде домой, в Проскуров.

Утром я поехал разобраться, как; получилось, что, работая на две загонки левее, мы оказались там, где был колодец. Провести «следственный эксперимент» было просто. На желтом стерневом фоне все было написано языком плуга и гусениц трактора.

Павло пел, пока я бодрствовал рядом, а как только я заснул, он, даже не проехав до середины загона, тоже задремал, и трактор пошел пахать сам. По закону сопротивления почвы и логике жизни, трактор всегда как бы пытается выйти влево, то есть из борозды. Неуправляемый, он и ушел влево, постепенно увеличивая угол ухода. Пересек одну, вторую загонку. При переходе через очередную борозду его сильно качнуло. Павло очнулся, увидел, что трактор уходит из борозды, выравнивал его и пошел пахать рке по другой загонке, именно по той, где находился колодец. Проехав немного, снова задремал. Трактор затянул плуг на окружающие колодец камни и заглох. Павло проснулся, не поняв в чем дело, выскочил из кабины и... попал через кольцо в колодец.

Я никому ничего не сказал, но к обеду об инциденте знала вся бригада. И тут выяснилось, что за неделю, пока Павло ходил в прицепщиках, он успел с одним трактористом свернуть в рулон сцепку чужих борон и затащить их на посеянное поле, с другим — забросить плуг почти на кабину, а со мной — упасть в колодец.

Во всех случаях все могло закончиться гораздо хуже и не только для него, но (за неимением людей) эти случаи хранились как бригадная тайна. Я даже в душе сожалел, что отказался от услуг Павла, все-таки живое что-то с тобой в кабине всю ночь присутствует. Но дня через два Павло, это ходящее несчастье для всей бригады, сделал то, что удержать в тайне не удалось.

Его взял на ночь один местный тракторист. Пахали рядом с селом, и он пошел домой за куревом. Павло его заменил, и вот что из этого вышло. Пахали «гуськом», один за одним. Павло шел сзади. В принципе — это не сложно, следи за бороздой и соблюдай дистанцию. Все

было хорошо до тех пор, пока не заснул тракторист переднего трактора. Он на конце поля перепахал дорогу, затем поле с молодой капустой и остановился лишь в озере за овощным клином. Павло, подковыкая, ориентируясь на борозду, так и шел за ним по всему пути, пока не выехал на плуг стоящего впереди в воде трактора. Опять же, к счастью, его двигатель заглох сам.

Узнав об этом, я перестал сожалеть о том, что у меня нет прицеппика. Я внутренне понял, что если хочешь жить — лучше работать самому.

Конечно, это мое личное мнение, тем более мнение из тех лет, когда я думал, что мне не будет износу, и мог работать без подмены сколько угодно. Скорее всего, оно субъективно, и нельзя по отдельным случаям и по случайным людям судить обо всей миллионной раньше армии прицеппиков. Не буду повторять, как тяжела и как необходима эта работа Работа, без которой не было бы хлеба, да и многого другого на нашем столе.

Слава тебе, простой прицеппик!

МУЖСКОЙ СТРИПТИЗ

Есть такая простая полевая работа — снегозадержание. В сухих степных зонах на нее обращают особое внимание, так как если ее не проводить вовсе или делать не вовремя, весь снег сдует в балки, и зимней влаги полю не видать. А весны там сухие, да и лето тоже. Так что зацепить снег надо обязательно — в начале или хотя бы в первой половине зимы. Если есть снег, конечно.

В принципе работа не сложная. Трактор ДТ легко тянет на пятой передаче так называемый «снегопах». Это две вертикальные спаренные металлические ленты, пересекающиеся спереди. При проходе агрегат образует снежный «бугорок». С покрытого такими бугорками поля снег уже не сдувается, а, наоборот, постепенно заполняя пространство между ними, закрывает поле целиком. Основная проблема при снегозадержании, как ни странно, — зима. Тем более, такая холодная, как в Казахстане.

Расскажу один случай, прямо связанный с этой простой работой. Было это почти полвека назад. Группе из восьми трактористов при четырех тракторах было поручено закрыть снег на нескольких дальних от колхозной усадьбы полях. Так как посевные площади у колхоза превышали по размерам территорию любого молдавского района, то гонять трактора на снегозадержание из села при коротком световом дне было неразумно, и наша группа переезжала с места на место. С нами была стандартная целинная передвижная будка — обычный двухосный вагон на полозьях, цистерна с горючим и бочка моторного масла. Вообще-то, бригадная будка была не просто обыкновенным вагоном без колес. Их специально выпускали для размещения полевых передвижных бригад. В ней слева находилась клетушка для бригадира, в центре — микрокухня, справа — жилая комната в 8 вагонных полок.

При площадях в десятки тысяч гектаров бесполезно было строить капитальные полевые станы. Они были только там, где оборудовались механизированные зернотока, капитальные кухни и комнаты отдыха. Но для отдаленных полей или разовых работ использовались

передвижные полевые станы. Да и мы на одном месте долго не задерживались. Посеяли, вспахали или убрали в одном «кугу» — перебазировались дальше. И так весь полевой сезон.

Место, куда мы переехали в этот раз, находилось в центре нескольких полей, и, судя на нашей производительности, работы там было дня на три-четыре. Это по расчетам наших командиров. Исходя из них, нам оставили хлеба, сахара, мяса и масла — поставили задачу и отправились на другие участки.

Старшего у нас не назначали из-за принципа, так как все восемь были примерно одинакового возраста — от 17 до 19 лет. На каждом тракторе — по два тракториста Специально для подмены. Дело в том, что если выезжать на работу из села, то можно делать скидку на погоду — при морозе больше 25 градусов или сильном бурене оставались дома. А когда ты постоянно в поле, то на погоду уже не смотришь — не будешь же сидеть и ждать ее. Это хорошо понимали и мы, поэтому работали практически каждый день, стараясь быстрее закончить, чтобы заскочить на день-два в село, отогреться, помыться и ехать дальше.

Несмотря на простоту задания, работать в тех условиях, какие доставались нам, было сложно. Тракторы типа ДТ (54, 74) никакого обогрева не имели. Дребезжащая не утепленная кабина продувалась так, что в ней было холоднее, чем на улице. При морозе более 20 градусов в кабине долго не выдержишь. Раз в полчаса выскакиваешь на ходу и бежишь рядом с гусеницей. А иногда, чтобы пощекотать себе нервы, бегаешь вокруг несущегося на пятой скорости трактора. Слегка разогревшись, на ходу взбираешься в кабину.

Сменный период — 2 часа. Ровно через это время подъезжаешь к будке, меняешься с напарником — он в кабину и на поле, ты в будку к печке. В углу спальной комнаты была установлена заводская чугунная печка-буржуйка. Ни дров, ни угля у нас не было, поэтому дожили на печную решетку жестянку, в нее насыпали землю, обливали соляром и поджигали. Печка почти всегда была красной от жара, так как стены вагона, хоть и специального назначения, не были рассчитаны на зимнее время и промерзали насквозь.

У одного парня в первую ночь даже волосы за ночь примерзли к стене — поленился повернуться головой к теплу. Печка, конечно, тоже была проблемой. Плеснешь соляровкой — горит минут пять и постепенно нагревается докрасна. Если не плеснешь, — все, печка мертва, и будка мгновенно остывает.

Нашлись как-то у нас Кулибины, приспособили бочку солярки на крыше, от нее трубку медную с краном провели к печке. Днем, пока все бодрствовало, горело нормально. А ночью трубка разогрелась и загорелась во всю длину — чуть будку не спалили, да сами не изжарились. Снова перешли на проверенный способ: плеснул — горит. Весь вопрос в том, кто плескать будет? Днем, кто ближе, тот и подливает, а ночью все проснутся и лежат, замерзают, но встать и подлить солярки никто не хочет. Когда температура станет минусовой, кого-то «нечаянно» толкнут. График дежурств ничего не давал, поэтому искали всевозможные способы, чтобы поддерживать огонь.

Первые два дня на новом месте были морозными, но тихими, поэтому долгими зимними ночами ходили за 4 километра к железнодорожному разъезду и тащили оттуда сломанные деревянные щиты, которые в свое время служили для целей снегозадержания. Делалось это добровольно. Две пары играют в карты, две пары наблюдают. Пара, проигравшая три раза, отправляется за щитами, затем цикл продолжается.

У меня первые дни на новом месте начались с неприятностей. Традиционно во время полевых работ я собирал свои промасленные брюки и пиджаки, нанизывал их на проволоку и опускал в цистерну с дизтопливом «откисать». Потом я их отжимал в ведре с бензином и окончательно полоскал водой. За несколько дней до этого я как раз и опустил все свои вещи в цистерну. Думал, завершив работу, приедем в село — и там закончу стирку. Но случилось непредвиденное. Где-то на третий день наше центральное МТСовское начальство, связавшись с бригадиром, прислало откуда-то трактор, который утащил нашу цистерну с горючим в другой колхоз. Уехали все мои «откисавшие» вещи. Я как раз был в поле, а больше никто об этом не знал, так как загрязнять цистерну подобными вещами запрещалось.

Но то, что пропали мои вещи, было лишь цветочками. Получив информацию, что мы сегодня-завтра здесь все закончим, забравший цистерну практически оставил нас без горючего, без работы, да и без тепла, как выяснилось позже.

Дело в том, что из-за холода заправлялись только тогда, когда баки пустели. Заливать ведром солярку на морозе — мало приятного, поэтому мы растягивали межзаправочные сроки до максимума.

Трактористу, увозившему цистерну, надо было нас хотя бы предупредить, чтобы мы заправились. Нам же предстояло не только за-

кончить поля, но и перегнать трактора за 20 километров. Вечером, узнав о цистерне, никто кроме меня, не расстроился. Был обычный коллективный ужин, и все шло, как обычно.

Я проснулся часов в шесть, спали мы, не раздеваясь, слез с полки, надел бушлат, растопил печь. Что-то непонятное угнетало. Стало как-то теплей, тихо и абсолютно темно. Лег, полежал еще часа два — темно. Уже восемь — темно. Стало не по себе. Разбудил напарника, Генку. Слушай, говорю, девятый час, а темно, нам же выезжать надо.

Генка встал, оделся, пошел к двери и толкнул ее ногой. Дверь отозвалась каким-то необычным глухим звуком. Засветили фонарь и поняли, что мы закупорены снегом до крыши, а может, и выше. Вечерняя поземка, видимо, переросла в буран.

Ну, бывает. Это не вызвало у нас особого беспокойства. Начали искать способ выйти на улицу. Выдавили окно в бригадирской комнате, пробились через снег наружу. Открывшуюся картину надо было видеть! Наша будка представляла собой огромный снежный холм с двухметровой шапкой. Трактора мы оставили в ряд возле будки. Куда там! И они были погребены под одним огромным сугробом. А у нас на всех одна штыковая пожарная лопата.

Кое-как откопали то место на крыше, где у нас в мешке хранилось мясо. Ни мяса, ни мешка. Или лисы, или волки поработали, когда снежный покров сравнялся с крышей. А буран рвал и метал. Темень, как ночью. Мороз, снег, ветер, рвущийся в разных направлениях.

Мы с Генкой влезли обратно в будку и объяснили ребятам ситуацию. Веселого было мало. Горючего практически нет, из еды — одна булка хлеба на восьмерых, граммов двести масла, да с килограмм сахара и пачка чая. Общество решило, что ничего страшного нет, буран до вечера стихнет, утром откопаемся, заведем хотя бы один трактор и поедем в село. Съели половину того, что было, и залегли спать, надеясь, что утро вечера мудренее.

А страшный буран бушевал восемь дней... На шестой у нас кончилось горючее. Что можно было слить из больших тракторных и малых бензиновых бачков для пусковых двигателей, было слито и сожжено в печке. Были у нас большой алюминиевый чайник, да кастрюля на ведро воды. Она не помещалась на маленькой печке с торчащей вертикально трубой, поэтому кипятили воду в чайнике, а в кастрюлю набирали снег и ставили рядом с печкой — так он быстрее превращался в воду.

Несколько дней мы только на воде и жили. По возрасту, повторяю, мы были примерно одинаковы. Все восемь ребят — из разных мест Союза, и если соединить наши родные края по карте условной линией, то получилась бы красивая дуга: от моего Тирасполя через Хмельницкий, Гомель, Москву, Владимир, Горький и до Алма-Аты. Из-под Алма-Аты был у нас Сашка Бондарев, округлый такой парнишка, с полукитайским лицом, гибкий, как гуттаперча, хитрый и изобретательный. Он где-то лет с двенадцати несколько сроков скитался по лагерям и тюрьмам, имел определенный опыт общения, но не был озлобленным и жестоким, а остался таким, каким создала его природа. В раннем детстве скитался по восточным детдомам, а так, как жизнь там была не лучше лагерной, то больше предпочитал последнюю. Пришел он к нам в бригаду недавно, летом. Прибыл с новым трактором из МТС, раньше работал в другом колхозе.

Ребята встретили его настороженно, как блатного, но после одного случая сразу признали. Дня через два после его появления двое ребят полезли в его трактор (новый все-таки!) с целью изъятия какого-то нужного инструмента. Их крики разбудили ночью всю бригаду. Один из «грабителей» залез рукой в ящик для инструмента, (а был высоким, где-то полметра), нащупал там какой-то жгут или кабель и подумал, что это новый заводной шнур для пускача. Но когда он вышел на лунный свет, — в его руках извивались несколько небольших змей.

«Вор» заорал так, что все подумали о самом худшем — кого-то убили. Ну, утром посмеялись, а воровство в бригаде как рукой сняло. А то бывало так: потеряет кто-то, к примеру, ходовой ключ и старается украсть его у другого, а другой у третьего и т. д. Потом очередь опять дойдет до первого. И снова воровство идет по кругу. Так могло продолжаться до тех пор, пока кто-нибудь из трактористов или сам бригадир не выпишет такой ключ, или что-то другое на складе, привезет в бригаду и разорвет воровское кольцо.

Сашка ничем особым не отличался, иногда «чифирил» потихоньку, ловил, как сегодня говорят, «кайф» и тогда мог что-то выкинуть. Соберет несколько степных гадюк, вырос-то он в Средней Азии, умел с ними обращаться, заложит за пазуху, а потом подойдет к полевому стану, обычно во время приема пищи, вытащит из-за пазухи клубок и бросит под стол. Вся бригада — врассыпную. А он хохочет: «Да они же безопасные, я им жала повырывал». Это не очень нас убеждало, змея есть змея, поэтому Сашку потом догоняли и учили уму-разуму.

Так вот, в то время, когда мы были замурованы под снегом, без пищи и курева, а потом и без тепла, моральной опорой для всех стали балагур Сашка и моя гармонь, с которой я никогда не расставался.

Рациональный Сашка на второй же день заточения сам предложил, и сам разделил на восемь частей остатки хлеба, масла и сахара. Как степной житель, он знал, что буран может дуть и неделю и десять дней, поэтому предупредил, что нам рассчитывать надо только на самих себя и на то, что у нас осталось. Он же заявил, что главное — у нас есть вода, значит, жить будем.

На кухне были сложены какие-то пустые мешки, из которых мы вытряхнули еще с килограмм перлово-мучно-макаронной смеси и также поделили сразу на восемь частей. Сашка предложил крупу не варить, а жевать со снегом, запивая кипятком, так же поступать и с сахаром. А чай, его вожаденный напиток, он тоже разделил на восемь частей, но никому не дал. Каждый день мы закручивали в носовой платок одну из порций, и окунали этот узелок в свои кружки в течение дня. К вечеру цвета рке не было, но все равно это было лучше, чем вода.

Фонарь у нас погас. Отрыли окна с одной стороны, их мгновенно занесло снегом. Мы отрывали в другом месте, и так целый день. Ночью шли истории и анекдоты. Все, что кто знал, было выложено на алтарь поддержки. Некоторые ребята первые дни ругали начальство, бригадное и МТСовское, и обещали им всякие кары. На это Сашка однажды заметил, что надо сперва выжить, затем отсюда выбраться, а уж потом разбираться с кем-либо. Ведь они просто не знают, где мы и что с нами.

Обидно, конечно, — в нескольких километрах железная дорога, до МТС где-то 10—12 километров. Жизнь рядом, а не достанешь. Идти пешком в такую погоду нельзя — верная смерть, а трактора наши с пустыми баками, да и куда сейчас проедешь?

И ребята не сдавались. Мы перепели под гармонь все, что знали, по десятку раз. Старались, чем угодно, убить время, играли в карты, загадывали загадки, делали, что только могли, чтобы отвлечь себя от плохих мыслей. Особенно тяжело стало на восьмой день, когда топить нечем было. Не помогали борьба и физзарядка, никто не вылезал из-под одеял, да и одежонка у нас была скорее осенняя, чем для такой зимы.

Дело могло кончиться нервным срывом — если не у всех, так у некоторых. И тут опять Сашка выручил. На глазах изумленных ребят он начал раздеваться. Догола. Такой своеобразный мужской стриптиз. Обычно он ходил весь застегнутый в любую погоду, а тут разделся перед всеми. Когда в будке ледник, ты лежишь под кучей тряпок, а тут перед тобой стоит голый и улыбается, это действует.

Сашка начал принимать различные позы, поворачиваясь медленно кругом и показывая себя. А показывать было что. За годы отсидки в разных лагерях ему покрыли татуировками все тело, кроме лица. Все, что у него торчало, тоже было покрыто довольно высококвалифицированными рисунками со смыслом, в каждом его месте и в движении. На конце того, что бывает только у мужчин, красовалась жирная зеленая муха, поверх которой овалом было написано «цэ-цэ». Это было так неожиданно, что ребята начали вскакивать с полок, подходить к Сашке поближе, чтобы рассмотреть его прелести в деталях. Творилось что-то непонятное, хохот, крики, объятия, толчки, а он стоял почти синий, маленький такой колобок, и улыбался.

В это время в будку ввалились наш бригадир и механик МТС по нашей зоне. «Ты, дывысь, — заорал бригадир, набрасывая тулуп на Сашку, — мы тут мешки привезлы шоб кости собирать, а БОНЫ тута блядством занимаються!»

Потом занесли два термоса с пищей и чаем, ящик водки. Когда мы вышли наверх, буран поутих, кругом горы снега, а рядом работал тяжелый трактор С-80 (без кабины). Он нам привез и жизнь, и цистерну с горючим.

Мы рассказали бригадиру, что не закончили отрезок одного поля. «Та якэ там полэ, якэ снігозадержание, — загремел бригадир, — тут стильки снігу накыдало, що до мая мисяця нэ стае. Поидым до сэла. Слава Богу, слава Богу, шо так обийшлоь. Спасыби, хлопци, а то я думав, шо всэ. Та ще якый мудак дав команду от вас цыстэрну забрать. Правда, я ии сам утянув з другого колхоза, ну всэ-таки... Ну, вжэ ныважно. Важно, шо вы е».

Всякое бывало при самой обычной работе. И горели, и тонули, и переворачивались. И в большинстве случаев здорово работали.

Я буду помнить всегда тех ребят, с кем довелось работать и делить что-то, как правило, трудное. Но само дело того стоило. Мы не знали, что делали политики, мы знали свою работу и выполняли ее.

СВЕЖЕЕ РЕШЕНИЕ

Говорят по жизни, чтоб подружиться, надо сперва здорово разругаться. Могу подтвердить это одним фактом из моей жизни. Было это в пятьдесят пятом году где-то в конце сентября. Уборка уже закончилась, комбайны ушли, машины тоже. Началась унылая темная осень. В степи, особенно в большой, масштабной, весело, когда что-то там растет, да еще весной, когда зелень и цветы появляются. А вообще — это когда много людей на поле: в посевную, сенокос, уборку. А как опустеют поля, и начинается монотонная, долговременная вспашка зяби, скучновато становится в полевой бригаде, и только технологическая необходимость пахоты с целью рыхления и захоронения растительных остатков, а с ними возбудителей болезней, заставляет, иногда стиснув зубы, пахать, пахать и пахать.

По ночам уже заморозки. В полевой будке холодно, пахота идет в две смены.

Упрощенный цикл жизни: двенадцать часов в борозде — двенадцать сон и отдых. Никаких просветов, неделю — в ночь, неделю — в день. И так; примерно, месяца два, а то и больше, смотря по погоде. К этому времени батареи у приемника уже сели, электроэнергия в бригаде нет, так что связь с внешним миром только через диспетчера МТС, да газеты привозят раз в неделю. Где-то раз в десять дней меняем место полевого стана. Там и заправка, и кухня, и жилье. Все передвижаемое. Слишком большие расстояния, чтобы стоять на одном месте и гонять гусеничные трактора за десятки километров. Магазин только в селе за двадцать километров. Да и чем туда попадешь? Основная масса работающих — приезжая безлошадная молодежь.

Вот примерно такая картинка рабочей ситуации была в тот момент, о котором и пойдет рассказ.

Где-то, повторяю, в конце сентября, к нам в бригаду кассир МТС привезла зарплату за уборку. Ребята получили в большинстве своем солидные для рабочего уровня деньги — по 2,5—4 тысячи рублей. Это была главная зарплата сезона.

За лето пообносились, надо было что-то прикупить из одежды, да и просто приобрести товары первой необходимости, включая курево. Бригадир пообещал повезти всех в город, но после завершения вспашки зяби. Когда это будет, никто не знал. Погода — то мороз, то снег, то дождь.

В день, когда получили деньги, у многих ребят в бригаде появилась масса сиюминутных желаний, Деньги жгли руки, но не согревали душу... Сделали крайним меня, так как я был в бригаде самый «колесный», кроме гусеничного трактора имел еще самоходный комбайн. Он остался в бригаде потому, что последним я убирал просо, это была самая поздняя культура. Комбайн был очищен и помыт, я не перегонял его в МТС, ожидая, пока дорогу окончательно подморозит.

Осенний день короткий. Пока искали транспортный выход, стемнело. Всей бригадой буквально насели на меня: заводи, мол, комбайн и съездим в село Шандашу, она хоть и в соседней Оренбургской области, но напрямую к ней километров 12—15.

Мне никак не хотелось гнать комбайн по бездорожью, да еще ночью, да еще без света. Я поснимал все фары, так как готовил комбайн на сдачу в МТС.

Но когда уговоры достигли апогея, пришлось приладить одну фару спереди, отцепить копнитель и поехать. На комбайне места хватает. Человек двадцать — весь наличный состав бригады облепили все площадки и угольники.

Часа два добирались. Хорошо, луна вышла. Она растворила тучи и служила ориентиром. Дороги не было, пассажиров бросало из стороны в сторону, но никто не жаловался, сами напросились.

Заехали в Шандашу. Полтора десятка мазанок трудно было назвать селом. Размещалось там отделение одного из оренбургских совхозов. Нам нужен был магазин. Как такового, его в селе не было. Просто один из хозяев держал подобие ларька на дому. Там были собраны ходовые товары первой необходимости продовольственного и промышленного производства.

Дом был большой, хотя и без крыши, выглядел довольно солидно на фоне других мазанок. Мощные окованные металлом двери, крепкие ставни на окнах.

Время — где-то около полуночи. Заборов никаких не было. Я подъехал комбайном прямо ко входу со стороны двора. Ребята высыпали на землю и буквально облепили дом. Через несколько минут там за-

горелся свет. Но на все просьбы открыть дверь и продать что-нибудь, хотя бы курево, ответ был один — приходите утром. Хозяина, видимо, напугало количество и нервозность ночных посетителей. Наверное, уже имел опыт встреч с лихими людьми. Кругом степь, разные по ней люди ходили во все времена.

После 30—40 минут уговоров расстроенные механизаторы перешли к угрозам и обещаниям применить любые способы воздействия. Обидно было добраться до цели и не добиться желаемого. Я сидел за штурвалом комбайна, двигатель работал, так что не слышал перепалку ребят с хозяином, но видел, как они метались вокруг дома туда-сюда, а двери не открывались. Некоторые горячие головы начали искать на комбайне лом, чтобы ломать дверь. Пошел уже второй час осады. Хозяин, как после выяснилось, стоял с ружьем у двери и был настроен очень решительно.

Я равнодушно смотрел на все эти действия, а потом обратил внимание на то, что метрах в пятнадцати от дома находился огород, большая часть которого была в колдобинах после выкопанного картофеля, а на второй чернели какие-то стебли. Спрыгнул на землю и пошел посмотреть, что там растет. Оказалось, подсолнечник. Шляпки — с малюсенькое блюдце, почернели от дождей и морозов. Шириной полоса была метров шесть и длиной метров пятьдесят.

Пока я возвращался к комбайну, в голове уже созрело решение. Хоть и жалко было загрязнять уже очищенную молотилку, но взял инструмент, быстро поднял мотовило жатки (сейчас это легко сделать через гидравлику, а раньше приходилось все регулировать вручную). Отжал до предела деки подбарабанья, чтобы не сильно дробить перестоявшие подсолнечные шляпки, ослабил ремень вентилятора молотилки, развернулся и... начал косить подсолнечник. Да что там косить, прошел туда и обратно за каких-то пятнадцать минут. Набрал почти бункер смеси семян и дробленых стеблей и подъехал левым бортом прямо к двери.

Как рассказывали после ребята, они сами сперва ничего не поняли. Хозяин дома раньше их увидел и почувствовал то, что я хочу сделать, и начал буквально бесноваться, обзывать нас разными словами, обещая поднять против нас всех, кого молено — и милицию, и органы власти, и родственников.

Подъехав к дому, я открыл заслонку зернового бункера. У нынешних комбайнов для выгрузки зерна имеется специальный выгрузной

шnek, а в первых выпусках на бункере была просто заслонка, которая поднималась и опускалась специальным рычагом.

Поднял ее и высыпал прямо перед входной дверью целую гору подсолнечной смеси. Думаю, если бы я не скосил ту полосу, хозяева до весны молотили палками те сморщенные шляпки или просто оставили их до весны, а потом сожгли.

Надо сказать, что хозяин был из настоящих, крепких и понятливых мужиков. Он сразу оценил мой жест и открыл дверь. В итоге я получил от него благодарность и два литра «московской» водки за работу, а изголодавшиеся и возбужденные ребята отоварились по полной программе, практически опустошив магазин и обеспечив хозяину полугодовую выручку.

Так благополучно завершилась эта простая жизненная история. Но жизнь продолжалась. И еще несколько лет, до тех пор, пока я не ушел в армию, хозяин шандашинского магазина считал меня своим; и если кому-то что-то из ребят было надо, даже из других бригад, упомянув мое имя, они в любое время могли купить то, что хотели, и что имелось в наличии, даже иногда в долг.

Так встретившиеся случайно на жизненном пути люди иногда из ярых противников превращаются в хороших друзей. Но это только тогда, когда все замешано на хорошей основе и взаимопонимании.

НЕ СУДЬБА

орошо, что человек не знает, где упадет, а то вынужден был бы всю жизнь таскать за собой мешок соломы, чтобы смягчить место падения. Хорошо, что мы живем не в ожидании неприятностей, а постоянно надеемся на что-то хорошее и что-то лучшее. Хорошо, что не знаем, что, когда и как будет. Как говорится, судьба играет человеком, а человек играет на трубе... Так устроена жизнь. А все-таки его величество Случай или судьба-удача занимают в нашей жизни не последнее место. Оглядываясь назад, все больше в этом убеждаюсь и благодарю судьбу, что события, участником которых я был, завершились именно так, а не иначе.

Всякое было в жизни. С высоты лет часто по-иному оцениваешь прежние события и каждый раз философски про себя отмечаешь: «Раз живу и помню, значит, то, что раньше было со мной и вокруг меня, было хорошо».

И, слава Богу, что так.

Расскажу об одном случае из моей жизни. Так себе, частный эпизод. Таких случаев может быть, сколько угодно и где угодно. Мир их не замечает, но мы ведь только мелкие пылинки в этом огромном мире, и то, что случилось конкретно со мной много лет назад, — со мной и останется. И что удивительно, этот довольно неприятный случай я вспоминаю не с негодованием или обозленностью, а с какой-то высокой благодарностью Судьбе и Богу.

А дело было так.

Жил и работал я тогда в Казахстане. До города Орска, что в Оренбургской области, то есть уже в России, от нашего поселка было чуть больше сорока километров, поэтому основные экономические, как сегодня говорят, связи, мы поддерживали с этим городом

И у нас в поселке, да и в соседних селах в те времена не было мельниц, а в Орске действовала довольно солидная, сохранившаяся еще с царских времен. Поэтому многие крестьяне из окрестных сел мололи там зерно на муку. Мука в Орске получалась отменная, да и зерно молось качественное, все пшеницы — твердых и сильных

сортов степной целинной зоны, с клейковиной до 40% и более. Из такой муки замечательный хлеб получался! Белый, вкусный, упругий, как высококачественная губка.

Каждую осень, после получения натуроплаты, сельчане везли зерно на мельницу, заготавливая муку на всю длительную восьмимесячную буранную зиму. Везли по семейным потребностям, кто пять, кто десять, а то и более мешков. Обычно группировались на поездку по родне, по друзьям-знакомым. Реже просто — кто попадал по списку. Колхоз или МТС выделяли машину, если была дорога, или трактор с саями — и где-то месяц-полтора продолжалась «помольная» эпопея. Пятьдесят шестой год был неплохим по урожаю зерновых. Зерна было много, половина его, к сожалению, пропала, но люди заработали в тот год неплохо — и деньгами, и натурой. Я отработал сезон на тракторе и комбайне, тоже прилично заработал и решил купить себе баян. Сделать это можно было только в Орске. Но необходимо было потратить несколько дней на поездку на тракторе. День туда, день назад, пару дней на мельнице — чуть ли не неделя уйдет. А мы как раз ремонтировали комбайны в мастерской, там стоял такой соревновательный дух между молодежью и «стариками», что просто так на неделю бригада не отпустит.

Но случай подвернулся. Конечно, это даже был не случай, а мое направленное действие. Дело в том, что рядом с нами в общежитии жил тракторист Борис Забавин, целинник из Нижегородской ныне области. Работал он на тяжелом тракторе С-80 и часто ездил с зерном на мельницу. Я по-соседски попросил его, если будет возможность, взять меня напарником на один рейс.

Борис сдержал обещание и как-то раз обратился к заведующему нашей мастерской с просьбой дать меня в напарники на один рейс, так как его сменщик заболел. Из трактористов на ремонте комбайнов был один я, и заведующий согласился с неохотой. Как после выяснилось, напарник Забавина вовсе не болел, просто, когда Борис попросил его «заболеть», тот сделал это с великим удовольствием. Кому охота без кабины трястись при двадцатиградусном морозе два дня, тем более что он был непьющим по причине какой-то язвы. Ездить в такие рейсы в роли водителя или тракториста молено было только с железным здоровьем. Мужики-помольцы, отрываясь от дома в город, старались как-то разнообразить свою жизнь. Они продавали часть отрубей, зерноотходов, да и муки, вроде как на гостинцы домой, ну

и, конечно, все дни *такой* «командировки» беспрерывно «причащались», как правило, до упаду.

Конечно, каждый раз люди менялись, но пили всегда. С такой публикой тяжело иметь дело тем, кто их возил. Ведь они-то, повторяю, менялись, а «водилы» были одни и те же, потому нагрузки на их организмы очень возрастали. Многие из них после нескольких рейсов «сходили с дистанции», но только не Борис Забавин. Этот истинно русский волжский парень, такой небольшой, кряжистый, мог выпить сколько угодно и чего угодно, тем более надурняк, так как в таких рейсах его всегда поили клиенты.

Норма выпить для него — когда больше нету. Он не боялся холода, и я не раз видел в окно, как он по утрам, с похмелья, бежал в трусах, в накинута на голое тело полушубке, по снегу — за 50 метров в общежитийский, простите, туалет... босиком. После него там оттаявший снег в форме ступней ног оставался. И ничего, никогда даже не кашлял. Так что Борис идеально подходил для таких командировок и всегда был «в спросе».

Вот к такому соседу я и попал в напарники, правда, на один рейс.

Мы приехали на городскую мельницу под вечер. Зимний день короткий. Технология передвижения довольно проста. Трактор, за ним — сани с горой мешков, за ними — небольшая будка с печкой-буржуйкой для пассажиров-помольцев.

Трактористы через час сменяются. Это не очень приятно, но по-другому нельзя. Трактор без кабины — груда холодного металла, ветер, мороз, поземка или буран. Час за рычагами в напряжении дорогу ищешь, час в будке греешься. Пассажиры там постоянно, печка вся красная, солярка в смеси с землей горит, жарко даже. А ты погреешься час, а потом час на морозе, и так всю дорогу «закаляешься», как та сталь: жара-мороз-жара. Конечно, в те годы мы не придавали этому значения, все последствия приходили позже...

В тот раз с нами поехал прораб МТС, надо было попутно на лесоторговой базе доски получить для ремонта кузовов автомашин и лопастей комбайновых жаток.

Приехав на мельницу, разгрузились, сдали зерно и разделились. «Помольцы» пошли на наш заезжий двор обмывать первый этап работы, муку им обещали только к вечеру завтрашнего дня. Борис пошел с ними, так как упускать такой момент после целодневной тряски поперек пашни на морозе он просто не имел права. А я, отцепив

возле мельницы будку, поехал с санями и с прорабом на лесоторговую базу. Мельница находилась в старом городе, а база возле станции Орск, это в нескольких километрах от города в северо-восточном направлении. Пока приехали на базу, совсем стемнело, но там нас ждали. Договорились, что мы поставим трактор с санями под погрузку, утром доски погрузят, сделают из тех же досок обрешетку, а сверху мы потом уложим мешки с мукой.

Известно, что многие прорабы в нашей стране любили выпить. Наш не был исключением. Я сидел в сторожке с охранником базы, а прораб с руководством «обсуждал» деловые вопросы. Мне надо было добираться до заезжего дома, возле реки Урал. Это через весь старый город до моста. На мои неоднократные напоминания о том, что надо идти, и прораб, и его собутыльники отвечали, что я егце молодой и везде успею, а трамвай со станции в город ходит до часу ночи.

Прошло несколько часов. Из конторы вышел какой-то довольно крепкий на вид пожилой мужчина и позвал меня. Картина, которую я увидел, меня не очень обрадовала. В кромешном табачном дыму за столом, уставленным пустыми водочными бутылками и консервными банкам, спали — наш прораб и еще двое.

Мужик, что меня позвал, начал искать, что бы мне налить, но не нашел. «Слабаки, — махнул рукой в сторону спящих и добавил, — пошли со мной, я как раз иду в сторону вокзала, там сядешь на трамвай».

ВЫПЕЛИ на улицу. Мороз сильнейший, луна полная, снег так и сверкает и скрипит на всю улицу под ногами.

Дошли до перекрестка, прямо, метров триста — вокзал, направо — дорога в город и трамвайный путь. Мужчина показал в сторону вокзала и ушел влево, бросив что-то вроде «До завтра». Я пошел в указанном направлении.

Постоял на кольце, где трамвай разворачивается. Замерз после печки в сторожке. Какой-то железнодорожник проходил мимо, сказал, что последний трамвай ушел час назад.

Что делать? Идти на вокзал? Там холодно, а я не ел еще с обеда. Нет, пойду все-таки на заезжий двор. Здесь километров шесть, по шпалам за пару часов дойду.

Одет я был в ватные брюки, валенки, а сверх модной в пятидесятые годы вельветовой курточки с молниями на мне была так называемая «москвичка», полупальто на вате с отложным меховым воротником и боковыми карманами.

Конечно, идти по безлюдной степи после часа ночи не очень приятно, но надо. Не скажу, чтобы я сильно боялся чего-то или кого-то, но приятного было мало. Несмотря на рассказы об орском жулье, а в этом напичканном всевозможными промышленными предприятиями городе пролетариев хватало, и ни с какими коллегами из других стран они соединяться не собирались, я как-то не представлял себе такой угрозы, хотя мне только четыре месяца назад исполнилось шестнадцать.

Конечно, было подспудно какое-то опасение. Ведь под ватными брюками у меня были поддеты обычные, в кармане которых лежали 2500 рублей на баян... Это как-то беспокоило, но не таге, чтоб рк очень.

Иду я по шпалам, от снега глазам больно. Скрип снега под моими валенками, наверное, и в городе был слышен. Постепенно согрелся. Вот уже до крайних домов — с полкилометра, настроение поднялось. И вдруг... Кажется, прямо из-под земли метрах в пяти по ходу вырос черный на белом, огромный, как мне показалось, мужчина. Я не успел сбавить ход, и через пару секунд мы стояли лицом к лицу. Был он головы на две выше меня, сутуловатый, с продолговатым лицом потенциального уголовника. Я поневоле остановился. Он протянул ко мне руку, как бы незаметно щупая и переминая пальцами полу моей «москвички», и выдохнул: «Закурить есть»? Я в то время курил, но за день закончил все свои папиросы и спички. «Нету, говоришь? — хриплым голосом повторил он, и добавил. — А ну, Шкет, обшмонай его». Я скосил глаза туда, куда высокий обращался. Там, в метре от меня, стояли еще двое, видно, под мостом прятались. Один примерно с меня ростом, второй повыше. Тот, которого называли Шкетом, быстро пробежался по моим карманам — ничего. «Может, пришить его?» — спросил у высокого. «Не надо, — прохрипел тот, — ему еще коммунизм для нас с тобой надо построить». Потом еще раз внимательно посмотрел на меня и добавил: «Снимай свое барахло, а ты, Шкет, переодевайся». Мы со «Шкетом» обменялись верхней одеждой, я отдал ему свою «москвичку», а он мне тонкое демисезонное пальто. Пока мы переодевались, двое высоких двинули в сторону вокзала, третий побежал их догонять, а я стоял на ватных ногах и не мог двинуться дальше. Все произошло в каких-то пять минут, но выходило из меня долго. Наверное, через час я пришел на заезжий двор. Меня знобило, может, пальто было тонкое и холодное, может, и что-то другое холодило.

Когда удивленная хозяйка включила свет, я отошел немного и осмотрел, на что обменял свою испачканную в мазуте, тяжелую, как броня, «москвичку». Лихие ребята, видимо, приняли ее за кожаную. Она задубела на морозе и блестела не хуже, чем новая кожа. Пальто было коричневое, потертое, но еще приличное для наших мест. Я его потом Забавину отдал в обмен на что-то. Но самое интересное, что в боковом кармане пальто лежали... сто рублей, еще пятидесятых годов.

Конечно, «Шкет» явно расстроился, когда увидел, из какой «кожи» моя куртка, и что его сотня в пальто осталась, но не я же обмен придумал. Пусть простят и мне, и себе этот грех.

И действительно, может быть, и грех, но, повторяю, я вспоминаю тот случай с какой-то внутренней благодарностью и к судьбе, да и к тем людям, кто бы они ни были. Им ничего не стоило сделать мне что-то плохое, уверен, что у них было и чем. Но они не сделали, так как совсем другой менталитет тогда был у всех наших, даже опустившихся по разным причинам людей. Видимо, еще и потому, что они все еще оставались людьми. Не теми, кто сегодня убивает детей, стариков и женщин, далее безо всяких причин.

Вот такой мелкий случай из нашей прежней жизни. Можно сказать, судьба или не судьба.

А баян я тогда все-таки купил, и с тех пор не расстаюсь с ним.

По диалектике добро порождает зло. И все же, диалектике назло, надо делать добро — и людям, и всему живому. Может, и судьба тогда к нам будет более благосклонна.

ДВОЕ СУТОК КОМАНДИРА ВЗВОДА

Начало шестьдесят второго года. Еще впереди были летний бунт шахтеров в Новочеркасске, осенний кризис в Карибском море, повышение в зиму цен на сливочное масло (с 2,80 до 3,50 руб.), а также проблемы с хлебом, мукой и прочими производными от зерна. А в начале весны все вроде бы было нормально, люди трудились, ждали и на что-то надеялись.

Я тогда служил командиром взвода в одной из инженерных частей, специализирующейся в основном на строительстве и оборудовании ракетных баз и точек, но выполнявшей иногда и другие разовые поручения командования. Часть наша была небольшая (500—600 человек), мобильная, больше года-двух на одном месте не задерживалась в силу своей специфики. В то время, о котором пойдет речь, мы выполняли одну важную работу для Криворожской дивизии, которая готовилась к генеральной проверке и нуждалась в кое-каких модернизационных преобразованиях.

Во взводе у меня были отличные ребята, костяк составляли бывшие шахтеры из Луганской области, были и из других мест Союза, но, повторяю, ребята были, что надо, во всех отношениях, взвод жил одной семьей в сорок человек и постоянно лидировал по всем показателям — как в пределах нашей части, так и в масштабе всего округа. Ко всему прочему, я был еще и комсоргом роты, а с уходом комсорга части (освобожденного) на учебу, на меня навалилась вся комсомольская работа части.

Как раз в это время проходила окружная комсомольская конференция. В силу ранее сказанного, меня избрали на нее делегатом. Вторым от нашей части был Коля Панченко, сержант, командир отделения из моего взвода. Сейчас это может показаться невероятным, но тогда на конференции я, как командир одного из лучших взводов Киевского военного округа, попал в президиум, три дня просидел рядом и даже общался с довольно известными в стране людьми. Я сидел во втором ряду. Прямо передо мной — непоседливый, юркий герой Сталинграда генерал-полковник А.И. Родимцев, дважды Герой Совет-

ского Союза. Правее — невозмутимый, не проронивший за эти три дня ни слова — А.И. Покрышкин, трижды Герой. Левее сидел ПК. Кошевой — генерал-полковник, командовавший в то время округом

В первом ряду, что ни фамилия, то знаменитость. В такой обстановке как-то очищаешься и поднимаешься даже в своих глазах. Забываешь, как из года в год наша часть живет в палатках, где зимой волосы примерзают к брезенту, а под подушками прячутся мыши, летом нечем дышать, а весной и осенью все полы, тумбочки и сапоги завалены лягушками. И это в части, которая день и ночь что-то строит, а себя обустроить не может, не успевает при перемене мест.

Короче говоря, после такой «зарядки» я поехал в Тирасполь. Когда замполит, майор Истомин, выписывал мне командировочное удостоверение, я попросил у него разрешения на несколько дней заехать в Слободзею. Там у меня семья, на дворе весна, может, чем-то помогу. Майор ко мне хорошо относился и дал срок в 10 дней: три дня, мол, будет конференция, пару дней на дорогу туда-сюда, а пять дней для нелегальной побывки дома.

Стандартно предупредил, что командировка у меня в Киев, а не в Молдавию, поэтому если вдруг кто задержит, выкрутишься сам, но лучше не создавать себе проблем. Все прошло нормально, и к указанному сроку я был в Кривом Роге. Дома побывал, но того, что планировал, — не сделал, так как несколько дней шел дождь, и на огороде грязь никто не месил. Но крайней мере дома побывал, и то хорошо.

С собой в часть я вез чемодан с «гостинцами», в том числе литров десять доброго домашнего вина. Этот проклятый мною чемодан я тащил ночью часа четыре через весь растянутый на много километров шахтерский город, и где-то часов в шесть утра был на КПП дивизии. Там от дежурного узнал ошеломляющую новость: пока я отсутствовал, наша часть по какому-то срочному приказу покинула территорию дивизии и куда-то уехала. Для меня это известие было убийственным — денег ни копейки, знакомых никого. Куда ехать, не знаю. Плюс бессонная ночь и «протаскивание» через весь город «гостинцев».

«Все уехали?» — спрашиваю у дежурного. «Вроде бы все». Ну, куда мне деваться? «Знаешь, — говорю дежурному, — здесь недалеко от КПП, в недостроенном бассейне, мы оборудовали комнату под ротную каптерку. Там были нары, может, что-то осталось Я пойду посплю, а там видно будет». Дал дежурному бутылку вина, и он даже помог мне донести вещи до стройки. Уже рассветало, измученное

тело болезненно гудело, в голове рой мыслей — как быть дальше? И вдруг — о, радость! На втором этаже долгостроящегося бассейна, из трубы, которая выходила из установленной нами в каптерке печки-«буржуйки», шел дым. Значит, кто-то там есть! Часть наша три дня как уехала, не мог же огонь гореть в печи все это время.

Я сказал об этом дежурному. Он ответил, что, возможно, кто-то из солдат дивизии балуется. Рядом за забором был кирпичный завод, там круглосуточно смены работают, много девчат, так что все может быть... Ну, что будет, то будет, стучу в массивную из грубых горбылей дверь. И тут вторая радость — слышу хриплый голос старшины нашей роты Коваленко: «Який там ... домыться?» Неприятный голос неприятного старшины был для меня бальзамной музыкой. Раз наши здесь, значит, будем жить. Я поблагодарил дежурного, и он ушел довольный, что избавился от дополнительных проблем со мной. Раскрылась дверь, в проеме — старшина в трусах, со свечкой в руке. Посветил на меня: «А, цэ ты, Вася, ну, слава Богу, а я тэбэ жду, жду, уже три дни тут сам дурию».

Старшина рассказал, что на второй день после моего уезда поступила команда срочно переезжать в другое место, где-то в район города Коростеня, какое-то срочное дело. В течение трех дней три роты и первый взвод (мой взвод) нашей роты вместе со штабом уехали, а два взвода нашей роты, восемьдесят человек, оставили на месяц, чтобы закончить отдельные монтажные работы. Командир нашей роты теперь сам хозяин, имеет чистые бланки отпускных билетов, командировочных удостоверений, записок об арестовании, увольнительных и маршрутных листов и, чувствуя себя командиром части, последние три дня в ее расположении не показывается. Живет вместе с замполитом в городе, у каких-то женщин. Пьют там, и на том их служба обрывается. Командиров 2-го и 3-го взводов нет в наличии — один не приехал из отпуска, второй лежит в госпитале. Старшина за пятерых отдувается, и дошел до истерики (по его словам).

Все это он мне выложил в течение получаса, пока мы с ним и каптерщиком (моим тезкой) завтракали, чем Бог послал. А так; как он послал через меня много гостинцев, то мы их и попробовали. Домашнее вино из Слободзеи старшине понравилось с первой кружки, и он, опрокидывая в себя очередную, кричал и говорил: «Да, давно я нэ пыв такого доброго вына!»

После трех или четырех бутылок я сказал, что больше не могу и лягу немного отдохнуть, а потом пойду искать способы уехать вслед за нашей частью к своему взводу. И тут Коваленко взмолился: «Вася, я тэбэ ждав, як того архангэла. Мэни надо, кров из носа, до дому поихаты, в Полтаву. Жинка письмо прислала. Е там проблэмы. Я на пару днив съизжу. Бо я тут скоро здурию». (Наша часть формировалась в Полтаве, поэтому основная масса офицеров и сверхсрочников имели там семьи). Мы с Коваленко уже пару лет вместе служили, и я не мог его не выручить, только спросил: «А как же командир, отпустит?» «Та пишов вин в однэ мисто, я ж тоби кажу, шо я ны иого, ны замполита уже тры дни нэ бачив, с того дня, як штаб уихав!» — простонал старшина. Ну что делать? «Ты когда хочешь ехать?» — спрашиваю. «А прямо зараз, а то ще ти ... заявлються, тоди вже нэ уйду!»

Он оделся, взял с собой два полных вещмешка с чем-то, а так как до автостанции путь был не близкий, то попросил меня проводить. По дороге он все клял нашего командира роты, «который за пьянкой и бабами забув за всэ». На станции мы около часа ждали автобус на Днепропетровск, а чтобы не терять время, растроганный старшина пригласил меня в привокзальное кафе обмыть его отъезд. Сопротивляться было бесполезно, хотя мне хотелось быстрее посадить его в автобус и распрощаться. Сделал я это лишь через полчаса, предварительно обцелованный и обслюнявленный отъезжающим в самовольный отпуск старшиной.

Вернувшись на территорию дивизии, я отправился в роту. Мы квартировали на втором этаже одной из казарм. Была суббота. До обеда — рабочий день. После обеда — баня. Нашел каптерщика (это вроде как заведующий ротным складом), дал задание готовить смену белья, прошелся по казарме. Кругом грязь, койки не заправлены, на тумбочках местами нет дверей. Нет даже дневального — заходи и выноси, что хочешь. Дежурный по роте, оказывается, пошел на почту, а единственный дневальный — спит. Я его поднял, заставил убираться, а сам зашел в ротную канцелярию, чтобы осмотреться и составить план дальнейших действий в новой для меня должности — ответственного за все.

В это время зазвонил телефон. Ну, кто мне может звонить? Взял трубку. Дежурный по дивизии передает приказ генерала, командира дивизии — командиру роты срочно явиться к нему. Я сказал, что ни командира, ни замполита нет, и положил трубку. На улице пошел

дождь, я сидел и размышлял над ситуацией, но минут через десять после звонка в канцелярию буквально влетел капитан — дежурный по дивизии. Узнав, что я здесь всего один, он сказал, что, как начальник гарнизона, командир дивизии приказал доставить ему старшего прикомандированной, как он выразился, «банды». Штаб дивизии — через большой плац. Пришлось подчиниться и пойти. Зашел — доложил. «Кто ты такой?» — заорал генерал. Я доложил еще раз. «А где командир роты?» Я говорю: «Не знаю». «Врешь!» Я точно не знаю и объясняю, почему. «Вот что, слушай меня внимательно, — начал генерал, — у меня завтра начинается инспекторская проверка. Приезжает Чистяков, главный инспектор Советской Армии, а ваши бандиты разложили уже всю дивизию, живут на центральной территории, ходят грязные, без погон, никому чести не отдадут и никого не признают. Дурной пример заразителен, и уже наши солдаты начинают делать то же самое. Дальше я терпеть такое не намерен, поэтому сейчас к вам подойдут машины, грузитесь, и чтоб до вечера духу вашего здесь не было! Переедете в казарму разведроты на берегу Ингульца, а они переедут на ваше место. И смотри у меня!»

Я вернулся в казарму. Дело шло к обеду. Начали подъезжать с работы солдаты. Обед, баня. Восемьдесят ребят, которые быстро привыкли к безвластию в роте. Нет ни одного командира, один старшина, да и тому все стало ненужным. Солдаты удивились, что я делаю в роте в то время, когда взвод уехал. И сперва не очень-то оперативно старались исполнять мои требования. Но это недопонимание было быстро устранено. К двум часам пришли машины под погрузку. Я занялся ее организацией, что было не так просто, так как две трети личного состава улизнули в город, а те, что остались, домывались в бане и меняли белье. Нет необходимости рассказывать, как удалось со второго этажа под проливным дождем, да за короткое время перебросить все ротные и личные вещи. Но к двенадцати ночи я все же привез последнюю машину и зашел в наше новое ротное жилище. Это была старинная, еще с царских времен, казарма с метровыми каменными стенами, как после выяснилось, бывшая конюшня. А с послевоенных времен в ней квартировала вольнолюбивая и элитная рота дивизионной разведки.

Отпустив последнюю машину, я вошел в казарму. И тут случилось невероятное. Проходя по темному коридору, я услышал голос нашего командира роты, капитана Трофименко. По словам старшины, он уже

три дня не был в роте. О том, что мы переезжаем и куда, он знать не мог, в самом переезде не участвовал, как же он здесь оказался? Я нащупал дверь, откуда доносился голос ротного, толкнул — закрыто. Постучал. Голос капитана: «А ну, открой». Дверь распахнулась. Моему взору предстала довольно экзотическая картина: на полу небольшой пустой, без мебели, комнаты лежали семь человек. Пятеро чужих заросших грязных солдат, как выяснилось — грузин, не знаю, из какой части, и два наших «героя-командира» — капитан Трофименко и замполит роты, старший лейтенант Седов.

Раскрыв от удивления опухшие от многодневной пьянки глаза, капитан закричал: «Вася, ты откуда? Это мой лучший командир взвода», — обратился он в сторону собутыльников-солдат.

Рядом лежала наполовину пустая кислородная подушка с грузинской чачей (виноградная водка, довольно крепкая). «Налей ему», — обратился капитан к старшему на вид, заросшему солдату. Тот протянул мне кружку чачи и кусок маринованного огурца. Больше ничего съестного на полу, устланном какими-то агитационными плакатами, не было. Я ровно сутки назад вышел из вагона поезда, день был довольно сложный, обстоятельства свалились на меня всякими пакостями, одно за другим, поэтому, выпив залпом кружку чачи и откусив огурец, я напустился на капитана, высказал за минуту все, что о нем думал, и вышел из комнаты.

Вышел на воздух. Дождь, наконец, перестал. Постояв несколько минут, снова вошел в казарму. В коридоре полумрак. В самой казарме, разбитой на отдельные боксы еще в бытность ее конюшней, горела всего одна лампочка, от мокрых постелей шел пар. Хотел быстро пройти коридор, но сделать это оказалось непросто. Меня, оказывается, ждали. Ждали те пятеро солдат, что пили с капитаном. Пьяные, они обиделись, что я обругал их друга, капитана, ну, и решили наказать. Они отсекли меня от казармы и от выхода, окружив, постепенно оттесняли в угол. Посередине, с чем-то блестящим в руке, двигался старший. Я видел только их фигуры и слышал его голос «Ти на кто потянул»? «Ну, — думаю, — только этого мне еще не хватало за день!»

А ведь дело дрянь. Их пятеро, ребята здоровые. Пьяные и чужие. Речка рядом Никто еще меня здесь не видел. Так что всего можно ожидать. Потихоньку отступаю в угол. Полукольцо сжимается. Шутить здесь никто не собирается. «Успокойся, успокойся». Да куда тут успокоиться! Здесь могут успокоить навеки. И за что?

Когда они приблизились метра на полтора — решение рке было принято. Я мгновенно уперся одной ногой в угол, оттолкнулся и прыгнул горизонтально земле. Еще в школе по прыжкам с места мне не было равных.

Старший из подонков от моего удара головой отлетел на несколько метров в конец коридора и отключился, а я проскочил в казарму. Несколько ребят, к счастью не спали, разбирали вещи. Почувяв неладное, выскочили мне навстречу. Кто-то поднял еще несколько наших ребят. События развивались ускоренно, как в комедийном кино. Очнулся и поднялся сбитый мною солдат. Как раз в это мгновение из комнаты вышел капитан. И тут же получил удар от «пострадавшего» грузина. Он не понял в темноте, кто его ударил, и напал на «друга»-капитана. «Вася, — закричал капитан, — меня убивают». «А, — думаю, — вспомнил и обо мне!» Ну, ладно, те пятеро были сметены буквально за несколько минут, и больше я их в жизни не видел. Поблагодарив ребят, хотел, наконец, пойти спать, но не тут-то было. Оклемавшийся капитан вместе с замполитом начали ходить по боксам, выяснять, как рота оказалась здесь без приказа командира и т. д. Если кто-то из солдат огрызался, замполит хлестал его подобранной где-то резиновой оболочкой от кабеля, а капитан, отвешивая тумаки направо и налево, демонстрируя знание русских матерных оборотов, одновременно раздавал подписанные командиром части бланки отпускных билетов, увольнительных и командировочных удостоверений. Кстати, восемь солдат, заполнив бланки, укатали на второй день в отпуск, предварительно, как после выяснилось, поставив капитану «магарыч», в виде трехлитровых банок самогона. Такой, видимо, была такса. Мы еще вернемся к этому вопросу, но чуть попозже.

Мне пришлось вмешаться. Забрав у капитана «балетку» (маленький чемоданчик с ротными документами), я буквально силой выпроводил их в ту комнату, где они пили, дал пару матрацев и уложил обоих спать. Организовав дежурство, пошел на основную территорию, в нашу каптерку. Каптерщик ждал меня там. Мы проверили, что и где из вещей ротного осталось на этой территории. Все имущество перевезли туда, куда нас определили, а тяжеленный сейф кое-как перетащили в каптерку. Сделали сверку по ротным спискам, вроде бы все нормально. Я налил по кружке вина, так как мои вещи были в каптерке, и хотел лечь спать. Но было уже начало пятого, рассветало, и я решил, что не стоит мучиться зря. Пошел в нашу бывшую казар-

му, еще раз все осмотрел, там лее побрился, умылся и к шести часам прибыл к новому месту расположения.

Решил поднять ребят часов в семь. Пусть отдохнут после такой ночи. Дежурный по роте доложил, что капитан с замполитом в пять часов встали. Капитану было плохо, он искал санинструктора, которого накануне два раза «опоясал» шлангом и облагодетельствовал отпускным билетом. Естественно, тот ночью ушел на вокзал и уехал домой на 10 дней. Капитан озверел и сказал, что он сделает из него сливной бачок, потом пошел отбирать отпускные билеты у тех, кто еще не уехал. Утихомирившись, капитан с замполитом ушли в город. Куда — неизвестно. «Ну, и, слава Богу, меньше проблем роте достанется», — подумал я.

В семь поднял роту, за час собрали койки, навели порядок в боксах, приготовились идти на основную территорию завтракать. Я их построил, пересчитал. Пятерых не хватает. Командиры отделений сообщают, что их и вечером не было. Наитие подсказывает — что-то сейчас произойдет, а что — не знаю, но неприятное. На всякий случай обошел казарму. С другой стороны тоже был вход, там какие-то прикомандированные жили, связисты или монтажники. Я попросил у их командира пять человек, как будто чувствовал какую-то проверку. И точно. Не успела рота тронуться на завтрак, как со стороны дивизии показалась серо-зеленая туча, движущаяся в сторону нашей «новой» казармы. По мере приближения меня все больше охватывала противная дрожь. Туча состояла из нескольких десятков генералов и офицеров. Посредине шел командир дивизии с каким-то незнакомым генерал-полковником. Рядом вышагивали начштаба дивизии, зам. по строевой и т. д. Короче, весь генералитет и штаб вместе с главным военным инспектором министерства обороны. Они стремительно приближались, рота стояла и ждала моей команды. Я молча смотрел на процессию и лихорадочно искал в голове причину столь представительного визита. Не находил А в том, что они шли именно к нам, я уже не сомневался. Повернул роту направо, доложил старшему по званию, генералу Чистякову. Прерывая меня, он разъяренно спросил: «Все здесь?» — и пошел к строю. Я подтвердил, что все мои 72 человека в строю, 8 в отпуске.

Минут двадцать инспектор обходил роту, вглядывался в лица, затем спросил у командира дивизии: «А где твой автобат?» «В лагере», — ответил генерал. «А еще кто есть в твоём гарнизоне?» Командир

дивизии извивался перед инспектором и пытался уверить того, что это (какую-то пакость) сделали солдаты не его дивизии.

«А еще есть инженерные части?» — спросил Чистяков. «В Апостолово», — ответил комдив. «Поедем в Апостолово», — бросил инспектор и сел в подошедшую «Волгу». Командир дивизии посмотрел на меня, как немецкий комендант города на пойманного диверсанта-партизана и с матами тоже сел в машину. Они уехали, а я повел роту на завтрак.

Как выяснилось позже, причина посещения нас столь высоким начальством была довольно прозаична. На рассвете московская инспекция вместе с командованием дивизии выехала в лагерь, чтобы к подъему быть там. Впереди шла двадцать первая «Волга» командира дивизии. На переднем сидении — Чистяков, а три местных генерала — сзади. В это же самое время один из наших солдат, весело погулявший всю ночь у девочек на кирпичном заводе, с очумелой от пьянки и бессонья головой, двигался в сторону нашего нового расположения. Заметив в тумане движущуюся «Волгу» и приняв ее за такси, он начал останавливать. Водитель, увидев солдата, — притормозил, мало ли что впереди. Наш боевик небрежно открыл правую переднюю дверь и так же небрежно произнес: «А ну, вылезь к ... матери!» Потом пьяный разглядел три звезды на генеральском погоне, сразу отрезвел и, закрыв дверцу, бросился бежать. Очнувшись, за ним бросились три местных генерала. Но у них были разные весовые категории. Солдат с перепугу просидел весь день в ремонтируемой печи кирпичного завода. А оскорбленный Чистяков, запомнивший его лицо, искал по всей дивизии. Погон у солдата не было, но висела одна петлица с эмблемой автомобильных войск.

Пришли с завтрака. Каптерщик подбегает: «Командир, там старшину нашего привезли, побитый весь, в каптерке лежит». Бегу на ту территорию — в каптерке старшина Коваленко, губы разбиты, один глаз черный, двух зубов нету. «Вася, — стонет старшина, — побылы мэнэ патрули-сволочи в Днепропетровски, забрали все и документы. Ты иды, найды их».

Документы я нашел у коменданта города. Он рассказал, что старшина по дороге в Днепропетровск заснул и никак не хотел выходить из автобуса, подрался с водителем. Тот позвал патруль. Он и с патрульными начал драку. Ну, его успокоили. Переночевал в комендатуре, а утром с оказией вернули в дивизию. Он уже «освежился» из моих запасов и хотел спать. «Лежи здесь и не высовывайся, я сам во

всем разберусь, тебя никто не видел, и ладно», — сказал я и опять поплелся в казарму. Сводил роту на обед. Вдруг вижу, на подходе к казарме — пятиместный ГАЗ-69. Подхожу — подполковник, начальник политотдела дивизии. Злой, аж слюна брызжет. «Это твой?» — спрашивает и вытаскивает из машины нашего очередного самовольщика. «Мой», — говорю.

Подполковник как понес! «Меня, фронтовика-разведчика, этот пьяный гад остановил на мосту, открыл дверцу и говорит: «Ты, салага-лейтенант, добрось меня до дивизии...» Мой сын старше него, а он залил глаза так, что уже подполковника от лейтенанта не отличает!» Ну, я пообещал применить к этому «гаду» самые жестокие кары, и на этом мы с комиссаром расстались. Солдаты разошлись по казарме отдыхать, а я присел на врытый у казармы в землю газовый баллон и задумался: «Ну, что же еще? Что? Давайте еще что-то!»

Накаркал. В четыре часа дня прилетел на машине дежурный по дивизии. Вручает мне приказ начальника гарнизона, то есть того же комдива: «Роте отправиться в расположение своей части. В 20.00 на станцию Кривой Рог будут поданы три товарных вагона. Два под личный состав и один под имущество. Отправление в 24.00». Дежурный, язвительно улыбаясь, добавил устно: «Генерал сказал, что найдет способ застрелить тебя, если ты не уберешь отсюда свою банду до полуночи. Машины будут в шесть часов», — и уехал.

Не буду утомлять читателя рассказом о том, как я доставлял и грузил в вагон вещи, как собирал по городу отпущенных в увольнение солдат, как получал сухой паек и т. д. Главное, к 23.30 все было собрано и погружено, включая побитого старшину. Не было только командиров и восьми солдат, уехавших в отпуск. Ждали отправки. И как всегда — неожиданность. На каком-то самосвале появился наш капитан. Обрюзгший, грязный, мятый, он сразу начал орать, проверять, ну и т. д. Сгрузил с машины несколько бутылей самогонки. Ровно в полночь мы тронулись в путь.

Солдаты ехали в двух оборудованных нарами вагонах, капитан, старшина, я и каптерщик — в вагоне с имуществом. Вагон был забит до крыши. Мы с каптерщиком расположились наверху на матрацах, капитан со старшиной — на пяточке, возле двери. Они вдвоем, втемную, сделали два «хет-трика», то есть оприходовали трехлитровую банку самогона и трехлитровую банку тушенки. Ребята они были малорослые, но объемные, места для их размещения было мало,

поэтому они сами не спали, да и нам не давали. А я уже и спать не хотел. Лежал и думал: «Веселое у меня возвращение из отпуска получилось. Двое суток вроде бы старался, но везде остался виноват. Может, лучше было бы опоздать на эти два дня? Ну, что бы мне было? И все же интересно, а что бы без меня здесь было?»

Мои мысли на рассвете прервал рев капитана: «Ты, алкоголик раздолбанный, где мой ботинок, как я теперь перед личным составом покажусь? А ну, разувайсь!» (Нога капитана на ходу просунулась в приоткрытую дверь, и ботинок с нее слетел. А может, и снял кто-то.)

«Ну, — думаю, — служба продолжается!»

СИЛА ПРИМЕРА

Расхожие выражения — «командиры впереди» и «делай, как я» имеют очень глубокий смысл не только в общечеловеческом, но и вообще в общебиологическом, в общежизненном, что ли, плане. Все живое, в силу эволюционное^{TM} и цикличности развития, нуждается в примере, учебе, организации, руководстве и управлении. Так устроена жизнь. Существование и необходимость сегодняшних лидеров, будь то президенты, руководители или командиры всех ступеней — все это уходит корнями в тех же вожаков муравьиных, звериных или птичьих стай, первобытных племен и т. п.

Даже «окультуренные» домашние животные (отара овец, табуны лошадей, гурт скота) без лидера-вожака становятся неуправляемыми и беспокойными. Кстати, в отличие от нас, людей, животные или птицы не признают вожаком слабого, трусливого или глупого сородича

Ну, это все философское, а в жизни, повторяю, сила примера лидера любого ранга имеет и будет всегда иметь значение, пока будут жить на земле хотя бы двое людей. Я никогда не соглашусь с заявлениями скептиков, особенно нынешних, что, так как все развалилось, то и люди разложились, и никаким примером или воспитанием их не проймешь. Кто так заявляет, независимо от его уровня, или глупый или враг. Человек — это самый дорогой, но и самый «высокоподатливый» к обработке материал. В силу наличия разума и при умелом (человеческом) к нему отношении, можно очень оперативно, даже мгновенно изменить практически любую жизненную ситуацию с его участием И сделать это может только человек-лидер, один или несколько. В этом случае необходимы ум, желание, воля и полезная целенаправленность.

Расскажу случай из жизни, характеризующий вышесказанное. Было это в шестьдесят втором году. Я служил в армии, в инженерных войсках, был командиром взвода. В одной из прежних былей я рассказывал о том, как, пока был в командировке, наша войсковая часть и в том числе взвод, которым я командовал, переехали в Коростень. Оставшиеся два взвода нашей роты должны были завершить мон-

тажные работы для Криворожской дивизии в течение месяца. Но в силу определенных обстоятельств были в течение нескольких часов буквально выдворены с территории дивизии начальником гарнизона. Что там случилось, читатель уже знает из рассказа «Двое суток командира взвода». А новая быль является как бы его продолжением.

Итак, после недельных мытарств по железным дорогам Украины, мы прибыли на станцию Ушомир, в нескольких километрах от крупного железнодорожного узла Коростень, что в Житомирской области. Нет необходимости рассказывать, как мы ехали эти семь дней. Но все-таки... Командир роты, капитан Трофименко, и старшина роты Коваленко, вливая в себя ежедневно трехлитровую (на двоих) банку самогона, уничтожили треть сухого пайка роты, и два дня нечем было кормить личный состав. В предпоследний день, когда мы более суток стояли на станции Казатин, ждали пока наши три вагона присоединят к какому-либо попутному составу, я договорился с руководством станции о разгрузке десяти вагонов щебня и пяти вагонов угля. За полученные деньги мы два дня кормились всей ротой. Причем, нехватку продовольствия я объяснил солдатам тем, что сухой паек нам дали на пять дней, а эта чертова железная дорога везет нас целую неделю. Не мог же я сказать им, что капитан со старшиной, закусывая солдатской тушенкой, выбирали из трехкилограммовых банок только мясо, а жир и желе вместе с банкой выбрасывали. А одна банка — это пятнадцать порций.

Побитый, в синяках и одном ботинке, старшина не выходил из вагона на всем пути следования, выскакивая только по ночам по естественным надобностям. Капитан несколько раз выбирался на воздух, подходил к вагонам с солдатами, но, кроме матов, угроз и обещаний с ними разделаться, от него нельзя было ничего услышать.

Как бы то ни было — мы доехали. Было начало апреля. День такой чудесный, трава молодая блестит на солнце.

Небритые, мятые, полуголодные солдаты с радостью высыпали на рампу. Нас ждали командир и замполит. Стояло несколько грузовых машин. Я подошел к замполиту, майору Истомину, хотел доложить, все-таки почти три недели не виделись, но он махнул рукой: «Ладно-ладно, мы в курсе. Мне звонил из Кривого Рога начальник политотдела дивизии, мы с ним давно знакомы, рассказал многое. Ты — молодец, не посрамил честь политработников, да и меня не подвел. Садись в мою машину, по дороге поговорим. А с ротой есть кому за-

няться. Командиры 2-го и 3-го взводов тоже приехали, еще раньше вас. Твои ребята работают, передавали тебе привет. Ждут. Да и мы тебя ждали...» Чувствовал, что Истомин что-то не договаривает, ну да ладно, главное — эти девять дней кошмара позади.

Приехали в часть. Хотел сразу пойти к ребятам на стройку, но замполит сказал: «Ты пойди пока обустройся сам, найди свои вещи, определись с местом, пообедай, а потом приходи в штаб, командир хочет с тобой поговорить». Я не стал ничего выяснять, но опять появилась та проклятая дрожь. Чувствую, что опять что-то недоговаривает. Самая лучшая для меня новость — это когда нет новостей. Всегда, как новость — так какая-нибудь пакость.

Предчувствия оправдались. После обеда, побритый, помытый и выглаженный, я явился к командиру. Подполковник Забуга Петр Васильевич был неплохим командиром, хотя и шестым у нас по счету за время моей службы. Он не был дипломатом. Он был простым, грубоватым и по-крестьянски прямым.

Поэтому сходу заявил: «Ты чув про таку Валентину Гаганову?» Я сразу понял, куда он клонит, и сказал, что слышал и читал об этой женщине, как она из передовой бригады перешла руководить в отступающую.

«Так тут понимает, такэ дило, — начал «петлять» дальше командир части, — там, дэ вы сьогодни сгружалысь, може бачив, ветка идэ вливу, вона идэ на нафтабазу, военну, що в лиси. И на цией же ветки, коло сэла Веселовки, тилько с другой стороны, УНР (управление начальника работ) организовало ЦМС (центральный материальный склад). Там собираеця всэ, шо надо для всех строек цього куста. Цэ як сэрцэ. Бэз материалив нэма стройкы. Мы туда возылы на роботу одын взвод с трэтеи роты. Взводный там молодой лейтэнант, ты його нэ знаеш, вин тильки прыйшов з училища. Пацан нэ плохой, но та банда, ты их знаеш, его нэ празнуе. Як в сэло заявляюця — пьють, всэ продають — цэмэнт, лис, звестку, та всэ пидряд. А робыты — нэ роблють. Всю ветку забылы вагонами! Стоять дэсь с двадцять тильки с цэмэнтэ, та ще штук тридцять, с чим хочеш. Вжэ дивать нэма куда, отчипляють в Ушомири, а на нафтабазы горюче кинчаеця, а завэзты не можуть! Мы тут с замполитом подумалы-подумалы, твий взвод работав як ти часы с добрым мэханизмом — тильки в нужный час заводь, так можэ тэбэ туды послать?»

«С моим взводом?» — спросил я. «Та ни, твои тож яки мастера! А на работы по складу и ти бандюги способни. Тильки як их заставить?» — вопросом на вопрос ответил Забуга.

Посмотрел на обоих и понял, что они собственно давно все решили, но играют со мной в патриотизм, зная, что я соглашусь. Соглашусь по судьбе, так как спокойная, размеренная, зарегламентированная жизнь и я — это очень далекие друг от друга и несовместимые понятия.

«Мы думаем, — заговорил уже замполит, — что лучше будет, если ты со взводом поселишься прямо там, возле склада. Потому что перевозка со всеми подготовками занимает часа три в день, еду в обед мы все равно возим, в общем, одни проблемы. А если будете там, можно это время лучше на работу использовать. Я думаю, ты сумеешь их организовать. Того лейтенанта там оставлять нельзя. Мы ему дадим твой взвод, и пусть учится. А ты и из тех сделаешь что-нибудь путевое. Будешь там за начальника сельского гарнизона. Учить, что и как, тебя не надо. Возьмешь из клуба баян и радиолу, чтобы не скучно было. Я распоряжусь. Еду будем возить три раза в день. У тебя будут два автокрана — МАЗ «К-61» и ЗИЛ «АК-75», два самосвала и одна машина для людей. Она будет доставлять еду, возить в баню, ну и так, куда надо будет, — в санчасть, белье заменить. Взвод — тридцать пять человек, все из тех, «обменных», есть разные ребята, да сам увидишь».

«А когда все это?» — спрашиваю с какой-то непонятной надеждой. «Сьогодні! Зараз! — отбросил все церемонии Забуга, — ще пару днів, и мэнэ за цэй чортів ЦМС в Кыйв вызвуть!» Я сказал, что все понял, и спросил, с чего начинать. Забуга ответил, что приказ у начальника штаба. «Зайди к нему, и вместе идите в третью роту, объявите приказ «той банде», а после собирайте вещи и грузитесь на вечер, чтобы часам к восьми утра уже быть на складе. Завтра суббота, обустроитесь, и сразу за работу. Немедленно, так как УНР платит бешеные деньги за простой почти двух составов, да и вообще надо сверхсрочно освободить ветку на спецнефтебазу».

Здесь необходимо сделать, как говорят сегодня, «рекламную паузу» по поводу того, почему командир называл тот взвод, да и всю третью роту «бандой». А дело было так. Когда наша сформированная в Полтаве часть переехала в город Ахтырку Сумской области, а затем на время в Кривой Рог, на месте ее дислокации в Полтаве, в порядке эксперимента (тогда тоже были эксперименты!) образовали новую во-

исковую часть, куда со всего Киевского военного округа собрали весь «цвет» или точнее всю плесень, всех тех, кого надо было отправлять в дисциплинарный батальон или тюрьму — пьяниц, дебоширов, воров, постоянных самовольщиков и т. д. Все они служили по третьему году — «старики», и чтобы не снижать общие окружные показатели и не «рассовывать» их по тюрьмам и дисбатам, решили собрать вместе, в один строительный батальон, и общими усилиями как-нибудь «дотянуть» их до увольнения в запас, то есть до осени.

Затея оказалась напрасной. Собранные из разных родов войск, они носили каждый свои эмблемы, с первых дней пропили все обмундирование и ходили, кто в чем — в кедах, спортивных костюмах, небритые, немые, никем не управляемые. Две роты из них сделали механизированными, дали новые машины, другую стройтехнику, а две — чисто строительными. Те, кто получил технику, — днями под разными предлогами стояли на ремонте и «обслуживании», а по ночам «калымили», то есть зарабатывали левые деньги.

Строительные роты жили два месяца примерно так: утром старшина приоткрывал дверь и кричал: «Рота, подъем!» Затем быстро закрывал, так как солдаты бросали в ответ все, что попадало под руку, — сапоги, кружки. Старшина, не желая рисковать, захлопывал дверь и сразу уходил, считая свою миссию на сегодня исполненной. Дальше все шло по одинаковому сценарию — один из бригады (или провинившийся, или проигравшийся, или по очереди, не суть валено) часов в девять вставал и шел в столовую. Там он брал чайник с чаем, сахар, хлеб и масло на бригаду (отделение). Если была рыба или мясо, то брал их и нес в казарму. К его приходу все вставали и на койках и тумбочках пили чай с бутербродами. Потом одевались, умывались и к часу шли на обед. Каждый сам по себе. После обеда сверяли график, кому сегодня идти в город, так как комплектов гражданской одежды было человек на 15—20. Те, кому подходила очередь, — срочно одевались и уходили, а остальные опять заваливались на кровати до рюкзана, находясь в приятном предчувствии очередного — завтрашнего или послезавтрашнего выхода в город.

Вот так они и жили два первых месяца шестидесят второго года. Стройбаты были на хозрасчете, то есть все — и обслуживание, и питание, и белье, и даже баня и другие услуги для них были платными. Учитывая их двухмесячное бездействие, каждому из них в арифметической прогрессии стали предъявлять долг перед Родиной, в са-

мом реальном денежном смысле. Счет пошел на сотни рублей. Батальон стал разносчиком заразы — не управляемой и, на этой основе, преступной вольности.

Об этом периоде их жизни можно было написать немало умеренно детективных историй, но у меня цель только рекламная, так что не будем вдаваться в детализацию этого процесса разложения. Скажу только, что часть наиболее предприимчивых солдат пережилась на полтавчанках, часть устроилась на работу на мясокомбинат (он был рядом, за забором), часть на станцию грузчиками и т. д.

Естественно, слухи о провале эксперимента дошли и до Киева. В Полтаву срочно выехал заместитель командующего округом по строительству и расквартированию войск, генерал-лейтенант Зайцев. Первым, кого он встретил на проходной, был экзотически выряженный солдат, в кедах, в оранжевой куртке дорожного рабочего, в клетчатой фуражке и с рыжей по контуру лица «прибалтийской» бородой. Он тут же протянул генералу руку и сказал: «Ты, наверное, большой начальник, так глянь, в чем я хожу, — и показал на рваные кеды, которые подобрал на мусорке. — Это что за армия?» Генерал, почерневший от возмущения, не стал даже заходить в штаб, развернулся и уехал в Киев. Через день появился приказ о расформировании «экспериментальной» части. Но командование не собиралось возвращать этот сброд по месту прежней службы, а тем более, отправлять в дисбаты. Было принято решение о замене. То есть, к примеру, у нашей части взяли целую роту осенью призванных молодых солдат, а вместо них дали роту из «экспериментальной» части. И таким путем провели реорганизацию, переложив все проблемы до осени на наши плечи.

Наша третья рота была на 90% укомплектована, как сказал Забуга, из тех «обменных бандитов». Когда мы стояли в Кривом Роге, я был в составе группы командиров, выезжавших во главе с начальником штаба в Полтаву по обмену. Нам дали 100 человек, мы их вместе с командованием той «экспериментальной» части пять дней «отлавливали» по всей Полтаве. Троих не нашли, а девяносто семь все же доставили к себе в распоряжение.

Переброска их из Полтавы в Кривой Рог достойна отдельной повести. Скажу только одно: пока мы их везли, наша, уменьшенная на 100 человек часть, тщательно готовилась к встрече и, конечно, достойно встретила «стариков-новобранцев». Их пропустили «сквозь строй» в буквальном смысле, раздев догола, отобрав все тельняшки, свитера,

куртки, кеды, кастеты, ножи и т. д. Их вежливо-принудительно постригли, побрили, помыли и переодели, а потом уже покормили организованным торжественным обедом Расселили, выдали новое белье. Но упорядоченная стадность для них уже была дикостью, и в первую же ночь две трети из них ушли в самоволку, в чужой город.

Я так пространно прокомментировал суть командирского слова «банда», чтобы читателю стало ясно, с каким контингентом мне предстояло иметь дело в командировке на ЦМС.

Майор Истомин, понимая мое состояние, похлопал по плечу и с заметным сожалением сказал: «Ты прекрасно понимаешь, что другого выхода у нас нет. Или мы запускаем склад в работу, или «запустят» в работу нас с командиром. Думаю, выбирать не из чего. Постарайся, Вася. Эта братва уже месяц как у нас, но пока толку никакого. Отрывать специалистов от такой важной стройки мы не можем, так что надеемся на тебя. В случае чего — поддержим. Я на тебя надеюсь. Посмотри, там не все отпетые подонки, но будь осторожен. Они здесь неуправляемы, в части, а что будет там? Действуй по обстановке».

«Сколько труда вложил в своих ребят, — думал я, — мечтал довести их до дембеля, так нет, все с начала. Да еще какого начала. Начала без видимого конца».

Часа в четыре меня представили взводу. Их командир, лейтенантик из Москвы, чуть не упал от радости, когда услышал, что ему дают мой взвод, а его — переходит ко мне. Солдаты, видевшие меня только при их транспортировке из Полтавы и практически не знавшие, скептически меня разглядывали, не слушая, что я им объяснял. У меня это традиционно — из-за трудностей с речью. Меня всегда принимали вначале без особого восторга. Всегда, где бы я ни появлялся. Зато расставались всегда с другими чувствами. Я это знал и не обращал внимания на их иронию и скептицизм. Разберемся.

На следующий день с утра мы были на складе. Метрах в 200 от склада, буквально между предпоследним и последним домами по крайней улице села Веселовки, в зарослях орешника я выбрал место для расположения взвода. «Окопались», поставили три палатки, по количеству отделений, расчистили площадку для построения и для «столовой». Затем я их построил, что им было в диковинку, и сказал, что мы отныне живем здесь, никто никуда без моего разрешения не уходит. Будем работать на складе и делать то, что надо. От имени

командира части назначил новых командиров отделений. Я присмотрелся к ребятам и подобрал в каждом отделении вместо «авторитетов» других командиров.

Сделал я это намеренно, даже не поговорив предварительно с кандидатами, чтобы увидеть реакцию бывших командиров. Они отнеслись к «разжалованию» довольно спокойно, видимо уверенные в том, что все это блеф, и победа все равно будет за ними.

Привезли обед. После обеда я повел всех на склад знакомиться и с заведующим, и с фронтом работ. А он был действительно впечатляющим! Двадцать вагонов цемента, три небольших с известью-пушонкой, вагон алебаstra Лес, битум в рулонах, доски, какие-то станки, окна, двери. Два состава на всем перегоне. Заведующий, подполковник в отставке, чуть не плачет; «Давай, командир, выручай, строители скоро просто убьют меня, все стройки стоят, а это же не простые стройки. И главное — цемент, цемент! В сбитый из горбылей цементный склад вмещается 1200 тонн, он пуст со дня его постройки. Грузились с колес, а вот уже две недели все стоит. Ваши неделю ездили, пропили пять окон, несколько дверей, машину цемента, а ничего не сгрузили. Делайте что-нибудь!»

Прошлись по территории — чего там только нет! Все разбросано. Некому работать — один завскладом, да трое сторожей. Я спросил, сколько стоит выгрузка вагона цемента рассыпного. «Восемнадцать рублей», — ответил заведующий. «И все?» «Да. И все». Не густо, но такие рк расценки. Вагоны — по 60 тонн. Пошел в палатку, начал думать. Собрал ребят, объяснил ситуацию. «На цемент не пойдем», — заявили в ответ. Тем более, они знали, что на станции Ушо-мир, в двух километрах от склада, сельпо платит за вагон по 100 рублей в мешках, а тут россыпью за 18! «А если и нам по 100 будут платить — разгрузим?» «А хоть по пятьсот — выгружайте сами, нам дорога жизнь, и плевать на все наши накопившиеся долги перед государством».

На том переговоры закончились. Но что-то надо было делать. Что? Когда беседовал с завскладом, по его обильному склеротическому румянцу на лице понял, что ничто человеческое ему не чуждо, и решил с ним посоветоваться.

Но до этого постучался в крайний дом. Жили там в то время Белошицкие, Петр и Ольга, с двумя детьми. Познакомились. Я достал три рубля и говорю: «Тетя Оля, мне надо с одним человеком пере-

говорить, если можно — у вас. Надо найти три бутылки самогонки, на всякий случай. «Та нэхай будэ, нэхай прыходять», — согласилась приветливая хозяйка. Тогда я пошел к завскладом Обсудили ситуацию, и я пригласил его в гости. Он пришел.

После трехчасовой беседы под самогон мы согласовали калькуляцию на разгрузку вагона цемента. Подогнали расценку под действующую на станции — в 100 рублей. Я все-таки имел рке определенное строительное образование, так что калькуляция была сделана на хорошем квалифицированном уровне. В процесс входила не только разгрузка, но и троекратное перемещение (перекидка) по складу, которое имело место, но в расценку не входило, перелопачивание, где-то около пяти-шести видов работ. Разработав, расписав и сделав все необходимые калькуляционные расчеты по цементу, извести и алебастру, мы добавили еще по бутылке, тем более что тетя Оля принесла неплохую закуску, и, довольные друг другом, разошлись.

Я снова собрал взвод и объявил новые расценки на разгрузку. В ответ получил то же, что и раньше — «Лес, доски, мешки будем выгружать, а цемент и известь — ни за что, ни за какие деньги». На том день закончился. Правда, к ужину выписали на складе доски на нары, столы, скамейки и уже ужинали, как люди, — на столах, а не на корточках.

Вечерело. Завтра Пасха. Со стороны станции Ушомир доносится колокольный звон. Там рядом, за станцией, село Белошичиха, ныне Щорсовка. Там церковь, а в Веселовке ее нет. Завтра будут святить пасхи. Это все я узнал, пока был у тети Оли. Она как раз пасхи петела и яйца красила, пока мы там с завскладом калькуляцией занимались.

Кстати, позже я рке более детально выяснил, что в бывшем селе Белошичиха все коренные жители носят фамилию Белошицкие. И я впоследствии встречал людей с такой фамилией — и только выходцев из того села. А теперь село называется Щорсовка, так как именно там погиб герой гражданской войны, легендарный начдив Николай Щорс. Как раз с колокольни той церкви, с которой сейчас шел предпасхальный звон, из пулеметной очереди его достали.

Я сидел у нового длинного стола, и в голове вместе с историей крутилась мысль: «Что делать? Как: быть завтра?» Пасха — это великопнно, но я должен завтра дать цемент во что бы то ни стало. Но как? Как; заставить мою публику войти в вагон с горячим цементом после трех месяцев бездельничанья и на третьем году службы?» Я

снова пошел на территорию склада, осмотрел коробку под цемент, поговорил со сторожем, спросил, как вообще до сих пор выгружали цемент. «Ставили, — сказал он, — сходные доски и возили тачкой в конец склада. А ваши пробовали выгружать и ссыпали сразу у двери. Один вагон за неделю выгрузили, ворота закрыли сами себе, так что второй уже некуда было ссыпать. На том разгрузки закончились. Солдаты занялись обменом цемента на водку, как говорят у строителей, делали раствор «один к трем», то есть одно ведро цемента меняли на три бутылки самогона. Все поперепивались, лейтенанта не слушали. Вот и затоварили всю ветку вагонами».

Смотрю я на стоящие вагоны и думаю-думаю, ищу какой-то выход. Должно же что-то придти в голову. Вагоны вверх, склад вниз. А что если стаскивать цемент в склад, а не возить его тачкой по доске? Сделать желоб и чем-то стягивать по нему цемент.

Уже темнело. Пошел к палаткам, собрал своих новых командиров-помощников.

Интересная команда помощников у меня подобралась! Собственно, я их так и подобрал. Полный интернационал. Один отделенный командир Маркус — немец, из Казахстана, земляк значит, я ведь из Казахстана в армию ушел. Второй — молдаванин Вызий, земляк по рождению моему. Ну, а третий, Ляхтмяэ — эстонец. Мне он приглянулся какой-то твердой невозмутимостью и внешней надежностью, что и подтвердилось позже.

Поделился с ними своей идеей по поводу цемента. На удивление, они меня сразу поддержали и начали предлагать различные варианты. Мы не знали, как оно будет на деле, но теоретически определились, подстроив всю технологию под нас четверых. Решили до 8 часов, то есть пока привезут завтрак, приготовить все и после завтрака — начать. Вроде должно получиться, а там посмотрим.

Я спал в ту ночь плохо. Часов в пять встал, побрился и, отойдя от палаток, начал делать зарядку. Гантели у меня всегда с собой, жгут резиновый вместо эспандера. Ну, и растягиваю себе. Вдруг слышу буквально рядом — дикие женские вопли. Побежал на голос, мало ли что, а вопли еще сильнее, и в разные стороны расходятся. Оказалось, что основная дорога на Щорсовку, то есть к церкви, шла мимо наших палаток. Сегодня — Пасха. Женщины, увидев в полумраке голого (в трусах), разбрасывающего руки, наверное, вспомнили Иисуса, его распятие и все, что угодно. По всему селу разнеслась весть, «що в

кущах на краю сэла щось живэ». Не все узнали за первый день, что мы здесь поселились, поэтому, кто шел раньше, чем я встал, те прошли в церковь святить пасхи и яйца, а кто меня увидел позже, получили испорченный праздник. Ну, пусть Бог меня простит, я не хотел этого. А тем более, меня впереди ждала очень тяжелая неизвестность.

Как договорились, в семь часов мы вчетвером пошли на склад. Заведующий уже ждал. Я ему объяснил идею, он скептически покачал головой, но дал досок, два листа железа оцинкованного и инструмент. За час мы сбили желоб, ломami подкатали вагон под разгрузку — дверь в дверь со складом, установили желоб на кронштейн у двери внизу, закрепили его проволокой, чтоб не упал (потом мы сделали в кузнице специальные угловые шины). Технология предполагала следующее: открываем вагон, лопатами отбрасываем цемент от щита ограждения у двери, затем специальной доской размером 1 м Ч 30 см стягиваем цемент. Доска имеет проволочный «прицеп» — две тяги сходятся впереди вместе. Там, где тяги сходятся, — палка-качалка на две руки, за нее двое тянут доску. Сзади к доске прибиты два бруска-стойка, там работает третий член «агрегата». Его функции — переставлять доску и нажимать на нее ногой, прижимая к полу. И, наконец, четвертый участник лопатой разрыхляет слежавшийся после погрузки и перевозки горячий цемент, иначе доску в него не вгонишь. Приготовив все необходимое и пройдя еще раз мысленно весь технологический процесс, мы пошли завтракать.

Я на всю жизнь запомнил этот чудесный воскресный пасхальный день. Тепло, солнце, изумрудная трава и... цемент!

Тетя Оля принесла нам с десятков освященных пасочек и по «крашенке» на каждого. «Разговорившись» и оперативно расправившись с привезенным завтраком, я еще раз обратился к солдатам с предложением пойти на разгрузку. В ответ то же самое: «Мы не смертники, глотать цемент, да еще на Пасху». Я не стал уговаривать, и мы, четыре командира, пошли «на цемент».

Наверное, лица наши не озарились в тот момент радостными улыбками. Разделись до трусов, одели респираторы и распределились. Мы с Ляхтмяз, как самые «тянущие», взялись за тягу, Вызий встал за доасу, а Маркус — за лопату. Это, конечно, надо было видеть. Действительно рациональная организация труда, ни одного лишнего движения — тяжело всем, «сачковать» не получится, так как весь цикл доведен до абсолютного совершенства, насколько это возможно при такой тяжелой и примитивной работе.

Вначале было трудно и неинтересно, тянешь доску по полу пустого склада, цемент разливается как вода по сторонам и к концу — доска пустая. Но постепенно образовывается след — и уже по нему гребемся и гребемся. После первого часа пришлось сбросить все — и респираторы, и трусы. Остались одни резиновые сапоги.

Рядом, за вагоном, свежая зеленая трава, чистый воздух, яркое солнце. Амфитеатром по бугру разлегся весь мой взвод, снисходительно улыбаясь, в ожидании того, что мы не выдержим и оставим все к чертовой матери. Но жребий был брошен, и мы, двигаясь в сплошном цементном дыму, абсолютно нагие, с цементным раствором на всех мокрых местах, ничего не видя, кроме серого «волочильного» пути, по которому, как лошади с завязанными глазами, раз за разом тащили доску. Пот заливал глаза (первый раз!), дышать было очень трудно, сапоги нагревались, как на сковородке, а мы тянули и тянули раз за разом И... до обеда закончили первый вагон. За пять часов!

Как рассказал в обед завскладом — в самый разгар нашей работы приезжал начальник УНР полковник Волховской. Ехал он сюда, чтобы «раздраконить» всех, кто попадется, но когда увидел в цементном аду нас, голых, с болтающимися и напыленными отдельными конечностями, он сел на траву, потом упал на спину и минут пятнадцать катался по ней, все показывая пальцем на вагон и кричал: «Нет, ты посмотри на них! Ты когда-нибудь видел что-либо подобное?»

Он не стал меня трогать и уехал просто пораженный. Приехал позже, не поверив отчету о ходе разгрузки вагонов. Но это было уже во вторник.

А в тот памятный пасхальный день мы до часу дня зачистили вагон, поставили на место щиты и откатали. Дальше нам нужна была помощь в передвижке вагонов — мы не могли толкать вчетвером весь состав.

Вы видели, как в старых фильмах выходили наверх шахтеры-стахановцы? Вот так, неторопливо, с достоинством, шли тогда от склада к палаткам мы. Не успел я открыть рот, как подбегает Ваня Ротт, тоже немец-земляк: «Командир, мы уже пообедали, можно попросить от вашего имени доски и инструмент, чтоб желоба сделать?» «Иди, скажи, что я распорядился», — бросил удивленно я. И они (все!) ушли.

Мы почти час обедали и отдыхали, а когда вернулись на склад, там шло настоящее сражение. У девяти ворот склада из десяти в наличии — стояли вагоны. Восемь «четверок» осваивали наши действия. Они

даже нам установили вагон и приладили желоб. Имея уже сноровку и проложенный след, мы за четыре часа выгрузили второй вагон.

Рядом с нашими кустами был небольшой естественный пруд, а метров за сто — большое, тоже естественное, озеро, там местный колхоз выращивал гусей и уток. Так что, было, где мыться и купаться.

Вечером подвели итоги — 10 вагонов цемента и первая заработанная тысяча рублей.

Как рассказывал потом Ваня Ротт, когда они поняли, что мы до обеда вагон закончим, то кое-кого из ребят заело: «Как это так? Это же грабеж! Они могут до вечера еще вагон сделать, и у них будет по полтиннику на брата! Так не пойдет! Мы тоже пойдем с обеда». И тогда они поделились на четверки, и за три месяца впервые вышли на работу, добровольно! На второй день, в понедельник, мы разделались с цементом, выгрузив оставшиеся десять вагонов и еще три вагона извести, а это было еще похлеще цемента. Она разъедает все, где есть влага. Как сказал один из моих многочисленных «нацменов»: «Ой, очень плохой известия».

Да, известие о приходе вагонов с негашеной известью нас никогда не радовало, но и тут нашли облегчающий выход: мы сделали подъезды с другой стороны железнодорожной насыпи так, чтобы кузов самосвала подходил прямо под двери вагона. И той же доской выгребали двадцатитонник с известью за 3 часа.

Делали сразу две работы — и сгружали, и грузили на машины. И не важно, что мы зарабатывали больше, главное — по времени ребята дышали и известью, и цементом в несколько раз меньше, а это для человека в таком деле самое важное.

Во вторник, к обеду, подъехали начальник УНР с нашим командиром части. Волховской не поверил телефонному отчету завскладом о том, что с цементом и известью в вагонах покончено, пустые вагоны отправлены, идет разгрузка досок, окон, дверей и т. п.

Да что такое окна-двери по сравнению с цементом и известью! Ребята их выгружали играючи и с удовольствием, как на разминке.

«Ты шо, здурив!», — закричал, увидев меня Забута, — ты шо, их быв?» «Да нет, — говорю, — они знают, что я два года назад выиграл первенство по боксу, но до боев дело не дошло».

«Сынок, — растрогался Волховский, — ты даже не понимаешь, что ты сделал для управления. Я видел, как он пример показывал здесь на Пасху, — повернулся он, смеясь, к Забуге, — это было зрелище! Я

буду всю жизнь про ту картину рассказывать. Но все равно, как ты за два дня разделался с тем, что здесь было, — я не могу поверить, и никогда бы не поверил бы, если бы сам не увидел», — опять повернулся он ко мне.

В течение первой недели мы полностью очистили ветку от вагонов и вошли в ритм складской жизни — принимали и выгружали вагоны, грузили машины. Все проблемы со складом были для управления сняты. Я никого не заставлял и не агитировал, пришлось даже сдерживать процесс в какой-то мере — спрос на вагоны во взводе здорово повысился. Командиры отделений или их посыльные еще до рассвета отправлялись за два километра на станцию Ушомир и на всех товарных вагонах огромными буквами мелом выводили (на всякий случай) «занято», отделение такое-то.

Основная масса тех вагонов уезжала в разные концы страны, но те, что попадали к нам на склад (святое дело!), доставались тем, кто вагон пометил, без всякого спора.

О моем семимесячном пребывании на посту «начальника Веселовского гарнизона» можно написать не одну повесть, но я рассказал всего лишь об одном эпизоде, характеризующем силу личного примера, даже для так называемых «бандитов».

В заключение хочу сказать, что с первого месяца и до увольнения в запас, наш взвод (уже этот) занимал постоянно лидирующее место и в части, и в УНР. А когда, уже в августе того же 62-го года, в День строителя, я привез взвод на торжественное собрание и, подведя строй к трибуне, где расположился президиум с почетными гостями, доложил о прибытии на праздник, выдавший виды Забуга, забыв, где он находится и с кем, удивленно воскликнул вместе с матом, естественно: «Ны ... соби!» Потом опомнился, позвал меня в президиум и спросил, показывая на взвод: «Дэ цэ ты взяв?» Он имел в виду новую темно-зеленую диагональную форму, хромовые сапоги и новенькие фуражки, все пошитое по специальному заказу коростеньскими мастерами. «Пошил», — говорю.

«Дывысь, — шептал Забуга на ухо секретарю горкома партии, — вин с цюю шайкою бывших бандитов вже пятый мисяць живэ сам у Весэловци, и ты бачиш, яких куркулив з ных зробыв!» А «куркули», как небо и земля, отличающиеся от других взводов часта, получали премии, подарки, грамоты и счастливо улыбались. Когда дошла очередь до эстонца Ляхтмяэ, я взглянул на него и вспомнил прежде-

го Ляхтмяэ (а это был именно он), который первым встретил в Полтаве генерала Зайцева и показывал ему рваные кеды. Еще вспомнил, как в первый наш день в Веселовке, когда я его представил как командира отделения, он посмотрел на село и сказал: «Фи, никакой сифилисасии нету!» Но никогда я не забуду и тот пасхальный день, когда мы с ним, обливаясь потом, тянули вдвоем ту «цементную» доску. Получая грамоту, Гарри (так его звали) забыл от волнения все русские слова, и что-то сказал по-эстонски. Наверное, благодарил. Глаза его светились. Позже спросил: «Что ты мне сказал?» Он ответил: «Я, честно сказать, не помню».

И еще. Когда мы после праздника вернулись домой, Ляхтмяэ сказал при всех возбужденных ребятах: «Снаешь, комантир, что такое коммунизм? Это кохта я шиву в Веселофка. Рапотаю, кохта хочу и сколко хочу. Рапотаю мнохо и никто меня не саставляет, сам так хочу. Хорошо кушаю, мнохо оттыхаю и нихто не ситит мне на шея».

Может, так оно и есть. Ну и ладно.

Не знаю теперь, где мои «бандиты», в каких «странах», а я их каждого помню. Возможно, и они меня...

СЛУЧАЙ В РЕСТОРАНЕ

Великий наш юморист, ныне покойный Тимошенко (Тарапунька), как-то сказал, просто так, по-хорошему, даже без тени национализма или чего-либо подобного, как украинец, впитавший с молоком матери особое мнение своего народа к бывшему османскому игу: «В Турции хорошо — народывся, сразу — турок, а у нас — надо ще закинуть дэсят классив, та институт...»

Из этого шутливового определения можно сделать простой вывод — никакая, даже самая высокая образованность, не меняет заложенной в человеке природой сути; и наличие образования для подлых людей лишь дает им возможность скрывать свою сущность, которая рано или поздно выходит наружу.

Быль, которую хочу представить читателю, вполне обыденная, мелко-штриховая, но в то же время — классическая. Около сорока лет назад довелось мне заниматься с молодежью. Был я освобожденным комсоргом войсковой части с правами райкома. В те далекие годы, за четверть века до развала Союза, когда будущие реформаторы еще ходили в начальные классы, когда идеи создания различных национально-идеологических фронтов в наших братских республиках еще только проходили согласование в различных структурах за океаном, а о внедрении и воплощении в жизнь таких идей не могло быть и речи, комсомолу и молодежи уделялось довольно много внимания. Естественно, и кадрам, работающим с молодежью, в первую очередь, «низовым» комсомольским организаторам.

Зная очень многих ребят по совместной работе, могу сказать, что в подавляющем большинстве комсорги, особенно военные, были настоящим цветом армейской молодежи. Толковые, веселые, разносторонне развитые, спортсмены, музыканты, певцы — словом, одаренные люди. Они умели работать с армейской молодежью, их любили и уважали. Авторитет комсорга создавался им самим, а потом уже поддерживался командованием.

Конечно, и в армейском комсомоле, и среди политработников, как и на гражданке, попадались «скользящие» конъюнктурщики, чьи-то

сынки и «блатные» знакомые, которых буквально «протаскивали» по всем ступеням комсомольско-партийной иерархической лестницы, чтобы потом можно было козырять их «последовательным» интеллектуально-идеологическим и трудовым ростом. Таких в комсомоле не любили, откровенно ненавидели, а так как их было мало, то старались просто не замечать. Но они там-таки были, шли отдельной кастой, с ними негласно специально работали, напрямую или через жен, знакомых девушек, друзей. Их готовили. Из них потом выходили президенты, премьеры и прочие временщики, перестройщики-развальщики. Но в те времена, о которых пойдет речь, они еще были только благодатной средой, для которой был приготовлен вирус будущей величайшей катастрофы великой страны.

Политработников тогда неплохо учили. Учили всему понемногу. Учили политике, учили пропаганде, учили организационно-методической работе. Раз в два-три месяца комсоргов и замполитов собирали на надельные семинары в округ, информировали обо всех новостях и новшествах, включая политику, проверяли на сдачу тестов и зачетов, военную и физическую подготовку.

То есть, система была отлажена. Страна в то время собиралась через каких-нибудь 20 лет жить при коммунизме, американцев до смерти напугали вынырнувшие у их берегов наши атомные подводные лодки, Хрущев бил кулаком по трибуне в ООН и кричал: «Вы там не У-кайте, а то мы вас как; укнем!» В общем, как раз в этот период нас с замполитом, майором Истоминым, вызвали в округ на очередной семинар.

Он проходил в окружном Доме офицеров, во Львове. Поселили нас в военной гостинице «Варшавская». Довольно шикарная по тем временам, она как бы завершала весь исторический комплекс зданий на львовском «Бродвее» — улице Адама Мицкевича, которая тянется от оперного театра до упора в эту самую гостиницу.

На семинаре Истомин встретил товарища, с которым пять лет вместе служил и который когда-то пришел из училища командиром взвода в батальон нашего майора. Был он лет на десять моложе, но теперь уже носил погоны подполковника, став начальником какого-то кустового политотдела. Его отчим был генералом, и мать своими всевозможными связями открывала любые двери. На семинаре мы сидели вместе — майор с подполковником, а я рядом с капитаном, его помощником по комсомолу. Познакомились. Высокий, симпатичный

внешне, подполковник мне сразу не понравился. И, оказалось, не зря. Наши знакомые остановились у каких-то родственников в новом микрорайоне, поэтому договорились вечером отметить встречу в гостиничном ресторане. Настоял на этом подполковник, Истомину пришлось согласиться. Нам с капитаном — тоже.

Хороший ресторан в гостинице «Варшавской». Услужливые лысовато-прилизанные поляки-официанты. Изысканная кухня. Отличная музыка и солисты. Русско-украинские песни. Все шло, как надо. Мы заказали ужин, официант принес графин с коньяком. По рюмке выпили. Разливал подполковник. Он сразу взял инициативу в свои руки, без конца шутил, задевал соседей за ближайшими столиками, задержал официанта при выборе блюд, ну, в общем, был хозяином стола. И, наконец, после второй рюмки он достал из кармана спичечный коробок и вынул из него, как оказалось позже, высушенную заранее муху. Разлив в рюмки коньяк, он на наших глазах, приклеил муху изнутри к стенке своей наполненной рюмки. Мы с Истоминим растерянно смотрели на его действия, не понимая, что все это значит. А дальше события развивались, видимо, по давно отшлифованному и проверенному сценарию.

«Человек! Официант!» — заорал на весь зал подполковник. Официант подлетел мгновенно. «Проше пана?» «Ты шо, пся крев, по сбиркам работаешь? Сливаешь недопитое и подаешь опять?» — заорал с высоты своего роста подполковник. «Та як можно, проше пана, як можно, коньяк с буфэту», — растерянно лепетал маленький официант. «Директора сюда!» — гремел подполковник. Через минуту появился директор. Наш «борец за чистоту» тут же сунул ему под нос какое-то удостоверение, то ли члена комиссии по военной торговле, то ли еще чего-то, такие люди всегда чего-то члены, и напустился на директора.

Тот взял рюмку с коньяком и мухой, вылил коньяк в фужер и попытался вытряхнуть муху из рюмки. Но безуспешно, муха приклеилась к стенке рюмки намертво. В этом и был весь подлый расчет. «Свежая» муха или плавала бы или легко отделялась, эта же была, как приваренная. Стараясь затушить инцидент, директор попросил нас всех перейти в специальный номер и там разобраться во всем происшедшем.

Когда переходили в отдельную комнату, я сказал майору, что не могу все это видеть, и пойду наверх, в нашу комнату. Истомин попросил меня остаться, потому что наш подполковник может наделать больших глупостей, а он этого допустить не может. Гости, мол,

пришли к нему и, какие бы они ни были, отвечает за ситуацию он, Истомин. Что делать, пришлось идти «разбираться».

Мы впятером «разбирались» с инцидентом по мухе до полуночи. Попутно разобрались с восемью бутылками лучшего по тем временам коньяка «КВ» и всеми изысканнейшими блюдами ресторана. Протокол, естественно, писать не стали. Директор даже прослезился, познакомившись с такой объективной комиссией, и на прощанье сунул подполковнику в карманы плаща еще две бутылки «КВ».

Только высочайшая порядочность и врожденный интеллект сдерживали Истомина от плевка или еще лучше, удара в лицо, своему бывшему сослуживцу. А тот, выйдя на улицу, начал хвалиться тем, что этот прием уже использовал во многих городах и всегда его кормили и поили на халяву.

Пьяный, как и его начальник, капитан горячо ему поддакивал и напоминал, где и когда проходили аналогичные выходы. Мы пошли провожать эту веселую пару. Мне было жалко смотреть на Истомина: он мучился в душе и никак не мог сделать то, что явно хотел сделать. А вместо этого мы шли по каким-то темным улицам Львова, провожая двух подонков. В одном месте нужно было перейти по пешеходному мосту через глубокую впадину, по дну которой проходила железнодорожная ветка. На мосту мы что-то вдруг заговорили о невестомости, о космонавтах, о Валентине Терешковой (она как раз полетела в те дни). И вдруг Истомин сказал подполковнику: «Слушай, давай на спор, на пару коньяков, я сейчас на перилах моста стойку на руках сделаю». Тут мне стало плохо. Говорю: «Федор Васильевич, какая стойка, после ресторана, на темном мосту, высота до железнодорожного полотна метров 25, не меньше, перила качаются, Вы что?» «Ты лучше поддержи фуражку и китель», — ответил майор.

Перспектива увидеть летящего вниз майора заинтересовала даже наших, невменяемых доселе партнеров. Они подошли к нам и, сцепившись, раскачивались рядом. Истомин снял китель и фуражку и через несколько секунд уже фиксировал стойку на перилах.

Это, конечно, надо было видеть. После нескольких секунд в стойке, он разбросил ноги по обе стороны перил, покачался, играя нам на нервах, и красиво перевалился на мост. Одевшись, он подошел к оцепеневшим от увиденного «партнерам», мгновенно изъяс из карманов плаща подполковника две бутылки «КВ» (спор — есть спор), протянул их мне и брезгливо процедил сквозь зубы: «Мразь». Затем добавил: «Пошли, Вася».

Ночью я почти не спал. Часов в пять утра вышел на балкон, а когда вернулся в комнату, слышу, майор смеется: «Что, Василек, заставил тебя вчера понервничать? Конечно, если бы я разбился, тебя бы и обвинили. Но я и не собирался разбиваться. Ты думал, майор старый, рыхлый, да? А я до войны был чемпионом Вооруженных Сил по акробатике, кое-что еще осталось. Просто не мог больше выдержать. В ресторане не хотел поднимать скандал и терять честь офицерскую. Ты уж прости меня за этих подонков. Я и не предполагал, какие могут выходить подонки из маменькиных сынков и всяких там «блатных». Слышал много, а сам с такой гадостью первый раз столкнулся. Ну, ничего, переживем».

Не пережили...

ПОДЛОСТЬ

Жили-были на свете два человека. Оба — военные. Один — полковник, другой — генерал. И жить бы им, как говорится, да поживать, да чинов и добра наживать, ан, нет — не получилось. Скорее — не захотели. Гордыня заела, да та же подленькая сущность наружу проявилась. Ну, если бы не проявилась, то не было бы и этой были. Не узнали бы об этом люди даже через столько лет, если бы не пересеклись наши пути-дороги.

А дело было так. В одном украинском городе, в престижном военном доме, на одной лестничной клетке, в двух, переоборудованных под пятикомнатные квартирах, жили две семьи, одна — полковника, начальника кустового политотдела, другая — генерала, командира дивизии.

Их военные пути не пересекались, так как служили они в разных родах войск, один — в инженерно-строительных, второй — в ПВО. У них были общие интересы только вне службы. Ну, во-первых, они были соседями по квартирам, дружили семьями, часто просто так ходили друг к другу на чарку водки или что-то вкусное (в те времена с едой было не все просто), а главное, что их объединяло — это охота и рыбалка. О, эти наши национальные особенности охоты и рыбалки! Вряд ли, где в мире так, как у нас во время охоты и рыбалки, решается или подготавливается масса текущих вопросов, вплоть до кадровых.

Все, конечно, зависит от уровня участников, их возможностей, степени их порядочности или деградации. Но все равно, братство на охоте в нашей стране всегда было особым видом отношений, в процессе которых заинтересованными людьми решались многие вопросы, абсолютно не связанные с охотой, как таковой.

Но двое охотников, о которых идет речь, не вмещались в вышеуказанные правила. Высокомерные эгоисты по характеру, они охотились только вдвоем, только по ночам, только на машине и только в одном месте — на запасном аэродроме, покрытом металлической сеткой и заросшем в рост человека бурьяном. Особенно любили непогожие сырые ночи, когда обычные охотники, не желая месить доколенную грязь, сидят дома.

Если у обычных охотников в графике для охоты одна треть времени (а у кого-то и половина) уходит на разборки, итоги и поглощение всего взятого из дома, то наши охотники делали все наоборот: сперва, со дня, «заряжались» основательно сами, затем заряжали свое табельное оружие и только в ночь выезжали на охоту.

Сама охота занимала не более трех часов, но, с учетом всех транспортных и других издержек, на нее уходила вся ночь. Но что это была за охота! Полковник, напомним, был начальником нашего кустового политотдела. Я же — комсоргом ближайшей к политотделу войсковой части. Когда помощник начальника политотдела по комсомолу ушел в академию, пока искали замену, я несколько месяцев параллельно занимался всей нашей комсомольской зоной и был в курсе всех политотдельских событий.

Всего один раз довелось участвовать и в знаменитой «камерной» охоте. Только тогда я понял, почему у начальника политотдела за год сменилось восемь солдат-водителей, причем большинство из-за аварий и тяжелых травм. Ребята шли на любые ухищрения, лишь бы не возить полковника.

Картина для боевика — темная сырая ночь, по бывшему летному полю, где сухая трава выше капота машины, со скоростью 70 километров в час мчится ГАЗ-69, без тента, лобовое стекло лежит на капоте, я — за рулем, давлую на газ, ветер в лицо, машина со страшным треском утюжит многолетнюю траву, руки оцепенели на руле, едешь вслепую, а в голове: «Вдруг — яма или какая-то запчасть, да мало ли что может валяться на старом (с войны) запасном аэродроме!»

«Не дрейфь, комсомолец!» — орет в ухо полковник. Он левой рукой вращает открученную фару поиска, а в правой держит пистолет. Генерал стоит в кузове справа, одной рукой держится за боковое сиденье, в другой — тоже пистолет. Так и катим с одного конца летного поля в другой, пока где-нибудь на полянке, где ничего не растет, не высветим несчастного зайца или лису. Тогда держись голова водителя — выстрелы хлопают один за другим... При мне убили трех зайцев, о других случаях — только слышал...

Думаю, читателю из всего сказанного стало понятно, что я хорошо знал и полковника, и генерала, о которых идет речь. Но это прелюдия.

Как-то раз, где-то в конце октября, часов в одиннадцать ночи, меня через посыльного вызвал начальник политотдела и сказал: «Слушай меня внимательно. Приближается годовщина Октября, по поруче-

нию Главпура (главное политическое управление Советской Армии) проводится разовая проверка специальных частей, их охраны и т. п. Проверки будут внезапными, всякими способами, включая каверзные. Вот тебе мое удостоверение, по телосложению мы схожи. Бери мою машину, езжай на такую-то точку, постарайся пройти все зоны. Я знаю, что ты там бывал, и знаешь, в принципе, где что стоит. Но ни ты, ни я и никто другой посторонний, не знают, где будет в момент посещения находиться передвижная электростанция. Ты должен, ты просто обязан указать мне место работающей электроустановки. Есть слухи, что у этого дивизиона не все гладко с охраной и дисциплиной. Если же у них все будет в порядке, и тебя задержат — скажешь, идет проверка бдительности, и я тебя специально послал. Когда бы ни приехал, явись ко мне, я буду ждать».

Выйдя из квартиры полковника, я завел стоящую во дворе, знакомую мне по «охоте» машину и поехал на точку. Почти 90 километров лесом. Мелкий, холодный, противный дождь. Промозглая погода, только для проведения проверок и переброски диверсантов. Темень, жуть. Что-то не вязалось во всем этом. Почему нашему политотделу доверили проверить ракетную точку чужого ведомства? В чем здесь дело? Я был в армии уже достаточно долгое время и кое-что понимал, но в данном случае — полная неясность. Почему полковник дал мне свое удостоверение? Что это, игра или какая-то пакость?

Я хорошо знал инженерно-строительную часть базы, на которую ехал. Я знал стандартную систему ее охраны. Ловчая сеть, между ней и забором под электротоком по периметру ходят часовые, визуально наблюдая друг друга. За забором — еще один забор из путаной колючей проволоки. Три зоны, три КПП. Первая — жилая и управленческая (штаб, казармы и т. п.), вторая — техника, орудия и третья — ракеты под арочными холмами. Мне надо идти через все КПП, с чужим удостоверением. Но как? Я знал, что с тех пор, как в армию начали брать девушек, они часто вместе с коллегами-солдатами уходили с базы в самоволку, по очереди, отключая по договоренности электроэнергию, расшивая на стыках ловчую сеть, ублажая часовых и т. д. Но так это они, изнутри! А как же я попаду в третью зону!? Снаружи!

Размышляя таким образом, кляня близость своей части к политотделу и все, что с этим связано, я добрался до съезда с трассы на базу. Машину оставил в лесу, метров за 200 от КПП и пошел!

Когда шел туда, был какой-то азарт, типа охотничьего. Ну, что тут такого страшного? Да-да, нет-нет. Зашел на первый КПП. В дежурной комнате двое ребят, как говорят сегодня, кавказской национальности, играют в нарды. В комнате отдыха спали несколько солдат. И все. Я поднял небольшой деревянный барьер, опустил его на место и пошел по устланной бетонными плитами дороге в сторону КПП ко второй зоне. В дежурке — никого, через раскрытую дверь видно двоих солдат за шахматной доской. На КПП третьей зоны, закрыв лицо книгой, в дежурке мирно храпел старший сержант с повязкой, а в комнате отдыха было темно и тихо. Вошел в зону, по звуку определил, где находится электростанция. Близко подходить не стал, боялся, что у станции может быть дополнительный часовой. Но саму станцию увидел и ее тип определил. Затем все повторилось, только в обратном порядке — ничего за 10 минут не изменилось. Я вышел за территорию базы — метрах в тридцати от КПП, на столбе, то загоралась, то гасла лампочка.

Не доходя до столба, я свернул в лес, и мне вдруг стало не по себе. Как молния, сверкнула мысль: «Тебя подставили! Тебя подставили!» Лихорадочно достал полковничье удостоверение. Так и есть — всего один «краб» (штамп), дающий право войти только в первую зону. «Краба» второй зоны и спецвкладыша третьей — не было, да и не могло быть. Любой часовой на КПП мог меня расстрелять и получить за это — минимум отпуск. Ноги у меня стали ватными. Идти по лесу было нельзя — грязь по колено, а выходить опять на освещенную «бетонку» — не было сил. Отдышался, рывок, и через 15—20 секунд — у машины...

В тридцать я был у полковника, он что-то писал, на столе — полупустая бутылка коньяка. Я нарисовал план базы, указал время и место работы электростанции, описал спящего на третьем посту сержанта. Задав несколько вопросов, полковник меня отпустил часа в четыре. Я пришел на службу к обеду. Дежурный по штабу сказал: «Тебя искал и просил зайти майор, зам начальника политотдела по партийной работе». То, что он рассказал, повергло меня в шок гораздо больший, чем ожидание автоматной очереди от часового!

Оказалось, наш полковник послал нарочного в Киев с донесением о безобразиях, творящихся в хозяйстве его соседа-генерала. Того срочно вызвали в Киев, а к обеду он уже был в Москве. По слухам, ему грозит отставка, разжалование до рядового, лишение наград, ис-

ключение из партии. Командира того злополучного дивизиона арестовали, им занимается особый отдел округа. Наш полковник тоже в Москве, когда будет — неизвестно.

Мы с майором давно знали друг друга, и он раскрыл мне истинную причину случившегося. В начале года сосед-генерал, за рюмкой, сказал нашему полковнику, что в лесу, в каком-то дивизионе, он запустил рыбу-сеголетка, и осенью они будут с рыбой. Насолят, навялят. Пришла осень. Как-то полковник спросил генерала: «Ну, как там с рыбой?» Генерал сказал, что рыба заболела и погибла, а воду спустили. На том все и кончилось. Но однажды жена полковника, как обычно, зашла к соседке-генеральше. Та на кухне чистит рыбу и жалуется, что муж привез две корзины, и теперь она не знает, что с ней делать. Жена полковника полдня убила, помогая чистить рыбу. И даже принесла домой несколько карасей. Ни первая, ни вторая жены не знали о разговорах и взаимоотношениях своих мужей. Естественно, жена полковника, угощая мужа рыбой, рассказала, где ее взяла, и сколько ее там было. Тогда то подлое, что в нем всегда присутствовало, но не проявлялось, сразу выстрелило, и полковник решил отомстить. Каким образом — вы уже знаете. Как я, исполняя приказ, рискуя собственной жизнью, на самом деле стал орудием мести.

Я не мог больше видеть полковника, и в тот же день подал рапорт. Замещавший начальника, тот самый майор — зам. по партийной работе помог мне уйти до его возвращения.

Месяца через два от него же я узнал, что за попавшего в неприятность генерала вступился А. И. Покрышкин, трижды Герой Советского Союза, в то время командующий отдельной армией ПВО. Генерал отделался только тем, что ушел в отставку, сохранив все привилегии. Вот такая рыба...

ОРДЕНОНОСЕЦ

Послушайте! Ведь, если звезды зажигают — значит, это кому-нибудь нужно, — сказал поэт. Классика жизни. Если звезды-гении просто рождаются, и общество рано или поздно соглашается с этим, то звезды «зажигаемые» кем-то искусственно, как правило, служат для достижения каких-то политико-идеологических, пропагандистских или коммерческих целей. Это вполне естественно и объяснимо. Раз «надо», значит, зажгут, сожгут или потушат. Звезды-люди или «люди-звезды», как хотите, тоже бывают разные. Даже искусственно зажженные.

Одни сверкают какими-то своими гранями, шлифуются и совершенствуются всю свою жизнь, озаряя достойное их пространство. Они действительно «светят». Другие, «конъюнктурно-ширпотребные», к сожалению, их сегодня — абсолютное большинство, лишь отражают свет. Как только лишаются лучей искусственного внимания, мгновенно «тухнут» и исчезают с небосклона общества. Не все яркие личности способны подать себя достойным образом, потому часто растворяются в серой массе, так до конца и не раскрыв своих способностей или достоинств.

Расскажу одну быль, в виде иллюстрации к уже сказанному. В молодости довелось мне заниматься армейским комсомолом. Нам, комсоргам-организаторам, в те времена ржаветь не давали ни в идеологическом, ни в физическом плане.

Партия, а предметно — наш кустовой политотдел, постоянно требовала поиска новых форм пропагандистско-воспитательной работы. В силу этого, мне пришла в голову мысль устроить встречу комсомольцев войсковой части, где я был освобожденным комсоргом, с одним участником гражданской войны, проживающим недалеко от места нашего расположения.

Нашел я его через Коростеньский горрайвоенкомат. Познакомился. Уговорил принять участие во встрече с нашим коллективом. Он был простым колхозником-пенсией, имел орден Красного Знамени, где-то из первой тысячи, но, несмотря на определенную известность у себя в селе и районе, был немногословен и замкнут.

Встречу мы организовали солидную. Сколотили в лесу деревянную сцену, смастерили скамейки практически для всего личного состава части, пригласили гостей из Коростеня, к территории которого были временно приписаны. Организационно все вроде бы было нормально. Но, к сожалению, встреча не удалась.

Когда я, в порядке вступления, рассказал о нем, как: о ветеране еще гражданской войны, особо подчеркнув, что он получил свой орден именно в 18 лет, и передал ему слово, дед просто сидел и молчал. Я начал задавать наводящие вопросы, надеясь как-то расшевелить его сознание и память, но получилось еще хуже. На вопрос, к примеру, участвовал ли он в обороне Коростеня, он ответил: «Да, да, було. Мы як раз заляглы по-над Ужом (речкой), а ти, бисови билополяки, як выскочили на своих тачанках, чи що, та як вжарылы по нас з кулымэтив, а мы — тикать!»

И сколько бы раз он не начинал говорить, все время заканчивал одним — «а мы — тикать». Когда я спросил, а за что он получил орден Красного Знамени, то в ответ снова услышал: «Да, було, було. Мы як тикалы, я биг мымо хаты, дэ штаб стояв. Бачу, якась така красыва кожана сумка валяиця, я ии схопыв, так и таскав аж до самого Малына (городок на востоке от Коростеня). А там нас зибралы, тих, хто прыбиг, построили. Командыр наш побачив у мэнэ сумку, так зрадив, бо в нэи чи якісь докумэнты, чи можэ якісь его вэщи булы, нэ знаю». «Ты, — каже, — герой!» «И дэсь через врэмя мэни пэрэд строем ордэн вручив».

Солдаты наши сперва смешки выдавали, а после этого уже не могли сдерживать настоящего смеха. Дело принимало серьезный оборот.

У орденоносца, простого восемнадцатилетнего сельского парня, попавшего в непонятное для него горнило гражданской войны, в памяти сохранилось лишь те моменты, когда ему было плохо, то есть когда он «тикав».

Для выравнивания ситуации пришлось вступать нашему замполиту и секретарю местного райкома комсомола, который рассказал о жизни этого ветерана уже после гражданской войны. Но у всех остался неприятный осадок — я уже не раз пожалел, что нашел на свою голову такого героя-ветерана.

Через некоторое время первый секретарь райкома комсомола, с которым нас связывали довольно дружеские отношения, оказал мне помощь в заглаживании того неприятного как для нашей части, так

и всего района инцидента. Он попросил в выходной собрать личный состав и привез к нам еще одного ветерана, рке Великой Отечественной войны, какого-то подполковника-отставника из Коростеня.

Чувствовалось, что, скорее всего, тот подполковник воевал всю войну где-нибудь в военторгах Алма-Аты или Ташкента, но он сразу же овладел аудиторией и нарасказывал столько, как будто бы вел репортаж непосредственно из районов боевых действий, причем сразу всех фронтов.

Я могу и сейчас с уверенностью сказать, что если бы кто-то его спросил тогда на встрече, какого калибра, к примеру, был пулемет в том дзоте, который закрыл собой Александр Матросов, он бы назвал его (калибр), не задумываясь, и все бы в это поверили. Как и охотно, подчеркиваю, охотно, верили всему тому, что он говорил. С людьми говорить еще и уметь надо.

Вот такие две встречи, полярные по сути и по психологическому воздействию.

С тех пор во всей моей последующей партайно-комсомольской жизни я очень осторожно относился к подобным воспитательным мероприятиям. Боялся, чтобы не навредить в поисках нового тому, что уже есть. Сегодня изменились времена и нравы, появились новые звезды, даже целые «фабрики звезд», но «сотворенные кумиры» никогда не заменят звезд настоящих, а они таки у нас были, есть, да и наверняка будут.

ЗАГЛАДА

Неисповедимы пути Господни и непредсказуемы судьбы людские. И не всегда человек волен сам распоряжаться своей судьбой — чаще судьба им распоряжается. Или, как говорят, «играет им».

Бывают такие повороты, такие взлеты и падения, что ни сам человек, ни окружающие его люди не могут объяснить, ни сразу, ни после, почему что-то так случилось.

Люди, как живые существа стадного типа, в принципе, легко управляемы и направляемы. Они имеют тенденцию молиться на идолов, независимо от их происхождения, на кого-то равняться и с кем-то сравниваться. При этом одни равняются, а других равняют...

Были у нас люди, на кого хотелось равняться и на кого равняли. Парадоксом жизни тех времен как раз и было то, что в большинстве случаев равняли на тех, на кого не хотелось равняться. Их обычно выпячивали и «раскручивали», причем это не политика была такая, а ее искаженное исполнение. «Выколупают» где-то в глубинке какого-нибудь «феномена-идола» и начинают его выставлять на съездах-конференциях до тех пор, пока какая-нибудь другая приближенная особа, где-нибудь во время застолья, охоты или рыбалки, не выставит на показ уже своего «феномена», и так далее. Причем все это, как правило, делалось не ради дела, даже не ради самого идола, а лишь для того, чтобы укрепить позиции того или иного уездного «властелина-колупателя» и хоть на ступеньку или на короткое время приблизить его к кормилу власти.

Вообще-то, и сами «идолы» тоже бывали разные. Одни, попав в такое течение, старались еще лучше работать и показать себя, стесняясь свалившегося на них внимания, другие, а их было, к сожалению, большинство, с огромным удовольствием купались в лучах славы, считая, что они избранные, а остальной люд просто обязан их боготворить даже за сам факт их появления на свет. Часто они так зарывались, что забывали своих хозяев-конъюнктурщиков и пытались по их головам их же и обойти. Как правило, на этом их карьеры обрывались, но наиболее нахальные, работая локтями,

достигали очень больших высот.

Мне довелось в жизни слышать и видеть таких людей, с одним из них, вернее одной из них, я познакомился поближе. Причем при довольно странных обстоятельствах — в начале шестидесятых годов. Это была Надежда Григорьевна Заглада, семидесятичетырехлетняя звеньевая одного из колхозов Черняховского района Житомирской области.

В последние годы правления Н.С. Хрущева ее фамилия не сходила со страниц газет, лент хроники. Эта сухонькая женщина с крепкими руками и железной волей, которую, как и миллионы других крестьянок, никто не замечал, может быть, так и осталась бы неизвестной, если бы кто-то ее не вытолкнул на политическую поверхность. Она взяла не красотой и даже не производственными показателями, хотя у ее звена они были довольно высокие среди свекловодов. Она в основном взяла... возрастом. Попала как раз в струю пенсионной реформы. Руководство страны прямо умилялось, когда Заглада, выступая с трибун съездов и совещаний, говорила: «Робыть надо! Гляньтэ на мэнэ. Семьдесят чотыри роки, а я роблю ланковою (звеньевой) ще з вийны, и ничего. А сыдять дома молодыци, нэ хотять робыть у поли, що ж цэ такэ?»

Опираясь на поддержку таких «энтузиастов», Хрущев узаконил идею повышения пенсионного возраста на 5 лет, мужчин — с 65 лет, женщин — с 60. Тут же заработала пропагандистская машина.

Помню, в шестьдесят третьем, в Харьковском цирке перед началом представления на арену вышли шесть молодых ребят в ливреях работников арены, принесли большой канат — и давай тянуть его три на три. Никак. Тут выходит один седой плотный мужчина и говорит: «Ото давайтэ, вы вси на той кинэць, а я тут сам потягну». Взялись шестеро за один конец, а он за второй их всех опрокинул. Ребята подошли к нему, хлопают по плечам, спрашивают: «Вы шо борец, чи штангист?» А он улыбается: «Ни, я пенсионер».

Общими усилиями таки заставили многих пенсионеров снова выйти на работу, хотя пенсионер пенсионеру рознь. А те, первые пенсионеры, после всех войн, репрессий и разрух, в большинстве своем еле дожили до пенсии. А Заглада в свои годы, ну, что сделаешь, такой ее природа создала, играла своей сапой в поле, как нынешний киношный нинзя фехтовальным мечом.

Я тогда работал в комсомоле и, конечно, слышал про эту женщину и ее работу. В городе Черняхове, расположенном к северу от Жи-

томира, прямо в центре было смонтировано огромное панно, где в кулуарах Кремлевского Дворца съездов Никита Сергеевич стоял рядом с Надеждой Григорьевной в окружении цэковской свиты. Панно это висело несколько лет, пока Хрущева «не ушли».

Часто, проезжая мимо, я в принципе равнодушно смотрел на панно, оно было написано не особо чисто, как картина, но всем было ясно, что раз в центре маленький, толстый и лысый — значит, Хрущев, а раз старенькая женщина рядом с ним, тем более в Черняхове, значит, Заглада.

Я к чему это веду? К тому, что в лицо ее до нашего знакомства, практически не знал. Как-то раз зашел в Житомире в аптеку, недалеко от центральной площади. В те времена друг против друга там стояли два обкома партии — промышленный и сельскохозяйственный. Поэтому аптека была довольно приличная для тех времен. Мне нужна была какая-то мелочь. По аптекам я тогда ходил редко. Обилие лекарств в той аптеке просто привлекло внимание. Заходит какая-то старушка, осматривается, достает из хозяйственной сумки довольно большую бумагу и что-то в ней рассматривает. Через пару минут поворачивается ко мне: «Слухай, сынок, пидийды сюда, тут наш фершал щось напысав, нэ пийму дэ начало, а дэ кинэць?» Я подошел, посмотрел длинный список лекарств и сказал женщине, где, что и как, и посоветовал обратиться к аптекарю.

По ту сторону прилавка возвышалась в единственном числе мощная, с орлиным носом и высокомерно-брезгливым видом, вся увешанная золотом, аптекарша. Осторожно, двумя пальцами она взяла протянутую старушкой бумагу-заявку и мгновенно, не читая, выдала: «У нас ничего этого нет!»

«Дочка, та нэ можэ бути, глянь, скільки у вас тут усеґо, — пыталась убедить та хозяйку аптеки, — а в нас даже йоду чи бинта нэ знайдэш». «Слушай, бабка, иди отсюда, я тебе сказала, что ничего этого нет! — горой нависла над старушкой аптекарша, — ты хочеш, щоб я милицию вызвала?»

На шум вышел заведующий, с такими же габаритами и таким же внешним видом. Узнав в чем дело, он вмешался в диалог и не очень торжественно выпроводил посетительницу на улицу. Та упиралась, а когда поняла, что бесполезно на такую публику тратить силы, вышла из аптеки, напоследок бросив: «Ну, трутни, я вам покажу!» «Да-

вай, давай, проваливай, потом покажешь», — подтолкнул ее аптекарь.

Помните, как в той песне: «Мгновенья раздают, кому позор, кому — бессмертье...» Если бы тот отъездивший на государственных лекарствах аптекарь знал, на кого он кричал, он бы проглотил язык и задушил бы аптекаршу, скорее всего — родственницу, ибо посторонние в таких местах не работали. Но он этого не знал, величественно закрыв дверь, вернулся в аптеку и ушел в ее глубины.

Однако события начали развиваться совсем неожиданно и в очень ускоренном темпе. Я только вышел из аптеки, как увидел опять ту же женщину, возвращающуюся в аптеку в сопровождении двух крепких молодых ребят. Надо было видеть белые, искаженные от страха и одновременно угодливо-масленные лица аптечных работников. Они буквально стелились перед бабушкой, как-то незаметно выхватили у нее тот злополучный список, через каких-то полчаса сами вынесли и погрузили два больших ящика на стоявшую у входа грузовую машину.

Растерянно смотрю и ничего не понимаю. За 30—40 минут такие перемены. Пока грузили лекарства, я подошел к водителю и спросил, кто эта женщина. «Так тож Заглада Надежда Григорьевна, из нашего колхоза. Люди попросили ее, как депутата, помочь получить лекарства для нашей аптеки, а то наш аптекарь уже два раза со мной приезжал, и ничего не дали, все только обещали». Заглада поехала сама, а когда и ее выпроводили, она зашла в обком партии, он в минуте ходьбы, оттуда позвонили в аптеку, дали двух ребят, а дальше все пошло уже по другому сценарию.

Воспользовавшись случаем, я подошел к этой суперизвестной в то время женщине, сказал, что работаю в армейском комсомоле, и попросил ее приехать к нам в часть, встретиться с комсомольцами. Она тут же отреагировала по-своему: «А ты вызы их сюда, до мэнэ на полэ. Хай побачуть, як буряк солодким сахаром становыться. Можэ на кого из моих дивчат прыдывляться, а то я их тильки гоняю и ничего воны, бидни, нэ бачуть, однэ сонцэ, сапу, та длиннэ-длиннэ, як собачя писня, полэ».

В конце концов, я ее уговорил, и в один из выходных вечеров привез ее в часть на встречу. Думаю, что и мне, и всем присутствующим эта встреча запомнилась навсегда. Это не было шоу или встреча с суперзвездой. Это была встреча с простым Человеком. Пусть даже малограмотным в общем плане, но высокообразованным в жизненном, главный девиз которого: «Робить, диты, робить добрэ, и всэ у вас будэ

и за душою, и на столи, и в кармани».

Да, она, конечно, была не простой женщиной, жесткой, даже амбициозной, но она РАБОТАЛА, созидала не по обязанности, а по состоянию души. И за это можно простить то, что, возможно, и было наносным. Поэтому на таких людей хотелось равняться, они хоть и попадали в лучи навязанной славы, но были того достойны.

Потом я еще несколько раз встречался с Надеждой Григорьевной, но уже на каких-то общих мероприятиях. А в дальнейшем случилось, как всегда в те времена: ушел Хрущев, и нам запретили общаться со всеми, кто был при нем в фаворе. Такие люди сразу стали вне политики, а все контакты с ними расценивались как аполитичные.

Так у нас было всегда. Уходит вождь — все его друзья мгновенно переводятся (не переходят!) в разряд врагов нового вождя. Это одно из основных отличий любого тоталитарного режима. При этом любой хороший человек преподносится обществу совсем в другом цвете. Не избежала этого и Заглада. А потом ее просто забыли.

БОЦМАН БУГАЙ

Жизнь армии, прежней советской и нынешней, базируется на трех основных опорах — оперативно-строевом, инженерно-вооруженческом и тыловом обеспечении. В принципе, равные по степени воздействия на жизнеобеспечение армии в общем плане, эти основные направления в разные времена имеют разное значение. В военный период выходят вперед два первых направления, а в мирное время и особенно в нынешнее, основная масса проблем приходится на тыловые службы, то есть на хозяйственно-бытовое направление.

Разве даже в тяжелейшие прежние времена кто-то посмел бы отключить от электроэнергии какую-нибудь военную базу или просто военный городок? Уже через несколько часов и виновные в этом, и невинные были бы жестоко наказаны. А сейчас можно делать все, рынок! Не заплатил — отключают все: электроэнергию, тепло, воду, транспорт, что угодно. Это сегодня солдаты и их командиры недокармливаются, недообмундировываются, живут в недостойных условиях. И раньше тыловое обеспечение шло по остаточному принципу, но тогда хоть оставалось что-то, а сегодня армия вообще финансируется по остаточному принципу, что уж тут говорить о хозяйственном обеспечении!

И все же, несмотря на всю «остаточность» обеспечения этого направления, тыловые службы и их работники всегда жили лучше, чем строевики или политработники. Что есть, то есть — и никуда от этого не денешься.

Во всей этой интендантско-хозяйственной братии, от идеологов-руководителей до всевозможных исполнителей, заведующих складами, пекарнями, столовыми, прачечными и подобными образованиями, наиболее многочисленным был, да и остается пока, институт старшин — рот, батарей, боцманов кораблей и приравненных к ним категорий.

Старшина в подразделении — это, прежде всего, хозяин во всем: и в обеспечении, и в порядке, и во внешнем виде солдат, и в дисциплине. Иногда даже трудно определить, кого уважают больше, командира или старшину, который всегда рядом, все и всех видит, все

и всех знает и до всего ему есть дело. Естественно, уважение начинается с какой-то боязни. Как в семье, отца уважаешь, не только по тому, что любишь, а еще и по тому, что боишься. Он может и пряник дать, и шлепнуть, если заработаешь. Так и старшина.

В прежние времена старшины и боцманы были, в подавляющем большинстве, сверхсрочниками и служили на этих должностях многие годы. И это было правильно. За много лет хороший старшина узнавал все необходимое, чтобы обеспечить своему подразделению нормальную жизнь, сводил до минимума какие-то неизбежные потери и старался делать все возможное и невозможное в вопросах своей компетенции.

Старшине по воинским уставам предоставлялись довольно приличные права по воздействию на личный состав. Он мог дать увольнение на сутки, наказывать нарядами вне очереди и даже сажать на гауптвахту.

Короче говоря, действующая в армии система обеспечивала старшине серьезные полномочия и соответствующий официальный авторитет. Все остальное зависело от самих старшин. Люди, конечно, они были разные, по всем параметрам, но подавляющее большинство их, прежних старшин и боцманов, были «служаками» в лучшем понимании этого слова, как сказали бы сегодня, «службоголиками». Они именно служили, другое дело, как у кого получалось.

За время службы в армии (и курсантом, и командиром взвода, и комсоргом войсковой части) мне довелось общаться и работать со многими из них. По-разному складывались наши отношения, но в целом я благодарен им всем без исключения за то, что они были вообще, и за отношение ко мне, в частности.

А начало было положено еще в учебном отряде, в первые месяцы курсантской службы.

Я первый раз попал в наряд по роте где-то через месяц после прихода на учебу. Дежурным был наш командир смены, а мы, трое курсантов, должны были сутки «дневалить». Задачи дневального не так обширны, но в школе все было очень строго и четко исполнялось по уставу. Один дневальный час-два стоит, другой бодрствует, следит за порядком и выполняет поручения дежурного, третий отдыхает. Каждый час или два идет ротация, один сменяет другого.

Когда пришла моя очередь «бодрствовать», дежурный послал меня убрать и помыть пол в ротной «каптерке». Приберись, мол, пока боц-

мана нет. Старшиной нашей учебной роты тогда был главстаршина Бугай. Он много лет служил боцманом на кораблях Балтийского флота, затем был списан на берег за чрезмерное увлечение спиртными напитками. А так как ему оставалось пару лет до пенсии — его назначили старшиной учебной роты.

Был он небольшого роста, с лунообразным лиловым лицом, хриплым голосом и лексиконом в структуре один-два-три, то есть одно нормальное слово у него чередовалось с двумя-тремя многоэтажными матами. Отзывался только на обращение «боцман».

В роте его побаивались, так как недостающие до пенсии годы он сумел-таки дослужить при школе, и теперь практически никого не боялся, мог выкинуть, что угодно. Особенно его боялись курсанты, боялись просто, так как какой-то видимой жестокостью Бугай не отличался. Его грубая, но беззлобная шумливость, скорее всего, и была причиной курсантской, и не только, боязни. Да и непредсказуемость тоже.

Поправив висающие в каптерке бушлаты, помыл пол, протер, где надо, пыль и хотел уже уйти, но заметил наполовину заполненную корзину для бумаг и вернулся. Приподняв старинную резную деревянную урну-корзину, увидел в углу бутылку из-под чернил (согласно этикетке). Она была на 0,8 литра, темно-зеленая, и внутри что-то плескалось. Сверху была свернутая из газетной бумаги измазанная чернилами пробка.

Чертово мое любопытство! Вынул пробку, понюхал — на чернила не похоже. Постоял немного, снова понюхал — пахнет, как ром. Был тогда в продаже румынский ром по 27 с полтиной за поллитра. Я его как раз по пути в армию пробовал, поэтому понял, что это такое, по запаху.

В те времена, а дело было в пятьдесят девятом году, бытовая химия у нас находилась в зачаточном состоянии, каких-либо жидкостей для мойки, стирки практически не было, так что содержимое бутылки явно смахивало не на какую-нибудь отраву, а на обыкновенный ром. Ну, ром так ром, закрой и уходи. Куда там! Я взял на столе у Бугая кружку и налил в нее из бутылки то, что в ней было, где-то на палец. Снова понюхал, лизнул языком — таки ром! Выпил то, что налил, постоял, думал — не упаду ли. Ничего, нормально. Закрыв бутылку и хотел выйти из каптерки. Нет, опять вернулся, налил половину кружки, выпил, поставил бутылку на место, ополоснул из графина кружку, вылил в стоявший в углу фикус, закрыл дверь и отдал ключ дежурному.

Часа через два, отстояв «навеселе» у тумбочки (все-таки больше месяца не выходили за территорию школы), лег отдыхать. Не успел заснуть — слышу рев боцмана: «Дежурный, мать перемать, хто мыв пол в каптерки?!» «Курсант Гурковский», — ответил подбежавший дежурный. «А ну давай сюды, мать перемать, того курсанта!»

Несмотря на то, что я уже не был «пацаном», пять лет отработал самостоятельно, что-то уже в жизни видел, внутри у меня все сжалось, и не из-за боязни, а из чувства определенной вины. Дежурный подошел меня будить, не понимая причину злости боцмана, но я, опередив его, встал, поправил обмундирование и пошел в каптерку, ожидая любого поворота событий, вплоть до рукоприкладства.

Зашел, доложил. На удивление, Бугай изучающее на меня посмотрел, как будто впервые видел, и просто спросил, показывая в угол, где стояла корзина для бумаг: «Брав?» «Брал», — тут же ответил я. «Положи на мисто!». «А як же я положу, — перешел я на украинский, — в мэнэ ны погон, ны удостоверения ще ныма». «А гроши е?» «Е», — отвечаю. «Ты зараз стоиш, чи отдыхаеш?» «Отдыхаю». «Так вот, пока будэш «бодрствовать», сбигаеш в магазин, тут близько, я тоби маршрутный лыст на почту на два часы выпышу и на КПП проезду. Поняв»? «Так точно, все понял», — ответил я, и через десять минут мы с ним были на КПП, а еще через полчаса я принес в каптерку две бутылки рома.

Как выяснилось, бурная реакция боцмана при его возвращении в каптерку после моей «уборки» стала следствием того, что я, дважды отпив из бутылки, практически ее опустошил. Через толстую зеленую бутылку в полумраке каптерки мне трудно было точно определить, сколько там оставалось рома. Бугай, войдя, первым делом взялся за бутылку, зная, что там и сколько, но выжал всего несколько капель.

Когда я вернулся с литром рома, Бугай прямо при мне вылил содержимое двух бутылок в старую бутылку-чернильницу, а то, что не вошло — в кружку, предварительно поделив остаток на две части. Сперва выпил сам. Потом еще раз внимательно посмотрел на меня и, вылив в кружку остаток, протянул мне: «Давай». Я выпил. Бугай налил себе еще, уже из бутылки. «Ну, ты даеш, — он заулыбался. — Трэтий год стоить пэ «чарныло» на глазах у всех, и нихто ще нэ брав в руки! За цэ давай еще по дэсять капиль!» Мы с ним еще понемногу выпили, и я ушел «бодрствовать».

Где-то через пару дней под вечер меня вызывает боцман. «Пидэш сегодни зи мною».

Вечером он провел меня через КПП, и мы пошли в город. По дороге я купил четыре бутылки водки, пару банок консервов.

Шли в темноте долго, по каким-то закоулкам. Наконец, вышли на окраину. Темно, сплошь железнодорожные пути, и на них товарные вагоны, наспех оборудованные под жилье. Мне показалось, что их тысячи. Стояли они, видно, не один год.

Возле некоторых палисадники разбиты, наверное, что-то сажали летом. Еще через некоторое время подошли к обычному снаружи вагону. Постучали. Открывается дверь, сноп света изнутри, какая-то женщина равнодушно встречает: «А, это ты — входи».

Заходим Резкий контраст между темнотой на улице и ярким светом от мощной лампы. В углу горит обложенная кирпичом печка-буржуйка.

Все стены в фотографиях, вырезках из журналов, вышивках, самодельных ковриках. Вагонные полки в два яруса. И девчата, человек десять — не меньше. Та, которая нам открыла, как: после выяснилось, была бригадиром этой женской путейской бригады. Ей, наверное, не было и тридцати, но мне показалось, что ей лет двести! Просто, когда тебе девятнадцать, уже тридцатилетние кажутся дряхлыми старухами. По внешнему виду она смахивала на Ньюрку из известного фильма, которая «приторговывала марафетиком». Бригадир с боцманом уединились за ширмой, отделявшей небольшое пространство от остальной территории вагонной комнаты.

Меня обступили члены бригады: «О, молодой курсантик!» Все они были молодые, но уже «провальцованные» жизнью и без, как говорят сегодня, всяких ограничительных комплексов. Слава Богу, что их было много, поэтому, ощупав меня и обнюхав, успокоились и сели за единственный стол играть в лото. В эту игру играют или нищие, просто для ощущения удачи, хоть какой-то, или богатые — от нечего делать. Все шло нормально, как в семейной обстановке. За ширмой слышалось цоканье стаканов, так как четыре бутылки водки, которые я принес, забрала бригадир.

Часа через два она выглянула из-за занавески: «А ну, ты, салага, иди сюда, заberi этого козла, зачем он мне такой нужен!» Я подошел к занавеске — на топчане, в углу, полулежа, храпел боцман. «Может, пусть он немного поспит, а потом пойдет?» — предложил я.

«Да пошел он, мне спать негде, и на работу рано, а с него какой толк! — взъярилась бригадир, опрокидывая боцмана к выходу. — Давай вываливайся!»

Бугай свалился набок, что-то замычал, но не проснулся. Выпитые за пару часов два литра давали себя знать. Я попробовал его встряхивать и поднимать — бесполезно. «Ты спускайся вниз, а мы тебе его свалим», — решила бригадир. Так они и сделали. Хорошо, что у входной лестницы было всего четыре или пять ступенек. Бугай мешком скатился на мерзлую землю, зашевелился и начал что-то бормотать вперемежку с матами. После игры в лото при ярком свете — абсолютная темень и девяностокилограммовый мешок в форме боцмана Бугая. Слишком резкая перемена, но идти-то надо. А куда! Еще когда нас выпроваживали, я спросил бригадира, куда идти, она махнула рукой назад и сказала: «Обойдешь вагончик, и шуруй все время вниз, а там кого-то спросишь». С трудом повесив на себя боцмана, я поплелся, обходя вагоны и палисадники вниз, как советовала старшая. Если бы это был просто мешок, я бы с ним легко справился. Куда там, этот «мешок» упирался, обмякал, постоянно лез драться, крыл во весь голос меня и весь окружающий темный мир матами и кричал: «Хто ты такий, куды ты мэнэ тянэш?» И опять — в драку, и опять — мать перемать. Не знаю, сколько мы шли, но, в конце концов, вышли к городу, на освещенные улицы.

Было уже за полночь, прохожих практически не было, а те, что попадались, когда я их спрашивал, как пройти к нашей школе, с испугу шарахались подальше. Бугай орал, и по городу я старался идти по тенивым местам, не желая наткнуться на патруль или милицию, а то и просто на какого-то военного. В центре я узнал баню, куда нас по субботам водили, и уже сориентировался, где мы, и куда двигать дальше. Подошли к нашей школе. Ну, на КПП я ж Бугая не понесу. Пошел в обход забора — искать удобное, вернее чистое место. Дело в том, что весь двухметровый кирпичный забор сверху был утыкан битым стеклом, и переваливать боцмана через него было чревато. А с другой стороны территории забор вообще был металлический — пики такие острые.

Нашел место, где забор или ремонтировали, или меняли что-то под ним — метра два стекла сверху не было. Стал готовиться к переброске Бугая на территорию школы. И ему, и мне позарез необходимо было быть там. Он, бессемейный, при школе жил, а я служил, да еще только второй месяц.

Вроде все было — и необходимость, и возможность. Я тогда активно занимался спортом, на тренировках толкал 140-килограммовую штангу и вырывал 100 килограммов любой одной рукой. Казалось, что там девяностокилограммовый боцман! Но, нет. Этот извивающийся, затем обмякающий, постоянно пытающийся меня ударить, беспрерывно изрыгающий маты «объект» перевалить через забор оказалось просто невозможно. Что я только ни делал — подлезал под него, пытаюсь приподнять, ставил его стоя, пытался перевернуть через забор как ваньку-встаньку и т. д. Бесполезно. Наконец, собрав всю свою скорее не силу, а злость, я таки перевалил Бугая через забор. Он мягко шмякнулся с той стороны на землю. Хорошо, что асфальтовый плац не подходил вплотную к забору — его отделяла двухметровая цветочная полоса. На нее, хоть и мерзлую, он и упал.

Я, оббежав территорию, перелез через хозяйственные ворота и через минут пять был на своей койке. Лег, не раздеваясь, чтобы не привлекать внимание.

Прошло минут двадцать, мне было не до сна — никак отойти не мог от «прогулочного вечера». И тут вдруг — тревога! Завыла сирена. Тревоги бывают разные. Дежурный по роте объявил, что тревога пожарная. При такой тревоге к каждому курсанту приписан штатный инструмент. У кого — ведро, у кого — топор. У меня был приписан багор. Так как я лежал одетым, то и выскочил на построение первым, прихватив свой багор. Обычно, при прежних учебных тревогах, спросонья я не раз доставлял окружающим неприятности своим багром, а на этот раз я стоял в гордом одиночестве, держа багор, как копье, и поджидая остальных, за что был на утро отмечен зам. командира нашего взвода.

Но пока построились, дали отбой, и все разошлись спать дальше. Я чувствовал, что тревога как-то связана с нами, но спросить было не у кого. Утром выяснилось, правда, негласно, следующее. Бугай, когда упал на территорию школы, очнулся и пополз через освещенный плац в сторону строений — как раз между водонапорной башней и последней казармой. Часовой сторожевого поста, из курсантов, охраняя башню, задремал, а когда открыл глаза, то увидел, что к нему ползет человек. Испугался, из оружия у него был только нож, ну, и нажал на кнопку вызова караула. Начальник караула, увидев, что сигнал от столовой, подумал, что загорелось что-то, и объявил пожарную тревогу. Ну, и завертелось. А боцман тем временем дополз до ямы, куда

излишняя вода сбрасывается, и окунулся туда головой. Мог и навсегда нырнуть, да часовой, узнав его при свете, вытащил.

Прибежал начальник караула, друг нашего боцмана, и отвел его домой. На этом неприятности того дня закончились. На следующий день старшины у нас не было, вроде как заболел. А еще через день прошел слух, что Бугай выходит на пенсию, давно, мол, собирался и, наконец, решился.

Через пару дней построили роту, и капитан первого ранга, начальник школы, объявил Бугаю благодарность и поблагодарил за службу. Прощаясь, боцман отдельно подошел ко мне: «Спасибо, Васыль, ты добрый пацан». «Счастливого тебе, Мыкола», — ответил я, и мы обнялись, просто так, как люди, знающие друг друга. Он уехал домой, куда-то на Украину.

Появился у нас новый старшина. Не знаю, что ему сказал Бугай, но ко мне у него было особое расположение. И когда месяца через четыре наш командир смены ушел на учебу, на удивление всем именно новый старшина вышел с инициативой дать возможность мне подготовиться и сдать экстерном экзамены за полный курс учебы, чтобы можно было назначить командиром учебной смены. Что и было сделано. И пришлось мне самому «доучивать» своих же коллег-курсантов. Получилось так, что за все годы службы в армии я всего один раз мыл пол, и то в каптерке боцмана Бугая.

ПОБЕДА ВО ИМЯ ПОБЕДЫ

Ежегодно в мае мы отмечаем очередную годовщину Победы нашего народа в той далекой уже Великой Отечественной войне. Мы, сегодняшние, привыкли к тому, что 9 Мая — праздник, причем великий праздник. При этом те, кто участвовал в войне или жил в то время, воспринимают этот день, конечно, иначе, чем поколения, выросшие после войны. Но все равно, праздник есть праздник.

А ведь было и такое время, когда эту дату, по воле отдельных людей и в угоду их амбициям или чьей-то личной неприязни друг к другу в верхних эшелонах власти, просто «забыли», и праздничный день с 9 мая был официально перенесен на 2 января. Сделано было и «обосновано» такое действие по инициативе Н.С. Хрущева, которому не давали покоя всенародная слава и любовь к герою войны — маршалу Г.К. Жукову. Уже после пятнадцати послевоенных лет внимание ко Дню Победы было искусственно ослаблено.

И только к 20-летию Победы, то есть к 1965 году, этому дню был возвращен статус праздника Победы. 20-летие, впервые после войны, отмечали с большим размахом по всем направлениям жизни страны. Впервые была учреждена юбилейная медаль, выпущены юбилейные монеты, возводились памятники, выпускались открытки, издавались книги, плакаты и другие всевозможные атрибуты, достойные всесоюзного юбилейного торжества. Вспомнили, наконец, о ветеранах войны, установили ряд льгот для них и т. п. В плане юбилейных торжеств прошла целая волна спортивных и культурно-массовых мероприятий.

Хочу рассказать о малозаметном для всех, но очень существенном для меня случае, происшедшем в канун именно того, 20-летнего юбилея. Обычном случае, характерном для тех времен, обязательных и в какой-то мере довольно часто «показушных».

Но это был, и никуда ее не денешь. Это как бы штрих из жизни работников-организаторов нижнего (рабочего) звена партийно-государственной власти тех времен. На кого раньше ложилось основное бремя всей организационно-массовой пропагандистской и воспитательной работы? На первичные ячейки, первичные партийные и

комсомольские организации, райсельсоветы и, конечно, руководителей хозяйств и предприятий. Основная работа шла в фундаментном слое — от первички до уровня райкома (горкома). Дальше (обком, ЦК республики и выше) шла совсем другая деятельность. Надо признать, что именно в первичном (по район) слое шла действительно работа — без выходных, без праздников и всего того, что с этим связано.

Парторги и другие организаторы низовых звеньев, в большинстве своем люди ответственные и порядочные, в те времена, как правило, были «прислужой» за все и представляли собой что-то вроде касты «мальчиков для битья». Если от кого-то хотели избавиться (как правило, хорошего, но «неудобного» для кого-либо из руководства человека), его «добровольно» избирали парторгом любого уровня, а затем очень быстро находили причины, и наступали различные виды воздействия. «Удобным» и «своим» людям, наоборот, давали возможность прыгать по иерархической лестнице, иногда через несколько ступенек.

Я уволился в запас в шестьдесят четвертом и вернулся в свое село, где пять лет трудился до армии в МТС, пахал целину, сеял, косил, возил, строил и т. п. Увольнялся с должности освобожденного комсорга войсковой части, поэтому при постановке на партийный учет мне сразу предложили идти инструктором в райком. Такая перспектива мне никак не улыбалась. Дело в том, что в последние годы правления Н.С. Хрущева в народном хозяйстве произошли значительные организационно-структурные перемены.

Были проведены объединения районов, причем не всегда разумные. К примеру, наш район, а дело было в Казахстане, объединили с двумя другими крупными районами, и вновь образованный район по территории превышал по площади всю нашу Молдавию более чем в 2 раза.

Были ликвидированы райкомы партии. Вместо них функционировали парткомы при производственных управлениях сельского хозяйства. Областные комитеты партии разделили на промышленные и сельскохозяйственные, а хозяйственное управление отдельными регионами осуществляли советы народного хозяйства, так называемые «совнархозы». И в это время идти инструктором райкома? После пяти лет службы в армии, без копейки в кармане, так как строевая и комсомольская службы, в отличие от интендантских, приносили только дополнительные расходы, да еще с женой и дочкой, да еще без родителей, да еще по зоне в несколько десятков тысяч квадратных километров не нашего, а соседнего района? Ну и, естественно, все это пешком и на попутных, так как инструкторам транспорт не полагался...

И быть бы мне вечным командировочным, потому что оспаривание «почетного» предложения райкома (тогда парткома) вновь прибывшему, считай, чужому, ничего хорошего не сулило, во всех сферах жизни. Спас меня от того «почета» председатель нашего колхоза, удивительной порядочности и крестьянской смекалки человек — Г.И. Каструбин. К его мнению прислушивались не только в районе. Он сказал, что никому меня не отдаст, колхозу нужен прораб и экономист, а этот человек имеет документы техника-строителя, до армии пять лет работал в колхозе трактористом, комбайнером, водителем, набрался опыта работы с людьми в армии, знает людей, а люди его — зачем же отнимать его у села, тем более, он не имеет влиятельных родственников, и этапное карьеро-партийное продвижение ему не нужно.

Меня оперативно приняли в колхоз на работу, и вопрос был снят. Но райком и тут «достал» меня. Раз, мол, он остается в колхозе, то делайте его парторгом, и пусть работает, а там посмотрим.

Так я получил «нагрузку», и потом несколько сроков сдавал-принимал эту обязанность «прислуги за все». Кто прошел через это и прошел добросовестно, тот меня поймет.

В марте 1965 года на известном Пленуме ЦК по сельскому хозяйству был намечен ряд мер по подъему этой отрасли — я не буду их перечислять и комментировать, так как тема рассказа совсем иного плана.

В конце апреля меня и как экономиста, и как парторга, вызвали на семинар в область по разъяснению материалов прошедшего пленума. Семинар был солидный и по времени продолжительный. Закончился 6 мая. Вечером в гостинице мне сообщили, что надо позвонить домой, в колхоз, какое-то срочное дело. Позвонил председателю, он говорит: «Я не был дома, но была телефонограмма из района, чего-то тебя туда вызывали. Это было еще до 1 мая. Ты завтра утром съезди в райцентр, там ближе, и все узнай».

На следующий день я первым автобусом выехал в Новороссийск, так назывался наш райцентр в то время, и уже к 9 утра был в райкоме. У входа встретил второго секретаря Сапара Сагинтаева. С ним я был знаком еще до армии, когда он был у нас первым секретарем райкома комсомола. Позже, при Горбачеве он закончил свою карьеру на посту председателя областного Совета. И первое, что он спросил, было: «Ты команду привез?» Не понимая, в чем дело, я уклонился от ответа, перевел разговор на другие темы, и мы расстались. Ну, раз разговор зашел о команде, значит, что-то связано со спортом.

Пошел в районный спорткомитет и выяснил, что перед Первомайскими праздниками собирали секретарей на совещание, где объявили о проведении районной спартакиады в честь 20-летия Победы. Было разработано и доведено положение о спартакиаде, ну, и все, что с ней связано. Как и прежние юбилейные мероприятия, спартакиада имела больше политический оттенок, чем спортивный, и обязательность участия в ней не подлежала обсуждению. С тех пор прошло две недели, команды колхозов, совхозов, училищ готовились, а некоторые дальние уже даже приехали и тренируются на месте проведения соревнований, то есть на школьном стадионе райцентра. Я понял, что в отсутствие председателя и меня в район никто не поехал, и о спартакиаде в колхозе никто ничего не знает.

Прихватив с собой копию положения о спартакиаде, не говоря ни слова, внешне спокойный, вышел из спорткомитета и пошел позавтракать.

В райцентре была столовая с громким названием «Ресторан». Сидя в ожидании заказанного завтрака, познакомился с условиями юбилейной спартакиады. Один день, 8 мая, десять видов: бег на 100, 200, 400, 1000, 3000 метров, прыжки в длину и высоту, метание гранаты, диска и волейбол. Причем, волейболисты играют в двух подгруппах, а потом — финал. Все просто и понятно. Одно плохо — мы об этом не знали. Ну, кому потом объяснишь, что в лучшем в области хозяйстве не нашлось десятка ребят, способных выступить на юбилейной спартакиаде?

Тут тебе вспомнят все — и отказ от инструкторства, и «черные» пары, и многолетние травы, и все, что было и не было. Я уже видел перед собой укоризненный взгляд председателя, а ему достанется гораздо больше моего, до очередного юбилея не дадут покоя, если вообще дадут дожить до того, следующего.

Я мучительно искал выход. Домой через областной центр — более 200 км, поездом — 80 км, но поезд ходит через день, сегодня ушел в нашу сторону, а обратно будет через сутки ночью. А начало завтра — 8-го мая, в 10.00.

Дикость и нелепость ситуации заключалась еще и в том, что я, парторг колхоза, в отличие от большинства своих коллег партторгов-аграрников — бывший победитель первенства флота по боксу, двух окружных первенств по волейболу, победитель и призер многих районных и областных соревнований, имевший первые разряды по пяти

видам спорта — и на тебе, оказался вне игры. Любые мои самые объективные объяснения потом — будут детским лепетом. Но что делать? Я мог бы сам за всех отбегать и отпрыгать, хотя по положению один участник может выступать только в двух видах, не считая волейбола, но не могу же я сам и в волейбол играть!

Как всегда в таком положении сама натура подсказывает: а что если?! Я вспомнил, что пару месяцев назад, в этом же ресторане встретился с Валерой Уваровым, мы с ним раньше в волейбол играли. Разговорились, оказалось, что он здесь пока живет и работает в геолого-разведочной экспедиции. Живут геологи за поселком, в вагончиках. Есть телефон. А что если?!

Я тут же из ресторана позвонил в экспедицию и почувствовал, что фортуна пока ко мне спиной не повернулась. Оказалось, что Валера только вчера со своей группой вернулся с вахты и на праздники будет дома. А сейчас отдыхает в таком-то вагончике.

Я извинился перед официантом за заказ и буквально побежал за поселок, к вагончикам. Нашел Валеру, попросил помочь сыграть в волейбол всего несколько встреч, хотя бы для регистрации. Как говорилось в те времена, — важна не победа, важно участие.

Валера сказал, что есть в его бригаде несколько «фитилей», но он не знает, играют ли они в волейбол или нет. Сейчас они спят, и если не дать им сегодня напиться, то к завтрашнему дню они могут быть в форме. Тем более, если пообещать им «магарыч». Потом.

Попросив его проконтролировать все вопросы, связанные с их пробуждением и времяпровождением, я вернулся в поселок. У меня уже созрел стратегический план на ближайшие сутки, необходимо было отработать детали. Одной из важных были деньги. После двух недель командировки, в кармане одни копейки — на проезд. Где взять деньги в чужом поселке? И быстро? Так как я был одновременно и парторгом, и экономистом, и прорабом колхоза, то у меня в районе было и три места подчинения — райком, планово-экономический отдел управления сельского хозяйства и строительная служба того же управления. Ну, райком денег не дает, тем более что я там уже был, районные строители, как и все наши строители тех лет, сами ищут, кто бы их с утра опохмелил. Остается экономический отдел.

Непосредственным моим начальником в этом направлении был умнейший, добрейший и хитрейший человек — Иван Иванович Мартене. Я с ним всего полгода работал, но чем-то ему приглянулся. Это

было заметно. Вот потому я пошел к нему и попросил 100 рублей. Объяснил, зачем и почему. Он сразу все понял, через 10 минут принес деньги и благословил меня на, в принципе, не родственник для экономистов поступок. «Это тело, нушное, Вася, тавай, тействуй», — сказал он, и я уехал в Актюбинск, то есть в областной центр.

Там, без всяких проблем, оперативно купил семь одинаковых зеленых футболок, шесть трусов, пару тапочек для себя, волейбольный мяч, насос с иглой для подкачки и после обеда снова был в райцентре.

Нашел Валерку. Он подтвердил, что договорился с четырьмя ребятами, они что-то в волейболе смыслят и сейчас ждут меня. Мне они, честно говоря, сразу не понравились — высокие худые флегматики с безжизненными глазами и развальной походкой. Неразговорчивые и без видимого интереса к жизни.

Что-то засветилось у них в глазах, когда я им пообещал по червонцу за участие. А Валера сказал им просто: «Мы с Василем будем играть, а ваша задача — не давать бить противнику и ставить блоки».

Договорившись, мы накачали мяч и часа три разминались, привыкая и к мячу, и друг к другу. Вечером я зашел в райспорткомитет и сделал заявку на участие нашей колхозной команды в спартакиаде.

Официальная заявка выглядела так: я бегу 100 и 200 метров и участвую в волейбольном турнире. По всем остальным номинациям значились фамилии реально существующих, но отсутствующих ребят — колхозников, причем с учетом их потенциальных возможностей, ведь я хорошо знал, кто и что у нас в селе может делать.

Неофициально — все, кроме волейбола, должен был делать я сам. Проблемными оставались только два вида — бег на 3000 метров и метание диска. Дело в том, что если я после четырех беговых дистанций и двух видов прыжков еще буду метать гранату и бежать 3 километра, то на волейбольную площадку меня принесут на носилках. А диск я вообще держал в руках два раза в жизни — первый раз в школе как-то бросали, а второй раз, когда покупал диск в магазине, работая в комсомоле.

«Ну, завтра даст Бог день — даст Бог и пищу», — думал, засыпая в гостинице. 8 мая в девять часов я был на стадионе, познакомился с членами оргкомитета, который возглавлял все тот же второй секретарь райкома Сагинтаев, и с судейской коллегией.

Подтвердил заявки и стал ждать моих «клиентов». Договорились, что к 10 они подойдут на построение.

Надо сказать, что участников и болельщиков собралось очень много для тех мест — несколько тысяч. Некоторые коллективы, например, два училища механизации, управление железной дороги, опытная станция, привезли человек по 50 только участников. Многие тут же, играя мускулами, демонстрировали свое умение и самое себя, раздражающе и «устрашающе» действуя на соперников.

При построении некоторые коллективы представляли целые полнокровные роты и лишь один, самый передовой в области колхоз «Передовик» был представлен командой из одного спортсмена (он же парторг). Сразу заметив это с трибуны, Сагинтаев в рупор спросил: «Василий Андреевич, а где ваша команда?» Он думал, что я ее привез вчера, когда мы встретились, ему и в голову не могло придти, что наш колхоз не выставит команду. Я крикнул: «Переодевается».

Когда разошлись по секторам, подошли мои «легионеры». Слава Богу, что, волейбольных команд оказалось только восемь. Их разбили на две группы, победители групп встречаются между собой в финале. Чтобы получить два очка за участие, надо сыграть хотя бы матч, а чтобы стать победителем по волейболу и заполучить 10 очков (за каждое первое место по всем десяти видам начислялось 10 очков, за все последующие места шло начисление по определенной системе), надо было выиграть четыре матча — три в группе и один в финале. Каждая из двух групп соревновалась на отдельной площадке. К счастью, первые две игры шли без нас. Это давало мне шанс разобраться со всеми другими номинациями без осложнений.

Что я оперативно и сделал. На 100, 200, 400 и 1000 метров ушло примерно час, полчаса — на прыжки и метание гранаты. И что интересно (есть все-таки Бог на свете!), когда я бежал 1000 метров и с ужасом представлял себе, как буду при этой жаре бежать 3 километра, в толпе многочисленных болельщиков мелькнуло знакомое лицо. Закончив дистанцию, я нашел это лицо. Оно принадлежало Володе Крупскому, троюродному брату моей жены. Он был тогда еще пацаном лет 16—17, и по каким-то делам находился в районе. Я уговорил его бежать 3 километра. Он, бедняга, смог одолеть всего два круга вокруг стадиона и упал, зарывшись в песок своими ушами и носом. Затем начал плакать и жаловаться мне же на то, что я его заставил бежать. Это была неправда, но дело уже было сделано, а полученные нами два очка — была уже правда.

Правда была еще и в том, что, выиграв четыре первых беговых дистанции, я бы не смог даже посредственно бежать на пятой и, независимо от результата, выбил бы себя из волейбольных соревнований. А этого нельзя было делать, так как волейбол — мой любимейший вид спорта. Тем более, слишком много я сделал, чтобы сыграть именно в волейбол на этой спартакиаде.

Не буду утомлять читателя излишними подробностями этого труднейшего, если так можно сказать, дня в моей парторгской жизни.

Мы в тяжелейшей борьбе выиграли четыре матча подряд и стали победителями. В остальных видах — 100, 200, 400 и 1000 метров — первые места. Прыжки в длину — первое место. Прыжки в высоту — третье место. Метание гранаты — первое место. 3000 метров — два очка за участие. В метании диска, хоть мы и были заявлены, но не участвовали. Я боялся сорвать руку и не пошел в сектор для метания. По этому направлению у нас зиял ноль.

Но мне уже было все равно, есть у нас очки или нет. По телу как будто асфальтный каток прошелся.

После окончания финального волейбольного матча, который мы вообще непонятно как выиграли у слаженной команды опытной станции, матча, который завершал праздник и собрал всех оставшихся участников, болельщиков и организаторов спартакиады, большинство из которых почему-то болело за нас (видно, мы чем-то были похожи на игроков киевского «Динамо», которые играли с немцами в период оккупации, победили и погибли), я не стал дожидаться итогов и разборок. Вместе с четырьмя «легионерами» подошел к школьному колодцу, чтобы, наконец, за целый день умыться и отдохнуть. Поблагодарил ребят, которые не собирались кого-то побеждать и напрягаться, но у которых, по ходу встреч, загорелось внутри то наше, прежнее — общесоветское. Да так загорелось, что они выложили не только все, что могли, но и то, что даже не подозревали, что могут. Я их поблагодарил, раздал обещанные десятки, и они ушли. Ну, думаю, слава Богу, дело сделано, сейчас оденусь и, может быть, успею на последний автобус до Актюбинска, а утром поеду домой. 9 Мая, все-таки, а как там готовятся, не знаю, хорошо, если все нормально.

Только об этом подумал, слышу, какой-то шум сзади. Оглянулся — от стадиона в мою сторону идет целая толпа людей, что-то кричат, шумят. Идет вся судейская коллегия, и среди них — наш Валера, не знаю, когда и куда он исчез.

Метрах в десяти слышу, Валера кричит: «Да вы что? Василь еще до армии был чемпионом области по диску. А вы нам баранку поставили. Вась, ты помнишь?» — закричал он уже мне.

Оказалось, что мы заняли общекомандное четвертое место, третий призер опережает нас всего на одно очко, а первый на 3 или 4, не помню. То есть, если бы мы получили хотя бы 2 очка за участие в метании диска, то заняли бы почетное третье место. И Валера поднял шум, что это несправедливо, так как мне, мол, не дали бросить диск, ибо я участвовал в двух видах.

И, в виде исключения, как одному из победителей волейбольного турнира, конечно, не без участия главы оргкомитета, судейская коллегия разрешила мне метнуть диск.

Я ждал всего, чего угодно, только не этого «подарка» от Валеры. Цежу ему сквозь зубы: «Ты что, с ума сошел? Да я не знаю, как тот диск в руках держать. И кто меня доведет до сектора, я еле стою, не дай Бог, не в ту сторону брошу». «Васек, — шипит Валерка в ответ, — я тебя отнесу сам, ты только брось, ты знаешь, чего нам стоило уговорить коллегия дать тебе возможность бросить».

Ну, что делать? Иду я с Валеркой к футбольному полю. Вся масса заинтересованных представителей — за нами. Там судья с диском и рулеткой. Беру диск. «Прости, Господи» — и с оборота бросаю. Человек десять меряют — 46 метров, первое место, 10 очков — и общекомандное первое место. Валерка орет на весь стадион: «Я вам говорил, что он был чемпионом области, я вам говорил!»

Восемь часов вечера, немного спала жара, опять построение, награждения. Опять массы людей в ротах призеров, и опять один я с охапкой грамот по девяти видам и десятой за общекомандное первенство. Опять меня хвалят с трибуны, Сагинтаев что-то говорит о том, что мы и в труде, и в спорте передовики, опять что-то говорит о низкой дисциплине в команде при построениях, но я все это слышу подсознательно, что-то отвечаю, а где-то внутри: «Только бы не упасть, не упасть! Стыдно победителям падать».

А наавтра был действительно праздник Великой Победы! 20-летний Юбилей, но не двадцатый по счету. Я таки успел и на него.

Сегодня та годовщина уже далеко... К сожалению, мы, невоевавшие, сделали не все, чтобы стать достойными Великой Победы и самих победителей.

Если так пойдет и дальше, то в скором будущем начнем стесняться говорить, что вообще была такая война, и мы в ней победили. Это уже происходит в соседних с нами государствах. Горько, обидно и стыдно.

На этом можно было поставить точку. Но в жизни она (эта история) имела продолжение. Когда я привез в колхоз 10 грамот, то показал только четыре — мои три (на мою фамилию) и общекомандную. Никому, даже председателю, я подробно не рассказывал, что и как было, и это событие в колхозе осталось незамеченным. Но после окончания посевной кампании, в день традиционного весеннего «сабантуя», я организовал в колхозе спартакиаду по видам спорта, аналогичную районной.

Итоги уже колхозной спартакиады подтвердили, что не зря были вписаны фамилии наших ребят в ту районную заявку, исполнителем которой я сам и был. Они победили именно в тех номинациях (а некоторые и в других, так как я уже не выступал), получили почетные грамоты и подарки от колхоза. Им же я, с облегчением для себя, вручил районные грамоты, выписанные на их фамилии. Награды, как говорится, обрели своих героев.

Случай подзабылся. И только через два года, на районном совещании по подготовке к празднованию уже 50-летия Советской власти (1967 год), все тот же Сагинтаев, теперь второй секретарь, но уже нашего, Ленинского, отсоединенного от двух других, района, опять лее возглавляющий оргкомитет по проведению юбилейной спартакиады, при всех сказал мне, избранному в очередной раз парторгом колхоза: «Смотри Василий Андреевич, не повтори свои выступления на 20-летию Победы, я имею в виду состав колхозной команды. Тогда я один все понял, остальные в такой массе людей ничего не заметили, но я не стал вмешиваться. И не потому, что знал тебя, а потому, что знал ваш колхоз. Знал, что все примерно так и получилось, если бы ты смог доставить в район команду. Так что, дерзай, но помни, что победителей иногда тоже судят...»

Теперь я часто вспоминаю слова этого очень умного и порядочного человека, но в более широком смысле...

ДОСКА ПОЧЕТА

В принципе, конечно, приятно иметь дело с Доской Почета, независимо от того, порождением какого строя она является. И вся прелесть такой «доски» заключается именно в «почетном» выделении кого-то, человека или предприятия, из общей массы, и обязательных при этом определенном внимании, имидже и даже благодетельствовании.

Конечно, уровни почета тоже были разные — союзные, республиканские, областные, районные и хозяйственные, и цели внимания были разные, но все равно эта, пусть и навязываемая, форма внимания была приятна.

Не так много места, к примеру, выделялось на главной Доске Почета страны, на ВДНХ в Москве, для хозяйств аграрного сектора, но из почти 30 тысяч колхозов и совхозов, наши приднестровские колхозы — те же им. Мичурина (Ближний Хутор), им. Свердлова (Суклея) забивали места на той Доске на многие годы.

Вслед за помещением на доски такого уровня шли ордена и медали, шли бесплатные автомобили и многое другое. А главное — шли внимание и известность. Складывался определенный имидж у хозяйств и их руководителей.

Но чтобы заслужить такую честь, надо было работать. Очень много и здорово работать. Даже если убрать что-то наносное и где-то приписанное, то и реальных показателей было достаточно для внимания и почета. 25000 тонн овощей в год на колхоз, 120 центнеров кукурузы в зерне с гектара и без всяких реформ — это разве не показатели по тому же колхозу Мичурина!

То есть, бездельников почетом раньше не баловали. Но мы всегда умели доводить любое путевое дело до абсурда. Это случалось тогда, когда в соревновательно-поощрительный процесс вмешивались администрирование, эгоизм, алчность, тщеславие и амбициозность, сводившие на нет всю идею.

Расскажу об одном случае, как бы иллюстрирующем сказанное. В нашей области, которая по территории в 10 раз больше, а по насе-

лению в те же 10 раз меньше бывшей Молдавской ССР, тоже была своя Доска Почета. И одно постоянное место на той доске занимало хозяйство, обеспечивающее наибольшее выполнение плана по заготовке сена. Не зерна, а именно сена, так как основная отрасль области — животноводство, нуждалась именно в этом стратегическом продукте. Зерно, при его недостатке, можно было завезти из других регионов, а сено надо было заготавливать на месте.

Так вот, по этому показателю долговременную прописку на Доске Почета как-то незаметно занял колхоз «Красное поле» из соседнего с нами села Анастасьевки. Председателем там в те времена был В.Г. Жук, такой крепкий, жилистый мужик, своеобразный и с большими амбициями.

Я работал главным экономистом и парторгом колхоза, часто бывал в области, видел, что соседи ежегодно занимают почетное место по сену, но сперва не обращал на это внимания. А когда стал главным бухгалтером и начал пропускать через себя всю статистическую отчетность и при этом видеть показатели других хозяйств, начал задумываться: как же так, мы заготавливаем сена больше, чем «Красное поле» в три раза, да и колхоз наш в два раза мощнее, почему же лавры главных сенозаготовителей постоянно достаются им?

А как уже было сказано, лавры — вещь осязаемая. Председатель-сосед постепенно стал членом бюро райкома, затем бюро обкома, и кто знает, что было бы дальше.

Не от зависти, а чисто из объективной справедливости я решил как-то прервать эту процентную гегемонию краснополенцев. Как оказалось, сделать это было совсем нетрудно. Просто надо было этим заняться.

Где-то году в семьдесят третьем травы были неплохие повсеместно. У нас особенно удались житняк и донник. Сена должно было быть много. На заготовку отпускалось практически два месяца, с конца мая до конца июля. Итоги сенозаготовки область подводила по состоянию на первое августа. Дальше можешь заготавливать хоть два плана, на итоги это уже не влияло. Хотя, в принципе, после июля в тех местах сено практически не заготовишь, так как травостой полностью выгорал, а если у кого-то и имелись поливные участки, так это был мизер.

Главное внимание от района и выше уделялось цифрам, то есть отчетности о сенозаготовках. Отчеты шли по понедельникам. Окончательный отчет, который и шел на обсуждение бюро обкома, фиксировался на последний понедельник июля.

Я построил схему отчетности на все два месяца и начал ее осуществлять. По итогам июня мы выполнили план по заготовкам сена на 100%, колхоз «Красное поле» на 110%. Впереди был еще месяц работы.

Во-первых, мы с главным экономистом обмерили все скирды и уточнили оперативные бригадные сводки, сверив с нашим обмером. Все шло нормально. Заготовка продолжалась. За первую неделю июля я отчитался с нарастающим итогом 103%, «Красное поле» на 120%. За вторую неделю, хотя заготовка шла полным ходом, я добавил еще 5%, у нас стало 108, у соседей — 125%. Тут забеспокоился район, там лее за районный план волнуются, а наш колхоз как будто и не косит сено.

Председателю нашему пошли звонки от всех районных инстанций, включая первого секретаря райкома, почему, мол, не растут заготовки. Каструбин вызвал меня, выяснить, в чем дело. Я сказал, что план по сену у нас давно есть, а окончательный итог подведем после сплошного обмера. После третьей недели, когда у нас по отчету прошло 113%, а В.Г. Жука — 130%, звонки перешли в ругань и угрозы, а мы в течение последней, четвертой недели спокойно перемерили все наши скирды. Мы с Сериком (главным экономистом) определились с объемами фактической заготовки, чтобы знать, как нам отчитаться в последний понедельник. Обычно сведения передавали по телефону, а затем высылали или привозили саму статотчетность. Я решил сыграть на нервах у всех, включая начальника райстатуправления, с которым был в хороших отношениях, и не давал в понедельник с утра сведения по телефону, под разными предлогами. Расчет был на то, что председатель колхоза «Красное поле», практически уверенный в своей недосыгаемости, покажет небольшой прирост. Ему любого хватит, тем более что он знал — подавляющее большинство хозяйств области не дотягивало даже до половины плана. Конкурентом для него были только мы — и в районе, и в области. В.Г. Жук сделал так, как я предполагал, отчитался на 136% — об этом мне сказал по телефону главный бухгалтер райсельхозуправления, который был в курсе всех событий.

В двенадцать часов дня сводка должна была быть отправлена в область. Район лихорадочно сводил отчет по сену пока без нашего хозяйства, используя наши данные на прошлую неделю. Начальник райстата сидел как на иголках, но пока не поднимал шума, чувствуя, что что-то здесь не так.

Наконец, я позвонил в район и передал сведения. То, что я передал, девушка-статистик не хотела сперва принимать, потом была вынуждена это сделать, посоветовавшись с начальником. Тот разрешил отчет принять, но с условием, что я в течение часа привезу в район официальное подтверждение. К часу дня я был в районе. Количество заготовленного нами по отчету сена переваливало за 151%.

«Василь, — сокрушался начальник райстата, — ты понимаешь, в какое положение ставишь меня? За неделю прирост почти 40 процентов! Как я объясню первому эти цифры?» «Разве я когда-то подводил тебя? Так получилось по итогам пересчета», — ответил я. «Ну, смотри», — сокрушенно бросил начальник и включил наш отчет в сводку.

Дальше все шло, как в дешевом боевике прежних времен. Когда дня через три на бюро обкома утверждали итоги заготовки сена, наш сосед В.Г. Жук допустил ошибку, заявив, как член бюро обкома, что по колхозу «Передовик», то есть по нашему хозяйству, что-то явно не так, и надо перепроверить данные отчета

Наше хозяйство было лучшим в области по всем показателям, но ни колхоз, ни его председатель особой любовью ни у районного, ни у областного начальства не пользовались. Любят угодников, а толковых и независимых боятся, и если хвалят, то только при необходимости и сквозь зубы.

Сразу была образована большая комиссия из статистиков, контролеров, работников прокуратуры областного и районного уровня. Они нагрянули к нам буквально через день. Блокировали все наши сеновалы, мерили, вырезали пробные кубометры из скирд, заранее злорадствуя, готовили материал на бюро обкома. Но просчитались. Сена у нас оказалось больше, чем мы отчитались. Причем намного больше. Я просто взял при расчете минимальный вес одного кубометра сена, хотя у нас основное сено было из сеяных трав, у которых удельный вес выше, чем у ковыльного сена. Да и зачем нам было показывать лишнее сено? Чтоб потом заставили кому-то его отдать? Конечно, если бы В.Г. Жук знал, что я поставлю полтора плана, он бы нарисовал два. Но мы не дали ему такую возможность.

Когда комиссия составляла неприятный для себя акт, наш невозмутимый Каструбин сказал: «А теперь, раз вы уже здесь, предлагаю поехать в «Красное поле» и перемерить его сено, чтобы снять все вопросы». Руководитель комиссии заерзал и начал звонить в обком. В обкоме решили не иметь проблем с Каструбиным, депутатом Верхов-

ного Совета, тем более что проверка только подтвердила наши данные, и дали добро на посещение соседа. В результате обмеров и скрупулезных подсчетов оказалось, что там даже до плана не дотянули.

После этого имидж краснополенцев по этому показателю, да и вообще, здорово пошатнулся, а наше хозяйство заняло свое место на областной Доске Почета. И никогда больше никому его не уступало. Не потому, что я красиво отчитывался, а потому, что люди наши красиво работали и понимали, какое место занимает в хозяйстве сено. Так мы и жили.

А вообще, идея соревнования, отражением которой явились те «почетные доски», в принципе была неплохой. Она ведь заключалась не в том, чтоб показать, кто кого и на сколько обманет, а кто действительно больше и лучше сделает. А уж как эту идею использовали конъюнктурщики на разных уровнях — это совсем другое дело.

КАРТИНА

Еще с первобытных времен люди старались запечатлеть для будущего отдельные бытовые сцены или действия, а также отдельных выдающихся личностей. Появились настенная роспись и каменные статуи. Уже на нашей памяти «увековечивание» приняло такие масштабы, что написание портретов и ваяние бюстов и статуй вождей стало основной статьей доходов различных мастерских и художественных фондов.

Массовая штампованная культура захлестнула всю бывшую великую страну. Серые посредственные картины и скульптуры вождей буквально заполонили города и села, вызвав обратную реакцию населения к вождям через их изображения. Когда в одном городе, а уж тем более в селе, несколько, к примеру, памятников одному и тому же человеку, то они, эти памятники, размываются вниманием и не воспринимаются по сути.

Болезнью увековечивания вождей особенно страдали местные власти. И не потому, что они их любили, а потому, что благодаря тем памятникам (не их же деньги тратились!) рос показатель их активности, заслуг и лояльности.

Любой райкомовский, тем более рангом выше, работник; мог запросто ткнуть пальцем в пустую стену клуба или конторы и тут же выдать замечание о недостаточной идеологической пропаганде какого-либо направления. И попробуй ты пропусти это замечание мимо ушей. В свое время мне довольно приличное время пришлось заниматься партийно-комсомольской работой — и штатной и нагрузочной. Поэтому расскажу о двух характерных случаях пропаганды под давлением.

Работал я тогда главным экономистом и одновременно парторгом колхоза. Строили мы новый Дом культуры. Секретарь райкома партии по идеологии, была такая суперактивная женщина, после неоднократного посещения этой стройки как-то привезла в колхоз представителя Художественного фонда СССР, из Москвы, и заявила, что в новом ДК должны быть и хорошие идейные картины. Рекомендует их заказать прямо при ней у представителя из Москвы. Мы с

председателем долго читали проспект предлагаемых тем и остановились на двух из них: «Комсомольцы на целине» и «Ленин провозглашает Советскую власть». Такого направления картины мы рке видели, и поскольку отвертеться было нельзя, то заказали эти две. Секретарь райкома завозмущалась, мол, надо не менее пяти картин заказать, но они стоили от 2 до 4 тысяч рублей, и мы отказались. Нам это примерно с год вспоминали, пока не пришли заказанные картины. На одной из них, там, где по замыслу должны быть «комсомольцы на целине», возле мультфильмовского расплющенного непонятной марки трактора стояли в ватных телогрейках трое, по виду, «зэков», «тянувших» срок минимум лет пятнадцать. На второй картине какой-то рыжебородый нерусский мужчина, с неестественно длинной, вытянутой поверх размытых голов рукой, дико уставился куда-то в космическую даль.

Причем на железнодорожной станции, где мы картины получали, вскрывать ящики не разрешили. А когда вскрыли их дома — увидели то, что увидели.

Так как мы предварительно заплатили только за одну картину, то и оставили одну — тех «комсомольцев» с зэковской внешностью. До сих пор она висит в Доме культуры в нашем селе.

А по поводу второй картины я написал в художественный фонд, что, глядя на нее, колхозники не верят, что это Ленин и что он провозглашает Советскую власть, и отправил картину обратно. Она лет пять лежала на контейнерной станции в Актюбинске.

Второй случай был более интересный — и тоже своей необязательностью.

Было это в шестьдесят пятом году. Наш председатель колхоза, будучи на региональном совещании, договорился с одним из колхозов Ташкентской области об обмене семян донника (медоносная трава-двулетка) на семена люцерны. У нас были в запасе семена донника, а люцерны не хватало. На автомобиле с прицепом я с водителем поехал в Узбекистан меняться.

Это было время «расцвета» узбекского хлопководства. Республика ежегодно увеличивала производство хлопка на полмиллиона тонн, доводя его валовой сбор к концу семидесятых до умопомрачительных цифр, из которых около половины были чистыми приписками. Под это выделялись бешеные деньги, и всем было хорошо. Наша крайняя политика была настолько неверна и убога, что, к примеру, узбек-

ские, да и молдавские регионы финансировались в большинстве случаев не под дело, а под обещания. Для тех же национальных окраин колоссальные сверхприбыли были заложены в самих необоснованно высоких закупочных ценах на сырье. К примеру, себестоимость 1 центнера хлопка-сырца была сто пятьдесят рублей, а закупочная цена 400—450 рублей. Рентабельность 300%! Уже в плане!

В то же время себестоимость 1 центнера ржи, к примеру, в средней полосе России была 13—15 рублей за центнер, а закупочная цена — 9 рублей! Рентабельность — минус 30—50%! Планово, то есть искусственно, загоняли российского крестьянина в нищету, в то время как в том же Узбекистане и хозяйства, и многие люди не знали, куда девать деньги!

Разумные хозяева и там были, строили жилье, дороги, стадионы, газопроводы и т. д. Другие просто обогащались. В общем, в те годы там жили неплохо.

Вот в одно из таких сел и попали мы с семенами на обмен. Село корейское. Председатель колхоза — дважды Герой Труда по фамилии Хван, да и еще полсела тоже все Хваны. Мы приехали вечером, нас хорошо встретил председатель, машину поставили в склад, а ночевать нас взял к себе бригадир, которому было поручено вести обмен семян. Фамилия, естественно, Хван. Он устроил нам хороший ужин, с прекрасным пловом, фруктами и всем тем, что полагается при встрече гостей у приличных хозяев. Двор большой, огороженный высоким глиняным дувалом. В центре, на небольшом возвышении, окруженном деревьями, были постелены дорогие ковры, рядом — ухоженный бассейн. Все довольно удобно и красиво. Когда мы часов пять посидели, выпили, конечно, хозяин, как-то вроде даже задремавший, вдруг оживился и заявил: «Смотри, там где ты сидишь, — он показал на нашего водителя, — сидел Хрущев. Где ты, — он махнул в сторону меня, — сидел наш первый секретарь товарищ Рашидов. Где я сижу, я сидел, я всегда здесь сижу, а где син мой сейчас, наш секретарь обкома сидел. А там еще били хорошие люди. И я, старый дурак, попросил сделать фотоснимок, чтоб была память. А потом, еще болите дурак, заказал по фото картину. Какой-то там фонд московский рисовать хотел. Целый год рисовал картина. Пока рисовал, Хрущева вигнали. Его осенью сняли, а картина привез в мае. Хороший картина, как живой, и я тоже. Я взял повесил в доме. Пришел секретарь партком, сказал — сними немедленно, а то тебе вместо картина повесят. Пришлось снимать, пойдем посмотришь».

Действительно, за одним из сараев, под нависающей крышей, стояла большая картина, где-то 2х3 м. «Слушай, «Волга» стоит пять шестьсот, а етот материе в рамка — шесть пятьсот. А? Я сказал секретар — давай вместо Хрущев какой-то другой морда нарисуем Рашидов ест, я ест, все ест, Хрущев нет, что ж тепер картина выбрасывать? Секретар говорит — нельзя, понимаешь, политический дело. Так и стоит, от курей стенка загораживает. Такая вот история».

И она (эта история), как ни странно, имела продолжение уже в девяностые годы. Я был заместителем генерального директора НПО «Днестр». Поступила жалоба от одной наемной бригады, работающей в нашем совхозе «Авангард» из села Красногорка Григориопольского района. Приехал туда разбираться. Мир действительно тесен. Оказалось, что жаловалась бригада корейцев, бахчу там они выращивали. А фамилия бригадира была... Хван. Я спросил его, не знаком ли он с Хванами из такого-то села под Ташкентом. Оказалось, что он из того же села, а председатель колхоза, дважды Герой Труда, его дядя, а тот бригадир, который картину заказывал, тоже его родственник, и он знает тот случай. Вот так, как; будто бы родню встретил через 25 лет. И уже этот Хван рассказал мне, что того бригадира уже нет в живых, а председатель, как только началось громкое «узбекское дело», куда-то исчез, просто пропал.

Так переплетались культура, экономика, политика и обычные злодеяния. Жизнь есть жизнь.

НАГРАДЫ И НАГРАЖДАЕМЫЕ

Вообще, награды — дело хорошее. Приятно человеку быть отмеченным какой-либо наградой, званием, другими отличиями. В принципе, в плане награждения, особенно ценным должно быть золотое правило: «Заработал — получай». А то уж больно часто у нас во все времена срабатывало другое: «Осуждаем невиновных, поощряем непричастных». Всякое бывало. Да и сейчас продолжается, к большому сожалению.

Вообще, система награждения как бы зеркально отражает идейно-поощрительную политику государства. И если государство не в состоянии идейно спланировать своих граждан по причине отсутствия государственной идеологии, отвечающей их (граждан) интересам, оно начинает вести систему разового, дешевого задабривания, раздавать мешками награды и всякие знаки отличия, размывая и искажая саму суть награждения. При таком (безыдейном) подходе сразу появляются на всех жизненных уровнях «липовые» медалисты и герои, академики и генералы.

И тут же многократное снижение уровневых показателей всех направлений нашей жизни. То есть, вышло все наоборот: чем больше, тем хуже.

Что говорить, раньше на весь Советский Союз была одна женщина подполковник, правда, милиции, как-то ее показывали по телевизору все в том же звании. А сегодня даже в районных отделах внутренних дел женщины щеголяют в полковничьих погонах, а уже с уровня области идут одни генералы. А что, повысился общий уровень работы в органах? Все с точностью до наоборот.

Я слышал, что в одном лишь министерстве по чрезвычайным ситуациям Российской Федерации, в принципе не таком уж «силовом», более десятка одних генерал-полковников.

Раньше подобное звание носили люди с уровнем командующих военными округами, и таких людей было буквально единицы. Да дело даже не в количестве, а в качестве — в соответствии с отдачей и здравым смыслом.

Ну, что есть, то есть. Вместе с коммерциализацией общества теряется вообще тот прежний интерес к наградам. Исчезнут коллективные хозяйства, перестроятся государственные предприятия, и уже никому будет давать мешками награды. Хозяин никого на орден представлять не будет, он найдет иные способы поощрения.

Обмануть кого-то на крупную сумму или выиграть, к примеру, миллион, будет престижней, чем получить какой-либо орден. Поверьте, я не кликушествую, я просто объективно смотрю на уже ближайшее будущее, когда награды и знаки отличия будут использоваться для выделения среди равных (политиков, военных и т. п.). Весь же великий трудовой люд при такой деидеологизации из списков награждаемых просто исчезнет.

Но все-таки цель этой были — не пророчество, а отражение того, что было. Было на нашей памяти и продолжалось многие десятки лет. Историю надо знать, чтобы извлекать из нее полезное и не повторять чужих ошибок. Надо признать, что в прежние времена награды даром не давали. Это, так сказать, «по вертикали». А вот «по горизонтали», то есть между отдельными людьми, распределение наград часто шло субъективно по очень многим причинам — от просрочки времени до личной неприязни или зависти.

Яркий пример — наш председатель колхоза Г.И. Каструбин. Руководитель хозяйства, три пятилетки подряд сдававший по два плана зерна, имевший два ордена Ленина, ордена Октябрьской Революции, Славы и Отечественной войны I степени. Дважды представляемый к Герою Труда, он дважды получал орден Трудового Красного Знамени. Вроде бы и награды, и даже высокие, но они были просто издевательством над этим великим трркеником. Кто-то очень не любил его, русского, рожденного в Казахстане. Что там было? Национальная неприязнь, личные амбиции, зависть, неважно, а вот так над ним издевались. И ничего не скажешь — наградили ведь, не забыли.

В этом «горизонтальном» распределении наград было все, что угодно, в чем вы сейчас и убедитесь. Повторяю, то, о чем я расскажу, — классическое решение подобных вопросов в те времена — и не только в тех местах, где я работал.

В Казахстане тысяча девятьсот шестьдесят шестой год был довольно урожайным. Республика ждала этот урожай десять лет. Первый такой урожай был в пятьдесят шестом. Тогда был сдан государству первый миллиард пудов (около 15 млн тонн) зерна. Но тот миллиард-56

был тоже только на бумаге, так как половина «заготовленного» в глущинке зерна просто пропала, хоть и попала в отчетность. Хлеб был, а сберечь его тогда не сумели, нигде было хранить, нечем сушить и т. д.

К урожаю-66 подготовились, конечно, лучше. Построили тока, элеваторы, зернохранилища, подготовились технически и получили большой хлеб. Сдали миллиард пудов уже настоящего зерна.

Я в то время был парторгом колхоза и главным экономистом. Косил на комбайне хлеб, так как просто уже некого было сажать за штурвал. Пришлось и косить, и нормы регулировать, и параллельно пропаганду вести.

После окончания уборочных работ нас собрали в райкоме партии по вопросам предстоящих наградений по итогам года. Наш район высоко котиrowался в области, и на район «выделили» три Героя, десять орденов Ленина, пятнадцать Трудового Красного Знамени, ну и т. д. Медали не регламентировались, они шли в целом по области.

Как обычно, на все дали сутки. Надо было представить наградные листы по всем кандидатам.

На наш колхоз дали три ордена Ленина и по два ордена всех последующих уровней. Мы в бешеном темпе подготовили листы. И через день я их повез в район. Принимал Бухарбаев, секретарь райсполкома.

На председателя колхоза в районе готовили наградной лист сами. На двух кандидатов в кавалеры ордена Ленина — бригадира А.П. Синицу и главного агронома И.Т. Лысенко — надо было представить особый наградной лист (высшая награда все-таки!) с фотографией. Но таковых у моих кандидатов не было, и их листы пока отложили в сторону.

А вот наградной лист тракториста Петра Генцеля Бухарбаев сразу схватил: «Он тянет на Героя!» Дело в том, что в районе решили сделать героями одного тракториста, одного бригадира и одну доярку.

Сдал я наградные листы, думаю: «Хорошо хоть Герой свой в колхозе будет, настоящий. А то один есть, из приезжих, так он стыдится носить свою Звезду. Не знаю, почему».

Бухарбаев предупредил, что если не будет фотографий, он заберет у нас ордена Ленина. Я позвонил домой, нашел бригадира Синицу, просил срочно найти фото и привезти в район. И передать это же главному агроному. Синица сел в свою машину, поехал за 150 км в областной центр, сделал пятиминутные фото и завез в район. Лысенко он не нашел.

Где-то в марте-апреле уже следующего года пришла газета с Указом о награждениях. Попала она в руки сперва главному агроному И.Т. Лысенко. Он позвонил мне и попросил зайти. Вид у него был до предела обиженно-растерянный. Показал газету. Смотрю, где ордена Ленина. Наши двое — Каструбин и Синица. Лысенко нет. На Красного Знамени — Агафонов, опять Лысенко нет. И таге по всем орденам. Аж в самом конце, где медали «За трудовое отличие», наши двое — Лысенко и Генцель. Если помните, первого представили на орден Ленина (и он знал об этом!), второго на Героя брали, слава Богу, что он этого не знал.

Лысенко я еще на второй день после сдачи наградных листов сказал, что без фото на орден Ленина не берут. Он заявил, что меня, мол, и так; знают везде, пройдет и без фото. Вот и прошло на самую низшую награду вместо высшей. Просто их сперва отложили в сторону, а когда появились наградные листы из других хозяйств, в спешке все поделили. И уж в конце все, что осталось, отдали тем, чьи документы раньше отложили.

Кстати, три Героя, вновь испеченных, оказались совсем не героями. Из всех героев-сельхозников, которых я знал, минимум 90% получили их субъективно. Нет, люди работали и здорово работали, но, повторяю, на 90% в АПК герои были «сделаны», иначе очень трудно было выделить их и определить степень их «героизма».

Вместо нашего Петра Генцеля Героя получил тракторист из колхоза «Большевик», помню, Иваном звали. Так у него гектары были приписаны минимум в два раза Второй Герой был Юрий Труба из колхоза Буденного, также липовый. Как напьется, повесит звезду на полушубок и ходит по магазинам, права качает. Третий Герой — доярка из колхоза Чапаева, неплохая в принципе девушка, так та вообще вышла замуж в другой район и увезла из района Звезду. Так что Герои в тот год вышли неудачные. Но Герои.

Наконец, где-то в июне на районном партхозактиве состоялось вручение наград. Мы выехали на двух «газиках», на одном я за рулем, чтобы всех награждаемых разместить. Получили награды. На полпути домой, у села Джусалы, есть родник. Возле него и обмыли ордена-медали.

Половина из награжденных осталась недовольна. Сказалась та пресловутая «горизонтальная» несправедливость, которая всегда присутствовала в таких случаях и всегда была субъективна.

О Лысенко и Генцеле я уже говорил. А вот сидят рядом и обмывают награды Дмитрий Агафонов и Николай Грузин. Это напарники, работают на одном тракторе много лет. Показатели практически одинаковые, даже у Грузина чуть выше. Но ему досталась медаль «За трудовую доблесть», а Агафонову орден Трудового Красного Знамени. Что я им мог объяснить, ведь представляли обоих на Знамя? Ну, и так далее.

Пока были трезвые — молчали, а как подвыпили, пошли выяснения. Николай Грузин заплакал и говорит: «Вот прииду додому, отдам цю мэдаль пацанам, хай клэпають, нэ буду носыть». Выслушал я много в тот день.

Обмыв хорошо все вместе, потом обмыли по каждому отдельно, при развозке домой. Митя Агафонов до того наобмывался, что так и остался спать у меня в машине. Утром жена говорит: «Иди, глянь, что там натворил твой орденоседец, весь палисадник испахал».

Приезжаю на работу, Агафонов уже ждет меня. «Василий Андреевич, не находили дома мой орден? Я залез ночью в ваш палисадник, куда не полезу, кругом стена, так до утра, как по клетке и ползал. Наверное, там и орден потерял. Колодка осталась, а ордена нет.

«Иди, ищи», — говорю. Он, с больной головой, полдня перебирал в палисаднике руками землю, но так и ушел ни с чем, окончательно расстроенный. «Это, — говорит, — Николай Грузин все накаркал».

Где-то дней через пять я поехал в район. Жара — под сорок. Дай, думаю, заеду к роднику, попью. Всего метров двести от трассы.

Подошел к бетонному кольцу, опустился на руках к воде и уже начал пить. Смотрю, что-то желтеет на дне. Протянул руку — орден Трудового Красного Знамени. Наверное, Дмитрий, когда пил воду, лег грудью на бетонное кольцо, сорвал орден и не заметил его отсутствия.

Сколько было радости, когда я ему доставил потерю. Пришлось обмывать орден еще раз.

Таким было мое первое участие в награждениях. Потом это повторялось не один раз, но я уже имел опыт и не надеялся на судьбу или на районные власти, а проходил весь путь сам. И то, что заслуживали наши колхозники, — все получали, кроме председателя. Но я его и не представлял. Другие представляли, а третьи отклоняли, только, повторяю, из-за личных каких-то амбиций.

А вообще, награды — дело хорошее. И дай нам Бог их получать еще и по «вертикали», и по «горизонтали» — заслуженно и справедливо.

ПРОСТО СЛУЧАЙ

Два года жесточайшей засухи, семьдесят четвертый и семьдесят пятый, запомнились многим людям, проживавшим в те времена на огромном пространстве к востоку от Волги и до самого Иртыша. На территории, где с успехом можно разместить не одну Европу, почти два года практически не было дождей, и стояли бесснежные зимы. В эту зону попали основные хлебообеспечивающие регионы Поволжья, южный и средний Урал, почти весь Казахстан и Средняя Азия. Два года подряд выгорало буквально все. Не было ни травы, ни зерна.

Травостой зерновых не превышал 10—15 см., комбайны не могли убирать их, даже при самом низком срезе.

Для людей не было проблем с хлебом. В зерновых районах, а они, повторяю, как раз и попали в зону бедствия, зерно для продовольствия в запасе было. А вот для животноводства — ни сена, ни соломы не было. И если в первый год засухи кое-как вышли из зимовки, используя запасы предыдущего года, то на второй год стало ясно, что скот кормить будет нечем. Ведь основную массу в рационе животных составляют грубые и сочные корма, которых просто не стало. Все сгорело на полях еще в июне. Ликвидировать животноводство в зоне бедствия, а это миллионы голов скота и овец, никто бы не решился, поэтому власти начали искать выход. Упор сделали, естественно, на местные возможности, а затем на заготовку соломы, хотя бы на стороне. Наша Актюбинская область заготавливала ее в Восточно-Казахстанской области — за 3000 километров. С учетом затрат на заготовку и доставку, тонна такой соломы стоила дороже тонны макарон, но большое государство шло на это, чтобы сохранить поголовье животных.

Если бы это было сейчас, то животные, конечно же, пошли бы под ноле. Мы, нынешние, в гораздо лучших условиях, сумели ликвидировать животноводство почти полностью.

А тогда было по-другому. Конечно, делалось много ненужного и затратного, но все-таки делалось.

Была проблема во всеобщем идейном идиотизме, то есть любая хорошая для одних и неприемлемая для других идея культивировалась везде, без разговора. И горе было тому, кто пытался кого-то вразумить и говорил что-то против. Таких не только власти, но и их окружение, как правило, угодливо-недалекое, неспособное ни на что, кроме устройства банкетов, приемов, охот и рыбалок, старались избивать по любому поводу и ущемлять, дергать и сталкивать, где и чем только можно.

В нашем хозяйстве хватило бы своей соломы еще на две зимовки. Но если бы мы об этом заявили, то выпали из всеобщей обоймы «борьбы за корма». И у нас или изъяли бы излишки кормов, или на нас же, в случае чего, свалили бы все свои и чужие грехи.

Поэтому и мы заготавливали за тридевять земель ту золотую и ненужную нам солому, лишь бы не стоять на пути спущенной «сверху» идеи.

Как было уже сказано, параллельно с заготовкой на стороне, интенсивно велась работа по использованию местных возможностей. Так как косить было нечего, то была начата заготовка нового вида, например, «веточного корма». В ход пошли ветви деревьев и кустарников. А так как в казахстанской степи этого добра не так уж много, то вырубili все насаждения по балкам и ущельям, лесополосы и т. п. Специальным решением обкома партии за каждым хозяйством (колхозом, совхозом) было закреплено различное количество организаций, им был доведен план заготовки веток на корм, который контролировался специальными штабами на разных уровнях. Штаб в области возглавлял секретарь обкома, курирующий АПК, меры за неисполнение доведенных заданий принимались сверхжестокие.

За нашим колхозом закрепили десять организаций, в том числе родное РОВД и областную больницу.

РОВД как РОВД — милиция сразу же обложила село постами и начала отлавливать наших же колхозников за различные нарушения общественного порядка. Оперативно сажали людей на пятнадцать суток и направляли к нам же на заготовку кормов, снимая с себя проблемы по доставке задержанных, их питанию, размещению.

Наши и чужие «эзки», выполняя доведенный план по тоннам, пилили под корень деревья любой толщины и «по-свойски» сдавали их на скирдование. Такой корм не брала не одна дробилка, кроме щебеночной, и ни одно животное, включая овец, не брало такую «дро-

бленку» в рот, даже если ее сдабривали отрубями и патокой. Скирды веточного корма, после опадения листьев, стали штабелями дров и рассадниками для грызунов, но так как они были очень дорогими по стоимости, то стояли года четыре, пока мы их потихоньку списывали в расход, не используя.

Впрочем, это уже история. Но именно в то время был случай. Просто случай из жизни. Жизнь-то ведь шла, невзирая на погодные условия. А мы живем не только космосом, а больше по мелочам.

Как я уже сказал, в числе прочих за нашим колхозом была закреплена областная больница. Врачи и медсестры, работая по понедельно, вахтовым способом, довольно неплохо потрудились и за месяц выполнили доведенное им задание. Так как ветки нам не особо были нужны, мы их не стали задерживать. Оперативно сделали расчет, но когда я послал кассира в банк, она по какой-то банковской причине денег в этот день не привезла. Сказала, что дадут завтра.

Июль, жара, температура под сорок. Десять человек, уже настроившихся ехать домой, не захотели оставаться еще на сутки. Старший из них, зам. главврача областной больницы, перед отъездом подошел ко мне и попросил привезти деньги в Актюбинск. Мои люди, мол, заранее распишутся в ведомости, что получили свои деньги, и ведомость мы оставим главному бухгалтеру, так как доверяем ему и вообще вашему хозяйству. А будут деньги — привезете нам. И дал адрес. С тем и уехали. Я, хоть это и нельзя, согласился, чтобы не гонять кассира по жаре за 150 километров.

На второй день мы получили деньги. Следующим утром я повез их в областной центр, приурочив поездку к другим колхозным делам. В городе быстро нашел указанный адрес, был это частный дом, но никого в нем не оказалось — ни утром, когда я первый раз заехал, ни вечером. Пришлось везти деньги обратно.

Вечером звонит тот лее зам. главврача Их, оказывается, еще вчера направили заготавливать те же ветки, но уже в другом районе. Поэтому дома никого не было. Узнав, что я приезжал с деньгами, посокрушался, что так получилось. Но его группе очень нужны деньги в командировке, и он убедительно просил на следующий день постараться привезти их по тому же адресу. Если никого не будет дома, то бросить их в форточку, которая специально будет приоткрыта.

На следующий день в Актюбинск направлялся главный ветврач колхоза по своим делам. «Слушай, Сарсен, — сказал я, — вот тебе

адрес, и вот тебе конверт с деньгами. Найдешь дом, и если никого в нем не будет, бросишь конверт в форточку.

Сарсен уехал. А когда пришел ко мне отчитаться за доверенности, то на мой вопрос, долго ли пришлось искать дом, мгновенно ответил: «А что его искать — он прямо на углу!» «На каком углу?» — вскочил я со стула. «На обыкновенном углу». Я понял, что наш «доктор» подбросил деньги кому-то другому. Тут же позвонил в гараж, вызвал закрепленный за бухгалтерией «РАФ», взял с собой главного экономиста на всякий случай, втолкнул в салон Сарсена, и мы помчались в Актюбинск. Формально вроде бы все ничего, ну, так получилось, но людям лее это не расскажешь!

По дороге Сарсен вспомнил, что когда бросал конверт в форточку, то не попал в комнату, так как окно было занавешено одеялом. Конверт упал между оконными рамами. «Ну, — думаю, — еще веселее стало — конверт видно с улицы». Еду — не знаю за чем Прошли сутки. Для чужих денег в чужом доме это слишком много времени.

Часам к десяти утра подъезжаем к тому злополучному дому. Старинный, дореволюционной постройки частный дом, с большими нераскрывающимися окнами. Почти подбегаю к окну, куда Сарсен бросил деньги. Волнуюсь. И — о, радость: лежит он, родненький конвертик, у всех прохожих на виду, в двух метрах от тротуара. Окно так и занавешено одеялом. Хозяева, скорее всего, конверта просто не видели.

«Ну, — думаю, — все, я его теперь никому не отдам». Поставив у окна врача и экономиста в качестве охраны, пошел звать хозяев, так как окно было высоким и не открываемым. Чтобы достать конверт, надо было вынимать довольно большое стекло. Без хозяев я это сделать не мог. Требовалось срочно найти какое-то объяснение, почему мы будем снимать стекло. Все это я обдумывал, пока стучал в дверь.

А стучать пришлось не менее получаса... Я уж подумал, что никого нет, и хотел возвращаться к окну. Вдруг на веранде что-то загрохотало, похоже, выдергивали солидный засов. Дверь распахнулась, и на пороге появилось что-то в больших трусах, с отвисшим животом, опухшей лохматой головой на сплошь усыпанном татуировками теле.

«Какого...», — заорало это существо, увидев меня на ступеньках крыльца. Тут нельзя было терять ни секунды, пока он не проснулся окончательно. «Слушай друг, — напал я на него, увлекая к выходу со двора, — тут один парень тебе письмо по ошибке в окно бросил. Мы его сейчас при тебе достанем».

Отвертку, плоскозубцы и молоток водитель уже держал у окна. Я что-то там говорю хозяину, чтобы не дать ему опомниться, а сам снимаю штапики, вынимаю стекло, беру конверт, прячу его в карман и начинаю ставить стекло обратно.

Солнце уже поднялось, жарко, хозяин стоит рядом, тупо смотрит на мои действия и никак ничего не поймет. Мимо по тротуару проходят трое мужчин. «Привет, Рудик, что тут у тебя делается?» — кричит один из них. Похоже, были раньше друзьями по зоне. «Да вот, пришли какие-то... Спать не дают», — наконец-то проснулся «Рудик». К этому времени я уже прибавал последний штапик. Деньги были в кармане, и меня так и подмывало сказать хозяину, что лее на самом деле произошло. Но промолчал, «пожалел».

Можно было представить картину: деньги упали в комнату, и Рудик нашел их на похмелье... Он бы, наверное, лишился рассудка от радости, или не знал бы, кого благодарить, Бога или Дьявола, за такой подарок...

Но, скорее всего, именно Бог и не допустил такого. Потому что деньги нам все-таки пришлось бы отдавать, подтверждая репутацию.

А почему все-таки ветврач бросил конверт именно в этот дом, а не туда, куда надо? Дело в том, что в те времена кому-то из городских властей пришла в голову идея разбить город на пронумерованные кварталы. И так совпало, что тот квартал частных домов носил 22-й номер. А деньги надо было принести на улицу Джамбула, 22. На угловом доме, по этой же улице, который имел номер 8, с лицевой стороны висела металлическая табличка с номером квартала — 22. Сарсен, увидев это число, долго не раздумывал, что вообще свойственно людям его профессии, и бросил конверт, посчитав поручение выполненным. И чуть не поставил меня в очень неприятное положение.

Вспоминая этот мелкий случай, я хочу сказать людям: никогда не теряйте надежды и боритесь до конца даже в самой нелепой ситуации, когда кажется, что ничего уже спасти нельзя и вы обязательно измените ее к лучшему.

ГОЛОВА

В большинстве случаев, когда произносится слово «голова», сразу возникает ассоциация этого понятия не как с частью тела, а как с чем-то важным, главным, верховенствующим. Например, «городской голова» (в Украине), «хлеб всему голова» (везде), «головная фирма» или предприятие и т. п. Если речь идет о здоровье, то в этом случае голова выступает как часть (командная) организма, как правило, подвергающаяся различным воздействиям и опасностям, приводящим ко всевозможным болезням.

Мы же поведем рассказ о несколько необычной роли этой части живого организма, в чисто потребительском плане. Чтобы излишне не интриговать читателя, скажу прямо, что речь пойдет о ритуалах, вековых традициях отдельных народов, связанных с использованием головы животного, в частности овечьей, так как о подобном использовании головы других животных на всем постсоветском пространстве мне, по *крайне* мере, слышать не приходилось.

У каждого народа или региона есть свое головное блюдо: в Украине — борщ, в Узбекистане — плов, в Сибири — пельмени, на Кавказе — шашлык и т. д. У казахов, где бы они ни жили, тем более в Казахстане, таким главным национальным блюдом, основным и постоянным, проходящим через все ритуальные и повседневные трапезы, является «бешбармак». В дни рождения и дни поминок, на свадьбах и встречах гостей на любом уровне, а в солидных семьях практически ежедневно, бешбармак присутствует как ритуальная необходимость. Иногда даже в гордом одиночестве, без всяких других блюд, но, повторяю, присутствует обязательно. Если в доме событие или гости, кто бы они ни были — обязательно подается бешбармак. Иначе просто не может быть, так как по-другому быть не может.

В связи с тем, что тема данной были непосредственно связана с этим блюдом и отдельно от него не может быть раскрыта, то давайте немного подробнее познакомимся сперва с бешбармаком, теоретически конечно, а рк потом поговорим о роли головы в этом ритуале, да и не только.

Бешбармак в национальном исполнении — довольно вкусное и высококалорийное блюдо, составленное из простых компонентов — мясо (баранина, говядина, верблюжати́на, конина, сайгачати́на, даже гусятина, куряти́на и другие виды птицы, кроме, конечно, свинины), затем тесто, лук и картофель, вода и соль. Вот все, что необходимо для приготовления этого блюда

Технология приготовления тоже достаточно проста. В большом котле, рассчитанном минимум на баранью тушу, долго варится мясо, до полного отслоения от костей. Параллельно готовится тесто. Затем его раскатывают на тонкие листы и дают слегка подсохнуть, как бы затвердеть. Чистят в пропорции к общей массе картофель и лук, режут на мелкие кусочки. Готовое мясо вынимают из котла, а в бульон закладывают картофель и варят. Затем разрезают листы теста на куски, размером с большое печенье, и тоже варят в том же бульоне.

Как только картофель и тесто будут готовы, их выбирают в большую миску, одну или более — в зависимости от объемов и количества гостей. Бульон сливают отдельно. Затем в миску поверх картофеля и теста накладывают большими кусками мясо, поливают бульоном с луком и подают гостям. Мисок, повторяю, может быть сколько угодно, их располагают так, чтобы каждый гость смог без труда дотянуться хотя бы до одной из них.

Я показал стандартную технологию приготовления и подачи бешбармака. Ритуальная технология, естественно, гораздо богаче, вышеступнее и ответственнее. При ней хозяин режет барана, одного или нескольких, прямо на глазах у прибывших гостей, хотя бы самых важных из них. Кстати, в отличие от молдаван, там никто и никуда не опаздывает, потому что, как я уже сказал, блюдо бывает только одно, и надо заранее позаботиться о месте за дастарханом, условно — столом, так как все это происходит безо всяких столов, на кошме, покрытой клеенкой. Сама кошма расстелена не на полу, а на невысоких (до 20—40 см) нарах, которые занимают от 50 до 90% гостевой комнаты.

Итак, хозяин режет барана, демонстрируя как уважение к гостям, так и свежесть мяса для будущего бешбармака, а гости обязательно моют руки (им сливают из специальных кувшинов) и проходят в гостевую комнату. Естественно, без женщин. Мы на этом остановимся чуть позже.

И пока где-то там начинают варить мясо, гости рассаживаются по-восточному, поджав под себя ноги. Наиболее важные или старшие из них занимают почетные места, где укажет хозяин.

Ритуал продолжает чаепитие. Это, конечно, тема отдельного рассказа, так как чай или чайный ритуал на Востоке тоже очень своеобразный и важный для живущих там людей. К чаю на дастархане появляются масло домашнее в блюдечках, хлеб и сахар, обязательно кусковой или рафинад, но только не «песок». Каждому гостю выделяется кисайка (пиала), и начинается довольно длительный и для неместных новичков изнурительный процесс чаепития.

Чай разливает хозяйка. У нее под рукой кофейник или миска с кипяченым молоком, заварочный чайник в жаровне с жаром от овечьего кизьяка, который очень теплокалорийный и долго держит тепло, и «рабочий» самовар. В другом самоваре, как; правило, электрическом, постоянно готовится очередная партия кипятка. Ее затем по мере необходимости переливают в «рабочий» самовар, и цикл повторяется. Классическая порция чая — гость подает хозяйке пиалу, она наливает в нее ложку молока, затем крутой хорошей заварки, а уж потом вливает в эту кофейного цвета смесь чуть-чуть кипятка. Все это подает обратно гостю.

Чая в пиале мало, граммов 25-30, не больше. Новичок может выпить за один-два глотка. Но это только новичок. Уважающие себя гости, не спеша, потягивают огненный чай, не спеша, подают пиалу обратно хозяйке, и процесс продолжается. Я всегда удивлялся терпению, умению и, особенно (!) молчаливости хозяек-казашек. Гостей бывает по несколько десятков. Каждый из них в среднем раз по 20—30 подаст ей свою пиалу. Иногда одновременно несколько гостей подают. А она успевает всех обслужить, и никогда не перепутает пиалы. Все это молча, без суеты и других «побочных» явлений.

Хозяин в это время разливает гостям что-нибудь горячительное, как правило, водку. Конечно, этот элемент ритуала у мусульман сегодня не очень приветствуется, но я рассказываю, как это было, да и сегодня есть во многих семьях.

Некоторое разнообразие в чаепитие вносит появление промежуточной закуски — «куардак». Это бараньи внутренности (сердце, печень, легкие, почки и т. п.), зажаренные в котле на бараньем же сале. Закуска эта требует быстрого употребления, так как через полчаса застывает и трудно употребляется. После этого опять чай, водка и т. д. Процесс ритуальный очень утомительный. Пока основное мясо сварится, и все приготовится, проходит 4—5 часов. Это время надо высидеть или даже вылежать, так как желающим или пожилым го-

стям, которым трудно сидеть, к примеру с 7 вечера до 12 ночи, подают небольшие подушки под локти.

Мне довелось не дну сотню раз за 22 года, проведенных на Востоке, участвовать в таких ритуалах, и всегда это проходило утомительно. Но ничего не поделаешь — обычай есть обычай. И, наконец, где-то к 11—12 ночи подают долгожданный бешбармак.

Можно себе представить основную массу гостей после 5-часового предварительного действа. Даже если по рюмке выпить в час и то будет поллитра. А если не по одной...

Надо сказать, что как только подают бешбармак, гости сразу оживляются — сонные просыпаются, лежащие — опять садятся, мутные глаза — светлеют, в общем, ритуальная кульминационность как бы встряхивает всех.

А действие продолжается. В миске, как я уже говорил, снизу картофель, затем нарезанное тесто, сверху большие куски мяса, а венчает все это целая овечья голова — гладко, добела вычищенная и, естественно, сваренная.

Хозяин дома достает специально для этого предназначенный большой складной нож и начинает разрезать большие куски мяса на мелкие. А перед этим он передает голову тому, кто на трапезе считается главным или старшим. Это очень щепетильный и сложный вопрос, и на этом можно нажать большие неприятности.

Ну, допустим, что все хорошо. Хозяин режет мясо, перемешивая все содержимое миски, попутно раздавая гостям отдельные кости с остатками мяса, а тот, кому вручена голова, начинает другое, именно кульминационное действие — он делит голову! Здесь многое зависит, кто этот главный. Секретарь ЦК, обкома, райкома или мулла, или вообще старший по возрасту среди гостей.

Классически происходило все так: отрезает тот «главный» ухо от головы и вручает его «на съедение», к примеру, комсомольскому секретарю или другому молодому, но известному гостю, и говорит «Это ухо тебе за тем, чтобы слушал старших». Вырезанный глаз вручит местному руководителю: «Чтобы все видел», язык — парторгу и т. д.

Распределенная таким образом и почти обрезанная до костей голова в буквальном смысле бросается или передается в другую комнату, где «пируют» женщины. Для них это большая честь, и там уже идет повторный дележ того, что от головы осталось. Престижными были и берцовые кости, но это уже для вторых лиц.

Едят все из миски, руками. Никаких тарелок и вилок. Старший начал кушать, можно остальным. Старший перестал кушать — трапеза закончилась. В конце хозяин просит гостей съесть еще по куску мяса. Тут уж лучше самому взять и съесть, даже если и не хочешь, иначе хозяин по обычаю может взять любой кусок мяса и дать «асату», то есть попросту положить тебе в рот. Попробуй откажись — навлечешь гнев и обиду не только хозяина, но и гостей.

Наличие головы в миске как бы подчеркивает солидность хозяина, его уважение к гостям и особенно к отдельным из них. Отсутствие головы в таких ритуальных событиях считается неуважением, даже оскорблением — со всеми вытекающими...

Мы, не казахи, живущие там, тоже часто варили бешбармак, правда, голову не ставили, и все равно у казахов он всегда был лучше. Умеют они его готовить, на то он и есть — национальное блюдо.

В многонациональных селах острота национальных традиций естественно притуплялась. Многие казахи стали есть далее сало и выращивать свиней, но где-то с семидесятых годов, когда подпольно готовились кадры будущих национальных реформаторов, пошло движение за возрождение всего узконационального, даже если это были и не лучшие традиции.

Мы всегда бросались из крайности в крайность. Когда казахи ели свинину — мулла молчал, а потом резко вдруг: «Не сделаешь обрезание — не разрешим жениться» и т. д. Пошло искусственное, часто искаженное, не возрождение, а «насаждение» многих забытых или трансформированных обычаев. Их начали выпячивать и культивировать к месту и не к месту.

Причем, часто выборочно и конъюнктурно. Что выгодно для избранных — быстрее «возродить», а что приемлемо и необходимо для всех — не замечать.

Такое отношение к традициям и особенностям, причем неуместное выпячивание одних и принижение других, как правило, приносило, приносит и будет приносить совсем другие результаты. На Востоке правильно говорят: «Возвышая степь — не принизить горы». Любые особенности, в том числе национальные, нельзя выпячивать, ими надо просто жить. Тогда они, эти особенности, никому мешать не будут, а будут по мере необходимости и привлекательности в какой-то мере ассимилироваться. Это уже было и будет, пока живут на земле люди. Перекосы в таких вопросах делать нельзя, как нельзя традиции превращать в фарс

Расскажу пару случаев из жизни, связанных именно с использованием головы в ритуальных событиях. Знаю я их множество, но приведу два наиболее характерных, участником которых довелось стать самому.

Работал в гараже нашей МТС водитель Темирбаев. Было ему тогда лет под сорок. Выдал он дочь свою старшую замуж в Оренбургскую область, километров за 120 от нашего поселка, ну и решил ее навещать где-то через полгода. Я в то время, а дело было весной пятьдесят восьмого года, возил на ГАЗ-69 главного агронома МТС. Меня до уборки урожая буквально насильно заставили сесть на эту машину, так: как главного агронома никто в гараже или не мог, или не хотел возить.

Подходит Темирбаев ко мне и просит в субботу съездить с ним в гости к дочке. После свадьбы, мол, еще не виделись. Я согласился, естественно, с разрешения агронома. Приехали мы на место часов в 10 вечера, уже стемнело. Дочь Темирбаева и зять очень обрадовались, хорошо встретили, чуть ли не под руки провели отца в дом, усадили в почетный угол Короче говоря, оказали ему все положенные в таком случае почести и занялись приготовлением ужина. Ну, естественно, поставили варить бешбармак. Зять посетовал, что поздно приехали — его овцы находятся на отгонном пастбище за 20 километров, а там еще карантин, так что баранины не будет. А так как другого мяса в запасе у молодой семьи не было, то зять тут же забил четырех молодых гусей, поставил их варить. Выложили на стол стандартную в таких случаях закуску — масло домашнее, сливки, сухой сыр (крут), хлеб, сахар. Подали чай. Естественно, не обошлось и без водки.

Пошел разговор о житье-бытье с обеих сторон. Темирбаев пыжился как и подобает тестю, впервые находящемуся в гостях у зятя, пытался давать какие-то замечания и советы, и пока варилось мясо, успел рюмок пять влить в себя вперемежку с чаем. Все шло хорошо. И, наконец, подали бешбармак. Большую такую эмалированную миску, все-таки четыре гуся. И вот здесь случился один из тех ненужных перекосов.

Раскрасневшийся, напыжившийся Темирбаев, который, по правде говоря, особой популярностью у нас не пользовался, прекрасно зная, что баранины в доме нет и не будет, вдруг, уставившись на миску с мясом, заорал на всю комнату «Бас кайда?» (голова где?), и по-русски добавил матом.

Зять опять же бросился к нему извиняться и дообъяснять ситуацию. Но тесть грубо оттолкнул его и одновременно толкнул ногой миску. Бешбармак проехал по клеенке метра полтора и опрокинулся бы, но я, сидевший в той стороне, успел остановить миску на самом краю. И тогда зять, обрусевший казах (живет в России!), не сдержался и отпустил тестю хорошую оплеуху. Темирбаев, конечно, не ожидал такого, в драку не полез, так как весовая категория зятя примерно в два раза превышала его, а выскочил на улицу с криком: «Василь, поехали домой!» Куда домой, три часа ночи, я хоть и немного, но выпил, а ехать домой через два города — Новотроицк и Орск.

Темирбаев сел в машину, а мы с зятем еще где-то с час занимались бешбармаком. Ни ему — казаху, ни мне — русскому, никакая голова не была нужна, кроме своей.

Где-то часов в пять Темирбаев зло постучал в окно, и мы отправились домой. Насколько я знаю, они потом много лет друг к другу не ездили.

Второй случай приходился уже на расцвет «застойного» периода. Я работал главным бухгалтером колхоза. Дело тоже было летом. Звонит Володя Лысенко, двоюродный брат жены. Он тогда сельпо заведовал. Просит выписать хорошего барана, так как ожидается приезд какого-то гостя по линии Центросоюза из Москвы. Надо встретить. У нас эта болезнь была, да и не скоро видимо уйдет.

На Западе, если в какую-то фирму приезжает гость или делегация, то хозяин или президент встречает, несет сам или фирма все расходы и т. д. А у нас — нет: никто, ни районное, ни областное начальство, никаких расходов не несет. Они ищут крайнего (колхоз, совхоз, сельпо и т. п.) и туда тащат и отдельных гостей, и делегации. И, не дай Бог, что-то не так. Причем, если они без гостей, то едут к своим лизоблюдам, там им и охоту, и рыбалку, и трапезу устроят, да еще кое-что в багажник положат.

А если кто-то приезжает издалека, «сверху», то к «своим» гостей уже не везут по той основной причине, что лизоблюды, кроме этого самого лизоблюдства, как правило, больше ни на что не способны, показатели у них всегда ничтожные, они-то и спасаются только своим угодничеством, а везут туда, где есть что показать и чем похвалиться, не забывая в том числе и себя.

И еще везут к тем, кого не любят, да и где их не особо празднуют в обычной обстановке. А тут — гости! Есть повод.

Наш колхоз был лучшим хозяйством в области, потому все слеты, конференции «гнали» через нас. И большинство гостей тоже. Звонят, к примеру: «Такого-то числа в вашем хозяйстве будет первый секретарь ЦК товарищ Кунаев. Готовьтесь». Готовимся по усиленной программе. А Кунаев (несколько раз, кстати), не доезжая к нашему колхозу километров десять, с так называемой «чапаевской» горы полюбуется полями и уедет. А то, что наготовили, — уничтожит целая свора районного начальства после проводов гостя.

Это так, комментарий к звонку брата жены по поводу приезда гостей.

Мы с ним вместе поехали на отгонную точку, выбрали приличную овцу, килограммов на 60—70, привезли ее в село Лушниковку — это райское место в предгорье Урала. Забили и поставили котел прямо на берегу реки у дома известного чабана Кайрашева.

Все вроде бы нормально, женщины приготовили тесто, картофель и другие компоненты. Мы лежим на траве, подбрасываем дрова под котел и ждем гостей. Солнце уже село, когда из-за горы появился кортеж машин. Шесть или семь. Знали, куда ехать, поставили машины вокруг дома.

Мы с Лысенко двинулись им навстречу. Вдруг Володя как бы споткнулся и резко повернулся ко мне: «Ну, все, Васыль, мэни кинэц!» — с трудом выдохнул он и побежал назад к речке. Я, не поняв в чем дело, за ним.

«Мэни конец, — повторял он беспрерывно. — Я ж думав, шо з Москвы хтось русский приидэ, а там якыйсь чи татарин, чи кыргыз. А я голову в ричку кынув. За ту голову тэпэр з мэнэ голову знимуть!»

Как позже выяснилось, так оно и было. Из Москвы приехал торговый татарин, а по ходу движения к нам к нему «приклеилась» целая чопорно-плебейская рать — трое из Алма-Аты из Казпотребсоюза, пятеро из Облпотребсоюза и человек пятнадцать из нашего райпотребсоюза. И все мусульмане. Подать мясо такому составу и без головы — равносильно игре с револьвером в «русскую рулетку».

Что делать? Гости моют руки, разминаются. Рассаживаются. Уже темно, а до овечьих отар 20 километров, и голова — в речке!

Оперативно у заведующего фермой нашли два фонаря, и давай буквально ползать по прибрежной тине да прощупывать все кочки. А там чего только нет! Бог, видимо, был на нашей стороне. Нашли мы эту голову. Она вся в грязи и тине. Двумя паяльными лампами осмолили,

почистили и, пока гостей потчевали свежим куардаком, домашним шужуком (конская жирная колбаса), и казами (мясо на ребре в колбасной упаковке), мы в ведре, под огнем двух паяльных ламп, кое-как сварили, точнее «вымучили» ту голову, и она украсила одну из мисок.

Гость из Москвы, взяв голову в руки, не стал ее разделять и приговаривать, а передал председателю Казпотребсоюза. Тот минут сорок делил ее с большим апломбом. А я смотрел на ту голову и явственно видел, как ее в грязи и тине ищет Лысенко... И не то, что мясо, мне и чай в рот не шел.

Все закончилось красиво. Мы с Володей ехали домой и обсуждали все, что случилось. Честно говоря, нам даже страшно было думать тогда, что было бы, если...

Здесь уже не обычай, здесь уже что-то большее. Здесь пришили бы все — и политику, и антисоветчину, все, что угодно, тем более что московский гость был еще и кандидатом в члены ЦК. Членом ЦК, но уже республиканского, был и глава Казпотребсоюза. В общем, зацепиться нашли бы за что.

А за что? Из-за головы какого-то барана, которая иногда ценится выше головы человека...

«БУГУМБАЙСКИЙ ПРОМЕТЕЙ»

Сколько бы не говорили в разные времена про то, что все люди равны, а ведь это далеко не так.

Все люди равны только, если так: можно выразиться, — по-вертикали, то есть перед Богом и перед Законом, а по горизонтали, или между собой, они все разные. Один, к примеру, может поднять двести килограммов, другой — двадцать. Один воьет в себя литр водки, сядет за руль, и все будет нормально, а другого нельзя сажать за руль даже в трезвом виде. Ну, и так далее.

Среди обычных людей выделяются люди-звезды, то есть очень яркие личности. Одни сразу рождаются звездами, другие звезды зажигают, когда «это кому-нибудь нужно».

Звездам нужен фон, нужно какое-то небо, чтобы сверкать на этом фоне. Не будет фона (неба), не будет и звезд, так как выделяться не на чем будет. Так и в людской жизни. Обычные люди, в основной своей массе, тоже служат определенным фоном для людей-звезд, которые вспыхивают и сгорают, а фон остается. Это как раз то, что повседневно стабильно. Это те люди, которые ежедневно и незаметно делают свое дело — пахут и сеют, строят и собирают, учат и лечат, пасут скот и водят поезда и самолеты. И они достойны внимания не меньше, чем знаменитости.

Вот я и хочу рассказать об одном простом, но удивительном человеке, с кем свела судьба в прежние годы. Мы были знакомы довольно длительное время, я звал его «Бугумбайским Прометеем». И вот почему. Ну, во-первых, «Бугумбай» — это название урочища в предгорьях Урала, своеобразной живописнейшей впадины, окруженной небольшими горами. Названием впадина и вообще все пробитое в горах ущелье, обязано речушке Бугумбай, которая за столетия, невообразимо петляя среди гор, пробилась-таки к реке Урал. Весной она разбухала до многометровой глубины, а летом и осенью, подпитываемая десятками родников, чистая, прозрачная и ледяная, она спокойно журчала среди скал по отполированным плоским камням. По берегам — буйная растительность, а в самой воде чего только нет! Де-

сятки видов рыб, заходящих во время половодья из Урала, раки, черепахи, всякая речная живность. В первые годы моего пребывания в том краю, когда машин и мотоциклов в селах было буквально единицы, и на горную речку приходили только пешие любители, под каждым камнем на дне можно было найти или рака или налима. Стоишь по колено в воде, тихонько, чтобы не мутить ее, приподнимаешь камень, а под ним — впадающий летом в летаргический сон налим. Пока он начинает еле-еле шевелиться, быстро накалываешь его обычной стальной столовой вилкой и ложишь в сумку. В глубоких заводях водились черные, похожие на коряги, столетние щуки, а щуки помоложе, неподвижные, караулили часами в стоячей воде, готовые в долю секунды молнией метнуться и проглотить какого-либо зазевавшегося собрата

Чудо-место, урочище Бугумбай, но это, конечно, для приезжающих отдохнуть и развлекаться. А для тех, кто там постоянно жил, все природные прелести были далеко не на первом месте.

В урочище Бугумбай, в тридцати километрах от центральной усадьбы нашего колхоза, располагалась коне-овцеферма. Было там три небольших аула, так они и шли под номерами: первый, второй и третий. Тянулись аулы вдоль речки с интервалами в 2—2,5 километра, в каждом из них жили наши чабаны и табунщики, там же были кошары для овец и загоны для лошадей. Повседневная жизнь была не из легких. Ни школы, ни магазина, ни медпункта, ни радио и телефона, ни дороги приличной, ни газа.

А еще раньше не было и электроэнергии. Чисто натуральное хозяйство, как и сотни лет назад. Вроде бы кругом был современный мир, а там люди жили оторванными от всего. Они, конечно, не голодали, не замерзали, пасли в горах овец и лошадей круглый год, но были лишены многого просто элементарного.

Наконец, в середине шестидесятых, когда появились телевизоры, мы им поставили передвижную электростанцию, соединили все три аула линией электропередач, и с шести вечера до полуночи в домах чабанов горел свет. Появились различные электроприборы. Жить на отгонной точке стало веселее. Так как заведующий овцефермой жил в первом (по номеру) ауле, то и электростанцию поставили там же. Однако из десятка мужчин, живших в Бугумбае, только один был кое-как способен управлять электростанцией, то есть запускать ее и глушить, делать элементарный профилактический уход. Остальные бо-

ялись даже подходить к двигателю и аппаратуре. Того «умельца» звали Умурзак. Давно, во время войны, он работал на тракторе, и когда начал работать по электричеству, ему было под пятьдесят. И вот он, один, лет двадцать подряд «давал свет», то есть работал на той электростанции.

Казалось бы, что за разговор, таких «светителей» многие тысячи, и ни чем они особенным, как правило, не выделяются. Работа не из пыльных. Завел двигатель, линию включил — заснул, проснулся — выключил, заглушил.

Но для Умурзака вся эта простая технология многократно усложнялась тем обстоятельством, что жил он в третьем ауле — это не через пять троллейбусных остановок, а за шесть километров от места работы, то есть от электростанции. Чтобы добраться туда, надо было обязательно перевалить через довольно высокую гору и перейти в брод речку. И это триста шестьдесят пять дней в году, при любой погоде, без выходных и отпусков, более двадцати лет подряд!

Дом Умурзака стоял в третьем ауле обособленно, в красивой ложбине между двух гор, с их южной стороны. Сзади дома поднимались горы, а спереди, метрах в пятидесяти, среди деревьев и кустарников бежала речка.

Она в этом месте как бы упиралась в гору, затем, обходя ее, уходила влево, образуя цепь довольно больших и глубоких озер. Озера были гордостью Умурзака, там всегда находились сплетенные им самим рыболовные сетки-«морды», и рыба в его доме была всегда.

Второй гордостью был родник, бивший из земли прямо перед домом в тени большого дерева. Умурзак оградил родник бетонным кольцом, на вбитый в дерево гвоздь повесил кружку и всегда объяснял своим сородичам-чабанам, что не надо пить из родника, опускаясь на колени. «У нас хултура», — говорил он и показывал на кружку. Жил он вдвоем с женой Шарипой, миловидной, добродушной, гостеприимной и аккуратной хозяйкой, как небо и земля отличавшейся от других женщин всех трех аулов, да и не только аулов. Стандартные жилища чабанов и скотников по всем казахским аулам — дом-мазанка. Метрах в пятнадцати — котел, вмазанный в камни, пара загонов для овец и скота, вокруг дома — утрамбованная, как тренировочный плац, земля. Как правило, — ни кустика, ни деревца, ни тем более огорода-сада.

У Шарипы с Умурзаком ниже дома, до самой речки, на освоенном ими плодороднейшем участке земли росло все, что могло там расти. Овощи, смородина, фруктовые деревья. Умурзак построил хитроумную систему орошения. Пользуясь тем, что родник находится выше огорода, он через сеть выложенных камнем каналов сделал так, чтобы вода из родника естественным путем постоянно орошала весь участок. Если где-то полив был не нужен, предусматривался сброс воды по отдельному водоводу.

На такой богатейшей земле, при родниковой воде, росли чудовоощи. Таких я и на своей Слободзейщине не видел. Все сладкое, вкусное, экологически чистое и невероятных размеров. Все соседки-хозяйки, жены чабанов, постоянно попрошайничали у Шарипы то луге, то еще какие-либо овощи. Но сами так никогда и не пытались завести свои огороды. Такой степной и национальный менталитет.

Огорода Шарипы хватало на всех. И это тоже была гордость Умурзака. Детей у них не было. И все свое внимание они уделяли работе, огороду, коту с непереводаемым именем «Пинок» — они в нем души не чаяли, и гостям.. Гости у них практически не выводились. Умурзак не жалел для них ничего. А чистота и аккуратность привлекала многих — и казахов, и русских.

Да и почему бы нет? Овец Умурзак держал пару десятков, рыба была всегда, овощи-фрукты тоже. Ни один казах в округе, какое бы он положение в обществе не занимал, не мог похвастаться такой популярностью, как простой крестьянин Умурзак. Открытый для всех, веселый, трудолюбиво-обязательный, бесхитростный и честный, он был просто Человеком от природы. И этим ей был ценен.

Более двадцати лет он ходил в первый аул «делать свет». И по колону в грязи, и в жесточайшие морозы, и в беспощадные бураны — и все это ежедневно и за 90 рублей в месяц. Не знаю, кто хотя бы на неделю согласился возвращаться с работы по горам после полуночи. А его гнало на работу какое-то чувство нужности, необходимости, не смотря ни на что. И это не пафос, а простая проза жизни.

Один только раз за двадцать лет работы Умурзак три дня проболел. Не помню, в каком году, но была очень жестокая зима. В один из дней буран не давал выйти из дому — овец держали в кошарах, люди с трудом их кормили и поили.

Днем Умурзак от столба к столбу (я уже говорил, что мы связали все три аула линией электропередач) добрался до электростанции.

Весь вечер буран рвал и метал. Он думал уже заночевать у заведующего фермой. Но после полуночи буран резко стих, даже луна появилась, и Умурзак, несмотря на уговоры заведующего, ушел домой. На подходе ко второму аулу его встретила стая волков. Они спустились с горы, за которой был дом Умурзака, и направлялись к овечьей кошаре во втором ауле. И тут их пути пересеклись. Трудно передать, что там было. Умурзак успел добежать до первого более менее высокого дерева — все, что помельче, под горой у реки было покрыто многометровым слоем снега. Полушубок и валенки не давали возможности влезть на дерево, пришлось валенки сбросить. Он просидел на дереве, окруженный рычащей и воющей голодной стаей, часов семь. На босые ноги одел малахай (листья шапка-треух), голову прикрыл воротником полушубка и так сидел-висел, пока не рассвело, в трех метрах от беснующихся зверей. Обиднее всего было то, что до дома чабана Дильмагамбетова оставалось метров двести — он первым увидел Умурзака на дереве и помог ему скатиться на снег.

Умурзак промерз насквозь. А через три дня все продолжалось, как и прежде — в шесть вечера из дому, в два часа ночи — домой. Но после этого случая мы легко преодолели сопротивление завфермой и летом построили небольшое помещение метрах в 20 от дома Умурзака и поставили там электростанцию.

Никто не смог бы оценить это действие больше, чем сам Умурзак. Представьте себе — он вышел из дома, пять минут на подготовку — завел двигатель, включил систему, и иди смотри телевизор да пей чай. В полночь — вышел, заглушил все — и дома Все просто, но что за этим «просто» стояло? Для Умурзака это было больше чем любая награда. Ибо это была новая жизнь, жизнь по большому счету. С тех пор свет в домах чабанов горел до последнего дня жизни Умурзака

Попутно расскажу один курьезный случай из наших взаимоотношений. Привез я ему из Орска холодильник, у нас с Орским механическим заводом тогда были хорошие деловые связи. Ну, привез в Бугумбай, проверили — работает, все нормально.

Но однажды Умурзак приехал в колхоз и зашел ко мне в кабинет. Я как раз из Актюбинска приехал, и на столе лежали кое-какие вещи. Среди них — прямоугольная коробочка с активированным углем. Умурзак повертел ее и спросил, что это. Я ответил, что эти коробочки с углем кладут в холодильник, чтобы устранять неприятный запах. А так как в Бугумбае свет давали только ночью, то холодиль-

ник днем естественно отключался. Понятно, что это было не лучшим способом, чтобы что-то в нем хранить. Через дней пять приезжает в контору заведующий Бугумбайской фермой и говорит: «Андреевич, что-то Умурзак просил тебя заехать». Дня через два я заехал. Умурзак показывает мне новый холодильник, у которого изнутри дыра прогорела! На мой вопрос, как это можно было сделать, Умурзак объяснил, что холодильник у них совсем завонялся, и он сказал Шари-пе, что Гурковский, мол, уголь в холодильник ложит, чтоб запаха не было. Ну, Шарипа и положила туда жаровню с золой, а в золе еще, наверное, жар был. Так и получилось, что стенка прогорела. А я смотрю и думаю: «Как же я объяснять буду ремонтникам на заводе? Что они обо мне подумают, когда пропаленную дыру в холодильнике увидят?» Но делать нечего, отвез, заделали на заводе стенку, посмеялись, и на этом все закончилось.

А Умурзак с Шарипой жили дальше. Добрые простые великодушные казахи. Их теперь нет, но остались те, кто их помнит. Они были звездами, теми, что постоянно светят людям — и в переносном, и в прямом смысле.

КИТАЕЦ

Так уж случилось, но на нашей Земле каждый пятый житель — китаец. И вряд ли найдется в любой стране какой-либо город, большой или маленький, в котором не жили бы китайцы. Хотя бы один. В городе Темире, расположенном в полутора ста километрах к югу от областного центра Актюбинска, на границе с полупустыней, на имеющихся в наличии восемь тысяч сборного населения тоже жил один китаец. Был он китайским подданным, жил один, без семьи. Возраста неопределенного, внешне определить возраст китайца трудно. Никто его не трогал — ни власти, ни соседи, даже когда были на то причины. Политика у нас была такая. Уж очень боялись национальных вопросов. Издеваться можно было сколько угодно над российскими людьми, но, не дай Бог, тронуть лиц отдельных национальностей, тем более, иностранных подданных.

Возможно, и не было бы особой необходимости мне писать про этого человека, но в нем, как в капле воды из большого океана, отразилась вся суть его нации — трудолюбие, деловитость, особенно в торговых делах, нахальная напористость, гибкость и увертливость, бескомпромиссность, отсутствие комплексов, удивительная живучесть, затаенность, малообщительность, очень далекое понятие о совести, нравственности и т. п.

Мне не приходилось жить среди китайцев, поэтому рассказываю об одном из них, не желая никого обидеть или сделать какие-то обобщения. Хотя кое-что я знал о них со слов отца — он закончил войну в Маньчжурии и почти год служил там уже после войны.

Отец рассказывал, что когда русские вошли в Китай, местное население встречало их с благоговением. Первое время, к примеру, идет наш офицер или даже солдат по улице — китаец метров за пятьдесят начинает ему кланяться и беспрерывно повторять: «Капитана, здласти» — их так японцы приучили за время оккупации. Ну, а наши — как наши, подойдут, похлопают по плечу: «Перестань кланяться, мы же с тобой братья». Китайцы это очень быстро усвоили: «Ага, раз мы — братья, то я старший брат», — и многие начали, извините, плевать в нашу сторону.

Это, кстати, классическое отношение к русской армии в любой стране, куда она входила, потеряв часто сотни и тысячи своих ребят. Пока бьет — уважают. Как поймут твою доброту, начинают плевать и обзывать оккупантом. Видно, судьба у нас такая — и раньше, и сегодня.

Итак, китаец в Темире. Это еще конец шестидесятых. Нигде официально не работающий, ничем особо не отличавшийся, он довольно сильно означил свое существование в этом городе. Его знали все. И взрослые, и дети. Главная сфера деятельности — торговля спиртным. Ни много, ни мало. Днем он заготавливал спиртное. Это делалось просто. «Арендовал» у соседа-чеха ишака с небольшой повозкой, ехал на склад горторга и покупал там ежедневно два ящика водки и ящик вина. Это была проверенная им и временем необходимая норма потребления любителей выпить по ночам. Магазины закрывались в 9 часов вечера, и тогда наступало время «Пиня», так звали китайца.

Такса была простой — с 9 вечера до полуночи бутылка московской водки по 2 руб. 87 копеек продавалась за 3.50, а с полуночи и до открытия магазинов — за 5 рублей. Никому никаких льгот не было, кроме милиционеров, дежуривших ночью в РОВД. Им продавали всю ночь по 3 рубля за бутылку.

Я в то время учился там в сельхозтехникуме и жил на квартире — как раз у соседа-чеха, у которого Пинь ежедневно арендовал ишака. Часто он приходил к нам, и мы беседовали на разные темы. Что меня в нем поражало, так это постоянный поиск новых методов привлечения клиентов и зарабатывания денег.

Он закупил шахматы, шашки, домино, карты, ставил на стол примитивную закуску — огурцы соленые, лук, хлеб и постепенно превратил свой дом в своеобразный мужской клуб. Одни играют в шахматы, проиграл — ставь бутылку, а бутылка рядом, 5 рублей. Другие «режутся» в карты, третьи в домино и т. д. И все играют на водку. Проиграют — давай реванш.

Кто бы ни проиграл, Пинь всегда в выигрыше. Постепенно значительная часть мужского населения города Темира зачастила к Пиню. Многие прямо с работы шли к нему и до глубокой ночи, а то и до утра оставались в «клубе».

В одну из зим «заседания» у Пиня приняли такой масштаб, что вызвали бурю негодования у жен «игроков». Потекли женские делегации в горкомы и обкомы с требованиями остановить разошедшегося китайца. Власти, несмотря на активную защиту Пиня всем муж-

ским населением Темира, сделали ему серьезное внушение, и «клуб» он прикрыл. Но ночная торговля спиртным осталась. Посчитав, что это дело добровольное — торговля ночью по повышенным ценам, а также, что такой вид услуг устраивает население, власти закрыли на него глаза.

А Пинь, по его же словам, зарабатывающий еженощно до 50 рублей (в те времена это большие деньги), был постоянно в поиске новых источников доходов, причем легальных. После бессонных ночей и общения с самой отъявленной местной, да и приезжей, публикой, он всегда до обеда отдыхал, затем заготавливал спиртное на ночь и еще находил время «поторговать», сидя у входа в городскую столовую.

Казалось бы, ну что ему, зарабатывающему в месяц на половину «Запорожца», искать у этой самой столовой? А Пиню нужен был сам процесс. Он гордо сидел на плетеной циновке, перед ним на тряпке лежали несколько луковиц и головок чеснока, по рублю за штуку, пара коробков спичек и еще какая-нибудь мелочь. У него почти никто ничего не покупал, но те, кто знал его ближе, просто подходили поторговаться. Для Пиня это было верхом блаженства. Торговался он настолько отчаянно, что тот шутник, который торговался с ним в порядке хохмы, в конце концов, что-нибудь да покупал.

В общем, если у нас сегодня значительное число людей торгует «с земли» от горя, то Пинь, еще 35 лет назад, так торговал просто для удовлетворения своей коммерческой души.

Дом Пиня стоял перпендикулярно улице, а рядом, уже вдоль улицы, тянулось здание городского детсада. Он устроил свою огромную овчарку в детсад сторожем. Толстая шестимиллиметровая проволока тянулась от крыльца дома Пиня вдоль всего здания детсада, и ночью по ней двигалась на цепи овчарка, принося хозяину ежемесячно 70 рублей зарплаты, получая вдобавок бесплатное питание.

Так он и жил, тот единственный в Темире китаец. Ходил в одном и том же истертом костюме полувоенного покроя, не имея домашних.

Весь город считал его деньги. Все мучились и хотели знать, куда все-таки девают он заработанные ночные тысячи. Были попытки шантажа, запугивания и т. п. Кругом пески, народ всякий передвигается, но Пинь был не так прост, как внешне выглядел. Многие это поняли после одного случая.

На краю города, как я уже говорил, был совхоз-техникум. Как-то раз одна из студенческих групп обмывала серьезный экзамен, и, как

всегда в *таких* случаях, им показалось мало. Время было уже позднее, магазин закрыт, поэтому решили послать «гонцов» к Пиню. Повыворачивали карманы, насобирали пригоршню мелочи и направили двоих ребят понадежнее за «добавкой». Один из них был наш сосед, студент-выпускник — Кульжанов Сагимбай.

С огромным шишкообразным рогом на лбу, Сагимбай буквально приполз в общежитие лишь к утру и рассказал, что, придя к Пиню, они постучали. Хозяин в то время дверь уже никому не открывал, а вел торговлю достаточно своеобразным способом. Заказчик стучал в дверь и просил водку. Китаец спрашивал: «Белый или класный?», затем открывал в нижней части двери специальную маленькую дверцу и высовывал на улицу совок. Приходящие дожили в него деньги, цена была известна без особой рекламы, Пинь деньги пересчитывал и опять же на совке выставлял на улицу водку или вино.

Сагимбай признался, что мелочи у них набиралось где-то около трех рублей, то есть всего на бутылку отвратительнейшего в те времена вина-пойла «Солнцедар». Но они сказали, что им нужен литр водки и высыпали мелочь на совок. Пинь минут двадцать считал ее и выставил на совке бутылку вина. Студенты решили обыграть китайца — втокнули вино обратно и заявили, что они дали деньги на литр водки.

Пинь снова пересчитал и снова выставил вино. Заказчики возмутились и снова вернули вино обратно. Они все больше распалялись, били кулаками и ногами по двери, обзывая хозяина различными нелестными словами на двух языках, русском и казахском, и требовали водку.

Так продолжалось около получаса. Китаец затих, и студенты воспряли духом, предвкушая победу и похвалу сокурсников. «Ночь была темная, — рассказывал Сагимбай. — Мы уже почти «дожали» Пиня, как вдруг...» В одну секунду происходят три действия одновременно: резко распахивается широкая дверь, в глаза жаждущих студентов бьет сноп яркого света трехсотваттной лампы, одновременно из двух стволов поверх их голов гремят выстрелы. В довершение всего на них прыгает огромная овчарка. «Напарнику моему повезло, — рассказывал дальше Сагимбай, — он с перепугу как рванул по улице в сторону степи, так только утром и пришел в город. А я непроизвольно прыгнул — вряд ли какой чемпион мог бы сделать такой прыжок с места. Все было бы хорошо, но рядом с домом Пиня стоял железобетонный столб с приставкой. А я в крошечной тьме попал именно между ними. Столб проскочил, а вот наклоненную приставку — не удалось.

Когда очнулся, чувствую, что лежу, головы вроде бы и нет, отрубил что ли. Но слышу какой-то звериный рык, ужасный. Приоткрываю с трудом глаза, свет из щели под дверью просачивается, и вижу, как овчарка (слава Аллаху, что она на цепи бегала!) вытянула лапу и пытается дотянуться до моей головы. Сантиметров десять егге осталось. Я застыл весь, хотя и был мокрый от холодного пота, а шевелиться не мог. А она все рычит и тянется к моей голове, царапая мерзлую землю. Через время кое-как откатился в сторону... И вот, дошел до общежития».

Случай этот сразу стал достоянием гласности. Желających «прощупать» Пиня ни среди студентов, ни среди городских и приезжих «клиентов» больше не было.

А Пинь продолжал жить своей жизнью. Все так же днем отдыхал. Затем заготавливал спиртное на ночь и торговал. И все также пользовался великим уважением у всех, кому было купленного днем мало.

А потом вдруг исчез. Исчез незаметно, как и появился. И что интересно, в опустевший его дом, по слухам, никто не забирался в поисках спрятанных денег или вещей. Может, это было проявлением уважения со стороны тех, кто мог туда залезть, а может, какая-то подспудная боязнь чего-то, но дом долго так и стоял нетронутым, пока не разрушился. Потом его разровняли бульдозером. Осталась только память.

АВТОРИТЕТ

Бытует мнение — человек лет десять работает на свой авторитет, а потом уже авторитет работает на него. Скорее всего, это так и есть. И все же авторитет, несмотря на его сугубо определенную принадлежность, — далеко не всегда что-то определенное, чаще нечто надуманное и абстрактное.

Есть авторитеты действительно заслуженно приобретенные (профессиональные, интеллектуальные), положительные и отрицательные, личные и коллективные, навязанные с позиции силы, власти, сформированные по слухам, средствам массовой информации, общественному мнению. И все же основной категорией является личный авторитет работающего человека, неважно в какой отрасли и какую должность он занимает.

Здесь приходится отметить, что если во всех цивилизованных странах авторитетность всегда высоко ценилась и ступенчато развивалась (люди там работают на авторитет начальника, хозяина или просто старшего, который уже своим авторитетом защищает и прикрывает своих же людей), то у нас, к сожалению, на всех необъятных просторах бывшей великой страны все делалось наоборот. Вместо того чтобы работать на авторитетность и развивать ее, мы основную массу своего времени тратили на работу (именно!) по дискредитации авторитетов. Причем, на всех уровнях.

Это же дикость — избираем себе, к примеру, власть (президентов, депутатов, председателей) или назначаем на должность по своей же инициативе (директоров, бригадиров, завгаров, начальников цехов и т. п.), а на второй день говорим, что они негодные, и начинаем против них различные противодействия.

У нас руководители ни во что не ставят авторитет своих заместителей, а заместители — руководителей. Работники, играя на этом, ни во что не ставят авторитет и руководителей, и заместителей. И такая чехарда шла, да и еще идет повсеместно, повторяю, на всех уровнях. Поэтому и порядка у нас никогда не было в стране — как раньше, так, к сожалению, и сегодня.

Никак не хотим понять на всех уровнях, что авторитет зависит не только от способности и старания каждого конкретного человека, а еще и от отношения к нему окружающих, в том числе и руководства. Авторитет надо растить, лелеять, всячески поддерживать и направлять его положительное воздействие на все участки возможного применения. Авторитет — это уважение, это пример, это стимул и, обязательно, ответственность. До тех пор, пока мы все это не поймем, по-прежнему будем бороться с авторитетами, особенно положительными (а их абсолютное большинство), жить будем безавторитетно, то есть беспутно.

Расскажу один пример из жизни. Положительный пример умелого использования своего и чужого авторитета. Пример, когда руководитель не боялся умных добросовестных подчиненных, а своим авторитетом поддерживал и старался максимально использовать их возможности на пользу дела, воодушевляя своей поддержкой.

Колхоз, в котором я отработал семнадцать лет, был лучшим не только в районе, но и в области. Однозначно, успехи хозяйства во многом базировались на умелом руководстве и рациональной организации всех производственных, обслуживающих и социальных процессов. Председатель колхоза Григорий Ионович Каструбин тридцать лет подряд был настоящим хозяином села, хозяином с большой буквы, государственным и человеческим руководителем одновременно, что не так просто и, к сожалению, не часто встречается.

Он умел работать с людьми и подбирать кадры. В колхозе все и вся было лучшее в районе — и помещения, и показатели, и комбайнеры, и бухгалтеры, и агрономы, и доярки, и артисты художественной самодеятельности. Строгий, но справедливый, ответственный и бескорыстный, он притягивал к себе людей и, повторяю, не боялся умных, не «затирал» их, а давал развиваться, естественно, на пользу хозяйству.

Долгие годы в колхозе не было освобожденного парторга, не хватало коммунистов до установленного минимума, поэтому по несколько сроков несли довольно непростую партийную нагрузку то главный экономист, то есть я, то главный агроном.

Когда я стал главным бухгалтером, и меня снова решили избрать парторгом, пришлось стать в позу и попросить ввести освобожденного секретаря парткома, благо я перед этим постарался пополнить партийные ряды недостающими до необходимого количества коммунистами. Так у нас появился освобожденный парторг, некто Хиж-

няк. Естественно, ради зарплаты его сделали заместителем председателя колхоза.

В один знойный летний день, когда председатель как раз был на сессии Верховного Совета, к нам заехал М. М. Горожанов, снабженец одного из крупных военных заводов, расположенного от нас в 50 километрах, в соседней республике. За многие годы сотрудничества у колхоза с заводом сложились хорошие деловые отношения, завод нас часто выручал, и мы, чем могли, — тоже. У отдела снабжения завода были нелимитированные чековые книжки (нам бы сейчас такое!) и неограниченные возможности. Кроме всего, Горожанов был прекрасным высокопорядочным и ответственным работником, и мы (колхоз) были многим обязаны ему лично.

«Я попутно заехал в колхоз, — сказал он, — по чисто личной причине. У жены день рождения, и надо килограммов пять мяса. Пока приеду домой — магазины закроются, а там, где я был, не захотел брать, чтобы не везти по такой жаре 6 часов».

В нашем колхозе это не было проблемой, мясо тогда стоило от 70 копеек до рубля. Было его предостаточно и для внутренних нужд, и для реализации. Мы выписали пять килограммов, Горожанов пошел подписывать накладную у нового заместителя, того самого Хижняка. Вскоре возвращается и с обидой говорит: «Знаешь, не хочу я уже мяса, ваш заместитель прочитал мне целую лекцию о колхозном добре, сказал, что больше двух килограммов в колхозе не выписывают, а что мне те два килограмма?»

Я взял накладную, вытер хижняковскую карандашную запись и поставил впереди пятерки цифру два. Получилось двадцать пять килограммов (пусть будет и для работников заводского отдела снабжения, не часто они к нам обращаются). Подписал накладную, поставил цену, Горожанов оплатил в кассу и подъехал к кладовой колхоза. Кладовая — метрах в тридцати от конторы. У меня кабинет — на первом этаже. Вижу, как Горожанов вышел с целой коровьей ногой, обернутой в пергаментную бумагу. Кабинет парторга был над моим, и он тоже, естественно, все это видел. Через полчаса ко мне зашел кладовщик и говорит: «Ой, что было! Я отпустил мясо Горожанову, а тут вбегает Хижняк и кричит: «Ты шо сейчас отпустыв, когда машина чужая подъезжала?» «Мясо», — говорю. «Кому?» «Горожанову». «А сколько?» «25 килограммов». «На яком основании?» «По накладной». «А хто ии пидпысав?» «Гурковский». «А квитанция е?» «Конечно есть».

На том инцидент был исчерпан. Зная меня, Хижняк не подошел разбираться, зато на очередном заседании правления, когда Каструбин уже вернулся, а я как раз был в командировке, он поднял этот вопрос и с пафосом, высоко подняв голову, произнес: «Григорий Ионович, скажите тому Гурковскому, нехай вин до моего мяса нэ лизэ, я до его грошей нэ лизу, хай и вин нэ лизэ».

Председателю чуть не стало плохо. «Что-что? Твое в колхозе мясо, Гурковского — деньги? А собственно, зачем в этом колхозе я тогда? И в чем дело?»

Хижняк, пользуясь присутствием членов правления, специалистов и бригадиров, артистично доложил, как он боролся за колхозное мясо, а главный бухгалтер его разбазаривал.

Выслушав его выступление, Каструбин прищурился своим особым уничижительным прищуром и сказал: «И ты Горожанову не дал мяса?» «Як положено, два кила», — прохрипел Хижняк.

Председатель встал и, обедя взглядом зал заседаний, сказал буквально следующее: «Раз так, мой боевой заместитель, раз ты не знаешь что, когда и как можно и нужно делать, я лишаю тебя права подписи любых, даже самых простых документов. Все слышали? Лишаю. Если меня не будет, пусть документы идут с одной подписью — главного бухгалтера, а приеду — позже подпишу. Я абсолютно ему доверяю, и если он что-то без меня делает, то это на нашу с вами общую пользу. Вот так!»

Это и называется работа на авторитет подчиненного. В данном случае умный, дальновидный Каструбин знал, что, поддерживая меня, он укрепляет общий авторитет руководства колхоза, и понимал, что я буду работать с еще большей отдачей и пользой для хозяйства.

Никогда не бойтесь умных людей, особенно подчиненных вам, не бойтесь, что они вас «подсилят» или «подставят», старайтесь их ум и способности направить на пользу дела и свою пользу. Или доверяйте (проверяя), или избавляйтесь даже при тени недоверия. Иначе толку не будет.

«КОММИВОЯЖЕР»

Считается, что увлечения или, как их еще часто называют, хобби, в жизни людей занимают не главное место. Это что-то вроде процесса удовлетворения духовных потребностей, хотя если вникнуть в суть любого увлечения, то очень часто можно проследить его материальную основу. У рыбака, увлекающегося рыбалкой, вроде бы обожающего сам процесс, тоже подспудно присутствует мысль о пойманной рыбе. У какого-нибудь коллекционера, дрожащими руками достающего из потайного места редкую монету, марку или этикетку, любующегося ею дома под одеялом и пылающего от гордости за обладание ею, всегда присутствует какой-то материальный интерес.

К еще большему сожалению, приходится констатировать факт довольно быстрой коммерциализации «хоббизма», то есть ускоренной трансформации духовных увлечений-интересов в чисто материальный интерес.

Люди есть люди. И сколько людей — сколько и интересов, хороших и плохих, разных и безобразных. На смену джентльменам по духу пришли «джентльмены удачи» со своими интересами и увлечениями. Часто материальная сторона увлечения настолько превалировала, что просто «втягивала» в себя людей и уже не выпускала, засасывая их все глубже. Увлечение, таким образом, становилось бизнесом, не всегда законным, и превращалось в обычную жажду наживы.

Расскажу об одном таком увлеченном любителе, жизнь которого стала ярким примером никчемности и бесполезности. В принципе хорошего мастерового, поддавшегося на соблазн выгоды от безобидных поначалу увлечений.

Человека звали Федор, по фамилии Карпов. Жил он в городе Орске Оренбургской области, в частном доме, недалеко от Никелькомбината. По национальности — мордвин. Я это узнал из его неоднократных заявлений о том, что мордва — основа России, и что Ленин тоже имел мордовские корни. С молодых лет он работал на одном из Орских заводов, был действительно мастером — «золотые руки», рано вышел на пенсию по горячему цеху. Тогда и пришел расцвет его

увлечениям. Он действительно мог сделать, что угодно, тем более в Орске, где столько различных предприятий и столько возможностей.

Начал он с необычного хобби, но довольно приземленного и практичного. Он сконструировал и собрал уникальный стационарный самогонный аппарат и установил его на кухне. Казалось бы, эка невидаль — аппарат! Да их в Орске сотни, и все уникальные. Но нет. Аппарат Федора, весь из хромированной и нержавеющей стали, имел такие системы фильтрации, сепарирования, дубляжа и отстоя, что ни один ликероводочный завод не мог и мечтать об этом. Самогон, а точнее спирт, выработанный им, на несколько порядков превышал по качеству все подобное, производимое в области и за ее пределами.

Неудачное, прямо скажем, получилось у Карпова хобби. Он увлеченно сделал аппарат, затем еще более увлеченно запустил его в работу, а дальше увлечение столкнулось с необходимостью выбора. Он задумался: если запускать аппарат для себя, то тогда никакого здоровья не хватит, а если привлечь интерес окружающей рабочей среды, которой в Орске полгорода и которая за стакан водки растащит любой завод, любое производство, то тогда дело пойдет. И Федор выбрал второй путь.

И количеством, и качеством продукции своего спиртового цеха он привлек довольно приличную, по меркам заводского поселка, армию любителей выпить, у которых «хобби» было примитивно-простым — похитить с завода заказанную Федором деталь, инструмент или запасную часть и обменять у него же на водку. Карпов знал толк в дефиците, и барахлю не принимал. К нему стекалось за бесценку все новое, хромированное, никелированное и кому-то необходимое. Обороты росли, а так как коллекционировать ворованное он не собирался, надо было выходить на рынок и, конечно же, не на орский, где все изделия были известны. Надо было находить сбыт вне города. Врожденная жадность не позволяла привлекать и к рекламе, и к реализации посторонних. И он решил все это делать сам.

Поручив сыновьям производство спиртного и обменные операции, Федор занялся коммивояжерством, то есть развозил и предлагал всякую всячину, договаривался о поставках в объеме и ассортименте, а потом уже реализовал все заказанное. В основном он имел дело с колхозами-совхозами соседнего Казахстана и, надо сказать, оказывал им довольно ощутимую помощь, так как хорошие изделия по сантехнике, некоторые инструменты были недоступны сельским жителям в свободной продаже.

Вот тогда мы его и узнали. Он пришел и предложил свой «товар». Из-за острой нужды в нем — мы согласились. И несколько лет подерживали с ним обменные связи. Приезжал он к нам не часто, всегда по субботам, на автобусе или на машине с сыном, привозил десятка два-три вентиля, кранов, резцов и другие мелочи. Мы с инженером их проверяли, составляли акты на приход, передавали в склад, а Карпову, исходя из пересчета, отпускали мясо, иногда зерно и т. п.

Мы, в принципе, брали то, что нам было крайне необходимо, а отдавали то, что было в избытке, то есть обе стороны оставались довольны. Но я в этой были хотел показать совсем другое — саму суть трансформации человеческих увлечений, поведать о том, как мастеровой человек, потомственный рабочий, через свое первичное хобби втянулся совсем в другую жизнь. В нем проснулась доселе неизвестная ни окружению, ни ему самому врожденная смекалка, переродившаяся в корысть на благоприятной почве всеобщей бесконтрольности, вседозволенности и безнаказанности.

Он поднялся на несколько ступеней выше даже в своих глазах и уже смотрел на город, как на свою вотчину. Перестал принимать мелких воришек-несунов, а начал искать, где что плохо лежит в целом по городу. Больше не носил в сумке вентиля, а предлагал уже что-то объемное. Я сперва не придавал значения слухам из других колхозов, что Федор то-то и то-то привез к ним, то какой-то вагон, то троллейбус и т. п. Но когда к нам в колхоз инженер привез от Карпова огромную цистерну с остатками какой-то жидкости, и ее начали за селом разрезать на части, потравив телят, кур и вообще всю живность в ближайших дворах, я понял, что Федор начал нашими руками — не красть, нет, а просто брать все, что бесхозно лежит, где угодно, даже на подсобных территориях заводов. Еще понял, что с такими обменными операциями мы скоро потеряем авторитет и поссоримся с городскими властями Орска.

Надо было найти повод для разрыва. И он подвернулся, даже с неожиданной стороны. Приезжает как-то Федор, уже без мелочей, и говорит: «Есть новый двухосный прицеп, за триста рублей, если хотите — берите».

Меня как осенило. «Стой, — думаю, — на выезде из города у предпоследнего дома улицы, выходящей к старому поезду через реку Орь, несколько месяцев стоит новый прицеп, без переднего правого колеса, камень под передний мост подложен. Не об этом ли прицепе идет речь?»

Несколько раз проезжая мимо, удивлялся, почему хозяин уже год его не забирает. Если воры смотрят, где что плохо лежит, чтобы украсть, то я, как бухгалтер, смотрю, где что плохо лежит, чтобы положить на нужное место.

Чувствую, Карпов именно этот прицеп имеет ввиду. Пообещал поговорить с председателем на эту тему, и мы расстались. Дело было в воскресенье. В понедельник пригласил с утра заведующего гаражом и сказал: «Если машина идет в Орск, то хорошо, а если нет — пошли специально. Возьми с собой запасное колесо от ГАЗ—51, увидишь прицеп на окраине города, поставишь колесо и притянешь прицеп в гараж. Найдется хозяин — отдадим, а если кто-то из целинных со-вхозов колесо пробил и бросил, то добро пригодится нам».

В тот же день прицеп был в колхозе. А Карпов больше у нас не появился. Когда он увидел, что прицеп исчез, интуитивно понял, кто его прибрал к рукам

Больше я Федора не видел, но слышал, что взбунтовавшиеся мелкие «поставщики», из-за его противности, то ли дом подожгли, то ли по-другому «нейтрализовали» его, но «обменного» пункта не стало.

Как видите, не всегда трансформация духовного увлечения в более прозаическое, материальное, проходит удачно. Здесь важно вовремя остановиться и не переступить ту грань, которая отделяет добро от зла, увлечение от преступления.

«УЧАСТНИК» ТРЕХ ВОЙН

Большие дела, большие свершения, большие перемены, большие перемещения, большие потери. Все это звенья одной цепи, охватывающей какое-либо большое событие в масштабе страны или отдельного региона. За годы Советской власти подавляющее число больших событий возводилось в ранг государственных — с соответствующим вниманием, обеспечением и пропагандой.

Освоение целинных земель, крупнейшие стройки (Комсомольск, Магнитка, БАМ и т. п.) обязательно объявлялись «всесоюзными», общегосударственными, и тогда власть получала как бы моральное право на материальное «перетряхивание» всех регионов ради какого-то отдельного. Сейчас это было бы очень трудно, практически невозможно сделать, а в условиях тоталитарного государства такие действия шли на «ура». Главное — пробить идею, пусть даже бредовую, типа поворота сибирских рек на юг, а уж осуществление ее для властей было делом техники и времени, лишь бы высветиться.

Так было и с освоением целинных земель.

Хорошая по замыслу, но бестолковая по масштабности и отвратительнейшая по исполнению, эта идея и последовавшие за ней действия вконец истощили страну, отвлекли огромные средства от наиболее важных, нуждающихся в реанимации, стратегических направлений и не достигли цели, похоронив все окончательно с развалом Союза.

Колоссальные затраты шли и на целенаправленное перемещение. Сотни тысяч людей из разных концов великой страны заселили степные зоны, а теперь, несчастные, ни жить там не могут, ни назад вернуться.

Контингент перемещаемых тоже был разный, даже полярно разный — от первых комсомольцев-добровольцев, до условно-досрочно освобожденных заключенных или неугодных людей, выселенных откуда-то за «24 часа», а то и просто беглых, скрывающихся от чего-то или кого-то. Особым идиотизмом отдавало выселение по голосованию. Смотришь иногда телевизор. Показывают сход села где-нибудь в Грузии, где голосованием решили какого-то «швили» или «адзе» вы-

селить за 24 часа из села. Я себе думаю: «А куда вы собираетесь его (их) выселять?» В Сибирь или к нам в Казахстан? Так, на кой черт он нам здесь нужен! Мы же не на Луне живем, а на такой же земле? Так чем же мы хуже и зачем нам собирать всяких подонков? Занимайтесь там сами со своими людьми и их перевоспитанием.

Я проработал в целинных краях двадцать два года, прибыв туда с самого начала, в пятьдесят четвертом, поэтому весь спектр переселенцев прошел перед моими глазами.

Со многими пришлось вместе работать или просто общаться.

Расскажу один случай, характерный не столько с общечеловеческой, сколько с психологической стороны. Произошло это в шестьдесят седьмом году. Тот год был замечен только 50-летним юбилеем Советской власти, а во всем остальном он был очень неудачным для тех мест, где я жил. Жесточайшая засуха, ни хлеба, ни кормов, да еще несчастье в сентябре, когда в результате ураганного ветра с холодным ливнем только в нашей области погибла 41 тысяча голов скота, а 15 октября выпал снег на 25 сантиметров.

В субботу, четырнадцатого, шел нормальный дождь, а утром проснулись — зима настоящая! Все сразу парализовалось — электричество, вода, дороги, связь и т. п. На трассе Актюбинск—Орск — сплошь холмики засыпанных снегом машин. В них — люди раздетые, дети. Паника. Многие хозяйства еще не определились с зимовкой. У нас особых проблем в этом плане не было, но когда рано утром собрались в колхозной конторе, каждому нашлось дело. Там двери не утеплили (тепло было!), там что-то еще не подключили или не запустили и т. д.

Распределили, что кому делать. Мне, как парторгу, было поручено срочно собрать людей, дополнительно к тем, кто на фермах работал по штату.

Дело было в воскресенье. Как раз вчера ушел из жизни двоюродный брат жены Петя Скопа, и там чем-то помочь надо было. Настроение, конечно, соответствующее. Взял вездеход, думаю, заеду домой, попью чай и начну собирать людей.

Быстро позавтракав, двинулся по заснеженному поселку. Жили мы тогда в доме родителей жены. Рядом недавно поселился переселенец с Украины, некто Кыгылук. Он приехал с чужой женой, в те миграционные времена это часто случалось, и работал в колхозе на разных работах. Было ему тогда уже за пятьдесят, что-то не в порядке с одним глазом — и больше ничем не выделялся.

Я решил начать с него. Постучал, зашел в дом. Тепло, хорошо. С женой лежит на большой лежанке у печи. Ну, прямо зимний санаторий-профилакторий на дому. «Дядько, — говорю ему, — тут такое дело, на ферму надо выйти, кое-что сделать, видите какая погода на улице!»

«Ныкуды я нэ пиду, — заявил из-под одеяла Кыгылюк, — в такую погоду хозяин собаку с хаты не выгоняе, а ты мэнэ гоныш на холод. Нэ пиду, у мэнэ на тры роки хлиба хватэ!» У меня времени было в обрез, поэтому пришлось слегка повысить голос и употребить несколько хоть и не матерных, но довольно крепких оборотов.

Кыгылюк далее привстал с кровати и заголосил: «Ты шо на мэнэ лаеся, ты знаешь, шо я участник трех вийн?» «Да, — парировал я, — вы участник трех войн, на одной были у Махно, во второй, наверное, служили немцам в полиции, а потом, скорее всего, с Бандерой промышляли.»

В сердцах хлопнул дверью и вышел на улицу. Машина долго не заводилась. Каково же было мое удивление, когда вдруг открылась правая задняя дверца, и в салон ввалился... Кыгылюк.

Тогда я не придал этому должного значения, посчитав проявлением его сознания на фоне моей убедительной просьбы.

Однако все было далеко не так. Прошло лет пять-шесть. За это время Кыгылюк окончил при колхозе курсы трактористов, несколько лет отработал на тракторе и вышел на пенсию. Я тогда уже главным бухгалтером в колхозе работал. И когда мне Александр Синица, наш нештатный пенсионерщик, принес на подпись несколько пенсионных дел, в том числе Кыгылюка, я понял, почему он тогда так быстро собрался и поехал со мной устранять неполадки на фермах. В его деле была справка Малинского райвоенкомата Житомирской области из трех строк, в которой было просто сказано, что Кыгылюк с 1941 по 1943 год находился на оккупированной немцами территории.

И я тогда вспомнил его слова об участии в трех войнах, и мои о том, на чьей стороне он воевал. Его в армию не взяли по зрению. В партизанах он тоже не был, иначе были бы какие-то справки-следы. Теперь понятно, где он, молодой мужик 30—35 лет, был во время войны и чем занимался. Если он и сегодня относится ко всему нашему враждебно, то как же он вел себя при немцах? Скорее всего, бросив ему в сердцах обвинение об участии в трех войнах, я попал в точку — у него сработал инстинкт самосохранения, и он тут же пошел

со мной, может быть, позже и сожалеть об этом. Психическая атака произвольно сработала. Ну и что, всякое в жизни бывает — и по обстоятельствам, и по страху, и по глупости. Но то, что у человека внутри спрятано, все равно в любой момент может вырваться наружу. Такова жизнь.

КАРИМ

Карима в нашем поселке знали все, от мала до велика. Он был одной из сельских достопримечательностей тех времен — и вовсе не внешним видом или какими-либо выдающимися особенностями. Скорее всего, тем, что умел себя подать и нахально «качал права», где надо и не надо, а этого местные власти боялись больше всего, да и не только местные. Бестолковая, можно сказать, «реверсивная» или наоборот действующая национальная политика времен Советской власти предполагала процветающее развитие национальных окраин за счет истощения российских регионов. Справедливые обвинения в иждивенчестве и паразитировании тут же вызывали жалобы на национальные притеснения. В анекдоте, ходившем в те времена, одного студента-армянина на экзамене по научному коммунизму спросили: «Как вы понимаете сам термин «дружба народов»? Студент мгновенно ответил: «Как есть, так и понимаю. Это армяне, русские и все нерусские объединились... против грузин». Нечто похожее происходило и в масштабе великой страны — как будто все нерусские окраины, да еще зарубежные «друзья», объединились для того, чтобы максимально больше выжать из России в обмен на «дружбу».

Карим, несмотря на свою малообразованность, видимо интуитивно чувствовал такую национальную политику. Пенсию он не заработал, так как всю свою жизнь только воровал — в молодости лошадей, в старости — телят, но все-таки добился того, естественно под давлением вышестоящих органов, что ему выделили персональное ежемесячное натуральное пособие (мука, мясо, зерноотходы и т. п.). Выделили (заставили) почему-то из колхоза, хотя Карим в нем и дня не проработал. Ну, что поделаешь, власть, повторяю, была гуманная, нельзя же старика голодным оставлять, вот колхоз и обязали его поддерживать.

Карим ежемесячно приходил ко мне, как к главному бухгалтеру, я ему выписывал «паек», он его гордо получал и требовал высококачественной продукции. Сперва получал и носил сам, после рке дети носили, а он шел впереди, невозмутимый такой шуплый старикашка, с бородкой клинышком — прямо-таки живой старик Хоттабыч,

в неизменном в любое время года халате и всегда со сложенными, ладонь в ладонь, на поясице руками. У него практически было две жены, как и у многих пожилых мусульман в советские времена: одна старая, официальная, другая — раза в два моложе, жила под видом племянницы, числилась с семьей детьми как мать одиночка, получая соответствующие пособия от государства.

Девчата в колхозной бухгалтерии часто подтрунивали над Каримом в плане его семейных дел. Но когда одна из бухгалтеров, Валентина Бусенко, дородная была женщина, как-то раз «перегнула палку» и спросила у Карима, от кого дети у его «племянницы», что-то они уж больно на Урахая (соседа Карима) похожи, Карим зашипел, как змея перед прыжком: «Давай выйдем вдвоем с тобой за кантору, тогда узнаешь, кто мне детей делает!» На том подколы прекратились, хотя наши женщины наверняка знали лучше самого Карима, где, что и с кем, но тему закрыли.

С течением лет Карим стал более злым и требовательным, всем своим видом и поведением давая понять, что мы, руководители колхоза и села, должны быть благодарны судьбе за то, что она послала нам такую ценность, как он, и само его появление на свет — есть для села счастье. Такие люди встречаются не только среди казахов. И, к сожалению, общество их терпит, по крайней мере, терпело.

То машину куда-то надо, то уголь-дрова, то сено-солому, то «пак», то ремонт, то работу-учебу детям. Вот дай, и все. Вынь да положь государство-колхоз. А то, что он для них палец о палец за всю жизнь не стукнул — никому не интересно. Дайте — лишь бы молчал. У него есть право на все, а у нас по отношению к нему — никаких прав, одни обязанности.

Надо сказать, что такие «каримы» были в каждом селе и образ нашего реального Карима выглядит как бы собирательным. И породило их время, а не только особенности характера.

Не было бы, в принципе, необходимости писать об этом заносчивом старике, каких полно было, да и сейчас еще не перевелись, но, как ни странно, пишу я о нем в знак определенной благодарности, даже за то, что могу сегодня писать.

Дело было давно, еще в пятьдесят восьмом году. Работал я в МТС, был молодым, и «совершенно не женатым». Как-то в начале лета мне довелось подменять одного нашего водителя, Темирбаева. У него был самосвал с деревянным кузовом под зерно, и некоторое время я на

нем работал, в основном на строительных объектах. Как-то раз подъехал к дому знакомой девушки, и тут меня «зацепил» Карим Жил он там по-соседству. Тогда был он помоложе, но внешне, сколько я помню, никогда не менялся, как будто и родился таким, каким мы его знали.

Было воскресенье, я подъехал, просто хотел помыть машину, рядом плотина, и других планов у меня не было. Но Карим, как прилип ко мне: «Айда поедem привезем белый глина». В Казахстане есть все — от нефти и золота до мрамора и той самой белой глины (каолина).

Белая глина действительно ослепительно белая и мягкая, как домашнее масло. Где-то ее используют для получения хорошего фарфора, а в наших селах ею белили дома. Просто как глину ее не использовали, связующие качества у нее ниже, чем у обычной глины. А в смеси с обычной глиной ею покрывали крыши мазанок, белили стены и потолки, используя вместо извести, которую не всегда в те времена и в тех местах можно было найти в нужных объемах.

Объяснять Кариму, что у меня нет путевого листа, что выехал я из гаража без разрешения и ехать за пять километров от села на глинище не имею права, — было бесполезно. Легче было съездить, набросать с полтонны глины и вернуться.

Что я и сделал. Минут через десять мы были у карьера, где люди брали эту самую белую глину. Карьер — слишком громко сказано. Просто была яма, с довольно крутым съездом для машин, метров 8—10, и в конце этого съезда большая нора-забой, диаметром метра полтора. Вот и весь карьер. Я приподнял кузов самосвала, чтобы легче было бросать глину через задний борт, опустил машину в забой, взял штыковую лопату и начал копать.

Карим сидел в кабине. Было обычное для тех мест жаркое начало летнего дня. Бросать было неудобно, в полный рост не встанешь, нора-забой довольно глубокая, над головой слой земли в 1,5—2 метра, рыхлый, с песчинкой, быстро рассыпается. Я опасался обвала, так как слышал о нескольких случаях, когда добытчиков именно такой глины заваливало и, как правило, с трагическими последствиями. Поэтому старался быстрее набросать хотя бы треть кузова и покинуть опасное место. Но сделать это оказалось не так просто и не так скоро.

Как раз, когда я повернулся спиной к машине и выдалбливал глину из дальней от входа забоя стороны, стало вдруг темно и душно. В первое мгновение мне показалось, что начинается обвал, я неправо-

извольно развернулся на выход и сам себя нокаутировал, наткнувшись головой не просто на задний борт машины, а еще и на выступавший из борта болт крепления досок. На мгновение потемнело в глазах, потерял сознание, а когда очнулся — темнота не проходила. Только чуть позже я понял, что дыра-забой буквально придавлена задним бортом самосвала. Вариантов съезда машины, до этого стоявшей в метре от забоя с приподнятым кузовом, было несколько. Или под давлением глины кузов опустился сам (какая у нас гидравлика!), или рычагом из кабины нечаянно опустил кузов Карим. Так или иначе, но кузов опустился, и машина по мягкой глине соскользнула, провалившись задним бортом в дыру-забой, где находился я. Веселого во всем этом было мало. Или от удара кузова осядет земля (5—6 тонн) при стоящей вплотную машине, или обвалится, когда машина будет выезжать, ослабив давление на весь фронт.

Но для этого машине надо выехать, а кто это делает? Карим? Оправившись от шока, я крикнул: «Дядя Карим!» «Что такое! — равнодушно донеслось издалека, — закончил уже?» «Идите сюда», — кричу ему снова. «Зачем?» «Идите сюда — узнаете!»

Он пропихнулся между кузовом и стенкой ямы, понял, что случилось, и равнодушно сказал: «Пойду бригада — позову трактор». «Какой трактор! — отчаянно закричал я, — туда час, пока кого-то найдете, назад час, да меня привалит здесь! Давайте будем выезжать сами!» «Ты что, Васка, с ума сошел? Я никогда на машина не ездил, вообще ни на какой железка не ездил. Не, я пойду бригада».

«Дядя Карим, — взмолился я, — давайте попробуем, может, получится, а то завалит же меня. Я вам буду говорить, что и как делать. У вас пойдет, вы же понятливый!» Карим несколько минут молчал, я уж думал, что он ушел. Слышу голос: «Туалет ходил, давай ехат будем!» «Садитесь в кабину, на мое место, там посередине, под правую руку, рычаг скоростей, палка такая с шариком, он прижат к сидению (машина стояла на задней скорости). Надо его толкнуть вперед, но до этого надо нажать ногой, такая педаль слева внизу есть, ногой нажимается». После нескольких попыток-перебранок Карим выключил скорость. Машина еще плотнее вдавилась в стену. Через полчаса инструкций, доводивших меня, а может, и его до сумасшествия, он завел двигатель... И тогда я почувствовал, что до обвала мне не дожить. Вспомнил, как мы вытравливали из нор сурков, надевая на выхлопную трубу шланг и запуская в нору, вспомнил, как показывали докумен-

тальный фильм о газовых камерах нацистов во время войны. Вспомнил всю свою короткую невеселую жизнь. И все потому, что основная масса выхлопных газов буквально вбрасывалась ко мне в забой. Дышать пришлось через майку, в которую я набрал мелкой глины.

Второй после дыма неприятностью стала невозможность проведения ускоренных водительских курсов для Карима — из-за шума двигателя. Кое-как докричался, чтобы он заглушил двигатель, получил указания, снова завел, попробовал включить скорость и выехать.

Не буду утомлять читателя, одно скажу — на выезд машины ушло более трех часов. Карим все-таки спас меня. Три раза он заставил меня пережить нечто кошмарное: машина трогается с места вверх, отъезжает метра полтора-два, а потом с силой беспомощно бьется задним бортом о срез ямы, то есть съезжает на место. Я не могу выскочить — очень мало пространства и времени. И каждый раз, когда машина ударяется в стену, вся земля и надо мной, и подо мной ходунуном ходит, я жду обвала и не знаю, на что надеюсь. Но Карим был тоже настойчивым и восприимчивым учеником. На четвертом выезде он сумел-таки подняться почти до половины съезда, и там машина заглохла. Но если три первых попытки он машинально нажимал педаль сцепления, и машина каждый раз скатывалась вниз, то на четвертый раз машина заглохла на скорости, и за пару секунд я уже был в кузове.

Казалось, — живой, все закончилось, а я лежал в этой чертовой белой глине, сам весь белый, и не хотел с нее вставать. Постучал по кабине, что, мол, я уже здесь, рвать машину не надо, и лежал на мягкой прохладной глине, не помню сколько. Потом завезли глину в поселок, выгрузили, Карим даже спасибо не сказал — ему обеденный чай испортили. Да мне и не нужно было его спасибо, это я ему до сих пор спасибо говорю. И какой бы он там ни был, плохой или хороший, он был просто человек, такой как есть, для меня он стал Спасителем, сам того, может, и не осознавая.

В человеке все познается при случаях, особенно тяжелых случаях. И там все проявляется, что заложено от рождения.

БОЛЕЛЬЩИКИ

Богат русский язык на выражения и понятия. В этом плане нет ему равных. Скорее всего, если что-то сравнивать, то придется собрать напротив все другие языки мира. Впрочем, сомневаюсь, что они, даже вместе взятые, смогут составить нашему конкуренцию в этом вопросе.

У них на десяток действий или определений — одно слово-понятие, а у нас, наоборот, на каждое действие или определение — по несколько десятков словесных выражений.

Возьмите хотя бы, для примера, одно из «наивысших» ругательств по-немецки — «доннер ветер» (что-то «гром гремит»).

Да разве можно это сравнить с нашими русскими многоэтажными крепкими выражениями, каждое из которых претендент на вечную память!

Так же и с нашим понятием «болельщик». Вдумайтесь, не «переживатель», не «сочувственник», не «защитник», «поклонник» и т. п., а именно — «болельщик». «Я болею, — с гордостью заявляет на весь мир «болельщик», — за такую-то команду!».

Если вникнуть в это движение, то, конечно, станет очевидным, что вопросов здесь масса. Как ни в одном другом движении.

Во-первых, сколько видов спорта, столько и разновидностей болельщиков. Одних привлекает кровавый кикбоксинг, других расслабляюще короткошортный теннис, третьих — превращенное в ничто фехтование, четвертых — снобистско-высокомерный гольф, пятых — навалено-раздирающее регби, шестых — зрелищно-захватывающие гимнастика и волейбол и т. д. Видов спорта, повторяю, множество, и каждый из них достоин иметь своих поклонников-болельщиков. Но над всем этим многообразием, даже над азартными различными бегами и таким ныне популярнейшим видом, как хоккей с шайбой, — звездой первой величины сияет ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО — ФУТБОЛ! Скажите, каким указом или приказом, какой командой или насилием, можно в долю секунды заставить взорваться и вскочить одно-временно десятки и сотни тысяч людей? А вместе с теми, кто смо-

трет футбол по телевизору, — количество одновременно вскакивающих исчисляется многими миллионами.

Не зря все больше и больше спорт, и особенно футбол, начинает переплетаться с политикой. Ведущие политики все чаще используют спортивные арены как оперативную возможность для консолидации общества, возвышения чувства национального достоинства, патриотизма и других целей, то есть пользуются моментом, чтобы наиболее эффективно и с меньшими затратами, манипулировать общественным мнением, направляя его в нужное русло через порыв болельщиков. Конечно, внешне успехи в спорте вроде бы никакого отношения к политике не имеют. Однако...

Итак, о футболе и его болельщиках. Болельщики тоже бывают разные. Я даже иногда затрудняюсь сказать, что труднее — играть в футбол или быть футбольным болельщиком? Вроде бы, о чем говорить? Конечно, играть на поле трудней, чем сидеть и смотреть. Но. Я не помню за долгую «болельщицкую» и футбольную жизнь, чтобы какого-то футболиста, забившего мяч в свои ворота или не забившего пенальти, или удаленного в самый ответственный момент с поля, или вообще что-то небрежно исполнившего, в результате чего противник забил гол, — хватил какой-то удар или еще что-то. А вот как скорая помощь забирала при таких случаях болельщиков, — видел и не раз. Так что, кто знает, кем лучше быть, футболистом, или болельщиком. А вообще, они два сапога — пара, при наличии, естественно, обеих ног. Один без другого просто не существует в природе.

Конечно, болельщики тоже бывают разные. Одни знают все и вся — и о футболистах, и о футболе. Они ведут архивы и делают всевозможные подсчеты — если кто-то выиграет, а кто-то проиграет, то будет так-то и так-то. Другие фанатично, до беспамятства болеют за свою команду, не пропускают матчи, где бы их команда ни играла. Третьи болеют поневоле за команду из территориально-административных причин (за команду города, области, республики, страны и т. д.), даже не зная толком спортсменов. И так далее. Некоторые, в современных условиях, болеют уже даже не за команду, а за деньги, которые поставлены в тотализаторе на ту или иную команду.

Но добрая половина болельщиков еще и сегодня болеет за саму игру, участвуя в спектакле под названием «футбол». Они наслаждаются этим прекрасным видом спорта, как зрелищем. А зрелища у нас, у людей, после хлеба — на втором месте. На стадионе можно рассла-

биться, отдохнуть, курить, орать, что угодно — мало того, что свобода, да еще и удовольствие.

Часто, особенно в прежние годы, ходили «на кого-то», то есть на какого-либо выдающегося футболиста, одного-двух, так как обычно в команде сверхлидеров единицы. Как в театр ходят на звезду-артиста, так и на футбол — на звезду-футболиста, ожидая, какой сюрприз он преподнесет сегодня. Кумиры-футболисты тоже знали, что от них ждут, и всегда старались отблагодарить своих почитателей.

Мне, как бывшему футболисту, а ныне болельщику умеренного толка, считаю, здорово повезло, потому что за 45 лет этой «неизлечимой болезни» довелось видеть «вживую» весь цвет нашего (российского, советского) футбола. Довольно длительное время служил и учился в Москве, в процессе службы и работы посетил практически все футбольные регионы бывшей страны, и везде старался побывать на футбольных полях, познакомиться с играющими командами.

В молодости я активно занимался спортом, в том числе и футболом. В том числе потому, что обстоятельства часто диктовали свое. Приходилось делать то, что надо было делать в определенных ситуациях — бокс, штанга, футбол, волейбол, легкая атлетика. Распыляясь, дальше сборных области (футбол), флота (бокс), военного округа (волейбол) — выйти не пришлось. Но все равно, прежде чем начать «болеть», — я вначале играл сам. В таком положении лучше чувствуешь ситуацию, более квалифицированно, объективнее и справедливее относишься ко всему, что связано с игрой на поле.

Итак, официально (для себя) я начал «болеть» с 1955 года. Почему именно с того года? Дело в том, что именно тогда кишиневский «Буревестник» занял первое место среди команд класса «Б» и перешел в класс «А». Я тогда работал в Казахстане и, приехав в отпуск, впервые увидел эту команду в Кишиневе. Дело было осенью. «Буревестник» как раз одну за другой «нокаутировал» команды своего класса и уверенно шел к победе. Команда мне очень понравилась, а ее главный нападающий Короткое стал моим кумиром. Больше команду с названием «Буревестник» не видел, как и не видел в течение 20 последующих лет команды под названием «Молдова», «Авынтул» и «Нистру». Это та же главная команда Молдавской ССР, но с разными названиями, которая раз в 10 лет «влетала» в высшую советскую футбольную лигу и чаще всего больше года там не удерживалась. И все равно я болел за команду Молдавии, хотя жил далеко и

сам играл еще многие годы, защищая честь совсем других регионов. Болел за земляков. Чтобы более подробно знать молдавские футбольные новости, много лет выписывал газету «Молодежь Молдавии», получал ее в Казахстане через две недели, но все равно, пусть с опозданием, был в курсе событий.

Сколько было радости, когда в начале сезона пятьдесят шестого года дебютировавший в классе «А» «Буревестник» в первом же матче с чемпионом-55, московским «Торпедо», выиграл 3:1! Эта сенсация облетела все центральные газеты. «Советский спорт» вышел с заголовком «Команда с одиннадцатью неизвестными!» и пел дифирамбы футболистам из Кишинева В первый же год «Буревестник» занял почетное для себя шестое место в классе «А». Команда лет восемь шла по высшей лиге с переменным успехом. Затем наступила пора перестроек и реформ (в команде), смена тренеров, составов, названий, и только в семьдесят третьем году, уже под названием «Нистру», вместе с одесским «Черноморцем» она снова на один год выскочила в высшую лигу — и снова вылетела.

А я все равно болел за эту команду и переживал за нее. В том же семьдесят третьем я даже не огорчился за также любимую мною команду киевского «Динамо», за которую болел в высшей лиге, пока там не было команды из Молдавии. Киевляне по глупости проиграли «Арарату» кубковый матч в добавочное время, и армяне сделали золотой дубль, то есть стали чемпионами Союза и завоевали кубок. «Ладно, — думал я, — у «Динамо» медалей много, пусть проигрывают, лишь бы «Нистру» вышел в высшую лигу».

Много раз эта команда меня, да и, наверное, многих других поклонников, огорчала, а я все равно за нее «болел». Вернувшись домой в семьдесят шестом, регулярно посещал стадион в Кишиневе, когда шли матчи с «Нистру». Более тридцати лет я был привязан к этой команде, и не могу ответить, почему. В этом, наверное, и суть состояния болельщика.

Я сам себе не могу объяснить, почему в хоккее болею за московский «Спартак», в какой бы ситуации он ни был, а в большом футболе за «Динамо» (Киев). Это необъяснимо, но это факт. Жаль, конечно, что приходится болеть за чужие команды, так как своих в большом футболе пока нет.

И вот, после стольких лет, совсем недавно сижу на стадионе в Тирасполе, смотрю матч «Шериф (Тирасполь) — «Зимбру» (Кишинев)»

и думаю: «На поле команда — в какой-то мере правопреемник той, за которую я многие годы переживал». Ничего не имею к ребятам из «Зимбру», играли они 75 минут неплохо и выигрывали два мяча, но на поле играла чужая для меня команда. Не я в этом виноват, меня и многих, таких, как я, «болельщиков», привели к этому. И сверхплохо, когда вольно или невольно спорт и политика пересекаются.

Но вернемся к непредсказуемой и необъяснимой внутренней сути «болельщика». Даже на примере матча «Шериф»—«Зимбру». Так получилось, что впереди, ниже ряда, где я сидел, расположилась группа болельщиков тираспольского «Тилигула» (судя по названию на их рубашках). При тех моментах, когда кишиневцы забивали голы, они осознанно или инстинктивно, с криком вскакивали и таким образом дружно выражали свою радость. И ничего предосудительного здесь нет. Они болели за себя, за свою команду, хотя тоже тираспольскую. Пока была одна команда — нам было проще, сейчас ряды болельщиков уже начали постепенно расслаиваться на два лагеря.

Но и это еще не главное. Притихший стадион глухо молчал. И вдруг, после полутора таймов довольно неуверенной игры «Шерифа», когда люди начали рке потихоньку подниматься, наша команда неожиданно совершила маленькое чудо, забив за 15 минут три гола. И тут «сломались» болельщики «Тилигула»: после второго, а тем более третьего гола — они начали орать на весь сектор, абсолютно забыв, что еще недавно симпатизировали гостям.

В этом, наверное, и есть то непонятное внутреннее состояние любого «истинного болельщика», ценителя этой замечательной игры.

Ну, а теперь несколько случаев из моей довольно продолжительной болельщицкой жизни. Как я рке сказал, мне, как болельщику, за эти 45 лет посчастливилось видеть на разных стадионах весь цвет нашего, если хотите, советского футбола. Вратари Хомич и Яшин, Рудаков и Разинский, Дасаев и Маслачанко, братья Чановы и т. д.

А полевые игроки! Отец и сын Федотовы, Воинов и Бышовец, Лобановский и Сабо, Веремеев и Мунтян, Бессонов и Онищенко, Колоотов и Буряк, Заваров и Понедельник, Банишевский и Хусаинов, Метревели и Пономарев, Оганесян и Черенков, Воронин и Ворошилов, Стрельцов и Нетто, Шестернев и Кипиани, Чохели, Чивадзе и Гогоберидзе, Тищенко и Численко, Литовченко и Протасов, Малофеев и Блохин, да еще многие-многие наши «звезды».

А из зарубежных видел Пеле и Эйсэбио, Ди Стефано и Платини, Мюллера и Круиффа, Бобби Чарльтона Франца Беккенбауэра и многих других. Это футболисты-легенды, их надо было и стоило видеть. На них шли смотреть люди, каждый раз надеясь увидеть что-то еще невиданное, ибо эти и им подобные мастера не повторялись, они каждый матч выдавали что-то новое, еще более прекрасное. Это были не просто игроки, они были пропагандистами, воспитателями, они сплачивали людей, любителей футбола, на здоровой человеческой основе — и тем останутся в памяти навечно.

Ну, а теперь так, штрихами, кое-что более личное...

Тысяча девятьсот шестидесятый год. Я — командир учебной смены в одном из военных учебных заведений Москвы. В смене (это половина учебного взвода) тридцать пять человек курсантов, одна треть из них — спортсмены. В столице многие, особенно из ЦСКА, «Динамо» и других военизированных обществ, «пересыпаны» по различным военным и гражданским учебным заведениям. Они учатся (как правило, формально), а в основном тренируются, поддерживая свою форму, выступают за свои общества, пока протекает их конституционная обязанность воинской службы. То есть, пока они в армии, — их стараются «держать под рукой» в Москве.

У меня в смене было несколько довольно сильных спортсменов-курсантов, но так как я и сам активно занимался спортом, то мы легко находили общий язык. Ребята, в основном, были порядочные, и проблем особых с ними не было — они и учились, и выступали нормально. Через них, а также через нашего взводного командира капитана Лобанова, тоже москвича и мастера спорта по классической борьбе, я познакомился со многими выдающимися спортсменами из разных обществ.

Так вот, в 1960 году, в конце мая, к нам в Союз должна была приехать футбольная сборная Испании в рамках чемпионата Европы. Москва готовилась к этому матчу. Готовился стадион в Лужниках. Капитан Лобанов договорился с руководством стадиона, что наш взвод поможет убирать снег с трибун, затем мыть и красить скамейки, писать номера мест и т. п. Март и апрель наши курсанты поочередно работали по выходным в Лужниках. За это нам выделили на училище 50 мест. Конечно, самых плохих, вверху на северной трибуне. Но не обманули — выделили!

За день до матча по радио объявили, что сборная Испании к нам не придет, так как фашист-диктатор Франко футболистов в СССР не пустил. Испании тогда засчитали поражение, а мы, возможно благодаря и этому, в том году (единственный пока в футбольной жизни раз!) стали чемпионами Европы.

А на тот день, раз билеты уже были проданы, — назначили матч извечных соперников: «Динамо» (Москва) — «Динамо» (Киев). Погоревали-погоревали болельщики, но, что делать, — пришли и на этот матч, смотреть вместо испанцев на украинцев.

Картина незабываемая. Мы сидим на самом верху, ниже нас на ряд сидят два болельщика-работяги, у них на двоих одна солидная хозяйственная сумка. Конечно, в ней не было гранат, петард и дымовых шашек. Там были просто водка и тюлька в томатном соусе (это потом выяснилось). Внизу — ворота В воротах — Яшин, в темном свитере и такой же кепке. В его ворота назначается пенальти. К мячу подходит нападающий киевлян Валерий Лобановский. Это много позже он стал большим и невозмутимым, а тогда был худощавый и желто-рыжий, с высоким «коком» (прической). Он явно нервничал. Яшин уже и тогда был Яшин. Стадион встал, так как основная масса болельщиков — москвичи. Работяги, сидящие на ряд ниже нас, лихорадочно расстегнули молнию на своей хозсумке, достали поллитра водки, разлили в два приличных (по 250) стакана, и, держа их в дрожащих руках, все внимание устремили на Лобановского. Позу пантеры перед прыжком принял Яшин. Лобановский без особого разбега небрежно ударил левой, и мяч улетел сантиметров на 70 левее ворот. «Ах!» — вспыхнул стадион и опустился. «Эх!» — выдохнули работяги-болельщики и, глотнув по стакану, тоже опустились на скамейку, занявшись тюлькой.

«Не забиваешь ты, забивают тебе», — вещает жестокий футбольный закон. И точно, через 5—7 минут москвичи забили киевлянам гол. И опять: «Ах!» — вскочил стадион. И опять: «Ха!» — дербанули по стакану соседи-работяги. Матч так и закончился — 1:0 в пользу москвичей (кстати, это традиционный счет при встречах команд в Москве за многие годы). В честь победы наши соседи добавили еще по одному стакану и, собрав все, что осталось, в сумку, довольные, «хорошо отдохнувшие», пошли к выходу.

Комментарии к тому удару Лобановского я слышал еще не раз — и через год в Киеве, и через пять в Кишиневе, и через 25(!) в Одес-

се. Вот как сильна, оказывается, обиженная болельницкая память!

1983 год. Поздняя осень. Легкий морозен. Лужники. Играют сборные СССР и ФРГ. Мне уже сорок четвертый год, а я, как пацан-фанат, ловлю Блохина у выхода из раздевалки. Я его считал и считаю футболистом номер один. Было рке совсем темно. Немцев прямо у раздевалки ждал автобус Вижу, как выходят Беккенбауэр, Руммениге, другие «звезды». Но мне они не нужны. Жду Блохина. У меня его фото, где он снят с суперкубком, и я уже несколько лет никак не могу его поймать, чтобы получить автограф на фото. Один раз пробился к нему в Одессе, так фото с собой не было. Короче, жду. Выходит Блохин, в сером джинсовом костюме, еще влажный после душа Я его останавливаю, прошу автограф, а сзади рке наваливается толпа местных фанатов, человек двести. «Слушай, друг, если я остановлюсь, — говорит на ходу Олег, — они меня растерзают». Он прыгает в оранжевые «Жигули» нападающего «Спартака» и сборной — Гаврилова Едва успели сесть в машину и закрыться, как толпа «фанов» облепила ее, требуя выйти. Никакие уговоры, просьбы и даже ругательства футболистов не помогли. Машину начали даже раскачивать

Подъехавший милицейский «УАЗ» сдал назад вплотную к «Жигулям», и таким тандемом им удалось разделить толпу «Фанов» и увезти ребят. А я опять не получил автограф. И так до сих пор не получил, но надежды не теряю...

1989 год — август. Торжество по случаю 60-летия Льва Яшина Ажмотаж. Шикарнейшая программа, два матча — сборная ветеранов мира и ветеранов «Динамо», сборная звезд — с нынешним (по тому году) составом «Динамо». Масса разыгрываемых призов — автомобили, спорттовары, даже диковинная тогда японская «Мазда». Фейерверки, показательные выступления. Билет входной — 10 рублей.

По тем временам это было солидно. А перекупщики довели цену до 100 рублей. Билет достать было невозможно. Мне помогли через Генеральный штаб родственники. Я, конечно, «подгадал» командировку так, чтобы успеть на это мероприятие. Несколько дней был занят по работе в ГКНТ (госкомитет по науке и технике). Все было нормально. Погода стояла обычная августовская. Билет в кармане, и ничто не предвещало неприятностей.

И вот на тебе, в день торжества с утра резко похолодало, пошел дождь с северным ветром. Зонтика у меня не было, купил какую-то клеенку, натянул на голову и пошел в Госкомитет, чтобы до обеда за-

кончить все дела, ибо начало спортивного праздника было намечено на 14 часов.

Поднимаюсь по бывшей улице Горького к ГКНТ, прохожу мимо главпочтамта, нагнувшись и ничего впереди не видя, ударяю головой в грудь идущего навстречу человека. Подхватываю его за руку, не давая упасть, и поднимаю голову: «Черт возьми — Симонян! Бывший звезда-футболист, ныне тренер». Извиняюсь и уже вслух восклицаю: «Никита Павлович!» А он: «Откуда ты меня знаешь?» «Да кто же вас не знает!» Он хлопает меня по клеенке, и мы расходимся. Он, видимо, рке шел на «Динамо», я его позже там видел.

И что вы думаете? Дождь лил весь день до пяти часов. Бог, наверное, все-таки был на стороне болельщиков, которых задумали десятикратно наказывать «спекулянты» от спорта Кто-то скупил основную массу билетов и поднял цену десятикратно. Но они просчитались, и очень жестоко. На стадион пришли в основном приглашенные! Это был, разместившийся под крытыми трибунами весь спортивный и артистический бомонд Москвы и Союза! Из-за отвратительнейшей погоды две трети стадиона так и остались пустыми. Поэтому прогоревшие круто-деловые люди, чуть ли не насильно, за половину номинала, раздавали входные билеты, но желающих сидеть под проливным дождем, да еще на таком холоде, было мало. Шипели негорящие фейерверки, «скрючивались» от холода футболисты, на поле стояла вода — хоть играй в водное поло. Конечно, там были звезды, тот же Эйсэ-био, Бобби Чарльтон, Блохин, но непогода сделала свое черное дело.

Большинство ждало лотерейного розыгрыша. Всем почему-то хотелось выиграть японскую «Мазду», но ее подарили имениннику-Яшину, и весь ажиотаж пропал окончательно. Это яркий пример того, как не надо играть с болельщиками. Их тоже надо беречь и уважать, а не играть на их чувствах и наживаться. Бог, как говорится, все видит.

И, наконец, 2000 год. Довелось мне в марте того года лечиться в Москве, в одном отделении с Сашей Филимоновым, вратарем Московского «Спартака» и сборной России. Разговорились. Он, оказывается, был хорошо информирован о тираспольском футболе, и выразил сожаление, что наши команды не могут пока принять участие в чемпионатах такого уровня, как, например, российский.

В ответ я от имени всех болельщиков Тирасполя и Приднестровья (хотя они меня на это и не уполномочивали) сказал, что те, кто развалил Советский Союз, заслуживают самого жестокого наказания

уже далее за то, что не дали нашей команде сыграть в высшей лиге Союза в сезоне-92. Мы хорошо помним тот прекрасный 91-й, когда наш «Тилигул» вышел в высшую лигу, но в том же году Союз разрушили, и наша радость была превращена в беду.

Ну, что ж, это еще не конец. Я абсолютно убежден, что тираспольские стадионы, не только действующие, но и будущие, более вместительные и модернизированные, еще будут принимать команды самого высокого мирового уровня. Наш край достоин этого, а наши болельщики — тем более.

Поверьте на слово простому, но настоящему болельщику. И «болейте» на здоровье, эта «болезнь» — самая лучшая из болезней.

КОММУНИЗМА У НАС НЕ БУДЕТ

Животный мир на Земле представлен двумя частями — дикие особи и одомашненные. Причем, во вторую часть входит и сам человек, как живое существо. Параллельно существуя на одной планете, эти две части животного мира существенно отличаются по своему отношению к самой жизни.

Каждый представитель дикой природы знает, что его в этом мире обязательно съедят, в самом натуральном смысле этого слова. Сознание, что его съедят, заложено в нем на самом простом и одновременно самом сложном генном уровне, и кем бы он ни был, тигром или зайцем, орлом или змеей, его действительно все равно съедят, живого или мертвого — то ли сородичи, то ли другие звери или птицы, вопрос только во времени. Когда и где. Поэтому дикие животные и птицы постоянно на чеку, постоянно ищут способы — продлить как можно дольше свое пребывание на земле, не понимая этого разумом, но чувствуя постоянную опасность интуитивно.

Чувство опасности при всерегулирующем законе джунглей (выживает сильнейший) всегда заставляло держать форму, поэтому отдельные виды диких животных сохраняют себя на Земле многие тысячи лет.

Человек же, пройдя более интенсивный путь эволюционного развития и добившись определенного превосходства над своими «братьями меньшими», постепенно уверовал в то, что его в прямом смысле никто уже просто так не съест, ни больного, ни старого, тем более здорового. Ему уже не надо быть в постоянном ожидании нападения, спать вполглаза и быть готовым в любое мгновение отреагировать на ситуацию — то ли спастись бегством, то ли отбиваться или нападать самому.

Его будут лечить, чуть ли не с колыбели пичкать лекарствами, охранять любыми способами, то есть наоборот, — продлевать ему жизнь. И это, к сожалению, привело к потере очень многих естественно-животных возможностей человеческого организма. Началась и продолжается постепенная деградация людей, как живых существ, и неизвестно еще, к чему это нас всех приведет. Но разговор не об этом

Дело далее не во всеобщей деградации и гиподинамии. А в том, что в силу особенностей каждого человека, как индивидуума, его совершенствование, как и деградация, происходят по-разному. И обществу приходится терпеть всех своих членов — недоразвитых и больных, глупых, заносчивых, всевозможных маньяков.

Хорошо это или плохо? Где-то хорошо, где-то не очень, но так у людей принято. Мы, если уж «съедаем» кого-то, то только в переносном смысле. А в общем, вынуждены терпеть. И помогать, защищать, учить, воспитывать.

Одни люди всю жизнь кого-то воспитывают, других, наоборот, кто всю жизнь воспитывает. Как: правило, безрезультатно. Так: и живем. Главное, как говорится, — родиться, а там видно будет.

Работал у нас в колхозе бухгалтером некто Иванов. Русский, родился в одном из сел нашего колхоза. Имел семью и родственников. Ничем особенным не выделялся — ни физическими данными, ни энциклопедическими знаниями, или чем-то другим. Он отличался лишь непредсказуемыми взрывами глупости, причем в самое неудачное для этого время. Ни в колхозе, ни в семье от него особой пользы не было, а неприятностей хватало на всех.

Работали мы лет пять рядом, он — главным бухгалтером, я — главным экономистом. Естественно встречались и по работе, и вне ее. Я его знал еще до армии, довелось работать трактористами в одной бригаде соседнего колхоза «Красное поле». Тогда мы практически не общались, сказывалась солидная разница в возрасте, а когда я после армии вернулся в колхоз, то оказалось, что Иванов уже несколько лет работает у нас главным бухгалтером. Меня взяли на работу прорабом, затем на селе начали вводить экономические службы, пришлось по необходимости заниматься экономикой и переквалифицироваться. Постепенно я освоился и с этим направлением, но первое время было довольно трудно. И основной трудностью в начальный период был для меня Иванов.

Вместо элементарной помощи, как от человека, уже освоившегося с хозяйством, он, где только мог, старался выставить меня в неприглядном свете, обязательно подчеркивая мое военно-строительное образование и отдельные, естественные для нового дела, мелкие ошибки.

Мне пришлось поступить заочно в техникум и усиленно заниматься собой на практике по всем вопросам жизни колхоза, больше интуитивно постигая азбуку экономики.

Иванов заявлял среди знакомых, что у Гурковского не хватит сил закончить техникум. Конечно, не в пику ему, а в силу жизненной необходимости, мне удалось закончить не только тот техникум, институт, но еще и университет.

Когда меня сделали, именно сделали, парторгом колхоза, а Иванов был, к сожалению, членом партии и при любом случае подчеркивал, что он вступил в нее на фронте, мне пришлось общаться с ним и вне работы. Он был из тех людей, которые были недовольны Советской властью с чисто потребительской точки зрения: а что она мне дала? Хотя не мог бы толком сказать, что же он сам дал обществу, да и той же власти.

Как выяснилось от него же, он действительно более двух лет был на фронте, правда, сидел в штабе полка писарем. И, скорее всего по этой причине (писари — люди информированные), мог рассказать любую фронтовую историю, чаще всего вызывая смех у аудитории. Особенно после чарки. Он и трезвым-то был несносным, а как выпьет — пиши пропало. Ни старых, ни малых, ни начальников, ни женщин — для него тогда не существовало. Одна сплошная необъяснимая дурь.

Собственно, и чего бы было писать о нем? Да пишу я не о нем, недостойн он такого внимания, пишу о типе или, если хотите, разновидности людей, с которыми приходится жить рядом, терпеть их, или сосуществовать. Мало того, их приходится поддерживать, помогать, защищать, прикрывать.

На того же Иванова регулярно жаловались жена и родственники, бригадиры и учетчики, а мы его держали, жалели как фронтовика, да и просто как человека. А ему до всего этого дела не было.

Расскажу несколько случаев, характерных для его жизни, да и жизни людей такого типа. Где-то в июне шестьдесят седьмого года пришла телефонограмма — вызываются на расширенное заседание бюро райкома председатель колхоза, секретарь парткома, главный бухгалтер и главный экономист. На повестке дня новое веяние — экономический анализ хозяйства

Я неделю был в областном центре на очередном семинаре секретарей парторганизаций. Вечером приехал, а утром вручают телефонограмму. Председатель еще не вернулся с сессии Верховного Совета, парторг и экономист — в одном лице, потому поехали на бюро двое из четырех — Иванов и я.

Начало — в 10 часов, до райцентра — 35 километров. Взяли старенький ГАЗ-69 главного агронома. Мы готовы, а Иванов не готов, какие-то документы для банка собирает. Я начинаю нервничать, подгонять его. Выехали в половине десятого. «Газик» пятиместный. Иванов впереди — рядом водителем, я — на заднем сидении. Летнее утро, солнце, хорошо. Вроде бы все идет нормально. Времени только мало. Но — едем. И тут водитель, Лысенко Василий, ровесник Иванова, что-то заговорил о том, как он на фронте ловил немецких снайперов, приподнимая над окопом на палке шапку с надетой на нее каской. Иванов очнулся, и с ходу: «Так ты, что, был на фронте?» «А як же, був, пулеметчиком», — ответил Лысенко. «А сколько ты там был?» — язвительно спросил Иванов. «Пивтора мисяца, потом раныло, и після госпиталя — комиссовали», — сказал Лысенко. «Ха-ха, — рассмеялся Иванов, — и это ты называешь «был на фронте»? Вот я был там почти три года!» «Та так як ты був, пысарчуком, можно було и сто років воювать», — огрызнулся водитель.

Иванов аж подскочил с сиденья. «Да ты и сейчас бездельник и лодырь, даже путевки сдать не можешь, жена, когда штаны твои стирает, собирает мятые путевки и сдает в бухгалтерию, — закричал Иванов, — я бы тебя на месте главного агронома давно выгнал».

И пошло. Они вцепились друг в друга. Лысенко остановил машину и сказал, что он вроде как бастует и дальше не поедет, таких дураков, как Иванов, никуда везти не надо. Иванов, в свою очередь, выскочил из машины, на ходу бросив пару матов в адрес водителя и бюро, и пошел обратно. Пришлось мне вмешаться. Но Лысенко ни вперед — в райцентр, ни назад — за Ивановым ехать не желал. Еще бы немного, и я выбросил его из машины, но сдержался, стараясь объяснить, что дело не в Иванове, а в нашем колхозе, который мы опозорим, если не появимся на бюро.

Дважды мы возвращались, буквально вталкивали Иванова и, наконец, добрались до райкома — с опозданием на полчаса.

Бюро уже заседало. Полный зал людей, из всех хозяйств. Мы вошли. Первый секретарь как раз заканчивал вступление. Увидев нас, он тут же заявил: «Вот как раз начнем с колхоза «Передовик», они райком не любят и всегда опаздывают. Да и председатель у них депутат, член обкома, нас особо не празднует, думает, что у них в колхозе все идеально. Давай, Василий Андреевич, доложи анализ за 5 месяцев».

Зря он так начал, тем более знал, что председатель еще не вернулся. Но что тут делать? Наш колхоз — лучший в области по всем показателям, в те времена хвалили сквозь зубы. Нельзя было не хвалить, хотя и не хотелось.

Я начал докладывать. И тут допустила очередную бестактность уже третий секретарь райкома, суперидейная была женщина. Она, перебивая меня, заявила: «Да что их слушать, смотрите, как докладывает их парторг, без всяких бумаг, а у этого Иванова вообще никаких данных взять невозможно». Я, сдерживаясь, сказал, что дело не в бумагах, ситуацию я знаю постоянно, но лавина уже двинулась. А тут еще Иванов закричал: «Вася, идем отсюда, пошли они... Я в банк опаздываю». Затем он повернулся и пошел к выходу. Мне ничего не оставалось, как двинуться за ним.

«Куда?», — буквально заорал первый, но мы уже вышли в коридор. В это время в зал вбежала секретарь из приемной райкома. Первого срочно к телефону, звонок из ЦК. Он быстро вышел. Естественно, объявили перерыв. Все выходят, мы стоим в коридоре. Появляется в дверном проеме второй секретарь, Сагинтаев. Тут Иванов останавливает его и, перекрывая шум, буквально кричит: «Сапар, передай тому дураку (первому), что мы с Гурковским в десять раз умнее его и больше сюда не приедем». Это слышали выходящие в коридор люди. Сагинтаев просто опешил и не успел ничего ответить. А мы уехали домой. За все дорогу никто не проронил ни слова.

Я ждал ответной реакции райкома. Так и случилось. К вечеру пришла телефонограмма: председателю, парторгу и Иванову явиться в райком.

Утром все трое туда и отправились. Я — за рулем Председатель — рядом, Иванов — сзади. Он всю дорогу ерзал и все грозился что-то показать. «Да сиди ты, чертов кум-шило, — осаживал его Каструбин, — опозоришь нас перед всем миром».

Я ехал и думал: «Скорее всего, Сагинтаев все рассказал первому. Что же скажет секретарь, чего он нас вызывает?» Не хотелось, чтобы первый тоже скатился до разборок.

Приехали. Зашли в приемную. Слева — дверь второго секретаря, справа — первого. Сагинтаев позвал к себе, посоветовал успокоиться, потому что первый настроен очень серьезно. А это чревато...

Зашли к первому. Иванов опять заерзал, ожидая нападения и готовясь к отпору. Г.Г. Карюк, он тогда был у нас первым секретарем,

повел себя мудро. Не замечая Иванова, спросил Каструбина, как прошла сессия, поинтересовался об общих знакомых в столице и перешел ко мне: «Что ж ты, Василий, ты же у нас ведущий экономист, пришел на бюро без бумаг?» Я ответил, что райком посылал меня на семинар в область, так что я попал с корабля на бал. А по хозяйству мне никаких особых бумаг не надо, разве дело в них?

Каструбин поддержал меня, и на этом неприятный инцидент был замят. Первый в конце лишь сказал, что следующий анализ на уровне района будет проведен в виде выездного, у нас в хозяйстве. На том и расстались. Иванова прикрыли нашим авторитетом, именно авторитетом Каструбина и хозяйства.

«Сучность» его менталитета в полной мере характеризует еще один случай. Наш председатель, хорошо понимая, что ведущие специалисты работают без выходных, иногда сам предлагал нам день-два отдыха. «Поезжайте, отдохните, разрешите все разногласия, чтобы не воевали друг с другом на людях, только скажите, где будете», — говорил председатель и отпускал нас. Мы выбирали какое-то место на территории колхоза, а мест у нас хороших хватало, и выезжали туда, попутно вытянув пару ведер рыбы из колхозного пруда, не надеясь на удачную рыбалку. Имея с собой мясо, рыбу и кое-что еще, можно было ехать, куда угодно.

Несколько лет брали с собой Иванова. До случая. Первый такой выезд мы приурочили к 9 мая. Обычно в День Победы мы, почти все специалисты, выезжали на отгонную точку Бугумбай, там у нас находился табун лошадей, и участвовали в очень неприятной работе — кастрации молодых жеребчиков-двухлеток. Работа не только не благодарная, но и трудная и довольно небезопасная. Ежегодно более десятка голов проходили такую процедуру, и мы принимали в ней самое непосредственное (физическое) участие. После окончания действия — до конца дня и день следующий отдыхали.

В тот год мы обосновались возле так называемого «немного» аула. Красивое ущелье, глубокое темное озеро под отвесной скалой. Мы установили котел и мангал, приготовились к ночи, и тут исчез Иванов...

Было слышно, как бултыхнуло что-то тяжелое. Мы побежали к озеру. Начало мая, в ущелье снег еще местами метра на два. Вода ледяная, глубина озера — метров восемь-десять.

Первое, что мы увидели, одежду Иванова на берегу и огромные круги на воде... Что делать? Я и главный зоотехник Бахиткерей Кар-

кулов мгновенно раздеваемся и прыгаем в озеро. Вода обжигает, а искать надо. Ныряем, ищем, на минуту — на берег, и опять в воду.

Не знаю, сколько бы мы там ныряли и что бы мы там нашли, если б не грохот осыпающихся камней в стороне от нас, при выходе из ущелья. Мы увидели там... Иванова, спокойно вышагивающего по камням в сторону дома. Здесь проявилось все его существо. Он знал, что мы его будем искать и спасать, знал, какая вода, и все такое. Знал также, что портит нам отдых, но ему это было нипочем.

Часто мы, по его просьбе, отводили домой, но после того, как жена отделала кнутом провожатых — зоотехника и инженера, желающих рисковать не стало. Вся его жизнь — одни нелепые случаи.

Вообще-то, люди не меняются. То, что заложено с рождения, так и остается, может только со временем чем-то прикрываться, но в критические моменты обязательно проявится.

Так и получилось с Ивановым Он уволился из нашего колхоза и уехал. Лет через семь и я вернулся домой в Слободзею. А где-то лет через пятнадцать после того, как Иванов уехал, будучи в отпуске в тех краях, узнал, что он появился в своем родном селе — Лушиниковке. Когда меня пригласили в одну знакомую семью в том селе, я решил его проведать, все-таки столько лет знакомы, вместе работали. Встретились с ним на улице. Даже поздоровались на расстоянии. Смотрю я на его лицо. Пустые неживые глаза, отсутствие всякого интереса. Он мне не предложил даже сесть на находившуюся здесь же скамейку. Сказал только: «Мне корову доить надо», — и ушел.

Вот так; встретились мы, чтобы навсегда расстаться. Мне от него ничего не требовалось, просто хотел по-человечески увидеть. И не рад был, что увидел. Пустое было, пустое и осталось. Но жить надо и с такими Ивановыми тоже. Никуда их не денешь.

И никогда коммунизма у нас не будет. Потому что переделать такого человека невозможно, а убивать не гуманно. Значит, будем их терпеть, сосуществовать, а они будут нашей добротой пользоваться. И так, к сожалению, будет всегда. Потому что одни Ивановы уйдут, а другие появятся.

СЕКРЕТАРЬ ОБКОМА

В последние годы только ленивый не бросил камень в адрес правившей в советские времена компартии. Я не ставлю перед собой задачу говорить о партии, вспомним о людях, из которых эта партия состояла, особенно о тех, кто занимал в ней высокие руководящие посты.

Рядовые члены партии, в большинстве своем, добросовестно работали, часто показывая пример во всем. Основная партийная работа шла на уровне райкома, а уже с областных комитетов, ЦК республик и далее — шла совсем другая работа, с другими подходами, методами и способами. Номенклатурные работники, начиная с областного уровня, подбирались далеко не по качественным показателям и, попав в эту номенклатурную сеть, как правило, из нее не выпускались. Надо было что-то очень уж страшное совершить, чтобы быть из этих кругов изгнанным. Практически такого не случалось: если удары и наносились, то по первым лицам, остальная номенклатурная масса лишь туда-сюда ротировалась внутри своей зоны (области, республики, центра).

Все зависело от людей. Какие люди — такая и организация, такая и партия. Мы это хорошо знаем, так как на наших глазах те, кто раньше рьяно защищал коммунистические идеалы, теперь (опять почему-то оказавшись у власти), столь же решительно их опровергают.

Так получается, что нынешние «избираемо-назначаемые» лидеры ничем не отличаются от прежних «назначаемо-избираемых». Высокомерие, чванство, абсолютное пренебрежение и неуважение к тем, кто ниже их по иерархической лестнице, хамство, отсутствие собственного мнения (ни «да» — ни «нет»), запрограммированная тупость и в то же время — подхалимаж, угодливость к вышестоящим. Все это — классическая характеристика подавляющего большинства крупных партийных функционеров прежних, да и не только прежних лет.

Мне по жизни не так часто приходилось иметь дело с высоким партийным начальством непосредственно. Так, разовые встречи. Но расскажу одну быль, которую можно считать классическим образцом партийно-производственных отношений.

Я никого не обвиняю. Понятно, что иногда уговаривать некогда, что необходимо и власть употребить. Но разумно.

Было это давно, а запомнилось на всю жизнь. После блестящего тысяча девятьсот шестьдесят шестого года, когда Казахстан выдал государству, как тогда модно было считать, миллиард пудов зерна, наступил сухой шестьдесят седьмой. Урожая практически не было, все выгорело. Сидим мы вдвоем в кабинете председателя колхоза. Считаем зерно, а что считать — на семена отбить не можем Полтора центнера с гектара вместе с половой и землей. Дело к вечеру. И тут вдруг, как снег на голову, в кабинет буквально вваливается третий секретарь обкома. Я не буду называть его фамилии. Он и сегодня живет в городе Актюбинске. Раньше первый секретарь обкома занимался общими вопросами, второй — идеологией, третий — сельским хозяйством, четвертый — всем остальным.

Поздоровавшись, секретарь сразу набросился на председателя: «Сколько сдали хлеба государству?» Каструбин посмотрел на него и говорит: «Да что там сдавать, на семена отобрать не можем, а еще скот кормить, да и людям что-то дать надо». Секретарь вскочил: «Семена, люди — это не ваша забота! Немедленно начинайте возить зерно на элеватор!»

«А чья ж это забота, если не наша? — спокойно говорит председатель, — Вы же людям хлеба не дадите».

«Вы — кулак! — буквально закричал секретарь. — Зажимаете зерно в кулак (он показал, как мы его зажимаем), а то, что между пальцами капает (он снова показал), оставляете государству!»

«Да у нас и зажимать-то нечего, я же вам показываю все наличие зерна — и на бумаге, и в натуре», — не выдержал Каструбин.

«Я буду звонить Журину! (В то время первый секретарь обкома). Где телефон?»

Аппарат был у нас еще довоенный. С вращающейся ручкой. Секретарь начал с остервенением эту ручку крутить. Телефон молчал. После пятого или шестого захода он вдруг ожил и голосом старшего брата моей жены — Петра (ныне покойного) сказал: «Телефон не работает, обрыв, я сейчас на линии, постараюсь скоро исправить».

Секретарь еще более энергично закрутил ручку телефона. Через время Петр отозвался.

«Дайте мне Актюбинск!» — заорал секретарь. «Ты, шо, не понимаешь, шо линия оборвана», — закричал ему в ответ Петро. «Ты зна-

ешь, что я (называет фамилию) секретарь обкома? Немедленно соедини меня с Актюбинском!»

«Ты шо, кыргыз, чи турок? — обиделся Петро, — не понимаешь по-русски, что обрыв?»

Телефон у него полевой, мощный, и ругань заполнила весь кабинет председателя. Нам было неудобно, секретарь из темно-коричневого стал синим от злости, и снова завертел ручку телефона. Аппарат молчал. Тогда за ручку взялся я. Минут через пять Петро, не дожидаясь вопроса, вылил на меня ведро матов, но, услышав мой голос, успокоился. Я попросил его, как угодно, соединить меня с нашим бывшим райцентром Ленинским, чтоб через него выйти на область.

Уже ради меня Петро сделал все, что мог, и с Ленинским соединил. Я передал трубку секретарю обкома. Он яростно схватил ее и тут же приказал набрать обком партии. Телефонистка сказала, что Актюбинск занят.

«Кем занят? — позеленел секретарь обкома. «Нашим первым секретарем райкома», — испуганно ответила телефонистка. «Рассоединить!» — заорал секретарь обкома. «Не могу, меня с работы выгнать», — умоляла телефонистка.

В конце концов, соединили его с обкомом партии. К счастью для нас, первого секретаря уже не было. И вот тогда секретарь обкома пошел в разнос. Позвонил начальнику связи области — тот в отпуске. Заместителя начальника, женщину, нашли уже дома. Он над ней измывался минут сорок, обещая все кары небесные по приезде. Бедная женщина получила за всех.

Секретарь даже забыл, зачем приезжал. Не попрощавшись, он выскочил из кабинета и уехал. Шофер нашего председателя потом рассказал, что водитель секретаря обкома три часа, выпятив губу, просидел в машине, ни с кем не общаясь, а когда секретарь вышел из конторы и сел в машину, рванул с места и погнал машину, как на пожар.

Через неделю на нашу почту пришло грозное письмо из области с требованием самым жестоким образом наказать связиста, но так как начальником отделения связи была его жена, то наказание закончилось простой отпиской.

Вот такая зарисовка из жизни тех лет.

Всякие были люди, всякие руководители, а нам просто надо было работать — несмотря ни на что.

НЕ МОЖЕШЬ - НЕ БЕРИСЬ

За миллионы лет становления жизни на земле живые организмы прошли различные эволюционные этапы. И хотя ученые продолжают спорить, кто от кого произошел, к примеру: человек от обезьяны или наоборот, что было первичным: курица или яйцо, что-то все равно было вначале, а все, что мы сегодня видим, — уже продукты той же длительной эволюции, которая продолжается и будет продолжаться, с учетом меняющихся условий и обстоятельств.

В отличие от всех других представителей животного мира, человек, как наиболее удачный продукт той самой эволюции, давно научился влиять на ее ход, искусственно ускоряя происходящие процессы, путем селекции и других методов. Дикие животные, птицы, рыбы проходили этапы эволюционного развития многие тысячи лет, совершенствуясь и сохраняясь. Домашних же животных человек приручал и «подправлял» под свои потребности. И, надо сказать, у него это получалось. На выведение новых пород уходило уже во много раз меньше времени, чем на естественное развитие. Появилось искусственное осеменение, клонирование и т. п. Потренировавшись на животных, человек начал переносить те же подходы на самое себя. Недалеко то время, когда, используя клетки какого-то кумира, спортсмена или артиста, а может, бандита или диктатора, поклонники будут заказывать его клоновые копии.

Наука в этом деле здорово преуспела. Но это где-то, не у нас. Мы же, наоборот, до такой степени запустили работу по воспроизводству, что скоро по улицам наших сел будут ходить не коровы, а какие-то другие разновидности крупного рогатого скота, типа «яков» или еще чего-то другого, более неприглядного. Известно, что яки для своей зоны (горный Тибет) — незаменимые и универсальные животные, от которых живущие там люди получают молоко, мясо и шерсть, а также используют для транспортных и других работ. Этих животных создала сама природа, приспособив к суровым горным условиям.

Они довольно неприглядны на вид — голова быка, хвост лошадиный, туловище под овцу и т. д. Но так как у нас в настоящее вре-

мя идет эволюция наоборот, то есть абсолютно отсутствует селекционная и осталась без внимания племенная работа, то естественным следствием всего этого хозяйственного безобразия очень быстро станет вырождение нашего (теперь уже, в основном, частного) стада и появление животных более безобразных, чем те же яки.

Раньше, когда система племенного воспроизводства была централизована и отлажена, управлялась и контролировалась, когда закупался, производился и применялся лучший семенной материал, совсем другими были как животные, так и показатели производства и качества продукции. Естественно, во всех этих процессах работали подготовленные специалисты. Те же техники по искусственному осеменению, с которых в первые годы применения этого новшества всем селом смеялись, намекая на то, что все телята в стаде будут на них похожи, постепенно заняли свою нишу и заявили о себе более чем достойно, через стопроцентный приплод, сохранение породности и т. п.

Конечно, люди есть люди, одни работают по призванию, другие по необходимости. Мне в свое время доводилось встречаться с такой категорией людей в процессе работы. И иногда, когда видел, как они обращаются с животными, трудно было понять, кто с кем больше, извините, по-скотски обращается.

О, если бы коровы умели говорить, они бы многое нам, людям, поведали. И о тех, кто их кормит, кто осеменяет, да и доит.

Никому и в голову не приходит мысль о том, почему премии получают осеменаторы и доярки, а не сами коровы..? Ведь не доярки молоко производят. За что же их, собственно говоря, поощрять?

Да, наверное, это просто норма нашей жизни такая: кто доит, тот и живет, а кого доят, тому всегда плохо, и он всегда виноват. Это так, кстати.

Честно говоря, я никогда не читал ничего о «человеческой» составляющей в различных отраслях, отдельных действиях, тем более, о применении метода искусственного осеменения. И, скорее всего, вряд ли когда обратился бы к этой теме, если бы не недавний случай, о котором чуть позже.

А первое мое поверхностное знакомство с методом осеменения произошло случайно и при необычных обстоятельствах.

Декабрь шестьдесят третьего года. Ночь. Мы, замполит нашей войсковой части майор Истомин, замполит одной из наших рот старший лейтенант Рыбаков и я, освобожденный комсорг, едем из Житомира

в Коростень, в распоряжение своей части. Едем с заседания партийной комиссии кустового политотдела, где нам «влепили» по строгому выговору «за низкий уровень идейно-воспитательной работы». Один солдат толкнул другого, тот не удержался, ударился головой о койку, потом лег и... ушел из жизни. Ну, ЧП на всю армию! Наши фамилии мелькали из доклада в доклад месяца три, пока очередное происшествие в другом месте не заслонило нас и не отодвинуло на другой план. Партийная комиссия тогда была последней «разборочной» инстанцией, после ее решения внимание к нам терялось. Мы, естественно, «обмыли» завершение наших мытарств в центральном ресторане Житомира и облегченные поехали домой. Машина была типа «скорой помощи» на шасси ГАЗ-51. Замполит сидел в кабине, мы с Рыбаковым — в будке «скорой». Был у нас еще и попутчик, старшина той же роты, где служил Рыбаков. Ездил он по своим личным делам в Житомир, ну, и на обратном пути присоединился.

Рафаил Зиневи́ч, так его звали, был из чешских евреев, переселившихся в Россию еще в годы больших «столыпинских» реформ. По специальности он был ветеринарным фельдшером и до прихода к нам в часть много лет работал в колхозах Коростеньского и других районов.

Среднего роста, довольно упитанный, любил поесть, выпить и особенно поговорить. Пока мы с Рыбаковым переваривали события последних месяцев и отходили от каверзных вопросов отставников — членов парткомиссии, Зиневи́ч, не обремененный такими заботами, без умолку болтал, рассказывая различные эпизоды из своей ветеринарной жизни. Краем уха я слушал его истории о том, как он поставлял полудохлый скот в рестораны и на мясокомбинаты, как подменял мясо и живой скот, как занимался во многих местах искусственным осеменением и т. п.

Мы рассеянно слушали его рассказы, думая каждый о своем, но когда Зиневи́ч затронул тему осеменения, интеллигента-москвича Рыбакова это оторвало от мыслей и заинтересовало.

«Слушай, Рафаил, — сказал он, — что это такое «искусственное осеменение»? Как вообще это делается?» «Та пэ плевое дило, — тут же выдал Зиневи́ч. — Бэрэш симя (он показал, как он берет тремя пальцами правой руки это самое семя), ложиш його сюды (он сделал язык трубочкой и показал сложенными пальцами правой руки, куда именно в эту трубочку ложится семя), тыпэр хватаешь вивцю двумя рукамы за задни ногы, раздвигаишь их (он показал это жестом)

и робыш так: «ПЛЮ» (ОН показал языком, как делается это «плю», наклонившись вперед). И всё зроблено, плюй дали».

«Ты что! — захлебывающимся голосом буквально застонал ничего не подозревавший Рыбаков. — И что, каждой овце языком?!» Было видно, что ему сейчас станет плохо. Да и ресторан давал о себе знать.

«А ты як думав, — невозмутимо ответил Зиневи́ч, — шо пилу отару одним плювом? Ни, цэ дило индивидуальна. Надо робыть кажды вивцю». Побелевший Рыбаков вскочил; «Да я такую работу... Остановите машину!» Он лихорадочно начал нажимать сигнальную кнопку связи с кабиной, одновременно распуская галстук на рубашке и буквально задыхаясь.

Через некоторое время машина остановилась. Рыбаков вывалился из будки в снег. Дальше все пошло по непонятному сценарию. Машина вдруг тронулась и поехала с еще большей скоростью, чем до этого. Несмотря на наши с Зиневи́чем звонки в кабину, крики и свист, машина остановилась лишь в расположении части, оставив Рыбакова в снежном ночном лесу за 30 километров от дома. Как оказалось, сигнальная кнопка не работала, а машина останавливалась, чтобы на узкой трассе пропустить встречную. Возвращаться было бесполезно, так как Рыбаков за это время много раз мог уехать на попутных, где его теперь искать. Ну, посмеялись, посетовали и на том забыли. Таким было мое первое «причащение» к этой необычной теме — осеменению.

Второй раз я вплотную столкнулся с ней и с людьми, которые этим делом занимаются, рке после армии, работая в колхозе. Председатель колхоза Г.И. Каструбин все 365 дней в году начинал свой рабочий день в пять утра — с обхода или объезда колхозных ферм. Часть из них была на центральной усадьбе, в двух смежных селах — Григорьевке и Преображеневке, часть находилась за 12 километров, в Лушниковке, ну а овцы и табунные лошади — в трех аулах урочища Бугумбай, за 30 километров.

Каструбин, выезжая на отгонные точки, часто брал меня с собой в разные времена года.

Как-то поздней осенью вечером звонит: «Поедем утром, часов в шесть, в Лушниковку, посмотрим, как идет осеменение овец, да и молочную ферму заодно поглядим».

Хорошо перед рассветом в зимней степи! Удобные одноконные сани, крепкий испытанный жеребец в приличной сбруе, мороз под

двадцать пять, легкая поземка, скрип снега под полозьями, ровная быстрая рысь коня, отрывочная беседа. Приезжаем на овцеферму. Семь часов утра, темно еще. Встречает нас у входа Петро Горобец, ветеринарный фельдшер, охранник по совместительству. Он вместе со своими сыновьями, как он их называл «слесарями-гинекологами», как раз и занимался в то время искусственным осеменением.

Здороваемся. От Горобца несет устойчивым спиртовым запахом, явно не вчерашним. Каструбин тут же спрашивает: «Дядько Петро (так его все звали), где вы рке успели заправиться, магазин не работает еще, запаса у вас в жизни не было, Николай Нода (главный ветврач, тоже жил в Лушниковке) заранее спирт не дает, так где лее вы в такую рань смогли похмелиться?»

«Ты як той пацан, Ионович, — заулыбался Горобец, — а ну иды сюды». Зашли в маленькую комнатку при кошаре. На старом обшарпанном столе стояла литровая банка, наполненная на одну треть какой-то жидкостью, в которой находились десятка полтора длинных стеклянных пипеток-трубочек. Как после выяснилось, трубки были инструментом для осеменения овец, а в банке — спиртовой раствор, в котором эти инструменты стерилизовались.

Пока мы несколько секунд осваивались в полутемной комнате, Горобец правой рукой приподнял над столом банку, левой рукой сгреб и вынул из нее все трубки и мгновенно влил в себя ее содержимое, успев при этом аппетитно крикнуть и выдохнуть: «О цэ так!»

Выскакивая, я чуть не столкнул стоящего в дверях председателя. Мы не стали ничего выяснять и спрашивать, а просто поехали на молочную ферму. Все было понятно без слов. С тех пор вера моя в эту категорию работников здорово пошатнулась, но больше близких контактов с ними не было, так, все больше по материальной части — что-то помочь, купить, достать и т. п. А ближе, детальнее — не приходилось.

Как-то далее подзабывать стал в последние годы о деталях и проблемах, связанных с тем лее осеменением. Но жизнь опять напомнила, И скажу вам, самым неожиданным способом. Некоторое время назад я участвовал в предвыборной кампании. На сходе избирателей мне вдруг задали вопрос «А вы коров осеменять умеете?» Смотрю на женщину, задавшую вопрос, и в компьютерном темпе думаю: «Что это, провокация или невежество? Какая связь у представительного органа с искусственным осеменением?» В первый раз отшутился, заявив, что с людьми я еще кое-как могу разобраться, а вот с ко-

ровами — не приходилось, но если это надо, чтобы быть избранником народа — научусь.

Но когда мне снова и снова стали задавать подобные вопросы, я понял, что это не провокация и не невежество, а обычный материализованный конкретный интерес. Одна учительница прямо сказала: «А у нас есть кандидат, который может это делать, уже осеменяет, причем, обещает осеменять наших коров бесплатно».

Многое хотел я сказать той женщине, но посмотрел на нее и всех окружавших ее коллег и не сказал ничего. Я понял, что ни мой полувековой опыт работы, ни мой интеллект и менталитет, ни знание жизни, которому нельзя научить, не прожив ее, и ничто другое, что во мне было и есть полезное для всех, в том числе для этой женщины, сегодня не нужно. Все просто: тысяча коров, тысяча хозяек — минимум тысяча голосов в поддержку. Вот и вся пропаганда и агитация.

А что будет дальше — уже никого не интересует. Вот такими мы стали теперь прагматиками-однодневками. Говорю об этом с горечью, потому что знаю, о чем говорю. И дело не во мне, а в самом Деле.

Ну, да ладно, имеем тех, кто имеет, или получили то, что хотели. Много лет назад, еще при Союзе, в «Днестровской правде», на первое апреля, я опубликовал вот эти несколько строк. «Одно и то же выражение на трех языках звучит так:

— Едем дас зайне (по-немецки);

— Дурних учуть, а умних репресирують и мучуть (по-украински);

— Каждому свое (по-русски)».

Я тогда не знал, что скоро развалится СССР, и мы придем к нынешней «демократизированной» жизни, но и сейчас повторяю все это безо всякого сарказма Как факт.

Такие вот мелкие истории из нашей эволюции, в том числе эволюции наоборот — от «симменталов» до яков и от людей — к их клонам-копиям.

И хотя естественное лучше искусственного, будущим кандидатам в различные выборные органы власти, в том числе высшие, не мешает поинтересоваться у каких-нибудь оракулов, какие специальности будут востребованы при формировании этих органов в будущем

Тогда легче будет трансформировать выгодное искусственное в бесполезное естественное. И все же, как говорят на Руси: «Не можешь — не берись!»

ХОЖДЕНИЕ ЗА ТРИ ГРАНИЦЫ, ИЛИ... ПУТЕШЕСТВИЕ НА ТОТ СВЕТ

Действительно, все познается в сравнении. И лучше самому раз увидеть, чем от кого-то сто раз услышать.

Из средств массовой информации, из бесед с людьми при рабочих контактах, из писем родственников и знакомых со всех концов бывшего Союза у меня складывались определенные представления о положении дел и жизни людей в том или ином регионе. Иногда приходилось делать некоторые обобщения, выдавать кому-то предложения и советы.

Но все это было в какой-то степени односторонне, так как источники информации, как правило, не всегда объективны, особенно, если эта самая объективность кого-то не устраивает.

Естественно, любого человека волнуют события, происходящие в местах, хорошо ему знакомых, волнуют судьбы близких ему людей. Пропуская через себя такую информацию, невозможно оставаться равнодушным. Хочется вникнуть в суть происходящих процессов, может быть, на что-то повлиять, кому-то помочь.

В том году, несмотря на все проблемы, решил побывать с семьей на моей второй родине — в Казахстане, где оставил двадцать два лучших года своей жизни. Побывать не только потому, что хотелось увидеть все своими глазами, а потому, что чувствовал — уже скоро не к кому будет ехать, так как родные и близкие нам люди (а жена и дети мои родились там), товарищи и просто знакомые, в силу того, о чем будет сказано ниже, скоро разлетятся по разным местам, и увидеть их — как всех вместе, так и каждого в отдельности, будет просто невозможно.

Двадцать один год назад я вернулся в Слободзею, а последний раз был в тех краях в восемьдесят третьем, то есть совсем еще в другие времена, в другом измерении, что ли.

В познавательную поездку в наше время лучше ехать поездом. Туда решили ехать «низом»: Киев—Харьков—Саратов—Оренбург—Актюбинск. Обратно — «верхом», через Самару на Москву.

О восьми днях пути можно написать огромную повесть, но в этой статье речь будет идти совсем о другом. Отмечу только, что когда в Киеве делали пересадку с фирменного поезда «Молдова» на тоже «столичный» поезд «Киев—Акмола» (Акмола сегодня — северная столица Казахстана), то я узнал вагоны, в которых ехал на целину в пятьдесят четвертом. Конечно, это злая шутка, но поверьте, она недалеко от истины.

Не только все наши республики стали суверенными государствами, «суверенными» являются и их поезда. По пути следования в них творится все, что угодно, но никто в других республиках-странах в эти дела не вмешивается. Нет единого железнодорожного контроля, как было раньше, со всеми последствиями. Главные принципы поездных бригад из Средней Азии — «Денги давай» и «Не хочешь — не езди». Добиться чего-то у них невозможно, так как работает вся система в одной связке: снизу — доверху.

На российских станциях контролирующие железнодорожные органы снимают с линии и судят проводников за одного безбилетного пассажира, а рядом стоят или проносятся «суверенные» поезда, где половина пассажиров — без билетов, где, простите, туалеты и проходы загружены дынями и мешками, где за весь рейс ни разу не убирается, а уж об элементарных услугах и говорить нечего.

Ну что ж, приходится отнести все это к издержкам реформации транспортной системы, и когда-то они исчезнут.

Для меня не это было главным. Волновало то, что происходит это в знакомых до боли местах. Предчувствовал что-то плохое и непонятное. Однако то, что произошло на самом деле, превзошло все ожидания.

В последние годы много говорят о предстоящем конце света. Так вот, нам довелось увидеть начало того самого конца. И особо не радуется философский вывод, согласно которому конец чего-либо является началом опять же чего-либо другого.

Не дай Бог, никому, тем более нам в Приднестровье, такого «начала».

Расскажу все по порядку без особых комментариев, пусть сами читатели примеряют ситуацию в бывшей братской республике к нашим условиям и делают выводы.

Место, о котором пойдет речь, расположено на северо-востоке Актюбинской области. До июля текущего года наш район назывался Ленинским. Район — зерновой, с развитым животноводством (это

в прежние годы). Типичные для большей части северного Казахстана — средние черноземы, недостаток влаги, крупные зерновые хозяйства, неплохо обустроенные в социальном плане села и поселки.

Основные виды продукции — зерно, молоко, мясо, шерсть. Колхоз «Передовик», в котором я проработал более двух десятков лет, — не самое крупное хозяйство в районе, всего 35000 га земли. Были в районе хозяйства в 2—3 раза, а в других — в 5—6 раз больше по площади. Однако, производя в год стабильно до 25000—30000 тонн зерна, значительное количество различных видов животноводческой продукции, хозяйство имело высочайший рейтинг в масштабе всего Казахстана, не говоря уже об области. И все это благодаря высокой культуре земледелия, развитой сельской инфраструктуре, разумной организации труда и искусству управления всеми сельскими процессами.

Около тридцати лет колхозом руководил ныне, к сожалению, покойный Григорий Ионович Каструбин. Это был настоящий хозяин, никогда не ставивший личные интересы выше интересов села — не колхоза, а именно села.

И был он не лизоблюдом и «байским угодником». Наоборот, его нещадно били в разные годы — и за нераспаханную целину, и за многолетние травы, и за чистые пары.

Колхоз и его строптивого председателя всегда хвалили сквозь зубы, нельзя было не хвалить, но старались это делать как можно непригляднее.

Вот вам факт: имея два ордена Ленина и орден Октябрьской Революции, председатель колхоза, продававшего две пятилетки подряд самое большое количество зерна в абсолютном исчислении, получил подряд два ордена Трудового Красного Знамени в то время, когда его все разы представляли к званию Героя Социалистического Труда.

Так рассчитывались с «неугодным» руководителем власть предержащие и так свели его в могилу, не дав дожить до пенсии. Памятником ему остались колхоз и село Григорьевка (по-казахски, Ащелисай — сухая балка).

В этом селе все было лучшее в районе — Дом культуры, школа, детсад, столовая, родниковый водопровод, мастерские, асфальтированные дороги внутри села и до железнодорожной станции Ащелисайская (7 км), три мощных механизированных и заасфальтированных зернотока, два прекрасных зарыбленных водохранилища зеркала более 200 га, позволяющих вести орошаемое земледелие, доброт-

ные жилые дома, магазины, масса зелени. Люди чувствовали защиту во всем — как работающие, так и пенсионеры.

Жить в Ащелисае, по тем временам и местам, было престижно. Купить ряд лет назад даже землянку в этом селе было проблемой.

Само село по целинным меркам — «старое». Основано в начале века переселенцами с Украины и России, в период «столыпинских» земельных реформ. К пятидесятым годам обрело свое лицо. Люди жили обычной сельской жизнью тех мест. Сложились определенные отношения и традиции.

С началом освоения целинных земель в пятьдесят четвертом—пятьдесят седьмом годах жизнь этого и других сел резко изменилась. Появилась масса приезжих людей со всех концов Союза, поступала различная техника, оборудование и т. п. И, естественно, были резко расширены пахотные земли.

В нашем колхозе за эти годы площади под пашней увеличились в пять раз. Из государственных земельных фондов были выделены большие площади под окультуривание. Расширялись существующие колхозы и совхозы, образовывались новые хозяйства.

К семидесятым годам основные процессы освоения и обустройства были завершены. Уже не ссыпали зерно в бурты под открытым небом. На территории нашего колхоза при железнодорожной станции появился элеватор на 75000 тонн, с современным сушильным оборудованием. Обустроивалось внутриобластное и внутрихозяйственное дорожное хозяйство. В селе, на базе бывшей МТС, появился крупный авторемонтный завод законченного цикла, один из трех заводов такого типа на всю республику.

Появилась в селе и крупная автобаза, снявшая все транспортные проблемы района. Село, как и другие в районе, зажило более современной жизнью. Росло благосостояние людей. Дети разлетались по Союзу на учебу, на работу. Не было проблем с тем, чтобы приехать домой в гости с любого конца страны, или родителям поехать к детям.

Самое главное, что все это благополучие базировалось на стабильном производстве. Для подавляющего большинства людей главным источником жизни были труд и, конечно, его оплата. Мы не ломали голову над проблемами о том, где брать дрова и уголь, сено, солому, зернофураж для личного скота, не думали о транспорте, связи, воде. Об этом беспокоился колхоз.

Люди знали, что все блага растут из земли, и старались хорошо работать. Работали не только на совесть, но и с какой-то внутренней радостью. И это не просто слова. Я уже говорил, что основные производственные и социальные объекты села были лучшими, чем в окружающих селах.

Таковыми были и люди. Если специалист — так высочайшего класса. Да что специалист — столяры и кузнецы, сварщики и токари, доярки, комбайнеры были действительно мастерами своего дела и лучшими в районе.

И они не просто стихийно появлялись в хозяйстве. У хорошего руководителя всегда подбираются хорошие кадры. Он находил к каждому свой подход, без тени панибратства, и всегда помнил о силе личного примера. 365 дней в году с пяти утра председатель был на работе, всегда знал, что, где, почему и как. Да и совесть человеческая у него всегда стояла на первом плане.

На таких руководителях всегда держалось любое село. Он сам не ездил ни за чем. Он управлял — организовывал производство, отдавая делу всего себя. И за ним шли люди. И уважали, и любили. Боялись те, кому иногда чего-то не хотелось делать. Потому что он как доверял, так и проверял.

И несмотря на климатические условия, зависть, оскорбительное отношение властей разных рангов, колхоз и село в преддверии перестроечных времен жили полнокровной жизнью.

Таким я его оставил в семьдесят шестом, таким последний раз видел в восемьдесят третьем...

Длинную зарисовку о жизни нашего села в те годы я сделал специально, чтобы было с чем сравнить жизнь сегодняшнюю. Везде сегодня плохо, но есть такие места, где людям живется чуть ли не хуже всех. И, к сожалению, в обширный список этих мест попало и наше село.

За две недели пребывания в области я добросовестно ознакомился с сегодняшней жизнью многих сел — как нашего, так и других районов. Похожая везде ситуация: где хуже, где лучше, в зависимости от того, кто персонально руководит непосредственно происходящими процессами.

Перемены начали ощущаться уже на подъезде к селу. И не только в том, что по так называемой трассе межреспубликанского значения вместо асфальта — заросли травы и ямы по пояс. Ночью это как-то не бросалось в глаза. Поражала абсолютная темень. По знакомым пе-

ревалам уже должен был бы виден поселок — раньше его за пять километров было видно. Спрашиваю: «Что, лампочки освещения сняли?» Сестра жены спокойно отвечает: «Просто нет света. Нам его включают на несколько часов, и не знаешь, когда включают, а когда выключат. Это рке давно. Мы привыкли. Зажжем лампу, и все нормально».

С рассветом вышел на улицу. Наискосок — наш бывший дом. Хозяин выгоняет коров. Шутя, спрашиваю: «Может, продашь дом обратно?» Он, далеко не шутя, отвечает: «Да бери его даром Мы в нем все равно не живем. Пойди посмотри на улицы. Уже в половине домов никто не живет. Одни разрушены, другие разобраны, третьи просто стоят пустыми и тоже разрушаются сами по себе».

Действительно, поселок представляет собой жуткую картину: развалины домов, заросшие огороды и улицы, засохший парк. Все как в кошмарном сне. Не веришь своим глазам.

На месте прекрасных полевых станов, комплекса зданий сельпо, школы — курганы мусора, зияет пустыми глазницами окон уничтоженный ремзавод, вместо машин на автобазе — пустота и примитивная ферма.

Вокруг — тысячегектарные незасеянные поля. Некоторые пустуют уже по несколько лет, и там вечным ковром закрепилось перекатипole. В бывшем нашем колхозе в прошлом году практически не пахали, а весной посеяли 50% по стерне без всякой обработки. Что-то растет вперемежку с сорняками.

Год для региона был настолько благоприятный, что даже глубокие старики такого не помнят. Если бы такую погоду да в те, нормальные времена, завалили бы страну хлебом на 2—3 года. Не только многолетние травы — ковыль вымахал в пояс!

В прежние годы выкашивали каждую балочку, собирая корма, а сейчас травостой — на 3 года корму, да никто не косит. Нечем, да и не для кого. Животноводство уничтожено. Из 2000 голов крупного рогатого скота в кооперативе осталось 200 голов, из 600 дойных коров — 100, из десяти отар овец — одна.

Раньше, если карантинная инспекция находила на территории хозяйства хотя бы одно растение сорнополевого подсолнечника, вводили карантин, и начинались серьезные неприятности: колхоз лишали права на сортовые и семенные надбавки и т. п. А уж о неприятностях, которые ждали руководителей, агрономов, бригадиров, и говорить не стоит.

Сегодня примерно треть полей занята этой «культурой», очень коварной и опасной. А так как никто косить сорняк не будет, тем более защищаться от него, то скоро с этим злом бороться будет сверхтрудно.

Дикая картина: колоссальные таможенные чертоги, возведенные на границе России и Казахстана, а к ним с обеих сторон примыкают невспаханные поля, полностью заросшие карантинными сорняками, на борьбу с которыми у суверенных стран нет средств...

Едешь мимо полей и думаешь: зачем мы в те годы здесь замерзали, горели, не досыпали, не доедали. Работали без смены и без помощников. Мне довелось в своей жизни десять сезонов выводить в поле комбайны, и почти всегда в одиночку. Кто знает, тот поймет, что такое по 20 часов в день, одному, в течение полутора-двух месяцев убирать хлеб.

Мы и строили себе все сами, и ремонтировали, мы пахали и сеяли. Зимой замерзали в бураны, перевоза зерно и все необходимое.

Известно, что только в Казахстане было освоено более 30 миллионов гектаров земли. Не распаханно, а именно освоено, ведь надо было все это обустроить. Сколько было построено производственных объектов, жилья, дорог, элеваторов, объектов соцкультбыта, линий электропередач.

Для чего же это все было? Для чего мы столько лет обирали остальные республики, в первую очередь, ту же Россию, того же российского крестьянина? Ведь он, вечно ограбляемый, был раз в 10 менее энерговооруженный и жил во много раз хуже крестьян целинных районов, да и своих коллег в других республиках.

Понятно — хотели быстрой отдачи, скорого хлеба. Но если бы все эти огромные средства направили в центральные районы России и Украины, — наверное, была бы вечная отдача.

А так — все пошло прахом. На бытовом уровне, с молчаливого одобрения властей, витает простое объяснение всем происходящим на селе процессам. «Зачем нам проблемы с зерновым хозяйством? Технику надо восстанавливать, дороги. Зачем? Чтобы кормить зерном других? Обойдутся. Мы вернемся к прежней нашей жизни, будем заниматься животноводством, другими традиционными видами деятельности, без особых проблем. А зерно купим. Много нам не надо. А золота, нефти и других богатств у нас хватает. Те, кто к нам приехал, — уедут. (А это почти половина населения). Нам нет дела, что с ними будет дальше, это их проблемы. Даже с теми, кому неку-

да ехать, — не будет проблем, они просто постепенно исчезнут. Условия жизни ускорят этот процесс». Примерно такова всеобщая негласная установка на селе.

И люди действительно «исчезают». Одних уж нет, а те далече...

Уезжают, кто куда может, в основном, в Россию, в соседние области, потому что на дальние переезды нет средств. Отдают за бесценок дома или просто бросают их, забирают самое нужное и уезжают.

Страшно, когда живешь в доме, где родился твой дед, а дом уже не твой. Когда знаешь, что все равно будешь вынужден его оставить, — не хочется даже гвоздя забить. Надежда умирает последней. Так она уже умерла для большинства из них.

7 из 10 семей собирается покинуть село уже в течение осени — зимы. На это тоже непросто решиться. Один мой знакомый продал дом за три с половиной миллиона российских рублей, а за перевоз вещей на автомобиле в соседнюю Оренбургскую область заплатил пять миллионов.

Спрос рождает новые цены. В местах переселения, в той же Оренбургской области, куда бегут отовсюду — от Таджикистана до Актюбинска, цены на дома подскочили во много раз. Купить их в состоянии очень не многие беженцы.

Что же происходит? Почему люди вынуждены, не считаясь ни с чем, все бросать и уезжать куда-нибудь?!

Ничего случайного не бывает, все имеет свои причины.

Негласная установка или направляемое желание вернуться к старому укладу жизни, активизация незаметного горизонтального национального давления на бытовом уровне, всеобщие и региональные ошибки реформаторства и преступное их использование, искусственное грубое насаждение «хозяев» на селе, не считаясь с обстоятельствами и интересами основной массы людей, в том числе коренных жителей, — все это и породило хаос.

Мне довелось после второй мировой войны видеть уничтоженные заводы. Помню взорванный купол нашего Тираспольского драмтеатра. Свежи в памяти поврежденные предприятия в Бендерах, но такого откровенного варварства, какое учинили «переустроители» в моем селе, — не видел. Именно варварства, иначе это не назовешь, потому что никакой войной и интересами государства здесь и не пахнет.

Действовал в Ащелисае авторемонтный завод. Уникальные станки (более 30 единиц), некоторые с программным управлением, мощное

предприятие с конвейерами и спецприспособлениями, складами запчастей, разными модулями, котельной, электростанцией, автопарком, админзданием и многим другим. Работало на нем более 200 человек. Треть семей села много лет связывала с предприятием свою жизнь. Для них это был главный источник существования. Контингент работающих — высококвалифицированные специалисты — и все «некоренные». Подчеркиваю слово «некоренные», потому что, как было уже сказано, село образовано переселенцами. И собственно, трудно сказать, кто все-таки коренной, а кто нет. И вот по чьей-то злой воле или по ошибке — завод уничтожен, а люди выброшены на улицу.

Конечно, раньше до такой дикости никто бы не додумался, а сегодня способов сколько угодно, один из которых — «договорная» приватизация.

Этапы развала данного предприятия элементарно просты. Сперва образовали акционерное общество «Авторемонт», а так как все АО, образованные в последние годы на базе госпредприятий, как правило, абсолютно не учитывают интересы рабочих и на 80% противоправны, то это акционерное общество быстро сделали банкротом и продали с аукциона. Естественно, весь процесс был искусно разыгран. Перед развалом АО его директор в 20 метрах от заводского забора открыл частный магазин запасных частей для машин тех же марок, которые ремонтировались на заводе. Естественно, туда был переправлен весь дефицит. Ему разрешили это сделать. Это входило в общий план уничтожения завода.

А сам завод купил кто-то из областного центра Рабочие (акционеры липовые!) узнали об этом последними и были поставлены перед фактом.

Купили завод за 200000 тенге (2600 долларов), в то время как любой станок из 30, имеющихся в наличии, стоил в 4—5 раз больше этой суммы, не говоря уже обо всем остальном. Реальная цена — в 1000 раз выше!

Хозяин даже не приехал глянуть на дело рук своих, а просто прислал уполномоченных, забрал семь единиц отличной ходовой техники, продал один «КамАЗ», многократно окупил этим все свои затраты и пропал. Ему больше ничего не надо. И стоят корпуса завода, и растаскивают дети медь из двигателей станков, а запасные части (новые!) сдают на металлолом — валяются они по заводу всюду и есть еще на разбитых стеллажах склада.

Ощущение такое, что упала нейтронная бомба, людей убило, а материальная часть осталась. В разбитых уникальных станках — наполовину шлифованные коленчатые валы и другие детали. Вроде бы замерло все на ходу.

Как печать времени, на огромном прессе надпись: «Испытан 20 апреля 1985 года! Следующее испытание — в 1991 году!» Символические годы, не правда ли?

Завод мертв, и никто его теперь не восстановит, даже неизвестно, кто все это будет убирать. А ведь обманутые и выброшенные на улицу люди остались... Но забота о них не входила в чьи-то планы. В итоге, большинство из этих людей — уже в пути, ищут, куда податься.

В бывших колхозах и особенно совхозах идут похожие процессы. Сперва видимость акционирования, затем все идет с молотка. Я хорошо знал совхоз «Кудуксайский» соседнего с нами района. Крепкое было хозяйство, с территорией, равной ПМР. Смотрю в газете объявление: в числе многих этот совхоз (уже АО!) продается по голландской системе торгов. Стартовая цена — 80 миллионов тенге (1 млн долларов), минимальная цена — 100 тысяч тенге (1320 долларов!). Заранее известно, кто купит совхоз. Явно, что не рабочие совхоза, которые четыре года не получают зарплату.

Да и кто им позволит купить! Все объекты поделены заранее. Естественно, купит новорожденный бай, за бесценок. Сам он будет жить где-то в городе, хозяйство уничтожит, пашню загонит в залежь и будет разводить скот чужими руками, создавая себе благополучие.

Газеты пестрят объявлениями об аукционах и тендерах. Продаются все — клубы и совхозы, детсады, библиотеки и сельские больницы, базы снабжения и ремонтные предприятия. Сами того не подозревая, объявители делают в объявлениях ошибки, но, к сожалению, они из жизни. Пишут: продается, к примеру, школа, детсад, больница и т. п. Не помещение больницы, а именно «больница», «детсад», то есть там уже никогда не будет больницы или детсада. Так оно и есть. Сегодня в районе из 90 детсадов остались — 3. Пока.

Да дело не в самой приватизации, а в искажении ее сути, правовых беспределах и тому подобных явлениях. Неразумность всегда вредна и отталкивающая, что и случилось с нашим ремзаводом.

Колхозы также прошли интересную, с точки зрения обмена опытом, трансформацию. По надуманной методике поделили между работающими землю, а при определении имущественных паев добави-

ли к ним и пенсионеров. Образовали производственный кооператив, возглавляет который почему-то директор, а не председатель. Сразу же вежливо предложили написать заявления о передаче всех земельных и имущественных паев в доверительное управление директору.

Теперь этот директор (частный хозяин) самостоятельно управляет всем и вся. Вроде бы формально у него ничего собственного нет, кроме своих земельного и имущественного паев, которые могут быть гораздо меньше, чем у колхозников с солидным стажем, а на самом деле это есть искусственно выращенный хозяин всего, что было в бывшем колхозе.

Никто (!) не вправе его контролировать внутри так называемого кооператива (заветная мечта многих руководителей в АПК!). Нет никаких ревкомиссий и госконтроля! Практически все осталось, как прежде — тот же колхоз, те же бригады, только уже с частным хозяином и абсолютно бесправными членами кооператива.

По положению, которого не читали даже специалисты, не то что рядовые работники, в кооперативе должны появляться и даже распределяться дивиденды. Наивные люди! Четвертый год не получают зарплату, дали как-то аванс к выборам президента, и все, а они еще надеются на прибыль!

Производство упало в десять раз в сопоставимых ценах. Долгов — десятки миллионов тенге. Какие дивиденды могут появиться? Не получая зарплату по нескольку лет, люди практически кредитуют хозяина. А он, в основном через бартер, а также за счет специальных кредитов или инвесторов, расширяет свою личную собственность. И это имеет место во всех кооперативах. Такова сама идея.

Формально говорят — кооператив такой-то купил автобазу или там 50% акций элеватора. А на самом деле это хозяин купил все себе, используя возможности кооператива. Все приращенное имущество — это его личная собственность.

По тому же положению ему в порядке оплаты выдается 1/100 валовой продукции кооператива, которую он имеет право использовать на выкуп паев у других членов кооператива, своего или чужого. У него самого и его теперь уже наемных работников — очень разные возможности.

Член кооператива, не получающий зарплату, не в состоянии конкурировать с хозяином, у которого гарантированная оплата и вся власть. Он, естественно, будет отдавать ему свои пай, чтобы выжить.

Уже сегодня посредники предлагают за 1 га паевой земли по 350—400 тенге, то есть чуть больше литра водки. Хозяин за средства тех же членов кооператива мягко и быстро скупит у них же основную массу паев, в первую очередь земельных, имущество никуда не денется, просто износится и все. И тогда он уже станет настоящим баем. Вся система работает на это. Любые понятия этики, порядочности и законности здесь неуместны. Тем более, если скажешь лишнее слово, можешь иметь большие неприятности, особенно, если ты «нездешний».

Со стороны все это хорошо видно. Упрощенно можно сделать, может быть, слегка утрированный вывод: «некоренным» руководителям сельхозпроизводства дают понять, что их миссия временная. Мол, хоть вы вроде и «наши», но функция ваша — развалить колхоз (совхоз), хапнуть, сколько можно унести, и поскорее исчезнуть. При этом не надо бояться — никто не тронет. Мы — хозяева этой страны, мы диктуем, кто нам сегодня нужен.

А «коренным» говорят прямо: ты тоже завали коллективное хозяйство, бери себе и постарайся подобрать все, что остается после тех, кто исчезает. Ты — хозяин, тебе здесь жить. У тебя будет село или несколько, у тебя будет земля. Работай, содержи нас, вышестоящих, и все станет так, как было, и на века.

Возможно, они и правы по-своему. Такая политика требует соответствующих исполнителей. Но, как уже было сказано, не всем это подходит. Внешне такое впечатление, что по району, да и по всей области, прошли смерч или орда завоевателей. Все, что попадалось на пути, — старались уничтожить. Телеграфную линию из Орска в Актюбинск кто-то купил, и за зиму столбы распилили на доски и дрова. Теперь связи нет.

Вторую железнодорожную колею из Орска на Кандагач, с величайшим трудом не так давно построенную, разобрали. Разобрали и продали на металлолом! Посчитали, что раньше ветка была нужна Союзу, а сейчас не нужна, ведь Союза нет.

Да ведь уже построили, запустили, да чего же ее демонтировать?! Ну, хотя бы старую колею сняли, так нет, именно новую уничтожили.

Можно до бесконечности приводить примеры явного пренебрежения к людям, людскому труду, природе, месту проживания, но что из этого? Процесс разрушения идет, и он необратим.

Все те, кого я посетил в районе, в большинстве своем скоро разлетятся, кто куда. Разлетятся, стиснув зубы, со слезами на глазах и с откровенной ненавистью и проклятиями ко всем этим перестройщикам и реформаторам.

Поверьте, такие же проклятья и тем же людям, с пожеланием им всего наихудшего, что есть в этом мире, я слышал везде: от Закарпатья до Новосибирска, от Петербурга до Тирасполя. Кто-то все равно их услышит, эти проклятья, рано или поздно.

И еще один штрих ко всему написанному.

Почти в то же самое время в нашем районе побывал депутат казахского парламента, а перед ним область посетил президент. Приведу дословно слова этого депутата, сказанные за четыре дня до моего приезда: «Л рад, что глава государства высоко оценил реформы, идущие в области». «...И, конечно, действия местных органов власти во многом способствовали достигнутому успеху». Он также привел в пример созданные в селах производственные кооперативы, в которых радуется высокая активность тружеников. И... «Люди теперь не ждут милостей и указаний «сверху». Они работают и решают возникшие проблемы на месте, самостоятельно...» («Актюбинский вестник», №81, 84, июль 1997 года).

Как они решают, было показано выше.

Некоторые горячие головы предлагают и нам похожий путь в никуда, опять же подспудно имея в виду интересы отдельных лиц — в противовес интересам всего сельского населения и агропромышленного комплекса в целом.

Предлагаю читателям, особенно жителям сел, очень внимательно подумать, прежде чем что-то предпринимать в плане реформации. Не зная броду, не надо лезть в воду. Примеры, которые я вам привел, доказывают, что часто именно инертность и равнодушие приводят к катастрофе.

Можно и нужно делать все, но разумно и не с чужой подачи. Как говорится, — никто не даст нам избавленья...

ОЧЕРЕДЬ

Слово-то какое в русском языке — «пулеметно-убивающее», его так и хочется произносить в растяжку, длинно: о-че-ре-дь. Наверное, потому, что у нас всегда очереди были длинными и долгими, хоть за хлебом, хоть за водкой, хоть за автомобилем или стиральной машиной. Не могли мы без очереди.

И все было у нас не так, как у людей. В других странах очереди только на биржах труда были, за всем остальным чего им было стоять: все, что необходимо, можно купить, где угодно и сколько угодно, были бы деньги. Поэтому там люди и стояли в очередь за работой, чтобы заработать деньги — других проблем в этом направлении у них не было. У нас, повторяю, наоборот, проще всего было устроиться на работу, а уж как кто работал и что производил, не столь важно.

Зарплату получали, даже гарантированную, как в нашем несчастном сельском хозяйстве, а купить на нее было нечего. Не стыковались два основных экономических понятия — зарплата и производство, точнее производительность.

За свою жизнь в каких только очередях мне не довелось стоять! От хлебных всенощных в голодные сороковые, до автомобильных в семидесятые-восемидесятые. Дела «очередные» доходили иногда до откровенного идиотизма или просто необъяснимого маразма. Очередь, к примеру, на автомобили, курировал райком партии, на уровне первых лиц.

Вот я, работник аппарата районного звена, добросовестно отработавший на разных участках 25—30 лет, стою в районной очереди на автомобиль, и чем дольше стою, тем дальше отодвигается моя очередь. Раз в четыре-пять лет пытаюсь напомнить тем, кто распределяет, что, мол, пора и на меня внимание обратить. А в ответ всегда стандартное: «А что скажут люди?» А те «люди» уже по три машины поменяли, и ничего, никакая совесть их не мучает. А меня мучает от того, что я такой несознательный. Потом опять три-четыре года проходит, снова обращаюсь, и опять меня стыдят за несознательность.

В общем, перестоял я много очередей, как и все другие наши несчастные люди. И за сахаром, и за пивом-водкой, и за чем угодно, так как у нас всегда чего-то не хватало. По этому поводу один старик-казах как-то в разговоре очень мудрую фактуру выдал. «Эх, — говорит, — неромно живом, шай есть, сахар нету, сахар есть, шай нету, а вот брат mine ромно живет — ни сахара, ни шая нету!»

К сожалению, мы сейчас рке близки именно к такому уровню жизни. И очередей поубавилось. Все можно купить, те же автомобили, бери — не хочу, вернее не могу, так как все есть, да чужое, а деньги нужны наши, а их как раз и нет, по разным причинам.

Но задача данной были об очередях — показать, как мы бестолково жили раньше, сами себя загоняли в эти позорные очереди, теряя лицо страны перед всем миром. Достаточно вспомнить московские винно-водочные очереди восемьдесят шестого-седьмого годов. По правде говоря, жаль, что люди в те времена так и не растерзали хотя бы одного из бывших антиалкогольных идеологов-перестройщиков. Может, другим неповадно было. А вообще-то мы еще долго без очередей просто жить не сможем, и сегодня их порожаем, где только можем, правда, уже больше на чиновничьем уровне. Ну, никак они не хотят расставаться с таким источником дохода, каким всегда являлась очередь.

С точки зрения материализованной философии, нашу людскую очередь можно представить себе в виде кабеля сверхвысокого напряжения, обращаться с которым надо с особой осторожностью, соблюдая все меры безопасности.

Тронуть любую нашу очередь могут только очень недалёковидные люди. Это классика. Расскажу несколько случаев из жизни, просто для иллюстрации.

В конце шестидесятых годов прошлого уже века довелось мне учиться в Москве в институте. Позвонил один земляк, сказал, что будет на выставке достижений народного хозяйства и хотел бы пообщаться. Встретились мы в его номере в привыставочной гостинице «Ярославская», потом погуляли по Москве. Помню, купили ему домой упаковку стирального порошка «Лотос» и уже шли от метро к гостинице. Был теплый весенний день. Снег интенсивно таял, в зимней одежде уже стало жарко. Между корпусами гостиниц «Ярославская» и «Золотой колос» был деревянный, довольно старый по виду, пивной ларек. Земляк говорит: «Давай, по кружке пива выпьем. Жар-

ко!» Подошли. Он встал в очередь, а я отошел немного в сторону с его ящиком «Лотоса» и просто наблюдал за очередью. А она, очередь, состоявшая из возбужденных жаждущих мужиков, была чем-то похожа на виляющую хвостом змею, которая головой упиралась в ларек и как бы всасывала в себя то, что в нем было. Наэлектризованная до предела, она не терпела резкого слова, тем более действия, замедляющего ее продвижение к заветному окошку, где жонглировал бокалами некто Боря — огромный, с лиловым лицом, усыпанным разнообразными болячками.

Многие из состава очереди, скорее всего, были завсегдатаями этого ларька. Они нервно подбадривали Бору, стараясь как-то ускорить процесс и быстрее получить вожаемую кружку с пивом. Со стороны я почти физически чувствовал наэлектризованность очереди и чего-то ждал, сам не понимая чего. Дождался. К мужикам, стоящим где-то в середине очереди, подошел изрядно помятый средних лет мужчина, с маленькой собачкой на руках. Он имел неосторожность тронуть очередь: мол, пропустите вперед, а то собачку вроде как кормить или лечить надо, что-то в этом роде.

Очередь тут же сжалась: «Это ребенок, что ли?» Любителя собак тут же выбросили в самый конец. Тот опустил собаку на снег и грустно держал ее на поводке. Но очередь уже не могла просто так успокоиться. Впереди мужика с собакой, стоял молодой парень, держа за руку девочку лет пяти. Она обернулась и хотела погладить злополучную виновницу скандала. Но собачонка оказалась неприветливой, и ухватила зубами за варежку. Девочка, естественно, испугалась и закричала во весь голос. Очереди этого только и надо было. Отец девочки, наверное, футболистом был. Резко развернувшись, он размахнулся и так двинул по собачке правой ногой, что она вместе с поводком перелетела на другую сторону неширокой в том месте проезжей части улицы. Очередь словно сломалась и вскоре закольцевалась вокруг того неразумного владельца собаки. С криками: «Дай и хозяину!» — самые ретивые пустили в ход кулаки. Все это действие заняло минуту, не более.

Но очередь помнила главную свою задачу, и, выбросив нарушителя вслед за собакой, снова все свое внимание перенесла на ларек, на Бору и вожаемую пивную струю.

Через пять минут опять сбой. Опять завиляла хвостом очередь. Какой-то мужчина, явно не местный, взяв в руки две кружки пива,

вдруг в сердцах заявил продавцу: что ж ты, мол, одну пену гонишь! И здесь случилось уже чисто московское, столичное.

Услышав обвинения в свой адрес, Боря озверел, высунул из окошка свои огромные волосатые руки, схватил недовольного покупателя за воротник полупальто-«москвички», притянул к окошку и громовым голосом заорал: «Ах, ты..., наверное, ростовский, да я тебя... Ты знаешь, что я подполковник милиции в отставке (да, в Москве не только подполковники могут торговать пивом). Ребята, держите этого козла, пока я выйду!» И понеслось. «Боря, — умоляла очередь, — брось его и наливай». Но не тут-то было.

Несчастный покупатель, притянутый лицом к окошку, уже не рад был тому пиву и, скорее всего, проклинал день, когда его послали в Москву на выставку. Но дело было сделано. Очередь оторвала его от Бори и буквально вышвырнула из своей зоны.

Хорошо, что подошла очередь моего земляка Мы выпили по бокалу пива, обсудили ситуацию и на всю жизнь зареклись трогать наши очереди, любые, за чем бы они ни стояли.

Никогда нельзя вступать в конфликт с нашей очередью. Это достаточно полно характеризует еще один случай.

В далекие теперь семидесятые годы, в той же Москве, в виде эксперимента, давали в магазинах спиртное с 11 утра до семи вечера Ну, с утра как с утра, а вечером перед этими злосчастными семью часами, как правило, в магазине было битком — ив основном мужики. Кому-то не хватило, кто-то не успел. Но очередь в это время была всегда.

Помню, после занятий заходим в магазин, взять что-то на ужин. Полагали, что после семи в магазине никого не будет. И вот картина Без пяти семь. Очередь — человек двадцать, а один наш классический аспирант, в огромных очках, стоит первым с целой сеткой пустых бутылок. Когда он начал их, не спеша, выкладывать, очередь не выдержала и взорвалась. Какой-то огромный заросший работяга подбежал с криком к тому аспиранту-сдатчику: «Ты что, гад, издеваешься, не видишь, без пяти семь!». Сгреб его в охапку и вместе с бутылками отшвырнул в сторону. Очередь благодарно охнула и осуждающе смотрела, как аспирант искал очки и собирал свою посуду.

Мы сами породили этот позор, приучились к нему и уже не могли без него жить. Скучно, когда нет очередей, когда нет оснований брать взятки на всех уровнях за «внеочередное» обслуживание.

К сожалению, наш менталитет еще долгое время будет, даже подсудно, требовать очередей. Скорее всего, мы будем их придумывать, даже если стоять незачем будет, и не будет необходимости терять время и человеческое достоинство. Но лучше не стоит этого делать.

Очень бы хотелось, чтобы наши будущие поколения знали только понятие «очередность» — без этого в жизни не обойтись, и никогда не знали очередей, тех, в которых выстаивали мы. Дай-то Бог!

СОБРАНИЯ

Помните, как в старом анекдоте на вопрос парторга, почему вы не были на последнем партийном собрании, один «вынужденный» коммунист ответил: «Если бы оно было последнее, я бы пришел». А ведь так оно раньше и было. Причем, к сожалению, во всех наших ведущих массово-политических организациях (компартия, комсомол, профсоюз и даже у пионеров) собрания всегда были проблемными явлениями в их жизни.

Когда в стране множество партий и движений, объединяющих людей по интересам, у которых нет глобальных целей в масштабе страны, тем более всего мира, то это пережить молено, но, когда партия власти одна, когда небольшое количество людей-партийцев «беспокоится» о судьбах миллионов и диктует им определенные, порой необъяснимые с любой точки зрения условия, «заставляет жить так, а не иначе», тогда это ложится на массы людей тяжелым бременем и вызывает обратную, чаще всего негативную реакцию.

Забота под давлением не радовала людей, потому что она с годами превращалась просто в давление. Формализм партийно-комсомольских собраний, которые «единогласно» одобряли различные решения или действия центральных органов, действовал отталкивающе и дезорганизующе. И если еще на партийных собраниях, в силу разных причин, явку с трудом можно было обеспечить, то на комсомольских и других собраниях явка была основной проблемой. И это предопределило развал наших бывших ведущих политических организаций. За них все решали сверху. Первички, то есть основа основ любой организации, были по большому счету бесправны и безынициативны. А раз они ничего сами не решали, то и на собрания коммунисты и комсомольцы ходили без особого энтузиазма. Особенно это ощущалось в селах, тем более в отдаленных глубинных селах и хуторах.

Не по иронии судьбы, а по причине интенсивной урбанизации городов, постепенно высасывающих из села все лучшее и молодое, далекие таежные села гораздо реже поддавались различным разрушительным процессам, чем деревни и села оживленных центральных районов России, Украины и Белоруссии.

Не надо далеко ходить за примерами. Мы хорошо знаем, своими глазами видели, как за последние 50—60 лет значительная часть сельского населения соседней Одесской области, далеко не последней по всем показателям в масштабе бывшего Союза, перебежала к нам, в Приднестровье — как в города, так и села, оставив после себя руины и заброшенные поля. И никакими собраниями, обещаниями и светлым будущим их миграцию остановить не удалось.

Так вот о собраниях. В каких только мне, да и всем нам, не довелось участвовать в свое время! Разных уровней и в разных организациях. И все они были идейно схожи, что в Москве, что в каком-то хуторе. Отличались лишь подготовкой, обстановкой, местом и качеством проведения — в зависимости от уровня исполнителей. А соль (то, что выпадало в осадок души) всегда была одинаковой. «Надо» — значит надо.

В качестве примера приведу случай о проведении комсомольского собрания в одном полесском селе в шестидесятые годы. Подобных собраний на моих глазах прошло сотни, но выбрал я именно это, классическое, по всем, как говорится, законам жанра и со всеми обычно действующими лицами.

Был я в то время освобожденным комсоргом войсковой части. Комитет был на правах райкома комсомола. Как-то поздней осенью звонит первый секретарь Коростеньского райкома комсомола, У нас с ним наладились хорошие рабочие контакты. «Слушай, — говорит, — помоги нам провести собрание в одном дальнем селе. Три недели не можем организовать там отчеты и выборы. Приходят каждый раз пять-десять человек, и все. Одно хозяйство на район осталось, и ни как из-за него отчетно-выборную кампанию не закончим. У тебя, я знаю, есть что-то вроде концертной бригады. Может, концертом на род соберем. Помоги, пожалуйста».

У нас действительно была такая оперативная группа. Я туда собрал всех, кого в армии называют «бездельниками», — клубных работников, медиков, киномехаников, библиотекарей.

Естественно, на эти должности набирались ребята или с музыкальным образованием или просто умеющие петь, играть, танцевать, читать. Постепенно сформировалась довольно приличная агитбригада, завоевавшая популярность не только в пределах зоны действия кустового политотдела, а это три центральных области Украины, но и за их пределами.

Мы давали в среднем по 60—70 концертов в год и принимали нас одинаково тепло как в войсковых частях зоны, так и на заводах, в колхозах.

Секретарь райкома это знал, поэтому и обратился ко мне. Был в составе нашей агитбригады один солдат по фамилии Шитиков. Его отец, полковник, руководил чуть ли не главным военным оркестром округа. Шитиков через него напечатал в Киеве довольно привлекательную афишу, на которой была изображена группа военных с музыкальными инструментами, сверху, по овалу — яркая надпись: «Выступает ансамбль песни и пляски Советской Армии». И все. Какой и откуда ансамбль, было неизвестно, но смотрелось солидно. Шитиков привез пятьсот экземпляров таких афиш, так что в плане рекламы у нас проблем никогда не было. Естественно, главной нашей рекламой были сами концерты, которые мы могли вести столько, сколько надо, — час, два, четыре.

Пообещав в тот раз помочь провести собрание, я выехал «на объект» за пару дней до объявленного дня. Глубокая осень Полесья. Дорога только до половины расстояния. Дальше — болото. Такая бревенчатая топь. Зимой подмерзнет, но райком до зимы ждать не может, — секретарю за срыв кампании голову снимут, да и не только комсомольскому.

Ехали на тягаче. Село бедное. Разбросанное семейными хуторками по два-три дома на огромной, по меркам села, территории. Длинный деревянный, пустой, черный внутри и снаружи клуб, со скамейками по периметру зала. Нет электричества. Кругом непролазная грязь. Зашел в контору. Женщина, председатель колхоза, парторг — тоже женщина и парень, кандидат в секретари комитета комсомола. Старый секретарь, скоро год, как сбежал в город, а нового никак избрать, то есть узаконить, не могут. В общем, познакомились. Определились, как и что. Развесили несколько афиш по стенам, столбам, деревьям и уехали.

В день собрания, а его наметили на восемь вечера, наша агитбригада была возле клуба где-то часа в четыре. Мы выбрали возвышенное место метрах в пятнадцати от клуба, под роскошной одинокой раскидистой сосной, и заиграли. Вживую, так как не имели усилительной аппаратуры. Впрочем, она была бы бесполезна, так как в селе не было электроэнергии. До клуба еще линию не дотянули.

Играли мы на всех наших инструментах одновременно, где-то часов пять. Музыка растекалась по лесу, а в обратную сторону, к клубу, все это время стекались люди. Шли все подряд, старые и малые, комсомольцы, члены партии и «несоюзная» молодежь. Каждый со своей скамеечкой, стулом или табуреткой. Место возле клуба освещали фары тягача Свет в крошечной осенней темноте служил ориентиром.

Часам к десяти поток людей иссяк, и нас пригласили в зал. Это надо было видеть! Разновеликие скамейки и табуретки, разновозрастные люди, впервые за много лет собранные в одном месте, практически всем селом Несколько керосиновых ламп висели на стенах, одна на сцене, на столе для президиума. Полумрак, шум, дым табачный дышать не дает.

Наконец, на сцену поднимается первый секретарь райкома комсомола и спрашивает в зал: «Ну, шо, вси, бильпе никого нэма на вулицы?» «Нэма», — отвечает заведующая клубом «Тоди запырайтэ двэри. Начинаем загальни комсомольски збори!» Завклубом закрыла единственные двери на ключ и тут же у двери встала.

По залу пронесся недовольный ропот, но потом поднялся какой-то старик, видимо из местных авторитетов, и крикнул: «Ну, а концэрт будэ, чи ни?» «Будэ», — ответил секретарь райкома. «Тоди мы остаемся», — успокоил себя и остальных старик и сел на место.

Собрание началось в одиннадцать часов ночи. Все процедурные отчетно-выборные вопросы закончили к часу. Основная масса зала спала, даже храпела. Отдельные очаги участвовали в решении поднятых вопросов и даже поднимали руки в знак одобрения и утверждения.

Во втором часу ночи мы начали концерт, зал оживился и довольно тепло принимал уставших артистов. Сказывались и полдня игры на сырой улице. Пока на сцене шел концерт, за кулисами, на длинном столе, за которым перед этим сидел президиум, благодарные хозяева выставили «магарыч».

Сегодня это звучит грустно, смешно и стыдно, но тогда колхоз выставил на стол ведро соленых огурцов, три или четыре четвертины соленого свиного сала, два суперчерных ржаных каравай хлеба, с десятков луковиц и двадцатилитровую канистру свекольного самогона. Мои артисты, при смене очередного номера, незаметно заскакивали за кулисы, «причащались» от даров колхозных и снова выходили на сцену. Концерт закончился часа в четыре. Основная масса людей разошлась. Новый комсорг колхоза, от имени оставшейся молодежи,

попросил сыграть несколько танцев, так как большая часть его комсомольцев еще ни разу не собиралась вместе. Что делать? Да шести утра поиграли, чем заработали еще большую благодарность, и с рассветом, наконец, выехали домой, в расположение части.

Я привел эту быль вовсе не для того, чтобы показать, что было плохим, а что хорошим. Это просто фотография того, что было. Мы так жили, и довольно-таки долго. И хотя очень много и тогда было хорошего, мы только теперь это понимаем, с высоты прожитых лет и нового восприятия жизни.

Уроки прошлого не должны быть забыты, и все хорошее обязательно должно быть востребовано.

ВЫСТРЕЛ

Судьба играет человеком, а человек играет на трубе, — гласит народная мудрость. И ведь правда, что предопределено человеку его судьбой, то и сбудется. И не обойти это, и не объехать. Мы, к сожалению, лишь исполнители, и нам не дано знать, что, когда и где с нами случится. Наверное, это и хорошо, иначе скучновато было бы жить на свете. А так, сколько людей, столько и судеб. Есть люди, которые необдуманно или по неосторожности совершат какой-либо проступок и всю жизнь мучаются с позорным пятном, другие совершают проступки или преступления регулярно, и никакие угрызения совести их не мучают. Да и общество привыкает и как бы смиряется с такими явлениями.

«Одно пятно — пятно, много пятен — расцветка». Этот мой афоризм многолетней давности, к сожалению, верен. И в наше время тем более.

И все-таки о судьбе. История, которую я хочу рассказать, случилась в семидесятых годах прошлого века на наших глазах. Действительно, знал бы, где упадешь...

Недалеко от нашего села была небольшая железнодорожная станция. Прежде это был разъезд, которые чередуются на любой однопутной дороге, а с развитием прилегающей зоны его расширили до масштабов небольшой станции.

Жила там семья Петровых. Крепкая, зажиточная, многодетная и своеобразно обособленная от станционного пролетариата, прозябавшего в примитивных общежитиях-квартирах и перебивавшегося с хлеба на воду. Дед с бабкой, сын с женой, внуки взрослые.

Разговор пойдет о сыне. Было ему тогда где-то сорок с небольшим. Его активности и деловитости можно было только завидовать.

При всех советских ограничениях тех лет он умудрялся работать на пяти должностях и везде преуспевал. В одном из совхозов нашего района он был экспедитором и завскладом, в школе вел уроки труда, кем-то работал на элеваторе, а также курировал службу охраны как на станции, так и отрезке пути. Вопросы охраны перевозимых гру-

зов уже тогда стояли довольно серьезно. По нашей ветке шло большое количество товаров из стран Дальнего Востока (Японии, Китая, Монголии). Основная их масса проходила через станцию Орск Оренбургской области на Среднюю Азию. Товары из вагонов и особенно контейнеров, по пути их следования через степи и полупустыни Казахстана, не то что воровали, а просто безнаказанно брали на всех перегонах. По степям ездили японские мотоциклы и мотороллеры без номеров, растекалась бытовая техника, всевозможная одежда, обувь, продукты.

Транспортная милиция была бессильна в борьбе с этим злом, а местные милиционеры упорно не замечали ничего и не вмешивались, стараясь доказать, что грабители в их районе не проживают, да и не действуют. Поэтому был внедрен определенный институт дополнительной полувоенизированной охраны на перегонах, больше для визуального контроля.

Одним из таких «надсмотрщиков» и был Алексей Петров. К моменту действия, о котором пойдет речь, он был весьма заметной фигурой не только на территории нашего сельсовета, но и далеко за его пределами. Наладил деловые и личные связи со многими нужными людьми, в том числе и с наделенными властью. Ему везде оказывали должный прием, он мог, что угодно достать, на что угодно повлиять. Первая легковая машина на станции, естественно, тоже появилась у него.

В общем, устроился он неплохо и уверовал в свою исключительность, неуязвимость и непотопляемость. Может быть, так оно и было бы. Но, видимо, за какие-то жизненные «пятна» судьба вдруг повернулась к нему совсем по-другому.

Летним жарким днем, когда в семье Петровых широко отмечали какое-то событие, со станции прибежал посыльный и сообщил, что на перегоне от триста третьего разъезда какие-то люди вскрывают на платформах контейнеры. Алексей, уже подогретый выпитым, быстро завел машину и помчался вдоль железной дороги навстречу товарняку. Действительно, на одной из платформ несколько человек копошились у вскрытого контейнера. Остановив машину, Петров схватил малокалиберную винтовку и побежал к проходящему поезду. Грабители работали на платформе в конце поезда. Увидев бегущего вдоль насыпи человека с винтовкой, они бросили все то, что вытащили из контейнера, быстро прыгнули с поезда в противоположную от Петрова

сторону и побеждали в степь. После выяснилось, что их было пятеро, четыре парня по 16—17 лет и девушка того же возраста.

Петров подождал, пока проедет поезд, и выскочил на рельсы. Группа ребят была уже метров за сто от него. Он закричал, чтобы они остановились, и выстрелил, не прицельно, а просто в их сторону. Он не понял сразу, что случилось. Не понял, что стволом винтовки уже водил не он, а его судьба. Он только позже осознал, что за эти доли секунды, когда нажимал на курок, жизнь его навсегда изменилась, причем в ужасную и страшную сторону. Тот выстрел практически поставил на нем крест.

Так вышло, что пуля, выпущенная бесприцельно, попала в одного из ребят и перебила сердечную аорту. Парень скончался через несколько секунд. Петров привез и его, и остальных ребят в наше село, в больницу. Там только констатировали смерть одного и шоковое состояние у всех остальных, включая самого Петрова. Ребят забрали родственники из Орска, а его взяли под стражу.

Многолико и коварно лицо судьбы. Петров, еще продолжая верить в свою неуязвимость, вначале попытался использовать все свои связи, вплоть до самых высших по областным меркам. Но не тут-то было. Ни деньги, на подарки, ни напоминания об оказанных услугах, ничего не могли сделать или изменить. Все его «друзья» довольно дружно от него отвернулись, как будто никогда и не знали. Ничего не дали и попытки подкупа родителей погибшего и свидетелей.

У нас всегда так было — или все, или ничего. Конечно, деньги делали свое дело, заседание суда многократно откладывалось и переносилось в разные места. Даже я попал в народные заседатели на одно из несостоявшихся в нашем селе заседание суда, но, несмотря на все предпринимаемые им меры, ему было предъявлено обвинение сразу по нескольким статьям — незаконное хранение оружия, непреднамеренное убийство и т. д.

После почти года мытарств Петрова таки судили, дали четыре года усиленного режима. И вот тут начался тот период, когда он проклял не только тот выстрел, но и всю свою не очень чистую жизнь.

Дело в том, что судили его за непреднамеренное убийство, а убийцы в тюрьмах вроде как в авторитетах ходят. Но будущие коллеги — «зэки» расценили его поступок несколько иначе. Он для них был просто убийца-охранник, то есть «мент», враг.

Не успели его привезти в первую тюрьму, как там уже все о нем знали и отнеслись, как к врагу. Над ним надругались и вообще не считали за человека. Сколько потом не меняли место пребывания, всюду тюремная почта опережала прибытие, и везде его встречали как врага, со всеми вытекающими отношениями.

Четыре года такой жизни превратили человека в ничто. И то, что от него вернулось домой, даже отдаленно не напоминало его прежнего.

Действительно, от воли до неволи и всего-то полшага... А в его случае — всего доли секунды...

Жаль человека, какой бы он ни был. И все же никогда не надо играть с судьбой, тем более, со своей. Бог, он все видит, только мы об этом не всегда помним.

ПИСТОЛЕТ

В прежние наши советские времена очень модными были общественные нагрузки. Было их бесчисленное множество, плодились они в какой-то непонятной прогрессии; и так как их исполнение (любое — хорошее или плохое) происходило без оплаты, то и распределять их было проблемно.

Как правило, распределение шло под нажимом. Тут уж привлекалось в порядке аргументов все, что можно, — и патриотизм, и долг, и партийно-комсомольская обязанность, и все, что угодно, по этой части.

Причем, над всем этим многообразием поручений и нагрузок довлел старинный, но достаточно верный девиз: «Кто тянет, того и погоняют». Одним вообще ничего не поручали, бесполезно, мол, все равно не сделает, а на других «навешивали» по нескольку поручений, зная, что они будут исполняться. Другой вопрос, как и когда?

Когда я работал в колхозе, то незаметно перенес на себя основную массу общественных нагрузок, не потому, что любил эти самые нагрузки, а потому, что легче и быстрее было что-то сделать самому, чем убеждать, уговаривать и помогать кому-то это делать.

В многочисленном перечне поручений было такое, как ДОСААФ — добровольное общество содействия армии, авиации и флоту. Придумают же такое название — «общество содействия». Кроме распространения лотерейных билетов этой организации и сбора членских взносов (что ценилось больше всего!), надо было что-то еще делать. Добился изготовления сейфа для оружия, закупил малокалиберные винтовки, патроны, различные мишени, думал кружок стрелковый организовать, но все никак не получалось. Прошло довольно много времени — вроде бы все уже было для занятий стрельбой, а сдвигов никаких...

И вот однажды заходит ко мне Николай Гончар, он возглавлял ДОСААФ в другой сельской организации — на ремзаводе. Предлагает в воскресенье коллективно выйти в горы и пострелять по мишеням. У него в организации был малокалиберный пистолет, а винтовок и патронов не хватало. У нас же все это было, и мы быстро дого-

ворились. В воскресенье утром я взял в гараже машину, вызвал кассира, взяли из кассы, там стоял оружейный сейф, винтовки и поехали в скалы. Территория нашего хозяйства была расположена в южных отрогах Уральских гор, и мест, как для отдыха, так и для безопасной стрельбы, хватало.

Целый день мы провели на импровизированном стрельбище. Перестреляли не только все мишени, но и все то, что можно было использовать, как мишень. Ребята остались довольны. Все прошло нормально.

Возвратились в село, когда уже стемнело. Гончар попросил положить пистолет до утра в какой-нибудь сейф. Вызывать кассира ночью и вскрывать помещение кассы я не стал, просто положил пистолет в свой рабочий сейф, а винтовки взял на ночь домой.

Летом на работу выходили к шести утра. Я принес из дому винтовки, достал из сейфа пистолет, положил на стол и позвонил в гараж, чтобы послали за кассиром. В это время ко мне зашел бригадир асфальтировщиков Феликс Егшатын. Он тоже выезжал с нами на стрельбище, поэтому мы в нескольких словах обсудили прошедшие стрельбы. Потом он попросил аванс в тысячу рублей, у кого-то из бригады дома были проблемы, и требовалось его срочно отправить. Я выписал ему ордер. Как раз привезли кассира, и Феликс, получив деньги, зашел ко мне сообщить, что можно нести оружие на место хранения.

В это время в кабинет буквально ввалился бригадир одной чеченской бригады. Высокий, заросший, в грязной рабочей одежде, и с ходу: «Слушай, дай аванс тисача рублей!» Я ответил, что денег в кассе сейчас нет. «А ты армену давал! Ест денги». Я повторил снова, что сейчас в кассе нет денег, кассир поедет в банк, если привезет, тогда и решим вопросы аванса.

Бригадир оказался странным: «Дай пятьсот, ну дай триста, сто! Дай три рубля, видиш, у меня геморрой, кровь идет!» — он начал шарить рукой сзади себя.

Пока он кричал, я сидел, но по окончании его надрывной тирады медленно начал подниматься. На столе передо мной — пистолет Марголина, отдельно лежала деревянная коробка, в которую он упаковывался. Стол с приставкой довольно длинный, и бригадир сперва не видел, что у меня на столе. Когда увидел мое лицо и протянутую к пистолету руку, начал пятиться задом, не спуская с меня глаз. Через мгновение он через бухгалтерию вылетел на улицу. Я, конечно, не собирался в него стрелять, да и пистолет был не заряжен, но довел он меня до крайности.

Феликс вышел за ним. Уже позже, один из колхозников, стоявших в то время у колхозной конторы и ожидавших председателя, со смехом рассказал, чем все закончилось. Феликс, выйдя на улицу, подошел к тому бригадиру, что просил аванс, и в присутствии всех сказал: «Ты что, дурной? Ты чего на главбуха прешь, не знаешь, что он нэрвный? У него и справка есть. Видел, какой пистолет в сейфе лежит? На полтора километра убойная сила! Хоть немного думать надо!»

Вот так с его легкой руки все наемные бригады, а это сотни людей разных национальностей, многих из которых разыскивали различные органы, знали, что я «нэрвный», и у меня в сейфе лежит пистолет. Мне имидж эдакого сельского боевика был не особо нужен. Беспокоило другое, все-таки первый этаж, сейф у меня — одно название, полезут за пистолетом, а там колхозная печать... Назло заберут.

Но, слава Богу, все обошлось. Все годы, пока я работал в колхозе, ходил по селу в любое время суток и никогда никого не боялся, потому что и сам никогда никого не трогал. А легенда о моей справке и пистолете так и кочевала из сезона в сезон среди приезжих бригад. Наши-то знали, что и как, а чужие верили в легенду. Даже спрашивали, а, правда, и т. д. Я никогда не подтверждал, но и не опровергал такие слухи. Так было удобнее...

Имидж, оказывается, дело серьезное и довольно липкое, трудно-отмываемое. Но, выходит, иногда и полезное.

ПИРОЖКИ

Из всех многочисленных видов продукции традиционной русской кухни наиболее достойным претендентом на восхваление и преклонение, скорее всего, являются пирожки. Да, обыкновенные русские пирожки.

Сегодня у нас на каждом шагу торгуют гамбургерами и хот-догами, а что такое тот же хот-дог? Даже если учитывать странное «собачье» название (хот-дог в переводе на русский означает «горячая собака»), это чисто животная пища или наполнитель из клетчатки. И когда мы читаем в рекламе «горячий хот-дог», то здесь верно только то, что он горячий. А так — это недельной давности булочка и многолетней давности мороженая мыльная сосиска, быстро подогретые в микроволновой печи с добавлением каких-то специй. И все. Пища для тех, кто желает разрыхлить и разрушить свой организм. Не я так думаю, а об этом свидетельствует общеизвестная западная статистика. Уже почти в половине стран, где особенно модна такая «пища на скорую руку», люди страдают от избыточного веса. Да пусть себе едят те хот-доги и пиццы, нам-то какое дело. Просто не надо слепо перенимать то, без чего можно обойтись.

Так вот, о пирожках. Конечно, пироги и что-то подобное пекут и любят во всем мире. И все же. За свою жизнь мне довелось побывать во многих местах и бывшего Союза, и за рубежом. И пусть простят меня кулинары — как наши, так и зарубежные, но никто из них даже близко не мог сравниться в выпечке пирожков с мастерами одного города. Поверьте мне на слово, а миллионы счастливчиков, пробовавших те пирожки, подтвердят мои слова.

Есть такой город Орск, в Оренбургской области. Крупный промышленный центр южного Урала. Чего только там не производят! От никеля до холодильников, от вооружения до изделий из яшмы.

В Орске был один из крупнейших в Союзе мясокомбинатов, где ежедневно забивались тысячи голов скота. К этому городу вели специально выделенные скотопрогонные трассы по территории Казахстана и России, по которым беспрерывно подгоняли овец и другую жив-

ность. Орский мясокомбинат обеспечивал многие регионы своей продукцией и покрывал нужды спецпотребителей. Так подробно об этом рассказываю, чтобы стало понятно — пирожки в этом городе было из чего делать.

В небольшой примитивной пекарне, рядом с рынком в старом городе и размещалось производство чудо-пирожков с ливером. Обыкновенных пирожков с ливером. Но что это были за пирожки! Если в наше коммерческое время пирожок представляет собой обертку из теста, толщиной в палец, внутри которой, как бы для анализа, может быть мазок из начинки, то орские пирожки тех лет представляли собой, наоборот, начинку, то есть свежий душистый фарш, завернутый в тончайшую пленку из теста, сквозь которую просматривалось содержимое пирожка. Этот обжигающий небольшой комочек буквально таял во рту. Он воспринимался организмом как лекарство, как что-то очень потребное и полезное. Особенно в морозные зимние дни.

Производство пирожков работало, как и рынок, практически ежедневно. Технология была проста — тесто из муки высокотвердых оренбургских пшениц (из наших такого, конечно, не приготовишь!), свежайший, поступающий в день забоя ливер для фарша. Все это обваривается в говяжьем жире, выкладывается в специальные термоса на колесах и прямо с пылу-жару вывозится на улицу. Торгуют сразу с нескольких таких термосов с семи утра до трех часов дня. Людей всегда много, берут пирожки кулками, стоят в очередях недолго. Продавец меняет опустевший термос на полный в течение пяти минут. В пределах целого квартала распространяется запах здоровой пищи.

С этого можно смеяться, но мы, приезжавшие часто в город, покупали пирожков минимум на рубль в расчете на человека. Пирожок стоил четыре копейки, и на рубль получался кулек с 25 пирожками. Мы замечали это только тогда, когда кульки пустели.

Таких пирожков можно было скушать бесчисленное количество, тем более нам, молодым, здоровым в те времена, ребятам. Можно было брать их с собой. Но уже через час они остывали и теряли аромат и сочность, требовали разогрева, но это было уже не то. Хотя и разогретые, они ни в какое сравнение не шли бы с нынешней аналогичной продукцией, тем более, пресловутыми хот-догами.

Память об орских пирожках тех времен навсегда осталась. Уверен, что у каждого, кто хотя бы раз их отведал. Они были произведением высшей житейской пробы. В них синтезировались и высочай-

шая по качеству мука, и свежий здоровый фарш, и уральская вода, а главное — частички души замечательных женщин, готовивших такое простое чудо. Повторяю, нигде больше я таких пирожков не видел и не пробовал.

К сожалению, будучи в Орске несколько лет назад, тех пирожков уже не нашел. Есть, но не такие, как и везде, коммерционные, с тестом в палец и мазком от фарша или мяса. И тоже хот-доги на каждом шагу. Вроде бы все, как раньше, та же сильная мука, та же вода, и мясокомбинат на месте, хоть и с пятикратно меньшими объемами, а пирожков тех нет. Может быть, потому, что ушли прежние мастера-кулинары, может быть, по другим причинам, но нет. Возможно, сыграла свою роль реклама, нам ведь, хоть гадость, лишь бы импортная, которую по пять раз на час хвалят все средства массовой информации. Возможно, мы такими неразборчивыми стали, больше ценим престиж и имидж, чем натуральную жизнь. Жаль, конечно, но что поделаешь. Возможно, когда-то все-таки поймем, что для нас хорошо, а что плохо. И попробуем еще настоящих русских, наших пирожков. Хотя «на вкус и цвет товарищей нет», но сегодняшние наши новшества в этом направлении, к сожалению, больше работают на «цвет», и только.

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК

О таких людях мало пишут, да и мало рассказывают. Глупые смеются, умные и добрые жалеют, другие не замечают, или боятся, а ведь они есть, живут среди нас, и никуда их не денешь. Речь идет о людях с какими-либо дефектами, физическими или умственными. Природа очень жестоко поступила с такими людьми. Во-первых, допуская их появление на свет, во-вторых, обрекая их и их близких на продолжительные и невыносимые муки. Хотя людям с какими-либо умственными проблемами находиться в человеческом обществе условно проще, так как они не осознают сути происходящего и не ощущают проблем, возникших с их нахождением в этом мире.

Гораздо тяжелее переносить это тем, кто имеет недостатки чисто «хирургического» характера и в то же время ясную голову. Такие или впадают в меланхолию и становятся деспотами по отношению к окружающим их людям, или начинают усиленно заниматься собой, образованием и совершенствованием, чтобы компенсировать свою ущербность, и жить, что-то творить, делать по возможному максимуму. Многие из таких людей добиваются замечательных результатов и заслуживают самой высокой похвалы.

Часто бездушные люди заявляют: «Ну, зачем, мол, появляются такие на свет? Может, их как-то надо при рождении...». Кошунство это. Появление таких людей — скорее всего наказание Господне, чтобы люди искали и понимали суть жизни, а своим поведением не способствовали таким явлениям прямо или косвенно. Хотя таких людей не так уж много, но они есть в каждом городе и селе, разные по степени, но одинаковые по судьбе.

В нашем поселке, где я проработал более двух десятков лет, жила одна женщина. Звали ее Нюра. Нюра Стрекачева. Крепкая, дородная, симпатичная, в общем, женщина.

Не могу говорить грубо, но она буквально чуть-чуть не дотягивала до нормальной крестьянки. Все у нее было — порядочность, добросовестность, абсолютная честность, преданность, хозяйская чистоплотность и аккуратность, доброта и жалость, отзывчивость и желание

помочь, но было и другое — примитивное на уровне детства мышление и такая же, хоть и примитивная, но мудрость. Мудрость самой первозданной природы.

Она была как бы человеком из какого-нибудь прежнего века — такой пришла в нашу современность, такой в ней и жила, не развивалась. У нее было многое из того, чего рке не было у нас. Она не знала лжи и изворотливости, поэтому действительно выдавала истину в первой инстанции: что видела или знала, то и выдавала. Такие люди врать не могут, поэтому какие-либо ее замечания или просьбы окружающие принимали как должное, не сомневаясь в искренности и достоверности.

Первый раз я ее увидел, когда приехал в одну из тракторных бригад, куда меня направили на работу комбайнером. Нюра работала там поваром. Как-то в уборку едем утром на работу, машина из тех, что возили зерно. Скамеек нет, стоят в кузове человек пятнадцать. Заехали попутно в колхозную кладовую, там Нюра продукты для бригады получала, загрузились и поехали дальше. Получили молоко в обычном алюминиевом бидоне. Я взял да и сел на него, подстелив телогрейку. Вроде как удобнее ехать. Подходит Нюра: «Вацька, нэ цидай на молоко, а то дзопа теплий, и молоко прокици». Ну, вполне обоснованное предупреждение. Я тут же встал с бидона, зато все, кто стоял, упали в кузов от хохота. А мне как-то не было смешно тогда, больше было неудобно и стыдно. Как за себя, так и за ребят.

Это было мое первое знакомство с ней, тогда еще молодой девушкой. Прошли годы. Жили мы в одном поселке, потому, нет-нет, да и доходили слухи о Нюре. Она жила с сестрой и матерью. Потом вышла замуж, родила сына. Она всегда работала и добросовестно работала на разных несложных работах. Потом муж ее уехал. К ней начали прибиваться разные приезжие мужчины. Она же и накормит, и обогреет, и обстирает по доброте и наивности своей.

Я не интересовался всем этим и не знал, кого она там принимает, так как такая публика долго на одном месте не задерживалась. Да и зачем мне это было знать? Но судьба опять свела нас с Нюрой, причем самым обычным образом.

В 1966 году был хороший урожай, последний год в колхозе начисляли трудодни — на каждый пришлось по два рубля. Так что, кто хорошо работал, неплохо и получил. У Нюры в тот год, еще с зимы, поселился какой-то Саша с Западной Украины. Жил он у нее со всеми

доступными сельскими удобствами и удовольствиями. Обещал осенью после вспашки зяби жениться, а сам, немного подработав, потихоньку уехал. Не предполагал он, что будет хорошая доплата по итогам года, а когда узнал через друзей, что ему начислено более тысячи рублей, написал письмо Нюре. Ей сестра прочитала письмо, и Нюра пришла к нам домой, благо мы жили почти рядом, и естественной мудростью выдала следующее. «Вацька, — услышал я, как и много лет назад, — ты колхози начальник, бачиш Цаца (Саша) пыцэ (пишет), Нюра, я тэбэ люблю, пиды до Вацькы, хай даць мое племя (премию), а ты мэни ии прыслы, и я до тэбэ прыиду». И продолжила: «Вацька, ты грамотна, пыцы (пиши), Цаца, куй тоби, а нэ племя, гуляй на свой Бендери. Вин Нюру люблю, кажэ. Брэшэ вин, Вацька, так и пыцы!»

Вот вам и Нюра. Своим умом дошла до истины. Никогда никого не обманывавшая сама и не понимавшая лжи, она почувствовала ее интуитивно и даже поняла. Это было интересно, и это надо было видеть.

Нет больше Нюры на свете. Она прожила довольно долгую для своего состояния жизнь и внешне практически не менялась. Всегда с улыбкой на лице, не глупой, а приветливой, осмысленной и доброй. Всегда аккуратная и подтянутая, она так и осталась в моей памяти, да и в памяти всех, кто ее знал. Просто уверен, что у людей, кроме хорошего, о ней ничего другого не осталось, да и быть не могло.

Вообще-то, к таким людям надо относиться не как к обузе, а извинительно, с чувством сострадания и сознания определенной всеобщей вины. Но только так, чтобы они этого не замечали.

ЧАСТУШКИ

Напевы, какие-то короткие песенки есть у многих народов, но такого явления, как частушка, кроме русского народа, не имеет никто. Пусть простят меня и занимающие вроде бы первое место в мире по песенному творчеству итальянцы, и вроде бы вторые, родные мне, украинцы, но факт — есть факт.

Частушка — простое и гениальное, причем законченное и понятное всем произведение из четырех строк — русское достояние.

Как говорила моя бабушка Маня: «Дав Бог, та шей кынув!» По отношению к частушке: спел, как прилепил. Ни добавить, ни убавить.

Частушки — история и душа народа. И какие бы там новшества не появлялись на наших сценах, с песнями из трех слов и набором программной компьютерной музыки, частушка жила и будет жить, пока живы Россия и народ русский. Это неразделимо и неуничтожаемо, ибо вечно.

Середина пятидесятых. Сколько молодых людей буквально из всех республик и областей приехали на освоение новых земель Сибири и Казахстана! Каждый привозил не только умение работать, но и умение петь, играть, организовывать что-то. Шла ускоренная национальная и культурная ассимиляция. Немцы женились на русских и украинках, белорусы на казашках и немках. Все это сближало, объединяло, устраняло недопонимание и не выставляло приоритетов в каких-то национальных вопросах.

С высоты уже прожитых лет могу с абсолютной уверенностью сказать, что на основном, первичном уровне, среди людей никогда не было вопросов, связанных с национальной принадлежностью. Да, ходили анекдоты и песни, рассказы и басни, но, кроме всеобщего добродушного смеха, они никогда ничего другого не вызывали. Потому что замешаны были на добром и воспроизводились не целенаправленно, чтобы кого-то обидеть, а для всех.

Именно ребята из российских областей (Воронежской, Рязанской, Владимирской, Горьковской и других) привезли с собой на целину частушку, сразу пленив ею всех — как приезжих, так и местных жителей.

В моей родной Слободзее частушки были не менее популярны, чем в российских селах, поэтому мне, как гармонисту, в те времена не составляло труда аккомпанировать любому частушечному направлению. Ведь частушки бывают разные — веселые и грустные, девчончьи и женские, мужские и стариковские. Используются при этом десятки мелодий. Каждая область или даже район, часто имели свою интерпретацию известной мелодии или вообще свою мелодию. В большинстве своем, частушки были веселые и лирические.

Люди их любили, особенно местные, им это было диковинно и интересно. И они с нетерпением ожидали наши импровизированные концерты. Не часто, пару раз в месяц, по радиции шло сообщение в нашу бригаду: «Передайте Гурковскому, чтоб в эту субботу приехал в МТС, в баню». Это означало, что молодежь нашей центральной усадьбы хочет потанцевать. Мы запрягали бригадную кобылицу в обычный тарантас, а так как в основном ребята были приезжие, то грузились почти все на это транспортное средство, прицепившись, кто, где мог. Двое-трое размещались верхом на кобыле и шагом добирались за 18 километров в Ащелисай, на центральную усадьбу МТС. У меня было два гармоники — одну, купленную вскладчину, я держал в общежитии, вторая, МТСовская, была в бригаде для совершенствования. Мы подъезжали к общежитию, забирали гармонь и ребят, из тех, кто работал здесь, на месте, и ехали к клубу.

Вечерело. В клубе обычно в это время начиналось кино. Фильмы мы почти не смотрели: сперва шли в баню, а потом хотелось просто пообщаться, да еще ублажить местную публику, которая с нетерпением (мы это хорошо знали), ждала наших частушек. Обычно мы выстраивались в шеренгу человек в двадцать-двадцать пять: шли почти вполнину центральной улицы — от клуба до северного окончания ее, и пели. Туда и обратно — километра три. Так как мы шли, не спеша, то как раз успевали вернуться к клубу до конца сеанса.

В темные безлунные ночи зрителей-слушателей не было видно. Они стояли практически у каждого дома, ловили каждое слово. Смею заверить, там было, что услышать. Жаль только, что не хлопали. Неудобно, видимо, было. В светлые лунные ночи они тоже выходили, но стыдливо прятались в затененных местах.

Если частушку исполнять без купюр, то есть, такой, как она была рождена, то много чего можно было услышать. Но ребята старались подбирать то, что можно было петь на грани моральной допустимости, и это им удавалось.

Я всегда шел с гармошкой посредине. Справа — всегда Вася Самоделкин, коренной окающий волжанин, слева — всегда Виктор Морозов, парень из гармошечного города Шуя. Они были заводилами всего шествия. Они начинали, они заканчивали, они заполняли паузы при случайных сбоях.

Порядок был простой. Самоделкин, к примеру, начинает. Спел частушку — за ним тот, кто от него справа, и так — до конца шеренги. Как только спел последний, вступает Виктор, идущий слева от меня. За ним все, кто слева, по очереди. Закончили — опять идем вправо.

Чего только там не услышишь. Я знал сотни частушек разных стилей, так как играл непрерывно и не по одному разу. Иногда ребята импровизировали и делили частушку на две части. Запевает Самоделкин: «Меня милка попросила не бросать, пока есть сила», а Морозов подхватывает: «Да не брошу, не боись, смотри с другим не завались!» И так далее.

Такие концерты были редкостью — хорошо, если в одном месте на всю область. Просто нам повезло, что ребята собрались веселые, певучие, один к одному. Да и были они совсем другими. Ну, не без того, чтоб после бани сто граммов выпить, чтобы горло для частушек очистить, да чтоб смелее пелось. За все наши молодые годы в селе не было ни поножовщины, ни других серьезных случаев, тем более грабежей или разбоев, хотя почти половина приезжих, так или иначе, пришла условно-досрочно освобожденной. Не могли они ничего противоправного сделать, потому, что мы им этого не позволяли. Да и они сами, понимая, что к чему, шли за нами — и те же частушки пели, и на работе старались. А условия там не приднестровские — суровые. Поэтому — работа, музыка и песня, частушка. Пели от души, по-доброму, потому и слушали нас люди. Может быть, нажать кнопку магнитофона и проще, но мы — живые люди, и лучше было слушать музыку живую, тем более творить ее.

После нашего вечерне-ночного прохода по улице в клубе убирались скамейки. Я играл танцевальные мелодии, пока в полночь не гасили свет. Местные расходились по домам, а мы шли на конебазу МТС, запрягали свою кобылу и, уставшие, но довольные, тем же путем возвращались в бригаду, оживленно обсуждая прошедшие действия и события, постепенно затихая-засыпая.

Кобыла часа через три сама привозила нас в бригаду, и на этом наш частушечный десант завершался. А вскоре мы уже заводили трак-

тора и выходили в поле. Удовлетворенные ребята знали, что их будут ждать в очередные приезды, поэтому каждый готовился по-своему, старался вспомнить или просто обновить свой репертуар, я «шлифовал» пальцы на гармошке, то есть мы жили, и хотели жить. Может быть, и не все получалось, но мы так жили, и не жалеем, а гордимся теми годами, считая их непотерянными. И то, что частушка живет в народе и поныне, лишь подтверждает это.

МАРТЫН МАРТЫНОВИЧ

Думаю, эту быль можно было бы озаглавить «Просто люди», но я решил не обезличивать ситуацию и рассказать об обычном хорошем человеке, с кем надолго свела судьба. Мартын Мартынович Шотт в то время, о котором идет рассказ, работал со мной в бухгалтерии колхоза. Я — главным бухгалтером, он — моим заместителем. Мне было под тридцать, ему — за шестьдесят. Он работал в колхозе бухгалтером еще с войны, с того времени, как их, немцев, привезли с Украины. Он и там работал бухгалтером колхоза еще до войны.

До того, как меня заставили стать главным бухгалтером, я работал экономистом и сталкивался с Мартыном Мартыновичем постольку, поскольку это было необходимо по работе. Конфликтов у нас не возникало. Знал я его еще до армии, в основном по разным смешным случаям, и все. У нас же как? Обычное рабочее трудолюбие и исполнительность не замечаются, а любой промах сразу высвечивается и информационно размножается.

У Шотта была хорошая семья. Жена у него давно умерла, оставив дочь Веру и двух сыновей — Ивана и Петра, работавших в колхозе водителями. Он женился на местной украинке, у которой тоже было двое сыновей, Михаил и Петр. Кроме ребят, в семье росла и совместная рке дочь — Лида. Дети жили дружно, хорошо работали, потом переженились, поотделялись. Осталась со стариками только младшая дочь. Шотт, для удобства я буду называть его «дедом», считал работу в колхозе главной своей обязанностью. Этим и жил. Имел он определенные физические недостатки, проблемы были с руками — плохо поднимались, а так: все было нормально.

Первый раз я о нем услышал, еще работая в МТС. Ходил по селу такой полуанекдот. Дед одним из первых в селе купил «Москвич-407», сел за руль, сыновья завели машину, он тронулся и сразу же врезался в угол собственного дома. Тут же напустился на старшего сына: «Мишка, блат, (было у него такое сорное русское слово, употреблял его к месту и не к месту), зачем поставил руль на Херсон (село там недалеко было такое), не видишь, что дом стоит?»

С тех пор машина замерла возле дома на много лет, как сберкнижка — он и сам не ездил, и никому не давал. По характеру был сверхскупой, если не сказать больше, свехвспыльчивый и свехобидчивый, как и многие люди с какими-то физическими недостатками. Домашних своих часто доводил до ответных реакций, особенно пока все жили вместе. А когда дети разошлись по своим домам, то для вида с ним соглашались, а сами делали так, как им было нужно. Хотя относились к нему уважительно, несмотря на срывы.

На работу он приходил в шесть утра, шесть дней в неделю. Как заместитель главного выписывал доверенности и другие приходно-расходные документы. Каждый, кто брал доверенности и ехал по разным местам, обязательно получал у деда заказ что-то привезти. Отъезжающие между собой договаривались, кто совершит ту или иную покупку, стараясь исполнить поручение, чтобы не обидеть деда. Несмотря на его несносный, в общем-то, характер, все относились к нему достаточно уважительно.

А работники бухгалтерии старались его меньше задевать, чтобы не вляпаться в какую-то неприятность, потому что дед хоть и был физически не опасен, но мог наговорить, что угодно и при ком угодно.

Туговато у него было со слухом, а он, хотя и носил слуховой аппарат, постоянно делал вид, что не слышит, особенно, когда к нему обращались или о нем говорили. Один раз он все-таки разоблачил себя. Кто-то из женщин рассказал смешную историю. Все, кто были в бухгалтерии, дружно захохотали. Дед сидел невозмутимо, а когда все уже отсмеялись, вдруг ни с того ни с сего зашелся. Просто до него чуть позже дошла суть рассказанной истории. С тех пор девочки начали опасаться говорить о нем и при нем.

Его младшая дочь Лида окончила школу бухгалтеров. Мы взяли ее на работу кассиром. Колхозная контора была старая, еще времен коллективизации. Бухгалтерия занимала одну большую комнату. Здесь же находилась и касса. В колхозе тогда были трудодни, наличности в кассе — немного, поэтому кассир тоже располагался вместе с бухгалтерами.

Ее отчеты принимал и подписывал я, заместитель разносил их по бухгалтерским книгам и регистрам. Если ему что-то было непонятно, он через всю бухгалтерию кричал своей семнадцатилетней дочке: «Ты, блат, что ты тут написал?» Сгорающая от стыда кассир молча выходила в коридор отдышаться, а потом уже подходила к нему

на разбирательство. Многократно я просил его не клеить это слово ко всем, и все бесполезно.

Первый конфликт между нами возник из-за мелочи. Дед почти всегда приходил в бухгалтерию первым. Пока я схожу на утреннюю планерку в гараж, он готовит доверенности, выписывает ордера, накладные. Потом мы приходим, подписываем. Один раз подхожу к бухгалтерии, слышу грохот какой-то. Захожу — обомлел сразу.

Только вчера я привез новый полированный сервант и выбросил еще довоенные полки. Только вчера разместили там все бухгалтерские книги. А сегодня наш дед забивает в торцевую стенку серванта стодвадватимиллиметровый гвоздь. Забивает его круглой килограммовой гирей, у него ничего не получается, гвоздь уже согнулся, а он по нему лупит и по-русски ругается.

«Мартын Мартынович, что вы делаете?» — закричал я и забрал у него гирю. «А, блат», — отмахнулся он от меня и, измученный, сел.

Причиной такого безжалостного обращения с новой мебелью стало то, что мы загородили сервантом его «вешалку», огромный такой крюк, куда он вешал полушубок. Его он носил девять месяцев в году, не признавая ни весны, ни осени. На воротнике полушубка торчала вертикально огромная кожаная петля. Дед подходил спиной к торчащему из стены крюку, одевал на него петлю-вешалку и выскальзывал из полушубка. Одеваясь, он все проделывал в обратном порядке. Сделал я ему крюк еще шикарнее, приладил рядом со столом, и на этом инцидент был исчерпан.

Все бы ничего. Но с каждым годом объем работы колхозной бухгалтерии значительно возрастал. Шли новая техника и запасные части к ней, расширялось строительство. Дед постепенно становился тормозом учетного процесса. Дело еще было в том, что из-за неразвитости рук писал он в одну сплошную строчку, без заглавных букв и знаков препинания. При возрастающем объеме и увеличении всех видов отчетности это становилось проблемой. Дело доходило до анекдотизма.

При проведении годовой инвентаризации председатель комиссии Володя Клевако, он же председатель ревизионной комиссии колхоза, попросил деда, чтобы он приготовил инвентаризационную опись по складу запасных частей. Тот подготовил. Среди прочих материалов в списках значился самокал, это материал для токарных резцов, сродни победиту.

Клевако — человек, не лишенный юмора, но когда подписывал ведомость, споткнулся на слове «самокал». Пришли к деду. «Что это, мол, за слово «самокал?» «Вы, блат, дураки, — тут же парировал Шотт, — не самокал, а самопал, не видишь, что ли?» Клевако покрутил-покрутил ведомость в руках и, не зная, как поступить дальше, вместо слова «самопал», написал «ружье». Ну, откуда в наше время самопалы на колхозном складе объявились?

Пришли на склад. Кладовщик Володя Бойко говорит: «Вы шо, ребята, у мэнэ николаы на склади рркья нэ було. Идить, разбырайтэсь».

Комиссия опять к Шотту нет, мол, на складе ни самопалов, ни ружей. Когда дед взрывался, то его язык опережал разум «Вы, что, блат, все там дураки? — закричал он, — не самопал, блат, а са-мо-свал!» «Такий же самосвал на складе запчастей?» — пытался возразить Клевако. Дед пошел вразнос, начал показывать членам комиссии дули с обеих рук, плеваться.

Это было последней каплей. Клевако подал докладную, председатель вызвал меня. Что было делать? Другой уже сам давно бы ушел. Шесть лет как на пенсии. Но у него не было иной жизни, кроме работы. Я прекрасно понимал это и чисто из этических соображений не принимал решения, постепенно снимая с деда нагрузку и принимая ее на себя. Я все-таки ждал, что он сам уйдет. Но он не собирался этого делать. И тогда я вынужден был обратиться к своему районному начальству с просьбой провести у нас переаттестацию бухгалтерских работников. Через день из района получили телефонограмму, в которой говорилось, что тогда-то у нас будет переаттестация, готовьтесь.

Узнав об этом, Шотт внимательно посмотрел на меня и сказал: «Ну, ты хорош, блат, что, хочешь меня выгнать?» И на другой день больше на работу не пришел. Первое время мы даже скучали за ним, потом пришли новые люди, и все встало на свои места.

Казалось бы, инвалид первой группы, дети все работают, что еще надо, а он полвека практически ежедневно шел на работу, и не отсиживал часы, а, исходя из своих возможностей, выдавал по максимуму. Таким он и остался в нашей памяти. А то, что характер был такой, так разве это самое главное?

СОСЕД

Выбирая дом, сперва выбери соседа — гласит мудрость. Скорее всего, так оно и есть. Разные по жизни были соседи, хорошие и не очень. Приходилось как-то сосуществовать — куда денешься, жить-то надо.

Расскажу об одном из моих бывших, довольно многочисленных соседей только потому, что это особая ситуация, для примера. Нестандартная для нас, славян, но в какой-то мере классическая — для других наций.

Жили мы огород в огород. Соседа звали Иосиф, фамилия созвучная с моей — Рунковский. Был он то ли из ополячившихся немцев, то ли из онемечившихся поляков, но считал себя чистокровным немцем и гордился тем, что в отличие от своих сверстников, тоже немцев, пережившихся на девушках других национальностей, имел жену — чистокровную немку.

Иосифа, как и многих других немцев — бывших колонистов с Украины, Поволжья и других мест, с началом войны депортировали подальше на восток. В Казахстан и Сибирь.

В тот критический период власти посчитали, что оставлять людей немецкой национальности при приближении немецких войск, — чревато непредсказуемыми последствиями и еще более усложнит положение советских войск, у которых могут возникнуть серьезные неприятности и с фронта, и с тыла.

Депортация была проведена оперативно и жестко, если не сказать, жестоко. В тот период, когда германская армия наступала по всему фронту, от Карелии до Крыма, разбираться, кто лоялен, а кто нет, было некогда, да и некому. Поэтому всех гребли одной политической гребенкой — мужчин и женщин, стариков и детей. Ситуация на фронте не давала возможности обращать внимание на гражданское население, а уж к тем, в ком подозревали потенциальных врагов, внимание и отношение было соответствующее их официальному статусу.

Много бед обрушилось в то время на головы этих вынужденных переселенцев. Около трети из них не выжили еще в первую зиму, то есть во время выселения.

Но немцы — есть немцы. Они работали, сперва в специальных резервациях, затем на вольных поселениях. Они оставались верными своим национальным традициям, своей вере, не растворяясь в ставшем им чужим и чуждом в одно время, большинстве. Лишенные элементарных политических прав, а их не брали в армию, не избирали в политические органы, не позволяли вступать в партию, комсомол, не ставили на руководящие должности, не выдавали паспортов и не разрешали выезжать за пределы определенного села, района, без специального разрешения. До 1956 года они просто были никто.

Выглядело это довольно странно и дико. Лучшими работниками на производстве, как правило, были немцы, а награды и льготы получали совсем другие люди. Но рассказ не об этом.

Как человек, близко знавший многих из тех немцев-переселенцев, могу сказать, что большинство из них понимало ситуацию и не обозлилось на власть и окружающих людей. Они просто жили своей жизнью, доказывая свое право на достойное к себе отношение. И добились своего.

В основной массе, работавшие рядом с нами немцы, в пятидесятые-восьмидесятые годы были нам добрыми друзьями, сослуживцами, соседями и даже родственниками. И все же они старательно сохраняли и развивали свое, врожденно-наследственное — точность, аккуратность и в то же время — индивидуализм, эгоизм и расчетливую, если хотите, жадность.

Подавляющее их большинство было не склонно к пьянству, тем более на работе. Чисто немецкие компании гуляли вокруг одной бутылки водки, в то время как русские соседи на гулянку брали, минимум, по бутылке на участника, включая молодежь.

Вот мы и подошли к одной из характеристик моего соседа, даже не как немца, а как человека. С его скупостью я познакомился еще в пятьдесят шестом году, когда мне довелось таскать трактором два его комбайна. Он тогда работал на сцепе двух прицепных комбайнов и выделялся лишь тем, что в целях экономии, в бригаде не питался всю уборку. Утром и вечером мы кушали в бригаде, обед нам привозили в поле, а он в это время что-то доставал из огромной дерматиновой сумки и в стороне жевал. В бригаде он брал только чай. Повар наливал бесплатно, то есть за наш общебригадный счет.

Лет через десять, работая уже главным экономистом, пришлось мне снова сесть за штурвал комбайна. Пришла новая техника, сажать

на нее было некого, собрали всех, кто когда-нибудь убирал, завскладами, механиков и т. п.

Мне, как главному экономисту, одновременно парторгу колхоза, даже интересно было вспомнить молодые годы. Тем более, все под рукой — и косишь со своими бывшими коллегами по работе еще в МТС, и побеседовать всегда молено на любую тему, и норму выработки уточнить сразу по ходу уборки.

И вот тут — классика. Едем как-то утром на машине в бригаду, комбайнеры — человек тридцать. И тот самый Иосиф Рунковский, тогда уже мой сосед, вдруг громко заявляет: «О цэ, вчора прыхав вэ-чером дудому, а жинка взяла бутылку пыва в столови. Я жажнув пив-бутылкы. А вэчиром прыиду, жажну, що осталось». Все, кто сидел на скамейках, моментально оказались на полу кузова и корчились от хохота. И не потому, что Иосиф выдал какую-то хохму. Он говорил не на публику и не для похвальбы, а говорил обычную правду. Ребята, для которых и бутылек пива в три литра не считался за норму, зная его патологическую скупость и жадность, были просто растроганы и поражены таким его откровением.

Но самое интересное случилось еще через несколько лет. Где-то часов в двенадцать ночи к нам зашел в гости тогдашний главный зоотехник колхоза, Каркулов Бахиткерей, с женой. Шли из гостей, а у нас свет горит, ну, и заглянули на огонек. И тут у нас появились проблемы. С едой не возникали, а вот со спиртным в селе в то время всегда была напряженка. Я говорю жене: «Пока я их раздену и приготавлию стол, сбегай к соседям, лучше к Рунковским, у них должна найтись хотя бы бутылка водки». Знал же я, зачем пожаловал гость.

Ясная морозная ночь. Половина первого, жена пошла через огород к соседям и минут двадцать стучала во все окна. Наконец, через сарай вышла жена Иосифа. Моя говорит: «Извините, к нам пришли гости, не найдется ли у вас бутылки?» «Есть», — отвечает соседка и через пару минут выносит пустую поллитровку. «А полной у вас нет?» — спрашивает наш посыльный. «А, нет, полной нет», — неуверенно отвечает соседка.

В итоге я извинился перед гостями. Попили чаю, и они ушли. Потрясенный, я не стал наутро никому об этом говорить, потому что ничего нового в этом не было, да за себя было неудобно. Надо всегда готовым к приходу неожиданных гостей.

А, в общем, соседи у нас были хорошие...

КАКОЙ СЕГОДНЯ ПРАЗДНИК?

(Юмореска)

Такое-то небольшое углубление вместо окопа Я, безоружный, лежу в нем, ожидая нападения противника. Шум и крики наступающих усиливаются. Наконец, показалась и начала стремительно приближаться толпа вооруженных людей, как оказалось позже, женщин из какого-то спецназа С засученными до локтей рукавами черных гимнастеров, снайперскими винтовками наперевес, раскрасневшимися возбужденными лицами и с дорогими сигаретами в зубах. Когда они черным облаком пронеслись надо мной, показались танки. Они приблизились с таким ужасающим дребезжанием, скрежетом и лязгом, что я прижался к ледяной земле, пытался втиснуться в нее, раствориться, исчезнуть. Но когда головной танк достиг меня, и зализанная передняя часть его гусеницы нависла над моей головой, чтобы через секунду сделать из нее мокрое пятно, — я проснулся...

Лучше бы меня танк раздавил! Телом я не управлял, голову сковали десятки раскаленных металлических обручей, во рту было суше, чем в пустыне Сахара в полдень, а по моим иссохшимся, с глубокими трещинами губам можно было подумать, что еще сохранились на земле комнаты пыток.

Через несколько секунд я все-таки убедился, что остатки жизни во мне сохранились, и что я лежу на полу своей собственной кухни, головой к холодильнику, к его тыловой части, там, где находится компрессор. Это его лихорадочная тряска перед отключением и разбудила меня. Имея за плечами определенный опыт и с верой в презумпцию невиновности «лежачего не бьют», я постепенно начал возвращаться из небытия в реальность.

Почему я лежу на полу в кухне — тут все было понятно. Непонятно, какой сегодня день. Судя по моему состоянию, праздник. Но какой? Ответ мог быть только двузначный: или Новый год, или 8 Марта. Почему так? Да потому, что у нас на работе все многочисленные праздники отмечают более сдержанно, а эти два, Новый год и 8 Мар-

та — как наваждение какое-то. Все доходят до «высшей» меры или «нормы». А какая у наших людей норма? Когда больше нету, выпивки, разумеется. Тут уж, кто кого: или мы меру, или она нас!

Судя по цветам на столе и отсутствию крови (на Новый год, падая здесь же в кухне, я сломал руку о свой подарок — набор кастрюль), сегодня было 8 Марта

Легкий стыд на мгновение смутил мою душу. Который год обещаю жене 7 марта просто придти домой, без ничего, хотя бы трезвым и — никак. С тех пор, как пошел на работу в этот чертов магазин, ни одного Нового года, ни женского дня ни разу толком не встретили.

Вот и опять. Лежу, слушаю. В своей комнате теща храпит, этот ужасный звук ни с чем не перепутаешь. Жива, значит. Ну, раз теща спит, значит, все в квартире нормально. Сын у нас уже взрослый, отдельно живет, а мы в двух комнатах втроем перебиваемся: я, жена да теща — как непреходящее красное знамя, на вечном хранении. И чего она меня так не любит?

Пока я на заводе работал, еще как-то ко мне относилась, а в последние десять лет, когда из-за зарплаты в магазин грузчиком перешел, — вообще житья не стало. Все грузчик да грузчик! А потом началось — принеси то, достань это! Да принести не трудно, но как взял какой-то деликатес, тут же заведующая: «Распишись тут, распишись там». Несколько раз за месяц распишусь — а в конце высчитывают, и получать нечего. Опять скандал. Пока приносишь — незаметно, а как зарплаты нет — теща первая свару закатывает.

Слегка повернулся на другой бок, на вытяжке над плитой часы полседьмого показывают.

На столе в банке с водой два вялых цветка стоят. Неужели я их принес? Я же эти калы не перевариваю! Рядом, на скатерти, какие-то мятые деньги разбросаны. Это жена, наверное, карманы мои проверяла, знала ведь, что зарплату должны к празднику дать. И что там, интересно, осталось? Рублей десять-пятнадцать, не больше. Мало того, что удержали за все, так еще к женскому празднику подчистили. Специально и зарплату всегда подгадывают к седьмому числу, чтобы, как говорится, полную зачистку сделать.

Представьте себе, на работе нас мужиков: я да Гриня, грузчики-предпенсионеры, да трое охранников помоложе, а женщин, еще молодых, двадцать пять, не считая заведующей — а она по способностям, возможностям, запасам и габаритам за весь коллектив потянет.

Вот и попробуй тут обеспечить их цветами, да подарками при таком соотношении. Хозяин, конечно, что-то на праздник подкинет, но все равно основная масса проблем всегда на наши головы сваливается. И не только в материальном плане.

Девчата у нас, в принципе, хорошие, веселые, да и не все замужем. Они пока не выпьют, — гляди и радуйся, а как попробуют чего-нибудь крепенького, да разных видов и сортов, то от них можно ждать, чего угодно.

Хозяин, хотя и моложе нас, но человек солидный. Пока он непосильным трудом собирал капитал на свои десять магазинов, то зарабатывал себе попутно и язву, и геморрой, и гайморит, и печень, и поджелудочную. Все, что угодно, у него теперь есть, кроме зубов. Так он на праздник появится, поздравит всех, выпьет воды минеральной и тихонько исчезнет, ему еще в другие точки надо. Пока он есть, девчата тише воды, а как только уйдет, собственно праздник и начинается. И с каждой рюмкой все интереснее. Видели по телевизору «Фабрику звезд»? Так вот, у нас еще похлеще, только в роли звезд чаще всего мы с Гриней выступаем. Для девчат это вроде как развлекательная программа, а для нас двоих — тесты на выживание. Охранники в стороне — они как бы на службе, а на нас все действие обыгрывается. И уйти не уйдешь, заведующая мигом через день выставит. Вот и играем в такие игры. Девчата нам внимание — и белые танцы, и тосты, и платочки с поцелуями. Тут с ума сойти можно. И не пить нельзя, и не пить нельзя, да, собственно, ничего нельзя, и все можно. Причем, когда какие-то индивидуальные торжества (дни рождения и т. п.), то размах, конечно, небольшой, а когда праздники общие, да еще на халяву, как говорится, то тут нашему коллективу равных нет. Особенно тяжело в так называемые сплошные выходные. Не знаю, кто их там придумывает. Под себя что ли? Они, может, и отдыхают, даже куда-то выезжают на природу, или еще куда. А мы-то в магазине работаем и каждый выходной, как обиженные, отмечаем. Ничего, втянулись. Так я, токарь-карусельщик шестого разряда, и Гриня, мой бывший мастер цеха, — и живем. А иногда и на полу, как сегодня, лежим. Стыдно, конечно, но, что есть, — то есть.

Думал встать и идти к жене в спальню, поздравить, но не успел, теща вошла, переступила через меня по пути в туалет. Лежу, похрапываю, прикидываюсь. А они уже в нашей комнате разговаривают. Теща шипит: «Принес твой кал два кала — цветка, это он мне напо-

нить, что пора, мол, уходить». Жена, умница, меня защищает: «Мам, да это же он нам с тобой по цветку принес, где-то ночью цветы искал. Да и денег у него, видимо, мало осталось, все на работе пришлось израсходовать. Ты же знаешь, сколько там у них женщин, по пять на каждого».

И тут мне так стало жалко жену, так захотелось встать, подойти, обнять и извиниться... Но, во-первых, я был не уверен, что встану, а во-вторых, знал, какая будет реакция у тещи. «Нет, — думаю, буду держать марку, пусть переступают через меня, я выдержу. Может, даст Бог, теща куда-то уйдет, а там...»

Позвонил телефон. Оказалось, сын звонит снизу из автомата. Сейчас поднимутся к нам — он, невестка и внук. Из-за невестки пришлось жене с тещей перетаскивать меня из кухни в спальню. На вопрос внука: «Где дед?», жена (ох, умница!) сказала, что я дежурил до шести утра и теперь отдыхаю. А я лежал и в одиннадцатый раз за последние десять лет давал себе железную клятву на следующее 8 Марта сделать жене настоящий праздник! Я ее (клятву) повторял, как волшебное заклинание, непрерывно, пока вдруг не вспомнил, что всего через два месяца придет месяц май, что во второй его половине у жены будет день рождения, но перед этим опять надо пережить полмесяца праздников, выходных... И на меня снова поехали танки...

СЕРИАЛЫ

Как сказал когда-то наш политический классик — «из всех искусств для нас важнейшим является кино». И если в его время это было неопровержимо, то с развитием телевидения значение последнего в человеческом обществе возросло неизмеримо. Ежедневная направленная видеопропаганда чего-либо — красивой и легкой жизни, колготок или прокладок, насилия или «разумного» секса, помимо нашей воли втягивает нас в этот «познавательный» процесс. Причем, без различия пола и возраста, убеждений и вероисповедования.

Расхожая демократическая версия: «Пусть смотрят все, что угодно, а потом выбирают то, что им нравится» — нам не совсем подходит. Если в семье мать болеет, а отец не имеет работы, детям не в чем и не с чем идти в школу, а по телевизору показывают их сверстников, раскатывающих на машинах и ежедневно меняющих наряды, то можно с абсолютной точностью предсказать, что ждет этих и им подобных (наших) детей в будущем.

Как бы то ни было, телевидение сегодня играет главную роль в средствах массовой информации по степени влияния на сознание людей. В какую сторону — это уже не важно, для данного рассказа, в частности.

В конце прошлого (XX) века и в наших программах появились многосерийные телевизионные фильмы, так называемые сериалы. Раньше как было? Одна-две, максимум, четыре серии, и все ясно. А теперь сотни серий, но полной ясности для зрителя так и нет. Причем, не дожидаясь окончания одного сериала, телеканал начинает показ другого или нескольких, вакуумно втягивая нас в очередную сеть примитивных сюжетов. И так — бесконечно.

Сегодня процентов 20—25 телевизионного времени занимают сериалы. Ну, это общеизвестно, и никуда от этого не денешься.

Моя задача — не комментарий нужности или ненужности сериалов, а отношение к ним нас, зрителей. На мой взгляд, главными особенностями сериалов являются их продолжительность и «право». При-

чем никто не принимал никакого решения по узакониванию этого права — ни власти, ни муж там или жена в семье.

Это право появилось само, как бы упало с неба и обсуждению не подлежало. С появлением у нас в девяностых годах западных (мексиканских, бразильских и т. п.) сериалов, большинство из которых абсолютно пусты по сюжетному, тем более идейному наполнению, появилось и право.

Если бы какая-то хозяйка в течение нескольких сот дней в одно и то же время смотрела разные фильмы, то муж или кто-то старший, обязательно сделал ей замечание-внушение: «Что ж ты ужин не приготовила (не постирала, не доубирала, не домыла детей, не подоила корову и т. п.), а сидишь, кино смотришь!» А вот она бросает все и смотрит годами сериал. Никто далее и не думает делать ей (или ему) замечание! Вот наш менталитет!

Как только появились сериалы — доярки начали оставлять коров, трактористы прекращали пахать. Все бежали к телевизору. Вот что такое — его величество «право». Как всегда, часто все это доходило до абсурда, но отказаться от этого права не хотел никто, скорее всего потому, что перед ним все были равны, богатые и бедные, сельские и городские. Случались как комичные, так и грустные истории, связанные с просмотром этих самых сериалов.

Расскажу для иллюстрации несколько случаев из моей жизни, связанных с этой правовой «болезнью». В девяносто третьем году довелось мне отдохнуть в санатории «Шаян» в Закарпатье. Тираспольский завод «Литмаш» имел там свою долю, и купить туда путевку, тем более зимой, не было проблем.

Мне назначили массаж шейной области позвоночника. Массажист — молодая девушка. Один сеанс в то время стоил — 5000 украинских купонов. Я сидел на стуле, положив руки на его спинку. Девушка, стоя позади меня, массажировала шею. Так было по технологии. Но вмешалось одно обстоятельство — сеанс массажа совпал с началом какого-то очень уж лирического сериала. На столе, у которого я сидел, стоял небольшой телевизор «Электроника». Показывал он неважно, это вынуждало напрягать зрение и слух. Видимо, поэтому девушка-массажистка, вся поглощенная сериалом, нет-нет, да и обнимала меня за шею и просто обвисала на мне. Потом спохватывалась, снова работала пальцами, затем снова обнимала.

Не могу сказать, что это было мне неприятно, но я все-таки ходил на массаж, а в коридоре ждала своей очереди, правда, к парню-массажисту, жена... Это продолжалось дня четыре. Но так как для меня не было ни массажа, ни продолжения, пришлось прекратить эту процедуру. А память осталась. О сериале, естественно.

Второй случай был еще раньше и более прозаичный. Стояли у меня в подвале два новых молочных бидона. Решил помыть и приготовить под муку на зимний период. Поставил у гаража сушить на солнце. И тут жена вспомнила, что в полдень сериал начинается. Кажется, то была «Рабыня Изаура», ее у нас днем показывали. «Давай быстрее, идем, пообедаем, отдохнем, а потом продолжим работу в подвале». Я знал, что ей надо сериал смотреть, но поплелся домой. Через 50 минут, подойдя к гаражу, увидел, что бидонов нет.

«Черт меня дернул через столько лет мыть их именно сегодня», — грустно подумал я, но промолчал. Видно, не все на нашей обособленной территории смотрели сериалы.

Ну да что там бидоны! В одном из совхозов НПО «Днестр», где я раньше работал, в те же годы случилось гораздо худшее. Приезжаю вечером в виноградарскую бригаду. Смотрю, у плантации сидит человек, как после выяснилось, тракторист, и плачет.

Я думал, какое-то семейное горе. А он перестал плакать, зло засмеялся и говорит: «Та кино там жинка хвалыла дуже, многосерийне про любов, чи шо. Так я трактор с лодкой, нагруженый виноградом оставыв, як раз вин заглох на пидьеми, а в мэнэ пускач нэ робэ. Думаю, пойду на лисапети до дому, тут пять минут. Визьму нову свичу, заодно и поим. А там ще то чортовэ кино. В общим, прыхав, нэма ны трактора, ны винограда. Даже часа не прошло. Хтось завив с буксиру наверно. Вот так. А до граныци з Україною пивкиломэтра. И ныхто ничего нэ бачив и нэ знае».

Такие вот истории — и веселые, и грустные. А сериалы плодятся в геометрической прогрессии. Пошли уже и «наши» российские, не менее примитивные, чем зарубежные. Так что, будьте бдительны, люди. Не всегда эфирное время работает с пользой. Не только его смотреть, но и за ним смотреть надо.

ПОЗОР ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Январь шестьдесят седьмого года. На улице — сильнейший буран. Меня вызывает наш председатель колхоза. «Сейчас, — говорит, — позвонили из райкома партии. Мы с тобой едем в Актюбинск, а там вечером на поезде в Алма-Ату. Какое-то большое республиканское совещание собирают. А у нас не на чем и не с чем ехать. Машина на ремонте. В кассе нет денег. Третий день никуда не выберешься. Давай собирайся, через час Моро обещал за нами заехать. С ним и отбудем».

Я побежал домой, кляня в душе все руководящие органы вместе взятые. Ну, неужели республиканское совещание только сегодня назначили? Хотя бы за несколько дней предупредили. Но что делать? Заняли у сельпо деньги. Дали они по триста рублей, больше выручки в магазине не было. Заехал за нами Моро Владимир Дмитриевич, директор совхоза из соседнего села Алимбетовка, и мы двинулись под сопровождением нашего трактора в областной центр. По пути заехали к младшему брату председателя, Каструбину Василию Ионовичу. Он председательствовал в бывшем нашем райцентре, в селе Кос-Истек, по-новому — Ленинском. И уже все вместе потянулись дальше.

Моро был прекрасный человек, из ростовских греков, веселый, общительный. Мы с ним всегда находили общий язык. «Знаешь, Вася, — говорил он, — ты из-под Одессы, я из-под Ростова. Одесса — мама, Ростов — папа, а мы, выходит, их дети». Когда мы встречались, он обязательно спрашивал: «Ну, как там тетя Маня, еще торгует на Привозе бычками?»

По дороге в Актюбинск Моро тоже посетовал на внезапность выезда и добавил, что он заехал на птицеферму, взял там пять кур, отрубил им головы, и теперь эта бывшая живность в перьях валяется в багажнике автомобиля.

После обеда мы добрались до обкома партии. При регистрации нам объявили, что через два дня в Алма-Ате начнется республиканское совещание, посвященное успехам в сельском хозяйстве прошлого, шестьдесят шестого года. Десять лет страна ждала от Казах-

стана такого хлеба. Первый миллиард пудов Казахстан выдал в пятьдесят шестом году. Тогда было море зерна, но половину его сгноили на токах в глубинных хлебоприемных пунктах и на элеваторах. Всю зиму с пятьдесят шестого по пятьдесят седьмой мы после работы ночами возили зерно с глубинных токов, где оно уже было принято в счет государственного плана. А потом всю весну вывозили с элеваторов черное, от самовозгорания пропавшее зерно и рассыпали по балкам и ущельям.

Сколько труда тогда пропало! Наша область посылала комбайны в помощь соседней Акмолинской (тогда Целиноградской) области. Мы косили уже в морозы, когда пальцы примерзали к штурвалу, а за ворот, нет-нет, да и снежок сыпал. В невероятных условиях лепили тот первый миллиард, и все пошло прахом.

Но это случилось десять лет назад. В шестьдесят шестом были совсем другие условия, и реальный хлеб. Построены поселки, зернотока, элеваторы и склады, дороги. Совершенствовалась уборочная и зерноочистительная техника. Улучшилось обеспечение транспортом и людьми. Было, конечно, много безалаберности и ненужных потерь, но цель оправдывала средства. Новый миллиард-66 уже был, повторяю, реальным миллиардом.

Люди выложились полностью. В одном нашем колхозе работало более сотни комбайнов, а были совхозы, где комбайнов выходило в 2—3 раза больше.

Уборка зерна в таких масштабах — это действительно фронт, которым нужно было оперативно и умело управлять. На востоке для уборки отпускается природой месяц-полтора, август—сентябрь. Дальше рке риск, а не уборка. Дожди, потери и никому не нужные проблемы.

Уборка-66 завершилась удачно. Бог не обидел с погодой, в общем, все вышло нормально. И вот теперь в столицу республики собирают всех причастных к большому хлебу. Председатели колхозов и директора совхозов, секретари парторганизаций, первые секретари райкомов и обкомов, председатели райоблсоветов, начальники управлений сельского хозяйства всех уровней, ну и все, кому положено обычно присутствовать по статусу на таких мероприятиях, — депутаты, герои, представители сельхознауки и т. д. Такого масштаба совещание давно не проводилось, сказали нам в обкоме партии, поэтому надо нашей области показать себя.

Не сообщили о совещании раньше из-за соображений безопасности, ведь выезжают практически все первые лица — снизу доверху. Как бы оголяется на время вся республика, а совещание будет не менее пяти дней. Обещает быть Л.И. Брежнев.

О солидности форума и принятых специальных мерах говорили долго. В конце объявили, что для двух соседних областей, нашей Актюбинской и Уральской, выделен специальный поезд. Так как людей много, то вагоны плацкартные, кроме трех. Три купейных распределены следующим образом: по одному выделено для района, сдавшего государству больше всех зерна в абсолютном исчислении, а в третьем вагоне поедет руководство обеих областей.

Купейный вагон достался по нашей области Ленинскому району, победителю соцсоревнования по сдаче зерна, как в процентном, так и в абсолютном выражении.

Ленинский район — это наш район. Так что мы поедem в купейном вагоне. Ну, и за это спасибо, потому что наш северо-восточный, как говорят сегодня, «русскоязычный» район обычно старались не замечать, а уж тем более, не хвалить. А если уж нельзя не хвалить, то сквозь зубы.

За два часа до отправления поезда мы должны были быть на вокзале, снова перерегистрироваться и ждать прихода поезда из Уральска.

У братьев Каструбиных в Актюбинске жила сестра Татьяна. Поэтому мы вместе с Моро и его парторгом заехали к ней. Пообедали, помылись после тяжелой бурной дороги, очистили от перьев, разделили и слегка обварили алимбетовских кур, и к назначенному сроку прибыли на вокзал. Каструбин-старший говорит: «Ехать нам двое суток, пойдй, Василий, возьми пару литров водки, еда у нас есть, на дорогу хватит». Я так и сделал.

В связи с бураном, заносами и нулевой видимостью поезд запаздывал. Но мы относились к этому спокойно, оккупировав вокзальный ресторан. Лучше и теплее места для ожидания в такую погоду вряд ли можно найти. Естественно, общались. Многие знали друг друга по работе или учебе. Давно не виделись. А область была немаленькой. Ровно в десять раз больше бывшей Молдавской ССР.

С опозданием, но подошел-таки поезд. На посадку выделили где-то минут сорок. Мы заняли выделенный нашему району купейный вагон и поехали.

Не обошлось без эксцессов. Поезд шел с севера Между Соль-Илецком и Актюбинском есть станция Мартук. Там же — районный центр. Когда поезд в Мартуке на несколько минут остановился, первый секретарь их райкома, погрузив всех своих в выделенный району плацкартный вагон, нахально вломился в наш, купейный. И уже в нем поехал в Актюбинск. Вместе с женой, старухами какими-то, он занял одно купе, закрылся изнутри и не выходил на наши уговоры. Вагон его района был рядом, но секретарь, я не буду называть его фамилии, был с чванливо-байским характером, посчитал оскорблением для себя ехать в плацкартном вагоне. Скажу сразу, что он наверняка проклял ту минуту, когда решил вломиться в наш вагон, так как сделал себя в определенной степени заложником ситуации. Позже все станет понятно.

Мы с Каструбиным, его братом и их парторгом заняли купе, обустроились, разложились, ну и, конечно, решили перекусить перед сном. День был тяжелый, впереди двое суток, поезд специальный, скорый. Останавливается на больших станциях, где меняются бригады. Никто из пассажиров не выходит и не заходит. Все разошлись по своим купе. Ну, прямо идиллическая, тихая обстановка.

Только разложили свои запасы, достал я бутылку водки из взятых четырех, как в купе зашел первый секретарь нашего райкома партии, Карюк. Держался он тогда соответственно гордо. Как-никак;, лучший район в области по заготовкам зерна, ну, а лучший колхоз в районе по этому показателю — наш, «Передовик». Поэтому и зашел к нам.

«А, куркули, обосновались тут, — зашумел он, — а ну, попробуем, что вам тут из дому за деликатесы понакладывали!» И сел на полку.

Но у нас же как, где голова — туда и все остальное тянется. Через несколько минут заходит второе лицо, председатель райисполкома, Биржанов, весельчак такой был. За ним — начальник райсельхозуправления. Ну, и пошло. Выставил я свои четыре бутылки, выложил Каструбин-младший все свои запасы, а гости все прибывали и прибывали. Постепенно весь район был или внутри или вокруг нашего купе. Половина втиснулась внутрь, а вторая половина, с постоянной ротацией, крутилась возле. Из всех купе несли к нам, что у кого было, и лилось всеобщее районо-вагонное веселье.

Замечательные ребята, после стольких трудов, бессонных ночей и решения тысяч проблем, они сегодня расслабились и просто отдыхали. Уже не было ни первых секретарей, ни руководителей и парторгов. Были просто люди. Нормальные веселые люди, люди-победители.

Только каждый из них знал, как ему достался прошлогодний хлеб, но сегодня они отдыхали. Пошли анекдоты и были, представления и песни, танцы в узком вагонном коридоре под расчески и перезвон бутылок и даже борьба, силовая борьба — рука в руку, купе на купе.

Это была празднично-веселая ночь без сна. Но если мы не спали по причине веселья, то секретарь чужого района со своей семьей не спал из-за нас. Мало того, кто-то во время танцев обнаружил в коридоре углубление, в виде ящика с крышкой. Его секретарь из Мартука неосмотрительно использовал в качестве холодильника. Когда мы его обнаружили, там оказался сетчатый ящик для бутылок, половина ячеек была занята кефиром, а половина — дорогим коньяком.

Пришлось позаимствовать сперва одну, а потом и все остальные бутылки, так как где-то часам к трем запасы спиртного у всех закончились. Мы подумали, что незваный сосед наш ночью пить не будет, а утром мы ему все восполним.

К сожалению, это не так-то просто оказалось сделать. Поезд шел без остановок, а там, где все-таки останавливался, все было закрыто. Ситуация усугубилась еще и тем, что утром как-то незаметно исчез из подпола и весь кефир. Сосед, конечно же, поднял шум, но пока он на стоянке в Кызыл-Орде, брился, мы возместили ему все потери.

В общем, ночь отгуляли, за день отошли и на вторые сутки уже готовились к столице. У нас было интересное местоположение. От Ак-тюбинска до союзной столицы Москвы — 1800 километров, а до республиканской столицы Алма-Аты — 2200 километров. Расстояния впечатляют, конечно. Поэтому и ехали двое суток.

На вокзале в Алма-Ате нас встречали уже не как победителей, а как серийную необходимость. Многих из нашего поезда встречали знакомые и родственники при шикарных по тем временам машинах.

Наш пролетарский район-передовик на каком-то стареньком «ПА-Зике» завезли на постой в общежитие сельхозинститута. Разместили по четыре человека. Мы с Каструбиным, да Моро со своим парторгом поселились в одной комнате. Моро навязал мне еще на вокзале сумку с пятью недоваренными курами. Я повесил сетку с птицей за окном. Четвертый этаж, куда они денутся? Утром поехали во Дворец спорта. Народу уйма. Как объявили, в совещании принимало участие пять тысяч шестьсот человек. Такого форума Казахстан еще не знал, далее по той простой причине, что и собрать-то было негде такую массу людей, пока не построили Дворец спорта

Докладчик, первый секретарь ЦК компартии Казахстана Кунаев, вначале посетовал, что из-за каких-то важных международных проблем не смог приехать лично Леонид Ильич Брежнев, но зачитал от него приветствие и благодарность всем нам за работу. И еще добавил, что именно по инициативе Леонида Ильича специально для нас собрали самые дефицитные товары. В центральном универмаге и магазине «Детский мир» в воскресенье можно будет их приобрести. Вход в магазины по спецпропускам, выданным при регистрации. В воскресенье эти торговые точки работают только для участников совещания. Его запланировали на пять дней, включая показательные поездки, бега на ипподроме и культурную программу по вечерам. В первый вечер в концерте принимали участие лучшие творческие силы Казахстана. Кого ни объявят, то народный артист СССР, то республики.

Раньше у нас была такая культурно-национальная политика, что труднее всего получить звание народного артиста СССР было именно русскому по национальности. Ну, может быть, талантов с такой национальностью было мало?! Не знаю. Но так было, к сожалению.

Вечером первого дня, после концерта, мы вернулись в общежитие. Каструбин ушел навестить друга, который тогда в ЦК работал, а раньше они вместе в райкоме служили. Остались мы в комнате с Моро. Тот походил по коридору, а там изо всех областей ребята, вернулся и говорит: «Слушай, Вася, а куда ты моих кур выбросил?» «Да за окном висят. Пропали, наверное, утром приморозило, а днем было больше пяти тепла». «А ну, давай их сюда». Принес, понюхал, вроде ничего. На этаже работал буфет. Я поговорил с буфетчицей. Она дала большую кастрюлю. Проварили мы тех злополучных кур. Одну отдал буфетчице за помощь, остальные принес в комнату.

Моро не мог сидеть спокойно, пошел к соседям из Кустанайской области, двое из них — с орденами Ленина. Моро сагитировал их пройти по этажу и пригласить желающих на домашнюю курятину. Вход — с двумя бутылками пива, можно и больше. Опять повторялась вагонная история. Набилась в комнату масса людей. Под всеми четырьмя койками — десятки бутылок с пивом. Опять веселились часов до четырех. Нормально — ни пьяных, ни глупых.

На второй день продолжались прения по докладу. Хвалились, предлагали, просили, обещали. В зале уже одна треть не присутствовала. Мы на этом остановимся чуть позже.

Вечером для нас специально привезли хор им. Пятницкого из Москвы. На третий день пустовала уже половина зала. Вечером опять выступал цвет национальной культуры. И тут случилось то, что случилось. На гастролях в Алма-Ате была еще юная тогда Екатерина Шаврина. В самом конце, видимо для всех русскоязычных, выпустили ее. Она под два баяна запела «Тополя» и буквально убила зал молодым чистым голосом и самой песней. Хотя некоторые и тянулись к выходу, нам она доставила огромное удовольствие.

Наступил, наконец, долгожданный день дефицитных покупок, воскресенье. Перед этим Моро сказал нам: «Тут меня женщины местные сегодня остановили. Предлагают все, что хочешь, даже постель на все эти дни, только просят отдать пропуск, хотя бы в ЦУМ. Причем, примут всех желающих, хоть всех участников совещания. «Да ну их, — отмахнулся Каструбин, — пойдем, хоть посмотрим, что там за дефицит будет. Денег то у нас практически нет».

Надо сказать, что денег у нас действительно практически не осталось. Здесь мы были поставлены явно в неравные условия по сравнению с другими регионами. Дело в том, что в нашем районе был всего один совхоз, остальные — колхозы. Колхозы по шестьдесят шестой год работали на трудоднях. В течение года мы получали трудодни с помесечным тридцатикопеечным авансированием, поэтому те, кто выезжал за пределы колхоза в поездки и командировки, были в долгах и ждали конца года, затем годового отчета, распределения по трудодням, а потом уже что-то получали.

Мы выехали в период, когда ничего не было готово, запасов не было, аванс взять в банке было невозможно из-за бурана, так что отбыли в такую даль практически ни с чем. В таком же положении находились все те, кто представлял на совещании другие колхозы. В совхозах получали зарплату ежемесячно в полном объеме, поэтому их представителям было проще.

Но самым обидным и несправедливым было то, что хозяевами положения оказались вовсе не передовики из зерновых районов, хотя ведь именно из-за зерна с таким понтом было собрано и обставлено то совещание. Хозяевами были те, кто никакого отношения к зерну не имел, никогда и никаких планов не выполнял, ни по заготовкам кормов, ни по мясу-шерсти и ни по чему вообще.

Руководители «байских» бесконтрольных районов и хозяйств из средних и южных областей, да и полупустынной части нашей обла-

сти, практически не знали счета деньгам по той простой причине, что никогда их не зарабатывали. В этих районах и зонах умели пользоваться властью. В совхозах площадью в треть Молдавии директор еще в те времена был всем — и властью, и судьей, и уполномоченным Аллаха. Без него нельзя было ничего делать — ни выехать, ни торговать, ни покупать, ни жениться и т. д. На всем огромном пространстве Казахстана в совхозных чабанских отарах, в конетабунах и на верблюжьих фермах содержались десятки и сотни тысяч личных, неучтенных голов. Никто из посторонних никогда их не считал и не устанавливал их принадлежность. Директор или его специалисты держали «своих» овец почти во всех отарах. У них шел свой учет, хоть и примитивно, но необратимо.

Привез, к примеру, директор чабану в отару 20 овец, неважно — овцематки или баранчики. Осенью должно быть уже сорок голов, а на следующую — восемьдесят. И в такой прогрессии шли условия. Мнения чабанов, которые тоже имели личный скот в отарах, никто не спрашивал. В порядке возмещения морального ущерба, чабанов, в зависимости от того, чьих и сколько голов они содержат, награждали орденами, званиями Героев Социалистического Труда и закрывали глаза на все сопутствующее.

Передовиков делали с помощью тех же частных голов, которых в отарах могло находиться до половины. Иногда и этого не требовалось. Просто сделают документы на оприходование приплода ягнят, к примеру, а потом составят акты на падеж. Награды дают за показатели приплода, а за падеж молено отчитаться сотней причин.

Короче говоря, эта часть участников совещания в то время, пока мы во Дворце спорта слушали доклады и выступления, закупала комнаты в ресторанах, где за триста рублей в день и барана приготовят, и дастарахан (скатерть с яствами) накроют, да и девочек для развлечения найдут.

Так что к воскресенью, которого все ждали с вожделием (только об этом говорили участники совещания и местные заинтересованные лица), мы пришли с разными возможностями — нищие победители и богатые непобеждаемые.

Встали мы рано. Весельчак Моро за завтраком еще раз предложил свои посреднические услуги по обмену талонов-пропусков на внимание местных женщин, приведя в виде аргументов наличие еще суток свободного времени и нашу нищету, но мы с Каструбиным за час до открытия магазина двинули за дефицитом.

Все это надо было видеть. Несколько сотен милиционеров пытались сдержать напор десятков тысяч горожан, в основном женщин. Где-то метров за двадцать до входа какая-то неуправляемая сила приподняла от земли и буквально вбросила нас в распахнувшиеся в девять часов двери ЦУМа. Мы — счастливики, оказались где-то в первой сотне покупателей.

В течение часа по этажам главного магазина еще можно было передвигаться. Конечно, такое мы увидели впервые. Ковры и одежда, обувь и бытовая техника, трикотаж и тысячи диковинных мелочей. Это было бы обычным и будничным сегодня, в двадцать первом веке, но тогда все нас поражало. Мы с Каструбиным просто ходили и смотрели, любуясь хорошими и недорогими товарами. Кое-что купили домой по мелочи. Впервые тогда в продаже появились шариковые авторучки, диковинка без чернил. И еще много, много, много. Но через пару часов магазин стал похож на бочку с килькой. Прорвав милицмейские кордоны, в магазин ринулись тысячи людей. Не то чтобы покупать, передвигаться стало невозможно, местами даже пошевелиться. Смотрю, знакомого нашего, героя-бригадира из Кустанайской области, прижали спиной к отопительной батарее и вот-вот задушат. Помогли ему подняться, а он влез на батарею и кричит: «Сволочи, спекулянты — налево, остальные — направо!» Но куда там!

В начале, когда еще людей было мало, я стал в очередь в кассу. Впереди меня в огромном полушубке рассчитывался маленький такой чабан, борода клинышком, но зато дважды Герой Социалистического Труда. Покупал он два настоящих персидских ковра. Стоили они по 600 рублей. Кассир назвала сумму. Чабан достал пачку мятых денег. Кассир пересчитала и говорит: «Здесь немного не хватает». Герой сгреб их, сунул в карман полушубка, достал из другого упакованную пачку банкнот по 25 рублей и протянул кассиру в окошко. Я почему это отметил. Тот несчастный чабан, покупая два огромных ковра, вовсе не думал, как их будет забирать. Покидая с величайшим трудом тот проклятый магазин, я мельком увидел два тяжелых ковра, и лежащего на них поперек геройского чабана, который беспрерывно кричал: «Уй, байяй, уй байяй!» По коврам и по нему топтались десятки людей. Опрокидывались витрины и кассы. Крики, стоны, ругательство, шум невообразимый.

Выйти на улицу оказалось во много раз сложнее, чем войти, так как выталкивающая нас сила во много раз уступала силе наступающей. Здесь было лучше отдаться силе течения...

Вокруг магазина плотным многометровым кольцом расположились местные горожане. Они бесцеремонно лезли в наши сумки, смотрели, что купили, и назойливо спрашивали цену. Где-то минут сорок мы выбирались из этого окружения, и лишь когда течением нас отнесло метров на сто, поняли, что живы. И слава Богу. Очевидцы из наших говорили, что к обеду, невероятными усилиями милиция таки очистила ЦУМ от неприглашенных, но второй раз туда уже никто не пошел.

Это было уже позже. А в тот час мы с Каструбиным, оглядываясь, пошли по центральной улице Алма-Аты. Каструбин говорит: «Давай зайдем еще в «Детский мир», может, там меньше людей». Возможно, к счастью для нас, вход в этот магазин был закрыт. Как объяснили милиционеры, магазин забили до отказа, все эскалаторы остановились, где-то что-то сгорело от перегрузки. Теперь из магазина только выпускают через заднюю дверь, точнее выбрасывают, так как магазин заполнен людьми без пропусков. Те, кто имели право доступа в оба магазина, первым делом поспешили в ЦУМ и там застряли, а «Детский мир» взяли штурмом местные женщины. Это разъяснение нас уже не огорчило, мы уже прошли через этот позор.

Вечером, появившись в комнате без двух верхних пуговиц на пальто и без шапки, Моро с веселой злостью выдал: «Говорил же я вам, давайте уступим талоны алмаатинкам. Хоть бы память была. Эх вы! И я через вас остался и без пуговиц, и без шапки, да и сумку при выходе разорвали». Мы промолчали, с горечью и стыдом вспоминая прошедший день.

Наутро нам объявили, что совещание срочно прекращается, и сегодня все разъезжаются по домам. Причиной стал инцидент с каким-то китайцем в Мавзолее Ленина в Москве — то ли он бомбу имел, то ли еще что-то. А так как от Китая до Алма-Аты не так далеко, то в целях безопасности лучше отправить руководителей всех рангов по местам. А то, как сказала одно высокопоставленное лицо, «одним ударом могут обезглавить всю республику».

Вечером мы уехали домой. Опять наши ребята перебивались дорожным запасом в килограмм колбасы и бутылку водки, и опять к «байским» вагонам тащили ящики коньяков и мешки деликатесов.

Нам было не до обид и выяснений. Просто было стыдно. Стыдно за нас, да и за людей наших. Ну, что у нас за страна такая, что за люди? Мы всегда стыдились быть победителями. Всегда во всех делах и войнах. Зарываем в землю миллионы своих людей, в слезах, поту

и крови добываем победу, а потом стыдимся ее. Причем, через время нас еще и упрекают той победой, и плюют вслед. Не знаю, есть ли еще такой в мире народ, такая страна, где победы — вождям, а беды — народу.

Прошло много лет после той нашей локальной победы и того совещания. Осталась горечь на всю жизнь. Правда, с тех пор такого хлеба Казахстан уже не имел, да и вряд ли когда иметь будет. По разным причинам

КНИГА ВТОРАЯ

КАЗАЧЕСТВО И ВЛАСТЬ

Из всех сословий в бывшей царской России наибольшим вниманием исследователей, как отечественных, так и зарубежных, как современников эволюции данного направления общественного развития, так и в последующие десятки и сотни лет, пользовалось и пользуется казачество. Казачество, именно как сословие, и как заметное явление в российской, да и мировой истории вообще. Уже почти 90 лет прошло с тех пор, как в России отменено деление общества на сословия. Правда, в советское время были свои попытки разделить общество на социалистические иерархии — рабочий класс, колхозное крестьянство, трудовая интеллигенция. Но это были размытые, даже надуманные понятия, так как четко определенных классовых разграничений не было. Один и тот же человек, к примеру, крестьянин, мог пойти на завод — и перейти в класс рабочих, а затем выучиться — и стать инженером, т.е., перейти в разряд

трудовой интеллигенции. Эта классификация, даже если отбросить всю идеологическую подоплеку, не могла претендовать на какую-либо сословную обособленность по причине того, что государство всегда только лишь декларировало установки о классовой структуре общества, но никаких нормативных актов в подтверждение таких заявлений не принимало.

Если, к примеру, принимались какие-то решения по селу, так они принимались по сельскому хозяйству, а не конкретно по классу «колхозного крестьянства». Если по промышленному направлению что-то принималось, то не конкретно по рабочему классу, и т.д. Даже если партией и правительством принимались какие-то решения социального плана (по оплате труда, различным льготам), то и они практически были ограничены по классовым признакам; скорее всего, были всепроникающими или всеохватывающими, так как в текущей жизни особых различий между надуманными классами не было, да и быть не могло.

Бывшие в дореволюционной России сословия, в числе которых, наряду с крестьянами, дворянами, купечеством, духовенством и др., свое особое место занимало казачество, имели свою обособленную нормативно-правовую базу, определяющую принципы деятельности, порядок взаимоотношений с властью и, вообще, место в структуре общества. Не каждую общественную группу людей можно было считать сословием — под эту категорию подходили только те из них, права и обязанности которых четко определялись соответствующими законами, выделяющими сословия из прочих групп.

История возникновения и довольно продолжительное существование сословий в России подтверждают, что их признание властью, закрепленное в нормативных правовых документах, хотя и было определяющим, но не единственным условием. Немаловажным, а в период становления каждого сословия определяющим фактором — было осознание убежденной причастности людей к той или иной общественной группе (касте), вне которой они себя не представляли.

Заявления членов отдельных сословий, типа «Я — купец!», «Я — казак!» или «Я — священник!», в те времена не были пустым звуком, а выражали согласие, веру, надежду, гордость и другие возвышенные определения по отношению к своему сословию. Человек добровольно входил в установленные правовые рамки и уже в их границах старался реализовать свои способности и возможности.

Скорее всего, это было неплохо для своего времени, так как сословные принципы способствовали более наглядному развитию таких понятий, как достоинство, честь, рациональность, а для казаков — вера, верность, отвага, беззаветная преданность Родине, в лице ее государственной власти. Подчеркнем здесь — казаков, как структурного сословия.

Казачество, как сословие, в России более молодое — по сравнению с другими, устоявшимися сословиями. Так получилось, что, появившись как общественная прослойка в виде отдельных групп людей (первые упоминания о казаках относятся к середине 15-го века), казаки, или вольные люди, ни в какие сословия, естественно, сразу попасть не могли. Скорее наоборот, это были группы изгоев, в первую очередь, состоявшие из беглых российских крестьян, оставивших места своего проживания в поисках лучшей жизни. Одни бежали от невыносимого крепостного рабства, другие спасались от наказания за совершенные проступки и преступления, третьих, в том числе представителей дворянства, бывших и действующих военных, отчисленных со службы, приводила к казакам авантюристичность характера и жажда вольницы и приключений.

Казачество, по сути своей, в начальный период власть не любило. Государство отвечало тем же. Это продолжалось довольно длительное время. И время это работало против власти. Слухи о казачьих общинах проникали во все регионы Государства Российского. Несмотря на облавы, контрольные заставы, поимки беглых и жестокие наказания, люди пробирались в казачьи места, а само казачество развивалось, расширялось и укреплялось.

Почти одновременно на Днепре, на Дону и на Волге в середине 16-го века сформировались крупные казачьи образования, позже оформившиеся в мощные автономии — Запорожское низовое Войско или Запорожскую Сечь, и Всевеликое Войско Донское. Несколько позже такие же казачьи общины появились на Яике (ныне река Урал) и Тереке.

Уже к началу 17-го века и на Днепре, и на Дону существовали независимые казачьи республики, со своей формой управления, порядками, нормами и правилами. Объединение казаков в крупные общины было естественным. Они осваивали обезлюдившую после многих набегов татаро-монголов значительную территорию, называемую, по ее сути, «Диким полем», примыкающую к уже враждующим между

собой раздробленным ханствам, остаткам некогда могущественной армии восточных завоевателей, прошедших с огнем и мечом половину Евразии. Казаки образовались, как своеобразная буферная зона, волею судьбы выполняющая, как минимум, две функции — защиту от набегов кочевников (для того и объединились) и прикрытие от тех же набегов Государства Российского.

И Войско Запорожское, и Всевеликое Войско Донское были полностью автономны, никаким государственным властям не подчинялись. Практически это были государства в государстве, но так как казаки прямой военной угрозы для державной власти не представляли, скорее, приносили больше пользы в плане защиты границ, то правительства многих стран стали приглашать казаков для участия в различных войнах.

Так, донские казаки при царе Иване IV (Грозном) в составе российских войск ходили на Казань и Астрахань, воевали на землях Ливонии. А при Петре I во время взятия турецкой крепости Азов в составе русской армии было около 20 тысяч донских и запорожских казаков.

На Украине казачество оказывало значительную помощь Польско-литовскому государству в постоянной борьбе против турок и татар. В то же время именно запорожское казачество вело непримиримую борьбу против религиозного, политического и национального гнета, которому подвергался украинский народ со стороны правящей польской шляхты. Эта борьба, в конце концов, завершилась воссоединением в 1654-м году Украины с Россией в ходе Переясловской рады.

Казаки не только охраняли границы, они непосредственно участвовали в расширении территории Московского государства. Начиная от атамана Ермака Тимофеевича, который с отрядом казаков перевалил Уральские горы и положил начало освоению Сибири, уже в первой половине XVII века российские казаки в невероятно сложных условиях прошли всю Сибирь. В 1648 году отряд казаков, под предводительством атамана Семена Дежнева, достиг Чукотки, на легких морских судах обогнул Чукотский полуостров, и сегодня самая восточная точка России в тех местах носит название — мыс Дежнева. Переправившись через пролив, отделяющий Азию от Америки (ныне Берингов пролив), казаки застолбили за Россией огромную территорию нынешней Аляски. Затем, спустившись ниже вдоль западного побережья, освоили обширные американские территории на месте нынешней Калифорнии.

И все же, несмотря на неопределимые услуги, которые казачество оказывало Московскому государству, отношения между казаками и государственной властью в течение довольно длительного времени можно было назвать недобрососедскими. Государственная власть не могла смириться с казачьей вольницей. Нападения на соседние турецкие владения, проходящие торговые караваны и посольства, осложняли отношения с соседними государствами, с той же Турцией.

Власти были недовольны и тем, что в казачьих общинах находили приют беглые крестьяне. На Дону, к примеру, действовал старинный обычай: «С Дону выдачи нет». Предпринимаемые неоднократно попытки властей ограничить казачью вольницу вызывали естественное противодействие казаков. Несмотря на огромную роль казачества в становлении и укреплении Государства Российского, несмотря на то, что в «смутное» время казаки проявили настоящий патриотизм и сыграли существенную роль в освобождении Москвы от польских интервентов и искренне поддерживали на Земском Соборе 1613 года кандидатуру Михаила Романова, как нового царя, взаимоотношения власти и казачества ухудшались. Причиной было не только укрепление позиций казачества при неокрепшей после смутных передеряг власти. Причина разногласий казаков с властью была и в самой сути их взаимоотношений, в невозможности продолжения их, взаимоотношений, в том виде, в котором они находились в последние (на тот период) 1,5-2 века.

Давайте рассмотрим интересы и возможности участвовавших в том процессе сторон — казачества и власти.

Начнем с казачества. Занимая определенную территорию, принадлежащую государству, тем более такому немалому государству, как Российское, казаки не могли физически отделить эту территорию, т.е., забрать ее себе просто так. Для этого надо было объявить войну России, идти против своего народа, себе подобных православных христиан, в конце концов — обязательно проиграть и потерять все, не только волю, но и жизнь, так как, даже объединившись все вместе, казаки были бы ничто против государства, его армии и возможностей.

Даже если допустить, что казаки отбили землю, образовали свое государственное образование, они очень скоро были бы покорены или просто уничтожены своими соседями. Неважно, были бы это Турция, какое-либо ханство или та же Россия. Одно дело — делать набеги, другое дело — содержать государство. «Самостоятельным» каза-

кам быстро напомнили бы их набеги, грабежи и т.п., да еще с авансами на будущее. Вывод — без государственной «крыши» казачество существовать не могло. Не могло никогда, да и сейчас не может.

Был еще один утопический путь — оказачивание всей России. Но пришлось бы учесть, что вольностей и льгот, да и хорошей земли, в России на всех не хватит. Это — о возможностях. Интересы казачества были просты и понятны — землю, волю, невмешательство власти во внутренние дела войска, т.е., нераспространение действия государственных законов на его территории, сохранение демократической схемы правления, основанной, как говорили в советские времена, на «демократическом централизме», предполагающем действительную выборность всех руководящих казачьих постов снизу доверху и их обратную отчетность сверху донизу.

Если сказать проще, то самостоятельность жизненного уклада основной массе казаков представлялась следующим образом: «Надо — воюем, не надо — не воюем. Не хватает — захватим, по-честному — разделим. Нет — значит, у всех нет, есть — значит, у всех есть». Да, казаки часто вели свое хозяйство, занимались охотой, рыбной ловлей, кустарными производствами, особенно в более поздние века, но в начале становления казачества основным источником жизни всегда была военная добыча. У казаков не было сепаратистских настроений, они не стремились отделиться от своего государства. Их это мало интересовало. Главенствовал принцип — не трогайте наши интересы, и мы не будем трогать государство.

А теперь рассмотрим возможности и интересы другой стороны — государственной власти.

Естественно, возможностей, в частности, у Московского государства, по сравнению с казачеством, было несоизмеримо больше. Власть, по желанию или в случае крайней необходимости, была в состоянии или заставить казаков подчиняться общей воле и служить, или блокировать территории казачьих общин, в случае сопротивления — просто уничтожить, а оставшихся в живых — рассадить по тюрьмам, заодно приняв предупредительные меры против зарождения новых очагов казачества вообще.

То есть, возможности у власти были, есть и будут. А вот с интересами власти нужно было серьезно подумать. Во-первых, казаками осваивались и заселялись огромные российские территории. Как правило, это были окраины (подальше от центра, от власти) государства, то

есть, таким образом, создавались защитные пограничные зоны. Кстати, никакой враг за всю российскую историю так ни разу и не перешел через созданные за века казачьи пограничные полосы.

Немаловажным было и то, что государство при этом, в самый трудный, самый опасный и самый дорогой с любой точки зрения начальный период, не несло никаких затрат. Мало того, казачьи поселения возникали не принудительно, а на добровольной основе, что создавало там совсем другой морально-психологический климат. Интерес государства в казачьих пограничных зонах усиливался и тем, что казаки, по сути своей, были не обычными переселенцами, а поселенцами-воинами, и в эти зоны не надо было направлять дополнительные военные силы для охраны — как границ, так и самих поселенцев. Казаки не нуждались в охране, они сами могли помочь друг другу, да и другим, если кому-то где-то это было нужно. И в этом тоже был огромный интерес государства. Казаков, с малых лет воспитуемых и обучаемых как воинов, можно было использовать при решении военных проблем. И, как показала история, — не только военных. Короче говоря, интересы власти по отношению к казакам тоже были не праздные, а по важности и сложности — не менее значимые, чем у самих казаков.

Рассмотрев, даже бегло, взаимоотношения и интересы власти и казаков, можно сказать, что если уж возможности у них были разные, то интересы обеих сторон, пусть косвенно, но в основе своей совпадали. Они нуждались друг в друге, может быть, часто и не осознавая это до конца. Не осознавая, что именно в Российском государстве власть и казаки обречены идти в одной упряжке, естественно, в одну сторону. Иначе одну из сторон пришлось бы просто ликвидировать. Понятно, что казачество и могло быть этой стороной. Но делать это по ранее указанным причинам власть не могла. Надо было находить компромиссные решения, устраивающие обе стороны, чем-то поступаться.

К сожалению, казаки это поняли чуть позже, по крайней мере, инициатива по упорядочению взаимоотношений пошла не от них. Власть дала все-таки понять, кто в государстве хозяин. И повод нашлся. Казаки в определенный период допустили ряд стратегических ошибок. Стремясь обратить на себя внимание, выступили против государства: пошли восстания на Дону. В 1671 году — под предводительством Степана Разина, в 1707-1708 годах — Булавинское. В итоге, оба восстания были жестоко подавлены, причем во время Булавин-

ского было казнено более 7 тысяч казаков. Казаки Войска Донского были вынуждены, первыми из казачьих войск, принять присягу на верность царю, в то время Петру I. Царь запретил укрывать на Дону беглецов из центральных районов, а само Войско Донское перешло в ведение Военной коллегии. Войсковой атаман стал назначаться царем и называться «наказным» или назначенным. Это стало началом «упорядочения» взаимоотношений в связке «власть — казачество».

Заметим, что, безжалостно подавив казачьи восстания, власть не ликвидировала то же Донское Войско. Нет, она просто расставила все по местам, и сразу. Если бы этого не было тогда сделано, неизвестно, сколько еще времени вопросы взаимоотношений оставались неурегулированными. Еще отметим, что по доброй воле казаки вряд ли когда согласились бы присягнуть на верность царю или государству, даже если бы понимали, что другого выхода просто нет. Власть в данном случае как бы «отщипнула» верхушку вольного казачьего дерева

Когда формируют крону обычного дерева, всегда подрезают центральный стебель, так как если этого не сделать, он, находясь в гораздо более благоприятных условиях, начинает интенсивно расти вверх и может вытянуться в 1,5-2 раза выше остальных ветвей, испортив крону и оставшись на будущий год без отростков. Подрезая верх, дерево заставляют расти вширь и укрепляться, одновременно формируя нормальную рабочую крону. Эту простую жизненную процедуру, вероятнее всего, не мешало бы применять и в современной жизни, да почаще...

Что и сделала власть в отношениях с казачеством еще в начале 18 века. Верхушку подрезала — атамана стали назначать, а все основные вопросы казачьей жизни остались прежними. И земля у них осталась, и многое другое, чего не было у не казаков. «Ну, а что главного атамана царь назначает, так это где-то аж там, наверху. Да лишь бы нам хорошо было», — рассуждали казаки.

Начав с Войска Донского, власть стала проводить эту же политику и в отношении других войск. После восстания Пугачева участь подчинения постигла Яицкое (Уральское) войско. Потом пришла очередь и старейшего Запорожского войска.

Прошло 121 год с тех пор, как Украина воссоединилась с Россией, а Запорожская Сечь как не подчинялась никому, включая царей российских, таковой и осталась, как принимала беглых, так и продолжала их принимать, а любые царские указания-приказания просто принимала к сведению, но не исполняла

Императрица Екатерина II, в ответ на такое отношение запорожских казаков, не стала ожидать восстаний или чем-то провоцировать «сичевиков», а просто послала туда многотысячную армию, которая окружила и разгромила это довольно мощное казачье сообщество. В отличие от ситуации на Дону, Запорожская Сечь была просто уничтожена, а само имя «запорожец» было исключено из русского лексикона, т.е., запрещено.

Здесь уже не «отщипывали» верхушку, а уничтожили все дерево, даже в ущерб ранее описанным интересам государства. Порядок в государстве оценили дороже. Вообще, XVIII век был самым богатым на события, связанные с русским казачеством.

Подчинив себе напрямую Донское и Уральское войска, уничтожив Запорожскую Сечь и разогнав казаков-запорожцев по всему Причерноморью, российская власть вроде бы успокоилась и взяла ситуацию в свои руки.

Более того, власть перехватила инициативу и не стала дожидаться, пока рассеянные по всему югу Украины бывшие запорожские казаки и постоянно проникающие в эти края беглые крестьяне из разных регионов России снова будут стихийно объединяться в какие-то группы, войска или просто банды. Правительство начало само выявлять бывших казаков, прощать уже находящихся в южных краях беглецов, организовывать новые казачьи формирования (войска) по отработанному принципу взаимоотношений с Донским Войском, а также определять порядок, задачи и места их дислокации, размещения их семей, и выделять на эти цели казенные средства.

Стратегические цели государства были довольно разумными. Во-первых, как можно полнее охватить направленными организационными действиями все южные территории (губернии), стараясь максимально возможно привлечь население в лоно государственной службы. Во-вторых, организованной массой людей было легче управлять, ее легче контролировать и ставить в зависимость от власти. Наделение земель, система льгот для казаков, нерегулярность строевой службы, определенная государственная защищенность — способствовали удовлетворению, по крайней мере, первичных потребностей потенциальных казаков.

Почему именно казаков? Почему не создавались какие-либо другие формирования, типа чисто военных поселений и т.п.? Да потому, что, создавая уже в принудительном порядке казачьи войска, государ-

ство возлагало на них все основные проблемы освоения бывших ранее безлюдными земель, через ту же землю и практический интерес принуждало казаков к оседлости, но одновременно — к постоянной боевой готовности, в первую очередь, по охране южных границ. Государству казаки обходились гораздо дешевле регулярных войск. Это, во-первых. А, во-вторых, чисто армейские подразделения молено было использовать в случае необходимости более мобильно, не беспокоясь об общей охране огромной протяженности российских границ.

Постепенно Россия выстроила свою могучую казачью пограничную полосу от Дуная-Кубани-Дона — до Байкала и Амура. Расчет на казачество оправдался, как показала вся последующая история.

А теперь снова вернемся к истокам.

Начало всей этой работе по «оказачиванию» было положено именно в XVIII веке.

— В 1775 году было учреждено Греческое (Албанское) казачье войско на Юго-Западе Крыма. Понятно, что оно было образовано с целью упреждения возможных проблем с греческо-албанской диаспорой в Крыму, путем прямого госуправления данным войском через наказного атамана и четкую подотчетность власти по всем направлениям жизни.

— В 1784 году в том же Крыму и с теми же целями было образовано Крымское татарское войско.

— В 1785 году — Бугское казачье войско, прославившееся подвигами в партизанских действиях в Отечественной войне 1812 года.

— В 1787 году — Екатеринославское (впоследствии — Вознесенское) казачье войско.

— В 1806 году — Усть-Дунайское Буджакское казачье войско.

— В 1828 году — Азовское казачье войско;

— В 1828 году — Дунайское (Новороссийское) казачье войско.

Это только по южным границам Европейской части России. По образу и подобию этих войск были организованы и другие крупные казачьи объединения — Оренбургское, Семиреченское, Сибирское, Забайкальское, Амурское и другие войска и линии.

Царское правительство, наконец, оценило достоинства казачьего движения, и сумело это, поначалу сверхвольное и неуправляемое течение, привлечь на свою сторону. Ни в одной стране мира казаки в том качестве, в котором они были в России, не появлялись именно из-за особенностей нашего государства, даже чисто географически-

территориальных. Если вспомнить протяженность российских границ и количество проживающего в стране населения 250-300 лет назад, то без особых сложных расчетов можно сказать, что для охраны этих самых границ надо было бы задействовать около трети населения, да еще в постоянной ротации.

Именно казачьи поселения практически по всей южной границе наделено прикрыли государство от внешних набегов и нашествий. Мало того, что казаки постоянно несли службу на границе, они всегда были готовы, по военным меркам, — мгновенно выставить заранее определенное количество строевых, обученных, обмундированных и вооруженных (кроме огнестрельного оружия) верховых казаков. К примеру, одно только Донское войско в первую мировую войну (1914-1918 г.г.) выставило около 200 полков для фронта «Огосударствленные» казаки в XVIII, XIX и начале XX века постоянно участвовали во всех российских военных кампаниях — ив серии турецких войн, и в войне с наполеоновской армией, в Крымской войне, в войнах с Германией и Австро-Венгрией. Казаки всегда показывали чудеса героизма и отваги, бесстрашно шли на врага под лозунгом «За веру, царя и отечество», прославив само имя «казак» во многих странах мира

В революционный период 1917-1920 г.г. казаки не по своей воле были втянуты в братоубийственную гражданскую войну, а после ее окончания были жестоко наказаны советской властью, в лице ее военного руководства. В 1920 году казачество, даже не как сословие, а как прослойка людей — государственников, было просто запрещено, уничтожено как понятие. Тысячи казаков были расстреляны и репрессированы, слово «казак» официально считалось символом врага народа. Но уже в 1941 году, когда прижало под Москвой, и немцы рассматривали Москву в бинокли, советская власть опять вспомнила о казаках. Спешно стали организовываться казачьи подразделения, слово «казак» опять очень быстро вошло в лексикон, да так; вошло, что оставшиеся в живых немцы, имевшие несчастье находиться под Москвой в декабре 1941 года и попавшие в зону прорыва казачьих полков под командованием генерала Доватора, до сих пор падают в обморок при одном упоминании слова «казак». Они на всю жизнь запомнили этих «монстров», в развивающихся черных бурках, которые верхом на лошадях, в тридцатиградусный мороз, рубили их пашками, выковыривая из теплых деревенских изб, вихрем налетая и так же внезапно исчезая.

Но вернемся все-таки к тому периоду, когда власть начала сама организовывать казачьи войска, закрывая глаза и на наличие беглых крестьян из центральных губерний, и на другие правовые проблемы.

Мы ранее показали, что на юге России на рубеже 18-19-го веков было образовано восемь новых казачьих войск. Между ними были поделены почти все Северное Причерноморье и Предкавказье. Но из всех новых, образованных по инициативе царского правительства в разные годы, войск, особого внимания заслуживает Черноморское казачье войско, в начале организации — «Войско верных казаков». Организовано в 1787 году и официально утверждено Указом императрицы Екатерины II от 14 января 1788 г. Казакам из бывших запорожцев в какой-то мере повезло, что наместником царицы в северном Причерноморье в то время был князь Григорий Потемкин, умный, дальновидный государственный, к тому же — фаворит царицы.

Потемкин понимал специфику жизни на бывших вольных землях войска Запорожского. Введение просто обычной гражданской администрации или даже прямого военного правления в Таврическом крае было маловероятным. Никакой государственный орган власти не был в состоянии удерживать и отслеживать это «броуновское» движение казаков по бескрайним степям. Надо было что-то сделать по-другому — и власть употребить, и вызвать к ней интерес у бывших казаков.

Портило картину того времени наличие довольно значительного Задунайского казачьего войска из бывших бежавших запорожцев, служившего интересам Турции. Существование такого войска у турок и отсутствие запорожского войска у России ставили по сомнению легитимность и здравый смысл пребывания России в данном регионе. Вроде бы и добровольно Украина воссоединилась с Россией, а украинские казаки служат туркам, а не России. И Потемкин ищет достойный выход из довольно непростой ситуации, беседует с бывшими казаками и их старшинами, предлагает им вступать в ряды российской армии, тем более что началась очередная русско-турецкая война.

Казаки-запорожцы категорически отказываются служить в армии, но соглашаются стать казаками, уже российскими, и обещают верно служить России и ее императрице. Потемкин неоднократно обращается к Екатерине II, в приватных и официальных письмах, показывая на примерах, сколь выгоден для России путь на максимально полное оказачивание юга Украины, и делает особый упор на необходимость увеличения действующей против турок армии за счет

готовых воинов — бывших запорожцев, одновременно приводя все возможные при этом выгоды. Никто лучше казаков-запорожцев не знал предстоящего театра военных действий и особенностей турок, как военных противников.

Отдельные подготовительные действия: уговоры-переговоры, обещания и предупреждения, в треугольнике — Потемкин — казацкая старшина — императрица, продолжались с 1783 года до начала 1788 года. С появлением Указа от 14.01.1788 года количество бывших сечевиков, пожелавших стать казаками государевыми, а также представителей других сословий начало увеличиваться с каждым днем. Основную массу прибывающих привлекало обещание власти о предоставлении различных льгот — по налогам, земле, социальной защите и т.п. Тем более, что командирами в иерархии войска будут бывшие казацкие старшины.

Войско верных казаков, а именно так оно называлось в начальный период организации, сходу включилось в боевые действия против турецких войск. Одной из главных задач, поставленных перед казаками в период войны 1787-1791 годов, были действия по возврату на сторону России казаков-запорожцев, поселившихся за Дунаем и воювавших на стороне турок. Однако, несмотря на посулы и обещания, подкупы и другие действия, основная масса задунайских казаков в Россию в тот период возвращаться не пожелала, по разным причинам. Главные из которых — недоверие посулам московского правительства и определенная боязнь мести братьев-казаков за фактическую измену, как вере своей, так и Родине.

Войско верных казаков, а с апреля 1788 года — Черноморское казачье войско, быстро росло. Если в начале 1788 года в его списках числились 944 казака, то на середину этого же года — уже 2436 человек, а к осени 1791 года в составе войска было уже 12620 казаков.

Во время русско-турецкой войны казаки-черноморцы принимали участие в штурмах Хаджибея, Очакова, взятии крепостей — Березани, Исакчи, Тулчи, Аккермана, Измаила, в других ключевых битвах. Среди всех казачьих войск, образованных в те же годы на территории южной Украины, именно войско черноморских казаков было самым организованным и боеспособным. Кроме того, казаками именно этого войска развивались и сберегались богатые войсковые и организационные традиции бывшего войска Запорожского. И не случайно в официальных документах к названию войска часто добавлялся эпитет «бесценное».

После окончания войны с Турцией казаки начали обустривать свою жизнь, надеясь на исполнение правительственных обещаний. На протяжении 1790- 1792 годов примерно 4 тысячи семей (из них, что очень важно подчеркнуть, около половины семей — молдаван и валахов) расселились в 25 селах по левому берегу Днестра, на территории между этой рекой и Южным Бугом. Центром войска и местом, где располагался его «кош» (управление), стало село Слободзея (родное село автора — В.Г.). Жизнь стала налаживаться, но все было не так просто. Несмотря на то, что войску вроде бы были выделены земли между Бугом и Днестром, на самом деле они почти полностью были поделены в разное время среди российских помещиков, в основном — бывших военных. Отсутствие необходимых для обустройства земель, четкого статуса Войска, вдобавок — уход из жизни казачьего «заступника» князя Потемкина, привели казаков в определенное разочарование и уныние. Ситуация усугублялась также далеко недружественным отношением к казакам местных помещиков и органов власти.

Дело могло плохо закончиться и дойти до ликвидации войска, как такового, тем более что ситуация мало кого волновала, кроме самих казаков! Давало себя знать и негативное отношение российского правительства к казачеству вообще и к запорожцам, в частности.

В конце концов в Петербург была направлена делегация от войска во главе с полковником Головатым — войсковым судьей, обладающим достаточным дипломатическим опытом. К счастью для казаков-черноморцев, делегация была благосклонно принята при царском дворе. В результате, в ответ на прошение казаков, был издан императорский Указ от 30 июня 1792 года, который закреплял за Черноморским казачьим войском земли по правому берегу реки Кубань — до границ с Донским войском на севере, а также сохранял за казаками прежние льготы и увеличивал выделение казенных средств на содержание войска

В итоге, Черноморское казачье войско в течение нескольких лет было перебазировано на Кубань. Войску было поручено охранять южную границу от набегов горских народов.

Обобщенно, период с 1775 по 1792 годы для Черноморского казачьего войска, можно сказать, был переходным. Создание данного войска было, как уже выше сказано, формой организации местного населения, в первую очередь, бывших казаков; мероприятием, направ-

ленным на установление контроля над значительной частью бывших запорожцев; мерой, предусматривающей создание боеспособной силы для новых войн. Кроме того, сам факт создания войска из остатков ранее «опальных» запорожцев, свидетельствует о том, что российское правительство, вначале пытавшееся покончить с казачеством «огнем и мечом», было вынуждено сменить гнев на милость и начать проводить осторожную, более взвешенную политику по отношению к населению бывших запорожских вольниц.

Здесь можно только добавить, что перебравшееся на Кубань Черноморское казачье войско обосновалось там надолго. С 1860 года оно стало называться Кубанским казачьим войском. Сыграло с истории России заметную роль — как в военном отношении, так и в мирной жизни. Официально существовало до периода ликвидации казачества советской властью в двадцатые годы XX века.

Уместно еще раз напомнить, что тема нашего рассуждения о казачестве — не его многовековая история. Об этом написаны сотни исследований, тома мемуаров, документальной прозы. Наша цель определена в самом начале — обсудить взаимоотношения власти и казачества, т.е. посмотреть, что было раньше и что мы имеем в настоящее время.

Прошло 70 лет после официальной ликвидации казачества. Как уже было сказано, власть всегда вспоминала о казаках, когда ситуация, в первую очередь военная, доходила до какого-то критического предела. Так было и при Иване Грозном, Петре I, императрице Екатерине II, царях Александре II и Николае II. Так было в 1941 году при Сталине. Потом наступило мирное затишье, и о казаках снова забыли. Поставили добрый идиллический фильм «Кубанские казаки», и опять на много лет — тишина на «казачьем» поле. И что вспоминать? Официально казачества нет, воли и вольностей — тоже. Традиции казачьи кое-как соблюдались на бытовом уровне, казачью форму можно было увидеть только в кино и театре.

Так; продолжалось до тех пор, пока не пришла, как говорят сегодня, «настоящая демократия» вместо демократии советской.

Сладострастные новые, явно где-то подготовленные, пропагандисты из всех находящихся в их распоряжении рупоров начали беспрерывно долдонить о полной демократии, неограниченности региональных суверенитетов т.п. Резко обострились вопросы национальных и межнациональных отношений в союзных республиках, потом

пошли заявления и посыпались решения о независимости, даже выходе из состава Союза и т.д. В 1990 году союзное руководство, наверняка исполняя чьи-то заказы и что-то, естественно, получая взамен, практически, если что-то и регулировало, так только процессы развала государства, не исполняя свои прямые обязанности по его сохранению и грубейшим образом нарушая Конституцию СССР. Советская власть закачалась.

Естественно, зашевелились представители и потомки ликвидированных советским режимом общественных сословий. Но если для потомков купеческого сословия перестройка и хаос был манной небесной, — они оперативно вошли «в тему», торгуя бывшим государственным имуществом - недвижимостью, и сразу же сжились с властью, то для представителей таких сословий, как дворянство или казачество, перспективы возрождения были куда более сложными.

Наследное дворянство, привыкшее жить веками за счет чужого труда, ни в начале девяностых, ни в последующие времена, перспектив возрождения по полной программе не имело, да и скорее всего иметь не будет, по причине того, что нет уже той шеи, на которую сегодня можно посадить дворянина. Добровольно — исключено, принудительно — тем более. Российская власть в последние 20-25 лет лояльно-снисходительно относится к этому бывшему сословию, даже иногда заигрывает с высокими титулованными особами, но не более того. А почему? Да потому, что у нового государства и его власти нет интереса, стратегического интереса, к этому отработанному в историческом плане сословию. Власти, во-первых, не нужны дополнительные конкуренты, подоспевшие к дележу, да и вообще в текущей политической жизни. Во-вторых, пришли во всю вертикаль власти новые люди, и некоторые совсем недавно носили не дворянские титулы, а «кликухи». И, в-третьих, возрождение сословного дворянства в России возможно только при возрождении монархии, а этого демократическая власть не допустит любыми средствами, понимая, что при монархическом режиме пройти во власть будет гораздо сложнее.

И, наконец, мое родное сословие — казачество. Его девиз «За веру, царя и Отечество» всегда оставался определяющим для казаков, пусть даже жили без самодержца. Потом он трансформировался в более

упрощенный, но столь же емкий по содержанию — «За веру и верность», выражающий верность не кому-то лично, а Отечеству.

Вопрос с казачеством мог бы быть разрешен и в советское время. Ведь если тому же дворянскому сословию нужна монархия, чтобы снова занять господствующее положение в государстве, по принадлежности к касте «голубых кровей» и «белой кости», то для возрождения казачества форма государственного устройства и система правления роли не играли. Главным было наличие взаимного интереса — у государства (читай власти) и казачества.

За несколько веков отлаженных контактов с российской властью казачье сообщество, почти на генном уровне, из поколения в поколение было запрограммировано на то, что казакам без государства ни жить, ни выживать — не получится. А каждый казак в отдельности впитывал это с молоком матери. Ведь иначе — ежедневно и постоянно конфликты с властью, и обязательное, в итоге, — поражение. Жить под государством — это война, но только тогда, когда это надо государству, ведь войны развязываются не так часто, да и совсем по-иному себя чувствуешь, когда за спиной стоит такое могучее государство, как Россия.

В трудное для государства время конца восьмидесятых годов XX века многое для наших людей, с их «авосьным» и, приобретенно, ленивым менталитетом, было непонятно. Одни прослойки общества пытались «возродиться», другие быстро «нарождались», используя появившиеся возможности прибрать к рукам не только то, что «плохо лежит», но и то, что хорошо лежало или стояло.

Горько и стыдно было наблюдать, как наши, неглупые в большинстве своем люди, слушая, например, выступления первого-последнего президента Союза, понимая, какую несусветную, простите, ерунду он несет, сами, изнутри, наполнялись каким-то животным вожделением, как в дешевых телесериалах: «А что будет дальше?» И все это, лежа на диване, или за стаканом вина на кухне, не пошевелив даже пальцем для того, чтобы куда-то вмешаться или на что-то повлиять.

Поэтому дальше было то, что было. Проснулись, а уже ни страны нет, ни денег на сберкнижках, ни работы, ни очень многого другого.

Сейчас очень уместно вспомнить и другие примеры. Многие наши знакомые и родственники, русские по национальности, проживающие в Украине, и, особенно, подчеркиваю, многие военные, с гипертрофированным восторгом восприняли известие о том, что Украина

стала независимой и вышла из состава Союза. «Ну, слава Богу! — восклицали эти русские, — Теперь заживем по-настоящему. У нас прекрасная земля, есть вода, море во всю южную границу, куда там той России до нас!».

Сегодня абсолютное большинство из этих людей, образно говоря, рвет на себе волосы и не знает, что делать дальше. Скорее всего, они не учили историю своего края и не хотели знать и понять то, что знали не только предки этих русских, появившиеся в Украине лишь в последние два века, а предки и предводители коренных украинцев. Они-то знали, что Украине без России не быть государством, слишком уж лакомым куском она была (есть и будет) для окружающих ее иноверцев — соседей, перенаселенных на малопригодных землях. И что эти соседи не дадут украинскому народу спокойно жить никогда. Поэтому они и инициировали воссоединение с Россией в 1654 году. Да, в чем-то поступившись национальными интересами, зато навсегда выиграв два стратегически важнейших направления — внешнюю безопасность и слияние в одно целое искусственно разделенного русского народа.

Упрощенно можно представить, что исторически Украина без России — это то же самое, что казачество, в общем плане, — без государства. Те же, в перспективе, непрерывные войны на все стороны, и те же последствия. Впрочем, это дело не наше, а украинского народа... Хотя как нас можно поделить вообще? Лично я, русский человек, родившийся в приднестровской Слободзее, до школы разговаривал на украинском языке; учился в русской школе, но еще много лет по дороге в школу читал «Отче наш» на украинском. Да что там Приднестровье, половина, если не больше, России имеет украинские корни — по той простой причине, что расселение Руси шло от Киева на север, восток и юг, а не наоборот.

В начале девяностых, как уже было сказано, начались попытки даже не переосмысления, а пересмотра некоторых моментов российской-советской истории. Потекли обращения всех когда-то чем-то ущемленных и обиженных к новому руководству России, с требованиями восстановления, возмещения, реабилитации и возрождения, в том числе и российского казачества. Новая российская власть (при существующем еще Союзе), чтобы не создавать ненужных инцидентов, не возражала против чего угодно, лишь бы оно шло в пику действующей союзной власти и не мешало новой российской власти решать нужные ей вопросы.

Среди казаков были разные люди. Часть, очень небольшая — те, кто выжил после судов и репрессий, престарелые обиженные казаки, другая часть — дети и внуки как репрессированных, так и не репрессированных, третьи были просто сочувствующими казачеству, такие тоже всегда находятся. Наиболее обиженные или более эмоциональные, или далее авантюрные, представители казачества в тот период надеялись, что советская власть рухнет, «коммуняки» уйдут, а казаки будут реабилитированы, восстановлены в старых правах, каких-либо привилегиях, что-то вернут, что-то добавят, и жить им станет гораздо лучше.

Но в основном были ратующие за объединение во славу России.

Усилиями потомственных казаков-инициаторов в июне 1990 года в Москве собрался Большой казачий круг, на котором была учреждена абсолютно новая общественная организация — Союз казаков России. На этом круге все древние казачьи обряды и обычаи были соблюдены. Как положено, избрали Верховного Атамана, Правление, Совет стариков, утвердили необходимые организационные документы, получили освящение всех действий в храме Рождества матери Пресвятой Богородицы, воздвигнутом князем Дмитрием Донским в честь победы над ордами хана Мамаю.

Проведение круга стало знаменательным событием — как для российских казаков, так и для всего государства, тогда еще СССР. Миру явилось действительно что-то необычное, но до боли знакомое. Волна казачьего возрождения и самоутверждения прокатилась по всей стране и даже за ее пределами. Казачьи общины начали появляться не только в местах традиционного проживания казаков, но даже в самых неожиданных, например, возникло землячество казаков в Таджикистане.

Вопрос возрождения казачества стал как бы общенациональной нормой. Тут подоспел Закон РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года, который тоже был принят еще при СССР, и опять же в противовес действующей союзной власти. Под действие этого закона подпадало и репрессированное казачество. Немного позже, рке Верховным Советом Российской Федерации, 16.07.1992 года принято постановление «О реабилитации казачества». Затем Правительство РФ 22.04.1994 года приняло постановление «О концепции государственной политики по отношению к казачеству». Наконец, 3 июля 2008 года, Президент России ДА. Мед-

ведев подписал «Концепцию государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества».

Это все, что наработано российской властью за 20 лет после начала возрождения казачества

Что же положительного произошло за два десятилетия, применительно к обсуждаемой нами теме взаимоотношений казачества и власти? А в этом плане ничего нового не наработано. В низах, да, что-то делается — сформированы войска и отдельные приравненные к ним объединения, идет большая работа в казачьих общинах по воспитанию подрастающего поколения, подготовке к военной службе, проводятся культурно-массовые и спортивные мероприятия, форумы по пропаганде истории России и ее казачества, решаются многие другие вопросы. Казаки далее щеголяют в форме своих войск и носят традиционное холодное оружие. Но. Цельной общегосударственной казачьей системы в России с 1990 года как не было, так и нет. И это отношение началось с первых дней оформления казачества еще в роли общественной организации.

Казалось бы, не надо никому объяснять, что все многосотенные, не по составу, а по количественной регистрации, партии, движения, всевозможные союзы и общества, кем бы они не финансировались и продвигались, имеют перед собой одну главную цель — через любые каналы, любыми средствами улучшить благосостояние своих членов. Все они вместе взятые, в плане ценности для российской истории, не сравнимы, просто полярны по значению, с казачьим движением, казачьим явлением, не только в российской, но и мировой истории. На знамени казаков, повторяю, православная вера и российское Отечество. Значит, и духовенству православному, к девяностым годам уже вышедшему из полуподполья, можно было сразу протянуть руку своим верным крестоносцам-казакам, да и государству апеллировать тоже. Но дело с признанием казачества в начальный период оказалось совсем не простым. Забоялись все, что ли.

И что рк говорить о духовенстве на местах — даже чтобы освятить исторический учредительный Большой казачий круг в Москве, летом 1990 года, пришлось упрашивать настоятелей многих церквей — в пяти боязненно отказали и лишь в шестой согласились. А ведь решение о созыве круга не появилось спонтанно — ему предшествовала длительная подготовительная работа, практически в большинстве регионов России. Большой казачий круг как бы венчал всю организа-

ционную работу, и, естественно, духовенство, в том числе, высшее, об этом знало. Видимо, здесь дело было не в вере, а в людях, и, наверняка, не обошлось без вмешательства перестраховывающейся власти.

Вторым после веры символом на знамени казаков идет верность — верность Отечеству, естественно, в лице государственной власти. Но власть тоже очень настороженно встретила воскрешение из небытия казачества, причем в первые пару лет еще бывшая советская, и настороженность ее вполне объяснялась по сути. Но потом отмежеввалась и новая, что трудно объяснить, и тоже по сути.

То, что за 20 лет власть по-настоящему так и не определились, как же ей быть с казачеством в новых условиях, лишь подтверждает до сих пор существующую неопределенность.

А может, казаки заняли неверную позицию в том переломном 1991 году? Может быть, встань миллионное казачество на сторону бывшей власти, все было бы по-другому? И не распался бы Союз, и не остались бы изгоями, волею злого рока, в других рке государствах многие тысячи братьев- казаков, бывших российских? И не повторили ли казаки своим «нейтралитетом» в 1991 году ошибку, ставшую прецедентом еще в период правления Бориса Годунова? Тогда они поддержали польского ставленника Лжедмитрия I и помогли ему взойти на московский престол. Слава Богу, тогда они быстро поняли, что ошиблись, и уже вместе с народным ополчением выгнали поляков из Москвы, усердно способствуя воцарению в 1613 году нового царя Михаила Романова...

В тот период истории казаки довольно ярко означили свое появление на политической арене России Власть тогда уже поняла, что с такой организованной силой, как казачество, надо считаться и любым способом стараться наладить с ним достойные для власти взаимоотношения. Собственно, это и делалось в последующие времена.

«Нейтралитет» казаков в смутное время 1991 года можно объяснить, в первую очередь, устойчиво наследственным недовольством казаков всех возрастов советской властью, которая официально уничтожила именно казачество. Ведь, по большому счету, казаков уничтожали не ради высоких коммунистических идеалов, а именно потому, что они на убежденно-идейном уровне поддерживали государственную монархию. Это было главным, как уже было сказано, так как при «чистой» монархии гораздо сложнее пробраться в любой уровень власти, чем при демократии. Это хорошо понимали те, кто уничтожал казачество в 20-ые годы.

И все же, далее за то, что казачество не поддержало советскую власть и не выступило единым фронтом против «реформаторов», новая власть должна была обратить внимание на эту мощную прогосударственную силу в России, которая уже своим невмешательством помогла прийти к власти в стране «демократическим» силам.

Обратить внимание как на потенциального союзника, на которого сразу молено опереться в намечаемых государственных, экономических и социальных реформах-преобразованиях, и, в соответствии с этим, строить с казачеством дальнейшие взаимоотношения. Но, к сожалению, первые лидеры новой российской власти не заметили чаяний казаков, как людей с государственным идеологическим стержнем, которые, в отличие от других движений, желают подставить плечо государству добровольно, в обмен на достойное внимание, и все.

Власти в то время срочно внедряли разработанные кем-то реформы, считая, что свое, уже готовое, молсет и подождать. Смешно и стыдно вспоминать отдельные периоды нашей лсизни в начале девяностых. Как объяснить, например, что при советской власти Кубань считалось «белой», т.е. антисоветской, в принципе, а пришла новая российская власть — и Кубань вдруг для нее стала «красной»?

Кубань никогда не была ни белой, ни красной, а кубанцы всегда были государственниками российскими.

Несмотря на то, что большинство кубанских казаков является потомками казаков войска Запорожского, уничтоженного в свое время российской властью, кубанцы не таили зла на государство, наоборот, служили и слркат России, как истинные ее защитники, и благодарны власти за внимание. Даже столицу свою называли Екатерино — Дар (ныне Краснодар), в честь императрицы Екатерины II.

Впрочем, ладно. Хватит истории и комментариев. Вернемся в настоящее время. Итак, обновленная Россия есть, прогосударственная мощная прослойка — казачество — есть, но находится в подвешенном состоянии. Вроде бы и есть, — но лишь вместе с другими общественными организациями, у которых свои меркантильные цели. А выделить казачество в какую-то отдельную категорию? А что тогда скалсут другие «борцы за все и вся»? В одном симпатичном мультфильме киевский князь так; и изрек: «А что скажут на Западе?» Да пусть, что хотят, то и говорят. Им ни умом, ни сердцем Россию не понять. Это не аллегория или пафос автора, а правда. Правильно поступает нынешнее руководство России, которое разумно, корректно, но лсест-

ко дает понять и близким, и далеким государствам-партнерам, что Россия — достойная и великая держава, с которой свысока говорить рке нельзя. Особенностью нашего государства является не политический строй или уровень экономического развития. Вовсе нет. Главной особенностью России, да еще нашего братского соседа, назовем его хоть сестрой, хоть братом, Казахстана, являются огромные территории, с несоразмерно малым количеством населения. Мало того, что территории у нас с соседом огромные, так они буквально нашпигованы несметными богатствами в виде разных полезных ископаемых. Если упростить ситуацию с пониманием всех этих подаренных нам Богом (и казаками, прирастившими Россию от Урала до Аляски) богатств, то можно было бы сказать так: «Мы можем сами ничего не делать, лежать на печи, превратив свою территорию во что-то, похожее на оптовый склад. Продавай, что под ногами лежит да на земле растет, и живи припеваючи». Рай, да и только.

Но ведь не дадут же так жить! Если абсолютное большинство россиян после школы или вуза карту мира в глаза не видели, то в соседних с нами странах, да и в тех, которые подальше, очень многие в последние годы все чаще рассматривают эти карты, думают и говорят: «Такие-сякие русские заняли огромную территорию, поставили ракетный забор, а сами ее с умом не используют, и никого туда не пускают. Надо что-то делать». Так что, лежать нам на печи и оптом торговать, никто так, просто не даст. И добрые сказки о добрых соседях сегодня не актуальны.

Нашему руководству, кроме рассмотрения миллионов разных вопросов, в том числе элементарного управления такой огромной страной, (ведь в Москве говорят «а», но до Камчатки рке доходит даже не «я», а какой-то непонятный знак), приходится теперь решать серьезные проблемы освоения безлюдных, но богатых российских просторов. Главные вопросы: «кто» и «как». Где взять трудовые и экономические ресурсы, и как это все обставить и оформить. Вроде, и пускать чужих нельзя с концессиями, так как стоит только официально допустить кого-то, — они размножатся миллионами способов, да так, что и нам самим места будет мало. А не допускать — тоже ведь ущерб для государства, и немалый.

Надо найти золотую середину. А кто будет ее искать, предлагать и доказывать? Верховная власть — вся в проблемах. Да, принять решение она сможет, а искать и считать ей просто некогда.

Это должны делать специалисты, но специалисты-государственники, для которых не чужды личные интересы, но главное, что должно волновать таких людей — это стратегические интересы государства. Именно через государственные интересы должны фильтроваться их личные устремления, а не наоборот, как делается сейчас сплошь и рядом.

Государству и государственной власти крайне необходимы люди с государственным мышлением. Такие люди всегда пользуются поддержкой основной массы населения, ясно, что не коррупционеров и прямого криминала. Недавно на телеканале «Россия» проходило многомесячное телевизионное шоу «Имя Россия». Очень полезное мероприятие, всколыхнувшее наш народ историческими воспоминаниями. Мы как бы вновь открыли для себя многие исторические имена, их дела, их помыслы, их пользу для государства. Цикл передач напомнил всем нам о том, что на великих людей Россия всегда была богата.

На мой взгляд, называться главным именем России больше всех достоин простой русский парень — Иван Иванович Иванов, в облике и одежде российского казака, в фуражке чуть набекрень, с выбивающимися из-под нее русыми кудрями, с голубыми глазами, добрым улыбающимся лицом. С шашкой на боку, гармошкой и котомкой за плечами. Это он, с одной винтовкой на троих, служил пушечным мясом в 1941 году под Москвой, перемалываемый германской военной машиной, но не отступил. Это он потом шел с саблей на танки и закрывал грудью вражеские дзоты. Это он, без вины виноватый, гнил в лагерях, потом восстанавливал разрушенные города и села, строил атомные станции и космические корабли. И это именно его за все подвиги «отблагодарили», украв все его сбережения и разбросав его родственников по 15-ти новым государствам.

Вот это — истинное лицо России. Но так как простых Иванов на обскрдение не выдвигали, то в тройку лидеров проведенного голосования попали Александр Невский, Петр Столыпин и Иосиф Сталин.

Почему вдруг затронут этот вопрос, хотя главная тема — взаимоотношения казачества и власти? А дело в том, что несмотря на возможные инсинуации с голосованием народ выбрал победителями всех трех государственников, то есть людей, для которых интересы государства были превыше всего. Это главный итог голосования.

В порядке отступления. Интересно было бы собрать эту тройку победителей сегодня в Кремле. Представим себе Сталина в роли президента (он на меньшее не согласился бы), Столыпина — в роли

премьер-министра, Невского — в роли министра иностранных дел и обороны. Не буду моделировать, что было бы у нас в России дальше, но одно можно представить с великой долей вероятности: через некоторое время после образования этого «триумвирата» в тех новых суверенных государствах, где слишком уж демонстративно ведется антироссийская политика, вдруг начали меняться или просто исчезать президенты, а делегации парламентов этих же стран стояли бы в очереди на присоединение к России. Простите автора за возможно грубую аналогию, но в этом что-то есть.

Итак, российской власти, при всех вышеуказанных российских обстоятельствах, необходимо постоянно опираться на какую-то стабильную, т.е. постоянную, прогосударственную силу, на которую всегда можно положиться в любом деле — хозяйственном, политическом и даже военном.

Если такой силы нет, ее необходимо вырастить. А если она уже есть? Значит, надо к ней более пристально присмотреться, изучить ее суть и возможности и постараться использовать исключительно для блага России. Может, где-то в чем-то подправить, но не бросаться таким достоянием, как казачество.

За прошедшее после 1990 года время, как было уже сказано, принято две концепции российского казачества. Но это, в лучшем случае, что-то вроде протокола о намерениях, и не больше. Все эти годы готовился и неоднократно пробивался на свет проект «Закона о казачестве», но так и не пробился. Не был найден компромисс между казачеством и властью. Возможно, одна сторона, к примеру, казачество, много просила, другая сторона (власть) не могла что-то дать, а что она предлагала, — не принималось казаками. Это вполне нормально, просто нужно было дальше искать и находить приемлемые рациональные согласованные решения.

Когда анализируешь положения концепции, заметно, что те, кто готовил ее, не были озабочены решениями проблем с казачеством в России. Серьезный документ, а смахивает на обычную пролонгированную отписку, чтобы, прикрывшись ею, еще 20 или более лет к этому вопросу не возвращаться. Автор знаком — как с положениями концепции, так и почти со всеми проектными вариантами закона о казачестве. Когда держишь в руках эти документы одновременно — концепцию и проект закона, — поневоле задумываешься, а кто же стоит за ними и какие интересы ими движут? Что, у нас

в России из ранее единого неделимого и верного государству сословия вышли разные казачества? И в эту сферу жизни или среду тоже проникли чуждые и ряженные люди, взращенные на конъюнктурных харчах для решения личных или чьих-то заказных вопросов? У казаков должны быть одни определенные властью правила, единая программа действий, направленных на тесную связь с властью и работу на государство. Одна голова во главе всего движения. Это у нас только герб российский с двумя орлиными головами, по известной причине, а над казаками должна быть одна голова и, естественно, светлая.

Нет необходимости втягиваться в дискуссию о том, кто в России по нашему сословию главнее — Союз казачьих войск или Союз казаков России. Одни содержатся властью, естественно, опираются на определенные нормативные акты, но, как показала жизнь, за весь период своего существования так ничего и не сделали, чтобы определить место казачества в России, выстроить четкую организационно-структурную и правовую основы казачьего движения снизу доверху и сверху донизу. Структура под названием «Союз казачьих войск» стала обрядово-статистичной, аморфной, и сегодня, на наш взгляд, не соответствует роли, под которую ее собственно и создавали. Может быть, инертность данной солидной госструктуры (все-таки Союз при Президенте страны) исходит не от способностей работающих в ней людей, а кроется в отсутствии опорной, законодательно утвержденной системы российского казачества. Но ведь именно эта структура, входя в коридоры власти, и должна была за все прошедшие годы подготовить работающую нормативно-правовую базу. Но в СКВ, по неизвестным мне причинам, не сделали этого, и вряд ли сделают. А теперь вот, эта гора опять родила мышь — в виде очередной никого ни к чему необязующей Концепции.

Вторая (неудобно даже так говорить) структура — Союз казаков России. Эта организация — общественная, объединяет на добровольной основе большую (абсолютно) часть казаков, зажата рамками общественного объединения и не может обойти или перепрыгнуть при решении многих вопросов тот самый госорган, который назван «Союзом казачьих войск». Поэтому, в общем плане, для казачества в целом тоже не может ничего сделать. Многие проблемные вопросы «тонут» или просто пропадают в перепалках между двумя этими структурами — бесправной, но с казаками (общественной) и правовой, но без казаков (государственной).

Они никогда между собой не договорятся в силу многих причин, а страдает и так многострадальное казачество. Здесь должна вмешаться третья сила, чтобы раз и на долгие времена определиться с казачеством в нашем государстве.

Давайте оставим все межструктурные нестыковки и определимся, что же делать с нашим казачеством вообще. За основу возьмем главную отправную точку: надо ли казачество государству и его власти в нынешних условиях? И при этом отставим в сторону рассуждения о том, что конница в армии утратила ведущую роль, что нет необходимости заставлять тех же казаков справлять для государства, но за свой счет, коня, сбрую, обмундирование в полном комплекте, что сроки военной службы стали минимальными и т.д.

Определиться надо в принципе. Если казачество, как образ жизни, как истинно прогосударственная, естественно пророссийская (ни в одной другой стране мира ничего подобного нет) сила, нужно России и ее власти — значит, есть смысл говорить об этом дальше, если нет — то все эти разговоры ни к чему.

Рассуждаем дальше. Судя по тому, что Президент России ДА. Медведев подписал Концепцию государственной политики РФ в отношении российского казачества, власть не против казачества, как такового. Естественно, Президент ожидал и ожидает, что ему кто-то предложит, что же конкретно делать дальше — в нормативном плане, определении места и разумного статуса казачества, чтобы в итоге выстроить работающую систему на пользу государства и в интересах тех самых казаков. Но вряд ли он чего-то дождется от нынешних его советников — помощников по казачеству. В лучшем случае, лет через 5-10 появится еще одна концепция. Если люди не знают и не чувствуют, что надо сделать, они ничего путного не сделают.

Вопрос с казачеством завис. Как говорится, если государство не влияет на ситуацию — ситуация начинает влиять на государство. Казачество уже есть, и надо учитывать это, как факт. И то, что казаков — миллионы, и что они желают служить России, — тоже надо учитывать. Это не простая, повторяю, организация, втиснутая в обручи общественной, в то же время и выпячивать ее в ущерб другим тоже нельзя. Как же быть? Необходимо неординарное, но устраивающее все стороны решение — и власти, и казаков, и остальное население.

На наш взгляд, было бы правильно поступить следующим образом: подготовить и принять Закон о казачестве в Российской Феде-

рации. Но он должен содержать, как обязательное условие, следующие определяющие понятия и направления, без которых будет очередной «концепцией»:

1. Казачество должно быть определено как «военно-патриотическое общественное объединение граждан» или как «общественная организация с военизированным характером деятельности». Это определение должно стать одним из краеугольных камней, основой организации. Тогда ношение, в принципе, военной формы казаками будет раз и навсегда узаконено, и члены других общественных организаций типа «любителей пива или собак-бабочек» потеряют основание показывать на казаков пальцем и возмущаться, почему те носят форму, а они нет.

2. Все казаки России, независимо от места проживания, должны входить в единую организационную структуру, например, «Союз казаков России». Почему «казаков», а не «войск»? Потому что в правовом плане эта общественная организация объединяет всех ее членов, а не структурные звенья. Пример. В Советском Союзе, хотя и состоявшем структурно из союзных республик, каждый его житель был гражданином Союза, а не конкретной республики. Это одновременно объединяло и возвышало. В техническом или организационном плане необходимо сделать так, чтобы небольшие группы казаков, в виде «землячеств» и т.п., входили только в состав тех или иных войск, не выходя напрямую на высшую казачью власть, во-первых, не «засоряя» управленческое пространство, во-вторых, поскольку сами они ничего не решают, — значит, самостоятельными просто не могут быть.

3. Верховным Атаманом Российского казачества должен быть в идеале глава государства, и не как Президент, а как Верховный главнокомандующий. Тогда и место казачеству найдется, и функции быстрее распределятся. Чтобы при этом казачество не превратилось в опричнину при Президенте, его можно было бы без особых проблем привязать к какому-то не чисто военному, как Минобороны, а к военизированному ведомству, например, министерству по чрезвычайным ситуациям. Там сегодня энергичный и инициативный министр, он быстро бы нашел, чем казакам заниматься в его ведомстве. Через основное министерство, или напрямую, молено бы наладить связи с другими ведомствами — ФСБ, в плане пограничной службы, МВД, МЧС. Это рке детали. Главное — указать для казачества военизированный стержень, нормативно и организационно на этот стержень

молено будет нанизывать все остальные вопросы. И ни на кого не оглядываться, типа «что скажет Запад» и т.п. Нам, России, так надо, а кому не нравится — это их дело.

Как вариант, можно Верховным Атаманом назначать и руководителя того министерства, куда казачество будет приписано, но лучше все же, если бы Верховным был действительно Верховный, т.е. глава государства. Это уже было в нашей истории, а лучшее из прошлого надо использовать и сегодня. Россия, все-таки.

4. Вопросы казачьего землепользования. Это очень важный вопрос, но и его можно решить цивилизованным путем, не в ущерб кому-то из других слоев населения.

Отличительной чертой казачьего землепользования должны стать не прежние казачьи довольно солидные наделы. Для казаков сегодня надо вводить общинное земельное пользование, с определением четких условий пользования наделами и установлением единого льготного натурального налога Прозрачного, постоянного и выполнимого.

С высоты своих лет могу с уверенностью заявить: на нашей земле из всего-всего, что было в XX веке, можно выделить два самых значимых действия. Первое: хорошее через плохое, второе: плохое через хорошее.

Первое: через кровь, пот и слезы, репрессии, ссылки и тюрьмы в период коллективизации мы получили супероснову для развития сельского хозяйства — большие многогектарные поля, на которых можно использовать любую самую современную технику и технологии. Эти поля стали главной основой для будущего нашего АПК, они вызвали понятную зависть у западных аграриев, которые понимали, что таких полей в масштабе целой страны у них не будет никогда, так как, чтобы их иметь, нужны революции, коллективизация, репрессии и все, что с этим связано, а этого у них уже не случится. Поэтому, например в той же Индии, где хорошая земля, много воды и тепла, где можно получать по 2-3 урожая в год, систематически не хватает продуктов питания. А главная причина в том, что у них не поля, а клочки по 0,5-1,5 га, где, кроме как на волах, не развернешься и технику не применишь.

В советское время мы по разным причинам не воспользовались этим преимуществом в АПК. А в период перестройки у нас выбили и этот козырь. Сложившаяся ситуация продолжается и до сих пор. Наше село получило обратный удар, мы называем его здесь — второе действие, добившее наш АПК окончательно. Это внезапные так

называемые «реформы» в агросекторе, грубо навязанные извне различными структурами, фондами и т.п. В контексте с развалом союзного государства шло целенаправленное уничтожение нашего продовольственного комплекса. В цепи этих реформ главным звеном было распаивание земли, в первую очередь, сельхозугодий. Бесперерывно западные эмиссары и наши, явно проплаченные кем-то, пропагандисты пускали крестьянам пыль в глаза — и фермером станешь, и землю продашь, и кредит — на тебе, и т.д. В селе был посеян хаос, уже никто ничем не занимался, поделенные на имущественные паи производственные мощности и техника были растащены или уничтожены, а земля разорвана на клочки, чтобы мы никогда уже не смогли поднять село. Цель — лишить Россию продовольственной безопасности — была достигнута, причем нашими же руками.

Те, чуждые нам, реформы в АПК, можно образно сравнить с каким-то состязанием. К примеру, идет жизнь — гонка, каждая страна выступает на своей марке машины. Одна — на «Феррари», кто на «Форде», «Пежо», а мы — на старом «Москвиче». И так еле двигались, а тут еще какие-то судьи нас останавливают и в приказном порядке (а то снимут с гонки) заставляют делать реконструкцию нашему «Москвичу», при этом предлагая запасные части от разных марок машин. Нечто подобное нас заставили сделать со своим селом. И львиная доля вины — на власти. Советская долгие годы занималась экспериментами, «перестроечная» — болтологией, российская в первое десятилетие — вообще ничем. И еще, как следствие: распаиванием и всеми сопутствующими этому действиями мы породили самую грязную и неуправляемую земельную мафию, почти во всех регионах. Государство само стало заложником земельной ситуации, отдав ее на откуп и потом получив головную боль и ненужные колоссальные дополнительные затраты по возникающим государственным земельным нуждам.

В общем, ситуация труднообъяснимая: сперва бесплатно роздали землю, теперь обратно ее выкупаем, но уже по ценам, которые диктует вылепленный нами же хозяин. И такое может быть только у нас.

Столь пространное объяснение ситуации с землей в этом материале появилось лишь потому, что казачьим общинам придется прирать землю, а где нет резерва, то и прикупить по госцене уже самому государству. Затем, пользуясь тем, что паи пока в основном обесличены, сделать так, чтобы общинная земля была максимально со-

брана в одном месте. При этом земля общине выделяется государством в долгосрочное (50-100 лет) пользование, а все вопросы землепользования внутри общины — прерогатива самой общины. И с государством земельными отношениями, условиями землепользования, налогами и т.п., занимается только община. Ничьи интересы при этом не ущемляются, имеется в виду неказачье население. Все проблемы можно при желании казаков и власти разрешить по-доброму. 5. Так же решаемы вопросы казачьего самоуправления в территориально- административном плане. В местах компактного проживания казаков было бы лучше, если главы казачьих общин (атаманы), по крайней мере на первичном уровне (хутор-село-станица), были бы и главами местных администраций. А в тех районах, где казаки не составляют большинство населения, они с администрацией найдут необходимый контакт. Особенно, если будет принят Закон о казачестве, если казаки примкнут (на договорной основе или напрямую по контрактам) к какой-то серьезной структуре, да возглавлять казачество будет всенародно избранный голова, тогда на всех уровнях власти к казакам будет совсем другое отношение. Но, повторяю, нужен закон, а в нем перечисленные выше условия:

- казачество — военно-патриотическая общественная организация;
- Верховный Атаман — Верховный главнокомандующий;
- казачество прямо или косвенно связано с одним из военизированных государственных ведомств;
- казачьим общинам выделяют землю по сложившимся в регионе средним паевым нормам цельным массивом, без ущемления прав других граждан.

Это основа, скелет взаимоотношений казачества с российской властью. Эти пункты обязательно должны быть оговорены в законе. Все остальные вопросы, сколько бы их не появилось, — производные от этих главных. Казачьи войска структурно будут жить по казачьим уставам и правилам, соблюдая свои обряды и традиции, но, начиная от атамана войска и вверх, должны действовать оговоренные в законе предложенные выше условия. В противном случае, поверьте жизненному опыту автора, ничего у нас в России с казачеством по-прежнему не получится.

Чисто общественным казачество не может быть по определению, а если казаки почувствуют, что не нужны государству, то вся эта аморфная организованность просто рухнет, на радость недругам России.

Пока все идет неправильно.

В прежние века власть российская ходила, искала казаков, то называла, то обласкивала, и, наконец, нашла с ними общий язык для общей государственной пользы. Получилось неплохо.

В наше время уже 20 лет казаки, наоборот, ищут подходы к власти, предлагая свои услуги...

Что же мы получим в итоге, если нынешняя российская власть повернется к казачеству лицом и поверит ему?

— Государство получает в распоряжение мощную, слаженную, организованную, удачно расселенную по границам военизированную структуру; ее не надо вербовать, переселять, обустривать и трудоустривать. Она уже веками сложилась и определилась. Надо признать ее право быть тем, кем она желает быть, постараться сблизить ее интересы с интересами государства, может, чем-то помочь — это будет гораздо дешевле и надежнее, чем готовить что-то взамен.

— Государство получает проверенную временем систему подготовки, даже не подготовки, а выращивания призывной молодежи, для всех родов войск и, в первую очередь, для того ведомства, к которому казачество будет примкнуто.

— Государство получает образцовую систему общественного порядка на территориях казачьих войск.

— Государство получает смену приоритетов, вытеснение криминала из армии и других вооруженных формирований. Казачьи отделения, взводы и другие подразделения, укомплектованные казаками, тем более земляками, исключают такие явления как «дедовщина» и т.п.

— Будет обеспечено рациональное использование выделенной казачьим общинам земли, и улучшится обеспечение регионов продовольствием, причем, не только казачьих.

— На примере казачьего самоуправления упорядочится система всей иерархии власти в стране, в основе которой должна быть истинная демократия в разумной увязке с единоначалием.

— Государство получает гарантированный резерв для бесппроблемного призыва на контрактной основе в любые военные или военизированные ведомства, в периоды демографических срывов или при других форс-мажорных условиях, включая различные сборы.

— Государство получает развитие народных промыслов, редких производств, племенного, спортивного и хозяйственного коневодства с выходом на международные рынки.

— Государство получает яркую демонстрацию, не показушную, а обоснованную, образа жизни российского казачества, — как пример для других регионов, с целью пропагандирования и внедрения лучших приемов, обрядов и традиций.

— Произойдет расцвет самобытной казачьей культуры и искусства, спортивно-оздоровительной и духовной жизни в казачьих регионах. Это неизбежно, если только казаки почувствуют к себе интерес и понимание власти, ощутят настоящее, нормативное и в то же время сознательное внимание власти к казачеству на уровне национальных проектов; казачество в ответ на это станет опорным национальным стержнем государства российского.

И пусть же те, кто будет знакомиться с данным материалом, рискнут поверить мне, потомственному черноморскому казаку, пережившему фашистскую оккупацию, голод и разруху, начинавшему трудовой стаж еще при Маленкове, поднимавшему целину в Казахстане 22 года подряд, прошедшему через массу различных реформ и перестроек, а также всю иерархическую лестницу в АПК — от тракториста до заместителя министра отрасли и председателя комитета по вопросам аграрной политики Верховного Совета республики, кандидату экономических наук, профессору, да и просто — как русскому человеку, гражданину России: нельзя сегодня России отворачиваться от казачества!

Это нечто неизмеримо большее, чем разговор о какой-то там общественной организации. Казачество — это и есть, по большому счету, сама Россия. В одной из написанных мною песен есть такие слова: «Да что, по существу-то ведь, осталось от России? Лишь вера православная, казаки, да гармонь!» И это — правда, с какой стороны к ней не подойдешь.

Простите меня все сразу, но я считаю, что в нынешней ситуации в России против казачества, как; определенного идейного стержня, могут выступать только те люди, неважно — обыватели, бизнесмены или представители любой ветви власти, кто против укрепления России, как государства, и кто думает только о сегодняшнем дне или только о себе лично.

По правде говоря, я решился высказать такое, может, слишком открытое, мнение о месте казачества в нынешнем российском обществе и о том, что можно и нужно предпринять для налаживания долговременных рабочих взаимоотношений власти и российского каза-

чества, по причине того, что сегодня России повезло. Никогда никому не льстил и не подыгрывал, но высказываю мнение просто ветерана — действительно, России повезло, что высший руководящий «тандем» — Президент и Премьер-министр — ведут целенаправленную, полезную для России государственную политику, а главное — перспективную. В то время, когда отдельные соседи грызутся за власть, лишь бы там пробыть хоть мгновение, лишь бы что-то урвать себе,

наши руководители ни на кого не оглядываются, а всматриваются в убогие пока бескрайние просторы России и стараются все время сделать что-то лучше.

Абсолютно уверен, их внимание привлечет и такая обыденная, но очень важная для государства линия, как отношение к казачеству. Не «концептуальное», а практическое, прикладное.

Скорее всего, среди российских казаков пока не нашлось тех, кто смог бы раскрыть власти те вопросы, которые в сжатой форме отражены в данном материале. Если бы высшие руководители получили от тех, кому положено, объективную и объемную информацию, они бы соответственно отреагировали, и что-то бы изменилось — как в отношении казачества, так и в отношении к казачеству.

Появились бы и нормативная база, и многое другое полезное. Ведь и во главе палат Федерального собрания — Совета Федерации и Государственной Думы — тоже стоят истинные российские государственники, но надо же кому-то дать толчок, импульс! Ведь потеряем казачество — потеряем то, что осталось истинно российского, а этого допустить нельзя ни в коем случае.

Все это — лишь мое личное мнение, но мнение — потомственного казака и Гражданина России. Уверен, что не только казаки, но и очень многие россияне думают так же.

ПАРТИЗАН

«Повесть»

«ВМЕСТО ПРОЛОГА»

Уважаемый читатель! Предлагаю тебе, возможно, далеко не актуальную сегодня, документально подтвержденную и в то же время свободно изложенную тему второй мировой войны 1939-45 годов, пропущенную через судьбу всего лишь одного конкретного человека. Возможно, и не надо было бы сегодня ворошить неприятное прошлое, беречь зарубцевавшиеся за много лет раны тех, чья судьба так или иначе исковеркана той войной, но я не смог, да и не имел права, не довести эту историю до живущих ныне людей, до потомков, идущих нам на смену.

В судьбе человека, о котором я пишу эту повесть, как в точке пересечения, сошлось много серьезных жизненных вопросов, многие из которых продолжают оставаться еще более актуальными, чем в те далекие военные времена. Нацизм и национализм, необъяснимая жестокость и пренебрежение к людям, героизм и предательство, порядочная семейственность и верность долгу, забота и помощь, страдания и гражданский порыв, честность и гордость за свой народ, государственность и стабильность убеждений, этика бытия — это не просто лозунговый набор высоких и обычных понятий, это как раз то, с чем ты, уважаемый читатель, познакомишься в этой книге.

Героем повести является обыкновенный человек, реально живший более сорока лет из своих восьмидесяти двух, в приднестровском городе Тирасполе, вместе с женой, детьми и внуками.

Около двадцати лет мне довелось общаться с этим обычным-необычным человеком по совместной работе и вне ее. Потому то, что изложено в повествовании, абсолютно достоверно даже по той простой причине, что сотни людей, знавших моего героя, живут и здравствуют в настоящее время.

Разговор пойдет о Тобиасе Лейбовиче Лейбу, скромном, без особых внешних отличий и примет, человеке. Наверняка, частицы чистых от природы душ, подобных его душе, поднимаясь на небо над нами, делают его таким удивительно чистым и красивым.

На примере его природа еще раз показала, что человек рождается на свет человеком, а уже потом становится русским, евреем, молдаваном и так далее, в зависимости от условий и обстоятельств его обитания и воспитания. А жизнь, опять же на примере его, показала, что не только судьба играет человеком, но и человек играет с судьбой, сознательно или бессознательно выбирая стратегическую линию своей жизни.

Да, он был евреем. Из приличной семьи. Родился и вырос в Румынии. Но он был необычным евреем — имел русые волосы, голубые глаза и, в силу объективных причин, не знал еврейского языка. Да, при двух старших братьях, убежденных сионистах, он с юных лет стал румынским комсомольцем, горел желанием перебраться в страну социалистических идеалов — Советский Союз, и ему это удалось. Он действительно пересек границу СССР с поддельными документами, правда, в самый неподходящий для переселения момент, как для него лично, так и для всей его нации — гитлеровцы в том июне вероломно напали на СССР.

До сих пор я, как автор, мог бы соглашаться с наличием у него какого-то негатива или проявлений юношеского амбициоза. Повторяю, только до тех пор, пока он не попал в новую для себя страну. А с того момента и до конца своей жизни Тобиас Лейбу всегда поступал так, как подсказывала ему совесть, всегда оставаясь при этом достойным представителем своей нации. Поразительно, но ему никто и никогда не верил, что он еврей — ни немцы, ни румыны, да и русские тоже. А он, молодой парень, с первых дней пребывания в новой для себя стране, не зная языка, обычаев и нравов, сразу попал в горнило ужасной войны, называл себя евреем, хотя мог бы, подстраиваясь под обстоятельства, назваться румыном, французом, или далее немцем, языками которых он владел в совершенстве. Что такое быть евреем в первые дни войны, знают только жившие в то время евреи!

Образно говоря, Тобиас, не имея за собой никого и ничего, почти год воевал с фашистами в одиночку. Со «звездой Давида» на груди он кочевал из одного концлагеря в другой, был неисправимым сторонником побега, за что подвергался многократным побоям и издевательствам.

ствам; и только попав в партизанское братство, почувствовав за спиной великую, ставшую до конца его второй родиной страну, доброту и отзывчивость окружающих его людей разных национальностей, он по-настоящему раскрылся — и как человек и как воин-работяга.

С тяжелейшими ранениями в голову, он после окончания партизанской войны не искал себе места потеплее, хотя и имел на это право, а всеми правдами и неправдами опять прорвался на фронт и закончил войну в Берлине. Он и после войны, работая почти до семидесятипятилетнего возраста, оставался все тем же партизаном, воюющим за порядочность в отношениях между людьми. Такие люди иногда даже кажутся странными, а в настоящее время для отдельных личностей и опасными, так как они ничего и никому не должны, ни с каким злом не связаны, а значит, никого не боятся. А он был таким, таким и остался в памяти всех, кто его знал.

В последние десятилетия все чаще поднимаются вопросы национальных, религиозных и связанных с ними отношений. Как гражданин России, русский с украинскими корнями, а таких в России не меньше половины, по той простой причине, что расселение Руси шло не с севера и востока к Киеву, а на оборот, могу, с высоты возраста, с уверенностью сказать, что на всей огромной территории бывшей России, затем Советского Союза, да и в настоящее время, вопросы национальной принадлежности людей на основном, первично-бытовом, уровне по большому счету не возникали. Чаще всего они провоцировались и подогревались кем-то заинтересованным, то есть теми, кто свою некомпетентность, никчемность или ничтожность прикрывали якобы национальным притеснением. Особенно ярко это проявилось в предразвалный период Советского Союза и в первые постсоветские годы, а в отдельных суверенных теперь государствах проявляются и в настоящее время. Причем, чем беднее страна, тем легче всколыхнуть народ национализмом, отвлечь его от насущных проблем и сформировать образ врага. Способ проверенный. Упор делается на молодежь. Гораздо легче побрить затылок, надеть кованые ботинки и безнаказанно орать: «Россия — для русских!», «Молдова — для румын!», «Украина — для украинцев!», чем работать на заводе или в поле и т.п. Когда-нибудь выяснится, что действия провокаторов финансируются кем-то из-за рубежа, теми силами, которые заботит далеко не чистота расы, а дестабилизация обстановки в той или иной стране.

Этим повествованием я еще раз хочу всем напомнить, что люди равны перед Богом и Законом, все без исключения. Хотим мы того или нет, нам придется жить вместе, русским и евреям, татарам и украинцам и т.д., и всем работать на благополучие своей страны, вносить свою лепту, каждый по возможностям и по способностям.

Более чем стыдно слышать от представителей титульной нации заявления типа: «В России — ни одного русского министра» или «На телевидении (радио), ведущей прессе — все люди одной национальности» и т.п. Стыдно потому, что на одного еврея в той же России приходится примерно сто пятьдесят русских. Кто же нам, русским, мешал все эти годы демократическим путем попасть во все властные структуры? Или мы сперва за стакан вина или рюмку водки, кулек макарон или плохонькое радио в подарок, голосуем за кого угодно, а потом кричим, что все посты в государстве остались без русских...

Стыдно, господа-товарищи, и давно пришла пора отбросить все нам мешающее, тем более выяснения, кто более матери-истории ценен. Все мы — дети России, и все ей ценны. Марк Бернес и Леонид Утесов, Михаил Ботвинник и Сергей Эйзенштейн, Илья Ильф и Евгений Петров, Иосиф Кобзон и Геннадий Хазанов, и еще тысячи евреев-россиян. Все мы для всего мира — русские, даже если у нас в паспортах значится, что мы, украинцы, белорусы, татары и представители других национальностей Государства Российского. Нам здесь жить!

В подтверждение всего этого и представляю на суд читателя повесть о настоящем человеке.

ГЛАВА 1. ТРИНАДЦАТЫЙ

«Тринадцатый, тринадцатый, где тринадцатый?!», — кричал старший конвоир, молодой немецкий унтер-офицер, бегая вокруг строя и в который раз пересчитывая вверенных ему арестантов. Двенадцать были в наличии, одного не было. Весь день группа работала на территории бывшего лесопильного завода, подбирая пригодные пиломатериалы для обустройства расположенного неподалеку, в нескольких километрах, лагеря для лиц еврейской национальности, военнопленных и партизан.

Весь день все тринадцать арестантов находились на глазах охранников, но вечером, при построении для возвращения в лагерь, одного не оказалось.

На крики старшего команды никто не откликнулся. Тогда он положил группу на землю, оставил над лежащими двух солдат-охранников и в сопровождении местного старосты отправился на поиски беглеца. Немец понимал, что через час-полтора стемнеет, и поиски будут бесполезными.

Беглец находился рядом. Он спрятался в большом деревянном, почти разрушенном заводском туалете. Песчаные стены ямы давно осыпались, сама яма была беспорядочно завалена старыми досками. Наполовину зарывшись в песок, прикрываясь обломками досок, беглец надеялся дождаться до темноты, а там видно будет. Он слышал, как бесновался старший охранник, как звали его товарищи по лагерю, которым грозило наказание за его побег, но молчал.

Тело его непроизвольно вдавливалось в песок, пытаясь раствориться в нем, стать невидимым хотя бы на время. Он знал, что его ждет, если будет обнаружен, и все-таки на что-то надеялся.

Не вышло. Его нашел сын старосты, настырный такой, небольшой парнишка, весь день крутившийся возле арестантов, выслушивая и вынюхивая. Он пролез в небольшую дыру, куда взрослому не пролезть, увидел беглеца и закричал: «Пан, а ось вин, ось вин, в нужнику ховається».

Подбежал староста, за ним старший охранник, и с криком: «Фарфлюкте швайне» начал стрелять в яму. Крики и выстрелы продолжались до тех пор, пока не закончились патроны. Отдав винтовку старосте, унтер-офицер пошел искать, чем вытащить беглеца из ямы. Действовал он больше на устрашение публики, так как, стреляя почти в упор, ни разу не попал в беглеца. Не попал не из жалости, или по каким-либо другим гуманным соображениям, просто тащить мертвого или раненого несколько километров до лагеря по ночному лесу было для него нежелательным.

Он подбежал к перекошенному пожарному щиту, на котором ничего не было, кроме ржавого пожарного багра, схватил его, и попытался вытащить арестанта из ямы. Багор сразу зацепился, как выяснилось позже, за воротник домотканой куртки, так что немец с помощью старосты довольно быстро и без особых травм, вытащил беглеца наружу.

Затем выволокли его перед поднятым строем и стали бить. Сперва ногами и прикладами, потом старший охраны взял винтовочный шомпол и долго бил им по голове и спине. В связи с наступающей темнотой экзекуцию пришлось приостановить до прихода в лагерь. Беглеца поставили в строй замыкающим, сзади него шел сам старший охранник и по поводу и без повода подталкивал его прикладом. Пока шли в лагерь — стемнело.

Лагерь размещался на небольшом возвышении, недалеко от моста через реку Припять. Вокруг — пойма, болотистое место. Два сколоченных наспех барака, бывшие летние войсковые казармы, да невдалеке два деревянных дома для комендатуры и подсобных помещений (кухня, лазарет и т.п.).

В центре плаца — несколько корявых низкорослых деревьев, одно было приспособлено под виселицу, а другие, очищенные от коры, служили местом экзекуции для нарушителей лагерных порядков.

К приходу группы из лесопильного завода арестанты были построены в две шеренги. Три больших костра, два по краям строя и один в центре, освещали территорию. Перед строем стоял комендант лагеря со своей свитой. Позади них к двум очищенным от коры деревьям были привязаны лицом к стволу двое полуживых арестантов. Они пытались бежать вчера, дошли до первой деревни, а рке утром, связанные местным старостой, были доставлены на повозке в лагерь.

Их раздели, привяли к деревьям, весь день с перерывами били и оставили привязанными до вечера, когда вернется с работ весь лагерь. Вечером, задержав ужин, комендант заявил перед строем, что те двое, которые привязаны к деревьям за его спиной, на рассвете будут расстреляны. Они третий раз пытались бежать и заслужили свою участь. И что он бы с удовольствием перестрелял их всех, но слишком много надо выполнить работ для армии, потому он заставит всех работать. За любой следующий побег — расстрел. После этого раздали свекольную похлебку и объявили отбой.

Старший группы, прибывшей с лесопильного завода, скорее всего доложил коменданту об инциденте о попытке бегства, но или она была представлена как примитивная, или старший группы посчитал, что учиненная им экзекуция подействовала, а комендант, предупредив о расстреле за первый же побег, как бы поставил в этом деле точку, — так или иначе, но в этот вечер никаких действий в отношении неудавшегося беглеца не последовало. Арестованных отправили в барак.

К полуночи пошел сильный дождь. Тобиас прислушивался к его шуму по деревянному скату крыши и вспоминал прошедший день. Сколько таких дней прошло через его жизнь с начала войны? И всегда его за что-то били, били и били. Он толком не знал, за что. Вот и сегодня тоже. И все же надо попытаться заснуть, а что будет завтра, кроме Бога, никто не знает. Что-то будет, и вряд ли оно будет хорошим.

Побитое тело гудело. Казалось, по нему прошелся какой-то каток. Болело все. Когда его вытащили из ямы на лесозаводе и били ногами, он извивался, прятал голову, как мог, смягчал удары, но от шомпола унтер-офицера защиты не было. Он бил беспощадно и непредсказуемо. А потом всю дорогу с размаху подталкивал прикладом. «Почему он не застрелил меня в туалетной яме? — недоумевал Тобиас, — что ждет меня завтра?».

Раздумья метались в побитой голове, но потом все вытеснила вдруг откуда-то появившаяся всепоглощающая мысль: «Почему я здесь? Что от меня хотят эти немцы, румыны, полицаи? Что я им должен? И кто я вообще такой, и что делаю в этой стране? Как я попал в такую жизнь? Что я такого сделал?»

Он родился в Румынии, в приличной еврейской семье, знатного старинного рода. Предки Тобиаса носили фамилию Лейбу и довольно серьезно означили свое пребывание в этой стране. За определенные заслуги перед королевством, и до и после образования румынского государства в середине девятнадцатого века, все члены семейства Лейбу специальной грамотой были «романизированы». То есть практически уравниены в правах с румынами. В отличие от многих других румынских евреев, практически политически бесправных, Лейбу и их потомки имели право на владение землей, обучение в гимназиях, лицеях, университетах, на службу в армии, работу в государственных учреждениях, естественно на занятие предпринимательской деятельностью и, что было особенно важно, имели право быть похороненными на румынских кладбищах.

Предки Тобиаса Лейбу имели основные корни в селе Подурь Мойнештской волости уезда Бакэу. Их поместья кучковались в центре села, где жили наиболее уважаемые жители, включая представителей власти, духовенства и им подобных.

Менялись поколения, менялись времена и условия; корень Лейбу пускал фамильные отростки, и во все времена, за предвоенные более чем сто лет, представители этой фамилии занимали достойное место

не только в уезде Бакэу. Они строили школы и синагоги, занимали высокие государственные посты. После крестьянских волнений 1907 года, затем после первой мировой войны и особенно с приходом к власти фашистов в Германии, постепенно усложнились условия жизни еврейских общин и в Румынии. Наиболее влиятельные представители семейств Лейбу, используя свои связи в иностранных посольствах, особенно в английском, начали перебираться в Палестину. Часть уехала еще до первой мировой, часть в двадцатые-тридцатые годы.

Семья Тобиаса до войны никуда не трогалась, жила своей жизнью, так и занимая достойное положение, хотя и не была особенно богатой.

Отец — Иаков (Янку) был представителем третьего поколения того прославленного, романизированного, корня Лейбу. Он много лет работал лесничим в имении своего дяди — Абрама Лейбу, был достаточно образованным человеком, умелым организатором, строгим, но справедливым как к окружающим, так и к членам своей семьи.

Семья была большая. Жена и шестеро детей. Дети боготворили мать, считая ее святой. Она отдавала себя семье целиком, рано заболела и ушла из жизни, когда Тобиасу было 12 лет. Он был последним, шестым ребенком в семье, и уход матери больнее всего отразился на нем, как младшем

Возрастной разброс между детьми в семье был достаточно велик. Так, старший брат, Иаков (Янку) был старше Тобиаса на 16 лет. Он окончил еврейско-румынскую школу, гимназию, лицей в Бакэу, университет в Бухаресте. Стал известным адвокатом, затем много лет был членом королевского трибунала. Был активным общественным деятелем, главным редактором ведущих сионистских газет и журналов и, несмотря на активизацию фашизма в Румынии, сумел продержаться в Бухаресте. Он был убежденным сионистом, но всегда поддерживал связь со своей семьей и старался помогать родственникам в различных делах, особенно в вопросах выезда за рубеж.

Второй брат — Исаак, окончил городскую школу в Мойнештах, несколько классов гимназии. Учиться в те времена в гимназии или лицее стоило довольно дорого, но учеба в лицее давала возможность сокращения срока службы в армии. Как ни старались отец и старший брат, Исаак: все-таки был мобилизован. Как он позже рассказывал, призвали его в артиллерийские войска, часть находилась в Галаце, и после первых дней знакомства с армейской жизнью он чуть не бросился в Дунай. Служить в румынской армии тех лет, с палочной

дисциплиной, с высокомерно-снобистскими повадками офицеров, в большинстве своем наследных и по этой причине недалеких, с примитивным вооружением и обеспечением, было равносильно каторге. Исаак служил в артиллерии ездовым, так как орудия перевозились на волах, и когда бывал дома в увольнении, рассказывал много веселых, а больше невеселых историй, пугая младших братьев перспективой армейской службы.

После окончания срока пребывания в армии Исаак одно время работал дантистом, а затем с помощью старшего брата занялся коммерцией и коммивояжерством. Женился, жил в Бухаресте. Политикой особо не интересовался, но тяготел к сионистским убеждениям.

После двух старших братьев родилась сестра Дора (Доли). Она окончила начальную школу в родном селе, несколько классов лицея и осталась дома. Раньше девочек далеко от дома не отпускали. Она была главной помощницей мамы. В 1937 году вышла замуж и уехала в Палестину.

После Доры был брат Марчел. Он тоже окончил в городе еврейско-румынскую школу, затем в Бакэу — торговый лицей, и вместе с Исааком занимался коммивояжерством.

Марчел, в отличие от старших братьев, симпатизировал коммунистам и к середине 1940 года нелегально перебрался в СССР. По слухам, он обосновался в Черновцах, еще до присоединения Западной Буковины к СССР. Больше года вестей от него не было.

На два года старше Тобиаса была сестра Роза. Она тоже закончила начальную румынскую школу и находилась дома, помогая по хозяйству.

В 1922 году, в год рождения Тобиаса, отец построил в Подурь, в самом центре села, рядом с домом румынского священника, большой сорокапятиметровый дом. Высокий, красивый, удобный, окольцованный по всему периметру удобным балконом, дом был построен под семью, в нем были и большая прихожая, куда выходили детские комнаты, кухня, комната родителей и «одая куратэ» (чистая комната) или подобие большого зала.

Семья Лейбу жила дружно, при хорошем достатке. Держали землю, имели скот, лошадей верховых и ездовых. Никто в семье не пил и не курил. Строго соблюдали все еврейские обычаи. Синагоги в их селе не было, зато за несколько километров в Мойнештах их было три, причем все были построены в разные времена предками Лейбу.

В одну из синаног, самую большую, каждую неделю и по праздникам ездила семья Тобиаса. После молений гостили у родственников отца в Мойнештах. Пищу, как правило, готовили дома и брали с собой. На еврейскую Пасху снимали с чердака «священную» посуду и готовили все, что было положено к такому празднику.

Когда построили новый дом, то часто свадьбы родственников из Мойнешт проводились в селе. Так было выгодней по обеспечению, да и места больше, чем в городских домах и квартирах. К тому же и само прикарпатское село Подурь с примыкающими к нему вплотную селами Валя Шоший и Прохорешть, было прекрасным местом не только для жизни и работы, но и отдыха. В селе и его окрестностях было несколько поместий рода Лейбу. По мере возникновения революционных настроений и волнений в среде окружающего их крестьянства, а затем постепенного выезда наиболее богатых еврейских семей в Палестину, такие имения, особенно вне сел, постепенно разрушались и растаскивались, но село Подурь оставалось красивым и привлекательным.

Семья Лейбу хорошо ладила с соседями. Основная масса их была румынами, была семья немца-заводчика, рядом жил просвещенный настоятель главной церкви села с огромной семьей из 14 детей. У него в семье культивировались два языка — румынский и французский. Напротив дома Лейбу жила также многодетная немецкая семья, потому Тобиас с малых лет общался с соседскими детьми, свободно говорил и по-французски, и по-немецки. Тем более, что позже учил французский уже в школе и в гимназии.

У шестого ребенка семьи Иакова Лейбу, Тобиаса, было два парадокса, которые сыграли свою определенную, скорее всего, негативную роль, в его дальнейшей жизни. Первый — он был русоволосым с голубыми глазами, второй — он не знал еврейского языка, как не знали его и две его сестры. В этом плане они были как внутрисемейными, так и просто «гоями».

Дело в том, что в романизированных еврейских семьях, как правило, в силу различных причин, говорили по-румынски. Отец с матерью иногда общались между собой на идиш, но с детьми специально говорили по-румынски. Старшие три брата, которые учились в еврейско-румынских школах и гимназиях, знали еврейский, а две сестры и младший Тобиас, в еврейской школе не учились.

Его с шести лет отдали в начальную румынскую школу в своем селе. Проучившись четыре года, он год находился дома, пока в Мойнештах не открылась частная опять же румынская гимназия. Отец выделил одиннадцатилетнему Тобиасу ездовую лошадь под седлом, и на ней он ездил в Мойнешты, в гимназию.

В гору и на ровном месте чувствовал себя в седле уверенно, а под гору — часто падал. Дома он садился в седло с балкона, в городе на время занятий оставлял лошадь у родственников, затем искал какое-либо возвышенное место, чтобы влезть на коня. Часто еврейские мальчишки Мойнешт дразнили и кривлялись перед маленьким ездоком, пугали лошадь. В ответ Тобиас гонялся верхом за ними и хлестал их нагайкой. Малышня жаловалась на него родителям, но те знали, чей он сын, и оставляли жалобы без внимания.

Три года отучился он в гимназии, потом ее закрыли; ходил в школу; затем поступил в Бакэу, в лицей имени принца Фердинанда. Но на подходе был сороковой год. Евреев и гласно, и негласно стали притеснять и в Румынии. И не только простых евреев, которые и раньше особых прав не имели, но и лояльных, «романизированных». Пришлось перейти на заочное отделение, нанять репетитора. В качестве репетитора попался довольно способный юноша-еврей, он занимался с Тобиасом по всем предметам программы лицея, в т.ч. по политэкономии. В Румынии, начиная с 1914 года, шла чехарда с королями. В то же время набирали силу молодежные и взрослые организации фашистского толка и, как это ни было странным — марксистско-коммунистическое движение. Нанятый Тобиасу репетитор оказался членом союза коммунистической молодежи Румынии, был довольно грамотным и убедительным пропагандистом идей марксизма. Он за короткий срок втянул в комсомольскую организацию молодого Тобиаса. Тобиас активно включился, как он считал, в революционную борьбу угнетенных людей, участвовал в различных молодежных мероприятиях и довольно серьезно работал над собой, изучая классиков марксизма. Из прессы он и его соратники уже знали о еврейских гетто и лагерях смерти «Дахау» и т.п.

Еще тогда он решил для себя, что несмотря ни на какие лишения будет бороться за права простых людей. Мечтал стать настоящим коммунистом и попасть в СССР. Тем более, что летом 1940 года часть территории Румынии — Бессарабия, вошла в состав Советского Союза.

В декабре 1940 года репетитора Тобиаса арестовали прямо в доме, страшно избили при родителях и отвезли в тюрьму.

Угроза ареста нависла над самим Тобиасом и его сподвижниками. Через Тыргу-окна и Фокшаны он добрался до Бухареста. Но и там, несмотря на возможности старшего брата, ему долго задерживаться было опасно. Брат помог ему найти на окраине Бухареста своего бывшего сокурсника по университету, работавшего частным нотариусом, еврея по национальности, который имел выдающиеся способности, чтобы изготовить любой документ, любую печать или штамп.

По договоренности между Советским Союзом и Румынией, да и с другими государствами, был разрешен переезд граждан по месту их рождения.

По просьбе брата ловкий провинциальный нотариус выправил Тобиасу документ, подтверждающий, что он еврей, но родился в городе Флорешты, в Бессарабии, с августа 1940 года находящемся на территории вновь образованной Молдавской ССР. Документ давал право обратиться в соответствующие миграционные органы Румынии с просьбой разрешить выезд по месту рождения, т.е. в город Флорешты.

Старшие братья помогли с одеждой и продуктами. Переходными пунктами из Румынии в СССР были определены станция Глубокая в Черновицкой области на севере и город-порт Галац на юге, стоящий на румынском берегу Дуная в связке с также портовым городом Рени уже на советском берегу.

После многочисленных унижений и мытарств, избитый и полностью ограбленный румынскими полицейскими, Тобиас вместе с довольно большой группой репатриантов-переселенцев, попал на баржу для переправы через Дунай на советскую сторону.

Румыны три дня держали людей в открытом ложе баржи. Еды, воды не было, туалетов тоже. С подходивших катеров по баснословным ценам предлагали воду, еду, пиво, вымогая все, что у кого-то осталось ценного. Никакой врачебной помощи. Так в природе не поступали даже звери. В довершение ко всему, баржу буксиром вытаскивали на середину Дуная и еще два часа держали людей под проливным декабрьским дождем со снегом. Несколько человек от отчаяния пытались прыгнуть в ледяную воду, но этого не допустили стоявшие рядом.

Когда Тобиас спросил командира группы сопровождения, румынского полковника, по какому праву они так издеваются над людьми, тот позеленел от злости, выхватил пистолет, заорал бешеным голосом, но стрелять побоялся, так как недалеко, на советском берегу, их уже ждали представители советских пограничных и других органов. Они все видели и слышали.

Когда баржа наконец-то была подтянута к пристани, переселенцы с радостью покинули эту временную тюрьму и высыпали на берег. Первое, что увидел Тобиас, — большой металлический щит, на котором были укреплены портреты высших советских руководителей. Сталин, Молотов и другие, известные Тобиасу люди, еще со времен занятий в подпольном комсомольском кружке. Посмотрев на них, он вернулся к берегу. Катер с румынскими пограничниками и полицейскими стоял метрах в десяти от берега и готовился к отплытию.

«Полковник, — крикнул Тобиас, — Слушай!».

Он пропел по-румынски один куплет партийного гимна — Интернационала и добавил: «Жалко, что ты не остался на этом берегу, уже к вечеру кормил бы раков на дне Дуная. А через год я с Красной Армией буду в Бухаресте».

«Ты, жиденок недобитый, — заорал в ответ полковник, — скажи спасибо своему Богу, что я тебя не утопил за эти дни в реке. И запомни, это я через год приду сюда, возьму тебя в плен, а потом узнаешь, что с тобой и такими, как ты, сделаем!».

К сожалению, он оказался прав. До сорок первого года оставалось совсем немного времени. И каким он будет, мало кто знал.

Вместе с Тобиасом на советскую сторону перешел и его двоюродный брат.

Так осуществилась долго вынашиваемая мечта румынского комсомольца Тобиаса Лейбу попасть в страну социализма Советский Союз, где по его понятиям — все люди были равны, независимо от национальности, вероисповедования, образования и цвета кожи.

После регистрации Тобиас с двоюродным братом попросили разрешения выехать в город Бендеры. Там нашли каких-то знакомых, от которых узнали, что брат Марчел и еще несколько земляков вроде бы обосновались в Черновцах. Пришлось вдвоем двигаться туда.

В конце декабря 1940 года Тобиас прибыл в Черновцы и занялся поисками брата. Дома, в Подурь, у него оставались только отец и младшая из сестер. Конечно, Тобиас переживал за них. Отец после смерти матери как-то сразу постарел, стал еще более молчаливым и замкнутым, часто молился. Основная тяжесть забот по их немалому хозяйству легла на плечи сестры.

При всем этом они все-таки были на месте, в родном доме. Два сионистски настроенные старших брата оставались в Бухаресте, двух меньших братьев, социалиста Марчела и Тобиаса, ждала встреча в Черновцах.

Черновцы был прекрасным городом бывшей Австро-Венгерской империи, и именно здесь, через несколько дней после приезда, в центральном магазине «Пассаж» с помощью знакомых он встретил Марчела, а с ним еще нескольких человек, бывших подпольщиков.

Встреча была более чем радостной. Встретить родных людей и по крови, и по убеждениям в это жестокое время было поистине счастьем, тем более в социалистической стране. Верный данному себе обету, Тобиас начал искать самую тяжелую работу, чтобы приносить больше пользы новому для себя обществу. Уже на второй день он пошел на железнодорожную станцию и устроился на работу грузчиком.

Он по фактуре явно не походил на классического грузчика, но это его не смущало. Там же работал и его брат. Жили они большой группой в каком-то сарае у двух хозяев-немцев, почему-то не уехавших в Германию при массовом выезде немцев в 1938-39 годах.

Проработав несколько месяцев на железной дороге, к весне пошли на работу на фурнитурную фабрику, жили уже вместе с братом в городе, снимали квартиру.

Марчел познакомился с какой-то молодой девушкой, очень нервной и вспыльчивой, за что Тобиас ее сразу невзлюбил.

Шла весна 1941 года. Рядом была граница, там же стояли фашистские войска. Во всем чувствовался запах войны. Стало больше военных в городе, да и все разговоры вращались вокруг военной темы.

Тобиас с радостью и гордостью рассматривал висящие по городу красные флаги, звездочки на фуражках военных и огромную деревянную красную звезду — памятник в центре города. Он продолжал считать все советское святым.

Получил пятилетний паспорт, красный советский, где было указано, что он еврей, что родился в городе Флорешты в Бессарабии, живет в городе Черновцы. Другим давали трехмесячные, годичные, трехгодичные, а ему, наверное, как самому молодому, да еще комсомольцу, дали пятилетний. Некоторых переселенцев вообще отправляли в Сибирь, видимо было за что, а может, и не было.

Все складывалось вроде бы неплохо, но рано утром 22 июня к ним в комнату вбежал немец, хозяин квартиры, с криком: «О, майн готт, дойче-русише криг!» Война! Уже утром немецкие самолеты бомбили город. Фурнитурный завод, где работали братья, проработал еще с неделю и остановился. Директор завода, выступая на митинге перед коллективом, заявил, что война скоро закончится и что наши, наверное, уже в Яссах.

Тобиас пошел в военкомат, попросился в армию. Не взяли. Маленький, нет 18 лет, а главное — только прибыл из вражеской страны, да еще по-русски ни слова не знает. Тогда он сам ушел из города на восток. На мосту через реку Прут группа красноармейцев во главе с офицером (позже Тобиас по шпалам на петлице узнает, что тот был майором) минировали мост и заодно охраняли его.

Офицер остановил Тобиаса, потребовал документы и спросил, куда он идет. Тобиас сказал то слово, которое знал по-русски: «Сибирь».

«В Сибирь, если надо, то повезут, — сурово сказал майор, — а пока возвращайся обратно в город. Не имеем мы права пропускать одиноких путешественников в военное время».

Тобиас пошел обратно в город, навстречу шли двое молодых людей. Они рассказали, что к городу с трех сторон подошли немцы, румыны и венгры. Немцы уже в городе. Евреи бегут, прячутся, где кто может. Спросили, почему он не ушел за Прут. Тобиас объяснил. Ребята посоветовали назваться учителем, мол, идешь в ближайшую деревню к детям.

И действительно, когда он заявил на мосту, что он «учител», майор внимательно посмотрел на него и сказал: «Да ладно, дуй в свою Сибирь».

Отойдя от города километров 40-50, Тобиас вышел на шоссе, ведущее к мосту через Днестр. Кого только не было на шоссе!/? Военные, гражданские, старики, дети, машины, орудия, повозки. Он пристроился к одной из военных колонн, познакомился с солдатами, питался с ними, вместе переносил налеты авиации. А бомбили немцы шоссе по какой-то системе: самолеты заходили волнами, сбрасывали бомбы на головы людей, «поливали» людей из пулеметов. В такие минуты на шоссе было что-то адское. Во все стороны разлетались тела и части тел людей, лошадей, техники. Все гудело, кричало, трещало и горело.

Перед самым мостом через Днестр Тобиас, лежа в водосточной канаве, насчитал армаду самолетов в 48 штук. Они безнаказанно бомбили и поворачивали обратно.

В одну из пауз между бомбежками Тобиас вместе с толпами людей перешел Днестр. Никто не знал, куда дальше идти, где фронт и есть ли он вообще. Людские потоки разделялись, одни поворачивали в сторону Могилев-Подольска, другие шли прямо на восток, третьи шли на север, кругом царили хаос и неразбериха. Тобиас прошел небольшой городок Жванец в 10 км от Каменец-Подольска, но при облаве был пойман и помещен во временный еврейский лагерь.

Там, к удивлению и счастью, встретил брата Марчела. Он тоже бежал из Черновцов.

Тобиас несколько раз пытался бежать из лагеря, его ловили и били, били нещадно, чаще всего по голове. Зимой заболел и умер в лагере Марчел, люди там вообще умирали десятками ежедневно. Тобиаса ничего больше не удерживало в лагере и, он снова, в восьмой или девятый раз, бежал.

А так как языка он не знал, не знал людей, не знал местности, то при очередной облаве на рынке Каменец-Подольска был пойман и помещен в еврейский лагерь «Мертвая петля» у села Печора. Хозяева там румыны.

Для заключенных по обращению они были хуже немцев, но были одновременно очень продажными, поэтому имевшие возможность могли откупиться от лагеря. Хотя в принципе это было бесполезно, от одних откупиться сегодня, другие поймают завтра. Идти все равно было некуда.

Из Печоры можно было бежать, но, по большому счету, это было действительно бесполезно. За время, проведенное в этом лагере, Тобиас понял, что не все румыны-охранники — звери, с другой стороны, видел, как некоторые евреи сотрудничали и предавали своих.

Когда Тобиас бежал в очередной раз, то направился окольными путями в Каменец-Подольский. Прятался в кустах, а когда вышел на дорогу, сзади бесшумно подкатил фаэтон на резиновом ходу. В нем сидел солидный немецкий офицер, на облучке — кучер. Тобиас опешил и не сразу вспомнил о том, что забыл сорвать с груди звездустигранник, еврейскую отметину.

Было поздно. Поравнявшись с беглецом, немец остановил фаэтон, приставил к груди Тобиаса пистолет и спросил: «Еврей? Бежал?». Тобиас кивнул утвердительно, успев при этом подумать: «Неужели мне придется лежать на дороге?»

Немец заставил его сесть в фаэтон и повез в Каменец-Подольский. По дороге они обогнали группу украинцев-волонтеров, по-нашему — полицаев. Подозвав старшего из них, он приказал взять Тобиаса и сдать в Каменец-Подольскую фельдкомендатуру, а сам поехал дальше.

Полицаи заявили, что чихали они на приказ немца, и завезли Тобиаса к своему начальству в том же Каменец-Подольском. В кабинете, куда его привезли, сидел человек в советской военной форме, без знаков отличия. Он, как оказалось, хорошо знал молдавский язык. То-

Тобиас почему-то поверил ему и вкратце рассказал ему всю свою неудачную жизнь.

Тот все понял и тоже поверил. Потом спросил: «Чем я могу помочь?» Тобиас попросил, дайте, мол, какую-нибудь бумагу, чтобы меня, как зверя, не ловили при облавах, я ведь ничего никому не сделал плохого, а меня и мне подобных ловят, арестовывают и бьют только за то, что мы — евреи. И покажите, куда идти.

Полицейский начальник сделал ему даже два документа, один на немецком (аусвайс), другой — на украинском, что-то виде справки, и отпустил. Но правду говорят в народе, что бьют не по паспорту, а бьют по морде. Километров в двадцати от Каменец-Подольского Тобиас попал в лагерь венгерских евреев. Красивые, здоровые, внешне крупные парни, просто стыдно было за то, что их немцы взяли у себя на родине голыми руками.

Вообще, первое время с еврейскими лагерями на Украине было попроще. Немецкое начальство приезжало, объявляло руководству общины условия и суммы денег, золота и т.п. Община сбрасывалась и временно откупалась. Так продолжалось до тех пор, пока у лагерников ценности не закончились. Тогда и порядки в лагерях установили совсем другие.

У Тобиаса не было с собой никаких ценностей, кроме молодой его жизни, да и он ее отдавать просто так никому не собирался.

Весной 1942 года в городке Уринин, во время облавы, Тобиас перепрыгнул через какой-то забор, залез в большую стоящую рядом повозку и там притих. Но через несколько минут услышал немецкую речь и увидел склоненные над ним две головы солдат. Бежать было бесполезно, да и, как оказалось, — незачем. Один из солдат оказался чехом, второй — австрияком. Оба ненавидели фашистов. Они понимали, что оставаться Тобиасу одному в такой обстановке — смерти подобно, все равно рано или поздно поймают. И решили ему помочь довольно простым способом.

Как раз в это время немцы формировали большой обоз для отправки на фронт. Перед наступлением на Сталинград и Кубань нужен был дополнительный гужевой транспорт. Лошадей и повозки собирали по оставшимся колхозам. Немцы не стали уничтожать колхозы структурно, прекрасно понимая, что через колхоз гораздо проще и оперативнее можно влиять на жизнь села.

Собрав обоз, снабдили его небольшой охраной, ведь по тылам предстоял рейс, а ездовых на повозки набирали из гражданских лиц. Рисковали на такой вояж и евреи. Все-таки путь не близкий, времени пройдет немало, да и лучше быть ездовым в обозе, чем арестантом в лагере.

Ян Ружичка, так звали чеха, на которого вышел Тобиас и австриец Леноллер, помогли ему попасть в обоз ездовым. «Мы тебя подвезем прямо к фронту, — сказал Тобиасу Ружичка, — а там сам посмотришь, что делать».

Тобиас был вне себя от счастья. Самому ехать в сторону фронта, легально, ни от кого не прячась — о таком молено было только мечтать!

На подводе Тобиас проехал через всю Украину. Винница, Кировоград, Кривой Рог, Запорожье, Донбасс. А фронт уже и Донбасс прошел.

Доехали без приключений, груза у них особого не было, так что времени ушло чуть больше полутора месяцев. Тобиас сдружился с чехом и австрийцем, и время прошло незаметно. Однажды, когда до линии фронта остался один переход, Ружичка сказал: «Ты должен остаться здесь, ближе к фронту тебе нельзя. Видишь, на краю села сарай стоит колхозный, спрячься в нем на день-два, мы обоз сдадим, я приду к тебе, и вместе постараемся пробраться к Красной Армии».

На том и расстались. Ружичка оставил немного еды. Тобиас осмотрел сарай. Стены из веток, обмазанных глиной, соломенная крыша. Он как будто специально придуман для сжигания в нем чего-то живого, в т.ч. людей. Сколько еще таких сараев предстояло увидеть Тобиасу в недалеком будущем, где фашисты сжигали сотни людей, в том числе и евреев, белорусов, русских!

Прошло два дня, Ружичка не появлялся, зато появились другие. На рассвете третьего дня немецкий конвой пригнал человек двести или более советских военнопленных, прямо с фронта. На следующий день пришли машины. Всех пленных, в том числе и Тобиаса, погрузили и повезли на запад.

Слишком хорошо не бывает долго, вместо фронта — опять лагерь. Разгрузили их в Днепропетровске, как позже оказалось, в бывшей тюрьме. И здесь Тобиас получил первый жизненный удар по его социалистическим идеалам. На фронтоне тюрьмы был крупно написан год ее постройки — 1935. «Как? — не верил своим глазам Тобиас, — в СССР строят тюрьмы? Вот и эту совсем недавно построили!» Это было действительно ударом, и, как оказалось позднее, не последним.

Из Днепропетровска пленных уже на поезде отправили в направлении Белоруссии. Коростень, Овруч, потом Мозырь. Снова лагерь. Сборный: евреи, военнопленные, партизаны и сочувствующие им.

В лагере Тобиас подружился с одним молодым человеком, почти земляком — он был сыном священника из румынского города Брэилэ. Высокий, симпатичный парень, звали его Авраам. Но он был слаб не столько физически, сколько волей. Он тоже, как и Тобиас, был комсомольцем и бежал в СССР.

Действительно, неисповедимы пути Господни. Тобиас, как мог, поддерживал его. Но однажды, когда они работали на ремонте моста через Припять, Авраам настолько ослаб, что не мог сам идти в лагерь. Тобиас взвалил его на плечи и понес, но подбравший охранник, поляк по национальности, сорвал Авраама с плеч Тобиаса, тут же у дороги заставил вырыть полуметровую яму и толкнул его туда еще живым. Тобиас судорожно смотрел, как засыпают яму и как губы Авраама перебирают падающую на лицо землю.

«Надо бежать, надо бежать», — колотилось в груди.

И вот сегодня группу Тобиаса направили на лесопильный завод, но убежать опять не удалось. Что будет завтра?

Что-то липкое и скользкое упало сверху на его лицо. Пощупал — лягушка, или мышь мокрая, дождь на улице... Сбросил и как бы очнулся: «Что со мною было? Спал я или забылся? Вся моя жизнь, как в кино с порванной лентой, промелькнула перед глазами. А все-таки заснуть как-то надо. Каким бы крепким организм ни был, надо поддерживать его, хотя бы отдыхом».

Накануне вечером старший конвоир, показывая по приходу в лагерь на привязанных к деревьям, избитых до неузнаваемости арестантов, сказал Тобиасу: «Завтра твоя очередь, ты следующий». Утром Тобиас встал с трудом. Посеченная во многих местах голова представляла собой клубок засохшей крови, волос, кожи. Он не мог в таком состоянии идти на работу и заявил об этом старшему. Тот начал кричать, заставляя Тобиаса идти в строй для развода на работу. В это время мимо проходил пожилой майор, руководивший работами по ремонту моста. Он понял, в чем дело, подошел к Тобиасу, схватил его за шиворот и со словами: «Пойдем, я тебя вылечу, еврейская свинья», — потащил его за собой.

Тобиас во время работы как-то имел разговор с этим немцем. Майор уже знал, что Тобиас бежал из Черновцов, и сказал, что он тоже

из этого города, даже там родился, работал инженером на швейной фабрике «Зингер», а в 1939 году переехал в Германию. Он был офицером австро-венгерской армии еще в первую мировую войну, знал украинский и румынский языки, и, когда началась война против СССР, его призвали в армию как инженера. Занимался он строительством и ремонтом мостов.

Когда он потащил Тобиаса за собой, тот сказал по-румынски: «Знаю я, как вы меня вылечите, сейчас под мост — и пулю в затылок».

«Слушай, земляк, — тихо сказал майор, — оставь свой цыганский язык, а сам беги отсюда. Беги, куда угодно, ночью, днем, беги на глазах у всех, пусть стреляют на ходу, но беги. За жизнь бороться надо, сынок. А твой охранник тебе теперь жить не даст».

Проходя мимо кухни, майор с ругательством толкнул его в какой-то узкий проход, который оказался входом в глубокий подвал. Там горела лампа, а несколько местных женщин перебирали и очищали овощи, капусту, свеклу — корм для арестантов. Они сразу оценили ситуацию и показали Тобиасу место, где можно спрятаться.

Раньше во многих сельских погребях делали так называемые «мины» — такие большие норы в стене, для получения еще большего охлаждения отдельных видов продуктов.

Тобиас залез в нору и затих. Через несколько минут в погребе появился его старший охранник. Он спросил, где арестант. Женщины ответили, что его нет и не было. Немец начал кричать, обвинять женщин в укрывательстве, грозил перевернуть все вверх дном. Но когда все женщины с ножами в руках начали обступать его, он быстро ретировался из погреба, пообещав после работы разделаться с ними.

Женщины накормили Тобиаса, чем-то промыли раны, дали немного продуктов, и перед обедом он вернулся в барак. На третий день пошел снова на работу. Охранник затаил злобу, но молчал. На четвертый день их группу послали разбирать старое здание недалеко от лагеря — находилось оно недалеко от левого берега Припяти. Человек десять изможденных евреев, несколько белорусов и тот самый охранник.

Зверями не становятся, отдельные люди зверями рождаются. Охранник до обеда сумел умертвить семерых из группы, самых слабых и больных, наверное, не без согласия коменданта лагеря. Он заставлял арестантов поднимать что-нибудь тяжелое, например, часть щитовой стены, затем загонял ее под какого-нибудь еле стоящего бедола-

гу, вроде как для поддержки, и давал команду опустить руки. Арестанты бросали груз, и он падал на того, кто был под ним. Слышно было, как трещали кости, и как скрипели зубами те, кто это видел.

Вдоволь наизмывавшись над людьми, охранник влез на штабель из различных стройдеталей, повесил винтовку рядом и заснул. Чего ему было бояться, — лагерь совсем рядом, измученные люди не побегут днем, фронт аж на Волге.

Один из арестантов, из бывших партизан-белоруссов сказал; «Той, хто сьогодні не утік, той тут і загинить». Тобиас посмотрел вокруг: солнце, жизнь идет, охранник спит. Да чего же еще надо!? Сказал: «Давайте заколем этого гада и разбежимся».

Все молчали. И тогда он решился. Просто взял и пошел вперед по лугу. Трава высокая, но видно его было хорошо. Он шел и думал: «Пусть будет, что будет, пусть стреляют, хуже уже не будет». Пройдя метров пятьсот, увидел какой-то осушительный канал и, хотя не умел плавать, прыгнул в него. Воды, правда, в канале было по пояс, и он пошел по нему в сторону от Припяти. Канал дальше соединялся с другим каналом, потом еще и еще. Тобиас ускорял ход, несмотря на то, что ноги глубоко увязали в донной грязи, а вода была холодной.

Главное было — выйти из пойменного луга и добраться до видневшейся впереди небольшой рощи. К вечеру он до нее добрался, углубился метров на десять, нашел какую-то засыхающую березу, рухнувшую поперек пути, взобрался на нее, поудобнее устроился и заснул.

Проснулся на рассвете. Легкий туман, сыро, зябко. Недалеко виднелась просека, по ней и пошел. Запахло дымом. Может, деревня близко? Опасно заходить, но выхода другого нет.

Действительно, вскоре показались контуры домов.

Как говорили революционеры прежних времен: «Наше дело правое, поэтому мы идем налево». Тобиас, хотя и был вроде бы левых убеждений, выбрал для посещения крайний по улице дом, стоящий с правой стороны. Впустила его немолодая хозяйка. Ничего не спрашивала — все было и так понятно. «Сынок, ето тибє сьогодні уже в деревне шукали?». Потом дала поесть, нашла какую-то залатанную, но чистую рубаху, старые, наверное, еще с царских времен, яловые сапоги, дала тряпок на портянки.

Его, оказывается, искали с собаками, но спасло то, что он все время уходил по каналам — местность была болотистая, и собаки след не взяли.

Тобиас поблагодарил хозяйку и пошел по сельской улице, прижимаясь к домам, в сторону центра села. Он не знал, какими были день и число, но, видимо, день был все же особый, может, какой-то праздник, потому что из одного из дворов доносились звуки гармошки. Тобиас зашел во двор, там собралось до десятка парней и девочек. Увидев его, они смолкли, затем от группы отделились парень и девушка, быстро завели его в дальний сарай, спрятали. Потом девушка принесла немного еды и молока, а парень — брюки, рубаху и соломенную шляпу.

Когда Тобиас поел, переоделся и вышел к ребятам, все хором засмеялись. Парень, который поделился одеждой, со смехом сказал: «Слухай, та ты ж чистай беларус. Русский волос, голубые глаза, жалко только, што по нашему говорить не умеешь». Дали на прощание льняную сумку и деревянные вилы — в Белоруссии это один из самых ходовых инструментов, и сказали: «Иди подалье от этих мест, тут тебе жизни не будя, да и нам тожа. Надо тебе партизанов шукать».

И Тобиас пошел, но, не доходя до края села, ему стало плохо. Переел, наверное, с голодухи, да и события последних дней давали о себе знать.

На скамейке у предпоследнего дома сидели две женщины. Тобиас подошел к ним, хотел присесть, но, повернувшись лицом к другой стороне улицы, увидел стоящего у калитки пацана, который несколько дней назад сдал его немцам в туалете лесопильного завода. Пацан его тоже узнал и тут же стремительно бросился бежать куда-то по улице. Тобиас все понял и устремился в противоположную сторону — на выход из деревни.

В нескольких сотнях метров дорога выходила на железнодорожный переезд. Рядом стояла обычная дежурная железнодорожная будка, с окнами на все четыре стороны. В ней находились две женщины, наверное, дежурные. Не вступая с ними в разговоры, Тобиас обошел будку. Со стороны железнодорожного пути, на ее фронте, была небольшая дверца с двумя вырезанными в досках отверстиями. Он быстро влез на чердак и лег на потолок за дымоходом. Отдышался, затаих и незаметно для себя заснул.

Через несколько часов проснулся от криков карателей и лая собак. Большая группа солдат прочесывала деревню и прилегающую к ней местность. Голоса и лай приближались к будке. «Ну, теперь держись, Тобиас, наверное, пришел конец твоим мучениям».

Судя по голосам, двое солдат подошли к будке. Разговаривали почешки. Один из них выругался, потом кто-то из них или каждый по разу, выстрелили в дверь на фронте будки. Просто так, для порядка. Постояли еще минут пять и ушли. Слава Богу, что лестницы рядом не было, да и того сукина сына, Старостина сынка, тоже. Он бы точно влез наверх и опять бы сдал Тобиаса. Но ведь далее бомба два раза в одно место не падает...

Тобиас лежал, слезы лились у него по щекам ручьем, но он не плакал, он радовался, а слезы текли сами по себе.

Через некоторое время мимо будки с грохотом пронесся состав. Паровозный гудок, запах пара и угольного дыма, обдавшего будку, были для Тобиаса сладким запахом воли, звуком свободы. Ему еще больше захотелось жить и что-то сделать хорошего для людей и всего живого. Поезд, несущийся со скоростью по твердому пути, как бы олицетворял его мечты и подтверждал его право на все это.

Ночью в будку пришли дежурить двое стариков, а утром их сменили давешние женщины. Тобиас рано утром спустился с чердака и зашел в будку. Женщины в испуге перекрестились, но потом покормили его и сказали, что надо пробираться в село Николаевичи — там не только начинаются настоящие леса, там, по слухам, хозяйничают уже не немцы, а партизаны, а ему здесь оставаться никак нельзя.

Что было новым открытием для Тобиаса — так это отношение местных людей к таким, как он. Белорусы были гораздо добрее и человечнее, чем все те, с кем ему приходилось встречаться раньше. Хотя немаловажное значение имел и его новый внешний облик. Он снаружи стал типичным белорусом, а это уже совсем другое дело. Оставалось только языку подучиться, да партизан найти.

Женщины показали ему, куда идти, где будет более безопаснее. Тобиас пошел по какой-то полевой дороге, в сторону от железнодорожного пути. Через некоторое время его догнала подвода. Сено, прижатое березовой жердью, мужик, лет пятидесяти, правил лошадьми. Рядом сидел маленький мальчик. Поздоровались, ведь Тобиас уже кое-что знал по-белорусски. На вопрос мужика «Откуда идешь?» ответил, что «из Днепропетровска, в плену был». «А документы есть?» «Нет». «Тоды бежи за повозкой, будешь вроде как с нами, бо скоро река Птичь, мост чераз ниё охраняють. Хотя воны и чехи, да мало ли чего может быть», — сказал мужик, и подвода двинулась дальше по дороге.

Тобиас трусцой бежал за подводой, держась за свисающий сзади конец березовой палки. Таким образом они без особых проблем въехали в село. Тобиас поблагодарил ездового, а тот показал кнутом в сторону одного из домов и сказал: «Зайди сюды. Здеся кузнец, старик с жонкой живеть. У них сына недавно немцы убили».

Мужик поехал дальше, а Тобиас зашел в указанный дом. Там было несколько человек, в основном женщин. Увидев вошедшего молодого незнакомого парня, они начали креститься, обступили его, ощупывали, не веря своим глазам. Затем начали плакать и причитать. Одна из них, наверное, хозяйка дома, у которой сына убили, бросилась Тобиасу на шею и запричитала: «Господи, может, это ты мне сына послал, спасибо тебе! Сынок, можа останешся в нас, за сына будешь? Нам же жить с дедом как-то нада». Тобиас вежливо сказал: «Мне надо партизан, а то меня убьют».

Женщины накормили его, и одна из них огородами провела его на край села, показала, куда и как идти дальше, если он думает найти партизан.

Пошел уже по лесной дороге. Показалась очередная деревня. Малы белорусские деревни, но люди в них — замечательные. Тобиас зашел в первый попавшийся дом. Старик со старухой напоили его каким-то вкусным пенистым напитком, настоящим на ягодах, расспросили, что и как, откуда он и что делает в этих местах. По виду, хоть и свой, а все же...

Тобиас прямо им сказал: «Я партизан ищу, хочу стать партизан, другой дорога нет». Наверное, хозяева ему поверили и сказали: «Мы тебе, добрый человек, сейчас что-то покажем».

В Белоруссии в каждом доме есть подвал или подпол, а картофель и корнеплоды хранят во дворе, в ямах или кагатах. Когда они повели его на огород, из одной ямы вышел молодой парень в советской форме с петлицами младшего лейтенанта. Это был их сын, выбравшийся из окружения и тоже собирающийся отправляться в лес, к партизанам. Познакомившись с Тобиасом, парень сказал: «Иди на Михайловичи, там тебе скажут, куда идти дальше. А сейчас иди в сторону речки».

Действительно, через одно село, на берегу реки деревня — Михайловичи. Надо было перейти речку. Из леса как раз несколько мальчишек выгнали небольшое стадо коров. Тобиас пристроился, вернее, затерялся между животными и вместе с ними перешел речку вброд. Она была неглубокая, с топким илистым дном.

Через небольшой лесок — деревня. Новые дома, в один ряд, все деревянные. Тобиас зашел в один дом и обомлел. Прямо в передней комнате за столом сидел чешский солдат, что-то кушал. Винтовка стояла рядом. Солдат посмотрел на Тобиаса, что-то хотел сказать, но тут появилась из другой комнаты хозяйка и сразу обратилась к вошедшему: «Сынок, у меня еды больше нет, иди, если хочешь, к соседке».

Упрашивать Тобиаса долго не пришлось. Он выскочил из дома и быстро пошел вдоль по улице. А улица была, как и во многих белорусских селах, одна. На подходе к очевидному центру Тобиас увидел еще более невеселую для себя картину. Посреди улицы, на сложенных бревнах, стояло и сидело довольно много людей, а перед ними что-то им говорил чешский солдат. «Ну вот и все, — подумал Тобиас, — сзади чехи, спереди чехи, людей полно, наверное мой «отпуск» навсегда закончился».

Выбирать было не из чего, и он буквально бегом понесся мимо собравшихся людей. Боковым зрением он увидел, что на солдате сверху были чешский солдатский френч и фуражка, а брюки — черные, заправленные в сапоги. Разбираться в форме одежды не было времени. Тобиас, собрав все силы, бросился к выходу из деревни. Он заметил, что солдат кинулся за ним, и это еще больше подхлестнуло его. Кроме жизни, ему терять было нечего. А жизнь со временем становилась ему все дороже.

Забежав за бугор, Тобиас залег в заросшем бурьяном кювете и затаился. Чех пронесся мимо — он потерял несколько минут на старте, потому слегка отстал. Минут через десять, тяжело дыша, он пошел обратно в деревню. Когда приблизился к месту, где прятался беглец, Тобиас увидел на головном уборе чеха вместо форменной кокарды красную ленту партизана. Тобиас выкатился из кювета на дорогу, сел и заплакал. Затем они вместе пошли в село.

Тобиас плакал и говорил: «Возьмите меня с собой, я от вас больше не уйду, поймают теперь, точно убьют». Подошел второй чех, тот, которого Тобиас увидел в доме. «Ты прости, парень, но мы не можем взять тебя с собой, не имеем права. Мы идем на операцию», — сказали чехи-партизаны.

Чехи оставили Тобиаса у одного старика, который в первую мировую был в плену у немцев и сносно говорил по-немецки. Два дня Тобиас пожил у него, но больше ждать не мог. Близкая возможность свободы и одновременно близкая возможность вернуться в лагерь не

давали ему успокоиться, двигали вперед. И он пошел дальше. Километра через два было село Куритичи — большое, длинное, но до него Тобиас не дошел, сил не хватило. Он упал на окраине и лежал рядом с дорогой, обессиленный от всего на него навалившегося.

Его нашли загонявшие коров женщины. «Сынок, — сказали они, — шо ж ты тут ляжишь, споймають тебе, у нас же в деревне полно полицаев».

Под вечер привели его в какой-то дом в середине села. Хозяин — мужик-плотник. Позже Тобиас поймет, что наверняка все сельские мужики-белорусы — плотники и столяры, мастера на все руки по дереву. Они и мебель, и окна-двери, да и весь дом могли сами построить.

Когда он зашел в дом того старика-плотника, там, кроме хозяина, находилась старая мать и три молодые дочери, одна вообще еще подросток.

Встретили опять приветливо, как своего. Приглашали остаться у них. К нам, мол, приходят партизаны, пережди немного времени, но Тобиас уже не мог ждать на месте, и через пару дней, поблагодарив хозяев, ушел дальше, в глубь лесов. Прошел через деревни Млынок, Стабрюки, Клясова, Тарасевичи. Куда бы он не заходил, везде его принимали, кормили, лечили, что-то советовали и обязательно предлагали остаться, дожждаться партизан у них. Переждать. Тобиасу было невозможно ждать, и он, хотя и с сожалением, каждый раз расставался с этими красивыми, открытыми и добрыми людьми, которые считали его, в принципе чужого им человека, своим, причем сразу и без всяких условий. Отдавали ему, может быть, последний кусок хлеба или какую-то тряпку, как своему родному.

Наконец, Тобиас дошел до деревни Бобрик. Большая, солидная, дома хорошие. На краю села, когда он сел отдохнуть на скамейку, к нему подошли три человека в советской военной форме, официально обратились к нему на «Вы»: «Кто Вы такой?» Потом повели в какой-то дом. Там посадили на табурет, сами сели с трех сторон и попросили рассказать о себе. Тобиас добросовестно рассказал на разных языках про свою пока короткую, но насыщенную всякими неприятностями жизнь. Военные внимательно его выслушали, задавали наводящие вопросы, потом один из них, возможно старший, сказал: «У вас многое не увязывается. Называете себя евреем, а языка еврейского не знаете, волосы у вас русые, глаза голубые, да к тому же по-немецки и по-французски говорите свободно. Кто же вы такой на

самом деле, может, провокатор или лазутчик какой? Зачем вам так нужно попасть к партизанам?»

Говорил старший по-немецки. Тобиас сказал: «Я не знаю, что мне еще сказать и как доказать, что я не шпион; делайте со мной, что хотите, только не оставляйте меня немцам».

Потом вызвали еще двух человек, как оказалось позднее, бывших милиционеров, и те повели Тобиаса в лес. Оба они были не местные и очень разные по характеру. Один, нормальный вроде бы парень, второй — классический довоенный милиционер с должностной придурью. Уже на входе в зону отряда он сказал первому сопровождающему: «А давай проверим его. Он говорит, что даже стрелять не умеет. Сейчас посмотрим». Он вложил в руки Тобиаса винтовку, сам за него прицелился сбоку и сам же выстрелил. Попал в дерево. «Видишь, — закричал он, — а говорит, что стрелять не умеет. Шпион он, это точно». На выстрел сбежались партизаны. Выяснили, кто и зачем стрелял. Они видимо хорошо знали того «бдительного» милиционера-партизана, поэтому предупредили, чтобы не играл больше в дурацкие игры и не трогал парня. Раз поручили тебе привести его в отряд, значит веди и не выделяйся. Буквально через четверть часа Тобиас был в партизанском лагере. Наконец свершилось!

ГЛАВА 2.

НАРОДНЫЙ МСТИТЕЛЬ ЕВРЕЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

Партизанский лагерь. На более возвышенном месте в лесу стояло несколько шалашей. Тобиаса подвели к одному из них, там находилось что-то вроде кухни и одновременно хозяйственно-продовольственного склада, в общем — пищеблок. Хозяйничали там два добрейших человека — кубанский казак, дядя Паша, и тетя Фекла, жена отрядного старшины. Когда они его кормили и знакомились, Тобиас поинтересовался, кто те трое военных, которые встретили его в деревне Бобрик, и описал их внешне. Оказалось, что старший из них действительно был командиром партизанского отряда, ходил под именем Ивана Болотникова, так как был он из местных, и что-

бы не подвергать опасности семью и родственников, жил под псевдонимом. На самом деле это был Глушко Иосиф Никифорович. Вторым из тех троих был начальник штаба отряда, бывший военврач, а третьим — старшина отряда, как бы заместитель по хозяйственной части, муж той самой тети Феклы.

Тетя Фекла с дядей Пашей стали для Тобиаса вторыми родителями. Дело в том, что сразу по приходу в отряд он очень сильно заболел. Сказались, видимо, непрерывные жестокие побои, издевательства и годичное пребывание в концлагере вообще, последующие нервные срывы, и, наконец, почти суточное пребывание в холодной воде и грязи дренажных каналов при побеге.

Его лихорадило, все тело горело огнем, он постоянно бредил и пытался все время куда-то бежать. Тетя Фекла оставила его в шалаше рядом с кухней. Она с дядей Пашей и так имела забот выше головы, но поочередно дежурила у больного, меняла повязки, где-то доставала какие-то лекарства, делала всякие примочки-прикладки. В общем, спасли они Тобиаса от верной смерти. Фекла принесла откуда-то свежего липового меда, а когда Тобиас заикнулся, что, мол, в семье говорили, будто мед при высокой температуре принимать нельзя, дядя Паша тут же выдал свое резюме: «Цэ можэ у вас десь там ныззя, а у нас, сынок, знаешь, шо надо, шоб нэ хворать — жрать надо добрэ, та запывать чим нэбудь таким, шоб нэ тильки в животи, и у ногах жарко було».

Как бы там ни было, именно они поставили Тобиаса на ноги. Другим хватало забот и без него. Отряд был еще только на стадии организации, поэтому «вживался» в территорию, во время и в обстоятельства

Была организована группа подрывников из шести человек, пять молодых ребят и одна девушка. Они были наспех обучены подрывному делу, и начали выходить на задания. Состав группы часто вызывал улыбки у пожилых партизан. Ну уж точно полный интернационал: один русский, один чех, два белоруса, а еще еврей и еврейка. Но смеялись не по национальному поводу. Просто русский, два белоруса и девушка были темноволосыми, а чех и Тобиас — русоволосые и оба голубоглазые, то есть больше походили на белорусов, чем сами ребята-белорусы.

Группа была «антистроительная». Ее основной задачей было разрушение мостов, железнодорожных путей и других важных объектов.

Так как отряд был расположен у перекрестья двух важнейших железнодорожных потоков — Брест-Гомель-Москва и Минск-Киев-Юг, по приказу Ставки Верховного главнокомандующего и центрального штаба партизанского движения, эти направления были буквально оседланы белорусскими и украинскими партизанскими отрядами, которые, в полном смысле слова, парализовали железнодорожные сообщения по этим стратегическим направлениям. И как ни пытались немцы стабилизировать положение, путем буквально сплошной охраны, использования собак, контрольных прогонов и т.п., поезда все равно шли под откос, мосты взрывались, система движения постоянно нарушалась.

У партизан, особенно в первое время, не было боеприпасов, необходимых взрывных механизмов и приборов, многие из них погибали при подготовке взрывов и при стычках с охраной, но все равно они не давали оккупантам покоя ни днем, ни ночью.

Стандартная партизанская «мина» — это, как правило, обычный 152 мм артиллерийский снаряд с вывернутой головкой-взрывателем. Потом туда вставляют палочку, заливают толлом. Это взрывчатка гораздо более удобная, чем динамит или немецкий аммонал. Затем эту «мину» необходимо подложить под рельс. Насыпи в Белоруссии в основном песчаные, поэтому шпалы лежат чаще. Надо выкопать углубление, подложить что-то в него, типа картона или фанеры, чтобы снаряд не так «проседал» или вдавливался в насыпь, накрыть сверху и засыпать. Все это должно делаться быстро, осторожно и незаметно, как со стороны, так и на месте закладки взрывчатки. Времени на закладку — минимум, удача — жизнь, неудача — смерть. Принцип подрыва тоже простой — при проходе состава рельсы «проседают» до 4-х сантиметров, а чтобы сработал запал и взорвался снаряд, хватит 1-2 см.

Группа подрывников работала успешно. В какой-то мере им подпортила нервы гибель прилетевшей из Москвы на помощь партизанам группы армейских подрывников, которая была уже по-другому оснащена, более подготовлена. Целью ее прибытия было усиление подрывной работы к ноябрьским праздникам 1943 года, но вся группа погибла уже на первом заходе. По пути к месту взрыва она была обнаружена охранной облавой, и ребята подорвали сами себя.

Тобиас освоился в отряде, у него появились друзья и в составе группы подрывников и вне ее. Ему нравилась его опасная работа, нрави-

лась ее нужность и конкретность, когда сразу видишь плоды своего, пусть страшного, разрушительного, но очень важного для Победы, труда. Он не мстил за истерзанную юность, свою и других, за непонятно откуда взявшийся звериный национализм и антисемитизм, он просто работал. Он еще с первого взрыва понял, что война, особенно партизанская война,— это постоянная тяжелая работа. Это когда враги кругом и друзья кругом. Отряд жил дружной семьей, каждый знал свое дело, свое место и чувствовал себя ответственным и за дело, и за себя, и за отряд.

Наиболее памятным днем из всей «взрывной» жизни Тобиаса стало 5 ноября 1943 года. Перед этим он второй раз вступил в комсомол, уже в ВЛКСМ, Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи. Кто вступал на фронте в комсомол и в партию, тот на всю жизнь запомнил неизбывное чувство гордости и причастности к чему-то великому и общему. Перед праздником подрывникам была поставлена задача перекрыть движение поездов на том участке, где погибла группа, прибывшая из Москвы. Надо было во чтобы то ни стало задержать немецкие эшелоны из Германии, не дать им возможности подтягивать резервы и боеприпасы к Днепру.

Группа вышла на задание. Залегли вблизи железнодорожного полотна. Широкой полосой прошли немцы с овчарками. Собаки в сырую дождливую погоду были бесполезны, но все равно могли учуять чужого на расстоянии.

Сразу после охраны прошел небольшой контрольный порожняк. По сведениям разведки, от станции Калинковичи через три часа должен был пройти эшелон с танками и живой силой. Перед ним еще два состава. Надо было взорвать полотно перед любым из них, лишь бы не пустить на юг эшелон с бронетехникой.

Мину ставил Тобиас Группа, рассредоточившись, прикрывала. Заложив мину и замаскировав место, Тобиас присоединился к группе. Стали ждать. Прошел еще один порожняк — ничего, прошел тяжелый эшелон — опять ничего. Один из членов группы из местных белорусов, ехидный такой был парень, начал подтрунивать над Тобиасом, порываясь идти переставить мину. Старший группы, Николай, обрывал его, но ситуация становилась не только тупиковой, но и опасной, необъяснимой — как с точки зрения необходимости предпраздничной диверсии, так; и недопустимости самого пропуска эшелона фашистских танков из резерва. А это уже не только имидж груп-

пы, отряда, объединения — это гораздо серьезнее, и чем выше уровень отношений, тем сложнее. Трудно даже представить всю эту цепочку и все последствия в случае провала задания.

«Коля, — сказал Тобиас, — я отлучусь на несколько минут, а потом снова переставлю мину, не посылай никого. Я ставил, и я отвечаю за это».

Еще на подходе к железной дороге Тобиас видел на окраине деревни Литвиново пустующий дом, стоящий отдельно от других. Деревня вообще была почти пустая.

Тобиас решил наведаться в деревню. Это было примерно в двадцати минутах бега. Но уже через полчаса он вернулся с несколькими кусками фанеры, отодранной от стены сарая пустующего дома. Время поджимало. Подбежав к месту расположения группы, Тобиас спросил Николая: «Обход был?» «Да, минут 25 назад прошли подряд две дрезины. Набитые автоматчиками. Поехали к мосту. Времени у нас почти нет». Тобиас сразу же побежал к железной дороге. Трава высокая, почти в рост человека. Быстро к насыпи, напротив места, где заложена взрывчатка. Ползком навверх. «А если сейчас сработает? Два поезда тяжелых, да дрезины прошли. Может, та мина меня ждет?» — все это в голове, а руки сами все делают. Разрыл снова ямку, вынул снаряд, гнездо под ним глубокое, грунт мягкий, поэтому и не сработало. Быстро в ямку два небольших куса фанеры, снаряд, еще две фанерки сверху, песок разровнять, веточкой травки заелозить, осмотреться, и все — к группе. Тут уж неважно, есть кто на полотне или нет, видит кто его или не видит. Внутри заведена цельная пружина, заведена на весь механизм, это должно только хорошо кончиться, все другое для Тобиаса теперь не существовало. Но судьба, до сих пор безжалостно и беспрестанно выдававшая ему сюрприз за сюрпризом, вдруг заснула, а потом, сделав паузу, снова проснулась и протянула ему руку. Добрую руку. Не успела разочаровавшаяся группа отойти в лес на безопасное расстояние, как сзади прогремел взрыв заложенной Тобиасом взрывчатки. Затем беспорядочно начали греметь новые взрывы, на огромную высоту поднялось море огня и дыма. Два паровоза, тринадцать вагонов с техникой, несколько — с людьми. Все это скрежетало, гремело, взрывалось и горело. Оказалось, что кто-то, в нарушение всех правил, подцепил к составу с техникой две или три цистерны с дизельным топливом, чтобы по прибытии на место заправить танки. При крушении топливом облило другие вагоны, и пожар был

ужасным. Подарок к празднику октября был дорогим для обеих воюющих сторон. Таким успехом Тобиас как бы подтвердил, что его более чем годичное пребывание в партизанском отряде не прошло зря. Он не только стал мастером-подрывником. Он стал своим, равноправным народным партизаном. И уже никто не мог усомниться в его помыслах и действиях.

А помыслы у него были одни — бороться за Победу. За Победу для его новой страны, которая навсегда станет теперь его второй Родиной.

После пуска эшелона под откос немцы долго, по меркам военного времени, приводили пути в порядок.

Группа подрывников их отряда была отмечена специальным приказом, а ее члены представлены к наградам. Командир бригады партизанских отрядов Полесской области (была такая до объединения с Гомельской областью) назвал ее лучшей среди подрывных групп из других партизанских отрядов.

А их, отрядов, к осени 1943 года уже были сотни по всей Белоруссии. Каждый район практически имел свою бригаду, состоящую из нескольких отрядов. На уровне области функционировали целые партизанские соединения, сродни дивизии, а то и армии.

Возле села Комаровичи — столицы полесских партизан, действовал женский партизанский отряд. Это было удивительное партизанское подразделение, с высокими моральными требованиями. Он имел своих людей в немецких комендатурах и полиции. У него была высокопрофессионально поставлена разведывательная работа. Он предупреждал и жестоко расправлялся с немецкими приспешниками из местных, ликвидировал наиболее одиозных представителей германских оккупационных властей. Именно этой группой был ликвидирован гебитскомиссар г. Петриков. Многие ребята из других отрядов стремились попасть в женский отряд, но там им «вежливо» отказывали, и не изменили своим традициям до конца партизанской войны.

А до конца оккупации Белоруссии оставалось уже немного времени.

Хотя, что такое время на войне? Там каждый день — время, и каждый час — время.

Особенностью партизанского движения в Великой Отечественной войне, в первую очередь, в Белоруссии, стало то, что это было не какое-то там вольное, полуанархическое или вообще анархическое действо, по примеру прежних войн. Хочешь — исподтишка нападай, не хочешь — пережди, спрячься; хочешь делать — делаешь, не хо-

четь — не делаешь, хочешь — подчиняешься, не хочешь — не подчиняешься, власти все равно рядом нет, — все это осталось в прошлом. Такие «вольноопределяющиеся партизаны больше смахивали на бандитов, для которых главным девизом раньше было, если помните, «бей красных, чтобы белые боялись и бей белых, чтобы красные боялись». В войне против гитлеровской Германии партизанское движение стало плановым, заранее подготовленным, с единым центральным руководством, действующим в теснейшей связи с вооруженными силами, временно отступившими почти до Москвы и до Волги.

Идейной основой партизанской войны в тылу врага была возвратность. То есть мы вынужденно оставляли врагу свою землю, но мы обязались сделать все возможное и невозможное, чтобы вернуться, выгнать врага и освободить эту землю. Несмотря на явный пафос автора воспоминаний, это было действительно так. Разве пошли бы те же белорусы в партизаны, разве терпели бы такие лишения, потеряв четверть своего населения погибшими, разве стала бы вся Беларусь непроходимой топью для вражеских войск, если бы не были уверены в том, что советская армия вернется и освободит их!? Это был единый фронт. Беларусь покрылась мощной сетью партизанских образований, и не было на ее территории «непартизанских» мест.

Основу материальной базы в начальный период организации партизанского движения составляли специально оставленные при отступлении Красной Армии подпольные склады оружия, боеприпасов, одежды, продовольствия. Сделано это было в обстановке большой секретности. Для организации борьбы в тылу врага были оставлены лучшие организаторы из партийных и комсомольских работников, как гражданских, так и военных. Жизнь показала, что это были действительно лучшие из лучших. Да, это были в подавляющем большинстве коммунисты, но коммунисты-государственники, далеко не чета тем коммунистам-прихвостням, что через каких-нибудь полвека, на территории той же Белоруссии, на костях миллионов погибших за великую Мать-Россию, собранную за тысячу лет в могучее государство нашими предками, без единого выстрела, тоже партизанским способом, не анархистским, а продажно-корыстным — завалят Советский Союз. Наверняка, если бы оставшиеся в живых партизаны Великой Отечественной узнали о намерении проходимцев завалить Союз в Беловежской пуще в 1991 году, они не выпустили бы их живыми из леса.

Используя секретные базы и схроны, специально оставленные люди начали оперативно организовывать партизанские отряды, агитировать и собирать людей, сходу выполняя указания центрального штаба. Была образована сеть подпольных партизанских аэродромов, через которые шло снабжение.

Отряд, в котором находился Тобиас, был прикреплен к Полесско-му аэродрому Зыслово. Через него не только шло обеспечение оружием, продовольствием и т.п., но и отправлялись раненые, почта, пропагандистские материалы. Подобных аэродромов в Белоруссии было много. Они усиленно охранялись, немцы неоднократно пытались их ликвидировать, но безуспешно.

Группа подрывников, в которую входил Тобиас, кроме занятия своим «разрушительным» делом, выполняла различные разовые поручения командования, в том числе по приему грузов и людей с Большой земли.

Аэродром как аэродром, но чаще всего приходилось встречать маленького нашего ночного извозчика — У-2. Он, как правило, редко садился, только в экстренных ситуациях. А обычно с него сбрасывали что-нибудь нужное, в том числе оружие, в мешках. Самолет — двухместный, на переднем сидении — летчик, на заднем — мешок, внешне издавдалека напоминающий фигуру человека (для конспирации). Мешок в условном месте сбрасывали на парашюте. Бывало, сбрасывали и людей, чаще всего радистов, для связи и координации действий партизан с действующей армией.

Фронт приближался, поэтому прибывающие из Центра разведчики и радисты часто переправлялись партизанами дальше на Запад, в Польшу, Прибалтику и другие места уже будущих военных действий. Бывали и несчастные случаи. Парашютисты попадали в болото, а болота-топи в Белоруссии — это места ужасные.

Тобиасу повезло в этом плане. Господь решил встать, наверное, на его защиту — шесть раз на заданиях он попадал в топь. Четыре раза товарищи спасли, один раз сам вылез, еще раз — спали дети-пастухи.

Чем ближе подступал фронт к партизанским местам, тем активнее и ощутимее была помощь. Во всех отношениях. Уже подрывники не рисковали жизнью, раскручивая снаряды, не плавили тол. Появились новые советские электромагнитные мины в форме деревянных ящиков, а потом в форме больших «яичек». Действующее веще-

ство — тол, 200 или 400 граммов, электрическая батарейка. «Яичные» мины были даже лучше по направленности силы взрыва в сторону сопротивления. Конечно, все сложности при постановке мин остались, зато исчезли ненужные опасности при подготовке заряда.

По мере приближения фронта начались большие перемещения партизанских соединений на Украине и в Белоруссии. Через Полесье на Запад двигались мощные партизанские группировки. Украинская, под командованием С.А.Ковпака, двигалась в сторону Карпат. В этом же направлении шли и белорусские партизаны, в том числе отряд Тобиаса, прикрывавший их с севера. На юг прошло молдавское партизанское соединение под командованием Г.Я.Рудя, будущего Председателя Совета Министров Молдавской ССР. Когда они проходили рядом с отрядом, местные остряки-партизаны сообщили, что и у нас, мол, есть свой румын — Тобиас Командир «молдаван» встретился с Тобиасом и предложил: «Давай с нами, там от тебя больше пользы будет, чем здесь. Все-таки родина, язык, знакомые, а у тебя еще партизанский опыт». Но белорусские командиры наотрез отказались его отпускать. «Мы его спасли, мы его вырастили, пусть у нас и воюет». Так он и остался «белорусом», и никогда не жалел об этом.

Первым важным общественно-политическим событием отрядной жизни Тобиаса стала партизанская комсомольская конференция полесского соединения. На ней присутствовали представители всех отрядов Полесья. В числе действительного «мандатного» делегата от своего отряда вместе с командиром, комиссаром, комсоргом и еще двумя комсомольцами был и Тобиас. В те жестокие, непрозрачные времена случайных людей делегатами не выдвигали. На конференцию собрали лучших из лучших. Тобиаса растрогали доклад комсорга соединения, а затем выступление командира соединения, бывшего педагога. И в докладе, и в выступлении было сказано много теплых слов в его, Тобиаса, адрес. Его выделили не только как примерного подрывника-партизана, но и как комсомольца-подпольщика, действовавшего еще в королевской Румынии, бывшего узника фашистских концлагерей, то есть как воина-интернационалиста. Рассказали, как подтверждали его комсомольское членство в Румынии на собраниях комсомольцев отряда.

На конференции обсуждали вопросы о роли комсомола в партизанском движении, воспитании подрастающего поколения в тылу вра-

га и многие другие, касающиеся местной жизни. Поразило Тобиаса то, что комсомольцы, выходящие на трибуну, не кичились своими ратными успехами, а больше поднимали текущие проблемы и даже критиковали командиров отрядов, штабных работников всех рангов.

Для Тобиаса, хорошо знакомого, по рассказам братьев и родственников, со службой в королевской армии — с ее палочной дисциплиной, критика руководства была в диковинку. Он слушал горячие речи молодых ребят, принимал их предложения и чувствовал свою непосредственную причастность ко всему происходящему. А с трибуны конференции лилась не только критика, но и прямые обвинения в нарушении вопросов этики и морали, норм поведения в период военного времени, в панибратстве и даже мародерстве. Мы еще вернемся к этой теме несколько позже.

После участия в той первой своей конференции Тобиас на многие вещи стал смотреть по-другому, хотя по-прежнему оставался тем же стеснительным парнем. Что было интересно? За свою бытность в партизанах, при выполнении различных заданий, он бывал в десятках сел и хуторов, заходил в дома, но никогда ничего не просил, ни еды, ничего другого. Просто люди, увидев его, понимали без слов и кормили его и помогали, чем могли, сами, без всяких слов.

Чистота помыслов, видимо, была написана на его лице, светилась в его глазах, а это есть, было и всегда будет главным в общении людей. Ему в первые месяцы было даже стыдно ходить в партизанскую столовую. Он никак не мог поверить, что его можно даром кормить. Ему сперва приносили обед ребята из группы, а потом все-таки убедили, что он не ест даром чужой хлеб. Он так же, как и все партизаны, этот хлеб честно зарабатывает.

Когда Тобиас полностью освоился в отряде и перестал стесняться того, чего в той обстановке не надо было стесняться, он стал своим человеком.

Многие ребята в отряде были из местных, деревни их были неподалеку, поэтому они часто брали Тобиаса с собой в увольнение, если таковые разрешались, и таким образом он познакомился со многими людьми, которые не служили в отряде, но входили в партизанскую орбиту, тем или иным образом.

Фронт приближался. Поступало все больше вооружения для партизан. В отряде появились даже «упавшие с неба» пушки-сорокапятки,

автоматы, форменки с погонами, поначалу для командиров. Появился официальный врач отряда, было обустроено что-то вроде клиники-госпиталя. Был он по образованию — фельдшер, но военный фельдшер в то время дорогого стоил. До него партизан отряда лечил комиссар, как уже было сказано, бывший военврач. Но осенью 1943 года он трагически погиб от пуль провокаторов, во время проведения собрания с жителями деревни Куритичи.

Тобиас уже немало времени пробыл на территории Белоруссии, но все никак не мог своим «румынским» менталитетом понять, откуда у белорусских людей столько доброты. Люди, в окружающих партизан селах, жили во много раз хуже самих партизан. Немецкие власти и их пособники, понимая свое бессилие в борьбе с поистине всенародным сопротивлением, вымещали злобу на мирных жителях. Они выжигали целые села, вместе с людьми. Тобиасу неоднократно приходилось видеть такие пепелища, где не только дома, а они все были деревянными, даже колодцы, тоже с деревянными стенами, выгорали до самой воды.

В упоминавшейся уже деревне Литвинове, находящейся недалеко от железнодорожных путей, каратели сожгли в колхозной конюшне 250 человек всех возрастов за то, что в соседней деревне Сметаничи, кишавшей полицейскими, были пойманы два партизана, отец и сын из Литвинове.

Вместо сел, где веками жили люди, территория Белоруссии начала покрываться многочисленными кладбищами-могильниками. С приближением Красной Армии террор против населения с каждым днем ужесточался.

Тринадцатого ноября 1943 года Тобиаса вызвали в штаб бригады. Командир бригады Сколобанов и комиссар Болотников (Глушко), бывший командир партизанского отряда, который встречал Тобиаса, бежавшего из лагеря, сказали ему, что есть запрос из штаба Полесского партизанского соединения о направлении его в распоряжение штаба соединения. Предполагалось использовать его в качестве переводчика. Дали два часа на сборы и сказали, что просьба штаба соединения для бригады — приказ. Хоть и жалко, но так надо. Здесь все было понятно. Пленных партизаны не брали, некуда, незачем, да и некогда было с ними заниматься. Наиболее важных из них отправляли по инстанции вверх. Там с ними и работали соответствующие службы.

Тобиас знал в совершенстве несколько языков, освоил и русско-белорусский говор, так что надо было использовать его лингвистические возможности. Когда Тобиас пришел в отряд, а штаб бригады находился там же, и объявил, что его забирают в штаб соединения, это известие вызвало бурю эмоций у командира отряда, а друзья-подрывники начали его отговаривать от такого шага. Не ходи туда, мол, погибнешь. Немцы постоянно охотятся за штабом соединения, подсылают лазутчиков-provokаторов, да и, вообще, лучше быть подальше от большого начальства, там в соединении одни генералы, совсем другая жизнь, не то, что в родном отряде. Да и нас, друзей твоих, там уже не будет, все незнакомые. Как ты там будешь, а вдруг не приживешься?

Тобиас все понимал, но приказ — есть приказ. Он понимал далее больше, чем ему напричитали ребята. Если он там не приживется, не дай Бог, то обратно в отряд его все равно не вернут, а найдут другое, совсем другое место.

По-братски распрощавшись со ставшими для него действительно родными ребятами-партизанами, он с «одноразовой» партизанской гранатой, спрятанной в кармане телогрейки, без оружия выехал на подводе за 60 километров в село Буда Октябрьского района и без особых проблем прибыл в штаб Полесского областного партизанского соединения.

Его привели в комнату командира соединения. В ней находился весь генералитет этой структуры. Ветров — командир, бывший прокурор Белоруссии (до войны, да и после, он был прокурором и министром юстиции БССР), комиссар Малинин и начальник штаба — Дорошко. Тобиас представился. Командир познакомил его с присутствующими и сказал: «Я думаю, вы понимаете, зачем мы вас пригласили из отряда. Нам сейчас нужен не просто переводчик-машина, далее великий полиглот. Нам нужен человек, знающий нужные нам языки, знающий изнутри нашу жизнь и наши задачи, а самое главное, чтобы это был наш человек по духу и идейным соображениям. По отзывам командования отряда вы как раз и есть такой человек. Но, посмотрим, а начнем прямо сейчас».

Ввели немецкого офицера в достаточно крупном чине. Тобиас был посредником в разговоре между командованием и пленным, старался, конечно. Делать ему это было гораздо легче, чем если бы он зани-

мался этим раньше. Словарный запас русского и белорусского языков был уже достаточным для толкового полного перевода. Чувствовалось, что командиры остались довольны его работой.

На прощание командир сказал: «Вы теперь работник штаба соединения, и серьезный работник, потому мы будем вас охранять. Думайте, что хотите, но таков суровый военный порядок».

Ну, Тобиас, везет же тебе, опять охраняют, уже с обеих сторон — и чтобы не сбежал, и чтобы тебя «не убежали». На квартиру его определили в одном крестьянском доме. Жили там старик со старухой, в ладненькой такой хатке. А квартировал у них ни кто иной, как командир «элитнейшего» подразделения соединения — конной разведки, некто Черник. Так как командование передвигалось по делам в основном верхом, то и конная разведка, она же и охрана, всегда была при руководстве и считалась лучшей из лучших, по крайней мере по их мнению и мнению их командира.

Вечером Черник повел Тобиаса на квартиру. Сразу с порога он загремел: «А ну, бабка, давай чего-нибудь пожрать, да и запить чем-то». На столе появились бутылка самогонки, немудреная сельская закуска — грибы соленые, огурцы, помидоры, лук, картошка, хлеб. Черник налил два двухсотграммовых стакана самогонки, себе и Тобиасу, поднял стакан и опять загремел на всю комнату: «Ну что, давай выпьем за твой приезд, за знакомство!» «Я не пью», — ответил Тобиас. Он даже дома на праздник Пейсах не брал в рот вкусное домашнее вино, а тут — самогон. «Я не пью водки и даже запаха ее не переношу», — повторил он снова и начал ужинать.

«Да ты что, б..., со мной, Черником, не желаешь выпить? Да ты знаешь, что никто еще не посмел мне перечить! Да я тебя...», — кричал лихой разведчик. Он выпил свой стакан, выпил стакан Тобиаса, кинул в рот огурец и выскочил на улицу.

Тобиас посмотрел на хозяев. Старик и жена сжались от испуга, даже девушка-подросток забилась в угол на печи. После минутного молчания старушка подошла к Тобиасу и заговорила со слезами на глазах: «Сыночек, не роди от нас, пожалуйста, а то ен скоро нас кончить. Как напьется, то орет, то дерется, то прямо при нас дочку ломает. А пьет ен почти каждый вечер. У него кони в подчинении тожа, так ен отдасть их по-одному-два мужикам для домашней работы. Установив таксу: за один день — три бутылки водки. А мой

дед их ходить, собирает и учет веде. Не уходи, сынок, пожалей нас. Некому нас защитить от этого дурнюка, ен очень нехороший человек. Бойся его».

Через несколько дней было большое совещание у командира соединения. Присутствовали все командиры отрядов, штабные работники. Как раз в этот момент группа «пешей» охраны штаба привела пленного немца-летчика. Подбили его в воздушном бою, и он опустился с парашютом недалеко от штаба соединения. По дороге, конечно, «подраздели», все летное реквизировали и в штаб привели только в форме лейтенанта «люфт-ваффе». С подачи командира, Тобиас начал задавать ему вопросы. Немец отвечал прямо и полно, насколько это было возможно. Он самый обычный летчик-истребитель, особых секретов не знал, но, посчитав Тобиаса за немца, рассказал ему, что его семья из потомственных германских коммунистов, два его старших брата, тоже летчики, погибли в Испании, сражаясь против диктатуры Франко, что вся их семья ненавидит фашистов и сам он, совсем молодой парень, пошел в летчики, чтобы быстрее вырваться из всей этой нацистской грязи. Потому и был сбит при первом же вылете. «Помогите мне, — попросил он, — попасть в наказание, куда угодно, в Сибирь или еще куда, я буду работать и приносить пользу стране, которой мы причинили столько зла».

Тобиас переводил. Было видно, что немец говорит искренне. Тобиас высказал командиру и это мнение. Когда увели немца, Ветров сказал Тобиасу при всех собравшихся командирах: «Спасибо вам, товарищ Лейбу, за службу. Не за перевод, нет. За службу. Я более-менее знаю немецкий язык, но я бы не смог задавать мои же вопросы так, как это сейчас делали вы. Вы не то что победили этого пленного, вы сделали так, что он поверил в вашу искренность, а не в простой формализм перевода. Спасибо вам еще раз. Учитесь, товарищи, как надо проводить агитационно-пропагандистскую работу, ничего не пропагандируя специально», — закончил он, обратившись к собравшимся.

Потом Ветров еще раз посмотрел на Тобиаса и спросил: «Да, а как вы устроились на новом месте?» Тобиас неожиданно для себя и для всех, ответил: «Плохо». «Как это так, плохо?» — переспросил командир. «А так; — ответил Тобиас, — меня каждый день заставляют пить водку, а я даже запаха ее не переносу, так как никогда не пил». Заполненный зал взорвался хохотом. Такого они и до войны не слышали, а тут в лесу заявляют такое, да еще в какой обстановке...

«Вот видишь, — смеясь сказал Ветров, наклонившись к комиссару, — а я, грешным делом, сразу не поверил, что он еврей». Затем поднял свой двухметровый посох (он с ним никогда не расставался, что-то там было неладное у него с ногами), ткнул им в сторону находящегося здесь же командира своей конной разведки и сказал: «А ты, Черник, сегодня же поищи себе другую квартиру, у тебя это легко получится, а переводчик нам круглые сутки нужен трезвым».

Черник больше на квартире не появился, вечером прислал одного из своих казачков за вещами и лошадью, которая была в постоянной ротационной аренде. Вещи Черника Тобиас отдал, а лошадь — нет, заявив разведчику: «Тарас, все, что было тут ваше, мы отдали, а лошадь эту вы с Черником давно пропили, и пусть она остается у села, ведь больше у них ничего нету. Так и передай». Казачок уехал.

Черник затаил злобу, но Тобиаса это не волновало. Он несколько месяцев, до января 1944 года, жил в этой добрейшей семье как родной сын. Хозяева в нем души не чаяли, да и он стал считать их за родных.

Красная Армия к этому времени уже входила в Белоруссию, уже была освобождена Витебская область, фронт трудно, но уверенно приближался и к Полесью. В Москву был вызван командир Полесского соединения, генерал Ветров. Когда за ним пришел самолет У-2, и он шел к посадочной площадке, то увидел Тобиаса, несущего на плече бревно. Не мог он без работы, и помогал кому-нибудь, лишь бы не сидеть. Ветров подошел к нему, помог снять бревно, положил руку на плечо и сказал «Спасибо вам еще раз, товарищ Лейбу. Вы действительно наш, верный партизан. Я улетаю, но скоро вернусь. Мы теперь не скоро расстанемся. Помните, ваша судьба не только в ваших, но и в моих руках. Еще раз спасибо за службу, и до встречи. Вернусь с Большой земли, начнем новую жизнь». И улетел.

Как вскоре выяснилось, замена командира Полесского соединения Ветрова на командира бригады, в которой партизанил Тобиас, была ошибочной. Сколобанов был неплохой политработник, педагог по образованию, внешне очень похожий на К.Е.Ворошилова, но он не имел военной подготовки, и под его руководством, крайне ослабленным и неквалифицированным, дела в соединении с каждым днем шли все хуже. Тобиас часто беседовал с новым старым командиром, понимал, что он добродушный, политически и идейно убежденный, но этого как раз в данный момент было слишком мало. Дело в том, что

пока фронт был далеко, немцы не могли оттягивать большие силы с передовой в тылы для борьбы с партизанами. А когда немецкие войска, отступая, вошли в партизанскую зону, то она сама собой стала линией фронта.

Гитлеровцы, находясь непосредственно лицом к лицу с партизанами, подгоняемые советскими войсками, сконцентрировали свои усилия на обнаружении, окружении и ликвидации «путавшихся у них под ногами» партизанских группировок. Но до этого, перед началом наступления наших войск, немцы то ли по ошибке, то ли по другим причинам, оставили неприкрытой двадцатидвухкилометровую зону труднопроходимых болот. Эту зону партизаны называли «воротами». Это действительно были своеобразные ворота для прямой связи партизан с нашими войсками. Работали они до начала наступления. Но, начиная с марта 1944 года, гитлеровцы окружили черные (пинские) болота и начали постепенно, уже большими регулярными силами, сжимать кольцо окружения, попутно уничтожая попадающихся на пути партизан — как в больших, так и малых группах. Был введен жесточайший террор против местного населения — даже за слухи о наличии партизан в том или ином населенном пункте.

В полесской стороне немцы оцепили практически всю партизанскую зону. В деревнях и селах зверствовали не только немцы, но и предатели-власовцы, а также эрзац-немцы, то есть немцы из Чехии, Югославии и т.п.

Эти нелюди вели себя гораздо хуже, чем обычные немцы (германские). Они предчувствовали час расплаты за предательство, за кровь невинных людей, за мародерство и грабежи и выслуживались перед гитлеровцами, надеясь на их защиту в будущем.

Основная масса полесских партизан была вынуждена отойти в болота. Это были страшные места. Отряды перебирались на острова среди непроходимых болот. С острова на остров делались «гребли» — переходы из стволов деревьев, накатом в 3-4 метра. По этим «греблям» проходили люди, повозки, верховые лошади. Распутица, сырость, жилье построить негде, грязь кругом. Сделали несколько шалашей для командования и штабов, но немцы гнали дальше, прочесывали леса, обстреливали острова из орудий и минометов, а на ночь уходили в свои гарнизоны. Причем главным гарнизоном в этой зоне стала бывшая первая партизанская база «Москва», село Фастовичи. Заняли они и партизанский аэропорт Зыслово.

Партизаны все дальше уходили в болота. Положение было печальное, ведь с другой стороны болота находились немцы, непрерывно обстреливавшие партизан.

Чем дальше в болота, тем сложнее передвигаться. Пришлось оставить лошадей и повозки — налегке, без обозов и продовольствия, отряды все дальше уходили в болота.

Партизаны держались из последних сил. И в какой-то момент сдали нервы у командира соединения Сколобанова. Он взял с собой четырех человек, в том числе жену и бывшего моряка из спецотряда — оставив соединение на произвол судьбы, ушел за реку, пытаясь спастись, думая, что в большой массе партизан и населения спастись будет более сложно. Он просто решил спастись сам. Бывший моряк из его группы переплыл ледяную мартовскую реку и перетянул за собой немецкий телефонный кабель. Держась за него, перешли реку жена командира и его друг. Потом кабель, не выдержав напряжения, оборвался, и командир соединения вместе с еще одним участником этого похода, скорее всего, пошел ко дну реки.

Утром 9 марта к Тобиасу подошел командир спецотряда соединения — красивый высокий человек с бородой, которого партизаны называли Александром Невским, многими своими качествами подтверждавшим это прозвище. Он попросил взять проводника, бывшего посыльного из штаба, и разведать состояние бывшего партизанского аэродрома в Зыслово. Узнать, правда ли, что его заняли немцы.

Одна из местных просек должна была выходить на Зыслово. Пробравшись с проводником к аэродрому, Тобиас увидел передвигающихся по нему немцев, а в одном краю несколько автоматчиков охраняли большую группу гражданских лиц. Все было ясно. Партизанам здесь делать нечего. Вернувшись к исходной точке, Тобиас увидел, что проводник исчез. Добираться по незнакомым местам и болоту без проводника, тем более к вечеру, было довольно сложно, но все же к утру Тобиасу удалось прийти на место стоянки партизан.

Потухшие костры, консервные банки и прочие следы партизанского бивака, но никого на месте не было. Кто и куда ушел, было неизвестно. Но Тобиасу опять повезло — после долгого блуждания по болотам он все же наткнулся на штаб своего бывшего отряда. Партизанское соединение, брошенное своим командиром, искало выход. Позже возвратившийся в Белоруссию Ветров скажет о Сколобанове: «По сути он был трусом, трусом и погиб».

Бедя одна не бывает. После месяцами устоявшейся, размеренной партизанской жизни делали свое черное дело окружение, болота, постоянные обстрелы, голод, холод, а главное — полная неразбериха от незнания оперативной обстановки.

В штабе отряда, куда пришел Тобиас, было немного партизан, причем из разных мест. Командиров не было, что делать дальше, никто не знал. Тобиас подошел к одной из групп и сказал: «Если будем сидеть на месте и ждать чего-то и кого-то, пропадем. Нас обязательно найдут и уничтожат. Есть предложение — идти и искать основные силы соединения». С ним согласились идти несколько человек: один с ручным пулеметом, один автоматчик, один казак из конной разведки.

Когда они уже выходили из временного лагеря, присоединились еще несколько партизан. Набралось 18 человек. Вышли вечером. Никого из местных среди них не было, поэтому через несколько часов уткнулись в большое болото. На ночь оно покрывалось тонкой коркой льда, днем таяло. Обходя болото, зашли в какую-то деревеньку. Их обступили местные жители, в основном, женщины и дети, слезно умоляли взять их с собой. Немцы рядом, и в живых они никого не оставят, так как мужья и родственники были в партизанах, и все знали об этом. Пришлось взять их с собой. Партизаны окружили их кольцом и пошли.

Надо было отходить через лес, но группа вышла на дорогу и тут же попала под огонь прочесывающих местность немцев. Пришлось занять круговую оборону. Женщин и детей уложили в середине, сами выдвинулись как можно дальше от них, чтобы по возможности обезопасить.

Открытое место. День уже наступил. Немцы. И их было достаточно много. Они все видели и, издеваясь, кричали: «Панянки, комен зигир, партизанен капут!»

Потом начался неравный бой. Тобиас вскочил, понимая, что терять больше нечего, надо пробовать прорываться к лесу, который был метрах в ста... Но что это были за метры... «За Родину, за Ста...» — на этом и крик, и бег, и жизнь, в какой-то момент, разом остановилась.

Лежа без сознания, он через время все же внутренне почувствовал какой-то страшный удар в голову. И все.

Солнце уже садилось, когда Тобиас пришел в себя. Подняться не мог, руки-ноги не слушались, и страшно болела голова. Он осторож-

но осмотрелся. Рядом с ним лежали трое убитых, из числа тех, кто выходил с ним из отряда. Дальше еще и еще были разбросаны тела партизан в страшных позах и положениях.

Он, видимо, падал уже бессознательно, и удар пришелся на руки. Правая сильно болела, левая вообще не слушалась. Рядом валялась его шапка. Когда поднял, в ней оказались осколки мелких костей. Как выяснилось, пуля чиркнула его сзади по черепу и ушла дальше. Он одел шапку, ощупал лицо. Оно тоже было окровавлено, но не от пулевого ранения, а от тупого удара, который он получил, будучи уже в беспомощности. Видимо, когда немцы перебили группу, то ходили и проверяли, не осталось ли кого живых. Может, кто-то из них в ходе «проверки» ударил его в лицо прикладом, да в спешке пошел дальше, не заметив брызнувшей крови. Может, что-то другое было. Как бы там ни было, когда он расстегнул свой финский френч, то увидел засохшие струйки крови, успевшие стечь с головы на белье, брюки и даже в резиновые сапоги.

Примерно в середине ночи он все-таки встал и попробовал идти. Упал, снова встал, снова упал — и так до тех пор, пока не добрался до леса. Там стал переходить от дерева к дереву, и идти вперед. Он не знал, что это за «перед», может это было «назад», но он знал, что надо идти. Идти, искать людей, своих людей, они помогут.

Через время снова уткнулся в болото. Оно сверху подмерзло. «Попробую», — подумал Тобиас и пошел по льду. Буквально через несколько шагов провалился по пояс, хорошо — берег рядом, трава, ветки — вылез. А то, что по пояс в грязи, что пришли заморозки, так это же не смертельно, мы же партизаны, привыкшие.

Где-то недалеко по болоту или через него били минометы. «Раз немцы стреляют, значит, кто-то из наших тоже рядом». Немцы били справа Он повернул влево и пошел вдоль ледяной кромки болота. Часа через два, при выходе на опушку леса, ярко освещенную полной луной, увидел какую-то тропинку. Пошел по ней. Шел долго. В голове — туман, силы покидали его, но останавливаться нельзя.

К утру услышал людские голоса. Поразился. Говорили по-румынски. Откуда здесь румыны? Пошел на голоса: вряд ли, чтобы здесь были «родные» румынские голоса... Оказалось, что он попал на «цыганский» остров, где располагалось что-то вроде цыганского партизанского отряда.

Цыгане, как и евреи, были объявлены фашистами вне закона, вот они и скрывались в лесах Белоруссии и воевали с немцами. Условия в цыганском отряде были ужасные, но там встретили Тобиаса как знакомого — отряд все-таки входил в Полесское соединение, и его руководство знало про переводчика штаба. Ему оказали медицинскую помощь, накормили, дали возможность отдохнуть несколько дней.

И вдруг 18 марта 1944 года в центре «цыганского» острова собралось все население этого отряда. Почему «население»? Потому что в отряде были не только партизаны, но и старики, женщины, дети. Они, вместе с мужьями, сыновьями, братьями, всю войну делили тяготы и лишения оккупационной жизни. Они надеялись на Красную Армию и помогали в тылу, как могли.

На повозку поднялся командир отряда и, не скрывая слез, закричал: «Партизаны, братья-ромалэ, все люди хорошие, немцы, наконец, ушли от нашего острова. Ушли насовсем. Да здравствует свобода!»

Цыгане — народ мобильный и оперативный. Пока Тобиас, у которого от всего пережитого кружилась голова, лежал в шалаше, население острова покинуло его и ушло в неизвестном направлении.

Заботливые цыгане не стали его тревожить, оставили немного еды, которую он принял с благодарностью. Тобиас отлежался — и тоже двинулся искать своих. Идти стало спокойнее. Немцы не попадались, может, меняли место дислокации, но не встречались.

И вот места пошли знакомые. Наконец, Тобиас добрался туда, где раньше располагался штаб соединения. На удивление, там находились (или собрались) несколько бывших работников штаба и рядовых партизан.

Старшина из охраны штаба, увидев Тобиаса, очень обрадовался и даже подарил ему десятизарядную винтовку Дегтярева. Один раз затвор передернешь — и можешь десять раз подряд стрелять. Отличная винтовка для безоружного Тобиаса.

При штабе находился и ранее знакомый ему еврейский мальчик лет четырнадцати. Родители были врачами, немцы их повесили, а его спасли разведчики из конной штабной десятки. Так он у них и прижился. Кстати, позже его наградили партизанской медалью первой (высшей) степени.

Когда вокруг штаба собралось несколько десятков человек, из них был создан новый партизанский отряд. Надо было идти искать рассы-

павшихся по всему Полесью партизан их родного соединения. Нужна была концентрация сил. Пускать поезда под откос уже не было необходимости, мосты рвать тоже — надо было спасать население и помогать наступающей армии.

Двинулись на Запад. Как раз там, где Тобиас после ранения попал в болото, сделали привал. Он пошел посмотреть на то месте, где их совсем недавно расстреливали немцы. Подойдя к дамбе, по которой шла огибавшая болото дорога, услышал голоса. Говорили по-немецки. Подполз поближе. Минут десять прислушивался и понял, немцы на излучине устроили скрытые пулеметные точки. Наверное, ждали кого-то.

«Слава Богу, — подумал Тобиас, — что я пошел посмотреть, где меня убивали, ведь получилась полезная разведка. По этой дороге нам идти нельзя».

Пришел к ребятам, рассказал. Некоторые горячие головы тут же предложили забросать немцев гранатами, на что старшина справедливо заметил: если у немцев здесь столько пулеметных гнезд, значит, где-то есть и наблюдательный пункт, они нас на бросок гранаты не подпустят.

Пошли в обход болота. На другой день вышли к селу Фасточиви. Полицаев там рке не было, немцев тоже. Люди ютились в куренях и землянках.

Тобиас почувствовал себя плохо, и его оставили в одной из них, перевязав голову, так как рана была глубокая. Наутро он опять попытался выяснить, не знает ли кто, где его бывший отряд, создававшийся вначале из местных жителей. Дня через два в землянку зашел знакомый старик и обрадовал Тобиаса тем, что его поредевший отряд находится буквально рядом, на бугре, в селе Клесово.

Тобиас полубегом, полуползком понесся туда. Встретили как родного. Командир собрал партизан, выставил перед ними, как какую-нибудь диковинку, Тобиаса и сказал; «Товарищи, объявился Робинзон нашего Полесья. А мы тебя, Тобиас, уже того, похоронили. А ты, оказывается, пулепробиваемый, но неуничтожаемый, как действительно настоящий партизан. С прибытием тебя домой!».

Он обнял и поцеловал его. Затем начали подходить и обнимать ребята. Помыли, перевязали, накормили.

Почти месяц Тобиас подлечивался в родном отряде. Рана на голове заросла, но так как кость черепа была поражена, то осталось затянув-

шееся кожей, но «бескостное» место в задней части головы. Осталось на всю жизнь. (Автор ощупывал это место на голове Тобиаса Лейбу через полвека после ранения и поражался, как можно было не только жить, но еще и воевать с такой раной!).

После месячного пребывания в родном отряде Тобиаса навестил начальник штаба соединения капитан Дорошко. Они очень обрадовались друг другу. Дорошко сказал: «Ну что, друг, отошел? Молодец. Поедешь со мной. Будем восстанавливать руководство Полесского соединения. Работы много, и тематика действий будет другая. От нас требуется сейчас главное — разведка и защита населения». Утром они с Тобиасом верхами выехали в расположение штаба.

29 июня 1944 года случились сразу два события. В расположении штаба соединения, почему-то с западной стороны, появилась довольно большая группа немцев. Их появление сперва внесло некоторую сумятицу, так как при штабе было немного партизан. Но оказалось, что все залетные немцы поголовно пьяны — их разоружили, поставили охрану, не зная, что с ними дальше делать.

И в эту же ночь, в предрассветном тумане, в расположение штаба пришли более желанные гости — уже с Востока. Это были разведчики одной из наступающих советских частей, группа из трех человек — лейтенант, сержант и рядовой. Наконец-то, своих дождались!

Этот момент врезался навсегда в память народного мстителя еврейской национальности, Тобиаса Лейбу, и его товарищей-партизан. Но война еще не закончилась на этом. Основная масса территории Белоруссии еще была под оккупантами.

Постепенно к штабу соединения подтягивались партизаны. В начале июля из Москвы прибыл генерал-лейтенант Ветров, бывший командир полесских партизан.

В ближайшей к штабу балке построили партизан, на всякий случай выставили боевое охранение. Ветров поздравил всех с воссоединением с регулярной армией, поблагодарил за годы борьбы в тяжелых условиях и вручил многим из них награды. Медалью партизана Великой Отечественной войны первой степени был награжден Тобиас Лейбу, румынский еврей, а теперь комсомолец, работающий в штабе партизанского соединения. Ветров, вручая Тобиасу медаль, особо отметил его перед строем не только как отважного партизана, но и как умелого, добросовестного работника.

Кстати, позже, в 1946 году, тот же Ветров вручит сержанту Тобиасу Лейбу орден Красной Звезды.

После построения Ветров подозвал его к себе и сказал: «Помните, товарищ Лейбу, я вам, уезжая, сказал, что мы еще встретимся и поработаем вместе? Вот и пришло то время. С группой штабистов сегодня же поедете в Гомель, там за городом будет место дальнейшей нашей совместной службы».

Прибыли в Гомель, затем к месту новой дислокации. Переоделись, помылись, приготовились. Тобиасу, все-таки иностранцу, подобрали форму канадского офицера, полученную, видимо, по «ленд-лизу». Когда он, высокий, подтянутый, симпатичный двадцатидвухлетний русский парень с голубыми глазами, шел по городу, люди оборачивались. И мужчины, и женщины не понимали, откуда взялся в Гомеле такой шикарный иностранец. Его коллеги по штабу, особенно ребята из штабной разведки, даже начали спекулировать на этом. Брали, к примеру, Тобиаса с собой на базар, подходили к солидным продавцам и говорили: «Вон видите, иностранец стоит. Это помощник американского президента Рузвельта, его специально в Белоруссию прислали посмотреть, что здесь немцы натворили. А мы его охраняем. Так неужели вам жалко для нас бутылки самогона и булки хлеба?!»

Тобиас сперва не догадывался о своей роли «помощника президента» на базаре, но когда ребята за столом об этом проговорились, больше с ними в город не ходил. Он никогда в жизни ничего чужого даром не брал.

В селе Чонки, под Гомелем, где должно было формироваться какое-то новое подразделение, в которое генерал Ветров направил Тобиаса, зависло какое-то непонятное ожидание. Но если партизан, прибывших вместе с ним, это вполне устраивало, ибо они стояли на армейском довольствии и, по большому счету, загружены не были, то Тобиаса такая «вольная» жизнь не устраивала. Но все равно, все сидели и ждали. Ждали своего генерала, а его все не было и не было. И тогда Тобиас, как в июне сорок первого в Черновцах, пошел в военкомат, уже гомельский. История снова повторилась. Несмотря на то, что он представил кое-какие документы, награды и опять все подробно рассказал о своих местопребываниях и действиях за последние три года, в призыве ему отказали. Ты, мол, числишься за партизанским штабом, пусть твое руководство тобой и занимается.

Недалеко от Гомельского железнодорожного вокзала он видел табличку «Военно-полевой комиссариат». Пошел туда, представился. Там посмотрели его бумаги (конечно, он скрыл, что был тяжело ранен в голову и еще полностью не восстановился) и сразу призвали в армию. Как выяснилось позже, совсем не в ту, куда Тобиас стремился. Дня через два его вместе с другими мобилизованными военно-полевым военкоматом повезли в город Козельск, в запасной полк. Там при приеме командир полка, просмотрев его бумаги и наградные документы, в тот же день присвоил ему звание сержанта и назначил командиром отделения.

Так в Советской Армии появился новый сержант — Тобиас Лейбу, он же румынский еврей-комсомолец, он же узник многих концлагерей, он же белорусский партизан.

Из Козельска эшелонам их перебросили под Восточную Пруссию, где готовилась очередная стратегическая операция. Высадили в Каунасе, поселили в так называемых «красных казармах», начали готовить к боевым действиям.

Тобиас внутренне радовался и гордился тем, что обошел все рогатки, мешающие ему попасть на фронт. Все шло к тому. Но. При одном из построений к строю подошел старшина роты и сказал: «Сержант Лейбу, выйти из строя! Соберите свои вещи и идите к стоящей у КПП машине». Потом добавил: «Поедете служить в другую армию». «Какую другую армию? — возмутился Тобиас, — не надо мне никакой другой армии, кроме Советской!» «А вы в Советской и будете, — оборвал старшина, — это приказ!»

На войне приказы не обертывают. Пришлось идти в одну из казарм, где формировалась часть той, «другой» армии.

В казарме, куда пришел Тобиас, уже собралась целая интернациональная команда — пятеро немцев, француз, чех, бельгиец и финн. Все они были из перебежчиков, которые служили раньше у немцев, а потом перешли к партизанам. Посмотрев на эту публику, Тобиас возмутился до глубины души и пошел в штаб формирующегося полка.

Командира он нашел на плацу, гарцующим на красивом жеребце. Видно было, что он кавалерист по крови, так ладно он выглядел в седле.

«Товарищ полковник, — Тобиас взялся за стремя и пошел рядом с конем, — за что меня так? Почему я вместе с этими людьми должен служить, тем более на фронте?»

Полковник остановил коня и сказал: «Сынок, я сам не знаю, где я буду завтра. Не торопись, войны еще на тебя хватит».

Тобиас возбужденно запротестовал: «Тогда я сам пойду на фронт!», Полковник ответил: «Не советую, пойдешь сам — поймают, могут, не разобравшись, в расход пустить».

Через некоторое время их сформированный сборный полк повезли в Бобруйск, там поселили на территории бывшего концлагеря, где за годы войны фашисты сожгли около восемнадцати тысяч советских военнопленных, затем погрузили в поезд и повезли не в сторону фронта, а совсем в противоположную — в Сибирь. Выгрузились на станции Черемхово, под Иркутском, построили и объявили: «Вы теперь солдаты так называемой «трудовой армии». Для Тобиаса это было где-то посередине между действующей армией и лагерем для военнопленных. Он опять пошел уже к новому своему командиру: «За что же меня так? Я же весь перед вами, есть документы, я же не перебежчик, а настоящий партизан. Нельзя же так! Все равно уйду сам на фронт!»

«Далеко не уйдешь, здесь Сибирь, и дорога одна, поймают — будешь где-нибудь на Северном Урале не фронт, а смерть свою искать», — незлобно сказал командир.

Делать нечего, пошел работать. Хорошо работал. В той системе были свои условия поощрения. Раз в неделю выдавали «премии». Тобиас за первую неделю получил в виде премии рабочие брюки, за вторую — солдатские сапоги, за третью — рубашку-косоворотку. Но на большее его не хватило. Как-то вечером он одел свою военную форму и был отпущен в увольнение. Не удержался — пошел к вокзалу, что будет, то и будет. На перрон нельзя. На выходе со станции под парами стоял поезд с пустыми платформами. Тобиас вскочил на площадку последней платформы, раньше там было что-то вроде открытой будки для хвостового проводника, и уехал. Осень в Сибири — дело серьезное, шинель в такой ситуации не грела, тем более при обмороженных ногах. Ведь когда весной, как уже было раньше сказано, он попал в ледяное болото, то выбрался из него без своих резиновых сапог и портянок. Пока добрался до людей, сильно поранил и поморозил ноги. Все это давало о себе знать.

Проехав около ста километров по Транссибирской магистрали на открытой платформе, обдуваемой со всех сторон морозным ветром,

Тобиас промерз насквозь и не мог уже шевелить ни руками-ногами, ни языком. Когда проезжали станцию Зима, поезд сбавил ход, и добрый хвостовой проводник просто скатил его с платформы на насыпь, рядом с будкой стрелочника. Теперь пришлось Тобиасу познакомиться и с гостеприимством сибиряков. Его подобрали две женщины-стрелочницы, отогрели у печки, напоили крепким чаем, накормили, а потом даже помогли продолжить путь дальше.

Судьба снова, несколько раз ударив его хлыстом, протянула прямой. На станции стоял эшелон из Владивостока. Везли американские самолеты на фронт. Весь состав — самолеты и запасные части, а в середине — два вагона с летчиками.

Так как Тобиас впервые в своей жизни солгал, а он сказал нашедшим его женщинам, что отстал от поезда, они поверили, взялись ему помочь и узнали все об эшелоне, идущем на Запад. Выяснили, что летчики сейчас обедают в станционном ресторане. Сестра одной из женщин-стрелочниц работала там официанткой. Родственница попросила ее поговорить со старшим группы летчиков, молодым еще по возрасту майором, чтобы они подвезли сержанта-родственника, опоздавшего на поезд. Официантка согласилась.

Привезли Тобиаса, майор проверил документы, потом сказал своим коллегам-летчикам: «Ну что, ребята, поможем пехоте?» Симпатичная официантка, спиртное и нормальная обстановка способствовали согласию летчиков и их старшего. Они взяли Тобиаса с собой.

Все шло хорошо. Никто состав и летчиков не проверял. Мелькали станции. Тобиас жил, как в передвижном доме отдыха.

Но долго также нельзя. Не может быть для него хорошо все время. Поезд с самолетами пришел в город Молотов (ныне Пермь). И там, то ли ему изменили маршрут, то ли он вообще изначально шел на север, в Архангельск, но на вокзале Тобиас увидел, что дальше пути его и летчиков расходятся. Выйдя на перрон, он тут же был остановлен патрулем, и через пару минут доставлен в комендатуру.

Когда его ввели к коменданту, Тобиас представился: «Товарищ подполковник, сержант Лейбу, отстал от эшелона».

Подполковник встал, подошел к нему, распахнул шинель — на груди Тобиаса две нашивки за тяжелые ранения и медаль партизана, спросил: «А за что награда?» «Медаль партизана Великой Отечественной войны первой степени», — ответил тот. «А сам откуда?» «Из Бе-

лоруссии». «А более конкретно?» «Село Куритичи, Полесской области». «Пусть проверяют, кто там остался живой, подтвердят, что я из их села», — подумал Тобиас. «Я тоже из Белоруссии, — сказал комендант, — но, как видишь, от эшелона не отставал. Война, брат, порядок любит!» «Да ты и так неплохо здесь в тылу устроился», — хотел было ляпнуть Тобиас, но во время сдержался.

Комендант вызвал двух солдат охраны, татар по виду. Они примкнули штыки к винтовкам, и он понял, что арестован. Комендант написал какую-то бумагу, отдал одному из солдат, и они повели арестанта за город. Пока шли по городу, люди смотрели на них и возмущались: «Дезертира поймали, наверное, стрелять ведут!»

Тобиас шел и думал: «Неужели пойду под трибунал? А что, все можно ожидать от таких комендантов. А может... Трех немцев уложил сразу, неужели от двух татар не отобьюсь?»

Но комендант, видимо, на самом деле был из Белоруссии. Вместо того чтобы отослать Тобиаса в лагерь на севере Свердловской области, как он обещал сразу, направил его на пересыльный пункт, где комплектовали «пушечное мясо» для наступательного броска в Восточной Пруссии. Здесь собирали все, что молено: освободившихся заключенных, выздоровевших раненых, таких сомнительных, как Тобиас

Уже через 19 дней их батальон и его комсорг, сержант Тобиас Лейбу, были в районе Кенигсберга. Затем были Польша, Германия — Франкфурт на Одере и Берлин.

Войну он закончил на юго-восточной окраине Берлина. Осенью 1945 года вернулся в Белоруссию. Служил под Могилевом, в войсковой части занимался политкомсомольской работой. В 1946 году получил орден Красной Звезды, которым был награжден еще за подрывную работу в 1943 году. Во время войны награду не вручили, так как по своей воле ушел из партизанского отряда в действующую армию. 26 декабря 1946 года был демобилизован по инвалидности.

Так закончилась военная эпопея этого простого, но действительно замечательного человека, партизана по духу, а не по обстоятельствам и ситуации. Истинно народного мстителя, который не мстил, нет, хотя и было за что, а боролся с националистическим злом, с теми, кто делил людей на собственно людей, к которым они причисляли и себя, присваивая себе арийскую исключительность, и на людей — рабочих животных, которых надо сперва серийно-выборочно уничтожать, а

затем, по необходимости, также серийно воспроизводить, как нечто работоспособное и работоспособное.

ЭПИЛОГ

После демобилизации Тобиас с помощью генерала Ветрова попал в Москву для медицинского обследования. Рана головы была очень серьезной. После долгих мытарств по поликлиникам и институтам, где ему всегда оказывали любой содействие, он сделал вывод, что жить ему, двадцатипятилетнему парню, доведется, хорошо если лет пять. Гематома в голове, по мнению врачей, могла начать разлагаться, поражая мозг со всеми вытекающими последствиями.

Он вернулся в Белоруссию, прошелся пешком по десяткам сел и деревень, где его когда-то встречали, кормили, поили, лечили. Люди там жили в то время ужасно. В выжженных деревнях они ютились в землянках, ямах, старых концлагерях. Тобиас шел от села к селу, общался со знакомыми людьми и плакал. Плакал не от слабости и раненой головы. Плакал от сострадания, желания помочь и невозможности лично этого сделать. Обстоятельства и условия были тяжелейшими для здоровых людей, что там говорить о проблемах с его здоровьем.

Какой-то врач посоветовал ему поехать в Молдавию, там и климат потеплее, да и врачи есть опытнее. Снова повезло! В селе Костюжены, что под Кишиневом, один старый психотерапевт-еврей после обследования спросил Тобиаса: «Молодой человек, а вы можете вспомнить, когда вас ударило по голове, как вы лежали, когда очнулись, на спине или животе и как долго, по-вашему, вы были без сознания?» Тобиас ответил, что очнулся он, лежа на спине, а лежал около четырех часов.

«Вы знаете, я вам вискажу то, что я думаю, — продолжил психотерапевт, — нет у вас никакого кровавого сгустка в голове. Пока вы лежали, вся кровь, та, что сочилась при ранении, вышла в матушку-землю». Он назначил Тобиасу курс лечения, и после этого Тобиас прожил еще...пятьдесят пять лет.

Долгое время он работал в системе народного образования Молдавии. Был директором Волонтировского (недолго), затем Кирютинского (13 лет) детских домов. При нем эти проблемные детские приюты становились лучшими в республике. Но ему мешали всегда два врожденных (на генном уровне) качества — порядочность и честность.

Он не крал сам и не давал красть другим. Да и у кого красть? У бедных бездомных детей, для которых послевоенное обескровленное государство собирало крохи по всей стране!

В Бессарабии в те времена еще сохранялось традиционное румынское бюрократическое крохоборничество, особенно на уровне обслуживающего персонала детских домов, районных и республиканских чиновников. Они, как клопы-пиявки, отсасывали от детей все, что можно и что нельзя. Естественно, они любыми способами, через искусственные жалобы, различные провокации, пытались (и довольно удачно) избавиться от тех людей, которые попросту мешали им обирать сирот. И не боялись ни Бога, ни закона, так как снизу доверху все было схвачено круговой порукой. Это была своеобразная «соска» длиной во всю вертикаль республиканской власти.

Даже тогдашний министр посоветовала Тобиасу, понимая в чем дело: «Оставь ты эту Бессарабию, здесь тебе воры жить не дадут, лучше уезжай в Тирасполь, там такого нет, там совсем другие люди. А мы, чем сможем, поможем».

Так в 1960 году Тобиас Лейбу появился в Тирасполе с красивой молодой женой Марией и двумя детьми — Татьяной и Анатолием. Здесь он жил еще почти сорок пять лет. Вначале в доме матери жены, семь человек взрослых и детей в одной комнате, потом построили свой дом, потом дом снесли, а семье Лейбу дали квартиру.

Он никогда не знал ни минуты покоя, работал и после своих семидесяти лет и оставался таким, каким создала его природа, — верным ее сыном, готовым отдать себя всего людям.

Как-то раз, стоя в очереди в одном из кишиневских магазинов, Тобиас почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Обернулся — Гринберг! Они вместе на барже переправлялись через Дунай в 1940 году. Обрадовались, разговорились. Они были знакомы еще в Румынии, Гринберг знал братьев и сестер Тобиаса, дал даже адрес одной из них.

По его словам, отец, сестра и старший брат Исаак во время войны выехали в Палестину (потом Израиль). Старший брат Иаков тоже выехал туда после войны, в 1946 году, а сестра Дора, как уже было сказано, выехала еще в 1937 году вместе с мужем.

Тобиас добился разрешения на поездку в родное село Подурь, встречался там и в Мойнештах со своими родственниками, а позже через Австрию ездил в Израиль.

Отец и старшие братья в то время были уже похоронены в Израиле, а многочисленные родственники Лейбу, в довольно большом количестве, рассыпались по городам Израиля — Хайфе, Натанье и многим другим местам.

Крепкий корень Лейбу пустил хорошие ветви — не только в Израиле, но и в Австрии, Германии и, естественно, в Приднестровье.

В настоящее время в Тирасполе живет жена Тобиаса Лейбовича — Мария Ананьевна, замечательная женщина, всю свою жизнь пожинавшая «несладкие» плоды честности и порядочности мужа.

В Тирасполе живут и их дети. Жизнь продолжается.

ВЕНИКИ ИЗ-ЗА РУБЕЖА

В альбоме жизни, который мы перелистываем вместе с читателем, были представлены фотографии разные — грустные и веселые, добрые и не очень. Простите меня заранее, но жизнь есть жизнь, и настоящая была, не разового, а такого пространного действия, на мой взгляд, самая мрачная из всех предыдущих былей, мрачнее даже были «Оккупация», хотя, казалось бы, что может быть еще мрачнее. Эта была, как надпись на плите, под которой покоится наше село. Село в комплексе, куда входит и сельское хозяйство, и сельская инфраструктура и те остатки сельских жителей, что еще мелькают по полуразрушенным или полностью уничтоженным селам. Абсолютно все, что будет приведено в этой были по факту, можно подтвердить документально, комментарии, выводы и предложения по всем вопросам — это всего лишь мое мнение.

Я не претендую на истину в первой инстанции, но обязан подчеркнуть, что около семидесяти лет моя жизнь связана с селом, из которых пятьдесят пять лет уже отработано официально и именно в этой отрасли. Все процессы послевоенного возрождения, определенного взлета, затем ошибочного, а скорее всего умышленного уничтожения, затем нынешней агонии аграрного производства и вообще сельской жизни, происходили у меня на глазах. В отличие от «прикормленных» кабинетных корифеев-аграрников, я подаю ситуацию, как говорится, из первых рук. Ныне живущие, тем более будущие поколения, должны знать причины того, почему мы две трети продовольствия завозим из-за рубежа, почему в мясе, которого и так мало, тем более в колбасе, нету мяса, в молоке — молока, в лекарстве — действующих веществ, почему в наших селах остались одни старики, а кто помоложе — все спились. А ведь будущие конъюнктурные историки обязательно напишут, что всему виной советская власть, суровые погодные условия, госсобственность на землю, сермяжный, православно-прощенческий, основанный на доброте, менталитет наших беспутных крестьян — лодырей, пьяниц, ожидающих халявной

манны небесной. Они нагородят за деньги, звания и должности еще много всякой чуши, где таки будет доля правды, небольшая, но они раздуют эту долю на весь объем «исторической» правды. И в это поверят наши потомки, да, поверят. Всего одно поколение выросло на искаженной истории, а уже молодежь сомневается, что Германия напала на СССР в 1941 году, да еще через пару поколений такой жизни вся российская история будет перевернута с ног на голову. То же самое будет и с официальной историей нашего села.

В этом плане настоящая быль пусть станет попыткой застолбить перед потомками истину. Все в общих чертах, естественно, но как оно было на самом деле.

Приднестровский агропромышленный комплекс (АПК) до начала девяностых годов представлял собой территорию высокоинтенсивного производства, с лучшей в Союзе культурой земледелия. Из 204 тысяч гектаров пашни, 112 тысяч (52%) га имели довольно приличную систему орошения. Ежегодно вводились по 8-10 тысяч гектаров орошаемых площадей. Регион имел самую высокую фондо- и энергооборуженность, на поле выходило 6500 тракторов и масса другой сельскохозяйственной техники. Не каждая даже российская область, не то, что отдельные национальные округа, во много раз превышающие Приднестровье по территории, смогли бы сравниться в плане производства, переработки и экономической эффективности аграрного сектора экономики с этим регионом. Более 500 тысяч тонн плодОВОЩНОЙ продукции в год и столько же зерна, более 40 тысяч тонн семян подсолнечника, 60 тысяч тонн мяса, 180 тысяч тонн молока. Кроме того, виноград, табак, яйца, шерсть, коконы, мед, картофель и др.

Восемь консервных заводов выпускали до миллиарда банок консервов. Работали винно-коньячные, ликероводочные и винкомбинаты. Регион выращивал и перерабатывал четверть миллиона тонн сахарной свеклы, получая до 30 тысяч тонн сахара и значительное количество спирта-сырца. Интенсивная система земледелия предполагала выращивание, переработку и реализацию наиболее эффективных и высокотоварных культур — овощей, фруктов, винограда, сахар-

ной свеклы. В каждом районе работали современные птицекомбинаты, крупные свинокомплексы и комплексы по выращиванию молодняка крупного рогатого скота на мясо и телок для воспроизводства стада. Абсолютное большинство колхозов, совхозов, межхозяйственных объединений и комплексов — были прибыльными и высокорентабельными. Один только мой родной Слободзейский район получал в год до 60 миллионов рублей чистой прибыли. Чтобы «пощупать» эту прибыль руками или визуально представить себе ее воочию, скажу следующее — за эти деньги в советские времена можно было купить 6000 мощных тракторов К-700 и выстроить их по линии от Кировского завода в Ленинграде, до Слободзеи, с интервалом в 300 метров между тракторами, это легко проверить (1800 км: 6000 штук). А если закупить, к примеру, популярные в то время грузовые автомобили ГАЗ-51, на ту же сумму вышло бы 50 тысяч «газиков» и выстроились бы они от г. Горького (Нижний Новгород) опять же до Слободзеи в линию, с интервалом между машинами всего в 40 метров! Теперь закройте глаза и представьте себе две эти предполагаемые, но вполне реальные и возможные линии. В АПК работало постоянно около 70 тысяч человек - 10% населения.

Вот так, уважаемый читатель, мы «плохо» работали в те пресловутые «застойные» годы, которые сегодня приводят в оправдание развала Союза и АПК «знающие» люди, для которых и Союз и его АПК никакого значения не имели. На этой теме, на ее извращении, они просто имели имя и деньги.

С таким багажом Приднестровский АПК пришел к финалу союзного государства. Озадаченным, процветающим и с высокоразвитой социальной сельской инфраструктурой. Какие нашему региону нужны были реформы? Зачем? Да, была еще масса недоработок, но это молено было дошлифовывать по ходу дела. И если бы и сегодня сохранилось союзное государство, Приднестровье так бы и оставалось своеобразным огородом России, пусть не России, так какого-то региона, или ведомства, к примеру Газпрома, благо через нас проходит газопровод на Балканы.

Приходится признать, что развал Союза и последующие за этим различные действия больше всего ударили именно по Приднестровскому региону. В тех же Абхазии, Южной Осетии, Карабахе даже близко не было такого уровня производства и интеграции с той же

Россией и Союзом вообще, как у Приднестровья. К примеру, на приднестровских животноводческих комплексах выращивалось мясо для южной группы войск, располагавшейся за пределами Союза. И мы получали под это корма из союзных фондов. После того, как «почетный немец» и перво-последний президент со своим министром иностранных дел выбросили наши войска из насиженных мест в Европе в холодные палатки в степях и тайге, из России наше мясо больше не заказывали. И не потому, что российской армии мясо не было нужно или Россия сама стала больше мяса выращивать, а потому что для новых структур, включая государственные, гораздо привлекательнее было иметь дело с западными «партнерами». При этом выполнялись частные обещания, выданные другу «Биллу» или другу «Гельмуту» и др., а кроме того представлялась возможность непрозрачности закупок и негласных договорных цен, с целью ухода от налогов в России.

Сперва АПК Приднестровья получил сильнейший удар от союзных властей, лишивший нас основного госзаказчика, как продукции переработки, так и в свежем виде, а вторым ударом нас добила уже Россия, с первого дня допустившая переброску заказов на продовольствие того, что мы имели в избытке, на Запад, закрыв глаза на явную криминализацию этого процесса. По большому счету, это было ударом, далее по отношению к тем 300 тысячам русских приднестровцев и к абсолютному большинству населения региона, тяготеющему к России, независимо от национальности. В начале девяностых в России не нашлось ни одного разумного политика, которого озаботила бы ситуация в том лее Приднестровье, где проживало в то время 730 тысяч населения и все (более 90%) на весь мир, тем более на всю Россию, кричали, что хотят жить вместе с Россией.

Будучи заместителем министра сельского хозяйства Приднестровья, имея определенный опыт и предполагая на перспективу развитие ситуации в АПК, я в октябре 1995 года выступил с большой статьей в одной из ведущих в то время газет «Сельская жизнь» со статьей «Вдали от России!?» В ней описывал положение дел в нашем АПК, предлагал взаимовыгодное сотрудничество хотя бы с отдельными регионами или отраслями. В то время у нас все еще шло по инерции, как при Союзе. И деньги ходили российские и таможенных проблем пока особых не было и мы могли сразу, без всякой раскачки, включиться в работу на договорной основе с любой российской структу-

рой. И не ели бы сегодня в той же Москве мыльное белковое заграничное мясо и каучуковые с никаким вкусом израильские и турецкие помидоры и консервы, напичканные чем угодно, «негниющие» яблоки и т.п. Ну куда там, абсолютно никто на наши предложения не откликнулся. Вспомнил я не раз поэта Николая Некрасова и его стихотворение «У парадного подъезда», мыкался по разным инстанциям в Москве. Нет, нигде не выгоняли: «О, с Приднестровья, да я, да мы, но...». Идешь, к примеру, к Лужкову, а у него проблем выше головы, идите, говорит, к Берикову (в те годы первый зам. мэра), тот посылает к Воробьеву (министр продовольствия), вроде уже по адресу, а он посылает к Матросову (министр промышленности). Спрашивается, зачем к промминистру, я же аграрник? А Матросов, говорят, курирует Украину и Молдову. Иду к нему, а он посылает еще дальше... И все улыбаются и рассыпаются в любви к Приднестровью...

Где-то на седьмой инстанции попался знакомый еще по советским временам молодой парень. Он уже без дифирамбов спросил: «Вася, что ты от нас хочешь?». Говорю: «Предлагаю совместное производство, обеспечим качество, ассортимент, сроки, дешевую себестоимость, только помогите с первичкой, даже не деньгами, а горючим, удобрениями, ядохимикатами, это всего 15% от всего объема затрат, остальные 85% мы сами обеспечим». «А у тебя сейчас что-то есть?» - спрашивает. «Да пока нету, год к концу идет, давай с нового урожая и начнем», - отвечаю. И тут он по-свойски, не стеснясь, говорит: «На хрена, Вася, ты мне нужен? С тобой свяжись — все будет учтено и прозрачно, таможни две с обеих сторон Украины, никакого никому навару. Зачем и мне, и всем нам здесь такое надо? Нужны нам, к примеру, апельсины, я звоню в Марокко, договариваюсь с фирмой на солидный объем, цена для Москвы полтора доллара за килограмм, к примеру, а для Рабата (столица Марокко) по доллару. С каждого кило навар полдоллара, мы их делим, половину поставщику, половину он на мой счет в банке положит, и без налогов и без свидетелей, и прозрачностей всяких. Понял? А что я от тебя буду иметь, одну головную боль - горячее закупай, перевозки, жди, пока ты вырастишь, да кому это надо?!». Вот и весь интерес

Государству на все наплевать, а выделенными деньгами распоряжаются «свои» люди. И так во всех направлениях, оборонзаказах и от «окорочков» до помидоров. «Рынок» накрыл всю Россию, как говорят

в Украине, «мокрым рядом», по-русски можно сказать, накрыл всю ее территорию мощной мелкочейистой коррумпированной сетью, из которой выпутаться невозможно, только если разрубить эту паутину. Но нас волнует другое — эта криминализованная сеть закрывает нам доступ к российскому покупателю. Нам, в конце концов, россиянам, гражданам России, которых в Приднестровье уже более ста тысяч, а желающих принять российское гражданство еще минимум в три раза больше, некуда деваться — слева Молдова в одним гражданством, справа — Украина, тоже одно гражданство, в России ехать некуда, так надо же хоть как-то своих граждан защищать. А россиянам невыносимо трудно стало жить за рубежом, мало, что их морально и материально со всех сторон притесняют, их еще и просто убивают. Ведь абсолютное большинство погибших в 1992 году — были потенциальными россиянами, так как за год до этих событий, голосовали на референдуме за сохранение Союза, а Россия является официально его (Союза) правопреемником.

Но вернемся к «лихим» девяностым. Когда власти и аграрники Приднестровья поняли, что наш регион никому по большому счету не нужен, начали искать выходы. Почему не один выход, а «выходы», потому что началось то, что уже давно было в России и других республиках, но пока не было у нас Начался грабеж. Так всегда бывает, когда «наши» уже ушли, а «чужие» еще не пришли. Так как главное ограничение (план госзакупок) просто пропало, собственное государство образовавшийся вакуум госзакупок заполнить не могло по многим причинам, главная из которых — для кого и за что, главное, делать закупки, то оно, государство, просто отпустило вожжи. Сохранившиеся на тот момент коллективные хозяйства очень быстро

сбросили производство высокозатратных, но высокоэффективных направлений, таких, как плодОВОЩЕВОДСТВО, овцеводство, все мелкие «водства» - шелководство, кролиководство, овцеводство, коневодство, рыбоводство, пчеловодство и т.п., а затем пошли все основные отрасли животноводства и птицеводства. Скот перерезали, продали и съели, а кто, куда и зачем — знали очень немногие. Ну понятно, надо было поддерживать сельские объекты соцкультбыта, они все были на балансах хозяйств, надо было кормить армию и все правоохранительные структуры, а под этот шумок красть самим. Но все это шло с таким определенным скрежетом, потому что оглядывались еще на недавнее советское прошлое с его хоть каким-то порядком, контролем и ответственностью. Бригадиры уже сеяли вроде на колхоз, а убирали для себя. Продукция пропадала, лучшая или вывозилась в Россию, Белоруссию, или продавалась на месте перекупщикам за валюту. Но все еще в основном было в наличии — фермы животноводческие, техника, система орошения, заводы и комплексы. Но так же не должно было быть! В России и других странах СНГ уже всюду клубился плотный туманно-завесный хаос так называемых реформ в АПК, основным компонентом которых были: уничтожение коллективных хозяйств через распаивание коллективного имущества и государственной, но переданной в бессрочное и бесплатное пользование колхозам, земли, затем образование фермерских хозяйств и вторичное объединение бывших колхозников в КСП (коллективные сельхозпредприятия), но уже на совсем другой организационно-правовой основе. Эти привнесенные со стороны через проповедников перестройки реформы, являлись одним из стратегических секторов общего развала Союза и имели перед собой главную цель — ослабление, а лучше уничтожение отечественного агросектора любыми путями.

А внутри самой этой глобальной цели — главным было, как сказал один командующий армией в книге Ю.В. Бондарева «Горячий снег», «выбить танки», то есть любой ценой уничтожить крупные хозяйства, параллельно -перерабатывающие предприятия и животноводческие комплексы. Уничтожив производственную базу АПК, посеяв хаос распаиваний и вирус корысти в рассыпающихся колхозах и совхозах, молено было отбросить отечественный АПК навсегда, убрав его как конкурента, лишить ту же Россию продовольственной безопасности, ведь если ракеты можно еще год — два передержать, к

примеру, то кушать надо подавать ежедневно. Те, кто внедрял у нас на всем постсоветском пространстве (и чужие, и свои приспешники) те реформы, есть потенциальные преступники. Особенно это касается представителей власти и уж совсем особенно касается руководителей отраслевых министерств сельского хозяйства всех сельхозструктур сверху донизу, сельхозученых — организаторов, руководителей хозяйств и подразделений.

Для крупных промышленных и энергетических направлений была подготовлена своя стратегия — ввоз долларов, либерализация и появление валютных обменных пунктов, сперва выдача огромных кредитов своим людям по линии «Сбербанка» и обмен рублей на доллары, ваучеризация, девальвация рубля, искусственное банкротство нужных предприятий или без такового, создание финансовых пирамид и скупка ваучеров и, наконец, адресная приватизация пока самого важного, остальное никуда не денется; землю вначале не стали ваучеризировать, боялись крестьянских волнений.

Для аграрного сектора был другой подход — распаевание имущественное и земельное, затем, уже позже, скупка земельных паев, особенно у пенсионеров, удельный вес которых был по Союзу где-то в районе 50%. Дальше — скупка и ликвидация сельскохозяйственных производственных мощностей или их перепрофилирование. Главное — уничтожить отечественную сельхозбазу, а потом ввозить сюда всякую всячину, никуда не денутся, возьмут, раз своего не будет. В даль-

ней перспективе — скупка земель сельхозназначения, возможно, на начальном этапе и через подставных лиц. В общем, делать все, чтобы было хуже в стране с продовольствием, чтобы АПК не смог подняться вообще. Пока он поднимется и нарастит объемы, продукция его будет дорогой и мешать импорту не сможет. А помощь АПК свои люди во власти не пропустят.

Так вот, это уже было везде, кроме ПМР. Уже обрадованные «независимостью» депутаты всех стран СНГ в своих Конституциях вынесли на первое место частную собственность на землю, что тоже было одним из главных условий западных доброжелателей и спонсоров, а в Приднестровье все было как при Союзе - ни реформ, ни изменений в Конституции. И вот, наконец, в начале 1998 года, явно с чужой подачи, возможно, будущих потенциальных импортеров продовольствия, при горячей поддержке бывшего министерства сельского хозяйства ПМР, облепленного, как ржавеющий корабль ракушками, многими коммерческими структурами, Указом Президента ПМР было дано начало реформам в АПК, сперва в одном районе, потом во всех. Заказчики реформ и здесь сыграли на корыстных чувствах сперва тех, кто был у власти, председателей, директоров, бригадиров и заведующих фермами, а потом и части рядовых колхозников, измученных неопределенностью, пообещав им и долю, и дивиденды, и землю, которую можно будет продать и т.п.

Это был пир во время чумы. Очень быстро, в нарушение всего, чего можно было только нарушить, колхозы были преобразованы в кооперативы. Ни один из них не был легитимным, поверьте автору, как юристу. Их слепили как попало, люди ничего не поняли, но уже кооперативы, не имея ни одного договора с бывшими колхозниками, ныне пайщиками, брали кредиты, рассчитывались кооперативным имуществом без согласия пайщиков и т.д. Они получили карт-бланш на уничтожение. Это не возбранялось, скорее поощрялось заинтересованными людьми. Власти на местах вообще делали озабоченный вид и не вмешивались в процессы разграбления и уничтожения некогда цветущих приднестровских хозяйств. Начала исчезать техника, списывалась как старая, а уходила новая, а старую, что осталась вместо нее, оперативно разбирали. Никаких проблем — переехал лесополосу или дорогу, и ты уже в Украине, за границей. За 6 — 7 лет было уничтожено все, что можно уничтожить.

Я почему в начале сказал, что было это мрачнее оккупации, это правда. За три года Великой Отечественной войны производство сельхозпродукции в Молдавии снизилось на 40%, немцы и румыны не разрушили, извините, ни одного туалета, не то что животноводческого комплекса, тем более перерабатывающего завода. Если кто-то посмел бы из них это сделать, то, уверяю вас, все телеграфные столбы от севера до юга Приднестровья были бы увешаны телами руководителей всех звеньев. За это же варварство сегодня никто (да, никто!) не получил даже выговор. Вот так мы относимся к народному добру. А почему? Да потому, что немцы при оккупации даже думали о завтрашнем дне, а наши варвары, иначе их не назовешь, вообще ни о чем не думают, кроме себя. Поезжайте в мой родной бывший колхоз им. XX Партсъезда. Посмотрите на руины на месте полевых бригад, на исковерканную наверняка атомной бомбой молочную ферму. Вы знаете, я по натуре добрый человек, но и то считаю, что только за ферму председатель кооператива мог бы быть многократно наказан. А он еще зарплату получает, то забор продаст, то клуб, то еще чего-нибудь, не свое, а пайщиков, и зарплату себе получает, да он будет еще лет десять там сидеть. Это уже экономический и политический, извините, идиотизм, люди уже даже плевать перестали.

Я показал пример из нашего села, а ведь такое творится во всех селах. Сегодня вся республика производит сельхозпродукции (без зерна) столько, как раньше производил один колхоз из села Парканы. Одних овощей производим сегодня в 100(!) раз меньше, чем в предразвальном 1990 году. А овощи и фрукты — основная наша выручка и прибыль. Сегодня в Приднестровье огурцы из Польши и Венгрии, помидоры из Турции и т.д. Веники и то из-за рубежа завозим, потому что не сеем ни просо, ни веничное сорго. Вот до чего ложились, вот к чему нас привели те чуждые нам реформы. Сегодня импорт положил республику на лопатки, естественно, в первую очередь село. Причина та же, что и в Москве — импортерам гораздо выгоднее иметь дело с зарубежными поставщиками, чем с местным производителем, где все будет более прозрачно. Тем более, что заинтересованный зарубежный поставщик поддерживается своим государством и с целью наиболее полного завоевания рынка может выдать товар и под реализацию (продашь — отдашь) и в порядке кредита, и по договорным, никому не известным ценам, и еще по десятку вариан-

тов, лишь бы не упустить рынок. Импортёр при этом вывозит из республики валюту, но самое главное зло, которое он совершает против нашего государства (читай — народа) — он даёт работу чужим зарубежным работникам, которые производят сельхозпродукцию, ту, которую с успехом можно производить в Приднестровье, обеспечивая наших сельчан работой, зарплатой, и на этой основе решая и улучшая социальные нужды села. Тем более и качество покупаемой продукции на месте будет гораздо выше чужой, напичканной химикатами и выращенной на субстратах. Это уже политика, а не экономика, и не замечать этого власти не имеют права, ни исполнительные, ни представительные на всех уровнях.

А главная беспощадная правда не сельской, нет, а общегосударственной экономики, состоит в том, что мы вроде бы сегодня засеваем все поля, убираем урожай и ещё хвалимся этим, праздники всякие там организовываем по поводу и без повода. А везде, с каждым очередным сельскохозяйственным годом, мы уходим на 5 — 6 лет назад в прошлое и за десять лет «реформ» уже вышли на уровень 1929 — 1930 годов. И вот почему. Приднестровье с его довольно приличными почвами, наличием поливной воды, умеренно-тёплым климатом, с малой территорией, но наивысшей в СНГ плотностью населения вообще и сельского в частности, просто обязано вести интенсивное земледелие с высокоэффективной отдачей. Например, сегодня основные площади пашни засеваются зерновыми культурами и частично подсолнечником. Нет даже необходимости вдаваться в подробности обеднения и иссушения почвы при таком подходе, ведь мы перестали вносить органику и удобрения вообще. Это понятно. Также известно, что один гектар овощей в 10(!) раз больше даёт прибыли, чем гектар зерновых, один гектар семенников овощных культур в 10 раз эффективнее в плане экономики, чем гектар овощей или в 100 раз эффективнее гектара зерновых! Это не я придумал, это реальная экономика. В переводе на бытовой язык это означает, что один гектар зерновых только за 10 лет в идеале может сравниться по эффективности полученной от одного гектара овощей всего за год, а с гектаром семенников овощей за 100 лет! Впечатляет, не правда ли? Ещё проще, если мы вместо овощей на поле высеем зерно, то мы за год теряем 9-летний доход, а в сравнении с семенниками овощей теряем за год 99-летний доход. Понятно, что мы не засеваем все площади ово-

щами, а лишь 10 — 15% площади, значит, ежегодно теряем 1,5 — 2 года, то есть отступаем в прошлое, вместо того, чтобы двигаться вперед. Но, судя по нашим нынешним объемам производства и доходности, уровень которых рке ниже показателей 80-летней давности, мы за год теряем позиции и уходим в никакое прошлое со скоростью 8 — 10 лет в год. Пройдет еще одно постреформаторское десятилетие, и мы выйдем на уровень сельской жизни времен отмены крепостного права в России, где-то на середину 19-го века.

Это не смех, это слезы наши, при улыбающихся и довольных импортерах продовольствия и их поставщиках. Наше низкокачественное приднестровское зерно никому не нужно, с таким содержанием клейковины оно пригодно только на корм, но кормить-то уже некого. Да и ждать, пока зерно пройдет через животных и превратится в доход, те, кто его сеют, не желают. Они взяли землю, теперь закупают мощную широкозахватную технику, сеют зерновые, все процессы при этом механизированы, работает мало людей, конно-ручных работ почти нет, и «зерноводы» далее могут иметь (и наверняка имеют, не светясь) прибыли. Они довольны. А с другой стороны, если раньше на тех же площадях работали тысячи людей, то сегодня максимум 50 — 60 чел даже в очень крупных хозяйствах, где раньше трудились по 3 — 4 тысячи колхозников. Используя сегодня всю земельную площадь села, извлекая определенную прибыль, которая вполне устраивает арендатора и то мизерное количество занятых у него людей, он, мало того, что ежегодно отбрасывает село назад, он лишает возможности других жителей села, а это может быть и 5, и 10 тысяч, у нас есть и такие села, работать и жить с присельской земли, территории, закрепленной за селом века назад.

Да, арендатор не обязан на всех работать и все население кормить и социально благоустраивать. Он лее рыночник, взял землю в аренду, налог на землю платит, что лее мы от него хотим? Он-то в принципе прав, это мы все неправы, особенно все уровни власти, абсолютно не задумывающиеся, а что лее будет с селом дальше. Ведь раньше с этой земли все село жило. Все сельские блага, пока еще хоть как-то существующие, «выросли» из земли, водопроводы, газопроводы, дороги, линии электропередач и т.п. Они пришли еще с советских времен. Уже приходят в негодность, ведь никто ничего по ним не делает, да и делать не будет! Если сегодня не могут найти одну

трубу в сельсовете, чтобы залатать прогнивший водопровод, то откуда возьмутся средства у местной власти на замену сотни километров труб и т.п. Если местные власти устраивает то, что они имеют от тех арендаторов, то такое использование общественной земли не может устраивать все сельское население, которое, согласившись на передачу в аренду площадей, выделенные десятки лет назад селу для решения всех вопросов выживания и процветания, не может согласиться, чтобы на их землях выращивалось никому не нужное зерно, дохода от которого хватает только арендатору, а селу — ничего не достается. Еще несколько лет такой аренды, и сел в Приднестровье просто не останется. А арендатор пришел по договору аж на 99 лет! Вот уж действительно такие условия можно было узаконить только, простите, с большого «бодуна», иначе эти «99 лет» по нормальному не объяснишь. Нельзя объяснить необъяснимое.

Мало того, по таким договорам аренды земли не предусмотрено никаких условий землепользования со стороны государства, как арендодателя. Есть только уровень платы земельного налога, кстати, копеечный. Конечно, если будет производиться нерентабельное зерно, да еще вполностью спрятанное от учета, то внешне тяжело платить даже тот небольшой налог. А как же заставить арендатора постепенно переходить на более выгодные направления, то лее овощеводство, садоводство, виноградарство? А никак, нет у него таких обязательств по договору, ему те овощи сто лет не нужны, и село, которому выделялись земли для жизни — тоже. И чем раньше то, проблемное потенциально для него село, исчезнет, тем ему будет легче. А работников он найдет где-нибудь. Повторяю, ему дохода и с зерна хватает. И все устраивает. Он еще и другое знает, что если вдруг замахнется на производство того, что сегодня ввозится из-за рубежа, сразу возбухнут импортеры и все ими прикормленные службы, те, что контролируют все и вся - от налоговиков до экологов. И житья ему не будет. А зачем ему это, повторяюсь, надо? Сеем себе зерно, никто нас не трогает, все уровни власти, включая народных избранников всех уровней, тоже пытаются заглядывать не в глаза или рот, а в карман импортеров, одно дело словоблудить о благоденствии людей, а другое дело («святое» дело) — заботиться о собственном благополучии.

Приднестровье за эти «реформаторские» годы и особенно за последние 7 — 8 лет настолько глубоко ушло в эту зловонную жижу всеоб-

щего презрения к нашему селу, оставленному вообще без ничего, что самостоятельно выбраться сможет только тогда, когда какая-то разумная сила это корыто не опрокинет и не очистит. А ведь республикато, по сути, аграрная, и всегда агросектор был у нас определяющим фактором жизни. Не хотим мы этого понять — если останемся без села, а дело к тому идет, то останемся без Республики. А зачем тогда все эти разговоры о государстве и т.п., когда в государстве нет места государствообразующему во все времена в наших местах аграрному сектору и селу вообще? Проверая свои суждения и взгляды на соответствие, к сожалению для себя должен признать, что все мои опубликованные и озвученные высказывания по поводу наших анти-сельских реформ сбылись до мелочей, только в многократно увеличенных масштабах. Оно и понятно, не мог лее человек с моим сознанием предсказать такую бесчеловечную антиприродную жуть, сотворенную с нами самими нами и на наших глазах.

Причем, это все сегодня видят, считают само собой разумеющимся и не шевелят ни пальцами, ни мозгами, чтобы что-то изменить. Дикость какая-то. Младшие и средние властные структуры (село — район) все свое время и способности убивают на поиск рубля на зарплату учителям и врачам, им не до решения глубинных проблем. Выбранные высшие органы власти считают, что им и так неплохо, зачем искать проблемы вообще, тем более с теми, кто их питает (идеями). Раздумают они, и импортерам вообще не надо, ну, к примеру, возрождения отечественного АПК, так и мы постараемся не допустить этого, а то нам тогда места не будет. Кто же тогда будет нашим селом заниматься? А наверняка еще есть кто-то и что-то, как сказал великий Н.В. Гоголь в повести «Тарас Бульба»: «... и остались только мы, сырые, да как вдовица после крепкого мужа, сирая, как и мы, земля наша...». Безобразия все равно когда-нибудь заканчиваются, но конец этой истории, я так думаю, будет очень безрадостный для всех.

К сожалению, оказался автор прав не только в оценках, комментариях, но и предположениях по аграрной теме.

Повторяю, проверив на соответствие и ценность моих предположений еще пятнадцатилетней давности, я и сейчас убежден, что основой повышения экономической эффективности аграрного производства есть, было и будет не только в Приднестровье, но и в других постсоветских республиках, той лее России, например, - разумное государственное регулирование.

Предложенная мной система госрегулирования базировалась — на: передаче земли в пользование, включая обычную аренду, постановке условий землепользования по видам производств, в виде минимально допустимого уровня производства, установления единого натурального налога, увязанного с минимальным уровнем производства, определения мер ответственности за нерациональное использование земли и совершенствование управления в системе АПК. По этой системе, не имеющей аналогов, я в свое время защитил кандидатскую диссертацию в Москве. Абсолютно убежден, если бы вместо тех ненужных нашему региону реформ была бы внедрена моя система, показатели, конечно, бы снизились, в силу не зависящих от аграрников причин, но основа материальной базы и производственная структура АПК были бы сохранены. Есть живые примеры в Приднестровье, где элементы моей системы были приняты, там сохранилась практически вся база, производство, а главное — люди. Система как раз и сильна разумной системой, и думаю, мы к этому обязательно вернемся, если не в ПМР, так в других местах. Лучшего пока никто не придумал, да на сегодня пока ничего другого и не надо.

Навязываемые селу с пеной у рта перестройщиками-реформаторами фермерские хозяйства в условиях ПМР, да и в той же России — по большому счету бред сивой кобылы. Мы хорошо помним, как запускалась эта идея еще при агонии Союза. Она, кстати, тоже была частью той же системы развала АПК. Мы помним, кто были те, первые, еще генсековские «фермеры» - бывшие военные, партработники, авантюристы и просто чистые аферисты. Им дали деньги в помощь, кредиты, технику, льготы, а куда они подевались? Растащили все и пропали, через них даже тех, кто хотел и был настоящим фермером, считали за жуликов и мешали всем, чем могли. Кто за 20 лет что-то полезное в этом сделал? Единицы, а шуму и денег потратили немало. На мой взгляд, пропагандисты фермерства тех времен были или очень недалекие люди или выполняли чей-то заказ, третьего не дано. Разве можно было рядом с умирающими деревнями, причем в лучших местах, строить особняки и мастерские и наполнять их современным оборудованием и машинами. Даже если тот герой-фермер был нормальный человек, да разве деревня дала бы ему жить. Его или спалят, или потравят, или самого отравят. Это же политический идиотизм в угоду кому-то.

Проповедники фермерства кивали на Америку, другие страны. Так надо же было вникнуть в суть той фермеризации, сплошной, кстати, когда впереди шли войска, очищая территории, за войсками шли власти, разбивали участки, за ними приходили фермеры, им выделялась земля. Не рядом с селом, а рядом с такими лее фермерами. За ними шли дороги шоссейные и железные, банки, почта и телеграф, потом вся инфраструктура необходимая, торговля, сервис, правоохранные органы, промпредприятия, готовившие сельхозтехнику, чтобы не возить ее из-за океана. Часть тех фермеров-переселенцев имела собственные средства, часть брала кредиты. Банки не беспокоились за возврат кредитов, заемщик никуда не денется, спереди глушь и индейцы, сзади — океан. А землю он (фермер) с собой не унесет. Вот то была фермеризация настоящая. И хотя в настоящие времена те фермы значительно укрупнились за счет поглощения слабых более сильными, сама идея осталась.

Конечно, фермерство — это добровольное самоистязание, в какой-то мере рабство. И наш крестьянин, привыкший к какому-то определенному рабочему дню, выходным, праздникам, больничным, отпускам, включая декретные, учебные и т.п., рке не очень-то хотел бы идти в фермеры, на 365 суток в году рабочих и без выходных и без всяких льгот, да еще за все ответственным, да еще в окружении озлобленной нищей толпы. А еще дети. Дети фермеров, даже в развитых странах, в силу специфики жизни и необходимости помогать старшим с детства, как правило, в большинстве своем, становятся людьми второго сорта. Все это надо знать, прежде чем умиляться фермерской жизнью. Это жизнь на любителя и только в двух вариантах — или большими цельными группами, так денег на всех не хватит, или где-то в глуши подальше от людей. А мы лепим фермера в Приднестровье рядом с десятитысячным селом и еще придумываем ему льготы. А в честь чего? А чтобы внедрять фермерство как таковое. Фермерами в условиях развала становились те, кто сумел «увести» из колхозов технику, помещения и кое-что еще. Это бывшие председатели, инженеры и иже с ними. Это не фермеры, жуликами их называть язык не поворачивается, они все-таки работают, но это не то, что нашему АПК надо. Их, фермеров, можно лепить там, где глухо и пусто. Но, разве вы не знаете наших людей? Вот давайте поедem, к примеру, в Ивановскую область. Места там есть пустующие, и нико-

го там вроде бы нет. Попробуйте официально начать там какое-либо дело, ну, ферму построить или что-то еще в этом роде. Тут же появится масса ОЛО (опознанных летающих объектов) в виде всевозможных инспекторов-надзирателей, экспертов и т.п. И у всех такие длинные «клювы», как у фламинго, и все они ходят с раскрытыми ими. И попробуй туда ничего не положи. Заключают. Вот ничего нет и их нет, появилось, и вся эта свора тут же, вот она,

И так везде в любом регионе. Вывод, если кто-то, в частности, в Приднестровье, вдруг заговорит о фермерстве, как о панацее в нашем АПК, присмотритесь к этому человеку или позвоните в больницу, может, кто-то недавно от них сбежал. Шучу, сквозь слезы...

Среди массы проблемных вопросов в АПК Приднестровья есть один очень немаловажный — вопрос о земле. Единственный клочок земли из всех бывших 22 миллионов квадратных километров союзной территории, где сохранилась государственная собственность на землю. Это единственное наше достижение за последние двадцать лет. В требованиях и рекомендациях зарубежных фондов вопрос о приватизации земли стал одним из главных в ряду тех, так называемых реформ. Крючок с наживкой «земля в собственности» сразу был проглочен в новых постсоветских государствах. А ведь это была «удочка» с мощной леской, за которую можно будет водить пойманный объект. И те, кто попался сразу, вспомните мои слова, еще не раз к этому вопросу вернуться и еще не раз пожалеют об этом.

Ничего не имею против тех, кто принял поправки в свои Конституции, вводя частную собственность на землю, это их право. Просто я всегда выступал против такого права в Приднестровье и доволен тем, что и моими усилиями тоже в регионе пока такого не произошло. Тем более, я в душе считаю, что самое понятие «собственник земли» кощунственно уже по сути. Человек не может быть собственником земли по той простой причине, что выходит из земли и в нее уходит. Как дряхлый рабовладелец может быть собственником молодого раба и т.п. Собственником не земли, а территории может быть в лучшем случае государство и то временно, сколько было государств-собственников, а земля осталась.

До недавнего времени я надеялся, что и наше духовенство тоже стоит на позициях верховенства земли, как и я, а потом услышал, что церковные земли передаются им в собственность, и раз священнос-

лужители застенчиво промолчали, т.е. согласились со всеми вытекающими последствиями, имеется в виду, что церковь посчитает, то и будет со своей собственностью и делать. А по-божески это или нет, это уже не наше дело. И я снял для себя этот вопрос публично, хотя в душе остался при своем мнении. Зная ситуацию с приватизацией земли не понаслышке, скажу, что разрешив продажу-покупку земли в той же России, государство своими руками породило самую наглую, самую грязную и самую необоснованно наживающуюся земельную мафию на всех уровнях. И приднестровцам, где нет купли-продажи земли, довольно грустно и как-то даже неудобно как-то смотреть, как главные лица великой страны публично с трудом решают проблемы приобретения земли для государственных нужд. Вот так, вчера даром отдали, а сегодня в миллион раз дороже выкупаем, ведь цену диктует продавец. Такое может быть только в России. В других странах тоже выкупают, но приобретенную кем-то ранее землю, а не полученную бесплатно или выгодно перекупленную. Но это только цветочки. Сейчас в России пойдет продажа-покупка сельхозугодий. Как бы россияне не предохранялись от покупки земли иностранцами и т.п., земли правдами-неправдами через подставных лиц все равно скупят. Пойдет тот же процесс, что идет сегодня в городах и селах. Но если в населенных пунктах просто идет переливание денег из одного частного кармана в другой и немного попадает государству, то при продаже сельхозугодий все это тоже будет присутствовать, но появится другая опасность, влияющая на продовольственную безопасность государства, и чем больше будет крупных собственников, тем опасность будет возрастать. Похожее уже было у нас на Одессине 150 лет назад, когда немцы-колонисты, привлеченные в Россию императрицей Екатериной II, урожай увозили в Германию и настолько распоясались, перестав практически подчиняться российским властям, которые терпели, терпели около 100 лет, а потом объявили колонистов шпионами и выгнали из России. Так вот возможный вариант уже в наше время. Какой-то крупный землевладелец, неважно настоящий или подставной, получив взятку или без таковой, просто ради идеи, землю не сеет и не пашет или просто траву для зайцев выращивает для охоты. А может, его импортеры попросили, тоже неважно, но он ничего не производит. Раньше что было, райком, позже госадминистрация — вызовут, сей, а то землю отберем! А сегодня он — собствен-

ник! Хочет — сеет, не хочет — бурьян растит. И ничего ты власть с ним не сделаешь, кончилось твое время. Он знает, где в Гааге находится суд по правам человека, а частная собственность — это святое в мире. И чует мое сердце, что придут времена и придется каким-то спепподразделениям «выковыривать» тех собственников, чтобы заставить работать на прилавок государства.

Но, если в России, где всего 12 % всей территории занимают сельхозугодия, их приватизация не может стать угрозой продовольственной и государственной безопасности, то в Приднестровье, где полезная площадь составляет почти 90 % всей территории республики, введение купли-продажи земли, чревато потерей самой государственности. Поэтому сверхнепонятно, почему вдруг приднестровские депутаты с таким энтузиазмом, достойным гораздо лучшего применения, выполняя, видимо, предвыборные обещания, прямо из кожи вон лезли, уговаривая электорат за введение частной собственности на землю в ПМР, какими только нелепыми аргументами не апеллируя, до потери стыда. Тем более, зная опасность для ПМР такого шага в условиях непризнанности! Да даже если бы кто-то предложил бы ввести частную собственность на землю, народные избранники должны были грудью, все, как один, выступить против, а вместо этого они ходят и агитируют за изменение Конституции. Да, ладно с этой собственностью, если бы это помогло спасти наше село и АПК. Куда там! Кому нужно наше село, производство, люди? Земля наша нужна, без людей, от них одни проблемы.

Я вроде бы в шутку предлагал очень неплохой вариант. Мы должны «Газпрому» России деньги за газ, приличную сумму. Долг, естественно, «завис» на Приднестровье в целом. Рассчитаться в обозримом, да и в необозримом будущем мы не в состоянии. Я предлагал простой, эффективный и эффективный выход. «Газпром» предъявляет нам иск на сумму долга, нам - это ПМР, государству, ведь мы все, живущие здесь, должны понемногу. Государство, как нынешний собственник земли, слава Богу, так как долг-то общий, обращается к населению с предложением дать согласие рассчитаться с «Газпромом» всей нашей землей. Собираем референдум, люди согласны. Но «Газпрому» наша земля не нужна, и тогда государство российское платит «Газпрому» сумму нашего долга и забирает себе территорию ПМР. И пусть хоть все суды Галактики будут против, никто ничего не изменит, так как

«Газпром» выставляет иск за свою собственность — газ, а мы возвращаем ему свою общенародную собственность — землю, больше общего ничего нет. Ничего личного, как говорится, никакой политики — просто бизнес. И все вопросы государственности, признания, возвращение АПК в статус российского «огорода» были бы решены.

Смешно? Мне нет. Ведь так же очень просто и неинтересно. А что скажут наши импортеры, а что скажут «на Западе»? «Да, пошли бы они все от нас подальше, - сказал бы приднестровский народ, — хватит нас мучить, все наши предки были российскими подданными десятки поколений, а теперь нами все ноги вытирают. Хватит». И будут правы.

И тогда и веники у нас свои появятся, стыдно завозить их из-за рубежа.

ПАМЯТНОЕ ЗНАМЯ

Приятно все-таки, когда тебя замечают и заслуженно хвалят, хоть одного, хоть в коллективе, все равно приятно. Это чувство приятности, конечно, напрямую зависит от масштабности похвалы — чем выше масштабность или чем выше инстанция тебя похвалившая, тем больше растешь не только в своих глазах, но и в глазах окружающих.

В 1967 году отмечалось 50-летие Великой Октябрьской социалистической революции. Это сейчас многие умники, поимевшие свои степени на какой-нибудь главе от классиков, валяжно выдавливают из себя, что то, мол, была не революция, а переворот чего-то с чем-то. Пусть их, но в указанном году отмечалось именно 50-летие Революции.

По итогам не столько шестьдесят седьмого года, сколько по показателям нескольких предшествовавших юбилею пятилеток, многие колхозы и совхозы (многие — это не значит все) были удостоены особого отличия — награждались не переходящими, как обычно, а памятными красными знаменами ЦК КПСС и советского правительства. Надо отметить, что на весь наш район, довольно передовой и высоко котирующийся в Казахской ССР, таким знаменем было награждено всего одно хозяйство — наш колхоз «Передовик». Да и на всю довольно немалую нашу Актюбинскую область такой награды были удостоены всего несколько хозяйств, пересчитать их можно было по пальцам одной руки.

К знамени, естественно, прилагалась денежная премия. Колхоз получил на свой счет 5000 рублей, персонально для председателя прислали 1000 рублей. Председатель от премии отказался в пользу нашего детского сада, а колхозная премия зависла на балансе колхоза. В юбилейном году я еще был секретарем партийной организации колхоза (в завершающийся отчетный период готовился передать эту серьезную нагрузку более молодому выдвиженцу партии), и председатель, пытаясь решить, что делать с общеколхозной премией, вызвал меня и спросил: каково мое мнение по поводу ее использования. Думали мы, думали... Ну, раздадим всем колхозникам по 10 рублей, да

кто о них потом вспомнит до очередного юбилея? И решили, чисто по-русски, а давайте просто пропьем их, но красиво.

Выдав такую инициативу, я тут же получил от председателя персональное задание по организации небывалого в истории колхоза мероприятия. Новый наш парторг, уже прибывший в колхоз, естественно, обиделся, что не ему поручено проводить такое необычное мероприятие. И тут же сразу уяснил выгодность своего положения в этой ситуации: если все пройдет успешно, то какая-то лавровая ветвь достанется и ему; если что-то будет не так, то он за это не отвечает, не его идея, не ему поручено. А есть там коммунист Гурковский, к тому же теперь секретарь партийной организации управления, к тому же опальный в глазах райкома партии, так как не захотел в очередной раз быть парторгом колхоза, отказался идти инструктором в райком, да и вообще ведет себя вызывающе и независимо. Вот и будет, в случае чего, зацепка на него, чтобы поставить на место.

Так думал наш партийный организатор, это абсолютно достоверно, я знаю, о ком говорю.

Ну ладно, парторг — парторгом, а делать-то надо. Собрать вместе пятьсот человек сложно, но возможно, а вот что будет дальше? Как их «разобрать» потом? Люди — абсолютно разные по характеру, по возможностям, по «спиртовосприимчивости» и коммуникабельности, за 37 лет со дня образования колхоза никогда вместе не собиравшиеся. Более пятидесяти национальностей, возраст — от 16 до 80 лет, мужчины и женщины, и все это в одной компании, и со спиртным...

Сегодня это можно было бы в шутку назвать корпоративной вечеринкой, но мне даже обидно такое сравнение. Разве можно нынешние «корпоративы», куда приходит бомонд (при любом уровне), чтобы блеснуть нарядами-украшениями и показать свои «прелести», где над вечеринками витают с собой принесенные — лютая зависть, лютая ненависть или равнодушная необходимость и пренебрежение, сравнить с тем нашим мероприятием?

Люди редко собирались просто отдохнуть. Многие боялись, понимая, что там будут почти все, а, может быть, даже все. Ведь мы, российские, по большому счету, ни работать, ни отдыхать — не научены. Веками у нас одна часть населения, слава Богу, что меньшая, только отдыхала. До обеда спали, затем балы, вечеринки, потом поездки на юга, воды, сплетни, интриги. Весело. Другая часть общества только работала, в основном бесплатно, ей на отдых время не отпускалось.

Те, кто все время отдыхал, не умели работать и не могли чему-то научить своих работающих.

Были, конечно, единичные проблески в истории — тот же царь Петр I, который и сам учился работать, и заставлял учиться этому своих подданных. А другие так не делали. Поэтому основная масса осваивала профессии в силу необходимости; благодаря разуму и смекалке многое знала. Отдыхать по-настоящему люди не умели — ни работающие, ни «отдыхающие», причем, последние потому, что отдыхать-то не было после чего. Не зря ведь в наше время жители Египта, Кипра и других приятных мест на Земле все собираются поехать в Россию, чтобы посмотреть, где же эти несчастные русские так тяжело трудятся, что так часто и долго у них отдыхают.

Но вернемся на полвека назад. Получив задание, я, в то время главный экономист колхоза, первым делом составил организационный план предстоящего мероприятия, по деталям. Общая смета в 5000 рублей была определена изначально, так что необходимо было действовать в заданных финансовых рамках. Составив подробный план действий (по объему он оказался равным приличной части годового производственно-финансового плана колхоза), я доложил все его аспекты председателю, а он уж вынес вопрос на правление колхоза. Это была простая формальность, но мы решили к московскому подарку кое-что добавить от себя — забили пять голов свиней и две коровы, заготовили сметаны. Свиней отправили в Орск на мясокомбинат, чтобы их там качественно закоптили, а говядину предполагалось отварить прямо на месте.

Эти дополнительные траты необходимо было провести через решение правления колхоза, что и было сделано. Решили мероприятие провести сразу после посевной, в одну из суббот, чтобы люди смогли за воскресенье отдохнуть — восстановиться, а в понедельник с ясной головой выйти на работу.

На территории колхоза было много замечательных мест для отдыха. Если южнее нашего района шли одни степи и полупустыни, то наш район примыкал к южным отрогам Уральских гор, по нашей территории протекали небольшие родниковые речки, текущие в сторону реки Урал. За тысячи лет речки пробили в горах ущелья, до 40-50 м, местами довольно широкие. Там росла всевозможная растительность, а в холодной родниковой воде водилась всякая живность — от щук и налимов до черепах и бобров.

Место для праздника выбрали шикарное — на южном пологом склоне ущелья. С севера — отвесная скалистая стена, уходящая в многометровую темную глубину озера, а с юга — несколько сот метров пологого луга с изумрудной травой и редкими вкраплениями небольших групп деревьев и кустарников. От нашей центральной усадьбы — километров десять.

Сделали списки по всем структурным подразделениям колхоза, не забыли ветеранов-пенсионеров. Объявили о празднике по всем бригадам неоднократно и по местному радио. Все знали, где, когда и кому собираться, какой будет транспорт туда и обратно. Личные машины брать запретили, все передвигаются только на колхозных. К бригадным и фермерским машинам дополнительно дооборудовали под перевозку людей еще несколько грузовиков, и вопрос транспортировки людей и всего необходимого был решен.

Я попросил у директора элеватора, положенного при территории колхоза, двенадцать огромных брезентовых пологов — ими на элеваторе зерновые бурты укрывали, разослал приглашения руководителей сельских промышленных и социальных организаций.

Конечно, приглашено было все районное руководство. Проверили и подчистили территорию, подъезды к ней, сделали, где надо, спуски к пробегавшей рядом горной речке, чтобы люди, при желании, могли помыть руки и т.д. Собрал водителей, которые будут заняты на празднике. У них было тяжелейшее задание — до тех пор, пока последний участник не будет доставлен домой, — они на дежурстве и на подхвате. То есть, должны будут весь этот день не только возить людей туда-сюда, но и выполнять многие другие обязанности — охранников, дружинников, грузчиков, санитаров и еще десятки разных поручений, если понадобится.

Естественно — не пить. Договорились так: я им заранее выдаю полнотонную норму всего, что положено, все это оставляем в условленном месте, а когда развезем людей и имущество, они поставят машины в гараж и на одной машине с абсолютно непьющим водителем вернутся на место действия, чтобы там уже отвести душу.

Так как дело будет уже ночью, мы им специально завезли небольшую электростанцию. Да и сколько там летней ночи! Короче говоря, технически мы подготовились полностью, но это была лишь часть дела, хотя и одна из основных. Исходя из выделенной суммы, количества людей по спискам и приглашенных, а также действующих в то

время цен, я рассчитал своеобразное меню на человека и, естественно, определил весь объем, чего и сколько надо закупить.

Да простят меня ныне живущие, особенно молодые, да крутые — известные. Иногда просматривая бульварную прессу (и оттуда можно что-нибудь да узнать), читаешь перечни напитков и блюд на какой-то там вечеринке — юбилее суперзнаменитости: вино такое-то, такого-то года, закусоны такие-то, даже «почки заячьи, сваренные вокруг себя» и т.п. Ну что ж, для журналистов — и это хлеб. Но я, когда такое читаю, со смехом вспоминаю свою покойную бабушку Маню. Она абсолютно всегда, когда приходила с какой-нибудь гулянки, особенно, когда в Одессу к родственникам ездила, обязательно рассказывала домашним, как накрыт был стол для гостей и «яки там булы стравы» (блюда). Начинала всегда с чего-то главного, по ее мнению: «Пылаф (плов)..., а хлиб як сонце», и так далее — до самых мелочей. Дядя мой, сын бабушкин, всегда поддевал ее и передразнивал: «А ложки, а вылки, а...», на что бабушка не обижалась, продолжая добросовестно описывать уже не количество, а качество отдельных блюд.

Так вот, и я подумал сейчас: да неужели коллектив нашего колхоза, одного из лучших в огромном Казахстане в те времена, недостойн описания его единственной и, как оказалось, первой и последней вечеринки? Ведь прошло уже почти полвека, а никто об этом не знает, да и кто еще когда-то об этом напишет? Ведь села нынче нету, уничтожено. И кто такая, по сравнению с тем коллективом, любая раскрученная ныне даже суперзвезда? Пылинка в космосе, да и то временная. Поэтому я опишу ту быль так, как она была, пусть знают потомки, что все-таки село наше жило, а если бы не мешали, то жило бы и сегодня, только гораздо лучше.

Произведя несложные расчеты, мы получили потребительскую часть праздника. «Рацион» одного средневзвешенного колхозника (не пугайтесь) составлял: водка — 250 граммов, т.е. бутылка на двоих; 100 граммов коньяка, т.е. бутылка на пятерых, 100 граммов рома и на 10 человек — бутылка шампанского. Кроме того, причиталось по бутылке пива и по две — лимонада. В среднем получилось на человека пол-литра спиртосодержащих напитков, остальное — вода, лето все-таки. Чтобы нейтрализовать действия алкоголя, в качестве закуски было выставлено где-то килограммов 250 копченостей, по полкило на брата, и столько же отлично приготовленного говяжьего мяса. К этим основным нейтрализаторам добавлялись около 100 килограммов сво-

их колбас, помидоры, огурцы и т.д. Мало того, женщины из бригад набрали из дома различных консервированных деликатесов, так что если бы там присутствовала моя бабушка, то ей бы очень долго пришлось перечислять «стравы», выставленные в тот день нашим колхозникам. Куда там нынешним корпоративным гулянкам, где блюда из мыльного белкового мяса, а напитки — вообще неизвестно из чего и какого качества!

Хотя и не считают сегодня сельчан за людей, а все это зря, потому что не было бы нашего села — не было бы и города, о чем здесь вообще говорить.

В субботу, в день празднования, село с утра высыпало на улицу. Всюду полно людей, все нарядные, в ярких одеждах. Мы с раннего утра были на месте гуляния, расстилали брезент, прикидывали порядок размещения бригад, расставляли машины с продовольствием так, чтобы свести к минимуму толкотню при получении напитков и закусок. Еще раз проинструктировал людей, моих помощников, на предстоящий день. Рядом с речкой врыли два огромных котла, в каждом варилось по коровьей туше без костей. Развесили шары, флажки, и часам к десяти мы были готовы к приему дорогих гостей. Я хорошо представлял себе предстоящее действо, вроде бы все готово: и скорая помощь приехала, и мясо сварилось, и ребята надежные, но все-таки 500 человек, да и гостей — человек 50! Как оно будет, чем все закончится, и не вылезут ли мне боком все эти заботы и сама идея?

Переигрывать уже было некуда: где-то с одиннадцати часов появились первые машины. Шум, гам, смех, шутки всякие. Началось размещение, и главное — распределение. Я раздавал представителям бригад спиртное, помощники — продовольствие. На это ушло около часа. Конечно, некоторые группы, что подальше от начальства, не дожидаясь всеобщего открытия, мягко говоря, «причастились».

Наконец, поднялся наш председатель Катрубин Григорий Ионович, кратко поблагодарил людей за работу, а власть — за заботу, сказал, не обессудьте, мол, мы решили сделать вам праздник вот таким образом. Больше никто в общем плане не выступал, да и проблемно это было, брезенты-дастарханы растянулись на сотню метров. Позже тостовали уже по группам. Микрофонов не было, все было природно-натурально и довольно красиво.

Первый секретарь райкома партии (неплохой был мужик, но недолгоблывал меня за независимые и открытые высказывания) подо-

звал и спросил, есть ли у меня с собой баян. Ну да как же я и без баяна! Принес. «А ну давай нашу, целинную!», — сказал секретарь и сам начал запевать под музыку песню «Едут новоселы». Любил он ее. Спели ее и еще несколько песен возле брезента, где разместились работники управления и гости.

Ну а другие бригады хуже, что ли! Пришлось обходить с баяном все коллективы, играть по несколько песен. При этом если одна бригада пела, то ближайшие коллективы подпевали, песня с переливами шла дальше, акустика ущелья аккумулировала звук, а затем выводила вверх, отталкиваясь от скал, и усиленная эхом песня рвалась в небо, распугивая не только птиц и каких-то мелких животных, но и, наверняка, будоража даже речных обитателей.

Не слышали скалы такого пения во веки веков, да и теперь больше уже не услышат, некому там ни работать, ни петь и ни пить. Все пришло в упадок, а то, что осталось, даже отдаленно не соотносится с тем, что было.

В тот день люди показали, что умеют не только работать. А ведь настолько все разные! Были и традиционные хулиганы, и частые выпивохи, и веселые женщины, и много кто еще. И жара была, и дозы были не усредненные, а двойные и тройные, не все лее пили одинаково, да и больше половины было женщин. И ни одного неприятного инцидента! Вот что такое среда и коллектив, не может вирус зла в такой среде развиваться!

Исключение составили представители районной власти, как более «продвинутые». Посидев с нами пару часов, они вдруг засобирались домой, дела, мол, и т.д. Я им положил на дорогу сборный ящик спиртного, водка там, коньяк, ром, вода, да еще закуски. Думаете, они спешили домой? Нет, конечно, их стесняла обстановка, им мешали люди. Отъехав от нашего места с километр, они (это выяснилось позже) расположились в леску у одного из родников, перепились, передрались, а потом еще пару дней на бюро райкома между собой разбирались.

Ну, это их дело, наши люди не видели всего того, и для них праздник остался праздником. Это для меня и ребят-помощников колхозное гулянье было искусственно выдуманной проблемой, а для всех колхозников — это было чем-то самым собою разумеющимся, люди считали, что так должно и быть. И в этом, наверное, и была главная изюминка праздника, натуральность всего происходящего. Знаете

ведь, хорошее слабо запоминается, плохое, наоборот, остается в памяти надолго. Многие люди наши, из тех, кто участвовал в том народном гулянии, уже и не помнят о нем. Ведь почти полвека прошло, а я, слава Богу, помню. Слава Богу, так как поставил перед собой цель до потомков были из нашей жизни, чтобы знали, что мы не первые и не последние люди на нашей земле; и что было — то было, и стесняться прошлого не надо, а только брать из него лучшее, ведь сколько у нас и прежде было хорошего!

Но вернемся к теме памятного знамени. Да, мы завершили праздник уже ночью. Да, мы грузили, ловили, уговаривали, доливали и раздавали в нагрузку то, что оставалось. Да, у меня не хватило пустой ящичной пары — брал напитки без платы за нее, думал — верну, да и дешевле было. Кто-то пытался утянуть свернутые брезенты, да, видно, не рассчитал нетрезвые силы — нашли брезент по оставленному следу. Да, многое чего было. Но, главное, все участники события были доставлены домой с целыми руками-ногами, может, только с тяжелой головой у некоторых. Была масса веселых историй — и ни одной грустной, в пику нашим недоброжелателям. Знамя было достойно обмыто по-русски и заняло свое достойное постоянное место — среди многих уже имевшихся в колхозе переходящих знамен за другие показатели.

Если вы думаете, что эта история так и закончилась, то ошибаетесь. Да, всех развезли по домам. Да, водители, выехав на место гуляния, конечно же, «оторвались» по полной программе, компенсируя суточное воздержание и последствия контактов с теми, кого они развозили по домам. Да, все это прошло. Но сам конец праздника еще был впереди.

Летняя ночь коротка. Не успел я прилечь дома на кровать — стук в калитку, а потом чем-то легким — в окно. Пять часов утра, правда, солнце уже пробилось, но кого принесло в такую рань, да и в такой день? Выглянул в окно и все понял. Опять по телу пошла непонятная дрожь — держись, Вася, то ли еще будет!

Дело в том, что когда обсуждали на правлении колхоза план проведения праздника, то объявили, что если кто-то не сможет присутствовать по причине работы — пастухи, охранники, дежурные всевозможные и т.п., то для них доля будет оставлена, и они все получат на другой день. Для многих из них руководители бригад и ферм получили все еще вчера, в общей массе, но всех не охватили. Вот и при-

ехал ко мне домой верхом пастух Дильмагамбетов за своей «порцией», он и стучал кнутом в калитку.

Я открыл дверь, сказал, чтобы ехал к конторе колхоза. Быстро собрался, сел на мотоцикл, помчался к правлению. Там уже — главный зоотехник, главный инженер и заведующий свинофермой. «Тут тебя уже спрашивали мои животноводы, — сказал главный зоотехник, — да и мы тебя тоже ждем...» Концовку он произнес многозначительно.

Что было делать — пришлось играть роль благодетеля дальше. Послал пастуха за кладовщиком продовольственного склада, там был оставлен запас для неприсутствовавших. Заходим все в кладовку. Я объяснил Дильмагамбетову его «права» — сколько и чего ему причитается. Открыл бутылку шампанского, она по нормативу — одна на десятерых, налил ему в стакан. Пастух взял, попробовал, скривился, как после целого лимона, вернул стакан назад и сказал: «Ай, Андреич, мне ничего не нада, дай бутылка водка!». Да пожалуйста! Дал ему бутылку водки, пастух уехал. Ну а с шампанским что делать? Ни вылить, ни закупорить. Пришлось разлить на пятерых, включая завскладом. Всем стало полегче.

«Ладно, — говорю кладовщику, — я буду в конторе, кто придет, вот для них «спасенье», позовете меня». Не успел дойти до конторы — еще двое скотников подъезжают. Вернулся в кладовую, удовлетворил их нормативные потребности, все собравшиеся специалисты, естественно, поучаствовали. «Ну, — думаю, — чего я буду бегать туда-сюда?». Сходил в кабинет, на большом стандартном листе бумаги написал, что все, кто имеет ко мне дело по вчерашнему событию, вплоть до 14.00 приходят в кладовую. Лист приколот на дверях.

Возвращаюсь к кладовой — подъезжает Каструбин. Поблагодарил за прошедшие сутки, выпил немного шампанского и поехал по фермам — посмотреть, как там после прошедшего гулянья. Он у нас был действительно председатель-хозяин. Разумный, честный и понимающий.

А в кладовой постепенно собрались почти все главные специалисты колхоза. Все они, так или иначе, были причастны и к получению знамени, и к прошедшему празднику. Мы засели и добросовестно, до 14.00, «принимали» вчерашних не присутствовавших — их угощали, ну и сами угощались... Недовольных не было. Последний из отсутствовавших пришел где-то к двенадцати дня, но мы все-таки досидели до обещанного времени, затем еще раз поздравили друг друга с торжеством и перенесли то, что осталось не востребовавшего, из склада в столовую. Она была через дорогу, там и сдали по накладной.

Вот так и завершилась эпопея с вручением знамени и его «обмывкой». Ну что в этом было особенного? А ничего — просто жизнь. Была жизнь, а сегодня ее нет. И колхоза нет, и производства нет, и людей нет, да и села уже почти тоже нет. Такая вот быль, уже сегодняшняя.

КАК ЖИТЬ БЕЗ КОММУНЫ

Быль, которая будет представлена в этот раз, хотя и имеет определенный международный аспект, все же больше говорит, если не об идентичности, то во всяком случае "похожести" жизни в странах бывшего соцлагеря в те ушедшие в невозвратность советские годы. Одно могу сказать определенно, бывая в советские времена в разных странах обоих политических лагерей — восточного и западного, я всегда чувствовал к себе, по меньшей мере, уважение и терпение. Я понимал, что это уважение базировалось на том, что за мной стояло великое государство, и с ним и его представителями нужно было считаться всем, даже тем, кто нас не очень, так скажем, любил. Мы чувствовали это вдали от Родины и с достоинством ходили по территориям зарубежных стран. Бывая за рубежом уже в последние годы, стал замечать, что нас еще просто терпят, за наши же деньги, и то — до случая. Можно привести десятки примеров. Потерять уважение легко, вернуть его в таком масштабе — ох, как трудно!

Шел бурный 1989 год. Начался разгул демократии, подготавливался парад суверенитетов. По телевизору чуть ли не сутками показывали ход сессии Верховного Совета СССР, разбавляя центральные передачи местными каналами на ту же тему. Отталкивая друг друга, на трибуны пробивались новые "политики", вперемешку со старыми борцами за чего-то, пылившимися до этого в периферийных закоулках. Подавляющая часть выступающих несла откровенную ересь, набирая очки и потешая обывателей, очумевших от перестроечных лозунгов.

Как парадокс, в то самое время, когда Москве сознательно объявили продовольственную блокаду, когда не допускали к потребителю, портили, сжигали продукцию, чтобы показать всему Союзу, да и окружающему миру, что в стране начинается голод, что необходимы кардинальные меры (именно это позже и произошло, только в обратном, еще более губительном порядке), мы, как это ни покажется странным, занимались развитием сельхозпроизводства.

Если в бывшей Молдавской ССР с производством таких видов продукции, как овощи, фрукты, виноград, молоко, мясо, яйца, было более

менее нормально, то с производством картофеля ситуация оставалась сложной. Причин было много. Ну, во-первых, внимание к отрасли. Картофель на союзный потребительский стол от Молдавии никто не требовал, его было достаточно в средней полосе, да и в северных районах тоже. Тем более, качественного, и во много раз дешевле. От нас требовали то, чего не было в других районах — овощи, фрукты, виноград. Не совсем удачной для выращивания картофеля была и климатическая зона, в основном сухая и жаркая, поэтому сорта наши быстро вырождались. Перед нашим научно-производственным объединением была поставлена задача — обеспечить качественным семенным материалом, минимум, Молдавию.

Разрешили обратиться в соседнюю Румынию, где, надо признать, в те времена картофелеводству уделялось довольно серьезное внимание. Не знаю, как сейчас, но в этой стране в то время работало специальное министерство картофелеводства, чего даже в Союзе не было. Мы нашли взаимные интересы с этим министерством. Нам нужны были элитные семена картофеля, а румыны нуждались в хлорофосе, препарате для борьбы с колорадским жуком. В Союзе этот препарат был запрещен к использованию по ряду причин, а в Румынии он широко использовался. Мы начали собирать остатки хлорофоса по всему Союзу и отправлять в Румынию, взамен они слали семенной картофель по указанным адресам. Масштабы обмена были значительны. Как всегда появились сбои во взаимопоставках, и тогда вся система остановилась. Время поджимало.

Минсельхоз нашей республики дал поручение — срочно во всем разобраться и запустить процесс снова. Заняться этим поручили мне. Подготовившись, я взял с собой соответствующих специалистов по семенам и химикатам и выехал с ними в Бухарест.

Приехали. Разместили нас в одной из лучших гостиниц под названием «Амбасадор».

Министерство картофелеводства Румынии, со своей стороны, тоже выделило специальную группу для уточнения ситуации со взаимопоставками. Курировал работу группы сам министр, он же, кстати, в те времена — секретарь Центрального комитета компартии Румынии по сельскому хозяйству.

По прошествии лет, могу сказать определенно: с каждой фирмой или госорганизацией в те годы, с кем у нас были договорные обязательства, у нас всегда были особые ответственные отношения. У нас

во всем первенствовала политика, ни у кого из нас не было даже в мыслях, что-либо нарушать. И дело даже не в том, что боялись последствий, хотя и это присутствовало, а просто, в первую очередь, из-за нашего советского менталитета. Все, что было по договорам, даже больше того, мы всегда выполняли. Так было, в пределах того, что мне было известно, почти по всем нашим зарубежным связям.

Румынская сторона и в те годы пыталась кое-что изменить в свою пользу, но в течение недели мы во всем разобрались, сделали соответствующие дополнения, акты сверок и запустили снова процесс обмена. Когда румыны поняли, что мы контролируем все действия и ничего своего не упустим, они согласились и даже нас зауважали. Министр-секретарь сам повозил нас по основным картофельным зонам, специалисты показали нам сортовую и объемную возможности, ознакомили с работой НИИ-картофелеводства в Брашове, разъяснил и продемонстрировал технологию возделывания, хранения и транспортировки картофеля.

В общем, все было так, как надо. Билеты на поезд — у нас на руках, и на одиннадцатый день пребывания мы должны были отбыть домой. Маршрут оказался для нас удобным, поезд София-Москва проходил и через Бухарест, и через наш Тирасполь. Но утром выездного дня к нам в гостиницу пришел министр с довольно грустным видом и заявил, что сегодня мы не поедем, так как забастовали по какому-то поводу болгарские железнодорожники.

Что поделать — 89-й год! Начало пресловутого парада суверенитетов. И в Софии, и в Бухаресте, да и в Кишиневе уже шли волнения, разворачивались бесконечные митинги и просто сборища. Чужие деньги одновременно, как ржавчина и как дрожжи, начали разъедать и вспучивать общество стран Восточного блока. Все это хорошо смотрится по телевизору, пока не коснется тебя лично. Принимающая сторона в лице румынского министерства картофелеводства вначале даже растерялась. Содержать нас в центре Бухареста, да еще непонятно сколько времени, было не по силам Отправлять по воздуху через Москву на Кишинев — тоже. Соответствующие органы не приветствовали никакие другие действия по нашей отправке, кроме как по железной дороге, — в надежде на то, что забастовки все равно, в конце концов, приостановятся.

Куратор-министр решил использовать самый легкий для бюджета министерства способ. наших специалистов отвезли в Брашов и при-

строили на содержание в институте картофелеводства, а со мной он решил совершить турне по Румынии в порядке гостевого обзора. То есть, попросту говоря, пустить нас по гостям, где и накормят, и устроят, и что-то покажут вдобавок. Когда он мне этот вариант предложил, я, не раздумывая, согласился. Это лучше, чем без денег ходить по столице, да еще постоянно чувствуя, что висишь у кого-то на шее.

Да, никто из сторон, в принципе, не виноват, но платить-то им все равно надо. Тем более, что возможность вольного передвижения по незнакомым местам привлекала новизной и познавательностью. Выехали мы на министерской "Дачии", потом в Брашове пересели на наши "Жигули", как более надежную, по мнению министра, машину, и отправились в турне вдвоем. У меня на работе тоже была такая машина, так что за рулем ехали по очереди, то министр, то я. Причем, постепенно в водителя превратился я. Министр смирился с этим, хотя вначале не пускал меня за руль, возможно, боялся за мое незнание местности. А когда убедился, что машину и дорогу я чувствую лучше, передал мне все бразды правления, в этом плане.

За ним была стратегия — куда нам лучше поехать или где есть, что показать, ну и, конечно, где лучше примут. Он был на несколько лет старше меня, прекрасно говорил по-русски, так как закончил в СССР высшую партийную школу. Был крупным, веселым, очень любил наши анекдоты и песни, мог выпить и съесть, сколько угодно и чего угодно. Быстро соображал на румынском и на русском языках. Но ко всему прочему, был с людьми резок и бескомпромиссен. Для меня он был более, чем хорош, да и я его явно устраивал.

Узнав, что мне довелось работать в комсомоле, он вообще стал своим в доску, так как тоже начинал с комсомола. Как только мы выехали из Бухареста на Брашов (еще с водителем), он прямо сказал: "Будем с тобой ездить по стране, Василий, до тех пор, пока мне не позвонят, что пошли поезда, и прокомпостируют ваши билеты. Сколько бы это ни продолжалось, думаю, это не очень долго".

Первое время я называл его "товарищ секретарь". У румын, как и у нас, тогда не в ходу было обращение "домнул" (господин). Между собой, в быту, это обращение существовало, но все его называли "товарищ секретарь", и я, естественно, тоже. А потом он стал обижаться и просил называть его просто Мирчей. Меня он называл Василием, а когда представлял в местах наших появлений, то говорил так: "Ачеаста директорул дженерал аджункт дин "месесер", Василий,

приетенул меу", что в переводе звучало примерно так: "Это заместитель генерального директора из МССР, Василий, мой товарищ". Ни он и никто другой никогда не называли нашу республику Молдовой или Молдавской ССР. Румыны всегда говорили: "ме-се-сер", видимо, это вызывало у них больше уважения и доверия. И, надо сказать, не зря. Уровень хозяйственного и социального развития советской Молдавии был тогда в разы выше румынского.

Особенно бедно у них тогда жили села. Народ, особенно в доверительных беседах за рюмкой, независимо от рангов, довольно холодно относился к власти. Практически везде не любили "сфынтул Николае", т.е. "святого Николая", руководившего в то время государством. К чему это привело, общеизвестно — в конце того же описываемого года Чаушеску был расстрелян.

Но тема у нас — несколько иная. Девять дней мы с министром колесили по Румынии. Все это время наши бедные организмы испытывали более чем космические перегрузки, и только, видимо, тренированная комсомольская молодость и в какой-то мере осторожная партийная зрелость помогли нам это турне выдержать. Для меня это было целое независимое и неопишуемое исследование, из которого я впоследствии не раз делал, да и сейчас делаю, определенные жизненные выводы.

Мы объехали десятки мест в закарпатской Румынии от Брашова до северной границы с Венгрией и до западных границ с Югославией. Никогда не приветствовавший забастовки, я до сих пор благодарен тем болгарским железнодорожникам, которые своими действиями помогли мне узнать Румынию изнутри.

Из многих встреч и событий того периода я поведаю всего три характерно-показательных и, на мой взгляд, полезных сегодня, даже для нас, демократичных уже, перестраивающихся.

Одна из наших с министром гостевых встреч была в небольшом городке Меркуриа-Чук, в нескольких десятках километров к северу от Брашова. Это был один из первых наших заездов. Прикарпатье — довольно ровное место, и вокруг, как грибы после теплого дождя, — как-то разом появляются дома. Небольшой, аккуратненький такой городишко, тысяч 8-9 жителей, но сразу поражающий своей просто до неприличия удивительной чистотой. Какой-то неестественной, учитывая его местоположение, скудную землю и пустынные улицы. Примарь (мэр) города, молодой еще человек, хорошо знал мое-

го спутника-министра еще с тех пор, когда тот, пройдя всю периферийную комсомольско-партийную лестницу, был первым секретарем (читай, первым лицом) Брашовского уездного комитета компартии. А Брашов — второй по величине город Румынии. Когда министр был секретарем, нынешний мэр работал в уКоме комсомола инструктором, потому и называл министра исключительно — «учителем». Примарь тоже прошел соответствующее обучение в нашей стране и, естественно, знал русский. На мой вопрос о том, как они добились такой чистоты в городе, или служба уборки какая-то специальная, или еще что-то есть особенное), примарь заявил, что в городе вообще нет службы уборки как таковой, зато есть своеобразная и высокоэффективная система слежения, предупреждения и профилактики.

Два раза в год, рассказал хозяин города, к нему приходит территориальный цыганский барон, самый главный городской цыганский авторитет. Из выделяемого бюджета на уборку города в 100 тысяч лей он получает от примарии половину перед началом года, а вторую половину — перед началом второго полугодия. «И все, — закончил примарь, — як уборке города больше не касаюсь».

На мои сомнения о том, что цыгане не столько убирающий, сколько мусорящий народ, примарь пояснил, что цыгане тоже не постоянно убирают, главное — они следят, т.е. оберегают порядок. Все улицы города "присматриваются", причем незаметно. Ну, к примеру, идет какой-то мужчина по улице и курит. Взял да и бросил окурочок на тротуар. Тут же, откуда ни возьмись, к нему подлетает цыганенок, начинает вопить на всю улицу, через минуту к нему присоединяются еще несколько цыганят, вопли уже на квартал, и тут к малышам подтягиваются цыганки постарше. Все они окружают того бедолагу-курильщика, поносят разными обидными словами на всю улицу. Тот пытается как-то откупиться, чем вызывает еще больше возмущения и т.д.

Заканчивалось это обычно тем, что мужчина, бросивший окурочек, возвращался и публично поднимал его, неся при этом и материальные потери, так как деньги у него все равно брали. Оплеванный, он спешил ретироваться куда-нибудь, лишь бы избавиться от общественных блюстителей порядка.

Или кто-то, к примеру, не побелил стволы деревьев на улице напротив своего дома. У всех побелены, а у него нет. К его дому подходила солидная группа цыган, выстраивалась амфитеатром и громко,

нараспев, конечно, без ругательств и сильных оскорблений, начинала позорить того хозяина. В конце концов, он, сгорая от стыда, нанимал тех же цыган за трех-пятикратную плату — для побелки злосчастных деревьев. Главным во всем этом было то, что гарантировалась недопустимость повторного нарушения — жители чувствовали, что находятся под неусыпным надзором, но в хорошем смысле, сами понимали пользу для них же, поэтому не жаловались, более того, скрепляли сердце, смеялись над теми, кто думал, что может перехитрить цыган.

Так что в этом городке больше следят за чистотой, чем убирают, а устоявшийся симбиоз цыган с властью, помог сделать городок удивительно чистым.

Еще одна полезная для меня встреча, на которую стоит обратить внимание далее сегодня, состоялась... в монастыре. Мы с министром продолжали турне. Выехали из Брашова рано утром, я за рулем, министр, как всегда, за штурмана. Путь в тот день лежал у нас на запад. И вдруг, проезжая город Сымбэца (суббота), министр хлопнул себя по лбу, а меня потом по плечу и почти прокричал: "Слушай, Василий, давай поворачивай назад, а на окраине города повернешь направо. Заедем к моему старому другу. И как я мог про него забыть!" Мы развернулись и через полчаса были в живописнейшем месте, у северного склона горы Молдовану (2550 м). Там расположен один из старинных ортодоксальных (православных) румынских монастырей, Брынковянский.

Главное монастырское здание много лет назад было разрушено мадьярами. В Румынии живет много мадьяр, и проблем их взаимоотношений с румынами, особенно в религиозном плане, хватает и сегодня. Румыны считают мадьяр-католиков практически всегда своими недругами, взаимная неприязнь существует по сей день.

Место для монастыря выбрано чудесное, у подножья горы, все изумрудно-зеленое — лес, луговая территория, колодец, точнее, святой источник с удивительной водой, ради которой сотни людей приходят к нему из разных ближних и дальних мест.

Встретил нас настоятель монастыря, они с министром лет десять назад олицетворяли власть в уезде Брашов. Министр, как уже было сказано, работал там первым секретарем уездного комитета партии, а нынешний монастырский глава — председателем уездного Совета народных депутатов. Им было, что вспомнить, и они вспоминали разное — и грустное, и веселое, веселое даже больше. Они навспоми-

нали столько, что если бы записать все — на всю жизнь бы мне материала хватило. Вспоминали и совместных друзей, и врагов, а после обеда, плавно перешедшего в ужин, — даже совместных женщин.

Пусть это не будет смешным, но служитель культа тоже учился в СССР и тоже прекрасно общался по-русски. Чтобы закрыть вопрос языка, вынужден признать, что практически все начальники уездного уровня и выше, руководители различных НИИ, КБ и т.п., даже руководители отдельных хозяйств, как правило, обучались в нашей стране. И в партийных школах, и в других учебных заведениях. Мы в Советском Союзе учили многих людей из бывших соцстран, другое дело, чему научили, да и чему они сами научились.

Архимандрит рассказал, что монастырь удалось сохранить с величайшим трудом. Само здание полностью уничтожено, остались одна часовня, пару сараев. Постепенно начали возрождаться с самого необходимого, и вот теперь замахнулись на строительство нового монастырского здания, как он выразился, "чел май супер", просто не нашел в своем русском словарном запасе синонима. Мы ходили на стройку, где уже поднимали стены. Проект — грандиозный, современные материалы и технологии, дизайн, акустика и все сопутствующее.

Я уверен, что новый Брынковянский монастырь уже много лет работает, но тогда только начали поднимать стены. Когда, рассказывал дальше архимандрит, он почувствовал, что его скоро "уйдут" с поста председателя уездного Совета, не без помощи завистников и угодников, окружавших в то время верховную власть, которые по четным числам возносили Чаушеску, а по нечетным делали все, чтобы его опорочить, он начал думать, как жить дальше. Идти вверх — дорога заказана, идти вниз — гордость не позволяет, да и в честь чего. Выехать за рубеж — кому там нужен, ну, возможно, примут на уборку улиц или еще какую-то грязную и тяжелую работу. Одно время даже расстрелялся, пить начал. И тут подвернулся один старый знакомый монах. Он и посоветовал, несмотря на все грехи, очиститься от них, обратившись к Богу. Монах понимал, что истинное очищение вряд ли возможно, но если переломить себя и стать на путь иного понимания жизни, почувствовать нужность людям, тягу к добру и милосердию — может все получиться. Здесь все будет зависеть только от себя самого. А какое замечательное место пока свободно — сам Брынковянский монастырь. И хоть от него осталось только название, место это святое, а свято место пусто не бывает. Советую тебе взять под

себя этот монастырь, уверен, что не пожалеешь. Начинать будешь не с нуля, там еще присутствует дух святой, и не только.

Архимандрит рассказал, как вложил все свои сбережения и сбережения всех родственников в восстановление практически уничтоженного монастырского хозяйства. Собирал верных людей, в основном, молодежь, постепенно организовал коллектив — и верующих, и здравомыслящих, и верных ему и монастырю людей. Когда восстанавливали часовню, оказалось, что двое молодых монахов закончили художественную школу, и довольно неплохо рисуют. Они восстановили росписи стен, сделали интерьер и даже попробовали писать иконы, для себя, для нужд монастыря. Получилось.

Архимандрит вспомнил, что несколько лет назад у него был то ли сон, то ли видение ночью, и как будто кто-то ему подсказал, что есть у него (архимандрита) два главных источника будущего благополучия — вода из святого источника и иконы. Это его две золотые жилы. А что было делать? Прихода нет, никаких финансовых поступлений нет, одни расходы. Завели свое подсобное хозяйство, дабы прокормиться, а как развиваться? За счет чего?

Он решил попробовать продавать иконы. Иконы этого монастыря — особенные. Если русская иконопись базировалась на дереве, то брынковянская — на стекле. Икона пишется прямо на стекле, причем как бы наизнанку, с тем, чтобы с лицевой стороны изображение было четким и ясным, как бы выглядывало из стекла. Занятие это оказалось сверхтрудным, дело доходило до того, что несколько иконописцев периодически попадали в психбольницы, но дело пошло. Первые десять икон, выставленные на каком-то конкурсе в Бухаресте, имели оглушительный успех и ушли с аукциона по невиданным для соцреализма ценам. Постепенно образовалась своя неповторимая школа, монастырские иконы, и как религиозные, и как художественные произведения, стали желанными на любом солидном аукционе или выставке.

"Сегодня, образно говоря, — смеялся архимандрит, — я везу на выставку чемодан икон, а возвращаюсь с чемоданом долларов. Вот так и пошло. Сегодня из 27 человек нашей монастырской семьи — 8 художников, да пара учеников. И они нас вполне устраивают. Мы не делаем церковный ширпотреб, мы производим иконы-картины".

В небольшой пристройке нам показали "святая святых" — коллекцию икон, где-то около сотни. В центре экспозиции — большая

икона, где в лучах солнца — славы, на фоне удивительной природы возвышался тогдашний вождь румын, тот самый несчастный Николае Чаушеску. Выполненная в стиле иконы, картина действительно впечатляла. "Мы выполнили две таких работы, показали Чаушеску, естественно, как картины с подтекстом. Он одну выбрал себе, другая висит здесь. Потом он сам к нам приехал, все посмотрел, одобрил, дал соответствующие указания своим идеологам, и с тех пор я стал по-настоящему хозяином своего дела, — продолжал архимандрит, — теперь у меня, хотя и маленький, но свой вертолет. В Брашове стоит в постоянной готовности. Есть машина немецкая, я на ней добираюсь до Брашова, а там на вертолете — до Бухареста. Дальше — куда надо. Когда Чаушеску посещал монастырь, я уже, как духовное лицо (он же меня прекрасно знал еще по уездному Совету), сказал ему то, что боялись говорить другие. Я сказал, что, на мой взгляд, власть, т.е. компартия, воюя с религией, с той, настоящей, веками устоявшейся, а не с отдельными сектами, совершает очень большую ошибку. Пока мы с партией воюем, третьи силы, причем, явно недружественные к обеим сторонам, используют ситуацию и потихоньку отнимают у нас паству, особенно молодых людей. Скоро это нам аукнется.

«И что вы думаете? Вождь со мной согласился. Может быть, за столом, в гостях, но согласился", — закончил архимандрит.

Двадцать лет прошло с тех пор. Нет тех вождей, не знаю, живы ли участники этих моих встреч, но я и сегодня помню слова того "монаха поневоле" и готов подписаться под ними сейчас. Ради мощи государства, ради блага людей и мира, можно идти навстречу, чем-то поступаясь, любым силам, лишь бы цели у них были прогосударственные, и все они работали в одном направлении.

Если Брынковянский монастырь и сегодня здравствует и остается в нашей вере, — я ему и его посетителям-прихожанам желаю многие лета.

Но наше турне с министром продолжалось. Из всех десятков встреч на разных уровнях хотел бы выделить еще один эпизод, суть которого легла в название этой были.

Мы находились в северном уезде Сучава. Это — зона интенсивного картофелеводства. Министру позвонили из Бухареста и сообщили, что поезда, наконец-то, пошли, и наши билеты прокомпостированы на софийский поезд завтра в ночь.

"Ну, слава Богу, — сказал мой сопровождающий, — рано утром двинем на Брашов, а там в Бухарест, а то от всех этих "встреч" сердце начало покалывать".

Я деликатно промолчал, хотя не знал, кто из нас был больше рад этому известию.

Но авантюрный характер министра не дал нам спокойно, безо всяких "встреч", добраться в Бухарест. В районе Брашова он вдруг заявил: "Съезжай с трассы, сейчас навестим мое родное село. Давно там уже не был, да и достали меня земляки до предела".

Заехали в село, небогатое, люди бедно одеты, на улицах — единичные прохожие. Министр вышел возле примарии, зашел туда без меня, через минуту вышел возбужденный и показал, куда ехать.

Какое-то деревянное хранилище на сваях, человек двадцать мужиков пересыпают картофель из мешков в отсеки-хранилища.

Мы подошли. Увидев именитого земляка, к нам потянулись мужики, стали полукрутом метрах в пяти, поздоровались. Возраста разного, были и ровесники министра.

А он, без подготовки, сразу на них набросился: такие сякие (ну, какой там у румын мат, так — детский лепет), меня из-за вас не только Чаушеску, меня любой партработник в Бухаресте позорит, мол, как это так, в твоём родном селе нет коммуны? В одном селе на всю Румынию! Это не позор? Как вы вообще живёте без коммуны? Вот ты, сосед мой, Ионел, как ты живёшь без коммуны? Расскажи!

Сосед снял фуражку и начал медленно говорить, как будто специально для меня: "А вот ты объясни. Мы в мае собираем черешню, раннюю, потом вишню — везем в Брашов, продаем, пьем немного цуйки. Едем домой, спим с женой. Потом собираем абрикосы, персики, опять продаем, пьем и спим с женой. Потом..."

"Хватит, — закричал министр, — потом скажешь, что копаете картошку!"

"Да, это у нас главное. Копаем картошку, везем в Брашов, продаем, пьем много цуйки, едем домой — и долго спим с женой, аж пока черешня снова поспеет," — закончил Ион.

Я еле сдержался, отвернулся и закашлялся, иначе бы обязательно рассмеялся.

"А пошли вы..., — по-русски выругался министр, — жалко, что я спешу, и гость у меня из месесер. Я еще приеду. Поехали, Василий".

Мы долго ехали молча. Где-то перед Брашовым он спросил; "Ты все понял?" "Все," — ответил я. Мы приехали в Брашов, пересели в машину министра, уже с водителем забрали наших специалистов и отправились через хребет в Бухарест. Никто больше не проронил ни слова

К поезду министр приехал, попрощаться. Поблагодарил за все — и за дело, и за песни под баян, и за веселые истории, которых у нас, россиян, конечно, больше, чем у румын. Я тоже поблагодарил его за все, а главное — за то, что по-новому узнал эту страну, где тоже живут такие же люди, которым не всегда везло на верховную власть, но они-то в этом не виноваты.

А без коммуны на селе жить можно, только КАК?

НАФТАЛИЕВ

Сегодня нам ежедневно сообщают, в какого цвета плавках та или иная "звезда" ложилась в постель с другой звездой, какую гадость они пили, и как им было плохо на похмелье и т.п., с кем и сколько раз официально венчались и сколько десятков было у них гражданских мужей и не мужей даже, а просто так. Нас, обычных людей, это, конечно, очень сильно интересует, и мы уже, собственно, привыкли, что нас просто нет, давно нет, уже лет двадцать. И нет на Земле вовсе тех, кто сеет и пашет, шьет, печет, варит, стирает, убирает, льет сталь и добывает уголь, возит по земле, морям и воздуху. Только сообщают, сколько там сгорело, утопилось, в шахте задохнулось, да в авариях разбилось. Не было бы происшествий и катаклизмов, вообще о трудящейся массе не вспоминали, как будто и не их трудом вся эта роскошь оплачена.

Листая альбом жизни, я не мог оставить незамеченным целую прослойку бывших великих тружеников-организаторов сельской жизни, жизни — основы нашего великого государства. Запомните, потомки, раньше в России не было экспортного газа, нефти и других рыночных нынешних компонентов. Основой благосостояния и процветания, источником для появления в России огромной массы культурно-исторических и художественных ценностей было село, а в нем сельхозпроизводство. Село же было и есть основным источником кадров для развития городов. Если вникнуть в демографическую структуру любого российского города, то окажется, что минимум половина ныне живущих в нем — недавнее сельчане. Но они уже отмежевались от своего прошлого или прошлого их родителей и выдают себя за истинных горожан, оттесняя на второй план коренных жителей того или иного города, включая столицы.

Плохо, когда забывают свои корни, но еще хуже то, что все забывают еще и о том, что корни те способны давать новые побеги и возрождаться. Жизнь неоднократно это доказывала.

Давайте вместе посмотрим жизненную фотографию одного простого внешне, но далеко не ординарного человека, с которым мне

посчастливилось работать вместе, в одном районе и в одной отрасли. Речь пойдет о Нафталиеве Натане Яковлевиче (Якуб-Оглы). Долгие годы он возглавлял колхоз им. Мичурина в селе Ближний Хутор нашего родного Слободзейского района. Здесь давайте поставим сразу такую своеобразную выставочную опору, чтобы вокруг как бы нее и вести все повествование. Видели, как показывают стриптизные танцы. Есть никелированная такая стойка-опора, вокруг нее и крутятся танцоры. Так и мы сделаем, что мы хуже что ли!

Так вот, очень много лет подряд колхоз им. Мичурина, о других мы пока не рассказываем, занимал свое достойное место на Всесоюзной Доске почета, которая была установлена на ВДНХ или Выставке достижений народного хозяйства СССР, ныне ВВЦ, только уже малыми буквами за свою нынешнюю ничтожность и никчемность. Из 50 тысяч колхозов и совхозов Союза удостаиваться такой чести, да еще из года в год, это говорит о многом.

Колхоз им. Мичурина не числился у нас в районе самым крупным сельхозпредприятием, но по интенсивности и качеству производства в семидесятые-восемидесятые годы ему не было равных не только в Молдавии. Если взять производство сельхозпродукции за год в среднем, то цифры будут более чем впечатляющие: овощи — 25000 тонн, фрукты — 4000 т, картофель — 2000 т, зерно — 10000 т, семян подсолнечника — 1000 т, молока — 5000 т, мяса — 1000 тонн. Это только усредненные цифры. Урожайность пшеницы- 60 ц/га, кукурузы на зерно-100-120 ц/га, овощей — 600 ц, надой на фуражную корову- более 5000 литров. С такими показателями не стыдно было выходить на любой уровень и любому, даже самому передовому из хозяйств страны. А колхоз в Ближнем Хуторе как раз таким и являлся. Это, так сказать, прелюдия к разговору о личности председателя Нафталиева НЯ.

Его никогда не называли по отчеству "Якуб-Оглы". Здесь можно вставить небольшую ремарку: Нафталиев пришел в колхоз еще молодым парнем. Высокий симпатичный азербайджанец, он привлекал внимание и как специалист, и как мужчина. В колхозе Мичурина есть такой интересный черезполосной участок на южной окраине Тирасполя. Так сложилось много лет назад, что у колхоза, территория которого расположена к северу от города, одна бригада оставалась как бы оторванной к югу от города, и чтобы попасть на работу, членам той бригады ежедневно и в настоящее время тоже — приходилось ездить через весь город.

Так вот, некоторое время бригадиром той отдельной бригады был Нафталиев. Бригада была в основном женская, женщины-украинки всех возрастов, в селе Ближний Хутор большинство жителей — украинцы, переехавшие в разные годы в Приднестровье из соседних районов Одесской области Украины. Их привлекала не только работа и зарплата, но и гораздо более приемлемые социальные условия, да и близость города. Село Ближний Хутор вплотную примыкало к городу.

Именно во времена бригадирства Нафталиева женщины бригады, положившие глаз на бригадира, чтобы вызвать и у него взаимный интерес, как-то летом написали на отлогом песчаном берегу Днестра, рядом с паромом, такую откровенную надпись, буквами в рост человека и шириной сантиметров в двадцать: "Натан Якуб-Оглы, на яку б из нас вы сьогодни ляглы!" Это по-украински, но проезжающие мимо пассажиры теплоходов, независимо от национальности, понимали суть без перевода.

Потом Натан стал председателем колхоза, и уже в этот период мы с ним познакомились и долгое время вместе в районе работали. Именно при нем колхоз им. Мичурина в те годы, которые некоторые нынешние "умники" называют временами "застоя", добился наивысших высот по всем направлениям деятельности, включая развитие социальной структуры села. Попасть на работу в это хозяйство было очень непросто, так как на председателя с таким авторитетом никто "давить" не мог. Он был действительным хозяином села, как руководитель селообразующего колхоза. Главной заслугой Нафталиева была выстроенная им простая, но очень действенная организационная система. Именно организация всего-всего была его главным козырем, а уже из нее вытекала экономика. Она, экономика, была в колхозе суперэффективной, но все же была производной именно от организации, в первую очередь труда и производства.

Колхозники села, получавшие самые высокие доплаты и премии не только в районе, но и во всей МССР, вовсе не были альтруистами и кристально чистыми коммунистами, работавшими за идею. Нет, они очень любили деньги. Но и в других селах деньги любили не меньше. Весь вопрос был в том, где, как и кто их (деньги) зарабатывал.

В Ближнем Хуторе система Нафталиева была построена следующим образом: стратегическая задача ставилась, как необходимость подняться, достичь такой-то, четко обозначенной высоты-вершины, только после достижения и «переваливания» через которую начина-

ются все социальные блага — доплаты, премии, ордена, машины и т.п. Он выработал и убедил колхозников принять эту систему, не такую уж простую, но жестко держался этой всем выгодной, как показала жизнь, линии.

Другие хозяйства и их руководители тоже ставили перед собой вершины, но они с самого начала уже сами не верили в то, что те вершины смогут достичь. Неуверенность передавалась людям, и те уже изначально не стремились к вершине, образно говоря, начинали "поедать" тело той горы, на которую им надо было подняться, из-за чего вся конструкция падала на их же головы. Изначальное неверие в свои возможности расхолаживало коллективы, опуская их все глубже и глубже на дно сельхозпроизводства.

Здесь была очень высока роль личности, которая выбирала пусть и высокую, пусть трудную, но достижимую высоту. Не абстрактную, а вполне расчетную и такую заветную и приятную. Можно этому не верить, но еще задолго до начала полевых работ Нафталиев мог объявить на заседании правления колхоза, никого не стесняясь, следующее: "Ти, Топор, (фамилию бригадира, я так, наугад — В.Г.) или там, ти Шашолина (заведующая молочной фермой), в этом году машина получишь!" — и все знали, что да, именно этот бригадир или там заведующая машину получит в этом году точно. И бесплатно, по линии ВДНХ. В этом колхозе за мои годы работы многие руководители бригад получали такие машины. Обычно это были наши "Москвичи".

Ордена-медали, всякие почетные звания для колхозников были обычным делом и в большом количестве. Но. Для этого надо было работать, очень много работать, помните, выше было сказано о "вершине", так вот, ее надо было достигнуть. И если кому-то публично говорили о машине, как о подарке, то это не значит, что из одной бригады перетаскивали продукцию в ту бригаду, руководителю которой пообещали машину. Продукция была у всех, поэтому возможный протекционизм руководства колхоза мог заключаться лишь в улучшенном или ускоренном обеспечении тарой, техникой, дополнительной рабочей силой и все. Все остальное — забота самой намеченной в лучшие по этому году бригады.

Здесь был еще один очень интересный нюанс. Все остальные (кроме названного) бригадира понимали, что за год колхоз получит только одну машину, а не на каждую бригаду. Поэтому раз правление решило, что в этот год машину получит бригадир Топор, то пусть он и по-

лучает, а на следующий год другой из нас получит и т.д. Но для этого уже в этом (чужом) году надо так поработать, чтобы стать в очередь на поощрение в будущем году. Вроде, все просто? Просто это со стороны, а выдать на-гора 25000 т овощей — это сверхнепросто. А люди выдавали, и не за идею, а за деньги, машины и ордена. Ну и честь им и слава Система Нафталиева шла в увязке с организацией и экономикой, но и передовой интенсивной технологией, внедрением всего самого передового, что можно было быстро и недорого внедрить в производство.

Нафталиев четко работал с нами, ведущими районными специалистами по вопросам планирования, внедрения и т.д. Высокие производственные показатели предполагали в принципе невысокие темпы прироста. Нельзя было губить такое хозяйство, требуя через планирование от него таких же темпов, как от других, тем более отстающих хозяйств. Если, к примеру, в колхозе Мичурина урожайность овощей составляла уже более 500 ц/га, а у кого-то 250 ц/га, то нельзя же от них требовать одинаково. Отсталое хозяйство резким ростом по плану не поднимешь и не завалишь, а передовое можно разрушить за 2-3 года именно неразумной плановой политикой. Дело даже не в высоких плановых показателях, хотя от них "пляшут" все остальные, а в неверии людей. Перестанут люди верить в себя, в то, что смогут достичь той "вершины", и тоже начнут грызть все от фундамента. А Нафталиеву люди верили и шли за ним.

В этом был феномен Нафталиева, как председателя. Но Натан был еще и человеком. Человеком, которому ничего человеческого, да и другое тоже, не чуждо.

Как представитель Кавказа, он был взрывной, вспыльчивый, горделивый, амбициозный и непредсказуемый именно в положительном смысле. Он мог поступить так неожиданно, что ставил часто в тупик окружающих, как коллег, так и представителей власти. Но так как его поступки всегда шли исключительно на пользу руководимого им хозяйства и, естественно, на пользу района, то ему прощалась неординарность мышления и действий, которая не прощалась другим.

Он умел из всего извлекать выгоду для колхоза, и именно в его период было налажено практически безотходное производство. Если фермы других хозяйств утопали в навозе, то территория Ближнего Хутора ежегодно очищалась полностью, причем, проводя плановое обогащение органикой своих полей путем вывоза и заделывания в по-

чуву многих тысяч тонн навоза, Нафталиев отдавал тот же навоз соседним хозяйствам из Украины. Отдавал и ненужные для его колхоза остатки кормов, соломы, сена, сенажа, силоса, кормовых корнеплодов. Соседи-украинцы, как правило, в конце зимовки, не имея кормов, чтобы дотянуть до появления зеленой массы, шли к Нафталиеву. Он не отказывал, но приходящий за кормами соседский транспорт никогда не шел порожняком. Соседи, в обмен на корма и навоз, везли все, что у них было — стройматериалы, горючее, удобрения, ядохимикаты, да все, что угодно могли привезти в обмен на драгоценные для них корма в тяжелые периоды.

Нафталиев не тратил ни копейки — все затраты по обмену несли соседи, а самое главное — они были бесконечно благодарны ему за помощь. Это тоже такой резонансный социальный момент, который никакими деньгами не оценишь. Мало того, что соседи очищали колхоз Мичурина от ненужного и излишнего, которое в итоге может просто пропасть или потерять качество (тот же силос, например), мало того, что они привозили нужные вещи, они были еще и благодарны и создавали Нафталиеву ореол славы в своих кругах. И это было справедливо.

И во всем этом чувствовалась рука истинного хозяина. Не того кретина, который, нацепив на себя погоны руководителя, на второй день власти начинает искать, что прибрать поскорее себе в карман, и для которого то дело, что ему доверили, стоит на пятнадцатом месте, а истинно народного хозяина. Для него жизнь людей, подчиненных ему, что-то значила большое.

Если раньше, пока он был молодым, он обращал внимание на женщин, в первую очередь как на женщин, то с возрастом он обращал на них внимание как на женщин-работников. При мне однажды стоим у края поля, где идет уборка кормовой свеклы. Нафталиев сердито говорит главному агроному: "Ты, Луцков, твою мать, так же всех женщин-овощеводов угробишь, ты пойди сам на уборку такой свеклы. Придумывайте что-нибудь с инженером, как помочь этим несчастным женщинам. Мало того, что они в своих овощеводческих бригадах с апреля по октябрь стоят раком, так вы из них уже в ноябре последние жилы вытягиваете. Пойди, попробуй с ними поработай, тогда узнаешь, что это такое — убирать такую свеклу". Здесь стоит прокомментировать эпизод.

Дело в том, что в колхозе Мичурина урожайность кормовой свеклы была запредельная, иногда превышая уровень в 2500 центнеров с гектара. Довелось мне бывать во всех основных сельхоззонах Союза, знакомиться с различной статистической информацией, но никогда я не видел и не слышал, чтобы кто-то получал даже половину такой урожайности кормовой свеклы, продукции, за которую, в общем-то, орденов и премий не давали. А колхоз Мичурина получал! Естественно, в этом прекрасном была и обратная сторона, простая, но очень проблемная — корнеплоды при этом достигали веса в диапазоне 10-20 кг. И если выкопать их было легко — трактор шел с таким специальным рыхлителем, выворачивая свекловины с видом четырехмесячного кабанчика, то как было их собрать и погрузить?! И вот идет по вскрытому полю трактор с прицепом, а с обеих сторон идут те несчастные женщины, берут руками каждую свекловину, а для этого надо поклониться ей до земли, потом поднять над головой, а борта у прицепа высокие, и как штангист на тренировке, толкнуть пудовый корнеплод в прицеп. И так тысячи поклонов-рывков-толчков в день. И если погода хорошая, то пару недель подряд. А ноябрь у нас не самый лучший месяц — холод, грязь, пасмурно, иногда мелкий дождик за шиворот. И не надо никаких диет для похудения и фитнес-центров. Нагнешься в одежде тысячу или более раз, погрузишь несколько тонн свеклы в день и ничего больше не захочешь — ни денег, ни мужа, ни орденов. А надо-такая сельская жизнь, вот за это и переживал Нафталиев.

Внешне Нафталиев был суров и непреклонен, а главное - никогда не уходил от выстроенной им системы. Был справедлив, но и жесток ко всяким проходимцам, особенно вора. Водились эти "мелкопитающиеся" раньше и в Ближнем Хуторе. Едем с ним на машине вдоль оросительного канала, какой-то мужик выезжает с поля на велосипеде, к багажнику приторочен мешок с чем-то. Увидев "Волгу" председателя, плюхается вместе с велосипедом и мешком в канал. Нырять, а там глубина-то по пояс. Встает, мешок развязался, в нем был разноцветный сладкий перец. Перец легкий, всплыл во всю ширину канала, течение обволакивает перцем того "несуна". Нафталиев знает же каждого жителя села, тем более колхозника, называет того по имени и кричит в окно автомобиля: "Ти, сволочь, хватай велосипед, быстро езжай к переезду, лови, как хочешь, перец и занесешь его в столовую на ферме, ти уже в «черном списке». "Черный список" велся

его водителем в специальном, тоже черном блокноте. Попавшие туда по разным причинам люди переходили в разряд "прикасаемых", их в конце года лишали доплат, премий, других социальных льгот полностью или частично, в зависимости от серьезности проступка и возможной реабилитации. Попасть в такой список при Нафталиеве в то время было для колхозников равноценно игре в русскую рулетку, где не один патрон, а все патроны и заряженные. И этого "списка" боялись все, не только воры и бездельники, но и руководители подразделений. Нафталиев и так все знал и помнил, но блокнот был как бы авторитетный "вещдок".

Я часто ездил с Нафталиевым по колхозным полям. Едем как-то, обгоняем опять же мужика, везет на велосипеде тюк соломы. Останавливаем "Ти, сволочь, сейчас же езжай в контору, выпиши 5 тонн соломы", - Нафталиев. "Та вы шо, Натан Яковлевич!" — взмолился велосипедист. "А не хочешь! — и к водителю, громко, - запиши его в блокнот!" "Та вы шо, нэ нада в блокнот, та я 10 тонн соломы выпышу", - бежит рядом с машиной соломовор. Да чепуха была та солома, ее в колхозе было полно, и стоила она полтора рубля за тонну. Но никто не имел права брать то, что принадлежит всем его коллегам-колхозникам

Нафталиев никогда не отказывал в помощи колхозникам ни в строительстве жилья, ни в учебе детей, ни в сотне других вопросов. Даром никому ничего не давал и не покупал за колхозный счет себе авторитет ни у колхозников, ни у коллег-руководителей, ни у представителей власти. Он свой авторитет зарабатывал всеми своими качествами руководителя, ярким природным умом и довольно веселым нравом.

Звонит однажды: "Приезжай, дэло есть!" Приехал, посидели, решили, что надо. Он вызывает главного бухгалтера и главного экономиста, хорошие были, толковые ребята, так он делал всегда, когда я приезжал в колхоз, и начинает, обращаясь ко мне: "Нет, ти посмотри на этих сволочей, моих помощников! Етот, - он показывает на главного бухгалтера, - бугай, никак не женится, уже полсела осеменил, и тот такой же, - кивает в сторону главного экономиста. — Ну никакого от них толку!" Потом помолчал и добавил: "Совести у вас нет. Приехал ваш районный начальник, сегодня суббота, обед уже прошел, а мы вчера двадцатую тысячу тонн овощей, наконец, доби́ли, есть хороший повод. Неужели вы даже пару шампуров шашлыка сделать не можете, мяса полно в кладовой?". "Так уже готово, На-

тан Яковлевич", - сумел вставить экономист. "Что готово, мясо, шампур?" — спрашивает Нафталиев. "Да нет, шашлык уже готов, в лесополосе у родника, за овцефермой", - добавляет главбух. "А запить что-нибудь взяли?" "Да взяли те пол-ящика, в селитре стоят". "Так какого вы здесь сидите? Вызывайте машину, сейчас поедем!" — бросает Натан. Ребята тут же выскакивают из кабинета. Нафталиев рассказывает мне полукриминальную историю о том, что вчера вечером привезли из Тернополя машину водки, "Посольскую" в квадратной бутылке. Вечером завезли, один ящик раскупорили, бутылку выпили, по одной взяли домой. А ночью кладовую обокрали, кто-то навел, наверное. Взяли только водку. Всю. Остался начатый ящик, он в стороне стоял. Кладовщица сдуру вызвала милицию. Сделали инвентаризацию, все на месте, водка на приходе-то не была. Нашли пол-ящика, те, что остались. Стали спрашивать — откуда. У кладовщицы хватило ума сказать, что это, мол, Натан Яковлевич свою поставил, куда-то спешил на поле и, чтобы не разбиться, снял бутылки из машины в кладовую. Милиция поверила, и вопрос сняли.

«Жалко, конечно, водку, мы ее на машину помидор обменяли в Тернополе. С этим городом мы дружим, студентов у них берем на уборку, очень добросовестные ребята. А водку я взял, хотел после уборки праздник бригадам устроить. Год-то хороший, надо людей поблагодарить, слишком много сил они отдали в это лето. Ну что, поедем Попробуем на вкус водку, что послы пьют?» — предложил Натан, и мы двинули к роднику.

Последний раз с Нафталиевым я встречался у него дома в Тирасполе. У меня как раз был день рождения, суббота, а нас вызвали в Кишинев на какое-то очередное совещание. Ну а потом он пригласил к себе домой. В Кишинев ездили вдвоем, он, я и Василий Николаевич Вакарчук, в то время председатель районного совета колхозов. Сидели, обедали, Нафталиев угощает нас своим любимым блюдом — тушеной зеленой фасолью и, смеясь, рассказывает, как встретил недавно своего "коллегу" по несчастью, бывшего директора крупного предприятия. У того директора в сердце искусственный клапан советского производства за 15 тыс. рублей, у Нафталиева тоже клапан в сердце, японский, за полторы тысячи долларов. Тот на пенсии по болезни, Нафталиев работает председателем колхоза Пенсионер спрашивает: "Ну как, Натан, ты живешь?" "Так и живу, работаю, - отвечает Нафталиев, - но больше поллитры водки не пью!" "Да ты что, с ума

сошел?" — Удивляется бывший директор. "Да вроде бы нет", - смеется Нафталиев.

Когда он нам это, смеясь, рассказывал за столом у себя дома, шла вторая половина августа восемьдесят пятого года, а через месяц его не стало. Не только село Ближний Хутор, весь район с ним прощался. Вот что такое Человек, какой бы он национальности ни был, кем бы ни работал, он всегда остается Человеком. После него и колхоз, и село постепенно захирели, отсутствие четкой организационной системы, начавшаяся идиотская антисельская, а значит и антинародная перестройка довершили развал хозяйства. "Легче" стало женщинам, уже не растут на полях пудовые корнеплоды и не краснеют, и не золотятся поля от сплошных плантаций помидоров и злаковых культур, и не получает больше никто премиальные машины, и нет работы основной массе людей. Возвращаться им опять в родные места, в Украину тоже нельзя, там еще хуже, вот и пытаются люди как-то выжить в Ближнем Хуторе. А памятью Нафталиева пропитана хуторская земля, и будет она витать до тех пор, пока будет жить это село, его люди и их потомки. Вот вам и Якуб-Оглы.

ПАТРИОТЫ

Все, о чем я рассказываю людям всех возрастов, особенно с прицелом на будущие поколения, все, о ком я рассказываю, это события и люди, которые происходили на моих глазах и встречались на моем жизненном пути. По-разному бывало, и разные были встречи, но в этот раз я решил из многих тысяч людей, с которыми приходилось иметь дело, выделить всего несколько человек таких людей, на которых всегда хочется равняться буквально во всем, и забыть которых я не только не смогу, но и не имею права. Я горжусь, что довелось долгие годы с ними общаться, и хотел бы, чтобы их жизни становились примером для ныне живущих и будущих поколений. Выбрал всего троих, но зато как истинных патриотов. Надо же когда-то и о патриотизме поговорить простым людям. Патриот полатыни — земляк значит, а уже потом человек, любящий свое Отечество, преданный своему народу, готовый на жертвы и совершающий подвиги во имя интересов своей Родины.

Выбор пал на троих достойных не только по моему мнению людей, не только потому, что они мои земляки, и мы вместе много лет работали, и не только потому, что они с любой стороны замечательные люди, это все у них присутствует, а выбрал я их, кроме всего прочего, чисто по профессиональному признаку, чтобы показать, что патриотом можно быть, не только закрывая грудью вражеский пулемет, или бросаясь под танк с гранатой, или погибая под пытками врагом и не выдавая военную или государственную тайну. Патриотом можно и нужно быть всегда, в обычной повседневной жизни, занимаясь любым полезным делом, работая на любой работе, но ощущая себя частицей своей великой Родины. И все свои силы, знания и способности направляя на ее благо и благо своих земляков-патриотов. Не может считать себя патриотом словоблуд любого ранга, считающий себя самым патриотичным из всех патриотов, а на самом деле патриотичность для него - лишь возможность улучшить жизнь себе и своим близким за счет остальных своих земляков. Не может быть патриотом любой человек, живущий по доброй воле вне пределов своей Родины, а тем более выкачивающий из ее пределов свои дивиденды.

Людей, похожих на тех, которых я выбрал для примера, молено встретить в разных местах, но мне посчастливилось жить и работать именно с этими людьми и представлять их, как уже было сказано, чисто по профессиональному признаку, ибо все остальное у них в принципе одинаково. Они представители разных сфер деятельности. Один — специалист аграрник, непосредственно первичный организатор и технолог, второй — промышленник, организатор обеспечения крупного машиностроительного завода, а третий — специалист-организатор по региональному комплексному управлению. Повторю, все трое специалисты высочайшего класса, но мы их покажем именно как патриотов.

Первый из них (по очередности) — Каструбин Григорий Ионович, агроном, председатель колхоза. Более четверти века он возглавлял колхоз «Передовик» в Актюбинской области Казахстана. Он был патриотом своей земли уже по определению — родился, вырос как человек и руководитель, отработал около сорока лет с единственной отлучкой на фронт и покоится сейчас в том же районе. Ему не нужен был ступенчатый карьерный рост и он никуда и никогда не стремился по той простой причине, что ему хватало того объема работ или того нелегкого хомута, который он тянул все годы. Человек от земли, он ее чувствовал интуитивно, знал, когда и что делать, не оглядываясь на окрики и приказания «сверху». При нем колхоз «Передовик» стал передовиком без кавычек, это было лучшее хозяйство Актюбинской области практически по всем показателям, тем более по основным — зерну, мясу и молоку. Системное рациональное организационное устройство хозяйства, самые передовые по тем временам технологии, подбор кадров только по деловым и человеческим качествам, постоянное улучшение социальной структуры села - и все это он, Каструбин, а потом уже мы, его соратники.

Я бывал в сотнях колхозов и совхозов, наблюдая и анализируя по работе, и просто как специалист, работу руководителей, но никогда не видел такой незаметной внешне, а на самом деле, фантастической преданности своему селу. Именно селу, потому что колхоз, как не единственная, но селообразующая организация, был для него только инструментом для улучшения благосостояния, естественно и его жителей. Здесь нужно сделать ремарку.

Село Григорьевка, по-казахски его называли Ащелисай, основали переселенцы из Украины в самом начале двадцатого века, во вре-

мя так называемых «столыпинских» реформ. Так вот село — показательный образец несостоятельности тех реформ на индивидуализацию сельской жизни, тем более в суровых условиях Северного Казахстана. Если бы там продолжали внедряться те самые антисельские реформы, на месте села еще до войны уже шумел бы ковыль и бегали волки. Некоторые теоретики, родившиеся на какой-нибудь улице в столице, на этой же улице окончившие ВУЗ, затем там же или через улицу пришедшие на работу в какое-либо ведомство, НИИ или министерство, защитившие там лее различные степени и получившие там же ученые звания, элементарного понятия не имеют о том, чем живет деревня и что для ее поддержания надо сделать, пытаются хвалить Столыпина с его сельскими реформами и внедряют еще более губительные чуждые селу реформы, навязанные из-за «бугра». А вот Каструбин, выросший на той земле, знал, что селу надо. Ведь разве могли быть в селе при тех временах и при индивидуальных мелких хозяйствах два водопровода, питьевой и поливной, асфальтированные дороги, озеленение, прекрасные школы со спортивным залом, детские сады, дома культуры, дом быта, сельская больница, асфальтированные выезды до железнодорожной станции и к республиканскому шоссе? Разве могли бы жители села получать бесплатно корма для личного скота и бесплатный подвоз дров и угля? Разве учились бы дети этого села в десятках институтов и техникумах по всему Союзу? А путевки в санатории и дома отдыха, а учеба студентов за счет колхоза, а еще десятки социальных благ, таких ежедневных и незаметных, как все само собой разумеющееся? Председатель ежедневно, подчеркиваю, ежедневно, выходил из дома в пять утра, в любую погоду, обходил все фермы и животноводческие бригады и к семи часам приходил на оперативную планерку в гараж, где ждали его отраслевые специалисты и руководители подразделений. Он приходил не для формы, а приходил с полной собственной информацией о положении дел в двух наших основных селах, а т.к. сел у нас было всего шесть, то остальные он посещал раз в 7-10 дней. Это не показуха, просто жизненная необходимость. Показуха — это когда какой-то бледный чиновник в десять утра включает мигалку и прет на красный свет, подчеркивая, что ему куда-то очень надо и его где-то ждут. А в селе в десять утра уже никто никого не ждет. Уже на обед собираются ехать.

Патриотизм председателя Каструбина состоял не только в повседневных сельских заботах. Он при всех режимах отстаивал будущее, стратегию развития своего колхоза, неотрывного от села. Он оставлял до 17-20% пашни под чистыми парами, заседал большие площади многолетних трав, за что был жестоко бит на всех уровнях по партийной и советской линии. Ему грозило увольнение, исключение из партии, даже уголовное преследование за невыполнение решений партии и правительства. А он выдержал. И когда эта вакханалия прошла, именно наш колхоз оказался лучшим и по культуре земледелия, и по производственным показателям. Да и социально село было лучшим в районе.

Конечно, власти, особенно верхнего уровня, не простили ему самовольности и делали все, что угодно, любую пакость, лишь бы унижить, уколоть. Разве можно было объяснить такое идиотское отношение к руководителю одного из лучших хозяйств огромной республики, две пятилетки подряд обеспечивающего выдачу на алтарь государства по два пятилетних плана сдачи зерна, депутата Верховного Совета и члена обкома партии, награжденного ранее двумя орденами Ленина, Октябрьской революции и фронтовым орденом Славы, по итогам двух пятилеток подряд представляемого областью к званию Героя соцтруда, два раза подряд удостоенного ордена Трудового Красного Знамени! Вроде бы, тоже орден, ведь не забыли, отметили, но на публике это выглядело плевым в лицо. Все это понимали, естественно и Каструбин. Героев получали другие, свои, удобные люди, главными показателями которых было не производство, а совсем другие заслуги. Покалеченная фронтовая юность, самоотверженность в ежедневных сельских заботах и отвратительное отношение властей сломили могучего председателя и не дали ему дожить даже до пенсии.

Но в отличие от властей, все колхозники и вообще все жители села Григорьевки, кто его знал, будут помнить его, пока будут жить. Не зря по их единодушной просьбе главной площади села присвоено название — площадь Каструбина. Такой прецедент, тем более в мирное время, большая редкость, я, например, нигде такого больше не встречал. Мало достойных. А вот в нашем селе такой был. Я его знал не только по работе, он мог и пошутить, и песню спеть, и сто граммов выпить, как истинно русский крестьянин, т.е. при всей его уникальности как руководителя, он был простым, добрым, веселым и доступным человеком. Верная жена его, Валентина Антоновна, овдовев-

шая в 48 лет, в настоящее время проживает в моей родной Слободзее, из четверых взрослых детей две дочки живут в Приднестровье, сын — в том, отцовском селе Григорьевка, еще одна дочь - в городе Берлине. Редкостной честности, порядочности и чистоты души был Григорий Ионович. Я по-хорошему горжусь тем, что много лет работал рядом с ним. Он ничему не учил словами, он учил делом, конечно тех, кто хотел учиться, и мы те, кто хотел и что-то брал у него хорошее, будем благодарны за это всегда. Поэтому я решил, что правда о таких людях должна стать всеобщим достоянием, ведь нельзя сидеть сложа руки и наблюдать, как рушится наша государственная, национальная опора, наше село. Уже и от той Григорьевки одна треть осталась, а если так пойдет и дальше, все пойдет прахом. Разве зря отдавали свои жизни за село такие как Каструбин?

Второй пример — уже заводского патриота - Горожанов Михаил Максимович. Он работал ведущим снабженцем одного крупного завода в городе Орске Оренбургской области. Слово «снабженец» у многих людей ассоциируется с понятием вор, обманщик, спекулянт и т.п. К большому сожалению, оснований для таких сравнений по жизни полно и многие снабженцы плохо кончают. А человек, о котором пойдет речь, был действительно снабженцем — обеспечителем. Ведь что такое предприятие без обеспечения? Некоторые «обеспечители» сперва обеспечивают себя, своих близких и своих начальников, попутно работая на производство, таких я тоже повидал немало на жизненном пути, а Горожанов работал, как играл. Как бы это не казалось странным, для него работа была непрерывной хорошей, целенаправленной, ответственной деловой игрой. Почему вдруг «игрой»? Потому что имел на руках нелимитированные чековые книжки, одним росчерком пера с которых можно было снять любую сумму, сто тысяч, миллион рублей. В советские времена можно было или по государственному играть, т.е. интересно работать или попадать под расстрельную статью. Горожанов был великий артист в своем деле, но игравший только положительные роли. Он был фанат-патриот своего завода, у него были колоссальные связи в Союзе и за рубежом, мне были известны не все, но очень лестные для него предложения от зарубежных партнеров, а он оставался преданным своему предприятию до последнего дня.

Я часто бывал у Горожановых, был знаком также с его женой, Нонной Александровной, в которой Михаил Максимович души не чаял,

видел его подавленность, когда в 1972 году «вытолкнули» на пенсию, т.к. не разрешалось получать пенсию и работать. Видел, как он даже несколько месяцев работал бригадиром плотников, потом по ходатайству дирекции завода министром черной металлургии СССР (кажется, тогда был Казанец) было принято распоряжение специально по Горожанову, и ему разрешили обеспечивать завод дальше и платить пенсию от завода. Все это было.

На моих глазах произошел очень характерный случай. Как-то приехав на завод по каким-то делам, нашел Горожанова, он куда-то спешит и приглашает ехать с собой, по дороге, мол, поговорим. Сели ко мне в машину и быстро на станцию Орск, старый город. Выходим, идем на перрон, там у ворот стоят две военных машины «Урал», и в обеих полно солдат. Горожанов с кем-то переговорил, мне ничего не объяснял, позже сказал, что, во-первых, боялся, чтобы не спугнуть ситуацию, во-вторых, времени было мало. Подходит пассажирский поезд, то ли из Челябинска, то ли из Свердловска, не помню, остановка двенадцать или пятнадцать минут. Потом все пошло, как в современных телесериалах. К последнему вагону подъехали задом два военных «Урала», раскрылись обе вагонные двери, солдаты растянулись в две цепочки и начали что-то выгружать, передавая друг другу. Через десять минут машины отъехали и исчезли, еще через несколько минут поезд ушел. Мы стояли в стороне, как люди, не имеющие к этому никакого отношения. Потом поехали и мы, предварительно оглядевшись и оценив обстановку на перроне и вокзале. Постояв еще минут пять на привокзальной площади, ничего особенного, вроде бы, не происходило, поехали на завод. По дороге я узнал следующее.

Завод, на котором работал Горожанов, кроме всего прочего выпускал холодильники. И вдруг не поступил откуда-то сжиженный газ — фреон. Очень большая партия холодильников из-за этого не может быть выпущена из завода. Сбивается не только годовой план, сбивается еще много чего сопутствующего, можно это перечислить еще на полстраницы. Что ни делали уже в масштабе области, потом министерстве — все бесполезно, видимо что-то, где-то сработало против завода. И тогда был вызван Горожанов, и перед ним была поставлена вообще-то конкретная, но невыполнимая задача — найти необходимое количество фреона. Подняв все свои неофициальные связи, он нашел необходимый сжиженный газ, закупил полностью все места в последнем общем вагоне, нашел ребят военных и на погрузку

там и на разгрузку здесь, иначе бы кто-то да прицепился, а так военные что-то грузят или снимают, кто с них спросит — военная тайна. И все, завод вышел из прорыва, а потом по фондам вернул одолженный фреон.

Это была внешне простая, но очень опасная операция и вряд ли кто из заводских смог бы ее осуществить. Казалось, пенсионер, офицер-фронтовик, не особо нуждающийся, да зачем ему было рисковать своей свободой, не то, что увольнением? А он не мог по-другому, ведь это не ему, это его заводу было надо! А надо — значит надо, чего тут рассуждать, просто подумать хорошо и разумно сделать, ведь жить и дальше надо.

Часто имея с ним дела по работе, я поражался его дотошностью, порядочностью и пунктуальностью во всем. Обычно снабженцы таскают в карманах документы, пока те не сотрутся или пока им ультиматум не предъявишь. Снабженец и учет в старые времена — это вообще разные понятия. У Горожанова все не только в голове, но и на бумаге, он в день операции, большой или малой, все оформит до копейки и до самой малой бумажки. Когда в Орске запустили в строй заводы - тракторный, а потом и автоприцепов, я выслал ему примерную сумму по почте и попросил купить автоприцеп. Месяца через два я получил в ж/д контейнере прицеп и перевод денежный на сумму 1 руб. 73 коп. На обратной стороне на переводе был перечень всех расходов, которые он понес с приобретением и отправкой прицепа, и указанная сдача. Это не было чем-то показушным с его стороны, это было просто его жизненное кредо, его почерк, достойного, высокоинтеллигентного и ответственного человека. На таких людей не стыдно равняться никогда во веки веков. Это настоящий наш земляк, то есть патриот, для которого интересы и малой (завода, города) и большой Родины (России) были главнее всего.

И, наконец, третий достойный подражания по жизни земляк-патриот Проценко Вячеслав Александрович. Это человек гораздо большего масштаба и по своим действиям, и по своим возможностям, даже вернее будет сказано, способностям, возможности ведь не всегда от нас зависят.

Если Каструбина Г.И. я выдвигал, как патриота колхоза-села и через призму этого - патриота нашего государства, Горожанова ММ. — как патриота завода - города и тоже государственника, то пример Проценко ВЛ. — это уже сразу патриот-государственник, а в поряд-

ке прикладного примера — патриот моего родного Слободзейского района, который он возглавлял около одиннадцати лет. Почему я назвал его сперва патриотом-государственником, а потом патриотом района? Потому что у него государственность в крови, в натуре, и работая уже после нашего района в органах республиканского уровня, возглавляя Министерство плодоовощного хозяйства, республиканское объединение «Сортсемовощ», он был патриотом этих направлений, оставаясь всегда прежде всего государственником. Выбрал я именно этого человека как патриота района не просто так. Если вырезать этот одиннадцатилетний пласт его жизни из всего жизненного пути, то любой искренний и понимающий человек, знакомый с Проценко по времени его работы в Слободзее, обязательно скажет: «Проценко повезло на Слободзею, а Слободзее повезло на Проценко», и будет прав. Они действительно нашли друг друга — район и он. Именно в период организационного руководства всем процессом в районе Вячеславом Александровичем, этот район вырос и превратился в самый мощный в экономическом плане аграрный район Советского Союза. Поверьте мне, как человеку, во время работы Проценко в районе возглавлявшему районную экономическую службу. Язык не повернется ни у кого назвать тот период у нас «застоем». Как; раз в те годы наш район достиг наивысших результатов по всем основным показателям, занимая по производству продукции плодоовощеводства 8-9 места среди союзных республик (район!). Первый секретарь райкома партии Проценко был и ударной силой, и броневой защитой интересов района на любых уровнях и в любых обстоятельствах. Это то, что патриот - Проценко и район были близнецы-братья. Такой район был только ему под силу, это показали и все последующие годы после его ухода, еще до развала Союза Район для Проценко был перспективен в развитии, т.е. было ради чего стараться, это никакой-то там «захолустный» район в глубинке, где старайся хоть лопни, звезд с неба не посыплется, это Слободзея, это фронт, достойный и благодарный. Обладающий богатым природным интеллектом, мгновенно вникающий в любую ситуацию производственного и социального плана, прекрасный опытный агроном-специалист — высокоэрудированный партработник и организатор, он вызывал и уважение, и восхищение, и определенную робость, когда к нему заходишь. Его не обманешь, он владеет ситуацией постоянно и оценивает ее мгновенно. Проработав с ним в районе немало времени, я не был у него в

фаворе, скорее всего как человек, прибывший откуда-то, в первую очередь, и мне было тяжело после довольно авторитетного положения на прежнем месте, без всяких протекций начинать жизнь с нового (чистого) листа и доказывать свою пригодность не связями и телефонными звонками. Отношения у нас всегда были чисто деловыми, но уже то, что я пишу о нем, как о достойнейшем человеке, наверное, говорит о многом. Мне ничего ни от кого не надо, тем более сейчас Я просто беспристрастно листаю фотоальбом прожитой жизни до нынешних времен и делаю выводы просто как человек, а теперь еще и как писатель. И просто обязан донести до людей правду о том, как мы жили, и какие были люди. Может, какая-то польза от этого будет, даже если один человек поймет смысл всего нами пройденного и сделает свой выбор.

У Проценко было все в определенном природном комплексе. Трезвый, быстрый ум, умение, организованность и достаточная порядочность, прекрасные внешние данные, и по моему мнению, уже в те годы ему не место было среди районных «пахарей». Он явно перерос уровень района, даже лучшего в Союзе. Ну, а куда было двигать дальше? ЦК и Совмин Молдавии прочно заняты, не скажут же они: «Давай, Слава, на наши места, у тебя лучше получится». Отпадает. На Украине делать чужому нечего, даже украинцу, да и не перелезешь через обкомы, там их куча, и Киевский «бетон». До Москвы вообще не доберешься, там свой клуб по интересам И что делать? В идеале, это мое не просто мнение, а убеждение, именно в начале восьмидесятых, когда Вячеслав Александрович был делегатом XXVI съезда КПСС, потом депутатом Верховного Совета СССР, его должны были заметить в Москве. Да кто ж там заметит? Там рядом стоящего не заметят, а тут, подумаешь, какой-то районный секретарь. Мне лично до сих пор обидно, даже не за него лично, а за державу обидно. Собираем разное старое барахло, простите, а элиту нации, действительно достойных людей, хоть на министра АПК, хоть на верховную власть способных — нет, не нашлось никого разумного разглядеть такую способную глыбу. Проценко ВА. был взят из района в Кишинев на министерство плодоовощного хозяйства. По-моему, в принципе, эта громкая должность была для него понижением. В Слободзее он был хозяин, с ним, хочешь не хочешь, считались все, а о министерство, тем более плодоовощного хозяйства, любой мог ноги вытереть, найти-то можно было любой компромат в отрасли, тем

более в Молдавии. Так и случилось. Государство потеряло не только борца-специалиста огромного потенциального масштаба, но и государственника-организатора Проценко ВА. сегодня живет в Кишиневе с прекрасной своей по жизни спутницей Ларисой Исаковной. И я абсолютно уверен в том, что он и сегодня является истинным патриотом того государства, в котором живет, он по-другому не может, это у него заложено на генном уровне. Я действительно по доброму благодарен ему за науку в те годы, когда мы вместе работали. Для меня работа с разумным, пусть строгим и даже жестким человеком — руководителем, всегда была гораздо интереснее и ближе, чем с фамильярным глупцом, известно как пробравшимся во власть и самим своим присутствием эту власть опошляющим.

Вот такие люди, вот такие патриоты-земляки, о которых я решил рассказать, листая альбом жизни. Патриотизм — это не блестящий наряд, патриотизм — это ноша в сердце и разуме. Он или в тебе или его нет вовсе.

ГЛУБИНКА

Глубинкой у нас называют места, удаленные от центра, неважно федерального или регионального. В общем, где-то там, в глухомани, Тмутаракани и независимо в какую сторону. Конечно, определение «глубинка» весьма относительно, даже по той простой причине, что Земля-то круглая.

В одной из старых притчей рассказывалось, как один молодой парень-туляк приехал в Москву к своему дяде. У того тоже сын, ровесник племянника-туляка. Гуляют молодые ребята по городу, и туляк спрашивает: "Слушай, костюм у тебя шикарный, где брал?" "Я его пошил, был в Париже, в командировке и пошил", - отвечает брат-москвич. "А где этот Париж?" — уточняет туляк. "Далеко, около трех тысяч километров", - отвечает москвич. "Нет, ты посмотри, какая глушь, а как шьют", - удивляется туляк. Поэтому, по большому счету, глушь или глубинка, понятие относительное. Мы же перевернем очередную страницу альбома жизни и рассмотрим конкретное пятнышко на карте — одну из сельских глубинок.

В 1956 году на всех необъятных просторах распаханых целинных земель благодаря удачно сложившимся погодным условиям был выращен богатый урожай зерновых. Как всегда к такому хлебу не были готовы, и если убрать зерновые кое-как смогли, то все остальные действия с уже готовым зерном — перевозка, сушка, хранение и доработка — стали не только головной болью, а просто катастрофой для всех государственных и хозяйственных органов, как-то причастных к зерну, прямо или косвенно. Имеющиеся элеваторы и хлебоприемные пункты могли принять и доработать хорошо если пятую часть урожая. А что было делать с остальной массой зерна?

Многие почувствовали далекий, но вполне реальный и обязательный холодок ответственности, кто-то уже просчитывал, кто же станет крайним, чьи головы полетят за тот неожиданно богатый хлеб. Брежнева еще только за обещание дать миллиард пудов зерна перевели из Казахстана в Москву, он уж точно отвечать ни за что не будет, и начали искать выходы из очень сложной ситуации с тем, по-

вторяю, готовым хлебом (зерном). Придумали себе временную отсрочку — организовать прием и хранение зерна на местах, в так называемых "глубинных" хлебоприемных пунктах.

Суть этой, можно теперь с уверенностью сказать, аферы состояла в том, что в отдельных населенных пунктах или для группы близлежащих хозяйств выделялись места, утрамбовывались и укатывались с влажной соломой грунтовые площадки, и на них люди, уполномоченные министерством заготовок, принимали зерно от ближайших колхозов и совхозов, которым выдавались полноправные закупочные квитанции, и шла проплата за сданное зерно государству.

Внешне все было как надо. Колхозы-совхозы свое дело сделали, зерно вырастили-убрали, сдали в счет плана госзакупок и получили деньги. Больше они к тому сданному зерну никакого отношения не имели. Зерно стало уже государственным. Но к этому несчастному "глубинному" зерну еще многие и коварные имели отношения — дождь, мороз, снег, птицы, зимующие у нас, грызуны, всякие насекомые, болезни и огонь. Да, самый настоящий огонь. Сырое зерно самосогревается, а когда перегревается, начинает самовозгораться и очень интересно и красиво горит, как газ, голубым пламенем. После этого, если зерно не доработать и не сушить, оно перегорает и превращается в черную горелую массу с неприятным запахом, уже никуда и ни на что не годную. Весной мы такое "зерно" развозили по большим балкам, там оно перегнивало. Вот такой был тогда "большой хлеб". Конечно, многое пропало, но не все. Вот об этом и наша очередная боль. Как люди боролись за то, чтобы сохранить то, что было выращено и собрано в глубинках.

Задача состояла в том, чтобы в условиях зимы максимально возможно перевезти зерно из пунктов приема к ближайшим железнодорожным станциям. Если взять колхоз, где я работал, то у нас не было глубинного пункта, у нас на территории колхоза находилась железнодорожная станция с небольшим хлебоприемным пунктом. Вокруг станции поделали площадки для приема зерна, и большинство хозяйств района свезло сюда свой плановый хлеб. Здесь проблема была только в погрузке вагонов и отправке зерна по элеваторам страны. Нас, молодых, почти ежедневно после работы вывозили на станцию именно на погрузку зерна, причем в любую погоду. У других районов нашей области, удаленных от железной дороги, главной проблемой стала доставка зерна на станции, где можно было бы его отгружать.

Вышел приказ по области выделить машины и людей для командировки в северо-восточные районы области, нам конкретно — в Комсомольский район, совхоз «Северный». Из района посылались 5 автомашин, по две из МТС и одна из Кимперсайского рудника. Я как раз закончил курсы шоферов, но права еще не получил, мне сказали — бери, принимай машину, езжай в «Северный», туда тебе права и привезут. До совхоза от нас около двухсот километров, мы все, пять машин, собрались на станции Ащелисайская, затем выехали на станцию Домбаровка, это Оренбургская область, и уже оттуда двинули на «Северный» по Оренбургской земле. Это было легче и выгоднее со всех точек зрения. Во-первых, нам предстояло возить зерно именно по этому маршруту: совхоз «Северный» — станция Домбаровка, и мы как раз пройдем по ней порожняком, узнаем, что, где и как. Во-вторых, напрямую от нас до совхоза «Северный» просто не было дороги. Летом еще можно было проехать, зимой исключено.

По дороге мы заехали на станцию, узнали, где и как сдают зерно, и выяснили все сопутствующие нюансы. На следующий день были на месте командировки, в конторе «глубинного» хлебоприемного пункта.

Там была обычная фронтовая обстановка. Вагончик целинного типа, вокруг несколько машин, бульдозер для очистки зерновых буртов и сами бурты под открытым небом, засыпанные метровым слоем снега. Нас определили в свежестроенное общежитие, но с центральным отоплением. Грело оно плохо, да и на улице температура колебалась от минус двадцати до минус сорока. Но все это мы прошли уже несколько лет назад у себя, в МТС, тоже было саманное новое общежитие, так же на голову падала сырая штукатурка, также ради воды растапливали снег в большом баке, все это было для нас не в новинку. Это переживем, а вот как будет с машинами, дорогой, погодой? Поговорили с ранее прибывшими водителями, а их там было где-то человек пятьдесят. Они пытались нагнать на нас страху, что, мол, ежедневно по трассе человек 7-10 замерзают, машины ремонтируют на улице, долгая дорога и холод.

Мы, конечно, принимали к сведению мнения "старожилов", но что это были за авторитеты? Это, в основном, были дети юга, водители из Джамбула, Чимкента, Ташкента, Киева и т.п. регионов. Для них местная погода — ад крошечный, для нас — привычное, хотя и трудное дело. Задача на предстоящий месяц (на такой срок мы были откомандированы) была простой и понятной — возить зерно из «глубин-

ного» пункта «Северный» до железнодорожной станции Домбаровка. Там был хлебоприемный перевалочный пункт. Водить необходимо ежедневно без выходных и других возможных остановок. Дело серьезное, политическое, надо спасать зерно. Чем быстрее вывезем, тем быстрее зерно отправится по разным адресам, где его смогут подсушить, хранить или оперативно переработать. Уезжающие по домам, отработавшие свой срок водители поделились определенным опытом работы в практически экстремальных условиях. Они рассказали, где, что и как делать, какие проблемные вопросы возникают при перевозке, а главное, рекомендовали лучше посмотреть состояние своих автомобилей, потому что дорога ничего не прощает.

Расстояние от совхоза до станции около 190 километров, трасса устроена так, что на пути не встречается ни одного населенного пункта, так проще и удобнее. С начала зимы маршрут проходил через пару сел, столовых там не было, но были магазины, возле них скапливались машины с зерном и шедшие обратно порожняком. Была масса ненужных инцидентов, что порождало задержки перевозки и руководство просто перестало прочищать прежнюю трассу и проложило новую, вдаль от жилья и дополнительных проблем. Водителям стало трудно, но все согласилось с этим, куда было деваться?

В отношении замерзающих водителей слухи подтвердились — действительно за зиму на трассе погибло несколько десятков водителей, в основном, из южных регионов. Они если где-то застревали, то все бросали машины с зерном и по 3-5 человек уходили искать какую-нибудь помощь и, как правило, обессилов, группами сбивались в кучу и вместе замерзали. Водители из северных зон в таких случаях машины не покидали, жгли кузова, шины, зерно, все, что угодно, и хотя и обмороживались, все равно оставались в живых.

За месяц командировки, который можно считать за квартал, без выходных и при двадцатичасовом рабочем дне и морозной бурной погоде, мы тоже хорошо изучили ту своеобразную "дорогу жизни". В те целодневные рейсы я, молодой парень в 17 лет, может быть еще сильнее почувствовал цену хлеба. Не потому, что был какой-то суперводитель или суперработяга. Вовсе нет. В отличие от своих коллег, которые работали водителями и прошлый и позапрошлые годы, я урожай 1956 года прошел "насквозь" — весной на тракторе закрывал влагу, потом сеял, потом на комбайне убирал и вот теперь довелось в таких условиях водить, вернее спасать труд тысяч людей. А сколь-

ко еще надо пройти этому золотому зерну, пока оно ляжет кому-то на стол готовым душистым хлебом?!

Я далек здесь от шекспировских изысканностей и аллегорий, а просто пересказываю потомкам фотографию из нашей жизни. Возможно, и не самую худшую, но правду. И поверьте, это не жалостливое нытье, тем более не бахвальство или обвинение кого-то в чем-то. Это обычная работа. Чтобы читатель хотя бы поверхностно почувствовал смысл такой работы, просто опишу один обычный день, точнее, рабочие сутки.

В половине пятого мы уже завтракали в столовой при общежитии, один из нас при этом (по очереди) грел паяльной лампой поддоны картеров двигателей наших машин и задние мосты, мы выходили из столовой и шли к машинам Машин, как; было уже сказано, из нашего района было пять- два «ЗИС-150» бортовых, два самосвала «ГАЗ-93» с большими зерновыми трех- тонными кузовами и от рудоуправления десятитонный самосвал «ЯАЗ» с такими светлячками-набалдашниками на крыльях.

Так вот, с помощью совхозного трактора заводили «ЯАЗ», а потом он нас всех заводил с буксира, как орехи щелкал. Пока мы брали путевки, «ЯАЗ» успевал заводить машины других прикомандированных. Дальше мы заезжали на территорию "глубинки", элеваторным погрузчиком нас загружали зерном, выписывались товарно-транспортные накладные, мы выстраивались в колонну, два "газика" впереди, два "ЗИСа" чуть сзади и «ЯАЗ» замыкал нашу колонну. Ездили мы все пятеро вместе, также формировались и другие колонны — по автобазам, областям, районам.

Нам рассказывали, что еще осенью, когда только начали возить зерно, в степи было много дорог-следов. Целина, каждый как хотел, так и ехал, то в одной колее, то в другой, то сам новую начнет катать. Когда пошли снега, дорогу стали чистить бульдозерами, но это было почти бесполезно-идет бульдозер или снегоочиститель, а справа и слева образуются снежные стены, буран сразу заметает прочищенный коридор, и уже следующая за трактором машина не может ехать. Потом кто-то додумался сварить вместе 10 ободов колес от прицепных комбайнов «С-6», заварить этот цилиндр с боков, приделывать прицеп-треугольник, залить это подобие цистерны водой, заморозить и накатывать ею дорогу. Снег себе идет, а "цистерна" утрамбовывает его, с трактором, естественно, как бы накатывая своеобраз-

ную насыпь четырехметровой ширины. Насыпи сделаны были две — одна в сторону станции для машин с зерном, другая — в обратную сторону, для порожних. Разделяло их метров пятьдесят в среднем. В принципе, удобно, едешь по накатанной снежной насыпи, встречных нет, обогнуть никто не сможет, пока ты с насыпи не съедешь и т.д. Конечно, удобно, если нет снежных заносов-переметов в лощинах и балках и если не барахлит машина. У меня, слава Богу, была хорошая машина, летом она при нагрузке обычно перегревалась (двигатель), а зимой шла нормально. Но что было плохо- тогда еще в автомобилях, в моем в частности, не было печки-обогревателя. На улице мороз-буран, а в цельнометаллической кабине тот же холод, только без ветра. Но в буран тот малюсенький, часто заклинающийся "зисовский" воздушный стеклоочиститель не то что не успевал очищать снег с лобового стекла кабины, он просто гордо стоял облепленный снегом. Ничего не видно. Укутанные старым одеялом колени мешают управлять машиной, а без одеяла холодно. У "ЗИСа" открывалась вперед-вверх половина лобового стекла, откроешь — видно, но в кабине буран, больше минуты не выдержишь и весь в снегу. Закроешь клапан — ничего опять не видно, белая пелена во все лобовое стекло. А насыпь неровная и высотой уже местами 3-5 метров, чуть левей-правей и машина сползет с мягкого края насыпи, а в кузове — зерно... Что делать — открываешь окно левой двери, облакачиваешься на кабину и так едешь. А куда деваться? А путь не близкий, обычный рейс, как повезет, 17-19 часов и вторая скорость, местами первая, редко на вершинах холмов, где ветер сдувает снег до земли, повезет, можно на несколько минут и третью скорость включить.

Если не дай Бог поломка, даже небольшая — сзади сразу очередь, десятки машин. Подойдут, спросят в чем дело, дадут десять, максимум пятнадцать минут, чтобы устранить неисправность. Кто-то чем-то поможет, если это возможно, если не получается, а выделенное время вышло — цепляют сзади тросами и сталкивают машину с насыпи, освобождая проезд, иначе дорогу задует и все останутся в степи. Жутко так, едешь — а справа-слева машины стоят в разных позах и разных марок. У некоторых что-то снято или разобрано, кто-то снял ему необходимое, а свое старое тут же бросил. Чисто фронтальная обстановка.

Снятые с насыпи машины так и стояли там, пока снег не растаял, к ним просто подобраться было невозможно, да и не было на это ни

времени, ни сил. Выехав где-то в полшестого-шесть утра из совхоза, к полуночи, в лучшем случае, добирались до хлебоприемного пункта. Там как-то было меньше снега, камни голые торчат перед машинами. Не доезжая метров пятьсот до хлебоприемного пункта — очередь, сотни машин. А ты страшно устал, голодный, и голова падает, спать хочется. Записал номер впереди стоящей машины и мгновенно уснул, хорошо так. А тут тебя как будто подбросит — очнулся — уже обогнали. И так еще раз и еще раз. Разозлишься, идешь к нашему Адольфу — на «ЯАЗе». Тот, не долго думая, подъезжает к "нарушителю" очереди, я цепляю трос, тот лихач пробует включить первую скорость и тормозит, да куда там — «ЯАЗ» его, как котенка, юзом выволакивает из очереди, а я занимаю свое место. Неписанный закон.

Ну, достоимся мы до того, как подъедем к лабораторному мостику, ну, возьмут анализ, поставят штамп в накладной, потом в этом темном бедламе надо еще найти кладовщика, он укажет, где зерно сыпать, сам его разгрузишь лопатой. Хорошо, что у моего напарника из МТС был самосвал, он быстро вывалит зерно, подпишет накладные свои и заодно мою и помогает мне выгрузиться. Так было только в первый раз. Потом мы нашли старшего какого-то там человека соответствующей ситуации национальности, и он нас выгружал совсем с другой стороны пункта и еще выделял рабочих. Правда, брал всего пять рублей за машину, зато сколько проблем сваливалось с плеч.

Разгрузившись, мы пару раз пытались покушать что-нибудь горячее в столовой поселка, она так удобно стояла посреди площади. Вмещала она столиков двадцать, работала круглосуточно, но была буквально облеплена машинами, так плотно, что пройти было трудно, не то что подъехать. А оставлять машины без замков мы не имели права. Что делать? Едем обратно в совхоз. На выезде — магазин смешанный- от часов до трупов и от водки до мерзлых колбас. Купили хлеба, колбасы, консервов, по бутылке водки. Все мерзлое, даже водка в бутылке замерзла, только в середине спирт булькает.

Выехали на холм, где начинается дорога к нам в совхоз. Рядом шахты, уголь там мелкий такой, молодой еще, говорят, добывают, весь холм грязно-черный. Съехали с дороги, продукты под капот «ЯАЗа» положили, там места много, подождали, пока они нагрелись, выпили, поели, покурили, два-три часа в кабинах передремали, вышли, снегом умылись и в обратный путь. Назад, конечно, едем быстрее, и машина порожняком бежит домой веселее, напряжение меньше и пред-

вкушение ужина и отдых в общежитии, все это ускоряет и успокаивает. Чесам к пяти, а когда и раньше — уже в совхозе. Быстро осмотрел машину, что-то подрегулировал, что-то подтянул, долил, помазал, заправил, слил воду и — в столовую. Уже на мороз, буран внимания не обращаешь. Быстро умылся, поел и спать, знаешь же, что в четыре часа вставать, и все опять начнется сначала.

Сейчас пишу и думаю, хорошо, что тогда еще не было телевизоров и т.п., а то смотрели бы эти глупые сериалы, а потом бы спали за рулем, да аварии делали. А так поели, помылись, послушали пару хороших историй из жизни, а люди там были всякие и всякое могли рассказать и показать, — и все, отбой. А в четыре опять все по новой, грузи зерно и в путь, может быть, кто-то этот хлеб где-то ждет.

Трудность заключалась не в той повседневной "бытовухе" рейсов, а в повседневной неизвестности-каждый раз ты, как летчик перед вылетом в бой, не знает, суждено ему вернуться к себе на аэродром или нет. Точно так же было и с нами- мы каждый день не знали, чем он закончится, потому что вокруг нас, в этом же регионе крутились тысячи машин и тысячи разных людей и все это в морозы и бураны на наших машинах тех лет. Сейчас смотришь старые фильмы и думаешь, как эти машины могли вообще ездить и еще что-то возить? А потом вспомнишь свое — да вроде бы ничего, работали, да еще как работали. И не обогревались, и не заводились, и никаких удобств, а мы все-таки работали. И в тот раз мы вместо месяца возили зерно почти полтора, пока не закончили. Самосвалы еще и сгоревшее зерно развозили по балкам, а нас, "бортовиков", отпустили по домам, да и посевная скоро должна была у нас начинаться, а меня еще трактор в бригаде ждал, закрывать влагу надо.

Мы тогда не были каким-то исключением. Перевозкой зерна из глубинных пунктов в тот год были заняты десятки тысяч машин и еще больше людей, гражданских и военных. Благодаря этому много хлеба спасли, и все поняли, что хлеб не только вырастить и убрать надо, его еще до ума нужно довести и, в первую очередь, сохранить. И после того первого большого урожая по всем целинным районам пошло строительство современных элеваторов, а там, где объемы поменьше, — хлебоприемных пунктов с хранилищами, сушилками и прочей атрибутикой, т.е. повернулись к хлебу лицом.

Не хотел, но придется добавить. Недавно в России вышел "фильм года", как его раскручивали, "Стиляги" — на мой взгляд, пустой и

никудашный. Главный лозунг его — "свобода" и "танцуй и одевайся, как мы". Это фильм, вроде бы, о нашем времени, моих ровесниках. С напыщенностью показывают нам "проводников" свободной жизни, людей, которые своими руками не заработали даже на крошку хлеба. Это им потом, в шестидесятых, стало душно и тесно, многие двинули на Запад, чтобы переждать, пока мы им построим светлое будущее, а они потом на готовое вернутся. Это они потом занимали наши места в музыкальных и других школах, вузах и техникумах, это они, абсолютно не зная жизни, тусовались по столицам и друг перед другом выпендривались, задыхались от тоталитарного режима.

Я посмотрел половину того эрзац-фильма, и мне стало жалко тех моих сверстников, которые в то время, когда я им по бурану возил хлеб, дефилировали по столицам в брюках-дудочках, цветных рубашках до колен. Жалко, что они так жизни и не увидели, потому что на том же Арбате что увидишь, только попугай — попугая. Мы всеми силами старались поднимать страну, на основном первичном уровне, а та пестрая публика в большинстве своем, прогуляв молодость, завалила в конце концов и нашу старость. Ну, да Бог им судья, а вот для тех, кто спустя много лет поднимает их на щит, совсем другой судья нужен.

Ну а глубинка наша все-таки жива и жить будет, ибо если ее не станет, то не станет и столиц, и вообще ничего.

ВОКРУГ ЛЕСА

По статистике десять процентов лесных площадей земли находятся в России. Лес, как нефть и газ, а также другие разновидности природных ресурсов, всегда был продуктом экспорта и приносил значительные доходы в казну государства. В силу того, что российские леса, имеются в виду товарные, расположены в холодной зоне, то наша древесина, как строительный материал, была по качеству гораздо выше, чем такой же продукт из влажных тропических лесов. Поэтому такой товар во все времена пользовался спросом.

Я никогда не жил в лесу, я степной житель, всегда, как и должно быть, преклонялся перед лесом, когда удавалось попасть в него, любовался его красотой и величием, особенно снежной зимой. И пишу вовсе не о лесе, а о том, что вокруг леса.

Раньше в лесу жили разбойники, воры, бабы-яги, лешие, сегодня вся эта нечисть живет вокруг леса, но продолжает кормиться с него. Это не я придумал, это просто так и есть. Лесным деревьям абсолютно все равно, какая в той стране, где они растут, власть, и кто их в итоге срубит, монархист или демократ, ведь кто-то все равно срубит. Но это очень не все равно для тех, кто рубит, так как все они считают, что это их лес или, по крайней мере, очень хотят этого. Вообще весь процесс лесоразработок можно условно разбить на три больших этапа. Первый — это заготовка леса и его реализация при царе, когда никто не имел возможности вывозить за границу без царского дозвола, второй — это советский период, когда тоже никто не имел право экспортировать лес, минуя власть. В то время копейку на объемах и ценах могли иметь лишь работники и отдельные поставщики леса, наконец, третий постсоветский период, безвластный до последних лет по своей сути, когда лес рубили и продавали те, кому он достался при первичном крупном дележе сфер влияния. Из альбома жизненных фотографий я достаю одну, связанную непосредственно с лесом, так вскользь, мельком, как именно фото.

В начале семидесятых я работал главным бухгалтером колхоза в Казахстане и не знаю, по чьей воле был включен в состав ревизи-

онной комиссии областного "Межколхозстроя". Приглашает меня как-то начальник облсельхозуправления, раньше он был начальником планово-экономической службы и знал меня по работе. Приглашает и говорит: «Есть необычная просьба. Пришло письмо из Москвы, вроде как из прокуратуры Союза, там раскручивают большое лесное дело, и упоминается наша область, с негативной стороны, естественно. Обком партии поручил мне разобраться и прояснить ситуацию, в которой область оказалась. Дело идет о заготовке леса нашими колхозами, совхозами и строительными организациями. Вроде бы мы и не заготавливали, а лес получаем вне фондов и т.п. Мне нужна ясность. Это делается на самом деле. Я должен представить объективную справку в обком через пару недель. Задействовать специалистов "Межколхозстроя" не будем, у них самих наверняка рыльце в пушку. Поэтому они ничего не должны знать о твоей работе. А ты поедешь в г. Тайшет Иркутской области, есть там комбинат "Тайшет-лес", вот прокуратура и клеит нашу область к тому комбинату. Мы решили послать тебя. Думаю, понимаешь, что все это не так просто и наверняка небезопасно. Но нам нужна хотя бы одна конкретная зацепка, хотя бы пару реальных примеров на территории области, а дальше мы здесь сами на месте разберемся».

Он дал мне командировочное удостоверение сроком на десять дней, еще раз предупредил о конфиденциальности поездки, и мы расстались.

Дома я объяснил председателю, почему еду в командировку по направлению из области, не вдаваясь в подробности, Каструбин Г.И. благословил меня, он понимал, что это не так просто, но не возмущался на руководство области, он сам был человек государственный.

Дело было летом, на машине я выехал в соседний город Орск, от туда поездом до Новосибирска, затем снова поездом через Красноярск до Тайшета. Лето, красота в Сибири, на подъезде к Тайшету речка Бирюса, сразу вспомнил песню шестидесятых "Там, где речка, речка Бирюса, ломая лед, шумит, поет на голоса..." Но по мере приближения к Тайшету я на красоты все меньше обращал внимания, задавался вопросами- что меня ждет там, и как мне вообще себя вести? Никого и ничего не знаешь, а надо узнать и быстро.

Приехал я рано утром на станцию Тайшет. Из вещей — только маленький чемодан-балетка. Без пиджака, рубашка-тенниска, брюки, сандалии. Ничего особого, обычный летний сибиряк. Решил пока никуда не ходить, в гостиницу не устраиваться, просто осмотреться. За-

шел в привокзальное кафе. Там никого, какой-то мужик средних лет, по внешнему виду было очень заметно, что и многое нечеловеческое ему не чуждо. В кафе была одна буфетчица, я попросил две кружки пива и парочку рыбок-омулей, полукопченных.

Сел за столик, недалеко от того мужика, пока без всяких мыслей, просто интуитивно. Начал пить пиво, впервые попробовал байкальского омуля "с душком". Почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд, и по судорожному глотку мужика все сразу стало ясно. "Пиво не желаете?" — как-то по инерции спросил я. Он буквально вскочил и через секунду был рядом. Я ему показал на кружку, на рыбу, он с жадностью выпил целый бокал залпом. Принес еще два бокала, завязалась непринужденная беседа. Я сказал, что ищу работу, приехал из Бурятии. Просидели мы с ним часа два, оказалось, что мне повезло попасть на источник, пусть не совсем чистый, но с большим дебетом изливания. Оказалось, что он лет десять работал стрелочником на отделении лесокомбината при станции. Там у них свои пути, свои ramпы, весы, тепловозы и соответствующие структуры. Вытягивая из него по ниточке разрозненную информацию, я наматывал ее себе на клубок, играя на том, что он был явно на кого-то в обиде. Так оно и оказалось-его недавно без всяких объяснений выгнали с работы именно за лишние разговоры. Хотели вообще прибить, но дочка его работала там же дежурным весовщиком, была замужем за каким-то авторитетом, поэтому его даже не били, а просто выгнали.

Узнал-то я многое, но слова к делу не пришьешь. Подальше от греха я отделался от нового знакомого, пошел в город на почту, позвонил начальнику в область, съездил к лесным ramпам, там девятое чудо света — многометровые штабеля леса на огромной территории, на вид отдельные из них, видимо долго лежащие, уже гниют или вообще сгнили. Человеку впечатлительному — это как фильм ужасов, по крайней мере, декорации к нему.

К обеду я пришел на вокзал и снова зашел в кафе. Шел обед, народу было много, шум, гам. Мне это даже было к лучшему, не выделяешься в общей массе. Взял обед, начинаю кушать. Смотрю, идет знакомый тот мужик, подошел — сел. Спрашивает, был ли на комбинате по поводу работы, и кто я вообще по специальности. Я сказал, что закончил лесной техникум, немного лесником работал, но на комбинат пока не взяли, своих, мол, лесников девать некуда. Чтобы повысить интерес у мужика, заказал ему пару пива, рыбки. Тот сказал,

что хорошо, что меня не взяли, они, мол, чужих боятся, а сами творят с лесом что хотят. Целая лесная мафия, и никто им ничего, мол, не сделает. У них денег больше, чем на складах леса. Мне, говорит, по хорошему надо срываться отсюда, да куда. Жены нет, дочка одна, я ее вырастил, теперь она меня кормит, живу один, так, не живу, а отживаю. Начальникам своим горло бы перегрыз, да у них зубы покрепче, но все равно когда-то отомщу. Возьму и запалю лесохранилище, хотя бы чем-нибудь их достану. «Брось,- говорю ему,- дурака валять, для них это еще лучше будет, если все сгорит, а леса опять навезут леспромхозы». Мужик он был, в принципе, не глупый, на фронте танком командовал, потом машинистом паровоза работал. За долгим обедом я дал ему понять, что было бы неплохо какой-то компромат собрать на своих недругов, да отправить куда-нибудь. «Да какой там у меня компромат,- сказал мужик, - у меня ничего нет, да никто и не даст мне никакой бумаги». Когда он закончил третий бокал пива, вдруг вспомнил — когда его выгнали со стрелок, он пару месяцев до весны подрабатывал кочегаром в котельной. Туда после нового года привезли из бухгалтерии комбината целую грузовую машину каких-то прошлогодних бумаг и приказали сжечь в печках котлов. «Мы их тут же и сожгли.-сказал он.- А я хорошую стопку подшитых папок в углу припрятал, дровами забросал, пусть, думаю, на растопку пригодится. Может там что-то поискать можно». Он предложил мне пойти с ним поискать, а вдруг что-то попадется интересного. Я сказал, зачем мне это дело вообще, никуда идти с ним не буду, а если вдруг он что-то стоящее найдет, то я ужинать буду снова в кафе.

По правде сказать, я не знал, как поступить. Много по жизни людей прошло передо мной. Всякие попадались на пути, и никогда я еще не ошибался в людях с самого первого общения, а тут такой случай. Какая-то подстава, вряд ли. Первым нашел его я, а не он меня. Никто не знает меня и никто не знает, что я здесь и зачем. Здесь главное не переиграть. Посмотрим, что будет дальше. Но оставаться мне теперь здесь дальше нельзя, хоть найдет тот мужик что-то или не найдет, а я его просто не знаю, а вдруг на него кого-то ловят?

Я пошел к кассе ж/д и взял билет на московский поезд до Новосибирска, купейный вагон, верхнее место. Раз верхнее, значит снизу уже кто-то едет и не из Тайшета. Билет в кармане, еще раз отправился на лесную рампу, посмотрел на эти монстры-штабеля, пона-

блюдал, как; кранами грузят лес. Мужик тот рассказывал, что даже в отгрузке леса есть свои нюансы — своим грузят свежепоступивший лес, а по госфондам — гонят весь лежалый. Он тоже неплохой, но уже местами подпорченный.

К шести часам подошел к кафе. Осмотрелся — все вроде нормально. Кафе снова было заполнено, и мой мужик уже сидел в углу за двухместным столиком. Его, видимо, в кафе знали, знали его нынешние возможности, но не прогоняли, знали, что зять у него в авторитете. Я подошел к барной стойке, взял пару кружек пива и традиционную рыбу-омуль, подсел к нему. «Вот здесь,- мужик показал на дерматиновую черную сумку с молнией, стоявшую у ножки стола,- я насобирав штук шесть папок, в них прошлогодние документы, все они связаны с лесом, я так думаю. Не очень в этом понимаю, но, думаю, тот, кто заинтересован, сможет в них что-то найти. Ты, я вижу, неплохой парень, может, найдешь кому передать все это, только не в наших местах. Может, хоть как-то это мафию остановит, здесь же жить уже от них невозможно. Они же не только лесом, они же всеми людьми здесь манипулируют».

В начале восьмого я взял еще два пива, сунул в руку опешившего мужика полсотни рублей в порядке гуманитарной помощи, сказал, что мне надо на автобус, и вышел из кафе. Обогнул вокзал, оглянулся — вроде бы нормально все, вошел в вокзал со стороны перрона и сел за угловой столик уже вокзального ресторана. До поезда оставалось минут сорок. Для порядка перекусив в ресторане, вышел прямо к прибывшему московскому поезду. В вагон садился один. Неплохо. Еще перед рестораном я зашел в туалет, переложил принесенные мужиком шесть подшитых папок к себе в чемоданчик, с трудом его закрыл, а сумку бросил в коридоре. Зашел в купе, там ехала семья, муж, жена и дочка лет десяти, едут до Москвы, ну и, слава Богу, а то прямо детектив какой-то.

Я зря так весело тогда думал обо всем этом. Только позже я узнал, что уже человек десять из разных мест, выезжавших на сверку по лесу, не вернулись домой из командировки в тайгу. Конечно, я горел желанием посмотреть, что же мне принес тот стрелочник, может, это обычная макулатура, но все-таки сдержался и папки из чемодана не вынимал.

В Новосибирске пересел на одесский поезд и там в купе ехало нас всего двое. Пока напарник спал, я все-таки достал папки, сперва

одну, потом по очереди все остальные. Если бы я нашел какой-то самородок в тайге, золото или какие-либо камни, может быть, меньше обрадовался, чем заполучив эти папки. Здесь не было водяных знаков и каких-то тайных шифров, денежных переводов и перечислений. В трех папках из шести были оригиналы полных договорных комплектов, справок о выработке трудонорм, расчет по лесу и номера грузовых квитанций на отправленный лес, куда, кому и за что. Денег там не было, был только лес, только потом переводимый в деньги.

Это была победа. Я бы никогда ничего подобного не получил, практически даром, а если бы и получил, то домой уже мог не вернуться.

Приехав домой, я соединил вместе информацию от случайного знакомого с документами, полученными с его же помощью. Вырисовывалась определенная схема по данному комбинату, скорее всего, судя по тому, что этим направлением заинтересовалась прокуратура, такая схема действовала во всей лесной отрасли. Как все простое схема была гениальной, действительно, ловкость рук и слов и никакого мошенничества. Образовывались специальные группы, небольшие по численности, в их числе обязательно кто-то из отдела реализации, весовщик, диспетчер, желательно бухгалтер и один-два, как говорят сегодня — дилера-договорщика. Договорщик — практически главная движущая сила. Он может работать на комбинате или в его системе кем угодно, электриком, мотористом, дежурным, не важно. В период своего отпуска, а это два месяца по сибирским условиям, он определяет зону своего действия, посильную, т.е. выполнимую по охвату с учетом располагаемого времени. Определив зону, договорщик выезжает на место, его основная функция — вначале заключить договор.

Что он делает? Он предлагает остро нуждающимся в лесе степным хозяйствам следующий способ гарантированного получения хорошего леса: нанимает на месте, там, в лесу, бригаду, от имени колхоза заключает с ней трудовой договор на заготовку леса. Заказчик никаких затрат не несет, просто его как бы бригада работает в конкретном леспромхозе, за каждые 15 трудонорм бригаде (читай, заказчику-колхозу) выделяется 1 кубометр леса, бесплатно. По мере накопления трудонорм, например, набралось их на 90 м³, леспромхоз отгружает колхозу-заказчику вагон леса. Естественно, провоз за счет заказчика. И только получив лес по накладным и в натуре, заказчик оплачивает бригаде, вроде как им нанятой, деньги за каждый полученный кубометр. Деньги небольшие и колхозу это было выгодно. Собственно,

работали одни бумаги, никого посылать в лес не надо, только заключи договор, получи лес и заплати как бы зарплату рабочим через лес.

Все прекрасно, колхоз ничего не знает, что там в тайге делается закулисно. А там тоже все просто. Реальные люди могут проходить по многим договорам, на бумаге лес вроде бы заготавливается, потом перевозится на склад при станции и по справкам о трудонормах, по тайному графику отправляется заказчикам.

Внешне все правильно. На самом деле этот лес, именно этот, договорной, ведь есть же и реально заготавливаемый, берется из остатков на складах. Кто их там пересчитывает при таком обороте? Конечно, все кому надо, об этом знали, снизу доверху. Система работала во всю вертикаль и горизонталь отрасли. Если, к примеру, на овоще-фруктовых рынках Союза от Бреста до Волги доминировали представители Кавказа, от Волги до Енисея — узбеки, а от Байкала до океана этнические китайцы, то в лесном внутреннем "бизнесе" европейскую безлесную территорию обеспечивали леспромхозы северной европейской территории Союза, а всю степную зону Поволжья, Казахстана, Средней Азии — леспромхозы Сибири.

Можно только представить масштаб всесоюзного грабежа лесного хозяйства. Деньги делались просто на государстве, на его слабости в данном направлении. Все это можно было ликвидировать очень быстро. Но кому это было надо? Так позже поступили и с другими видами ресурсов. Что интересно, среди комплектов "законченного" цикла в полученных мною папках оказалось несколько крупных заказчиков из дальних совхозов нашей области, где не очень порядочными были «прикормленные» представители леспромхозов, которые заключали договоры, а потом сами же по доверенностям получали деньги.

Реально существующие лесорубы могли и не знать, что их используют во многих договорах. Не знаю, да и не в этом суть. Суть была во всеобщей системе грабежа государства в этом направлении. Справку по командировке я подготовил солидную, но просил больше меня в эту процедуру не включать. Не знаю, какие там были последствия наверху, но думаю, что и сегодня, через сорок почти лет ситуация сильно не изменилась. Скорее всего, просто все эти процессы легализовались и по-прежнему вокруг леса много кого и чего крутится. Не могу и не хочу знать об этом. Но тема не закрыта. Дело в том, что лет пятнадцать до моей командировки в Тайшет мне банально пришлось самому участвовать в заготовке леса в составе бригады из 10

человек, сформированной из комбайнеров нашей МТС и отправленной не по липовому, а по настоящему договору с похожими условиями в один из леспромхозов на север Свердловской области.

Это была зима с 1955 на 1956 год, декабрь-январь месяц, самое "веселое" время в приполярной тайге. Группа из 10 человек вся по составу была "целинная", т.е. из приезжих. Кто откуда, от Молдавии до Алма-Аты, состав разношерстный как по возрасту, так и по жизни. Четверо из нас прибыли в МТС как условно-досрочно освобожденные, двое просто отсидели по одному-два срока, четверо, в т.ч. автор, были просто молодыми механизаторами. Когда нас собрали перед выездом, директор подчеркнул важность заготовки леса для МТС, так как предстоят большие стройки, а по фондам идет мизер. Он также пообещал, что если мы заработаем хотя бы вагон леса, то честь нам будет и хвала, а также мы гарантировано получим по приезду новую технику, тракторы, комбайны и т.п. У меня и так был новый комбайн, только первый сезон откатался, но я не отказался ехать по той причине, что можно что-то увидеть. А то все лето в степи, а зимой ремонт, одна дорога — общежитие — мастерская через дорогу и опять общежитие. А жить в ту пору в общежитии было слишком даже "весело".

Наобещав нам массу хорошего по приезду, директор умолчал, что пару месяцев назад туда же была отправлена группа "лесорубов", но с тех пор от нее никаких известий не поступало, на телеграмму МТС дирекция леспромхоза ответила, что группа появилась, с неделю была и потом исчезла. Куда, что, никто не знает. Ну, мы это тоже только на месте узнали, а пока получили по 500 рублей, командировочные удостоверения, назначили нам старшего в виде бригадира Виктора Фадеева, ему было уже лет под тридцать, и вывезли нас на станцию Орск. Оттуда поездом мы отправились в Свердловск (ныне и ранее Екатеринбург).

В поезде нас ждала первая крупная неприятность. Бригадир наш, Фадеев, отсидевший пятнадцать лет из своих тридцати по разным лагерям и колониям, первое с нами организационное действие начал с того, что он хорошо умел делать — собрал нас всех играть в карты. Вагон был общий, поезд шел из Оренбурга на Свердловск и пока доехал к Орску, все полки, и нижние, и вторые, были заняты. Досталась нам половина отсека возле купе проводника, там разместились четверо, а остальные рассыпались по третьим, багажным полкам. Фа-

деев обошел всех и собрал вместе в своем первом отсеке или купе, если хотите. Он сказал, что от нечего делать хочет проверить, не научился ли играть в карты. Сперва играли в "дурака", три на три с вылетом, потом он предложил поиграть на деньги в простое "очко". По инерции все согласились. В течение двух или трех часов Фадеев выиграл все деньги, находившиеся в наших карманах, попутно успокоил игроков, что это так, просто игра, и он вернет сейчас все деньги, так как все проигрыши были записаны пофамильно. Мы успокоились. Фадеев пошел в туалет помыть руки после денег и пропал.

Никаких тревог по этому поводу никто не испытывал, но где-то к обеду к нам подошел проводник и сказал, что видел, вроде, как наш парень лежит в тамбуре вагона-ресторана с противоположной от нас стороны. Действительно, в углу тамбура, ногами к печке лежал Фадеев, пьяный и весь побитый. Подняли его, идти нам надо через ресторан, начали выяснять у официанта что и как. Он ничего не видел особенного, сказал, что этот парень пришел один, сразу взял двести граммов водки, потом пришли еще двое, подсели к нему, потом он заказал три по сто пятьдесят, потом что-то еще. Начался у них какой-то спор, рассчитались и втроем вышли вон в ту сторону, откуда его привели сейчас. И все.

Мы привели Фадеева в свой вагон. проверили карманы — пусто. Все наши денежки исчезли. Возмущенные члены бригады, а там было еще пятеро бывших "зеков", хотели сразу сбросить Фадеева с поезда, но потом все успокоились и уложились спать на своих верхних полках.

Приехали в Свердловск, а нам еще ехать на север в сторону Ивделя, на станции сказали, что ехать часов двенадцать еще. Билеты у нас были, слава Богу, до конечной станции, поэтому пересели на какой-то местный поезд, еще дореволюционной постройки вагоны и с керосиновыми лампами. Голые доски и жуткий холод. Доехали к нашей станции, там уже ждал трактор из леспромхоза, мы такой еще и не видели. Работает на древесных чурках, газогенераторный двигатель, большая кабина, вся бригада вошла. Трактор, как выяснилось позже, раз в неделю ездит на станцию, почту забирает, продукты привозит, да и таких как мы подбирает. Путь неблизкий, около ста километров до леспромхоза. Как сказал по дороге один из наших бывших "зеков": "Отсюда возврата уже нету". Да, просто так отсюда не уйдешь, да и не уедешь. Кругом тайга, мороз до 50-ти, снег по пояс, да звери всякие, особенно опасны рыси. Это мы тоже по дороге узнали. Узнали

также, что рядом никаких населенных пунктов нет. Есть одно село километров в двадцати пяти от леспромхоза, так там живут старове-ры, стакан воды не вынесут, а будешь возникать — тут же и прикон-чат. Такие новости мы получили от тракториста, пока ехали.

Леспромхоз, вернее, его центральная усадьба была расположена на большой вырубленной поляне. Два длинных деревянных рубленных барака и солидный такой дом отдельно. С одного входа в нем разме-щалась контора ЛПХ, с другого входа, с обратной стороны — столо-вая с магазином. Нас поселили в бараке ближе к конторе. Большая комната, девять коек. Так как нас было десять, втиснули еще одну койку. Матрацы ватные, подушки тоже и по два обычных тонких одеяла. Никаких простыней-наволочек, это, оказывается, надо было привозить с собой.

Обустроились. Забыл сказать, что перед самым отъездом из МТС я из полученных на дорогу денег купил рабочий комплект со склада МТС- телогрейка, брюки ватные, валенки черные и меховые од-нопалые рукавицы. Шапки на меня не нашлось, а вышеперечисленное очень пригodiлось, и я не раз вспоминал добрым словом нашего заведующего мастерской Гришко Д.С., это он меня чуть ли не заста-вил: "Иди, - говорит, - Василь, на склад, там робочу робу привызлы, пидбэрэш, я тоби выпышу, в каси запла тыш и добрэ будэ!" Я так и сделал, да еще в общежитии старое одеяло выпросил у коменданта на портянки, так что был полностью вооружен для лесоповала. Надо сказать, что многие ребята из бригады были куда слабее одеты, в са-погах, а один блатной, даже в кепке.

С тех же командировочных денег я купил пятьдесят пачек сигарет "Южные", половинки такие, коробку большую спичек, три кило-грамма соленого сала и несколько консервов, мыло, зубной порошок и полотенце. Тогда я еще не брился, не было еще чего брить в пят-надцать с половиной лет, так что никаких приборов тоже не было. Почему я так расписываю свои приобретения? Дело в том, что из полученных в кассе пятисот рублей почти триста пятьдесят ушло на покупки, полсотни я "зажилил" при игре в карты и спрятал подальше и только сто рублей проиграл. Я не игрок и никогда в жизни не привыкал к азартным играм, но тогда в поезде, среди новых людей, отказываться было нельзя, вот и проиграл сотню, а больше денег у меня с собой не было. Другие ребята проиграли и то, что получили, вернее то, что осталось к поезду, и все, что у них было из старых за-

пасов. Фадеев своей выходкой в ресторане поставил всех, как после оказалось в очень тяжелое положение.

Новый наш бригадир сразу пошел к директору леспромхоза и попросил аванс, на что тот ответил, что вы у нас работаете за лес, мы за выработанные вами трудонормы платим вашей МТС лесом, а уже они вам начисляют зарплату. Эта новость нас не очень обрадовала, мы попросили дать телеграмму, что мы доехали и просим прислать денег. На этом наши экономические связи с руководством ЛПХ закончились. Вечером, собравшись за длинным столом с приделанными с обеих сторон скамейками, мы устроили "военный совет", где основным вопросом было — что делать? Бежать — исключено, не с чем да и просто невозможно. Остается работать и ждать вестей из МТС. Тут же на стол все выложили, что у кого было — вытряхнули буквально все. Мне пришлось расстаться и с салом, и с сигаретами, консервами и пятьюдесятью рублями. Что делать — общак есть общак. По мелочи насобиралось около двухсот рублей. Еда была еще и у моего товарища, Виктора Морозова. Отличный был пацан из Владимирской области, мы потом с ним в одной бригаде на тракторе работали в колхозе "Красное поле", а осенью он уехал на родину и пошел в армию. Я был, естественно, самый младший по возрасту, Виктор был старше на два года, остальные члены бригады шли по возрастающей, от 20-ти до 30-ти лет, тому же Фадееву.

Когда подвели итоги инвентаризации, у некоторых заблестели глаза при виде горки мятых рублей и мелочи. Были даже предложения взять бутылку спирта в магазине и обмыть наш приезд. С этой инициативой выступили шестеро бывших зеков среди нас-они привыкли жить сегодня, кто знает, мол, что будет завтра. Здесь начала вырисовываться внутрибригадная коалиция, как сегодня говорят. Из шестерых наших бывших зеков один сидел за убийство, вроде, как по неосторожности, пятеро были обычные мелкие воры. Я бы не сказал, что они были какие-то ужасные и коварные. Внешне нормальные ребята, безотцовщина послевоенная, вот и стали ворами, прошлись по колониям. Принцип у них один — каждый за себя, поэтому наша связка с Морозовым сыграла свою роль, мы стояли друг за друга, может быть, и самые молодые и слабые, но двое- это уже больше, чем один, "даже очень важный". Имея определенный опыт общежитийской жизни, я предложил на эти деньги купить упаковку брикетов горохового супа, сухого картофеля и макарон. Сало у нас

пока есть — протянем. Все вместе пошли в столовую, взяли коробку из ста брикетов супа по 1р. 20 коп, мешок сухого картофеля и макарон. На остатки денег взяли чая черного, а хлеб лежал на столах. Я, как самый молодой, подошел к кухне, познакомился с поварами, рассказал, сгущая краски, нашу историю, что нашего бригадира в поезде ограбили и унесли все наши деньги и т.д. Вид у меня, наверное, был соответствующий моменту. Женщины выложили нам остатки пищи, все что было в котлах и кастрюлях, все равно никто уже не придет, поздно, темно. Не так уж и много у них осталось, но вполне хватило для того, чтобы поднять настроение нашему коллективу. Поблагодарили женщин, пошли в общежитие.

Раздобревшие после ужина, опять собрались на совет. Утвержденным атрибутом власти совета стал огромный охотничий самодельный нож, принадлежавший новому бригадиру. Он перед началом каждого совета вгонял нож в столешницу, и так он стоял, как камертон заседания, вроде как для солидности и обязательности для всех принятых решений. На совете распределили обязанности, кто что будет делать на лесосеке и утвердили график дежурных.

Лесосека была расположена от общежития километрах в двадцати. Выезжали по темноте в начале девятого, как раз к рассвету прибывали и начинали работать. Выдали нам инструмент, самый примитивный — четыре поперечных пилы, сучкорез и одну бензопилу, а также топоры. В рабочий процесс входило — свал, это тоже надо уметь, но у нас уже были ребята с таким опытом, обрезка сучьев, крыжовка (распил по размерам), штабелевка и сжигание веток. Молодняк мы не трогали, да и выделенная нам большая делянка была из ровных, стройных деревьев. Снега слоем полметра, но рыхлый, сыпучий, морозы - до сорока, но без ветра терпимо. Мы с Виктором занимались крыжовкой, пилили стволы по 9,6 и 4,5 метра. Тонкомером занимались двое ребят, они же обрубывали сучья. В три часа темнело, и мы тем же трелевочным трактором, который весь день тоже с нами работал, ехали в общежитие. В связи с таким циклом работ и отсутствием денег пришлось дежурного оставлять дома и за него "упряжку" отрабатывать. Дежурному тоже хватало работы, он варил еду, грел воду, перед этим растапливал снег, топил сутки печь, воровал у столовой дрова, убирал в комнате, мыл посуду и, в общем, сутки был прислугой за все.

Неделю мы прожили более менее. Но припасы закончились. Я, конечно, нахальничал, иногда ходил в столовую, собирал остатки хлеба, горчицы, носил дрова на кухню, иногда снег, или выносил что-нибудь, помои и т.п.

На второй выходной мы с Виктором вырубili весь забитый снегом и еще кое-чем лесспромхозовский туалет, за что завхоз нам выписал по 15 рублей, и мы купили хлеба и суповые брикеты. Публика у нас была культурная, покушать всегда готова, а найти что-то сделать — никого не поднимешь. К концу второй недели пришли к краху — нет ничего.

Как раз в субботу мне выпало дежурить, а Виктор поранил сучкорезом руку и тоже остался дома. Наши уехали, попив сладкой водички, я сахара немного вечером насобирали в столовой, а мы сидим и не знаем, что делать. Надо варить, а нет вообще ничего. С нами через стену жил лесничий, сын у него был лет восемнадцати. Они часто вместе ходили на лыжах в обход, брали свои боевые карабины, собаку-лайку и уходили на неделю или больше по заимкам. В тот раз собака осталась возле столовой, там ее кормили, пока хозяев не было. Мы с Виктором перетряхнули все свои вещи и насобирали целый рубль и сорок копеек! Вот удача! Пошли в столовую, взяли пачку горохового супа, хлеба насобирали, соли, перца, на сдачу взяли по стакану чая. Сердобольные поварихи положили нам пюре из сухого картофеля с подливой, ну, прямо, курорт. Те поварихи, пожилые нерусские женщины, коми и ханты, точно не знаю, но они не думали, кто мы, какой национальности или веры. Мы были их дети и все, и они что могли, то для нас делали. Просто так, как бы это высокопарно ни звучало, как советские простые люди. Такое отношение ни за какие миллиарды не купишь, плохо, что этого никогда не поймут «бедные» наши миллиардеры.

Выходим из столовой с нашими "богатствами", собака соседская бегают, ластится. Виктор говорит: "Вась, ты слышал, говорят, что собак тоже едят. Давай поймаем эту лайку, замаринуем, эх, ребята обрадуются с голодухи!" Я начал его отговаривать, во-первых, собака, а во-вторых лесники с их карабинами вернутся, всех нас на лесосеке положат. Виктор попробовал гоняться за лайкой, она играет, но в руки не дается. Подходим к общежитию, там на месте слива отходов две сороки прыгают. Я спрашиваю у Виктора: "А сорок едят?" "Да ты что, - отвечает тот, - они же вонючие, а хотя..." Мы сняли на улице

длинную бельевую веревку, поставили на маленькую палку большую алюминиевую миску так, что если палку убрать, миска кого-нибудь накроет, насыпали под миску драгоценного горохового супа, протянули веревку в коридор и стали ждать, когда сороки под миску зайдут, а мы их накроем. Сидим, ждем, холодно в коридоре, а одна сороку зашла под миску и клюет горох, а вторую не пускает, видно, никогда горох не ела. А мы нервничаем. В конце концов накрыли мы тех сорок, ошпарили их кипятком, общипали, маленькие такие, смотреть не на что. Положили их, несчастных, с краю стола на бумажке, мало ли что, может никто в рот не возьмет, сороки все же. Сварили мы, как всегда, кастрюлю ведровую воды, в ней пачка супа в одну порцию, и несколько пятен слабожирных плавают по воде, видно, от тех сорок. Миска большая на столе, мы в нее из кастрюли наливаем, а потом с большими деревянными ложками, у которых захват как у комбайна, становились вокруг и ели.

Увидев в окно приближающийся трактор, мы вывалили "суп" в миску, разложили ложки, куски хлеба, перец, соль, горчицу, ну, прям, ресторан! Фадеев вошел первым, увидел сорочьи тушки, сразу схватил одну и бросил в рот. Вошедшие за ним буквально вырвали из него, что было возможно, и через пару секунд от сорок вообще ничего не осталось, даже костей. Потом все с умилением ели мой суп. Покончив с ужином, Фадеев заявил мне во всеуслышание: "Ты хорошо варишь, будешь постоянным дежурным!" Я ответил, что больше вообще ничего нет съестного и ни копейки денег.

Вечером собрали чрезвычайный «военный» совет. Зеки предлагали взять штурмом дирекцию и вытребовать деньги, в общем, было много предложений и, наконец, слово взял тот, кто сидел за нечаянное убийство: "Ша, - сказал он, поднимаясь, - у меня есть идея". И он рассказал, что в прошлый выходной залезал к нам в подпол. Барак был из бревен, но под ним шел один общий подвал. Под каждой стеной, разделяющей квартиры или комнаты, стояли опорно-разделительные кирпичные стенки. В каждой комнате, в том числе и нашей, был "подпол" с деревянной крышкой. У нас, естественно, было там пусто, а рядом, за стеной, жили лесник с сыном А вдруг у них что-то в подполе имеется, тем более их сейчас нету и когда будут неизвестно? Может, попробовать посмотреть, что там может быть, предложил тот бывший зек и посмотрел на нас всех. Идея сразу всем понравилась. Это, если как находящиеся на необитаемом острове люди, потерявшие

кораблекрушение, вдруг увидели приближение корабля. Флага еще не видно, а вдруг это разбойники-пираты. А черт с ними - пусть будет что будет, лишь бы корабль к нам зашел, думают потерпевшие. Так было и у нас Инициатор взял топор, еще один парень - керосиновый фонарь, и они полезли в подпол. Кирпичи, оказалось, были положены на обычном глиняном растворе, то есть легко вынимались. Мы все стояли вокруг квадратного отверстия и с известным нетерпением ждали новостей, желательно хороших.

Где-то через минут сорок показался тот инициатор подкопа: «Я сейчас отдохну и полезу держать фонарь, а напарник залезет в дыру, разберется, что так и как». Еще минут через десять из подпола раздался ужасно-радостный крик: "Есть, есть". "Что там?" — кричит бригадир. "Да что душа пожелает", - отвечают зеки. Там оказались картофель, брюква, две кадушки грибов соленых, кадушка соленого лосяного мяса, какие-то лесные ягоды и еще, еще, еще. "Что брать?" — кричат из подпола. "Что быстрее, давай картошку. Василий, ты - дежурный, вари быстрее, - кричит бригадир, - прямо в мундирах!" В общем, достали ведро картошки, с полведра грибов, большой кусок мяса. Потом кирпичи поставили на место и устроили пир. Это может понять только тот, кто на голом гороховом супе пилил лес на сорокаградусном морозе. В общем, благодать, пообъедались, и черт с ним, с тем лесником и его карабином, сегодня хорошо и ладно.

Так; мы жили еще неделю. Назрела опасность быть разоблаченными и жестоко наказанными, но опять та счастливая судьба где-то рядом витала да к нам забрела, может, перепутала с кем, может, целенаправленно, но явилась в образе прораба из нашей МТС. Оказалось, что он приехал за лесом Мы за месяц наколотили для МТС уже вагон леса, и он приехал отобрать, что получше. Мы насели на него, привез деньги? Прораб сказал, что о деньгах никто, ничего не говорил, вас командировали на месяц, вот приедете, и с вами рассчитаются. А деньги на обратную дорогу вышлют на леспромхоз. Но есть просьба, чтобы вы еще один вагон леса заработали. Ребята хотели его уже удушить, но прораб был свой человек, тем более в тот день еще не опохмелялся, он достал все, что мог дать — тысячу двести рублей, пожелал нам удачи и уехал на станцию, предварительно переговорив с руководством леспромхоза.

Я вам скажу: тысяча двести рублей — это не моих рубль сорок. Опять у многих заблестели глаза, но что-то случилось с этими воль-

ными ребятами. Вроде все как было внешне, но уже они были не те, что выезжали по приказу из МТС. Поэтому наш бригадир, тоже тянувший "десятку" за что-то серьезное, подозвал меня к себе и при всех громко сказал: "Слышь, Васек, ты своим детским лицом не раз нас выручал здесь, будешь за завхоза, вот тебе подальше от греха все эти прорабские деньги, пойдите с Виктором, закупите все что надо из расчета на месяц, мало ли что и сколько нам придется быть. Только, прошу тебя, возьми махорки пачек 100 и пару бутылок спирта, чтобы душу успокоить". Так мы и сделали, закупили полуфабрикатов и еще кое-что и стали работать дальше. И тут к какой-то субботе появился лесник с сыном. Хотя мы уже к нему в подвал не лазили, но все равно грех-то на нас висел, и опять та судьба нам улыбнулась. Лесник сразу по приходу зашел к нам, ну можно представить себе, что мы от него ждали. Слава Богу, он был без карабина. Я и до сих пор не могу сказать, когда он обнаружил наше посещение его подвала, может, сразу, может, потом, но это уже теперь не важно. Лесник, обращаясь ко всем сразу и к бригадире, в частности, попросил помочь заготовить лес для постройки дома его сыну. Они, мол, отобрали место, лес выписан, надо только его свалить, очистить и даже не крыжовать, а только погрузить на трактор и несколько рейсов отправить.

Вот что-то в жизни есть, чего мы не знаем, ведь вот приключилось именно у нас с ним, с ним, благодаря которому мы две недели смогли прожить в этих вообще нечеловеческих условиях и делать еще по две, а то еще и две с половиной нормы! И он этого не знал и не желал, а мы это знали, но не желали, выхода другого не оставалось. И мы два выходных дня все десять человек работали для того лесника или для его сына. Люди, которые всегда легко брали чужое, даже отнимали последний кусок у других, эти люди с какой-то радостью что ли, может, из-за того, что чувствовали какую-то вину, неважно, работали в полную силу и не взяли за это ни копейки! Правда, были спирт и мясо и разносолы в конце, но два дня отработали вместо отдыха.

В последние две недели нашего пребывания лесник чуть ли не ежедневно приносил нам свежатину, в основном лосятину, а один раз даже мясо медведя. Он тоже был из староверов, но нормальный советский русский мужик. В общем, вместо одного месяца мы пробыли больше двух, уже дни стали гораздо длиннее, и вообще все было прекрасно. Никаких инцидентов, споров, разборок у нас никогда не было, мы там были не одни, бригад были десятки и насмотрелись мы

всякого. Мы тоже могли бы что-то особое выдать, было кому, с кем и где, но не было. Можно сколь угодно рассуждать как да что, а мы вернулись домой целыми и невредимыми, да еще и с мясом

Наконец-то пришли деньги на обратную дорогу. Ну какие могут быть по жизни идиоты?! Прислали деньги рубль в рубль на общий вагон. А то, что мы люди, что нам надо кушать и пить, никому не нужно. Поэтому вынуждены были взять до Свердловска восемь билетов на десятерых, двое человек по очереди ехали в ящиках под нижними полками целых восемь часов. Сэкономленные деньги пустили на питание до самого Орска. Наше "чередование" под лавку серьезно озадачило проводника вагона: как идет, посмотрит — люди новые сидят, через время опять - другие. По количеству вроде все нормально, восемь билетов у бригады, а лица непонятно меняются.

Ехали мы домой в приподнятом настроении, там же будет куча денег, зарплата, командировочные и все обещанные блага. Но в Орске нас никто не встретил, только сильнейший буран, ночью поезд шел как раз на Кандагач, он ходил через нашу станцию Ащелисайская. Добрались уже без билетов до станции, поздняя ночь, степь, никаких ревизоров. Со станции семь километров пешком, поземка сильнейшая, холод. К утру были дома, хотели разойтись, а потом решили, пока все вместе и до утра мало осталось, пойдем в контору, позолотим ручку, потом обмоем весь этот кошмар.

Пришли в контору, директора нет, зашли в бухгалтерию. Куда там леснику с карабином до нашей бухгалтерии?! Они нас сразу наповал убили! Подняли документы и оказалось, что все мы должны огромные суммы, якобы, взятые под отчет и в счет зарплаты. У меня лично стояло 2700 рублей аванса, у других еще больше. Эти цифры повергли нас в шок. Бухгалтерия и кассир клялись, что мы получили деньги и клялись нам в лицо! Пришлось ждать главбуха, он тоже ничего не знает, я, мол, в лицо всех не помню, а паспортов тогда у нас не было, в общем, "озолотились" мы по полной программе. Пришлось ехать в район к прокурору. Даже по датам расходных ордеров было видно, что мы не могли получать авансы, так как находились за тысячу километров от дома. Но началась такая волокита! Просто в бухгалтерии МТС уже имели опыт с предыдущей партией "лесорубов", отправленных раньше нас и пропавших бесследно. Они подумали, что и мы пойдем тем же путем, не выдержим и разбежимся кто куда. Проставили нам огромные авансы, сами порасписывались и деньги забрали.

Чтобы утихомирить ребят, директор распорядился выдать всем по пятьсот рублей аванса, пока прокуратура будет разбираться. Кассира срочно уволили, и она уехала, главбух вообще ушел на тот свет, как специально, и все так и зависло. Так как мы с Виктором жили и работали на центральной усадьбе МТС, то нам постепенно вернули деньги разными способами. А ребята из колхозных бригад просто разъехались с обидой по месту своего прежнего проживания, а двое, в т.ч. Фадеев, снова загремели в тюрьму. Вот добро превращается в зло, как гадкие люди плюют на все, лишь бы сделать себе хорошо, хотя бы сегодня. Мне жаль тех ребят, жаль того невероятного трудного времени и жаль всего, что было нами достигнуто всего за два месяца. Мы при этом не пытались стремиться к чему-то возвышенному, кого-то или что-то исправить, мы просто хотели нормально жить. И это у нас, простых сельских ребят, получалось, и нам хватало свобод и вольностей. Когда ты при деле, настоящем, полезном людям и тебе, для тебя есть одна свобода — делать жизнь лучше, а не ждать, пока это сделают для тебя другие, те кто-то, глупые и неразумные, которых ты под ногами не видишь, но на них и благодаря ним стоишь, да и живешь. Любая мразь может одним мазком, одним росчерком пера или словом все уничтожить, как было в нашем случае.

Эти были из альбома 30 и 50 - летней давности. Я не знаю, что сейчас творится в лесном хозяйстве, но чувствую, что происходившее полвека назад было лишь цветочки, а сегодня «ягодки лесные» наверняка прибраны к рукам, но не Бабой-Ягой - с ней хотя б договориться можно.

ПРИЧАЩЕНИЕ

Возможно, я кого-то повторяю, но это абсолютно неважно. За прожитые годы, кроме всего прочего, сделал для себя вывод: соприкасаясь, пусть даже на небольшое время с чем-то (с кем-то) значительным, или значимым, тем более, великим или гениальным, человек всегда только находит и никогда не теряет. Пусть все в мире относительно, пусть идет постоянная переоценка ценностей, все равно великое остается великим. Философские размышления по этому поводу появились у меня еще в далекой уже молодости и подтвердились с годами.

В конце пятидесятых-начале шестидесятых годов прошлого века довелось мне служить в Москве, в одном специализированном военном учебном заведении. Был я командиром учебной смены, вел отдельные дисциплины военной подготовки и круглосуточно находился вместе с курсантами. Кто это прошел, знает, какой это хлеб, тем более в Москве, под боком у штаба округа и Министерства обороны Союза.

Согласно гарнизонному графику, вверенной мне тринадцатой курсантской смене два раза в месяц выпадало суточное обеспечение караульной службы на одном из военных объектов. Казалось бы, что здесь особенного? Обычный караул, каких ежедневно осуществляют многие тысячи? Но. Вопрос, где и как, при каких обстоятельствах это происходит?

Дело в том, что наше учебное заведение базировалось в Бирюлево, сегодня это район Москвы, кольцевая дорога проходит именно по окраине так называемого Бирюлево-пассажирского, а раньше, когда эта дорога была еще в проекте, а затем долго строилась, Бирюлево входило в Москву условно, было, скорее, областного подчинения.

И в этом тоже нет ничего необычного — большая Москва поглощала в те времена сотни пригородных сел и поселков, «очертив» свой новый ареал кольцевой дорогой. Необычным был маршрут, по которому каждые полмесяца ездили наши курсанты, в том числе и моей смены, на караульную службу.

Если представить себе Москву в виде такого огромного городского пятна на карте, как принято — с югом внизу и севером — вверху, то, чтобы добраться до места караула, нам каждый раз приходилось «рас-секать» огромный город посередине, примерно на две равные части.

И вот реалии: наша база в Бирюлево находится на самом юге Москвы у кольцевой дороги, а объект охраны — почти на севере города. Наш ежедневный маршрут был следующим (если брать только узловые места): Каширское шоссе, Варшавское шоссе, Большая Ордынка, Красная площадь, улица Горького, Ленинградский проспект и, наконец, улица Беговая. Там, в районе генерального штаба Минобороны, и находился наш объект. Молодые, конечно, не знают, что раньше по Красной площади ездил транспорт, в том числе и мы, в караул и обратно. Вроде бы тоже все обычно, если едем из дома, то по улице Большая Ордынка по Васильевскому спуску, мимо того места, где позже построят (а в настоящее время разрушат) гостиничный комплекс «Россия», мимо штаба Московского округа, храма Василия Блаженного, Лобного места, памятника Минину и Пожарскому, вдоль ГУМа, напротив Мавзолея (тогда Ленина-Сталина) и Кремлевской стены с упокоенными выдающимися людьми, мимо Исторического музея (сейчас там построена церковь и проезда нет), мимо элитной (ныне разрушенной под реконструкцию) гостиницы «Москва», музея В.И.Ленина, здания ЦК КПСС с Домом Советов, мимо Главпочтамта, Моссовета и т.д. — до Беговой.

Правда, впечатляющий маршрут к месту караула? И вот именно тогда, где-то уже на втором моем выезде в караул, я почувствовал какой-то внутренний дискомфорт, вроде как виноватым себя, что ли (такой у меня несносный в этом плане характер), перед всеми остальными сменами, группами, взводами на всей огромнейшей территории Советского Союза, которые тоже в это время, с учетом часовых поясов, двигались к местам своей караульной службы. Одни где-то в тайге или тундре, по бездорожью при сильнейшем морозе, другие в песках, при ужасной жаре, или в горах, болотах, и еще в тысячах мест, тысячах маршрутов, и все они отличались от моего.

Мой маршрут шел через сердце моей Родины. Какой-нибудь командир, находящийся сейчас, как и я, в кабине автомобиля, и многие тысячи из тех, других солдат, рассаженных, как и мои курсанты, на досках, в обтянутых брезентом кузовах, трясясь на ухабах или буксуя в песке, наверняка мечтали хотя бы раз в жизни побывать на

Красной площади Москвы. Наверняка. А я по ней ездил на службу, и в дождь, и в снег, и в пыльную жару. Я мог просто остановить машину на этой площади, выйти, спросить, как дела у курсантов, я мог любоваться всем этим великолепием или равнодушно смотреть на все это, а то и просто спать, так как за время работы с курсантами научился засыпать и просыпаться мгновенно, максимально используя свободные 10-15 минут, тем более — поездку в караул, на которую уходило более двух часов. Хотя и «пробок» тогда в Москве не было, но через весь город все-таки.

И вот тогда я заметил то, о чем, собственно, и суть рассказа. Это мое отношение к великому, значимому. Может, это было только со мной, я стеснялся спрашивать об этом у своих коллег, командиров учебных смен, которые тоже постоянно ходили с тяжелой головой, отдыхая по 4-5 часов в стуки, и тоже ездили по этому маршруту. Поэтому говорю только о своих ощущениях.

Как только выезжали в караул, я проверял машину, размещение курсантов, садился в кабину, командовал водителю «вперед» и... мгновенно засыпал. Проблем никаких: водитель опытный, скорости большой не разовьешь, лови момент, командир, в случае чего — разбудят. Ан нет. Как только выезжали на мост через Москву-реку (если в караул едем), что-то меня (всегда!) встряхивало: «Здесь спать нельзя. Здесь место такое».

Можно сегодня по этому поводу скептически или ехидно усмехаться, но, проезжая по Красной площади, я никогда не спал, и обыденность рабочей поездки сочеталась во мне с чем-то очень значительным, даже священным, что ли. Я физически чувствовал, по какой брусчатке еду. Каждый раз, как бы пересекая спрессованные века и события, происходившие на этой площади в далеком и не очень далеком прошлом, чувствовал причастность к этому величию, пусть даже духовную.

Я заряжался за эти полторы-две минуты на полмесяца, до следующей поездки. Для меня это стало потребностью. Когда бы ни бывал в Москве во все последующие годы, даже если времени было очень мало при проездах, я обязательно шел на Красную площадь, чтобы постоять, посмотреть вокруг и зарядить свой жизненный аккумулятор до следующей встречи.

По-моему, это правильно для российского гражданина, тем более русского человека. И я никогда не пойму и не приму тех «ура-

патриотов», правых и левых, верхних и нижних, центристов и глобалистов, для которых — что Красная площадь, что Елисейские поля в Париже или Капитолийский холм в Вашингтоне, — все одинаково, лишь бы им хорошо было.

Для меня Красная площадь Москвы всегда будет главным местом государства Российского. В таком лее направлении я воспитывал детей и внуков, ибо, как уже было сказано, при прикосновении к великому всегда только получаешь.

А вот пример отношений личностных, пример, как великая личность, пусть походя, пусть сама того не замечая, соприкасаясь с окружающими людьми, духовно обогащает и оставляет в их сознании, а больше в душе, след на всю жизнь.

... Наташа служила с отцом и матерью в летном гарнизоне, расположенном в селе Маркулешты, под молдавским городом Бельцы. Папа был летчиком-истребителем; бросали его, как и других истребителей, из части в часть, по всему великому Союзу, да по разным горячим точкам за рубежом, но в тот период им удалось целый год прослужить на одном месте и даже добиться отпуска для отца.

Есть в Одессе санаторий имени В.П.Чкалова. В этом санатории отдыхали раньше только представители ВВС. Он был союзного значения, и особой известностью пользовался в послевоенные годы. Там часто бывал сын генералиссимуса Сталина Василий, и уровень обслуживания в нем соответственно поддерживался.

Когда Наташин отец получил путевку, а дело было в 1968 году, то взял с собой жену и дочку. Сняли рядом с санаторием небольшой домик и отдыхали всей семьей. Днем отец был на процедурах, а на ночь приходил на съемную квартиру. Все шло нормально.

Но через несколько дней в соседний с ними домик вселился очередной квартирант, небольшого роста молодой мужчина с бородой. После этого тихая жизнь в обоих домах закончилась. Сосед весь день где-то пропадал, а к вечеру возвращался, и всегда не один, а с компанией молодых ребят.

В домике было душно и тесно, поэтому они располагались на примыкающем к зданию и тоже небольшом огороде. Было там что-то вроде старинной деревянной беседки — веселая компания ею и пользовалась. Они жгли костры, пекли картошку, иногда пили пиво с таранью, бычками и раками, которых тоже здесь же варили, и что-то обсуждали, шумели, читали, а больше всего пели.

Между огородами был старинный деревянный забор, а в нем — калитка. Веселая компания притягивала к себе и Наташу, которая считала себя почти взрослой, так как перешла уже во второй класс. Она начала вечерами потихоньку подвигаться в сторону огорода, где шумели соседи.

Все это было на глазах у родителей, поэтому особых проблем не возникало. Но постепенно Наташа стала неотъемлемой частью этих вечеров. Она сидела тихонько в стороне, на стареньком детском стульчике, или стояла, держась за дерево, и просто слушала. К ней компания привыкла.

Сосед, его звали Володя, познакомился с Наташиными родителями. Они не очень различались по возрасту, и он зачем-то иногда приходил. Наташе он не очень нравился — и красотой не вышел, и ростом. Он очень много пел под гитару — и для ребят, и для родителей Наташи. Пел таким надрывным хриплым голосом, что Наташе был жалко его слушать.

Однажды, зайдя к ним с гитарой, подошел к Наташе, погладил по голове и спросил: «Наташенька, ты такая приятная девочка, слушаешь внимательно, а ведь, я вижу, ты песни мои не любишь. Не нравятся они тебе?». И тогда девочка выдала следующее: «Дядя Володя, вам вообще нельзя петь, вам лечиться надо, горло лечить. А песни мне ваши очень нравятся!».

«Горло, говоришь? Возможно, и так», — грустно улыбнулся сосед и вышел. Был он внешне грубоват и в обращении иногда довольно резок, но какая-то невидимая внутренняя огромная человеческая сила и доброта излучались из всего него неисчерпаемо.

Он самозабвенно пел, сливаясь с гитарой, поражая тоже не вчера родившихся одесских бардов разнообразием и мощностью мыслей, положенных на музыку. Наташа поймет это позже, а тогда заморожено слушала дядю Володю, многого не понимая, проникаясь его страстным даром убеждения.

Дядя Володя, coming к ним иногда днем, когда у него было свободное время, приглашал в гости, в Москву. Он привязался к Наташе, наставлял адресов и телефонов, а потом неожиданно уехал. Закончилась, видимо, работа в Одессе.

А у маленькой Наташи осталось к нему что-то такое невыразимо благодарное. Но потом началась школа, нахлынули всякие детские и недетские проблемы, и образ дяди Володи размылся в ее памяти.

Прошло двенадцать лет. И вот уже взрослая девушка Наташа включает телевизор. На экране — тот самый «дядя Володя», но без бороды.

«Мама, мама! — кричит девушка, — иди сюда, нашего дядю Володю показывают!». А диктор скорбно говорит, что скоропостижно скончался артист театра на Таганке, сыгравший много ролей в кино и автор многих известных песен, Владимир Семенович Высоцкий.

«Мама, ты знала, что тот дядя Володя был Высоцкий? — спросила она, — А чего же вы с ним не общались? Он оставлял адреса, телефоны?».

«Знаешь, дочка, мы стеснялись лезть ему на глаза, у него и без нас, наверное, проблем хватало, не зря же он так безвременно ушел», — ответила мама.

Вот такая история. Гениальная личность чисто случайно пересеклась по жизни с судьбой обычной девочки, но оставила след на всю жизнь. С тех пор Наташа, теперь Наталья Николаевна Морозюк, с которой мы вместе преподаем на одной кафедре нашего университета, слушает в записи хриплый голос Высоцкого, но уже в сочетании с его замечательным человеческим образом.

Она, сама того не подозревая, получила от него, нашего простого русского гения, энергетический заряд порядочности и человечности на всю оставшуюся жизнь. При встрече с великим, повторяю еще раз, только находишь. Ну, а как ты этим распорядишься, — это уже другой разговор.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

В последние годы редкий месяц на Земле обходится без серьезных катастроф, аварий и природных катаклизмов. Особенно участились случаи авиакрушений. Сперва начали разбиваться самолеты авиакомпаний на постсоветском пространстве. Аналитики объясняли это раздроблением единого, мощнейшего когда-то объединения «Аэрофлот» — на многие сотни мелких компаний, отдельные из которых имели по одному-два устаревших самолета. При этом — без единой системы обновления парка, его ремонта и техобслуживания, подготовки кадров, инфраструктурного обеспечения и системы контроля.

Начали принимать меры правительства постсоветских государств в плане безопасности авиаперевозок. Народ несколько успокоили, но ситуация и не собиралась улучшаться. Стали поступать сообщения о авиакатастрофах и в других государствах мира, даже в тех, где все вроде было благополучно и с летным парком, и со всеми сопутствующими составляющими.

Беспокойство опять охватило общество. Начали искать причины аварий, пытались устранять их, насколько это возможно, так как человечество уже не сможет отказаться от авиауслуг, а рост катастроф практически не влияет на уровень пассажиропотоков. Расчленив причины аварий в воздухе и на земле, определились с тремя их составляющими — техника, природа и так называемый «человеческий» фактор.

Действительно, это те «три кита», на которых зиждется все, что связано с авиаперевозками. Именно на них, причем каждая из них не главная, но и не последняя. Можно иметь прекрасный летный парк, современнейшее аэродромное оборудование, лучших пилотов — и разбиться при каком-то вмешательстве природы, будь то смерч, землетрясение, пожар и т.п.

Можно иметь парк и хорошие погодные условия — и потерпеть аварию из-за ошибки пилотов или диспетчеров. То есть, все вышеуказанные составляющие причин авиакатастроф присутствуют всегда и, к сожалению, будут присутствовать тоже всегда, как бы не совер-

шенствовались техника, навигационное и другое диспетчерское оборудование. Даже при сплошной автоматизации всех процессов в воздушном флоте опасность возникновения этих причин и всего им сопутствующего сохраняется.

Сегодня стали модными разговоры о том, что, мол, раньше, при Советском Союзе, самолеты не падали так часто, как сегодня. Ну, что здесь можно сказать? В этом есть, скорее всего, только доля истины. Аварии самолетов случались, конечно, и раньше, в советские времена. О них просто не делали информационного шума, и мало кто об этом знал. Это раз.

Второе. Не так прогрессировали основные причины катастроф. Более-менее в порядке содержался летный парк. Положено, к примеру, двигателю самолета отработать 2000 часов, прошло такое время — и его снимают, используют в других целях. И так — с каждой отдельной деталью или узлом

Это сегодня одна компания что-то отработавшее срок снимает и по поддельным документам перепродает другой компании, а та потом и дальше, до бесконечности, пока кто-то не разобьется, и вину свалят на технику, хотя и здесь присутствует тот самый человеческий фактор.

Раньше такого и быть не могло, по сути. Ну а природные и человеческие факторы были и, как я сказал, будут всегда. Вопрос только в том, как постараться свести их к минимуму.

Расскажу один, хорошо известный мне случай из серии былей нашей жизни. Знаю таких случаев немало, но приведу один, на мой взгляд, классический. Приведу еще и потому, что такое может случиться всегда — и сегодня, и в любом обозримом будущем, до тех пор, пока будет жить на Земле человек и будет чем-то управлять; когда все вроде бы отлично — техника, погода, пилоты и т.д., а люди гибнут вследствие опять того самого, пресловутого «человеческого» фактора. Ведь, в большинстве случаев, он и играет основную роковую роль, как бы мы ни пытались иногда прикрыть его какими-либо другими влияниями.

Это произошло 19 июня 1987 года. Пусть это будет совпадением, но очень многие серьезные неприятности начинаются или случаются именно в прекрасные летние месяцы. Вспомните, 22 июня 1941 года — начало самой ужасной войны, 19 июня 1992 года — трагедия города Бендеры, а в тот же день, 15 лет назад, в городе Бердянске. Пусть не такая масштабная, но как рке было сказано, классическая.

В те годы, когда на всей огромной территории Советского Союза в воздухе было всего два хозяина — Аэрофлот и ВВС (военно-воздушные силы), — в трудно управляемой воздушной империи отдельные «авторитетные» люди могли позволить себе определенные вольности в пределах своей зоны действия. Например, кто-то руководил авиаотрядом в городе А., а в городе Б. жила его мать или мать жены, или кто-то еще очень близкий. Значит, придумывался авиамаршрут от А. до Б., пусть даже он был никому не нужным и нерентабельным. Ничего, считалось, обоснуют, докажут и утвердят, раз это надо, к примеру, командиру или кому-то выше. Все это житейские мелочи.

Маршрут, о котором, идет рассказ, чем-то смахивал на «домашние» рейсы, но не в этом суть. Маршрут: «Запорожье-Одесса-Бердянск». Город Бердянск находится в Запорожской же области, напрямую от Запорожья туда менее двухсот километров. Вряд ли кому в голову могло прийти, имеется в виду обычному пассажиру, добираться в Бердянск или обратно в Запорожье самолетом. Больше времени потеряешь на подготовку (билеты, регистрация и т.п.), чем на проезд автомобилем или поездом.

Но все же сделали маршрут через Одессу. Не будем анализировать, кто там летал из Бердянска в Запорожье или наоборот, через Одессу, но рейс такой был. Летал по этому маршруту самолет ЯК-40, 28 мест, экипаж и два бортпроводника.

В этот день из Одессы до Бердянска добиралось 26 пассажиров. Все шло нормально. Погода хорошая, видимость стопроцентная, машина, экипаж — в порядке, ничего не предвещало каких-либо неприятностей, тем более аварии или чего-то подобного.

При подлете к Бердянску пилот уточнил обстановку, попросил разрешение на посадку и получил его. Но в этот момент что-то отвлекло ведущего диспетчера, возможно по причине того, что борты к ним прилетали-улетали нечасто.

Самолет пошел на посадку, обычную штатную посадку в летний солнечный день, и тут случилось то, что случилось. Диспетчер «прозевал» тучку, стремительно приближающуюся к аэродрому справа. Через пару минут, уже при касании летной полосы, перед пилотом предстала следующая картина: слева ярко светило уходящее к закату солнце, а справа стремительно приближалась непонятная темнота.

Когда самолет пробежал по полосе около четырехсот метров, он буквально уткнулся в водяную ливневую стену. Вода залила взлетную

полосу, и тормозить в такой ситуации было нельзя — или развернет и опрокинет, или съедешь с полосы в грязь и тоже опрокинет.

Опытный пилот принял единственно правильное решение и рискнул снова поднять самолет в воздух. Может быть, это и удалось бы, но все было против. Против него, против самолета, экипажа, и естественно, пассажиров. Человеческий фактор, начиная уже с прозевавшего грозовой фронт диспетчера, начал разматывать цепь неприятностей по полной программе. Как часто бывает на аэродромах, с одной стороны его хозяйничает гражданская авиация, с другой — военная. Эти самые военные в конце территории аэродрома соорудили что-то наподобие туалета, каркас которого держался на четырех разновеликих трубах. В обычном режиме работы аэродрома они никому не мешали, так как находились в таге называемой «мертвой» зоне. А в нашем случае именно эти необрезанные, вровень с обшивкой, трубы, усугубили ситуацию. Самолет, под тяжестью дождя потерявший при посадке скорость, попытался снова взлететь. Естественно низко. Так низко, что одна из тех злополучных «туалетных» труб распорол ему крыло, повредив трубопровод горючего и электропроводку. Машина выходит из зоны дождя, а тут влага, короткое замыкание, течет горючее и загорается крыло.

Пилот этого не видит и пытается поднять машину. Но перебои с подачей горючего уже сказываются, и самолет, преодолев аэродромный забор, ударяется обоими колесами в высокую в том месте дорожную насыпь. Не хватило, как потом показала экспертиза, всего 15-20 сантиметров.

После удара машина на приличной скорости перепрыгнула дорогу. Ну и упала бы в сырую пашню. Так нет. На беду, на другой стороне дороги стоял электрический столб с приставкой. Вот за нее и зацепился крылом подпрыгнувший самолет. Его сразу развернуло, затем дважды перевернуло и, как ящик с дорогими бьющимися игрушками, шлепнуло о землю.

Ситуация. Самолет «шлепнулся» на живот так, что шасси вдавило в фюзеляж Главный вход-выход на ЯК-40 находится под хвостом сзади. Его намертво зажало. Перекошенные запасные аварийные выходы — тоже не откроешь. Никого нет. Самолет разгорается потихоньку.

Слава Богу, не растерялась одна из стюардесс — с ее помощью все-таки выбили боковые запасные двери. Пассажиры в панике бросились к выходу. И тут опять сработал тот же «человеческий фак-

тор» — при опрокидывании и при ударе многие получили травмы, а когда все бросились к выходу, то травмированных и тех, кто послабее, просто задавили. Когда все, кто мог, покинули самолет, восемь бывших пассажиров остались лежать в салоне. Бездыханными.

И опять черное совпадение. Как правило, июньские катастрофы обязательно вырывали из нашей жизни молодых людей, а именно — выпускников школ. Так было и в сорок первом году, когда фашисты бросали бомбы на головы ребят, встречавших свой последний школьный рассвет. Так: было и в приднестровских Бендерах в девятнадцатом году. Так было и в восемьдесят седьмом в Бердянске.

Среди погибших пассажиров была молоденькая девушка, которая в тот день получила аттестат об окончании с отличием одной из одесских школ — вручили ей документ днем, а вечером она надеялась показать его своей бабушке в Бердянске.

Вот такой трагический случай, вот такие они — человеческие факторы. А самое неприятное то, что именно в таких случаях трудно найти виновных.

Тогда тоже нашли «стрелочников», осудили, а потом, к 70-летию Великого Октября, амнистировали. На том все и закончилось.

Так что и в советские времена аварии тоже были не редкость — на всех видах транспорта, включая воздушный. Но основными причинами в те времена были в основном «природно-человеческие». А в настоящее время в ходу другой набор причин: технические, природные, и только на последнем месте — «человеческий фактор»...

КАЗАКИ НА ПАМЯТЬ

Девяностые годы двадцатого века. Идет парад суверенитетов на всей территории Советского Союза. Независимой (от самой себя что ли?) объявляет себя и Россия. Идет подготовка к объединению Германии. Идет разговор о выводе советских войск из стран Восточного блока. Наши тогдашние лидеры-перестройщики делают все, чтобы выгнать своих солдат и офицеров из обустроенных казарм и квартир куда-нибудь в тайгу или степь, в палатки и землянки, в бездорожье и практически в полную неизвестность.

Такой жестокой ценой оплачивали тогдашние лидеры свои почетные звания и имидж у зарубежных "друзей".

Не надо быть политиком, чтобы предположить, что если бы западным немцам было обещано объединение Германии и вывод войск с ее территории, они бы в обмен на это буквально на руках вынесли со своей территории каждого советского солдата, предварительно обустроив им место пребывания уже на территории той же России. Но для этого нашим лидерам тех лет надо было иметь разум, а не лезть из кожи вон, чтобы исполнить чьи-то пожелания.

Пока в стране в высших эшелонах власти шли такие "игры", мы, обычные и законопослушные люди, просто работали и не думали ни о предстоящем развале страны, ни о каких-либо почетных зарубежных званиях. Мы заботились о дальнейшем развитии своей организации и искали пути достижения этого и в Союзе и за рубежом.

Работал я тогда в научно-производственном объединении "Днестр", что в городе Тирасполе. В состав объединения входили — самый старый и известный на юго-западе Союза научно-исследовательский институт овощеводства и орошаемого земледелия и ряд совхозов в разных зонах Молдавии. В период, который сегодня называют "застоем", наше объединение находилось на довольно высоком уровне экономического и социального развития, нам нужна была качественная реструктуризация — и только. Производя до 2500 тонн семян овощных культур в год, мы нуждались в их шлифовке, калибровке, инкрустации, упаковке и современном маркетинге. Нашли коллег-партнеров

в Германии, в городе Гамбурге. Он известен не только как крупный порт, но и многими другими отличиями, в том числе достижениями в семеноводстве. С двумя ведущими в этом направлении фирмами мы и вели работу.

После неоднократных взаимных посещений руководителей и специалистов мы почти оговорили все нюансы договора о совместной деятельности по комплексной программе — от выращивания семян до их реализации. Определились с возможными рынками сбыта, объемами и всеми сопутствующими экономическими вопросами. Можно с уверенностью сказать — если бы Союз не развалили, все бы у нас получилось. Но вот это "но" и поставило крест не только на нашем объединении и НИИ, но и на всей отрасли селекции и семеноводства овощных культур — как в Приднестровье, так Молдавии и многих других регионах, где выращивали овощи селекции нашего института. Но при всей важности семеноводства и овощеводства, тема этой были из нашей жизни — совсем другая.

Во время одной из очередных рабочих поездок, в конце девяносто первого года, нашего генерального директора и меня пригласил к себе домой на ркин хозяин фирмы. Уютный двухэтажный коттедж на окраине Гамбурга В гостиной за столом пятеро — сам хозяин, его восьмидесятилетний отец, нас двое и девушка-переводчик. Разговор шел в основном о будущей совместной работе, но иногда выходил на отдельные частные вопросы. Хозяина особенно удивили мои рассказы о наличии в нашей стране больших полей — от 100 до 1000 и более гектаров. "Фантастика, фантастика", — только и повторял хозяин и откровенно сожалел, что у них в стране такое уже вряд ли будет возможно.

Девушка-переводчик, не имеющая экономического образования и опыта специального перевода, часто допускала неточности, и мне приходилось вмешиваться. Когда это повторилось несколько раз, хозяин спросил, откуда я знаю немецкий язык. Ответил, что учил его в школе, институте, сдавал кандидатский минимум, изучал язык и в прифлотской школе. Когда я произнес слово "субмарина", внешне вроде даже дремавший отец хозяина, не принимавший участия в разговоре, приоткрыл глаза, посмотрел на меня и снова прикрыл их.

И тут в разговор вступил наш генеральный директор. К сожалению, его рке давно нет в живых, но у всех, кто с ним работал и общался лично, о нем остались впечатления, как о грамотном, забот-

ливом и ответственном руководителе. Звали его Валентин Петрович Чичкин. Ко всему прочему, он был прямым и часто бескомпромиссным. Так вот, когда речь зашла обо мне, он, по прямоте своей, добавил: "А Гурковский у нас еще и потомственный казак!".

На всех сидящих эта фраза не произвела какого-либо впечатления, кроме отца хозяина. Он как-то обмяк, затем начал плавно валиться со стула. Пока мы опомнились, старик уже лежал на полу. Хозяин подскочил к отцу, позвал каких-то женщин, и все вместе они вынесли старика из комнаты. Через время приехал доктор, и все успокоились.

Мы продолжили ркин-беседу, и хозяин рассказал следующее. В декабре 1941 года его отец, тогда молодой офицер вермахта, командовал танковой ротой. После войны он рассказывал сыну, как в одну из морозных темных ночей на село, где квартировала его рота, налетела какая-то банда монстров верхом на лошадях. У некоторых сзади были огромные черные крылья (так отцу показалось). Они кричали и улюлюкали, метались по селу и за какие-то полчаса вырубил всю его роту. Ему самому удалось спастись лишь благодаря тому, что, выскочив во двор в одном нижнем белье, он провалился в снежный сугроб и пролежал там, пока "монстры" не покинули село. После этого у него многие годы были проблемы с ногами, а слово-понятие "казак" навсегда вошло в его сознание как что-то невообразимо ужасное.

Нечаянное замечание нашего директора, видимо, напомнило старику его жуткую молодость, и воспоминание это чуть не стало роковым. Я, по правде говоря, чувствовал себя в тот вечер не совсем комфортно и был вынужден прокомментировать "казачий вопрос", чтобы как-то снять возникшее напряжение.

Я рассказал, что власти в нашей стране во все времена, когда было трудно, обращались к казакам, как своеобразному государственному человеческому стержню. А казаки в ответ на внимание власти всегда отвечали заботой об Отечестве, проявляя невиданный героизм и отвагу. Примером тому — казачьи рейды "с саблями на танки" в тяжелейшие для нашей страны декабрьские дни 1941 года.

Значит, помнят не только казаки — и о казаках тоже помнят... И еще долго будут помнить...

ВЫБОРЫ

Простое и понятное русское слово — выборы. От корня "выбрать", "выбирать". Доброе такое, доступное внешне — кто-то выложил товар, а ты добровольно выбираешь то, что тебе нравится и что принесет тебе пользу. Так: было изначально. На выбор предлагались пища, одежда, обувь, предметы различные. Позже начали выбирать жен, рабов, воинов. Власть тогда еще не выбирали, она сама себя выбирала и назначала. С помощью кулака, дубины, меча, друзей-братьев и т.п. Потом на смену единоличным монархиям пришли республиканская форма правления и демократия — "власть народа". Считается, что это высшая форма выбора, так сказать, волеизъявление, и лучшего пока не придумали. Возможно, и так. Вернее, возможно, так и должно было быть. Люди из себе подобных выбирают лучших во все, что избирается, — в общественные, партийные и государственные органы власти. Что еще надо для объективного выбора? Но как только в эту органичную связку — "люди-выборы" — попала грязь, липкая такая и вонючая, под названием "деньги", демократия закончилась. По-моему, возможно, субъективному разумению, демократия, достигшая своего апогея, т.е., вершины, наивысшей точки, и перевалившая через нее, эту вершину, обязательно будет стремительно скатываться вниз и, скорее всего, даже обязательно, уничтожит породившую ее основу — человеческое общество. Неважно, что это будет: просто конец света или очередной потоп, как следствие не глобального потепления, а глобального неуправляемого безобразия, которое обязательно приведет к новому переделу мира, к ядерной войне и к уничтожению всего живого. Это не бред, это просматриваемая печальная перспектива. Теперь выборы стали на Земле чаще формальностью, где главный вопрос только в цене. Цене места депутата, чиновника и т.п. Все это знают, многие делают вид, что знают, и "процесс идет".

Моя задача в данном повествовании просто сделать фон для очередной были из нашей жизни, тема которой — выборы. Естествен-

но, выборы государственные, политические, выборы представительных органов власти всех уровней. В настоящее время отдельные люди, считающие себя истиной в последней инстанции, запросто не то что критикующие, а отвергающие разработки Маркса, Ленина, других великих людей и всю советскую эпоху, люди, которые переписывали сперва справа налево тех же классиков, а потом списывали друг у друга эти опусы, пытаются убедить нас в том, что прежние безальтернативные выборы с одним кандидатом шли у нас под "одобрямс" на 99%. Формально вроде бы плохо. Но лукавят нынешние сверхученные. Вопрос главный здесь не как, а КТО! Если опубликовать список депутатов Верховного Совета времен СССР и такой же список депутатов Советов или Думы последних созывов и просто сравнить их, очень многие нынешние критики, да и избранники должны будут сгореть от стыда, если у них это чувство еще осталось. Потому что в списках прежних лет не найдете ни одного недостойного такого уровня власти человека.

Герои труда (настоящие) — механизаторы, доярки, сталевары, академики, писатели, космонавты, партийные лидеры будут в тех списках. Да, за них и голосовало 99 процентов избирателей. И вовсе не важно, десять истинных героев было в бюллетене или всего один. Они все были того достойны.

И посмотрите, кто представляет сегодняшнюю демократию. У некоторых, даже с большим процентом набранных голосов, просятся добавки — "сидел, должен был сидеть, но откупился, еще будет сидеть и т.п.". И разве Верховный Совет СССР в доперестроечные годы когда-нибудь принимал решения не в пользу своей страны, своего народа? Хоть бы одно! А сколько было принято новыми избранниками, особенно в девяностые годы!

Так что вопли об отсутствии демократии при выборах в советские времена лучше подавить в себе. Люди, простые люди, лучше знают, где демократия действительная, а где купленная.

Впервые я участвовал в выборах в 1959 году. С тех пор их были десятки, во все уровни. Были референдумы. И все это мы прожили, и все это происходило на наших глазах. Мне и в этом направлении деятельности не раз приходилось участвовать, вернее в этой кухне, если уж не в качестве повара, то в качестве подсобного рабочего. Думаю, многие знают, что одним из центральных рабочих звеньев любой вы-

борной кампании, органом технически главным, является участковая избирательная комиссия. На этой комиссии лежит главная техническая задача выборов. Голосование, подсчет голосов и принятие решения по итогам — это дело данной комиссии. Кандидатов на "почетную" должность председателя такой комиссии рассматривали на партийных бюро и собраниях, на различных вышестоящих комиссиях и т.п. Что для любого простого избирателя выборы? Для кого праздник, для кого потерянный выходной, но для всех все просто — пришел на участок, проголосовал, поговорил с друзьями и знакомыми, выпил чего-нибудь сладкого, купил домой что-то детям И все, свободен, иди домой или в свою компанию, отмечать событие.

Но для членов участковой избирательной комиссии, а уж тем более для ее председателя, — это колоссальная дополнительная нагрузка и ответственность, но часто очень преувеличенная. За свою жизнь больше десяти раз мне довелось возглавлять такие комиссии, и память об этом ничего приятного не сохранила. Первый раз меня назначили председателем комиссии еще в армии. Был я тогда комсоргом войсковой части и членом партийного бюро. Уполномоченным по выборам от политотдела на нашем участке был какой-то капитан из особого отдела. Он до и во время голосования так нагнетал обстановку, что члены нашей комиссии чуть было не взбунтовались. Он лез в каждый бюллетень, в урны, протоколы. Все не верил, все пересчитывал, хотя кто он был такой при гражданских выборах? Когда подбили итоги, он заставил меня взять личное оружие и лично завезти итоговые протоколы и опечатанные бюллетени в политотдел в город Овруч. Более ста километров расстояние, середина марта, ночь, снег — по колено, куда ехать? По телефону все данные и итоги передали, зачем рисковать и мучиться? А вдруг машина сломается, ведь должны мы были ехать на «скорой помощи» на базе ГАЗ-51. Нет — крик, угрозы, вызов на парткомиссию и т.п. И он же сам тоже поехал в политотдел на вездеходе, но уже засветло.

Добрались мы в политотдел к шести утра. Спрашиваю у дежурного: "Куда девать протоколы и бюллетени?". "Протоколы положи на стол, а бюллетени брось в угол, они уже не нужны", — сказал, не отрываясь от книги, дежурный. "Вот тебе и личное оружие, и сохранность, и секретность, и срочность", — зло подумал я и поехал обратно в часть.

Заформализованность ситуации и откровенная паскудность отдельных участников акции сделали ее для меня с первого раза отвратительной. Ну, ведь даже смеяться неохота. Тогда — один кандидат и такие беспрецедентные меры предосторожности, сегодня — масса кандидатов в бюллетенях, и полное отсутствие должного контроля, позволяющее делать любые манипуляции с бюллетенями, протоколами, списками и т.п. Это и есть новая демократия.

Расскажу несколько более мягких случаев из жизни председателя участковой избирательной комиссии. Раньше он обязан был получить бюллетени за день до проведения выборов, т.е. в субботу, а так как суббота — выходной, то надо было получить их, максимум, в ночь на воскресенье. Затем быть при них (бюллетенях) до самого начала голосования. В половине шестого утра выдать бюллетени секретарю и членам комиссии для выдачи избирателям. Получив бюллетени, председатель становился их заложником и рке не мог покидать избирательный участок.

В какой-то год все шло, как обычно. Я получил бюллетени, принес их на участок, еще раз проверил все мое на ближайшие сутки хозяйство и стал ждать. Под вечер приехал представитель от бюро райкома. В этот раз мы удостоились особой чести — приехал сам прокурор района. Он был такой небольшой, щупленький, но возмещал малые свои габариты излишним гонором и амбициозностью. Опять мы, рке вместе, все проверили. Вроде бы все готово. Сидим, разговариваем на свободные темы. На улице — снег, буран, темно, беспокоимся за погоду на завтра, на участке 5 сел, с разбросом от 20 до 30-ти километров. Дороги уже точно не будет, и ТА. Часов в двенадцать ночи решили перекусить — сидеть и ждать еще долго. Еда у нас была заготовлена Я выставил. Потом откупорил бутылку водки — зима все-таки, разлил в стаканы. Выпили. Причем прокурор на несколько секунд раньше. Выпил и на меня смотрит каким-то непонятным взглядом. Я тоже выпил... И жарко стало — вода! Схватил бутылку, плеснул еще в стакан, попробовал — вода. Я брал ящик водки сам, сам привез на участок, бутылка была нормально запечатана — и на тебе. Был бы кто-то другой, может, посмеялись, надо же такому случиться. Но только не в тот раз.

Как вскипел уполномоченный-прокурор: "Вы что, издеваетесь?" Пытался ему что-то объяснить, да куда там! Он мне рее политику и ан-

тисоветчину шьет. Представителя райкома, прокурора! И так осмеять! "Где брали водку", — спрашивает. "В столовой", — говорю. "Есть телефон председателя рабкоопа?" Я ему дал. Говорю, может, не надо, час ночи все-таки! Прокурор буквально взорвался: "Я им покажу, фальсификацию водки начали, да не на того напали!" Да, думаю, не на того! Дальше было так. Минут через двадцать на участок пришел председатель рабкоопа В.И. Лысенко. Прокурор сперва напустился на него, потом мы его слегка успокоили и вместе открыли все остальные 19 бутылок. Везде — водка. Лысенко говорит: "Я сам получал водку в Орске, с завода, значит, или подстава — или брак какой-то".

Он ушел и пришел снова с бутылкой водки и коньяка. Водку я поставил в ящик, коньяк втроем распили, и на том инцидент был исчерпан. Но при таком начале, да еще с таким представителем, день уже не мог быть нормальным. Так и случилось.

Один из членов комиссии на санях с ездовым выехал с малой урной по нашим отгонным точкам. Там-то и избирателей было десятка два, но дело не в этом, а в самом факте выезда. Вернулись они после обеда, и ...без урны. Потеряли где-то по дороге, буран был сильнейший. Посыльные часа три объезжали чабанские дома, везде их, конечно, встречали и чаем, и мясом, конечно, и водкой. Они всех объехали, голосование провели, урна была, а приехали на участок — нету.

На шум подошел прокурор, спросил, в чем дело. Я сказал, что некоторых чабанов не было дома, и придется снова ехать. Я поеду сам. Снегу было на земле не так много, но сверху крутило, засыпая все мелким едким морозным снегом. Быстро в гараж — ГАЗ-63, проверил бензин, воду, я за руль — ив Бугумбай, далековато, но надо.

Был одет в осеннее пальто, думал, заеду домой, возьму полушубок, все-таки дело к ночи, а там горы, буран, все может быть. Заехали домой, надел полушубок, и двинулись в сторону выхода из поселка. Через три дома от моего — стоит лошадь с санями, колхозная. Лошадей-то мы всех ездовых в колхозе знаем, это была лошадь заведующего фермой из еще одного нашего села, Лушниковки. Он тоже у меня утром получил урну, и, как член комиссии, выехал для голосования в свое село. Поравнявшись с санями, я остановился, подошел — они рке полны снега. Поднял тяжелый полог из кошмы — на дне саней лежат две урны, лушниковская и утерянная бугумбайская. Я переложил урны в кабину и поехал к Дому культуры, на участок.

Урны член комиссии, что приехал со мной, занес и отдал секретарю. На улице было уже темно. Где-то через полчаса кто-то сказал, что меня просят выйти. Вышел. На заднем крыльце с испуганным лицом стоял заведующий лушниковской фермы, он же член нашей участковой комиссии, он же выезжавший на голосование в свое село. "Андреич, беда в мэнэ, — срывающимся голосом начал он, — пропали две урны, одна наша, одна бугумбайская, я йи знайшов на пэрэкати, биля второй бригады!" Член партии, заведующий фермой, фронтовик, он знал, чем может грозить потеря избирательных урн. Я не стал его терзать, делать умный вид и т.д., хотя и надо было это сделать. Но он нашел потерянную урну из Бугумбая! Ее могло занести снегом, я бы с машины ночью не заметил, нашли бы только весной. А заведующий, найдя чужую урну, просто заехал к дочери, живущей на центральной усадьбе, оставил у нее младшего сына и сел пообедать, так как с четырех часов утра был на ногах. А урны оставил в саях, прикрыл пологом — кому, мол, они нужны.

Я его успокоил, и все обошлось благополучно. На вопрос прокурора, почему не поехал в Бугумбай (он видел, что я приехал на машине), специально переадресовал его к секретарю комиссии, а уж она ему популярно объяснила, что чабаны, отсутствовавшие в Бугумбае, пришли и проголосовали здесь, на месте, так как приезжали к кому-то в гости.

После проведения выборов и разбора их итогов на бюро райкома я узнал, что побывавший у нас в качестве представителя райкома прокурор района дал высокую оценку работе нашей участковой комиссии. За это он удостоился благодарности от властей. Мы, естественно, в разряд поощренных не попали. Да и не надо мне было никакого поощрения, главное, легко отделались.

О работе таких комиссий, особенно в сельской глубинке, можно писать целые романы, но мы на этом примере завершим. Мы так жили и так выбирали, да, часто почти единогласно, но не жалели и сейчас не жалею об этом. То была, может, для кого-то искаженная, но не вредная демократия. Потому что, как уже было сказано, — для нас, для всех нас, было, есть и должно быть главным одно: не важно как, а важно КТО! Сегодня, к большому сожалению, и КТО — никто, и КАК — не так.

В порядке хохмы и в тему можно вспомнить и случай из моей ранней юности. В день выборов обязательным организационным атрибутом и раньше, и сегодня была музыка. По общему, не знаю, писаному или неписаному, правилу, но на избирательных участках музыка должна была играть за полчаса до начала голосования. В советские времена выборы начинались с шести утра, значит, музыка должна была играть с половины шестого. Раньше никаких записывающих и воспроизводящих аппаратов не было, радиолу использовать не решали, значит, играть надо было вживую.

В нашем селе, где-то за полмесяца до дня выборов, подбирали музыкантов, ставили их в известность, никто никого не просил, просто говорили день и время. Этого в те времена было достаточно. Штатные "лучшие" музыкальные силы в селе были известны. У меня — баян, у Эдуарда Шица — гармонь, у Александра Мертенса — скрипка, Николай Дмитрюк — гитара. Мы никогда вместе не играли, просто, когда было надо, за день-два соберемся, прорепетируем — и куда угодно. Ребята были веселые, каждый сам по себе уникален. В то время Шиц и Мертенс, оба немцы по национальности, были самоучками — виртуозы, особенно Мертенс. Когда он брал в руки инструмент и заявлял публике: "А ми пес нота!", то есть, играем без нот на слух, то скрипка в его руках выделявала чудеса, и любая аудитория была в восторге.

Эти двое ребят, зимой, когда не было полевых работ, часто брали гармонь и скрипку и делали дуэтное турне по соседским селам. Знали, где живут их земляки-немцы, депортированные, как и они, с Украины. Они знали русские, украинские, немецкие песни, хорошо играли и пели. Повеселив народ, через неделю возвращались домой и продолжали делать то, что надо было делать. Их семьи не возражали против таких туров, так ребята отдыхали от монотонной сельской жизни.

Когда мы начали вместе играть, мне было шестнадцать, а им под сорок, оба — прекрасные комбайнеры. Четвертый участник ансамбля, Николай Дмитрюк, неплохо играл и на баяне, но при мне всегда играл на гитаре. Тоже был веселый добрый парень, хотя и себе на уме. Вот таким составом мы и выходили в люди, когда это было надо нашим властям.

В тот раз выборы проводились в сельской школе. Шиц, как старший, получил выделенные нам (под музыку) деньги, 200 или 250 ру-

блей еще тех, пятидесятих годов. Не густо, но на еду в течение дня хватало. Мы договорились собраться в половине пятого утра, в центре села у продовольственного магазина. Собрались. Шиц еще с вечера договорился со сторожем магазина, чтобы тот взял к себе в сторожку некоторые продукты для нас, и дал ему деньги.

Постучали, сторож впустил, и минут через десять мы отправились в школу, на избирательный участок. Пришли, разделись, отдышались, нагрелись (на улице — середина марта, как всегда, в тех местах на выборы — буран) и взялись за инструменты. Начало шестого, скоро играть, надо хоть что-то пройти. Я чуть не потерял дар речи, когда открыл футляр инструмента. Вместо баяна там лежали четыре бутылки водки, столько же бутылок лимонада, хлеб, колбаса, конфеты и еще что-то. Глянул на Шица — а баян где? Тот смутился и ответил: "Так не было во что продукты брать. Я думал, с баяном вместится, а потом баян выложил и забыл тебе сказать!"

Я нес барабан Шица (он, когда я играл на баяне, работал на бубне), а он баян, я же не знал, что он баян оставил. В общем, играть не на чем: скрипка, гитара и бубен, они сами не сыграют, а рке скоро половина шестого. На улице — буран, до магазина — метров пятьсот. Подходит председатель комиссии: ребята, пора играть! Что делать? Хорошо, уполномоченным от района был начальник милиции. Я к нему — так и так, надо в магазин съездить. Он понял, дал машину, сам сел тоже. Подъехали. Сторож, увидев в окно милицескую машину, испугался, так как иногда по ночам приторговывал спиртным, решил не открывать. Уже и я, и капитан его просим — ни в какую. Разозлившийся начальник милиции вынул пистолет и закричал, что расшибет все замки. Открыл сторож дверь, схватил я баян, быстро в школу, и где-то без пяти шесть музыка на участке все-таки заиграла, и никто задержки не заметил. Потому что членам комиссии было не до музыки, а первый избиратель пришел голосовать ровно в шесть и, как полагалось, сделал это уже под музыку.

За все прожитые годы много было разного и в этом выборном плане, и, дай Бог, чтобы жило наше государство, и развивалась наша демократия, только не надо огульно хулить и критиковать то, что было в той же нашей стране, с нами же. Тем более, если этого просто не знаешь, а "поешь" с чей-то подачи.

Выборов будет еще много, значит, будем выбирать, уважаемые избиратели, другого пока не придумали. Только выбирать надо конкретных людей, а не сыпать их, как картофель, навалом по процентным квотам, да по принципу — кто больше положил на алтарь той или иной партии. Иначе это будут не выборы, а отборы, минуя выборы.

ЛЕКАРСТВО ОТ ВОРОВСТВА

Воры или люди, которые берут без спроса чужое, то есть им не принадлежащее, как прослойка или категория общества появились уже тогда, когда возникла частная собственность. Незачем раньше было красть — все было общеплеменное. Хотя зачатки воровства проявлялись и до появления собственности, как таковой, но они были редкими, импульсивными, не рецидивными, не учетными, так как не было самого понятия учета.

Знаете, как появился элементарный первичный учет на Земле?

Вот уже люди слезли с деревьев, вот у них и шерсть сошла с тела, вот появились простейшая одежда и обувь, какие-то инструменты, посуда и жилище. А учета не было...

И вот однажды племя нашло большую яму на пути мамонтов к водопою. Ее замаскировали ветками и пошли искать того самого мамонта Нашли, начали загонять в сторону ямы-ловушки. Загнали. Провалился несчастный мамонт в яму. Племя начало бросать в него примитивные копыя и камни. Наконец, забили, освежевали. Стали жарить себе на больших вертелах лакомые куски мяса. Потом все вместе сели вокруг этого жаркого и начали есть.

Один из членов племени, назовем его Первым, был самым сильным, самым быстрым и самым удачливым. Он же оказался и самым умным: первым побежал за мамонтом, загоняя его в яму, и именно его удар копьём в глаз мамонту оказался смертельным, т.е. последним. Так вот, этот Первый, поедая мясо, заметил, что сидящий с ним рядом соплеменник, назовем его Последним, бежал сзади всех, и пока он добежал до ямы, мамонт был уже убит. Пока он старался отдышаться, другие успели освежевать тушу, развели огонь и зажарили мясо. То есть, он подоспел только к обеду, ничего полезного до этого не сделав. Но, как заметил Первый, пока он сам съедал один кусок мяса, тот Последний успевал проглотить два или три.

И тогда Первому пришла в голову мысль: "А давайте за каждым съеденным мною куском мяса будем дожить камень слева, а за каж-

дым куском, съеденным Последним, — справа". Так и сделали. Когда закончили трапезу, то оказалось, что куча камней слева почти в два раза меньше кучи камней справа. Так появилась идея учета. Стало ясно и понятно, что тот, кто ничего не делал, — в два раза больше съел.

Именно он и стал потенциальным внутреплеменным вором. А когда его и таких, как он, позже выгнали из племени, ущербные физически и умственно выродки начали красть у родового сообщества, а с появлением собственности — у конкретных собственников. Только тогда общество начало бороться с этим злом.

...Отрубали руки, ноги, головы, сажали в бочки с нечистотами и возили по улицам, периодически нанося удар мечом в район шеи, что вынуждало вора погружаться с головой в нечистоты... В общем, пытались как-то отучить этих подонков воровать. Где-то научили, люди это оценили, можно было дома оставлять незакрытыми — чужое никто не брал...

Общество развивалось, появлялись новые формы организации производства и капитала, новые экономические отношения... И сублимированная воровская грибница, застывшие на какое-то время клопы-воры снова зашевелились...

Оказалось, что, кроме учета, в мире необходим еще и постоянный должный контроль. Хотите знать, как много веков назад появился аудит, и что за необходимость была в независимом контроле?

Представим себе ситуацию. Где-нибудь в Англии. Три состоятельных землевладельца живут в одном графстве. У них появились какие-то свободные средства. Они традиционно дружили семьями, вот и собрались вместе где-то на охоте, да порешили открыть какое-то совместное дело.

В их графстве нет мельницы? Так давайте построим совместно мельницу, говорят, будем иметь доход. Решили, узнали, посчитали. Оказалось, что мельница обойдется им в три тысячи. Построили, запустили. Встал вопрос — кто будет управлять мельницей. Каждый предлагал себя, и каждый был против двух других... В итоге решили нанять нейтрального управляющего. Нашли, приняли, и мельница заработала.

Прошел год. И тут пайщики-дольщики заметили очевидные странности. Им управляющий принес по десять фунтов дохода, а у его жены, вечно ходившей в стеганой телогрейке, появилась заячья шуба; сам управляющий приобрел небольшую карету, пару лошадей; дом свой перестроил. Откуда, так сказать, дровишки?

Как говорит теория, появились противоречия между собственниками и управляющим их собственностью, который ничего не вложил, но, управляя и решая все текущие вопросы сам, "забыл", чьей собственностью он управляет.

Собрались опять те пайщики и решили: надо установить контроль за управляющим. И опять каждый стал предлагать себя. И опять другие против, сговорятся, мол, двое и нас обдурят... Тогда решили: наймем за наши деньги контролера, независимого ни от кого.

Позже назвали его "аудитором", т.е. "прослушивающим" производственный организм. Государство поддержало аудиторство рамочными нормативными актами, а все проблемы с проверками переложили на заинтересованных собственников. Все участники экономических отношений согласились с этим, как с нормальным единым подходом. Здесь хотелось бы добавить, что и в царской России, и в советское время в роли "аудитора" выступал прокурор, с плеткой в одной руке и мечом в другой.

В перестроечные годы, особенно в начале девяностых, ни о каком аудите, настоящем, не могло быть и речи. Те, кому было положено учитывать и контролировать, сами воровали целыми заводами и даже отраслями. А потом вдруг в середине девяностых начался невиданный бум аудиторства. Аудиторов готовили сотнями (даже автор в девяносто пятом получил сертификат аудитора), но в то время их "контрольная" деятельность больше смахивала на узаконенное мошенничество: зачастую проводились нужные кому-то договорные и очень дорогие аудиторские проверки. Предприятия тогда в основном были государственными, и главной целью заказного аудита был показ их деятельности в самом наихудшем свете. На основании таких "проверок" заводы и фабрики можно было сделать банкротами и подешевке купить.

Нередко руководители таких предприятий или сами имели виды на покупку, или выполняли заказы заинтересованных лиц. Естественно, за государственный счет они нанимали какую-нибудь, конечно же, "свою" аудиторскую фирму, платили бешеные гонорары, которые аудиторы с ними же делили. Были, наоборот, и показушные хвалебные проверки: если требовалось привлечь иностранных инвесторов или получить звание какого-то европейского "лауреата".

А настоящий независимый аудит так и не прижился. Да и кто в России, и любой другой постсоветской республике, стал бы заострять внимание на аудите?! 99 процентов дельцов первой волны надо было сажать в тюрьму или расстреливать. Ну, нет, так нельзя, решили власти, и начали урезать сверху свои уголовные карательные меры. Убрали смертную казнь, а раньше ущерб свыше 10 тысяч рублей считался особо опасным и карался смертной казнью. Убрали другие "отягчающие" обстоятельства. Наконец, сделали даже явную спекуляцию — бизнесом..

И все равно аудит, как одна из главных форм контроля при рыночных отношениях, завис. Короче говоря, какой рынок, —такой и контроль (аудит). Ревизоров прежних убрали, а новых форм контроля не запустили, не вызвали к жизни.

Сегодня вор — это звучит гордо. Воры в законе, в переводе на русский, — это воры при власти. Это не прежние "джентльмены удачи" — сегодня сама удача у них в руках, власть то есть.

Но это сейчас Конечно, так не будет вечно, потому что быть такого не может. По жизни. Если в лесу был один волк, то он выступал в роли "чистильщика", санитаря леса. Он убирал больных, павших животных и т.п. А если в лесу основная масса — волки? Если в селе был один воровитый или два, то все их знали, иногда ловили, били, сажали. Они приходили, снова воровали, но с этим селу можно было жить. А представьте себе, что в селе стала жить основная масса воров, которая, естественно, не сеет, не пашет. Так что красть-то будет? Вор у вора красть будет? Поэтому когда-то это все закончится. А закончится это тогда, когда людям это окончательно надоест. И не коррумпированные на всех уровнях органы власти, а сами люди, и очень быстро, воровство ликвидируют. Но только, если захотят, так как, в принципе, эта проблема решаема.

Но оставим эти общие рассуждения, раскроем альбом жизни и перевернем очередную страницу, связанную с темой воровства. Покажем реальные меры по борьбе с этим злом на живом примере.

С начала семидесятых годов прошлого века, в связи с различными проблемами, возникшими в отрасли животноводства, в стране начались перебои с мясом. Я не буду останавливаться на причине этого явления, не та тема, но одно скажу — это было чистое издевательство над людьми.

1973-й год. Все происходит на моих глазах. С утра у центрального продовольственного магазина города Актюбинска, областного центра животноводческой области, стоит очередь, за мясом! Привозят — одну баранью тушу. Давка, крики, драки. Но, по отчетам, мясо в магазине было. Мало, но это уже второй вопрос. Те, кто съедали семьей по барану в день, выбрасывали людям по барану в день на крупный город!

Мясо тогда не только поднялось в несколько раз по цене, оно стало сказочно невидимым! Его простым людям не было видно! Куда его девали, это отдельный вопрос, но до людей оно не доходило.

Такое положение не могло обойти и нас, колхозников тех времен. Пошли недостатки поголовья по фермам. В соседних колхозах, видимо, было больше любителей мяса, так как у них недостатки в целом по хозяйству пошли на сотни голов. Начали в районе искать причины, вспомнили про волков, болезни и т.п. Но причина была в двуногих волках, кризис с мясом дошел до первоисточника.

В нашем колхозе таких "рывков" не было, но где-то в начале года пришел к нам на работу чабаном некто Муханов. До этого он работал чабаном в соседнем совхозе села Алимбетовка. Председатель не хотел брать его на работу, но пошли звонки "сверху", и пришлось согласиться. Дали ему отару овцематок в 1000 голов, и пас он их в горах, на нашей отгонной точке под названием Бугумбай. Он ни мне, ни другим не нравился, но пасет себе овец, — и пусть пасет.

Раздумывая над тем, как обезопасить хозяйство от воров, особенно по части овец, я, как главный бухгалтер, решил сделать простые такие расписки, в которых чабан, принимая в свой подотчет какое-то поголовье овец, обещал в случае недостатчи возместить колхозу стоимость пропавшего поголовья по балансу, т.е. по себестоимости.

Обговорили мы все нюансы с главным экономистом колхоза С.У. Смаиловым, он был понимающим и толковым специалистом. Заготовили такие расписки, в двух экземплярах на каждого чабана, и где-то в мае объехали все отары. Пересчитали поголовье, внесли данные в расписки, чабаны их подписали, и как бы правовая база была определена. Чабаны, в т.ч. Муханов, легко подписали эти расписки потому, что по себестоимости (по бухгалтерскому балансу), к примеру, овцематка стоила 10-11 рублей, а на рынке 50-60 рублей. Есть разница? И все-таки, чтобы все было еще более официально, я заверил

подписи чабанов в нашем сельском Совете подписью председателя и гербовой печатью.

При подписании расписок мы показали и разъяснили чабанам разработанные мной и главным экономистом хозрасчетные задания и расценки за продукцию по итогам года, согласно которым они получали в виде аванса стопроцентную тарифную ставку, а по итогам года — перерасчет с учетом полученной и оприходованной продукции. Это было введено в нашем овцеводстве впервые, но чабаны нас давно и хорошо знали, так что поверили.

Пришел конец года. И здесь, признаюсь, я совершил умышленное нарушение, для пользы дела. Хотя вряд ли это можно было назвать нарушением, так как заведующие фермами часто условно распределяли затраты по направлениям, и не всегда объективно. На овцеводстве, где мы не блистали особыми показателями, искусственно занижались фактические затраты. За все "отдувались" молоко и мясо КРС и свиней.

Я это хорошо знал, поэтому при составлении годового отчета перебросил часть затрат молочного стада на овец в таком пределе, что голова овцематки стала стоить по балансу 55 рублей с копейками. А перед Новым годом мы провели обычную инвентаризацию, пересчитали поголовье и выяснили, что в отаре Муханова недостает 60 овцематок. Плановый отдел сделал ему расчет по продукции, ему причиталось 1800 рублей по итогам года. Затем мы с него удержали за недостающее поголовье более трех тысяч рублей, и остался он должен колхозу около полутора тысяч.

Я сообщил об этом заведующему фермой Акраму Садыкову. Сообщил также, что всем чабанам сделан перерасчет за продукцию, они впервые получают солидные доплаты, а вот Муханов или пусть достает где-то недостающих овцематок, или будет погашать долг перед колхозом. Акрам уехал в Бугумбай, и уже наутро Муханов, естественно, был у меня.

"По какому праву! Кто ты такой! Да ты знаешь, кто я?" Его возгласы я выслушал спокойно и повторил то, что сказал Акраму, — верни недостающих овцематок. Если бы они пали, были бы трупы и акты, а так, извини, платить надо.

Он мне много каких угроз наобещал, но, думаю, читатель, что хочешь, а я никогда и никого не боялся, потому что никому ничем обя-

зан не был. Я его вежливо выпроводил, и на том инцидент был вроде исчерпан.

Дело было в субботу. А уже утром в понедельник в окно кабинета увидел пришедшую машину, из которой вышли Муханов и помощник районного прокурора, не самый приятный для общения человек. Я сразу позвонил Серику (главному экономисту), попросил зайти. Он зашел, и я ему отдал вторые экземпляры чабанских расписок. Мы их хранили в двух экземплярах на всякий случай. Отдал расписки и сижу, работаю. Через пару минут, естественно, без стука, в кабинет быстро заходит помощник прокурора, за ним — Муханов. Они были какими-то родственниками, что ли. И сразу: "Кто вам дал право, вы что суд?", и т.д. Выслушав его, ответил, что чабан Муханов сам, по доброй воле, дал расписку, где указал, что недостающее поголовье без суда и следствия обязуется вернуть по балансовой стоимости колхозу. Ну, или вернуть поголовье недостающего вида. "Что вы тут несете, какие еще расписки?!" И тут я медленно позвонил Серику: "Принесите, пожалуйста, из вашего сейфа чабанские расписки!" Серик принес. Я вынул один экземпляр расписки Муханова, где стояла, естественно, его подпись, протянул помощнику прокурора. Тот долго читал ее, переворачивал и снова читал, потом положил расписку на стол, повернулся к Муханову и выдал ему длинную тираду по-казахски с русским матом в конце. Потом развернулся и вышел. Больше я ни его, ни Муханова по этому поводу не видел. Серик мне сразу дословно перевел тираду районного гостя, но я ее излагать не буду. Неудобно, да и так все ясно. Можете не верить, но резонанс этого действия был на весь район. Больше овцы у нас не пропадали. Невыгодно стало их "пропадать".

Это, конечно, мелкий штрих. Но воровство, не то, мелкое, голодное, когда человек или ребенок ворует что-то, чтобы съесть, хищническое воровство будет, как уже было сказано, до тех пор, пока люди его терпят. Захотят — быстро уничтожат, не захотят, воровство уничтожит их.

И вот что хотел еще добавить. Вор не должен сидеть в тюрьме. Надо эту цепочку — "украл, напился, наелся, надрался, сел, вышел, снова украл и т.д." — не просто разрывать, надо ее хоронить, то есть зарывать в землю. Зачем нам держать вора в тюрьме, кормить, поить за счет общества? Это что, вроде как наша плата за то, что он изоли-

рован и нас пока (!) не трогает? Но он снова выйдет, и снова начнет делать то, что делал до тюрьмы. Подобного просто не должно в нашем обществе. А вот как этого добиться, — думайте все.

ДИАЛЕКТИКА

Сказано великими — добро порождает зло. Самое удивительное в этой связке "добро-зло" то, что об этом знают и те, кто стоит за добром, и те, кто стоит на стороне зла. А самое неприятное в этом же то, что те, кто делают добро, продолжают делать его и дальше, независимо от того, каким боком это добро ему вылезет. Те же, кто делают зло, все время делают только зло- так они навечно запрограммированы и при этом еще черной завистью завидуют тем, кто творит добро, потому что такой радости как добро им дьявол не позволит совершить. В итоге они завидуют и мстят добру за добро и не всегда и не вовремя бывают наказаны за это, а надо бы.

Добро и зло творят не только люди, независимо от их национальности, вероисповедания, пола, возраста, места и времени, а и их объединения, общества и государства. При этом добро никогда не "пахнет", часто приходит незаметно и люди не всегда понимают, что если просто ничего не происходит, жизнь течет ровно, то это уже добро само по себе. В то же время зло всегда зловонно, в каком бы виде оно не появлялось, независимо от уровня и масштаба

К сожалению, главным источником зла на земле является тот субъект, которому вроде бы по статусу это делать не положено, то есть самое разумное существо — человек. Он же и генератор добра. Все начинается с него (человека) и заканчивается на нем. Кто бы ни делал добро и зло, организации, государства, их объединения или отдельные граждане, все равно в итоге это отражается на конкретном человеке. С учетом определенного жизненного опыта, генетически настроенный на добро, честно говоря, начинаю сомневаться, а правильно ли я поступал, всю жизнь делая только добро, если получал взамен столько черной зависти, наговоров и приговоров, самых жестоких пожеланий от тех же, кому это добро делал? При этом добро и его антипод зло - это заразные болезни, постоянно прогрессирующие и развивающиеся в какой-то неизмеримой прогрессии.

Помог одному человеку в чем-то, завтра придет его сын, брат, отец, мама, сосед, знакомый, родственник дальний, а за ними уже их род-

ственники и т.д. Если ты регулярно кому-то помогаешь, то это никто не замечает, считая само собой разумеющимся. Но, не дай Бог, какой-то сбой случится, что-то не получится у тебя, один раз из сотни! Все — ты уже враг и накликаешь на себя лавину негатива, хотя собственно говоря, никому и ничего не обязан. Вот такая перекошенная у людей диалектика, вот такое понятие эволюции развития человека и общества, вроде бы чуждой самой человеческой природе, но явно существующей, и никакие эволюционные процессы в нашем (земном) человеческом обществе кардинально ничего уже не изменят. Как творили одни добро, так и будут творить, а другие, в пику будут творить зло, часто просто так. Добро и зло, как сообщающиеся сосуды, их содержимое переливается из сосуда в сосуд, поддерживая определенный жизненный баланс. Пока до сих пор сосуд с добром превалирует над сосудом зла, не позволяя последнему вытеснить себя из системы. Но это пока. А дальше все от нас зависит.

Хочу привести несколько иллюстраций по всему сказанному. Такие небольшие фотозарисовки из первички, т.е. непосредственно от человека. Вот одно из многих тысяч мгновений, где добро и зло пересекаются.

Работаю в колхозе главным бухгалтером. Почти ежедневно выезжаю по работе в районный центр. Мне выделяют машину. Легковых в колхозе всего две, один "газик" у председателя, второй старый, добитый — у главного агронома. Мне выделяют грузовую, обычно грузотакси, с кузовом, покрытым брезентом и откидными деревянными скамейками. Я сажусь в кабину и выезжаю из территории гаража. Или еще возле диспетчерской, или на воротах из гаража, или возле конторы, или возле стоят люди, которым тоже надо в район, кому за справкой какой-то, кому в больницу, да мало ли чего кому-то надо. И обязательно среди них кто-то пожилой, мужчина или женщина, даже не колхозники, или беременные, или хромые, кривые, или с детьми и т.п. Всегда. Я бы мог никого не брать и поехать другой дорогой, но я же добрый, вместо этого я забираю их всех, ну надо же им тоже в райцентр. Мало того, кого-нибудь хромого, беременного или старого сажу в кабину, а сам лезу в кузов. Летом ладно, а это Казахстан, а там морозы и бураны и ледяная дребезжащая скамейка, туда и обратно, да каждый день. Из тысячи раз может или никого не быть, или молодой кто-то. Да, и это еще на все. Отдельные пассажиры еще и денег просят, особенно родственники. Так, мелочь, рубль,

три, пять. А в колхозе трудодни, а я ежедневно езжу и каждый раз беру у кассира по черному списку по несколько рублей, а в конце месяца на все взятое кассир выписывает расходный ордер, я подписываюсь в получении аванса, и за год накапливается больше тысячи рублей, и я, главный бухгалтер, остаюсь вечным колхозным должником. И что в итоге? Пожалеешь какого-то родственника, дашь ему пару рублей на справку, знаешь, что он те рубли никогда не вернет, а он вместо благодарности, как выясняется, ходит по селу и еще рассказывает, что Гурковскому хорошо жить, так как он каждый день вечером с кассиром "подбивает бабки" и делает деньги! И это говорит родственник. А что же говорят чужие, тем более запрограммированные на злость люди? Мало того, что я из-за этой пубрики получил за все время массу болезней (они же меняются, а я ежедневно в кузове езжу), мало того, что они отнимают у меня время и деньги у моей семьи, так они еще считают меня жуликом. Стоит ли говорить о добре в этой обыденной жизненной ситуации?

Или вторая быль, так, штрихом. Учился со мной в группе один студент. Мы были с ним одного возраста, сошлись характерами, и он на выходной день пригласил меня к себе домой. Работал он управляющим отделением совхоза в одном из сел в районе Хотьково, чуть севернее Москвы. На электричке, потом машина за ним к станции приехала. Приезжаем к нему домой, возле калитки две женщины стоят, одна оказалась его женой, другая - ее двоюродной сестрой. Поздоровались, сестра сразу насела на моего знакомого, где, мол, ее муж, тракторист, уже почти неделю домой не появляется, куда вы его отправили? Управляющий говорит: "Видел я его, когда в понедельник ехал в институт, а так — куда я его не посылал. Пойдем, говорит, я бригадир позвоню, узнаем". "Да была я у бригадира уже пять раз, - шумит сестра, - он тоже ничего не знает. Давай, помоги мне найти его, может, прибили где-то". Управляющий сел за руль, сестра - рядом, я - на заднем сидении, поехали искать. Поговорили с людьми в разных местах, никто не видел, никто не знает. Один дед говорит: "Я его в лесу видел, там из Москвы кино снимают про партизан, вон там я его и видел, нас снимали многих в массовых сценах". Поехали в лес. Да, там работает съемочная группа, много людей. Нашли режиссера, сестра показывает ему фото мужа, мол, не видели такого? Режиссер посмотрел и говорит: "Да, есть такой, он пришел несколько дней назад, пожаловался, что нет работы и нет денег, я его пожалел и взял

на дубль. Мы его уже три раза вешали для фильма, за каждый дубль я ему даю десять рублей". И тогда жена того "висельника"-дублера сказала в сердцах истинно правдивую, выстраданную мысль: "Товарищ режиссер, я вам дам сейчас сто рублей, только повесьте его, гада, по-настоящему".

Или вот еще про то, как; добро делать. Молодой я был еще, не-женатый. Попросила меня родная тетка моей будущей жены, тетя Маша, свозить ее к родственникам, в село Бородиновку, где-то километров в тридцати от нашего поселка. Мне тоже надо было там пару путевок в колхозе оформить, ну и поехали.

Проехали станцию Ащелисайская, вышли на Бородиновскую дорогу. Еду. Смотрю - хороший свежий горбыль на дороге валяется, хотел подобрать, да ладно, думаю, не стоит останавливаться. Машина у меня тяжелая, ЗИС-150, пока остановишься да пока тронешься — не буду. Через время на дороге уже два горбыля лежат. Жалко стало, остановился, бросил в кузов. И пошло — один, два, четыре, опять два и так всю дорогу до Бородиновки. Я уже был весь мокрый, набрал полный зисовский кузов горбыля, мне он был не нужен, думаю, завезу родственникам тети Маши, все пригодятся. Подъезжаю вначале к конторе колхоза, там стоит такой же как у меня ЗИС, только самосвал. Стойки у него по бортам стоят, а вровень с кузовом горбыль погружен. Это он ехал, и у него весь горбыль, что был сверху кузова между стойками, не увязан, и весь на дорогу вывалился, а я два часа его подбирал. Я стал рядом с тем самосвалом, а возле него председатель колхоза кроет матом водителя за потерю горбыля. Когда я подъехал, он подошел, стал на левую подножку, увидел там полный кузов горбыля и так радостно кричит: "Так вот он, горбыль". И тут мое добро, мои полсотни остановок, троганий с места и погрузка тех чертовых горбылей на глазах превращаются в ЗЛО. Тот поганый водитель заявляет, что пока он обедал в столовой на станции, я снял с его машины горбыли. Председатель хотел уже искать участкового, вектор его гнева повернулся в мою сторону. Никакие мои доводы уже никто не слушал. Я стал вором и еще к ним приехал, нахал!

Повезло мне, что в кабине машины сидела тетя Маша. Она хорошо знала и председателя, и того водителя. Женщина она была серьезная и уважаемая. Пользуясь тем, что из конторы еще вышли люди, она разделала тех моих обвинителей так, что если живы, до сих пор, наверное, помнят. Председатель заставил водителя перегружать гор-

быль из моей машины в свою, а сам пошел со мной в контору, под-писал мне путевки, поставил печать и своей рукой дописал мне два рейса песка из Кимперсая в Бородиновку к тем рейсам, что я на са-мом деле сделал раньше в их колхозе.

Я подождал тетю Машу и поехал домой, размышляя по дороге, а что было бы, если тети-свидетеля не было? А тогда время было еще суровое. Могли бы и дело пришить по полной программе и за мою же доброту! Назло тому колхозу я собрал все еще лежащие на дороге горбыли-одиночки, привез их в общежитие и отдал коменданту, может, где-то пригодятся.

Что бы я хотел сказать? Если каждый раз думать, стоит или не стоит делать какое-либо доброе дело, то тогда вообще добра на свете не будет. Поэтому, если надо, делайте добро, не раздумывая, назло диалектике, назло самому Злу. И тогда жизнь наша станет добрее и лучше, а вся зависть и злоба усохнут по определению!

ПРАВИЛА - ДЛЯ ПРАВИЛЬНЫХ?

За много тысячелетий своей эволюции человечество пришло к государственному устройству, убедившись в том, что единая государственная власть лучше, чем родоплеменные распри. Государство предполагает единые и обязательные для всех его граждан законы-правила и для их исполнения использует все имеющиеся в своей компетенции средства, в том числе уголовно-силовые.

Для осуществления контроля за исполнением законов-правил пришлось создавать многоуровневые институты контролеров-инспекторов, которые постепенно сложились в довольно солидную, неистребимую ни при каких режимах, прослойку между двумя основными государственными составляющими — властью и обществом. Настолько мощную, что иногда становится непонятно, кто все-таки законодательная или исполнительная власть, а кто инспекторско-контролирующая прослойка. Инспекторы — налоговые, страховые, инспекторы — пожарные, экологи, санэпидемиологи, дорожники, лесники, фитосанитары, защитники животных и еще по несколько сот направлений контроля — прочно вошли в нашу обыденную действительность. Я не берусь утверждать, что жизнь наша по всем направлениям развивается прямо или обратно пропорционально количеству проверяющих инспекторов, а просто пишу жизнь, как она есть, или по крайней мере о том, какой она была совсем недавно. Ситуация с контролем в принципе не изменилась и в настоящее демократично-рыночное время. Просто инспектирующая прослойка, пустив корни в обе стороны, которые она разделяет (власть и общество), начала превращать свои функции в ремесло, путая часто инспектирующую составляющую с Предпринимательской деятельностью. Так забота о соблюдении государственных законов-правил начала подменяться принципом — «А что от этого буду иметь я?».

Конечно, многое, если не все, зависит от людей, которым доверена сфера контроля, независимо от направления деятельности. И, что характерно, чем выше по уровню контрольная структура, тем выше и масштабнее соблазны и возможности.

Из всех моих тысяч встреч-пересечений с представителями инспектирующей прослойки могу сделать простое обобщение: никогда сознательно (нагло) не нарушать законы, не бояться любого официального инспектора и — главное — никогда не заводить друзей в этой прослойке, если ты сам не инспектор. Иначе здорово об этом пожалеешь. И еще убедился: законы и правила существуют для правильных.

В порядке иллюстрации — очередная глава из альбома жизни. Перевернем страницу.

1975-й год. Работал я главным бухгалтером колхоза. Хозяйство было солидное, многоотраслевое. В те времена в стране рке были проблемы с мясом, и все чаще с пастбищ и ферм начали пропадать животные, особенно овцы, с наших отгонных пастбищ, расположенных в горах за 20-30 километров от центральной усадьбы. Чабаны начали просить оружие для охраны. Я оформил необходимые разрешительные документы, взял в охотничьем магазине счет на ружья и боеприпасы, оплатил, сколько положено, и выехал в областной центр получать все это. Взял с собой шестилетнего сына, въехал на территорию центрального рынка, поближе к охотничьему магазину. Сын при открытой двери — за охранника, ну а я ношу из магазина товар. Все-таки — 20 ружей, 100 кг разной дробы и много еще кое-чего. Когда почти заканчивал погрузку, подошли двое милиционеров — лейтенант и старший лейтенант. Спросили документы на машину, груз и водительское удостоверение, а также, почему въехал на территорию рынка. Я объяснил, что, получая боеприпасы, не могу оставить машину на улице за 25 метров от забора, потому и въехал.

— А вы знак, запрещающий въезд, видели?

— Да, видел, — ответил я.

— Значит, вы сознательно нарушили правила движения? — спросил старший лейтенант.

— Выходит так, что мне было делать.

Я понял, что им нужна причина, чтобы придаться, ведь в путевке написано, что я — главный бухгалтер колхоза. То есть со мной есть смысл иметь дело...

Раскладывая полученные боеприпасы — смотрю, старший кладет мое водительское удостоверение в карман, и они собираются уходить. — Товарищи», — говорю им, — а вы, собственно, кто будете?

Старший назвал фамилию и добавил — начальник ГАИ. И они ушли с моими правами.

Я записал его фамилию и поехал домой. В путевом листе на полстраницы старший запечатлел мои нарушения и написал, что изъяс права.

Подчеркиваю, это было летом 1975 года. Месяца три я ездил без прав по территории колхоза, даже иногда выезжал в район. Шла уборка, и мне некогда было ехать в областной центр на поиск прав, так как не было в этом острой необходимости.

Где-то рке поздней осенью позвонил мне домой наш заведующий автогаражом, Алексей Свистуненко. Жил он рядом, на этой же улице.

— Зайди, ко мне, Андреич, пожалуйста. Тут гости из области приехали, солидного уровня, мне с ними не очень уютно беседовать. Приди, помоги, — сказал завгар.

Когда я зашел, на ковре в большой комнате сидели двое незнакомых мужчин в гражданской одежде, но с довольно независимым, вызывающим видом.

Познакомились. Один из гостей был по должности начальником отдела по безопасности движения областного автотреста, другой — его водитель.

Сидели мы за дастарханом долго, даже бешбармак два раза готовили. Я несколько раз порывался уйти, но хозяин буквально умолял меня побыть до конца, а то он не знает, что с этим гостем делать. Просидели мы весь воскресный день; дома в селе полно работы, но пришлось, раз это надо в интересах нашего хозяйства и личного нашего заведующего автотранспортным цехом.

Чтоб не утомлять рассказом, добавлю, что поздним вечером погрузили мы гостя — начальника — в его машину, положили на дорогу пару бутылок водки, кулек с бешбармаком и выпроводили...

Но перед этим, пока он был еще в сознании, я рассказал, как, за что и кто изъяс мое водительское удостоверение.

— Это плевое дело, — сказал мой новый знакомый, — приезжай, я за 10 минут верну тебе права.

На следующий день, в понедельник, я заказал машину в город и попросил, чтобы завгар сел за руль. Не поеду же я сам без него. После вчерашнего начальник меня может не вспомнить.

Часа через три мы уже были у дома, где жил Сагимбай (так его все звали). Мои предположения подтвердились лишь частично. Как: у большинства «употребляющих» почти ежедневно разнопрофильных инспекторов, у него была определенная врожденная или приобретенная «остойчивость» на алкоголь. Он сам вспомнил о моих отобранных

правах и тут лее предложил за ними проехать. Но сперва куда-то заехать — попить минеральной воды. А то — нехорошо как-то.

Заехали в ресторан. Там они с нашим завгаром пригубили бутылку коньяка Я сел за руль, а они вдвоем — рядом, в двухместной кабине ГАЗ-51, и мы двинулись в сторону областной ГАИ, что на восточной окраине города. Приехали. Принявший обычную для себя форму Сагимбай пошел в ГАИ. Мы — за ним.

В картотеке моих прав не было. Сагимбай уточнил у меня фамилию инспектора, изъявшего документы. Я назвал. Он куда-то пошел, вернулся и сказал, что в городе такого нет — это был человек из района.

«Ну, — думаю, — началось! Наша область по территории в 10 раз больше Молдавской ССР, иди, ищи этого инспектора».

Но Сагимбай уже навел все справки. Оказывается, что тот старший лейтенант — уже капитан; и когда недавно в областном центре были образованы три внутренних района, его перевели в один из них начальником ГАИ.

Сагимбай тут же нашел его по телефону, и мы поехали в тот РОВД.

Зашли в кабинет к капитану все троем — Сагимбай и я с завгаром. Сагимбай, не здороваясь, сказал капитану пару вступительных слов по-казахски, затем, вперемешку с крутейшими русскими матюками, в угрожающей форме изложил суть нашего визита. В сжатом виде его крик сводился лишь к одному вопросу: как инспектор осмелится забрать права у его, Сагимбая, друга, т.е. меня, — с немедленным требованием вернуть права хозяину. Меня поразило то, с каким испугом побледневший капитан все это выслушал и как тихо сказал:

— Права его — в картотеке областного ГАИ.

— Ты чего врешь! — закричал Сагимбай, — Нет там прав! И почему ты их не сдал в ГАИ сразу, думал навариться на главном бухгалтере? Ну, я тебе покажу!

Мы снова вернулись в областное ГАИ. Мои права лежали в картотеке в ячейке на букву «Г». Успел капитан-таки доправить их, пока мы были у него. Сагимбай вручил мне права, и тут я совершил одну из жизненных ошибок, о которой не раз сожалел в течение почти года после этих событий.

Права у меня были 1957 года, с талоном предупреждения, а как раз в начале семидесятых объявили о замене в Союзе прав на новые, без талонов, но с категориями. Я подержал права в руках, потом вернул Сагимбаю и попросил сразу поменять их на новые.

— Без проблем, — сказал он и положил права в карман, — толь-
ко передай две фотокарточки.

Затем попросил отвезти его домой. Жест был понятен. Поехали к
нему, я, естественно, за рулем. По дороге заехали в фотографию. Я
сфотографировался, а квитанции отдал все тому же Сагимбаю, так
как фото пообещали сделать только к завтрашнему утру. В новом ми-
крорайоне, где была квартира нашего лоббиста, снова посетили ре-
сторан. Плотно посидели, вечером отвезли Сагимбая, и в ночь отпра-
вились домой. Завгар всю дорогу спал и уже в гараже объяснил мне
причину необычного и довольно смелого поведения Сагимбая вообще
и в областном ГАИ, в частности. Ну, понятно, что он был началь-
ником слркбы безопасности, но так бесцеремонно вести себя в обл-
госинспекции мог только очень влиятельный и независимый чело-
век, каким собственно он явно не был.

— Тогда, в чем же дело? — недоумевал я.

Все оказалось очень просто. Ситуацию, поставив машину, мне разъ-
яснил завгар, пока мы шли из гаража по домам.

Выяснилось, что наш Сагимбай и полковник, начальник областной
госавтоинспекции, женаты на родных сестрах, т.е., по-нашему, они
были свояками. Сагимбай был женат на старшей сестре, да и сам был
на год или два старше полковника. Потому, даже несмотря на то, что
свояк, во-первых, был выше по статусу, да и на престижную должность
Сагимбай попал, конечно же, благодаря ему, он, в силу мусульман-
ских да и вообще восточных обычаев, считал себя старшим во всем.

Удивительно, но свояк-полковник не противился такому положе-
нию и доверял, да и прощал Сагимбаю многое, если не все.

Жизнь текла своим чередом. Я продолжал ездить без прав и ждал
звонка от Сагимбая.

Но вместо звонков о передаче нового удостоверения на очередной
выходной я получил представительную гостевую группу — в составе
Сагимбая, его свояка, начальника областной ГАИ вместе с первым
его заместителем, еще каким-то их родственником, и водителя. По-
года была морозная, но без бурана, да и снега в тот год было мало,
так что гости без проблем добрались до нашего села на диковинных в
то время «гаишных» «Жигулях». Подъехали прямо к моему дому, но
так как двор был метра на три забит снегом, то машину оставили
прямо на улице. Так она и стояла на проезжей части весь день, благо
было воскресенье, и движения по селу практически не было.

Я принял гостей дома, но чувствовал какую-то их скованность, поэтому за несколько минут договорился с соседом через дом, Темирбаевым Синтаем, он у нас забойщиком скота работал, чтобы он забил трех моих овец: одну голову прямо сейчас, и поставят варить бешбармак, а две головы попозже к вечеру. Когда поставят мясо варить, пусть к нам придет и позовет к себе в гости.

Синтай все понял Это был высокопорядочный, аккуратный и исполнительный человек, а главное — понимающий. Под статью ему была и его жена. Конечно, я знал, кого попросить, да и жили мы с Темирбаевыми как добрые соседи. Синтаю, конечно, импонировало, что именно у него будут трапезничать такие высокие гости. Народ в селе все и всех видит, поэтому и мне не надо особо светиться, тем более из-за ничего, а Синтаю почтение.

Я позвал к Синтаю пару своих соседей. Того же заведующего гаражом, он жил напротив. Ну, агронома Хайрашева Дюсембая, и еще пару ребят-соседей. Позвал, честно говоря, для массовости, чтобы как-то отвлечь внимание гостей от моей персоны, в какой-то мере разбавить насыщенность предстоящей трапезы, а в том, что она будет насыщенной, я не сомневался с первых минут появления гостей. Да и не зря же они в такую даль ехали.

Действительно, мы провели за дастарханом часов семь. Обоюдная вначале настороженность быстро прошла, гости, в принципе, были нормальные ребята. Свободно общались, дело дошло до песен, мне пришлось баян из дому принести. В общем, все получилось, как надо. Никого не надо было штабелями грузить, как часто бывало в подобных случаях. Погрузили только двоих разделанных овец с овчинами и ошмаленными головами, да недопитые пол ящика водки. Мне неудобно было спрашивать Сагимбая насчет моих новых прав на вожделение, а сам он ни словом об этом тоже не обмолвился. Зато через день позвонил и сказал, что мои фотокарточки не получились, надо снова сфотографироваться. Тут же позвонил его свояк-полковник (видимо, они вместе где-то были), еще раз поблагодарил за прием и обещал всегда и во всем любое содействие и поддержку.

Перед новым 1976 годом погода испортилась, пошли бураны, бездорожье, и я только недели через три смог сфотографироваться в районе. Теперь искал оказию, чтобы передать фото Сагимбаю. Оказия нашлась неожиданно. 30 декабря в сильнейший буран у меня в ка-

бинете появился парень с погонами лейтенанта, передал привет от Сагимбая и на словах поведал, что свояки-инспекторы где-то на ипподроме сумели купить выбракованную лошадь, и теперь в одном пригородном селе поставили ее на откорм, чтобы после поста зарезать на мясо. Им, мол, обещали достать лошадь еще осенью, но получилось только сейчас. И теперь им надо достать корм, сено и овес.

«Ну, — думаю, — слава Богу, что хоть конь у них уже есть. А то на рынке лошадь на мясо стоила тогда 4-5 тысяч рублей».

Что было делать? Выписал я себе тонну сена и двести килограммов овса, погрузили мы тюки и мешки на мощный автотрестовский вездеход ЗИЛ-157, добавил я от себя пару бараньих туш, и посыльные отправились в бурную степь. С ними я передал свои фото на права. На другой день я позвонил Сагимбаю. Не найдя его, — полковнику в ГАИ. Узнал, доехала ли машина, и поздравил с наступающим Новым годом. Полковник сказал, что все нормально, благодарил и тоже поздравлял, приглашал и т.п.

Январь нового года у меня, как у главного бухгалтера, был более чем насыщен. О правах думать было некогда — то дороги не было, то некому было поручить мои личные проблемы, а подключать случайных людей я не хотел, да и не должен был.

Когда я в начале февраля появился в областном центре, естественно, с «гостинцем» в виде двух живых крупных баранов, то с Сагимбаем не встретился, он был где-то в Алма-Ате на курсах повышения квалификации. Заехал к полковнику в ГАИ, оставил гостинцы. Посидели у него в кабинете. Затем он поводит меня по офису, познакомил с ведущими работниками областной ГАИ. Вообще, полковник, в отличие от его свояка, был довольно выдержанным, серьезным и думающим главным областным инспектором. И, что очень тоже было немаловажно при его должности, — неслигаемым и «неопрокидываемым». Мне довелось на своем веку видеть и знать многих инспекторов — от районного, областного и до республиканского уровня. Основная масса из них, неважно от направлений деятельности (охот-рыбнадзор, пожарные, экологи, ревизоры и иже с ними), правда, из тех, с кем мне приходилось общаться по долгу службы, как правило, была «слигаемая», вернее складываемая и практически ежедневно доставляемая домой в горизонтальном невменяемом положении. Не знаю даже, стоит ли их за это осуждать. Жизнь их такими делала. А кто был другим — тот в этих структурах не работал.

Но это — отдельная тема. А я все-таки закончу эту типичную быль, просто как штрих из нашей жизни.

Постепенно я стал своим человеком в областной ГАИ. Мог решить любые вопросы не только в своем селе, но и в целом нашем районе. Смешно вспоминать, но начальник ГАИ нашего района не раз обращался ко мне с просьбой решить тот или иной вопрос, связанный с автотранспортом, движением и т.п. И я решал любые вопросы, лишь бы в ДТП не было летальных случаев. Решал, уже не обращаясь с Сагимбаю или к начальнику областной ГАИ, а напрямую работая со службами. И самое нелепое во всем этом было то, что я, помогая многим людям, сам почти год ездил без прав. Да мне при этой ситуации они и не были нужны.

Чтобы не сложилось впечатление, что меня инспекторы держали «на крючке» и год «доили», скажу честно, — «гостинцы», которые я им передавал, стоили, в принципе, копейки. Конечно, если собрать их все вместе, за все время, то, по существующим в те времена «нерыночным» ценам, за них можно было бы просто купить десяток удостоверений. Но то, что получил взамен лично я, нельзя было купить и за стократную стоимость всех моих, в принципе, дружеских подарков. Да, Сагимбай, к сожалению, при всем его уме и сообразительности, был взбалмошным и неорганизованным, а главное — «сгибаемым» очень часто до горизонтального положения. Да, может, он и думал, что держит меня в заложниках ситуации с правами, каждый раз придумывая новую отговорку — то фото не то, то бланков нет, то еще чего-то или кого-то нет и т.п. На самом деле я мог бы обойтись без него, ибо, как было сказано, — вышел на совсем другой уровень общения и влияния, действуя уже через областную ГАИ, минуя Сагимбая. Я в то же время не отталкивал его в благодарность за то, что при его посредничестве вышел на высший областной уровень. И Сагимбаю необязательно это было знать. Но время шло, уже началось лето, и впору было отмечать годовщину моего «бесправного» бытия.

Не знаю, сколько бы это еще продолжалось, так как мне было и без прав неплохо, и события мне торопить не хотелось. Не хотелось потому, что не хотел портить настроение начальнику ГАИ. Он просто не поймет, как я, помогавший стольким людям, причем бескорыстно, не сказал ему, что сам прав так и не имею. Не мог же я ему сказать, что Сагимбай взял в карман мои права и учетную карточку, и никак не может их найти, придумывая для меня различные отговорки и

уклоняясь от встреч со *мною*. Не хотел я становиться причиной раздора между своими и терпеливо ждал, делая вид, что все хорошо.

Развязка наступила неожиданно и быстро. В силу непредвиденных обстоятельств, связанных со здоровьем жены и моим, мы были вынуждены поменять место жительства и вернуться ко мне на родину, в Приднестровье. Уже имея билет на самолет, я позвонил Сагимбаю домой. Жена сказала, что его нет. Шесть часов утра, а его нет? Я не поверил, и как выяснилось, правильно сделал, ибо на следующий день он должен был ехать куда-то в Киргизию, в санаторий.

Погрузив вещи и семью в колхозный «РАФ», я еще раз позвонил. Никто не ответил, и мы отправились в город. В 14.30 у нас — прямой рейс на Кишинев. Было три часа до регистрации, когда я буквально влетел в квартиру Сагимбая. Жена, бедная, забитая его жена, знала меня, молча показала в спальню. Сагимбай спал абсолютно голым, лежал поперек кровати, весь мокрый от пота. Начало августа, на улице — сорокоградусная жара, кондиционеров тогда мы не знали. Вместе с женой мы его умыли, одели, посадили в нашу машину и через минут тридцать были в областном ГАИ.

Сагимбай никак не мог придти в себя. В машине была минеральная вода — напоили его, привели в чувство. Не давая опомниться, я потащил его в ГАИ. В течение нескольких минут мне выписали новое удостоверение. Оформлявший все это начальник отдела с недоумением смотрел на нас с Сагимбаем, но вопросов не задавал. Машинами проставил мне в правах штамп «разрешено» — по всем категориям от А до Е, причем поперек линий. Я взял права и карточку, попрощался и вышел. В приемной спросил, есть ли начальник? Он, к счастью, был где-то в обкоме партии. Затем сел в машину и поспешил в аэропорт. Сагимбай остался в ГАИ, некогда было завозить его домой, да и не очень хотелось.

В половине пятого вечера мы были уже в Кишиневе, а в семь — у отца в Слободзее.

Все, что до тех пор было, отсеклось, как какой-то сон. Уже на второй день я вышел на работу в Совет колхозов своего родного Слободянского района, после 22-летнего отсутствия.

Еще вчера я был авторитетом областного масштаба, сегодня — никто, хотя и вернулся домой. Надо было снова завоевывать себе место и на работе, и в обществе. Но, имея определенный опыт общения с инспекторской прослойкой, дружбы больше ни с кем не заводил, и

другим не советую — по тысяче разных причин, часто от нас самих не зависящих. И какими бы хорошими и справедливыми они (инспекторы всех уровней и направлений) не казались, в каких бы дружеских отношениях вы с ними не были, если им придется выбирать между долгом, службой, совестью, личной выгодой и вами, в итоге они всегда, абсолютно всегда, выберут не вас

Такова жизнь и такова специфика инспекторской деятельности. Ничего и никогда в этом плане не изменится. И правильно говорят, что инспектирующие, как чиновники, — всегда гнобят народ, а, как люди, — они дважды грабят государство, так как наживаются именно на несоблюдении законов.

И все-таки: для кого пишутся законы-правила? Неужели только для «правильных»?

БУНТ

В те «нехорошие, застойные» времена наш район производил в год только овощей по килограмму на всех жителей Советского Союза, включая грудных детей, от Калининграда до Чукотки. Вдумайтесь, один район — и на весь Союз. А если добавить еще и фрукты, то почти по 2 кг выйдет. Естественно, такое количество продукции надо было не только вырастить, но и убрать с полей и привести в порядок, т.е. реализовать, на месте переработать или отправить куда-то в свежем виде. Овощи и фрукты — это не детали или строительные материалы, даже не зерно, которое можно долго хранить, передерживать какое-то время и т.д. Эту продукцию так и называют - «скоропортящаяся». Все надо делать быстро, два, максимум, три месяца, и плодоовощная продукция должна с полей и садов уйти. Это вызывало массу проблем с упаковочной тарой, транспортом и особенно людьми. Студенты и школьники, свободные жители сел и городов и «мобилизованные» жители тех же городов через их предприятия и организации — вся эта масса ежедневно выходила на уборочные работы. Десятки тысяч человек в районе занимались этим делом, сюда было приковано внимание всех партийных, советских и хозяйственных властей, руководителей хозяйств и их подразделений.

Если на массовую уборку овощей брали всех подряд, то на уборку фруктов брали серьезных, годами проверенных работников, привлеченных в основном из других регионов. Больше всего, сегодня их бы назвали «гастарбайтерами», уборщиков, в основном фруктов, было из западных, прикарпатских областей Украины. Они не только убирали фрукты с деревьев подряд, как при обычной сплошной уборке, они укладывали плоды и упаковывали бумагой, древесной стружкой для отправки в другие регионы в свежем виде, а также для закладки на хранение, чтобы фрукты несколько месяцев передержать, а в конце зимы продать их по гораздо более высоким ценам.

Работа по упаковке требовала тщательного отбора плодов и не менее старательной упаковки, одно пораженное яблоко могло испортить всю упаковку. Поэтому на упаковку ставили самых надежных работ-

ников. Надо признать, что западные украинцы добросовестно работали на таких работах, естественно за прямой интерес. Система оплаты труда наемных бригад в садоводстве была проста и доступна. Заработную плату на уборке практически не платили в деньгах, а в зависимости от конкретной видовой урожайности по году им выдавали в счет оплаты от 5 до 10 процентов собранных или упакованных фруктов, в основном, яблок, при разных возможных внутриколхозных вариантах системы оплаты. Мы в районе как бы ставили верхний предел, а внутри него, хозяйства, ставили условия самостоятельно, ибо даже в рядом расположенных колхозах урожайность и качество фруктов могли колебаться в разы. Короче говоря, система была отработана, и сбоев особых не было. Питались приезжие работники за свой счет, машины на вывоз заработанного тоже часто нанимали они сами. Короче, кто, как договаривался, но затрат по этим бригадам колхозы не несли, только отпускали фрукты, по договору, как положено, с соответствующими сопроводительными документами. Каза-лось, все просто и понятно.

Но так лее нельзя, также скучно и неинтересно. Обязательно кому-то в голову какие-то отработанные частицы ударят, и он или они то ли с большой головы, то ли по злему умыслу, обязательно что-то придумают и опять же обязательно в худшую сторону. За более чем полвека уже осмысленной сельской жизни я выстроил возможно субъективную спрессованную группировку причин всех совокупных бед в нашем сельском хозяйстве, с момента начала коллективизации до нынешних времен. Так вот, по моему мнению, далеко не абстрактному и голословному, 75% бед на селе — от действий властей всей уровней, 20% - от погодных условий и 5% от местных организационных неурядиц. Поверьте, это так, возможны региональные колебания и вариации, но в пределах 5-10%.

Вот одна из иллюстраций из альбома жизни. Поздняя осень восьмьдесят четвертого года. В стране какое-то общее непонятное затишье и в то же время явно чувствуется что-то нехорошее, закулисное, подковерное, особенно на региональном уровне. Вроде бы ничего нового и нет, но что-то чувствуется тревожное и непонятное. Подряд ушли Брежнев и Андропов, под руки водят по Кремлю Черненко, все чего-то ждут, каких-то перемен или конца. Ну, это там, под небесами, а ведь внизу тоже головы какие-то есть и тоже о себе думают в первую очередь. Уборка завершена, и вдруг поступает команда- ди-

ректива наемным бригадам зарплату в порядке натуроплаты не выдавать, а или начислить им оплату труда, как обычным колхозникам, или сдать их заработанные яблоки в «Молдплодоовощ» и по закупочным ценам им оплатить. Как всегда, никаких официальных бумаг не поступало. Кто-то позвонил «оттуда», потом запрет на яблоки растиражировали на местах. Такое бывало не раз в нашей жизни - кому-то надо добавить в декабре то фруктов, то молока, то мяса и т.п.; или кому-то на орден, или на звание, или на должность, или пообещал кто-то на совещании или за столом — неважно, а делай, и все. Причем, в случае чего, никто ничего не знает, указаний никто не давал, а те, кто давал, сами еще и проверку организуют, они-то знают что к чему. И ты вечно на крючке у кого-то висишь, сделаешь — виноват (если захотят), не сделаешь — еще больше виноват.

Так вот, это «телефонное право» было использовано и в ту осень. Причем, безо всяких на то надобностей. Может, в очередной раз хотели насолить нашему району, может, еще какие-то были наказания у кого-то в Кишиневе, не знаю, но такой финт в виде запрета выдачи натуре кто-то сделал. Волна возмущения прошла среди тысяч привлеченных рабочих, оно и понятно, они ради натуре сезон и работали. Мы, все местные и районные власти и руководители хозяйств, тем более колхозники, которых этот удар не коснулся, проявили полную апатию и беспринципность. Раз, мол, запретили, значит, запретили, мы здесь ни причем. И это при наличии договоров и их официальной регистрации. Нам так даже лучше и выгоднее (план будет перевыполнен), а остальное нас не касается.

В пятницу мне позвонил председатель из села Кицканы, кричит — у нас настоящий бунт, шестьсот человек собрались на площади, окружили контору колхоза, сельсовет, все разъяренные, требуют яблоки, ими заработанные. Говорю ему, обращайся в милицию, в сельсовет, прокуратуру, райком. Какая там милиция, председатель кричит в телефон, никто не хочет иметь с ними дело. Где-то после обеда секретарь вбегает в кабинет и со слезами говорит — там к вам какие-то люди, много их, страшные такие, злые, хотели к председателю, его нет, хотят попасть к вам. Впустил я тех людей. Их было семь человек, причем пятеро явные работяги, а двое лысоватых низкорослых мужиков, явно откуда-то прибыли, может из мест проживания работников. Скорее всего это были уже проросшие семена будущих «фронтов» и цветных революций, а пока что выступающих в роли «адвокатов» на-

емных рабочих. (Напомню, через каких-то полгода пошла так называемая «перестройка»). «Адвокаты» говорили больше и громче всех, уже пахло политикой, национальными притеснениями и т.п., уже и за яблоки почти забыли. Я им дал специально выговориться, чтобы они выпустили «злой дух» и немного успокоились, внешне внимательно слушал, в разговор не вступал, а сам сидел и думал: а ведь они абсолютно правы, надо что-то выбирать - или взять и самому сбежать, как все, или что-то решать. Проценко ВА, нашего первого секретаря райкома, уже перевели в Кишинев, выбив определенным образом почву из-под его ног, оторвав от такой опорной стены, как наш район. Он бы мог что-то решить, но те кто остались за него, не могли делать ничего, кроме как исчезнуть из виду. Старший из группы рабочих сказал, что они были уже везде в районе, во всех главных организациях, первых лиц нет нигде, а другие ничего не решают.

Пусть читатель не подумает, что я леплю из Гурковского героя в данной ситуации, я никогда героем не был, просто всегда поступал справедливо и честно, чем снискал определенную неприязнь со стороны властной иерархии. Но кому-то же надо было что-то делать.

Спросил у старшего - вы на чем приехали? Автобусом обычным, отвечают. Я в то время ездил на таком «УАЗе» - микроавтобусе. Для себя все уже решил, но надо проиграть все до конца. Дело к вечеру, оставляю водителя, мало ли что может случиться, сажусь за руль, «уполномоченных» - в машину, и через паром - в Кицканы. Хорошо, что в те времена не было мобильных телефонов и никаких информации толпа в Кицканах не получала, не готовилась, а просто весь день ждала результата от поездки своей делегации. Приехали в Кицканы, там в центре села большая площадь, ограниченная с трех сторон зданием и территориями — сельсовета, школы и конторы колхоза. С четвертой стороны прямоугольник был очерчен дорогой. Вся эта площадь запружена людьми. Некоторые явно «навеселе», но с невеселым видом, рядом - кафе, наверное, за день туда не раз заходили. Мы проехали буквально сквозь толпу и остановились в центре площади, там стоял не бюст, а такая огромная голова с шеей В.И. Ленина. Пассажиры мои вышли из машины. Люди кинулись к ним, а потом все вместе обступили меня. Веселого в этих действиях было действительно мало. Я влез на крышу «УАЗа», чтобы всем было видно, и сказал то, что должен был сказать. Громко, на всю площадь, слышали это не только бунтующие рабочие, а и специалисты у конторы

колхоза, я сказал, что районные власти (!) приняли решение разрешить им получить и вывезти заработанные яблоки. Стоящим у машины бригадирам я негромко добавил — за предстоящие выходные дни. Сел за руль, люди расступились, и я через Бендеры и Тирасполь поехал домой, не стал ночью ехать через лес и паром.

В понедельник все молчали, вокруг меня образовалось такое непонятное пространство, а после обеда мне позвонили из диспетчерской и сказали, что есть телефонограмма и меня вызывают в прокуратуру республики. Началось. Во вторник я таки поехал в прокуратуру, на радость нашим «доброжелателям», надеявшимся, что оттуда возврата уж нет. Подъехав к прокуратуре, она была недалеко от центральной площади Кишинева, рядом с ЦК комсомола Молдавии, я остановился и сидел в машине, составляя план посещения этого не-веселого учреждения.

Размышляя, пришел к нескольким выводам. Первое — а вдруг меня не за яблоки вызывают, тогда за что? Перебрал свои действия за все годы, когда вернулся в Слободзею из Казахстана, да, вроде бы, не тяну я своей жизнью на прокуратуру МССР, да и вообще никакого распоряжения о запрете вывоза яблок я не получал, никакого своего распоряжения на отмену запрета не давал, пусть официально покажут. А еще там, далеко внутри меня шевелился такой маленький сверлящий «червячок», как последний козырь. Дело в том, что прокурором МССР в то время был Чебан Иван Иванович, наш земляк, слободзейский. А жена у него, в девичестве Федотова, была двоюродной сестрой моего отца, то есть доводилась мне двоюродной тетей. После войны мама моя работала в райисполкоме, Иван Иванович был прокурором района, наши семьи по-родственному дружили, они хорошо знали меня с детства, но потом мама ушла из жизни, а я 22 года облагораживал целину в Казахстане. Связи наши родственные распались. В отличие от других, таких лее родственников-слободзейцев, я, по возвращении в Слободзею узнав, что Чебан И.И. уже прокурор республики и живет в Кишиневе, не стал лезть ему и тете на глаза и напоминать о своем родстве, пользуясь как-то этим. А вот пришло время, может, и «раскрыться» и поговорить с тетей или ее мужем? А то загребут, ведь, и ни за что. Я простоял у прокуратуры часа два, а потом принял самое верное решение — уехал домой. На работе сказал, что вызывали, беседовали, а что и как — никого не касается. Да и никто особо не спрашивал. Все ждали. И я ждал.

Дня через три снова вызывают в прокуратуру. А я не поехал, так и по сей день больше не вызывают, и слава Богу. Кому-то это покажется обычным делом, тем более в наше смутное время, а тогда это было обычной необычностью, а такие дела возникали часто просто из ничего — из зависти, дурного глаза, просто так, из интереса, головотяпства и тупости, коварства и жестокости и т.п. действий заинтересованных людей. Причем, как правило никчемных и ни на что, кроме пакостей не способных. Сколько хороших людей погубили в нашей стране такими способами.

Но, жизнь продолжается и пусть кто-то скажет, что это не так!

СТУДЕНТЫ

Особой прослойкой цивилизованного общества является студенчество. Наша страна — не исключение, студентов у нас, в пропорции к массе населения, очень не малое количество и, что самое приятное — у нас постоянная тенденция в его увеличении. В прежние времена, особенно советские, когда попасть в студенческую когорту было более доступнее и более объективнее шло ее формирование, по способностям, а потом и по возможностям, студент в России был больше, чем студент. Помимо учебы он был и строителем и грузчиком, и лесорубом, и картофелекопателем, воспитателем и общественным деятелем. У студентов наших лет были свои «планы» - целина, БАМ, великие стройки, которые в обязательном порядке все были «ударно - комсомольскими», обязательные уборочные отряды и отряды по охране общественного порядка и т.д.

Конечно, не все студенты и у нас по ночам разгружали вагоны с целью подработки или покупали бутылку кефира за 30 копеек, одну на весь учебный год, потом ежедневно пустую бутылку за 15 копеек (столько стоил сам кефир) обменивали на очередную новую. Были и другие студенты. Они уже носили джинсы, модную обувь и прически с «коком». Им было мало свободы и трудно дышать, так как имели возможности, но не имели прав и т.п. Были, но таких было мизер, да и толку от них, как студентов было мало. Учились как раз те, кто по ночам разгружал вагоны. Они знали, что «халявы» для них не будет и единственный выход — «учиться, учиться и учиться», чтобы стать специалистом и выбраться в люди. Студенческая жизнь в нормальные времена была во многом схожа по общему воздействию на молодое поколение страны с армейской жизнью. Если в студенты шла более интеллектуально «продвинутая» молодежь, за годы учебы превращающаяся или выращиваемая, образно выражаясь, из молодого саженца в плодоносящее дерево, способное приносить плоды, то и в армии с молодежью происходило нечто подобное — ребята мужали, крепили физически, учились подчиняться и командовать — организовывать, приобретали разные специальности, многие из которых

молено было применить на гражданке, а главное — молодой человек получал мощный патриотично-идеологично-воспитательный заряд на всю жизнь. Это можно сделать только в солдатской массе, так как в обычной, не воинской жизни, индивидуально, после школы никто им заниматься не будет. Государство обучает студента, готовя его для себя, оно же обучает, более того, выращивает для себя солдата. Это дешевле легче и быстрее, повторяю, чем решать такие же проблемы с каждым в отдельности. На мой взгляд, просто неразумно было сокращать срок службы в армии менее двух лет. Это определенный необходимый подготовительный минимум. Менее этого срока — год — полтора — пустая фикция, солдат не успевает привыкнуть, вырасти в солдата, а уже готовится к «дембелю». Парадокс - когда в стране было много людей, служили по 3-5 и более лет, а когда в армию брать стало некого, сократили на нет почти сроки службы. Что-то здесь заботой об обороноспособности и не пахнет, скорее, наоборот.

Конечно, и студенты были разными, я уже не говорю о тех, кто всегда почти занимал чужие места в ВУЗах, а вообще о студенческой массе далее в советские годы. Далее среди студентов заочных отделений, не говоря о дневных. Когда я учился в Москве в институте, то я и многие мои коллеги так учились. Да, мы имели повседневную практику работы, но ее надо было приводить в соответствие с действующими постановлениями и правилами, надо было расширять не только специальный, но и общеинтеллектуальный кругозор, используя время, отпущенное на учебу в комплексе. Ведь студенты, особенно из сельской местности или малых городов, приезжая учиться в большие города, тем более столичные, за годы учебы, при желании, естественно, получали значительный культурно-эстетический багаж, кроме того, общее и физическое развитие.

Даже в нижней заочной среде образования и то такой багаж приобретался. Я, например, приезжая в Москву на сессию, а сессии были у нас по 40-45 дней, сразу шел к расписанию занятий, выписывал те дни, где были «окна», после экзаменов или на выходные, затем ехал в город и покупал на все такие дни билеты в театры, музеи, выставки, на хоккей зимой и футбол летом, в кинотеатры на новые фильмы, даже в книжные магазины ходить - и то находил время, ведь дома ничего этого не видишь. Это было действительно полезно и здорово. Те, к примеру фильмы, что я смотрел в Москве, сразу по их выходу на экран, у нас появлялись через год, а то и более. Другие студенты,

особенно приезжающие на сессию из денежных северных и таежных областей, раздавали чемоданами различные меха, унты, шапки тем, кто им будет готовить курсовые и контрольные работы, принимать зачеты и экзамены, а закончив «официальную» раздачу, шли в рестораны и ежедневно пили так, как будто коньяка и водки в жизни не видели и плевать, извините, им было на те музеи и хоккей.

О нынешней жизни студентов я вообще промолчу. Пятнадцать лет я работал в госуниверситете, читал лекции в других учебных заведениях и слыл «белой вороной» среди коллег-преподавателей, да и среди студентов, хотя, насколько мне было известно, студенты относились ко мне с пониманием и уважением.

Поэтому снова перевернем очередную страницу альбома жизни. Естественно, еще поговорим о студентах. Кишинев. Общежитие сельхозинститута. Семидесятые годы. Я переехал из Казахстана домой в Приднестровье и перевелся из Москвы в Кишиневский сельхозинститут. На время сессии, по знакомству некоторых моих коллег с руководством общежития, нас туда поселяли. Живем вдвоем, уже все взрослые люди, при районных должностях. Выше на этаже жили студенты-вьетнамцы. Один из них, худосочный, маленький и желтый такой, даже больше, чем обычный вьетнамец, как-то зашел к нам и попросил утюг. У нас, естественно все было свое, утюг, электроплитка, ну и другие бытовые мелочи, привезенные из дома. Когда он первый раз к нам зашел, мы как раз ужинали. По его глазам я понял, что он хочет кушать. Усадили его за стол, накормили, дали стакан хорошего домашнего вина. Он наелся и ползком ушел наверх, забыв про утюг. Потом стал заходить к нам почти каждый вечер. Он с удовольствием ел все подряд и особенно обожал сало с чесноком. Он бегло говорил по-русски, но понять было можно. Конечно, он приходил не только поговорить, но, в основном, поесть. А нам что, жалко что ли, пусть ест, даже интересно и как-то приятно.

Вьетнамцы, естественно из северного в то время Вьетнама, как студенты жили скромнее и тяжелее всех. Их посылали на учебу в Союз, как лучших комсомольцев, они были обязаны только учиться. Не разрешалось заводить близкие контакты с земляками, например, парню с девушкой-землячкой. Узнают, сразу донесут, тут же отзывают домой и неминуемое наказание там уже. Они об этом хорошо знали и держались друг от друга подальше. Если у девушек-вьетнамок жизнь еще шла как-никак, то у ребят — одни тогда были проблемы,

особенно по мужской части. Подойти к русским девушкам, табунами бегающим вокруг общежития, они не могут — денег нет абсолютно, без денег таким парням, как они, никто ничего не выставит. Вот что хочешь, то и делай, молодой студент - к своим идти нельзя, а то выгонят и посадят, к чужим можно — так нет денег.

Многое мы узнали от того бедолаги-студента. А один раз разговор как-то зашел о плодах манго, честно говоря я видел консервные банки в магазинах с надписью «Манго» из того же Вьетнама, но пробовать не приходилось. И вот после того, как он в один вечер упомянул слово «манго», кто-то из нас спросил его, а что это за плод, какой у него вкус? И вот тогда студент, зажатый в тиски жизни, сказал, выразил все, что у него накопилось несбыточного в груди и разуме: «О, манго — это как секс» и мечтательно замолчал. Правда, последнее слово он сказал по-русски и я не буду его здесь приводить. Вот так его достали, бедного... А учиться-то все равно надо.

В семидесятые-восемидесятые годы, когда наш Слободзейский район заваливал Союз дешевыми овощами и фруктами, у нас сотворилась, утвердилась и продолжалась долгие годы довольно простая, но рабочая и высокоэффективная стратегия развития того же овощеводства. Главное, на местном, районном уровне было подготовить почву, вырастить необходимое количество рассады, а затем высадить ее и посеять семена в грунт, вырастить урожай, произведя весь необходимый цикл работ. А вот на уборку урожая нам необходимо было найти дополнительно массу рабочей силы, иначе большинство урожая на полях и останется. Я не знаю подобных нашему району вообще в Союзе, и в этом плане, может быть, нечто подобное было в хлопкосеющих регионах, но к нам в летние месяцы — июль-август прибывало до 10-12 тысяч студентов, а с сентября их меняли наши студенты и школьники. Это была большая проблема для района. Их надо было разместить, и не просто разместить, а хорошо, с комфортом, элементарным конечно. Помещения, постели, питание, помывка, охрана, перевозки внутри хозяйств, масса побочных проблем — все это было и их куда не денешь. Но их помощь окупала все затраты с лихвой. Поэтому мы их и приглашали из Москвы, Ленинграда, Белоруссии, частично из Украины и других мест. И студентам тоже у нас нравилось. Не такая уж сложная и тяжелая работа, море овощей и фруктов, усиленное питание, тепло, вода и свободная молодость — что еще надо было студенту всех времен и народов? Мне по

роду службы приходилось заниматься с работающими студентами, часто лично вмешиваться в решение тех или иных общих или конфликтных вопросов.

В моем родном селе Слободзее, в его, так называемой «русской части», довольно далеко от села был устроен большой международный студенческий городок. Назывался он так потому, что в нем находились и работали студенты из разных стран мира, обучающиеся в Москве, в университете Дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Большой интернациональный отряд студентов заполнял это место много лет подряд. Наши районные «активные» люди, естественно, позаводили контакты с приезжающими руководителями тех отрядов, и за пару десятилетий значительная группа наших местных ребят и девчат тоже обучалась в том университете. Так; сказать, взаимное обогащение. Во многих бригадах района были расположены студенческие отряды, но наш интернациональный спецотряд являлся особым и стоял на особом контроле на всех уровнях, поэтому отнимал у тех, кому положено, в том числе и у меня, много испорченных нервных клеток. Как только где-нибудь межнациональный или межгосударственный конфликт, то Эфиопия с Сомали ежегодно не мирятся, то одно Конго (Браззавиль) воюет с другим Конго (Киншаса), да и много других было подобных стычек, тут же начинаются конфликты тех же эфиопов-студентов со студентами из Сомали и т.п. Что делать, они дерутся, а мы их все вместе мирим. Выезжаем, уговариваем, иногда и держим.

Парень был один интересный с Кубы. Теофилом звали. Я почему помню, потому что в те времена на любительском боксерском ринге в тяжелой весовой категории доминировал Теофил Стивенсон, трехкратный чемпион мира. Вот и тот студент был высокий, статный такой, слегка смуглый, выгодно выделялся среди всех студентов отряда. «Предки» у него, скорее всего, были не обычные люди, потому он держался всегда обособленно и высокомерно. А может, характером был горячий, не знаю, но еще при первом знакомстве по их заезду я обратил на него внимание. Он ни с кем не дружил, даже с теми ребятами, что жили вместе с ним в отрядном домике.

Буквально через пару дней после их приезда звонит секретарь парткома моего родного колхоза, женщина, просит приехать в первую бригаду, там в отряде какое-то ЧП. Приезжаю в отряд, старший докладывает, что один студент закрылся в домике, ни ест, ни пьет,

сам не выходит и никого не пускает. Причина в том, что он привез с собой мощный магнитофон, а в домике деревянном нет розетки, не положено по правилам техники пожарной безопасности. Пошел я к нему, через окно договорился, впустил он меня в домик, переговорили, пообещал я ему помочь с той розеткой. Поехал в сельхозтехнику, выписал на колхоз пол-листа асбоцементной фанеры и метров десять бронированного кабеля с розеткой, взял в гараже колхозного электрика, поставили на шурупах асбестовую плиту, провели отдельный кабель, поставили розетку. Все, доволен — он очень доволен и все довольны, в отряде появился мощный по тем временам магнитофон. Вроде, какое-то время было тихо, в Африке тоже как-то с войнами поутихло, студенты работают, все нормально. Дело в том, что в других небольших отрядах белорусов, ленинградцев или украинцев студентов было мало, так что, в основном, стычки происходили между местными пацанами и студентами, но их разрешали на местах, в хозяйствах, а в том международном лагере часто приходилось вмешиваться и нам.

Не прошло дней десять, опять по оперативной связи вызывают в лагерь. Приезжаю, опять Теофил, только на этот раз что-то уже серьезное, обещает поджечь домик и себя вместе с ним. Никого не признает. Снова иду к окну, он меня увидел — минут через пять впустил. Вижу — очень взволнованный, бледный, похудел слегка. Спрашиваю, в чем дело, кто обидел и т.п. «Кто меня может обидеть!?» - обиделся Теофил и замолчал. С какой стороны не начну разговор — молчит. А видно, что мучается. Потом заговорил так быстро, что я сперва ничего не мог понять, говорил он долго. Из обрывков его смешанных фраз я, в общем, понял следующее. Томаты в бригаде только-только начинают «буреть», т.е. менять цвет с зеленых на бело-бурые, собирать и паковать начнут где-то через 7-8 дней. Ну а чтобы студенты не скучали без дела, им дали довольно скучную и трудную работу по прорывке сеяных томатов. Теофила бригадир хотел все эти дни посылать грузчиком на подвозе ящикотары. Там все-таки попроще и посolidнее для парня. А он «запал» на одну симпатичную русскую девушку, в университете и наши тоже учились. Отказался от должности грузчика и напросился в звено к девчатам, где была та (его) девушка. А в звене было четверо студенток, все из нашего Союза, ну и Теофил стал пятым, стал рядом с той девушкой. Начали прорывать томаты. Девчата маленькие, ловкие, только руки у них мелькают, да

стебли травы и лишние всходы летят в междурядья. А Теофилу с его ростом, мощными крепкими руками, да на палящем солнце было очень плохо. Девчата сразу ушли вперед, он изо всех сил пытается их догнать — не получается. А они уйдут метров на 20-30, сядут, отдохнут, пока он к ним приблизится, они опять вырвутся вперед и так беспрерывно. Они-то быстро работают, потом отдохнут немного и снова прорывают, а он, как автомат, без отдыха, без привычки, весь на нервах. А еще ему стыдно, а еще он уже весь мокрый, а еще девчата его поддевают и подзадоривают. Короче говоря, доконали они его окончательно. Он еле-еле прорвал один валок, зашел в лесополосу в конце поля, там отлежался, а потом незаметно обошел по полосе, вокруг поля, зашел в свой домик, закрылся от позора и хотел вообще поджечь свое жилище вместе с собой.

Он рассказывал, рассказывал, а потом так охарактеризовал девчат, соратников по прорывке: «Русская девочка, он как льошад!» Он это сказал так, как приклеил, вот мол какие русские девчата, как лошади работают, куда ему, Теофилу! Переговорил я с ним о разном, о Кубе, университете, родителях, много о чем. Потом пошли вместе к бригадиру, тот сразу посадил его на машину и отправил за ящикотарой. Поговорил я и с теми девчатами, и с руководством лагеря, а потом еще раз с бригадиром, он меня хорошо знал, да и отец мой работал здесь же в рядом расположенной тракторной бригаде. Больше в том сезоне меня в этот городок не приглашали, значит, все было нормально. Несколько раз я сам туда приезжал, а когда они уезжали и был общий сбор, Теофил подошел ко мне и чисто сказал: «До свидания, и большое спасибо!»

А все-таки быть студентом — это здорово! Не теряйте времени, молодые, учитесь, пока есть возможность!

БЮСТ СТАЛИНА

Бюсты вождей — это произведения особого вида художественного искусства, причем, больше, чем искусства. Сочетание двух слов «бюст вождя», есть как минимум синтез искусства изготовления бюста с олицетворением символа вождя, а это тоже целое отдельное направление. У людей все наоборот, а у нас вообще это мало объяснимо - отношение к памяти бывших вождей прямо пропорционально не истинной памяти, а текущей конъюнктуре. Посещая последние почти полвека художественные салоны, наблюдаю чисто конъюнктурное, напрямую связанное с политической ситуацией появление или исчезновение изображений вождей, в т.ч. бюстов. Казалось бы, вынесли Сталина из Мавзолея в шестьдесят первом, пять лет назад перед этим развенчав культ его личности, убрали все портреты, бюсты, скульптуры, и на этом сталинская эпоха закончилась. Ан нет, чем дальше уходят те годы, тем больше внимания общество этому уделяет. У нас все идет по принципу: «Если да — то нет, если нет — то да». То есть, запретили Сталина показывать — тут же начали изготавливать всякие поделки, портреты, цеплять их на стекла автомобилей и т.п. Потом пришло послабление в отношении памяти Сталина — тут же перестали и делать и клеить! А зачем? Раз можно, то нам это неинтересно, раз да — так нет. Вот такие мы есть. Примеров сколько угодно, когда отец в душе не любил советскую власть, но пел ей и ее вождям дифирамбы, потому что ему при этом было хорошо, а сын его, тоже ненавидя любую власть, и советскую, и нынешнюю, уже паскудит советскую власть и ее вождей, его и выкормивших, потому что ему вот так лучше сегодня, а уже его дети будут поливать грязью вообще кого угодно и т.д. Это наша с вами биография — такая гнилая плесень среди нас постоянно присутствует и выдает себя за полезное лекарство.

Но наша задача листать книгу жизни дальше. Следующая была связана напрямую с памятью Сталина Работал я трактористом МТС в Казахстане. Зимой в начале пятьдесят шестого, т.е. еще до двадца-

того съезда КПСС, развенчавшего культ личности, у меня случилась неприятность. В сельском клубе после фильма убрали скамейки для того, чтобы освободить место для танцев. Ну, убрали скамейки, я принес со сцены гармонь, а ребята, в порядке разминки, начали посредине зала попарно бороться, просто так, по-хорошему. Черт дернул и меня вступить в ту борьбу. Схватились мы с одним парнем, я его переброшил через себя, и он, падая, разбил висевший на правой стене от входа портрет Сталина. В шуме борьбы это было не так заметно, стекло разбилось, но осталось в рамке и не рассыпалось. Парень, что ногой в него попал, быстро унес портрет домой. Утром в МТС стекло вставили и водрузили портрет на место. Думали, все, инцидент исчерпан. Но разве ж у нас это возможно?

После обеда нас всех вызвали в контору МТС к секретарю райкома партии по зоне МТС, т.е. замполиту Котенко Федору Кондратьевичу. Он был из тех, номенклатурных кадров, недалекий по интеллекту, но очень далекий по всему остальному. Опросив всех участников, он определил для себя, что основным виновником того «разбоя» явился я, так как именно я бросил парня прямо в портрет. Всех отпустили, а меня он часа три прорабатывал, в том числе рассказал историю, случившуюся уже с ним в армии еще до войны.

Стоял он дневальным, а на отдельной тумбочке у входа в казарму стоял гипсовый бюст Сталина. Дневальный Котенко, пользуясь тем, что в казарме никого не было, подошел к бюсту, протер его тряпкой, потом отдал честь и попросил Сталина отпустить его в отпуск, так шутя. В это время в казарму вошел дежурный по части и не увидев дневального на положенном для него месте у тумбочки, прокричал: «Дневальный!» Котенко резко развернулся, опуская руку от пилотки и нечаянно свалил бюст, который напололам раскололся. Шок был сразу у двоих — и у Котенко, и у дежурного. То были серьезные времена, дежурный, опасаясь за себя в первую очередь, вынес бюст или его части в своей плащпалатке, где-то его склеили, подмазали, покрасили. «А мэне, - закончил, угрожающе глядя на меня, Котенко, - спэрва посадили на 15 суток, дажэ нэ сказали за що, а потам три мися-ци я мыв полы у того дижурного на квартири. Слава Богу, шо вин мэне в НКВД нэ сдав, а то б растреляли б». Понимая, что я в принципе прямо не виноват, как говорится, все боролись и я, но не надо было в клубе бороться. Сталина уже три года не было, так; что отде-

лался я легким испугом. Но на этом перипетии с бюстами Сталина у меня не закончились. И было это уже через год после выноса Сталина из Мавзолея.

Был я командиром взвода, стояли мы в одном украинском селе, скорее пригороде небольшого городка. Казарма наша тыльной стороной примыкала к огромной захламленной территории райпотребсоюза. На работу взвод ходил строем именно вдоль этой территории. Как-то я в окно казармы увидел, что солдаты других взводов проделали дыру в горбыльном заборе и ходят на склад — рампу, где мы работали, напрямую через торговую территорию. Как-то раз, отправив взвод, я писал какой-то отчет, а потом решил проверить путь напрямую сквозь забор. Иду по территории, там чего только не валяется - старые ржавые трубы, радиаторы, морозом разорванные, другие обломки, и среди этого хлама на боку лежит довольно большой бюст Сталина, такой у нас в селе Григорьевка в старом магазине долгое время продавался. Я подошел, поставил его в нормальное положение. Был он целый, но измазанный в грязи. Я его даже обтер слегка какой-то ветошью и пошел дальше. На второй день опять там иду — уже какой-то гад нос ему отбил, на третий — проломили чем-то голову и, видимо, ручной дрелью высверлили глаза. Ну, думаю, нельзя же так со Сталиным Метрах в десяти стоял облезлый пожарный щит, там ржавая лопата. Я огляделся — вроде бы никого, выкопал яму и «похоронил» в ней тот истерзанный бюст, аккуратно заровнял яму и забросал место обломками сухой штукатурки. На следующий день меня вызвали в особый отдел политотдела стоявшей в этом районе дивизии. И началось. Я был членом партии, как раз из кандидатов перешел. Оказалось, что пока там все издевались над бюстом, никто ничего не видел, а как я его прибрал, поступило разу две «за-явы» - от райпотребсоюза, что я у них что-то украл и закопал, и от кого-то из нашей части, после я узнал имя этого подлеца.

Чего только не было! И следственные эксперименты, и собаки, и вскрытие «могилы» бюста. Были бюро и собрания, партком и парткомиссия. Шло это до тех пор, пока наш командир части не пошел к начальнику политотдела и за меня заступился, как за командира взвода, так и члена бюро парторганизации части. Начальник политотдела на удивление оказался разумным человеком, он вызвал меня и начальника своего особого отдела, прочитал отдельные бумаги из

той кучи, что на меня заготовили, сперва зло рассмеялся, потом прекраснейшим русским матом выпроводил из кабинета своего помощника, а мне просто сказал: «Иди и служи». На том бюстовская история закончилась. А жизнь продолжалась.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ГОРДОСТЬ

«У советских собственная гордость», - сказал один из великих наших поэтов. В наше, довольно неопределенное время эти два понятия слегка трансформировались, у одних осталась вдруг «собственность», у других только «гордость». В стороне как бы осталось понятие «советских» (читай — российских), по причине того, что те, кто обладает собственностью, уже не гордятся ею как российской, а только как своей. Хотя в общем плане крылатое выражение В.В. Маяковского в сегодняшней интерпретации может и должно звучать, как «у российских собственная гордость». Должна быть у нас своя гордость и за семью, и за землю нашу, и за государство, и за все, чем можно и нужно гордиться на своей земле. Гордость — особое чувство, присущее любому живому существу, но человеческая, особенная сознательная гордость — это особое возвышающее чувство, вектор ускорения которого — только вперед и ввысь. Нельзя мало или чуть больше чем-то гордиться. Здесь два критерия — или гордимся или нет, не любим или стесняемся.

Эволюция человеческой гордости прошла длинный путь — от гордости за самое себя до гордости за свое государство. Наверняка первый гомо сапиенс, освободившийся от шерсти на своем теле, сразу возгордился этим и гордо демонстрировал соплеменникам, особенно женского пола, свое тело, ну, похоже точно, как сегодня некоторые эстрадные звезды, предки которых наверняка позже всех слезли с дерева, горделиво демонстрируют свои сплошь обросшие тела, приводя в экстаз очумевшую молодежь.

Гордость кроме всего и объединяет людей, ведь, может быть, многие гордятся одним и тем же, командой, например, городом или единым на всех государством.

Если чувства личной гордости были уделом индивидуумов, то чувства коллективной, тем более национальной гордости всегда поощрялись и даже стимулировались. Это было правильно и звало вперед к дальнейшему развитию.

Быль, которую мы вспомним сегодня, посвящена именно теме разноречивой гордости в нашей стране в совсем недалекие времена. Чтобы любая гордость была понятна и осязаема, она должна быть предметна. Ее желательно или увидеть, или услышать, или даже потрогать руками. С этой целью начали создавать различные музеи и выставки. При этом в музеях, как правило, гордость передавалась через показ прошлых достижений, а на выставках шел показ современных достижений и перспектив на будущее. В России (досоветской) выставки в основном были художественные, хотя были выставки и другого, технического, как правило, локального частного плана, без примеси политики. В советские времена разноплановые выставки в большей мере преследовали политико-идеологические цели, но в то же время это форма гордости, своеобразной деловой рекламы и пропаганды в то время довольно широко применялась.

На государственном уровне широкая выставочная кампания началась с организации в Москве в 1939 году Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Конечно, это был больше политический шаг, желание показать миру и себе успехи коллективизации, но организация такой выставки имела и огромное воспитательно-экономическое значение. Лучшие сельхозпроизводители выставляли напоказ свои достижения, их можно было увидеть, пообщаться с передовиками, обменяться опытом. Сельские труженики, приезжая на выставку и в качестве участников, и в качестве экскурсантов, действительно заряжались и знаниями, и желанием тоже достигнуть большего и просто пообщаться и увидеть столицу. Задумка с выставкой получилась, и долгие годы это замечательное место играло свою комплексную роль. Классическим определением роли сельхозвыставки можно считать еще довоенную притчу о том, как на ВСХВ приехала откуда-то зебра. Ну, водят ее, как иностранку, по павильонам, в первую очередь по животноводческой зоне. Она ходит, восхищается — ах, какие у вас жеребцы, ах, какие бараны и свиньи! Заходит в павильон «Скотоводство», а там прямо при входе бык-производитель стоит в стойле, из какого-то армянского колхоза привезли, неказистый внешне, с огромными рогами. Зебра посмотрела на него так брезгливо и говорит сопровождающему ее гиду: «А это чучело зачем вы сюда поставили?» У быка глаза налились кровью, он несколько раз прогреб правым копытом по настилу, направил свои рога в сторону зебры и многообещающе пророкотал: «Слушай, ты... А ну снимай своя пижама, тогда

узнаешь, зачем я здесь стою!» В переводе на сельскохозяйственный язык это означало, что на выставку никого и ничего зря не выставляют.

В войну на ВСХВ стояли зенитные батареи, и лишь в 1954 году выставка открылась вновь. В 1955 году была образована Всесоюзная промышленная выставка, а в 1958 году их объединили в единый комплекс под названием Выставка достижений народного хозяйства СССР (ВДНХ). А в 1992 году уже Указом Президента России все это было преобразовано в ВВЦ (Всероссийский Выставочный центр). С того момента этот прекрасный комплекс можно с большой долей правды назвать КДНХ, т.е. кладбищем достижений народного хозяйства. Потеряно не просто бывшее организующее начало, уничтожен сам показатель стержень, сам всеобщий выставочный дух. И того армянского быка и его потомков давно съели и забыли. Раньше каждая республика СССР имела на выставке свой павильон, где выставлялось все, что было наилучшим на тот период. Отраслевые павильоны и павильоны общесоюзного значения (культура, образование и т.п.) охватывали весь спектр жизни страны. Учили, внедряли, помогали и т.д.

На выставке была и главная Доска Почета СССР, куда заносились лучшие из лучших по всем направлениям. С гордостью могу заявить, что мой родной Слободзейский район и обычно пара колхозов нашего района долгие годы были «прописаны» на той союзной почетной «доске». Повторяю, зря туда никого не заносили, да и сама Доска была не таких уж больших размеров. Сегодня слова «достижения» на той 250-гектарной территории заменено на «шопинг». В большинстве облезших опустевших павильонов устроены какие угодно торговые точки. Символично, что бывший огромный павильон «Космос» сегодня забит десятками бутиков цветочного направления, а перед входом в этот павильон стоят ржавые облезлые «сироты» - космический корабль «Восток», первым когда-то вышедший с человеком в космос, и самолет Як-42. Рядом стоял наш реактивный первенец «Ту-104», так совсем недавно его действительно порвали на части железными зубами спецтехники. В бывших животноводческих выставочных помещениях гуляет ветер и крысы, лишь бывший павильон «Коневодство» используется как гараж или стойло для милицейских лошадей. Ситуация, похожая на общероссийскую — сперва довести объект до полного уничтожения, потом легко обосновать его ничтожность, потом (в центре Москвы) выкупить за бесценок для «своих» людей. Возможно и так, хотя выставка нужна и будет востребована и странами

СНГ и российскими регионами и отраслевыми структурами. Выставка это не реклама. Во-первых, рекламируют, как правило, маловостребованный товар, реклама — действие краткое и разовое, выставка — это многократно большее и на сегодня и на перспективу. Ну, а наша задача — вернуться и показать в выставочном фокусе прежнюю нашу жизнь. После войны 1941-1945 гг., лет рке через пять стали и модными и обязательными сельхозвыставки на местах, в районах, областях, республиках.

У нас, в Слободзее, на молдавской части, между нынешним рынком и бывшим зданием райисполкома, была устроена выставочная площадка. Большим таким деревянным полукругом лицевой стороной на север был устроен цельный павильон с равными отсеками, где осенью несколько недель подряд проходила районная сельхозвыставка. Три летних месяца в этих же павильонах размещался большой районный пионерский лагерь, где отдыхали дети из сел района. Выставка начиналась после уборки, где-то сентябрь-октябрь месяцы. Различные овощи, фрукты, виноград, консервы, вино, снопы зерновых и кукурузы и т.п. выставлялись с гордостью на обозрение, а в конце реализовывались. Мы, сельские пацаны всегда ждали этого момента, закрытия выставки. Нереализованную продукцию привозили обратно в колхозный склад и частично выбрасывали. Вынесут, к примеру, за склад такие огромные переспевшие уже арбузы, кто их там купит, такие, выкатят их и оставят, а пацаны тут как тут. Разрезали огромные как магдебургские шары арбузы по 15-20 килограммов весом, мы их напополам перепилим ножом, получаются две такие огромные ярко-красные чаши с зелено-полосатым дном, затем садимся вокруг и своими ладошками, как черпачками, выгребаем чудесную по вкусу мякоть вместе с соком.

Ярмарки-выставки всегда были событием в селах, они венчали сельскохозяйственный год и надолго оставляли в душах и сердцах людей добрый, благодарный осадок и обязательно гордость за район, свою бригаду, колхоз и конечно себя и своих товарищей. Я, когда уже вырос, дважды удостоивался чести быть участником сперва ВСХВ, в 1957 году, как лучший молодой тракторист области, а в 1967 году, уже ВДНХ, как лучший сельский экономист той же области.

Из серии выставочных курьезов могу вспомнить кое-что из мелочей. Напротив нынешней гостиницы «Космос», которой раньше не было, вдоль пешеходной дорожки, идущей от выставочных гостиниц

до самой выставки, раньше стояло множество киосков, лотков и т.п. Типично русская картина тех лет. Идешь утром на выставку — стоит мужик, торгует апельсинами, по 1.40 или по 2 рубля. Перед ним пара бумажных ящиков, в одном апельсины, в другом — деньги. Зима, на нем телогрейка, поверх нее белая куртка. Через пару часов идешь обратно — ящики так же и стоят, а продавец лежит на спине в снегу, валенками до половины тротуара, в «стельку» пьяный. Какой-то прохожий, может его собутыльник, становится у ящиков и начинает торговать вместо лежащего, ну, чтобы процесс не прерывался.

Уже позже в начале семидесятых, когда учился в институте, часто жил в гостиницах «Золотой колос», «Ярославская», «Алтай» и т.п.

Утром пораньше, до занятий, заходим на выставку что-нибудь перекусить. Снова картина для показа наших «достижений». Чисто наше российское. Стоим, кушаем свежие пирожки с чаем, а рядом Петя (истинное имя) большим драчевым веником очищает свой «мангал», корыто такое из толстого металла, для жарки шашлыка. Его голуби за ночь здорово обсидели, вот он веником и очищает.

Потом приносит шампуры, ящик с заготовками под шашлык или люля-кебаб и ящик с перцовкой. Шашлык готовили редко, его долго жарить, а люля-кебаб нанизал на шампур и все - готово. У Пети нестиранная долгие времена некогда белая куртка, колпак на голове, из-под которого прямо вниз торчат длинные желтые волосы, а молодое лиловое лицо выражает определенную гордость по крайней мере за занимаемое им место в центре всесоюзной выставки. Он нанизывает «люля» на несколько шампуров как бы в запас, быстро разжигает мангал, прогорают дрова, затлевает древесный уголь, Петя укладывает шампуры поперек мангала, наливает себе перцовки граммов сто пятьдесят, зима все-таки, пьет, закусывает первым уложенным «кебабом» и все, процесс пошел. Приятный запах жизни сразу потянулся по территории выставки, и без всякой рекламы к Пете потянулись люди. Первым подошел дежуривший неподалеку милиционер. Петя наливает ему стандартных «сто пятьдесят» перцовки, сует в руки шампур. Страж порядка отворачивается, пьет и отходит в сторону жевать «люля-кебаб». Подходят другие люди, пошла торговля. У Пети руки здорового африканца — верх, закопченный до черноты, ладони — ослепительно розовые. Он мало того, что руками нанизывает заготовки на шампуры, он еще проверяет продукцию на предмет готовности, т.е. прощупывает люля-кебаб в процессе жарки и при вы-

даче покупателю. У него выработалось профессиональное осязательное чувство проверки, и он, прощупав, сразу определяет продукт, готов он или нет к употреблению.

При мне был такой небольшой казус, какая-то группа, по акценту, видимо, откуда-то из Прибалтики, заказала несколько шампуров с тем люля-кебабом. Только заказывающая их женщина попросила, чтобы Петя их не прощупывал руками. Заплатила деньги. Ну, Петя-то профессионал, он, подавая готовые шампуры, машинально все-таки прошелся по ним проверочными ощупами. Женщина, уже протянувшая руку за шампурами, и увидев жест Пети, быстро руку отдернула, и люля-кебаб упал под корыто. Но это были просто наши национальные издержки. Ну, не научили нас, да и мы себя, красиво жить и работать, некому было учить, а теперь уже и некого. Теперь на выставке таких «шашлычных» нет, да, собственно, и вообще ничего нет, а сама территория превратилась из гордости в позор государства.

Думаю, вполне уместно упомянуть и о другом, на мой взгляд, недостойном нашем действе, не менее заметном, чем выставка, даже все-российская. В самом сердце Москвы, рядом с Кремлем расположен главный магазин страны под названием ГУМ (Государственный универсальный магазин). Я не буду вспоминать прошлые времена, когда этот магазин был буквально забит людьми, которые всегда знали, что в нем можно купить (достать) то, чего не было больше нигде. И в те времена «блатные» люди знали заранее, что, когда и где будут давать какой-либо дефицит и умело этой информацией пользовались. ГУМ в прежние годы тоже был ежедневной выставкой-ярмаркой, и любой уважающий себя гость Москвы, свой гражданин или иностранец, всегда не представляли себе поездки в Москву без посещения ГУМа.

Не знаю, как у кого, но у меня сегодня язык не поворачивается назвать это здание ГУМ. Этот магазин из национальной гордости превратили в национальный позор. Наверняка кому-то выгодно сдавать в аренду торговые площади в сердце столицы, то есть сдавать центр города без боя, но за деньги. Сегодня в том ГУМе ничего русского нет, кроме разве что немного икры красной на весь этот огромный комплекс. Первая буква в названии магазина явно не уместна. Его можно называть «ЧУМ» (чужой) или «ПУМ» (посторонний или потерянный) и т.п., но только не ГУМ. Этот великолепный комплекс, где аббревиатура ГУМ выбита на фасадах изначально давно, должен быть действительно государственными, даже не по принадлежности,

а по структуре товаров только российского производства, даже если и иностранного, то на территории России. У нашего государства есть что показать и есть чем гордиться.

Золото и бриллианты, пушнина и меховые изделия, икра, различные морепродукты, сувениры и изделия народных умельцев, даже продукция машиностроения, швейные изделия из традиционных тканей и мехов, да мало ли чего есть на нашей земле! ГУМ должен быть возвращен России и как можно скорее, хватит позориться на весь мир чужими товарами в главном магазине. А иностранным фирмам найдется место и вне Красной площади. Имидж Москвы, России, тем более ГУМа, от этого только повысится, по-другому просто нельзя. Национальная гордость не продается.

Все, что связано с нашей Красной площадью, должно быть для каждого россиянина священным по сути. Уже сама эта площадь у настоящих россиян вызывает чувство глубокого уважения и гордости ко всему, что видела ее гранитная брусчатка, что видели окружающие ее стены и то, что на ней находится. Когда слышишь высказывания отдельных «специалистов», очень ученых и быстро испеченных внуков-политиков, диву иногда даешься — откуда они появились, из чего выросли. Эта «мудрость» чего только не предлагает — то «лобное место» им на площади мешает, то Мавзолей, то могилы видных государственных деятелей. Они, такие «инициаторы», не задумываются о том, что, может, это они всем мешают, и может, не надо убирать много веков стоявшее «лобное место», а их на него вывести?..

Девяносто лет почти стоит Мавзолей В.И. Ленина. За эти годы миллионы людей посетили это место и не по принуждению, а по зову разума, души и сердца. Спросите у них, они вам скажут — убирать Мавзолей или нет. Не мы его ставили и не нам его убирать, потому что Ленин тоже великая гордость России. Мавзолей не могила, это священное хранилище символа государственного гения, равного которому по общеисторической ценности в мире просто нет, не считая великих религиозных пророков. Это признал весь мир, а мы, да не мы, а те, кто защищал свои степени на какой-нибудь одной Ленинской главе, пытаются измазать все его учения и все его действия. Эти жалобные стоны, что, мол, надо предать тело земле и успокоить — чушь малолетняя. Наверняка, многие из тех, что высказывались за вынос тела Ленина и сравнение Мавзолея с землей, были бы согласны лечь туда на место вождя сами, живыми, если бы конеч-

но были этого достойны. Поливая грязью нашу историю, нашу гордость и честь науки, такие люди недостойны называть себя россиянами. Им все равно где жить, кем быть, лишь бы им хорошо было, а если можно заработать даже на гордости и чести России, они не остановятся ни перед чем. Не надо трогать то, что не тобой сделано, и не пытайтесь плевать в лицо истории России. Это наше государство, и что бы с ним не случилось в прошлом — это наше с вами прошлое, наша с вами гордость или наш позор. Историю не надо пытаться поворачивать вспять, иначе она может свернуть тебя самого.

И для разрядки. На месте нынешних очень богатых и продвинутых людей, вместо никчемного лепетания о выносе и захоронения В.И. Ленина где-то в землю, я бы поставил или рядом с Мавзолеем или в центре Красной площади статую В.И. Ленина, высотой, превышающей Спасскую башню Кремля, чтобы виднее было, только за то, что если бы не было В.И. Ленина, его учения и практических действий, то не появились бы ни скороспелые олигархи, ни новые Обломовы, ни виллы, ни яхты и ничего подобного. Ничего бы этого не было просто потому, что и быть не могло. Даже за одно это молено было скинуться по миллиарду, встать на защиту вождя и благодетеля и поставить очередное чудо света, в виде памятника ему, вождю, который о себе думал гораздо меньше, чем те, кто его сегодня ревирует и пытается убрать с Красной площади.

Повторяю, национальная гордость — бесценное достояние всех, и не надо трогать ее чьими-то конъюнктурными руками, в угоду кому-то или даже себе «великому».

И я ее понимаю так, как понимаю, это мое мнение.

ПРИЗЫВ

Призыв на военную службу. Как поменялась ситуация за последние двадцать лет именно с этим действием — призывом в армию. Это было само собой разумеющееся довольно знаменательное действие в жизни общества, особенно сельского. Служба в Армии это было как поступление на учебу, на курсы повышения квалификации, спортивные соревнования, познавательное путешествие, клуб молодежи по моральному, физическому, идейно-политическому, патриотическому и общесоциальному возмужанию — вместе взятым. Это была проверенная веками и узаконенная обществом система определенной «гребеночной» трансформации подросшего поколения, «причесывание» и подтягивание этой разнородной массы под какие-то общегосударственные требования, в первую очередь, в оборонно-защитном плане, а также разностороннего общего развития. Это был (и есть) необходимый государству процесс, выполняющий минимум две функции — защита государства с одновременным воспитанием. Да, воспитанием в строю, это гораздо более эффективнее и в разы дешевле, чем воспитывать или учить каждого отдельно. Историческая миссия нас, ныне живущих — сохранять и развивать то, что нам оставили в наследство предки. Те великие люди, предки россиян, думая в первую очередь о будущем, то есть о нас с вами, за столбили за Россией огромную территорию, на тысячи лет вперед предопределяющую возможности для развития государства, и мы не имеем права, никто абсолютно, кроме врагов, естественно, не думать и не предпринимать необходимых действий для обеспечения неприкосновенности государственных границ и сохранения независимости российского государства.

Подчеркиваю, государство наше - это не любимая всеми Московская область или территория внутри «Золотого кольца», а бескрайние просторы от Калининграда до Чукотки и от Мурманска до Тувы и Амура. И их надо защищать и с каждым годом это будет делать все труднее. А мы все делаем наоборот, да еще долдоним об этом беспорядке на весь мир - реформа армии, сокращение, перевооруже-

ние, кадровые перестановки, переход на контрактную форму службы, новую форму одежды, чтобы дать кому-то работу и т.п. Даже если по большому счету и делать все это, так не обязательно кричать об этом в рупор. До сих пор все, что ни делалось в армии, шло только на ухудшение ее боеготовности. Будете смеяться, но по моему, возможно дилетантскому мышлению, даже такая, казалось бы, мелочь, как замена солдатских сапог на ботинки с трехметровыми шнурками уже отнимает у солдата лишних две минуты при обувке. Умножьте на миллион солдат. А чего стоят разглагольствования о повальном переходе на контрактную службу. И где — в России! Вроде бы все красиво обставлено — да, профессиональная армия, все при месте и т.д. И это тоже вопрос из серии развала и снижения боеспособности армии. Действительно, в качестве радистов, связистов, штабистов и других «истов», где требуется долговременная специальная подготовка, можно и лучше держать наемных контрактников. Но иметь России наемных строевых солдат — однозначно не иметь самой России, особенно в современной обстановке. Внешне это выглядит, как откуп от армии — мы вам платим, а вы нас охраняйте, но детей наших не трогайте, лучше берите деньги. Наемники нас защитят, как же. Стратегически контрактная, наемная, как угодно называйте, армия лучше подходит для интервенции, при агрессивной внешней политике государства организовываются легионы наемников внутри и за рубежом и — вперед. По истории известно, что наемники еще ни одной войны не выиграли. Да, ими можно просто кого-то уничтожить, а завоевать — никогда. А наемный защитник России — это действительно нонсенс Россию защищать надо, у нас совсем другая ситуация, ментальная, территориальная, да и государственная. И те, кто толкает страну на такие «перестройки», вряд ли думает о ее безопасности, скорее действует по подсказке. Но, вернемся к призыву. Это действо перевернуто за последние годы с ног на голову. Если раньше основная масса призывников, узнав о приказе на призыв, шла и искала военкомат, то сегодня военкомат ведет «охоту на лис», то есть ищет призывников, выковыривая их из всевозможных схронов, больниц и других мест. Служба в армии стала непочетной обязанностью, каким-то наказанием, что ли. И это мы все вместе внедрили себе же такое представление о своей же армии, «единой с народом». Это пришло не из-за бугра. Здесь поработали все — и власти своим попустительством, и всякие правоволевозащитники, поющие под чужую

фонограмму, и коррумпированное армейское руководство, и СМИ, и кое-кто еще. Армия стала восприниматься как своего рода тюрьма, хуже тюрьмы, ведь там еще и стреляют и т.п. Поэтому и проводы в армию сегодня совсем другие, чем были раньше. Задача данной были как раз и показать нынешним и будущим молодым поколениям, как это было в наше «плохое», как нынче многие говорят, время. В селе, повторяю, это было совсем не так, как в городе. Давайте воспроизведем историю с призывом молодого сельского парня.

Сперва, ближе к осени (раньше брали в армию раз в году, осенью), парень уже находился в ожидаемо-возбужденном состоянии. Он еще не знал, призовут — не призовут, но он знал главное, и это было фундаментально-определяющим не теоретически, а практически, на живых примерах старших братьев, соседей и т.д., знал, что куда бы он ни попал, в любые рода войск, он вернется совсем другим человеком, окрепшим, возмужавшим, с какой-либо специальностью и умением много делать и понимать. То есть, он станет лучше (даже если не захочет, то заставят, вначале). И вот это лучше и было привлекательным в армии. Но призывник знал и то, что многое будет от него зависеть, поэтому готовился.

Получив повестку, призывник ходил с друзьями по селу, приглашал друзей, родственников, соседей, знакомых на проводы. Ходил он, чтобы было видно, что это «гожий», то есть призванный, перевязанный крест-накрест двумя рушниками, украшенными вышивкой, полотенцами.

Гулянка по поводу проводов была чаще всего масштабная и веселая, обязательно с музыкой и всем сопутствовавшим, в зависимости, естественно, от достатка семьи. Делалась вечером, накануне призывного дня. Гуляли до утра, а утром всей компанией шли в военкомат. Это тоже действо, достойное описания. По договоренности все «гожие» шли в военкомат вместе, но следующим образом. Тот или те, кто жил на краю села, противоположном военкомату, начинали выходить первыми. Из разных боковых улиц колонны выходили на центральную улицу. В центре, посредине процессии шли «гожие», сперва один-два, потом по мере движения их становилось все больше и больше, и наконец, они занимали всю ширину улицы. Расстояние до военкомата, а он был на молдавской части села, было немалым, где-то километра четыре. И вот представьте себе — идет по улице толпа во всю ее ширину и метров на сто пятьдесят длиной, в центре, подхва-

тив друг друга под руки, идут призывные, человек 25-30, всех в один день не брали, а одна Слободзея (вся) давала за призыв солдат больше, чем сегодня какая-нибудь небольшая президентская республика.

Итак, впереди — призывники, как члены ЦК на демонстрациях, а сзади — разношерстная довольно подогретая веселая толпа, повторяю, идет плотно во всю ширину улицы, именно улицы, а не дороги. По обеим сторонам толпы идут «наливающие», то есть люди с графинами, кувшинами с вином и стаканами в руках, которые всем, кто встречается на пути, неважно-прохожий человек или люди во дворах, у калитки, наливают по стакану вина, и все обязаны его выпить за удачную службу «гожих». По неписанному закону, тому, кто не хочет пить, «наливающий» может запросто вылить стакан за пазуху. На моих глазах, в конце сороковых годов, женщина-наливальщица вылила стакан вина за пазуху проходящему навстречу подполковнику, нашему слободзейскому командиру войсковой части, отказавшемуся пить. Ну, что делать, драться же он с ней не будет, просто не сориентировался в обстановке подполковник. Процессия доводила «гожих» до военкомата», там их принимали, гости еще по окончании как бы официальной части пили по стакану вина и шли опять по местам гулянок опохмеляться. Иногда процесс проводов затягивался настолько, что родители получали от сына письмо с фотографией уже в военной форме, а в доме еще продолжались «проводы». Конечно не масштабные, а мелко-кумовные. То кто-то придет за посудой — садись за стол, то за столами-скамейками, то еще за чем-нибудь, то просто крестная заглянет узнать — не было ли весточки, и так далее. Это все наше, российское, тоже доброе, верное, и куда от него денешься.

Был еще необычный случай, довольно накладный, ну это так, на любителя. Когда призывников сажали в машины, отправляя дальше, они бросали в толпу деньги. Это было эффектно, таким широким жестом, достав из кармана, широко бросить в толпу деньги! Мелкие, но бумажные. Одного парня, помню, брали в армию трижды, возьмут, до Кишинева довезут, потом по какой-то причине вернут, и так три раза в течение месяца. И всегда он бросал деньги. Его отец продал корову, так сынок все деньги выбросил, за корову вырученные, а его в конце концов комиссовали.

Бывало всякое, но самое главное — было кого брать в армию, было из кого выбирать в армию, и подавляющая масса призывников желала попасть в армию, по крайней мере, была не против. Не служивший в

армии в прежние времена казался обществу ущербным, никчемным, особенно девушкам. Это было всеобщее целенаправленное, благосклонное и одновременно возвышенное отношение, во-первых, к воинской службе, через нее - к нашей армии, а через то и другое — к нашему государству. И пусть кто-нибудь попытается убедить меня в обратном, пропагандируя и внедряя противоармейские, а значит, противогосударственные действия, выдавая их за заботу, экономию и т.п. Это не то вовсе. А в нынешнем году, призвав на службу чуть более двухсот тысяч молодых ребят, половина из которых с различными дефектами, мы, протрубив об этом опять же на весь мир, признались, что дожили до того, что Родину защищать скоро будет некому. Одними ракетами не защитишь, а зная, что у нас нет людей, противники будут согласны полностью ликвидировать ракеты и ядерное оружие, а потом забрать нас голыми руками. Есть о чем думать.

ПЕРСТ СУДЬБЫ

Принято считать, что судьба каждого человека предопределена со дня появления его на свет. Возможно это и так, но вряд ли стоит полагаться только на этот постулат, и человеку просто необходимо делать все возможное и невозможное, чтобы устроить свою судьбу, что-то изменить или приспособить, тем более, что он не знает, что ему на роду написано. Не всем это удастся, но у тех, кто пытается построить или изменить свою судьбу, естественно, в лучшую сторону, это получается чаще, чем у тех, кто живет волею судьбы, то есть просто плывет по течению. Известно, чтобы доплыть или выплыть, надо грести. Так и по жизни.

Миллионы людей — миллионы судеб. И мало кто из нас носит с собой ту спасительную сумку соломы, чтобы постелить там, где будешь падать. Не носят даже те, кто уже падал. Случайность это или уникальная способность, но были во все времена люди, которые предсказывали будущее, как всем сразу, так и отдельным из нас.

История, которую я расскажу, подтверждает это. Она не абстрактна, а абсолютно достоверна. Случилась она с одним простым человеком около ста лет назад, и все это время передается из поколения в поколение в семье одного моего знакомого, проживающего в настоящее время в Киеве.

Зовут его Николай Павлович. В детстве его воспитывал муж его бабушки, неродной дед, и то, что я расскажу, случилось именно с этим «дедом».

Звали его Петр Андреевич Лыбидь (Лебедь). Родился он в селе недалеко от города Никополя, что на Днепропетровщине. Честно говоря, история эта заинтересовала меня не столько тем, особенным, о чем будет поведено дальше, а схожестью наших с Николаем Павловичем предков. Оба рода оказались из одного казацкого корня — запорожского. Оба замешаны на крепчайшем и неистребимом славянском «тесте». Оба много и трудно работали, добились какого-то благополучия, оба попали в тридцатые годы прошлого века под гильотину «раскулачивания», были репрессированы, остались без ничего, но

назло всему — не сдались судьбе, выровнялись, подняли детей-внуков, а главное — остались людьми. Не предали память предков и не продали веками заложенное, наше, родное, а главное — души свои за чужие сребренники, что сейчас происходит вокруг сплошь и рядом.

Именно стратегическая схожесть наших семейных родов заставила меня написать о судьбе, на мой взгляд, наиболее ярких лиц, из всех участвующих в этих семейных драмах.

Как уже было сказано, разговор пойдет о Петре Лебеде, дедушке моего знакомого. По словам Николая Павловича и знавших его деда людей, Петр Лебедь был высоким, красивым, крепчайшего телосложения, человеком. Мужчины здоровались с ним с опаской, зная, что он может так «пожать» руку, что любой перед ним опустится на колени. Отец деда Петра (далее будем называть его Петром, пока не станет дедом настоящим) был кузнецом и где-то с 11-12 лет научил сына кузнецкому делу. Был тот и горновым в сельской кузне, и молотобойцем, а затем и сам стал кузнецом, причем высочайшего класса. Но это будет уже потом. А в детско-юношеские годы, особенно после трагической гибели отца, семья жила очень бедно, и надо было что-то предпринимать чтобы выжить. За несколько лет до начала первой мировой войны Петр (тогда еще молодой парень) вместе с братом решил съездить в Крым за солью и как-то поправить семейные и хозяйственные дела.

Общеизвестно, что в Крыму всегда была соль, и сотнями лет ее привозили на Украину специально занимавшиеся этим делом люди, так называемые «чумаки». У чумаков их работа всегда передавалась по-наследству. Создавались целые бригады из родственников, да и наемных людей. Это была довольно серьезная система, обеспечивающая солевые нужды целого огромного края. Люди, этим делом занимающиеся, знали все, и не только о соли и месте ее нахождения, они знали весь процесс организации доставки, цены, покупки-продажи, обмена, спроса и предложения, конкуренции, безопасности, в т.ч. обмана и объезда потенциальных грабителей и властей, а также сотни других вопросов, связанных с солеобеспечением.

По большому счету чумаки были сродни нынешним «челнокам», завозившим уже в наше время товары из Турции, Польши, других стран. Отличие только в том, что время стало не то, да и люди и власти стали не те. Гораздо хуже. А в общем — похоже.

Братья Лебеди по-нескольку раз ездили с родителями в такие «солевые» рейсы, кое-что знали, кое-что видели и, полагаясь на свою молодость и силу, решили рискнуть — съездить в Крым вдвоем, без обычной чумацкой ватаги.

Невозмутимый, серьезный и рассудительный Петр тщательно подготовился к поездке. Собрали по отцовским остаткам две подводы. Решили привезти подводу пищевой соли и подводу кормовой для животных. Наняли у людей две пары волов, заготовили продуктов — дорога дальняя, никто даром кормить не будет, а волов можно и пасти. Выехали еще до рассвета. Маршрут был оговорен, все действия при любых возникающих обстоятельствах детально предусмотрены.

Что-то подсказывало Петру: надо с кем-то посоветоваться, получить какую-то моральную поддержку. Он решил заехать в Никополь. Говорили люди, что есть там одна цыганка, зовут ее Нынка, она вроде бы может предсказать будущее.

Денег цыганка не брала, поэтому Петр взял мешок пшеницы и заехал к ней. Нынка посмотрела на него, потрогала его руки, долго молчала, а потом сказала: «Сложная, но интересная будет у тебя жизнь, хлопче. Ждет тебя сегодня дальняя дорога. Едешь ты туда с родной кровью, а вернешься без нее. Побываешь ты и в казенном доме, но выйдешь из него в белой шапочке. А главное — запомни, похоронит тебя седьмая жена».

Дед тогда не придавал значения словам цыганки, даже по той простой причине, что у него и первой жены еще не было. Поблагодарил Нынку, и поехали они с братом дальше.

Поездка в Крым была трудной и долгой, но в начале вроде бы все шло благополучно. Доехали, набрали соли, два дня дали попастись и отдохнуть волам, немного запаслись едой, потому что на обратном пути еду всегда можно будет получить в обмен на соль. Денег у братьев не было, казалось бы, и бояться нечего. Но когда в одну из ночей они отъезжали от Джанкоя, напала на них какая-то случайная или специализированная банда. Почувяв погоню, братья разъехали в разные стороны (так было договорено заранее), чтобы позже встретиться в условленном месте. Но сколько ни ждал старший брат в условленном месте, младший так и не появился. Скорее всего банда погналась за ним. Больше о брате ничего не было слышно.

Уже приехав домой, успешно продав соль, рассчитавшись с долгами, Петр вспомнил завещание цыганки: «Поедешь с родной кровью,

а вернешься без нее!»! Выходит, сбылось, да еще так быстро! Что же будет дальше? Неужели цыганка будет права во всем?

Петр жил в селе, работал кузнецом. Постепенно слава о нем, как о мастере, разнеслась по всей округе. Он ковал лошадей, делал повозки, брички, тачки, различный хозяйственный инвентарь. Причем, все своими руками — выковывал и «обжимал» оси, обтягивал колеса. Повозки с его «лыбидивским» колесным звоном ездили по соседним селам и поселкам.

Жить в селе без хозяйства нельзя, а с хозяйством без хозяйки — тем более. Надо было жениться. За несколько лет до начала первой мировой войны — женился. Хорошая попалась девушка — из соседнего села, красивая, статная, хозяйка замечательная. Звали ее Мария, также называли и родившуюся дочку. Да не судьба, видно. Через год жена заболела какой-то легочной болезнью и ушла на тот свет, оставив Петру дочку.

Забот прибавилось. Кузница, хозяйство, крохотная дочка. Пришлось жениться снова. Вторая жена — Клава, с ней тоже хорошо жили, но опять чуть больше года. Она умерла при родах, оставив кузнецу еще одну дочку. Ситуация с каждым годом только усложнялась.

Пришлось жениться в третий раз. Опять нашел девушку, на вид неплохая, люди хорошо отзываются. Договорился с родителями, перевез домой, поужинали, девушка начала готовить постель, и тут случилось что-то необычное с Петром. Он увидел, как девушка зашивает подушку левой рукой! Петра как бы хватил удар. Он вспомнил трагический случай со своим отцом-кузнецом, происшедший давно на его глазах. Отец с молотобойцем округляли ось для повозки. Отец держал в руках раскаленную заготовку, проворачивал ее, ставил для округления и подсказывал такт ударов молотобойцу, тот работал молотом

Петр работает на мехах, раздувая огонь в горне. На его глазах молот у молотобойца срывается и... опускается на голову отца. Отец умер мгновенно. Дело в том, что угол удара молотом у левши совсем другой, чем при правостороннем ударе. Молот как бы описывает дугу постоянно в сторону кузнеца. Это опасно. Молот всегда может сорваться и наделать бед, что и случилось с отцом Петра.

С тех пор он никогда не брал в молотобойцы парня-левшу, каким бы хорошим он не был. Не брал, несмотря ни на просьбы, ни на приказания.

И когда он увидел, что его очередная жена шьет левой рукой, он молча собрал ее вещи и со слезами на глазах отвел к родителям, попросил прощения.

А делать что-то надо, дома хозяйство, да двое маленьких девочек!

Нашел четвертую жену, уже ни на что не надеясь. Так и вышло. Через неделю после начала их совместной жизни пошла она набрать из колодца воду. Колодец был глубокий. Воду доставали с помощью своеобразного ворота, на который при подъеме воды наматывалась цепь с ведром. Ворот имел длинную металлическую ручку, похожую на заводную рукоятку для автомобиля.

Новая жена, наверное, была не очень знакома с такой конструкцией, или что-то другое случилось, но ведро с водой, которое она держала левой рукой на срубе колодца, соскользнуло вниз. Женщина непроизвольно попыталась его поймать, нагнулась и получила страшный удар по голове ручкой ворота. Мало того, ее развернуло, и она упала вслед за ведром в колодец. Два-три мгновения — и конец.

После четвертой осечки с женитьбой Петр опять вспомнил цыганку и, несмотря на тяжелые обстоятельства в его домашнем хозяйстве и двоих детей, пока перестал думать о новой женитьбе. Пристроил девочек к какой-то соседке на время, а тут началась война с Германией.

Вначале его не призвали по возрасту, а где-то через год все же мобилизовали. Воевал он достойно. Стал полным георгиевским кавалером.

Несмотря на рост и солидные габариты, его не зацепила ни одна пуля за более чем год на передовой. Он не искал смерти, но и никогда не прятался, а если приходилось идти в атаку, то есть драться в рукопашную, горе было тому противнику, который попадался на его пути.

После одной из газовых германских атак и опять же с учетом его возраста и двоих детей, война для Петра закончилась. Он вернулся домой. Поднимал запущенное за время отсутствия хозяйство. Снова застучал молот в его кузнице. И снова встала необходимость хозяйки в доме. В селе без этого не обойтись.

Имея горький опыт прежних своих женитьб, именно женитьб, так как в те времена, тем более в селах, непривычные для православных людей тихие подпольные, так называемые «гражданские» браки не воспринимались. Да и не таким человеком был и сам Петр. Он всегда был на людях, и все, что ни делал — делал основательно.

Помаявшись несколько лет, он нашел молодую девушку — ее пригласили учительницей в соседнее село. Понравилась, да и он ей был безразличен. Сошлись, забрали дочек, какое-то время нормально жили.

И снова (пятая!) осечка. Для городской девушки, тем более вкусившей прелесть образования, монотонная и беспрерывная сельская жизнь, да еще с двумя чужими дочками от разных жен, быстро показала сссылкой, даже при хорошем муже.

Она начала метаться, часто плакать, даже болеть, и на вопросы Петра однажды рискнула попросить отпустить ее. Она хочет учиться, а затем сама учить, а здесь она просто не может жить, и скорее всего пропадет, то есть пользы для его семьи она не принесет.

Суровый и неукротимый характер был у Петра, но в данном случае он рассудил справедливо и отпустил ее, хотя и с тяжелым сердцем.

Шестая по счету жена пришла сама. Была она из этого же села, муж пропал на фронте несколько лет назад. Пришла она в кузницу лопату и еще что-то починить, да так и осталась.

Зажили они хорошо. И хозяйство пошло в гору, и дочери ее полюбили, да и Петр, наконец, почувствовал, что в доме появилась хозяйка. У нее тоже был маленький сын, но это не омрачало семейного счастья.

Но так же не бывает, чтобы все было хорошо, для Петра лично! Где-то через год откуда-то появился ее муж. Был он в немецком плену, оказывается, и то ли сбежал, то ли отпустили его, но появился. На второй день пришел к Петру в дом, без всяких претензий, просто пришел дать знать, что живой.

Что делать, снова Петр остался в холостяках...

И только в начале двадцатых годов в соседнем селе нашел ту, «свою», седьмую по простому счету, жену, Ефросинью, тоже Андреевну, с которой и прожил еще более тридцати лет. Она была вдовой, имела троих детей, двух девочек и мальчика.

Образовалась, что подтвердилось позже, большая, разнородная, но дружная и счастливая семья. Через пару лет к пятерым детям жены и мужа добавился и совместный ребенок, мальчик по имени Николай.

Дела в семье начали налаживаться. Петр любил работать, и вскоре слава о его кузнечном мастерстве вышла далеко за пределы не только окружающих сел, но соседних районов.

К концу двадцатых годов в семье Лебеда было две пары волов, пара лошадей, кузница, участок земли, хороший дом и хозяйственные постройки. Пошли учиться дети, что тоже было не так просто, все-таки шестеро, надо одеть-обуть и так далее.

Казалось, все трудности позади, живите да радуйтесь, но Петра ожидало очередное испытание. Когда однажды он пришел домой на

обед, то увидел довольно странную картину: во дворе стояли две подводы, одна — нагруженная мешками, другую грузили незнакомые люди, вынося мешки с зерном из сарая-закрома.

Когда Петр подошел к двум по виду старшим в этом процессе, один из которых был участковым милиционером на несколько ближайших сел, и спросил, что и на каком основании они творят на его дворе, ему ответили, что есть указание собрать излишки зерна вне зависимости от того, рассчитался хозяин по плану сдачи зерна государству или нет. Петр не считался «кулаком», сам работал, поэтому зерно у него могло быть закуплено, по госценам.

«А если я не могу отдавать хлеб, тем более за бесценок, у меня семья, шестеро детей?», — начал распаляться Петр. «У всех семьи, хлеба даже в райцентре не хватает», — безразлично бросил уполномоченный из района.

Если бы не жена, натворил бы делов могучий Петр, но повисшая на его руках Фрося кричала: «Не надо, Петя, дети!»

Обошлось без стычки, но все равно Петра арестовали за сопротивление и грубость по отношению к власти, осудили на два с половиной года. Все понимали, что это беспредел, и Петр, и те, кто его судил и этапировал в лагерь, но дело было сделано, а переделывать было некому.

В таких ситуациях люди ведут себя по-разному. Одни стараются полегче и потеплее устроиться или сбежать, другие отлынивают и просто «тянут» срок, третьи озлобляются и, прикоснувшись в неволе в этой отравленной чаше — злобе, выходят из тюрьмы еще более худшими, чем до попадания в нее.

Петр, чувствуя свою правоту и рассуждая с врожденной порядочностью и трудолюбием, пошел по своему пути и начал делать то, что мог делать лучше всего. Он пошел работать. Попал на строительство Днепрогэса. Смастерил себе сам огромную специальную лопату и соответствующую ей тачку. Ежедневно он, не особо надрываясь, выполнял по две, две с половиной нормы на землеройных работах по отсыпке плотины ГЭС.

Экскаваторов тогда было очень мало, и основные работы выполнялись заключенными, нормы выработки были довольно высокие. Учитывая уровень питания и условия содержания заключенных, не каждому из них удавалось выполнить дневную норму.

Норма была главным мерилем всего и соответственно служила инструментом воздействия. Выполнил норму — получаешь паяк в положенном объеме, сделал половину — получи полпайка, то есть отношение к «зэку» шло в прямой пропорции через выполнение им prescribed дневной нормы.

Петр работал с какой-то неистовостью, его старание было замечено и отмечено. О нем говорили, писали в местной печати, его ставили в пример.

Здесь необходимо вставить небольшое отступление. Пусть это будет случайным совпадением, пусть похожим случаем, неважно, но даже в этом судьбы наших семей схожи.

Мой крестный отец, дядя Семен, тоже строил ДнепрогЭС, тоже не по своей воле и по схожим причинам, опять лее был землекопом. Уже после войны он рассказывал нам, пацанам, как он строил ту ГЭС. И был в его рассказах один случай.

«Тяжело, — говорил мой крестный, — давались нам те трудонормы на стройке. Еле-еле мы еще с одним слободзейским парнем норму делали. А тут читаем боевой листок, один парень на таком-то ярусе выполняет по две-три нормы. Да не может такого быть!

В один день мы быстренько пообедали и, не пожалев полчаса отдыха, пошли искать того передовика Нашли, посмотрели и больше не удивлялись. Сразу поверили. А парень тот метра под два ростом, лопата у него сантиметров 70, он черпает ею землю как небольшим экскаватором и бросает аж на третий ярус. Мы сразу все поняли и никаких вопросов никому не задавали, — подытожил крестный, боевой листок, оказывается, писал правду».

Я не могу сказать, что крестный сталкивался именно с Петром Лебедем на строительстве плотины, а просто подчеркиваю схожесть судеб наших предков.

Как бы там ни было, Петр действительно здорово работал, как бы подтверждая свою случайную судимость. Он пользовался действительно уважением у всех — и у лагерного начальства, и у работяг. Когда он отбыл в лагере около половины срока, то был вызван к начальнику лагеря.

«У тебя шестеро детей дома, — сказал тот, — наверное, ты им нужен не меньше, чем здесь. Но сокращать тебе срок я не вправе, а помочь тебе могу, ты заслужил. Давай, пока время еще есть, пойдешь учиться. Есть несколько вариантов».

Петр выбрал необычную для себя и для всех, кто его знал, профессию, пошел на курсы фельдшеров-акушеров и вернулся домой, как и предсказывала когда-то цыганка, «из казенного дома в белой шапочке».

Так появился новый гибрид, необычный, правда, — кузнец-слесарь-гинеколог». Он продолжал учиться и стал действительно настоящим врачом, лечил многие болезни, как женские, так различные другие. Сильные руки Петра оказали помощь многим людям, и женщинам и мужчинам. Слава его, как мастера-кузнеца, уступила место не менее достойной славе врача.

Совместный с Ефросиньей сын тоже стал врачом. С первых дней войны был на фронте. Прошел всю войну, был начальником полевого госпиталя, погиб с седьмого на восьмое мая 1945 года западнее Берлина, когда немецкая группировка пыталась вырваться из кольца советских войск и пробиться к американцам. Госпиталь, где командовал Николай, был просто раздавлен мчавшимися на бешеной скорости немецкими танками.

Последнее письмо, отправленное Николаем домой 6 мая, пришло, когда его уже не было в живых.

А дед Петр, теперь я буду называть его так, поднял всех старших пятерых детей, помог им получить хорошее образование и обустроиться в жизни. С появлением на свет Николая Павловича, от имени которого я веду этот рассказ, дед заменил ему ушедшего отца.

Как врач, дед практиковал около двадцати пяти лет, был похоронен в своем селе Дружба (бывший 12-й поселок) в 1956 году своей седьмой женой, родной бабушкой Николая Павловича, — Ефросиньей Андреевной.

Вот такая внешне невероятная история. Так в действительности исполнилось предсказание мудрой цыганки. А внук деда Петра, Шматко Николай Павлович, — тоже замечательный человек, известный многим людям не только в Киеве, где он совсем недавно ушел на пенсию с должности начальника Бориспольского аэропорта, но и во многих других местах, где он долгие годы служил нашему доблестному, совсем еще недавно, Аэрофлоту. О судьбе своего деда он знал не понаслышке, а я узнал от него... И за это ему благодарен не только от себя, но и, надеюсь, от читателей тоже, узнавших эту удивительную быль из нашей жизни.

ПИВНАЯ МОЗАИКА

«Неважно, кто ты, неважно, с кем, когда и где, главное, какое ты пьешь пиво...» Это сегодня.

Слушаешь все это, смотришь, понимаешь, что хорошее в такой обильной рекламе не нуждается, и думаешь: «Ну что ж, слава Богу, дожили — изобилие; водка — любая, пиво — любое, сколько хочешь и когда хочешь; все средства массовой информации настойчиво «подливают» нам горячительных и «бодрящих» напитков, таких привлекательных внешне, что трудно устоять и язвенникам и трезвенникам, тем более здоровым людям в возрасте от года до бесконечности». ..

Но разговор пойдет не о рекламе или антирекламе. Кто хочет, пусть пьет, кто не хочет, — не надо. Моя задача — продолжить историческую серию былей из нашей жизни и показать ныне живущим и будущим поколениям, как мы жили в последние сто лет, как общались и соприкасались с таким общественным напитком, каким является пиво.

Это не мозаика юморесок, это просто жизнь, где-то грустная, где-то смешная, но реальная жизнь. Мне, как рассказчику, скорее всего больше стыдно, чем смешно, но мы так жили, пусть не все, но подавляющее большинство. Сегодня это уже история, а историю надо знать всем, не только чтобы помнить и не повторять то, что было плохим, а чтобы брать в будущее только лучшее.

Родился и вырос я в тех местах, где веками выращивали виноград, делали домашние вина и что-нибудь покрепче; все остальные спиртосодержащие напитки, в том числе водка и пиво, у нас всегда занимали второстепенные позиции, особенно в селах. Водку могли позволить себе, в первую очередь, те, кто имел возможность заплатить за нее деньги, а затем уже, вынужденно, — люди с повышенной кислотностью желудка. Но беда была в том, что основная масса сельского населения в прежние времена работала в колхозах, а эти организации выдавали какие-то деньги в лучшем случае один раз в год, после распределения общеколхозных доходов по начисленным трудовым дням.

Ситуация с употреблением пива была практически одинакова во всех сельских районах огромной страны.

Если в нашей, виноградной зоне, основным напитком являлось вино, заменяющее пиво и водку, то в тех регионах, где натуральное вино делать было не из чего, пили брагу, самогон, все, что угодно, сшибающее с ног, но опять же не пиво — из-за всеобщего сельского безденежья. Заимев какую-никакую копейку, крестьянин, жаждущий выпить, в девяносто девяти с половиной случаях из ста покупал чего-то покрепче.

Писать об этом сегодня, может быть, для кого-то и стыдно, но это история нашей страны, это многие-многие годы великих событий и многие миллионы людей. Это, образно говоря, фотографии из старого альбома нашей жизни.

В настоящее время можно думать о недавнем прошлом, что угодно, но все это было именно так. На самом деле.

Давайте размотаем одну из тоненьких ниточек огромного, довольно путаного клубка нашей прежней жизни. Пусть не главную, но достойную, по меньшей мере, внимания.

С высоты времени и возраста смотришь на нашу недавнюю «пивную» историю и недоуменно рассуждаешь: Ну ладно, проблемы с хлебом, мясом, молоком, другими видами продовольствия, одеждой, обувью, автомобилями даже как-то можно было объяснить тысячами причин, но мы же никогда, долгие-долгие годы, не имели вдоволь нормальной воды и того же пива, И дело здесь вовсе не в бывшей монархии или опять же в бывшей советской власти, которые так о нас «заботились», что не давали возможности не то что напиться, а просто выпить, когда захочется хороших воды и пива.

Дело — в веками продолжавшемся и в последнее время усилившемся всеобщем стремлении окружающих и не окружающих нас «друзей и партнеров» задавить-таки это непокоримое, необъяснимое и неуничтожаемое образование под общим понятием — «российский народ», который отхватил у мира шестую часть территории земного шара: сам не может дать ей толк и другим не дает.

В прежние времена огороженная «железным занавесом» Россия подвергалась только внешней, как правило, военной экспансии, а с прорывом «демократии» пошли другие методы воздействия. Вначале — расчленение и разжигание национальной розни, уничтожение жизненно важных отраслей и на этой основе навязывание поставок

нелекарственных препаратов, канцерогенного продовольствия, фальсифицированного спиртного, явно не перспективных технологий и еще многого того, что отрицательно влияло на российское общество в целом. И если уж не губило наш народ сразу, напрямую, то «выбивало» его из жизни постепенно — как сегодня, так и в необозримом будущем. Перспективы у нас в этом направлении, по-моему, более чем мрачные, и уже не радует изобилие ни «товаров», ни тех же напитков.

Это так, небольшой текущий комментарий. Но моя задача — наша история, наша прежняя жизнь, причем еще совсем недавняя. Казалось, зачем об этом писать? Тем более о негативном. А ведь надо.

До сих пор исследователи находят древние цивилизации, большие красивые уничтоженные города и т.п. Значит, не мы первые, не мы последние на этой Земле. История повторяется, и надо знать ее, чтобы не повторять прежних ошибок и не уничтожать себя своими же руками.

Но вернемся к теме, т.е. к пиву. Когда произносится слово «пиво», оно и сейчас, когда этого добра полно везде, даже там, где нет ни света, ни работы, ни дороги (лишь бы были люди), вызывает у меня и у моих сверстников одну ассоциацию, одну картину: «описанная», извините, со всех сторон деревянная будка, в ней — столитровая бочка с пивом и при ней — стандартная «двухсотлитровая» наша классическая буфетчица. Снаружи будки — потная, возбужденная, ревущая, с оторванными пуговицами, с горящими глазами, устремленными на пивную струю из-под крана, очередь, вернее — толпа И обязательно — или пиво закончится, или насос сломается, или бокалы последние добьют, или буфетчице отчет надо сдавать, или еще миллион причин, но что-то помешает людям выпить того злополучного пива К сожалению, ничего другого в памяти моей не осталось. Ну, это уже после прожитого, довольно приличного периода жизни.

А впервые я услышал слово «пиво» в первые послевоенные годы. Вернувшийся в сорок шестом с фронта, мой отец работал на автомашине и по выходным дням возил колхозников на рынок в Одессу. Она всегда была основным рынком сбыта сельхозпродукции для многих приднестровских сел. Это был и «наш» город, по определению, — «спутник» Тирасполя, моложе его на два года, а для слободзейских сел, которые были намного старше Одессы, он и вовсе значился «ребенком», которого надо было растить и кормить, а потом

уже взрослого — обеспечивать необходимым продовольствием на взаимовыгодной основе.

Люди Слободзейщины знали и любили Одессу, ее людей и чаще ездили туда с продукцией, чем в соседний Тирасполь. Во-первых, Одесса, с ее растущими масштабами, скупала все, что привозилось, а во-вторых, там были более высокие цены.

В связи с этим между одесскими рынками и приднестровскими (в первую очередь — слободзейскими) селами постоянно курсировали грузовые машины. Грузовики местных колхозов, по спискам, возили по тем же маршрутам колхозников по выходным дням. Это была отработанная многими годами система, действовавшая до середины девяностых годов двадцатого века — до тех пор, пока политикам не пришла мысль выставить между Одессой и нами погранично-таможенные преграды и перерезать питающую город продовольственную приднестровскую артерию, поменяв наше естественное — на искусственные, турецкие и тому подобные суррогаты.

Возвращаясь после воскресных поездок в Одессу, отец, да и родственники-соседи, часто употребляли выражения типа — «зашли, выпили по бокалу пива». Так как говорили они о чем-то хорошем, то мне, пацану, пиво представлялось чем-то особенным, приятным, и я все ждал часа, когда его увижу, а если повезет, то и попробую.

Где-то лет с 8-9 отец начал брать меня с собой на одесские рыночные поездки. Там иногда он завозил меня к родственникам, вечером забирал, но чаще всего я оставался при машине, то есть на рынке.

В те времена не было нынешних «микрорайонных» рынков, поэтому основными центрами притяжения слободзейской продукции были Новый рынок и Привоз. Для пытливого сельского пацана один день пребывания на одесском рынке, наверняка, можно приравнять к одному классу школы. За день там научишься и читать (все кругом исписано, да еще как и чем!), и считать, и историй услышишь невероятных, и с физкультурой познакомишься.

На рынке было много сельских ребятишек, они в основном помогали родителям торговать. Еще больше было одесских пацанов, у них в те голодные годы были совсем противоположные цели и задачи — украсть, обмануть. Для меня такие поездки были определенной жизненной наукой, и я использовал любую возможность «примазаться» к отцу, если он получал задание везти людей на рынок.

В те годы (сороковые-пятидесятые) трасса на Одессу не проходила через нынешний поселок Первомайск, а пересекала железную дорогу напротив села Ново-Котовск, опускалась к лиману, затем через и поныне существующий арочный мост под железной дорогой обходила с восточной стороны село Кучурган. И вот там, на придорожной площади, стояла то ли чайная, то ли столовая сегодня в том месте знаменитый кучурганский вещевого рынок.

Чайная стояла на перепутье дорог, открытая для всех ветров и проезжающих. Возле нее всегда останавливались, справляли какие-то надобности, ну а кто хотел (или имел за что), мог выпить сто граммов или бокал пива.

Я с раннего детства боялся этого места. Дело в том, что бабушка Маня, когда хотела меня как-то приструнить, часто говорила; «Як будэмо ихать в Одесу, в Кучургани, на бугру, стоять здоровэни козаки, в шароварах, с осэлэдцамы на голови, при шаблях, воны там украински прыкордонныкы, чи що. А з нымы страшна стара соплыва баба Так вона усих нэслухляних пацанив цылуе. Будэм ихать с тобою, так я з нэю побалакаю».

Образ «сопливой» бабы долго держался в моей голове, но так как таких прецедентов не было, я перестал этого бояться. Тем более что именно там отец впервые дал мне попробовать пиво. Отхлебнув несколько глотков, я был настолько разочарован этим напитком, что минимум лет десять после той «пробы» пиво, как напиток, потеряло для меня всякий интерес.

Так заочная любовь превратилась в очное отвращение, продолжавшееся до самого моего совершеннолетия. И тут приходится констатировать, что, несмотря на то, что где-то лет с восемнадцати я совсем по-другому начал относиться к этому напитку, а мне сегодня уже почти четыре раза по восемнадцать, но нормальных дружеских отношений (пиво требует именно размеренного и теплого отношения) у нас с ним так и не получилось.

Дело в том, что свое совершеннолетие я встретил на целинных землях Казахстана и прожил там двадцать два года. Сельский советский Казахстан и пиво — это как земля и небо, космос и преисподняя. Где могло быть пиво в Казахстане (читай Сибири и до Дальнего Востока)? Только в городах (мизер), иногда летом в районных центрах или крупных селах.

Восемь возможных морозных месяцев, с сентября, даже с конца августа — до начала мая, исключали завоз пива, как бутылочного, так и бочкового. А само понятие «завоз» чего стоило? У нас на всю область, которая по территории большей всей Молдавской ССР ровно в 10 раз, был один пивзавод в областном центре — Актюбинске. Производил он, кстати, очень хорошее пиво, ну и что?

Веер развоза пива по районам — от 10 до 500 километров. О какой поставке пива можно было говорить? От нас до пивзавода было более 150 км. Ну, далее допустим, завезут когда-нибудь в село бочонок этого экзотического напитка. Ну откроют ту драгоценную бочку где-нибудь в столовой или в магазине. А дальше? Основная масса потенциальных потребителей пива в поле с шести-семи утра — до десяти вечера. Сказать жене, чтобы взяла пива в банку, в полночь надуться его, а утром с чумной головой — на трактор или комбайн...

А с апреля до октября в селе — ни отпуска, ни выходного. Ну на день Троицы, да еще если непогода, выходной. А так — каждый день в работе, какое пиво?

Это где-то там, в сытых, «культурненьких» странах, мужики по вечерам собираются в кафе-барах, беседуют, общаются, высосут за весь вечер по бокалу пива и чинно расходятся по домам. Никакие жены и дети их не вытаскивают из тех баров и не гонят домой. Они спокойно расходятся, твердо зная, что и в баре будет пиво, и общение с друзьями снова состоится. Культура! Не только привитая веками, но и материально обеспеченная. А мы за сотни лет так и не приблизились к этому.

Я сегодня могу уверенно сказать: измышления иностранных и нынешних наших «исследователей» о том, что российский народ генетически предрасположен к пьянству и лени, надуманы по внешнему результату, но ересь и глупая чушь — по сути. Мы сами сотворили такое с нашими людьми. И основная вина за то, что мы получили сегодня в селах, — вина властей, как бывших (царских, советских), так и нынешних демократических, с бандитским уклоном.

Проблемы есть, есть и способы их решения, но об этом в будущих историях. А пока полистаем наш жизненный альбом, посмотрим отдельные фигуральные фотографии, так или иначе связанные с пивом.

Мне их, правда, стыдно показывать, но, повторяю, так жили многие годы многие миллионы людей. В принципе, должно быть стыдно

тем, кто регламентировал нам такую жизнь, да где их сейчас возьмишь, многих уж нет, другие — далече, или не у дел. Да и неизвестно им такое чувство, как стыд, у них-то все было, а о людях они не знали, да и знать не хотели, как мы жили, особенно в селах.

Классическое фото пятидесятых. Осень. Слух по селу — пиво привезли! Через час все мужики — в столовой. В столовой — это образно, так как в самой столовой вместились человек тридцать, остальные — на улице, в любую погоду и время года. Над всем этим скопищем мужиков висит негласно: «Бочка всего одна, завтра уже не будет».

Взять пиво можно только один раз, больше просто не успеешь. Никаких друзей-родственников никто не празднует, поэтому, если достоялся до пива, бери, сколько сможешь унести. А можно только шесть кружек, по три в руку. Попробуй выйти и не пролить их. Тут же рядом и пей, кружек в столовой — 15-20, тара тормозит розлив и нервирует людей. Ты пьешь, а вокруг — три-пять человек, у них буксы горят, им нужны пустые кружки, ведь время идет, столовую скоро закроют, а утром на работу и т.д. Поэтому, взял пиво — пей или отдай кому-то, но быстрее верни тару.

Какие там несчастные немецкие или чешские бары, где можно сосать бокал весь вечер... Здесь по-другому, схватил один раз — и тут же где-то в углу вливай в себя те три литра или полтора, если вас двое. Все.

Второй раз в очередь уже не станешь. Не успеешь, так как опять надо выстоять полтора-два часа, а их нет даже по распорядку работы столовой. И весь этот ужас, весь этот позор проходит не в гробовой тишине, а в сплошном шуме-гаме из матерщины, оскорблений, толчков, угроз-обещаний.

Пока очередь выстоишь, все лишнее выдавят, эмоционально настроят, обкурят, обольют, неоднократно обругают. А выпьешь, выйдешь и еще долго не сможешь сообразить, что же с тобой произошло: надутый, намятый и в тот вечер получивший от жизни все...

Дикость, а что делать, никто не знает, когда снова пиво завезут в село. Какие там минизаводы, какая культура, какое общение? Скажите спасибо, что порадовали вас пивом! Это сельская классика наших молодых лет.

Не смейтесь скептически, нынешние «продвинутые»! Если бы вы хоть одну такую очередь выстояли, то смеяться никогда бы не стали. Поэтому я и сейчас не смеюсь, а просто листаю жизненный альбом дальше.

1965 год. Декабрь. Ночь. Минус тридцать. Я на вокзале города Орск жду поезд, чтобы ехать домой — «Орск-Кандагач». Ходил он очень неудобно, где-то в час или два ночи, да еще через день. Буран, другой дороги, кроме ж/д нет. В вокзале — битком, пассажиры, бомжи, да кто угодно. Орск — не Таиланд, где и в декабре можно лежать где-нибудь в кустах только в набедренной повязке или без.

Метрах в ста от вокзала находилась пивная будка, наша, классическая, со столь же классической буфетчицей — приземистой, с бычьей шеей, которая у нее вся в каких-то болячках. Там можно было купить какую-то консерву или печенье, но в вечернее время — не подступись, набито битком. Пиво дают с подогревом. Все как; обычно, но буфетчица на электроплитке подогревает пиво и доликает в бокалы. Иначе его в рот взять нельзя — просто ледяное.

Внутри будки, на пяти квадратных метрах, — попавшие туда счастливицы, вплотную один к одному, как патроны в круглом магазине старого автомата ПППШ. Часть мужиков стучит ногами на улице. Идет медленная ротация — снаружи вовнутрь и наоборот.

Чтобы убить время и выпить пива (у нас же его всю зиму не будет!), попал в будку и я. Выстоял на ледяном ветру и при очередном выбросе клиентов буфета оказался во чреве будки. Там шла своя жизнь. Давка, понятно, вроде как собрание единомышленников; в качестве уважаемого президиума та счастливая пятерка, которая уже на финишной прямой, ведь она уже облокачивается на буфетный прилавок. «Президиум» передвижной. Первый получает кружку — уходит, сзади следующий заполняет финишную группу. Одна лампочка над головой буфетчицы; сплошной табачный дым и пар.

К сожалению, а может, к счастью, мне в тот раз пива попробовать так и не удалось. Я успел только втиснуться в будку и продвинуться вперед на три-четыре тела, как розлив закончился. В напряженном полумраке вдруг раздался рев, скорее даже, рык буфетчицы, и через секунду она, откинув прилавочный барьер, метеором протаранив скопление мужиков, вылетела на улицу, покрыв нас, стоящих рядом, и еще кого-то неведомого нам, многоэтажным матом.

Возникла немая сцена. Затем — взрыв негодования, и все — жизнь остановилась.

Я понял, что пива мне, по крайней мере, не видать, с сожалением выбрался из относительно теплой будки и поплелся на вокзал. За время моего отсутствия прошел какой-то поезд, и в вокзале стало сво-

бодней. Естественно, меня интересовало, почему вдруг выскочила буфетчица, оставив такое непростое место работы.

Где-то через час ситуация прояснилась. Я услышал, как беседовали дежурившие на вокзале милиционер и старший военного патруля. А случилось следующее. В тот год впервые с размахом отмечался юбилей Победы — 20-летие. Были выпущены юбилейные рубли и юбилейные медали. Рубли и медали были очень похожи. На их лицевой стороне был изображен памятник советским воинам-освободителям в Трептов-парке, в Берлине. И по размерам те рубли и медали были одинаковы, только рубли были бело-серебристые, а медали — бронзового цвета. Практически все, кто служил в армии в юбилейном году, получили медали. На вокзале в тот вечер было много демобилизованных солдат. Было их немало и в пивной будке. И некоторые из них, может, денег не хватило, может, для хохмы, расплатились за пиво медалями вместо рублей.

Это было не сложно — отломить от медали ушко, где она прикреплялась к колодке, и всучить в полумраке буфетнице. Отсчитывая кому-то сдачу, та обнаружила «медальные» деньги, три там или четыре штуки, и пришла в ярость. Она кричала, что запомнила того солдата, который с ней рассчитывался, и побежала на вокзал, затем к военному коменданту и т.д.

Вряд ли она нашла тех солдат, но на оставленном ею рабочем месте случилось гораздо худшее. Люди ждали-ждали, а потом один из первых очередников начал раздавать пиво всем подряд и без всякого подогрева. На халяву наш народ и ледяное пиво пить согласен.

Напитка там вроде бы оставалось немного, но когда буфетчица, наконец, вернулась, в ее будке уже никого не было. Не было и пива, и куда-то исчезла вся выручка. Все это она обменяла на четыре медали, пожалев шестнадцать солдатских кружек пива.

Перевернем очередную страницу. Вот фото уже семидесятых. Можете смеяться. Я, главный бухгалтер, одновременно парторг колхоза, осенним субботним вечером иду в баню. При выходе из своего переулка на центральную улицу села встречаю Володю Клевако, председателя ревизионной комиссии колхоза. Тоже идет а баню. Через квартал — центр села, перекресток. Навстречу кто-то идет, в селе все друг друга знают, от него узнаем, что каким-то образом в нашу столовую завезли бочку пива — куда-то везли по спецзаказу, но не довозили и у нас сгрузили.

Дилемма. Стоим на перекрестке. Налево, 150 метров, — баня, направо, 50 метров, — столовая. Баня — каждую субботу, пиво — сегодня и появилось случайно, до весны точно не будет. Баня — до 20.00, столовая до 20.00, сейчас — 19.00.

Не сговариваясь, поворачиваем направо, в столовую. Там полно людей. В общем, то, о чем было рассказано выше, — наша сельская классика. Но все-таки мы успели взять по паре кружек пива, а пока побаловались жидким хмелем — почти девять.

Клевако говорит: «Давай, Андреич, для отчета понатыраем морды снегом, шоб красны булы, вроди як мы с бани, а пока магазин ще ны закрывся, сбигаю, визьму пивлитра, та пидэм до дому!» Так и сделали. Зашли ко мне домой, позвонили его жене, ну и так далее. Что здесь еще сказать? Жизнь именно так прокатывала нас на своих вальцах, а тем, кто управлял этим прокатным станом, до нас не было никакого дела.

А вот еще детское фото, тоже на эту тему. Для смеха, сквозь те же слезы.

Конец пятидесятых. Я — молодой водитель, везу в наше сельпо машину, заполненную бочками с пивом. Рядом в кабине — завторг сельпо, Комаров. Лето. Жара. На небе ни облачка. Где-то на середине пути раньше переезжали вброд горную речку Каргалу. Вода родниковая, холодная, в месте переезда где-то по колено, дно каменное.

Не доезжая до речки метров пятьдесят, чувствую, какие-то капли падают на лицо. Откуда? Температура под сорок, сплошная сушь, откуда капли? Остановился. Надо же! Вся машина в пене, кругом течет что-то непонятное.

Снимаем с завторгом брезент, и точно — одна бочка выстрелила, пробка тут же, под брезентом. Пиво и пена везде. Что делать? Заезжаем в речку, обмываем машину из ведра. Потом завторг вдруг залез в кузов, на бочки, и закричал: «Подавай мне ведрами воду, будем выходить из положения!»

Мне то что, он — хозяин груза. Я подаю ведро с водой, он заливает в бочку. Не помню, сколько я подал ведер, но где-то половину бочки мы точно долили водой, а то и больше.

Залили. Поставил завторг на место пробку, я начал подавать тент. Откуда ни возьмись, — несколько мужиков, мокрые, в трусах. Оказалось, ниже переезда, метрах в пятидесяти, бригада строителей из Закарпатья строит по договору с совхозом кошары для овец из камня — горы ведь кругом. В обед они пошли купаться на речку, увиде-

ли стоящую в воде машину с пивными бочками в кузове и решили, что машина «захлебнулась». Такое тоже часто бывало, если быстро переехать хочешь. Вот и подошли. Попросили пива Завторг сразу стал в позу: «Да вы что? Пиво государственное...»

После долгих уговоров все же согласился, но при условии, что возьмут всю бочку, без тары, она возвратная, и по двойной цене. Строители сразу согласились, наташили бидонов, кастрюль, всего что угодно, и все 100 литров забрали.

Я с ужасом смотрел как завторг открывал именно ту, выстрелившую бочку, как разливал желтую, с небольшой пеной, водно-пивную смесь в разную посуду, а сам думал: «Ладно, сейчас обман, а ведь я опять скоро буду ехать здесь вброд, машину и меня они запомнят. Разберутся, то на мне и отыграются».

Ну да ладно, завторг получил от жаждущих строителей тысячу рублей, сдали пустую бочку на склад, составили акт, что бочка «выстрелила», половина бочки вылетела, вторая половина на такой жаре прокисла, заплатил завторг за полбочки по госцене двести рублей, восемьсот положил себе в карман, и на этом инцидент был закончен.

И раз пишу я об этом через пятьдесят лет, значит, те строители ничего не заподозрили, и меня, соответственно, не ловили. Как говорят сегодня, «форма и содержание — ничто, жажда — все». Наверное, это правда. Я мог бы листать альбом жизни с пивной мозаикой сколько угодно, но в этом нет необходимости. И сегодня, когда на рынке, даже нашем, уже сотни марок пива, с сожалением констатирую, что нас не только жить и работать так и не научили с феодальных времен до нынешних, но и пить тоже. А теперь этим же и упрекают: в селе остались одни пьяницы, а почему так стало — все молчат. Я знаю, почему, но это уже другая история и другая быль.

И еще я смеюсь, когда смотрю сегодня рекламу пива или водки. Хорошее чего рекламировать? Рекламируют-то все наихудшее. Да пусть, это лее двигатель торговли! А по нашему сельскому опыту скажу: наш мужик ни в рекламе водки, ни в рекламе пива не нуждается, и не скоро будет нуждаться. Он пьет то, что есть, и никакими запретами его не остановить. Ведь надо устранять причину этого, а не следствие.

ВОДКА

Это даже не слово — название, не просто понятие, это глыба какая-то раздавливающая род человеческий, сшибающая с ног, лишаящая многих разума, это источник многих бед и в то же время зависимо-привлекательная влага, способная согреть и возбудить, собраться и объединиться, забыться и отключиться. И все это она — водка. Наша русская водка. Слово это без перевода знают во всех странах мира и ассоциируется она тоже везде с именем Россия. Ну что тут поделаешь, такие уж мы удачливые в этом деле. И никакие там шнапсы, виски и джины, рисовые, бамбуковые и иже с ними «водки» не идут ни в какое сравнение с нашей водкой, так как они годятся в лучшем случае на полоскание горла (не нашего) или ступней ног.

Должен поделиться многолетними наблюдениями и собственными выводами — пока даже в России была одна водка (максимум две — одна почище), то и была водка. Как появились многие десятки видов, водки настоящей не стало. Не стало потому, что государство, явно не бесплатно, отдало свою монополию на производство водки в частные руки, в большинстве своем, руки мошенников и фальсификаторов. И ему, государству, если мы хотим иметь настоящее государство, эту монополию надо будет вернуть себе обратно. Не придумывать идиотские «сухие законы», а делать хорошую водку, но без жуликов. Если уж есть в этом бизнесе прибыль, то пусть идет в наш общий карман. Справедливее будет — все пьем, а потом тоже все накоплениями и пользуемся. А то, как лечить последствия водки- так государству, а как барыши иметь — так частному водочнику.

Водочное жулье всегда было в выигрыше. Но при госмонополии на водку оно (жулье) имело доход только в процессе реализации, а государство и в гораздо большей мере — от производства, а сейчас, когда государство отказалось от монополии, водочные магнаты получают прибыль и от производства, и от реализации. И если раньше завод старался показывать максимальный объем производства, так как оттуда шли премии, доплаты и награды, хотя не без того, что часть

продукции уходила, минуя учет, то сегодня производитель старается максимально занизить уровень и производства, и реализации, да еще гонит контрафактную, опасную для людей продукцию.

Ну, это тема для высоких инстанций, а мы, листая альбом жизни, давайте остановимся всего на двух из многомиллиардной серии моментов, связанных с водкой. В нашей стране, которую считают пропитой насквозь, где люди пьют во много раз чаще от горя, безысходности и невостремованности, есть что рассказать, связанное с водкой. Перестанут пить — вспомнить будет нечего да передать потомкам. Недавно два мужика стоят в баре, пьют, один другому говорит: «Слышал, опять водка подорожает», второй отвечает: «Да, нам-то что, мы уже попили, детей жалко!» Не пугает нас ни цена, ни отравы — все равно, живешь — пить хочется, выпьешь — жить хочется!»

Расскажу две были, связанные с водкой, одну веселую, другую — очень грустную.

В 1962 году квартировали мы в расположении Криворожской дивизии, выполняли для нее кое-какие работы. Как-то под вечер дежурный по дивизии задержал на КПП двух наших солдат. Те в обычной плетеной авоське несли два литра водки, папиросы и разную мелочь. Дежурный был сильно возбужденный, так как наши солдаты дивизионных командиров не праздновали, ну, видимо, еще и возмущались, а, может, и более того, когда их задерживали. Как раз в расположении части был наш командир, подполковник Забуга П.В. Дежурный по дивизии передал командиру, как он выразился, двух «бандитов» и четыре бутылки водки. Забуга распорядился, чтобы солдат уложили спать, вызвал старшину 4-й роты Коваленко, отдал ему водку и сказал, что утром, при разводе, решит все вопросы и с пьяными солдатами, и с водкой, которую велел до утра положить в ротный сейф.

Назавтра в 9-00 был развод перед выездом на рабочие точки. Построили весь личный состав, позвали какого-то офицера из штаба дивизии показать саму разборку и начали переключку и выдачу распоряжений по работе. Перед этим Забуга сказал старшине Коваленко, чтобы тот взял из сейфа водку, принес на плац, и Забуга публично разобьет те бутылки, а тем, кто их принес, объявит по 10 суток ареста. Старшина пошел в казарму, быстро вернулся, подошел к нашему замполиту, майору Истомину Ф.В., и что-то сказал на ухо. Замполит подошел к командиру и, видимо, повторил слова старшины. Забуга, на миг забывший, что он стоит перед строем, аж захлебнулся,

вместе с матом естественно: «Як, це нэма... твою мать? А, Ковалэнко, иды сюда!» Коваленко подбежал, что-то сказал Забуге.

Если бы не было офицера из штаба дивизии, то старшина Коваленко был бы побит перед строем. Вместо этого Забуга громко сказал: «Як цэ нэ можешь открыть сейф? Визьми кого-нибудь и давай быстрее, пока мы тут наряд раздамо!» Я стоял с краю шеренги, во главе своего взвода. Проходящий мимо Коваленко кивнул мне, чтобы я пошел за ним. Мы побежали к казарме, зашли за угол. Коваленко рассказал, что вечером наш командир роты капитан Трофименко что-то искал в канцелярии, открыл сейф, увидел водку, забрал ее и куда-то ушел в дивизию или куда-то дальше. Его сейчас на построении нет. Коваленко сказал Забуге, что кто-то, мол, украл ключ от сейфа, а тот в полтонны весом. Забуга, естественно, не поверил и сказал, вернее, прошептал, чтобы к концу развода водка была у него в руках, иначе... «Вася, выручай». — Коваленко слезно просил меня сбегать в военторговское кафе, оно было недалеко и выпросить там четыре бутылки водки. «А ты чего сам не пойдешь?» - спросил я. «Та я буфетчици довжэн пятерку уже ныдилю, всэ ни як нэ виддам», - застонал Коваленко.

Я пошел в кафе. Водки там не оказалось, только коньяк, трехзвездочный, он на 2 рубля дороже, но что делать! Взял, отнес старшине и стал в строй. Коваленко, сукин сын, пожалел коньяк и две бутылки оставил в карманах под шинелью. Забуга удивленно посмотрел на коньяк, наверно подумал, что у него уже что-то не то с головой, и с достоинством, широким показушным жестом, под всеобщий стон сожаления личного состава, бросил одну за другой бутылки коньяка в бетонную урну, стоявшую позади него в двух метрах. Они со звоном разбились. Командир сказал еще несколько «напутственных» фраз, начальник штаба зачитал приказ о наказании солдат, принесших водку, гауптвахтой, и роты пошли на работу. Мы зашли в казарму, потом в канцелярию роты. Коваленко честно рассказал командиру о том, как исчезла водка, потом достал из карманов сэкономленный коньяк, мы его впятером распили, и на этом показательная акция с водкой была завершена.

Вторая была совсем другого плана. 31 декабря 1957 года. Предновогодняя ночь. Все общественное кругом закрыто. Открыта только наша сельская столовая. Собственно, кухня не работает, буфет только открыт, но там брать нечего. Все помещение столовой заби-

то людьми. Люди эти мужчины нашего села Григорьевка, Ашелисай по-казахски. Почти все мужское население села, без детей до 14 лет и стариков старше семидесяти.

В столовой негде повернуться, на улице страшный буран. А в селе нет водки. Нет водки абсолютно, и уже неделю. Да и вина тоже. Хотя кто там в тех краях вино будет пить, извращенцы какие-нибудь, но и вина нет. Нет в магазинах даже никакого одеколона. В общем, Новый Год, а мужикам, да и всему сельскому люду, хоть ложись и помирай или переноси праздник. Буран бушевал уже несколько дней, люди никуда не выезжали, никаких запасов питья не делали. Кто думал, что к Новому Году такая беда случится? Утром по селу прошел слух, что на станцию Ашелисайская (7 км) пришел вагон водки, и туда выехала сельповская машина. Эта радостная весть и заставила мужчин села собраться в столовую, после работы, часам к пяти вечера. Столовая вообще-то работала до восьми.

За первые три часа посетителями было все выедено и выпито, делать-то нечего - на улице темно и страшный буран. Обычный и привычный предновогодний буран 31 декабря. Ежегодно по району в этот день замерзают в степи десятки человек, в основном молодые люди, школьники, студенты, которые из городов по железной дороге, пересекающей район, приезжают, а потом пешком пытаются к Новому Году попасть домой в села, а попадают совсем в другое место.

Водопровода в столовой тогда еще не было. Возбужденные ожиданием посетители заказывали чай, кофе, кисели всякие, пока не выпили весь запас воды на завтрашний день, кастрюлю такую четырехведерную. Все буквально съели, что было на кухне. Потом кухня закрылась, ничего съестного не осталось. Внимание перешло на буфет. Были выпиты все соки в больших трехлитровых банках независимо от содержимого, даже соки детского питания в маленьких банках, пылившиеся на полках, наверное, со времен освоения целины. Буфетчица, она же заведующая столовой, не могла уйти не только потому, что была солидарна с наполнившими помещение столовой мужиками, она тоже ждала машину с водкой, могла бы взять сразу себе в столовую, может, даже всю машину. Изможденные ожиданием мужики, в-первых, обязательно выпили бы в столовой на розлив, а во-вторых, дали бы ей выручку за месяц вперед. Водка в буфете стояла дороже, да кто бы смотрел в тот день и в то время на цену!

А время шло, ползли какие-то слухи и новости, но машины не было. Никто не расходился. Так как в столовой уже ничего съедобного, кроме буфетчицы, не осталось, а от курева, пара от мокрой одежды и всего сопутствующего в такой обстановке стало трудно дышать, начали на электроплитке в кастрюле растапливать снег и пить талую воду, потому что обстановка стала невыносимой. Уже девять, десять, уже одиннадцать часов, буран ревет, машины с водкой нет, а дома у мужиков стынют накрытые столы, а семьи и гости тоже в неведении, ждут. И нет ни у кого мобильного телефона (горькая шутка). Дома у мужиков уже не знают что и думать — а может, взял водку да напился и упал где-нибудь! Думай что хочешь. А в 12 часов ночи свет потушат, хотя вроде бы обещали дать Новый год встретить и на час продлить освещение. А в столовой напряженно ждали, это надо пройти, чтобы понять, на каждый стук, на каждого вновь входящего устремлялись сотни горящих глаз и тут же разочарованно затухали.

И наконец, где-то в половине двенадцатого в столовую ввалились два больших клубка снега. Один из них был завторг сельпо, второй — водитель той машины, что пошла за водкой.

Они рассказали, что водку получили, полную машину. Связи не было, чтоб в МТС попросить трактор, поэтому выехали сами, буксовали, копали, толкали и в конце концов застряли окончательно. Бросили машину в степи, где-то на полдороге от станции. Утром возьмут трактор и в селе будет водка. Пришлось всем расходиться.

На второй день погода успокоилась, завезли в магазин водку, и не одну машину. Инцидент подзабыли. Но, как выяснилось позже, в тот день не все пошли по домам. Двое ребят из общежития МТС так пошли за водкой, надеясь набрать ее на халяву и побольше. Перед этим они в столовой заварили пачку чая в кружке и, подцифрившись, двинули на поиск машины. Одного нашли на второй день на сельском кладбище, рядом с его общежитием. Лежал он там долго, снег под ним растаял до грязи. Спасли его, обморозил кое-какие конечности, но остался жив. А про второго никто и не знал. Да и тот, с кладбища, ничего толком сказать не мог.

В начале апреля машинист паровоза, который возил по дороге Орск-Кандагач воду, увидел, что из горы снега возле щитовых снегозаграждений торчат черные валенки. Позвонил по ж/д связи, те в район, район — к нам Нашли еще одного любителя, не попавшего на траверс машины с водкой, а буквально в метрах ста прошедшего

мимо. Привезли его как мерзлое бревно, несколько дней лежал он в пристройке сельской больницы. Оказался приезжим из Молдавии, но я его не знал. Всех земляков в районе знал, а его не пришлось.

Вот такой печальный финал водочного ожидания. Часто водка выступает в виде гири на весах жизни, где на второй тарелке весов лежит сама жизнь. И не только по данному примеру, а и вообще.

Конечно, напиток наш, русский, и приятно иногда под что-то, да с хорошим кем-то, поднять рюмку этого синтеза российской жизни. Ну так это когда надо, а у нас, к сожалению, всегда надо больше, чем есть.

КТО НА СТАРЕНЬКУЮ!

Мир действительно тесен. Когда кто-то говорит эту фразу, воспринимаешь ее чисто философски, а когда сам сталкиваешься с чем-то, подходящим под это понятие, тогда, часто с удивлением, убеждаешься, что это так и есть.

Сдавал я как-то несколько бандеролей на Ялтинском главпочтамте. Сам выстоял длинную очередь, да и за мной собралось не меньше. Отошел от окошечка в сторону — проверяю квитанции и вдруг слышу мужской голос "Гурковский, Василь?" Оборачиваюсь — лысоватый полный мужчина, моих лет, приветливо улыбается. Несколько мгновений ищу, за что знакомое зацепиться, и непроизвольно почти кричу в ответ: "Старина Кучеренко, Мыкола!"

Мы обнялись, я подождал, пока он получил денежный перевод, потом зашли в небольшое кафе и часа два посидели, вспоминая былое и рассказывая друг другу о житье-бытье.

"Позавчера як раз мэни був день народження, гульнули с суси-дом по кимнати в санатории. Так гульнули, шо прышлось звонить додому, шоб грошив прыслалы, на дорогу. Завтра вже видправлюсь".

Я ему подарил одну из своих книг, поздравил с прошедшим юбилеем (ему исполнилось 70), и пошли расспросы-ответы. Мы с Николаем несколько лет служили в одной части и в одной роте. Потом я ушел на комсомольскую работу, а он так и остался на старом месте — был старшиной роты, особо себя не проявил, но дело знал и особых замечаний не имел.

У него было два слабых места, как у многих военных во все времена, — вино и женщины. Конечно, все это было по мелочи, не очень-то разгонишься на зарплату старшины, да еще при семье с двумя детьми, проживающей далеко от места службы.

"Ты можэ и ны помныш, як мэнэ трипалы по партийной линии, щерб чуть-чуть — и выгналы б и с партии, и з армии. Спасибо тобі, Василь, ты тоди одын мэнэ отстояв на партбюро, — грустно сказал Николай, — оставылы мэнэ, слава Богу, а то куда мэни було йты? Образование — тильки армия, в сели своем пятнадцать рокив не був,

так шо бэз армии мэни була хана. Та и с квартиры выгнали б ведомственной. Ты тоди ухав, я так и не поблагодарив тэбэ. А, бачь, судьба як свэла, аж через 45 рокив. Я тэбэ по голосу узнав, а потом уже и по обыльчю. Почти не зминився, тильки посолідней якось став. Та и я тэж уже нэ той Мыкола.."

Он рассказал, что дети его рке имеют свои семьи, есть внуки, а он на старости один остался — жена долго болела, лечить было не за что, так и ушла пару лет назад.

"А мэнэ Бог, мабуть, на старость наказав. То було багато жинок разных, та чужих, а тэпэр нэма ни одной. Кому я нужен. Так сам и живу, в тий бувшей военной квартири, нэ работаю, живу на пенсию, та диты помогают, слава Богу. Вот и в санаторий на дви ныдили спровадылы."

Случай, о котором вспомнил Николай, действительно имел место много лет назад. Я тогда уже работал в комсомоле. Подразделения нашей войсковой части были разбросаны по многим местам, служба у нас была такая. В тот злополучный для Николая год мы обслуживали войска на территории Житомирской и Винницкой областей. В те годы было модно помогать селу в уборке урожая. Школьники, студенты, да и часто военные, посменно или постоянно принимали участие в уборке. В Житомирской области главным объектом помощи были в то время картофельные поля. Сейчас такого уже нет, по той простой причине, что убирать стало нечего на полях, а раньше уборка была для всех "ударным фронтом". Ну, это отдельная тема, а в нашей были факт оказания военными помощи селу играл чисто условную роль. Роту, где старшиной был Николай, прикрепили за определенным районом, поставили задачу, и ее надо было выполнять, несмотря ни на что, включая непрекращающиеся в тот год дожди. Полесье есть Полесье.

В конце концов, рота вернулась, а старшина где-то там застрял в одном из сел. Недельку разыскивали. Пошел слух, что любовь у него в селе горячая приключилась или что-то вроде того. Все бы ничего, но мужская солидарность иногда переходит в другие отношения и называется по-другому. Несколько сослуживцев-сверхсрочников имели квартиры в том же городке, что и Николай, и, наверняка, кто-то из них проинформировал жену Николая о его похождениях в период картофельной эпопеи.

Жены тоже бывают разные, у Николая это был "холерик" в энной степени. Она тут же собрала детей и прибыла за полтыщи километров в штаб нашей части. Не найдя, по ее мнению, должной поддержки у командования, она привела детей в кустовой политотдел и на несколько дней парализовала его работу истерическими воплями в три голоса и угрозами "идти выше". Командира части, замполита и меня вызвал начальник политотдела: дальше рассказывать неинтересно, но вышли мы от него, дав твердое обещание, что данная семья больше в политотделе не появится.

Николай был членом партии, поэтому срочно создали специальную партийную группу, которая должна была разобраться со всем происшедшим, а главное — успокоить прибывшую на разборки жену и отправить ее домой. Мне, как члену партийного бюро части, было поручено возглавить комиссию и в трехдневный срок представить соответствующую справку.

Выезжали мы с начальником штаба на "место происшествия", узнавали, расспрашивали, беседовали, т.е. делали все, что положено делать в таких случаях. А выяснять-то, оказалось, особенно было нечего. В одном из сел, где работали солдаты на уборке картошки, жила после смерти мужа молодая женщина, лет тридцати пяти, с ребенком. Работала в колхозе дояркой, была передовиком производства, имела награды (это мы полулегально выяснили в колхозе), статная, миловидная, с боевым характером. Один у нее был недостаток, хотя, конечно, с какой стороны посмотреть, — она от природы была "обкурена" или обмазана каким-то невидимым благовонием или чем-то подобным, что буквально притягивало к ней мужчин. Еще с молодости потеряла счет своим любовным связям и практически никого не отвергала, хотя большинство из них, попробовав "на зуб", сразу изгоняла со своей территории.

Вот с таким «соблазном» и столкнулся Николай. Прожил он с той безотказной вдовой около месяца и потерял голову. После своей суперэмоциональной жены, постоянно терзающей его за малую зарплату и редкие приезды, по поводу и без него проявляющей дикую ревность, — он попал если не в рай, то в его приемное отделение. Днем он мотался по взводам, а вечером его ждало все, чего он, по правде говоря, никогда и не знал. И курочки жареные, и грибки соленые, и окорок копченый, и печеное-вареное-жареное, да еще с фирменными домашними самогонкой и квасом. А дальше — перина и выражение взаимной благодарности до утра И так почти месяц!

Поэтому Николай и опоздал на неделю с возвращением в часть. Готовя справку на партбюро, я особо подчеркивал, что у Николая с его местной подругой никаких серьезных намерений не было. Семью он бросать не собирался, никто от него такой жертвы и не требовал. Для его новой подруги он был обычным "попутчиком", и она готова была сменить его на любого другого, достойного ее запросам. Материальная, да и моральная сторона отношений ее не интересовала, для нее главным и самым главным являлись физические возможности партнера. И все. Это странно и по тем, и нынешним временам, но что есть — то есть. Объект уникальный, поэтому и действия, и запросы его просты и понятны.

Я тогда постарался и со справкой, и с докладом. Партийное бюро ограничилось серьезным обсуждением поведения Николая как коммуниста, объявило ему выговор без занесения в учетную карточку, взяло с него слово порвать порочную связь и больше к этому вопросу не возвращаться. Я в то время довольно часто общался и с Николаем, и с его законной женой. Конфликт уладили. Организовали Николаю недельный отпуск. Командир роты какую-то премию привез ему из колхоза, и поехал он вместе с женой и детьми в примирительный отпуск к месту проживания.

Больше эта тема в части не поднималась, и надо признать, что пока я служил в одной с ним части, он ни тайно, ни явно с той всеобильной дояркой связи не поддерживал. Инцидент забылся, затерся другими событиями. Однако если бы этим дело кончилось, я бы не ворошил эту бль — подумаешь, событие ротного масштаба! Но, оказалось, у этой истории было продолжение. Вот что рассказал Николай дальше.

"Ты, Васыль, нэ повирышь, як я вам усим благодарный сегодня, шо мэнэ тоди добрэ одернули! Видно, Бог тоди на мэнэ оглянувся, спас от погибели, — продолжал Николай, — правду кажуть, шо свит тисный. Та ще й надо було мэни тэбэ зустрінути!".

Дальше пойдут ужасы, поэтому, пусть читатель меня простит, не буду я продолжать языком Николая, а постараюсь передать леденящую душу бль своими словами.

Нынешней зимой, будучи в своем родном селе недалеко от Полтавы, он встретил земляка, Степана Притулу — вместе служили в начале шестидесятых в Житомирской области. В той же роте, где и я начинал командиром взвода. Я знал этого парня — обычный, довольно

обстоятельный, замкнутый, прижимистый и хозяйский, как говорят. Он после окончания сверхсрочной службы остался на Житомирщине, женился выгодно, устроился водителем у какого-то начальника и жил неплохо. Сейчас на пенсии, имеет приличное хозяйство, большую пасеку, ну, в общем, хозяйствует.

Все это он рассказал Николаю при случайной встрече через 45 лет после его увольнения в запас. И оказалось, что живет он, то ли в том же селе, то ли рядом с тем селом, где Николай в те годы споткнулся на жаркой страсти. Степан хорошо знал тот случай, и после третьей или четвертой рюмки поведал ему следующее. Жива, оказывается, его зазноба мимолетная. Восьмидесятилетие свое недавно отметила, а нисколько не изменилась. По-прежнему бодрая, крепкая, внешне лет на пятнадцать выглядит моложе. Живет сама. Пятеро детей с внуками и правнуками живут в разных местах бывшего Союза, иногда приезжают к ней в гости.

Степан сказал Николаю, что тому не просто повезло, что он оторвался от той женщины, его просто спасла какая-то неземная сила. И что он должен всю жизнь благодарить за это Бога. Дело в том, что когда Николай был с ней, она была вдовой после первого законного мужа, рано ушедшего на тот свет. Так вот, на сегодняшний день у той Оксаны рке числится два законных и 18 гражданских мужей — и все они умерли от сердечной недостаточности! Все. Ни один не сумел вовремя оторваться от той райской жизни. Так-то ж были «публичные» мужья, а сколько было таких, как Николай, проходных, мимолетных! Наверно, не одна рота. Но им повезло, а тем несчастным мужьям — нет.

Странное явление — эта женщина. Она от мужчины ничего не требует другого — ни работы по дому, ни зарплаты, да, собственно, и любви. На своем гектарном огороде, с коровами, свиньями и различной птицей, со всеми работами по дому она справляется сама, а вот ночью, дорогие мужчины, извольте работать по сверхпрограмме... Ну, а как — надо было бы в свое время спросить у тех бывших мужей, которые вряд ли поняли, в какой "рай" попали.

Соседи-сельчане ее не любят, даже боятся. А она "в первое свое восьмидесятилетие", надеется, что будет и второе. Так же привлекает мужиков, независимо от возраста, с диапазоном или разницей в 20-30-40 лет. Жизнь сегодня в селе нелегкая. Мужчины, особенно заезжие, поесть и выпить на дурняк любят, но не знают они, беспечные, какую плату за это потребуют.

Вдова-вампир абсолютно не жалеет своих бывших мужей. Даже всех и не помнит. Для нее они просто не прошедшие отбор, и только. Чистый, хотя и своеобразный рынок. Пока приносишь удовольствие — живешь. А нет — значит, и тебя нет. А она все ищет какого-нибудь старого или молодого, лишь бы мог, и много, все остальное — ее забота.

"Ось бачишь, Василь, шо зи мною могло статся. Ще раз слава Богу за то, що вразумыв мэнэ тоди, та и тоби тэж," — сказал Николай в итоге.

Потом мы расстались. Я долго переваривал в себе эту быль, "сваривая" в единое целое ее части, и думал: "Надо же было мне Николая встретить через столько лет и все снова переворошить, тем более, с такими добавлениями...". Удивляться я уже давно перестал — и людям, и событиям. Наверно, если придется чему-то удивиться, то только чему-то хорошему. Хорошего стало, до удивления, мало.

А ведь та Оксана существует и еще ищет!. Так что "кто на старенькую?!" Есть желающие?

ЗАХОЧЕШЬ - НАЙДЕШЬ

Если не бить в сторону футбольных ворот, никогда не будет гола. Искать иголку в стогу сена — очень проблемно, но возможно, так же, как и искать человека в многомиллионном городе, не зная адреса, тем более, не имея подробных характеризующих данных.

Вообще, тема поиска людей — очень обширна и многопланова, но над всем этим стоит то, что сказано в заглавии: «захочешь — найдешь». Приведу всего три небольших были из своей жизни на адресную тему, может быть, они напомнят читателю нечто похожее.

Конец шестидесятых годов прошлого века. Москва. Жил в столице один из моих троюродных братьев, звали его Петр. Лет за двадцать до описываемых событий его увезла с собой отдохавшая у нас девушка-москвичка, они поженились и на моих глазах проходили обычную в те времена мучительную процедуру обзаведения собственным жилым углом.

Сперва одна комната на три семьи в общежитии — пять лет, потом та же комната уже на две семьи — семь лет, затем восемь лет «блаженства» — одни на целую комнату! И наконец — однокомнатная квартира на пятом этаже. Я потому так хорошо знал историю их житейских мытарств, что посещал их на всех стадиях: то служил в Москве, то учился или просто заезжал при транзитных поездках. Родных братьев-сестер у меня не было, поэтому поддерживал контакты с дальними родственниками. Бывает ведь и так, что с ближними меньше общаешься, чем с дальними — по разным причинам. Так было и у нас с Петром. Наши матери были двоюродными сестрами, они активно общались, и мы, их дети, тоже.

Заезжая, я всегда что-то привозил в подарок, так было и в тот раз. Ехал я из Казахстана, где в то время жил и работал, — в отпуск в Молдавию. Приехав в Москву, оформил остановку на сутки и поехал к Петру. Все бы ничего, но был конец декабря, неприветливая вьюжная погода, около десяти вечера, и вдобавок чемодан с новогодними гостинцами килограммов на сорок.

В те времена ветки метро от Кольцевой в сторону Тушинской еще не было, поэтому, чтобы попасть на улицу Фабрициуса (ныне район Митино), где жили брат с женой, необходимо было доехать на метро до станции Сокол, а затем по Волоколамскому шоссе, улице Свободы и т.д. долго ехать автобусом. Пока я проделал весь этот путь, втащил чемодан на 5-й этаж и с облегчением нажал кнопку звонка квартиры брата, было около полуночи. После пятого или шестого звонка дверь открылась... Лучше бы меня холодной водой окатили. В дверном проеме, искаженное недостаточным коридорным освещением, показалась злое, со всклокоченными волосами, лицо женщины средних лет; сзади нее и чуть выше угадывались глаза другого человека, возможно мужа. «Чего на-а-до!?!», — выпалило лицо. Я попытался объяснить, что приехал к брату, назвал его фамилию и что-то там еще сказал. У меня в голове уже прокручивалась версия — опять чемодан, автобус, ночь, метро до часу и т.д. Женщина, окончательно проснувшись и поняв, в чем дело, сказала, что всего пару месяцев назад они переехали в эту квартиру из общежития. На вопрос, куда съехали прежние жильцы, она ответила, что точно не знает, так как они вселялись в уже пустую квартиру. Но раньше, мол, жена Петра упоминала, что они получили двухкомнатную квартиру в новом четырнадцатизэтажном доме в районе Сходни, и что брат мой заслужил улучшение жилья, работая более года на строительстве стадиона в столице Индонезии — Джакарте. Как со стройки вернулся — сразу квартиру и получили. А где это, что и как — ничего новая хозяйка не знала.

Я поблагодарил за информацию, дверь закрылась. Понял, что рано расслабился, дотащив чемодан до чужой уже теперь квартиры. Чувствовал, что новые хозяева наблюдают за мной в дверной глазок, и чуть было не поднял палец к звонку. Очень уже не хотелось выходить на морозную улицу, да еще в неопределенной ситуации. Если бы хозяева сами предложили остаться до утра, я бы, наверное, согласился. Но они не пригласили, тем более, одна комната, а может, еще у них кто-то есть — зачем им мои проблемы...

Опять — чемодан, опять автобус. Обрато к Соколу он шел уже не по улице Свободы, а другой дорогой, и через так называемый Сходненский тупик (ныне проезд Стратонавтов) выходил на Волоколамское шоссе.

Еду автобусом, один пассажир на весь дребезжащий и промерзший салон, и думаю, сумею ли попасть хотя бы в метро, чтобы несколько часов до утра побыть в тепле.

Автобус подъехал к железнодорожному переезду. Слева (это я потом узнал) в двухстах метрах — пригородная станция Тушинская, сегодня рядом с ней и станция метро с таким же названием Проезжая освещенный железнодорожный переезд, я вдруг увидел на фоне зарева от фонарей проходящего рядом Волоколамского шоссе три незнакомых довольно высоких дома. В голове сразу — они получили квартиру в новом четырнадцатизэтажном доме в районе Сходни! Речка Сходня здесь рядом, домов этих пару лет назад не было, а вдруг это они? Рискнуть что ли?! А риск был. Автобус, скорее всего, последний. До Сокола довольно далеко. Машин даже на шоссе — очень мало.

Решил рискнуть. Что будет, то и будет. Попросил водителя остановиться возле новых домов. Он удивленно на меня посмотрел и выполнил просьбу. Я двинулся в сторону домов. Хотел сперва, пока буду дом искать, зарыть чемодан в снег, но быстро передумал — в чемодане ведь копченый окорок, колбасы домашние и другие деликатесы домашнего производства. На такой запах соберутся собаки всего района, попробуй тогда отними у них чемодан, да еще ночью.

Подошел к первому дому. Судя по разбросанным стройматериалам и темным окнам, дом был еще нежилой. Пошел ко второму, он стоял посередине, и в отдельных окнах горел свет. Жилой, значит. Дом одноподъездный, посчитал — да, 14-этажный. Вошел в подъезд — никаких замков тогда еще не ставили.

Стою и думаю: идти подряд из квартиры в квартиру легче будет сверху вниз, чем снизу вверх. Поднялся на последний этаж, вышел из лифта и почему-то сразу повернул налево. Прошел до конца коридора, подошел к крайней справа двери, прочитал почему-то номер — 96 и нажал кнопку звонка. Когда через некоторое время дверь открылась, на пороге стояла жена Петра — Саша...

Вторая «адресная» история случилась со мной в Ленинграде. В начале декабря 1981 года группу пропагандистов партийной, комсомольской и экономической учебы, как лучших из лучших в нашем Слободзейском районе, наградили туристическими путевками в Ленинград. Все чин по чину, авиарейсом Кишинев-Ленинград-Кишинев. Жили 10 дней в городе Пушкин, в т.н. «китайской деревне» рядом с Екатерининским дворцом, а питались в столовой в самом дворце. Путевка была полезной особенно для тех, кто впервые посещал этот прекрасный город. К таким относился и я. Но не только дворцами, музеями и театрами запомнилась мне эта поездка.

Дело в том, что в Ленинграде жил мой уже двоюродный брат, Николай, сын младшего брата моего отца. Он так же, как и Петр в Москву, только лет на двадцать позже, уехал в Ленинград.

В пятидесятые, шестидесятые, семидесятые годы в Приднестровье отдыхали тысячи людей из северных районов Союза. Основными центрами летнего перемещения отдыхающих были Москва, Ленинград, Мурманск, ну и «транзитные» регионы вдоль основных трасс сезонной миграции. Так как за рубеж в те времена выезжали лишь избранные, то основную массу отдыхающих принимали южные районы Украины и Молдавии.

С братом Николаем, как уже было сказано, повторилась та же история, что и с Петром. Понравилась отпускница, и он уехал с нею в Ленинград, там женился, появился у них сын — обычная история. Все это я узнавал из писем родственников, так как Николай родился, вырос, да и уехал в мое отсутствие.

Правда, приезжая в отпуск, я пару раз видел этого подрастающего брата, а затем, когда вернулся из Казахстана в Молдавию за несколько лет до описываемых событий, видел его уже с женой и маленьким сыном. Потом прошел слух, что они плохо живут, потом вроде бы разошлись, и на этом следы их затерялись.

И вот я в Ленинграде. Время свободное есть, почему бы не найти единственного оставшегося двоюродного брата? Раньше не было компьютерных баз данных, да и кого и где искать в таком огромном городе?

Искать приезжего Николая — не хватит времени, да и мог он уже десять раз переехать — Союз большой, и проблем с внутренней миграцией особых не было. Решил искать Наташу, его жену, все-таки коренную ленинградку. По моим предположениям, они должны были официально зарегистрировать брак, иначе бы Николая в Ленинграде не прописали. Если даже они разошлись, то Наташа из-за сына вряд ли сменила фамилию.

Итак, допустим, что она — Гурковская Наташа. Отчество я ей придумал — Владимировна, год рождения поставил одинаковый с Николаем — 1956-й и заявил эти сборные данные женщине из справочного киоска на площади у Гостиного Двора, заплатив 2 рубля 50 копеек в обмен на квитанцию и обещание постараться найти искомую Наташу в течение двух дней.

Но через два дня справочная с сожалением мне сообщила, что такого адресата в Ленинграде нет. Была, мол, одна кандидатура, кое-что сходилось, но такой, как запросили, — нет. Я смотрел через окошко сверху вниз внутрь киоска, и пока женщина объясняла ситуацию и извинялась, держа указательный палец правой руки напротив записи в огромной книге со многими графами, успел разобрать данные, на которых остановился ее палец. Да, Гурковская Наталья, но другое отчество, на два года старше моих данных, улица Народная, дом, квартира и ближайшее метро — станция Ломоносовская.

Сфотографировав в уме эти данные, быстро извинился перед справочной — и бегом в метро. На ходу записал в блокнот то, что увидел в адресной книге, и примерно через час был в квартире именно жены Николая. Риск оправдался. Желание осуществилось. Наташа поведала мне довольно грустную историю их супружеской жизни. Пока мать была жива, еще можно было как-то ладить с привезенным с периферии мужем, а как проводили ее в мир иной, Николай стал неуправляем. Пил, дрался, водил домой друзей-собутыльников. С ним никуда нельзя было выйти. На улице он задевал любого вдруг не понравившегося человека, толкал, вызывал на грубость, часто ночевал в милиции.

Было жалко мамину квартиру-двушку, но пришлось разменять ее на две однокомнатные. Николай нашел себе где-то на Московском проспекте комнату и ушел, а в обмененную комнату вселилась чужая семья — муж, жена, ребенок. Из уютной обжитой квартиры вышла коммуналка. Муж, въехавший, то ли студент, то ли аспирант, всю кухню забил книгами, плакатами, по ночам на кухню на зайдешь лишний раз. То же самое и с ванной, коридором. Вроде бы открытых скандалов не было пока, но все равно — приезжих больше, и они увереннее себя чувствуют при одинаковых официальных правах. Николай как ушел, так больше не появлялся, ни денег и ничего вообще. Раз позвонил, справку какую-то надо было, и все. Телефон его есть, но Наташа ему не звонит, лучше пусть как угодно трудно, но только чтобы не видеть его и не слышать.

После такого повествования, мне очень захотелось найти "брата Колю". Позвонил вечером по номеру, который дала Наташа. Неожиданно ответили сразу. Тихий старческий голос миролюбиво спросил: "Кого надо?". Я поинтересовался, проживает ли у них Николай. Получив утвердительный ответ и выяснив адрес, в перерыве между экскурсиями поехал на встречу.

Нашему старшему группы сказал, что если не приду к автобусу в назначенное время, чтобы не ждали, сам доберусь.

Нашел я место пребывания Николая быстро. Дом большой, квартира трехкомнатная, три хозяина, две бабушки-блокадницы, как после выяснилось, и Николай — каждому по комнате и кухня на всех. Узнав, кто я, бабушки угостили меня чаем и, слово за слово, разговорились. Они значительно расширили характеристику, выданную Николаю Наташей, уже с учетом времени их совместного проживания. Пока трезвый сосед — лучше не надо, но трезвым он почти не бывает. Как придет пьяный, начинает бабушек строить заставляет маршировать по квартире строевым шагом, кричит, толкает, ругается ужасными матами. Требует пива, и чтоб холодное было. Зимой хоть на балконе охладить можно, а летом приходилось нести пиво к соседке, просить поставить в холодильник. В общем, жизнь у бабушек — как у рядовых заключенных. Они Николая и кормят, и поят, комнату убирают, стирают, все боятся, что он куда-то обменяется квартирами и уйдет от них. Он для них изверг, но он же и их защитник. Зная, кто живет в этой квартире, не то, что воры, — соседи обходят ее стороной.

Бабушки показали мне свои комнаты и Николая. Если в их комнатах парила дореволюционно-довоенная идиллия, то в комнате Николая — чисто спартанская обстановка — ничего плюс койка-раскладушка и забранный у семьи при разделе старый телевизор "Радуга". Ни постели, ни одежды, только эти два объекта

Набитый доверху рассказами о похождениях соседа, я поблагодарил бабушек, зашел в комнату Николая, лег на раскладушку и просто стал ждать. Уйти, не повидав родственника, я уже не мог. Пролежал несколько часов, задремал даже. Очнулся от грохота распахиваемой двери и крика на весь подъезд: "Где мое пиво?". Слышу, одна из бабушек говорит: "В твоей комнате!" Я очень жалею, что в те времена не было видеокамер. Сегодня они есть везде и снимают на 90 процентов всякую чушь; а вот для таких моментов ох как нужна видеозапись с соответствующими комментариями.

Ввалившись в свою комнату и увидев меня, лежащего на спине к нему лицом, он остановился, как пораженный током. Широко раскрытые испуганные глаза, искаженное побелевшее лицо и застывший онемевший рот, секунду назад изрыгавший ругательства. Он так и стоял онемевший, пока я не встал, поздоровался и повел его, как куклу, на кухню. Впечатление, которое произвело на него мое неожиданное

появление, скорее всего, объяснялось и тем, что все мои двоюродные-троюродные братья были значительно моложе меня.

И они, и потом племянники, почти все почему-то меня боялись. Не знаю почему, но очень боялись, причем не только те, кто жил рядом, а даже те, кто меня всего два-три раза в жизни видел. Может, их родители пугали мной в воспитательных целях, но так было, хотя я никогда никого из них пальцем не тронул.

Вот эта "слава" моя сыграла свою роль и при встрече с Николаем. В то мгновение, когда он увидел меня лежащим на его койке, он был настолько поражен, что принял меня за кару небесную.

Было уже поздно, тем более декабрь, поэтому мы посидели вчетвером на кухне, попили чаю, и я сказал Николаю в присутствии соседа: "Я теперь знаю адрес и телефон, будешь обижать бабушек, узнаю — приеду обязательно..."

Несколько раз я звонил, брала телефон бабушка Поля, у нее со слухом было получше, говорила, что Николая не узнать и т.д. Честно говоря, я не особо верил в его "исцеление", но перепроверять было некогда, а потом телефон перестал отвечать...

В завершение моих «адресных» походов приведу лишь как бы обратного действия, т.е. когда адрес был известен, но проблем от этого не уменьшилось.

Случилось это уже в первые "перестроечные" годы. В стране шла ускоренная подготовка к развалу великой Советской державы, Москву уже начали сажать на диету, т.е. на искусственно урезанное продовольственное снабжение. Меня вызвали на очередной Всесоюзный семинар по опять же очередным надуманным новшествам в аграрном секторе. Выезжая в Москву, я взял у знакомых новый адрес одного нашего земляка, более того, родственника моей жены, естественно, подготовил гостинцы, соответствующие ситуации.

Человека, семью которого я собирался посетить, звали Борис Филиппович, работал он тогда в Генеральном штабе Минобороны СССР. Был доктором военных и, отдельно, космических наук, а в жизни — удивительной порядочности и честности человеком.

Мы долгие годы дружили семьями, ездили взаимно в гости, ну и в тот раз я решил в период командировки заехать именно к ним.

Раньше они жили и работали в Болшево, затем, с переходом на работу в Генштаб, им дали квартиру на Алтуфьевском шоссе. Во всех этих местах мы их посещали. Затем несколько лет я в Москве не был, а они переехали в новую квартиру на Ленинском проспекте.

Я приехал в Москву уже вечером. Середина июля, тепло, адрес в кармане, вроде бы все, как надо. Оставив чемодан в камере хранения, взял с собой два аккуратных, специально изготовленных подарочных ящика, килограммов по 25, и отправился в гости. В них было все, что можно было найти у нас, и чего уже не было в Москве, — вино, коньяк, фрукты, овощи, сборные консервы. Из общей схемы Москвы я знал только, что Ленинский проспект начинается от Октябрьской площади и, естественно, станции метро Октябрьская.

Доехав по Кольцевой до метро, я вышел и осмотрелся. Одиннадцать часов, ночь практически. Прошелся по периметру площади, нашел начало Ленинского проспекта. Слева номера домов нечетные, справа — четные.

Мне надо в дом № 99. Сперва я подошел к предстоящему пути чисто философски: 99 поделить на 2, значит, надо пройти где-то 49-50 домов. Подумаешь! Но я не учел, что это дома не тираспольские. На этом проспекте каждый дом — это квартал по 200-300 метров. Пройдя дома 3-4 и взглянув на часы, понял, что до рассвета мне нужного дома не найти. Пришлось перейти на противоположную сторону и подождать троллейбус. Машина шла в депо, салон пустой, а я до боли в глазах всматривался в мелькающие мимо номера домов. Ленинский проспект не только широк, но и достаточно озеленен. Номеров домов не было видно абсолютно, далеко, да и ночь все-таки.

Проехав на троллейбусе несколько остановок, я вышел, снова перешел на "свою" левую сторону, посмотрел на номер ближайшего дома, плюнул с досады (даже до середины не доехал — номер 45) и пошел дальше пешком. Проспект, кстати, все время идет вверх, и с каждым пройденным домом исходный вес моих ящиков увеличивался в непонятной для меня прогрессии. Дошло до того, что, отчаявшись вообще когда-то донести эти "чугунные" ящики, я хотел подойти к милиционерам, дежурившим у какого-то посольства (кажется США), и попросить разрешения оставить ящики у них до утра. Не подошел, неудобно как-то стало, решил идти. Что будет, то и будет. На проспекте — никого. Редко какие-то подростки пробегают, на меня смотрят с удивлением, но бегут или идут дальше. Сегодня подобное исключено. Обязательно остановят и обязательно ограбят, даже убить могут. Время изменилось, люди изменились. Мы потеряли, может быть, главное — чувство безопасности, которое, что бы там ни говорили, а во всех нас присутствовало. И у хороших, и у плохих.

Это нельзя ввести законом, этим надо жить. Так мы с этим и жили. Потому я без всяких неприятностей (кроме как от своих ящиков) добрался до дома № 99.

Этот дом красивым двадцатиподъездным парусником стоит на пересечении Ленинского проспекта с улицей Удальцова. Нашел я подъезд, открыл кодовый замок, поднялся на нужный этаж и нажал кнопку дверного звонка. На часах — половина второго ночи. Звонok работает, коридор освещен, но двери не открываются.

Я позвонил раз двадцать — тишина. Ну, думаю, это не страшно, лето, в коридоре тепло, светло, скоро утро, кого-нибудь дождусь. Если наши куда-то уехали, может, на дачу, то оставляю ящики у соседей, не тащить же их обратно. А утром мне в 9.00 регистрироваться в управлении на ВДНХ.

После серии безответных звонков я начал готовиться к ночлегу. У соседних дверей лежала картонная упаковка из-под большого холодильника. Я разложил ее вдоль стены, прокладки из пенопласта приспособил под подушку, примерился — все вроде бы должно быть сносно, и хотел уже укладываться. Но что-то подсказало: за дверь, куда я звонил, находятся люди, может, даже наблюдают за мной в глазок, но почему тогда не открывают? Или я ошибся адресом? Позвонил снова. На удивление — сразу щелкнул замок, и дверь открылась...

Но пороге с каким-то непонятным и странным видом стояла вся семья. После немой минутной сцены я внес ставшие ненавистными за этот вечер ящики и услышал следующее. Несколько месяцев назад к ним заезжал земляк — родственник из Казахстана и поведал им героическую историю о нашей "бывшей" семье. По его версии, моя жена лишилась почек и ушла из жизни, а я, вроде, хотел отдать ей почку, но при пересадке тоже ушел за женой.

И вот вдруг, через довольно долгое время, в половине второго ночи, я им звоню. Они спросонок на меня смотрят в глазок и не поймут, откуда я взялся, неужели "оттуда"? Поэтому и держали меня под дверью так долго. Но когда увидели, что я готовлюсь спать на картоне, то, придя в себя после сна, решились открыть дверь — что будет, то будет.

И такое в жизни бывало. Я вовсе не пытаюсь чем-то удивить читателя, а просто перелистываю альбом жизненных иллюстраций, чтобы лишний раз подтвердить простую жизненную истину: "Кто ищет — тот всегда найдет". Добавить здесь нечего.

САФАРИ

Как времена меняются!

Последнюю почти тысячу лет Россия и Турция особых чувств друг к другу не испытывали. Только войны, набеги, всяческие козни, интриги, политические игры и тому подобное. Была, правда, в начале двадцатого века унижительная волна белоэмигрантов, бежавших от советской власти и обосновавшихся в Турции; затем, уже в девяностых годах того же века, была челночная миграция наших людей в Турцию за дешевым ширпотребом и на заработки; наконец, с началом двадцать первого века — буквально туристический бум туда же, но уже на отдых, солидно и уважаемо.

Сегодня турецкое побережье Средиземного моря — основное место отдыха туристов из стран СНГ, и почти круглогодично. Русская речь доминирует на пляжах, экскурсиях, в магазинах. В Турции есть, что показать, и турки с удовольствием и умело используют любую возможность демонстрации местных достопримечательностей, хотя никогда не подчеркивают то, что показывают они в основном следы древней Византийской цивилизации, которую предки нынешних турок тысячу лет назад как раз и уничтожили, вышвырнув греков из Малой Азии. Сегодня на тысячелетних руинах завоеватели снова зарабатывают деньги.

Конечно, нашему нынешнему продвинутому туристу абсолютно все равно, кто там и кого завоевывал. У него, как правило, есть 10 или 20 дней, и главное для него — что-нибудь увидеть необычное, да чтобы было что, где, с кем и в доступном объеме. Все остальное — несущественно.

Есть среди отдыхающих, конечно, и небольшая прослойка тех, кого интересует не только пляжно-ресторанное времяпрепровождение. Они хотят больше узнать о стране пребывания, ее морях, природе, экономике и культуре. Меня как раз к этой непопулярной и скучной прослойке можно причислить.

В первое мое прибытие в Анталию я сразу запасся проспектами предлагаемых туристических услуг, определился, что надо в первую

очередь посмотреть, сразу закупил соответствующие билеты, чтобы разумно организовать предстоящий отдых.

Начал с предлагаемого целодневного автомобильного путешествия по окрестностям Анталии, с так называемого "сафари". Все-таки сам за рулем, без гидов и переводчиков, рейс — в полторы сотни километров по горам и долинам, с подъемом в горы на высоту более чем полтора километра!

Это меня заинтересовало. Взял билеты себе и шестилетнему внуку, Артему. 40 долларов — взрослый, 20 — детский. Но утром, в день отъезда, пожалел внука, не стал будить в шесть часов. Просто побо-ялся, что целый день на открытом солнце, по бездорожью, ему будет сложно выдержать. В семь к отелю подъехал автобус, собирающий всех, кто купил билеты, и к восьми мы были на автостанции города Кемер. Этот город является своеобразным базовым центром для большинства экскурсий и путешествий в данном секторе побережья Средиземного моря, — как пеших, так автомобильных, водных и смешанных.

Где-то к половине девятого на площади перед автостанцией собралась довольно солидная разношерстная группа любителей автопутешествий. Говорили, в основном, по-русски, хотя, как после выяснилось, среди экскурсантов были не только русские, но и немцы, казахи, молдаване и т.д. Подъехал небольшой открытый джип японской фирмы "Сузуки". В кузове стоял парень, внешне похожий на турка (позже выяснилось, что он турок-месхетинец, несколько лет назад переехал в Турцию из узбекского Андижана). Он назвался старшим по предстоящему путешествию и на хорошем русском языке объяснил суть, цели и правила предстоящей автопрогулки, рассказал о маршруте и времени пробега, а в конце сообщил, что, если кого-то остановит полиция, и у сидящего за рулем не окажется водительского удостоверения, — готовы штраф 400 долларов, а если установят, что водитель употреблял спиртные напитки, — штраф 1000 долларов. Для меня лично такое объявление означало, что ехать мне придется в качестве пассажира, так как права мои остались дома. Я и не предполагал, что они мне при десятидневном отдыхе понадобятся, тем более в Турции.

Нас разбили на экипажи, по три пары на один джип. Как правило, пары были семейные, один я из всего состава был беспарный, внук-то дома остался. Все расселись по машинам, сервисные маль-

чики тут же предложили красные треугольные платки, типа наших прежних пионерских галстуков, с надписью "сафари", и мы тронулись в путь. Машин было около двадцати, вытянулись в колонну, в головной и последней машинах ехали инструкторы, техники и медик.

Наш экипаж состоял, кроме меня, из двух молодых семей, мужья были немцы, истинно германские, а жены — полунемки, эмигрантки из России. Все понимали по-русски, и проблем с общением не было. Но появилась проблема чисто техническая — оба парня из нашего экипажа, кстати, братья, получили права вместе чуть больше года назад. Практики езды — никакой, хотя у них есть свои автомобили. Но они мало ездят, хотя и живут в северной равнинной части Германии. Горы им — в диковинку.

Внутриэкипажная ротация предполагалась следующим образом: одна пара едет в кабине, муж за рулем, жена рядом, мы — в маленьком "рабочем" кузове. Затем пары меняются, ну, а я, как пассажир бесправный, по идее, должен все время ехать в кузове. Поверьте, это не очень приятно. Тента нет, прямое солнце, +46° в тени, до металлических частей кузова притронешься — обожжешься. В кабине хоть какая-то крыша над головой, все же легче. Знали бы мы, что машины будут открытыми, хоть что-нибудь взяли, чтобы закрыться от неумолимого солнца. В чем были — так и поехали. Повязал красный платок на полголовы, да уселся поудобнее, успокаивая себя, что главное все же — то, что предстояло увидеть впереди, и это нейтрализовало любые проблемы и неудобства

Раз за рулем мне не ехать — то почему не облагородить ситуацию баночкой пива? Я очистил в плане напитков наш комнатный бар-холодильник, и в сумке, кроме фотоаппарата, у меня лежали три небольших баночки местного пива "Эфес" и две — "кока-колы". На такой жаре холодное пиво станет чаем уже через час, зачем губить продукт, подумал я, и начал с пива.

Дорога шла по равнине, постепенно втягиваясь в горы. Начало было хорошее. Сверху — палящее солнце, изнутри — холодное пиво, по сторонам ущелье, пробитое горной речкой — удивительная для моих глаз, степного человека, природа. Ну, прямо идиллия. Куда там какой-то пляж, где не знаешь, куда себя девать от убийственного солнца. Пока ехали до первого привала, я из жалости выпил вторую баночку пива, а на самом первом привале — и третью. И правильно сделал, так как третья баночка уже была теплая, а банки с "Колой" я привез в отель вечером настолько вздутыми, что пришлось выбросить.

Место первого привала было выбрано замечательно. Голубое ущелье, огромные камни, водопад и естественный бассейн с чистой ледяной водой. Тут же кафе, соответствующий шопсервис и т.п. Путешественники размялись, умылись, опорожнились, снова наполнились и двинулись в далекий путь, который, как оказалось, далеко не так прост. Пошли узкие места, где слева — отвесные скалы на сотни метров вверх, а справа — отвесные пропасти еще больших размеров.

За руль после первого привала сел второй брат с женой. И тут я почувствовал, что с машиной происходит что-то не то. Мы пару раз чиркнули левым бортом о скалу, а на резком левом повороте я вдруг увидел реку в глубине ущелья, чего раньше не было.

Еще через два-три "финта" нашего "Сузуки" я почувствовал неприятную, ниоткуда вдруг появившуюся дрожь во всем теле и понял, что машина по-настоящему не управляется. Пересев на правый борт и внимательно рассмотрев сидящего за рулем парня, я понял, что он машиной практически не управляет. Отрешенное лицо, испуганные глаза, судорожно вцепившиеся в рулевое колесо руки, антистатичность, когда машина уходит влево, а водитель — вправо, и наоборот. Он просто растерялся, но не мог нам в этом признаться. Если бы он, к примеру, шутя сваливался вправо на поворотах, то это можно было пережить. Но шутками там и не пахло. Парень явно чувствовал себя неуверенно за рулем в такой обстановке. Я молчал, хотя быть опрокинутым в пропасть в самом начале путешествия как-то не хотелось. Но так как я был бесправный пассажир, то замечаний не делал. Зато жена сидящего в кузове брата в довольно грубой форме потребовала остановить машину: "Я не хочу, чтобы меня доставали из этой пропасти, — сказала она, обращаясь к мужу. — Или ты садись за руль и езжай дальше, или мы пересядем в другую машину". По растерянному взгляду того и непроизвольному возгласу-крику "Я только что отдал руль!" — всем стало понятно, что он не горит желанием вести машину в верх по серпантину.

Что-то надо было делать. Наш водитель сбавил скорость, задние машины наседали, оттуда слышались крики, сигналы. Обогнать нас на такой дороге никто не мог, так что мы тормозили всю экспедицию. Сбавили ход машины, находящиеся спереди, не понимая, в чем дело.

И тут в нашей машине случилось то, что случилось в одной анекдотической "волчьей" яме, куда упали лиса, коза, волк и мужик, и никак не могли решить, с кого первого волк будет начинать...

Обе молодые пары дружно повернулись ко мне с неммым вопросом... У меня было два варианта: либо сойти и присоединиться к другим экипажам, где было свободное место, либо сесть за руль.

Конечно, три банки пива и два часа на солнце в какой-то мере расслабили, но опускаться до позора, когда из пяти человек некому вести машину, было нельзя.

"Давай в кузов", — сказал я водителю. Он без слов остановился и забрался в кузов. Жена осталась в кабине. Я несколько секунд поманипулировал рычагом переключения скоростей и двинулся догонять колонну. Все пошло своим чередом. Машины упорно карабкались вверх по горному серпантину. Мне за рулем было уже гораздо сложнее любоваться красотами гор и изучать местность, но я все-таки старался не пропустить наиболее интересные места и, цепляясь за след впереди идущей машины, боковым зрением все же следил за местностью.

Чем хороша была та прогулка — так это универсальностью ознакомления. За каких-нибудь шесть часов можно было увидеть, образно говоря, всю Турцию, все ее основные географические и климатические зоны. Именно все, так как, выезжая из приморской низменности с влажным субтропическим климатом, мы должны были подняться на горный перевал и с другой его стороны снова спуститься в приморье.

По прошествии времени после того автопутешествия я составляю фотографически масштабную модель мест и действий, а тогда, в процессе движения, все было новым, интересным, и каждый подъем и поворот готовили что-то ранее невиданное. Пока поднимались вдоль ущелья, вокруг вздымались огромные деревья, внизу бурлящая река ворочала многотонные камни, подтачивала основание горы и, петляя, искала в ней более слабые места. Дух захватывало от природной величественности водопадов — огромные облака брызг, переливающихся радугой на солнце, сплошной грохот падающей на камни воды, и вроде бы полное отсутствие чего-либо живого.

Где-то через час ущелье ПОПЕЛО на убыль, появились холмистые нагорья, небольшие пятна смешанных рощ в местах выхода подземных вод. Попадались среди деревьев небольшие домики, более чем скромные, судя по трубам, — с печным отоплением. Особое внимание привлекали встречавшиеся по пути темно-зеленые оазисы лимонных и апельсиновых рощиц, выглядевшие вызывающе на фоне окружающей выжженной горной местности.

Оазисы располагались и в небольших межгорных долинах, естественно, при достаточном количестве местной влаги. Здесь же при-страивались небольшие деревни. В некоторых дворах были автомобили, как правило, старые и иностранных марок. Было заметно, что единая сельская инфраструктура отсутствует. Каждый живет сам по себе.

Полевая пыльная дорога, десятка два домов — мы их проходим, не останавливаясь. На плоскогорье ехать стало легче, но я уже руль никому не предлагал, да и никто не просил. Так мне спокойнее. За пятьдесят лет, прошедших с тех пор, как я получил права водителя, твердо усвоил, что наиболее безопасный способ передвижения на автомобиле — это когда ты сам за рулем.

А подъем продолжался. Проехали вброд пару крупных ручьев. Несколько машин заглохло, но в район второго привала, рке на высоте в тысячу двести метров над уровнем моря, прибыли все машины, и без людских потерь.

Селение, где по графику должен быть второй привал, было побольше, чем те, что попадались нам по пути. Назвать его горным — язык не поворачивается, но оно-таки было на "высоте" — хотя располагалось на такой большой округлой вершине горы, что место казалось больше равнинным, чем горным. Но совсем другие дома и совсем другие люди, чем на побережье. И хотя на отдельных домах светлели тарелки спутниковых антенн, а в кафе — современные напитки и сигареты, разница в цивилизационной оценке этой деревни и любой, такой же по размеру, на побережье — минимум век.

Особенностью данного привала были бассейн с форелью на заказ, по 10 долларов за штуку, огромное дерево, стоящее метрах в 150-ти от кафе, которое не смогли обхватить пятнадцать наших водителей. По словам местных жителей и организаторов похода, дереву 1200 лет. Их таких — три подряд вдоль горного ручья, два поменьше, а одно постарше и по-больше.

Конечно, я тоже погладил ствол этого удивительного великана, сфотографировал. Правда, никак не мог понять, как на высоте более тысячи метров над уровнем моря (собственно, на горе!) смогло вырасти такое чудо. Скорее всего, там много составляющих — замечательный источник, довольно обильный, все село поливается его водой. Вода — чудо! Много воды из родников я пробовал за свою жизнь, но такой, как в колодце рядом с тем деревом, — никогда. Ну и, наверное, — земля, климат. Жители-аборигены предлагали ишаков, коля-

ски типа "рикша" и т.п. "услуги", чтобы мы могли преодолеть те 150 метров от дерева, название которого я так и не понял, до места нашей стоянки.

После сорокаминутного отдыха двинулись дальше. Я уже никому руль не предлагал, да и ехать в кабине было гораздо лучше, чем на солнце, которое уже стояло почти в зените.

Где-то еще час мы продолжали подниматься потихоньку вверх, на перевал. Это было несложно — видимость хорошая, серпантинов, поворотов и пропастей — нет.

Дорога полевая, неровная, но все-таки не по обрывам. Маршрут наш был построен как бы с юга на восток, затем — на север, на запад, и снова — на юг. Обогнули горы и снова повернули на юг. После перевала мы шли вдоль горного хребта на высоте 1500 метров, а, буквально рядом с дорогой, километра полтора в глубину тянулась другая долина, отделяющая наш перевал от следующего. И такова вся Турция — до самого северного побережья Черного моря.

Сверху, когда летишь над этой страной, видны в основном желто-рыжие безжизненные горы и небольшие, довольно редкие пятна зеленых оазисов. Там, где я бывал в Турции, нигде не видел засеянных чем-либо полей, может, где-то они и есть, но в большинстве своем Турция — это горы и горы, со сходом к побережью Черного моря на севере и Средиземного — на западе и юго-западе.

Проезжая по каменистым склонам, можно наблюдать такую картину: из горы бьет родник, вокруг него естественное или искусственное углубление, из которого самотеком по тонким, где-то в полдюйма толщиной, полимерным шлангам в три-четыре направления стекает вода. Так как дорога шла вдоль одного из шлангов, я проследил за этим водным путем. Шланг от родника подавал по склону горы воду метров на 600-700 ниже. Там, где шланг заканчивался, было устроено что-то вроде бетонного накопителя. Рядом — примитивная каменная избушка под черепицей, пара искривленных жизнью и ветром деревьев, и загон для овец голов на десять. А кругом — выгоревший черный склон. Вдалеке видно, как несколько человек рубят в балочке кустарник с редкой зеленью, пакуют его в большие черные полиэтиленовые мешки и грузят на подобие двухколесной арбы с ишаком в качестве движущего устройства. Так они заготавливают корм на зиму. Ни сена, ни соломы на многие километры нет. И хотя над теми избушками кое-где висят спутниковые антенны, наверняка, многие из

живущих в горах турок вряд ли знают, что где-то километрах в 70-80 от них, на побережье, идет совсем другая жизнь. Но они, даже если знают об этом, все равно живут своей, пусть трудной, но их жизнью. И живут там веками. Бытовые условия, основная одежда, утварь хозяйственная, а главное — образ их жизни вообще-то не очень отличаются от условий многовековой давности. Наверняка, молодежь спускается с гор в другую жизнь, но раз в горах и сегодня живут люди, значит, выросшая в суровых условиях молодежь со временем снова возвращается в родное гнездо, и жизнь в горах продолжается.

Попетляв по выгоревшим, внешне безжизненным горным склонам, наше путешествие опять начало приближаться к побережью. Чаше пошли небольшие зеленые оазисы, где вода уже была не так дорога, как в горах. В одном поселке какой-то шустряк-мальчишка даже полил нас водой из шланга. Ближе к морю долины стали пошире. На окраинах небольших городков появились теплицы. В них турки выращивают овощи, до трех урожаев в год.

Когда подлетаешь к Анталии, кажется, что побережье усыпано небольшими озерами, но только опустишься поближе, становится понятно, что никаких озер там нет, — зато любое свободное место занято теплицами. Дело это в Турции выгодное. Я позже посетил такую теплицу уже на побережье. Они в основном пленочные, почва под овощи — субстрат, т.е. специальная смесь, где и земли-то в обычном понимании практически нет. Экономное капельное орошение, минимум затрат электроэнергии, использование современных технологий и сортов — дают возможность выращивать недорогие овощи (хотя часто сомнительного качества) и обеспечивать ими как местное потребление, так и экспортировать их за рубеж, в ту же Россию, Украину, Молдову, где свои теплицы давно уничтожены.

Как правило, в турецких теплицах, не в небольших приусадебных, а более значительных по размерам, работают бывшие "наши" люди, чаще всего женщины-азербайджанки. Я с ними беседовал. Условия работы и проживания у них хуже, чем в местах заключения для особо опасных преступников. В теплице днем +70°, работают с 6 до 10 утра (летом с 4 утра), и с 6 до 10 вечера. Вечером в теплице чуть прохладнее +50-55°. Работают, обливаясь потом, в плотных шароварах и туфлях, так как по земле в теплицах ползает, что угодно, — от змей до ядовитых насекомых. Зарплата у женщин по тем местам мизер — 250 долларов в месяц. А они работают и дорожат местом, так

как у себя на родине получают в 5-6 раз меньше. Жалуются, что у них нет света, т.е. электрического освещения, ни в теплице, ни в их жилищах. Хозяин не разрешает включать свет под угрозой штрафа и увольнения — итак, мол, видно, зачем вам свет давать.

Но это все попутные ощущения. А наше автопутешествие между тем приближалось, где-то часам к трем дня, к наиболее приятному привалу, за которым следовал уже равнинный этап.

Мы заехали в уютную долину, в полукилометре от берега. Много сотен лет назад здесь река впадала в море, образуя удобный, защищенный с трех сторон залив. Место по красоте — неопишное. На месте реки остался небольшой ручеек, теряющийся летом в песчаном побережье. Остатки процветающего когда-то города-порта, прекрасный песчаный пляж. Турки называют его "черепаховым", так как там черепахи откладывают яйца в тысячах гнезд, затем маленькие черепашки уходят оттуда в море. Пляж охраняется государством и, несмотря на золотой песок и большую площадь, в аренду не сдается.

Но купаться нам разрешили. Освежившись, мы вернулись к месту привала, где, собственно, и была кульминационная часть путешествия — обед. За счет, естественно, турфирмы. Главной "приманкой" трапезы, неоднократно упоминаемой в рекламе и агитационных выступлениях организаторов, была форель "по заказу". В бассейне плавает рыба Ты можешь показать, какую тебе поймать. Ее сачком подцепят и в специальной скорлупе-сковородке испекут в духовке. Очень неплохая получается закуска.

Я не стал показывать пальцем на приглянувшуюся рыбу, так как понимал — нас более ста человек — кто там будет следить, где чья рыба. Да и не это меня, в общем-то, волновало. Я практически основную массу времени провел за рулем, впечатлений от всего увиденного и услышанного набрался предостаточно, поэтому жара и довольно трудная непривычная дорога, в какой-то мере, возраст, естественно, давали о себе знать. Немного устал...

Но теперь-то начнется обычная государственная трасса, мне, как "бесправному", ехать там уже нельзя, значит, молено и расслабиться?! Съел свою форель в специальной приправе и все то, что причиталось на обед, выпил два фужера холодного пива и был готов остаток пути "прокантоваться" в кузове, как говорится, с чувством исполненного долга.

Но не тут-то было. Мы обедали отдельно, а когда собрались у машины под сенью красивого огромного дерева, я увидел, что обе пары нашего экипажа уже сидели в кузове. Жест был понятен, но необоснован.

Я без всяких вступлений заявил: "Ребята, я проехал основной маршрут, более трех часов за рулем, сейчас пойдет трасса, прав у меня нет, давайте — кто-то за руль".

Никакого впечатления на попутчиков мои слова не произвели. Одна из жен заявила, что их мужья думали, будто я и дальше буду ехать за рулем, поэтому выпили по два бокала пива, входившего в стоимость обеда, и теперь, как законопослушные немцы, за руль не сядут.

Посмотрел я на эту публику "законопослушную" и ничего не сказал. Они и так знают, что я без прав, что пиво пил и до и во время обеда. Не с кем говорить. А ехать надо.

Сел за руль, "внедрил" в середину колонны (какой полицейский именно меня будет из колонны выдергивать!) и поехал. Сперва по предгорью, а последние километров двадцать — рке по оживленной трассе. К вечеру мы прибыли в Кемер, а часа через полтора нас развезли по отелям.

Казалось бы, ну что там особенного, — полторы сотни километров проехал. Для меня же это автопутешествие стало целым набором картин и действий, как будто прочитал хорошую книгу со многими иллюстрациями, да еще сделал простой жизненный вывод: компаньонов, как и соседей, подбирать надо, чтобы не подвели не только в большом, но и малом И еще: второй раз я в такое автопутешествие не поеду — слишком много впечатлений и переживаний для одного дня и для одного небезразличного человека.

ДИПЛОМ

В принципе «диплом» (аттестат) — документ, свидетельствующий о том, что его обладатель, конечно, если это касается системы образования, прошел определенный курс обучения, прошел соответствующие контрольные испытания и получил ту или иную специальность. Человечество за многие годы эволюции пришло к ныне действующей системе засвидетельствования права индивидуума на официальное признание его специального образования. Несмотря на общеизвестное замечание о том, что не надо иметь высшее образование, лучше иметь среднее соображение, внимание к образованию и особенно распространенное стремление к получению диплома не потеряли актуальность и в наше время. Не только в нашей стране, но и в большинстве стран мира понятия «получение образования» и «получение диплома» постепенно разделились по сути.

Раньше превалировало желание получить образование, т.е. чему-то научиться, то диплом в этом случае не играл самостоятельной роли. Он был просто фиксацией факта получения образования, и шел, действительно, образовательный процесс. Так было до тех пор, пока в этот процесс не вмешались деньги.

Оказалось, что диплом просто можно купить, причем чуть ли не по любой специальности. Похожее случилось и со спортом, культурой, искусством и т.п. Появилась возможность покупать не только дипломы и почетные места в конкурсах и состязаниях, но и депутатские мандаты любых уровней и т.п. В принципе, этими действиями сегодня никого не удивишь, да я и не пытаюсь это делать. С высоты прожитых лет можно более философски относиться и к этому. Ну, покупают — и пусть себе покупают. Рынок ведь. Спрос диктует предложение, кому это мешает!

Одно могу сказать определенно — по жизни есть масса примеров, когда какому-то конкретному человеку, действительно мастеру своего дела, независимо от вида деятельности, можно выдать аттестат или диплом, даже без прохождения им специального курса обучения. И на оборот, — бывают такие «обученные», что и им диплом

не стоит выдавать далее после неоднократного прохождения того или иного курса обучения.

Такова жизнь, и жаль, что такие принципы не культивируются официально.

История, которую хочу рассказать, произошла в начале семидесятых годов прошлого века. Это было время, когда наши родные партия и правительство на какой-то период более пристально оглянулись на свое же село, в том числе на его обитателей. Появились на селе паспорта, стало более свободным перемещение по стране, наконец, стало модным награждение передовиков сельхозпроизводства льготными или бесплатными путевками в санатории, дома отдыха и т.п. Конечно, и в этом было немало бутафории, так как таким образом заполнялись места в пустующих в межсезонье санаториях. Но крестьяне, тем более передовики, и не могли идти в отпуск летом, в разгар страды, поэтому с удовольствием заполняли зоны отдыха поздней осенью или зимой. В городах, напротив, на этот период давали путевки далеко не передовикам производства.

Зимой семьдесят пятого года большая группа передовых механизаторов нашей области была облагодетельствована путевками в Кабардино-Балкарию, в город Нальчик. Был среди них и представитель нашего колхоза, очень добросовестный и серьезный человек, казах по имени Мухтар. Волею случая, он стал свидетелем были, о которой пойдет дальше речь. Но рассказал мне он об этом не сразу после приезда, а гораздо позже. На то были причины.

Когда они всей группой прибыли в Нальчик, их расселили в одном санатории. Соседом по комнате оказался тоже тракторист — из соседнего с нашим района в Казахстане. Мухтар, когда рассказывал, все подчеркивал, что сосед по комнате, звали его Ахметкиреем, был откуда-то с юга, то есть, как он выразился, «не нашего джуза» (клана, ареала, племени). Этим порядочный Мухтар хотел как-то дистанцироваться от соседа по комнате, подчеркивая, что «наш» так бы не поступил. Когда они немного освоились, вместе начали ходить по городу, на процедуры. Ахметкирей был помоложе, хотел развлечений, начал ходить на танцы, с кем-то знакомиться, потом где-то ночевал, но Мухтар на это не обращал внимания — молодой парень, первый раз из дома вырвался, пусть гуляет, лишь бы плохого ничего не делал.

Но однажды утром Ахметкерей попросил Мухтара пойти вместе с ним к бювету — попить воды. Раньше они ходили вместе «на водо-

пой», потом он как-то откололся, и вдруг просит пойти с ним снова. По дороге к бювету он признался, что не просто так пригласил Мухтара. На днях, когда он пил воду, к нему подошел прилично одетый молодой парень, по виду кавказец, спросил, откуда приехал, сказал, что бывал в наших местах, а минут через пять прямо спросил: «Тебе надо диплом университетский?» Ахметкирей, как тракторист, от такого вопроса опешил, а как человек, сразу ответил: «Да, надо». Парень тут же спросил: «А какой, на кого?» Узнав перечень направлений, по которым готовил специалистов единственный в республике университет, остановились на наиболее близкой для Ахметкирея специальности — зоотехник. Цена вопроса, читай, диплома — 3000 рублей. Договорились, что Ахметкирей за пару дней согласует вопросы по телефону с женой, а через день, то есть, сегодня, он к указанному времени должен прийти к бювету рке с деньгами и получить диплом.

Ахметкирей понимал сложность ситуации, поэтому и пригласил Мухтара пойти вместе на эту рискованную встречу. Деньги вчера жена прислала телеграфом, они при нем, поэтому может быть всякое. Однако все прошло чисто. Парень появился точно в назначенное время, показал диплом, вкладыш с оценками и даже университетский нагрудный знак. Посмотрели Мухтар с Ахметкиреем на все это хозяйство, вроде все правильно, и отдали деньги. Взяв диплом, расстались с молодым человеком — и больше его не видели.

Дело вроде было сделано. На Кавказе еще в советские времена можно было купить любой документ, в т.ч. диплом, поэтому не котировались кавказские дипломы, в первую очередь, у самих кавказцев, которые, зная ситуацию, просто не верили в подлинность даже настоящих дипломов.

Надо признать, что тенденция сперва купить диплом, а потом уже учиться специальности, существовала не только на Кавказе, но и в республиках Средней Азии, Казахстана. Я мог бы привести многие примеры, когда человек, показывающий какой-то аттестат или свидетельство — водителя, киномеханика или там младшего животновода, в глаза не видел автомобиля или киноаппарата, а техник-механик не знал, что такое болт и резьба. Диплом был у них символом права, а про знания никто никогда не вспоминал, да никто и не спрашивал.

Как-то раз, сидя по какому-то поводу за дастарханом у одного уважаемого аксакала, я в конце тоста сказал ему: «Будьте здоровы». Хозяин в ответ: «Какой здоров, какой здоров! Псе мы больной. Главное,

Баска (так старики меня звали), чтобы был диплом и папка». Когда он произносил это «и папка», то засунул ладонь правой руки подмышку левой руки, показав место той папки, как символа должности. Любой, лишь бы при ней быть. Но так было раньше, мол-сет быть, получение диплома тогда являлось одним из способов заявить о себе тем, кому трудно было сделать это другими способами.

Сегодня — времена другие. Деньги, связи, отсутствие комплексов решают почти все, а образовательный бум снова набирает силу. Непонятно почему, но вернемся к нашей были.

Когда Ахметкирей вернулся из Нальчика, он первым делом пошел к директору совхоза, сказал, что больше не желает работать на тракторе, и выложил тому на стол университетский диплом зоотехника. Садык, так звали директора, был одноклассником Ахметкирея, но более расторопным и сообразительным. Он закончил какую-то годичную специализированную школу, лет десять работал бригадиром на ферме. Умел угождать кому и когда надо, потому, когда ушел их директор, его поставили во главе совхоза. Садык долго и внимательно рассматривал диплом и нагрудный знак, а потом заявил: «Ну что ж, я сделаю тебя заведующим овцефермой, но при условии, что ты мне тоже привезешь такой же диплом».

Через несколько дней Ахметкирей уехал в Нальчик и где-то через пару недель привез Садыку диплом зоотехника. Ну, привез — и привез, ничего лее не изменилось, Садык, как был, так и есть — уважаемый директор. Жил бы себе, работал на здоровье, пустив слух, что поступил заочно учиться, ездил бы под видом сессии в свой лее отпуск и выгадал время. Но нет, диплом тщеславным огнем жег Садыку карман, и он не выдержал. На ближайшем районном партийно-хозяйственном активе Садык появился в новом блестящем костюме, на лацкане его пиджака сверкал новенький университетский знак. Где-нибудь в других странах никто бы не обратил внимания на этот злосчастный знак и не придал бы ему особого значения, но только не у нас.

В районе все друг друга знали, тем более руководители хозяйств. Во многих головах тут же появилось летучее желание немедленно выяснить, почему у него есть, а у меня нет? Где он взял и ТА.

В итоге, через время, к Садыку нагрянули двое ребят в штатском из областного КГБ. Проверили диплом, затем изъяли его и уехали. Эта история стала достоянием гласности на уровне области. Естественно, как всегда бывает в таких случаях, все, особенно районное ру-

ководство, отмежевались от Садыка. Недели две-три ждали, что же будет дальше, одни сгорали от жажды чего-то доказать, другие просто с интересом, третьи — с опаской за свое положение. А в Нальчик была отправлена специальная группа из области. Когда она вернулась, то было обнародовано заключение, что диплом... п о д л и н н ы й. На этом инцидент был окончен. Скорее всего, кем-то окончен. Ни Мухтар, ни я об этом так и не узнали, да и зачем нам это было надо. Сейчас — тем более. Диплом сегодня купить — так же просто, как и любую другую вещь.

Да дело и не в этом Ведь в начале нашей были было сказано, что некоторым людям молено выдавать дипломы, звания и т.п. атрибуты отличия просто по их жизни, другим же вообще выдавать не стоит, даже если они чему-то обучались, вернее их обучали, но они ничему так и не научились. Да и не научатся.

ХАЛТУРА

Понятие «халтура», от греческого корня «халкос» (медная монета), означает — побочный и преимущественно легкий заработок сверх основного, обычного. Как действие, халтура подразумевает небрежную и недобросовестную работу, обычно без знания дела.

Ну, это в принципе, для всеобщего так: сказать пользования, мы же заострим внимание на одном из направлений такой деятельности, называвшейся в прежние годы музыкальной халтурой.

Это особый подвид халтуры вообще. Если выразить это действие обычным бытовым языком, то молено сказать, что оно стало в одно время разновидностью услуг населению при проведении каких-либо мероприятий — свадеб, юбилеев, проводов в армию и еще многих видов семейных, да и несемейных торжеств. Многие знающие люди могут сказать, что такой вид услуг существовал с незапамятных времен и поныне существует, но это не совсем так, если говорить именно о музыкальной «халтуре».

Где-то до шестидесятых годов прошлого века люди, имевшие возможность, нанимали музыкантов на подобные мероприятия, но это была не халтура. Это была работа. Тяжелая не только с физической точки зрения, хотя в этом и была главная трудность для наемных музыкантов — ведь вся музыка шла вживую, безо всяких усилителей, микрофонов, магнитофонов и т.п. Гармонь, баян, аккордеон, скрипка, бубен, реже — саксофон, труба, тромбон. Из этого набора у каждой музыкальной группы был свой выбор. В первой половине прошлого века популярными музыкантами в селах были гармонисты-парники, т.е. гармонь-бубен, реже — только гармонь. Баяны тогда в селах были редкостью, только в больших могло быть два-три баяниста на заказ, не более. В городах баянисты были более популярны, гораздо реже — аккордеонисты, и совсем редко, только где-нибудь по окраинам, работали платные гармонисты.

Как правило, такие музыканты были одаренными от природы, музыкального образования не имели, но работали на совесть, до семи потов отрабатывали договорную мизерную плату.

До пятидесятых годов можно было увидеть и услышать бродячие цыганские группы. Обычно это три человека: один с гармошкой, обязательно кто-то со скрипкой, и третий — с гитарой или бубном. Цыгане обычно предварительных заказов заранее не имели, просто ходили от села к селу, их приглашали любители экзотики, имевшие возможность заплатить уже по ходу их появления в районе или большом селе. Конечно, среди тех музыкантов-любителей были люди одаренные. Внутри этого небольшого «братства» существовали какие-то неписанные правила, кто, когда, кому и т.п. Лучших из них приглашали и в другие села, даже на значительные расстояния — на то они и лучшие. Отношения между музыкантами такого уровня, независимо от известности, были доброжелательными и товарищескими. Ни зависти, ни подсижки или подяны. Часто они объединялись или перегруппировывались под обстоятельства, хорошо знали друг друга и мирно сосуществовали, по большому счету, ни один десяток лет. Среди музыкантов не было ханыг и проходимцев, больных и людей с отталкивающей внешностью. Это, в абсолютном большинстве, были веселые, жизнерадостные, здоровые и зажигательные ребята, одно появление которых в любом месте, в любой компании, поднимало настроение и программировало всю дальнейшую тональность любого праздника. Ребята не только могли играть на разных инструментах, но и петь — как по заказу гостей, так и просто в контексте отмечаемого события.

До тех пор, пока не появились различные виды радио и звукозаписывающей аппаратуры, а после — усилители, микрофоны и все, что с этим связано, страна наша, по крайней мере, после войны, именно так отмечала различные события довольно долгие годы. Музыканты-любители натурально играли и пели, никто их не «раскручивал» и не вытаскивал в «звезды», а реклама шла естественным путем — от человека к человеку, от мероприятия к мероприятию.

Перемены наступили сразу с разных сторон. Появились в городах и крупных селах, естественно, во всех районных центрах, музыкальные школы — наплыв туда в первые годы был ошеломляющим. И хотя хороших музыкантов от этого не добавилось, но уже в коллективах, работающих на заказ, нет-нет, да и стали появляться более подготовленные молодые люди. Параллельно с этим новшеством пошла примитивная оркестровая техника — электробаяны, электрогитары, позже клавишные и т.п. Это был пик подъема любительской му-

зыка для бытовых нужд. В нашем селе Слободзея в конце пятидесятих появилось музыкальное училище, одно — на всю левобережную Молдавию в то время. За несколько лет работы оно не столько означило себя выпуском профессиональных музыкантов (это тоже было), сколько всколыхнуло весь наш регион. На конкурсных отборах абитуриентов жизнь показала, что наша республика, особенно наш район, где проживало 120 тысяч населения, а географически внутри района был расположен еще и 150-тысячный город Тирасполь, да город Бендеры рядом, со всей этой плотнонаселенной территорией имеет столько талантов, певцов и музыкантов, что, наверняка, их хватило бы, чтобы «озвучить» какую-нибудь солидную европейскую державу. Мне довелось побывать в разных европейских странах, и могу сказать определенно — по насыщенности музыкальными талантами, при любом сравнении, мы богаче их всех, только возможностей у нас нет таких, как у них. Ну да ладно, не в этом суть данной были.

Короче говоря, появление более квалифицированной прослойки среди «лабухов» (так называли первых примитивных исполнителей-любителей, работавших на публику), не только повысило уровень исполнения, но и способствовало интенсивному появлению музыкальных групп «а ля битлз» и т.п. Как часто бывает в жизни, — возросли не только предложение, но и спрос. Как раз в наших приднестровских краях с середины шестидесятых и почти до конца восьмидесятых годов был бум экономического и связанного с этим социального подъема. Невиданными темпами росло производство, соответственно — зарплата и благополучие населения. Это где-то у кого-то был «застой», как часто стали хаять тот период всякие недоброжелатели, свои и чужие (свои даже стали хуже, чем чужие), а у нас, и не только в сельском хозяйстве и перерабатывающей промышленности, а буквально во всех отраслях народного хозяйства был подъем. Нам не надо было никаких реформ и перестроек, надо было только адаптироваться под новые времена, и все. Так вот, именно в то время спрос на хорошую веселую музыку значительно возрос.

У людей появились деньги, пусть не такие большие, но достаточные, чтобы заказать музыкантов на какое-либо торжество. Именно тогда и появилось среди музыкантов то, возможно, обидное определение — «халтура». Появилось вначале среди штатных музыкальных групп, которые вне своего рабочего времени, вроде как нелегально, а на самом деле шумно и с большой рекламной помпой, играли на

различных семейных торжествах. Сперва на инструментах, взятых с работы, а затем, обжившись и утвердившись, — уже на своих. Постепенно определились с уровнем статусом, кто, где и кого обслуживает — не все группы были одинаковы по мастерству и престижу, и по цене тоже.

Групп этих было не так много, но они, в общем, удовлетворяли спрос, брали за услуги практически копейки, но добросовестно отработывали полученные деньги. Группы были автономны, иногда внутри них шли ротация, обмен музыкантами и аренда на время. Была, конечно, и конкуренция. В их составах часто были талантливейшие ребята-универсалы, они по 2-3 и более раз в неделю, а то и чаще, ходили на ту самую халтуру, и там потихоньку пропадали. Дело в том, что пробиться куда-то вверх или за рубеж; могли лишь чьи-то дети и родственники, как правило, не стоившие, образно говоря, мизинца многих ребят, игравших по окрестностям на местном уровне. Те, «продвинутые» кем-то, не чувствовали своей никчемности, а талантливые музыканты, понимая свою невостребованность, искали утешение в другом...

Они очень много играли-пели, и всегда много пили. Такая уж была их трудная доля. Чтобы ходить на халтуру, надо было не только уметь и иметь, на чем играть, не только уметь петь и вести все организационные дела, надо было еще иметь и железное здоровье. В наших краях большая часть торжеств, особенно свадеб, проводилась на улице, под брезентовыми навесами, где, в идеальном случае, была слегка плюсовая температура, а музыканты всегда располагались с краю, на ветру и холоде. Без спиртного долго не выдержишь, а часто приходилось играть и петь почти до утра; на другой день — опять продолжение...

Да, непьющих музыкантов были единицы, они долго в группах не задерживались, даже если были мастерами. Все остальное — пили. Слабые долго не выдерживали, сходили с дистанции, оставались те, кто по своей конституции мог выпить, сколько угодно, всегда оставаясь «в строю».

В те застойные годы по вечерам село гудело, в разных местах играла музыка, и процесс шел непрерывно до начала девяностых. Потом пошел развал страны, потеря сбережений в сберкассах, закрытие границ, появление разных валют и т.п. неприятности. Главным в жизни стали деньги, а не музыка, и не каждый уже мог позволить себе нанять музыкантов, тем более, хороших. С появлением дисковых но-

сителей и мощных усилителей воцарилась уже действительно халтура. Группы уменьшались до 2-3 человек — включали новую аппаратуру, и почти перестали не только вживую петь, но и играть. Все пошло под «фанеру».

Главным лицом группы стал солист-ведущий, а классные музыканты были в качестве сопровождающих — все исполнение шло под запись. И сейчас так поют, как настоящие халтурщики. Для разнообразия одну-две песни выдадут вживую, а все остальное — фанера. Деньги стали решать все, причем, на любом уровне.

Если бы на каждой «халтуре» кто-то записывал отдельные эпизоды событий, т.е. отмечаемых там уникальных торжеств, можно было бы собрать их на миллионсерийный фильм, причем не игровой, а натурально-документальный, как было на самом деле. Сколько различных случаев, историй самых неожиданных и необъяснимых могли поведать миру участники тех халтур! А так как мы продолжаем серию былей из нашей жизни, то я вам напомним одну из таких «халтур», случившуюся в начале девяностых годов прошлого века. Она — классическая по характеру и примерности исполнения.

Один из моих дальних родственников был как раз таким музыкантом, который обслуживал торжества по вызову. Виктор, так его звали, был потомственным баянистом, раньше играли на людях его старший и средний братья. Вообще, весь их род отличался музыкальными талантами, и до сих пор — не только на любительском, но и профессиональном уровне — выступают более молодые отпрыски этой семьи — дети, внуки и правнуки.

В отличие от старших братьев, Виктор был не только музыкантом и певцом высокого класса, но и обладал более спокойным и рассудительным характером, практически не пил «на работе», т.е., на гулянках, был бережлив и расчетлив. Работал, как правило, без сопровождения, что, в плане выпивки, являлось огромным преимуществом. В компании или группе практически невозможно не пить — сразу становишься «больным» или «сволочью», а вот если один — всегда заставлять затрудняются. Ну, примет вежливо стопку от хозяев — и на том все. Никто больше его не трогает. Мастерство и невысокие, по тем временам, расценки сделали, как сегодня говорят, рейтинг этого человека довольно высоким — слава о нем разошлась за сотни километров.

Как раз в зените его успехов, где-то в начале девяностых, к нему заехал очередной заказчик из райцентра соседней Одесской области.

Причем, не на какой-то там «Волге» или паршивой столетней иномарке, которые появились тогда у «крутых» ребят. Нет, он приехал на огромном новеньком «Урале», естественно, с одесскими номерами. Машина явно была военная, совсем недавно где-нибудь стояла на колодках в боксе, так что на вид — как будто с завода.

В те годы, кто мог, тот и растаскивал имущество перебазированной из Восточной Европы в Молдавию Южной группы войск, в том числе ее ведущего структурного подразделения — 14-й армии. Граница с «самостийной» Украиной — рядом. Перейти ее — как сходить в магазин, поэтому шло откровенное ограбление армейских частей, особенно по части техники всех видов и имущества. Приехавший на «Урале» заказчик был прапорщиком уже украинской армии. Молодой парень, лет 25-ти, килограммов за сто весом, с лукообразным лицом лилового отлива, мутным тупым взглядом и волосатыми растопыренными пальцами. Ну, типичный «новый украинец» тех лет.

Он ввалился к Виктору в дом и с неописуемым апломбом, не предполагаям возражений, заявил, что через неделю у него свадьба, и он хочет, чтобы Виктор на ней играл.

Виктор посмотрел свои записи. Хотя программа очередной субботы у него еще не была точно оговорена, все-таки сказал, что занят, но можно договориться на более поздний срок.

«Ты шо, не поняв, шо я женюсь? — приблизил свои бычьи глаза, налитые кровью, заказчик. — Значит, так! Слухай до мэнэ — машину туда-сюда я дам. Знаю, ты бэрэш 60 долларив. Даю 90. И ще, запомны, добавляю пивсотни, но привезы с собою якогось тромбониста, дуже люблю, як тромбон пырдыть!», — добавил прапорщик и раскатиисто заржал.

Пока он выступал, Виктор слушал и быстро соображал: «Двойная оплата — раз, хотя расстояние более сотни километров; будет транспорт заказчика — два; тромбониста долларов за 20-25 можно найти — три; в принципе — выгодно».

И хотя рожа заказчика ему явно не нравилась, и можно было быстро поставить его на место и отшить, Виктор согласился — даже не из-за выгоды, а из-за нежелательного резонанса о своей персоне за «рубежом».

В субботу, как и было обещано, снова подкатил к дому Виктора тот самый «Урал», только за рулем сидел не прапорщик-жених, а дядя, брат его отца, целый старший прапорщик — плюгавенький му-

жичонка с бегающими глазками, но с теми лее большими амбициями. Виктор погрузил аппаратуру, позвонил Петру — тромбонисту, с которым договорился заранее, что за ним по пути заедут, и «Урал» тронулся в сторону Одессы.

Тромбонист Петр поехал с удовольствием, так как его группа давно распалась, в последнее время подрабатывал в оркестре «Спецзенстроя» на ритуальных выездах. Виктор пообещал Петру оплатить за каждый день свадьбы по 15 долларов, и тот с радостью согласился. Заработок, по тем временам, неплохой, да и еда-питье — на «халяву».

По дороге Виктор имел неосторожность спросить, зачем, мол, гнали такую большую машину, она же жигулевский бак бензина съедает за 100 километров. В ответ водитель самодовольно заржал, снисходительно похлопал Виктора по плечу и просто сказал, что он является не только начальником ПФС (продовольственно-фуражного склада), но и заведует военной автозаправкой. Больше никаких вопросов у пассажиров не возникало, все было понятно.

По дороге дядя жениха разоткровенничался и сказал, что «пить будут ны якый ся там чимиргэс (самогон), чи то поганэ вино, а чыстый спырт!». Добавил, что почти задаром достал 50 литров медицинского спирта, разбавил его дистиллированной водой и подарил племяннику на свадьбу около 100 литров, как он выразился, «чудо-пойла». «Мы им покажэм, як надо гулять свальбы», — закончил дядя-старший прапорщик, въезжая в свое село.

Виктор с Петром установили аппаратуру, все подключили, проверили и стали ждать ритуальных для данного события команд. Основным распорядителем на свадьбе был староста, он же — младший брат отца жениха, он же, как уже было сказано, — старший прапорщик, привезший музыкантов.

На дворе — ноябрь, снега не было, но мороз к ночи — 8-10 градусов. Под огромным, во всю длину двора, брезентовым навесом, с одним, хотя и мощным тепличным обогревателем, было не совсем комфортно, тем более музыкантам, традиционно примостившимся у открытого выхода. Но это было вначале свадьбы. После третьей-четвертой рюмки (читай — стакана) для гостей холода рке не существовало. Они пили-ели, гуляли, танцевали. Разбавленный спирт делал свое дело.

Начало свадьбы было назначено на три часа дня, но уже к двум часам все гости были в сборе и с трудом дождались молодых с регистрации. Для музыкантов такой распорядок дня был необычным, по

крайней мере, для свадьбы. В наших краях и, особенно на сельских молдавских свадьбах, приглашали гостей к шести-восемью вечера, а они (гости) сходились к десяти. Потом еще ждали «нанашулов», т.е. посаженных отца и мать, без которых гуляния не разворачивались по установленным канонам. Некоторые из нанашулов, зная требования обычаев, специально тянули время, появляясь часам к одиннадцати — половине двенадцатого ночи. Как правило, это были богатые родственники, местные авторитеты или просто такие гадостные, простите, по натуре люди, желавшие лишний раз выпятить свое превосходство. Учитывая поздние начала, молдавские свадьбы в первый день продолжались практически до утра. На другой день — другой ритуал.

Здесь же, на Украине, такой временной роскоши не было, даже по той простой причине, что в те времена были частые и повсеместные «веерные» отключения электроэнергии. По данной зоне отключения по графику были с одиннадцати вечера до семи утра. Даже несмотря на суперавторитет участвующих в свадьбе прапорщиков и тот факт, что среди гостей был начальник местной подстанции, все вместе они сумели на свой страх и риск продлить световое время всего на один час, т.е. до двенадцати ночи. Понятно, что если нет света, то, считай, нет и гулянки, ведь если нет освещения, то молчит и музыка, страдает все сопутствующее.

Гости все это знали, поэтому не теряли времени зря, и рке часам к восьми вечера свадьба поредела наполовину. Причем, сразу были «выбиты из строя» главные действующие лица. Первым унесли отца жениха, т.е. хозяина дома. Он что-то начал, протестуя, кричать, но был изолирован на месте. Вторым на ровном месте упал его брат-староста, которого тоже отнесли домой, благо, он жил напротив, через дорогу. Потом вдруг закачался жених, он, видимо, не один день готовился к этому событию. Ну, его вместе с невестой-женой как можно торжественнее проводили к каким-то родственникам, на первую брачную ночь.

Судя по располневшей фигуре невесты и ее заметно округлившемуся животу, было понятно, что первая ночь у этих молодоженов прошла не один месяц назад. Но обычай есть обычай, поэтому с молодыми соблюли все, как надо. «Обезглавленная», по сути, свадьба, предоставленные самим себе гости — стали более раскованные и решительнее. Частые и обязательные тосты попросту прекратились. Гости сами наливали, закусывали, сами себе кричали «горько» и друг друга

сами целовали. Ситуация стремительно ускорялась, за столами уже никто ничего не мог понять, и тогда присутствующий на свадьбе главный сельский электрик куда-то позвонил, скорее всего на подстанцию.

Свет начал мигать, предупреждая о том, что скоро его не будет. Для гостей это не было неожиданным, так происходило ежедневно, поэтому они поняли это как сигнал к действию, быстро допили все, что было на столах и возле, а потом спешно разошлись по домам.

В «живых», т.е. на своих ногах и в здравом уме, остались четверо — хозяйка, мать жениха, музыканты Виктор и Петр, а также соседская девочка-подросток. Родители ее ушли домой, а она, наоборот, пришла к соседям, потому что знала — после такого перебора отец обязательно будет гонять маму по огородам, обзывая разными плохими словами, через час-два, наконец, ввалится в дом и где-нибудь в сенях заснет. Потом мама его разденет и затащит в хату. Так было всегда, так будет и сегодня. Поэтому она и пришла к соседке, может, чем-то помочь надо. Виктор попросил нагреть чаю, потому что, в отличие от перегревшихся спиртным и танцами гостей, сильно промерз, да и у Петра мундштук тромбона начал прилипать к губам.

Просьба согреть чай застала женщину врасплох. Ей было стыдно признаться, что в доме никто никогда чай не пил. Вино, рассол, иногда компот домашнего консервирования — его полный погреб. А тут чай! Чайник она так и не нашла, кипяток согрела в кастрюльке, чая для заварки, естественно, в доме тоже не было. Виктор пошел в сад, наломал вишневых веток, прироста текущего года, сложил их в кастрюлю, прокипятил. Чай из вишневых отростков — чудесный напиток! Куда до него всему этому зарубежному рекламируемому мусору! Что по цвету, что по запаху, что по вкусу!

В общем, почаявничали с хозяйкой музыканты, торт специально из Киева привезенный проводниками разрезали — гости до него так и не дотронулись, не дошла, видно, очередь. Потом убрали все ценное со столов, занесли в погреб и пошли спать. Место музыкантам определили в летней кухне, т.е. в отдельном домике, наличие которого в каждом дворе просто считается обязательным. Конечно, кухня зимой не отапливалась, но хозяйка нанесла одеял — по несколько штук на каждого, так что опасности замерзнуть — не было.

После шумного «бала» музыканты с трудом засыпали, буквально оглохнув от тишины. Главное было сделано; завтра еще часа три-четыре, больше гости не выдержат, да и на работу большинству в понедельник, так что вроде бы все идет нормально.

Так думал Виктор, да и, наверное, Петр, засыпая в чужом селе, в холодной летней кухне, после кошмарного по исполнению и организации первого дня свадьбы. Виктор не помнил, как забылся и заснул, зато на всю оставшуюся жизнь запомнил то, что было после.

Где-то часа в четыре утра хлопнула дворовая калитка, кто-то влетел во двор с душераздирающим звериным воем и какими-то нечленораздельными возгласами.

Громкий стук в дверь. Слышно, как вышла хозяйка Тихий разговор. Наконец, рев в два голоса, какие-то крики, разобрать нельзя ничего.

Минут через пять две полураздетые женщины буквально ввалились в летнюю кухню. В руках одной из них, как оказалось позже, хозяйки, — горела свеча.

«Помогите!», — кричала хозяйка, «Караул!», — вторила ей обезумевшая соседка. Они сели перед музыкантами на лавку и, перебивая друг друга, что-то пытались сказать. Понять их было невозможно. Прошло еще минут десять, пока стало ясно, что «сгинув», т.е. ушел из жизни, староста, тот самый дядя жениха, он же старший прапорщик, он же человек, сидящий на военных харчах в складе.

Прибежавшей женщиной оказалась его жена-старостиha. Из нее хмель еще не вышел — она была взъерошенная, страшная и беспрерывно кричала: «Ой, пропав, ой, вже холодний, ой, шо ж мы будэм робить тепэр?», ну и так далее. Идти домой боялась, вся тряслась, каталась по лавкам под навесом и по-волчьи выла, вперемешку с отдельными выражениями.

Хозяйка попросила музыкантов сходить через дорогу во двор старосты, хоть положить его куда-нибудь по-человечески, а то, по словам соседки-невестки, «вын валяеца, як дровыняка на кухні».

Музыкантам пришлось собираться: что делать — свадьба резко перешла в похороны. «И зачем я согласился с тобой поехать? — завыв вдруг напарник Петр, — теперь нам за воскресенье не заплатят, пропали мои 15 долларов». «Заткнись ты с долларами, видишь, горе у людей», — прошипел Виктор, и они вышли во двор. Потом прошли через улицу в усадьбу старосты. Хозяйка с невесткой — за ними. Невестка показала, куда идти. Виктор взял свечку. Зашли в кухню. Детей у этой пары не было (может, и были где-то, но в тот момент в доме не жили). Если в обычном холодильнике температура — 10-14 градусов тепла, то в том доме (кстати, во многих домах газа и сегодня нет) температура была, если и не минусовая, то близкая к нулю. Как

там люди жили, одному Богу и жильцам известно, но, что было — то было. В узкой расщелине, между обычной сельской плитой и старинной койкой лежал тот самый староста, что вчера утром привез их на «Урале». Тело его вытянулось, было холодно-несгибаемым. Пришлось даже отодвинуть койку, чтобы можно было подойти к нему.

Рядом стояла метра в три длиной старинная скамейка, на ней — оцинкованный бак с водой. На воде — легкая пленка льда. Бак пришлось убрать. Жена покойного постелила на скамью вязаный половик, и на него положили негнущееся тело старосты. Свечка стояла на плите. Все четверо молчали, не зная, что делать дальше. А часам к двенадцати дня должны были собраться гости, чтобы опохмеляться...

В общем, страшно было подумать о том, что будет дальше. Присели. Кто-то начал вспоминать аналогичные случаи из жизни, потом начали успокаивать друг друга, что-то предлагать и т.п. Чудовищная нервная оторопь прошла, реальная дикая действительность заняла все мысли, даже посторонних, вроде бы, музыкантов.

И вдруг — грохот! Вроде как упали несколько поленьев и досок на металлический пол. От испуга свалилась со стула хозяйка дома, старостиха. После этого в доме разорвалась атомная бомба или что-то еще хуже — среди жуткой тишины скрипучий противный голос прокричал: «Манюня, твою мать, дай швыдче воды, де ты шляйся?»

Все резко повернулись в сторону лавки. Староста, этот мерзлый суповой набор, лежал на полу и негнущейся правой рукой пытался протереть глаза. Жена его — в обмороке, и слава Богу, а то бы пришлось ее укладывать на лавку.

«Одеяло, быстро одеяло! — безумно заорал Виктор Петру, — неси одеяло или два с нашей постели!». «А вы, — он обратился к пожилой хозяйке, — ставьте быстро кипяток, будем чай пить!».

Петр принес два одеяла. Запеленали слабо сопротивлявшегося старосту и перенесли в дом, где гуляли свадьбу — на всякий случай, а то очнется старостиха, увидит живого мужа, и точно один покойник будет.

Как бы там ни было, но оттерли, отогрели славного старосту. Старая хозяйка понесла чай невестке — отошла и та. Своим помутненным неопохмеленным сознанием она согласилась, что муж ее живой и тотчас пьет чай — это для нее тоже была новость, как и то, что она сама, ночью, пьет сладкий горячий чай, а он оказывается такой хороший и приятный.

Закончилась та торжественная ночь тем, что уже часов в семь утра, когда появился свет, за одним из свадебных столов собрались хозяйка дома, староста с женой, два музыканта и примкнувший к ним, очухавшийся к этому времени, хозяин дома. Заключительным аккордом всего происходящего стал неожиданный вопрос старосты: «Слу-хай, Витек, а ты знаешь такую песню — «Как провожают пароходы»? Услышав это, все дружно рассмеялись. Живой, значит!

Все договорились — никому не говорить о случившемся. Дальше все пошло по инерции: пришли на похмелье гости, попели, попили, потанцевали и довольные разошлись. Но когда староста, который за день прочувствовал все, что с ним произошло, потому не пил и молчал, подъехал вечером на том же «Урале», чтобы вести музыкантов в Тирасполь, Виктор категорически от такой услуги отказался. У него перед глазами навсегда осталось его застывшее тело.

«Нет, лучше мы на автобусе доберемся», — заявил он. Хозяин все понял Наняли какого-то сельского милиционера, тот и доставил музыкантов домой.

Эти сутки «командировки» на халтуру Виктору врезалась в память на всю оставшуюся жизнь, он так и до сих пор не определился, что это было — смешное или страшное...

А халтура живет и процветает, но уже совсем в другом качестве, чаще всего действительно как халтура. А почему? Вроде бы качественно все изменилось к лучшему. Сегодня каждая песня — целый мини-спектакль, где сама песня — уже только фон, багет, а не картина. Причина, на мой взгляд, в том, что музыку и, в частности, песню стали лапать грязными руками, покупать за деньги. Из песни вынули душу. А песня без души — как человек с искусственным сердцем. Только и того, что живет, да и то — недолго.

ВОЛЫ

Вы знаете, кто такие «волы» или, как их официально обзывают в документах, — «быки рабочие»? Вопрос не праздный. Уже лет 20-25 воловьей упряжки в нашей повседневной жизни не фигурируют. А до начала девяностых годов прошлого века, несколько тысяч лет подряд, волы занимали довольно значимое место в земной жизни. Если среди животных продовольственного направления первое место принадлежит корове, среди домашних птиц — курице, то среди тягловых животных до сих пор, по крайней мере, волу не было равных.

Что же это за животное — вол? Это обычный представитель крупного рогатого скота. Превращение его в вола рабочего происходит следующим образом. Весь нарождающийся молодняк крупного рогатого скота, независимо — бычки это или телочки, до конца первого года рождения учитываются одной строкой, как телята. Обычно со второго года или по каким-либо другим зоотехническим срокам, бычки отделяются от телочек и потом содержатся отдельно. При не интенсивном выращивании молодняка, бычков в возрасте одного года обследуют, отбирают элитных и породистых — на племенные цели, а остальных — лишают «мужского» достоинства, т.е. кастрируют. Основная масса из них идет на откорм с последующим использованием на мясо, поэтому их и лишают того, что мешало бы им быстро набирать вес при различных возбуждениях, проявлениях ненужных желаний и излишних затрат энергии. И вот уже из этой категории выбирают тех животных, из которых в будущем могут получиться хорошие тягловые животные, как мы их сегодня называем, — волы.

Идет специальный зоотехнический отбор животных именно для рабочих целей. Бычок должен быть рослым, здоровым, с широкой грудью и мощными ногами. Кроме всего прочего, чисто конституционного, он должен обладать спокойным характером, быть коммуникабельным — как с другими животными, так и с людьми, а также поддаваться дрессировке или обучению.

Где-то в возрасте двух лет все эти характеристики уже проявляются на отобранных животных, и наиболее достойные из них, с учетом необходимого восполнения или обновления рабочего тяглового состава, переходят в разряд волов, а не прошедшие тестирование собратья, остальные бычки и кастраты всех возрастов, идут на мясо.

Волы, конечно, это нечто особенное в сельской жизни. Если сравнить, например, волов с теми же быками-производителями. Здесь все, как в человеческой жизни. Бык (бугай) и вол, в принципе, могут быть от одной матери, но жизненное кредо и соответственно условия обитания у них отличаются, как небо и земля. Бык — производитель по человеческой аналогии, это как представитель дворянского сословия. Он — подтянутый, со стройными ногами, вычищенный и ухоженный. У него — отдельная диета, постоянные прогулки, специальный общий и ветеринарный уход. На нем никто не ездит, ему вообще запрещены физические перегрузки. У него одна главная забота и работа — покрывать коров. Эдакий щеголь, Евгений Онегин или Дон Жуан, молочного стада. Правда, жизнь быка, хоть и ярка, но коротка — как; и у большинства «производителей». Что тут поделаешь...

Так вот, если быка виртуально можно приравнять к эдаким дворянам-аристократам, то его брата вола — к бедным крестьянам. Вола уже с двух лет начинали приучать к «ярму». Ярмо — это скрепленные посредине между собой два крепких деревянных бруска с углублениями под воловы шеи, два металлических штыря (занозы), чтобы зафиксировать шеи двух волов в ярме, и большое кольцо, посредством которого ярмо крепится к дышлу повозки, арбы или другого прицепного средства. И несчастным был вол, и несчастным оставался крестьянин, так как оба надевали ярмо на свои шеи, до глубокой старости его не снимая.

В отличие от быков — блистательных производителей, волы работали десятки лет. И никаких у них не было ни льгот, ни спецкормов, ни чего-нибудь особенного другого. Только зеленая трава летом, да немного сена-соломы зимой, вприкуску с какими-нибудь зерновыми отходами. Волы выполняли самые тяжелые тягловые работы. На них и пахали, и сеяли, и культивировали, они передвигали повозки, большие арбы, огромные водяные бочки, да чего только не цепляли к тому валовому ярму! На волах возили артиллерийские орудия даже во время второй мировой войны. Военные обозы тоже были укомплектованы волами. Не было, наверное, в прежнее время таких работ, в

т.ч., строительных, где бы ни были задействованы волы. По тягловой силе они в разы превосходили рабочих лошадей. Ко всему прочему, они были гораздо менее привередливые, степенные, неторопливые, но исполнительные. Это были животные — рабы, запрограммированные на рабство изначально. И они с такой жизнью смирились. Замастеревшие, огромные, с длинными рогами, торчащими вверх, страшные внешне, но добрые изнутри. От волов в итоге получали хорошие толстые шкуры, которые шли на изготовление дорогих кожаных изделий, а также мясо, рога, копыта, воловьих жилы. Думаю, достаточно для того, чтобы люди, ныне живущие, прониклись определенным уважением к великим труженикам-волам, добросовестным и безотказным помощникам человека, без которых наши предки просто не мыслили свою жизнь.

Чтобы закончить характеристику этой тягловой силы, добавлю: было бы, наверное, очень справедливо где-нибудь на центральной российской выставке поставить отлитую из самого дорого металла парную скульптуру крестьянина с волом. Это они вытащили на себе государствену, это с их шей до сих пор не сняли ярмо.

Читатель может подумать, что я — волозаводчик или поставщик волов в какую-нибудь из стран, где земельные наделы настолько мизерны, что, кроме волов, на них ничего нельзя использовать, в ту же Индию, например. Должен с великой грустью заметить, что если дело с земельными наделами и в России будет идти в том же направлении, придется и нам еще не раз о волах вспомнить.

Нет, я волами не занимаюсь, а так пространно о них рассказываю просто потому, что пришла пора перевернуть еще одну страницу из альбома жизни и рассказать, как я впервые довольно близко познакомился с этими животными.

Внешне я их видел ежедневно, и много раз. На нашей улице располагался колхоз, со двора которого ежедневно с раннего утра и до позднего вечера выезжали воловьих упряжки. Со стороны эти огромные переваливающиеся с ноги на ногу животные казались трудноуправляемыми и страшными. Но судьба мне уготовила более близкие контакты с ними. А дело было так.

Во время школьных каникул я, как и многие другие сельские дети, работал в колхозе. В том 1950-м году, после окончания трех классов, был в колхозе «погонычем» при лошади, где-то с месяц. До этого вручную собирал с ребятами зеленый горошек, планировал до на-

чала занятий так в колхозе и доработать. Платить там ничего не обещали, начисляли погонычам по трудовню за два дня, но зато в обед кормили борщом

Все шло нормально. Трудно, жарко, тяжело, десять лет все-таки, но ничего, терпел. В один из вечеров я играл в футбол на соседней с нами улице, там все и началось. В нашей округе было много ребят, любящих футбол, но играть было нечем. Тряпичные самодельные мячи быстро рвались, а мячи — шары из размятого свиного мочевого пузыря — были бесформенными, легкими, сухими и трескали на всю улицу.

А на соседней играли настоящим резиновым мячом, размером где-то с килограммовый арбуз. Хозяином мяча был Ваня Бондарь, девяти или десятиклассник. Так вот, в тот злополучный вечер мы, как обычно, играли. Хозяин мяча ушел в кино, а мне сказал, чтобы я забрал мяч и на завтра вечером вернул.

Я принес тот драгоценный мяч домой и начал отрабатывать удары в сторону наших ворот. Вышел во двор мой дядя Миша, сын бабушки, он как раз пришел из армии в отпуск на 10 суток. Взял мяч в руки и так сильно ударил ногой, что получилась высокая «свечка». Мяч, перелетев через наш дом, упал где-то в чужом саду.

На дворе уже были сумерки. Мы перелезли через забор к соседу, но мяча так и не нашли. Решили поискать утром. На рассвете я уже был у соседа во дворе. Все вместе обыскали сад, мяча нигде не было. Для меня это было катастрофой. Пошел на работу в бригаду, целый день водил коня при культивации, а сам все про мяч думал и про его хозяина: что я ему скажу?

Вечером пошел на соседнюю улицу. Там ребята собрались. Я им объяснил, что мяч пропал. Ребята, кто верил, кто нет, а Бондарь (он был на две головы выше меня) поднес кулак к моему носу и сказал: делай, что хочешь, а мяч, чтобы был.

Легко сказать. Дядя Миша через день уехал на службу, и проблема мяча повисла на мне. Отец с мамой были в Одессе, помогали родственникам строиться. Где взять деньги на мяч?

Поделился я своим горем с соседом — Колькой Димитренко. Денег у него никогда не было, но он посоветовал оставить бесплатную работу в колхозе и пойти с ним вместе на работу в совхоз «Кременчуг», что на правой стороне Днестра, как раз напротив нашей Слободзеи. В совхозе за работу платили деньги ежемесячно, не то, что в колхозе, — пустые трудовни. На второй день мы вместе с Колькой

отправились в Кременчуг. Для рабочих из Слободзеи была специально организована переправа через Днестр. Большая такая деревянная лодка — и мужик-перевозчик.

Колька привел меня в бригаду, он там работал, и представил своему бригадиру, как соседа, как ровесника, хотя и был на два года старше, порекомендовал взять меня на работу. Колька до этого тоже работал со мной в одной бригаде — воду возил на волах, потом сбежал в совхоз и там тоже пристроился водовозом.

Бригадир скептически на меня посмотрел и послал на поле прорывать морковь. Где-то там, в разных других странах, ту же самую морковь высевали точечным или ленточным способом: машина закладывала в землю специальную бумажную ленту, на которой были приклеены уже протравленные и подкормленные отборные отшлифованные семена, на оптимальном расстоянии друг от друга. Сорняки вокруг этой ленты сразу или после уничтожались гербицидами.

А у нас применяли семена мелкосеменных культур, используя сеялку. Пока они пытались пробиться вверх сплошной полосой в три детских пальца шириной, а то и больше, сорняки выходили раньше. Идешь на прорывку, а на поле — сплошной бурьян до колен. Надо вычислить, затем, примерно по расстояниям между сошниками сеялок, определить и увидеть ту забитую морковь, вернее ее хиленькие всходы, и прорвать так, чтобы остался рядок в один строй при заданном интервале, естественно, уничтожив окружающий бурьян.

На практике больше половины или три четверти всходов надо вырвать и выбросить. Мы же — богатые. Да и для нас, пацанов, не вопросы экономики были тогда главными. На палящем солнце, в согнутом состоянии, весь день искать сорняки было не очень приятно. Уже к обеду глаза наливались кровью, голова гудела, а ты с остервенением рвал, иногда все подряд, и ждал, ждал — сперва, обед, потом вечер! Заработал я в первый день три рубля, полтора из них вычли за обед, значит, полтора будет чистыми.

Мяч стоит пятнадцать рублей, значит, подсчитал, мне придется той морковкой заниматься, минимум, десять дней при такой производительности.

Надо сказать, что даже взрослые женщины, работавшие в бригаде рядом с нами, с трудом вырабатывали действующую тогда норму, и оплату в семь рублей за норму не каждая из них получала

Я как-то совсем недавно прочитал, сколько за месяц официально заработал человек из тех, кто сидит на газовой задвижке, и, шутки ради пересчитал, сколько ему надо было прорвать площадей моркови, чтобы получить столько денег. Вышло, что надо было бы проредить морковь на площади, равной всей Молдавской ССР, да еще не один раз! Так «здорово» нам тогда платили.

Но, сколько б не платили, а на мяч надо было зарабатывать. Мне Иван Бондарь проходу не даст, пока я не верну его. А скоро в школу, и ходить надо мимо его дома, да и в школе куда от него денешься. Отбиться, в принципе, я мог с помощью родственников, так совесть не позволяла, все-таки я виноват, в конце концов, перед ним. Значит, надо прорывать морковь или делать любую другую работу, но деньги или мяч вернуть!

На второй мой рабочий день все шло как обычно, но когда мы пришли с поля на обед, меня подозвал бригадир и еще раз почему-то спросил: «Так сколько тебе лет, говоришь?» «Двенадцать», — не краснея, ответил я. А мне на самом деле только десять, да еще через полмесяца. «Есть у меня к тебе просьба, — начал бригадир, — как видишь, у нас в бригаде всего семь мужиков: пятеро ездовых на волах, Кольку, друга твоего, я не считаю, еще я и дед сторож. Все остальные — пожилые бабы. Есть еще пацан из Кременчуга, ночью волов пасет, так вот с ним у нас приятная неприятность случилась. Он окончил семь классов и надумал поступать в техникум, в Одессе. С первого августа у него вступительные экзамены. А первое — послезавтра, поэтому он завтра утром уезжает. В ночь сегодня выйти не сможет. Не знаю, сколько времени он будет сдавать те экзамены, но отпросился на две недели. Ты бы не мог, пока он вернется, попасть волов?»

Если бы бригадир накричал или даже ударил меня — было бы легче, а так он просто убил меня своей просьбой. Я выдохнул: «А когда это?» «А сегодня вечером, — пояснил бригадир, — часов в пять-шесть ездовые пригоняют волов к загороду, она тут недалеко в лесу сделана. Сдают волов пастуху, тот ночью их в лесу пасет, а к утру пригоняет к загороди, поит их — там рядом большая яма с водой, собирает всех вместе, а в шесть часов утра приходят ездовые и разбирают волов. Вот и все. Весь день свободный, и так — каждую смену, без выходных. Ставка — семь рублей за выход. Волы должны всю ночь пастись, иначе они работать днем не будут. Возле загороди стоит большой дуб, на нем тот пацан-пастух «патулу» (площадку) сделал — он там но-

чью сидел и наблюдал за волами. Да сам все увидишь. Сейчас Колька воду привезет, и с ним поедете к загороди. Он тебе все расскажет».

Выпалив все это, бригадир посчитал свою задачу выполненной и ушел. Пораженный всем случившимся, я стоял несколько минут на солнце, пока меня женщины не позвали обедать. Механически проглотив миску борща, я не пошел на прорывку моркови, а прилег на траву под деревом и стал ждать Кольку. Часа через два он действительно появился, распряг волов, и мы вместе погнали их к месту моей новой работы. По дороге объяснил мне некоторые нюансы общения с волами, а также рассказал о пацане-пастухе и технологии моей новой деятельности. Главное, что я понял из его рассказа, не надо показывать, что боишься, никогда не идти впереди вола или рядом с его головой, не орать на весь лес, не тянуть животных за хвосты и не лупить палкой или кнутом по поводу и без повода, если волы не в ярме. Вот и все правило.

Потом я многое добавил уже от себя, но тогда Колька посчитал, что с меня достаточно. Я было заикнулся, а не смог бы он первый раз сегодня побыть со мной на дежурстве, но Колька сказал, что его ждет мама, что-то надо там доделать, а вот завтра, если будут какие-то хорошие предложения, он, возможно, и останется.

Оставшись один, я закрыл Колькиных волов в загороди, влез на стоявший рядом более чем столетний дуб и осмотрел площадку, сработанную прежним пастухом. Где-то на высоте четырех метров лежали треугольником довольно толстые ветки, а поперек их, вплотную одна к другой, лежали ветки потоньше, прямо с листьями. Все это было увязано-перевязано лентами из коры молодой вербы, выглядело довольно прочно и вместительно. На мое счастье на ветках лежала старая рабочая телогрейка, а вместо подушки — верхняя часть тоже старой немецкой шинели — плечи, рукава, часть спинки. Там же в углублении стояла стеклянная банка, наполовину заполненная водой. На сучке висела очищенная от коры, где-то метровой длины, палка из вербы, с сучком на конце она была похожа на толстую трость. Вот и все хозяйство.

Было еще рано. Я лег на спину, пытаюсь успокоить себя, боялся думать, что будет дальше. Дуб шелестел листвой, легкий ветерок, в животе тарелка борща — что еще надо пацану для счастья? Незаметно заснул. Проснулся от внезапно появившегося шума, крика и отборного мужского мата. Это ездовые гнали на ночь своих волов. Быстро

сплез с дерева, стал у загороди, приоткрыл жердочку-калитку. Появились мои «подопечные» — огромные, все одного грязно-белого цвета, с широко разведенными рогами, размером с турецкую саблю. Пятеро мужиков лупили волов кнутами. Все они были кременчугские, все молодые, но уже жестоко отмеченные жизнью. У одного не было руки, у другого лицо изрезано страшными следами ожогов. У всех ребят — следы войны. Это были те, кто вырос в оккупации, кого призывали на войну летом сорок четвертого. После, в лучшем случае, двухнедельной подготовки, их бросали в различные прорывы и наступления. Основная масса погибала в первом же бою, часть была покалечена и физически, и морально и после госпиталей отправлена домой. Других мужиков в бригаде не имелось. Просто не было, потому что не было. Пять лет, как закончилась война Домой вернулась одна треть. Работы по всем направлениям и в селе, и в городе полно — все лежало в развалинах. Поэтому, кого можно было собрать, тех и брали на полевые работы.

Я уже говорил, что в бригаде все мужики были ездовыми на волах. На волах и пахали, и возили, и месили, и чего только не делали. В то время это была главная движительная сила. Пригнав волов, ездовые очень скептически посмотрели на пастуха, который будет с их работягами-волами до утра, т.е. на меня, один только, самый старший по возрасту и суровый на вид сказал: «Смотри, пацан, не гоняй волов бегом и, не дай Бог, не бей палкой по ногам, я проверю». В руках он сжимал толстенную плетеную из кожаных полос камчу или кнут, с коротким черенком, похлопывал ею по ладони левой руки и убедительно смотрел на меня. Там и смотреть-то было не на что — кости, обтянутые кожей, большая голова с выгоревшим волосом и облезшим носом.

Ездовые загнали волов в загородку, как бы сдав мне на хранение, и ушли. Жалко, не было свидетелей с фотоаппаратом — в тот момент, когда я остался под вечер, глаз на глаз, с тринадцатью огромными «монстрами», которые, сгрудившись у ворот, равнодушно смотрели на что-то там эдакое, с глазами и ушами, мелкое и непонятно зачем здесь появившееся, уникальный кадр просто напрашивался.

Позже в жизни мне пришлось еще много раз оставаться один на один с кем-то или чем-то — в пятнадцать лет впервые сел за руль комбайна, позже были выходы на боксерский ринг, на сцену, перед студенческой аудиторией, да и чего только не было потом один на один!

Но в тот вечер я стоял перед жердевой оградой, смотрел на сгрудившихся по ту сторону волов и молчал. Мои глаза были примерно на уровне глаз ближайшего ко мне вола. Его глаза, размером с хорошее яйцо, смотрели мне прямо в лицо. Нас разделяли каких-нибудь полметра. Что там у животного на уме, глаза не выражали, только равнодушие. Но из рассказов Кольки, т.е., из первых рук, я знал, что не все волы такие смиренные, как внешне кажутся.

Что-то со мной случилось. Я перестал дрожать и представлять мысленно какие-то воловьи пакости. Так всегда бывает, когда от абстрактного переходишь к действительности. Волов же пасти надо, подумал я. Осмотрел путь своего отступления в случае чего, то есть определил, как можно быстрее взобраться на дуб, где была наша база. Потом глубоко отдышался и... открыл небольшие ворота.

Через несколько секунд я уже был на высоком дереве. Но волы не бросились бежать в лес, сломя голову. Из тринадцати только двое сразу вышли, остальные — или легли вдоль ограды, или стояли, лениво бодая друг друга в разные места,

И так продолжалось около часа. Пришлось слезать с дерева, выламывать ветку и потихоньку выгонять их на пастьбу. В тот первый вечер я многого не знал. Например, что волы, по определению, не стадные животные, а чистые индивидуалы. Для них вообще нет авторитетов, вожakov, ведущих, как у других стадных животных. Они — каждый сам по себе. Главный авторитет и аргумент для них — кнут ездового. Ну, чем не родной брат нашего крестьянина!

И еще я не ведал главного в моей ситуации — волы не знают дома, базы и сами обратно не приходят. Это стало для меня главной проблемой, но уже наутро.

А в тот вечер волы разошлись по лесу. Солнце еще не зашло. Тепло, тихо... И чего я зря так напугался сразу?

На одном из опорных столбов изгороди нашел оставленный кем-то налыгач — канат метров пяти длиной с петлей на одном конце. С помощью налыгача водили коров или тех же волов, надевая петлю на один рог, чтобы затем своеобразной «восьмеркой» привязать к чему-то.

Налыгач я взял с собой на дерево, чтобы обвязаться им и прицепиться к толстой ветке — на случай, если нечаянно свалюсь со своего помоста. Лететь с такой высоты, ударяясь о толстые дубовые ветки, было более чем опасно. Хотелось кушать, садилось солнце, вокруг — огромные разнопородные деревья, типичный плавневый лес...

Сегодня вокруг села Кременчуг, расположенного на большом высоком холме, чистые поля. Там совсем недавно бывший совхоз «Молдавия» выращивал до 40 тысяч тонн овощей в год. А в описываемые времена село окружали чудесные леса из всевозможных лиственных деревьев, типичных для нашей зоны, — дуба, ясеня, тополя, липы, акации, вербы, ольхи, осины и еще десятков видов. Росли там и дикие груши, сливы, яблони. Наверняка можно было найти в то время какое-то плодовое дерево, чтобы подкрепиться, но я об этом не мог и думать. Во-первых, где искать? Лес — незнакомый. Во-вторых, ночь надвигается, волы мои по лесу бродят, да и мало ли кто еще здесь может быть!

Если честно, то, по прошествии стольких лет, могу сказать, что да, я боялся, боялся за себя, а не за волов. Даже если в лесу были волки, они бы вола взять не смогли. Могли быть и люди, может быть, и не очень хорошие, но и они волов не тронули бы. Во-первых, потому, что украсть или забить в 1950 году колхозного вола — значило подписать себе смертный приговор. Тогда за один килограмм зерна, унесенного с поля в любом виде, давали год тюрьмы. За вола — расстреляли бы точно. Так что за волов я не очень беспокоился. А за себя — да, все-таки первый раз в жизни — в чужом дремучем лесу, да еще — в роли пастуха волов. Одет я был в брюки и рубашку, без головного убора, босой. Мы с мая по сентябрь всегда ходили босыми, обувались только, когда шли в школу или в клуб, в кино.

Босым в лесу пасти волов было более чем проблемно, но я ж дежурил только первую ночь, домой не успел сходить, далеко, да река еще. Решил, что завтра уже пойду и обуюсь, возьму пиджак и фуражку. Так думал я, влезая на свой «сторожевой пост». Солнце село стремительно, в лесу ведь, наступила темнота. Кромешная. Деревья вокруг — высокие, их кроны вверху соединялись, из-за этого даже чистого звездного неба не было видно вовсе. Обвязал себя налыгачем, привязал конец к вертикально растущей крупной дубовой ветви, решив, что теперь не упаду.

С вечера было тихо, умолкло все живое в лесу, но где-то к середине ночи подул ветер, и начался настоящий «скрипичный» концерт на фоне общего гула веток и шелеста листьев. Дуб, на котором находился мой пост, был наверняка раз в 20 старше меня. Когда поднялся ветер, он начал весь двигаться и скрипеть. Причем, разные его части или уровни скрипели по-своему: с диапазоном где-то октав пять,

не меньше, — от толстых боковых ближе к корню, до сверхтонких чириканий мелких веток. Это было что-то уничтожающе-непонятное.

Мой помост, примитивно увязанный полосами корой, двигался как живой, казалось, вот-вот все распадется. Какой там сон. Мне и в тишине было не до сна, а в такой какофонии — и подавно. Начал думать о хорошем. Не забей дядя мяч в сад — и не пас бы я сегодня волов. А если бы он вообще не пришел из армии в отпуск? Так тогда бы пилотки у меня не было, настоящей! Ну и так далее.

Потом я посчитал, сколько за две недели денег заработаю, — и за мяч рассчитаюсь, и балалайку себе куплю. А еще баба Маня сегодня обещала кашу кабаковую сварить! Ну ладно, завтра поем...

Так незаметно и подкрался рассвет. И тогда я понял, за что платят те несчастные деньги пастуху. Слез с дерева — а вокруг никого. Думал, что хотя бы часть волов придет к загороди — ни одного! А где их искать? Каждый мог пойти куда угодно — лес тянулся аж до Копанки, до старого русла Днестра.

И вот тогда я по-настоящему испугался. В шесть утра приходят ездовые, они все местные, кременчугские, им на лодке переплывать реку не надо, да и лодка с шести часов уже в работе. Я просто растерялся, не зная, в какую сторону двинуться. В глазах уже стоял кнут старшего ездового. В общем, решил, готовься, Вася!

Пошел в сторону Кременчуга. Фарт или удача нужны в каждом деле. Не прошел я метров двухсот — канава-осушитель с водой, длинная такая, но это неважно, а на той стороне лежали семь ☺моих волов. Один стоял почти рядом и терся об ствол дерева!

Родные мои! Я с ходу бросился в канаву, там воды — по пояс, дно илистое, ширина — метра четыре, переплыл-переполз, и к волам. Думал, хоть этих загоню, а потом стану искать остальных.

Выломал ветку с листьями, начал тормошить их. Напрямую через канаву гнать побоялся, вдруг застрянут. Где-то через полчаса обогнул канаву, и большая половина моих подопечных оказалась в загороди.

Настроение поднялось, но остальных волов еще искать. Начал рыскать по лесу в разные стороны. Время шло, а волов не было. Напал на какую-то тропинку, пошел по ней на удачу. Никого. Слышу, вроде как свист какой-то — и мне навстречу. Засвистел в ответ и через минуту увидел Кольку Димитренко. Он, оказывается, шел от переправы ко мне на «базу». Колька рассказал, что наплел моей бабушке, будто я помогаю сторожу в бригаде, и там остался на ночь. Имелась в виду колхозная бригада.

О том, что я пошел в совхоз за деньгами да еще взялся пасти волов, так никто и не узнал до сих пор. Знали только я и Колька. Если бы кто-то узнал в школе или селе, — засмеяли бы. Наша семья — в числе самых первых поселенцев Слободзеи. В бывшем дворе прадеда был организован колхоз им. Молотова. Мать работала в Слободзейском райисполкоме главным бухгалтером. То есть, нас знали все. А мне вот надо было срочно рассчитаться за мяч, причем, собственноручно.

Колька принес мне пиджак, сапоги и пилотку, а также в баночке немного каши. Он знал любимые места волов. Короче говоря, к приходу ездовых двенадцать волов были найдены. Не было одного, слава Богу, непарного, он был как бы «на подхвате» у бригадной поварихи, сторожа и бригадира. Была в бригаде такая «двуколка», т.е. малая повозка под двух волов, но ее использовали с одним — для хозяйственных нужд бригады. Так вот этого вола и не было. Звали его «Фашист». Вообще, все волы тогда имели номера и клички. Они в те времена были с военным уклоном — «Тигр», «Фердинанд», «Мессершмидт», «Берлин» и т.п.

Попозже, за две недели, я их всех звал уже по кличкам, знал любимые места, повадки и пристрастия. Это в первые дни они для меня были все на одно «лицо», а потом мы познакомились поближе. Вот с «Фашистом», с первого и до последнего дня моего пребывания в пастухах, так контакта и не получилось. Животные — как люди. Тоже есть ехидные, коварные и непредсказуемые. Тот же «Фашист», единственный из всех волов, дважды в разное время все-таки поддел меня рогом, причем второй раз так, что я отлетел метра на три. Дело было еще и в том, что каждый ездовой приводил вечером и забирал утром свою пару волов, а непарного бригадного — приводили ездовые. Отводить его утром в бригаду приходилось мне, на налыгаче, иначе он не шел или убегал. Так вот, когда я его вел, он шел, как бы не замечая меня. Но стоило на секунду отвлечься, он тут же пытался поддеть меня рогом, и, как было сказано, иногда это ему удавалось.

В тот первый день я нашел «Фашиста» почти за километр от загороди, на берегу Днестра. Он лежал на песке, как какой-нибудь отдыхающий с севера, и дремал. Чтобы его поднять и доставить до бригады, пришлось выломать хорошую вербовую лозину, потом показать «Фашисту»-волу, как пацаны, пережившие войну, относятся к фашистам-захватчикам.

А в целом две недели я все-таки тогда отработал нормально. Бригадир, когда я сдавал «дела» моему предшественнику, так поступившему в техникум, но еще собиравшемуся работать, похвалил меня. Правда, признался, что думал уже после первой ночи меня не увидеть. Ан нет, получилось нормально.

По правде говоря, мне даже неловко до сих пор за то, что я больше не появился в бригаде. Прорывка моркови уже закончилась, и мои коллеги-женщины работали на уборке томатов. Туда же должен был возвратиться из воловьей «командировки» и я. Но утром, когда я после последнего дежурства появился дома и лег спать, приехал зачем-то на одесской машине мой отец. Меня разбудили. Вечером я был уже в Одессе. А на следующий день с одесскими ребятами-родственниками — на пляже в Аркадии.

Человеку надо сперва сделать очень плохо, а потом чуть-чуть хорошо — и он будет счастлив. Так было и со мной в то лето. После двух недель общения с волами две недели в Одессе казались раем земным.

Таким было мое очное знакомство с трудягами-животными — волами. По натуре — я не злой человек, всегда старался делать добро людям, но уже сегодня могу сказать следующее: чтобы жить, надо знать и понимать жизнь, не смотреть на нашу повседневную рутину со стороны, вот, мол, я постою или куда-то уеду, подожду, пока здесь станет хорошо, тогда подключусь или вернусь обратно. А кто же, господа-товарищи, будет делать или строить для вас хорошую жизнь? Опять же сельские вола? Так их уже нет, выбили все лучшее из нашего села, своими руками село и уничтожили. Пусть Бог простит, но очень многим нынешним продвинутым не мешало бы попасть в волы, для совершенствования и лучшего понимания жизни.

В заключение хочу добавить, что мяч тогда, точно такой, я все-таки привез, уже из Одессы, и вернул Ивану. А заработанные в совхозе 98 рублей, с вычетом за питание, так и не получил — постеснялся идти в контору. Потом началась школа, и больше я в Кременчуге не был.

ВОДОВОЗЫ

Семьдесят один процент территории нашей земли покрыто водой. Такой же удельный вес занимает вода в организме человека. Случайное совпадение? Вряд ли, скорее всего, какая-то природная закономерность, потому что вода — это жизнь. Может, кто-то не согласен по поводу своей родословной, но ученые нас упорно убеждают, что живое на земле вышло из океана.

Пусть будет так, какая разница, кто откуда вышел и кто раньше и с какого дерева слез! Да дело даже не в самой воде, а в ежедневной нашей с вами потребности в ней. Хорошее не замечается, принимается как должное. Пока есть вода, неважно где, — в доме, на поле, на производстве, и в нормальном объеме — мы ее наличие не ощущаем, но стоит только произойти любому сбою с водоснабжением, люди сразу это почувствуют, ибо вода после воздуха стоит на втором месте, а все остальное — питание, тепло, свет и т.п. — потребности вторичной необходимости. Так как; обеспечение водой занимает одно из главных действий в нашей жизни, то и все люди, связанные с ним прямо или косвенно, тоже привлекают наше внимание, неважно, с какой стороны — хорошей или плохой. Особое место во все времена занимают люди, непосредственно поставляющие воду, независимо каким способом.

Перелистывая альбом жизни, я решил рассказать две в какой-то мере взаимосвязанные по принадлежности, но разные, по сути, были о простых сельских людях, которых очень долгие годы, в двух соседних селах, называли водовозами. Называли их так, ибо они действительно возили воду. Это были двое мужчин, один — из нашего села, другой — из соседнего. Общим между ними было то, что оба десятки лет добросовестно возили воду, и оба по национальности были немцами, депортированными в начале второй мировой войны из Украины. Во всем остальном они были разными, причем очень разными.

Наш водовоз — помоложе, соседский — лет на двадцать старше. Наш возил воду на волах в тракторную бригаду, чужой — на лошадах в системе кооперации. Особенно сильно они отличались по ха-

рактеру. Наш — вспыльчивый, бескомпромиссный и некоммуникабельный и дома, и на работе, часто теряющий контроль за своими действиями и поступками. Соседский, наоборот, был общительным, пользовался в селе определенным авторитетом, был на хорошем счету у руководства кооператива и сельской власти.

Когда немцы были восстановлены в гражданских и политических правах, водовоз из соседнего села, незаметный, скромный и лояльный, был даже избран депутатом сельсовета. Наш такой чести не удостоился, в первую очередь по причине своего несносного характера. Его не любили ни в бригаде, ни соседи, да и близкие, по большому счету, тоже. Он отвечал окружающим тем же, но работал исправно, возил воду в бригаду за 11 километров, и особых проблем там с ним не было.

Сам процесс доставки воды был далеко не прост. Это со стороны работа водовоза выглядела легкой и безмятежной, а на самом деле Жене, так звали нашего водовоза всю его жизнь, надо было каждое утро идти на ферму, запрягать волов, подъезжать к колодцу, набирать там 200-250 ведер воды, заливать в деревянную бочку слегка конусной формы, везти в бригаду, там сливать воду уже в бригадную бочку и возвращаться домой. Бывало, бригадир в жаркое время заставлял развозить воду по полям. Но это было редко.

В последние колхозные годы Женья уже набирал воду не из колодца, а заливал из водопроводного крана. А потом и вовсе появились автомобили-водовозы, и бочка с волами при водовозе были списаны за ненадобностью.

За свою сельскую жизнь я видел сотни таких водовозов в разных регионах бывшего Союза — от Приднестровья до Сибири, от Урала до Туркмении, но никогда не слышал, чтобы водовоз приезжал на место слива воды с пустой бочкой. Никогда А за время работы в нашем колхозе Женья неоднократно привозил в бригаду пустую бочку. Мы даже проводили расследование таких инцидентов. Женья клялся, что бочка была полной, но воды не было.

Причина оказалась, на удивление, простой. Женья набирал воду в колхозном гараже, затем ехал по улице, в конце которой стояла сельская школа. Естественно, движение водовозки в сторону школы привлекало внимание ребят. Одни просили Женю подвезти, другие сами цеплялись, и будь за ездового кто-нибудь другой — так бы вместе и ехали до школы. Но Женья был не тем человеком. Он был неумолим, просто неумолим, и все, поэтому хлестал пацанов кнутом направо и

налево. Все это сопровождалось истошными криками и многоэтажным русским матом.

Пацаны в отместку за такое отношение просто выдергивали чоп из бочки, и вода быстро вытекала на дорогу. Чоп висел себе на кожаном шнурке, и пока Женя приезжал в бригаду — бочка почти высыхала.

В такие дни в бригаде возникали проблемы с водой, зачастую не было из чего готовить обед. Приходилось искать любую тару, куда-то ехать уже на машине или тракторе. На волах-то когда доедешь!

Женю терпели, потому что семья, потому что «куда его денешь», ну и тд. Тогда не было рыночных отношений, и людей просто так на улицу не выбрасывали. Скорее, это было плохо, но так мы жили.

Водовоза из соседнего села звали Куртом. Был он какой-то тихий, незаметный, говорил по-русски без характерного для взрослых немцев-выселенцев акцента. Знал много жизненных историй, часто шутил, был убежденным холостяком. Все знали, что у него вроде бы была жена, но при выселении их, в зимних условиях, простудилась и до весны не дотянула.

Жил с ним в одном доме какой-то мужик лет 50-ти, тоже неженатый. В селе все друг друга знают, поэтому водовоз Курт и его постоялец всегда были на виду. Их приглашала вся улица на любое дело. Надо свинью зарезать или другое животное на мясо — зовут Курта, качество всегда будет гарантировано. Надо какие-то строительные вопросы решить — пожалуйста, надо огород вспахать — Курт всегда рядом. Вот таким он и был, этот добродушный и отзывчивый русский немец. Ни одна гулянка, большая или маленькая, в пределах сельской улицы без водовоза не обходилась. Он всегда приходил безотказно, и всегда с достойными по тем временам подарками.

Где-то в начале семидесятых годов прошлого века, к Марии, соседке Курта, приехала сестра из Украины. Лет двадцать пять они друг друга искали еще с конца войны и как-то нашлись, списались и после стольких лет разлуки, наконец-то, встретились. Приезжей сестре, Оксане, было лет 40—45, а ее младшей сестре Марии — где то под 35. На ближайшую субботу Мария, естественно, объявила всему кварталу и родственникам, что будет гуляние по случаю приезда ее сестры.

За пару дней до гулянки Оксана расспросила у Марии про ее жите-быте. Как, где и с кем она жила все эти годы. Мария поведала, что все время жила с тетей, считая ее мамой. Но уже перед уходом из жизни та рассказала ей, как ни тяжело это было, что она Марии никакая не мать, а младшая сестра ее матери...

Рассказала, что семейный их корень — в Черниговской области. За несколько лет до войны она выучилась на агронома и была направлена на работу в соседнюю Полтавскую область, километров за сто от дома. Потом вышла замуж, тоже за агронома, пожилы немного, дом им в селе выделили. Но началась война с Финляндией, мужа призвали в армию, и уже через две недели она получила на него похоронку. Детей завести не успели, и осталась тетка одна в чужом селе.

У ее старшей сестры, матери Марии, было трое детей — Оксана, Николай и Мария. Отец Марии был участником гражданской войны, а перед войной с Германией работал председателем колхоза в родном селе. Жена его тоже работала в колхозе. Правда, часто болела, но несмотря на это и на троих маленьких детей все-таки ходила на работу, чтобы не выглядеть в селе «председательской» женой. Держали кое-какое хозяйство, муж — постоянно в работе, поэтому сестре было трудно, и она заметно таяла с каждым днем.

Весной сорок первого года младшая сестра приехала в родное село проводить родных. Мама Марии в очередной раз лежала в больнице, и чтобы хоть чем-то помочь ей, тетя уговорила отдать на время младшенькую — трехлетнюю Марию. Ей было хуже всех остальных детей в доме. Оксане шел тринадцатый год, Николаю — восьмой, с ними отцу было попроще, а с Марией — гораздо сложнее. Больная сестра с тяжелым сердцем согласилась, просто ради дочери.

Так Мария стала жить у тети, под Полтавой. Через пару месяцев началась война. Немцы стремительно двигались по Украине. Председателя колхоза, где работала тетя, призвали на фронт, все колхозные проблемы легли на плечи агронома. Потом поступил приказ об эвакуации колхозной племенной фермы в Ставропольский край. Тете было приказано возглавить перемещение фермы, причем, немедленно, так как скоро и здесь наверняка будут немцы.

Отправлять маленькую Марию домой не было ни времени, ни возможности, ни смысла. Так Мария оказалась с тетей на Ставрополье, а еще через полгода они были уже за Волгой, в Сталинградской области. Еще на Ставрополье тетя встретила свою сокурсницу по техникуму и землячку из соседнего села. Она тоже попала при распределении в Полтавскую область, но в соседний с их Прилукским — Лубянский район. Сокурсница сообщила страшную новость — вся семья ее старшей сестры расстреляна, а их село почти все сожжено.

Случилось это вскоре, как пришли немцы. Муж сестры буквально перед этим, по приказу из райцентра, погрузил все остатки колхозного продовольствия — зерно, крупу, жиры, картофель — и отвез с группой доверенных людей куда то в лес, для будущей партизанской базы. Кто-то, наверняка, донес на него, потому что в село нагрянула команда карателей во главе с районным комендантом. Били и пытали прямо в их дворе, хотели узнать, куда он отправил обоз с продовольствием, а когда он так ничего и не сказал, да еще плюнул в лицо коменданту, тот несколько раз в него выстрелил. Потом были застрелены сестра, Николай и Оксана. Соседи видели, как все это было. Это и поведала землячка тете.

Вот так и остались на всем белом свете двое родных сердец — тетя и маленькая Мария. Маму она постепенно забыла по малолетству, так что ее полностью заменила тетя. Они жили вместе в селе на левом берегу Волги больше десяти лет. Когда началось освоение целинных земель, тетю-маму, как опытного агронома, направили в соседний Казахстан, на освоение тех самых новых земель. Вначале она работала в новом целинном совхозе, но там возникли какие-то проблемы, и пришлось перебраться в другой совхоз, что в соседнем селе. Мария рке там закончила десять классов, потом бухгалтерскую школу, потом вышла замуж: за местного парня — и вот теперь живут, работают, двое детей, совхоз дом выделил, когда еще мама-тетя была жива.

Ее уже несколько лет как нету. Тетя считала, что вся семья ее сестры погибла, поэтому никого не искала и никуда не обращалась. Так и прошли все эти годы. Мария по-настоящему любила тетю, искренне считая ее своей мамой. Даже когда серьезно заболевшая тетя рассказала ей всю правду, Мария, разумом поверив, что она сестра мамы, все равно чувствовала ту же любовь, которую испытывала к маме всю жизнь.

Когда пришло время оформляться на пенсию, оказалось, что нужны какие-то дополнительные справки из Полтавской области. Тетя поехала туда, все сделала, а потом ее потянуло заглянуть в родные прилуцкие места. Побывала и в родном селе, сожженном фашистами. Восстановленное, оно было необычным, стало еще красивее, чем было раньше. Из прежних жителей практически никого не осталось, но тетя все же встретила одну свою ровесницу. Та в войну не была в селе, но слышала, что там произошло в сорок первом «Я не знаю точно, что там было, но слышала от очевидцев, что из семьи твоей сестры

в живых осталась старшая дочь, Оксана В нее тоже стреляли, но когда хоронили сестру с мужем и мальчиком, — дочки не было, ее или унесли или увели куда-то», — такую новость выдала тете ее землячка.

Тетя особо не поверила, но на всякий случай оставила в селе свой адрес, написала, кто она, и что Мария тоже с ней вместе живет. Вернулась в Казахстан, ни на что не надеясь.

Потом тетя ушла из жизни, и история с Оксаной забылась. А месяцев пять назад — радость, письмо от Оксаны, и теперь сестры, наконец, вместе, сидят в обнимку и плачут.

Мария не помнила ничего, и Оксана всю ночь рассказывала ей про отца, про мать, про Колю, да и про себя тоже.

Рассказала, как расстреливал комендант их отца, как они выбежали из хаты и побежали к нему — мать с Колей впереди, а она — метров на десять сзади. Оксана видела, как комендант два раза выстрелил в отца, потом в Колю — тот подбежал первым, потом еще два раза в маму. Так как Оксана выбежала из дому на несколько секунд позже, то страшный удар свалил ее уже метрах в пяти от крыльца. Она больше ничего не видела и не слышала, очнулась где-то в сарае на сене. Рядом сидели одна из старух-соседок и лесник, двоюродный дядя отца.

Позже выяснилось, что Оксану ударил прикладом один из полицейских. Сделал он это специально, чтобы не дать ей добежать до разбросанных по двору тел. Ее бы ждала та же участь, поэтому полицейский, может из жалости, может по другим причинам, оглушил ее прикладом и для виду выстрелил в нее из винтовки, но мимо. Когда немцы с полицейским ушли со двора, соседи занесли в дом трупы, а Оксану отнесли за несколько километров к леснику, который был действительно двоюродным дядей их отца. Дед ее подлечил, подстриг наголо, одел в мальчишескую одежду — так она и жила в лесной сторожке в роли пацана почти два года, до того времени, пока не пришли наши.

Оксана не знала, жива ли Мария, да и где было искать трехлетнюю девочку в те годы! После войны тоже вышла замуж, есть дочь — уже невеста, учится в Киеве, живет семья Оксаны в Киевской области. Редко, но бывает в родном селе, ухаживает за могилой родных. В последний раз, когда была, узнала, что Мария жива, послала письмо, а теперь вот и сама здесь.

Повспоминав и проплакав всю первую ночь, счастливые сестры начали готовиться к гулянке. Мария с мужем работали в совхозе, хо-

рошо зарабатывали, в доме был достаток, так что встретить достойно сестру проблем не было. В субботу во дворе Марии собралась почти вся улица. И люди они были хорошие, да и повод такой не часто случается. Тридцать лет разлуки — и такая счастливая встреча!

Гостей было много, с десятков столов протянулся во всю длину двора. Выступали с тостами сестры, их мужья, руководство села и совхоза. Сестры сидели рядом, их мужья — по бокам.

И вот слово взял сосед Марии, добрый и всеми уважаемый водовоз Курт. Он очень тепло и хорошо говорил, пожелал много всего и всякого. Гости восторженно хлопали. И тут Мария почувствовала что-то неладное. Оксана, сидящая рядом, вдруг вся обмякла, застонала, побелела как снег, губы, наоборот, посинели. Она начала медленно сползать под стол. Возбужденные гости в большинстве своем ничего не заметили, Оксану перевели в дом, уложили на диван, позвали фельдшерицу, она тоже была в компании. Та что-то там поколдовала, констатировала обморок, скорее всего причиной, по ее фельдшера, мог стать солнечный удар, ничего страшного нет.

Когда гости разошлись, Мария присела на диван к Оксане. Та лежала, открыв глаза, смотрела, не мигая, в потолок и молчала. На вопрос Марии, как самочувствие, Оксана вдруг резко повернулась, села и спросила: «Кто тот мужчина, что держал тост с правого конца стола?». «А, это наш сосед, Курт, очень хороший человек», — ответила Мария. «Я не знаю, какой он там Курт, но я абсолютно уверена в том, что это он, тот самый комендант, который застрелил наших отца, мать и братика Колю», — выпалила Оксана. «Да ты что! — Мария пыталась защитить от такого кощунства соседа, — Да я его лет пятнадцать знаю, с тех пор, как сельпо выделило ему соседний дом! Нет, не может быть! Ты зря так, Оксана! Нельзя так сразу нападать на человека. Ты ошибаешься, да и сколько времени прошло!». «Да нет, Марусь, не ошибаюсь, внешне я его не признала сразу, а когда он прокричал тост с конца стола, я его узнала. Из миллионов голосов! Я этот голос запомнила на всю жизнь, он у меня не только в ушах стоит, он во мне живет и печет вот уже столько лет! Это он! Не знаю, как он здесь очутился, но это тот наш враг», — убежденно добавила Оксана.

Мария в ту ночь побоялась говорить что-то мужу, мало ли что после гулянки можно натворить. Но когда утром выгнали с мужем коров в стадо, Мария ему все рассказала. Тот все понял, быстро пошел к своему брату, сельскому участковому уполномоченному, и тот оперативно съездил на мотоцикле в райцентр, в отделение КГБ.

После обеда в конторе появилось несколько человек в штатском, под видом проверки из райпотребсоюза. На три часа дня председатель кооператива пригласил к себе водовоза Курта, чтобы дать ему какое-то личное поручение. Ничего не подозревая, водовоз весело вошел в контору, без стука прошел к председателю. Того не было в кабинете, но кто-то железной хваткой заломил ему руки и поднял вверх голову. Через несколько секунд Курта вывели из конторы в пиджаке председателя, накинутом на плечи (чтобы не было видно наручников), посадили в машину и подъехали к дому Курта. Там другая группа скрутила его сожителя, и все вместе они направились в стору, одним им известную.

По просочившейся позже скудной информации, стало известно, что Курт или как; там его было звать по-настоящему, действительно в годы войны возглавлял комендатуры в разных районах Украины. Родился во Львове, закончил русскую школу, затем юридический лицей. Отец его был хозяином автомастерской. Когда в 1939 году Западная Украина была присоединена к СССР, гражданам Германии, этническим немцам, было разрешено выехать на историческую родину. Их семья, не желая иметь дел с Советами, переехала туда. До начала войны с СССР оставалось чуть больше года. Молодой, грамотный, выросший в России и люто ненавидевший славян и их власть немец сразу попал в поле зрения гестапо. Затем были — специальная школа, «стажировка» в Польше и, наконец, с лета сорок первого — Украина. Отличался нечеловеческой жестокостью и садизмом. Любил лично расстреливать и вешать, будь-то военнопленный или девочка-подросток. Не шел ни на какие компромиссные варианты, считая, что смерть является самым верным аргументом и самым правильным действием. На его руках — кровь многих сотен людей. Он понимал, что пощады ему не будет, поэтому, когда попал в окружение, то воспользовался документами им лее убитого простого немецкого солдата. Сам сдался в плен, выдавая себя за антифашиста, получил свободное поселение, работал на разных стройках в Сибири и на Урале. Был отпущен как военнопленный-антифашист, втерся в доверие к немцам-департаптам, сколотил среди них группу недовольных, снова сменил фамилию, отпавив на тот свет какого-то немца-одиначку, и под его фамилией в середине пятидесятих появился в соседнем селе — стал мирным, добродушным, где-то далее придурковатым водовозом. Не женился, так как боялся, что ночью или еще как, проговорится. Поэтому из

своей бывшей банды взял к себе в дом парня с чистыми документами, держал его под видом бедного родственника Тот по ночам работал сторожем на складе, а все остальное время был прислугой у Курта — варил, стирал, полыл огород и т.д.

О карательном прошлом Курта он не знал, помнил его только по послевоенной «работе». Зная *крутой* нрав Курта, подчинялся ему беспрекословно. По слухам, Курта возили по местам его «боевой» славы по всей Украине. Его опознали десятки людей, свидетелей его нечеловеческой звериной жестокости. Люди просили власти выдать им это чудовище, чтобы судить его истинно народным судом. Думаю, таких нелюдей надо действительно судить прилюдно, да еще снимать казнь на пленку, да почаще показывать, чтобы любая такая погань знала, что ее ждет такое лее возмездие, а не пресловутое «пожизненное» с государственным обеспечением за счет тех же обиженных ею граждан.

Я не знаю, что стало с тем водовозом из соседнего села. Просто после того, как узнал эту историю про конкретного человека — врага, которого сам не раз случайно встречал, приходилось даже пить привозимую им воду, а в сельском хозяйстве это и сегодня часто случается, каждый раз, нет-нет, да мелькнет мысль: «А кто привозил эту воду?». И на ум приходит история с тем Куртом

Вот вам две фотографии из книги жизни. Две судьбы, два человека одной национальности, таких разных. Значит, не в национальности дело. Дело в людях, их воспитании, характере, в отношении к другим, и других — к ним. Прибавьте еще миллион разных определений, условий и обстоятельств. Но над всем этим многообразием критериев должно довлеть одно, главное — человек рождается человеком, зверем он — становится.

И где та грань, где тот разделительный апогей, где заканчивается человек, а вместо него, в его обличий, появляется лютый зверь?! Кто знает.

А воду все равно возить будут...

РЫБА В СТЕПИ

Что ни говори, а рыба в России становится экзотическим продуктом, и с каждым годом все больше и больше. Заходишь в магазин и уже не удивляешься диковинным фруктам и овощам с трудно выговариваемыми названиями, соответственно, — с трудно воспринимаемыми ценами. Тут, как говорится, дело такое — не нравится или дорого — не бери, иди дальше. Но ты понимаешь, что где-нибудь в Нижнем Новгороде или на Урале апельсины или лимоны не растут, поливай — не поливай. Тем более ананасы, кокосы, бананы и иже с ними. А раз так — то, если можешь себе позволить, — клади в корзину и не жди, у нас такого своего все равно не будет.

Другое дело — мясо, рыба, яйцо и прочие продукты. Чтобы иметь то же мясо или рыбу, нам не нужны тропики и субтропики, какие-либо теплицы или тепличные условия. По большому счету, Россия — страна говядины и рыбы. Почему говядина? Да потому, что основу рациона крупного рогатого скота составляют зеленые корма, силос (сенаж) и сено. Этого добра в России, если поскрести, можно найти предостаточно, и не только чтобы иметь говядину для своих нужд, но и на экспорт.

Я уже не говорю о том, что мы фермы разрушили или под бунгало всяким там звездам по дешевке распродали, я говорю о принципе: если Австралия — страна баранины и шерсти, то Россия — потенциальная страна говядины.

А рыба? Гранины российские выходят на два огромных океана и целую кучу морей. Рек и озер у нас — бесчисленное множество. Да при таком раскладе любой рыбы у нас реально может быть столько, что хватит для обеспечения нескольких таких государств, как Россия. Во-первых, — рыбой и рыбо-морепродуктами, рыбной мукой для кормодобавок, удобрениями, лекарствами, во-вторых, еще много-много чем и, в том числе, валютой. Это мы «можем».

Но на самом деле в наших магазинах — чужая рыба, не только по названию и местам лова, нет, даже по принадлежности. То есть, рыба чужая, покупная. Распродав за бесценок и уничтожив свой рыбный

флот, мы получаем рыбные обеды от других «рыболовов» — от тех, кто по лицензии ловит рыбу в наших водах, кто ловит ее на наших бывших судах, да и от тех, кто скупает контрабандную рыбу у наших судов за валюту, а потом втридорога продает ее нам же. В общем, «в понедельник нас мама родила», и ничего у нас не ловится. Наверняка, и в России на этом кто-то немало «ловит», но только не потребитель.

Самое удивительное то, что, ликвидировав все, что можно было ликвидировать и превратив себя из рыбагодающей в рыбагозависающую держава, мы еще что-то там пытаемся говорить о рыбагообеспечении. Какаую-то там аморфную структура содержим — вместо ушедшего в небытие вместе с судами, портами, переработкой и морями министерства рыбагой промышленности, а рыбаго в итоге едим чужую. Захотят — нам ее поставят, не захотят — не поставят, захотят — поднимут цена, еще захотят — еще выше поднимут. Всем хорошо: и тем, кто разрешение на отлов выдает, тем, кто завозит, кто в наших водах ловит и т.д.

Нам плохо, россиянам. Плохо и стыдно жить в такой рыбагой державе, где нет своей рыбаго. Понятно, что кто-то это сделал умышленно. Так надо и найти его (их) и положение исправлять. Непонятно, как вообще существует эта уничтоженная рыбаго отрасль. Ведь кто-то же руководил, вернее, уничтожал все это. Поневоле вспомнишь послевоенный анекдот, в котором беседуют трое летчиков (американец, англичанин и русский), находяащихся в центре реабилитации одного из швейцарских госпиталей. У американца не было ноги, но он хвалился, что в США есть такие протезы, с которыми он запросто будет летать даже на истребителе. У англичанина не было руки, он тоже хвалился, что ему обещали протез такого качества, что он будет летать на самых больших пассажирских самолетах. На это русский летчик, у которого не было руки и ноги, равнодушно заметил, что в России нет пока таких совершенных протезов, но это и не обязательно. У нас, мол, даже если у человека не будет рук, ног, головы, останется одна задница, простите, то и ее могут поставить директором МТС (машинотракторной станции).

Тут поневоле подумаешь, а не стояли ли такие люди в перестроечный период во главе той же рыбагой отрасли, сельсого хозяйства, многих других ведомств и даже на самом верху?!

Конечно, мы и сегодня не теряем надежды. Вернет себе Россия статус одной из ведущих рыбаго держав, и власти надо взяться за

это нужное дело, да и нам надо поддержать власть в этих вопросах. А то шумим много, а когда на наших глазах творятся разные безобразия, мы их не замечаем, если нам это выгодно или просто из-за врожденно-ленного своего менталитета.

Надеюсь, читатель почувствовал уже вкус рыбы нынешнего времени и зарядился уверенностью на будущее...

Мы же перевернем очередной лист альбома былой нашей жизни и поговорим о рыбе в степи. Да-да, о степной рыбе. Казалось, океан-море-реки-озера — и все равно рыбы нет. О какой степи может идти речь в рыбном плане? И все-таки да, о степи. Дело в том, что полвека из своих энных лет я прожил в селе и в степи. Пусть это не покажется смешным, но в моем доме тогда всегда была рыба, И свежая, и соленая, и вяленая, и любая. В степи!

Апогеем или высшей точкой нашего семейного рыбообеспечения было начало семидесятых годов прошлого века. Если до того времени рыба в дом поступала из разных случайных источников, то где-то с года шестьдесят девятого мне удалось найти солидный легальный способ иметь рыбу постоянно.

Подчеркиваю — это были времена СССР, еще Союзу было суждено 20 с лишним лет существовать, но вирус разрушения уже работал. Причем в самом центре государства, не где-нибудь на камчатских или сахалинских «куличках». Так мы жили, и мне не стыдно об этом писать, так как даром я никогда и ничего не брал, ни у людей, ни у государства. Да, плохо, но мне другого не было дано. Расскажу быть тех лет, хотя не уверен, что и сегодня в тех местах наведен хотя бы элементарный порядок. Думаю, там стало гораздо хуже.

Казалось бы, куда уж хуже, чем в Орске Оренбургской области... Был там в те времена колхоз «Рыбак». В старом городе находилась его контора. Может, и сегодня есть, не знаю....

А сорок лет назад все было именно так. В колхозе работало всего трое штатных работников: председатель, бухгалтер и главный инженер-технолог. Все остальные работники были наемными, т.е. временными. В ведении колхоза было кое-какое имущество, снасти, лодки, вагончики и т.п. Имел колхоз несколько своих искусственных озер, по балкам, перегороженных плотинами. Не помню, сколько их было, видел одну возле Орской биофабрики. Там колхоз запускал мальков и выращивал рыбу для города. Но пруды эти были так, — для солидности и видимости рыбозаведения. Главная рыба колхоза находилась

в государственном Ириклинском водохранилище, это в сотне километров от Орска, выше по реке Урал. Там было, да и сейчас, наверное, находится, «золотое дно» того «рыбачьего» колхоза Урал, перегороженный в том месте плотиной, образует довольно обширное водохранилище — более чем в сотню километров длиной, почти до северной границы области, и местами — до двадцати километров в ширину. С запада и севера этот водоем подходил к границе с Башкирией. Запертая плотиной река залила глубокое межгорье, и глубина водоема местами достигала многих десятков метров. Недалеко от плотины с ее восточной стороны расположена Ириклинская ГРЭС, довольно мощная электростанция, обеспечивающая энергией напичканную разнопрофильными промышленными предприятиями зону Южного Урала. Рядом со станцией — поселок энергетиков под одноименным с названием.

Чем отличалась и, тем более, сегодня, отличается Россия от других стран в плане природопользования? У других стран все природные ресурсы, независимо от вида, качества и ценности, находятся или в частной собственности или в собственности государства. С частной собственностью все понятно: есть хозяин, и все, что ему принадлежит, без него никто не тронет. Его право защищено не только законом, но и устоявшимся менталитетным осознанием незыблемости главного права капиталистических государств — права на частную собственность. Это как бы само собой разумеется. В то же время, то немногое или многое, неважно, что имеется в собственности государства, находится под еще более пристальным вниманием всех — и частных, и государства — из-за того, что все стараются не допустить, чтобы кому-то досталось больше из обобществленного (национального) кармана. То есть, все общество следит за тем, чтобы никто ни бесплатно, ни подешевке из общегосударственных ресурсов не поживился — иначе общество, давно привыкшее к элементарной, пусть даже только декларируемой, справедливости, просто взорвется.

В России все не так. В России такое огромное количество общегосударственных ресурсов, что прямой устоявшейся взаимосвязи государственной собственности и общественной (читай, народной) практически не существует. Как сегодня, так и раньше. При царе общество было убеждено, что всеми государственными богатствами распоряжается царь, и это от Бога, а значит, так и должно быть. В советские времена все богатства страны принадлежали государству, в

сознании людей особой реформации по этому поводу не произошло: ну, был хозяином царь, а теперь хозяин — власть. Популистский лозунг насчет того, что «все вокруг мое», так лозунгом и остался, потому что государственное так и осталось государственным, и попробовал бы хоть кто сделать из него «мое». В советское время хозяевами над «моим» (государственным) могли считать только представители власти, естественно, не афишируя это.

Перестроечная демократизация привела к легализации притязаний отдельных личностей на лакомое, которое они давно хотели вычленить как «мое». Сегодня все те, кто сидит на каких-то там вентилях и кранах, кто экспортирует уголь, перебирает золото и алмазы и т.п., абсолютно убежденно считают, что все то, что лежит в земле или растет на ней, плавает в воде или бежит по земле, это все — для них! Какая там госсобственность! Какие там граждане и их нужды! Это для нас казаки освоили Сибирь и Дальний Восток! И т.д. Так они сегодня считают (не казаки, конечно).

Это желание урвать что-нибудь из общего котла стало врожденным. Мы другому так и не научились. Не почувствовали, что государственное — это для всех, и никому не дано право использовать свои возможности, власть, связи, бесстыдство и безнаказанную наглость, чтобы посягать на собственность всего общества

Сегодня это легально, и этим гордятся. В советское время это было нелегальным, но все равно этим на своих кухнях тоже гордились. Не в укор кому-то, просто в качестве были, проиллюстрирую вышесказанное на конкретном примере. Небольшом, но классическом.

Перед этим мы упомянули вполне легальный колхоз «Рыбак» и реальное Ириклинское водохранилище. Давайте просто посмотрим, что и как их объединяло, какое отношение эти два объекта имеют к нашему разговору об общенародных ценностях и рыбе, в частности.

Все началось с того, что мы решили после окончания посевной кампании провести что-то вроде торжественного мероприятия, так называемого «сабантуя». В общем, отметить механизаторов всех трех полевых бригад. Чтобы как-то разнообразить меню праздника, решили найти хорошей рыбы. Мясо, мол, всегда было, а давайте добавим еще и рыбу.

Степная зона. У нас было свое водохранилище, но рыбу-сеголетка только запустили. Можно было поехать в дальний Иргизский район нашей области, где было много озер и пересыхающая река. Рыбы

там вдосталь, но в основном озерной — карась, черный такой, и болотом отдает. Можно было поехать на Аральское море, на юг нашей области, там раньше было рыбы полно, разной и дешевой. Так ведь 600 километров в один конец, да еще дело к маю, на дворе жара — рыбу не довезешь. Можно наловить карасей в наших мелких водоемах, так это мелочь.

Решили послать меня в разведку в Орск, разузнать, где можно найти хорошей рыбы. Я созвонился со знакомым снабженцем одного из ведущих орских заводов и попросил выяснить возможность приобретения сортовой рыбы. Знакомый, назовем его Владимиром, был человеком ответственным, много лет работал с нами, он оперативно все выяснил, с кем-то там договорился и сказал, что можно приезжать. В условленный день часов в пять утра я сел за руль бортового вездехода ГАЗ-63 и выехал в Орск.

Встретились с Владимиром. Сел он в кабину. Подъехали к конторе рыбколхоза. Председатель нас выслушал, сказал, что, в принципе, все можно сделать, но рыбу разрешено брать только в ларьке. Назвал его координаты, сказал, что продавщицу зовут Надежда, а рыба у нее в продаже — ежедневно. Подъехали к ларьку. Познакомились с продавщицей — она как раз привезла рыбу. Посмотрели мы на нее и поняли, что большая часть улова до ларька попросту не доходит, где-то растекается по дороге — от Ириклы через промежуточный город Гай и затем весьма немалый город Орск. В ларек попадали остатки той рыбы, что была либо травмирована, либо долго находилась в сетях, либо где-то временно хранилась. Привезли килограммов сто, а брать было нечего. В основном — скоропортящийся сиг с вылезшими наружу ребрами и судак.

После долгих уговоров мы нашли общий язык с продавщицей. Заплатили ей деньги за 100 кг сига и 200 кг прочей рыбы. Сиг шел в розницу по 2 рубля за килограмм, вся остальная рыба (каarp, сазан, судак) по 0,78 рубля, а сом — по рублю 20 копеек за килограмм. По словам Надежды, сомы ловятся редко, мы на них и не рассчитывали. Надежда выписала нам накладную на 300 кг рыбы, якобы полученные от бригады, и мы отправились на Ириклинское водохранилище.

Как выяснил я уже в последующие поездки, мы тогда были единственными законопослушными покупателями в этой системе и выглядели белыми воронами на общем черном фоне бездокументных сделок. По крайней мере, считали мы, нас достойно встретят и до-

стойно отоварят, далее если для этого придется понести дополнительные издержки.

Владимир перед этим поинтересовался, в чем особенно нуждаются именно в этот период коллективы рыболовецких бригад (в машине у меня лежали солидная туша баранины, ящик свиной тушенки, десять коробок заряженных патронов, стандартный мешок дробы, ну и, конечно, ящик водки). Это так; — в порядке возможной компенсации за качество, скорость и т.п. Стоимость рыбы мы-то рке оплатили, остальное, решили, посмотрим на месте.

Путь на Ириклу был не близкий, через Орск — новый город, мимо города Гая, с известными медными рудниками, и до плотины через Урал. Продащица нам сказала, чтобы держались левого берега водохранилища, если смотреть с юга на север. Там, по берегу, расположены рыболовецкие бригады орского рыбколхоза. В первый раз ехать было сложно, до плотины дорога хорошая, а дальше — только следы по степи, да по оврагам. Попадались по пути какие-то небольшие села, но мы в них не заезжали, потому что день уже клонился к вечеру, а без четкой дороги ночью рыбаков не найти. Да еще все овраги, идущие в сторону водохранилища, залиты водой. Только прошло половодье, в некоторых балках еще снег не растаял. А тут еще последний день апреля, завтра — Первомайский праздник, до дома — двести километров, так; что рыбу надо взять сегодня.

Так я думал, мыкаясь по холмам и оврагам, двигаясь на восток в сторону водохранилища. Мы рассчитывали с самого начала идти вдоль берега, вверх по реке, но это оказалось невозможным, как было уже сказано, из-за многочисленных залитых водой оврагов. Наконец, где-то к заходу солнца, поднявшись на очередной холм, мы облегченно вздохнули — метрах в трехстах, поблескивая в лучах заходящего солнца, расстелилась до самого горизонта водная гладь. Но, когда машина почти наполовину поднялась на холм, я резко затормозил, и настроение сразу почему-то упало. Лучи заходящего солнца не только золотили водную гладь, они четко высветили и многое другое — на берегу стояла большая деревянная будка на колесах, к берегу пришвартованы несколько баркасов, а вокруг всего этого обычного для рыболовецкой бригады пристанища стояли в разных положениях десятки легковых машин, и не просто машин, а особых машин.

Здесь были в большинстве своем чиновничьи «Волги», потому что такие машины у частных на периферии в то время были редкостью, а также размалеванные машины ГАИ, ВАИ и других спецведомств.

Что они здесь делали вечером, накануне 1-го Мая, нам было понятно. Вот только и им всем вместе взятым, наверняка, стало бы вдруг непонятно, а что здесь делает перед праздником вездеход из другой республики. Я и сегодня абсолютно уверен, что ни у кого из тех «крутых» машин не было оплаченной квитанции на рыбу, какая имелась у нас, но хорошо, что они нас тогда против солнца не заметили. Не заводя двигатель, я спустил машину с тормозов и потихоньку съехал в балку. Надо было попытаться искать другие бригады. И нам повезло. Объехав очередной овраг, где-то в километрах пяти-семи, наткнулись на другую бригаду. Такая же будка, баркасы, вмазанный в камни большой котел. Подъехали. Солнце уже село, но было еще видно. Нашли бригадира, потом вышел из будки учетчик. Оказалось, что Володя знаком с ними обоими. Бригадир — бывший военный комиссар города, учетчик — бывший начальник городского отдела внутренних дел, пенсионеры. Мы им показали квитанцию и спросили, как насчет рыбы. «Какая там, на хрен, рыба, — рассмеялся бригадир, — все, что сегодня взяли, давно раздали. Мы никогда на ночь рыбу не оставляем, а завтра, тем более, Первомай».

Никакие уговоры, посулы и предложения воздействия на руководство бригады не возымели. Бригадир, конечно, был прав с любой точки зрения — ночь, метровая волна, ребята-рыбаки уже помылись, хорошо «заправились», да и весь день «заправлялись» посменно, куда их пускать «в море», как выражался бригадир?

А что делать? Ехать впустую да еще в такую даль домой или ждать до утра? «Задобранный» подарками бригадир пообещал утром послать ребят «потрясти» сеть, если не будет сильной волны. Зашли в будку. Воздух там был настолько пропитан неистребимым запахом рыбы, пота, табака, портянок и немых тел, что хоть мажь его на хлеб. На предложение спать в будке я вежливо отказался, ссылаясь на то, что машина не закрывается (да и товара там у меня было что взять), и ушел спать в кабину. Ночью я не раз пожалел об этом. Мы не рассчитывали где-то ночевать, днем было двадцать градусов тепла, я был в легком костюме, а ночью тут — около нуля, да еще вода ледяная рядом. Думал, включу печку, нагрეюсь. Включил, так сразу десятки матов получил из будки. Пришлось заглушить двигатель и бегать вокруг машины всю ночь.

Когда начало рассветать, я провел обследование территории бригады. Два баркаса, огромные такие, шестивесельные, как корабельные

боты, двигатели на берегу сохнут. Вся будка обвешена вяленой рыбой, всевозможных сортов. Большие, широкие, аппетитные лещи, судаки, сига (я их впервые видел) и другие особи, и ни одной мелкой рыбешки. Значит, сети у них только крупные. Метров в двадцати от будки — примитивный подвал. Зашел и туда. Там явно свой «левый» товар: где-то с десятков бочонков от комбижира, проложенных большими полиэтиленовыми мешками, а в них рыба солится. Отборная, одна в одну. Был еще на территории котел под еду, и все. Еще — масса всякого мусора, тогда экологи, видно, только по воде к ним заходили, а если и были на берегу, так их не мусор привлекал, а рыба.

Когда встало солнце, поднялся сильнейший ветер. Волна — метра полтора. Чувствую — не видать нам рыбы и сегодня. Первым вышел бригадир, посмотрел на небо, на воду, потом зашел за будку и снова в нее вошел. Так как никаких движений в будке не ощущалось, пришлось мне самому туда войти. Бригадир сидел у окна и брился, все-таки кадровый офицер, и праздник сегодня. Рядом сидели учетчик и наш Володя. На мой немой вопрос бригадир вытер лицо мокрым полотенцем и сказал: «Видишь, волна! А сети полкилометра почти от берега. Кого я туда пошлю?» — он махнул в сторону спящих рыбаков.

Что делать? Без рыбы возвращаться нельзя. Рыба вот рядом, в сетях, так взять нельзя. А ветер лишь крепчает. Нары в будке — двухэтажные. Сползает с верхних нар здоровенный обросший детина. Первые его звуки были: «А водка есть?». «Есть», — говорю. «Неси сюда — говорить будем», — прохрипел рыбак. Я принес бутылку. Он выдавил сургучно-бумажную пробку, вставил горлышко бутылки в рот и запрокинул голову. Через пару минут опустил бутылку на стол, на дне в ней еще плескалось граммов сто-сто пятьдесят. Поднялся, подошел к ведру с водой, набрал крррку, выпил и заявил, обращаясь к бригадиру: «Я пойду на баркасе, но пусть кто-то пойдет со мной».

Зависла пауза, желающих не было. Я, как главное заинтересованное в рыбе лицо, быстро сказал: «Я пойду». Все молча согласились. Лучше бы я хоть секунду подумал, а так — слово не воробей. Уже очень скоро горько сожалел о том, что согласился, но дело было сделано. Рыбак-доброволец начал надевать свой прорезиненный костюм. Подобрали и мне подходящий по размеру, столкнули гуртом баркас с берега, поставили мотор.

«Водки возьми», — предложил-потребовал рыбак. Взял я бутылку, полез в баркас. Он взял ее у меня подержать и куда-то засунул под

сидения. Завели мотор и пошли к сетям. Огромные волны переваливали через баркас с борта на борт, но посудина была довольно остойчива и уверенно шла вперед. Рыбак сидел у руля, я — посредине баркаса, для баланса. Сети стояли довольно далеко от берега. Места их якорных креплений были отмечены большими кусками пенопласта, видно их было далеко. Водяные брызги сплошной массой обдавали и баркас, и нас. От этого на дне баркаса начала быстро прибывать вода. Я ее интенсивно вычерпывал большим таким черпаком, сделанным из толстой фанеры, окаймленной по краям жестью-нержавейкой. Температура вряд ли превышала 4-5 градусов.

Пока дошли до крайней сети, моя одежда под рыбацкой робой стала мокрой. Остановились у контрольного бую. Смотрю, рулевой мой достает поллитру, снимает пробку, затем почему-то черпает ладонью воду из набежавшей волны, заливает ее в рот, потом левой рукой хватается за борт, а с помощью правой очень быстро так вливает в себя все содержимое бутылки. Выбрасывает бутылку за борт, берет весло, поддевает верхний трос сети и кричит: «Тяни на себя сеть».

Мы вместе попробовали сделать то, что рыбаки делают ежедневно — приподнимать сеть, выбирать из нее рыбу и опускать сеть обратно. Конечно, если тихая погода, да бригада человек шесть-семь, то это не проблема, а обычная работа. Но если стоящий на месте баркас того и гляди перевернет, а качка не дает возможности вытащить сеть во всю ее четырехметровую глубину, да еще с застрявшей в ней рыбой, то съем этой рыбы будет большой проблемой.

Сколько мы ни пытались — сеть шла не в баркас, а под его днище, усугубляя наше и без того небезопасное положение. Я тянул сеть, стоя на коленях, рыбак стоял во весь рост, упираясь ногами в шпангоуты, и пытался втянуть хотя бы часть сети в баркас. Пару раз он едва не вывалился в воду, так как укрепленный на якоре трос сети и баркас резко расходились в разные стороны, а он не бросал трос и занимал горизонтальную позу — ноги в баркасе, туловище — в воде. Может быть, принятый им литр водки согревал и возбуждал его, но одновременно влиял на координацию движений, да и как потом выяснилось, на разум.

После десятков неудачных попыток приподнять сеть и вытряхнуть рыбу рыбак взвыл каким-то редко употребляемым матом, достал нож и отрезал сеть от троса якоря. Затем рке идиотски грубым способом мы где-то за полчаса втянули в баркас всю длинную сеть.

вместе с рыбой. Отрезали ее от второго якоря, завели мотор, развернулись и попытались начать движение к берегу.

В мире часто бывает так: все вокруг хорошо, тепло, солнце, радость — и вдруг в каком-то месте в такую идиллию падает на голову людям атомная бомба. И все, нет больше ни идиллии, ни людей. Так было и со мной в тот час. Первое мая, солнце, двадцать градусов тепла на берегу, а я практически тону в ледяной воде, всего в полукилометре от берега, где глубина, может быть, метров сто, а помощь ждать просто неоткуда.

Безнадежность нашего положения я понял, как только мы втянули в баркас сеть с рыбой. Баркас так просел, что волны рке запросто перекачивались через него, каждый раз через ту же сеть, доливая воды. Вычерпывать воду не было возможности, так как сеть горой заполнила все пространство. Баркас садился все больше и больше, мы с рулевым примостились на корме. Баркас с трудом шел, но и это было не все. Где-то на половине пути к берегу заглох двигатель. Дергали, дергали заводной шнур, перестали. Одно весло торчало из-под сети на корме, остальные пять были под сетью. В общем, рулевой гребет и правит веслом, я — гребу черпаком. Метров двести осталось. Потихоньку идем, баркас практически похож на подводную лодку,двигающуюся в надводном положении. Сердце колотится, никакого холода не ощущаешь, все подчинено одному движению, а взгляд пожирает-приближает берег.

У меня даже появилась какая-то дикая мысль: «Хорошо, если баркас перевернется, сеть вывалится, а мы на баркас взберемся, будем кричать, заметят — выручат». В такие моменты судьба человеческая где-то там лежит и, поочередно лениво открывая глаза, наблюдает за тобой, как ты там барахтаешься где-то — в воде, огне или еще где-нибудь. И когда она почувствует, что пора ей вмешаться — она вмешивается, а бывает, что и дремлет дальше...

Если бы мы уходили на дно — никто бы этого и не увидел, но так как мы еще болтались на плаву и неистово гребли, из будки кто-то вышел. Наверное, увидел баркас, потом, видимо, позвал других. Все выбежали, кинулись ко второму баркасу, начали сталкивать его в воду, устанавливать мотор, потом пробовали его завести, он не заводился. Мы все это видели, и уже ничто нас не могло остановить, на худой конец, вплавь бы добрались. А там уже, как Бог бы дал. Короче говоря, мы дошли сами до упора в берег, в том месте он был доволь-

но положим. Нам помогли вытащить баркас, потом вывалить на большой расстеленный брезент сеть с рыбой.

Под неумолкающий мат и угрозы бригадира за то, что отрезали сеть, мы прошли в будку. Мой напарник попросил водки, мне бы тоже не мешало тогда влить в себя хорошую порцию, так ведь нельзя, предстояло ехать за рулем довольно далеко, да еще в праздник, да еще через два города. Пришлось ограничиться огромной кружкой чая. Где-то через час, обогревшись и подсушившись, я вышел из будки. Картина, которую я увидел, была более чем неожиданная: рыба, вернее сеть с рыбой, спутанная таким цельным огромным клубком, таге и лежала на брезенте. А в стороне, рядом с нашей машиной был расстелен еще один брезент, на нем расположилась вся бригада и торжественно отмечала Первомай, используя мою водку и тушенку. Уже валялись семь или восемь пустых бутылок и с десяток банок из-под тушенки. Им рыба была не нужна, да им вообще уже ничего не было нужно; шел оживленный разговор, а времени было уже около девяти часов утра.

Володя говорит: "А знаешь, Андреевич, я же сегодня старший колонны от нашего завода, так надо попасть в Орск хотя бы до конца демонстрации!" Я ему шепчу: "Ты попроси ребят, пусть рыбу из сети вытряхнут, там же не подойдешь. Судачки такие торчат — ничего взять невозможно. Не знаю, как они вообще ее разбирать будут".

Володя, под шумок, передал двум рыбакам по бутылке водки. Они тихонько отошли, потом быстро вернулись к "столу" — как ни в чем не бывало. Дали знак, что все сделано. Володя отозвал бригадира, попросил все-таки дать нам рыбы. Они пошли к сети. Через минуту истошный мат бригадира дал понять, что случилось что-то неординарное. Я пошел к ним. На брезенте лежала гора рыбы, но сети не было. Как позже выяснилось, те двое рыбаков с помощью перочинных ножей быстро освободили рыбу, а то, что осталось от сети, куда-то спрятали.

Чтобы смягчить удар по бригадиру, я оставил ему баранью тушу и все, что осталось из питья и еды, а также боеприпасы. Он успокоился, потом подошел к куче рыбы, вытянул из нее самого крупного сома (я его еще взвесил для интереса, чтобы потом ориентироваться — 12.600!), отбросил в сторону со словами: "Это для Нади (продавщицы), у вас сом не выписан. Остальное выбирайте".

Здесь лее стояли обычные напольные весы. Мы с Володией быстро собрали сига отдельно, все остальное — тоже отдельно. Причем, ки-

логаммов десять оказалось уже несвежей рыбы, той, что была пропущена при прежних выборках, но мы ее тоже взяли. Погрузили в кузов, прикрыли свежей травой и двинулись домой, в Казахстан.

Город Гай мы объехали далеко, а Орск просто так не объедешь: две реки, Орь и Урал, так укрывают город, что ехать надо только через него — в принципе, через центр нового города. Машина — бортовая, из другого "государства", праздник, куча свежей рыбы — при всех наших правах это было бы соблазнительно для любого желающего с каким-либо удостоверением и даже без него. Но встречавшиеся по пути следования милиционеры лишь усиленно махали жезлами, показывая — быстрее, мол, проезжайте. Не было у них в тот день обострения интуиции.

Я высадил Володю в центре нового города, а сам двинулся на мост через Орь. Через пару часов был дома Из 100 килограммов сига в тот первый раз половина примерно пропала. Ну, не совсем пропала, а потеряла товарный вид. Сиг — чудесная рыба, с небольшой головкой и мелкой чешуей. Вкусная, жирная, ее даже коптить нельзя — вся стекает, одна шкура да хребет остаются. Ее надо так — поймал, сразу внутренности выбросил, присолил, потом — вези. Если это не сделать, — через три часа кости брюшины вылезут наружу. Так у меня и получилось в первый раз.

Рыбу в тот первомайский день я практически всю сдал в столовую, и на ужин в бригаде впервые была рыба, и какая рыба! Сети на Ирикле в большинстве своем "десятирики", т.е. с ячейкой 10fl0 см, мелочь не ловится, а то, что ловится, меньше 2-3 кг не бывает. Боялся я, что купание утром в ледяной воде скажется, но нет, слава Богу, обошлось, и доехал нормально, и на праздник в компанию успел, да еще с рыбой.

Та поездка была разведывательной. Больше я не искал председателя или продавщицу, а ехал прямо в бригаду. Так было и удобнее, и проще с любой стороны. Тем более, как я потом узнал, никто и никогда к продавцу не шел. Да и вообще, в ларек или через ларек шла, хорошо, если треть улова. А две трети оборота шли в деньгах. Деньги рыбаки брали на месте. Официально они получали аккордно за каждый выловленный и сданный в ларек килограмм рыбы по 35 копеек. Поэтому им гораздо выгоднее было продавать рыбу на месте по розничной цене (помните, сиг по 2 рубля, сом — 1.20, остальное по 78 коп. за кг). Часть денег они пропускали через ларек, т.е., по бума-

гам получалось, будто сдавали рыбу (по 35 коп). Кто там знал, сколько на самом деле рыбы отловлено и сколько реализовано! И ведь не только себе надо было «иметь», но еще и восточную половину области, причем, заметьте, лучшую ее половину, руководящую, надо было обеспечить и рыбой, и деньгами! Так что, ловись рыбака, да кормись те, кто может.

Как было уже сказано, все работники в рыбколхозе были наемными, они ничего этого не знали. Их присылали по линии отраслевого министерства откуда-нибудь, где путина уже прошла или люди появились свободные. Конечно, отправляли в такие командировки больше тех, кто дома не был нужен. Они ехали с удовольствием, а что, там кормят, ежедневно поят, зарплату дают, да еще командировочные получаешь. И семьи рядом нет — красота! Эти «работяги» и делали навар тем, кто присасывался к рыбным берегам, т.е., руководил «процессом». Так было еще при Союзе. Сегодня все это уже узаконено и осуществляется вполне легально. Хоть на рыбе, хоть на крабах, на икре, золоте, алмазах, нефти, газе, лесе и т.п. Сейчас к этому добавилась земля.

Не знаю, как сейчас, но и тогда особым злом, кроме рыбколхозного, было то, что все лето вокруг таких бригад крутились десятки прикрытых браконьеров. Они, в большинстве своем жители Орска, Гая и др. населенных пунктов, брали отпуск и шли как бы «в помощь» на работу в рыболовецкую бригаду, т.е., под ее «крышу». Катера рыбинспекции регулярно бороздили водохранилище, вытаскивая якорями снасти, расставленные браконьерами вдоль берега. А свои, которые под «крышей», ставили сети и снасти в затонах, устьях оврагов и т.п. Весь свой отпуск или просто свободное время, рядом с бригадой, вернее, внутри бригады, они ловили рыбу для себя, отправляя ее ежедневно домой или в условленное место. Чтобы понять выгоду всего этого, молено сравнить: одна голова большого вяленого леща на рынке стоила 5 рублей, и то ее трудно было достать. Купить такого леща у рыбаков можно было всего за рубль. Посолил, проявил — минимум четырехкратная прибыль! А если ты не купил, а сам поймал? Завези бригаде трехлитровую бутылку самогона и лови рядышком неделю!

Ну да ладно. После той первой поездки, затем второй, за рыбой для «сабантуя», я начал ездить на Ириклу по мере необходимости, когда запасы рыбы подходили к концу. Деньги уже практически не брал с собой. Денег у них своих хватало. Я получал заказ и по рыночным це-

нам того времени завозил рыбакам то, что им было необходимо и что в городе тоже становилось дефицитом, — разные виды мяса, сметану, творог, овощи. Рыбу я уже брал не подряд, а на выбор и, конечно, отборную. Рыбаки научили меня долговременному хранению рыбы. Если раньше я при засолке рыбы каждый раз менял рассол и ждал, пока бочка закончится, то потом один и тот же рассол использовал месяцами. Да и рыбу тоже. Снизу из бочки вытянул две-три штуки — сверху добавил столько же. Получался постоянный засолочный оборот, и я всегда имел любую рыбу, готовую к употреблению. Вытащил из бочки, на чердак под металлическую крышу подвесил — через пару часов полувяленая рыба. А со свежей летом поступал проще. Как-то раз привез килограммов двести. Взял в основном сазана и карпа. Мощные, толстые такие, на вид, как молодые поросята. Я их запустил на время в двухкубовые металлические баки, там у меня вода грелась для полива. Так вот, запустил утром и ушел на работу. А через забор у моего дома была колхозная столовая. Звонит заведующий: «Василий Андреевич, у вас по всему огороду что-то прыгает». Пошел домой — да, действительно, прыгают по огороду карпы и сазаны двух-трехкилограммовые. Этот вид рыбы очень живучий, когда я их привез — лежали смирно, а как пустил в воду — сразу ожили и начали выпрыгивать из воды, баки-то открытые были. Попросил поваров столовой собрать и взять себе, а на баки сделал деревянные решетки. И все лето у меня там плавала рыба. Надо — берешь вилы овощекартофельные, с тупыми концами, и какую захочешь рыбу, такую и «ловишь» этими вилами.

Кругом на сотни километров — степь, а у нас в доме всегда была рыба. Как я уже писал, браконьером никогда не был и не буду, даром ничего ни у государства, ни у людей не брал, но рыбу имел и в степи. Позже, когда вернулся домой, в рыбные вроде бы места — море рядом, Днестр, озера естественные и искусственные, а рыбы уже не было. Уже выловили и «выели» всю. Людей много, рыбы мало. Такова жизнь. Не знаю, как сегодня на Ирикле, но если мне скажут, что там сейчас все отлично, все контролируется и т.п., я не поверю. Слишком много у нас появилось тех, кто любит брать, потому что им и их окружению хочется кушать. А такая некачественная плесень, как показало нынешнее время, размножается во много раз быстрее, чем та же рыба, скот и птица, да и все, что есть на земле живое и съедобное. Берегитесь люди!

РАЙ ДЛЯ ИЗГОВЕВ

Помните притчу: "Куда путь держите, бабушка?" — миролюбиво спрашивает таможенник. "Туда, где хорошо", — отвечает бабушка. "Э, бабушка, хорошо там, где нас нет!" — смеется таможенник. "Вот именно, где вас нет, сынок!" — смеется в ответ бабушка.

Почему-то абсолютное большинство живущих на земле людей, в каком бы прекрасном месте они не жили, считает, что если где-то и есть райское место, то только не у них, а где-то там... К сожалению, мы часто не ценим то, что имеем, и только после того, как помотаемся по свету или по жизни, понимаем, что видимый где-то рай часто служит лишь своеобразным агитпунктом для неопределившихся людей, и когда они туда попадают, то очень быстро понимают, что это и не рай вовсе. Да изменить уже ничего не могут. Рай ведь не столько в красоте природы, как мы его всегда себе представляем, а в красоте жизни. Если бы человек жил на Земле хотя бы лет двести, то, наверняка, думал бы так: ладно, лет сто поработаю, помучаюсь, поищу, найду себе райское место и вторую сотню лет там и проживу. Но так как редко кому суждено хотя бы разменять ту заветную сотню, то находится немало таких, которые спешат обрести земной рай как можно быстрее. Одни понаприобретают себе всевозможных бунгало в разных концах земли, хотя бывают там раз-два в год или вообще не бывают. Других, например, фанатов-филателистов, внутренне греет сам факт обладания дорогушим раритетом. Третьих — факт пребывания в том или ином экзотическом месте...

На мой взгляд, для таких любителей вообще не существует понятие "рая". Если ты застолбил за собой право жить во многих чудных местах, то твое стремление к "райской" жизни постепенно размывается, сменяется пресыщением и превращается в банальную показухность. Каждая новая вилла где-нибудь на экзотическом побережье — это то лее самое, что новый наряд или новая жена или муж. Если человечество за многие тысячи лет пришло к необходимости установления праздников, и люди ждут эти самые праздники больше духовно, чем телесно, то для тех, у кого каждый день вроде бы праздник, — теря-

ется врожденное чувство ожидания лучшего и, к большому сожалению, исчезает интерес к этому ожиданию. А это неизбежно приводит к деградации если не нынешних любителей и обитателей райских мест, то их потомков — однозначно. Для человека рай должен быть целевым стремлением и высшим желанием, ибо тот, кто посчитает, что уже достиг рая (на земле), обязательно получит неудовлетворенность, которая, и тоже обязательно, перерастет или трансформируется совсем в другие ощущения. Ведь рай и ад (как его антипод) в принципе находятся рядом, как говорят — через улицу.

Рай на земле — это не только какое-то конкретное место, это все вместе взятое. И райскую жизнь (не место) молено построить своими руками, где угодно, не только на тропических побережьях и островах. Рай у человека в душе и сердце, все остальное — лишь художественное оформление. Это многие понимают, но чаще всего с большим опозданием Рай или райскую жизнь на земле должны выстраивать люди, своими руками, головой, умением. Кроме естественного всеобщего старания, главным условием в построении такой жизни, всеобъемлющей системой, должен стать и быть далее круговорот труда и капитала, что-то сродни кругообороту воды в природе. Такой кругооборот, труда и капитала, предполагает, что люди, живущие в той или иной стране, в частности в России, все время из поколения в поколение, работают на благо того места, где они проживают. Вложенный ими в этот процесс труд с каждым новым поколением — с увеличением возвращается, поэтому должен снова и снова включаться в воспроизводство. Так и каждая заработанная на своей земле копейка должна быть снова вложена в развитие той же самой своей земли. И неважно, что в результате этого нескончаемого кругооборота появится у нашей России нового — заводы и фабрики, машины и технологии, зоны отдыха и развлечений, жилье и спортивные сооружения, дороги, самолеты, машины или культурные ценности, расцветут наука и искусство, важно, что все это — плоть от плоти будет и останется российским. Именно так может быть заложен фундамент пусть не райской сразу, но, по крайней мере, достойной жизни.

Если же люди, родившиеся в России, зарабатывают в России правдами или неправдами большие или малые деньги, а вкладывают их в другие регионы и страны, то нам, в России, не видать не только райской жизни, но и жизни вообще. Если мои предки, казаки, ценой своих жизней "прилепили" к России кусок земли от Урала до Чукотки,

а кто-то ловкий сегодня выкачивает из этих просторов бешеные барыши, то пусть хотя бы вкладывает их в те же территории или любую другую зону, но российскую. И пусть купленные на эти деньги корабли и самолеты, яхты, футбольные команды живут и играют под российским флагом, иначе быть просто не должно.

Бывшие раньше в России богатые люди, никогда не скажу, что безгрешные, тянули все домой, в Россию. А теперь уже почти сто лет растаскивают культурно-исторические ценности из России, и их еще в наличии — огромное количество. Значит, веками заработанное россиянами или просто оставалось в России через вложения во что-то полезное, или тратилось на приобретение этих самых культурно-исторических ценностей, затем перемещаемых домой, в Россию. Так зачем сегодня нашим людям вкладывать свои капиталы в чужие экономики и вывозить капитал за рубеж, когда любому инвестору понятно, что наиболее благоприятное место вложения капитала — Россия?! Но если наши не хотят вкладывать свое в "наше", значит, бояться, и бояться не реакционности нынешней власти, как они всегда заявляют, а бояться, что станут известны источники и способы появления их капиталов. При такой постановке вопроса рай (образный) на нашей земле появится не скоро.

Но, хватит об этом. Тема этой была проста и понятна. Сколько действительно замечательных, "райских" мест в той же нашей России! Сегодня все имеющие что-то, конечно, солидное что-то, бросились в Сочи. Думаете, жить там желают? Отнюдь. Там запахло большими деньгами, и тамошний субтропический рай далеко не главная привлекательная сила. То же самое в Москве, да еще в нескольких регионах, где вращаются большие деньги. Глупые мы люди, ведь понимаем, что не в деньгах счастье, даже в больших. Что если прижмет? Не спасут ведь никакие деньги, все под Богом ходим. И ради нескольких лет или их десятков терять то, что человечество вынашивало в себе тысячелетия — стыд, совесть, порядочность и честь — не стоит ни за какие триллионы.

Так получилось, что наше время — своеобразный трамплин в будущее России. Никто не придет к нам строить райскую жизнь, а будем так себя вести — отнимут последнее, так что вся надежда — на нас самих.

Бывая во многих зарубежных странах, объездив практически весь бывший Союз, могу сказать, что наша земля не менее прекрасна, чем

те места, перед которыми умиляются отдельные наши соотечественники. Просто надо ею заняться, постепенно довести до ума, и к нам будут ездить и умиляться жители других стран. Надо не абстрактно любить, а жить и работать на своей земле. А тем, кто хочет жить в других "раях" и выхватывать хорошие куски из нашего котла, ведь можно и руки укоротить.

Я рке говорил, что рай в душе человека. Может быть, я чересчур привередлив? Хотя, вряд ли, ведь где бы я ни был за рубежом, на какие бы красоты не глазел, все оставалось чужим. Постоянный душевный дискомфорт сводил на нет все тамошние прелести. Я никогда бы там не смог жить, пусть у них действительно полный рай или его отделение. Чужое всегда было чужим и осталось до сих пор. Не может даже зверь жить вне своего ареала, а уж тем более — человек. А если может, то берегитесь его, он уже чужой, со всеми вытекающими последствиями.

Место в России, о котором я хочу рассказать, вполне реальное и простое, но для меня оно именно в духовном плане до сих пор ассоциируется с райской обстановкой, с райской жизнью. Может быть, жившие там люди, да и ныне возможно живущие, сами и не понимали, где они живут и как. Со стороны виднее. Поэтому я и хочу рассказать об этом. Посетил я те места ровно пятьдесят пять лет назад, летом 1954 года. Так получилось по судьбе. А память сохранилась об этом навсегда и не просто так.

В том году я, сельский пацан, окончил школу-семилетку и пошел работать в МТС учеником токаря. Отец мой в то время тоже в МТС работал, комбайнером. В марте того же года было принято постановление ЦК КПСС и Советского правительства о начале освоения целинных земель на Востоке Союза, в Казахстане, Сибири, Поволжье и Южном Урале. По радио пели целинные песни, перед началом кино, в журнале "Новости дня", показывали, как ехали на целину добровольцы, ну, в общем, обычная пропаганда и агитация. Но потом вдруг, явно с чьей-то очень больной головы наверху, поступил приказ: от Слободзейской МТС отправить 12 зерновых комбайнов на уборку урожая в Башкирию. Приказ был, как гром среди ясного неба, — середина июля, полным ходом идет уборка хлебов, и на тебе — 12 комбайнов отправить. В другое время, может быть, к этому приказу отнеслись бы с прохладцей, но ситуация была непростая. Всего год назад умер Сталин. Партию возглавил Н.С. Хрущев, прави-

тельство — *ТМ. Маленков*. Постановление о подъеме целины предполагало большие и дорогие изменения в сельском хозяйстве. Поэтому и руководство МТС, и района, и выше, не рискнуло нарушить приказ из Москвы — начали готовить комбайны к отправке. Из всех МТС Тираспольской зоны был сформирован грузовой состав с комбайнами. От нашей МТС пошли 8 самоходных и 4 прицепных комбайна. Такое же сочетание было примерно и в других МТС. Конечно, комбайны выделили самые старые, лучшие оставили заканчивать уборку. Отправляемые комбайны кое-как подделали, потом неделю собирали состав на Тираспольской рампе, на эти сборы ушел весь июль, и 2 августа поезд ушел на Восток.

Помощник отца не пожелал ехать с комбайнами, поэтому вместо него поехал я. Отличительной особенностью этого состава было то, что люди ехали вместе с комбайнами, на открытых платформах. Нам объяснили, что дорога будет не более 5 дней, на улице тепло, дали по 300 рублей командировочных — и с Богом Сразу скажу, что про это путешествие можно долго рассказывать, но отмечу только, что везли нас ровно 31 день. Со 2 августа по 1 сентября. Деньги командировочные у многих закончились, еще когда грузились в Тирасполе. Можно представить себе наш путь, длиною в месяц, на открытой платформе, под комбайнами, и без копейки в кармане. Пока ехали по Украине и по России до Волги, можно было хоть картошки накопать на ближайших к железной дороге пристанционных огородах, а как выехали за Волгу — там голые степи, и никаких огородов, да температура ночью уже стала приближаться к минусовой. Не доезжая Уфы, повернули на юг, к станции Кумертау. На узловой станции Дема кто-то по ошибке отцепил платформу с нашими прицепными комбайнами, и они уехали дальше, в Сибирь.

На станции Кумертау выгрузились, но никто не захотел нас брать к себе. Местные власти не желали принимать наши старые комбайны, приводя в виде аргумента, что мы, дескать, вместо этого металлолома получим новые и т.п. Отправляйтесь, мол, назад, тем более что уборка у нас практически закончилась.

Куда назад! Мы двое суток уже не ели, все грязные, оборванные, месяц ведь на ветру, на платформе, без ничего! Все бесполезно, нас не берут.

К вечеру приехал какой-то нормальный мужик из Ермолаевской МТС, как оказалось, главный инженер, и согласился взять наши 8 са-

моходных комбайнов. Есть же и люди на свете, не одни бюрократы, которым нет дела ни до людей, ни до самого дела. Инженер посмотрел на наши изможденные лица, задал пару наводящих вопросов и сказал: «Сейчас подойдет бензовоз, заправит комбайны, а я постараюсь немного заправить вас».

Зашли в привокзальное кафе, он нас покормил и сказал, чтобы ехали за ним, но осторожно, дорога пойдет через горы, а какие там тормоза у старых комбайнов! Мы в Слободзее тормозами и не пользовались, равнина у нас. А там пришлось тормозить двигателем, но доехали до Ермолаево нормально. Большое село в большой долине. Наутро нас распределили по колхозам зоны МТС, по одному комбайну туда, где еще нужно было что-то докашивать. Уборка уже почти закончилась, остались клочки по горам. Местные комбайнеры их оставили напоследок, ну, и достались они приезжим.

Нам с отцом определили колхоз на самом юго-западе и района, и Башкирии в целом, а уже в самом колхозе нас определили в бригаду на хуторе Сандин. Хутор был небольшой, домов 25-30. Одна улица на склоне холма. Два ряда домов, въезд с нижнего ряда. У верхнего ряда дворы и огороды идут вверх, у нижнего — опускаются к небольшой речке с чистой горной водой.

Только много лет позже я понял, какое место на земле достойно называться райским!

Днем мы с отцом буквально ползали по клочкам горных полей, выкашивая оставленные участки, вечером отдыхали в одном из хуторских домов. Бригадир определил нас на квартиру к одной пожилой женщине. Жила она сама, муж погиб на фронте, а сын служил на Черноморском флоте. Мужиков на хуторе было три или четыре человека, остальные не вернулись с войны. Зерно от комбайна возил пацан, мой ровесник. Возил повозкой с одним волом. Это было проблемой: пока повозка была пустой — ничего, а если с зерном, то по горам ехать было невозможно. Повозка толкала вола, пацан пытался тормозить ее, всовывая в колесо большую жердину, тогда груженная повозка шла юзом, и дважды мы собирали зерно в балке после ее опрокидывания. Поэтому мы, когда набирали половину бункера зерна, выезжали комбайном на ровное место и лишь там ссыпали зерно в повозку. Так мы работали пятнадцать дней, пока не обрабатывали все нескошенные участки. Это было очень сложно. Склоны полей — крутые, зерновой бункер у комбайна расположен высоко, ма-

лейший предельный крен — и комбайн опрокинется. Да и при косьбе вверх по косогорам постоянно буксовал. А для такой махины пробуксовка по-сухому — жди аварии или крупной поломки.

Но не об этом речь. Жизнь на хуторе, забытом и заброшенном, протекала со своими особенностями. Метрах в пятидесяти за речкой из скалы тоненькой такой струйкой, чуть толще спички, все время текла нефть. Да, самая настоящая нефть. На хуторе была установлена очередность, при которой каждый двор подставлял под струйку нефти свою посуду, в основном двухсотлитровые бочки. Так все заготавливали горючее для растопки печей на весь год. Дрова заготавливали в ущелье, и тоже через речку. Чуть подальше от капающей нефти, где-то с километра полтора-два, был расположен открытый угольный разрез. Маячный. Там во вскрытых породных отвалах можно было навыйбирать столько прекрасного антрацита, что его хватило бы хутору на ближайшую тысячу лет.

Я видел сам, как в подвалах домов нижней улицы одна, две, а то и три стены были из чистого черно-блестящего угля. Пласт угля достигал хутора. В домах — по две коровы, минимум, молодняк, гуси, утки, куры, козы, овцы. Хозяйка нам часто варила домашнюю лапшу. Сварит и мне говорит: "Вась, прыгни в подпол, принеси масла к лапше". Даст большой деревянный черпак. Я открывал крышку в подпол, он здесь же, в большой комнате, а в нем бочка, литров на 100, сливочного масла — ярко желтого, душистого. Зачерпну с полкило — и наверх. Кроме масла, в подполе еще бочки с грибами, какой-то ягодой, помидорами, огурцами, да и еще с чем-то. У хозяйки где-то сотня гусей, мясо ежедневно было у нас три раза в день.

Солому от комбайна сперва по домам развозили, а потом уже у небольшой фермы складывали. Очень простые и открытые люди. Такие же отношения между ними. И главное, что не портило эти отношения, — между ними не терлись деньги. Жили они не бедно, находящийся рядом рудник охотно покупал их продукцию, но у них не было главного зла — больших, по меркам хутора, денег. Поэтому они и жили, как одна большая семья.

А предыстория появления этого хутора была более чем печальна. Все его жители были или участниками или детьми-внуками тамбовских депортантов 1920-21 годов. Был в те годы крестьянский мятеж в Тамбовской ныне области. Главарем у них был некто Антонов. Революционный комбриг Григорий Котовский со своей кавалерий-

ской бригадой остановил отряды мятежников. Многих тамбовских крестьян тогда осудили, расстреляли. А часть — выселили, в том числе и в Башкирию, в глухие места. Так и появился хутор Сандин. Дед там один был, сторож, так он, как стакан выпьет, начинал выступать: "Мы, мол, тамбовские волки!" Была такая поговорка раньше: "Тамбовский волк тебе товарищ!" Так это оттуда, из того невеселого времени.

Ни света, ни радио на хуторе не было. Одни керосиновые лампы. Как-то раз мы приехали с поля; рано заканчивали, потому что и днем по горам ползать комбайном опасно, а ночью — тем более. Помылись. Слышим, шум по хутору — кино привезли! Пошли и мы. Два рубля билет. Кино во дворе маленькой четырехклассной школы, где все четыре класса учатся в одной комнате. Прямо на стене приколоты простыня. Аппарат — узкоплечный, кино — без конца и начала, но называется "Школа злословия". Я потому запомнил название, что эту довольно нудную картину показывали еще в нашем колхозе им. Молотова в Слободзее, и не одни раз. Но весь хутор шел и смотрел, кино ведь.

На хуторе не было ни баяна, ни гармошки. Был один очень гордый пацан, так он на гитаре мог выбивать что-то наподобие вальса и что-то типа польки. Молодые девчата и ребята специально ездили в Маячный за конфетами, потом шли к нему, упрасивали, задаривали и получали взамен несколько мелодий для танцев. Чисто натуральная жизнь.

Вспоминается небольшой классический случай с хуторским бригадиром. Он нам ежедневно на двуколке обед привозил. Утром и вечером мы питались у хозяйки, а обед от той же хозяйки привозил бригадир. Отец у меня был с большим чувством юмора. Как-то утром хозяйка положила, на всякий случай, два бутерброда с маслом. Подъезжает бригадир, узнать, не надо ли чего. Мы стоим. Я шприцем смазываю подшипники, отец подтягивает ремни цепи. Увидел бригадира, взял у меня шприц, раскрутил его, набрал с бутерброда на палец масла и стал медленно накладывать его в шприц-нагнетатель. Подходит бригадир, спрашивает, что отец делает. Тот объясняет, что готовится смазывать комбайн маслом. Бригадир спросил, сколько надо масла на день. Отец ответил, где-то полкило. Наверное, с неделю бригадир ежедневно возил нам из дому солидный кусок масла. Потом как-то заехал тот самый главный инженер МТС, спросил, как; идет работа, какие проблемы. И надо же — подъехал бригадир, протянул

отцу брикет масла. "А масло зачем?" — спросил инженер у бригадира. "А он комбайн мажет", — ответил тот. Инженер улыбнулся и уехал. Правда, масла больше не привозили.

Мы закончили уборку и уехали в МТС. Была середина сентября, на земле по утрам уже был иней. Подошвы на моих тапочках стерлись вовсе, и я ходил босиком, просто у тапочек остался верх, а снизу несколько ниток медной проволоки, и босая нога. От рубашки остались воротник и передняя планка, все остальное истлело и развалилось. Правда, под пиджаком не было видно, да и мои босые ноги, прикрытые сверху, тоже. Так я закончил свои первые два рабочих месяца и мою первую уборку урожая.

А главное, я увидел, как натурально могут жить люди. Тогда мне это было непонятно и смешно. Сейчас, после стольких прожитых лет, я думаю о той жизни по-другому. "Тамбовские волки", тогда изгои советского общества, минимум до войны с фашистами считавшиеся врагами народа с соответствующим к ним обращением и общественным мнением, выселенные в глухомань, жили лучше остальных российских крестьян, внешне лояльных к советской власти, именно потому, что вокруг и внутри них присутствовали главные элементы райской жизни, той жизни, к которой тысячи лет стремилось и стремится человечество.

Разве живет в раю человек, имеющий в своих активах миллиарды, собственник десятков дач и вил в разных элитных местах, личных яхт и самолетов? Когда он каждую секунду ждет, что его или "грохнут", или "замочат". Какое там ощущение райской жизни, когда постоянно ждешь конца, любого, со всех сторон! Окружение такое же — продаст, подставит любой: друг, жена, брат, дети, да кто угодно — под адским лозунгом: "Ничего личного, бизнес есть бизнес".

Нет и не будет для них рая на земле по той простой причине, что невозможно объединить элементы жизни хуторян Сандина, которые никому ничего не должны и не обязаны, которые искренне радуются каждому восходу солнца и встрече с себе подобными, готовыми поддерживать и взаимно защитить любого, с элементами жизни нынешних "продвинутых", которые сами покинули элементарный земной рай, и дверь за ними уже закрылась навсегда. Эти люди — в подвешенном состоянии: рке находясь в аду (тоже человеческом), дергают за ручку райской двери, которая в любой момент может оторваться...

Единицы могут понять такое свое подвешенное состояние, но только единицы. Так что есть в нашей жизни примеры, на которых можно строить современную жизнь, пусть не райскую, но достойную граждан такой великой и богатейшей, по определению, страны, как наша Россия. Причем, достойно и красиво можно устроить жизнь практически в любом регионе нашей Родины. Нам бы отмыть себя от нынешней грязи, может, где-то и припудрить да подкрасить себя же, и мир будет ехать к нам, в наши "райские" места, и поражаться российским красотам!

А пока что мы стремительно катимся совсем в другую сторону!

МЕДЕО

В советские времена практически во всех отраслях народного хозяйства практиковалось проведение переаттестаций, курсов повышения квалификации и переподготовки специалистов разных уровней. Это было хорошим подспорьем нам, практическим работникам. В период, о котором пойдет речь, относился как раз ко времени начинаемых реформ во многих отраслях, в том числе и в моей родной — сельском хозяйстве. Когда в 1964 году к власти в СССР пришел Брежнев, сразу были предприняты попытки что-то изменить в хозяйстве страны. Был принят ряд крупных по масштабам реформистских решений, в 1965 году — по совершенствованию экономических отношений в АПК, как внутри отрасли, так и ее взаимосвязях с другими отраслями и государством, в 1966 году — по мелиорации, где тоже предполагались многие усовершенствования и новые подходы. Был принят еще важных документов по введению гарантированной денежной оплаты труда в колхозах и отмене трудодней. Здесь, кстати, надо сказать, что это было непродуманное решение, а по-простому — величайшая экономическая, политическая и социальная глупость на государственном уровне, сродни будущему введению частной собственности на землю и распаиванию государственной земли.

Короче говоря, в те годы новое руководство страны пыталось что-то изменить в лучшую сторону, в частности на селе. Все эти новшества надо было переварить в головах исполнителей и применить на практике. Необходимо признать, что, по крайней мере, в те времена в Казахстане была очень сильная экономическая аграрная школа. Честно говоря, я не встречал позже ни научных работников, ни практиков экономистов-аграрников такого уровня. Поэтому, попадая на курсы повышения квалификации в Алма-Ату, мы, сельские экономисты (кто хотел, конечно), узнавали не только много нового теоретического, но и прикладного — практического. Участвуя в различных деловых играх, расчетах отраслевых норм и нормативов, а также дискутируя по тем или иным вопросам с ведущими экономистами-теоретиками,

мы взаимно обогащались, и в этом была основная полезность таких переподготовок.

Но позже, к концу семидесятых, работая на более высоких ступенях аграрной иерархии, я начал замечать тенденции специализированного, можно сказать, специфического отбора кандидатов на подобные мероприятия. Участников уже вызывали на переподготовку по линии республиканских органов, хотя раньше графики учебы составлялись на местах — и не раз в три-пять лет, а по три-пять раз в году. Такие тенденции появились в национальных республиках еще задолго до развала Союза. С вызываемыми на курсы в заранее определенное время шла совсем другая «переподготовка». Они позже стали опорой и основой для возникновения различных "народных фронтов" и проведения демаршей и демонстраций во время всяких там цветных, розовых, оранжевых и подобных революций. Упрощенно можно констатировать, что за деньги Советской власти готовились разрушители этой власти. Ведь все затраты по "переподготовке" продолжало нести государство.

Что было, то было, не было этого тогда только в России, потому что в России тогда вообще уже ничего не было. Развальные идеи и действия хоть и генерировались в Москве, — но после того, как их утверждали за рубежом. И российских "фронтовиков" не переподготавливали в Москве, как во всех других республиканских столицах, а посылали на "курсы" за рубеж. У себя дома такая переподготовка не прошла бы и не определилась в нужном направлении. Впрочем, это все будет позже...

А пока — 1965-й год, лето, я, главный экономист колхоза, приехал в Алма-Ату на месячные курсы повышения квалификации. Из нашей области в столицу прибыло двое — со мной еще экономист из соседнего колхоза. Звали его Федор. Сельхозинститут, который был базовым учебным предприятием, кстати, тоже в те времена довольно солидный, не мог обеспечить таких, как мы, курсовиков, общежитием, поэтому организовал договорную систему съема жилья у частных лиц. Так как курсы были постоянно действующими, "скользящими" по все ведущим сельхозспециальностям, то и договоры найма жилья как для приезжающих на курсы, так и для желающих студентов, особенно семейных, действовали круглогодично. За умеренную плату в 30 рублей сдавалась комната на месяц.

В один из таких домов привели нас с Федором и еще одного парня — Акрама. Был он из Талдыкурганской области и работал там главным экономистом совхоза 26 лет, женат, двое детей. Надо признаться, что в те времена специалисты колхозов, по всему Союзу, в том числе и в Казахстане, находились в гораздо худших, в материальном плане, условиях. А в совхозах специалисты такого же ранга ежемесячно получали заработную плату, различные надбавки и доплаты, стимулировались по итогам года. Нам же, в колхозах, начислялись "трудодни", нечто вроде коэффициента трудового участия. Если по итогам года доход колхоза позволял что-то распределить среди всех колхозников и на все усредненные трудодни, то какие-то копейки начислялись. Если свободных средств не оставалось, значит, и нам ничего не доставалось. Причем, в совхозах заработная плата начислялась в размере 100 процентов оклада или тарифной ставки, независимо от результатов деятельности совхоза. Более того, специалисты колхозов были при трудоднях гораздо в более худшем положении, чем рядовые колхозники. К примеру, я, главный экономист колхоза, получал 90 трудодней и 30 рублей аванса за месяц. На трудодни в течение года ничего не начисляли, вот и оставались только 30 рублей аванса. У меня — трое детей. Кроме того, что я экономист, я еще и парторг колхоза. Меня, как экономиста и как парторга (без оплаты), через день куда-то вызывают, в район, область. То партхозактив, то бюро райкома, то какая-нибудь профсоюзная или любая другая конференция, то слет механизаторов, то животноводов, то семинар, то отчет и еще сотни причин для вызова. Расстояние до райцентра — 40 километров, до областного центра — 150. 8 месяцев зима в тех местах. Если вызывают на 10 утра, значит, надо выезжать в пять часов, потом добираться, буксуя, копая, толкая, зарываясь в снег, а в те годы дорог не было, значит, и в грязь. И каждый раз, выезжая, берешь в кассе немного денег, надо же пообедать хотя бы. Немного — 3, 5, 10 рублей, а за год набирается тысячи полторы. Если рублей 300-500 начислят по итогам года, то тысяча зависнет как долг. А с нового года деньги опять брать надо, даже на те же поездки. Заниматься каким-то дополнительным бизнесом, как говорят сегодня, было невозможно, и не только потому, что парторг, но и из-за нехватки времени. Мы работали с утра до вечера, без выходных и без отпусков. Зимой, когда у полевых работников и специалистов появлялось свободное время, у нас, бухгалтеров-экономистов, добавлялось

еще больше работы — с планами, отчетами, анализами и т.д. Колхозникам нашим тоже было не сладко, но они хотя бы не несли ненужных дополнительных расходов.

Так что, когда мы поселились втроем на частной усадьбе, наш с Федором "стартовый капитал" существенно расходился с возможностями Акрама. Он был сыном ушедшего на пенсию директора совхоза, того же, где сам теперь работал, получал 200 рублей зарплаты, в Алма-Ате лет пять назад закончил сельхозинститут, остались кое-какие знакомые и т.д. Поездка на курсы для него была чем-то вроде туристической или развлекательной экскурсии. Так как нам с Федором было не на что ходить по ресторанам, то мы летними вечерами писали рефераты, делали какие-то расчеты, которые просили сделать преподаватели, в будни никуда не ходили, а по воскресеньям отправлялись в центральный парк — полюбоваться его великолепием, посидеть в шашлычной. Разве можно было устоять, когда приличный шампур бараньего шашлыка стоил 24 копейки, а вместе с бутылкой хорошего пива всего 50 копеек! Мы наедались на рубль, отдыхали и шли домой, а Акрам всегда вечером уходил в город.

Уже после недели совместной учебы и проживания мы с Федором поняли, что, как экономист, он никудышный, разобрались, зачем он приехал, и не обращали на все его походы внимания. Парень он, в общем, был общительный, безвредный, поэтому никаких инцидентов у нас ни в институте, ни дома не возникало.

Прошла первая неделя, и Акрам поехал домой — может, деньги кончились, может, переодеться, или дела какие. До его дома было километров сто, так что в понедельник к началу занятий он прибыл вовремя. Довольный такой приехал, все время шутил, а вечером, как обычно, ушел. Пришел поздно, еще более довольный, чем был днем. "Ну, — говорит, — ребята, я такую девушку нашел, просто чудо. В меру пухленькая, лет 17-18, волос золотистый, как солнце, глаза голубые, даже описать трудно. Я ее еще в пятницу в ресторане "Ала-Тау" увидел, запал на нее, а сегодня она опять там была, Я ее танцевать пригласил, думал, откажется, а она пошла! А завтра я заказал в ресторане столик в нише. Она немного поломалась, потом, когда мы станцевали еще раз, согласилась. Так что завтра я эту булочку белую обязательно разломлю". На следующий вечер Акрам побрился, надушился. Мы пошли смотреть к хозяевам телевизор, а он направился к той "булочке". Ночью Акрам не пришел, мы не беспокоились, по-

нимая, в чем дело. Не пришел он и утром, и на занятия тоже. Мы и тут не беспокоились, бурный вечер, бурная ночь, трудно, наверное, было, да куда он денется, казах в Алма-Ате знает все входы и выходы.

Но на втором перерыве пришел дежурный с вахты и спросил: "Кто из вас Гурковский?" Я сказал: "Я — Гурковский, а в чем дело?" "Вас на вахте ждут!" Кто меня может ждать на вахте в Алма-Ате? Пошел. Смотрю, какой-то молодой милиционер-казах стоит, а у крыльца — милицейский "газик" с работающим двигателем. Не понятно. Поздоровались. Лейтенант спрашивает: "Вы знаете Акрама?", — и называет фамилию. У меня в голове другой Акрам, у нас в колхозе заведующий овцефермой был Акрам Садыков, я не понял фамилии и говорю: "Нет, не знаю". "А он вас знает, и попросил найти!" Тогда я понял, о ком идет речь, мы же Акрама по фамилии никогда не называли — Акрам и Акрам. "А, говорю, извините, — знаю, конечно, мы вместе живем и учимся". "Тогда я вас прошу проехать со мной, — сказал лейтенант, — так надо!" Ну, надо, так надо. Поехали, оказалось — в самый восточный в городе участковый пункт милиции. Там я увидел Акрама. О, вот где надо было иметь фотоаппарат! В отдельной маленькой комнате он сидел... в набедренной повязке, сплетенной из какой-то травы. "Потом все объясню, — сказал Акрам, — а пока съезди с этим лейтенантом, он мой знакомый, к нам на квартиру, там у меня несколько пар брюк, рубашки, белье, туфли. Возьми весь комплект, чтобы можно было одеться и поехать домой".

Я все так и сделал. И вот мы сидим в нашей комнате. Хозяйка ничего не знает — милиционер нас до угла улицы довез и уехал. И Акрам мне поведал следующее. Как и договорились, он пришел в ресторан, ему показали столик в зашторенной нише, он сел, немного подождал — пришла его благоухающая желанная. Посидели, выпили шампанского. Тут к столику подходит еще девушка, как оказалось, — подруга его знакомой. Минут через пять пришел какой-то парень — представился другом подошедшей подруги. Потом подошли еще парень с девушкой, и за столом их стало шестеро. Ну, шестеро, так шестеро. Горя желанием побыстрее разделаться с ужином, Акрам подошел к официанту и попросил расширить заказ с двух до шести персон. Официант все записал, Акрам вернулся к столу, и все вместе снова выпили шампанского.

"Больше я ничего не помню, — продолжал Акрам, — очнулся от холода, горы вокруг, я лежу на траве, недалеко вода журчит. Одежды

— никакой. Солнце из-за горы выходит, смотрю — рядом старая пачка от папирос, из нее деньги выглядывают, вытащил — 3 рубля. Нарвал травы, сделал повязку на бедра, пошел к шоссе, оно — метрах в двадцати, рядом. На мое счастье "Волга" с шашечками откуда-то ехала. Взял меня таксист, за три рубля довез, как раз хватило. Эти сволочи меня аж в урочище Медео завезли. Раздели и бросили».

«Но самое неприятное, — Акрам понизил голос, — у меня в кармане были 300 рублей своих и 1000 рублей отцовских, которые я должен был передать, нашему бывшему партийному секретарю. Он теперь в Алма-Ате живет, юбилей у него скоро, отец пообещал ковер подарить. Но так как ковер здесь можно быстрее и дешевле купить, то передал деньги. Деньги, эту тысячу, я потом привезу из дома, а вот как прожить неделю, ума не приложу. Выручайте, чем можете, я ведь те триста рублей взял у жены, она у меня кассиром в совхозе работает, в счет зарплаты, стыдно через день опять просить».

Дали мы ему вечером с Федей по 15 рублей, а когда он дождался выходного, съездил опять домой, и вроде бы все успокоилось. Потом несколько раз Акрам и его знакомый милиционер дежурили у ресторана "Ала-Тау", но ни пышной блондинки, ни ее подруг, по крайней мере, пока мы там были, — не встретили.

Акрам загрустил и в оставшиеся две недели никаких знакомств уже не заводил, а наоборот, знакомые еще по институту приходили к нему, но это были уже другие встречи.

Не знаю, чему научился главный экономист Акрам за период тех курсов. Но все же, надеюсь, время не прошло для него даром. Чему-то все-таки научился. Хотя, кто его знает. Материальный ущерб для него, как мы поняли, был копеечный, а вот другой ущерб, человеческий, может быть, и обошел его стороной. Не будем гадать. Тогда случившееся с ним было необычно, дико и гадко. Слава Богу, что живым оставили, да три рубля на дорогу. Сегодня уже бы не оставили — ни жизни, ни денег. Тогда даже для подонков жизнь что-то стоила, сегодня это потеряно и, наверное, навсегда.

Что хочется добавить. Тогда я впервые услышал это выражение — "урочище Медео". Уже позже пошли сообщения, что под Алма-Атой целенаправленным уникальным взрывом была устроена противоселевая плотина, чтобы обезопасить чудесное урочище Медео. Позже сообщали, что там планируется строительство современного высокогорного катка. Потом этот уникальный комплекс был построен. Самый быстрый лед считался на Медео. Туда съезжались конькобежцы всего мира.

Все это было в нашей жизни. Не знаю теперь, что там осталось в том ущелье, может, каток, а может, голое место, не знаю. Знаю одно, когда я слышал слово "Медео" по разным поводам все эти годы, я сразу представлял себе Акрама в набедренной повязке из дикой травы, ползком подбирающегося к шоссе. И мне всегда было непонятно — смеяться или грустить по этому поводу. Это тоже жизнь.

БУХГАЛТЕР

Начало февраля. На улице темно и сыро. Я сижу в плановом отделе Слободзейского районного Совета колхозов в Приднестровье, занимаюсь группировкой планов по АПК(агропромышленному комплексу) района на очередной год. Скоро полночь. В раскрытую дверь слышны голоса из кабинета главного финансиста, он через коридор. Там районный финансист Пасечник принимает годовой отчет у главного бухгалтера моего родного колхоза Селиверстова. Они только пришли из шашлычной, на перекур ходили, и сидят, разговаривают. Краем уха слышу, Пасечник спрашивает у Селиверстова: «Василий Степанович, как ты думаешь, среди бухгалтеров есть Герои соцтруда?» На что бухгалтер колхоза равнодушно отвечает: «Про героев не слыхал, а про то, что сидят многие — знаю». Это, так сказать, вступительная классика.

«Социализм — это учет», - говорил наш классик. Ну так это же он говорил, хотя и обоснованно, но теоретически. На самом деле к учету в советские годы, я имею в виду сельхозучет, было в высшей степени пренебрежительное отношение, да и к людям, занимающимся учетом — тоже. Кто постарше, помнит, что это было за отношение. В книгах и кино бухгалтеров показывали или как дебилов, или как калек ущербных, или как воров и проходимцев. А все потому, что учет по факту выходил не всегда положительным, это никого, ни руководителей хозяйств, ни все уровни власти, не радовало, и вся неприязнь ситуации падала на бухгалтеров.

Вот планы и плановые обещания были в почете. Чаще всего поощрения, повышения по службе и авторитет строились на планах-ожиданиях. Бухгалтеры, показывающие горькую правду, были в опале, поэтому и Героев среди них не было, а сидели многие и часто не по своей вине, когда показывали искаженные данные. А если не показывали то, что надо было руководству, их снова сажали, повод-то всегда найти можно.

Отношение всех к продукту учета, то есть к бухгалтерским данным в общем плане, было отвратительным и естественно сказывалось на

отношении бухгалтеров всех уровней к своим обязанностям. Не все они были так ущербны, как их показывали. Многие научились понимать, что от них хотят или ждут, и на этом играли. В сельхозпроизводстве внимание привлекал только количественный учет — сколько посеяли, собрали, продали в счет госзакупок, какая урожайность, какие надои на корову и т.п. Эти показатели были постоянно на виду и на слуху. Именно за эти показатели боролись все, по всей вертикали АПК и власти вообще, за них давали премии, награды и повышения по службе. А во что это обходилось, никто не считал, даже если кто-то и считал, то никто не хотел этого знать, иначе бы вся система рухнула.

Когда-то, при правлении Н.С.Хрущева, в газете «Правда» появилась карикатура или шарж, производства, скорее всего группы Кукрыниксов, они тогда поднаторели в этом деле. Так вот, была нарисована корова, веселая такая, у ее головы, в оболочке фраза, наверное, коровой выданная: «Держись, корова, из штата Айова». А ниже — четверостишие «Маня смотрит бодро и горда безмерно, ей нужны не ведра, а нужна цистерна!» Тогда в ходу был лозунг «Догоним и перегоним Америку!», в частности, по молоку.

Но именно в то время тот же Н.С. Хрущев сказал истинно замечательную фразу: «Мы чем больше производим молока и мяса, тем дороже у нас их себестоимость!» Это была истина, как говорится, в первой инстанции. Зачем было производить любой ценой? Зачем раздавать ордена руководителям сельхозпредприятий, например, за заготовку полуторогодичного, а то и двухгодичного запаса кормов? Ну заготовили, понесли затраты, а летом силос, сенаж, кормовые корнеплоды в основном сгниют или потеряют качество, а мы снова прем на очередную полуторогодовую заготовку, а корма списываем. А куда? На тех же непричастных животных, да на их продукцию. Ну и что! Доплаты и премии за продукцию получили, ордена — тоже, а то, что денег на счете нет, так у нас же гарантированная оплата в размере 100 % тарифной ставки, государство даст кредит, потом спишет и т.д. Экономике АПК и сгубила эта система. Поэтому и бухгалтеры подстраивались под нее. Как сказал мне когда-то один председатель колхоза в Казахстане, Григорий Пашкевич, бывший в молодости бухгалтером колхоза: «Э, Василь, ничего нэ бийся. Робы шо хочэш, тильки нэ бэры соби!» Это тоже советская учетная классика в АПК. Действительно можно было делать в учете (первичном) все, что угодно, толь-

ко явно не воровать. Этот принцип и вытек из всеобщего подхода к сельскому хозяйству, когда никого не интересовали экономические показатели. Крайне неэффективная экономика села базировалась на крайне неэффективной организации в этой отрасли.

Естественно, если бы во главу всего ставились показатели экономической эффективности, то это бумерангом заставило бы искать причины, а они привели бы к очень нежелательным фотографиям и характеристикам, в первую очередь всех ветвей власти.

Мне довелось многие годы проработать в колхозном производстве. Вроде бы коллективное хозяйство, со своей собственностью, кто туда вообще имеет право вмешиваться? А ведь доходило до абсурда: приходила команда не только сколько, чего и когда сеять или убирать, а даже отдыхать и справлять естественные, простите, надобности.

Кто бы откуда ни приехал или где-то выгнали кого-то, направляют в колхоз. Приходят десять, сто, тысячи людей. И попробуй в колхоз не прими того проходимца на работу. Да ты что, у нас же безработицы нет, политику не понимаешь? Ну что, и берут, и берут всех, ставят ему рабочий день, а потом трудодни или деньги начисляют, а он ничего не делает. И заикнись только, что тебе люди в колхоз не нужны! Да на тебя упадет вся вертикаль власти и просто расплющит. Куда там, социальная справедливость! Какая там к дьяволу справедливость. Как в частушке: «Хорошо в колхозе жить — один робыть, семь — лежит». Зато все довольны, все молчат, и нет никаких волнений, до самого верха, каждый же за свое место боится — будут из твоего региона сигналы — значит тебя «отсигналят».

Безучетная расслабленность сельской экономики породила безбоязненность, бесшабашность, вседозволенность, безнаказанность, вырождение настоящего материального интереса и ответственности. Особенно когда пришла перестройка, когда многие поняли, что пришла пора просто грабить и воровать. Чем все закончилось — мы видим ежедневно. Полностью уничтоженный отечественный АПК, а на прилавках импортное дегенератное «мыльное» белковое и дорогое мясо и все остальное тоже такого же качества и соответствующей стоимости.

И все-таки мы же пишем были из нашей прежней жизни. Какая бы она ни была, но такая она и была. Не инопланетяне, а мы, ныне живущие, так жили.

За свою трудовую жизнь довелось работать с многими сотнями работников учета, на всех уровнях. Сперва вместе работали, потом

надо было руководить их деятельностью, учить, направлять и даже наказывать.

Много прошло бухгалтеров перед глазами. И грамотных, ответственных, толковых и переживающих за порученное дело, что-то предлагающих, ищущих и явно инертных, отбывающих время. Если классический главный бухгалтер пятидесятых — солидный мужчина, всегда слегка «подшофе», с коробкой папирос «Казбек» на столе, вызывающе-уверенным выражением лица и вообще независимым внешним видом, который сам не ведет ни один бухгалтерский счет, только подписывает документы, ездит в Госбанк, в район и представляет свою организацию, то уже бухгалтер шестидесятых-восемидесятых — гораздо более приземлен и «прибитый». Он уже не личность, он поддакивающий исполнитель. Он делает то, что ему говорят, надеясь, что те, кто ему приказывают — в случае чего его «отмажут». И, наконец, самая черная и беспросветная жизнь главных бухгалтеров сельхозорганизаций пошла с конца восьмидесятых и весь период девяностых. Из бухгалтера сделали пешку-автомат, он ведет две-три бухгалтерии в смысле учета — для себя, для налоговой службы и для пайщиков-инвесторов. Конечно, когда вокруг все и вся покупается и продается, бухгалтеру тоже что-то перепадает.

На фоне печальнейшего итога сельской жизни, когда все движимое имущество, поголовье и запасы были растащены, можно сделать вывод, что сельские экономические и учетные службы полностью деградировали и стали сообщниками грабителей-руководителей. Да, контроль государственный был полностью искусственно уничтожен, но ведь нормальный бухгалтерский учет — это уже 75 % контроля. Мы же уничтожили учет и контроль полностью, и за это учетному сословию на селе нет и никогда не будет прощения. Все жили одним днем, теперь обязательно аукнется детям и внукам.

Нагнав такую грусть, давайте остановимся на одном конкретном примере из жизни бухгалтеров. Здесь можно удивляться, смеяться или грустить, но вот так оно было, такие были люди, и они жили вместе с нами и вместе с нами работали.

Есть такое село Копанка. Уже по самому названию понятно, что основано оно русскоязычными людьми, скорее всего, украинцами. Расположено оно напротив моего родного села Слободзея, ныне это город и районный центр. Копанка находится на правом берегу Днестра, но не прямо на берегу, как Слободзея, а в нескольких киломе-

трах от основного русла реки, на берегу старицы Днестра, так; называемом Старом Днестре. Село построилось на взгорье, потому что раньше, когда еще не было обваловочных дамб, река Днестр, несколько раз в году разливалась и заливала всю пойму, от нового русла до старого, дальше шло невысокое нагорье, тянущееся вдоль правого Днестра почти до самого его устья.

Села Копанка и Кременчуг в прежние века были что-то наподобие заимок для слободзейцев. Когда в Бессарабии или нынешней Молдове хозяйничали румыны (1918-1940гг.), Копанка пришла в полное запустение и стала объектом специального социального исследования Румынской королевской академии наук. Итог этого исследования на девятистах страницах закончен к 1940 году и был неутешителен. Румыны-академики вынесли вердикт, что Копанка, как населенный пункт, очень скоро просто вымрет и исчезнет с лица Земли.

После освобождения Молдавии, когда в Кишинев в 1940 году пришли наши «оккупанты», тот «талмуд» был обнаружен. В пику ученым-румынам, Копанке было оказано соответствующее политическое и сопутствующее экономическое внимание. Село начало быстро возрождаться, потом был перерыв на три года войны, затем опять интенсивная поддержка государства. И колхоз им. Ленина и село выросли в образцово-показательное хозяйство. Прекрасные сады и виноградники, овощные плантации в пойме со стопроцентным орошением и производством овощей до 20000 тонн в год, единственный на юго-западе СССР 9- гектарный современный тепличный комбинат, асфальтированные улицы, водопровод, прекрасные социальные объекты, современное изысканное огромное двухэтажное здание конторы. Короче говоря, если бы те румынские академики были живы или встали из могил, они бы или снова умерли или пришли проситься на работу в колхоз. Работать в Копанке, тем более жить, было более чем престижно.

С 1946 по 1982 год колхоз возглавлял Герой соцтруда Болфа Г.Т. Это был амбициозный, но толковый, расчетливый и дальновидный руководитель. Настоящий хозяин колхоза и села.

Естественно, он с самого начала уловил ту, направляющую и питающую политическую нить, то внимание, не только экономическое, но и социально-политическое, которое оказывала Копанке центральная власть, и умело этим пользовался. Он открывал, образно говоря, ногами любые двери властных органов, конечно и сам не скупился

и пользовался большим авторитетом. Председатель союзного объединения «Сельхозтехники» был его хорошим другом, и Болфа Г.Т. (колхоз, естественно) часто получал дефицитные материалы (удобрения, ядохимикаты и т.п.), напрямую, минуя все фонды, разнарядки и т.д. В общем, многие годы это село и его образующее хозяйство колхоз им Ленина процветали.

Парадокс жизни заключался в том, что именно в этом хозяйстве, и именно в эти годы расцвета главным бухгалтером колхоза работал абсолютно никудышный с точки зрения учета человек, назовем его условно бухгалтер. Он был из тех, о ком было сказано немного раньше. Он был «подписант», то есть только подписывал бумаги и делал то, что ему говорил председатель. Никакой самостоятельности, никакого совершенствования, да и собственно никакого сводного учета. Учет шел на первичном, количественном уровне. Почему — тоже было сказано ранее, так было всем надо. И надо сказать, что первичный учет на местах и в бухгалтерии по направлениям был, а сводного не было вообще.

Я в районе принимал годовые отчеты колхозов и межхозяйственных объединений. А это была довольно серьезная работа, предполагающая взаимоувязку (настоящую) всей экономики колхоза за год. Это сегодня годовой отчет — никому не интересная туфта, лишь бы показать нужную прибыль, а раньше это было гораздо сложнее.

Так вот, копанский бухгалтер (одного из крупнейших и лучших хозяйств района) ожидал, пока сдадут годовые отчеты все хозяйства, потом собирал все проводки за год в несколько мешков и ехал в район на сдачу годового отчета с чистым бланком.

Днем было некогда, и мы сидели с ним долгими зимними вечерами у меня в кабинете. Я группировал его первичные данные и постепенно выстраивал каркас годового отчета, а он сидел в углу и безучастно смотрел на этот процесс. Да, перед этим он шел в магазин, покупал там бутылку паршивого вина «Пино» 0,7 л за 80 копеек и пачку печенья. Это была его вечерняя норма. Предлагал вино мне, я бы его разорвал на части, а вместо этого оперативно делал ему отчет, так как из-за него срывалась вся районная отчетная компания. Я бы ему два ящика коньяка поставил, лишь бы его не видеть, а он мне «пино» с печеньем предлагает...

Конечно, можно было от него избавиться в любое время, но ему было пару лет до пенсии, но не это, честно говоря, было главное. Он

устраивал председателя, а заводить мне проблемы с Болфой — себе дороже. Так и терпели, пока не ушел на пенсию председатель, за ним «ушли» и главного бухгалтера.

Если бы это было все, я бы никогда о нем и не вспомнил. Но тот бухгалтер был суперуникальным еще и человеком. Жил он в селе Парканы, между городами Тирасполь и Бендеры. Большое красивое и богатое болгарское село. Он там жил, дом хороший, жена, дочка и зять, вот все его семейство. А долгие годы шесть дней из семи в неделю он жил в Копанке. Там колхоз ему снял квартиру вместе с хозяйкой, подходящей ему по возрасту. Она ему варила, стирала, кормила, т.е. делала ему нормальную жизнь, за что колхоз ей, естественно, оплачивал.

У бухгалтера было особое «фетишное» отношение к деньгам. Оклад у него был 250 рублей в месяц, подоходного налога в колхозе не брали, т.е. он получал оклад полностью, чистыми. Но он не любил деньги-«половинки», а только самые крупные с «нулями». То есть, он не получал ежемесячно 250 рублей, а получал за два месяца сразу 500 рублей, по сотням, затем занимал у кассира рубль на дорогу и вез те пять сотен к себе в Парканы, ложил на сберкнижку. Их там было, по словам знающих людей, не одна сотня тысяч.

Жену его шестидневное в неделю отсутствие не смущало, во-первых, он в Копанке жил, ел и пил бесплатно, т.е. с дому ничего не выносил, пользуясь своими возможностями, постоянно брал, т.е. выписывал в колхозе лучшую продукцию, а жена его постоянно торговала в Одессе или в других регионах. Ей не он был нужен, а его возможности и деньги.

По слухам, все его сбережения сгорели, когда в СССР правили Гайдар и его команда. Не знаю, может быть, и так. Имел бухгалтер и новую «Волгу» ГАЗ-21, она стояла на колодках, и никому на ней ездить не разрешалось.

И наконец, самое уникальное. По утвержденному им самим и свято исполняемому регламенту после десяти часов вечера калитку в его двор рке никому не открывали, включая его самого! Я его спрашивал: «А правда, что и Вас домой не впускают после десяти?» Он вполне серьезно отвечал: «Да, а вдруг какой-то бандит приставит мне нож к горлу и заставит попросить домашних открыть. Нет, никого не пускают, далее меня. Такое уже не раз бывало. И тогда я ночую у меньшего брата, он живет через дорогу». Вот такие «веселые», но ску-

тые встречались на моем пути бухгалтеры, страшно, по-животному обожавшие деньги, но не занимающиеся тем, что были обязаны делать — учетом

В шикарной колхозной столовой Копанки был отдельно отличный банкетный зал, а из него вход в спецабинет председателя, обитый ко-леей. Когда мы там иногда сидели с Болфой, он приглашал того колхозного главбуха и, смеясь, говорил мне: «Посмотри на моего ровесника, я хоть повидал мир, людей, вещи, а у него денег больше, чем у меня во много раз, а он в одних простых штанах уже три года ходит! Да плюнь ты на все, да поживи как люди!»

Ушло то время, ушли те люди, сегодня село Копанка — это десятипроцентные руины знаменитого колхоза. Уничтожено практически все, в т.ч. прекрасный тепличный комбинат. Копанка откололась от единокровного с ней Слободзейского районе, ушла под юрисдикцию Молдовы. Ну что ж, будет работа для очередного исследования румынскими академикам, только уже наоборот — как можно с больной головы, своими руками рай превратить в ад и еще гордиться этим.

Раньше, в начале первой книги «Былей» , я сказал, что пишу это в первую очередь для будущих поколений, чтобы знали, кто, что, почему и как, чтобы не было разрыва между прошлым и будущим Надеюсь, что грядущие поколения поймут нас, оценят и сравнят с собой и наверняка задумаются, как же им жить дальше. И будем еще и жить и вести учет всему хорошему и плохому, чтобы взять из прошлого только лучшее.

ПРОВОКАТОР

Провокация — расценивается как подстрекательство, побуждение к вредным для кого-либо действиям или решениям. Понятно, что того, кто занимается провокационной деятельностью, считают и называют провокатором.

Если изначально провокаторами считались различные тайные агенты, к примеру, правоохранительных органов, внедряемые в какие-либо партии и организации с целью провоцирования их на какие-либо противоправные действия с последующим разоблачением и ликвидацией и т.п., то со временем спектр провокационных действия заметно расширился.

Например, весной крестьяне готовят почву под посев, а сразу не сеют, «провоцируют» сорняки на всходы, когда те сдуру выскочат из-под земли на свет божий, думая, что они одни на том поле, а их тут или прокультивируют или уничтожат гербицидами. А сколько было на нашей памяти разных провокаторов! Одни создавали финансовые пирамиды, и люди шли за ними добровольно, деньги обещали большие, так провокаторы нажились, а миллионы людей остались ни с чем. Провокаторами были и те, кто метал пламенные речи за ваучеризацию и приватизацию, за реформы в АПК и фермерство и т.д.

Главной отличительной чертой любого провокатора, является его продажность, действия его обязательно приносят кому-то зло и то, что он, как; правило, остается в тени, т.е. незаметным. Провокационная деятельность или провокаторство это даже не профессия. Это геновое состояние души. Это неизлечимый вирус и неистребимый. Найдут лекарство от самых страшных болезней когда-нибудь, а от этой болезни-призвания лекарства никогда не будет. А зла от провокации может быть неимоверно много, все зависит от масштаба и уровня провокационных действий. Умышленно брошенное в толпу слово или случайный выстрел приводили к революциям и мировым войнам.

По жизни людей-провокаторов часто называют «крысами» или «козлами». Должен заметить, что такие «козлы» бывают не только среди людей, но и среди животных.

Быль, которую я расскажу сейчас, в какой-то мере аллегорична, но поучительна. Многие, наверное, слышали про оренбургские пуховые платки и косынки, и, скорее всего, думали, что название «оренбургский» платки получили за какую-то особую региональную технологию вязания или расцветки. Отнюдь нет. Название это платки получили потому, что связаны из особого пуха коз оренбургской породы. Один раз в год, летом, коз этой породы буквально вычесывают специальными стальными гребенками-ческами и из полученного пуха, после его очистки и перемотки, вяжут знаменитые платки.

Конечно пух можно и купить на рынке или у людей. Но при этом всегда существует опасность купить пух низкого качества или прошлых лет, или с чему-то смешанный и т.д. Лучше всего иметь своих пуховых коз. Так я много лет назад и сделал. Купил в г. Орске огромного, черного как смоль, козла. Я познакомился с хозяином, был у него дома, смотрел его козье поголовье и купил у него одного козла из трех, имевшихся в наличии. Хозяин тот обещал, что я обижаться не буду, предлагал еще купить пару коз, но я отказался, так как коз ненавидел с детства по разным причинам, а молоко от них не беру в рот. Да и на молоко пуховые козы не удачны. А вот козла я взял исключительно ради пуха и не ошибся. На следующее лето мы с него начесали 1,7 кг пуха, это минимум на два больших платка. Жена научилась вязать такие платки, пух от козла был высочайшего качества, темный, ровный и чистый, не стыдно было одеть платки ни ясене, ни моим дочкам. На рынке в то время пух такого качества стоил 10-12 рублей за 100 граммов. Я за козла отдал всего 60 рублей, так; что он окупился за год .минимум, два года.

Но все это была мелочь, ничто по сравнению со всем остальным. Козел наш мало того, что был рослым, он был подтянуто красивым, с гордой осанкой, и его саблевидные, сантиметров по 60 рога придавали его внешности довольно угрожающий вид. В этом экземпляре козлиного рода, вместились все — хитрость, коварство, обман, неуправляемость и непримиримость, в то же время уверенность и показная гордость.

Как только я его привез домой и с неделю держал во дворе, для адаптации, тут лее ко мне пошли ходоки от пастухов, трех сельских и двух колхозных молочных стад.

Вы, может быть, думаете, что во главе стада коров в 150-200 голов находится пастух на лихом коне или любимый коровами бугай,

то есть бык-производитель? Нет, за ними коровы не пойдут. Пастух всегда идет или едет сзади стада, а бугай, при всех его способностях, просто находится внутри стада. Он не авторитет. Да, иногда он козровам нужен, но в обыденной, повседневной жизни его место, выражаясь блатным языком, «у параша». Как бы это дико не звучало и смешно не выглядело, наибольшим авторитетом у стада пользуется именно козел, настоящий. Можно конечно пасти стадо и без козла, но без ведущей, направляющей организационной силы и авторитета во главе пастуху гораздо сложнее управляться с молочным стадом.

Особенно ценен козел-ведущий в овцеводстве. Вы не увидите во главе овечьей отары даже самого большого и приятного внешнего вида барана. Казалось бы свой, родной, сильный, из этой же отары, но баран он и есть баран, его самого направлять надо. Отара без ведущего — это большое неуправляемое живое пятно, постоянно меняющее форму и направление движения. Козел не просто идет впереди стада или отары. Он знает и чувствует, куда именно надо идти. Он интуитивно чувствует, где сегодня лучше пасти, где именно сегодня лучше трава, он знает, и какое пространство надо пройти быстро, не останавливаясь. Козел знает, когда и где лучше напоить стадо, животные это чувствуют и идут за ним, куда угодно. Чувство авторитетности в стаде взаимно. Козел горд, уверен в себе и знает себе цену. Стадо интуитивно верит ему и больше никому. Здесь проявляется чисто природный авторитет, а не навязано-демократический. В отличие от своих собратьев-млекопитающих, людей, животных никаким «пиаром» в виде демонстрации силы, красоты, мощности голосовых связок и т.п. не убедишь. Они руководствуются только природным интуитивным или инстинктивным чувством признания вожака.

Наш козел по всем своим характеристикам мог бы быть «козлом над козлами». Думаю, что если бы собралась целая отара, состоящая из одних козлов, то они и тогда признали бы его за вожака.

Он был удивительно коварным и хитрым, хорошо знал, с кем иметь дело. Например, со мной он свои роги-сабли в ход не пускал, но стоило только младшему сыну, Василию, зазеваться, козел, как будто и не смотревший в его сторону, одним-двумя прыжками был рядом, и тут сын получал удар рогами под зад.

Но самое главное предназначение нашего козла было именно в провокаторстве. Когда после стрижки начинали купать овец в дезинфицирующем растворе креолина, обязательно брали козла на эту до-

вольно неприятную, но очень нужную и полезную для овец процедуру. После стрижки у овец бывали порезы, различные кожные болезни, да и для профилактики, их один раз в год, летом купали.

Процедура купания проходила следующим образом: в заранее подготовленную бетонную траншею заливается раствор креолина (дезсредства). Траншея устроена так по ширине, чтобы проходила одна овца. Рядом с траншеей небольшой квадратный загон голов на тридцать с опрокидывающимся полом. А возле загона — большая загородь, куда перед купанием загоняется вся отара.

Начинается купание. Из большой загороди открываются небольшие ворота в маленький загон. Овцы, чувствуя неладное, туда не идут. Затем разыгрывается сцена, как в человеческой жизни — в маленький загон первым заходит козел — провокатор, должность у него такая по зоотехнике, за ним группа овец заполняет малый загон. Для козла, как избранного, в малом загоне приготовлена небольшая дверца, он знает, где она и, увлекая за собой несчастных овец, сразу идет к ней. Его выпускают в общую загородь, а тех овец, которые вошли за ним в загон, опрокидывают в канаву с раствором. И так продолжается до тех пор, пока вся отара не будет искупана. Когда в малый загон входят последние овцы из отары, козел, естественно, с ними и, как обычно пробирается к заветной провокаторской калитке. Но чабаны для хохмы не выпускают его, а опрокидывают в канаву вместе с овцами. Когда козел понимает, что его тоже туда, со всеми, он выкатывает бешеные глаза, страшным голосом ревет, глядя на предателей-чабанов, всем своим видом выражая что-то вроде: «Что же вы делаете, сволочи, я же свой, тайный агент».

В отличие от овец, ему грешному, приходилось купаться столько раз, сколько в колхозе на то время было отар. Он конечно и там хитрил, при купании. Длинные ноги и сравнительно легкий вес позволяли ему идти не по дну канавы, а по головам обманутых им овец и часто выходить из канавы сухим.

Еще он очень не любил, когда с него счесывали пух. Щетка-ческа — это шесть или семь согнутых в гребенку стальных спиц, укрепленных на таком своеобразном шпателе с ручкой. Наверняка это было неприятно и больно, а главное для такого авторитета — оскорбительно.

Когда его чесали, я его держал за рога, жена совершала экзекуцию по выческе пуха. Это была непростая и довольно длительная процедура, но необходимая. Невычесанный пух сбивался летом в комки,

потом шли всякие болячки и больше не только пуха можно было не иметь, но и козла или козу тоже. Кто только к нам не приходил с просьбой продать Борьку, так мы его называли, но я расстался с ним только тогда, когда возвратился домой, в Слободзею.

Зато приобрел определенный опыт общения с провокатором. Провокаторы, к сожалению, и сейчас живут среди нас и будут жить на Земле до тех пор, пока будут жить живые существа, в том числе и мы, люди, которым хочется кому-то или во что-то верить. Им вожак нужен!

Об этом надо всегда помнить.

ЖАЖДА

На земле столько воды, что если бы покрыть всю ее (землю) ровным, довольно толстым слоем воды, то она стояла бы всюду, и суши просто не было видно. Воды много, а пить нечего. Вроде и не должно и не может такого быть, но, к сожалению, это действительно так. И если от голода страдает треть землян, то от жажды уже больше половины и это несмотря на таяние ледников из-за потепления. А что же ледники? В основном они поляризованы, если и тают, то стекают в те же горько-соленые океаны. А там, где ледники тают в теплых краях, то и там через реки тоже стекают в моря и океаны. Постепенное потепление пока ничего хорошего не сулит. Пустыни расширяются, наступают стремительно на всех континентах, реки и озера, даже отдельные моря высыхают. Проблема воды, питьевой и поливной, с каждым годом заявляет о себе все сильнее. Для человека вода стоит на втором месте после воздуха, жажда, действительно, все. И если где-нибудь в Карелии или Финляндии о питьевой воде можно просто разглагольствовать, то в Казахстане, Средней Азии, Калмыкии, Ставрополе, на юге Украины, Крыму, да еще во многих регионах России и постсоветского пространства о воде говорят совсем по-другому. Там вода — это действительно жизнь.

Мне тоже довелось не раз испытать истинную жажду и много раз, так что знаю не по-наслышке, что это такое. И ничего вроде бы не было такого необычного или вообще из рук вон выходящего, просто была жизнь. Можно не верить, но я не раз пил из колесного следа повозки. А что было делать? В детстве у меня был велосипед начала двадцатого века, с одной левой педалью, а правой вообще не было, даже рычага. Я привязывал телефонным кабелем левую ногу к педали и так ездил. Вниз — давлю на педаль, вверх — тяну ту же педаль и той же ногой. А вместо камер — полова набита в покрышки, приплюсненно так едешь, тяжело, но едешь! Попутно скажу, что тот, допотопный велосипед по общему качеству был во много раз лучше, чем поставляемые сегодня велосипеды по импорту. Сегодня это даже не мусор. А тогда что-то там подтянешь, молотком подравняешь, сел и поехал.

Конечно, после моего велосипеда, особенно при +40°, хотелось пить, поэтому то, что попадалось на дороге, ямка с водой, какая-нибудь колея и т.п., все использовалось. Но не ради этого я пишу эту быль. Хочу показать, как пацаны, мои сверстники, выросшие в условиях войны, голода, разрухи, были не чета нынешним их сверстникам. Их, босых, раздетых и всегда полуголодных, не брала никакая зараза, они не болели, потому что не могли болеть, тем более «косить» под больных, потому что любили жизнь и просто жили, они были людьми.

Летом пятьдесят шестого до уборки у меня был трактор ДТ-54, работал я в бригаде Даниила Георге в колхозе им. Чапаева. Начало июня, 36 — 38 градусов днем, идет сенокос. У меня на этот период штатная прицеплена машина — грабли тракторные. Одни агрегаты сено косят, это день полный на солнце, потом я граблями десятиметровыми сено согребая и делаю такие валки, а третий участник или агрегат подбирает валки в специальный копнитель и ставит копны в ряд. Потом их перегружают в стоговозы и перевезут к месту хранения, то есть на сеновал: вот вся сенокосная технология. Вечером бригадир мне сказал, что на самом дальнем нашем поле у другого села, Рождественка, два дня назад скосили половину поля, гектаров 50. Первую половину того поля скосили раньше, и согребал ее агрегат из другой бригады, они как раз там рядом работали, а у нас докосить было нечем. Теперь докосили, так грабли уехали, а если, мол, завтра не согреем, по такой жаре от сена одна пыль останется. Поэтому срочно езжай пораньше туда, там есть две бочки с водой, и трактор «Универсал» нашей бригады подбирает валки. Ехать туда напрямую километров десять, но грабли широкие, а кругом посевы зерновые, уже в рост пошли, придется объезжать все поля кругом, это еще километров десять. При максимальной скорости трактора 7 км в час, три часа езды.

Получив задачу на завтра, мы с прицепщиком все проверили, подтянули и были готовы к утреннему выезду. Утром подождали бригадного повара дядю Колю, пышный был такой веселый мужик, он в полшестого подъехал, сделал чай, а потом говорит: «Ну, пацаны, я вас сейчас рыбкой угошу, вчера от сына из Мурманска посылку получил». Он выдал нам по средней такой вяленой рыбине, внешне похожей на леща. Мы этот деликатес с аппетитом уплели за обе щеки, выпили чая, нашли пустую поллитру, налили туда воды на всякий случай и двинулись в далекий трехчасовой путь. Двигались по краям полей и часам к десяти были на месте. Я хотел промочить горло, начал

искать бутылку, нашел ее, но пустую. Пацан-школьник, мой прицепщик, пока я вел трактор и полулежал, оперевшись на боковину кабины, просто воду выпил. Ну, выпил и выпил.

Подъезжаем к скошенной загонке — бочка деревянная стоит, большая такая кадушка без верхнего дна. Подходим к ней, заглядываем — на дне бочки где-то на сантиметр вода, а в ней — представители всех живущих в том регионе насекомых всех видов — летающих, ползающих, кувыркающихся и тысяч сто, не меньше. Ну что, сседили мы воду в мою фуражку и, поделив, выпили, где-то с литр. Поехали согреть сено. Дело к полдню. Солнце вертикально почти, пыль, дышать нечем, да и рыба соленая дает о себе знать. Выехали на второй конец поля, там тоже у дороги стоит кадушка. Побегали к ней, а там тоже, что и в первой — на палец воды и мириады насекомых. Опять сседили всю массу в фуражку и выпили. Больше никаких запасов воды нет. Вижу, с другой стороны поля трактор стоит нашей бригады, тот, что копны делает. Поехали к нему, никого нет, что-то там на двигателе у него разобрано. Поискали, может, какая-то емкость с водой — нет ничего, абсолютно. Уже два часа дня, трактор, куда ни дотронься, горячий, пальцы обжигает. Что делать? Мы согреем, ездим из конца в конец, а уже в глазах темно. Я пацана в кабину взял, ему еще хуже на солнце, чем мне в кабине, хотя и мне в этой печи не сладко. У нас был кусок троса, я из МТС привез, мы его к рычагу гребки приделали, и пацан прямо из кабины автомат включает — выключает. А пить-то уже невозможно хочется! Можно, конечно, было бросить все, нас же обманули с водой, хотя бригадир мог и не знать, есть там вода или нет. Но воды нет. Ну что, отцепить грабли и ехать в бригаду, полтора часа туда, полтора назад, поле не закончим, это завтра опять сюда ехать? Да с какими глазами я утром войду к бригадиру? Нет, согреем дальше. Потом — шальная мысль, а соседский трактор! Мы подъехали к нему и спустили из его радиатора две фуражечки воды, каждому по одной. Вода из радиатора старого трактора была похожа на жидкость, если по современным меркам, это как испорченный томатный кетчуп, разбавленный поганой кока-колой, густая такая, темно-коричневая. Мы несколько раз подъезжали к тому бедному трактору, пока из радиатора стала кусками вываливаться грязь. Все, и этот источник иссяк.

Должен сказать, сознание того, что больше ничего нет, кроме килограмма разнокалиберных насекомых, придало нам, не знаю, какие

силы, мы закончили поле и поехали в объезд, в бригаду. Но не по той же дороге, а километра на два дальше, мимо родника. Ледяная такая, чистая вода, и солнышко уже село, и хорошо-то как на свете жить. А внутри наших желудков чего только нет, всего полно, кроме воды и пищи. Да разве это главное, да разве мы поле не закончили, да завтра будет день, и дядя Коля еще даст рыбы из Мурманска, только согреть будем уже с водой!

Повторяю, я неставляю нас какими-то великомучениками с куринными желудками, переваривающими даже щепень. Нет, это была рутинная, обычная работа, и у нас были обычные молодые желудки, которые ничего не боялись, и так должно было быть, в плане здоровья имеется в виду, и сейчас А сейчас такие пацаны слягут от кислого молока, не то что воды из радиатора. Есть о чем подумать и срочно.

БИРЮЛЕВО НЕ ЩЕРБАНИ

Бирюлево сегодня — это район Москвы, а в те годы, о которых пойдет речь, это был обычный пристанционный поселок Московской области, состоящий из двух частей, Бирюлево-Товарное и Бирюлево-Пассажирское. Так тогда эти части назывались. В одной из былей я рассказывал, как попал в расположенную в «товарном» поселке специальную годичную школу, где готовили командиров взводов для инженерных войск, сперва Балтийского флота, а потом для флота вообще. Имея сегодня достаточный опыт преподавательской работы в госуниверситете, различных филиалах академий и т.п. и непосредственно наблюдая образовательный процесс, со всей ответственностью могу сказать, что специальный, объемный, технологический, образовательный, тем более воспитательный уровень той школы был гораздо выше, чем в любом нашем колледже, да и в отдельных учебных заведениях, называющих себя сегодня «высшими». Это был уровень добротного среднего военного училища. Были же у нас двух — трехмесячные курсы командиров, а здесь — полный год. Специальная и полная комплексная подготовка в виде лекционных и практических занятий шла шесть дней в неделю, по десять учебных часов в день. Еще два часа отводилось на практические занятия. Чистота и блеск во всем, внешнем виде курсантов, всех помещений и территории, буквально «вылизываемой» до асфальта при любом снеге или дожде, строевая вышколенность, выправка и многое — многое другое создавали определенное, возвышенное даже в какой-то мере, всеобщее отношение и уважение к размеренной, годами улаженной школьной жизни. А ведь та же чистота в какой-то мере и утомляет. Чтобы в казармах блестели полы и стены, чтобы постели на кроватях, заправленные под деревянный щит, выглядели как большой брикет мороженого по 48 копеек, чтобы блестели сапоги и сверкали белизной подворотнички и начищенные пряжки ремней и все сопутствующее, надо было много и постоянно работать.

Я был командиром учебной смены в 35 человек. Из всех должностей в школе, от начальника до ездового хозвзвода, это была самая,

мягко сказать, неблагодарная и неприятная работа. Общий подъем в шесть утра, а тут без всяких будильников поднимаешься в пять, брешься, гладишься, моешься. После подъема выводишь смену на улицу, бежишь во главе до соседнего села Покровское, а обратно - сзади, подгоняя отстающих. Потом уборка закрепленной территории, ты с курсантами, потом утренний осмотр, завтрак, общий развод, десять часов занятий с перерывом на обед, потом чистка оружия, ужин и т.п. В десять часов общий отбой, а ты идешь в ленкомнату и готовишься к занятиям на завтра, так как ведешь строевую, огневую, физическую, химическую подготовки и все уставы вооруженных сил. Специальные предметы читали преподаватели военные и гражданские из Москвы, политзанятия вел командир взвода (в учебном взводе было две смены в 70 человек). И все это шесть дней в неделю. А рядом — Москва, министерство обороны, штаб округа, главное наше управление и т.д. Людей там было немало, через день в школе различные проверки, то общие, то по направлениям. Как говорят на сегодняшнем слэнге — «задолбали».

В конце года прошел слух, что в связи с сокращением общей численности Вооруженных Сил на миллион двести тысяч человек, школу нашу расформируют и объединяют с похожей школой, но с другими направлениями, расположенной в г. Бабушкин, ныне это тоже район Москвы на северо-востоке, то есть, прямо противоположном Бирюлево. За месяц до выпуска меня вызвал начальник штаба школы и предлагал перейти на службу тем же командиром учебной смены в объединенную школу. Я подумал и отказался. Может быть, мной тогда была сделана ошибка, остался бы в Москве и т.д. Но у меня была уже семья, жена и маленькая дочка. Я видел, как живут мои сослуживцы, снимают ужасное жилье, работают за копейки, имеются в виду те, кто просто люди, хорошие, толковые, но не имеющие волосатых подъемных рук и толстых толкачей. Если бы наша школа осталась, я бы тоже остался, а так, идти в «приймаки» в чужую, уже тоже сложившуюся школу и опять втягиваться в двадцатичасовое ежедневное «ярмо» - не очень хотелось.

Подшли госэкзамены. Моя тринадцатая смена по всем показателям вышла победителем в выпуске и за это начальник школы, капитан первого ранга на разводе объявил о повышении меня в звании и что сожалеет, что я не иду в Бабушкинскую школу, но как; командиру лучшей смены мне разрешено выбрать любое место дальнейшей

службы при получении общего распределения. Так и получилось. Я надеялся, что будут места на Черноморский флот, юг Украины, Молдавию, на худой конец Южный Урал, где находилась в это время моя семья, но судьба распорядилась иначе. Пришли вакантные места командиров инженерных взводов на... Дальний Восток, Северный флот и Балтику. Всех рассыпали по этим трем направлениям. Ни на юг, ни в центр не было заявок и, естественно, распределения. Отказавшись от всех направлений, я просто выпал из обоймы. Школу ликвидировали, все курсанты уехали, знамя школы увезли, в штате остались только бухгалтеры и ликвидаторы, а из личного состава - семь человек во главе со мной. Среди этих семи двое были писари из штаба, двое из клуба и библиотеки и двое, не сдавших госэкзамены и не получивших звания. Как-то так незаметно случилось, что на этих семь абсолютно разных людей легла основная техническая работа по ликвидации школы. Об этом надо было снимать отдельный фильм, но тема была несколько иная.

Командовавший всей ликвидацией какой-то полковник из Москвы сам пришел к нам, а жили мы в углу одной из казарм, зачитал мне чей-то приказ, что мое подразделение, названное «оперативным» взводом (не входящее пока ни в одну структуру Минобороны), возглавляется мной, но подчиняется лично ему, полковнику, как председателю ликвидационной комиссии. И тогда мы вошли в предбанник «конца света». Семь человек! Двоих я поставил на КПП, один днем, один ночью, трое охраняют всю территорию в три смены, зима на дворе все-таки, декабрь 1960 года. Один варит еду и моет посуду, а в перерыве помогает мне. Вы думаете, что я лежу, как какой-то нынешний сериальный босс и только толстыми пальцами направляю людей «на дело»? Это у нас так сегодня. А тогда, уже школы нет, штаба нет, а приносят мне извещения о приходе на станцию Бирюлево то вагона угля, то двух вагонов дров, то еще чего-нибудь, жизнь-то продолжается! А это армия, крайнего обязательно найдут, беру себя, всех «бодрствующих» и повара — идем, разгружаем вагоны. Куда оно потом девалось, не знаю, но мы сгрузили, бумаги подписали и ладно.

А ведь все склады в школе еще заполнены. Продукты, обмундирование, оружие, патроны. Я и не знал, что на каждого курсанта лежали в ящиках автоматы, были станковые пулеметы, гранаты, да что угодно. Прибегает как-то наш зам по тылу, подполковник: «Вася, вырчай, мне оружие надо в Ярославль на арсенал везти, а десять ты-

сяч патронов винтовочных и куча малокалиберных по бумагам списаны, а на самом деле нет. Куда я их дену, гильзы надо сдавать, меня же посадят. Надо их выстрелять». Он дал два карабина образца 1943 года, а у меня людей нет стрелять, сперва в наказание послал в тир на стрельбы, потом — тех, кто во что-то проиграл друг другу, но это же было издевательством, стрелять тысячи патронов из затворного карабина, где обойма из 5-ти патронов. Нашел зам. по тылу — давайте пулемет, а то стрелять не будем. «Да ты что, он же новый, в масле», - изумился подполковник. Ну а что делать, отмыли новый пулемет и за три дня все отстреляли, а малокалиберные патроны уничтожили в костре, в овраге за забором школы.

В общем, жили мы, как на оптовой базе. По ночам больше приезжали какие-то машины, что-то возили, грузили где-то с полмесяца. Бывшие старшины рот и завскладами растаскивали свои «зачапки», обувь, обмундирование, портянки сотнями метров, разные инструменты, в том числе музыкальные. Мы в этой вакханалии не участвовали, командовала всем этим ликвидационная комиссия, хотя скорее всего школу просто грабили, не без ведома кого-то. Ну там было кому без нас заниматься, я только сделал хороший ход, заставил повара в свободное время доставать со склада продукты для нас, кто знает, сколько здесь еще жить придется. Он натаскал несколько ящиков тушенки, ящик сливочного масла, мешок сахара. А хлеб мы покупали сами, никто его не доставлял. Но всему бывает конец, даже тому хаосу, который выпал на нашу голову.

В один прекрасный декабрьский день стало тихо, и мы поняли, что все, что можно передать, перевезти, украсть, - уже ушло и остались мы и вся довольно большая территория школы, один на один. Нас вообще оставили, три дня никто не появлялся, телефоны поснимали, и потянуло таким чем-то неприятным.

Нечто похожее было в моей родной Слободзее в 1941 году, когда наши войска ушли, а румыны еще не пришли, была такая двухдневная нейтральная пауза, ни наших, ни чужих. А потом был взрыв активности — все бросились грабить магазины, конторы, склады, войсковую часть. Я почему это хорошо помню, потому что у нас дома в зале стояло огромное зеркало в такой посеребренной кружевной литой оправе, его притащили из войсковой части мои два дядьки-подростка и попутно принесли два противогаза. Но когда к нам в дом пришли квартировать трое немцев, то противогазы где-то в огоро-

де закопали, а немцы зеркало потом разбили. В тот же день, когда дядьки мои притащили зеркало, сосед, дед Максим, за два рейса на коляске привез восемь бумажных мешков сухарей-галет, так он, как бывший прапорщик царской армии думал. Заготовил себе сухарей на всю войну, а они оказались вовсе не сухарями, а сухими дрожжами. Во влажной комнате мешки начали взрываться, а через время весь дом заполнили какие-то черви. Это мне рассказывали мои дяди, потешаясь над соседом.

Так вот, в похожую стадию «ничейной» жизни вступила и моя группа. Нет, нам уже было хорошо, грабить нас никто не собирався, да и все было уже разграблено. Еды у нас было полно. Спали мы на полу, койки все вывезли, сами топили казарменную кочегарку, были одеты во все самое новое и современное по меркам армии и могли там жить до конца по крайней мере зимы. Ребят это устраивало, одним из последних приказов по школе им всем присвоены младшие звания, да и все они были из категории армейских «сачков», но меня это не устраивало, кого-то все равно потом сделают крайним, и я решил сам напомнить и о себе, и о нашей группе. Два дня я ездил в управление инженерных войск округа и не мог никому доказать, что я вот он, есть, и еще есть шестеро ребят. А у них уже весь баланс был свернут, в котором нам просто не было места. На третий день я поехал в штаб округа. Был в управлении кадров, показывал наши документы, чем очень удивил всех в штабе. Из всего пройденного сделал вывод, что если бы мы просто разъехались по домам, нас бы никто и никогда не искал, и если бы это было сегодня, то купили бы себе все, что угодно — военный билет, паспорт, да все, что надо, и жили бы себе без этой армии. Ребята предлагали и такой вариант, но для меня это было дико - дома семья, да жизнь впереди и т.д.

Выходил я приказ, аж Управления кадров Министерства обороны. Туда обратился, кадровики из округа, они не могли сами решать, куда нас определить и от греха подальше, решили вопрос через министерство. Еще через неделю меня пригласили в штаб округа и вручили пакет с печатью, а также денег на проезд до Полтавы. В пакете были документы на всех членов моей группы, их надо было предъявить коменданту гарнизона, и была указана конкретная войсковая часть, куда мы направляемся, как командиры взводов. Старшим отдельным приказом назначен я, и доставить группу мне было и поручено. Через день мы были в Полтаве, до отказа загруженные продо-

вольствием из школьных запасов, что позволило сэкономить расходы денежных средств, выделенных на питание.

Комендант города знал о нашем прибытии, на вокзале встретил дежурный по комендатуре с машиной и сразу отвез в нашу будущую войсковую часть. Я сдал командиру пакет с документами, а наутро нам объявили приказ командира части о назначении. Я был назначен командиром первого взвода второй роты, расквартированной рядом с пригородным селом Щербани. До Полтавы было всего шесть километров, грязи по колено. Так, после месячных мучений и испытаний я сменил Бирюлево на Щербани. 27 декабря меня командир роты, капитан Литвиненко, представил взводу. Когда он ушел, я распустил взвод и устроил что-то вроде ознакомительной информации. Все-таки пять лет работы официальных, учил год почти курсантов, первый разряд по боксу, играю на баяне, пою. Весь 1-й взвод были ребята из Донбасса, все старослужащие, по третьему году, домой уже готовятся. Пару человек солдат-первогодков. О какой «дедовщине» вообще могла идти речь? Это уродливое явление появилось не только потому, что пришла к власти криминальная элита. Главной причиной, по крайней мере, я так считаю, стала деградация командирского, в первую очередь офицерского состава. В предразвалынные перестроечные годы кто шел в военные училища без всяких конкурсов? Все, что было худшее из молодежи. Единицы были или настоящими наследственными офицерами, или просто настоящими ребятами по своей внутренней сути. Разве могли выпускники училищ тех лет стать командирами, организаторами и примерами для солдат? Да им вообще многим не в армии было место и не на улице, а только в местах не столь отдаленных. Они пили и гуляли вместе с подчиненными, для этого нужны были свободные деньги, а их в армии проще взять у солдата. Именно в командирской гнилой вертикали и кроется причина так называемой «дедовщины» в армии и при желании всю эту мразь можно ликвидировать в очень короткий срок. Но для этого надо захотеть, захотеть военной власти и стоящей над ней гражданской.

В наше время такой открытой безнаказанной уродливости в армии не было. Проскальзывало иногда в училищах, на обособленных базах и точках, а в общей армии — пусть бы кто-то попробовал это сделать и тем более, если бы этим кто-то открыто похвалился. С ребятами во взводе быстро нашли общий язык, хорошее с обеих сторон легко сходится, как и плохое, к сожалению.

На следующий день я вышел рке с моим новым взводом на работу. 29 декабря состоялось ротное комсомольское собрание, с повесткой дня о проведении Нового года и довыборах комсомольского бюро роты, вместо убиавших. По предложению комсомольцев моего взвода меня избрали членом ротного бюро и сразу утвердили ответственным за проведение празднования Нового года. Из штаба части выделили двести рублей на елочные игрушки, двести рублей собрали пожертвований от комсомольцев на те же цели. Потом утвердили группу по проведению праздника из трех членов — меня и еще двоих ребят, по одному от 2-го и 3-го взводов. Выбрали тех двоих самых достойных, по общему мнению, чтобы послать их завтра, т.е. 30-го декабря в город за игрушками на елку. Утром выдали тем двоим «ответственным» 400 рублей и они пошли в Полтаву. Погода была дождливая, чернозем, грязи по колено. Машины к нам не ходили, раз в неделю приезжал военный тягач, привозил, что необходимо и почту. Все остальные движения осуществлялись пешим путем. Село Щербани было в километре примерно, дорога туда, такая же, как и в город — грязь до колен.

В тот день я снова был весь день со взводом, знакомился с тем, что они делают и как, с организацией, оплатой, ну с тем, что положено постоянно знать командиру взвода. В составе три отделения-бригады, во главе их опытные толковые ребята. Все вроде нормально. Сегодня принесут игрушки, в ленкомитете баян есть старый, но рабочий, значит будем делать праздник. Пришли с работы, уполномоченных посыльных с игрушками нет. Ну, мало ли что, ждем В роте было три взвода, мой первый, бывшему писарю из штаба нашей школы дали второй взвод, третьим командовал старшина Коваленко. Он, командир, замполит и старшина роты Сидоренко имели квартиры в военном городке Полтавы, и на ночь уходили пешком домой. Пока двух взводных командиров не было, т.е. до нашего приезда, наша часть была разбросана поротно по Полтавской области, поэтому здесь в лесу у Щербаней стояла лишь одна наша рота, и кому-то надо было все-таки присматривать за всем происходящим ночью. С появлением нас в роте я как старший по званию был негласно за старшего на ночь, все равно живу при казарме. Выделили нам приезжим взводным комнату рядом с канцелярией роты, там мы вдвоем и жили.

Рано утром звонит военный комендант города. Срочно приезжайте, заберите двух своих разбойников. Скорее всего это те, кого упол-

номочили принести елочные игрушки. Беру командира отделения из моего взвода и месим грязь в сторону городу. Часа через два добираемся до конечной остановки автобуса (кольца), едем в комендатуру, заходим к коменданту. Тот аж зеленый, начинает раскручивать перед нами устный «ролик» походов наших лучших комсомольцев. Оказалось, что те «уполномоченные» когда шли в Полтаву, на мосту через реку Ворскла встретили нашего старшину, Сидоренко. Он как раз поймал двух небольших сомов и попросил их занести попутно в городок к его жене что бы она на вечер уху сварила. Солдаты на кольцевой автобусной остановке зашли в кафе. Своих денег у них было рублей 40.

Они по-честному пропили свои сорок рублей в кафе, чужие деньги, святое дело, не стали трогать и не стали садиться в автобус, а пошли пешком в сторону вокзала. По дороге снова кафе. Денег больше нет, а хочется еще добавить, что там бутылка на двоих. Рискую навлечь гнев старшины, но не рискуя навлечь гнев роты, они предлагают за два стакана водки, два еще живых сома. В те времена перед Новым годом, свежие сомы, о чем речь. Буфетчица наливает им по 250 г водки, они выпивают и говорят, что не имеют права отдавать рыбу дорогого нам старшины, забирают рыбу, обещают заплатить позже и под визг буфетчицы уходят. По дороге к вокзалу они еще дважды повторили этот прием с рыбой. Пришли к вокзалу, там уже их ждал патруль, буфетчица позвонила куда надо. Патруль их останавливает, а у них погон нет, документов нет, и они посылают военный патруль очень далеко, т.к. являются людьми гражданскими. Патруль отходит, через время их останавливает дежурный милиционер у вокзала, ему они говорят, что военные, стоят в Щербанях и вышли в город за игрушками. Тогда их окружают патруль и милиция одновременно. Милиционер подходит к младшему по росту, требует документы. Принявший в себя литр водки солдат достает из-за пазухи сома и хлещет им милиционера по лицу с криком: «Вот тебе документы, чего пристал!» и бросил сома на упавшего милиционера Солдат, естественно, скрутили, дали им хорошо и отвезли на гарнизонную гауптвахту.

Все это мне рассказал военный комендант на вокзале, потом еще минут двадцать по-украински матюгался и вспоминал проделки наших солдат из первой роты, которая была расквартирована при штабе части, в Полтаве. Я не стал вступать в полемику, взял у него запи-

ску к начальнику гауптвахты и забрал наших «уполномоченных». То, что они были здорово побиты, было не так интересным, интересным было то, что у них в карманах не было ни копейки из врученных им денег на игрушки. Они клялись, что деньги общественные не трогали, и я им верил. Но сегодня 31 декабря, Новый год, как нам ответственной «тройке» смотреть в глаза ребятам роты? Ведь выбирали самых надежных и на тебе. Все «вещдоки» — рыба, деньги — все исчезло. Побитые посыльные не столько боялись солдат, сколько встречи со старшиной. Двухметровый атлет Сидоренко был скор на расправу, и позже я слышал, как он раздавал такие подзатыльники, что некоторые виновники по два-три дня после этого не выходили на работу. Но все обошлось. Вечером старшина построил роту после ужина, поздравил с наступающим Новым годом, а тех уполномоченных заставил на стоящую сзади казармы отдельно ель провести провод, приделать лампочку и что-нибудь повесить, хотя лучше было бы, если бы их самих там повесить. Сделали освещение, понавыврезали из газет разные игрушки, добавили консервных банок, бутылок, пару старых сапог, и так елка и стояла пару дней «в таком украшении». Потом командиры все ушли в город отмечать Новый год, ротный меня оставил уже официально за дежурного на сутки, и в казарме стало тихо. Я поиграл на баяне в ленинской комнате, обошел вокруг всю территорию роты, дождь льет, темень, грязь. В казарме из всего личного состава всего двое — дневальный сидит, читает книгу и я, тоже читаю, но газеты, поступившие в роту. В одиннадцать часов снова обошел территорию, прошелся по казарме. Да, Щербани — не Бирюлево, после «вылизанного» пола в казармах школы, здесь сплошь и рядом кочки из грязи, не заметишь, упасть можно. Надо заставить вычистить, подумал себе, так старшина обидится, что в его сферу влезу, ну, посмотрим.

Захожу к себе в комнату, все на месте, но на столе стоит большой, где-то на пол-литра деревенский кувшин, сверху ломоть хлеба, а на нем кусок рыбы. Откуда? Вроде бы никто не заходил, дневальный как сидел, так и сидит, читает. Интересно, не провокация ли какая в ночь под Новый год? Всякое в голову лезет. Понюхал содержимое кувшина. Пахнет самогоном, но необычным, свекольным, я такого еще не пробовал. Без пяти двенадцать, а будь что будет, налил в кружку на палец той жидкости, полизал языком, спиртное, и выпил. Постоял, закусил рыбой — ничего, нормально. Ближе к двенадцати

налил уже побольше, поздравил себя и свою далекую семью с Новым годом, пожелал всего хорошего. Такой у меня получился праздник.

К утру основная масса солдат появилась, кроме тех, кто ушел в Полтаву. Утром построили роту, проверили наличие, уточнили, где, кто и в каком состоянии. Когда дали команду «Разойдись», я обратил внимание на двоих солдат, направляющихся в сторону Щербаней. На плечах у них висело по паре новых сапог, а сами они были обуты в рабочие ботинки. Старшина стоит рядом. Я спрашиваю, куда это они пошли с сапогами. Старшина так равнодушно отвечает, да взяли у меня две пары сапог, за их счет, конечно, сейчас обменяют в селе на водку, может, и нам что донесут, а то внутри горит все после вчерашнего. Да, еще раз тогда подумал я — Щербани не Бирюлево, это точно.

К месту быть сказано, уже сегодня, через полвека почти после той «приполтавской» жизни, получая из разных официальных и неофициальных источников информацию о нынешней жизни в Украине, я не могу говорить, что Киев — это не Москва или что-то в этом роде, а просто, но уже совсем с другим чувством, повторяю — да, действительно Щербани — это не Бирюлево, уже по большому счету.

ДОМ ПЫТОК

Говорят, что индейцы "мая" пили когда-то какао из золотых кубков разового применения, похоже как из наших раньше бумажных, а теперь пластмассовых и им подобных стаканчиков. Настолько высоко ценилось какао, этот "напиток богов". Такой был тогда сервис. Приходится признать, что за последующие многие тысячи лет качество сервисных услуг лишь неуклонно снижается. И не только в забытых богом странах, а и в самых развитых. Процесс услуг вроде как не тем концом вставлен или не с той стороны. Вроде бы все понятно, сперва услуга — потом ее оплата. Эге, так это же никому не интересно, особенно "услужливой» стороне. Сегодня процессы услуг все больше и больше рассыпаются по направлениям и видам, уже на каждую не услугу, а операцию создается «услужливая структура, вместо тех громких многообещающих комплексных непрозрачных структур под названием «Дом быта». После неоднократного с ними знакомства окрестил их "Домами пыток". И должен заметить, казалось бы, свобода, никаких ограничений, твори, выдумывай, радуй народ качественно, быстро и по разумной цене. Так куда там! На тех же государственных мощностях, те же люди, что и в жестокие тоталитарные времена, так же чистят людей, как и раньше, наматывая их кишки себе на палец, только по более дорогой цене и с горделивой независимой наплевательской улыбкой.

Листая альбом жизни, я не мог, не имел права не коснуться этого особого издевательского сектора нашей жизни. Это классика нашего сервиса на ближайшую тысячу лет, в плане не исполнения, а самой идеи. В допотопные советские времена, когда не было электроники и вообще, как свидетельствуют отдельные нынешние знатоки, ничего не было, все-таки были мы, люди. Люди как люди, жили, работали, детей растили, производили в разы больше всего, чем сегодня. Объемы нарастали, их надо было учитывать. Считать на пальцах и счетах стало долго, и учет надо было механизировать. Тот зубодробильный счетный аппарат под громким названием "Феликс" уже не помогал, появились клавишные вычислительные механические счет-

ные машинки ВК-1, электрические "Быстрица" и все крупнее и крупнее. Не буду говорить об их пригодности и качестве вычисления, это не так было важно. Главное, они были ненадежны до маразма. Подойдет кто-нибудь из посторонних в бухгалтерию, что-то нажмет или крутнет просто так, и все - техника вышла из строя. Мало того, что машинок не было в свободной продаже, при малейшей поломке их надо было везти к мастеру, в города.

И вот читаю в газете, что в нашем областном центре, в новом микрорайоне открылся новый современный сервисный центр, завод "Металлобытремонт". Было у нас две машинки клавишных ВК-1, новых, я в Орске достал на заводе. Одна рабочая, вторую в первый же день кто-то не вовремя крутнул. А дело к годовому отчету. Еду на сверку в область, взял с собой машинку, надеюсь посетить тот чудо-завод. А дальше — наша классика тех лет. Захожу в новое современное здание, подхожу к диспетчеру, так мол и так, машинку надо отремонтировать. Без проблем — отвечает диспетчер, третий этаж, такой-то кабинет. Прихожу, здороваюсь с мастерами. Что у тебя — спрашивают. Новая, говорю, машинка, да вот кто-то крутнул не так. Мастер берет ее в руки, встряхнул пару раз и заявляет, оставляйте, мол, через три месяца приходите, будет готова. Стоимость ремонта 30 рублей (при цене новой в 43 рубля). Да вы что, говорю, какие три месяца, у меня годовой отчет, пойду искать менее современных мастеров. А как будете платить, спрашивает мастер, по перечислению или наличными. Да мне все равно как, отвечаю, вы мне ее сделайте. Если наличными, то приходите через три дня, сделаем. Какие три дня, почувствовав ситуацию, начинаю нажимать я, мне сегодня нужно забрать машинку. Зима, а до города 150 километров, доберись, попробуй. И вот здесь — контрольный выстрел Хорошо, говорит мастер, тогда еще 10% за срочность, т.е. еще три рубля и через три часа забирайте. Деньги я сразу давать не стал, а перед отъездом домой заехал на завод и забрал отремонтированную машинку. Кстати, я ее никому не давал, и пару лет она исправно работала.

Но вскоре, где-то уже весной, сломали вторую нашу машинку. Имея уже опыт прежнего ремонта, повез я ее на тот же ремзавод. Эге, там уже совсем другие порядки. За прилавком сидит "приемщик", берет машинку, ставит перед собой и начинает писать "дефектную ведомость". После того, как он уже минут двадцать писал, я, по своей наивности, в сердцах бросил — ты, мол, хоть разбери что-то для поряд-

ка, а то вроде как рентгеном ее просматриваешь. На "приемщика" моя реплика никакого влияния не оказала, он добросовестно дописал длиннющий лист дефектов, которых в глаза не видел, назвал общую сумму в 38(!) рублей, заставил оплатить уже в кассу (!) и только тогда отнес машинку на площадку шахтного лифта для отправки после ее наполнения аппаратами на тот самый третий этаж. Хотел и я за ней подняться, чтобы "ускорить" процесс ремонта, но здоровенный парень-спецохранник сказал, что заказчикам подъем запрещен.

Еще через время сломалась эта же машинка, опять тот же приемщик, но совсем иная форма оплаты, до идиотизма — простая. Приемщик выписывает ведомость, я должен поехать на окраину "старого" города, у них теперь там контора завода (видно, добираться управленцам было в микрорайон не с руки), в конторе мне выпишут счет на ремонт, я должен оплатить его через банк, привезти в контору подтверждение, получить квиток для того приемщика, отвезти его ему, и он скажет, когда приехать за машинкой. Дебилизм и издевательство при этом очень дорого стоили заказчику, в данном случае — нашему колхозу в деньгах, а мне в потере нервных клеток и времени. Надо отвезти машинку на завод для дефектации — 160 км, оттуда в контору — 5 км, домой — 160 км, в Госбанк туда — обратно — 70 километров, опять в контору — 160, до завода — 5 км, от завода домой 160 км и при этом заплатить за ремонт полную практически стоимость машинки.

И куда я не звонил, куда не ходил по инстанциям, везде вежливо улыбались, обещали помочь, а ситуация если менялась, то в худшую сторону. Думаю, читатель уже догадался, что финал этой истории будет прозаичным. Когда я в очередной раз поехал в Актюбинск, прихватив с собой в очередной раз сломанную машинку, и заехал на тот завод, уже приемщика не было, кассы — тоже, а единственный внизу диспетчер, узнав, что у меня проблема с машинкой, бодро так сказал — вот по лестнице, на третий этаж, к мастеру... Все вернулось на круги своя. Наиболее доходной оказалась проверенная вертикальная система деньги-мастер и вверх. Ничего более путного все заинтересованные лица придумать не смогли, иначе многие из них выпадали из обоймы дележа. А крайним, к сожалению, во все времена остается заказчик. Он покрывает все — обман, воровство, коррупцию и нигде не может найти справедливости, ни прежде, ни тем более сейчас, даже при призрачной возможности выбора в сфере услуг, скорее, в сфере «пыток».

РАДИО

Из всех средств массовой информации, существующих в настоящее время, с учетом электронных компьютерных технологий, все-таки самым массовым, самым «всепроникающим» СМИ является радио. Как бы ни пытались подмять под себя эту форму печатные, теле-электронные и другие средства, все равно именно радио было, есть и будет самым доступным, а значит, самым востребованным средством. А ведь зачиналось радио, в первую очередь, как средство связи. И положили этому начало опять-таки русские инженеры, как и во многих других великих открытиях. Применение радиосвязи было революцией в средствах общения, управления, информации, а потом уже отдыха и развлечения. По радиомаякам ориентировались моряки и летчики. Представляете себе - летит воздушный лайнер, летчик слушает, к примеру, круглосуточную программу радио «Маяк», ну, корректирует себе курс. А сегодня только у нас десятки радиостанций, ориентируясь по ним, уже никуда не долетишь, а если летчики будут вникать часто в откровенную ересь, поступающую в эфир, то уже точно не долетят до места назначения по многим причинам, в том числе и нервного срыва. Слава богу, навигационные приборы выручают. Но оставим все это общее, высокое и прикладное и полистаем дальше жизненный альбом, согласившись с автором, что радио — это таки здорово.

А в моей родной Слободзее радио появилось вместе со светом, т.е. с электричеством. В начале пятидесятых по улицам поставили телеграфные столбы, сверху - провода электропередач, ниже - проводного радио. Во всех, подчеркиваю, во всех домах повесили такие черные «тарелки»-репродукторы, и в один прекрасный день уже по радио объявили, что с такого-то дня радио будет работать. Услуга по радиоточке стоила всего 50 копеек в месяц, т.е. любой хозяин мог себе позволить слушать радио. В абсолютном большинстве домов радио никогда не выключалось. Оно работало с шести утра до полуночи по местному времени, шла одна программа и она всех устраивала, а главное, и что особенно интересно, радио не надоедало ни дома, ни

на улице. По радио сверяли часы, узнавали новости, слышали новые и старые песни, узнавали по голосам знакомых артистов, которых на радио было не очень много, но для людей их количества было вполне достаточно. Они действительно пели и хорошо пели, не блеяли и визжали в усилитель и не кривлялись, как обезьяны, впервые слезшие с дерева. Тарелки, тихие очень, постепенно сменили на более улучшенные радиоприемники с более четким регулированием звука, пошли электрические, двухпрограммные радиоприемники.

Совершенствование продолжалось, но в пятидесятые годы не было надежных источников питания для выносных приемников в местах, где не было электроэнергии. Например, нам в тракторные бригады выдавали громоздкие радиоприемники типа «Родина-47, 52» и т.п. С ними шли по две огромных тяжелых батареи, которые не подзаряжались, работали от силы пару месяцев, а потом прекращали подавать энергию. Для меня это была катастрофа. Я слушал репортажи футбольных матчей по радио и, как футбольный любитель, хорошо представлял себе игру на слух. Радиоспорткомментаторы тех лет Вадим Синявский, потом Николай Озеров, позже Котэ Махарадзе были мастерами своего дела и постоянно держали слушателей в напряжении и ощущении игры. Их было тогда мало, но было достаточно, чтобы получить необходимую футбольную информацию.

Да, им было о чем говорить! Была игра, и были футболисты, играющие за славу и честь того же государства или клуба. Сегодня тому же Синявскому просто нечего было делать, говорить часто просто не о чем. А что там — вышли на поле, походили, по паре раз куда-то ударили, и все — давай миллион, а то в Африку уеду.

И как раз в разгар сезона у нашего приемника «садились» батареи. Я прикладывал голову одним ухом к приемнику, к другому уху прикладывал подушку, чтобы посторонние шумы не мешали, и слушал репортажи. Политические и другие новости черпал из газет, их тогда десятками выписывали на бригаду, а вот футбол приходилось слушать с такими мучениями. И все равно слушал.

Молодым людям, да и не только молодым, желательно помнить, что в длинном ряду наших «кредиторов», т.е. тех, кому мы вечно должны и будем должны — отец-мать, земля, из которой выросли, школа и учителя, что научили читать, писать и мыслить, книги, телевидение, печать периодическая и т.п., свое достойное место занимает и радио. А долги надо отдавать, да еще с процентами. Взял, образно говоря,

на рубль, верни хотя бы рубль с пятью копейками. Иначе не будет развития жизни, сами себя употребим. Тонкие, невидимые, да и видимые ниточки радиосвязи объединяли, действительно «связывали» людей. Не могу утверждать, что нынешняя многоканальность радио хуже, чем вроде бы ограниченное проводное сетевое или двух-трех канальное по радиоприемникам, принимающим волны. Вроде бы сегодня крути ручку или нажимай кнопку и лови любой канал любой страны. Но, как говорят в народе, «к сожалению, в поллитровую посуду больше поллитра не вольешь». Так и с человеком. Прыгая, с программы на программу и с канала на канал он получает в итоге меньше информации, тем более с учетом повторения всеми каналами одних и тех же событий, одних и тех же отвратительнейших реклам с непрерывным, через пять-десять слов текста, повторением номеров телефонов, то своих, то рекламируемых.

Сегодня о полезности, доступности, целесообразности и вообще общественной пользе радио, как неопенимого средства информации и воздействия на умы, уже почти никто не думает, главное - радиобизнес, прибрать канал и делать деньги. Может быть, так и надо, но это великое действо изначально было не только для этого придумано. И целевое, то же самое проводное радио, да неважно, каким способом оно доставлялось потребителю, выдавало безотходную продукцию, употребляемую целиком без остатка и этим ценную.

В порядке разрядки этих, наверняка, спорных размышлений, приведу ряд случаев из альбома жизни, связанных с радио. Веселых и не очень. Когда в селе появилось радио, в нашем бывшем доме, реквизированном властью у моего прадеда еще в двадцать девятом, сделали колхозный клуб. Раньше там была контора колхоза им. Молотова, а потом контору перевели в другое место и оборудовали там клуб со сценой, ну, все, как полагается. И там же поставили радиоусилитель, с помощью которого шло вещание на пол. села, т.е. на территорию, где проживали наши колхозники. Радистом был назначен Гриша Димитренко, наш сосед через дорогу. Сразу возле клуба поставили на телеграфном столбе большой такой «колокол», радио-громкоговоритель. В центре села такое радио уже несколько месяцев постоянно вещало, а у нас повесили его буквально перед Пасхой. И вот на день Пасхи, рано утром, уже «разговевшись» по своим домам, мы, пацаны улицы, собрались на своем обычном главном месте сбора — в канаве напротив клуба. Собрались, перебили друг у друга крашенные яйца (было

такое состязание — пацан, чье яйцо при ударе о другое разбивается, отдает его тому, у кого яйцо более крепким окажется), затем обсудили все события прошедшей предпасхальной ночи.

Мы всегда были участниками всенощного моления и освещения пасок, яиц и других деликатесов. Во время всенощной внутри церкви молились единицы пацанов из очень уж верующих семей, основная масса ребят вращалась в районе церкви. Там было интересно, случались разные казусы, тем более конец апреля, тепло, трава рке большая, такая зеленая и т.д.

Так вот, сидим мы, обсуждаем лениво прошедшую ночь, все довольные, сытые, а это в те годы многое значило, ну и не заметили, как Гриша-радикс ушел в клуб, скоро надо было радио включать, без пяти шесть. Мы балагурим дальше и вдруг наш отчаянный Колька Димитренко, у них вся семья носила кличку «Чабан», и вообще в самом большом селе Союза, с двадцатитысячным населением и десятками одинаковых фамилий и имен, Слободзее, фамилиями пользовались только в официальных обращениях, а так, в быту — только по кличкам. В общем, Колька встал молча и пошел в сторону клуба. А на улице прелесть — солнце, все цветет, трава изумрудная, но для Кольки это было не существенно. Он подошел к столбу, на котором висел радио-колокол, разуваться ему было не надо — мы, пацаны, с апреля по сентябрь ходили все босиком, обхватил столб набором своих костей и через несколько мгновений был наверху. Колокол висел где-то на высоте метров пяти. Колька уперся носом в сердцевину радио и заорал «Говорит Москва, говорит Москва!», наверное, хотел удивить нас своей ловкостью. И вот тут случилось. Не успел Колька закончить свое обращение, как колокол в ответ заорал громовым голосом: «А кто на столбе — тому «куюшка» (сухая кочерыжка от кукурузного початка) в задницу».

Нам было слышно, и оглушительно, а каково Кольке! Он с дикого перепугу отпустил руки и через секунду шлепнулся вниз. Хорошо, что возле столба такой бугорок был мягкой земли, да травой заросший, так что Колькин суповой набор не пострадал. Он несколько секунд сидел неподвижно, а потом вскочил и бросился бежать, но не в сторону дома, а почему-то вверх по улице, в сторону украинской школы, видимо, кого-то боялся, скорее всего, Гриши-радикса. Через пару минут колокол снова ожил и уже голосом диктора произнес «Говорит Москва, передаем сигналы точного времени». Потом

играли гимн Союза, затем Молдавской ССР, и пошли последние известия (булетин де штирь) на молдавском языке. Мы после выходки Кольки сидели, как замороженные, впервые услышав радио-колокол на своей улице, и гордились этим. Еще через пару минут вышел улыбающийся Гриша. Он, оказывается, видел в окно, как Колька влез на столб, а так как до начала трансляции было еще время, то и «пообещал» Кольке то, что пообещал.

Второй полувеселый случай с радио был у меня уже в Казахстане, в начале пятьдесят седьмого года. В апреле мы вышли в поле, это считай на полгода в степь, ну и решили послать в Москву на Всесоюзное радио коллективную заявку, чтобы для нас исполнили вышедшую недавно в эфир песню-гимн целинников «Едут новоселы». Ну а для солидности подписались - я за директора МТС, Витя Морозов за главного инженера, а Вася Самodelкин за председателя профкома, с нашими фамилиями. Ну, послали заявку, да и забыли, думали, при очередном концерте по заявкам просто объявят песню и все. Но месяца через два приезжает наш бригадир после совещания у директора, злой как черт. Меня и так, говорит, по работе полоскали, а тут еще диспетчер зачитал письмо с радио, где эти (он назвал нас нехорошим словом) и показал на нас троих пальцем, подписались под заявкой на радио, на весь МТС опозорили. Мы так тогда и не услышали свою заявку, когда она будет исполнена, было спрашивать неловко, а никто сам естественно нам не сказал. Зато уже осенью, когда я был признан лучшим молодым трактористом области, директор МТС, вручая мне медаль и грамоты обкома комсомола и МТС, сказал: «Ну, а за моей должностью придешь попозже».

Один из самых неприятных для меня случаев с радио был в конце шестьдесят пятого года. Тогда я работал главным экономистом и попутно был секретарем партийной организации. Вечером, в кабинете председателя, в старом еще здании конторы шло обычное партийное собрание. Обсуждались плановые вопросы. Все шло нормально. Присутствовал второй секретарь райкома партии. Вышли на перерыв, кто курит, кто друг с другом беседуют, секретарь райкома, слава Богу, как потом оказалось, остался беседовать с председателем. Я тоже вышел на улицу. Возле конторы, как, наверное, и во многих колхозах, висел тот «колокол»-громкоговоритель, и на все село гремели русские веселые песни. Музыка прекратилась, а потом диктор говорит: «Говорит радиостанция «Би-Би-Си», передаем новости». Из опы-

та комсомольско-партийной работы мне мгновенно все стало понятно. Посмотрев на реакцию куривших коммунистов, я понял, что до них пока ничего не дошло, и кинулся в находящийся здесь же, в конторе, справа от входа радиоузел. Закрыто, начал стучать, рвать дверь, бесполезно. Дверь окована железом, замок с такой мощной кованой переключиной — просто так не сломать, с улицы на двух окнах решетки. И шуметь нельзя, и не шуметь еще хуже. Я метнулся на улицу, мимо едет в сторону гаража колхозная машина, останавливаю ее и говорю водителю: «Быстро разворачивайся, езжай домой к Мите Ильчевскому и вези его сюда в любом положении, лишь бы у него ключи были от радиоузла».

Водитель поехал за нашим радистом. Он был у нас единственным на селе радио-мастером, самоучкой. Уникальный по многим признакам Дмитрий имел всего одну левую руку, но умудрялся ею паять радиодетали, делать все работы, пить водку и бить жену и все левой рукой. Непредсказуемый по характеру, он мог позвать человека в гости к себе домой, выпить с ним по паре рюмок, а потом схватить того за ворот и орать с бешеными глазами: «Ты чего сюда пришел, до моей Марии, твою мать?» и сразу лез драться. В общем, от него можно было ждать, что угодно.

Приезжает водитель через пару минут и говорит, что дома у Ильчевских никого нет. А диктор из Лондона пока долдонит общие новости, скоро, как всегда, и до нас (Союза) доберется. Что делать? Сзади конторы — колхозная кладовая, и хорошо, что кладовщик Алексей Семенович Неберекутин тоже был членом партии и присутствовал на том собрании. Я ему тихонько говорю: «Алексей Семенович, быстро идем в кладовую!» «Зачем?» . «Надо!» Быстро в кладовую, я взял огромный топор, которым мясо рубили, быстренько так; из-за конторы вышел, а как раз на углу шел бронированный кабель на столб и на колокол, и на село. Поковыряв землю, я увидел этот кабель и перерубил его. Отнес топор в кладовую и быстро в контору. Подхожу к входу — секретарь с председателем на улицу выходят. «Успел все-таки» — облегченно вздыхаю и, как ни в чем не бывало, начинаю собирать людей, чтобы продолжить собрание. Может, кто-то, что-то и заметил, но не придавал значения, и инцидент так и не стал достоянием гласности. А если бы стал... то я вначале бы лишился партийного билета, потом работы, а потом и места проживания возможно. Не обошло бы это и нашего председателя, его и так по любому поводу и без повода терзали завистники, но обошлось.

Когда на следующий день я увидел радиста, он сказал, что когда уходил, нашел песенную передачу и включил специально для собрания, а сам ушел к кому-то починить радиоприемники. Ну что с ним делать - большая семья, жена, тем более сам инвалид? Оставили мы его еще на пару лет, пока не построили новый Дом культуры и туда перенесли радиоузел. Всякое в жизни бывало. А с радио я подружился на всю жизнь. Я на нем вырос, и никто меня через радио не зомбировал, никакой тоталитарный режим. Раньше мне и нам слушать радио было не стыдно.

СТАТИСТИКА

То, что статистика знает все — все об этом знают... Статистика на базе оперативного или бухгалтерского учета стала основой практически любой информации. Беспристрастная фотографическая информация, в свою очередь стала отправной точкой для принятия управленческих решений практически на всех уровнях. Независимость статистики здорово пошатнулась, когда в ее деятельность вторглась конъюнктура, корысть и умышленный откровенный обман. Резко поменялся вектор интересов в использовании статистических результатов, причем при переходе от «социалистической» (советской) статистики к либерально-рыночной интерес развернулся на 180°. При советской — все статистические уровни по производству, надоям, урожайностям и т.п., даже прибылям старались завышать, лишь бы сиюминутно выслужиться, а дальше уже ничто и никого не интересовало. При либеральной — те же показатели по понятным причинам пытались и пытаются занижать, в то же время негативные показатели в эти времена гораздо чаще выпячиваются с целью вырвать побольше бюджетных денег или с целью опорочить (подсидеть) действующую власть какого-то уровня, чтобы легче было занять освободившееся теплое место.

Бедой государственной, особенно советских лет, было то, что верховные руководители охотно верили представленным им проектным и итоговым статистическим показателям. Я хорошо помню, как выступая на очередном пленуме ЦК КПСС, Н.С. Хрущев на всю страну заявил, что недавно, когда он был в Минске, ему позвонили из редакции газеты «Правда» и просили согласовать публикацию обязательства Рязанского обкома партии о том, что область в следующем году выполнит план госзакупок мяса на 380%! Редакция боялась публиковать такие авантюрные сообязательства. «Я, - продолжал Никита Сергеевич, - сказал редакции: публикуйте. Ларионов (первый секретарь тогда на Рязанщине. В.Г.) - человек ответственный и он слово сдержит». Чем все закончилось — известно. Во-первых целый год тот секретарь ходил в фаворе, его звали на работу в ЦК КПСС, а он

жеманно так отказывался, подождем, мол, конца года. Да, область Рязанская тогда сдала четыре годовых плана по мясу. Они выбили весь скот. Дело доходило до того, что крестьянин забивая дома курицу, должен был сдать ее государству (на бумаге) в счет плана госзакупок, а потом выкупить ее обратно и съесть.

Ларионова взяли-таки на работу в ЦК КПСС, а когда он понял, что в очередном году область вообще мяса сдавать не будет по причине его полного отсутствия, то там же на работе и застрелился. Зато год ходил в супергероях. Вообще, зная ситуацию со статистикой советских лет изнутри, могу сказать, что лучше бы ее вообще не было, чем такая, доведенная до абсурда.

Помню, после правления Л.И. Брежнева в Молдавии в районах ходил такой анекдот — был. Получил колхоз по два поросенка от свиноматок, ну мало же — отчитался в район, что получил четыре, ну опять мало — в районе еще два добавили, в Кишинев пришла сводка на шесть поросят, вместо фактических двух. Ну, положили на стол Брежневу ту сводку, он посмотрел и говорит: «Чтобы было справедливо, мы две головы заберем в счет плана госзакупок, а остальные четыре головы пусть пускают на воспроизводство»...

Борьба за нужную информацию, за какую-нибудь десятую долю процента была чуть ли не главной целью всей властной иерархической лестницы.

Все от тебя ждут больше и больше, чуть ли не вытягивают из тебя — только отчитайся, только давай прирост. Что потом будет — неважно, ведь той десятой доли процента ждут все и никто потом ничего выяснять не будет, давай сейчас. А каких только не было видов отчетности! Работал я главным бухгалтером. Казахстан, начало лета, зерновое хозяйство. Телефонограмма, вводится оперативная сводка о лете бабочек зерновой совки. Есть такой вредитель, когда комбайном убираешь, вместе с зерном в бункер сыпятся такие светлые червячки, в 10-15 миллиметров длиной. Они наносят солидный ущерб и вот еще до уборки вводят отчетность о наличии таких вредителей, ежедневно. Технология определения наличия совки довольно проста. Агроном-семеновод расставляет по полю небольшие корытца со свекольной патокой, в разных местах, в определенной последовательности. Затем объезжает поля и считает, сколько совки попало в корытца, и составляет информацию. На наших огромных полях, по 1000 и более гектаров, сбор такой информации был типичной «филькиной

грамотой», но куда не денешься — надо отчитываться. Агроном наш пару раз сводку составил, потом перестал ходить в бухгалтерию, то ли корытца закончились, то ли совка пропала. А район продолжает сводку требовать, доводя женщин нашей бухгалтерии до нервных срывов.

Как говорил наш главный агроном Лысенко И.Т., утро начинается... с водки. Он пропустил предлог «со». Один раз я взял трубку/требую сводку о зерновой совке. Я посмотрел в журнал, переставил числа местами и передал. И тут девушка-агроном из райсельхозуправления уточняет, а сколько среди совок мужских и женских особей? Я наугад назвал цифры, а она еще уточняет, для себя что ли, а как вы определяете их пол? А черт его знает, но тут же выдаю — а мы их, мол, пропускаем через зубы, если яички в зубах застревают, значит пол мужской, если нет, значит женский. Девушка бросила трубку и больше из района сводку о лете зерновой совки от нашего колхоза не требовали. Видно, уже сами на месте определяли, кто к какому полу относится.

Была у меня еще и более прозаическая история, хочу уже, как ныне профессор, поделиться с молодежью, особенно студенческой.

На третьем курсе в институте был у нас обычный программный предмет «Общая статистика». Позже, на пятом курсе уже была своя «родная» сельскохозяйственная статистика, а на третьем пока общая. Так как я учился в Москве, а жил на расстоянии почти в две тысячи километров, где не было в полном объеме специальной литературы, а в библиотеке института в сессионные дни не протолкнуться, то приходилось много учебников покупать в Москве. Мне это было удобно, так как я работал главным бухгалтером, учился по своей же специальности, и покупаемая литература не только помогала в учебе, но и была необходима в повседневной работе. Перед каждой сессией, я шел в магазин «Глобус» возле музея Маяковского и покупал недостающие по данной сессии и вообще учебники, пособия и справочные материалы. Так я и поступил, приехав на учебную сессию за третий курс. Купил несколько учебников, в том числе «Статистику» Хазанова. Нет, не того «Хазанова», а другого, профессора-статистика. Приходим на первое занятие по этому предмету. Заходит сухонький аккуратненький такой преподаватель, уже в возрасте и говорит: «Я буду читать вам общую статистику, фамилия моя Хазанов. Есть много учебников по общей теории статистики, но я вам все-таки рекомендую мой недавно вышедший учебник, он еще есть в книжных магазинах, там-то и там-то». Показывает нам свой учебник. Синяя та-

кая обложка и белым написано «Статистика». Именно такую книгу я и купил несколько дней назад, ни у кого другого во время первого знакомства с профессором такого учебника не было. Надо отдать должное тому Хазанову, он блестяще знал статистику, умел ее преподавать и именно от него я услышал замечательную определяющую фразу: «Главное в статистике — правильно сделать форму, а уже заполнить ее легче». Что тут добавить? А вот в конце сессии случился у меня с ним казус.

Приходим на экзамен. И вот здесь проявилась наша раболопская сермяжность, причем групповая. Вся группа, тридцать один человек, пришла на экзамен с книгой Хазанова, и все выложили книги на стол, как выражение покорности и благоговения. Один я не принес книгу, стыдно было нести ее на экзамен. Профессор обошел аудиторию, потом оставил пятерых студентов, остальные вышли, и экзамен начался. Где бы я ни учился, на экзамен всегда шел первым и это не обсуждалось. Так было и в тот раз. Взяв билет и быстро решив задачу, я пошел отвечать. Статистика для меня, ежедневно с ней сталкивающегося, не представляла каких-либо проблем.

Отвечаю по билету, а профессор меня не слушает вовсе. Когда закончил вопросы и, объяснив задачу, замолчал, смотрю, он, ни слова не говоря, ставит мне в зачетку цифру «3». Еще не успел поставить прописью «удовлетворительно», а я ему : «А почему мне «три»? Вы за время сессии видели меня в деле, а книгу я Вашу купил еще до сессии, раньше всех, даже не зная Вас, а на экзамен брать ее посчитал для себя и Вас — несолидно». Он поднял на меня глаза и говорит: «Да чего же Вы мне раньше об этом не сказали... А я подумал... Да Вы же прекрасно знаете статистику! И что, в «Глобусе» была моя книга?» Он тут же поставил мне «5» в ведомость, в зачетке аккуратно исправил цифру «3» на «5», написал прописью «отлично», и я получил через него еще один жизненный урок — отказ от демонстрации лояльности в общей массе всегда может быть неправильно понятым и привести к нежелательным, а то и более сложным последствиям, при всем твоим внутреннем благородстве и преданности. Ее, преданность, лучше воспринимают внешне выраженную, даже если внутри тебя все наоборот. Такая вот статистика жизни.

МИНИМУМ ПО НЕМЕЦКОМУ

В мои школьные годы в основной массе школ изучали иностранный язык немецкий. По крайней мере, в тех районах, где я учился и жил. Может это было следствием только что закончившейся войны, но в селах изучали немецкий и редко в городах — английский. В школе мы изучали еще и молдавский язык, как республиканский, а все остальные предметы шли на русском. Несмотря на то, что я жил на русской части села Слободзея и дома с детства говорил по-украински, ни с русским, ни с молдавским и немецким у меня проблем не было. В техникуме иностранный тоже был немецким, без выбора, так что кое-какая база по этому языку у меня определилась, и в дипломе об окончании техникума у меня стояла оценка "отлично". Естественно, поступив в институт, я выбрал группу с немецким языком. По программе немецкий язык мы должны были проходить на первом и втором курсах. На первом было сорок часов, в основном грамматики, на втором шли переводы, в т.ч. специальные, и разговорная речь.

В группе у нас было пятнадцать ребят и семнадцать девочек. На первую пару по немецкому пришла молодая женщина-преподаватель с гордым лицом орлицы и внешним видом независимой светской львицы. Высокая, мощная, в кожаной безрукавке и вся увешанная золотыми побрякушками, каждая из которых тянула граммов на сто, внешне по крайней мере. Мы были студенты-заочники, она же постоянно работала в какой-то престижной столичной школе и с первого дня таким заметным брезгливо-пренебрежительным видом уже выдавала свое отношение к нам. Ну, это делу не мешало, мало ли кто и что думает.

Прошло пару дней. Вызывает она к доске одного парня из Коми АССР, половина группы была приезжие со всех концов Союза. Вызывает, диктует предложение и предлагает студенту разобрать его построение и структуру. Парень предложение с трудом написал, видно было, что он и буквы по-немецки слабо знает, ну а по структуре он начал что-то невразумительно мямлить несколько минут, чем при-

вел преподавателя буквально в бешенство. Она, эта увешанная золотом красавица-орлица, вскочила и не сдержавшись выпалила: "И таких баранов еще принимают в институт!" Такой, по правде говоря, обоснованный, но неуместный вопль вызвал бурную ответную реакцию аудитории. Сидящий рядом со мной студент, майор, начальник ОБХСС одного из московских районов, тоже вскочил и закричал на всю аудиторию: "А, мы — бараны! Все, больше ноги моей не будет на немецком!" — и вышел в коридор. За ним вышел тот обиженный "знаток" немецкого. Потом потянулось все мужское составляющее нашей группы, как бы в знак солидарности, что ли. Вышел и я, не будешь же белой вороной. Выйдя на улицу, мы договорились никуда и никому не жаловаться, просто на немецкий не ходить, но узнавать, что там будут проходить, и готовиться дома, т.е. в общежитии. Договорились-то договорились, но мы же люди! И все разные, и многие думают о себе любимом и определяют как себя вести, исходя из этого.

На второй день на занятия по немецкому пошел парень, который в нашей группе был за старосту. Ну, мол, нельзя старосте не ходить на занятия, за ним так незаметно, потихоньку, по двое-трое в день, потянулись и остальные, даже тот, из-за которого скандал разгорелся. Короче говоря, в течении 4-5 дней все "забастовщики" сделались "штрейкбрехерами" и как ни в чем ни бывало пошли на немецкий. Остался я один. В душе я сочувствовал преподавателю, но раз вышел к ней в "оппозицию", так в ней и остался. Ходил на все занятия, по шесть-семь пар в день, но кроме немецкого, хотя брал и переписывал вечерами все то, что было наработано по данному предмету за день. Но всему приходит конец. Пришла пора сдавать зачет по немецкому. На первом курсе — зачет, на втором — экзамен.

Пришел я на зачет, подаю той гордой женщине свою зачетку и хотел взять билет, а она смотрит на меня и говорит: "А я вас что-то на занятиях не видела!" Открывает журнал, а наш староста — подлец такой, на всех двадцати парах против меня проставил букву "Н", даже за те два дня первых, где я присутствовал! "Нет, я вас не видела", — уже просмотрев журнал, заявляет преподаватель и возвращает мне зачетную книжку. "Зато я вас видел, - заявляю я, - и допустите меня к зачету, я готов к нему, вот все записи за всю сессию". "Нет", - отрезала она. Ну, нет так нет, и я поехал домой с "хвостом" по немецкому и без справки о прохождении сессии. По положению было

так — нет справки — нет сессии, нет оплаты и дней и 50% проезда Сессия тогда была продолжительна по времени, и мне, главному бухгалтеру колхоза, чтобы не терять лицо перед подчиненными учетными работниками, среди которых тоже были студенты-заочники, пришлось свой учебный отпуск переоформлять как обычный трудовой.

На следующий год и курс — вновь немецкий и снова двадцать пар, в основном специальных переводов. Как уже было сказано, в конце этого курса — экзамен, тут уже не до дураков и "баранов", тем более такой дрянной солидарности.

К нам пришла уже другая женщина-преподаватель, как выяснилось позже — заведующая кафедрой иностранных языков. В пожилом уже возрасте, сухонькая такая, но четкая, строгая и знающая не только свое дело, но и то, с кем ей придется заниматься. Срывов она не допустит, но и требует от нас все возможное.

Для меня, многие годы работавшего бок о бок с настоящими немцами, часто общавшемуся с ними и по-немецки, тем более после школы и техникума, проблем с языком на этой сессии вроде бы быть не должно. Но я с первой и до последней пары был далее слишком активен, тянул руку и выступал по любому поводу, переводил, составлял разговорные предложения, неплохо ориентировался в специальных терминах. Естественно, активность моя была целенаправленна — надо сдать экзамен, да еще зачет "завис" со второго курса.

Наконец настал день экзамена. Где бы я ни учился — всегда шел на экзамен или зачет первым и никто и не оспаривал эту "почетную" миссию. Так было и на немецком Но здесь я решил на авантюрный психологический эксперимент: у преподавателя за прошедшую сессию сложилось обо мне определенное мнение как о, по крайней мере, для нашего уровня, хорошо подготовленного студента Я взял билет, для порядка посидел-подумал минут десять и вышел отвечать. По вопросам билета и дополнительным преподавателя ответил быстро, четко и полностью. Заведующая кафедрой сказала: "Достаточно, отлично", - и взяла со стола мою зачетную книжку. Полистав ее, она спросила: "А где ваш зачет за первый курс?" "Там где-то в книжке", - бесстрашно и равнодушно отвечаю. Она ищет. А что там искать, два курса всего пройдено, два листка заполнено. Она полистала, полистала — нету. Я говорю: "Может, не записали, давайте поднимем прошлогодние ведомости". "Да что вы, молодой человек, у нас двенадцать тысяч студентов, сколько времени надо искать! (Тогда еще

в системе образования компьютеров персональных не было вообще, слава Богу! В.Г.) Давайте я вам поставлю четверку", - чуть ли не попросила она меня. Не могла она представить себе, что лучший, в плане немецкого языка, студент группы не имеет зачета за предыдущий курс. Я, конечно, грешным делом, тоже на это рассчитывал, что она такого не могла и подумать. В итоге, пользуясь своим правом заведующей кафедрой, поставила мне зачет за первый курс и оценку "хорошо" за экзамен. У меня хватило совести не возмущаться по поводу потери заслуженной "пятерки", а, в общем, вопрос с немецким языком у меня по институту был снят, я думал навсегда.

Но оказалось, что далеко не все еще в этом направлении закончено. Уже много позже я поступил в аспирантуру, была у меня в разработке одна актуальная идея, и я бы защитил кандидатскую диссертацию еще в конце восьмидесятых. Срок защиты совпал с разгульным в национальном плане восемьдесят девятым годом. Летом того года я многократно и ежедневно ездил в нашу тогдашнюю столицу Кишинев и никак не мог доедать установленный кандидатский минимум. Обещают, что сегодня комиссия соберется, приедешь — нет кворума, то заняты, мол, другими проблемами, то еще что-то. Пять дней подряд я на ту комиссию ездил, а секретарь председателя комиссии, а дело было в одном из отраслевых НИИ академии наук МССР, все находила какие-то отговорки. Но тогда еще был Советский Союз, а я все-таки возглавлял экономические службы самого экономически мощного в том Союзе аграрного района, Слободзейского, поэтому в конце пятого дня, бесцеремонно отодвинув от дверей секретаршу, я вошел в кабинет ее начальника и шефа необходимой мне комиссии. Картина стала мне понятна мгновенно — практически все члены комиссии сидели полукругом в креслах, перед ними на столике стояли чашки с кофе или чаем, а напротив - работающий телевизор кишиневского производства. В те дни целодневно транслировали ход сессии Верховного Совета СССР горбачевского разлива. Я сам иногда смотрел эти передачи, где к трибуне чаще всего нахальной силой прорывались выступать народные избранники, которые считали, что в историческом и в любом плане, каждый из них ценнее, чем Марксы, Ленины, Сталины и все остальные великие вместе взятые. Большинство выступлений были похожи на репортажи из дурдома, они несли явную чушь до гадливости, хотя некоторых из них потом чуть ли не канонизировали. Среди них были и радикально настроенные

представители Молдавии. Вот этот спектакль ежедневно и смотрели члены комиссии. Скорее всего, они тоже были из того легиона, что вскоре громил МВД, выгонял на улицы молодежь, требовал убрать русских за Днестр и т.п. Вот этим важным делом комиссия и была все эти дни занята.

Я тут же высказал этой компании все, что о них думаю, пообещал им такой же прием у нас, если придется, чем вызвал всеобщее возмущение и вопль председателя, что меня заставят делать предзащиту на национальном языке. Я послал сразу все, и предзащиту, и их НИИ вместе с ними, довольно далеко, плюнул на все и уехал. Естественно, появляться в Кишиневе по вопросу диссертации было неразумно, а тут пошли выходы из Союза, развал и т.п., это заставило забыть об аспирантуре, а заниматься прикладными, практическими вопросами выживания. Да и тема в новых условиях потеряла актуальность.

Но жизнь продолжалась, я читал лекции в Приднестровском госуниверситете, а также в филиалах других вузов, расположенных в г. Тирасполе. Сам по себе возник вопрос научной деятельности, я опять выбрал сверхактуальную тему, провел необходимые исследования, оформил все и практически подтвердил выводы и уже на базе Приднестровского госуниверситета решил все-таки защитить кандидатскую диссертацию в одном из университетов Москвы.

У меня необходимый кандидатский минимум был сдан еще много лет назад. За давностью и по реальной ситуации, меня заставили пересдать комплексный экзамен по специальности и философии, а по немецкому языку разрешили оставить прежнее заключение, но необходимо было пройти нострификацию справки о сдаче немецкого, то есть подтвердить соответствие этого документа нынешним российским условиям. Нострификация стоила эквивалентно 100 долларам и по сроку исполнения была до полутора месяцев, так мне сказали официально. Ждать мне было некогда, и я решил пересдать экзамен кандидатского минимума по немецкому языку в том самом вузе, где много лет назад учился. Пошел в отдел аспирантуры, получил разрешение ректора и пришел на кафедру иностранных языков, ту самую, где когда-то разыгралась у меня драма с немецким. Комиссию назначили приказом, определили время, я пришел. Так как у меня на руках была справка из Кишинева, где стояла оценка "хорошо", то с меня не потребовали письменного реферата, а сразу дали незнакомый текст с описанием сельхозпроизводства в ГДР. Я его с

ходу перевел, потом были разные вопросы по-немецки, ответы, в общем, все, что положено официально при сдаче такого типа экзаменов. Комиссия единогласно решила оставить мне хорошую оценку. Потом выписали, и все подписали справку, выдали ее мне. И вот здесь я в который раз убедился, что люди все-таки разные, и ничего в этом мире не меняется, а если меняется что-то у людей, то, к сожалению, в худшую сторону.

Уже выходя, я сдуру спросил, а не работал ли кто здесь на кафедре в те годы, когда я здесь учился. Одна из членов комиссии, вроде бы нормальная на вид женщина, нынешняя зам. зав. кафедрой иностранных языков, сказала: "Я тогда уже работала на кафедре лаборантом". И тогда я, в порядке хохмы, рассказал членам комиссии ту давнишнюю историю с зачетом по немецкому. Думал, все посмеются за давностью времени, и я с ними. Но не тут-то было! Та, бывшая лаборантка, как вскочила, как понесла: "Да если бы я знала, я бы никогда не позволила и т.п.". Один из них был мужчина, он начал ее успокаивать, говорит: "Так вы чем недовольны, его нормальными знаниями языка или лично?" Она еще больше распалилась. Было у меня с собой пару бутылок нашего, лучшего на сегодня на постсоветском пространстве тираспольского коньяка, хотел оставить им после экзамена, но посмотрел на них, ничего не сказал и вышел.

Защитился я вскоре и довольно успешно, а осадок остался, такой, нерастворимый. А что поделаешь, такова правда. Как: сказал в мультфильме один разбойник: "Не мы такие, жизнь така!" А кто же делает ее такой? Опять же мы...

АТЛАНТЫ И АРЛЕКИНЫ

Интересная у нас жизнь пошла в так называемом шоу-бизнесе. Раньше было как — на сцене выступают атланты, арлекинами заполняют перерывы. Сегодня арлекины заполняют все сценическое пространство и используют все, опять же сценическое, время. Попытки арлекинов выходить на сцену были, по правде говоря, и в прежние времена. Тот, кто не имел ни слуха, ни голоса всегда лез на сцену. Им было гораздо легче, чем тем, кто их слушал, по той простой причине, что в отличие от слушателей, Бог их не наделил способностью оценивать самих себя. Несмотря на их пробивное упорство, в прежние времена посредственные исполнители, как правило, отсеивались жизнью еще на дальних подступах к большой сцене.

Так как в шоу-бизнесе основным стержнем и на сегодняшний день является песня, то и в предлагаемой были речь пойдет о песне, о том достойном и объяснимом явлении в природе, объяснимом потому, что песня состоит из двух основных составляющих ее компонентов — слов и мелодии (музыки). Наши предки, пытаясь выражать какие-то свои чувства, по мере эволюции скорее всего начинали с мелодии, что-то там, простите, мычали, гудели и воспроизводили голосом — для себя и для какой-то публики. Когда научились говорить, и уже умея воспроизводить мелодичные звуки, начали выражать те же чувства более предметно и направлено. Так появилось еще одно чудо в человеческой природе. Именно через песню человек освобождался от наполнявших его душу эмоций, радостных или печальных, и делился этим с окружающим его миром, в первую очередь, людьми.

С момента своего появления в человеческом обществе песня была не только выражением чего-то, а и способом закрепления в памяти людей каких-либо событий. Не имея возможности что-то зафиксировать для памяти на будущее, люди использовали песни, былины и т.п., как своеобразные летописи, оставляя через них своим потомкам достоверную или приправленную жизненную информацию, передаваемую из поколения в поколение. Каждый, постепенно выделяемый из общей массы народ или нация, через свой язык, свое воспри-

ятие жизни и отношение к происходящим событиям находил собственный стиль, методы и способы выражать все это именно в своих песнях. Разные народы слагали разные песни и по-своему их исполняли. Главным зеркалом нации были ее песни. Здесь все — и характер, и эмоциональность, и разумное освещение событий, и Наверное основное — духовный стержень нации. Правду говорят — песня душа человека.

Вся моя жизнь так или иначе связана с песней, довелось на любительском уровне петь песни на разных языках, особенно на близких мне украинском, молдавском, ну и, естественно, русском. Сам являюсь автором слов и музыки ко многим десяткам песен, поэтому могу сказать с полной ответственностью, что у любого народа есть своя органическая связь со своей же песней. И никто другой не способен подать любую национальную песню так, как представители нации, породившей ту или иную песню. Самый лучший, самый высококвалифицированный российский оркестр или отдельный исполнитель никогда, поверьте на слово, не исполнит молдавскую мелодию так, как даже не самый лучший молдавский оркестр или певец. И то же самое происходит, когда молдавские исполнители воспроизводят что-то русское или украинское. И в этом нет ничего предосудительного. В песне, музыке должна присутствовать душа, душа данной нации.

Я более чем интернациональный по сути, у меня была не одна моя родная русская мама, а и мама-казашка, мама-немка, мама-украинка. Не просто по моему желанию, а непосредственно они сами называли меня своим сыном, где старшим, где младшим. Это к тому, что у меня нет различий по нации, а только по человеческим качествам. Были в моей жизни пересечения и с негодями-русскими и с порядочнейшими и честными немцами. Но песни у нас всегда были у каждого свои, хотя наши песни, русские, любили все мои друзья, от немцев до чеченцев. И я ничего не имею против того, что, например, ребята из Африки поют русские или украинские песни. Помню, где-то в начале шестидесятых, студенты Киевского госуниверситета, темнокожие, симпатичные такие парни, пели "Маричку", естественно на украинском языке. Пели они замечательно и слава Богу. Понятно, что они жили в Киеве — потому и пели.

Я против того, чтобы, к примеру, украинские исполнители вместо того, чтобы показать, что они есть порождение одной из самых песенных наций в мире, начинают по обезьяньи кричать и кривляться

и появляются на публике в одежде одного из зулусских племен. Это даже не позор, это публичный плевок в душу прекрасной украинской нации. А душу за деньги не купишь. И те, кто считают себя истинными украинцами, и тем более национально продвинутым, должны были в самую первую очередь вернуть на сцену и в обиход истинно украинскую песню, как народную, так и современную, но не "робототимпанизированную". Модная ориентация "на Запад" особенно для русскоязычных певцов, по сути ничтожна, так как оригинал всегда лучше копии и тем более костюмы настоящих представителей африканских племен всегда будут оригинальнее и восприимчивее, чем у наших певцов-подражателей. В прежние времена ценилась песня, сегодня она стала просто фоном, фоном для миниспектаклей, отсняемых клипов и т.п. способов подачи, где прыжки, ужимки, световые эффекты и невообразимый грохот настолько "раздавливают" саму песню. Что смысла в ней уже никто не ищет, тем более, зачем искать то, чего в большинстве современных песен нет. Просто вначале оглохни, поймай ритм грохота и балдей, не вникая в суть происходящего. Большую часть молодежи уже привели к этому. Для них песня без конвульсий и дерганий уже не песня. К этому мы пришли довольно быстро. И вся тысячелетняя эволюция человечества и песни развернулась в обратном направлении и скорее всего не так далеко то время, когда люди снова начнут мычать без слов, так как мыслить для них и трудиться, чтобы выразить мысли через песни, станет сверхсложно, и это будут делать за них. Имеется в виду, песни готовить и воспроизводить их, а также варить, стирать, возить, убирать, вылупливать и выращивать эрзац-детей будут роботы-компьютеры. Все может быть, но у нас несколько иная дорога в этой были из нашей жизни. Мы оглянемся в очередной раз в свое прошлое, не где-то там абстрактное, а свое родное, российское.

Во все прежние века более чем тысячелетней Руси много чего происходило на ее просторах. Разными были эти века по насыщенности различными событиями, как обычно текущими, так и эпохальными. Но наиболее ярким, спрессовавшим в себя по несколько веков, если не все вместе взятые, за всю историю России, был век двадцатый. Две мировые войны, война гражданская, три крупных революции, перевернувших весь мир, коллективизация, индустриализация, массовые репрессии, восстановление и развитие народного хозяйства, «холодная война», освоение новых земель, запуск первого в мире спутника

Земли и первый выход человека на космическую орбиту, сибирские стройки века, включая БАМ (Байкало-Амурскую магистраль), расцвет культуры, искусства, образования и спорта, а также рост авторитета страны в мире. Все эти события не только фиксировались исторически и статистически, они обязательно отражались в наших песнях. По количеству, да и качеству песен, выпущенных в свет за полвека (40-е-80-е годы) в «Российском» Советском Союзе, этот период был непревзойденным по отношению как к прошлому, так и обозримому будущему. Состояние, уровни жизни и отношения людей в любой исторический период отражали песни. Это как определенный каталогизатор, синтезирующий все-все вместе и выдающий общую оценку. Именно общую оценку жизни через состояние людских душ.

Разве могут понять те убогие или платные нынешние критики совокупного образа жизни в тот, доставшийся в те годы жившим людям, в т.ч. мне, благословенный период, что именно в то время наше российское общество достигло наивысшего по его менталитету всеобщего развития. Естественно не идеала, его среди таких разных людей никогда не достигнуть, зато по всем основным общественным составляющим это был апогей, высшая для нашего народа точка развития. Повторяю от имени себя, прожившего этот период с начала до конца, и всех моих сограждан, абсолютное большинство которых уверено в том же, что да. это было не идеально, но приемлемо и жизненно. Это был фундамент нового общества. Не коммунизма, которого никогда не будет по причине разноликости людей, их действий и помыслов, а нормального взаимотерпимого, социально ориентированного общества. И мы воспевали эту жизнь в песнях и не под диктовку власти. Были, конечно, и песни под диктовку. Конъюнктура была и будет всегда. Плохо только то, что те авторы песен, которые заглядывали в рот вождям и на этом неплохо зарабатывали, чуть позже сами, а уж тем более их тоже обласканные властью потомки, стали обливать грязью и прежних вождей, и ту власть и снова на этом зарабатывать.

А песня жила. Не было направления в жизни, даже самого малого, которое обошла бы вниманием песня. Если, к пример, взять военную тему, то трудно найти что-либо, о чем не пелись песни, причем многие песни и на одну тему, и все классные и любимые народом. Песня про винтовку и пулемет, пушки, «катюши», танки, самолеты, сапоги, фуражку, пилотку, тельняшку, бушлат и бескозырку, махорку и

папиросы и т.п. Песни о доме, родителях, природе, степях, лесах, морях, цветах, стройках, дорогах, машинах и еще тысячи направлений и, больше всего о жизни и любви. Весь этот набор не напишешь под диктовку, да и никто те конъюнктурные песни петь не станет. А песня — это то, что хотят петь люди. И очень многие песни после первого же исполнения идут в народ. Их поют всегда и везде, сольно и в компаниях, это показатель народности, жизненности песни и жизненности самого народа. Много вы слышали, чтобы кто-нибудь повторял песни, которые поют нам сегодня из трех или четырех букв? Где надо чага-чага и все, ничего больше?

Я и мои сверстники с диапазоном возрастного разброса в 5-10 лет просто счастливые люди. Мы вырастали и жили теми знаменательными событиями и зеркально отражающими их прекрасными песнями, которые можно петь и сегодня, и завтра, и всегда. А какие были исполнители! Их было мало, но зато каких и вполне достаточно, чтобы выпустить в свет огромное количество поистине народных, до боли любимых и душевных песен. Мое личное счастье еще и в том, что я почти всех песенных «атлантов» видел и слышал вживую. Безголосых, по большому счету, но гениальных, проникающих в душу исполнителей, которым подражала вся поющая держава — Леонида Утесова, Марка Бернеса, Клавдию Шульженко, звонкоголосую и особенную Лидию Русланову, затем Сергея Лемешева, позже прекрасных певцов украинской школы, пожалуй, лучшей в Союзе — Беллы Руденко, Ирины Мирошниченко, Дмитрия Гнатюка, Анатолия Петренко, Виктора Соловьяненко, Юрия Гуляева, еще позже из украинцев, Софии Ротару, казахов — Бибигуль Тюлегенову, Ермака Серкебаева, Розу Багланову, бакинцев — Рашида Бейбутова, Муслима Магомаева, Полада Бюль-Бюль Оглы, белоруса — Ярослава Евдокимова, россиян — Ольгу Воронец, Александру Стрельченко, Екатерину Шавринину, Майю Кристалинскую, Аллу Пугачеву, несравненную Людмилу Зыкину, Иосифа Кобзона, Эдуарда Хила, Льва Лещенко. Это цвет нашей песни, они - проповедники великого достояния нашего народа. Были еще многие исполнители, рангом пониже, тоже замечательные и любимые, просто выделил я самых-самых. А какие замечательные были песенные коллективы! Хор им. Пятницкого, хоры радио и телевидения, взрослый и детский, народные хоры Воронежский, Северный, Сибирский, Оренбургский, Волжский, украинский хор им Г. Веревки, Кубанский казачий хор и др. А прекраснейшие военные

ансамбли песни и пляски военных округов и флотов во главе с главным академическим ансамблем им. А. Александрова!

Мне довелось вживую видеть и по несколько раз многие военные ансамбли. Особенно нравились смотры флотских ансамблей. У каждого из них всегда была какая-то «изюминка» и обязательно своя фирменная песня. Например, у ансамбля Черноморского флота это была песня «Легендарный Севастополь», у Балтийского — «Морская гвардия», у Северного — «Песня о севере», у Тихоокеанского — «Океанский размах» и т.д. Ни один народ в мире, ни один, не имеет и не способен петь хоровые песни так, как их поют родные по крови, душе и мыслям братские народы Белоруссии, Украины и России. Мы и в бою и в песне всегда шли хором, вместе, и если даже каждый пел свою партию в общей песне, так это все только облагораживало и возвышало нашу хоровую совместную жизнь, подчеркивая слово «хоровую» с двумя «о», а не с первой «е», как пытаются нам вдолбить недруги наши, как внешние, так и продажные или недалекие свои доморощенные, нами же, к сожалению, и выращенные. А русская песня живет. И как вызов нынешнему навязанному и вредному для нас и потомков наших всеобщему эстраднему арлекинскому «Балагану безлимитед», люди, в том числе современная молодежь, все чаще обращаются к песням 30-40-50 летней пробы, к песням, пронизанным идеями добра, справедливости, достойного поведения и отношения к своей Родине, родным и близким, и земле своей, почти осиротевшей

А молодым людям, поющим и не поющим, хотелось сказать следующее: не теряйте времени, используйте редкую возможность творческого общения с ныне, к счастью, живущими действительно «Атлантами» российской песни. Среди коллективов — это Академический ансамбль песни Российской армии им. А. Александрова, среди певцов-мужчин — это неповторимый Иосиф Давидович Кобзон, а среди женщин-певиц — Герой социалистического труда, истинно народная певица СССР и России несравненная Людмила Георгиевна Зыкина.

В год выхода этой были ЛГ. Зыкина будет отмечать свой юбилей. В песне, написанной мною в подарок великой певице, есть такие слова: Сколько песен, веселых и грустных, По жизни пропето! В каждой песне навечно осталась Частичка души.

Лебединая песня моя,
Может, пишется где-то,
Но прошу тебя, автор,
Ее выпускать не спеши! Любить свою Родину, это
значит любить и петь ее (наши) песни. Они, как поется в одной из них
«нам строить и жить помогают». Значит, еще споем!

ЧУДЕСА

Говорят, что чудес на свете не бывает, а я в чудеса верю, не по наитию, а жизнь заставила. По поводу чудес можно много и по разному рассуждать, пересказывать услышанные где-то случаи и загадки, поэтому в отличие от других былей, с длинными вступлениями и комментариями, просто расскажу о тех событиях, участником которых был непосредственно, и иначе, как чудесами, их не назовешь, при всей их кажущейся внешне случайности. Хотя элементы случайности тоже имеют место, но не в тех, что происходили на моих глазах. По крайней мере, я так считаю.

В порядке разъяснительной ремарки, думаю, стоит вставить в предисловие характерную для темы старую притчу. Раньше, в царской России, во всех учебных заведениях был предмет «Закон Божий». Везде, и в школах, и в университетах, его изучали в обязательном порядке. Церковь тогда была идеологической опорой государства. В университете, на естественно-географическом факультете идет лекция по «Закону Божию». Батюшка читает лекцию, тема «Чудо Господне». Закончил лекцию и решил закрепить и проверить знания и отношение студентов к этой теме — чуда Господня. В конце лекции он привел пример чуда — в одном селе золотых дел мастер обновлял крышу колокольни на высоте 30 метров, сорвался и упал на землю. Потом встал, как ни в чем ни бывало. Это преподносилось как чудо именно Господне. Богослов еще раз обратился к студентам с предложением высказать свое мнение по этому поводу. Поднял одного молодого парня-студента и прямо спросил: «Вот ты, Иванов, веришь, что это было чудо Господне?» Студент-географ уклончиво ответил: «Думаю, это была случайность». «Что! - Поднялся с места батюшка. — Случайность, говоришь? Так вот, знай, Иванов, тот мастер снова полез на колокольню и снова упал и опять ничего — это ли не чудо!?» «Скорее всего, батюшка, это совпадение», - пробормотал студент. «А! — Закричал во весь голос батюшка. — Совпадение? Да знаешь ли ты, - пошел вразнос батюшка, - что он опять полез туда и опять упал и ни-че-го! Это не чудо?!» «Наверное, это уже привычка», - более уверен-

но выдал студент, понимая, что батюшка вошел в экстаз и потерял ту «чудесную» нить. Наверняка в нашем сознании при упоминании о чудесах, скорее всего присутствует эта тройственность мысли «случайности, совпадения и привычки», но все-таки что-то необъяснимое в таких случаях все же присутствует.

Вот живые примеры. Лет десять тому назад жили мы в г. Тирасполе в районе Колкотовой балки по улице Комсомольской. Прямо от нашего дома шла дорога вниз и упиралась в рынок. На полдороге к нему, на небольшой площади, напротив овощного магазина, стояла деревянная старинного типа будка «Ремонт часов». Она по возрасту была явно ровесницей микрорайона, лет пятьдесят на этом месте стояла, облезла краска на ней, но мастерская работала. Я иду мимо на рынок. И черт меня дернул проходя мимо будки, вдруг подумать: «Как это ее до сих пор не спалили, стоит в стороне?» Воскресенье, ясный день, десять утра. Через час иду обратно — будки нет! Сгорела дотла, только болтики да шестереночки среди пепла валяются! Стою и не знаю, что и думать - чудо это или гадкая случайность? Ответа до сих пор не знаю.

Еще раньше. Харьков. Восемьдесят шестой год, я на месячных курсах повышения квалификации. В воскресенье, святое дело, иду на стадион «Металлист», футбол, чемпионат СССР, играют «Металлист» местный и алма-атинский «Кайрат». Естественно, Казахстан моя вторая Родина, болею за «Кайрат», хотя в принципе в футболе полвека до «оранжевых» событий болел за киевское «Динамо». Рядом с правой стороны сидит незнакомый молодой парень. По его возгласам, я понял, что он тоже в данном матче болеет за «Кайрат». На перерыве разговорились. Он, оказывается, местный, харьковский, но уже лет пять живет в городе Джетыгара, Кустанайской области в Казахстане, поэтому и болеет сегодня за «Кайрат», а вообще так же как и я болеет за «Динамо» (Киев). Ну прямо родню встретил! После матча мы просто расстались и все. На следующий выходной снова иду на стадион, играют на кубок СССР тот же «Металлист» и московское «Торпедо». Конечно, сам Бог велел мне, как временному харьковчанину, уже болеть за «Металлист». Смотрю, «болею». Слышу вроде знакомый голос слева. Поворачиваюсь — рядом сидит все тот же парень, мой «земляк»! Совсем противоположная сторона футбольного поля, мы с ним ни о чем не договаривались, билеты брали в разных концах города, а снова оказались сидящими рядом, только наоборот,

уже он сидел слева от меня. Скажете не чудо, а совпадение? Ну что ж, возможно, но что было, то было. И необъяснимо.

После третьего курса я перевелся из Москвы в Кишиневский сельскохозяйственный институт, проучился там еще два года, а когда пришла пора выходить на итоговый экзамен, в деканате подбили мои итоги по программе и оказалось, что из-за разницы в программах мне придется досдавать ряд предметов, которых в Москве просто не было, например «Виноградарство», «Хранение и переработка овощей и фруктов» и др. Прихожу я в отдел хранения кафедры овощеводства сдавать зачет. Взял билет, ответил, все как положено, получил «зачет», а потом заведующий отделом меня спрашивает, откуда, где работаю. Я сказал, что из Слободзеи. Мужик тот очень возбудился и зло так говорит: «Там в Слободзее одни жулики и воры!», и начинает мне рассказывать случай тридцатилетней давности, в котором участвовал и я! Оказывается, где-то в конце сороковых годов тот преподаватель после второго курса техникума проходил практику в совхозе «Кременчуг», что на правом берегу Днестра, напротив моей Слободзеи. «Сидим мы, - рассказывает преподаватель мне, - со сторожем, возле лодки, там, где рабочих из Слободзеи перевозят, ждем пока будут люди идти с работы, чтобы не допустить воровства овощей и фруктов с их стороны. Сидим, а тут эти разбойники так смело идут прямо на нас с фруктами. Вот наглецы. Сторож с ружьем и я, агроном, сидим внизу, под обрывом, а они прут на переезд и в одних трусах». У меня тогда на кафедре перехватило дух - спустя столько лет он рассказывает мне, про меня! Дальше расскажу о себе сам. Да, не от веселой жизни мы переплывали Днестр и воровали с растущих среди леса плодовых деревьев яблоки и груши. Там такая богатая плавневая почва, много влаги, лес, нет ветра, поэтому фрукты были самые высококачественные. Мы их брали просто на еду для всей нашей босоногой улицы.

Фрукты мы накалывали на полумиллиметровую медную проволоку, потом обматывали ее вместе с фруктами вокруг тела и так переплывали Днестр. В тот день, о котором рассказывал зав. отделом, мы «отоварились», ну, идем к спуску с обрыва, болтаем себе. Подошли уже к краю обрыва — они двое, сторож и практикант, сидят метрах в трех ниже нас. Увидели, начали кричать и кинулись к нам. А мы как рыцари в броне из фруктов, нам бежать было не с руки, не сговариваясь, прыгаем через них в воду. Под той стороной течение быстрее, сразу унесло нас вниз. Сторож сдуру стреляет поверх наших голов. А

у меня проблема — у двоих моих коллег яблоки, а у меня груши. При резком ударе о воду проволока лопнула и начала разматываться вокруг тела, в отличие от яблок, груши тонут. Длинная грушевая «гирлянда» спутала мне ноги, тянет на дно, а тут еще охранники орут и стреляют. Пришлось избавляться от груш и спасаться самому. И вот на тебе через столько лет мне с тем агрономом-практикантом довелось встретиться.

Сколько раз надо сказать «если», чтобы встретиться именно на досдаче зачета, да именно с тем парнем, да именно мне? А пришлось! Скажете, что у меня это вошло уже в привычку, возможно. Но, буквально на днях, еду за рулем, начинаю петь песню «Надежда, мой компас земной», попутно включаю радио и тут же Лев Лещенко как бы подхватывает песню, продолжая меня — «а удача — награда за смелость!». Я был просто ошарашен, перестал петь, стало просто не по себе. Что, опять, совпадение? Ну, знаете!

ВОЛКИ

Кто такие волки, теоретически знают все. Некоторые люди видели их в зоопарках, в кино, на фото и картинах, некоторые с ними работают, и совсем немногие люди встречались с волками или одним волком глаз на глаз, хотя бы раз в жизни. Мне посчастливилось по жизни встречаться с волками довольно часто. Почему вдруг я, перелистывая альбом жизни, снова остановился на волчьей теме? Пришла пора. В мои молодые годы даже в бескрайних степях Казахстана волк считался редким животным, хотя не был кандидатом в Красную книгу, нет, волков просто было мало. Объявленные в те времена 500 рублей пятидесятих годов за шкуру волка могли заработать очень немногие любители. А в начале двадцать первого века волки снова стали подходить к селениям и даже ходить по улицам. Возможно, волк всегда и был индикатором лесной и степной жизни, то есть, чем меньше было людей, тем больше было волков, и наоборот. И то, что в Казахстане волки стали заходить опять в села, скорее говорит о проблемах людских, а не волчьих.

Конечно, осваивая новые земли, мы распугали или просто уничтожили местную фауну. Исчезли сурки, тушканчики, барсуки, большие королевские дрофы, зайцы. Развитое животноводство в советские годы, естественно, поддерживало волчий кормовой баланс, а сегодня и дикой фауны нет, и общественного животноводства тоже, вот и пошел волк в село, жить-то ему как-то надо. Появление волка в селе — уже сигнал, звонок, что у нас, людей, не все хорошо и гладко. А волк — это особое животное. В отличие от волка — предателя рода, то есть собаки, прикормленной людьми, волк с самого рождения есть потенциальный преступник и вечно находится в розыске. Волками не становятся, волками рождаются. За многие тысячелетия эволюции они сохранились как вид, несмотря ни на какие гонения и стрельбу только на поражение. Они есть, и об этом надо всем людям помнить. Волки нам не друзья, но и не надо объявлять им сегодня войну, они тоже живые существа, но они нам войну уже объявили, раз начали безбоязненно заходить в село. Они почувствовали нашу слабость и, поверьте, при случае своего не упустят.

До выезда на целину я волков видел только в Одесском зоопарке. Слышать — слышал о волках в наших местах разные страшные истории, но видеть не приходилось. Но вот аналогию какую-то можно провести. Именно в голодный сорок шестой год, буквально в трехстах метрах от нашего дома группа волков, перешедшая по льду Днестр от Кременчуга, через окно проникла в дом на колхозном дворе колхоза им. Хрущева и за ночь перерезала всех находившихся там овец в количестве девяноста пяти голов. Причем, в двух больших комнатах и коридоре были овцы, а в кухне находился старик-сторож с рркьем. Так пока волки всех овец кончали, он закрылся изнутри и от страха весь обгадился. Аналогия того случая с нынешней ситуацией в том, что тогда люди тоже были слабыми, и волки почувствовали это. Природу не обманешь. Я не кликушествую, а просто показываю факты.

А свою первую встречу с волком лицом к лицу я запомнил навсегда. Все было прозаично. Шел 1956 год, я работал на тракторе в колхозе им. Чапаева, в 18 км от центральной усадьбы. Жил на квартире в селе Айтпайка у одной немецкой семьи. Хозяина звали Егор Штанке. Жили мы, как одна семья, все было нормально до тех пор, пока не появился он, волк.

Где-то в начале апреля я рано утром выносил ведро золы из печки. Как и у всех домов буранной зоны, из дома было два выхода — главный, из сеней прямо на улицу, и второй — через сарай во двор. Там, через именно те задние двери, и шли основные хозяйственные процессы, скот кормили и поили, утром дрова заносили, т. е. мусор на кучу тоже там выносили. Иду я с ведром золы через сарай, открываю последнюю дверь, а прямо передо мной, метрах в 7 — 8 на куче мусора стоит крупный волк и тоже смотрит в мою сторону. Он выше на куче, я - как бы внизу. Не стал я совершать геройский поступок и прыгать на волка с ведром, просто закрыл снова дверь и пошел звать хозяина Штанке был еще не старым мужиком, быстро оделся, и мы, взяв в руки вилы, резко раскрыли дверь и выскочили во двор. Волк исчез, мы поднялись на кучу, его крупные следы были совсем еще теплые. Судя по следу, он побежал через бугор. На этом наша спокойная жизнь закончилась. Как раз у хозяина пал новорожденный теленок, хозяин зарыл его в снег, метрах в пяти от маленького оконца в стене сарая. Наш дом был предпоследним на сельской улице, поэтому решили мы сделать на волка засаду. В крайнем доме, за нашим, жил молодой парень, Николай Дик, тоже со мной в бригаде работал, у

него было одноствольное ружье. Мой хозяин выпросил у него ружье, и мы начали дежурить у окошка в сарае по очереди, я до полуночи, так как утром на работу, Егор — до утра Дня три продежурили и ничего. В четверг, ночью, будит меня хозяин — волк, мол, пришел, я, говорит, стрельнул — осечка, не знаю, может, он еще здесь, давай, выйдем. Вышли с ружьем и вилами. Луна, снег блестит, мороз, и никого, в том числе и теленка. Утащил его кто-то, может, тот же волк.

Сменили оружие. Егор где-то нашел три больших «волчьих» капкана, нашли истерзанного теленка, волк его недалеко оттащил, присыпали снегом, расставили вокруг три капкана и пошли спать. Часов в шесть утра слышу, хозяин буквально орет: «Есть, есть, поймали!». Снова за вилы и к капканам, пока добежали, волк вырвался и убежал. Половина передней лапы в капкане осталась. В полдень заходит сосед Николай и говорит: «Какой-то гад моей собаке лапу отрубил, наверное, на ферме, узнаю, точно побью!». После этого интерес к охоте на волка у нас какого пропал. Но появился у соседа. Заходит вечером и приглашает меня на заячью охоту. В километре от села на поле стояли соломенные скирды. Их занесло снегом, но в некоторых есть большие норы, там скотники для фермы выдергивают солому. Николай говорит, что, когда берут солому, и она рассыпается, на снежном насте остается зерно, то, что комбайн не вымолотил из соломы. И вот туда, к этим норам, часа в два — три ночи при ясной погоде приходят зайцы, много зайцев. Какой-то парень из другого села с той стороны поля за ночь видел десять штук. Мне зайцы не были нужны, у меня аллергия на их мясо, но я понял, что Николаю просто нужен напарник, все-таки ночь, зима и т.д.

В полночь мы вышли, через полчаса были в скирде, устроились поудобнее, вид просто чудесный. Луна, как огромная желтая жаровня, небо чистое, тишина, а снег просто ослепляет. Только кино снимай. Ждем час, два — нет зайцев, мы максимально возможно вылезли из норы, осматриваемся, да ружьем водим. И тут сперва подальше, потом все ближе и ближе начался вой и, как показалось, с разных концов. Зайцы не воют, может, только от страха. А у нас патронов всего пять и то с заячьей дробью, тут сам завоюешь. Не сговариваясь, мы целиком погрузились в солому, выставили ружье вверх, в отверстие и так сидели, не шелохнувшись, почти до утра. Я сказал Николаю, что не только мы настроились на зайчатину, но и волки тоже за зайцами пришли, видно, тоже кто-то им «слил» такую информацию, мо-

жет, тот охотник из соседнего села? Мы еле выбрались из соломенной норы, так как все наши органы так перестыли, что не сгибались и не разгибались. К сожалению, а может быть, к счастью, это была моя первая и последняя охота с оружием. Не идет мне стрелять по живым мишеням, не принимает сознание.

Следующая моя встреча в упор один на один с волком была летом. Работал я на самоходном комбайне, косил у так; называемого 303-го разъезда, поле рядом с железной дорогой. В той части, где поле выходило к разъезду, располагался наш передвижной полевой стан. Где-то в районе обеда при развороте на противоположном от бригады конце поля у меня лопнул шланг гидropодъемника жатки. Жатка упала, ехать нельзя. Шланг я заменил, а надо было залить в гидрокоробку целое ведро нигрола. Ну, надо, так надо. Взял я ведро, заводское, длинное такое, тяжелое и пошел в бригаду. Я как раз перед этим хотел туда пройти прокосить, но сломался. Иду я снизу вверх, тепло, солнце, выхожу на бугор — опа! Прямо на дороге волк сидит, в сторону бригады смотрит. То, что это волк, у меня сомнений не было, но что делать дальше? Бежать вниз к комбайну, так метров пятьсот, догонит, идти вперед до бригады метров двести, а то и меньше, так волк; на дороге? Все это я думаю, а сам продолжаю идти к волку. Меня-то из бригады видно, но кому до меня там есть дело!? Обед одни едят, другие под будкой отдыхают. Не знаю, как это получилось, непроизвольно, но я заорал нечеловеческим голосом и побежал вперед, в бригаду, на волка. Волк на крик повернулся в мою сторону, видно, подумал, откуда я взялся, человек с бугра, но с места не сдвинулся. Меня увидели от бригады, они поняли, что что-то не так. Кто-то сел на мотоцикл, кто-то так бежал в мою сторону. Секунды я бежал и орал и еще думал, что ребята не успеют, а я его ведром сейчас огрею. Волк; посмотрел на меня, потом на бригаду, развернулся и побежал по пшеничному полю в сторону железнодорожной насыпи. Пока мотоциклисты объезжали поле, он перебежал через железную дорогу, а минут через пять — шесть прошел поезд. Я остановился, перестал орать, сел на ведро и минут десять все это переваривал. Потом пошел, пообедал, набрал ведро нигрола, меня подвезли на машине к комбайну, помогли залить нигрол, и я начал косить, с тревогой вглядываясь в пшеничный травостой, а вдруг там волк или его какой-то родственник где-то затаился и ждет, пока я снова обломаюсь. Закончил я до вечера ту загонку, волков не выкосил, а двух зайцев в последней полосе нашел, маленьких, но не стал трогать.

Много было в моей жизни встреч с *волками*, особенной из них, конечно, была двухсуточная осада волчьей стаей, описанная в были «В волчьей осаде» (часть I данной книги). И все же ледящей душу на всю мою жизнь останется встреча с этими обитателями степей в одно утро в конце лета. Я только поставил комбайн, пересел на трактор и начал пахать зябь. Напарника у меня в тот момент не было и приходилось пахать сутками. Но сутки есть сутки, и любой организм, даже очень молодой и достаточно крепкий эту беспрестанную, довольно нудную работу, какой является пахота, бесконечно не выдержит. Поделюсь с молодежью опытом связки «работа — отдых» в молодые годы, мне-то как раз тогда уже семнадцать стукнуло. Так, говорю, смотрите - утром у нас пересмена с 7 до 8, у кого есть сменщики — те меняются, работают по 12 часов, раз в неделю — пересмена, кто был ночью — выходит в день и наоборот. А у кого нет напарника, все равно приезжает на полевой стан, доливает что надо — воду, моторное масло, дизтопливо. Смазывает то, что положено ежедневно смазывать, подтягивает где что ослабло или разрегулировалось. Ежедневный технический уход за техникой — святое дело. Сделал техуход, сам заправился и в поле. Вечером все опять повторяется, но другие опять меняются, а ты опять в ночь на поле.

И вот наступает ночь. До двенадцати еще ничего, более менее, едешь, шум, лязг гусениц, а ты всего этого не замечаешь, закуришь, помечтаешь и поешь, внутри себя. В настоящее время у меня вышли уже многие десятки разноплановых песен, т. е. выходит из меня то, что копилось внутри годами, а накопилось там, как оказалось, много чего.

Не знаю, как у кого, но у меня еще с детства появилась способность воспроизводить в голове то, что я где-то слышал, по радио, в кино, на пластинках. Мне удастся воспроизводить в себе любую песню, неважно, хор ее поет, ансамбль или солист. Слышу именно голос того, кто песню исполняет, и любой хор в полном диапазоне. Услышав новую песню, человеческую, естественно, а не ужимочно-обезьянью, запоминаю с первого раза, не только музыку, это проще, а и слова. Сразу беру карандаш и каркасно записываю, что ясно помню, а потом уточняю отдельные слова. Услышав песню во второй раз, ставлю на место все слова, беру баян и исполняю песню. Так долго об этом повествую для того, чтобы было понятно - мне и на такой скучной, пыльной, нудной, но необходимой работе было комфортно. Я включал свои внутренние записи и мог их слушать сколько угодно. Навер-

няка, кому-то из моих сверстников, в то время прозябавшим в пока-зушной стилизированной жизни, моя жизнь, а это жизнь миллионов сельских ребят и в большинстве своем, замечательных ребят, покажется смешной и дикой, а мы сами — прибитыми дураками, да пусть им так и кажется, жизнь-то знает, кто есть кто.

Так вот, когда пашешь, да еще ежедневно и сутками один, а сменить тебя некому (те обезьяньи новаторы с Арбатов ведь не придут пахать, они только кушать умеют), пашешь, а после часа ночи уже и музыка не помогает, голова просто выключается, можно и на неприятность нарваться, трактор — мужчина серьезный. Что делал я? Останавливался, переводил двигатель на малые обороты, потом садился посередине сиденья и ставил рычаг переключения скоростей в верхнее положение, как раз напротив своего лба. Обхватывал рычаг тот обеими руками для опоры и мгновенно засыпал. Расстояние между лбом и шариковым набалдашником на рычаге было сантиметров 15 — 20. Вот так сидишь и спишь, пока полностью не расслабишься и стукнешься лбом о набалдашник, на это уходит минут 15- 20 (проверено опытом), и снова цикл повторяется — заснул — стукнулся — очнулся и опять заснул и т.д.

В ту ночь я так все и делал. Но когда уже на рассвете стукнулся лбом и очнулся, то машинально глянул вперед по ходу трактора. То, что я увидел, заставило не просто оцепенеть, заledenеть, а мои, и так не очень маленькие, глаза многократно расшириться. Было от чего. Трактор почему-то был заглушен, стоял он в загонке, передом в сторону склона. На огромном золотистом стерновом поле чернеют несколько моих проходов с плугом Солнца еще нет, но чистый оранжевый восточный горизонт освещал довольно ясно всю эту сказочную тишину. И в этой тишине, метрах в 40 — 50 ниже меня, справа налево, переходят мою загонку пять крупных волков, гуськом, один за другим

Сколько раз в своей дальнейшей жизни я вспоминал этот момент, и всегда мне от него было не по себе, даже сейчас, через 52 года. Дело в том, что трактор у меня был тогда гусеничный «ДТ-54» Сталинградского завода. Такие же трактора выпускал и Харьковский тракторный завод, но двери кабины у «харьковчан» были просто раздвижными, а у сталинградских тракторов левая и правая сторона кабины собирались и компактно укладывались в специальные боковины.

Вечером было жарко, пришлось кабину «собрать» и ночью уже не хотелось останавливаться и терять время на разборку боковин. И когда я заснул, то находился просто на открытом пространстве, меня было видно со всех сторон и достать меня при неработающем двигателе с неподвижного трактора было более чем просто. Я представлял себе дичайшую картину: стоит трактор, в открытой кабине, как на тарелочке спит молодой парень, а вокруг кружком таким сидят пятеро волков и облизываются, готовясь к завтраку. Самое страшное было именно в этом моменте, как волки шли. Или просто шли перпендикулярно загонке, или шли мимо меня. Смотрю я, как волки медленно проходят впереди меня, и не шевелюсь. Завести двигатель трактора - не заведешь, для этого надо выйти из кабины, да что там выходить, спрыгнул вниз и на месте. Но надо же завести сперва пусковой двигатель, потом через минуту попробовать завести основной двигатель. В такой обстановке даже шорох мог заинтересовать стаю.

Ничего лучшего не придумал, как минут пять посидеть в не подвижности, затем, как на смотре-конкурсе, мгновенно собрал кабину, посмотрел на волков, они уже метрах в пятистах. Успею. Завел двигатель, прогрел, поднял плуг и даже не стал допахивать след до конца загона. Просто сил не было. Хотел даже поехать вслед за волками, но их уже не было видно, и я поехал на полевой стан для техобслуживания. Чтобы не стать объектом осмеяния, не поверят же, промолчал.

Приехав снова на поле к тому месту, где я развернулся утром, - нашел крупные волчьи следы, след в след, отметил их большими комками земли, а вечером, когда подъехали пахать другие ребята, я им показал эту тропу. Следствием тех событий по крайней мере стало то, что ни я, ни другие трактористы больше кабины не складывали ни днем, ни ночью. Несколько ночей старались работать группами, трактор к трактору, а через время все же забылось.

Я уже говорил, что в те времена волки, даже в отдаленных местах, были редкостью. И говорил почему — люди были дружнее и сильнее, в общем плане, чем сегодня. А волки это уже почувствовали. Имеем это в виду.

БУРАН И ДЕНЬГИ

Рассказывать или писать о буране в степи — то же самое, что сидеть за столом в ресторане и рассказывать о голоде или любить кого-то по телефону. Чтобы представить себе, что это такое — надо пережить его самому, по-другому не получится.

Речь идет о буране в степи. В лесу или в горах бури тоже бывают, но там что-то сдерживает ветер, а в степи он, ветер, абсолютный хозяин. Без определенных направлений дует одновременно слева-справа, спереди-сзади, снизу-сверху. При абсолютной темноте даже днем (о ночи вообще говорить не приходится) ветер образует бурлящий снежный "котел" с постоянным перемешиванием невидимой, но страшной силой. Снежный вихрь забивает дыхание, зрение, буквально обжигает открытые части лица, в считанные минуты, особенно при сухих морозных буранах, превращая нос и щеки в мраморные маски. Бураны — бич зимних степей, особенно зауральной степной зоны Сибири и верхней половины Казахстана. Западно-Сибирская низменность служит своеобразной аэродинамической трубой, по которой арктический холод устремляется на место восходящего тепла Среднеазиатского региона. Запад и Восток, тем более Юг Казахстана, не попадая под прямое воздействие передвигающихся холодных масс, редко видят настоящие степные бураны, в отличие от северных областей. Судьбе было угодно распорядиться так, что наш район, сперва Степной, потом Ленинский, сегодня Каргалинский, как раз и находится на пути тех холодных ветров и входит в основную буранную зону. Люди, живущие там веками, воспринимают бураны, холодные и теплые, такие тоже бывают с мокрым снегом, обычно в марте-апреле, как нечто должное, и особого беспокойства по этому поводу не испытывают. Они просто живут и ежедневно работают на производстве или дома. Буран для них — лишь усложняющий жизнь фактор, как дожди под Петербургом или засуха на Херсонщине. Их не пугает реальность того, что те, у кого разъездной характер работы (водители, трактористы, сопровождение, связисты, электрики-монтеры и т.п.), в буквальном смысле ежедневно рискуют жизнью, выходя из

дома и покидая населенные пункты. На самом деле они, эти люди, никогда не знают, когда вернутся домой и вернутся ли вообще. Я не усугубляю ситуацию, она еще более сложная, чем ее внешняя характеристика. Проработав в тех местах двадцать два года, пережив многие сотни буранных эпопей и все, что с этим связано, я могу только сказать, что горжусь тем, что жил и работал среди тех простых, но мужественных людей, которые, работая зимой в условиях, близких к полярным, получали раньше оплату за свой труд на уровне обычных, гораздо спокойных регионов Союза, не роптали и не требовали к себе исключительно внимания. Просто делали свое дело. Ну а буран — куда его денешь, пусть будет буран. Плохо, что его предсказать трудно, утором выезжаешь — тихо, ясно, а через пару часов потемнеет, как ночью, и все — держись, путник, тебя дома ждут.

Понятно, что в силу распространения этого природного явления, в мире существуют многие миллионы сюжетов, связанных с пережитыми буранами, в большинстве своем грустных, даже печальных, но можно вспомнить даже что-то, вызывающее улыбку. Перевернем очередную страницу альбома фотографий жизни. Представляю две бытовых были прежних лет.

Почему вдруг в заголовке данного материала я поставил рядом буран и деньги? Какая взаимосвязь между этими такими разными понятиями? Связь элементарно проста, так как именно буран часто создавал нам проблемы с доставкой и сохранностью денег. И не просто денег, а денег, по тем временам, довольно больших.

Все, как обычно, начинается просто. Буран, этот своеобразный коварный зверь, подкрадывается и обрушивается тебе на голову внезапно. Так было и в тот раз. Я — главный бухгалтер колхоза, договорился с районным банком о получении солидной суммы денег. Сейчас 250 тысяч рублей для кого-то — карманные расходы, а в те времена за эти деньги можно было купить 250 грузовых автомашин ГАЗ-51, т.е. целую большую автобазу. Мы представили все необходимые документы, определились с транспортом и сопровождением, и в назначенный день кассир колхоза на председательском вездеходе ГАЗ-69 с сопровождающим выехала в банк. На всякий случай я попросил послать и гусеничный трактор.

До райцентра было 35 километров. На полпути к нему — поселок Джусалы, центр соседнего колхоза им. Ленина. Обычно мы делали так. До Джусалы дорога была неважная, а до райцентра от по-

селка шла насыпь, и никогда в буран там проблем не было. Мы посылали наши машины с трактором. Трактор в район не ехал, а добирался только до соседнего колхоза. Там ему разрешали заехать в теплую ремонтную мастерскую, где тракторист и пережидал непогоду, пока машина по разным делам ездила в район. Закончив все дела, те, кому машина выделялась, подъезжали к Джусалы, находили нашего тракториста, и потом уже машина и трактор совместно пробивались оставшиеся восемнадцать километров до нашего колхоза.

Так было и в тот раз, о котором идет повествование. Кассир уехала, трактор остался в Джусалы ждать ее возвращения из банка. К обеду внезапно потемнело, резко похолодало, и буран с диким ревом закрутил свой вихрь. Я только успел позвонить в банк, по условному выражению получил подтверждение, что деньги получены, и стал ждать. Не пошел на обед, дом был тогда не близко. Сразу после часа дня позвонил в соседний колхоз к главному бухгалтеру. Их контора стояла как раз рядом с трассой, и спросил, не видел ли он, проезжала мимо конторы наша машина с трактором или нет. "Не видел, — ответил бухгалтер, — в двух шагах ничего не видно, буран страшный». Я попросил: "Там в мастерской у вас трактор должен был стоять, попробуйте узнать, уехал он уже или нет". Бухгалтер-сосед пробовал позвонить в МТС — не получилось. Тогда сказал, что кого-то пошлет из бухгалтерии узнать, а потом мне перезвонит. Я сидел у телефона, но больше связи не было, ни с соседями, ни с районом.

Уже пять часов вечера, стемнело, но ни кассира, ни машины с трактором. Иду в гараж, нахожу главного инженера, сообщаю ситуацию. Он посылает кого-то по селу вызвать двух трактористов, и через полчаса они прибыли в гараж. Получили задание — выехать по трассе в сторону Джусалы, искать машину с кассиром и трактор. В 18.00 они завели свои мощные тракторы К-700 и двинулись в сторону райцентра.

Буран рвал и метал, в селе потух свет, где-то что-то замкнуло. Запустили запасной автономный двигатель, расположенный у котельной, так что в гараже и мастерских свет появился, а главное — не остановилась деятельность котельной. Мы перешли туда, в котельной был телефон, но связи, скорее всего, не было по всей проводной линии до района. Стали снова ждать. Домой не уходим. Часов в двенадцать еще два трактора К-700 отправились в заданном направлении. Напряжение нарастало. Люди, деньги, техника, все как будто пропало. Никакой информации, никакой ясности.

Наступило утро — опять ничего. Пошли в наше правление. Подошел председатель, он все уже знал, тем более, его машину взяли. Сидим уже вместе, думаем, рассуждаем, ищем, что еще можно сделать. Буран ревет, не утихая. В обед послали туда же еще два К-700, больше у нас тогда таких тракторов не было. Трактористы получили инструкции, а мы продолжали караулить у телефона и ждать. А что больше делать — только терзать себя да надеяться.

Пошли вторые сутки, как наша машина с деньгами отъехала от банка. Буранная пытка продолжалась до следующего рассвета. Ранним утром уже третьего дня на поиски всей нашей техники с людьми, которая находилась где-то в степи, отправился последний наш "kozyрь" — гусеничный трактор Т-100 с бульдозерной лопатой. Он был для колхоза палочкой-выручалочкой многие годы. Работал на нем простой русский парень Зюганов Тимофей. Он был небольшого роста, всегда спокойный, уравновешенный и рассудительный. Никогда не задавал лишних вопросов, не создавал никому проблем, не заикался о выходных и переработанном времени. Он работал ежедневно, особенно зимой. С четырех утра пробивал подъезды и подходы к фермам, другим колхозным объектам, расчищал от снега улицы и еще выходил по линии Дорстроя — на очистку внутрирайонных дорог. Он работал сам, но трактор у него всегда был в идеальном состоянии. Короче говоря, Тимофей был из тех немногих людей, на которых жизнь держится. Пока он был на месте, его вроде бы никто и не замечал, но стоило ему куда-то убыть по заданию в далекий рейс — все, жизнь в селе зимой останавливалась.

Так вот, на третий день этой эпопеи Тимофей и был послан на выручку. Посылая Зюганова, мы боялись даже думать о том, что и кого, в каком состоянии он нам привезет. Через час после его отъезда вдруг начали таять тучи, стих ветер, и даже стало появляться солнце. А еще через час на улице стояла чудесная погода — яркое солнце, ослепительно белый скрипучий снег, правда, с сильным морозом. И еще через час у конторы колхоза, где стихийно собралась масса людей и родственников отсутствующих и просто колхозников, ожидавших третий день получения денег по итогам года, появился на своем "флагмане" Тимофей Зюганов. Сзади, на буксире, тянулась заглохшая машина председателя, так как оба бака бензина были выработаны. В машине находились почерневшая от всего пережитого кассир с чемоданом денег, ее охранник и пятеро трактористов с К-700. Еще двое трактористов ехали в кабине Зюганова.

Я после беседовал со всеми ребятами, участвовавшими в той поездке. Выяснилось, что сперва машина шла впереди, трактор сзади. Потом машина зарылась до половины в снег. Копали, толкали ее — бесполезно. Подъехал трактор, хотел обойти машину и взять на буксир, но в темноте завалился на правый бок — насыпь там была высокая, так и остался стоять. Тракторы К-700, все шесть штук, позарывались в снег в разных позах вдоль трассы. Они очень плохо ходили по снегу. По грязи шли прилично, по любой, а по снегу — "покрутят-покрутят" задом и зароятся. По выражению Зюганова, они краснели на белом снегу, как божьи коровки на белой скатерти.

Так благополучно закончилась та доставка денег, попавшая под буран. Подчеркиваю — это была рядовая ситуация, и никто об этом никогда не вспоминал. Для людей наших, выезжающих ежедневно на работу, ничего сверхъестественного в том случае не было. А ведь все-таки люди, большие деньги...

Ну и что — работа у нас такая, рассуждали наши колхозники. Раз так было надо — значит, мы так и поступали. Никакого геройства в этом нет.

Вторая иллюстрация жизни из этой же серии по сюжету похожа, но разнится по исполнению. Было это года на три-четыре раньше предыдущей истории. Я тогда еще работал в колхозе главным экономистом

Февраль. Я неделю живу в райцентре, заканчиваю и сдаю производственно-финансовый план колхоза. Сегодня пятница, к вечеру должен все закончить, осталось переписать два бланка, и плановая кампания будет для меня завершена. Сажу в плановом отделе, начал переписывать. Звонит телефон, кто-то меня спрашивает. Удивленно беру трубку. Это наш колхозный главбух Иванов, и он говорит, что в райцентр выехал гусеничный трактор. С трактористом едет главный агроном Лысенко — на совещание, а на обратном пути, дескать, они возьмут меня домой. Но он передал с агрономом чемодан, сказав, что в нем документы. На самом же деле в чемодане папка, а в ней — чековая книжка, на меня доверенность и выписанный чек. Агроном об этом не знает. Надо сходить в банк и получить около ста пятидесяти тысяч рублей. Они в чемодан войдут. Почему поручается это мне? В кабине трактора вообще два места, а если посылать кассира, да еще меня забирать, то ничего не получится. А машину не пошлешь — буран сильнейший.

Надо — так надо. Взял я чемодан, получил деньги, занес их в плановый отдел райсельхозуправления, и пишу себе дальше. Заходит агроном, у них перерыв на обед, говорит, еще, мол, часа два — и поедем, потому что днем еле ехали, а ночью вообще будут проблемы. Я понял, что второй бланк сам переписать не успею, поэтому пошел в машбюро, договорился с девочками, сразу заплатил им десять рублей и отправился в плановый заканчивать подготовку документации. Пока я перемещался по управлению, чемодан с деньгами находился там, где я его поставил, — в дальнем углу планового отдела. Чемодан приличного размера, не буду же я таскать его туда сюда. Его пару раз переставляли приходящие-уходящие посетители, и так: продолжалось часов до четырех пополудни. Девчата-машинистки закончили переписку, я оставил рабочий экземпляр и один чистый бланк плана в управлении, один взял домой, чтобы уже дома сделать еще пару копий — для банка, для райстатистики, и был готов к отъезду.

Заходит агроном, просит быстрее одеваться, ехать надо, на дворе темно уже, а буран не стихает. Сели мы в трактор. За рычагами — давнишний мой знакомый Саша Макаров, мы с ним много лет назад на тракторах работали, в одной бригаде колхоза "Красное поле". Лысенко сел с ним рядом, больше на сидении места нет, тем более, одеты были все в полушубки. Я поставил чемодан с деньгами сбоку у двери и сел на него. Поехали. Доезжаем до центра поселка Батамшинский, там тогда уже был наш райцентр, и вдруг Макаров говорит: "Чуть не забыл, здесь рядом дед Кениг живет, он мне обещал банку меда перед Новым годом, надо заехать забрать. Когда я еще попаду в район!" Ну, забрать, так забрать. Дед Кениг, депортированный из Украины немец, недавно переехал в райцентр. До этого он много лет занимался нашим колхозным садом в селе Лушни-ковка. При нем сад благоухал. Там росли и фрукты, и ягоды разные. А Саша Макаров тоже в то время жил в Лушниковке, хорошо знал деда, и когда тот приезжал к нам в село по каким-то делам, выпросил у него банку меда.

Макаров зашел в дом, минут через пять выходит, приглашает нас тоже. Я беру с собой чемодан, трактор вообще не закрывается, куча денег, хоть и не знает никто, но мало ли что. Дед Кениг был непростым человеком. Работящим, добросовестным, но расчетливым и довольно хитрым. Узнав, кто остался в тракторе, а нас обоих знал прекрасно, он тут же решил воспользоваться моментом и позвать к себе.

Все-таки два колхозных ведущих специалиста, может, в чем-то помогут и т.д. В общем, зашли мы — на столе всякие разносолы (у него и в райцентре был прекрасный огород), хлеб, масло, брынза и бутылка водки. Ну, разлили — выпили ее. Лысенко говорит: "Неудобно нам пить чужое, может, у вас есть еще, чтоб в магазин не ходить?" Дед приторговывал спиртным, тут же выставил бутылку, за три рубля, естественно. Короче, поставил бутылку Макаров в благодарность за мед, вторую пришлось брать мне. Ну не мог же я всем сказать, что деньги у меня и т.п.

Выехали мы домой уже часов в шесть вечера. Дед от щедрот своих дал нам банку помидоров и банку огурцов соленых, а Макаров взял себе домой еще бутылку водки, нужна она была ему зачем-то. Взяли курс на Джусалу. Буран сильнейший, но насыпь высокая, и направление ветра удачное, так что дорога первое время была почти чистая. Но когда отъехали километров 5 от Джусалы в нашу сторону — первая же балка, и стена снега выше капота трактора на метр. Ничего не видно. Трактор гребет снег под себя, пробуксовывает. Откроет тракторист окно — в кабине буран, невозможно дышать, закроет — вообще ничего не видно. Буран рвет и мечет. Попробовали влево-вправо и свалились в огромный кювет, едва не опрокинулись через кабину. Меня бросило в сторону Саши — чуть друг другу головы не рассаднили. Трактор заглох. Мы несколько минут посидели, отошли от удара и опять давай заводить двигатель: застынет — и мы застынем

Не буду утомлять невеселыми подробностями той поездки, добавлю только, что в четыре часа утра мы все-таки подъехали к моему дому. Я занес чемодан, поставил его в большой комнате, попил чаю, отогрелся, завел будильник, лег, чтобы хоть пару часов поспать после всего перенесенного. Встал в половине седьмого, вышел в зал и обомлел. По всей комнате были рассыпаны деньги, и пачками, и россыпью. Мне стало нехорошо. Повернулся, а моя трехлетняя дочь, Марина, в углу возле телевизора строит домик из денежных пачек. Я бросился в прихожую, потом на кухню, там горела печь, жар угольный тлел потихоньку, думал, дочка и в печку успела сунуть купюры. Вроде бы нет. Собрал я деньги, кое-как втиснул их в чемодан, который дочка легко открыла. Она всегда вставала рано. Увидела чужой чемодан, открыла, а там столько очень интересного оказалось!

К восьми часам я был в конторе. Буран почти стих. Занес чемодан и чековую книжку в бухгалтерию, отдал кассиру и пошел к себе

в кабинет. Сижу, работаю, как на иголках, — жду, сейчас кассир зайдет и скажет, что не хватает денег. Но ничего, обошлось. Я рке после подумал, а если б кассир знала, что моя дочка раскидывала по дому деньги, взяла бы, да и сказала, что не хватает. Ведь я их дома не считал! Считал еще в банке! Но кассир ничего не знала, да и времена были совсем другие, и люди тоже.

Часа через два начали выдавать деньги. Народ повалил к конторе. Ко мне в кабинет буквально ввалился И.Т. Лысенко, главный агроном, мой вчерашний попутчик: "Василий Андреевич, а откуда в кассе деньги появились, я вчера десятку просил в район, так сказали, что нету?" Я спокойно так: (уже прошел стресс!) ответил: "Так мы вчера привезли!". "Шо, — перешел от волнения на украинский язык Лысенко, — цэ в том чомодани ты виз гроши?". "Да", — говорю. Как он разошелся: да если б я знал, я б не поехал, нас могли убить, такая сумма, а копали, а буксовали, да как же это, и т.п. Успокаивал его, специально, мол, не говорил, чтобы всем было спокойнее. Не убедил — ушел он крайне расстроенный. И долго еще на меня дулся.

А я тогда все сделал правильно, и, слава Богу, все получилось нормально. А судьба — она все замечает; и вот, через 35 лет, та самая моя дочка Марина Васильевна, которую так заинтересовал чемодан с деньгами, стала президентом АКБ "Газпромбанк".

"Мечты сбываются", — как говорит реклама «Газпрома». А бураны в тех местах и сегодня продолжают. Только все сегодня там совершенно другое. И это уже — отдельная тема.

НЕ ПЛОЙ В КОЛОДЕЦ

Есть такая народная мудрость: "Не плюй в колодец — может, пить из него придется". Это действительно так, причем под словом "колодец" здесь понимается не буквально колодец, как таковой, действие народной мудрости гораздо шире. Имеется в виду источник жизненный, например, семья в целом и отдельные ее члены, в частности — отец-мать, братья-сестры, дедушки-бабушки, школа, работа, село или город, Родина вообще, ну и естественно тот самый колодец. Сюда молено добавить и друзей, и жену, и детей, ну и т.д. И в приложении ко всему указанное выражение будет правильным. И это не какой-то постулат или какая-то библейская догма, это просто жизненная правда. К сожалению, все мы об этом знаем, но или забываем значение этих слов, или просто пренебрегаем этим. Думаю, что очень многие люди, и ныне живущие, и жившие до нас, могут поведать множество примеров попрания другими людьми или ими самими этого принципа по рассеянной забывчивости или целенаправленно. Но во всех таких случаях итог почти всегда один — все действительно возвращалось на круги своя, и горько и стыдно было всегда тем, кто все-таки плевал в тот или иной "колодец".

У меня тоже было в жизни немало таких случаев, когда плевавшие в мою сторону люди приходили опять с покаянием и просьбами о прощении. Главная наша православная беда в том, что "колодцы" наши, куда отдельные люди "плюют", как правило, добрые и отзывчивые, зла долго не помнят, и это часто порождает цепной негатив. Ведь о нашей доброте знает и плюющая сторона и надеется на безнаказанность. Это, в принципе, нехорошо, но такие мы по своему внутреннему содержанию и другими уже вряд ли будем, и не будем никогда рассуждать о том, насколько плохи доброта и прощение.

31 марта 1976 года я заехал из Москвы к отцу в Слободзею. В Москве был в командировке по делам службы, ну и решил проведать отца, так как года три уже не встречались. Была у меня и еще одна проблема, которую надеялся попутно, по крайней мере, прояснить. В те годы в моем родном Слободзейском районе шла закладка само-

го большого цельного массива межколхозного сада "Память Ильичу". Это была уникальная задумка (см. "Высохшая память" в книге I) и осуществлялась она в те годы ускоренными темпами. В районной и республиканских газетах пестрели объявления о наборе рабочих, специалистов в новую организацию, обещались соответствующие условия оплаты, обеспечение жильем и т.п. Узнав об этом и подстегиваемый необходимостью перемены места жительства из-за здоровья жены, я написал письмо в адрес руководства межколхозсада с предложением своих услуг по определенным направлениям. Получил ответ — приезжайте на беседу, посмотрим, как поступать дальше.

Поэтому я и заехал буквально на пару дней в Слободзею, потому что дома меня, главного бухгалтера колхоза, ждал отчет за первый квартал. 31 марта я приехал, на следующий день, 1 апреля, пораньше выехал в Тирасполь, а оттуда в межколхозсад. В те времена правление сада располагалось в здании конторы третьего отделения — еще не построили в то время контору в Первомайске. В Тирасполе я зашел на почту и позвонил к себе на работу, в Казахстан. Сказал председателю, что завтра, т.е. 2 апреля, прилечу в Актюбинск, тогда из Кишинева туда ходили два прямых рейса, и попросил меня в аэропорту встретить. Каструбин Г.И. спросил, какая здесь, в Тирасполе, погода? Я сказал, что 20 градусов тепла, все цветет и зелень кругом. Тогда он добавил, что в прошедшую ночь у нас замерзло в степи около двести голов коров и молодняка. Поступило из района распоряжение, в связи с невыполнением областного плана по закупке мяса по первому кварталу, срочно, 31 марта, отправить скот на мясокомбинат в Актюбинск. Людей и машины с животными, не доехавшими до бывшего нашего райцентра с Ленинское(Кос-Истек), накрыл страшный буран с сильнейшим морозом. Измученные и обмороженные водители кое-как добрались до села, а скот остался в машинах и просто стоя замерз. Вроде бы договорились с мясокомбинатом, что примут мерзлые головы, как "сонное" мясо, поэтому желательно срочно мне быть дома, предстоит много канители по документам и расчетам.

Ошарашенный такой новостью, я поехал в межколхозсад. 1 апреля 1976 года был четверг, был день приемов по личным вопросам председателя сада. Я зашел в приемную, спросил, есть ли председатель, и, получив утвердительный ответ секретаря, назвал себя, сказал по какому вопросу пришел, а также показал письмо за подписью предсе-

дателя, где меня приглашали на беседу. Секретарь записала меня, и еще там было человека три, занесла список начальнику, и мы стали ждать вызова. Начало приема было с десяти утра

За каких-то полчаса трое ожидавших приема вместе со мной поочередно зашли и вышли, я ждал. Уже двенадцать часов, час дня, обращаюсь к секретарю, узнайте, пожалуйста, вызовут меня или нет. Она зашла-вышла и говорит — он сейчас занят, ждите, вас вызовут. В пятнадцать часов я снова обратился к секретарю — снова тот же ответ — председатель занят.

В приемной было душно, кондиционеров тогда еще не было, я утром не завтракал, в шесть утра выехал, на обед никуда не ходил, да и вообще никуда не выходил, боялся, что он уйдет, а я такую даль проехал, а завтра с утра — самолет. Но решил выдержать испытание (я так себе это представил) до конца. В половине пятого секретарь опять зашла к председателю, долго не выходила, потом позвала меня на беседу. Когда я зашел, председатель читал журнал "Садоводство". Мне уже, честно говоря, не хотелось ни работать в этой организации, ни видеть того "занятого" председателя. Но побеседовали, он так высокомерно мне сказал — зайдите к главному бухгалтеру, Старунский его фамилия, вроде бы ему нужен заместитель, но у нас, мол, все не так просто, очень высокий уровень, очень высокие требования, будем принимать по конкурсу и т.д. Я уже знал, что работать мне с ним не придется, поэтому поблагодарил и уехал в Слободзею, а утром вылетел домой. Это не тавтология, что я из дома выехал домой, тогда мой дом действительно был в Казахстане.

Но, не зря мы начали эту быль с народной мудрости "Не плюй". Прошло около семи лет. Мы с семьей переехали в Слободзею, в невероятно сложных для меня условиях пришлось доказывать и здесь свою пригодность. Был я уже заместителем председателя райсовета колхозов по экономике, и в один уже из моих приемных дней по личным вопросам заходит секретарь, она у нас была одна на председателя и заместителя, и говорит — пришел заведующий четвертым отделением межколхозсада, к вам просится на прием. За эти семь лет председателем в межколхозсаде стал новый человек, а прежнего переместили на заведующего отделением. И тогда я вспомнил тот, его приемный день, когда он просто так продержал меня восемь часов в приемной, не дал далее родственников повидать по-человечески. Сижую и думаю: «Что с ним делать? Сказать, что занят? Так я не он, другой

я совсем, и это, наверное, плохо, но, к большому сожалению, таким как он, я стать не смогу. Я больше чем уверен, что он, конечно, не помнит меня по тому случаю, это для него был проходной, обычный для его натуры момент. А я хорошо все помню». Когда он зашел ко мне, квадратные его усы были как-то грустно опущены, и он очень просил подсказать и помочь в довольно больших проблемах, возникших у него уже в бытность заведующего отделением. Не стал я ему ничего напоминать, помог в решении возникших проблем чем только мог, и он ушел довольным. А я, ругая себя за, возможно, несвоевременную и безответную доброту, одновременно сидел и думал; "А еще говорят, что Бога нет! Не плюй в колодец, напиться придется!" Надо об этом всем и всегда помнить. Мы же люди.

ЯБЛОКИ НА СНЕГУ

Яблоки на снегу, с точки зрения экономиста-аграрника, это, как говорят сегодня, "нонсенс". Причин такой, прямо скажем необычной ситуации может быть несколько. Или не успели убрать, или рано упал снег, или то и другое вместе, или что еще хуже, никому эти яблоки не нужны и их просто бросили и не стали убирать. Есть на земле благословенное место, с какой стороны не посмотри. Его, это место, Карпатские горы, такой огромной своей дугой-"челюстью" как бы выкусили из территории раньше Киевской Руси, а теперь из Украины. Место это так просто и прикладно называется "Закарпатье". Не будем вдаваться в исторические причины образования этого региона в нынешнем виде, скажем только одно — люди, живущие там веками, не пришли с Запада, нет, в абсолютном большинстве своем они пришли с Востока, а значит, это славяне, перевалившие когда-то Карпатский хребет и заселившие самую середину внутренней излучины Карпат.

Территория, сегодня она называется Закарпатской областью, во многом уникальна. Во-первых, она единственная на всем постсоветском пространстве граничит с четырьмя зарубежными государствами, Румынией, Венгрией, Словакией и Польшей, здесь, скорее всего, самый теплый и мягкий в Украине климат, так как Карпатский забор защищает от северо-восточных ветров, и было бы здесь море — был бы схож с южным берегом Крыма. И, что очень немаловажно, население Закарпатья не настолько ассимилировано западными соседями, в отличие от тех же прикарпатских областей Украины, расположенных по другую сторону Карпат в так называемых Подолии, Волыни, Галиции. Большинство жителей этого региона называют себя "русинами", заметьте не "мадьяринами", "романинами", "чехинами" и "словакинами" или "полякинами", даже не украинцами, а именно русинами. Думаю, даже не надо комментировать и разьяснять, откуда, по их мнению, идут их корни.

Сохранению такого этноса, находясь в соседстве со странами с довольно агрессивной, в большинстве своем, и ассимилятивной внешней

политикой, способствовало, на наш взгляд, несколько причин. Первая, то, что территория веками входила в состав Киевской Руси, а позже России. Кроме того русины были сплошным национальным анклавом, плохо "растворяемым" среди чужих, и в том, что путь, проходивший из Европы в Азию, был не "проходным" через центр Карпат, и все войны и походы, основные имеются в виду, шли выше и ниже Карпат, то есть в обход Закарпатья. В связи с этим прикарпатские области с восточной стороны Карпат были подвержены гораздо большей ассимиляции, со стороны особенно румын в Черновицкой области, поляков, чехов и мадьяр в других областях, где по большому счету мало чего осталось русско-украинского.

Русины же остались русинами. Да, есть на территории целые села, в большинстве своем состоящие из представителей других наций, например, мадьярские, польские, но они не являются определяющими. В тоже время русины с ними долгие века по соседству уживались. У русинов свой, специфический язык, но генетически они тянутся к славянам, в тоже время легко говорят по-русски и, естественно, по-украински.

Живописна природа этого края. Карпаты вообще красивы с обеих сторон, но так как в Закарпатье теплее, чем в прикарпатских зонах Украины, то и природа там богаче и разнообразнее. Население довольно лояльно относится к русскоязычному населению вообще и к русским в частности. Есть в Закарпатье проблема, тоже пока неразрешимая. Красоты неописуемые, людей хватает, а работы мало. Поэтому, особенно в советские годы, многие тысячи закарпатцев в летний сезон выезжали на работу в Россию, Казахстан, другие республики. Летом зарабатывали деньги, везли их домой, за зиму приводил в порядок свои домашние дела, отдыхали и набирались сил, а с ранней весны отправлялись опять на заработки. У многих бригад из Закарпатья были годами проторенные маршруты, многолетние договоры, я сам с ними не один год работал в Казахстане. Необходимо отметить, что закарпатцы были отличными мастерами, в первую очередь в работах по дереву, художественным изразцам и вообще по строительству и благоустройству. В основном, ребята верующие, они не пили, как наши местные строители, с перерывом на работу, а делали свои дела быстро, качественно и в срок, чем привлекали к себе внимание заказчиков.

С развалом Советского Союза выезд по старым адресам стал проблемным, и вектор ориентации закарпатских мастеров переместился на Запад, в страны Европы и Америки. Этот обратный разворот с выездом на работу в чужие, в принципе, места очень огорчил закарпатцев. Как общее синтезированное мнение об этом высказали мне лично рабочие Хустовской фетровой фабрики. Когда я посещал эту фабрику в 1993 году, мне главный технолог показывал образцы шляпной продукции, в том числе серую шляпу "а ля Горбачев", ее так и называли "горбачевка", вроде бы, ему дарили, и тому понравилась. Так вот, именно тогда, клянусь, это не мои слова, простые рабочие сказали вполне серьезно следующее: "Если бы мы знали, что он так поступит со всеми нами, мы бы ему не шляпу, мы бы ему непроницаемый фетровый мешок на голову свалили со шнурком на шее!". Похожие высказывания я слышал еще от многих закарпатцев — простых людей разного пола и возраста, особенно от пожилых людей.

Развал Союза очень больно ударил по региону, и одно время там даже начали пробиваться сепаратистские настроения и высказывания о выходе из состава, независимости и т.п. Позже все эти разговоры утихли, независимость Закарпатья в таком алчном окружении просуществовала бы не больше месяца. Это всем стало понятно, даже неразумным реформаторам и провокаторам. Потом ситуация подуспокоилась, осталась только обида и на Москву - за то, что предали, и на Киев - за то, что до Карпат у них (властей) еще есть силы и желание добираться и заниматься, за Карпатами, как поется в популярной украинской песне, "нычого нэ выдно".

Читатель может подумать, с чего это автор к Закарпатыю прицепился, хотя вроде бы для него это вообще чужой регион. Ну, во-первых, для меня, как гражданина России, нет "чужих" регионов на бывших российских землях. Во-вторых, все мои предки, в обозримых для меня семи поколениях и многих поколениях для меня не обозримых, были российскими подданными, т.е. имели самое прямое отношение к российским территориям и по их расширению, и по сохранению, и защите. В-третьих, мне довелось побывать там именно в 1993 году, поздней осенью, уже после того, как расстреляли Белый Дом в Москве, в тот период, когда приняли особую новую конституцию России и выбирали новый состав парламента, более лояльный к властям того времени. Это был ноябрь-декабрь девяносто третьего. Именно в этот период нам с женой удалось побывать в одном

из закарпатских санаториев под названием "Шаян", рядом с поселком с таким же названием. У Тираспольского завода "Литмаш" была своя доля в этом санатории еще с советских времен, поэтому путевку туда, тем более зимой, можно было взять без проблем. Санаторий "Шаян" в то время не был чтобы уж очень "супер", но нам был нужен не блеск, а лечение. Изумительное место, в долине между гор, на берегу небольшой горной речки, а вокруг невысокие горы, сплошь покрытые лиственными лесами. А шаянская вода — это действительно чудо природы, буквально по всем основным параметрам, высоколечебная, вкусная и природного сильного газирования. Пить воду в бюете, подогретую, — это лишь полдела, а со скважины, через кран, откроешь — многометровый столб умеренно холодной газированной целебной воды. Что еще лучшего надо?

Целебные ванны, души, другие процедуры, чистейший воздух, тишина, отсутствие трускавецкого, моршинского или пятигорского шума и гама — это действительно лечение. По моему мнению, может быть, субъективному, шаянская минеральная вода по всем признакам в совокупности лучше любой лечебной воды на всем постсоветском пространстве. Возможно, когда-нибудь в тех чудесных местах появятся многие санатории комплексного лечения, Шаян того заслуживает. И вот что еще хотелось добавить. В районе Шаяна, рядом с румынской границей, в горах очень много садов, в основном яблони, груши, сливы. Лагая по горам и лесам, мы обнаруживали многие места "схронов" яблок, по несколько десятков тонн. Многие деревья в садах были увешаны крупными спелыми яблоками разных сортов, заметно было, что многие участки не убирались вовсе. А когда выпал первый снег, я, выросший в садовом краю, впервые в жизни видел, как на ослепительно белом снегу большими разноцветными пятнами (деревья все мощные, с широкой кроной) лежали прекрасные яблоки, и никто их не убирал.

Потрясенный, я, в то время заместитель министра сельского хозяйства Приднестровья, начал выяснять в чем причины такого варварского отношения к такому довольно ценному продукту, как яблоки, особенно к яблочному соку. Мне в колхозе объяснили, что заготовители, сговорившись между собой на фоне небывалого урожая, сперва платили за яблоки спиртом-сырцом, чем споили все население и колхозного и частного сектора, а когда после женских бунтов от спирта все отказались, они снизили закупочные цены до такого уровня, что

выгоднее, чтобы яблоки пропадали, чем нести убытки по их уборке и реализации. Поэтому часть яблок собрали, ссыпали в расщелины и ямы, присыпали листьями впрок, а остальные не стали убирать. Люди плачут, жалко добра и труда своего, купленные власти молчат, переработчики не берут. Рынок! А я ходил, смотрел на эту дикую нелепую красоту яблок на снегу и думал: "А ведь эти ценные яблоки тоже как наши люди и сельские крестьяне, в первую очередь. Искусственно сделано так, как будто никому они не нужны, с целью до-разрушить село полностью, а потом прибрать все в свои руки, производство, земли, да и людей. А куда они денутся!"

Горько было и стыдно смотреть и понимать все это. У нас тогда такого еще не было, но пришло все равно, только позже. Процесс-то ведь пошел "по всей великой стране!"

ЗОВ МОРЯ

Есть такое выражение: "Море зовет!" Оно, в принципе, аллегорично, под ним понимается, что не какое-то реальное море тебя приглашает, — это внутри себя ты чувствуешь неистребимую тягу к морю, взаимную, определяющую, что ли. Быль, которую я расскажу сейчас, в принципе, прозаична И, одновременно, необычна именно тягой, но, наоборот, тягой моря ко мне, как бы парадоксально это ни звучало. И все это, кстати, документально подтверждено.

Родился и вырос я в Приднестровье. Как; и многие мои сверстники, с апреля по сентябрь, практически ежедневно купался в Днестре, со второго класса переплывал эту довольно быструю и приличную по ширине в наших местах реку. Так как мы росли на Днестре, то наш край был одним из поставщиков кадров для флота, в первую очередь, Черноморского. Такая судьба была уготована и мне.

К седьмому классу я был чемпионом района по бегу на 100-200 метров и прыжкам в длину. На здоровье не жаловался, никаких уколов-таблеток не принимал как больной, а первый свой укол в качестве прививки получил, уже когда призвался в армию. Закончив семь классов, решил поступить в Одесское мореходное училище. С парнем из параллельного класса мы взяли справки в поликлинике, поехали в Одессу, сдали документы в мореходку. Там готовили штурманов дальнего плавания и мотористов-механиков. Я подал заявление на штурмана, мой напарник — на моториста

Не знаю, почему, но вступительные экзамены шли тогда в два потока, с 20 июля — штурманы, с 1 августа — мотористы. Экзаменов было два — диктант по русскому языку и математика. Дома я ничего не говорил о том, что поступаю в мореходку, деньги на билеты, тогда они стоили недорого, я все равно собирал месяца три. В то время я уже был учеником токаря в МТС. Учился у классного токаря, Андрея Димитренко, нашего соседа Он меня отпускал в Одессу, и никто об этом не знал

Диктант и математику я сдал на отлично и уже считал себя курсантом — зачисление на наше отделение намечалось на 31 июля.

Ждать всего ничего — неделя осталась. Но когда я приехал в Одессу узнать, приняли или нет, в отделе кадров потребовали свидетельство о рождении. Его у меня просто не было. Не было и никаких архивных данных по предвоенным годам, и хотя я сказал, что родился в 1938 году, и мне рке 16 лет, в кадрах потребовали хотя бы какое-то подтверждение сельсовета или районных властей. Дело в том, что в училище принимали в возрасте не моложе 15 лет, чтобы, проучившись три года, выпускник мог в 18 лет получить заграничный паспорт.

Мне вынужденно пришлось рассказать обо всем дома. Мама моя работала тогда главным бухгалтером Слободзейского райисполкома и, конечно, могла взять любую справку о моем возрасте, даже при отсутствии архивных данных. Но когда я об этом ее попросил, она сперва была в истерике, а потом сказала: «Я не хочу, щоб мой сын утопився дэсь у морях, та ще и с моею помощью».

Никакие уговоры и слезные просьбы не помогли, мама заявила, что не только сама брать никакие справки не будет, но и предупредит об этом всех, кто может их дать. Вопрос был исчерпан.

На следующий день я поехал в мореходку и забрал документы, сославшись на то, что мать меня заставляет идти в восьмой класс. Но уже через неделю я выехал с отцом, в качестве помощника комбайнера, в командировку от нашей МТС в Башкирию.

Так я поменял море воды на море степей. Но впереди была еще целая жизнь, и если я отказался от моря, то море от меня не отказалось. После Башкирии я попал в Казахстан, и там еще лет пять меня никто не трогал. Если в Одессе я сам приписал себе лишних два года, чтобы поступить в училище, то в отделе кадров уже в МТС, на целине, мне просто добавили в трудовую книжку два года, потому что посадили на зерновой комбайн — на такой работе младше 16 лет работать не разрешалось.

Ну, добавили и добавили — я же от этого старше не стал, работаю, как и работал. А в 1957 году нас, всех ребят призывного возраста, отвезли в Новороссийск, там поставили на воинский учет и выдали бронь —освобождение от службы в армии. В те годы из целинных районов механизаторов практически в армию не брали, не было смысла собирать механизаторов по всему Союзу на целину, чтобы потом оттуда забирать их в армию. На следующий год нас уже и не вызывали в военкомат, и я грешным делом подумал, что с армией для меня покончено.

Потом женился, но жить было негде, и решил вернуться домой, в Слободзею. Однако в Молдавии целины не было. Как только я появился дома, через неделю пришла повестка явиться на сборы призывников. Районный центр тогда был в Тирасполе, там же был и военкомат. Но нас почему-то собрали в клубе села Слободзея, на русской ее части, то есть, в родном селе. Собрали призывников южной половины района — от Слободзеи и ниже, до Незавертайловки. Человек двести молодых ребят. Тут же находилась медицинская комиссия — мы прошли ее, и дней через пять стало известно, что первым от Тираспольского района на флот пойду я.

Но это должно было свершиться через пять дней, а пока мы маршировали, бегали, ползали по грязным огородам. Один день работали на винпункте, катали бочки, мыли и т.п. Зима, холодно на улице. Вина там любого, сколько угодно. Бочки специально с кранами стоят под навесом. Хочешь белое, хочешь красное, только без закуски. В Казахстане от вина отвык, а тут компания, совместная работа, выпил, конечно.

Утром жена протягивает мне повестку — к 9.00 явиться в сельсовет на молдавскую часть Слободзеи. Зачем — непонятно. Выпил вчера — да, но пришел домой нормально, никого и ничего не трогал. Пошел, по дороге встретил двух призывников, их тоже вызвали. Но вчера на винпункте их не было, тогда зачем же нас вызывают вместе?

В сельсовете нам сообщили, что из слободзейской группы мы трое попали во флот. А с завтрашнего дня здесь же, в Слободзее, в Доме пионеров (он был раньше там, где сегодня в центре молдавской части стоит универмаг) начинаются месячные курсы основ военноморского дела.

На следующий день там собралось человек тридцать ребят. Это были все те, кто весной от всего Тираспольского района должны были пойти служить во флот. Целый месяц мы втроем — я, Федя Звягинцев и третий, не помню по фамилии, но по школе у него была кличка «Тюня Рыжий» (пусть он меня простит, его уже давно нет на этом свете), ходили на курсы. Основным преподавателем у нас был председатель Бендерского морского клуба ДОСААФ, бывший мичман. Толковый парень. Он нам читал устройство корабля, шлюпочное дело, вел строевую, огневую и физподготовку.

Все у меня получалось хорошо, только была проблема с флажным семафором. Ну никак у меня не получалось сигнализировать флажками. Я

уж дома себе флажки смастерил, жена там какие-то лоскуты нашла, и по вечерам я упорно занимался. Прорвало меня, простите, при «написании» одного многословного ругательства, и сразу пошло!

Мы закончили курсы. Целый день шли экзамены. Приехала флотская комиссия — три офицера. Старший из них, капитан-лейтенант, лично принимал экзамен по флажному семафору. Так он мне поставил единицу. По всем предметам — отлично, а по семафору — единицу. Я подошел к мичману, тот — к экзаменатору. Мол, не может быть, Гурковский лучший по этому предмету в группе. Они повздорили, но мичман решил не сдаваться. Позвонил в Бендеры — друг у него там был, уже лет шесть-семь как уволился в запас. Он на флагманском корабле Черноморского флота был в свое время сигнальщиком. Тот часа через два приехал.

На виду у всей группы и, естественно, комиссии он начал писать мне произвольный текст. Я его прочитал вслух. Потом я ему написал текст, который мне дал капитан-лейтенант, естественно, незнакомый для сигнальщика. Сигнальщик прочитал один текст, потом второй и сказал: «Этого парня можно уже сейчас брать на службу. Он так быстро и грамотно пишет, что читать приятно». Оказалось, тот член комиссии, что поставил мне единицу, просто не мог читать мое писание из-за скорости. Но в итоге, пришлось и ему поставить мне отличную оценку. Из всей группы я один получил грамоту «за отличное знание основ военно-морского дела».

Это было приятно, но в будущем меня, как оказалось, ждало мало приятного. На следующий день поле окончания курсов нас вызвали рке в райвоенкомат в Тирасполе, как выяснилось позже, — на отборочную комиссию. В итоге того отбора, который проходил в нынешнем здании Тираспольского Дома Советов, мне было записано в заключении — «годен на подводные лодки и торпедные катера». Не прошли отбор двое моих земляков-слободзейцев, они в итоге вообще не попали во флот, а один даже был комиссован по какой-то серьезной причине.

Когда я прошел комиссию, меня подозвала к себе какая-то женщина. Она оказалась слободзейской, бывшей подругой моей мамы. Они вместе раньше в райисполкоме работали, потом мама моя ушла в мир иной, район перевели в Тирасполь, и она перешла работать в райвоенкомат.

Много лет меня не видела, но очень хорошо запомнила. Пожалела, что ушла мама, а потом сказала: «Знаешь, Вася, тебя уже определили в такую-то команду, и недели через две заберут во флот. Я слышала, ты с женой приехал, как же дальше будет? Тебя сейчас призовут, девять месяцев ты будешь служить как бы «даром», а с осеннего призыва — положенные на флоте четыре года. В общем, придется заряжаться на пять лет. А как же будет с женой?»

Я спросил, а что если я уеду опять назад в Казахстан? Я там даже не увольнялся, вроде как в отпуск уехал на два месяца. Работы там сейчас особой нет. МТС ликвидировали, а в колхозе работы пойдут только весной.

Просто так уже уехать нельзя, сказала та женщина, на тебя заведено большое дело, две комиссии, да еще отборочная, курсы, экзамены, решения всякие и т.д. И, тем более, ты уже в команде на отправку!

На мой немой и умоляющий вопрос она все-таки сказала, что решила поставить мне штамп убытия в приписное свидетельство, но в течение недели мы с женой обязательно должны уехать. «А там, на месте, в сельсовете, скажешь, что ездил в отпуск и потерял где-то или оставил его у отца. Но я тебя не знаю и не видела, и ты меня — тоже».

Я поблагодарил ту добрую женщину, и дня через два мы выехали снова в Казахстан. Приехали. Зима, бураны... Я, как ни в чем не бывало, забрал трудовую книжку на автобазе и пошел на работу в бывшую МТС. Она теперь называлась «специализированной ремонтной мастерской». Там я был свой человек — дали мне автомашину, и я как бы продолжил работать после «отпуска».

Прошли весна, лето, наступила осень. Появились объявления о призыве в армию. Всем молодым людям призывного возраста надлежало прибыть в военкомат. Районный военкомат теперь был свой, в райцентре Кос-Истек. Как законопослушный гражданин, я поехал. Но перед этим зашел в наш сельсовет и заявил, что не знаю, где мое приписное свидетельство. Начальник военно-учетного стола, которая меня хорошо знала и видела часто, в течение пяти минут оформила мне новое. Прибыв в военкомат, предъявил его и в общей массе призывников начал проходить медицинскую комиссию.

В военкомате, естественно, не могли найти мою учетную карточку, так как она находилась в Тирасполе. Посчитали, что где-то затерялась при переездах, но виду не подали, сказали позлее, что нашли. На самом же деле выписали новую. Какая мне разница, все равно медицинская комиссия определила меня во флот!

Мне нет необходимости в такие годы говорить неправду, ведь все можно, в конце концов, проверить, но меня призывная комиссия ошарашила уже второй раз в жизни — я первым и единственным в 1959 году из Степного района Актюбинской области был определен во флот!

В тот же день вечером всех, кто прошел комиссию, отвезли в Актюбинский облвоенкомат. Не знаю, как сегодня, а раньше он располагался в центре города, напротив колхозного рынка. На второй день снова была медицинская комиссия уже для всех, прибывших из разных районов. Комиссия не стала мудрствовать лукаво и оставила в силе районный диагноз — флот. Парадокс ситуации состоял в том, что ни из одного района, так как основная территория области — сухие степи и полупустыня, не было кандидатов во флот. Да и вообще, не было, видимо, заказа во флот от этой зоны. Не знаю, кто и что там думал, но я на тот момент был единственным флотским кандидатом от области. Всех тех, кто проходил со мной комиссии и в районе и в области, в течение пары дней распределили по командам и раздали приехавшим за ними «покупателям». Из той партии я остался один. Однако меня никто везти не собирался — все флоты далеко, в разных сторонах от Актюбинска. Так я пробыл в облвоенкомате целых пятнадцать дней.

Призывники приходили, формировались в команды, потом их увозили, а я оставался. Меня сделали за старшего, типа коменданта. Яставлял часовых из призывников, вручал им учебные с просверленными стволами автоматы ППШ, утром строил в одну шеренгу и прогулял на территории военкомата, чтобы собрать окурки и прочий мусор. Ребята меня кормили, потому что все свои запасы продуктовые и денежные я закончил еще в первую неделю. По ночам я отпускал местных актюбинских ребят «прогуляться». Приходили в основном их девушки, я записывал адрес, оценивал «клиента» на увольнение до утра по внешнему виду, и ни разу никто меня не подвел.

Наверно, я так долго бы «служил» в облвоенкомате, все меня уже там знали, если было надо — ругали, был уже кем-то наподобие нештатного работника. Я никому не мешал, наоборот, постоянно помогал, но все равно надо было как-то меня отправить. Я рке подходил к заместителю военкома, просил перекомиссовать в любые сухопутные войска, но он сказал, что никто уже ничего переделывать не будет, жди своего часа.

Наконец, попалась и для меня оказия. На Балтийском флоте был такой крейсер — «Комсомолец Узбекистана» или «Узбекский комсомолец», уже не помню, да это и неважно. Ежегодно на этот крейсер отправлялась команда достойной молодежи для службы на нем. Поезд из Ташкента шел через Актюбинск, и там стоял приличное время. Вот к этой команде меня и прицепили, на флот же едут. Но те узбекские комсомольцы довели меня до Калининграда, там сдали военному коменданту, а сами поехали куда-то дальше. Я же в их команде не числился и не был, наверно, по их мнению, достойным чести служить на их фирменном крейсере. Комендант, посмотрев мои документы, отправил меня на какой-то сборно-пересыльный пункт. На пункте было много людей — призывников, все они были потенциальными моряками, из которых ежедневно формировались группы, которые отправлялись по разным частям Балтфлота. А меня опять неделю никто не брал. Я уже ходил во всем флотском, так как обменял новую телогрейку на бушлат, костюм — на комплект «робы», туфли — на ботинки. Осталась на мне только шапка своя, неплохая кожаная, черная, но не нашлось клиентов на обмен, слишком была большая.

Сидеть без дела я не мог, сам ходил к старшине, просил работу: то сено на замерзшем озере два дня косил для наполнения матрацев и подушек, то помогал на кухне, в общем, делал, что поручали.

Сменялись команды, а я оставался. Но все-таки через неделю вызвали меня на беседу. Приехал капитан третьего ранга, позже я узнал, что он был замполитом учебного отряда подводников. Я даже не знал, что в Актюбинске мне сделали ту же запись, что и в Тирасполе, — «годен на подводные лодки и торпедные катера». Поэтому подводник меня и вызвал. Расспросил, что и как, откуда, где и т.д. А потом сказал: «Знаешь, Вася, я вижу ты уже не пацан, пять лет отработал, медаль имеешь, почетный знак ЦК ВЛКСМ за освоение новых земель, на баяне играешь, я слышал в ленкомнате, ты физически крепкий, нам такие ребята нужны. Но, у тебя жена, маленькая дочка, и каково им будет четыре года без тебя? Да потом служба у нас непростая. Попадешь на атомную лодку, будут проблемы со здоровьем, да и домой вернешься не скоро. Старые лодки сейчас списывают, попадешь на такую — опять вся служба кувыркком пойдет. Даже если будет сокращение армии, а слух такой идет, так тебя, как молодого, не сократят, а будут опять кидать с места на место. Что же с тобой делать?».

Я сказал, что можно направить туда, где хотя бы три года служить, естественно, в рамках флота. Замполит порылся в своей записной книжке и сказал, что есть у него знакомый сослуживец, морской летчик, тоже майор или, как говорят на флоте, «кап-три». Он, дескать, сейчас командует учебной ротой в одной спецшколе, входившей раньше в систему Балтфлота. Сейчас, мол, он ему позвонит и узнает, что и как.

Действительно позвонил, и в итоге трое человек, находившихся вместе со мной на сборном пункте, в сопровождении старшины первой статьи были направлены в Москву, в годичную школу командиров взводов для береговых служб флота. И осталась у меня от флота только буква «Ф» на погонах. Потом и ее убрали — на красном знамени школы был пришит флаг — Военно-морского флота. Еще, правда, начальником школы был капитан первого ранга, старый морской волк. Вот и вся история с моей флотской службой. Проучившись в той школе (она, кстати, находилась в поселке Бирюлево-товарная, а это сегодня уже Москва) четыре месяца, я сдал экстерном экзамены за полный курс, и в связи с тем, что наш командир учебной смены был направлен на учебу, я еще восемь месяцев «доучивал» своих же сокурсников.

Но флот не сдавался. Он пытался меня догнать и позже. Где-то года через четыре я работал освобожденным комсоргом войсковой части и одно время замещал отсутствовавшего помощника по комсомолу в нашем кустовом политотделе. Пригласил меня капитан, начальник особого отдела, и так серьезно произнес: «На тебя, Вася, розыскные документы из нашей конторы пришли, ищут тебя по стране уже пять лет почти. По заявке Тираспольского военкомата. Ищут тебя, как дезертира, сбежавшего из команды, готовой к отправке на флот. И теперь вот нашли. Так что, собирайся, лет пять отсидишь, а потом опять на флот отправят, дослуживать будешь. Сейчас в армию призывать некого, даже девчат брать начали. Так что готовься, дезертир».

Ну, посмеялись. Я ему все, как было, рассказал. Он кратко куда-то отчитался, что я не такой-сякой, и на том уже окончательно моя флотская эпопея закончилась.

Позже я не раз думал, а как бы повернулась моя судьба, если бы я поступил тогда в мореходку? Или пошел бы в подводники? Или в первый или во второй раз? Как бы жил и кем бы стал? И что было бы лучше, по моему мнению?

История не знает сослагательного склонения — «если бы» да «кабы». Значит, так было определено судьбой. Наверняка, я бы стал хорошим моряком, стал же я, как люди говорят, хорошим экономистом. Поменяв море на степь, я всю жизнь учился после московской школы — техникум, потом институт, университет, аспирантура. Профессор, академик. Но, признаюсь, где-то там, в глубине душе, живет моя генетическая страсть к новому, особенно к новым местам, не зря же я пытался стать штурманом дальнего плавания, чтобы постоянно видеть новый мир. За всю жизнь и так довелось многое увидеть, но с земли, а не с моря.

СЕМЬЯ

Семья — это действительно шедевр природы, ее высшая точка эволюционного развития. Ведь паруются не только люди, а и звери, птицы, да и другие живущие на Земле обитатели, в жилах которых тоже струится кровь. Но судьбе было угодно, чтобы семья во всей ее комплексной ценности, не только животно-физически, а осознанно-выраженно-публично-официально-подтвержденно и душевно - обозначенно была только у людей, как высших разумных существ на Земле. Сегодня, особенно российскую семью, пытаются снивелировать, обесценить, растворить в разглагольствованиях о никчемности официальных браков, в демократичных «цивилизованных» отношениях мужчины и женщины, где нет ни стыда, ни совести, ни чести. Помните как поют «честь — это где-то чушь, а где-то лесть», - так это все оттуда, из той зловонной ямы, куда другие уже упали, а теперь нас «цивилизованно» загоняют. Неужели за сотни тысяч лет человечество, выстрадав и определив для себя семью, как основу жизни, как легальный способ развития и воспроизводства, как постоянное обновление корней и веток всеобщего древа жизни, не поняло, что каждая новая воспроизведенная семья - это очередной трамплин, следующая ступень, придуманная природой, но усовершенствованная уже самим человеком, как именно «человеческий» способ продолжения жизни на нашей Земле.

Открывая очередную страницу альбома жизни, мне с одной стороны вроде бы легко и просто, а с другой стороны, довольно сложно открыто говорить о своей собственной семье. Семья наша или ее история заслужила честь быть представленной, как быть, в первую очередь потому, что на момент написания данного рассказа, моей (нашей) семье идет пятьдесят первый год, официально.

В каждом деле всегда есть что-то стержневое, главное, на которое нанизывается все остальное, у нас таким стержнем твердо стоит связка «полвека вместе». Все остальное производное, и не так принципиально.

А начиналось все по-славянски просто. Более двух лет мы с будущей женой, Ниной, дружили. Все в нашем поселке об этом знали, мы были молодыми и радовались жизни, по-человечески. Никаких взаимных интересов, материальных, карьерных, да вообще никаких, кроме того, что мы были нужны друг другу, как люди, как парень и девушка, как будущие навсегда муж и жена, то есть будущая семья. Плохо это или хорошо, сегодня абсолютно не важно, значит так было по жизни надо, чтобы мы встретились и были вместе. Я в то время работал трактористом-комбайнером, Нина — почтальоном. Возможно, мы бы в год нашей свадьбы и не вступили в брак, но я собирался уезжать домой, в Слободзею, а оставлять Нину — уже не имел права. Клянусь всем и всеми, кто у меня сегодня есть — у нас за все время дружбы ничего недозволенного не было, да и быть не могло, мы же люди, а не просто неразумные животные, живущие по инстинкту. Всему в жизни определено свое время, и часто ожидание и предвкушение чего-то бывает не менее приятным, чем то «чего-то» или то, что ты ожидаешь. Через много лет я могу с уверенностью сказать, что в каждом деле, особенно в таком деликатном, как создание семьи, самое главное — почувствовать всем своим существом, надо тебе это или не надо, стоит ли делать такой шаг или не стоит.

Все советы, выгодные расчеты, подсказки и подталкивания молодых друг к другу, все эти браки по расчету, по договоренности, контрактам и всевозможным сделкам для меня лично — простите, чушь собачья, потому что все возвращается в итоге на круги своя, и все то, что надуманно и «по расчету», в абсолютном большинстве случаев, возвращается адом на Земле для тех, кто пошел не по своей дороге и не со своим спутником. Человеку много ведь не надо, это только кажется, что мы все ненасытны. Ковшом черную икру кушать не будешь и коньяк ведрами пить тоже, даже если будешь иметь такую возможность. Женщина, имеющая в своем гардеробе десяток самых дорогих шуб, и вся увешанная с ног до головы золотом, внутри себя (в душе, сознании) всегда будет считаться более «раздетой», чем женщина, у которой одна шуба, обручальное кольцо и пара хороших сережек. А ей больше и не надо, она знает, в чем истинное счастье. Это очень многие понимают, возможно, и не сразу, все зависит от того, насколько человек богат самим собой, внутри себя и способен понять, что же все-таки в жизни главное. Жизнь-то дается человеку один раз.

31 октября 1958 года мы пришли в сельский совет казахстанского села Григорьевка (Ащелисай) и были зарегистрированы, как муж и жена. Регистрацию проводил сам председатель сельсовета в то время Кошарный Федор Кондратьевич. У Нины была проблема с возрастом, не хватало полгода до 18-ти лет, но жили мы вроде ближе к Востоку, где в жены брали девушек от 12 лет и выше, так что эту проблему председатель решил в несколько секунд. Когда мы расписались, и он выписал нам свидетельство о браке, я открыл бутылку водки, налил ему полный стакан, он выпил, понюхал ломоть хлеба, а второй, налитый стакан, поставил на подоконник, накрыл его тем самым куском хлеба и сказал: «Цэ потом!». На этом торжественная часть нашего бракосочетания была окончена. Потом был скромный семейный свадебный вечер, без фазтонов, фейерверков, оркестров и т.п. Наверное потому и провели мы с женой более чем полвека вместе и между нами ни корысти, ни выгоды, ни грубых расчетов и взаимных обвинений не было, нет и теперь уже не будет. У нас есть то, чего купить нельзя за все ценности мира. Не голая горячая любовь и страсть, а неистребимая семейная ценность, то, к чему человечество эволюционировало последние полмиллиона лет, и то, что сегодня усилиями наших внешних и особенно внутренних недругов разжижается и распродается.

Мы начинали семейную жизнь не то что с приданных и резервов, даже не с нуля, а с минуса. С комнаты в 4,5 м2, где стояла солдатская койка, а рядом - плита, на которой, когда она остывала, спала наша дочка. Нам приходилось иногда занимать рубль на билеты в кино, так как в колхозе денег не давали, а только раз в год, по доходу. Не хвалюсь этим, мне обидно и стыдно об этом говорить, но с 15 лет, мне никто даже майку не купил. Мать ушла из жизни, отец женился на другой женщине, я, единственный в семье, вышел на «вольные хлеба» после седьмого класса. Жаловаться было некому, некогда да и незачем. С 4 июля 1954 года, за месяц до моих 14-ти лет, я официально работаю. Время написания данной были — 55-й мой рабочий год. Вот такая основа, такой фундамент нашей семьи. Рыхлый внешне сначала, он оказался на самом деле сверхпрочным.

Нашей семьей как бы начиналась новая эра родового возрождения. Особенно по моей линии. Мои родовые линии до дедов-прадедов были разорваны и уничтожены коллективизацией в начале тридцатых годов двадцатого века. Все движимое и недвижимое имущество

было или отнято (реквизировано), или разграблено. Родственники постарше были разжалованы и разбросаны по лагерям и колониям. А на нас, детей их и внуков надолго было поставлено клеймо «кулак», что было то же самое, что и «враг народа». Причем, нашим предкам это было не следствием каких-то действий, а просто следствием черной зависти своих же односельчан. Именно по их доносам и подставам разгромили наш род, старики от горя ушли на тот свет, молодые от безысходности сломались и тоже отправились за ними. Так я и остался один. Скорее всего оснований быть недовольным властью у меня было в разы больше, чем у тех, кто в те же годы брэнчал под гитару где-нибудь на Арбате и кому не хватало воздуха свободы в Союзе, тем более, что многие из тех «свободолюбивых» знали, что за «бугром» их ждут неважно каким путем, но заработанные на той же «ненавистной» для них власти, деньги. А я хорошо знал, что у меня все отняли уже давно и никто ни копейки мне даром не даст - ни дома, ни за границей. Можно было пойти тоже по пути обид, надевать разных глупостей, но я избрал простой путь рабочего человека, не раба, а работника, и стал постепенно, но целенаправленно строить свою жизнь. Создание семьи и было первым и, возмолшо, самым главным шагом в этом направлении. Я поступил в той ситуации наиболее правильно, вступив в семейную жизнь в 19 лет и без ничего. Во-первых, сразу определилась стратегия дальнейшей жизни. У нас не надо было искать, ходить в мужские компании и делать массу дел, которые при создании семьи просто теряют значение или уходят на другие планы или исчезают вовсе. Меняется время, меняется стиль, меняются все виды отношений, все купируется через призму семьи и уже не распыляет, а концентрирует и мобилизует.

С появлением детей (некоторые умные очень люди расценивают появление детей, как конец свободной жизни, часто употребляя выражение «плодить нищету») семья, настоящая, наоборот радуется, еще более спланивается на решение уже новых задач и с каждым ребенком все больше раскрывается и расцветает. Здесь смеяться не надо, что, мол, чем больше детей — тем больше «расцвет». Поверьте, я знаю, о чем говорю, надо иметь детей столько, чтобы радость от их появления на свет не переросла в ненависть и боязнь. Каждая семья сама решает вопросы деторождения, случайные дети в семье — радость. Но как бы странно это ни звучало, но именно многодетные семьи даже в элементарных (минимальных) социальных условиях более счастливы и благополучны, чем семьи с одним-двумя детьми.

Нам часто приходилось бывать в семьях, где было по 12-13 детей, казалось, с ума можно с ними сойти, а они жили лучше многих. В тех семьях совсем иная внутрисемейная атмосфера, царит взаимоподдержка и выручка, ступенчатое самовоспитание, дисциплина, ответственность и участие всех членов семьи в решении любых задач, без насилия, а на добровольной основе. Там все при деле, друг за друга стоят стеной, чего не скажешь о семьях, где вообще отсутствует частично или полностью все вышеперечисленные достоинства большой семьи. У нас в семье трое детей, все как положено, двое уйдут со временем, зато трое останутся. Нормальное воспроизводство. Все дети выросли, слава Богу, есть пока семеро внуков и одна правнучка. Ну какие наши годы, вырастим еще!

Думаю, после всего сказанного нелишним будет пройтись по членам семьи более предметно, и все лишь не потому, что нас много или мало, хорошие мы или плохие, а даже потому, что нам уже (еще) пошел пятьдесят первый год. А жизнь ведь продолжается, и мы, не теряя надежды, готовы отметить еще не один юбилей!

Начнем с главного действующего лица нашей семьи — Нины Ивановны, по должности жены, по сути — мамы, бабушки, прабабушки и стержневого такого мощного троса, гибкого, но не рвущегося. Она основа. Почти все из нее вышло и потом по жизни помогало. Она, с десяти классами вечерней школы и курсами младших юристов, более тридцати лет занималась колхозными кадрами, одновременно поднимая троих детей, а потом всех без исключения семерых внуков. Благодаря ее такому мощному тыловому (семейному) обеспечению и поддержке, всю свою до сих пор прожитую жизнь, я мог работать и учиться. Во всех моих многочисленных образовательных дипломах, степенях, почетных и научных званиях, есть значительный вклад жены. Она понимала мое желание учиться и совершенствоваться, часто прикрывала от текущих домашних семейных забот, понимая, что учусь и расту я тоже в интересах нашей семьи.

Наша семья стала стартовой площадкой, своеобразным «Байконуром» для детей и внуков. Именно отталкиваясь от такого фундамента, они уходили в жизненный полет. До нас, в наших родительских семьях никто не имел даже среднего-специального образования, сегодня уже все наши дети имеют по одному-два вузовских диплома, работают на солидных работах. Высшее образование имеют две старшие внучки, на подходе третий по возрасту внук, студент юридиче-

ской академии. Так как возрастной разброс между внуками довольно большой, в семье старшей внучки уже есть наша правнучка, самому младшему на сегодня из внуков всего четыре года, а следующим - десять, тринадцать и т.д. Есть нам с бабушкой еще много работы, подымаем внуков, а там и правнуки подрастут. Так что третья семейная волна только начинается. И все-таки еще о семье, как таковой.

Когда я работал на разных постах в районе, республике, в Верховном Совете, приходили на прием многие люди, причем большинство были те, кто или был родственником или бывшим коллегой по работе. Отдельные из них жаловались, что дети мол бросили, теперь некому даже стакан воды подать, а я, знавший всю их жизнь, наверное, не хуже их самих, смотрел на них и думал, а где же вы были раньше? Как вы относились к своим детям, так они с вами и поступают. Когда вы ездили по турпутевкам и круизам, я вымаливал у начальства отпуск и ехал не в Сочи, хотя и имел на это право, менял кабинетное кресло на штурвал комбайна, глотал пригоршнями таблетки и почти сутками косил, потому что трое детей, их надо обустроить, одеть и накормить, да и нас с женой тоже. То, что лучшие капиталовложения это в детей, всем понятно, а попробуй ты с одной зарплаты на пятерых сделать эти самые вложения.

Стыдно говорить, но вот такой, мелкий штрих. Живем в селе, забыли, к примеру, курицу. А у нее — один такой вкусный желудочек, одна печень и одно сердце, слава Богу, что две ножки. А детей-то трое! Так вот пока не вырос наш третий младший сын, мы с женой все тридцать лет, начиная от старшей дочери, этих деликатесов не видели. Нам просто не доставалось, а от детей мы никогда и ничего не прятали. Я, грешным делом, мечтал, вот удастся когда-нибудь, куплю полведра куриных желудочков и...наемся! Смешно, но правда! Когда пришли «изобильные» рыночные времена, я так и сделал, пошел и купил целый брикет и желудочков, и сердец, и т.п. Заставил жену наварить сразу кучу, съел штук пять, плюнул и бросил. Или время прошло и аппетит пропал, или желудки те от суррогатных западных кур такими были.

Всю жизнь мы жили и живем ради детей и внуков. Не на показ, а на генном нашем уровне считаем себя этому обязанными и будем такими, пока будем жить. Дети и внуки нас понимают, они тоже на генном уровне чувствуют это, не зря же у нескольких наших внуков первым в жизни словом было «деда». Это о чем-то говорит.

Семья у нас — самое главное государственное звено, это защитная густая спаянная кольчуга, защита организма России, и любые инсинуации по поводу семьи в газете, на радио, телевидении, навязанная так, вроде бы попутно антисемейная пропаганда в виде свободы регистрации однополых браков и всякой подобной гадости — есть антинародная и антигосударственная пропаганда, чего нам самим и нельзя допускать, ни на общественном, ни на бытовом уровне. Семья — это действительно шедевр природы вообще.

НЕ ИМЕЙ СТО РУБЛЕЙ...

Не имей сто рублей, а имей сто друзей», - говорили в старину. Позже «сто друзей» заменили на «сто тысяч». Сегодня от этой поговорки осталось собственно ничего, ни количественной составляющей, что там те сто рублей, даже сто тысяч, да и качественная часть выражения испарилась, выветрилась, что делать — «ничего личного», только бизнес, а в нем — ни друзей, ни родственников, только выгода, выгода, выгода. Этот принцип, вернее беспринципность, культивируется в нашем обществе все круче и есть реальные опасения, что выйдя за предельные рамки дозволенного, такие подходы поставят крест и на самом обществе.

Это сегодня, а мы продолжаем листать простую, обычную и все же удивительную книгу жизни, и откроем страницу, где как раз идет речь о людях, наших друзьях, с которыми волею судьбы приходилось пересекаться по жизни, контактировать по разным вопросам, и насколько это оказалось полезным для нашей семьи. Абсолютно бескорыстная человеческая дружба, когда ты кому-то просто близок и приятен, как человек, и у тебя все это тоже взаимно — вот одна из вершин человеческого счастья. Ты никому ничего не должен и не обязан, и тебе тоже никто ничего не должен - вот основа настоящей дружбы между людьми. Все остальное — лишь производное от этого базиса. Много лет назад у нас появились проблемы со здоровьем жены, особенно в зимние периоды. В Казахстане, в северной его части, «зимние» периоды — это холод, бураны, бездорожье. В нашем селе был свой фельдшер Мартын Мартынович Вибе, он был на голову выше любого районного врача и без всяких анализов говорил, что у жены проблемы с почками. Но районные доктора это отрицали и при очередном приступе, когда я привозил ее в район на машине, в сопровождении гусеничных тракторов, в страшнейшие бураны, обязательно что-нибудь у нее выщипывали или удаляли, то аппендикс, то какую-нибудь кисту и т.п. Дошло до того, что хорошо знакомый мне хирург, главврач районной больницы, после очередной операции заявил мне, что знает мою жену лучше, чем я. То, что он вообще ниче-

го не знает, несколько позже убедились все. За многие случаи почти окончательных приступов, когда жена уже была на грани самого плохого, в райбольнице, оказывается, даже не удосужились сделать снимки почек, хотя бы для того, чтобы убедиться, что с ними все в порядке. То у них аппарат не работал, то пленки не было, то рентгенолога, то головы у кого-то, неважно. А я продолжал возить туда жену при очередном приступе. Это перешло в такую стадию, что и жена, и мы начали бояться очередного приступа как последнего.

И вот в мае семьдесят четвертого года я как раз в понедельник должен был ехать в Москву на сессию, а в субботу вечером позвонил Каструбин Г.И., председатель колхоза, предложил поехать с ним на реку Урал и посадить там бахчу, для себя. Территория нашего колхоза не выходила к реке, но соседний колхоз «Доброволец» выделил нам целый остров на реке, который по карте отходил к Казахстану и числился за соседним колхозом. Собственно, это был полуостров, весной его вода вообще весь заливала, потом уходила, оставляя с нашей стороны небольшую протоку, делающую выступ островом, а летом вода высыхала, и полуостров становился доступным для техники и пригодным для посевов и посадок. Почва была лессовая супесь, с севера территория омывалась Уралом, за рекой уже была Россия. То было идеальное место для посадки бахчи. Арбузы, дыни, тыквы там росли превосходно, для этого были все условия. Мы даже не всегда могли убирать весь урожай, и после нашей уборки там еще лакомилась треть расположенного на правом берегу города Новотроицка.

Вот туда мы и поехали с председателем в воскресное утро, прихватив с собой семена бахчевых и четыре сапы, так как ожидалось еще двое гостей из города Орска. Приехали на Урал, встретились с городскими гостями. Один был хорошо знакомый мне Горожанов Михаил Максимович, представитель одного из крупных орских заводов, второго я видел впервые, он назвался Рудольфом Рудольфовичем. Посадили бахчу, разместились на берегу, май, тепло, трава зеленая. Сидим, закусываем, обмениваемся новостями и впечатлениями. Я спросил Рудольфа, почему он не пьет? За рулем, говорит, а через город ехать. А ты чего не пьешь, спрашивает, не из-за того же ведь, что тоже за рулем, кто тебя в этих горах остановит? Да, говорю, мне ехать завтра, с женой не все в порядке, и дома трое детей. И тогда он говорит - я главврач одной из орских больниц, ты привези ко мне жену, я ее просмотрю, может, что-то определим. Вот что такое судь-

ба. Не пригласи меня председатель на посадку бахчи, я бы не поехал, не будь знакомым моим Горожанов, а он в свою очередь знакомый с Рудольфом — мы бы никогда и не встретились. Сейчас даже страшно подумать, как бы развивались события, если бы все было не так.

Недолго думая, я рано утром в понедельник отвез жену в Орск, к Рудольфу Рудольфовичу Пиддэ, он работал главврачом туберкулезной больницы в старом городе, оставил ее там, а сам уехал в Москву. Уже в институте меня нагнала срочная телеграмма с просьбой немедленно появиться в Орске, жене необходима сложная операция. На второй день я был там, взяв академический отпуск в институте. Ситуация была сложной. Пиддэ Р.Р., сам рентгенолог, сделал в своей больнице снимки почек жены, и оказалось, что вместо правой почки у нее огромный камень — коралл, заполнивший все почечное гнездо. В городе Орске еще тогда была довольно разумная специализация среди заводских больниц, одни занимались чистой хирургией, и к ним везли нуждающихся со всех заводов, другие занимались урологией и т.д. Пиддэ отвез жену в другую больницу, где главврач Шиянов А.Н. был прекрасным урологом и сам оперировал по этому профилю. Он только посмотрел снимки, сразу же положил жену в больницу, сделал анализы и стал готовить к срочной операции, а затем вызвал меня. Операция прошла успешно, мы получили в подарок огромный серый коралл, чуть не стоивший жене жизни. По словам Шиянова, вся нечисть уничтоженной почки начали поступать и в здоровую, и жить жене оставалось месяц-полтора...

Вот вам и бахча, вот вам и наш районный главврач, не удосужившийся за столько лет даже снимок почек сделать, а вырезавший каждый раз какую-то мелочь, как поганый телемастер из первых наших телевизионных лет. Слава Богу, все обошлось. Нет на свете уже ни Каструбина, ни Горожанова, ни Пиддэ, ни Шиянова, а жена, благодаря им живет, и мы с ней будем благодарны этим людям, сколько будем жить. Они того достойны.

А вы говорите «ничего личного — только бизнес» - да провались он пропадом тот бизнес без хороших людей рядом.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	5
Года мои.....	7

КНИГА ПЕРВАЯ

Непотерянный век?!	8
Предки	14
Голубой огонек.....	20
Оккупация	25
Возвращение	31
Голод	34
Рождественские праздники	40
«Тахир и Зухра».....	45
Как я не стал акробатом.....	50
Паромные истории	54
«Браконьеры»	58
«Мечь».....	63
Школа	68
Эхо войны	73
Примарь.....	78
Гармонист	81
Город родной	89
Тунеядцы	94
Хлеб.....	99
Змий зеленый.....	108
Высохшая память	118
Начало	126
Стрижка овец	144
В волчьей осаде	151
Прицепщики	161
Мужской стриптиз	168
Свежее решение	175

Не судьба.....	179
Двое суток командира взвода.....	185
Сила примера.....	196
Случай в ресторане	211
Подлость.....	216
Орденосец	221
Заглада	224
Боцман Бугай.....	229
Победа во имя победы	237
Доска почета	247
Картина	252
Награды и награждаемые	256
Просто случай.....	261
Голова	266
«Бугумбайский Прометей»	275
Китаец.....	281
Авторитет	286
«Коммивояжер».....	290
«Участник» трех войн.....	294
Карим.....	298
Болельщики.....	303
Коммунизма у нас не будет.....	313
Секретарь обкома	320
Не можешь — не берись.....	323
Хождение за три границы, или... путешествие на тот свет. . . .	329
Очередь	342
Собрания	347
Выстрел.....	352
Пистолет.....	356
Пирожки.....	359
Добрый человек	362
Частушки.....	365
Мартын Мартинович	369
Сосед.....	373
Какой сегодня праздник?.....	376
Сериалы.....	380
Позор победителей.....	383

КНИГА ВТОРАЯ

Казачество и власть	394
Партизан.....	428
Веники из-за рубежа	484
Памятное знамя	506
Как жить без коммуны.....	516
Нафталиев	528
Патриоты.....	538
Глубинка.....	548
Вокруг леса	557
Причащение	575
Человеческий фактор	581
Казачи на память	586
Выборы	589
Лекарство от воровства.....	598
Диалектика.....	606
Правила — для правильных?	611
Бунт.....	621
Студенты	627
Бюст Сталина.....	634
Национальная гордость	638
Призыв	646
Перст судьбы	651
Пивная мозаика	660
Водка.....	671
Кто на старенькую!	677
Захочешь — найдешь	683
Сафари.....	692
Диплом	702
Халтура	707
Воле.....	719
Водовозы.....	732
Рыба в степи	741
Рай для изгоев.....	756
Медео.....	766
Бухгалтер	773
Провокатор	781

Жажда	786
Бирюлево не Щербани	790
Дом пыток	800
Радио.....	803
Статистика	810
Минимум по немецкому	814
Атланты и арлекины	820
Чудеса	827
Волки.....	831
Буран и деньги	838
Не плюй в колодец	846
Яблоки на снегу	850
Зов моря.....	855
Семья	864
Не имей сто рублей	871

Гурковский В.А.

Академия жизни

(очное отделение)

Редакторы В. Масленников,
Н. Тимофеев. Корректор С.
Мельник. Оригинал-макет В.
Савельев, М. Буиских.

Подписано в печать 24.06.2009 г. Формат 60х84 1/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 51,15. Тираж 500 экз. Заказ 60.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Литера».

MD-3300, г. Тирасполь, ул. Котовского, 6.

Тел. +373 (533) 7-39-49, 7-21-54

E-mail: literal@idknet.com

